ПУТЕШЕСТВІЕ

АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ

ВЪ РОССІЮ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА,

описанное его сыномъ, архидіакономъ

Павломъ Алеппскимъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО

Г. Муркоса.

(По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

(Отъ Алеппо до земли казаковъ).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича дважды пріѣзжалъ въ Россію антіохійскій патріархъ Макарій, родомъ арабъ изъ города Алеппо, въ первый разъ для сбора пожертвованій, во второй—десять лѣтъ спустя—по приглашенію царя для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первый пріѣздъ съ нимъ былъ его родной сынъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который, по просьбѣ одного изъ своихъ дамасскихъ друзей, какъ онъ объясняетъ во введеніи, составилъ подробное и чрезвычайно любопытное описаніе трехлѣтняго путешествія своего отца.

Человѣкъ весьма любознательный и начитанный, хотя лишенный правильнаго образованія, Павелъ Алеппскій въ своихъ запискахъ касается всего, что могъ видѣть и слышать во время своего продолжительнаго путешествія: описываетъ страну, нравы и обычаи жителей, селенія и города, замѣчательныя зданія, по преимуществу церкви и монастыри, торжественныя служенія, въ коихъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ, пріемы и пиры при дворахъ, политическія событія, которыхъ былъ свидѣтелемъ или о которыхъ могъ знать по разсказамъ другихъ, и мимоходомъ даетъ яркую характеристику государей и политическихъ и церковныхъ дѣятелей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе его отецъ-патріархъ. Восьмимѣсячное пребываніе ихъ въ Молдавіи совпало съ однимъ изъ интереснѣйшихъ происшествій въ исторіи этой страны: паденіе господаря Василія Лупула, сопровождавшееся междоусобной войной, въ которой погибъ зять его, Тимоѳей Хмельницкій, сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго, нашло себѣ живого разскащика въ лицѣ очевидца этихъ событій, Павла Алеппскаго, повѣствованіе коего, по словамъ

Костомарова, представляетъ единственный источникъ для изученія тогдашнихъ отношеній Малороссіи къ Молдавіи. Въ Россію дамасскіе путники попали въ самую цвѣтущую пору царствованія Алексѣя Михайловича, когда онъ велъ счастливую войну съ Польшей и когда патріархъ Никонъ, достигнувъ высшей степени могущества, приступилъ къ устроенію церковныхъ дѣлъ, въ чемъ весьма желаннымъ являлось для него авторитетное содѣйствіе святителя древнѣйшей изъ восточныхъ патріархій. [1]

Самая значительная часть сочиненія Павла Алеппскаго занята описаніемъ долговременнаго пребыванія его съ отцомъ въ Россіи и разсказами о событіяхъ, происходившихъ въ ней около того времени. По полнотѣ и разнообразію содержанія, это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ о Россіи средины XVII вѣка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ записки тогдашнихъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Послѣдніе являлись въ Россію по большей части въ качествѣ пословъ на короткое время и по необходимости ограничивали свои наблюденія одною внѣшнею стороной гражданскаго быта. Какъ иновѣрцы, они съ предубѣжденіемъ смотрѣли на богослуженіе и уставы нашей церкви, только отчасти, изрѣдка могли видѣть одни обрядовыя дѣйствія, совершенно отличныя отъ усвоенныхъ ихъ церковью и потому казавшіяся имъ странными и безсмысленными. Съ другой стороны дворъ московскій всегда очень недовѣрчиво смотрѣлъ на иноземныхъ пословъ: подъ видомъ почета къ дому посла приставлялась стража, которая получала тайный наказъ слѣдить за дѣйствіями чужеземцевъ и обо всемъ доносить; горожанамъ строго воспрещалось входить въ разговоры съ прислугой посольства. Такимъ образомъ послы почти

---

[1] Патр. Макарій, въ бытность свою въ Москвѣ, участвовалъ на соборѣ 1655 г., который былъ созванъ для исправленія богослужебныхъ книгъ и на которомъ занимались разсмотрѣніемъ древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописей. Къ нимъ патр. Макарій присоединилъ свой служебникъ, на греческомъ и арабскомъ языкахъ, по коему былъ исправленъ нашъ, и другія книги. Объ этомъ служебникѣ, разсмотрѣнномъ мною въ Ватопедскомъ греческомъ монастырѣ на Аѳонѣ и неизвѣстно какъ туда попавшемъ, см. мою статью: „О служебникѣ Антіохійскаго патр. Макарія, находящемся на Аѳонѣ“ во II томѣ Трудовъ Восточной Коммиссіи Императорскаго Моск. Археол. Общества, 1895 г. Въ этой статьѣ приведены въ арабскомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ предисловіе и помѣщенная въ концѣ служебника любопытная дарственная запись (то и другое писано на одномъ арабскомъ языкѣ), подписанная рукою самого Макарія и датированная 7155 годомъ отъ сотв. міра.

ни съ кѣмъ не могли вступать въ непосредственныя сношенія, кромѣ сдержанныхъ и скрытныхъ бояръ и дьяковъ Посольскаго Приказа. Ко двору послы являлись по пріѣздѣ съ дарами отъ своихъ государей и при этомъ случаѣ дворъ царскій облекался въ торжественность, чтобы не уронить себя въ глазахъ иноземца отсутствіемъ величественности. Вообще можно думать, что европейцы, во время пребыванія въ Россіи, дѣлали свои наблюденія и разспросы только украдкой, случайно, дворъ видали всегда въ праздничномъ уборѣ, но будничная, ежедневная жизнь царя и вельможъ оставалась для нихъ сокрытою.[1]

Не таково было положеніе Павла Алеппскаго. Патріархъ пріѣхалъ за сборомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, отличавшемся необыкновенною набожностью и особымъ уваженіемъ къ духовенству. Патріархъ Никонъ, для достиженія своихъ намѣреній, имѣлъ нужду въ сомысліи восточныхъ патріарховъ, а потому заискивалъ въ нихъ и принялъ Макарія съ почтительнымъ радушіемъ. Кромѣ высокаго сана своего, какъ лицо духовное, Макарій, и какъ человѣкъ, видимо пришелся царю весьма по сердцу, и его спутникъ и родной сынъ, Павелъ Алеппскій, могъ знать не только то, что самъ видѣлъ и слышалъ, но и многое изъ того, что было говорено съ глаза на глазъ между царемъ, Никономъ и патріархомъ Макаріемъ. Какъ лицо духовное, Павелъ имѣлъ возможность всюду свободно ходить и ѣздить; зная греческій языкъ, могъ слышать многое отъ грековъ, мірянъ и духовныхъ, постоянно или подолгу жившихъ въ Москвѣ; какъ православнаго, его живо интересуютъ наши церковные обряды и служенія, которыя онъ имѣлъ случай близко видѣть, самъ нерѣдко участвуя въ нихъ въ качествѣ архидіакона пріѣзжаго патріарха, и надо видѣть, съ какимъ умиленіемъ и даже изумленіемъ то-и-дѣло говоритъ Павелъ о глубокой набожности русскихъ, о необычайномъ терпѣніи ихъ въ отстаиваніи продолжительныхъ служеній, которыя доводили до полнаго изнуренія восточныхъ гостей, къ нимъ очевидно непривычныхъ и не видавшихъ ничего подобнаго у себя на родинѣ.

Арабскій подлинникъ этого любопытнаго и важнаго въ историческомъ отношеніи произведенія Павла Алеппскаго доселѣ не

---

[1] Множество интересныхъ подробностей о томъ, какъ русскіе скрывали отъ иностранцевъ самыя заурядныя вещи и какъ нарочно объясняли имъ все неправильно, см. въ статьѣ проф. Брикнера: „Россія и иностранная печать въ XVI—XVII ст.“.

напечатанъ. Въ тридцатыхъ годахъ, по порученію Комитета Переводовъ съ восточныхъ языковъ въ Лондонѣ, оно было переведено на англійскій языкъ Бельфуромъ, членомъ Королевскаго Азіятскаго Общества Великобританіи и Ирландіи, по рукописи, вывезенной съ востока въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Переводъ появлялся выпусками (въ теченіе 1829—1836 г.), которые потомъ составили два тома. Англійскій переводъ не вездѣ точенъ [1] и неполонъ: Бельфуръ,

---

[1] Приведемъ нѣсколько примѣровъ неточности этого перевода изъ числа собранныхъ въ нашей статьѣ: „Нѣкоторые курьезы англійскаго перевода Путешествія антіохійскаго патріарха Макарія...“, помѣщенной въ сборникѣ статей по филологіи и лингвистикѣ, подъ заглавіемъ ΣΥΜΜΙΚΤΑ, въ честь проф. Θ. Е. Корша.

1) ʾиδ кунту—бнан ṭабиʿӣjан.
Я... былъ роднымъ сыномъ.
I... was natural son.
(Я... былъ побочнымъ сыномъ.)

2) λā ʾawḥаша—ллаḥу мин лаṭāфати наѓматиḥим.
Да не лишитъ насъ Богъ пріятныхъ ихъ (колоколовъ) звуковъ!
May God not be startled at the noisy pleasantness of their sounds!
(Да не тревожится Богъ при шумной пріятности ихъ звуковъ!)

3) ʾинна каһанатаһум таχружу ḳуддāма-λ-мансири.
Ихъ священники являются главарями разбойничьихъ шаекъ.
Their priests are carried out to execution.
(Ихъ священниковъ выводятъ на казнь.)

4) өумма ʾаḥдару лит-трāбӣδā мāʾидатан кабӣратан мин сāʾири-т-таʿāмāти өумма салӣḳатан.
Они (родственники усопшаго) доставили къ трапезѣ множество всевозможныхъ яствъ съ кутьей.
... by bringing to the table a large tray of all kinds of meats with boiled flesh.
(... доставивъ къ столу длинный рядъ блюдъ всякаго кушанья съ вареным мясомъ.)

5) өумма jаḥтауу ʿаλа сāʾири χазāʾинихи wa jаḳтулӯһу.
Овладѣли бы его (Василія) сокровищами, а самого убили.
... and dragging him down into a cellar, should put him to death.
(... и затащивъ его въ подвалъ, предали бы смерти.)

6) wa ʿаммāл(у) (б)-jактубу рижāλан ʾajдан.
Онъ набираетъ еще новыхъ людей.
He employed himself in writing to the people.
(Онъ занимался тѣмъ, что писалъ къ народу.)

какъ иновѣрецъ, затруднялся и скучалъ переводомъ нерѣдкихъ у нашего автора описаній церквей и церковныхъ служеній и по большей части ихъ выпускалъ. При всемъ своемъ несовершенствѣ переводъ Бельфура остается до сихъ поръ единственнымъ источникомъ, по которому незнающій арабскаго языка можетъ ознакомиться съ записками Павла Алеппскаго. Появленіе въ свѣтъ этого перевода послужило въ свое время поводомъ къ составленію г. Савельевымъ статьи, которая была напечатана въ *Библіотекѣ для Чтенія* 1836 г. Авторъ ея, имѣвшій въ рукахъ очевидно только первые пять выпусковъ Путешествія (всѣхъ было девять), пересказываетъ содержаніе ихъ своими словами, приводя въ переводѣ выдержки наиболѣе любопытныхъ мѣстъ. Впрочемъ, съ самаго начала г. Савельевъ впалъ въ странное заблужденіе, смѣшавъ первое путешествіе патріарха Макарія, описанное Павломъ, со вторымъ, и ожидалъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ найти описаніе суда надъ патріархомъ Никономъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ от. Димитрій Благово предпринялъ было переводъ записокъ Павла съ англійскаго, но, переведя лишь половину перваго выпуска, не продолжилъ своего труда, который началъ печататься въ *Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ* за 1875 г. Около того же времени появилась въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1876 г. статья г. Аболенскаго, составленная на основаніи пе-

---

7) wa jatadaḥḥūna fi-l-kuddāsi.
Поздно начинаютъ обѣдню.
... and dine during the mass.
(... и обѣдаютъ во время литургіи.)

8) wa kānu jadʿūna lahu wa li-šabābihi.
Призывали благословеніе Божіе на него и его молодость.
They used to call him Welishbaba.
(Они обыкновенно называли его *Велишбаба*.)

9) bāraka ʿalajhi sajjidunā-l-batraku wa bāraka lahu fi-ntiṣābihi.
Нашъ владыка патріархъ благословилъ его и поздравилъ съ возшествіемъ на престолъ.
Our Lord the Patriarch blessed him, as he stood erect.
(Нашъ владыка патріархъ благословилъ его, когда онъ стоялъ.)

10) fa rāḍūhu ʿan mīrāθi matta.
Постарались удовлетворить ихъ (турокъ) за наслѣдство Матвѣя.
They granted them the inheritance of Matthi.
(Они уступили имъ наслѣдство Матвѣя.)

ревода Бельфура и озаглавленная: *Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго.* Соловьевъ, митр. Макарій, Костомаровъ («Богданъ Хмельницкій»), Бѣлокуровъ («Арсеній Сухановъ») также пользовались записками Павла[1].

Давно интересуясь и занимаясь этимъ памятникомъ, изъ котораго нами напечатано въ переводѣ нѣсколько отрывковъ,[2] мы возымѣли намѣреніе перевести его вполнѣ и издать вмѣстѣ съ арабскимъ текстомъ, но встрѣчаемъ пока препятствіе къ выполненію своего намѣренія. Въ Россіи имѣются три списка Макаріева путешествія: одинъ въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и два въ Петербургѣ, въ Учебномъ Отдѣленіи при Азіятскомъ Департаментѣ и въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда списокъ поступилъ вмѣстѣ съ другими рукописями Преосв. Порфирія Успенскаго. Что касается здѣшней рукописи, списанной съ дамасской рукописи 1700 г., то въ ней, какъ оказывается, пропущено съ самаго начала описаніе переѣзда изъ Алеппо по Анатоліи и

---

[1] Этимъ памятникомъ пользовались авторы слѣдующихъ статей, помѣщенныхъ въ *Кіевской Старинѣ*:

1) „Историческія замѣтки о Кіевѣ“ П. Л—ва (о пребываніи у митрополита Сильвестра Коссова въ 1654 г.). Окт. 1884 г.

2) Того же автора: „Софія, Премудрость Божія, въ иконографіи сѣвера и юга Россіи“ (о храмовой иконѣ Софійскаго собора). Дек. 1884 г.

3) С. Голубева: „Древнія и новыя сказанія о началѣ Кіевской Академіи“ (о портретахъ восточныхъ патріарховъ въ домѣ Сильвестра Коссова). Январь 1885 г.

4) „По вопросу о началѣ Кіевской Академіи“ (о тѣхъ же портретахъ), П. Л. Февраль 1885 г.

5) П. Лебединцева: „Кіево-Печерская Лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи“ (описаніе лавры и ея порядковъ). Іюнь 1886 г.

6) Въ той же статьѣ: о пещерахъ. Августъ.

[2] А именно: Празднованіе вербнаго воскресенья въ Москвѣ, Церковное служеніе въ среду и четвергъ на страстной седьмицѣ, Чинъ омовенія мощей въ великую пятницу, Церковное служеніе въ Свѣтлое воскресенье и отрывокъ, помѣщенный въ майской книжкѣ Русскаго Обозрѣнія за 1895 г., въ которомъ описывается совмѣстное служеніе Макарія и патр. Никона въ воскресенье Православія въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича; при этомъ служеніи произошелъ печальный актъ осужденія Никономъ двуперстнаго крестнаго знаменія, а также „оба патріарха, какъ разсказываетъ Павелъ, предали анаѳемѣ и тѣхъ, кто станетъ изготовлять подобные (франкскимъ) образа, и тѣхъ, кто будетъ держать ихъ у себя“, при чемъ въ обоихъ случаяхъ Никонъ сослался на свидѣтельство Макарія.

пребыванія въ Константинополѣ, но зато вставленъ перечень антіохійскихъ патріарховъ со времени перенесенія каѳедры въ Дамаскъ съ жизнеописаніемъ патріарха Макарія до вступленія его на патріаршій престолъ.[1]

Получивъ, благодаря обязательной любезности Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Императорской Публичной Библіотеки, какъ Порфирьевскую рукопись, такъ и рукопись Учебнаго Отдѣленія (которому считаемъ долгомъ принести нашу глубокую благодарность за предоставленіе намъ возможности пользоваться ею при нашихъ занятіяхъ рукописью М. Гл. Арх. М. Ин. Д.), мы нашли ихъ во всемъ согласными съ здѣшней; поэтому предположенное нами изданіе текста невыполнимо до полученія лондонской рукописи, въ коей, судя по переводу Бельфура, и описаніе обратнаго пути патріарха Макарія изложено гораздо полнѣе чѣмъ въ нашихъ.

Не желая однако откладывать печатаніе своего перевода, мы пополняемъ упомянутый пропускъ по англійскому переводу, опустивъ помѣщенную вслѣдъ за введеніемъ вышеуказанную вставку, которая нами тоже переведена и будетъ напечатана отдѣльно съ особымъ изслѣдованіемъ. Хотя арабскій подлинникъ не имѣетъ дѣленій, находящихся въ переводѣ Бельфура, тѣмъ не менѣе мы приняли ихъ ради удобства и въ соотвѣтствіе съ частью, переведенной съ англійскаго. Кромѣ того, для пополненія своего перевода съ арабскаго, заимствуемъ у Бельфура нѣкоторыя, немногія впрочемъ, мѣста, отдѣляя ихъ прямыми скобками для отличія отъ остальнаго текста.

Знаменитый оріенталистъ Сильвестръ де-Саси въ цѣломъ рядѣ небольшихъ статей объ англійскомъ переводѣ Путешествія Макарія, печатавшихся въ *Journal des Savants* по мѣрѣ появленія выпусковъ Бельфурова перевода, даетъ въ высшей степени цѣнныя исправленія какъ собственныхъ именъ, такъ и греческихъ и иныхъ

---

[1] Ранѣе этого онъ былъ митрополитомъ Алеппскимъ и назывался Мелетіемъ, при чемъ носилъ титулъ *каѳоликоса*, который, сколько намъ извѣстно, никогда не давался епархіальнымъ архіереямъ, но былъ исключительно присвоенъ іерархамъ, находившимся внѣ предѣловъ Византійской имперіи и самостоятельно управлявшимъ своею церковью. См. объ этомъ мою статью: „О рукописномъ сборникѣ XVII в. (принадлежавшемъ извѣстному нѣмецкому оріенталисту Равіусу) на разныхъ восточныхъ языкахъ изъ собранія графа А. С. Уварова“ (Древности Восточныя Импер. Моск. Археол. Общ., т. I, вып. II, 1891).

словъ, искаженныхъ арабскимъ авторомъ или не понятыхъ англійскимъ переводчикомъ. Нельзя не удивляться обширной эрудиціи и глубокой проницательности высокоталантливаго оріенталиста, если принять во вниманіе, что онъ дѣлалъ эти поправки, не имѣя подъ руками арабскаго текста. Его указаніями мы пользовались также при нашихъ исправленіяхъ.

Г. Муркосъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Бога. Аминь.

Хвала Богу, который украсилъ небеса, утвердивъ ихъ безъ столповъ, распростеръ землю, назначивъ ее обиталищемъ для своихъ рабовъ, и размножилъ сыновъ Адама такъ, что они сдѣлались несчетными народами, расплодились по землѣ, построили села, города и столицы во всѣхъ климатахъ, странахъ и концахъ ея, на югѣ и сѣверѣ, востокѣ и западѣ. Будемъ же воздавать Ему хвалу, приличествующую Его владычеству и достойную Его божественности, всегда, во всѣ времена, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.

Я, убогій рабъ и изъ всѣхъ людей наиболѣе нуждающійся въ милости Господа моего, по имени Павелъ архидіаконъ, православной вѣры, родомъ изъ Алеппо, былъ роднымъ сыномъ всечестнаго, святѣйшаго, возвеличеннаго и всемилостиваго отца киръ киръ Макарія, патріарха антіохійскаго, сына въ Бозѣ почившаго священника Павла, сына священника Абдулмасиха (Христодула) Альпроксъ, извѣстнаго подъ прозвищемъ Бейтъ Аззаимъ. Я былъ воспитанъ при отцѣ, въ тѣсной привязанности къ нему, и ничье общество не было для меня сладостнѣе его общества, съ того времени какъ я, отторгнутый отъ груди матери моей ея кончиной, былъ обреченъ на горе и печали и кромѣ отца не имѣлъ никого, предъ кѣмъ бы могъ изливать свои огорченія. Я непрестанно питался пищей его оживляющихъ словъ и утолялъ жажду водой его освѣжающихъ наставленій, подчиняясь ему во всемъ и слѣдуя за нимъ безотлучно и неотступно, гдѣ бы онъ ни былъ и когда бы то ни случилось.

Сначала онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита алеппскаго и оставался имъ въ теченіе 12 лѣтъ, а потомъ вступилъ на священный патріаршій антіохійскій престолъ Св. Петра, пребывающій теперь въ сирійскомъ городѣ Дамаскѣ. Во все это время непрестанно занимался онъ устроеніемъ церковныхъ дѣлъ, держа бразды правленія съ твердой разсудительностью и непреклонной рѣшимостью, пока рука Провидѣнія не направила его къ посѣщенію отдаленныхъ странъ, селеній и острововъ, не съ цѣлью ихъ осмотра и прогулки, или въ ка-

чествѣ гостя, но по нуждѣ, по причинѣ трудныхъ и стѣсненныхъ обстоятельствъ. Поѣхалъ онъ противъ воли, не по собственному хотѣнію, а потому, что долги, тяготѣвшіе надъ упомянутымъ престоломъ и перешедшіе отъ временъ покойнаго патріарха, хорошо извѣстнаго киръ Евѳимія Хіосскаго, удвоились, возросши отъ прибавленія большихъ процентовъ. Паства его престола была не въ состояніи уплатить этихъ огромныхъ долговъ. Тогда онъ впалъ въ раздумье, и удрученный горемъ при видѣ такой бѣды, скорбѣлъ душой, ища избавленія отъ этой горькой неволи, но не нашелъ иного средства, никакой помощи съ чьей-либо стороны, ни иного способа, какъ, подобравъ полы съ ногъ старанія, сѣсть на коня трудовъ и усилій. Онъ вознамѣрился направиться по славной и трудной дорогѣ, идти по тягостнымъ тропамъ къ оазисамъ съ пріятной водой и къ великимъ и полноводнымъ морямъ, т.-е. къ обладателямъ высокихъ совершенствъ и драгоцѣнныхъ качествъ, прибѣжищу просящихъ и покрову умоляющихъ, къ могущественнымъ и побѣдоноснымъ царямъ, къ благочестивымъ князьямъ и правителямъ, славнымъ своей истинною религіей и правою вѣрой (да продлитъ Богъ ихъ могущество и да увѣковѣчитъ ихъ владычество, да укрѣпитъ ихъ бытіе и да утвердитъ навсегда ихъ созвѣздія на высокомъ небосклонѣ!), дабы испросить отъ обилія ихъ щедротъ и милостей того, чѣмъ бы онъ могъ уплатить свои долги и что помогло бы ему поддержать свою вѣру. Тогда я разсудилъ за благо быть ему спутникомъ и раздѣлять съ нимъ труды и тягости путешествія и дороги. Съ Божіей помощью мы изготовились и порѣшили двинуться въ путь.

Въ это время одинъ выдающійся человѣкъ изъ моихъ пріятелей и любезныхъ друзей, неподдѣльно искренній въ любви и пріязни ко мнѣ, братъ благородный, образованный, совершенный и достославный, рѣдкость своего вѣка и времени, единственный своего столѣтія и эпохи, діаконъ Гавріилъ, сынъ покойнаго Константина, золотыхъ дѣлъ мастера, исполненный совершенства и превосходнѣйшихъ качествъ, чрезвычайныхъ познаній и глубокаго образованія, выразилъ мнѣ сильное желаніе, чтобы я составлялъ записки, кои заключали бы въ себѣ обстоятельства нашего отправленія и путешествія, день за день, безъ исключенія, во все время нашего отсутствія, чтобы я описывалъ всѣ событія странъ, по которымъ мы будемъ проѣзжать, дабы всѣ могли провѣрить то, что слышали о нихъ по указаніямъ и намекамъ повѣствованій. Я извинялся передъ нимъ недостаткомъ силъ для подобной работы, тѣмъ болѣе, что я самъ нуждаюсь въ необходимыхъ для нея средствахъ: въ умѣньи составлять и связывать реченія, упо-

треблять слова съ грамматическою точностью и красиво располагать фразы по образцу достопочтенныхъ и славныхъ мастеровъ науки. Я просилъ его избавить меня отъ непосильнаго труда, въ особенности потому, что мы будемъ путешествовать съ затрудненіями и поспѣшностью. Онъ не принялъ этого извиненія и, повторяя безпрестанно свое желаніе, настоялъ на его исполненіи.

Тогда я возбудилъ свою слабую энергію и протянулъ къ цѣли нерѣшительныя руки не для того, чтобы занять мѣсто въ ряду историковъ, но чтобы подтвердить многочисленные факты, кои отрицались, когда ихъ передавали, и коимъ никто не вѣрилъ, думая, что люди, ихъ излагающіе и передающіе, сообщаютъ вздорныя вещи. Такъ думали, пока я не провѣрилъ точно всего, что встрѣчалось моимъ взорамъ во время нашего путешествія по христіанскимъ странамъ, или видя вещи собственными глазами, или слыша о нихъ своими ушами, такъ что ихъ правдивость стала для меня несомнѣнною не только отчасти, но и въ полной совокупности. Итакъ, мы будемъ разсказывать все, что подтвердилось въ нашихъ глазахъ въ продолженіе путешествія и пребыванія нашего въ разныхъ странахъ до возвращенія на родину.

Съ дѣтства у меня было обыкновеніе пріобрѣтать и внимательно читать историческія книги; оттого-то я особенно углубился въ свою работу, прилагая къ ней всѣ старанія по мѣрѣ силъ своихъ, собирая, что только могъ собрать, и употребляя на нее все свое рвеніе, насколько у меня хватало силъ и возможности, въ надеждѣ, что она доставитъ усладу читателю и отдохновеніе для его ума, и что всякій, кто, выслушавъ или прочтя ее, усвоитъ содержащіяся въ ней описанія и занимательные разсказы, прославитъ за нихъ Всевышняго Творца.

Да получатъ отъ нея христіане обильную пользу, когда услышатъ о благородныхъ обычаяхъ истинно-вѣрующихъ, объ ихъ постоянствѣ и безграничной твердости въ богопочитаніи, о строгомъ соблюденіи ими установленныхъ постовъ и церковныхъ службъ, объ ихъ замѣчательной набожности, объ ихъ искренней вѣрѣ и доброй нравственности, о чистотѣ ихъ намѣреній, сокровенныхъ мыслей и тайныхъ помысловъ. Все это мы опишемъ за симъ, разъясняя и истолковывая то, чему были очевидцами.

КНИГА I.

Отъ Алеппо до Молдавіи.

ГЛАВА I.

Алеппо.—Антіохія.—Монастырь св. Симеона.—Боръ.

Нашъ отецъ и владыка патріархъ, съ благою цѣлью и твердымъ рѣшеніемъ, вознамѣрился направиться въ Константинополь, почему мы снарядились въ дорогу и, взявъ все нужное для подарковъ и подношеній и запасшись всѣмъ прочимъ необходимымъ, возложили надежду на Всемогущаго Бога, уповая на Его заступленіе.

Въ четвергъ вечеромъ 9 (8?) іюля владыка патріархъ (да продлитъ Господь дни его!) выѣхалъ изъ Алеппо къ Ладикіѣ и Джебиле, чтобы сдѣлать тамъ свой годовой сборъ и потомъ возвратиться въ Антіохію, я же, его убогій лѣтописецъ, и прочіе его спутники, отправились во вторникъ утромъ, въ день пророка Иліи, и прибыли вечеромъ въ городъ, именуемый *Мааретванъ* (Мертаванъ). Утромъ, вставши, мы поѣхали на *Хадимъ* (Хáримъ) и *Готрарин̃ъ;* послѣдній есть селеніе по близости Новаго моста, Джисръ аль-Джедидъ [1], на берегу рѣки Аси. Тутъ мы ночевали. Въ четвергъ 22 іюля мы прибыли въ Антіохію, гдѣ слушали обѣдню въ седьмое воскресенье по Пятидесятницѣ. Затѣмъ мы поѣхали на богомолье въ монастырь св. Симеона чудотворца, покровителя плавающихъ [2], слѣдуя по прямой древне-римской дорогѣ, совершенно забытой въ теченіе долгаго времени и открытой лишь недавно въ послѣдніе годы. Какъ часто въ прежніе года, когда мы ѣздили на богомолье въ этотъ монастырь, насъ возили по

---

[1] Мостъ на р. Аси (въ древности Оронтъ), по дорогѣ изъ Алеппо въ Антіохію, называется теперь Джисръ аль-Хадидъ (желѣзный мостъ). Слова *hadid* и *djedid* на письмѣ мало различаются.

[2] Бельфуръ называетъ почему-то Симеона Столпника „the Sailor“ (морякъ), что мы, для нѣкотораго правдоподобія, переводимъ „покровитель плавающихъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ правильно перевелъ арабское *ámūdi* „the Stylite“.

Суейдійской дорогѣ, мимо церкви св. Спиридона, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ ослы его были обезглавлены его врагами; проведя ночь въ городѣ Зейтунѣ, мы, бывало, на слѣдующее утро продолжали свой путь въ монастырь по весьма трудной дорогѣ, идущей чрезъ огромный лѣсъ. Этотъ же путь, напротивъ, ровный, прямой и болѣе короткій. Нашъ владыка патріархъ, почерпнувъ о немъ извѣстіе изъ житія святого, часто объ немъ разспрашивалъ; однако до нынѣшняго года онъ не былъ ни изслѣдованъ, ни открытъ. Теперь же (благодареніе Богу!) мы ему весьма порадовались, ибо къ вечеру того дня достигли великой обители святого, гдѣ совершили всенощную и молебенъ въ тамошней соборной церкви, ибо всѣхъ церквей числомъ семь. Постройки большею частью каменныя, а въ окружающей монастырь стѣнѣ четверо воротъ: самыя большія обращены къ Суейдійскому заливу. Мѣсто сильно укрѣплено отъ природы: рѣка Аси протекаетъ съ восточной стороны его по дну долины. Рѣка эта, какъ кажется, впадаетъ въ море у самой горы Окра́ и корабли запасаются изъ нея прѣсной водой.

Отслуживъ литургію, мы возвратились въ Антакіе (Антіохію), куда въ четвергъ 29 іюля прибылъ и нашъ владыка патріархъ. Здѣсь, во время шестидневнаго пребыванія, онъ каждый день служилъ обѣдню. Затѣмъ мы наняли лошадей и въ четвергъ вечеромъ 5 (4?) августа выѣхали изъ города. Миновавъ на слѣдующее утро Байланъ, прибыли послѣ полудня въ Искандерунъ [1]. Былъ канунъ Преображенія, и киріоты [2] приняли насъ съ великимъ почетомъ. Мы присутствовали въ ихъ церкви за всенощнымъ бдѣніемъ. Во время Входа (*исодосъ*) вошло все духовенство и принявъ благословеніе (отъ патріарха), облачилось и по обычаю шествовало кругомъ на Входѣ съ пѣніемъ „Свѣте тихій“. На утро нашъ владыка патріархъ совершилъ литургію. Вечеромъ мы выѣхали и на слѣдующій день, который былъ суббота, рано утромъ пріѣхали въ Паясъ, гдѣ патріархъ служилъ обѣдню въ воскресенье, восьмое по Пятидесятницѣ, потомъ въ понедѣльникъ и среду. Къ вечеру мы отправились, на слѣдующее утро останавливались въ *Джисрѣ Альбарнасѣ* и доѣхали до *Карнъ Капы*. Дорога здѣсь ужасная: идетъ узкимъ ущельемъ и сопряжена со всевозможными опасностями.

На другой день мы прибыли въ ханъ (постоялый дворъ) Курдъ-Кулакъ, т.-е. Волчьи уши, ибо въ ханѣ есть мечеть съ двумя купо-

---

[1] Александретта.

[2] У Бельфура *кабариса* (множ. ч. отъ *киброси*—киріотъ) оставлено почему-то безъ перевода.

лами, точь въ точь похожими на уши волка. Отсюда мы выѣхали въ полночь въ сопровожденіи 18 стрѣлковъ, христіанъ изъ Паяса, и рано поутру прибыли въ *Миссейису* (Миссисъ) [1]. Крѣпость *Хейятъ* осталась у насъ вправѣ. Въ полночь мы опять пустились въ путь и переѣзжали мостъ на рѣкѣ *Джихунъ* [2], называемой *Эль-Джиханъ*. Утромъ въ субботу 14 августа мы прибыли въ Адану и остановились въ садахъ нашей греческой общины, которая образуетъ городъ довольно большой и заключающій въ себѣ много садовъ. Въ каждомъ саду отъ трехъ до четырехсотъ апельсинныхъ деревьевъ, толщиной съ самое большое тутовое дерево, дающихъ каждое 3 піастра дохода. Сладкихъ лимоновъ и другихъ сортовъ апельсиновъ также великое обиліе. Что касается нашего владыки патріарха, то онъ поѣхалъ собирать свой доходъ въ Тарсъ, въ малые города *Триморъ* и *Джаферъ-Паша* и въ города кипріотовъ, лежащіе въ томъ же направленіи. Потомъ онъ вернулся въ Адану, и тогда мы отправились, въ ночь на 29 августа, въ сопровожденіи аги туркменъ изъ Дамаска. Предъ полуднемъ мы прибыли въ ханъ Байрамъ-Паша и сдѣлали привалъ на берегу рѣки *Джакунъ*. Вечеромъ мы встали и ѣхали всю ночь лѣсами и по каменистой дорогѣ. Было очень темно, и мы немало натерпѣлись страха. Утромъ мы достигли укрѣпленія *Коликъ* [3] и миновали *Козлукъ ханъ*, то-есть ханъ орѣшниковъ, ибо кругомъ него растетъ орѣшникъ въ великомъ множествѣ. Предъ полуднемъ мы пристали въ *Такирѣ*, который есть знаменитый *Эйлетъ Ибнъ-Рамазана* [4].

На утро мы встали рано и проѣхали Султанъ-ханъ, причемъ укрѣпленіе *Анаша* [5] осталось у насъ вправѣ; потомъ проѣхали Акъ-Кёпри, т.-е. Бѣлый мостъ, бывшій прежде границей владѣній государей черкесскихъ (грузинскихъ?) и османскихъ. Послѣ того мы переѣхали рѣку Кыркъ-Гечидъ, или рѣку Сорока бродовъ, ибо мы переѣзжали ее въ бродъ по счету ровно сорокъ разъ. Предъ полуднемъ мы прибыли въ *Чифта-ханъ*, или Парный ханъ. Нѣтъ сомнѣнія, что

---

[1] Въ древности Мопсуестія.

[2] Вѣроятно Сейхунъ. Рѣку Джиханъ путники должны были переѣзжать ранѣе прибытія въ Миссисъ.

[3] Вѣроятно Гюлекъ.

[4] Вѣроятно *Яйлакъ*, т.-е. лѣтній станъ, *Рамазанъ-оглу* (Сильвестръ де-Саси, Journal des Savants, августъ 1830). Туркменская династія Рамазанъ-оглу въ теченіе двухсотъ лѣтъ, съ конца XIII до конца XV вѣка, владычествовала въ горахъ Тавра, на границѣ Сиріи и Малой Азіи (см. Hammer, Hist. de l'Empire Ottoman, т. 4, кн. XX).

[5] Быть-можетъ Алнакашъ.

зимой здѣшнія дороги непроходимы, какъ потому, что онѣ узки, такъ и потому, что заливаются водой многочисленныхъ рѣкъ. Мы останавливались на два часа, потомъ встали и отправились въ путь къ хану Мухаммедъ-Паша, онъ же Ени-ханъ или *Оленъ-Кушлукъ* (Улу-кышлакъ); но наступилъ вечеръ, прежде чѣмъ мы успѣли доѣхать до хана. Поэтому мы пристали въ нѣсколькихъ домахъ туркменъ, такъ какъ съ нами былъ ихъ ага, о чемъ я уже упомянулъ, и у нихъ провели эту ночь.

Рано утромъ въ среду, первый день сентября, начало 7161 года отъ сотворенія міра (1653 г. отъ Р. Х.), мы встали и поѣхали къ Бору, совершая путь по его области, которая по справедливости именуется *боръ* (невоздѣланный): на разстояніи цѣлаго дня пути, вдоль и поперекъ, не увидишь зеленой травки, земля выжженная, черная. Въ этотъ день мы терпѣли великую скорбь, пока не прибыли вечеромъ въ Боръ, прекрасное селеніе, гдѣ припасы дешевы, гдѣ обиліе водныхъ потоковъ и великое богатство. Здѣсь все дешево. Ритлъ [1], или фунтъ, алеппскаго вѣса мяса стоитъ 4 пара́, ритлъ хлѣба—три. Ритлъ лучшаго стараго вина стоитъ пять пара́, а новое продается по одному пара́. Тутъ обиліе въ сыропѣ, или патокѣ, и виноградѣ. Есть также удивительный пороховой заводъ, работающій колесами, подобными колесамъ водяной мукомольной мельницы: они очень велики, и по мѣрѣ того какъ потокъ воды вращаетъ ихъ, они поднимаютъ и опускаютъ деревянные чурбаны, стоящіе въ рядъ для толченія пороха; помѣшиваніемъ и пересыпаніемъ его занятъ одинъ человѣкъ днемъ, другой ночью. Это выдумка хорошая и достигающая цѣли при маломъ трудѣ. Здѣшніе христіане очень набожны и говорятъ по-турецки. Они пожелали, чтобы мы у нихъ остановились, и оказали намъ прекраснѣйшій пріемъ.

Мы совершили литургію въ ихъ церкви во имя пяти мучениковъ, Евгенія и дружины его [2], въ тринадцатое воскресенье по Пятидесятницѣ. Подъ алтаремъ этой церкви есть небольшой склепъ. Пробывъ восемь дней у здѣшнихъ жителей, мы отправились наканунѣ праздника Рождества Богородицы, 8 сентября, съ конвоемъ изъ туркменъ, которыхъ наняли, съ этого вечера до полудня слѣдующаго дня,

---

[1] Въ настоящее время ритлъ или ратлъ=1,38 ф.

[2] У Бельфура это мѣсто выражено буквально такъ: „во имя пяти лунъ или свѣтилъ, Евгенія и его товарищей“. Несомнѣнно здѣсь надо разумѣть пять мучениковъ: Евстратія, Авксентія, Евгенія, Мардарія и Ореста, память которыхъ совершается 13 декабря.

проводить насъ на разстояніе 20 часовъ пути. Это былъ длинный и ужасный переѣздъ по странѣ, выгорѣвшей отъ засухи, гдѣ мы страдали отъ сильной жары и жажды, которыя чуть не погубили насъ и нашихъ животныхъ. Мы уже приходили въ отчаяніе, но по милости Создателя (да будетъ благословенно имя Его!) и заступленіемъ Дѣвы Богоматери, мы прибыли послѣ полудня въ селеніе туркменъ, называемое Кирванъ. Мы были готовы испустить духъ, а въ особенности наши животныя были при послѣднемъ издыханіи, но насъ всѣхъ немедленно свели къ водѣ и жизнь вернулась къ намъ. Ради изобилія воды въ этомъ мѣстѣ, мы пробыли у нихъ пятницу; вечеромъ отправились съ ними далѣе по ужаснымъ дорогамъ и на слѣдующій день прибыли въ *Кара-Енаръ* (Кара-Бунаръ). Отъ Чифта-хана мы ѣхали царскою константинопольскою дорогой, ведущей чрезъ ханъ Мохаммедъ-Паша-Ени-ханъ, а затѣмъ чрезъ Эрегли и Кара-Бунаръ, откуда, выѣхавъ до полуночи, прибыли передъ полуднемъ въ Исмиль.

ГЛАВА II.

Конія.—Монастырь св. Харитона.

Изъ Исмиля мы выѣхали опять вечеромъ и къ полудню, въ четырнадцатое воскресенье по Пятидесятницѣ, 11 (12?) сентября, прибыли въ Конію, гдѣ справляли праздникъ Воздвиженія Креста въ церкви, принадлежащей нашей греческой общинѣ и имѣющей деревянную крышу. Послѣ того мы посѣтили монастырь св. Харитона, коего память совершается 26 сентября. Монастырь лежитъ въ разстояніи только 2 часовъ пути отъ города. Все строеніе, церкви и кладовыя, изъ дикаго камня, добываемаго въ горѣ. Главный храмъ, чрезвычайно обширный и величественный, выстроенъ со всѣми придѣлами также изъ дикаго камня. За престоломъ есть пещера, въ которую сходятъ по лѣстницѣ; въ ней святой предавался молитвеннымъ трудамъ; тутъ показываютъ длинный камень на подобіе подушки, служившій, какъ намъ говорили, для него изголовьемъ. Въ этомъ храмѣ есть гробница, съ греческою надписью на порфирѣ: „Кто родилъ Сына?“ Соображая по счисленію времени, мы заключили, что этому памятнику въ настоящее время пятьсотъ лѣтъ. Равнымъ образомъ на дверяхъ храма есть греческая надпись о времени его основанія. Всѣ остальныя церкви малы. На недальнемъ разстояніи за монастыремъ находится древняя пещера, куда спускаются по лѣстницѣ: въ ней разбойники держали святого въ заключеніи. Тутъ есть обильный источникъ, который онъ извелъ для нихъ (монаховъ?): вода его чрезвычайно вкусна.

Переночевавъ въ монастырѣ на среду 15-го сентября, мы утромъ возвратились въ городъ. Онъ окруженъ большой стѣной и заключаетъ въ себѣ удивительныя зданія и много картинъ и изображеній разныхъ лицъ, которыя только-что не говорятъ.

Мы ходили осматривать учрежденіе Муллаханэ святого муллы *Ханджара*, гдѣ есть замѣчательно красивыя зданія и великое множество серебряныхъ и золотыхъ подсвѣчниковъ и лампадъ, собранныхъ изъ сокровищницъ царей и императоровъ. Одинъ изъ подсвѣчниковъ, въ формѣ цвѣточнаго стебля, вѣситъ 90 окъ золота и серебра. Ступени, ведущія къ гробницѣ, серебряныя. Подлѣ нея находится гробница монаха, сподвижника святого, на коей возложено черное одѣяніе и большая черная чалма. Настилка лѣстницы состоитъ изъ цѣльныхъ мраморныхъ плитъ, очень тонкихъ, какъ будто это серебряныя пластинки. При видѣ такихъ диковинокъ всякій посѣтитель этого мѣста поражается изумленіемъ. Начальникъ и прочіе дервиши питаютъ великую любовь къ христіанамъ и монахамъ. Они впустили насъ, всюду водили и все намъ показывали, между тѣмъ, какъ мы были исполнены благоговѣйнымъ страхомъ. Что касается племени туркменъ, то они сочли бы себя проклятыми, еслибъ не были впущены [1].

Мы присоединились къ обществу одного кади изъ Алеппо и къ каравану, шедшему изъ этого города, и выѣхавъ въ четвергъ, прибыли на слѣдующее утро въ *Ладакъ* (Ладикъ), который въ синаксаріи именуется *Литаверніей* (Лаодикія?) и кромѣ римскихъ построекъ заключаетъ въ себѣ великолѣпную церковь во имя св. Михаила и много другихъ церквей.

Мы оставили его при наступленіи вечера и прибыли рано поутру въ деревню, называемую *Альгамъ* (Балкамъ), за которой есть хаммамъ, или баня съ горячею водой, именуемая *Каблуджа* (Капльджа) [2], а рядомъ другая съ холодною водой. Вечеромъ мы опять пустились въ путь и на слѣдующее утро, въ субботу 18 сентября, пріѣхали въ селеніе, по имени Акъ-Шехръ, знаменитое гробницей ходжи [3]. Пропутешествовавъ опять всю ночь, на утро достигли *Саклы* (Исаклы), что было въ первое воскресенье по Воздвиженіи Креста.

---

[1] Авторъ описываетъ гробницу знаменитаго суфи и мистическаго поэта Персіи Мевлана Джелалъ Эддина Руми († 1273 г.), основателя Мевлеви, ордена дервишей-мистиковъ. Имя Ханджаръ есть, вѣроятно, искаженное персидское прозвище *ходавендіаръ*—тоже, что арабское *мевлана*—господинъ (Сильвестръ де-Саси).

[2] *Капльджа* по-турецки значитъ теплыя купанья.

[3] Это гробница Ходжи Насръ Эддина, извѣстнаго восточнаго шута.

Въ полночь поѣхали далѣе и утромъ добрались до *Белайдона* (Булвуденъ). Вся дорога отъ Исаклы до Булвудена снабжена мостами и вымощена камнемъ. Отправившись вечеромъ и миновавъ ночью станцію *Ханъ Беязъ* (Беятъ?) прибыли на слѣдующій день къ хану Хосревъ-Паша, откуда опять выѣхали темнымъ вечеромъ и на другой день, въ среду, пріѣхали въ *Сейидъ-Гази* [1], къ ночи оставили это мѣсто и въ четвергъ, 24 сентября, прибыли въ Эски-Шехръ, который славится своими желтыми арбузами; они очень сладки и при своей крѣпости, будучи повѣшены, сохраняются до зимы. Здѣсь мы отдыхали всю пятницу и, выѣхавъ вечеромъ подъ субботу, прибыли на утро въ *Юзъ-Хокъ* (Бузъ-оюкъ).

Въ субботу вечеромъ мы двинулись далѣе и на другой день пріѣхали въ *Базоджикъ* (Беледжикъ?). Это было второе воскресенье по Воздвиженіи. Вся дорога въ послѣдній переѣздъ отъ начала до конца узкая: справа—горы и лѣса, слѣва—рѣка, на которую страшно смотрѣть внизъ.

Мы выѣхали вечеромъ и въ понедѣльникъ утромъ прибыли въ Ени-Шехръ. На слѣдующую станцію, ханъ *Акъ-Бейикъ*, пріѣхали ночью. Здѣсь мы разстались съ стамбульскимъ караваномъ и ночевали въ ханѣ. Во вторникъ утромъ мы оставили это мѣсто и въ полдень достигли многолюднаго города, по имени *Базавенгъ* (Базарджикъ), на полпути между Ени-Шехромъ и Бруссой. Здѣсь мы пили турецкое молоко неописуемо сладкое и ѣли такой же превосходный хлѣбъ и дыни. Тутъ есть источникъ прѣсной воды, холодной на удивленіе.

ГЛАВА III.

Брусса.—Мраморное море.

Наконецъ, вечеромъ того же вторника, 28 сентября, мы вступили въ Бруссу и остановились въ Ени-ханѣ, среди алеппскихъ уроженцевъ, встрѣча съ которыми исполнила радостью наши сердца. У нихъ мы переночевали, а въ среду поутру явилось въ ханъ все духовенство и всѣ (христіанскіе) старшины Бруссы и повели насъ въ часть города *Кая-баши*, гдѣ находится ихъ церковь во имя Владычицы нашей Богородицы. Церковь эта такая же, какъ всѣ ихъ церкви. Въ концѣ улицы, гдѣ священники и дьяконы встрѣтили насъ со свѣчами и кадилами, нашего владыку-патріарха облачили въ мантію,

[1] Сейидъ Эль-Гази, гдѣ показываютъ гробницу Сейидъ Баттала, знаменитаго богатыря, любимаго героя турецкихъ сказаній.

а пѣвчіе пѣли все время, пока мы не вошли въ церковь. Здѣсь сперва было провозглашено имя государя, потомъ имя патріарха Антіохіи и всего Востока, а затѣмъ слѣдовали всѣ обычныя прошенія. Насъ помѣстили въ домѣ подлѣ церкви, а въ субботу утромъ, 2 октября, сводили насъ, въ обществѣ алеппскихъ гостей, въ горячія бани Эски-Каплыджа, гдѣ мы выкупались въ теплой, укрѣпляющей силы водѣ, а оттуда пошли въ садъ *Кесента*.

Вечеромъ по возвращеніи домой мы служили вечерню накапунѣ воскресенья, третьяго по Воздвиженіи, въ вышеупомянутой церкви. Начиная съ Бруссы до Константинополя и далѣе въ Валахіи и Молдавіи, включая и прилегающія страны, христіане не имѣютъ обыкновенія совершать всенощную *(агрипнія)*, какъ это водится у насъ, но когда случится большой праздникъ, совершаютъ ее накапунѣ предъ полунощницей и не перестаютъ кадить на „Господи воззвахъ“ до самой „Славы“; между тѣмъ стекается собраніе. На ектеніяхъ поминали первымъ нашего владыку патріарха, а потомъ ихъ митрополитовъ. При входѣ присутствующіе священники приняли благословеніе [1] (отъ патріарха) и, облачившись въ ризы, по своему обычаю, шествовали на Входѣ съ пѣніемъ „Свѣтѣ тихій“. Когда священникъ участвуетъ на Входѣ, это значитъ, что на слѣдующій день онъ будетъ совершать литургію. Знай, что первенствующій, или главный изъ іереевъ, обязанъ произнести молитву на захожденіе солнца „Свѣте тихій“ и „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“; равно на утренней молитвѣ онъ долженъ произносить утренніе псалмы и затѣмъ „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“ и проч. На утро вышеупомянутаго воскресенья нашъ владыка патріархъ въ той же церкви совершалъ литургію. Во всей греческой странѣ начинаютъ (утреню?) съ канона, а по седьмой пѣснѣ и чтеніи синаксарія поютъ „Всякое дыханіе“, читаютъ евангеліе и „Спаси Господи люди Твоя“, и служащій священникъ подноситъ евангеліе къ первенствующему для цѣлованія, послѣ чего прикладываются всѣ присутствующіе; потомъ подноситъ евангеліе и женщинамъ и, когда онѣ приложатся, возвращается къ престолу. Что касается часовъ, то они отправляются у грековъ весьма небрежно, исключая перваго часа на разсвѣтѣ дня, и тѣмъ заключаютъ богослуженіе, но священникъ во время литургіи прочитываетъ ихъ про себя. Впрочемъ, въ странѣ казаковъ и въ Московіи ихъ читаютъ громко, во всеуслышаніе, какъ у насъ. Во время великаго выхода со Св. Дарами, вне-

[1] Бельфуръ оставилъ здѣсь безъ перевода греч. слово *корони*, невѣрно прочитанное имъ вмѣсто *киронъ*.

реди идутъ дьяконы, а позади священники. Во всѣхъ этихъ странахъ, кромѣ Московіи, всѣ присутствующіе въ церкви входятъ въ алтарь для принятія антидора изъ рукъ первенствующаго или служащаго священника; онъ выходитъ къ женщинамъ и дѣтямъ и ихъ также одѣляетъ.

Въ субботу, 9 октября, насъ возили въ теплыя бани Ени-Капыджа, похожія на бани Бехрамъ-Паша и Мустафа-Паша въ Дамаскѣ и Алеппо. Мы осмотрѣли источникъ этихъ водъ, который кипитъ, выбиваясь изъ скалы, и извергаетъ пары въ туманный воздухъ. Запахъ воды сѣрный и никто не въ силахъ держать въ ней руку, ибо она ошпариваетъ живность и варитъ яица, чему мы сами были свидѣтелями; поэтому, чтобы привести эту воду къ умѣренной температурѣ, въ нее три или четыре раза подливаютъ холодной воды. Эти бани громадное зданіе.

На утро, въ четвертое воскресенье по Воздвиженіи, нашъ владыка патріархъ былъ приглашенъ служить обѣдню священниками и почетными обывателями части города, называемой Балыкъ-Базаръ, въ ихъ церкви во имя Св. Евангелиста Іоанна. Поэтому онъ туда отправился и совершилъ литургію. Церковь эта двойная [1], какъ и другія. Подъ вторникъ онъ опять былъ приглашенъ жителями части города Демиръ-Джиби въ ихъ церковь, гдѣ совершилъ водоосвященіе (*аγіасмосъ*), и тутъ переночевалъ.

Въ среду, 12 октября, шестнадцатый день нашего пребыванія въ Бруссѣ, мы отправились въ путь, простившись съ почетными жителями, которые провожали насъ до *Моданира* (Муданіи), откуда все населеніе вышло встрѣчать патріарха на большое разстояніе. Они провели насъ прямо въ соборъ во имя Успенія Пресв. Богородицы, и діаконъ помянулъ (на ектеніи) первымъ имя патріарха константинопольскаго, вторымъ—патріарха антіохійскаго, но не поминалъ своего митрополита Климента (да изгладитъ Господь имя его изъ книги живота!), такъ какъ за свое высокомѣріе онъ былъ всѣми ненавидимъ, а въ особенности въ настоящемъ случаѣ, когда онъ уклонился отъ встрѣчи патріарха и не захотѣлъ поздравить его съ пріѣздомъ. По этой причинѣ мы пробыли здѣсь весьма короткое время и не отслужили ни одной обѣдни. Но жители насъ очень чествовали, потому что они чрезвычайно ревностные христіане и весьма набожны. Насъ помѣстили въ домъ старшины *Кришн-Турти* на берегу моря. Въ го-

[1] Такъ у Бельфура; но слово *муляββфака* (которое онъ ставитъ рядомъ) скорѣе значитъ: построена изъ обломковъ (древнихъ зданій).

родѣ около двадцати церквей. Въ митрополичьемъ домѣ есть малая церковь во имя Богоявленія, а подъ нею источникъ. Церковь украшена изображеніемъ Св. Горы и всѣхъ ея обителей. Отсюда мы отправились посѣтить церковь св. Ѳеодора, которая весьма благолѣпна, а потомъ осматривали церковь св. Георгія. Прочихъ церквей осмотрѣть не успѣли, ибо спѣшили сѣсть на корабль и плыть въ Константинополь до наступленія бурнаго времени около Дмитрова дня.

Намъ наняли судно за 800 османисовъ и мы оставили Муданію 16 октября. Отплывъ съ нами до вечера около 12 миль, корабельщики бросили якорь, а въ полночь снова поплыли. Но едва мы вышли на средину моря, какъ поднялся порывистый вѣтеръ и волны забушевали. Буря до того усилилась, что судно чуть не потонуло съ нами отъ напора громадныхъ пѣнящихся валовъ; мы совершенно упали духомъ, кричали и плакали, какъ дѣти. Считая себя погибшими, мы прощались другъ съ другомъ и во всеуслышаніе исповѣдывали свои грѣхи, а нашъ владыка патріархъ читалъ надъ нами молитву прощенія, разрѣшенія и отпущенія, въ то время какъ мы ежеминутно ожидали приближающейся смерти. Но Создатель (да будетъ прославлено имя Его!), не презрѣвшій рабовъ своихъ, не оставилъ и насъ, и предстательствомъ за насъ Пресв. Дѣвы, Его Матери, святителя Николая, спасенія и прибѣжища всѣхъ одержимыхъ напастію, св. Симеона, алеппскаго чудотворца, покровителя плавающихъ, св. Георгія, ѣздящаго на конѣ по морю и по суху, и св. Димитрія, коего праздникъ приближался (ибо какъ передъ нимъ, такъ и послѣ него бури эти страшны для мореплавателей), волны утишились и послѣ непомѣрнаго утомленія и великаго страха, наши корабельщики успѣли пристать съ нами къ землѣ и спустили парусъ, послѣ того какъ мачта едва не сломалась отъ яростно дувшаго порывистаго вѣтра. Сперва намъ даже не вѣрилось, что мы уцѣлѣли, пока люди не выпрыгнули на берегъ, и мы могли на свободѣ убѣдиться въ своемъ плачевномъ состояніи. На утро повезли насъ на веслахъ къ хорошо извѣстному хану Бузбурунъ и здѣсь бросили якорь. Тутъ мы нашли много кораблей, стоявшихъ на якорѣ изъ опасенія бурной погоды. Мы пробыли въ Бузбурунѣ съ утра субботы до полуночи на вторникъ; когда же погода улучшилась, мы отплыли и на утро пристали къ селенію, по имени *Катерли* [1]. Мы высадились на берегъ, чтобы посѣтить здѣшнюю церковь во имя св. Кириака. Вечеромъ мы приплыли къ многолюдному городу, лежащему на отлогомъ берегу острова, упоминаемаго

[1] Вѣроятно Карталъ.

въ синаксаріи и въ исторіи подъ именемъ Проти, т.-е. первый; теперешнее его имя Бириджи [1]. Онъ заключаетъ въ себѣ памятники патріарховъ константинопольскихъ до сего дня. Въ немъ три церкви: одна—во имя Владычицы, другая—во имя св. Димитрія, третья—во имя св. Георгія. Въ полночь мы опять пустились въ путь и утромъ прибыли въ *Эскударъ* (Скутари). Мы проплыли мимо Халкидоніи и „виноградника вдовицы", который отстоялъ Іоаннъ Златоустъ; онъ существуетъ доселѣ и имѣетъ видъ острова. Городъ называется теперь *Кады-Гюнъ* (Кады-Кёй), то-есть по звуку почти то же, что Халкидонія.

ГЛАВА IV.

Константинополь.—Пріѣздъ.

Мы вступили въ Константинополь предъ полуднемъ въ среду 20 октября. Въ этотъ день исполнилось ровно три мѣсяца со времени нашего отбытія изъ Алеппо. Мы пристали въ монастырѣ Воскресенія, что за *Кабрскими* [2] воротами, вблизи патріаршихъ палатъ. Нашъ владыка патріархъ послалъ изъ Бруссы письмо къ киръ Паисію, патріарху константинопольскому, и къ его митрополитамъ, испрашивая у нихъ, по древнему обычаю, разрѣшенія посѣтить Константинополь. Они были чрезвычайно довольны, что онъ, не въ примѣръ тому, какъ поступали его предшественники, оказалъ имъ должное вниманіе, и немедленно прислали нашему владыкѣ патріаршую грамату (*систатиконъ*), съ дозволеніемъ прибыть со всею пышностью. Итакъ, вечеромъ нашъ владыка патріархъ испросилъ разрѣшеніе посѣтить ихъ на слѣдующій день. Поэтому въ четвергъ утромъ патріархъ константинопольскій прислалъ къ нему своихъ митрополитовъ, которые, представъ предъ лицо его въ назначенное имъ для выхода время, сопровождали его въ патріаршія палаты. При входѣ во врата, его встрѣтили два священника, одинъ съ евангеліемъ, другой съ иконой, а также діаконы съ кадилами, всѣ въ облаченіяхъ; владыка, по обычаю, приложился къ евангелію и къ иконѣ, діаконы же ему кадили. Тогда одинъ

---

[1] *Бириджи* по-турецки то же, что греч. *Проти*. На Мраморномъ морѣ, въ 12 миль. отъ Константинополя, есть группа острововъ, изъ коихъ первый, когда подъѣзжаешь отъ города, называется Проти. Но изъ описанія острова, къ которому приставалъ патріархъ Макарій, видно, что это не могъ быть островъ Проти, гдѣ нѣтъ ни города, ни деревни, а есть лишь монастырь. Вѣроятно, это былъ Принкипо, самый большой островъ этой группы и первый, къ которому онъ приплылъ, слѣдуя отъ Муданіи (Бельфуръ).

[2] Вѣроятно Фанаръ-Капу (Фанарскія ворота).

изъ митрополитовъ вручилъ ему серебряный посохъ, а хоръ пѣвчихъ запѣлъ „Достойно есть“, и такъ вошли съ нимъ въ патріаршую церковь, которая освящена во имя св. Георгія, и вотъ въ то время, какъ нашъ владыка прикладывался къ иконамъ, что на царскихъ вратахъ, сошелъ (изъ своихъ покоевъ) патріархъ константинопольскій и, войдя въ церковь въ мантіи, остановился впереди своего мѣста. Нашего владыку патріарха возвели на другое патріаршее мѣсто, на противоположной сторонѣ. Діаконъ возгласилъ: „Помилуй насъ Боже, по великѣй милости Твоей“, поминалъ Алексія, царя московскаго, и царицу Марію, господаря молдавскаго Василія и супругу его Екатерину, валашскаго Матѳія и супругу его Елену, потомъ киръ Паисія, патріарха константинопольскаго, и киръ Макарія, патріарха антіохійскаго, а пѣвчіе при каждомъ имени три раза пѣли „Господи помилуй!“

По заключеніи службы служившимъ священникомъ, оба патріарха сошли со своихъ мѣстъ и, испросивъ другъ у друга прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ, пошли рядомъ, въ предшествіи двухъ свѣщеносцевъ, которые несли большіе серебряные подсвѣчники съ восковыми свѣчами, а митрополиты слѣдовали позади, пока они не взошли въ патріаршій диванъ (покои). Здѣсь они сѣли за трапезу, между тѣмъ какъ пѣвчіе продолжали пѣть. Константинопольскій патріархъ оказывалъ нашему владыкѣ всевозможное вниманіе и любвеобильное благоволеніе. Подавали столько всякаго рода кушаньевъ и столько сортовъ винъ, что описать невозможно. Къ вечеру патріархи сошли (въ церковь) совершить вечернія молитвы и потомъ попрощались другъ съ другомъ. Нашъ владыка патріархъ возвратился въ монастырь, предшествуемый и сопровождаемый митрополитами и духовенствомъ, съ Капу Кяхіями молдавскимъ и валашскимъ [1] и другими лицами, которыя за нимъ слѣдовали, пока онъ не отпустилъ ихъ съ благословеніемъ. Именитые люди изъ христіанъ безпрестанно приходили привѣтствовать его.

Наканунѣ воскресенья о Гадаринцахъ [2] нашъ владыка патріархъ, по приглашенію константинопольскаго, шествовалъ въ патріаршую церковь. Оба патріарха вошли вмѣстѣ въ мантіяхъ и одновременно

---

[1] Капу Кяхія Молдавіи и Капу Кяхія Валахіи были представители князей этихъ двухъ областей, жившіе въ Константинополѣ для веденія политическихъ и церковныхъ дѣлъ своихъ государей съ Портой и патріархіей (Бельфуръ).

[2] Здѣсь Бельфуръ оставилъ безъ перевода слово *аль-джандарійинъ;* если читать *аль-джадарійинъ*, то оно значитъ: Гадаринцы, т.-е. жители страны Гадаринской, гдѣ Іисусъ Христосъ исцѣлилъ бѣсноватыхъ.

прикладывались къ иконамъ, и предъ каждымъ изъ нихъ во все время богослуженія свѣщеносецъ держалъ два серебряныхъ подсвѣчника съ восковыми свѣчами. Каѳизмы были прочитаны однимъ изъ дьяконовъ, который стоялъ между обоими патріархами. Во время „Славы" священники начали попарно совершать метаніи [1] предъ константинопольскимъ патріархомъ, потомъ предъ антіохійскимъ, повторяя дважды; всѣхъ ихъ было пять паръ. Затѣмъ они вошли (въ алтарь), облачились въ ризы и шествовали кругомъ на Входѣ, а потомъ стали около патріарха полукругомъ. Послѣ того какъ дьяконъ, размахивая кадильницей, окадилъ царскія врата, потомъ обоихъ патріарховъ и священниковъ и прочихъ присутствовавшихъ въ алтарѣ, священники громогласно запѣли „Свѣте тихій". Тогда дьяконъ возвратился и снова кадилъ патріархамъ, а священники, подходя попарно, испрашивали у нихъ благословеніе, а затѣмъ входили въ алтарь, гдѣ разоблачались. Такой у нихъ обычай наканунѣ воскреснаго дня или большаго праздника. Эти священники—изъ окружныхъ церквей вблизи патріаршихъ палатъ, и это признакъ, что они готовятся съ вечера къ совершенію литургіи, какъ мы о томъ замѣтили раньше. При концѣ службы патріархи, принявъ другъ у друга благословеніе, пошли изъ церкви, предшествуемые двумя священосцами, со всѣмъ соборомъ, ставшимъ рядами. Тогда одинъ изъ свѣщеносцевъ возгласилъ громогласно: „Святѣйшему Папсію, архіепископу Константинополя, Новаго Рима и патріарху всей вселенной, многая лѣта!" повторяя это трижды, между тѣмъ какъ патріархъ, поднявъ правую руку, благословлялъ народъ. Подобнымъ образомъ другой свѣщеносецъ возгласилъ трижды: „Блаженнѣйшему Макарію, патріарху града Божія великой Антіохіи и всего Востока, многая лѣта!" въ то время какъ антіохійскій патріархъ также поднялъ правую руку и благословлялъ народъ. Затѣмъ они сняли мантіи и константинопольскій патріархъ повелъ нашего владыку къ себѣ въ палаты, гдѣ они трапезовали вмѣстѣ. Послѣ того онъ провожалъ своего гостя до дверей нижней части дома, гдѣ они разстались, и владыка нашъ возвратился въ свой монастырь въ радостномъ настроеніи духа.

Въ утро вышеупомянутаго воскресенья мы снова явились въ ту же церковь, и митрополиты вышли на дворъ встрѣтить нашего владыку, облекли его въ мантію и сопровождали его впереди и позади при шествіи въ церковь, причемъ передъ нимъ несли два серебря-

[1] *Метанія*—слово греческое,—означаетъ глубокій поясной, иногда земной поклонъ.

ныхъ подсвѣчника. При входѣ владыка преподалъ благословеніе собравшимся и, подойдя къ своему патріаршему мѣсту, на немъ сталъ. Послѣ „Всякое дыханіе“ патріархъ константинопольскій сошелъ съ своего мѣста, прикладывался къ иконамъ и благословлялъ предстоящихъ, затѣмъ антіохійскій, потомъ высшее духовенство попарно, напослѣдокъ священники и всѣ собравшіеся прикладывались къ иконамъ, ибо во всей греческой землѣ, въ Молдавіи и въ Валахіи нѣтъ человѣка, который бы не прикладывался раннимъ утромъ къ иконамъ; позднѣе, въ концѣ обѣдни, по принятіи антидора, прикладывались женщины и дѣти. Какъ и у насъ, они выходятъ изъ церкви по окончаніи литургіи, но здѣсь выходятъ и послѣ утрени и возвращаются чрезъ два часа. Діаконъ, покадивъ при „аллилуія“, выходитъ изъ алтаря и кадитъ патріарху, стоящему на своемъ мѣстѣ, и потомъ получаетъ отъ него благословеніе на чтеніе евангелія. Затѣмъ, окадивъ царскія врата и иконы, выходитъ съ нимъ чрезъ сѣверныя двери и вступаетъ на амвонъ, [1] находящійся на сѣверной сторонѣ храма. Пѣвчіе поютъ весьма протяжно „Ис-полла эти деспота“, въ то время какъ діаконъ, сойдя съ амвона, подноситъ евангеліе патріарху для цѣлованія. Въ концѣ ектеніи нѣсколько разъ повторяется „Елицы оглашенніи, изыдите!“ Въ срединѣ ектеніи бываетъ *синепете* (синапти [2]), то-есть, когда діаконъ въ концѣ прошенія о мирѣ возглашаетъ „Господу помолимся“, онъ присовокупляетъ къ этому: „О свышнемъ мирѣ“, „О мирѣ всего міра“, „О святѣмъ храмѣ семъ“, „О патріархѣ“, „О государѣ и государынѣ“, „О пособити“ и пр. и „Премудрость“ и все остальное, между тѣмъ какъ священникъ читаетъ молитву. Послѣ возгласа онъ повторяетъ снова „Заступи, спаси“ и пр., „О плавающихъ“, „О избавитися намъ“, „Заступи“ и „Премудрость“ и такъ далѣе, въ то время какъ священникъ доканчиваетъ молитвы. Здѣсь велики и послѣдованіе и смиреніе, ихъ метаніи даже до земли многочисленны: я говорю о греческомъ духовенствѣ, присутствующемъ за литургіей, и въ особенности объ ихъ благоговѣніи въ минуту принятія св. Таинъ. Діаконъ поминаетъ патріарха во время перенесенія св.

---

[1] Въ греческихъ церквахъ обыкновенно устраивается на сѣверной или на сѣверной и южной сторонѣ возвышенный амвонъ, или каѳедра, куда всходятъ по спиральной лѣстницѣ. На немъ діаконъ читаетъ евангеліе во время литургіи и съ него говорятъ проповѣди.

[2] Синапти есть ектенія, начинающаяся словами: „Миромъ Господу помолимся“ и извѣстная подъ именемъ великой ектеніи. Бельфуръ переводитъ это мѣсто очень неясно.

Даровъ. Въ концѣ литургіи оба патріарха раздавали антидоръ, каждый на своей сторонѣ. При выходѣ ихъ изъ церкви свѣщеносцы возглашали тѣ же слова, что и наканунѣ вечеромъ, а патріаршіе янычары (кавасы), съ саблями и жезлами, постоянно предшествовали имъ, очищая путь. Въ этотъ день снова было пиршество, съ котораго мы вернулись домой не раньше вечера.

Наканунѣ праздника св. Димитрія мы были за вечерней въ монастырской церкви во имя св. Георгія. Утромъ патріархъ прислалъ къ нашему владыкѣ двухъ митрополитовъ, простосинтела [1] и старшаго изъ діаконовъ, которые сопроводили его въ патріаршую церковь, и послѣ обѣдни патріархъ опять пригласилъ его къ своему столу. Слѣдуетъ замѣтить, что наши греческіе о Христѣ братья вездѣ, гдѣ бы они ни были, соблюдаютъ Дмитровскій постъ, начиная съ перваго октября и воздерживаются совершенно отъ скоромной пищи до дня празднества святаго. Равнымъ образомъ постятся они ради св. Михаила съ 1 ноября въ теченіе восьми дней. Кромѣ этихъ постовъ у нихъ установлены еще многіе другіе въ честь иныхъ святыхъ, о чемъ, если Богу угодно, мы упомянемъ впослѣдствіи.

ГЛАВА V.

Константинополь.—Патріаршая церковь.

Вотъ описаніе патріаршей церкви въ Константинополѣ во имя св. великомученика Георгія. Передъ нею дворъ, а съ сѣверной стороны рядъ пристроекъ, гдѣ живутъ патріаршіе писцы. Съ передней стороны примыкаетъ къ церкви обширная паперть, съ которой въ нее спускаются по ступенямъ. Церковь по образцу всѣхъ соборныхъ храмовъ, съ тремя отдѣленіями, увѣнчанными каждое куполомъ. Она имѣетъ еще дверь съ паперти на сѣверной сторонѣ. Надъ этимъ отдѣленіемъ стоятъ женщины, для которыхъ устроена наружная дверь, выходящая на улицу. Церковь имѣетъ три алтаря и весьма обширна. Клиросныя мѣста идутъ двумя равными рядами, достигая отъ предъалтарія до самыхъ церковныхъ дверей. За ними есть еще ряды сѣдалищъ, а также кругомъ всей церкви. Патріаршее мѣсто находится между рядами сѣдалищъ съ правой стороны; оно весьма возвышенно со ступенчатымъ всходомъ, все связано въ лапу и высокохудожественной работы. Съ противоположной стороны, въ ряду слѣва, подобное

---

[1] Духовное лицо при патріархѣ, которое обыкновенно ведетъ всѣ дѣла патріархіи.

же мѣсто, но немного пониже, предназначено для патріарха посѣтителя. Иконостасъ весьма величественный и большія иконы надъ царскими вратами обширныхъ размѣровъ и писаны въ Москвѣ. Икона св. Георгія всецѣло работа рукъ царицы [1]. Подсвѣчники высоки и великолѣпны. Паникадило, которое они называютъ *хорось*, все изъ желтой мѣди, кованой венеціанской работы и сходно съ тѣмъ, которое находится въ храмѣ Воскресенія. Алтари пространны; позади алтаря, что съ сѣверной стороны, есть дверь, ведущая въ книгохранилище, откуда имѣется выходъ за церковь на дворъ, примыкающій къ улицѣ. Это устроено съ тою цѣлью, чтобы священникъ, если случится ему естественная нужда, могъ удовлетворить ей, не проходя мимо народа. На аркѣ южнаго алтаря написаны изображенія Авраама и Мельхиседека. У послѣдняго борода бѣлая и длиннѣе чѣмъ у Авраама. Его голова окружена красной повязкой, какъ у пророка Даніила, а волосы распущены. Онъ облеченъ въ одежду, похожую на фелонь св. Григорія, епископа Арменіи, по армянскому уставу съ парчевымъ оплечьемъ. Онъ держитъ въ рукахъ нѣчто въ родѣ бѣлой ладьи, наполненной чѣмъ-то краснымъ, какъ бы виномъ, а на этомъ изображены три бѣлыхъ круглыхъ хлѣбца съ двумя красными крестами на верхушкѣ. Это тѣ хлѣбы и вино, которые онъ поднесъ Господу (Аврааму?). Сверху написано: праведный Мельхиседекъ. Надъ жертвенникомъ два изображенія: патріарха александрійскаго и Христа, стоящаго передъ нимъ въ образѣ юноши подъ сѣнью, поддерживаемой двумя столпами; Его одѣяніе разодрано и патріархъ говоритъ Ему: „Господи, кто разодралъ ризы Твои?“ Изъ устъ Господа исходитъ отвѣтъ: „во истину Арій возсталъ на Меня. Устье адово ниже-ли (того мѣста, куда онъ ввержень)?“ Тамъ, гдѣ служащій священникъ умываетъ руки, стоитъ небольшой мраморный водоемъ съ ручкой, изъ котораго вода изливается въ другой, стоящій подъ нимъ на столбѣ. Что касается двухъ вышеупомянутыхъ изображеній, то подобіе ихъ встрѣчается во всѣхъ церквахъ Константинополя и его округа, также и описаннаго сейчасъ умывальника. Амвонъ, или каѳедра, который, какъ мы уже упоминали, находится на сѣверной сторонѣ, весьма возвышенъ и поднимается выше мѣста, которое занималъ въ настоящемъ случаѣ патріархъ антіохійскій.

Въ углу церкви, направо отъ входа, есть хранилище, огражденное рѣшеткой изъ желѣзной проволоки, гдѣ находятся мощи святыхъ, коимъ мы просили позволенія поклониться и приложиться. Поэтому

---

[1] У Бельфура: „всецѣло исполнена рукой нашей Владычицы (?)“

насъ провели внутрь. Пришли старосты съ ключами отъ запоровъ и сперва сломали печати, а потомъ открыли ковчеги, которыхъ числомъ три. Первый заключаетъ мощи св. Ѳеофаніи царицы, совершенно нетлѣнныя, облеченныя во всѣ ея одежды и съ ея пряжею въ ногахъ. Приложившись къ нимъ, мы прикладывались къ мощамъ св. Соломоніи, матери семи Маккавеевъ. Она престарѣлая, совершенно нетлѣнная, въ своей одеждѣ, застегнутой какъ у франковъ. Въ третьемъ ковчегѣ мощи св. мученицы Евѳиміи, цѣльныя, за исключеніемъ головы, которой не достаетъ. Въ углу этого помѣщенія за желѣзной рѣшеткой хранится половина того столба, къ которому былъ привязанъ Господь нашъ Спаситель, когда его бичевали. Цвѣтъ столба зеленоватый, надъ нимъ лампада, горящая днемъ и ночью. Въ то время какъ мы прикладывались къ нему, одинъ изъ присутствовавшихъ сообщилъ намъ, что другая половина столба находится въ Римѣ и что онъ сподобился къ ней приложиться. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ сокровища, принадлежащія патріаршей церкви, находятся въ рукахъ ея старостъ, а не ввѣряются самому патріарху; они же выдаютъ всѣмъ содержаніе и вѣдаютъ всѣ прочіе расходы патріаршаго двора.

Палаты и диванъ патріарха построены на возвышенности внѣ церковной ограды; изъ нихъ открывается видъ на Галату, Скутари, Мраморное море и пр. Въ верхней части есть потаенная дверь, ведущая въ монастырь Воскресенія. Между патріаршими палатами и этимъ монастыремъ есть городскія ворота во внутренней стѣнѣ; а какъ существуетъ обычай по запорѣ вечеромъ константинопольскихъ воротъ относить ключи къ агѣ янычаръ и по причинѣ отдаленности не отпирать ихъ до утра, то мы, когда случалось, стучали въ эту калитку и чрезъ нее проходили въ церковь.

Мѣста для митрополитовъ внутри церкви идутъ по лѣвую сторону отъ патріаршаго мѣста до церковныхъ дверей; по другую его сторону располагается клиръ и пѣвчіе почти до дверей алтаря, такъ что сѣверная сторона церкви совершенно предоставлена простымъ священникамъ и дьяконамъ. На южныхъ дверяхъ алтаря, по обыкновенію, изображенъ херувимъ съ пламеннымъ мечемъ.

ГЛАВА VI.

Константинополь.—Кумъ-Кану. Св. Софія.

Наканунѣ воскресенья о богатомъ и Лазарѣ патріархъ константинопольскій пригласилъ нашего владыку въ церковь къ вечерней молитвѣ. Въ этотъ же день онъ прислалъ ему грамату (*систатиконъ*), подписанную имъ самимъ и владыками, съ разрѣшеніемъ со-

вершить на-завтра литургію въ церкви св. Іоанна Крестителя въ Кумъ-Капу, по чину всѣхъ патріарховъ; въ то же время онъ приказалъ духовенству другихъ церквей этой части города не совершать литургіи по своимъ церквамъ, а собраться всѣмъ въ упомянутую церковь для сослуженія съ нашимъ владыкой. Вслѣдствіе этого священники немедленно къ намъ явились и пригласили патріарха съ вечера на завтрашнее торжество. Итакъ, въ воскресенье мы сѣли въ лодку и, обогнувъ султанскій Сераль, проѣхали позади него. Здѣсь указали намъ Романовскія ворота, упоминаемыя въ синаксаріи, нынѣ заложенныя. Подлѣ нихъ находится святой источникъ, посѣщаемый христіанами въ день Богоявленія. Эта часть городской стѣны построена Императоромъ Θеофиломъ и доселѣ цѣла на ней надпись съ его именемъ крупными греческими буквами: „Θеофилъ, во Христѣ вѣрный царь римскій и самодержецъ“ [1].

Близъ Кумъ-Капу между башнями на набережной намъ показывали башню императора Льва Мудраго, гдѣ находилось чудесное зеркало, которое разбилъ Михаилъ, сынъ Θеофила. У самой башни стоитъ древняя мечеть, или соборъ (джами), который, сказывали, первоначально былъ христіанскимъ храмомъ и постояннымъ мѣстопребываніемъ Іоанна Златоустаго.

Мы продолжали путь, пока не достигли *Скáлы* (Искеле), или пристани Кумъ-Капу, гдѣ высадились изъ лодки. Кумъ-Капу въ древности называли по-гречески Кондоскали. Всѣ христіане со своимъ духовенствомъ насъ ожидали и, встрѣтивъ нашего владыку патріарха, сопроводили его со свѣчами, кадильницами и со всѣми знаками почета и уваженія въ вышеупомянутую церковь, гдѣ торжественно была совершена литургія.

Во всѣхъ здѣшнихъ странахъ существуетъ обычай во время „Достойно есть“ подносить патріарху частицы сухой просфоры, которыя онъ беретъ въ руку одну за другой и, сотворивъ каждою крестное знаменіе надъ чашей и дискосомъ съ поминовеніемъ имени приносящаго ее, произноситъ: „да будетъ прославляемо имя Пресвятой Троицы!“ Это то, что они называютъ Панагія, которая пользуется среди нихъ великимъ почтеніемъ: они берутъ ее съ собою въ путешествіе, дабы употреблять вмѣсто причащенія св. Таинъ въ случаѣ, когда грозитъ опасность утонуть или погибнуть инымъ образомъ.

Послѣ того какъ нашъ владыка роздалъ антидоръ, всѣ стали

---

[1] У Бельфура по-гречески безъ перевода: Θεόφιλος ἐν Χριστῳ πιστὸς βασιλεὺς Ρωμαίων καὶ αὐτοκράτωρ.

класть деньги на блюдо. Потомъ они приглашали насъ къ себѣ въ дома, гдѣ предлагали патріарху угощеніе, и мы провели подъ ихъ кровомъ двѣ ночи. Мы посѣтили и прочія ихъ церкви: вторая церковь во имя Богоматери вся бѣлая; третья—во имя св. Киріака; на дверяхъ ея изображено живописью сотвореніе неба и земли, то-есть „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа"; четвертая—во имя святителя Николая. Во всѣхъ этихъ церквахъ новыя паникадила и иконостасы. Пятая церковь также во имя Богоматери и смежна съ церковью армянъ, которые имѣютъ два храма въ Кумъ-Капу.

Во вторникъ, 2 ноября, въ день праздника Курбанъ-Байрамъ, мы всѣ ходили на площадку передъ воротами Сераля и видѣли его величество султана Мохаммеда (да хранитъ его Богъ!) со свитой и войсками, при его шествіи въ Св. Софію и возвращеніи оттуда. Затѣмъ мы осматривали Св. Софію со всѣми ея помѣщеніями и притворами. Мы поднимались на второй ярусъ, потомъ на третій, обозрѣвали ея колонны изъ желтаго, зеленаго, сѣраго и пестраго камня и мрамора различныхъ прекраснѣйшихъ и яркихъ цвѣтовъ, разсматривали мраморныя плиты, идущія отъ колонны къ колоннѣ, съ доселѣ уцѣлѣвшими на нихъ изображеніями креста, каковыя видны равнымъ образомъ на чудномъ помостѣ, на всѣхъ камняхъ и мраморахъ, на агіасмѣ, или святомъ источникѣ, внутри храма и на столахъ изъ прозрачнаго мрамора. Придѣлы и притворы храма устроены дивно, и краснорѣчивѣйшему человѣку невозможно достойно восхвалить красоту его бѣлыхъ мраморовъ, величественный навѣсъ его куполовъ, прекрасно написанное изображеніе нашего Господа Христа благословляющаго наверху арокъ и алтарей, множество крестовъ по стѣнамъ и карнизамъ, разнообразіе ликовъ и изображеній господскихъ праздниковъ, украшающихъ своды куполовъ; пестроту цвѣтовъ мозаичныхъ изображеній, позолоченныхъ и раскрашенныхъ, число дверей храма, размѣръ бронзовыхъ крестовъ на нихъ, множество оконъ. Но что я говорю? Невозможно уму человѣческому описать въ подробности красоты его.

ГЛАВА VII.

Константинополь.—Атъ-Мейданъ, или Гипподромъ.

Изъ Св. Софіи мы пошли осматривать мечеть покойнаго султана Ахмеда, столь извѣстнаго своею строптивостью. Полъ ея вымощенъ нешлифованнымъ мраморомъ въ томъ видѣ, какъ онъ добывается изъ каменоломни. Послѣ того мы прошлись по площадкѣ, или общественному гульбищу Константинополя, знаменитому во всемъ свѣтѣ. Оно называется Атъ-Мейданъ, т.-е. конское ристалище, и находится на-

противъ мечети. Мы видѣли на каменномъ подножіи удивительную пирамиду, называемую *Невъ-Текелли-Дашъ* [1]. Она изъ цѣльнаго куска камня, четырехгранная, красновато-сѣраго цвѣта; на четырехъ сторонахъ ея изсѣчены какіе-то ученые знаки, или образы и подобія животныхъ, кои всѣ суть философскія слова [2]. Пирамида поставлена на четырехъ мѣдныхъ кубахъ, а подъ ними кубъ изъ бѣлаго мрамора, цѣльный кусокъ, который въ длину, ширину и высоту имѣетъ по 14 пядей съ каждой стороны квадрата и украшенъ изваянными изображеніями людей, на каждой сторонѣ различными. Высота пирамиды отъ основанія до вершины, то есть высота столба и его подножія, равняется высотѣ минаретовъ мечети султана Ахмеда.

На разстояніи перелета камня отъ этой пирамиды есть столбъ изъ толстой мѣди, свернутой въ три жгута на подобіе трехъ змѣй или драконовъ, свившихся другъ съ другомъ; на верхушкѣ три змѣиныя головы съ открытыми зѣвами, обращенныя къ тремъ частямъ города; у одной головы обломана нижняя челюсть [3]. Утверждаютъ, что покойный султанъ Османъ отбилъ ее булавой и что этотъ столбъ со временъ императора Константина одинъ служилъ охраной городу отъ вторженія въ него змѣй, и приводятъ, какъ историческое событіе, что когда при этомъ случаѣ одна голова была отшиблена, та часть города, къ которой она была обращена, немедленно наполнилась змѣями, но онѣ не дѣлаютъ вреда.

Далѣе, еще на разстояніи перелета камня, стоитъ второй столбъ, выстроенный изъ камня и также называемый *Текелли-Дашъ*.

Потомъ мы пошли осматривать гробницы усопшихъ султановъ, то-есть османлисовъ, со времени завоеванія ими Константинополя до сего дня; между прочимъ, гробницу султана Мурада и его девятнадцати задушенныхъ сыновей, потомъ гробницу его матери Коса-Казонъ [4]. Мы обошли всѣ эти гробницы. Надъ ними висятъ золотыя

---

[1] Правильно: Нёвъ Дикилли Ташъ (новый водруженный камень). Авторъ описываетъ обелискъ Ѳеодосія.

[2] Іероглифы.

[3] Это такъ-называемая Змѣиная колонна. По преданію, она поддерживала въ Дельфійскомъ храмѣ Аполлоновъ треножникъ, обѣтное приношеніе грековъ послѣ побѣды надъ персами.

[4] Имя искаженное; правильно—Кёсэмъ-Кадынъ. Эта султанша была матерью не Мурада III (котораго называетъ здѣсь авторъ), а Мурада IV и Ибрагима, и убита въ правленіе внука своего Мохаммеда IV въ 1651 г. (см. Hammer, Hist. de l'Emp. Ottom., т. 10, кн. LI).

лампады, и богатство жертвованныхъ украшеній выше всякаго удивленія. Надсмотрщикъ впускаетъ посѣтителей ради подаяній.

Гробницы султановъ Мустафы и Ибрагима находятся въ другой усыпальницѣ, близъ ограды Св. Софіи на пути къ Дивану. Снутри и снаружи она сооружена изъ твердаго бѣлаго мрамора и недавней постройки, восхитительной для глазъ. Насупротивъ другая усыпальница, устроенная подобнымъ же образомъ.

Здѣсь путь къ Дивану, здѣсь имѣютъ пребываніе сочинители прошеній и чиновники, выдающіе дозволенія и пропуски для свиданія съ ихъ начальниками.

Отсюда мы повернули и осмотрѣли Асланъ-Ханэ, или Львиный домъ, который занимаетъ древнюю низменную церковь и другую, надъ нею находящуюся, съ высокимъ куполомъ, гдѣ видны еще слѣды мозаичныхъ картинъ и образовъ Господа и четырехъ евангелистовъ, уцѣлѣвшихъ донынѣ. Въ первой, нижней, помѣщаются дикіе звѣри: четыре льва—одинъ изъ Алжира (или Африки), другіе изъ нашей страны (Азіи), четыре барса изъ разныхъ странъ, шакалъ, лисица, три волка, гіена; голова древняго слона, древній оставъ жирафы и древній крокодилъ. Въ этой нижней церкви также уцѣлѣли слѣды иконъ и образовъ Премудрости. Она была освящена во имя св. Іоанна Крестителя и глубоко чтима. Думаютъ, что это была церковь св. Іоанна Златоуста.

Вблизи Асланъ-Ханэ находится Джеба-Ханэ, или Оружейная палата, на дверяхъ которой виситъ необыкновенно большая и удивительная *джазма*, или боевая сѣкира; такая же виситъ и на дверяхъ Топъ-Ханэ. Кромѣ того, тутъ множество драгоцѣнныхъ рѣдкостей.

ГЛАВА VIII.

Константинополь.—Сераль. Сожженная колонна.

Послѣ того мы пришли и вступили въ Сераль, хранимый Всевышнимъ на вѣки вѣчные. Да будутъ прославлены его обитатели! На дворѣ есть церковь, называемая нынѣ Силяхъ-Ханэ, или Оружейная. Она не потерпѣла ни малѣйшаго поврежденія: алтари и все прочее осталось въ ней какъ было прежде, но двери заперты. Мы поднялись къ знаменитой аркѣ или куполу, что́ есть Высокая Порта, гдѣ засѣдаютъ военные судьи и семь визирей. Султанъ смотритъ на нихъ изъ окна. Здѣсь они имѣютъ Диванъ, или пріемную палату, для всего свѣта.

Между Сералемъ и Св. Софіей есть малая церковь во имя св. Іоанна Крестителя, сооруженная императоромъ Юстиніаномъ до по-

строенія Св. Софіи; сюда приходилъ онъ искать успокоенія. Она остается въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Потомъ мы пошли осмотрѣть третій *Текелли-Дашъ*, что́ на Таукъ-Базарѣ, или Птичьемъ рынкѣ, близъ бань Валидэ и Посольскаго хана. Столбъ этотъ такъ высоко поднимается въ воздухѣ, что на него трудно смотрѣть; онъ треснулъ отъ огня и потому стянутъ желѣзными обручами. Разсказываютъ, будто какіе-то евреи наговорили одному султану изъ османлисовъ, что греческіе императоры скрыли въ немъ сокровища, почему султанъ велѣлъ поджечь его и онъ треснулъ. Опасаясь, чтобы онъ не упалъ ночью, его опоясали желѣзомъ сверху до низу. Намъ сообщали греки, что этотъ Текелли-Дашъ, или столбъ, тотъ самый, который воздвигнулъ императоръ Константинъ Великій, положивъ подъ его основаніе двѣнадцать череповъ и нѣчто изъ святынь Господа нашего Іисуса Христа.

Затѣмъ мы пошли дальше осмотрѣть столбъ на Авретъ-Базарѣ, или Женскомъ рынкѣ. Этотъ столбъ величайшій изо всѣхъ, упомянутыхъ нами, сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, съ изваянными изображеніями крестовъ, ангеловъ и святителей, отъ вершины до основанія [1]. Внутри онъ пустой и мѣсто его паденія (?) Махаллэ-Ассамата.

Мы спросили грековъ о мѣстонахожденіи храма свв. Апостоловъ и они отвѣтили намъ, что онъ находится внутри Эски-Серая, или Стараго Сераля, который предназначенъ исключительно для женщинъ. Мы видѣли этотъ святой храмъ, когда еще были на морѣ близъ Галаты, и изъ окрестностей Скутари, ибо онъ высокъ и примѣчателенъ по своимъ двѣнадцати куполамъ. Намъ казалось, что онъ находится близъ Сулейманіэ, и однако, когда я пришелъ и искалъ его близъ этой мечети, то не могъ найти. Причина этому та, что окружныя стѣны Сераля чрезвычайно высоки, а храмъ внутри ихъ стоитъ на вершинѣ холма, одного изъ семи холмовъ, заключенныхъ въ окружность стѣнъ Константинополя; оттого верхушка храма видна изъ Галаты и Скутари, будучи значительно выше купола и главы Св. Софіи, какъ мы и полагали, когда впервые увидѣли его при въѣздѣ въ Стамбулъ. При новыхъ разспросахъ о немъ, я добился дальнѣйшихъ свѣдѣній отъ портного вышеупомянутаго Эски Серая, что храмъ существуетъ тамъ въ своемъ первобытномъ видѣ и что образа и картины Премудрости еще цѣлы на стѣнахъ его; но рѣшительно никому не дозволенъ входъ въ этотъ дворецъ безъ доказательствъ, что имѣешь тамъ знакомыхъ.

[1] Колонна Аркадія.

Мы разспрашивали еще о храмѣ Халкопратея, гдѣ онъ находился, и получили въ отвѣтъ, что онъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ мечеть султана Баязета.

ГЛАВА IX.

Константинополь.—Сулейманіэ. Хасъ-Кёй. Окъ-Мейданъ.

Мы ходили осматривать обширную и знаменитую мечеть, называемую Сулейманіэ, которая составляетъ одно изъ чудесъ свѣта по великому числу своихъ желтыхъ, зеленыхъ и коричневыхъ колоннъ, по обширнымъ размѣрамъ разноцвѣтнаго помоста, по своей величественности, по своимъ высоко взлетающимъ минаретамъ. На дворѣ есть высокій мраморный куполъ, поддерживаемый такими же столбами, съ крыши котораго стекаетъ вода, потому что столбы внутри пустые и вода изливается изъ нихъ затѣйливо-красиво. Она вкуснѣе и пріятнѣе алеппской.

Вслѣдъ затѣмъ мы осматривали мечеть султана Мохаммеда, которая стоитъ выше патріаршаго дома, на вершинѣ холма въ Фанарѣ.

Мы спустились изъ Фанара и въ лодкѣ переѣхали въ Хасъ-Кёй, куда были приглашены. Въ этомъ селеніи много домовъ еврейскихъ и христіанскихъ. Мы посѣтили церковь во имя св. Параскевы, нареченной Пятницы. Нашего владыку патріарха сводили помолиться надъ могилой покойнаго Павлаки, который былъ Капу-Кяхіемъ господаря молдавскаго Василія. Онъ оказался виновнымъ въ измѣнѣ, и господарь послалъ людей съ повелѣніемъ его умертвить. Насъ водили въ его палаты, или, вѣрнѣе, въ прекрасный дворецъ, построенный надъ водой на огромныхъ деревянныхъ сваяхъ, какъ это принято при построеніи зданій въ Константинополѣ. Дворецъ заключаетъ въ себѣ изумительное множество помѣщеній и покоевъ и баню, всю выстроенную изъ мрамора. Сады его восхитительны и снабжены оросительными каналами изъ разноцвѣтнаго цемента. Въ имѣніи есть и церковь. Всѣ зданія обращены лицевою стороной къ морю.

Изъ этого дворца на лодкѣ, ему принадлежащей, мы спустились внизъ по теченію и были перевезены къ отдаленнѣйшей части пристани Галаты, гдѣ вошли въ большую рѣку съ прѣсною водой и, поднявшись по ней на нѣкоторое разстояніе, вышли осмотрѣть пороховой заводъ, подобный видѣнному нами въ Борѣ, весьма примѣчательный, съ колесами, приводимыми въ движеніе водой. Это мѣсто называется Кядъ-Ханэ [1].

---

[1] Сладкія воды Европы — дачное мѣсто въ окрестностяхъ Константинополя, въ долинѣ рѣки Барбизесъ (по-тур. Су-Кяадъ-Ханэ), впадающей въ Золотой Рогъ.

Отсюда мы отправились сухимъ путемъ и поднялись на Окъ-Мейданъ, т.-е. поле для стрѣльбы изъ лука, съ каковой цѣлью поставленъ на немъ столбъ. Это веселая лужайка, откуда открывается видъ на противолежащій Константинополь. Здѣсь радостно и весело справляютъ христіане праздникъ Пасхи. Намъ разсказывали при этомъ случаѣ, что въ прошломъ году его величество султанъ Мохаммедъ (да хранитъ его Богъ!) еще до праздника велѣлъ раскинуть здѣсь для себя шатеръ, пріѣзжалъ и любовался на ихъ праздничное веселье и за великое удовольствіе, ему доставленное, подарилъ имъ два кошелька, по тысячѣ турецкихъ піастровъ въ каждомъ.

Потомъ мы побывали въ монастырѣ Силяхдара, или оруженосца, покойнаго султана Мурада, совершенно заново выстроенномъ этимъ вельможей.

ГЛАВА X.

Константинополь.—Галата.

Мы спустились въ предмѣстье, называемое Касимъ-Паша, въ Галату и въ Топъ-Ханэ; потомъ ходили въ Терсъ-Ханэ, гдѣ строятъ корабли. Въ Топъ-Ханэ мы видѣли пушки такія большія, что въ нихъ можно вползти человѣку, и еще другія, изъ конхъ каждая равняется (по вѣсу) тремъ верблюжьимъ вьюкамъ. Затѣмъ мы вернулись, чтобы посмотрѣть на удивительные корабли англійскіе и французскіе, и возвратились домой.

Подъ воскресенье мы служили вечерню въ монастырѣ, что въ Галатѣ, ибо константинопольскій патріархъ прислалъ нашему владыкѣ грамату, подобную прежней, дабы онъ на другой день совершилъ литургію въ монастырской церкви. Поэтому мы со спутниками переѣхали на лодкѣ въ Галату къ означенной церкви, гдѣ, по обычаю, была устроена патріарху встрѣча и торжественно совершена литургія по чину, на сей день установленному. За богослуженіемъ послѣдовало угощеніе, и я воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы походить одному и осмотрѣть остальныя церкви Галаты.

Первая церковь во имя Богоматери Хрисопиги, или Золотого Источника. Источникъ внутри церкви: это колодецъ, какимъ его изображаютъ на иконахъ Богоматери, сѣдящей въ купели [1]; изъ него течетъ вода, исцѣляющая недужныхъ. Эта церковь великолѣпна и имѣетъ два большихъ подсвѣчника изъ желтой мѣди. Намъ сообщали,

---

[1] Здѣсь у Бельфура оставлено безъ перевода арабское слово, невѣрно прочитанное имъ вмѣсто *джорнъ*—купель.

что по образцу ихъ патріархъ Карама [1] заказывалъ подсвѣчники для алеппской церкви. Тѣ и другіе венеціанской работы. Живопись въ этой церкви высокохудожественная.

Изъ нея мы пошли въ третью церковь во имя Богоматери Милосердной и св. Іоанна Богослова. Тамъ три большихъ иконы, изображающія Откровеніе св. Іоанна съ семью печатями. Подъ зданіемъ находится мѣсто, гдѣ ученики погребли его.

Отсюда мы прошли въ очень обширную церковь, которая была одною изъ великолѣпнѣйшихъ церквей православныхъ во времена греческой имперіи, а теперь въ рукахъ франкскихъ іезуитовъ. Она весьма древняя и величественная и вся изукрашена мозаичными изображеніями господскихъ праздниковъ съ надписью греческими буквами. Колокольня высокая и древней постройки.

Затѣмъ мы прослѣдовали въ четвертую церковь, вблизи предыдущей, во имя Господа нашего Іисуса Христа. Въ ней есть агіасма, или святой источникъ.

Оттуда мы прошли къ пятой церкви во имя св. Димитрія. На стѣнѣ вокругъ двери изображено „Всякое дыханіе“, т.-е. „Хвалите Господа съ небесъ.... хвалите Господа всѣ тварн, звѣри и твердь.... мразъ, снѣгъ“ и пр.

Шестая церковь, въ которую мы пришли, посвящена Богоматери и находится близъ стѣнъ; седьмая—во имя св. Іоанна Крестителя и имѣетъ агіасму; восьмая—во имя святителя Николая; девятая—во имя св. Іоанна Златоуста. Всѣ онѣ выстроены изъ дерева и покрыты кровлей, украшены иконостасами и паникадилами, также золотыми надписями внутри и снаружи.

Наконецъ, мы осмотрѣли сгорѣвшую церковь франковъ. Вышиной и размѣрами, формой и построеніемъ она равнялась Св. Софіи и была украшена внутри и извнѣ мозаичными съ золотомъ изображеніями господскихъ праздниковъ. Надъ дверьми на стѣнѣ изображено мозаикой Успеніе Богоматери. Всѣ надписи на франкскомъ языкѣ. На мѣстѣ ея и изъ ея матеріала сколько бы можно выстроить малыхъ церквей! Но она разрушена и покинута и къ тому же въ рукахъ франковъ.

ГЛАВА XI.

Константинополь.—Пожаръ. Поѣздка въ Кумъ-Кану.

Подъ среду, 10 ноября, въ Константинополѣ случился большой пожаръ, длившійся до четверга, причемъ выгорѣло самое сердце города: я разумѣю рынки и безистаны (суконные ряды). Пожаръ рас-

[1] Антіохійскій патріархъ Евѳимій Карама, ум. въ 1635 г.

пространялся далѣе, пока не достигъ Кумъ-Капу, части города въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Одунъ-Чарши, или Дровянымъ рынкомъ, и Мейдана Катиръ Гильманъ, или площадки погонщиковъ муловъ. Сгорѣло по счету до сорока, если только не до пятидесяти тысячъ лавокъ, пятнадцать тысячъ большихъ и малыхъ домовъ частныхъ лицъ, триста пекарень, нѣсколько бань и тридцать два хана, или каравансарая. Ханъ *Эльчсра*, или Райскій, былъ истребленъ со всѣмъ въ немъ находившимся; то же случилось и съ ханомъ Пири-Паша. Балтаджи и бостанджи (стражи Сераля) были не въ силахъ справиться съ работой по сломкѣ окололежащихъ зданій, пока не вызвали себѣ на подмогу простой народъ. Огонь крутился вихремъ, перелетая съ мѣста на мѣсто, какъ птица на крыльяхъ. Усыпальницы и богоугодныя заведенія, выстроенныя изъ мрамора, во множествѣ пострадали; обгорѣли даже верхушки минаретовъ. Гдѣ вчера, какъ мы знали, были базары, ханы и многолюдные дома, тамъ, на разсвѣтѣ сегоднешняго утра, оказалось опустѣлое мѣсто, исторгающее слезы у зрителя и окруженное толпой плачущихъ. Избави, Боже, родину нашу отъ такого бѣдствія!

Но строители были немедленно призваны къ дѣлу, и не прошло мѣсяца времени, какъ, глядишь, все уже вернулось къ прежнему, и отъ пожара не осталось ничего, кромѣ мѣста, гдѣ онъ былъ. И могло ли быть иначе въ этомъ средоточіи царства?

Въ этотъ день я посѣтилъ знаменитую церковь св. Николая у Агія-Капу, или вратъ св. Евѳиміи. Эта церковь обращена въ мечеть. Потомъ я осматривалъ преславную церковь Владычицы нашей, стоящую выше первой; въ ней есть агіасма, или святой источникъ, исцѣляющій всякіе недуги.

Въ день праздника св. Іоанна Златоуста я оправился въ Топханэ, нанялъ здѣсь лодку и переплылъ къ Кызъ-Кулеси, или Дѣвичьей башнѣ, построенной на небольшой скалѣ среди моря, напротивъ Скутари, и мы пили вкусную воду тамошняго источника. Отсюда мы проѣхали въ Кады-Кёй, т.-е. въ Халкедонію, и я посѣтилъ здѣшнюю церковь во имя Господа нашего Іисуса Христа; это соборъ съ высокими куполами, весь каменный и очень древній. Потомъ чрезъ Скутари и Топханэ я вернулся къ себѣ домой въ Фанаръ.

Накануиѣ воскресенья передъ рождественскимъ постомъ мы служили вечерню въ монастырской церкви. За три дня передъ этимъ духовенство и именитые граждане изъ Кумъ-Капу приходили къ нашему владыкѣ патріарху и, принеся ему разрѣшеніе отъ своего патріарха, пригласили его совершить вторично литургію въ ихъ церкви

во имя Владычицы нашей Богородицы въ Пустынѣ по тому случаю, что они весьма радовались, что вышеупомянутый пожаръ, свирѣпствовавшій со всѣхъ сторонъ и очень близко къ нимъ подступавшій, ихъ однако не коснулся, и они были увѣрены, что, конечно, онъ былъ отстраненъ отъ нихъ силой молитвъ нашего владыки. Итакъ, рано утромъ въ означенное воскресенье мы поѣхали къ нимъ водой въ лодкѣ. Всякій разъ какъ намъ приходилось переплывать море въ этомъ направленіи, мы испытывали сильный страхъ, какъ только подходили къ мѣстности за Сералемъ, именуемой *Бурну-Серай* [1], и наше положеніе казалось намъ безпомощнымъ, потому что море здѣсь чрезвычайно опасно, вслѣдствіе чернаго потока [2] воды изъ Богаза, или Босфора, въ Бѣлое (Средиземное) море. И дѣйствительно, сколько большихъ судовъ пошло здѣсь ко дну!

По прибытіи нашемъ въ ихъ поселеніе, жители встрѣтили насъ съ крестнымъ ходомъ, и литургія была совершена въ высшей степени торжественно. Мы пробыли у нихъ до среды, 19 ноября, и возвратились домой.

Мы разспрашивали о церкви Макаристи, т.-е. Богоматери Преблаженной, о которой сообщается въ греческой исторіи, переведенной нами на арабскій языкъ, что ее передѣлали въ патріаршія палаты, а позднѣе въ храмъ св. Апостоловъ. Она стоитъ на холмѣ, который повыше Фанара и патріаршаго дома и почти на полпути между этою частью города и мечетью султана Мохаммеда. Теперь это красивая мечеть, заключающая въ себѣ нѣсколько древнихъ колодцевъ.

Мы были освѣдомлены отъ многихъ лицъ, что за Одунъ-Чарши, или Дровянымъ рынкомъ, у задней стѣны хана Валидэ, есть малая мечеть, бывшая въ древности церковью, съ высокимъ четырехугольнымъ куполомъ, увѣнчаннымъ крестомъ, который иногда видѣнъ съ Одунъ-Чарши, иногда нѣтъ. Я не успокоился, пока не отыскалъ ея, и пошелъ къ ней. Церковь остается въ своемъ первоначальномъ видѣ; я видѣлъ и самый крестъ. Со мной было цѣлое общество, и мы вернулись весьма довольные.

ГЛАВА XII.

Константинополь.—Махалле-Ассамата.

Въ четвергъ священники и именитые люди изъ Махалле-Ассамата приходили пригласить нашего владыку патріарха, съ разрѣшенія

---

[1] Правильнѣе: Серай-Бурну (мысъ Сераля).

[2] Авторъ, вѣроятно, разумѣетъ подъ этимъ такъ-называемое *Шейтанъ-акиндиси*, опасное теченіе въ Босфорѣ.

константинопольскаго, и просить его пожаловать къ нимъ для совершенія литургіи въ ихъ округѣ. Мы сопутствовали имъ водой въ лодкѣ около 16 миль, ибо окружность стѣнъ Константинополя составляетъ, какъ говорятъ, 12 миль. Махалле (кварталъ) Ассамата есть узкая полоса земли, вдающаяся въ море, такъ что три четверти его имѣютъ видъ острова; остальная четверть примыкаетъ къ Адріанопольскимъ воротамъ позади Фанара. Вся эта мѣстность покрыта виноградниками и садами, гдѣ во множествѣ растутъ фисташковыя деревья. Жители встрѣтили насъ съ торжествомъ: въ ихъ поселеніе мы прибыли при закатѣ солнца наканунѣ перваго воскресенья рождественскаго поста. Рано утромъ мы совершили литургію въ церкви императора Константина Великаго; она весьма древняя и очень чтимая, величественная и благолѣпная, выстроенная изъ камня и украшенная главами. Въ ней иконы: Господа нашего Іисуса Христа, Владычицы нашей Богородицы, святителя Николая и св. Іоанна Крестителя, всѣ древнія, большихъ размѣровъ и великолѣпно украшенныя; полагаютъ, что онѣ современны императору Константину. Многочисленное собраніе присутствовало за литургіей, за коею послѣдовало посвященіе діаконовъ. Мы сподобились приложиться къ правой рукѣ императора Константина: это кость, желтая какъ золото.

Ничто меня такъ не восхищаетъ въ церквахъ Константинополя и окрестныхъ странъ, какъ пѣніе мальчиковъ, пѣніе ими „Святый Боже“ предъ чтеніемъ апостола, „Аллилуія“ послѣ евангелія и „Господи помилуй“ во все время ектеніи, и прелесть ихъ сладкозвучныхъ напѣвовъ.

Въ древности Махалле Ассамата назывался по-гречески *Пасоматія* (Псаматія), а по-турецки называется Махалле Караманъ, ибо султанъ Мохаммедъ, сдѣлавшись обладателемъ города, вызвалъ жителей изъ Караманіи и, поселивъ ихъ здѣсь, далъ имъ церковь, а мѣсто назвалъ по ихъ имени. Въ этой именно Псаматіи случилось, во время появленія ересей, что юноша былъ восхищенъ на воздухъ и слышалъ ангельское пѣніе „Святый Боже“ и проч. и, спустившись на землю, повторилъ слышанное ангельское славословіе Господа [1].

Послѣ обѣдни и угощенія мы осматривали остальныя церкви Саматы. Вторая—во имя святителя Николая—весьма благолѣпна; третья

---

[1] У Бельфура это мѣсто передано очень запутанно. Предполагая, что авторъ разсказываетъ (быть-можетъ не совсѣмъ точно) объ извѣстномъ чудѣ касательно Трисвятой пѣсни, мы въ этомъ смыслѣ видоизмѣнили непонятный переводъ Бельфура.

церковь Богоматери; четвертая—св. Георгія, древняя, съ каменными куполами и древнимъ помостомъ. Въ ней есть на стѣнѣ образъ св. Георгія, цвѣтной мозаикой по золоту, весьма древній и изумительнаго художества, и агіасма, каковыя имѣются, вѣроятно, во всѣхъ церквахъ Константинополя. Мы прикладывались къ мощамъ св. Анастасіи, которая избавляетъ отъ чарованій. Изъ всѣхъ церквей Константинополя, включая и патріаршую церковь, нѣтъ ни одной столь древней изъ временъ христіанскихъ императоровъ, какъ церковь въ Махалле Караманъ.

ГЛАВА XIII.

Константинополь.—Семь Башенъ. Живоносный Источникъ.

Въ понедѣльникъ, 23 ноября, мы встали съ разсвѣтомъ, намѣреваясь покинуть здѣшнихъ жителей, выѣхали съ ними и прибыли къ Еди-Куле, или Семи Башнямъ. Во всѣхъ стѣнахъ и укрѣпленіяхъ Константинополя нѣтъ красивѣе и крѣпче зданія, какъ эти башни и стѣны, окружающія ихъ тройнымъ рядомъ, одинъ внутри другого. Оттуда черезъ Топъ-Капу, или Пушечныя ворота, мы отправились на христіанское кладбище, гдѣ находится агіасма, или святой источникъ, называемый въ синаксаріи *зоотокопиги*, т.-е. Живоносный Источникъ, посвященный Богоматери, празднество которому совершается въ пятницу Пасхальной недѣли. Теперь онъ называется Святой Источникъ въ Балыклы, или церкви рыбъ. Мы спустились къ нему по ступенямъ и пили его благодатную воду, исцѣляющую недуги. Здѣсь христіане проводятъ понедѣльникъ по Воскресеніи Христовомъ: ѣдятъ, пьютъ и всячески веселятся. Послѣ того мы прошли чрезъ Адріанопольскія ворота и возвратились въ свое жилище въ Фанарѣ. Я пошелъ осмотрѣть источникъ Влахерны, нынѣ оставленный въ небреженіи и почти забытый, находящійся въ кварталѣ *Палати* (Балата), насупротивъ Хасъ-Кёя и выше Фанара. Я вошелъ въ огороженное зданіе, обитаемое цыганскимъ таборомъ; оно было церковью, отъ которой остается, впрочемъ, мало признаковъ. Внутри я нашелъ источникъ, текущій изъ пещеры, которая въ древности была въ ризницѣ алтаря. Выйдя оттуда, я посѣтилъ благолѣпную и обширную церковь св. Димитрія, находящуюся въ той же мѣстности, и потомъ церковь нашей Владычицы, гдѣ мы прикладывались къ иконѣ Ея, которая была пронзена копьемъ, причемъ изъ нея истекла кровь.

Наканунѣ второго воскресенья рождественскаго поста мы присутствовали за всенощной, а утромъ за литургіей, въ церкви константинопольскаго патріарха, потому что нашъ владыка пожелалъ про-

ститься съ нимъ и продолжать путешествіе. Послѣ обѣдни константинопольскій патріархъ повелъ нашего владыку къ себѣ въ палаты. Они со слезами прощались другъ съ другомъ; оба, преклонивъ главы, одинъ надъ другимъ читали молитвы, и константинопольскій далъ нашему патріарху пространныя и прекрасныя письма, какъ къ государямъ, такъ и къ своимъ подчиненнымъ.

ГЛАВА XIV.

Константинополь.—Босфоръ. Терапія.

Въ понедѣльникъ, 29 ноября, мы отплыли изъ Константинополя въ каикѣ и пристали въ Неохори, или Ени-Кёй, чтобы нанять судно и плыть по Черному морю въ Молдавію. Путешествіе сухимъ путемъ на Адріанополь было затруднительно для насъ по двумъ причинамъ: первая та, что потребовалось бы на путевыя издержки и наемъ повозокъ болѣе 500 піастровъ; второю причиной являлся холодъ и обиліе снѣга и дождя. Этотъ богазъ, или проходъ Чернаго моря былъ продѣланъ въ древнія времена Александромъ и плаваніе по нему весьма затруднительно. Отъ Галаты до Неохори, справа и слѣва, видны хутора и дома, дворцы и серали, принадлежащіе султану, а также сады, виноградники, гульбища, купальни и т. п. Мы остановились въ Неохори, въ домѣ Дадьяна Ранса, по прозванію Калокари и Теодори; а сына его зовутъ Язгаки. Увѣковѣчи ихъ, Боже, и продли дни жизни ихъ! ибо ихъ щедротъ и благодѣяній къ намъ и къ пришельцамъ вообще не можетъ выразить языкъ смертнаго.

Въ третье воскресенье рождественскаго поста, которое пришлось 5-го декабря и совпало со днемъ празднованія памяти св. Саввы, нашъ владыка патріархъ совершилъ для упомянутаго селенія литургію въ церкви свв. Георгія и Саввы, а затѣмъ во вторникъ служилъ вторую обѣдню въ церкви святителя Николая, такъ какъ это былъ день его праздника.

Послѣ полудня въ понедѣльникъ, по четвертомъ воскресеньи рождественскаго поста, нашъ владыка патріархъ совершилъ въ храмѣ Богоматери за всенощнымъ бдѣніемъ отпѣваніе, по нашему уставу, усопшей Миры, жены хаджи Абдалла (Θеодула), сына священника Мансора, въ присутствіи ея дѣтей, а во вторникъ утромъ, 14-го декабря, служилъ по ней заупокойную обѣдню. Была по ихъ обычаю поминальная трапеза изъ кутьи съ виномъ и хлѣбомъ.

Затѣмъ мы снесли наши пожитки на корабль, при появленіи попутнаго вѣтра, называемаго *нотосъ*, или южный вѣтеръ, котораго

ждали суда, назначенныя идти въ пристань Галацъ на Черномъ морѣ. Въ тотъ же вторникъ, послѣ полудня, насъ отвезли на двухъ лодкахъ къ кораблю, стоявшему на якорѣ въ мѣстѣ, называемомъ по-турецки Кара-Ташъ, а по-арабски Сахръ-Альасвадъ, или черная скала, близъ входа въ Черное море и устья Босфора, повыше второй изъ крѣпостей, построенныхъ турками въ этомъ проливѣ, ибо, прежде чѣмъ достигнешь Неохори, видишь справа и слѣва два большихъ укрѣпленія. Здѣсь стоятъ еще два укрѣпленія, а выше ихъ, на вершинѣ холма, два древнихъ замка обширныхъ размѣровъ, нынѣ въ развалинахъ, построенные, какъ говорятъ, Александромъ.

Еще выше стоитъ обитель во имя Успенія Богоматери, называемая по-гречески *монастири ту мавромолу*, то-есть, монастырь черной скалы. Я ходилъ его осматривать. Онъ расположенъ на вершинѣ холма, обитаемъ сорока иноками и имѣетъ большую древнюю церковь; внѣ ея святой источникъ, изъ котораго обильно бьетъ вода, очень вкусная и цѣлебная. Надъ нимъ на стѣнѣ чудотворная икона Богоматери Пантанаса (Вседержительницы), прославленная исцѣленіемъ болѣзней. Внутри церкви есть другая агіасма.

Наконецъ, мы вступили на палубу корабля. Небо было совершенно ясно, блестѣли звѣзды, и капитанъ рѣшилъ отплыть въ полночь, какъ вдругъ подулъ сильный вѣтеръ, поднялась страшная буря и повалилъ хлопьями снѣгъ, что продолжалось съ этой ночи до слѣдующей. Въ это время четыре корабля, которые осмѣлились выйти изъ Босфора, потерпѣли крушеніе, а мы, подъ водительствомъ Всевышняго, искусными передвиженіями возвратились на своемъ кораблѣ отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, назадъ къ селенію, именуемому Терапія, выше Ени-Кёя, и здѣсь бросили якорь. Тутъ мы нашли много кораблей, стоявшихъ на якорѣ, и остановились въ одномъ домѣ у христіанъ, которые имѣютъ здѣсь 120 домовъ. Между жителями нѣтъ ни одного турка, ибо въ селеніи есть церковь во имя св. Георгія, и нынѣ не престающаго чудодѣйствовать: какъ только кто-либо изъ нихъ отступитъ отъ вѣры, того святой истребляетъ. Вотъ почему ни одинъ невѣрный не живетъ среди здѣшнихъ христіанъ.

Въ пятницу, 17 декабря, нашъ владыка патріархъ служилъ обѣдню въ упомянутой церкви Терапіи и варилъ муро, хотя было чрезвычайно холодно и стоялъ крѣпкій морозъ. Также и въ канунъ воскресенья св. Отецъ мы были тамъ за всенощной, а на утро онъ совершилъ литургію и варилъ муро. Мы прочли четыре евангелія, по обычаю нашему, на персидскомъ, турецкомъ, арабскомъ и грече-

скомъ языкахъ. Присутствовало множество народа съ кораблей, стоявшихъ на якорѣ.

Наканунѣ пятницы и предпразднества Рождества Христова, киръ Паисій, патріархъ константинопольскій, прислалъ нашему владыкѣ патріарху грамату съ приглашеніемъ отъ себя и отъ большинства архіереевъ,—ибо они весьма полюбили нашего владыку патріарха, будучи не очень расположены къ своимъ и ко всякому другому—дабы оба патріарха соборне служили литургію. Они говорили: „къ счастью для насъ антіохійскій патріархъ былъ задержанъ, пока не совершитъ среди насъ литургіи въ праздникъ Рождества Христова, и мы получимъ въ этотъ день изъ рукъ его Св. Дары".

ГЛАВА XV.

Константинополь.—Служеніе въ Фанарѣ.

Итакъ, нашъ владыка патріархъ поѣхалъ въ лодкѣ, въ сопровожденіи присланныхъ за нимъ священниковъ, и мы прибыли въ Константинополь въ пятницу утромъ.

Мы помѣстились въ покояхъ Кирилла александрійскаго, бывшаго впослѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ. Они отмѣнной красоты и были построены имъ собственно для себя и изукрашены всякими мраморами, цвѣтными изразцами и хрусталемъ; находясь въ самой верхней части зданій, они входятъ въ составъ патріаршихъ палатъ. Патріархъ не имѣетъ обыкновенія выходить къ часамъ въ ночь на предпразднество: ихъ откладываютъ до разсвѣта; и при первыхъ проблескахъ зари оба патріарха, въ мантіяхъ и съ посохами, сошли вмѣстѣ въ церковь. Немедленно чтецы начали часы и пареміи изъ пророчествъ и пр. По раздачѣ антидора патріархи вышли изъ церкви и, преподавъ благословеніе присутствовавшимъ, въ то время какъ свѣщеносецъ съ серебрянымъ посвѣчникомъ возглашалъ каждому изъ нихъ многолѣтіе, поднялись въ диванъ, въ предшествіи янычаръ (кавасовъ) съ жезлами, и сѣли оба на троны, въ мантіяхъ, окруженные архіереями, священниками и именитыми людьми. На столѣ стояли двѣ хрустальныхъ чаши съ виномъ и водкой и, по числу апостоловъ, двѣнадцать блюдъ индійскаго издѣлія, доверху наполненныхъ кушаньемъ. Первымъ пилъ патріархъ константинопольскій, причемъ пѣвчіе пѣли ему многолѣтіе. Тогда онъ прочелъ молитву за митрополитовъ и прочихъ присутствующихъ и по очередно каждому пожелалъ добраго здоровья. Тоже самое сдѣлали потомъ патріархъ антіохійскій, архіереи и пр. Послѣ того оба патріарха раздавали собрав-

шимся частицы (панагіи), и мы перешли къ трапезѣ въ палату, находящуюся надъ диваномъ, со множествомъ оконъ, обращенныхъ къ морю, изъ которыхъ открывается великолѣпный видъ. Патріархи во время обѣда сидѣли каждый на отдѣльномъ сѣдалищѣ, одинъ подлѣ другого, а митрополиты размѣстились отъ нихъ вправо и влѣво. Выйдя изъ-за стола, мы пошли отдохнуть. Когда дворцовые часы пробили десятый часъ ночи (4 часа утра), константинопольскій патріархъ самъ пришелъ къ нашему владыкѣ, и оба вмѣстѣ сошли въ церковь и пр.

Послѣ непрерывныхъ трехдневныхъ торжественныхъ служеній [1]

---

[1] Бельфуръ опустилъ описаніе этихъ служеній, приведя изъ него отрывокъ на арабскомъ языкѣ, который мы даемъ въ переводѣ: „Тогда патріаршіе пѣвчіе и ихъ товарищи, присутствовавшіе (въ храмѣ), пѣли отъ начала службы до конца очень протяжно и весьма благозвучно. По седьмой (шестѣ) оба патріарха сошли, приложились къ евангелію и благословляли народъ, какъ мы уже прежде сказали объ нихъ. Архидіаконъ константинопольскій кадилъ при девятой (шестѣ). Потомъ вошли второй и третій діаконы и приняли благословеніе отъ патріарховъ съ неоднократными метаніями, за ними вошли и тоже сдѣлали я, архидіаконъ антіохійскій, и третій діаконъ; послѣ насъ вошли вмѣстѣ великій экономъ Константинопольской церкви и великій экономъ Антіохійской церкви, за ними протосингелы обоихъ патріарховъ; наконецъ три другихъ священника, дополнившіе число ихъ до семи, а насъ, дьяконовъ, было пять-шесть.

Старосты церковные вынули въ этотъ день еще два серебряныхъ подсвѣчника, длиною въ два локтя съ половиною, больше прежнихъ, о которыхъ мы упоминали, и кромѣ того два подсвѣчника съ подножіями, которые были поставлены на престолѣ, также очень большой крестъ и двое рипидъ. Равнымъ образомъ они поставили предъ дверями церкви подъ ковчегомъ, въ которомъ хранятся мощи святыхъ, большой столъ, на которомъ размѣстили разнородные потиры, дискосы, кадила и два серебряныхъ подсвѣчника—всѣ вещи очень цѣнныя и рѣдкостныя. У нихъ здѣсь такой обычай, что они становятся съ писцами патріарха и записываютъ церковные доходы.

Послѣ „Всякое дыханіе“ патріархи, сойдя съ мѣста, прикладывались къ св. иконамъ, за ними митрополиты, священники и остальные присутствующіе по обычаю. При первомъ часѣ пришелъ экклесіархъ и разостлалъ ковры въ алтарѣ и на каѳедрѣ. Вечеромъ разостлалъ онъ отъ царскихъ вратъ до средины церкви, то-есть между патріаршими мѣстами, красное сукно и отъ одного мѣста до другого ковры. На нихъ поставили два франкскихъ кресла, обитыхъ краснымъ бархатомъ съ серебряными вызолоченными гвоздями. Тогда мы, архидіаконы константинопольскій и антіохійскій, вышли изъ алтаря съ трикиріями въ рукахъ и орарями, завернутыми на лѣвое плечо. Затѣмъ вышли вторые два діакона, каждый съ крестомъ, а патріархи сошли съ своихъ сѣдалищъ одновременно и долго молились предъ иконами съ земными поклонами, потомъ благословили на-

въ церкви и пышныхъ угощеній въ диванѣ, во вторникъ, слѣдовавшій за праздникомъ Рождества Христова, нашъ владыка патріархъ простился съ константинопольскимъ, который сопроводилъ его въ церковь, гдѣ прочелъ напутственную молитву. Потомъ онъ вышелъ съ нимъ на наружный дворъ и послалъ митрополитовъ въ предшествіе его, священникамъ и діаконамъ велѣлъ нести концы его мантіи, а капиджіямъ съ жезлами идти впереди, пока не привели его на каикъ, гдѣ они вторично попрощались съ нимъ и возвратились къ себѣ. А мы прослѣдовали въ Ени-Кёй, гдѣ пробыли до утра пятницы, послѣдняго дня декабря, и тогда отправились въ Терапію, чтобы быть поближе къ нашему кораблю. Вечеромъ слушали вечерню. Въ субботу утромъ 1 января, когда приходится праздникъ Обрѣзанія Господня, мы совершали литургію въ тамошней церкви, а послѣ полудня вечерню наканунѣ воскресенья предъ Крещеніемъ. Когда стемнѣло, пріѣхалъ къ нашему владыкѣ патріарху на лодкѣ протосингелъ патріарха константинопольскаго съ почетной граматой отъ него и отъ архіереевъ, въ которой расточались ему великія похвалы и говорилось, что Всемогущій удержалъ его, дабы онъ могъ въ третій разъ почтить ихъ своимъ посѣщеніемъ и присутствовать въ ихъ синодѣ. Съ нами случилось быть киръ Давиду, митрополиту кадишскому, который былъ возведенъ въ этотъ санъ въ тотъ самый день, когда мы впервые въѣхали въ Константинополь, а теперь намѣревался ѣхать въ свою епархію, но подобно намъ былъ задержанъ противными вѣтрами.

ГЛАВА XVI.

Константинополь.—Отлученіе отъ церкви.

Итакъ, въ назначенное воскресенье утромъ мы отправились вмѣстѣ въ патріаршія палаты, гдѣ насъ поджидали и ради насъ медлили съ началомъ литургіи. Всѣ встали, привѣтствовали нашего владыку и повели его, въ мантіи и съ посохомъ, въ церковь со свѣчами. Здѣсь онъ сталъ впереди своего патріаршаго мѣста. Константинопольскій патріархъ также присутствовалъ. Какъ только окончилась служба,

---

родъ и сѣли на упомянутыя кресла. Вышли два третьихъ діакона съ двумя патріаршими митрами на блюдахъ, покрытыхъ золотыми платками. Также вышли два священника, и каждый въ рукахъ держалъ узелъ съ облаченіемъ. Три діакона и священникъ стали съ одной стороны, и три съ другой. Тогда всѣ присутствовавшіе митрополиты, по степенямъ, подходя къ одному патріарху дѣлали предъ нимъ малый поклонъ и цѣловали у него правую руку, и потомъ подходили къ другому; патріархи же привставали для нихъ со своихъ мѣстъ“ и т. д.

проповѣдникъ *Сириг* (Мелетій), второй священникъ церкви Хрисопиги (Золотого Источника) въ Галатѣ, ученѣйшій мужъ своего времени, превосходящій своихъ современниковъ, поборникъ истинной вѣры и защитникъ православія, взошелъ на каѳедру, долго проповѣдывалъ и немного поплакалъ: „Что значитъ это волненіе? Что за смута и нестроеніе въ церкви Божіей?“ какъ проповѣдывалъ Златоустъ, вернувшись послѣ изгнанія своего врагами Христовой церкви, которую онъ уподоблялъ кораблю среди моря, со всѣхъ сторонъ осаждаемому врагами. „И мы, ея чада, также готовы потопить ее!“ Въ такомъ духѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ онъ продолжалъ долго свою рѣчь и затѣмъ сошелъ съ каѳедры. Послѣ него отверзъ уста патріархъ константинопольскій и, вставъ съ своего мѣста, произнесъ слово, приличное случаю: по убіеніи патріарха Парѳенія киръ Іоанникій былъ избранъ ему преемникомъ и нѣкоторое время пользовался патріаршимъ достоинствомъ. Затѣмъ появился Кириллъ *Испанецъ* или *Коса* [1], митрополитъ тырновскій, и низложилъ его. И когда онъ вступилъ въ патріаршія палаты, ни единый человѣкъ не явился къ нему, ни епископъ, ни священникъ, ни мірянинъ, потому что онъ былъ всѣмъ ненавистенъ. Тутъ онъ пробылъ три дня и, не имѣя средствъ одарить визиря и другихъ, какъ обѣщалъ имъ, былъ низложенъ ими съ великимъ позоромъ, а на его мѣсто возвели Аѳанасія, обыкновенно называемаго Пателяріемъ [2]. Этотъ человѣкъ былъ прежде митрополитомъ ѳессалоникскимъ, потомъ сдѣлался патріархомъ по низложеніи Кирилла александрійскаго при султанѣ Мурадѣ. Низведенный съ престола, онъ перешелъ къ Василію, господарю молдавскому, который далъ ему въ Яссахъ церковь и монастырь со всѣми угодьями, а равно имущество и жителей городовъ Браилова и Исмаила съ ихъ доходами, всего до шести тысячъ домовъ. Тамъ онъ проживалъ до послѣдняго времени, когда, безъ дозволенія господаря, прибылъ въ Константинополь и опять сдѣлался патріархомъ, какъ мы сказали выше, изъ соперничества противъ Кирилла Коса; но не имѣя, чѣмъ бы могъ купить милость правителей, онъ продержался только 15 дней, былъ низложенъ и бѣжалъ обратно въ Молдавію. Тогда епископы и все духовенство, по своей собственной волѣ и выбору, возвели на патріаршество киръ Паисія, митрополита Лариссы, заставивъ его уступить епархію ларисскую и ея доходы за 12,000 піастровъ, или кошельковъ, тому лицу, которое ее получало. Этотъ Паисій былъ нашъ другъ,

---

[1] Бельфуръ ошибочно принялъ греческое прозвище *спаніосъ* (рѣдкобородый, по-турецки *кёсэ*) въ значеніи Испанецъ (Сильвестръ де-Саси).

[2] Въ текстѣ: Пателаронъ.

при немъ мы прибыли въ Константинополь. Онъ былъ человѣкъ уважаемый всѣми отъ мала до велика, кроткаго нрава и простой души. Что же касается синьора Кирилла Испанца, то онъ пребывалъ въ домѣ одного знатнаго человѣка, который ему покровительствовалъ. Также и низложенный Іоанникій проживалъ въ домѣ другого вельможи въ Галатѣ, и я, убогій повѣствователь, посѣтилъ его тамъ, гдѣ онъ жилъ скрытно, нося на головѣ бѣлую чалму.

И потому теперь владыки и духовенство составили соборъ и изрекли на Кирилла анаѳему и проклятіе за многія гнусныя дѣйствія, въ коихъ онъ оказался виновенъ, о чемъ обвинительныя статьи были положены въ алтарѣ патріархіи и при настоящемъ случаѣ прочитаны, въ заключеніе рѣчи патріарха, съ каѳедры передъ лицомъ всего собора протоактуаріемъ, или начальникомъ писцовъ. Статьи эти были слѣдующія: во-первыхъ, что вышеупомянутый Кириллъ поднялъ смуту противъ митрополита *карнатійскаго* (коринѳскаго?) и содѣйствовалъ его смерти, дабы незаконно завладѣть его престоломъ; во-вторыхъ, что онъ снова незаконно и насильственно занялъ престолъ филиппопольскій, еще при жизни архіерея означенной епархіи, безъ разрѣшенія тогдашняго патріарха, а лишь по произволу областныхъ правителей; въ третьихъ, что онъ овладѣлъ престоломъ халкидонскимъ таковымъ же способомъ, при пособіи свѣтской власти; въ четвертыхъ, тѣми же самыми средствами сдѣлался митрополитомъ тырновскимъ, и въ пятыхъ, что онъ, прибывъ (въ Константинополь), самовольно провозгласилъ себя патріархомъ и былъ виновникомъ умерщвленія Кирилла Александрійскаго [1] при султанѣ Мурадѣ. По этимъ причинамъ его предали проклятію и отлучили отъ святой (Соборной) Церкви, которая осуждаетъ его дѣянія. У владыкъ константинопольскихъ такой обычай, что каждый изъ нихъ можетъ быть въ первый разъ митрополитомъ одной епархіи и потомъ во второй разъ митрополитомъ другой, но не болѣе, хотя въ послѣднее время случалось, что занимали и третій престолъ. По удаленіи съ престола, таковой владыка проживаетъ на покоѣ съ титуломъ архіерея, не имѣя уже права занять еще престолъ, согласно ихъ новымъ узаконеніямъ, такъ какъ по ихъ мнѣнію это равнозначуще съ бракомъ. Можетъ случиться, что онъ изъ этого состоянія возводится въ патріархи; но ежели бы онъ занялъ четвертый престолъ, то попалъ бы въ положеніе человѣка,

[1] Константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ, казненный въ 1638 г. по интригамъ веррійскаго митрополита Кирилла.

женившагося за четвертой женѣ, и былъ бы преданъ анаѳемѣ и отлученію.

Послѣ того какъ чтецъ сошелъ съ амвона, патріархъ константинопольскій произнесъ на Кирилла анаѳему по бумагѣ, которую онъ читалъ, говоря: „я сдѣлался патріархомъ не посредствомъ денегъ или волею правителей, но по желанію всѣхъ васъ. Этотъ же презрѣнный строитъ противъ насъ козни и старается намъ вредить, а потому всякъ, кто пособляетъ ему, да будетъ проклятъ!“

Потомъ попросили и нашего владыку патріарха анаѳемствовать Кирилла, и онъ произнесъ рѣчь на арабскомъ языкѣ, которую пояснялъ переводчикъ, что продолжалось около часа, и изрекъ анаѳему на Кирилла и пособниковъ его, причемъ былъ въ епитрахилѣ и омофорѣ. Тогда я передалъ бумагу присутствовавшимъ тутъ митрополитамъ, облаченнымъ также въ епитрахили и омофоры, числомъ двѣнадцать, и они всѣ поочередно прочли ее и провозгласили анаѳему. Кончивъ, занесли это второе засѣданіе въ протоколъ патріарха, который подписалъ его и скрѣпилъ печатью, что сдѣлали и всѣ вышепомянутые владыки, а затѣмъ встали и пошли къ трапезѣ.

Мы остались въ палатахъ до утра среды, сочельника, или навечерія Богоявленія, когда оба патріарха сошли въ церковь при первомъ проблескѣ разсвѣта, и пѣвчіе запѣли и пр. [1] Потомъ они прошли въ диванъ и справили торжество подобное бывшему наканунѣ Рождества: пили здравицы и пр. Когда пробило 10 часовъ ночи, они снова сошли въ церковь и совершили служеніе по уставу праздника Крещенія. Послѣ того они трапезовали до полудня и простились другъ съ другомъ въ третій разъ. Константинопольскій патріархъ послалъ своихъ капиджи, дьяконовъ и епископовъ проводить нашего владыку до берега, гдѣ они попрощались съ нами и вернулись. Мы же поплыли въ лодкѣ и, миновавъ Ени-Кёй, спѣшно прибыли въ Терапію, ибо дулъ попутный южный вѣтеръ. Тамъ мы присутствовали у обѣдни въ пятницу, во второй день Крещенья.

ГЛАВА XVII [2].

Черное море.

Послѣ полудня нашъ корабль снялся, и мы вмѣстѣ съ другими кораблями пришли и бросили якорь близъ *Фанари*, или маяка, мѣста

[1] Слово „и пр.“ показываетъ, что англійскій переводчикъ опустилъ описаніе служенія и обѣденной церемоніи.

[2] Отсюда начинается переводъ съ арабскаго, съ котораго переведено также введеніе.

знаменитаго, ибо здѣсь Александръ вырылъ проливъ, такъ что Черное море стало вливаться въ Бѣлое (Средиземное). Проливъ этотъ есть прорѣзъ въ горѣ, поражающій изумленіемъ умъ человѣческій. Мы вышли изъ судна и поднялись къ укрѣпленію, расположенному на горѣ, гдѣ стоитъ столбъ изъ превосходнаго бѣлаго мрамора, воздвигнутый Александромъ; на немъ начертаны греческія письмена на древне-эллинскомъ языкѣ, которыхъ никто не могъ разобрать. Восхожденіе туда очень трудно. Спустившись внизъ, мы поднялись къ близъ лежащей деревнѣ Фанаръ, гдѣ осматривали древнюю величественную башню, существующую со временъ Александра. На верхушкѣ ея устроены три фонаря, каждый побольше факела; ихъ зажигаютъ ночью, заправляя смолой, дегтемъ, масломъ и т. п., для указанія кораблямъ безопаснаго пути въ башнѣ, ибо море здѣсь (спаси насъ, Боже!) весьма опасно, на что указываетъ самое имя башни, по которой и мѣстность и деревню называютъ Фанаръ. Жители ея христіане и имѣютъ церковь во имя св. Георгія, въ коей мы слушали девятый часъ и вечерню.

Въ пятницу вечеромъ нашъ корабль снялся съ якоря и мы шли въ хорошую погоду при южномъ вѣтрѣ, который потомъ усилился до того, что мы едва не потонули, но промысломъ Божіимъ причалили къ пристани, именуемой по-гречески Лиманія Костанза, а по турецки Кюстендже, и выгрузили свои вещи. Это было въ полдень въ воскресенье по Богоявленіи. Первоначально мы имѣли намѣреніе плыть еще триста миль, войти въ Дунай и подняться по нему въ Молдавскую землю, но высадились въ этомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ все пространство, пройденное нами досюда отъ Константинополя, составляетъ болѣе трехсотъ миль.

Тутъ мы пробыли два дня, потому что у насъ голова шла кругомъ отъ великаго страха и ужаса, испытаннаго среди бушеванія огромныхъ валовъ, врывавшихся въ нашъ корабль, который то падалъ въ долину, то взбирался на гору. Такъ было при попутномъ вѣтрѣ, но что, если-бы, сохрани Боже! вѣтеръ былъ противный? Намъ показывали близъ упомянутой пристани до 120 разбитыхъ кораблей, потопувшихъ съ людьми и со всѣмъ грузомъ [въ ту ночь, когда передъ наступленіемъ праздника св. Димитрія буря налетѣла на насъ со стороны Бузбуруна]. Море это отъ одного конца до другого лежитъ въ долинѣ, окаймленной высокими горами и оттого волны не разливаются по его берегамъ, а остаются внутри ихъ. Намъ видны были его берега съ обѣихъ сторонъ и рѣдко бывало, чтобы они скрывались отъ нашихъ взоровъ. Это не то, что Бѣлое (Средиземное) море-

пространное, съ отлогими берегами, о которые разбиваются его волны. Говорятъ, что Черное море имѣетъ въ окружности восемь тысячъ миль [такъ что отъ того мѣста, гдѣ корабли вступаютъ въ Дунай, приходится плыть еще около 500 миль, то-есть почти столько же, если не больше, сколько до того мѣста отъ Константинополя.] Но плаваніе по нему крайне затруднительно: все изгибы и объѣзды, а часто и мелководье и сверхъ того великое множество морскихъ разбойниковъ.

Справа отъ насъ были: Трапезунтъ, Синопъ, Кастамунъ и бухта *Микрара* (Мингреліи), черезъ которую можно проникнуть въ Грузію; насупротивъ насъ находились: Кафа, страна татаръ и хана, слѣва: Румелія, Силистрія и Добруджа, къ которой мы пристали. Всѣ ея жители татары-мусульмане, ибо султанъ Мохаммедъ, покоривъ эти страны, вывелъ изъ нихъ христіанскихъ жителей и заселилъ этими татарами, народомъ враждебнымъ христіанамъ. Большая часть ихъ изъ Караманіи и нашей страны. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы они охраняли берега Дуная отъ враговъ своихъ — христіанъ, такъ какъ эта степная страна составляетъ границу Румеліи по сю сторону Дуная противъ Молдавіи и Валахіи. Татарскія жилища до самыхъ береговъ Дуная выстроены изъ дерева и крыты соломой.

Мы пробыли два дня въ вышеупомянутой Лиманіи и наняли пять арбъ и десять верблюдовъ, кои всѣ съ горбами, ибо таковы всѣ здѣшніе верблюды, которые лѣтомъ [и зимою] ходятъ безъ сѣделъ, ничѣмъ не покрытые. Для нашего владыки патріарха мы взяли карету съ лошадью. Наемъ всѣхъ повозокъ до рѣки Дуная обошелся въ 400 османскихъ (піастровъ).

ГЛАВА XVIII.

Болгарія.

Мы выѣхали изъ Кюстендже въ среду утромъ 12 января и ѣхали по низменнымъ мѣстамъ, гдѣ не видно ни камушка. Ночи проводили въ повозкахъ около деревень или въ открытомъ полѣ. Въ субботу утромъ мы прибыли въ христіанское болгарское селеніе, по имени *Иниклица* [1], на срединѣ Дуная. Къ нему есть путь и сушею. Оно состоитъ подъ властью мусульманъ, однако мы видѣли деревянные кресты вдоль дорогъ и на могилахъ. Въ селеніи есть церковь. Свиньи у жителей прирученныя [2] и ходятъ стадами.

[1] У Бельфура: Иглица.

[2] На родинѣ автора есть только дикія свиньи.

Выѣхавъ оттуда, прибыли въ городъ, называемый Мачинъ, на берегу Дуная. Въ немъ 420 домовъ болгаръ-христіанъ. Это послѣдній городъ, принадлежащій мусульманамъ и находящійся подъ управленіемъ силистрійскаго паши. Въ немъ есть чиновники и судья. Здѣсь мы провели воскресенье о Хананеянкѣ, а въ понедѣльникъ по утру наняли судно и, сѣвъ на него, поплыли на веслахъ по теченію Дуная, потому что на этой недѣлѣ ледъ растаялъ, послѣ того какъ по нему ѣздили въ повозкахъ и забавлялись конными ристаніями.

КНИГА II.

Молдавія.

ГЛАВА I.

Молдавія.—Галацъ.

Передъ закатомъ солнца мы пріѣхали въ Галанзу, или Галацъ, первое владѣніе Молдавіи. Что касается рѣки Дуная, то она очень велика и глубока и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того широка, что съ берега на берегъ не видать строеній и нельзя не только разобрать словъ, но и разслышать голоса человѣческаго. Между Мачиномъ и Галацемъ стоитъ городъ и крѣпость мусульманская, по имени Браиловъ, которая въ прежнее время была во владѣніи валаховъ, но отдана ими мусульманамъ и также составляетъ границу силистрійскаго пашалыка.

Мы высадились въ Галацѣ передъ закатомъ солнца въ понедѣльникъ 17 января. Какъ только мы въѣхали въ городъ, было послано извѣстіе господарю [1] съ каларашемъ, то-есть гонцомъ. Городскія власти и прочіе жители города вышли встрѣтить нашего владыку патріарха и повели его въ церковь во имя св. Димитрія, которую недавно выстроилъ высокопочтенный господарь Василій [2] и подарилъ Аѳанасію Паталарону [3], о коемъ мы упоминали выше. Когда этотъ послѣдній вторично уѣхалъ въ Константинополь и сдѣлался патріархомъ, господарь, разгнѣвавшись на него, отдалъ церковь монахамъ Святой Горы. Этотъ же Паталаронъ, при самомъ прибытіи нашемъ въ Молдавію, уѣхалъ въ Московію, ибо господарь былъ очень сердитъ на него, и, пробывъ тамъ полтора года, возвратился въ землю казаковъ, гдѣ умеръ на третій день Пасхи. При входѣ нашего владыки патріарха въ церковь, а также при выходѣ, по принятому у нихъ обычаю, звонили въ мѣдные колокола, замѣняющіе била. Это было въ первый разъ, что мы ихъ слышали (да не лишитъ насъ Богъ

---

[1] Авторъ вмѣсто *господарь* вездѣ употребляетъ турецкое *бей*.

[2] Молдавскій господарь Василій Лупулъ (т.-е. волкъ), отъ 1634 до 1654 г.

[3] Пателярію.

пріятныхъ ихъ звуковъ!) Мы пропѣли владыкѣ „Достойно есть“, а священники встрѣтили его въ облаченіяхъ, со свѣчами и кадильницами, возгласили ектенію „Помилуй насъ, Боже“ до конца, поминая его имя, а также имя господаря и его супругіи, и закончили служеніе многолѣтіемъ господарю, его супругѣ и сыну, какъ это у нихъ принято всегда въ концѣ службы. Затѣмъ нашъ владыка патріархъ вышелъ впередъ всѣхъ, въ предшествіи священниковъ со свѣчами, и сталъ у вратъ церковныхъ, гдѣ благословлялъ присутствовавшихъ, при выходѣ ихъ, по-одиночкѣ, по принятому у нихъ обычаю. Мы остановились въ домѣ, принадлежащемъ упомянутой церкви. Вечеромъ опять пошли въ церковь, послѣ того какъ зазвонили во всѣ колокола по случаю празднованія памяти свв. Аѳанасія и Кирилла, патріарховъ александрійскихъ, и отстояли вечерню. Поутру были за утреней, уходили къ себѣ„ а потомъ возвратились къ литургіи и вышли изъ церкви, пробывъ тамъ четыре съ половиной часа.

Въ Галацѣ восемь церквей, большая часть ихъ каменныя: двѣ во имя Владычицы, двѣ во имя Святителя Николая, двѣ во имя св. Димитрія, одна—св. Михаила и восьмая во имя св. Параскевы и св. Георгія. Самая благолѣпная изъ нихъ—во имя Владычицы: вся она изъ тяжелаго камня, съ тремя высокими стройными куполами, увѣнчанными великолѣпными золочеными крестами. Внутри большая башня для колоколовъ. Вся церковь имѣетъ бойницы и была вновь выстроена однимъ вельможей—христіаниномъ, грекомъ изъ крѣпости Браилова.

Въ среду мы выѣхали изъ Галаца въ каретахъ на данныхъ намъ лошадяхъ, а наша поклажа и спутники были отправлены впередъ на арбахъ, запряженныхъ быками. *Баркаламъ* (пырколабу [1]) Галаца, что по-валашски значитъ субаши или правитель, городскія власти и другія знатныя лица города поѣхали провожать насъ на далекое разстояніе и вернулись домой. А мы ѣхали около четырехъ часовъ вмѣстѣ съ каларашемъ, то-есть конакджи, котораго назначили насъ проводить, и остановилось въ маленькомъ селеніи. Выѣхавъ рано поутру въ четвергъ, въ день памяти св. Евѳимія Великаго, вечеромъ прибыли въ большой базаръ, т.-е. торговый городъ, по имени *Вастанакоджу* [2]. Въ немъ имѣется большая рѣка и три церкви, надъ вратами коихъ висятъ колокола. Пырколабу этого города привелъ намъ кареты, запряженныя господарскими лошадьми, и также назначилъ конакджи намъ сопутствовать, а тотъ, который пріѣхалъ съ

[1] Окружный начальникъ.

[2] У Бельфура: Вастатакоджо. Такоджо не есть-ли Текучъ?

нами, возвратился назадъ съ каретами и лошадьми, ибо у нихъ такой обычай, что кареты и лошади назначаются изъ каждаго базара.

Выѣхавъ отсюда, мы поздно вечеромъ прибыли въ другой большой базаръ, по имени Бырладъ. Въ немъ три храма: церковь Владычицы, вновь выстроенная изъ камня господаремъ, св. Димитрія и св. Кириака.

ГЛАВА II.

Молдавія.—Жилища и одежда.

Что касается домовъ въ этихъ странахъ, то съ пріѣзда нашего въ Молдавію мы видѣли, что всѣ они какъ въ этой странѣ, такъ равно въ Валахіи и въ странѣ казаковъ, включая и Московію, выстроены изъ дерева и досокъ и имѣютъ высокія кровли на подобіе верблюжьяго горба, для того чтобы снѣгъ на нихъ не оставался. Внутри домовъ сидѣнья идутъ вдоль стѣнъ, а столы, какъ во франкскихъ домахъ, раскинуты на подпоркахъ посреднѣ комнаты. Постельныя принадлежности состоятъ изъ ковровъ и тканей, растянутыхъ вдоль стѣнъ. Въ каждомъ домѣ есть печь, которая снаружи представляетъ четыре стѣны изъ обожженной глины зеленой или красной, а у богатыхъ изъ изразцовъ, чтобы задерживать дымъ. Печи утверждаются на двухъ столбахъ и сверху имѣютъ желѣзную крышку, которая зовется на ихъ языкѣ *каптурѣ* (а если много—*капатырѣ*). Оттого въ домѣ бываетъ теплѣе бани.

Молдавскія и валашскія женщины носятъ одежду, похожую на одежду франкскихъ женщинъ, косы заплетаютъ и закручиваютъ на головѣ въ видѣ кренделя, прикрывая ихъ бѣлой тканью, богатыя—розовой шелковой; поверхъ этого надѣваютъ еще бѣлое покрывало. Всѣ носятъ на плечахъ синія алепскія шали, а богатыя — черныя шелковыя брусскія.

Дѣвицы причесываютъ волосы подобнымъ же образомъ, но покрывала не носятъ, такъ что можно отличить дѣвицу отъ замужней. Дѣти ихъ ходятъ голыя: на нихъ совершенно ничего не надѣваютъ. Утромъ и вечеромъ дѣтей моютъ теплой водою, а когда бываетъ снѣгъ, то часто натираютъ ихъ снѣгомъ. Всѣ женщины ходятъ съ открытыми лицами, даже царицы.

Въ Константинополѣ и его округѣ вдовы носятъ на головѣ оранжево-желтыя покрывала, а въ Молдавіи, Валахіи и у казаковъ онѣ носятъ и покрывала и все платье чернаго цвѣта, какъ монахини. Въ Московской же землѣ носятъ онѣ черные шерстяные кафтаны, очень широкіе и длинные, съ большими рукавами.

ГЛАВА III.

Молдавія.—Васлуй.

Возвращаемся къ нашему разсказу. Область господаря молдавскаго раздѣляется на 24 судебныхъ округа, и средоточіемъ каждаго изъ этихъ округовъ служитъ торговый городъ—базаръ—округа.

Мы выѣхали изъ Бырлада, когда насъ снабдили каретами и лошадьми, въ субботу 22-го января, и прибыли съ наступленіемъ ночи въ другой большой торговый городъ, по имени *Василури* (Васлуй), т.-е. царскій, ибо въ немъ прежде находился престолъ странъ молдавскихъ, во дни покойнаго Стефана воеводы, 160 лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ знаменитый на войнѣ герой, всѣми почитаемый, совершилъ двадцать четыре похода на турокъ, татаръ, ляховъ и венгровъ, много разъ ихъ отражалъ и всѣхъ побѣдилъ, такъ что имя его прославилось всюду, и всѣ стали его бояться. Этого онъ достигъ своею ловкостью и проницательнымъ умомъ. Къ числу его сооруженій и дѣяній его благотворительности принадлежатъ сорокъ четыре каменныхъ монастыря и церкви. Здѣсь въ Васлуѣ имѣются его дворцы, бани и загородныя дачи, также обширная, высокая, величественная церковь съ очень возвышеннымъ куполомъ, окруженная аркадами и сводами, на которыхъ находятся изображенія и иконы всѣхъ святыхъ. Надъ вратами церкви во всю стѣну сверху до низу нарисованъ страшный судъ, съ золотомъ и лазурью, гдѣ представленъ Моисей, ведущій къ Господу Анну, Каіафу и другихъ іудеевъ съ отталкивающей наружностью; позади нихъ другая толпа, состоящая изъ турокъ [въ бѣлыхъ шаляхъ и чалмахъ, въ широкихъ развѣвающихся зеленыхъ кафтанахъ съ висящими назади длинными рукавами, въ *харимахъ*, или нижнихъ праздничныхъ платьяхъ, изъ желтой шерсти. Ихъ сопровождаютъ дервиши. Позади и среди нихъ черти, которые ихъ подталкиваютъ и дразнятъ. Во главѣ ихъ идетъ *кашидбари* въ шапкѣ, и одинъ изъ злыхъ чертей карабкается къ нему на плечи и срываетъ съ него шапку]. Внутри церковь также вся расписана изображеніями. Она красивой постройки; въ куполѣ на самомъ верху изображенъ Господь Мессія. Въ ней есть особое мѣсто съ высокимъ тропомъ для господаря. Снаружи надъ дверьми виситъ большой колоколъ.

Церкви этихъ странъ имѣютъ три отдѣленія: первое—наружное, предназначено для женщинъ; второе, отдѣленное стѣною съ дверью, для простого народа, а третье, также отдѣленное стѣною съ дверью,

исключительно назначено для господаря и вельможъ. Хоросъ [1] заключенъ между полукруглыми арками съ сѣверной и южной стороны и имѣетъ сидѣнья.

Кромѣ только что описанной церкви въ городѣ есть нѣсколько другихъ. Армяне, въ немъ проживающіе, имѣютъ свою церковь. Мы пробыли здѣсь воскресенье Закхея. Намъ дали кареты, лошадей и конакджи, и мы выѣхали изъ города въ понедѣльникъ утромъ.

ГЛАВА IV.

Молдавія. — Скинтей.

Хотя мы ѣхали быстрѣе птицы, однако лишь при закатѣ солнца прибыли въ другой маленькій базаръ, по имени *Скентай* (Скинтей). На пути переѣзжали въ экипажахъ черезъ рѣку, покрытую льдомъ и имѣющую каменный мостъ. Въ городѣ есть великолѣпная новая церковь во имя св. Параскевы съ двумя высокими куполами, съ золочеными крестами, съ прекраснымъ иконостасомъ и распятіемъ. Она воздвигнута тѣмъ же господаремъ, благотворителемъ и ревнителемъ построенія церквей во всемъ мірѣ.

Мы выѣхали изъ города во вторникъ утромъ. Въ ночь передъ этимъ поднялся сильный вѣтеръ при большомъ холодѣ, отчего земля и грязь оледенѣли и дорога стала труднопроходимой. На насъ падало много снѣгу. Переѣздъ этотъ извѣстенъ по своей трудности: тутъ одинъ путь, который проходитъ черезъ лѣсъ и страшенъ для путешественника. Съ полудня, послѣ того какъ мы вязли въ снѣгу, погода потеплѣла, стало таять, и мы увязали въ грязи по брюхо лошадямъ на желтой солончаковой почвѣ. Это былъ послѣдній и самый трудный перегонъ; лошади останавливались, и только съ большими усиліями мы прибыли передъ закатомъ солнца въ окрестности большого пруда, называемаго на ихъ языкѣ *халистау* [2]. Онъ выкопанъ по приказанію господарей для разведенія рыбы и пожертвованъ монастырю Владычицы, извѣстному подъ именемъ *Бирноска* (Бырновскаго [3]).

Къ намъ явились почетные жители и привели лошадей для нашего владыки патріарха и для насъ. Мы сѣли, и насъ привезли къ

---

[1] Пространство между архіерейскимъ мѣстомъ и амвономъ.

[2] Хелештеу—прудъ, рыбный садокъ. Авторъ, повидимому, принимаетъ это слово за собственное имя.

[3] Молдавскій господарь Миронъ Бырновскій (1626—30).

мельницѣ, составляющей жертвованное угодье того же монастыря. Здѣсь посадили нашего владыку патріарха въ царскую карету, запряженную шестью лошадьми. Я же, смиренный сочинитель этой книги, помѣстился въ дверяхъ, держа серебряный посохъ. Въ это время приблизился довѣренный господаря, Ивани *сальджарь* (великій служарь) [1], что значитъ на ихъ языкѣ касабъ-баши. Мы подружились съ нимъ еще въ Іерусалимѣ, гдѣ встрѣтились съ нимъ въ то время, когда онъ былъ посланъ господаремъ для исчисленія долговъ святыхъ монастырей [2] и монастыря св. Михаила. Послѣ того онъ посѣтилъ насъ, возвращаясь чрезъ Алеппо съ упомянутыми деньгами. Его преосвященство мѣстный митрополитъ съ прочими вельможами и войскомъ вышелъ для встрѣчи владыки патріарха, такъ какъ господаря не было въ столицѣ. Онъ былъ въ отсутствіи, уѣхавъ въ городъ, по имени *Саджао* (Сучава), для примиренія *Ахмиля* (Хмеля, Хмельницкаго) и казаковъ съ ляхами. Получивъ извѣстіе изъ Галаца о нашемъ прибытіи, онъ далъ приказъ устроить патріарху самый пышный пріемъ. Всѣ настоятели монастырей [3] выѣхали ему навстрѣчу въ каретахъ. Твоимъ взорамъ, читатель, представились бы на далекомъ разстояніи блестѣвшіе куполы церквей и кресты монастырей—зрѣлище усладительное для глазъ! Когда мы приблизились къ знаменитому монастырю Галата, находящемуся довольно далеко отъ города, въ немъ зазвонили во всѣ колокола, большіе и малые, и звонили до тѣхъ поръ, пока мы не скрылись изъ виду. То же было, когда мы проѣзжали мимо монастыря св. Георгія, который теперь въ рукахъ синайскихъ монаховъ. Затѣмъ передъ нами выстроились войска.

ГЛАВА V.

Молдавія.—Яссы. Въѣздъ патріарха въ городъ.

Мы въѣхали въ городъ *Яшъ* (Яссы), столицу Молдавіи, во вторникъ вечеромъ 25 января, причемъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ звонили въ колокола, такъ что въ городѣ поднялся сильный гулъ. Насъ подвезли къ вратамъ церкви монастыря св. Саввы и Михаила и высадили изъ кареты нашего владыку патріарха, котораго мы облачили въ мантію. Въ это время вышли священники съ евангеліемъ и дьяконъ съ кадильницей въ преднесеніи свѣчей, и нашъ

[1] Начальникъ дворцовыхъ службъ. Авторъ (и англійскій переводчикъ) вездѣ называетъ его „сальджаръ“.

[2] У Бельфура: „святого Воскресенія“.

[3] У Бельфура: „почетные жители всей страны“.

владыка патріархъ, приблизившись, приложился къ евангелію, а дьяконъ кадилъ ему и пѣвчіе пѣли „Достойно есть“ во все время, пока онъ не дошелъ до средины церкви и не остановился подъ паникадиломъ. Сотворивъ здѣсь крестное знаменіе, онъ помолился передъ дверями алтаря, а также передъ образами Господа и Владычицы и всѣми прочими святыми иконами, находящимися у алтарныхъ дверей, потомъ предъ иконою св. Григорія Богослова, которому празднуютъ въ этотъ день, положенной на высокомъ аналоѣ, покрытомъ пеленой, какъ это принято во всѣхъ церквахъ греческихъ странъ. Затѣмъ онъ занялъ свое патріаршее мѣсто, и дьяконъ возгласилъ ектенію: „Помилуй насъ, Боже!“ и проч., поминая сначала имя владыки патріарха, потомъ имя возвеличеннаго господаря Василія воеводы, домины (господарыни) Екатерины и сына его Стефана воеводы. Послѣ того пропѣли господарю многолѣтіе, а патріарху *тонъ деспотинъ*, въ то время какъ онъ благословлялъ народъ. Мы вышли изъ церкви, при чемъ патріархъ былъ въ мантіи и держалъ посохъ. Его помѣстили въ настоятельскихъ келліяхъ. Всѣ знатные люди приходили привѣтствовать его.

Наканунѣ четверга, день праздника перенесенія мощей св. Іоанна Златоуста, зазвонили въ колокола. Мы прослушали вечерню, за которой не было освященія хлѣбовъ. Когда пробило десять часовъ ночи [1], опять ударили въ колокола, и мы пошли въ церковь, откуда вышли послѣ утрени рано поутру.

Знай, что во всѣхъ этихъ странахъ: у валаховъ, молдаванъ, казаковъ, включая Московію, всегда стоятъ въ церкви съ начала до конца службы, вечеромъ и утромъ, во всякое время (года), не иначе какъ съ открытыми головами, особенно въ присутствіи патріарха, архіерея, игумена и священника, ибо въ этихъ странахъ всѣ носятъ суконные колпаки съ мѣхомъ, даже цари и вельможи. Жены богатыхъ людей въ Молдавіи также ходятъ въ бархатныхъ красныхъ колпакахъ съ соболемъ, но въ странѣ валаховъ и казаковъ не такъ: тамъ носятъ бѣлые платки, которые у богатыхъ бываютъ шиты жемчугомъ.

Священникъ [2], прежде чѣмъ окадить патріарха, кадитъ предъ мѣстомъ господаря. Въ навечеріе и въ утро праздниковъ, при всякой литургіи, зажигается предъ мѣстомъ нашего владыки патріарха свѣча въ красивомъ деревянномъ позолоченномъ подсвѣчникѣ, которая горитъ отъ начала до конца службы. Когда патріархъ во время утрени послѣ

---

[1] Около 4 час. утра.

[2] Весь этотъ отрывокъ до красной строки не имѣется въ англійскомъ переводѣ.

пѣнія „Всякое дыханіе“, будетъ-ли то праздникъ или воскресенье, сходитъ прикладываться къ иконѣ праздника или къ другимъ святымъ иконамъ, архидіаконъ подноситъ къ нему эту икону, а также по окончаніи службы несетъ ее впереди него за церковныя врата, и пока не выйдутъ всѣ, включая и женщинъ, патріархъ благословляетъ каждаго при выходѣ, послѣ чего архидіаконъ отдаетъ икону экклесіарху.

Черезъ три часа (послѣ утрени) возвращаются въ церковь къ литургіи, откуда выходятъ около шести часовъ, все равно, будетъ-ли то праздникъ святого, или Успеніе, или праздникъ Пасхи. Передъ благовѣстомъ къ обѣднѣ бываетъ звонъ къ проскомидіи, дабы всякій, кто имѣетъ что-либо принести, приносилъ, ибо время приспѣло.

ГЛАВА VI.

Яссы.—Церковь св. Саввы.

Вотъ описаніе вышеупомянутой церкви св. Саввы въ Молдавіи. Она выстроена вся изъ камня снутри и снаружи, имѣетъ одну дверь съ южной стороны, надъ которой написанъ образъ св. Саввы, какъ принято во всѣхъ церквахъ этой страны. Зданіе церкви продолговатой формы, какъ соборные храмы. Стѣны тверды и несокрушимы и заключаютъ въ себѣ одно обширное пространство. Надъ церковью возвышаются два огромныхъ купола въ турецкомъ стилѣ, то-есть подобные куполамъ нашей страны, единственные во всей этой землѣ. Покойный строитель этой церкви, по имени Янаки, былъ родомъ изъ Константинополя и служилъ *постельникосомъ* (постельникомъ [1]) у господарей молдавскихъ. По окружности каждаго купола тринадцать оконъ со стеклами, округленной формы и очень красивыхъ. Куполы крыты жестью, которая издали блеститъ на солнцѣ; на вершинѣ ихъ большіе превосходные золоченые кресты. Также вся крыша церкви сдѣлана изъ жести. Одинъ куполъ находится надъ хоросомъ [2], другой надъ нарѳексомъ [3]. Они опираются только на два столба, къ которымъ съ внутренней стороны примыкаетъ иконостасъ и на которыхъ съ наружной поставлены образа Господа и Богоматери. Такимъ устройствомъ отличаются всѣ церкви въ этой странѣ. Позади праваго столба стоитъ тронъ господаря возвышенный, съ навѣсомъ на деревянныхъ колоннахъ, обращенный къ востоку. Насупротивъ него, у

---

[1] Великій постельникъ—министръ иностранныхъ дѣлъ.

[2] Хоросъ—пространство между архіерейскимъ мѣстомъ и амвономъ.

[3] Нарѳексъ—притворъ, или трапеза церкви.

второго столба другой тронъ попроще для его сына или для его супруги. Архіерейское мѣсто помѣщается у стѣны, справа отъ трона господаря, между другими мѣстами, идущими вдоль стѣнъ. Правѣе архіерейскаго мѣста занимаютъ мѣста настоятели монастырей, священники и прочіе клирики, почти до дверей алтаря. Такъ же устроено съ противоположной стороны.

Паникадило, которое они называютъ хоросомъ, очень велико и виситъ въ куполѣ надъ хоросомъ. Оно позолочено, состоитъ изъ 24 частей и заключаетъ внутри другое маленькое паникадило, похожее на куполъ. Иконостасъ во всѣхъ церквахъ этой страны состоитъ изъ трехъ ярусовъ: тотъ, что надъ дверьми алтарей, заключаетъ изображенія всѣхъ господскихъ праздниковъ, тотъ, что повыше его, имѣетъ въ срединѣ образъ Господа, сидящаго на престолѣ въ саккосѣ и митрѣ: справа и слѣва отъ Него стоятъ апостолы, причемъ ап. Павелъ изображается непремѣнно на лѣвой сторонѣ, а ап. Петръ на правой, а около Него Владычица и Іоаннъ. Надъ этимъ ярусомъ имѣется посрединѣ изображеніе св. Троицы, а по сторонамъ—пророковъ. Надъ всѣмъ этимъ стоитъ распятіе.

Алтарь весьма обширенъ, имѣетъ три большихъ высокихъ окна со стеклами и съ большими желѣзными рѣшетками. Съ лѣвой стороны алтаря у стѣны есть лѣстница, по которой всходятъ на амвонъ очень высокій, каменный, украшенный рѣзьбой, съ каменнымъ же куполомъ, на которомъ водруженъ крестъ; амвонъ поддерживается каменными, витыми сверху до низу колоннами. Внутри его устроено помѣщеніе со многими тайниками для церковной утвари и прочаго на случай тревоги.

Въ южной стѣнѣ церкви имѣются три очень большихъ окна со стеклами и съ желѣзными рѣшетками. Близъ церковныхъ дверей, гдѣ находится могила покойнаго строителя церкви Янаки, есть нѣчто въ родѣ окна, уставленнаго иконами съ неугасимой лампадой. Въ сѣверной стѣнѣ есть также пять оконъ со стеклами. Полъ церкви настланъ плитами изъ обожженной глины, и вообще во всѣхъ церквахъ этихъ странъ, отъ Бруссы до Московіи, полъ дѣлается большею частью изъ такихъ плитъ.

Что касается иконъ, находящихся при царскихъ вратахъ, то, по принятому во всѣхъ упомянутыхъ странахъ обычаю, на иконѣ изображается въ срединѣ Господь, на широкихъ краяхъ ея—всѣ страсти, а вокругъ Него—апостолы; по окружности же иконы Богоматери изображаются 24 похвалы и пророки. Непремѣнно имѣется икона св. Николая съ его чудесами. Иконы св. Саввы и св. Михаила, которымъ

посвящена церковь, поставлены по лѣвую сторону иконы Богоматери. Также всегда имѣется икона трехъ патріарховъ (святителей).

Мѣсто, гдѣ стоятъ женщины, находится наверху въ передней части церкви, закрыто рѣшеткой и также уставлено иконами. Лѣстница туда идетъ въ стѣнѣ отъ церковныхъ дверей.

Колокольня примыкаетъ къ дверямъ церкви и имѣетъ два входа: одинъ съ наружной стороны церкви и другой, выходящій на монастырь. Это—очень большая, высокая, четырехъ-угольная башня, чрезвычайно крѣпкая, вся выстроенная изъ камня; въ ней нѣсколько каморъ и тайниковъ для склада имущества на случай тревоги. Большая лѣстница ведетъ на верхъ колокольни, гдѣ высятся огромныя арки, господствующія надъ окрестностями. Къ потолку ея подвѣшаны колокола, числомъ пять; наибольшій изъ нихъ датской работы. Языки у колоколовъ желѣзные. Монастырскія келліи и пристройки деревянныя, какъ вообще всѣ монастыри въ этихъ странахъ.

Наканунѣ воскресенья [1] Мытаря и Фарисея, съ которымъ совпалъ праздникъ трехъ святителей, день ангела господаря, построившаго въ честь ихъ монастырь, мы слушали въ монастырской церкви вечерню, а рано поутру утреню. Въ день этого праздника бываетъ царская трапеза для всѣхъ безъ исключенія, богатыхъ и бѣдныхъ. Цѣлованіе евангелія бываетъ у нихъ послѣ пѣнія седьмой (пѣсни) и даже послѣ чтенія синаксаря [2]. Мы вышли отъ утрени, послѣ того какъ всѣмъ присутствовавшимъ дали приложиться къ иконамъ, по всегдашнему ихъ обычаю. Позднѣе мы возвратились въ церковь къ обѣднѣ. При чтеніи діакономъ евангелія ставятъ для него подъ паникадиломъ красивый аналой, покрытый шитою пеленою; на него онъ кладетъ орарь подъ евангеліе и троекратно творитъ крестное знаменіе. Онъ же кадитъ въ царскихъ вратахъ при пѣніи „Иже херувимы“. Существуетъ обычай въ Молдавіи и Валахіи, что вечеромъ наканунѣ воскресеній и праздниковъ бѣдняки, какъ только услышатъ звонъ большого колокола, ходятъ по церквамъ (для сбора милостыни).

Знай, что всякій разъ, когда поютъ „Блаженны“, ударяютъ въ большой колоколъ, также ударяютъ при девятой (пѣснѣ), затѣмъ при „Достойно есть“ за литургіей, а равно звонятъ къ утренѣ и обѣднѣ.

Домина, супруга господаря, разослала во всѣ монастыри подносы съ царской пшеничной кутьей вмѣстѣ съ просфорами, свѣчами, лада-

---

[1] Этотъ отдѣлъ до конца главы не имѣется въ переводѣ Бельфура.

[2] Синаксаремъ называется избранное изъ Четіихъ-Миней и твореній церковныхъ историковъ сокращенное изложеніе праздника или житія святого.

номъ и виномъ, ибо этотъ праздникъ есть день тезоименитства господаря. Послѣ того какъ нашъ владыка патріархъ роздалъ антидоръ, сошли священникъ и дьяконъ, и послѣдній сталъ кадить кругомъ упомянутыхъ приношеній, разложенныхъ на блюдахъ, и сосудовъ съ виномъ и съ медовой кутьей на подносѣ для господаря. Нашъ владыка патріархъ прочелъ обычную молитву надъ кутьей, поминая имена господаря, его супруги и сына, сдѣлавшихъ эти приношенія.

Что касается праздника трехъ святителей въ монастырѣ св. Саввы, то здѣсь онъ справляется на иждивеніе одного мужа, по имени Василія, который прежде назывался Мустафа, происходитъ отъ отцовъ и дѣдовъ турокъ и родомъ изъ Камышхана. Мы видѣли съ его стороны горячую вѣру и великую ревность къ православію и ожесточенныя нападки на иновѣрцевъ. Патронъ его имени, его ангелъ, есть св. Василій, коего память совершается въ этотъ день. Подобныхъ ему людей въ Молдавіи и Валахіи тысячи.

ГЛАВА VII.

Яссы.—Пріемъ при дворѣ. Подарки.

Передъ закатомъ солнца мы смотрѣли на въѣздъ его высочества господаря, когда онъ вступалъ въ городъ при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Вечеромъ онъ прислалъ извѣстить нашего владыку патріарха, что приглашаетъ его къ себѣ поутру. Въ понедѣльникъ утромъ, послѣдній день января, прибылъ бояринъ Иванн, великій служарь, довѣренный господаря, имѣя при себѣ до 50 драбантовъ [1], то-есть янычаръ, въ красныхъ суконныхъ одеждахъ и въ полномъ вооруженіи. Съ нимъ же пріѣхала царская карета, запряженная шестью темносѣрыми лошадьми. Онъ посадилъ въ нее нашего владыку патріарха, на котораго мы надѣли мантію, я же, какъ всегда, сѣлъ въ дверяхъ кареты, держа его посохъ. Драбанты построились отрядомъ передъ нами по два въ рядъ и такимъ образомъ мы въѣхали въ корту, что на ихъ языкѣ значитъ дворецъ, и остановились у лѣстницы дивана, гдѣ были выстроены рядами войска. Нашего владыку патріарха высадили изъ экипажа, и онъ поднялся наверхъ, поддерживаемый подъ руки, а я шелъ впереди него. Всѣ сановники вышли встрѣтить его къ переднему дивану и ко второму, господарь же принялъ его, выйдя изъ внутренняго собственнаго дивана, и поцѣловалъ у него правую руку, а нашъ владыка патріархъ поцѣловалъ его по обычаю въ голову и благосло-

[1] По-румынски *доробанцу*—слово, происходящее вѣроятно отъ персидскаго *дарбанъ*—привратникъ.

вилъ, и когда они сѣли, то онъ, отъ избытка радости при видѣ его и по любви къ нему, дважды прослезился. Всѣ мы отдали господарю глубокій поклонъ и, поцѣловавъ у него правую руку, вторично поклонились. То же сдѣлали и при уходѣ. Около часа господарь велъ бесѣду съ нашимъ владыкой, выражая ему свое участіе и успокоивая его, послѣ чего патріархъ благословилъ его и, попрощавшись, вышелъ. Его отвезли обратно въ монастырь въ той же каретѣ и возвратились назадъ.

Во вторникъ утромъ, 1-го февраля, мы доставили господарю подарки отъ нашего владыки патріарха. Всѣ вещи были уложены на подносахъ, покрытыхъ расшитыми платками, какъ водится во всѣхъ этихъ странахъ, хотя бы подарокъ состоялъ изъ одного хлѣба. Когда мы вошли въ большой диванъ, явился вышеупомянутый довѣренный господаря, служарь, съ писцомъ, который записалъ названія всѣхъ подарковъ поодиночкѣ. [Вотъ списокъ подарковъ, поднесенныхъ славному господарю: [1] пара шитыхъ наволочекъ, кусокъ розоваго ситца, двѣ сахарницы пальмоваго дерева, коробка мускуснаго мыла, двѣ коробки душистаго мыла, небольшое количество алеппскаго мыла, два горшка имбирнаго варенья, коробка сушеныхъ итальянскихъ плодовъ, миндальное масло, сушеные абрикосы, фисташки, приготовленныя съ солью и безъ соли и пр.]. Затѣмъ служарь вышелъ и представилъ подарки великому логоѳету [2], то-есть дефтердарю. Тогда насъ ввели къ господарю, который всталъ съ кресла изъ уваженія къ нашему владыкѣ патріарху, а мы отдали ему глубокій поклонъ какъ при входѣ, такъ и при выходѣ, и представили подарки на блюдахъ, причемъ писецъ говорилъ: „патріархъ антіохійскій подноситъ царю то-то и то-то“ до конца, и господарь выразилъ свою благодарность.

Послѣ того мы вернулись и, извѣстивъ также сына господарева, Стефана воеводу, который живетъ отдѣльно, подобнымъ же образомъ сдѣлали ему подношеніе. Затѣмъ мы принесли третьи подарки для домины, супруги господаря, которой мы отдали также большой поклонъ, при входѣ и выходѣ, поцѣловавъ у ней правую руку. Она сидѣла въ креслахъ, имѣя на головѣ бархатный красный колпакъ съ соболемъ. Сначала вошелъ ея кяхія и доложилъ о насъ, послѣ чего вошли мы. Она также насъ благодарила и вставала съ кресла при нашемъ входѣ. Равнымъ образомъ мы поднесли дары всѣмъ сановникамъ. Но все это пошло прахомъ: какъ жаль нашихъ трудовъ!

---

[1] Этотъ списокъ пропущенъ въ нашей рукописи и потому взятъ нами изъ англійскаго перевода.

[2] Министръ юстиціи.

ГЛАВА VIII.

Яссы.—Монастырь Голія.

Въ четвергъ 3-го февраля прибылъ пригласить нашего владыку Гюзель-Эфенди, или Папа Теодоси, игуменъ монастыря Голія.

[Вотъ содержаніе, называемое на ихъ языкѣ *мертекъ*, которое назначилъ намъ славный господарь: четыре лучшихъ бѣлыхъ хлѣба для нашего владыки патріарха, два—для его свиты, два ока [1] лучшаго вина для него и два—для свиты: одно око масла, одно око хлѣба, два ока мяса, одно око восковыхъ свѣчъ и одно сальныхъ; каждую недѣлю два воза дровъ и деньги на наши ежедневные расходы. Если бы у насъ были лошади, намъ бы отпускали ячменя и сѣна].

Монастырь Голія—во имя Богоматери и принадлежитъ доминѣ, супругѣ господаря, которая построила его вновь, въ подражаніе монастырю, сооруженному господаремъ. Мы отправились туда въ экипажѣ и тамъ помолились. Онъ представляетъ издали величественный и весьма благолѣпный видъ. Куполы очень высоки и, покрытые бѣлою жестью, блестятъ какъ серебро; увѣнчаны весьма большими, красивыми крестами, сіяющими позолотой, величиной въ двѣ мѣры человѣческаго роста. Вотъ описаніе церкви [2]. Вся она снаружи и снутри построена изъ тесанаго камня, такъ же какъ и ея своды, и очень высока. Мы видѣли много монастырей въ странѣ молдаванъ и валаховъ и великолѣпныхъ церквей до самой Москвы, но всѣ онѣ выстроены изъ мелкаго необтесаннаго камня, обмазаны известкою снаружи и снутри и съ теченіемъ времени разрушаются отъ обильныхъ дождей и снѣговъ. Единственно, кто сталъ впервые возводить постройки изъ тесаннаго съ изваянными фигурами камня, былъ ревнитель построенія церквей и монастырей во всемъ мірѣ, Василій воевода. Онъ вызвалъ для постройки своего и этого монастыря ученыхъ мастеровъ изъ Польши. Стѣны церкви ниже карниза украшены разнородной ваятельной работой: подъ самымъ карнизомъ кругомъ всего зданія высѣчены изъ камня большія звѣзды. Церковь эта по своей постройкѣ и по наружнымъ украшеніямъ похожа на церкви *Ханака* [3]. Она имѣетъ два выхода съ юга и съ сѣвера, которые ведутъ къ западнымъ дверямъ церкви. Формы она продолговатой, какъ соборные храмы, представляетъ одно обширное простран-

---

[1] Въ настоящее время око=3 1/8 фунта.

[2] Этого описанія въ англійскомъ переводѣ нѣтъ.

[3] Городъ въ Малой Азіи.

ство и раздѣлена на двѣ части стѣною, въ которой имѣется вторая дверь. Мѣсто для женщинъ, куда ведетъ лѣстница снаружи, находится надъ сводомъ притвора. Церковь весьма благолѣпна и свѣтла, ибо имѣетъ много оконъ со стеклами. Надъ хоросомъ поднимается большой высокій куполъ, а надъ этимъ другой еще болѣе высокій, и такой же куполъ находится надъ нарѳексомъ; оба восьмиугольные.

Алтарь весьма высокъ, съ тремя очень длинными, узкими окнами со стеклами, и имѣетъ весьма красивый куполъ. Между куполами хороса и нарѳекса тянется удивительный сводъ на подобіе опрокинутаго корабля. Вся крыша церкви изъ блестящей жести. Четвертый куполъ, гдѣ поставлены часы, находится надъ мѣстомъ для женщинъ, куда ведетъ винтовая лѣстница. Всѣхъ крестовъ числомъ пять; они красивы, велики, не имѣютъ себѣ подобныхъ во всемъ мірѣ и отъ обильной позолоты блещутъ ярче солнца. Одинъ изъ нихъ на куполѣ нарѳекса, другой—на куполѣ хороса; два креста на сводѣ между хоросомъ и нарѳексомъ, а пятый на куполѣ алтаря. Хоросъ замкнутъ въ двухъ кругахъ (купола) и двухъ аркахъ съ сѣверной и южной сторонъ. Сидѣнья прекрасной работы, изъ кипарисоваго дерева гладко оструганнаго, съ прорѣзными украшеніями; ихъ выписала изъ Константинополя супруга господаря. Въ этомъ же родѣ архіерейское мѣсто, помѣщающееся въ передней части южной арки хороса. Тронъ господаря еще не отдѣланъ. Бѣломраморная настилка пола также не доведена до конца. Мраморъ былъ выписанъ и привезенъ на большомъ кораблѣ изъ мѣстечка Мармаръ, близъ Константинополя; онъ восхищаетъ взоры своею бѣлизной, каждый кусокъ вдвое, даже втрое больше надгробныхъ камней франковъ въ Алеппо, но тоньше ихъ, такъ какъ предназначенъ для мощенія. Были привезены также колонны и дверные столбы, которые въ то время еще обтесывались и отшлифовывались. Какъ жаль, что ихъ не окончили! Великіе труды и мученія претерпѣли люди, доставившіе ихъ изъ Галаца на арбахъ, запряженныхъ быками, по тяжелымъ и неудобнымъ дорогамъ.

Иконостасъ и тябла [1] превосходны, чудесны: подобныхъ мы никогда не видывали. Это работа умѣлаго, искуснаго художника, который своимъ невиданнымъ мастерствомъ превзошелъ всѣ произведенія критской (?) живописи. Иконостасъ четырехъ-ярусный, съ арками; въ поясѣ надъ алтарными дверьми изображены господскіе праздники, во второмъ—чудеса Спасителя, въ третьемъ—апостолы съ Господомъ посрединѣ, въ четвертомъ, самомъ верхнемъ—пророки со св. Троицей

[1] Оставъ иконостаса.

въ срединѣ; надъ всѣми поясами стоитъ распятіе. На иконѣ Спасителя Онъ изображенъ сидящимъ на престолѣ въ великолѣпномъ зеленомъ саккосѣ, а на краяхъ иконы вокругъ Него написаны господскіе праздники. Икона Богоматери чудотворная и очень древняя; по краямъ ея изображены 24 похвалы. Руки и кисти у Богоматери изъ чистаго литого золота, ибо домина, имѣя къ ней великое усердіе, не щадила ничего на ея украшеніе: когда сынъ ея Стефанъ воевода страдалъ тяжкою болѣзнью, она привела его къ этой иконѣ, и онъ немедленно получилъ исцѣленіе. Впереди лампадъ, висящихъ передъ этой иконой, есть еще другія, серебряныя вызолоченныя, неугасимо горящія. Передъ дверями алтарей стоятъ четыре подсвѣчника датской работы, изъ желтой мѣди, болѣе блестящей и благородной чѣмъ золото; говорятъ, будто они обошлись на вѣсъ серебра. Они покрыты краснымъ сукномъ. Между ними стоятъ еще два большихъ серебряныхъ подсвѣчника. Алтарь снизу до верху украшенъ чудесною живописью на золотомъ фонѣ; такою же живописью расписана церковь отъ притвора до внутренней ея части, равно и отдѣленіе для женщинъ. Подобнымъ образомъ написаны всѣ чины святыхъ съ ихъ чудесами. Говорятъ, иконописецъ получилъ въ вознагражденіе 3500 піастровъ. Въ куполѣ надъ хоросомъ есть величественное изображеніе Господа на золотомъ фонѣ, а въ куполѣ надъ нарѳексомъ изображеніе Богоматери. Лазури такъ много, что она служитъ взамѣнъ штукатурки.

Позади трона господаря до угла изображены: Василій воевода во весь ростъ въ парчевой одеждѣ на мѣху съ соболемъ, въ рукахъ у него вышеописанная церковь, которую онъ вручаетъ благословляющему его Господу, окруженному ангелами; за Василіемъ домина, его супруга, въ парчѣ съ соболемъ, въ золотыхъ украшеніяхъ, съ соболимъ колпакомъ на головѣ; за нею дочери, изъ коихъ одна замужемъ у ляховъ, а другая недавно выдана за сына казака Хмеля; ниже Стефанъ воевода и три брата его [1], умершіе одинъ за другимъ, всѣ въ красивыхъ одеждахъ. Они нарисованы, какъ живые.

Выйдя изъ церкви, мы отправились въ трапезу, а потомъ поднялись на величественную древнюю колокольню, подобной которой по высотѣ, размѣрамъ и величинѣ нѣтъ ни въ Молдавіи, ни въ иныхъ мѣстахъ. Она очень высока и имѣетъ видъ крѣпости. Возвратившись въ свой монастырь, мы отстояли вечерню, а въ воскресенье Мытаря владыка служилъ въ нашемъ монастырѣ.

---

[1] У Бельфура: „Стефанъ воевода и его третья сестра, которые потомъ были взяты въ Россію“.

ГЛАВА IX.

Яссы.—Пиръ при дворѣ. Характеристика господаря.

Во вторникъ утромъ 8 февраля, въ день св. Ѳеодора Стратилата, его высочество господарь далъ знать нашему владыкѣ патріарху, чтобы онъ приготовился къ нему пріѣхать. Около полудня прибылъ вышеупомянутый служарь въ экипажѣ, называемомъ на ихъ языкѣ *саня*, съ полозьями вмѣсто колесъ, такъ какъ случилось много снѣгу и льда и въ колесномъ экипажѣ нельзя было проѣхать, сани же скользятъ быстро, не причиняя безпокойства. По обыкновенію впереди насъ ѣхали драбанты и мы вступили въ *корту* (дворъ). Владыка патріархъ нашелъ господаря одного и вручилъ ему рекомендательныя письма отъ патріарховъ константинопольскихъ, Паисія и низложеннаго Іоанникія, и отъ патріарха іерусалимскаго. Всякій разъ когда логоѳетъ прочитывалъ одно письмо, господарь, вставши съ кресла, вскрывалъ другое [1]. Нашъ владыка патріархъ поднесъ ему великій даръ: подлинную нижнюю челюсть св. Василія Великаго; она желтаго цвѣта, твердая, увѣсистая, блестящая какъ золото, съ запахомъ благовоннѣе амбры; въ ней въ цѣлости сохранились передніе и коренные зубы. Эта драгоцѣнность была пріобрѣтена нами въ Константинополѣ отъ родственниковъ киръ Григорія, бывшаго митрополита Кесаріи, и куплена дорого, на вѣсъ золота. Владыка поднесъ еще другіе предметы изъ разныхъ мѣстъ, между ними нѣкоторые весьма цѣнные, какъ-то: святыни Господа нашего Іисуса Христа, мощи святыхъ и всехвальныхъ апостоловъ. Въ царицѣ городовъ (Константинополѣ) можно найти все, [и между священными сокровищами, кои мы тамъ пріобрѣли, были [2]: частица коня св. Димитрія, капли крови св. Георгія, нѣсколько волосъ мученицы Анастасіи, избавляющей отъ чарованій, перстъ матери мученика Евстаѳія, нѣсколько кусковъ камня съ кровью Іисуса Христа отъ Святого Гроба, нѣсколько кусковъ Древа Креста, темнаго цвѣта, подобно черному дереву, очень тяжелыхъ: мы испытывали ихъ на огнѣ и они становились подобны ему, а по вынутіи охлаждались и принимали прежній видъ; испытывали ихъ и на водѣ, и они падали на дно].

Челюсть была помѣщена въ круглой коробкѣ индійской работы, разукрашенной разнородными тонкостями искусства, подъ челюстью

---

[1] У Бельфура: „господарь вставалъ съ мѣста и снималъ колпакъ“.

[2] Дополнено по англійскому переводу.

была положена вата, а поверхъ кусокъ парчи во всю коробку, которая была покрыта чехломъ изъ розовой тафты, перетянутымъ синими шелковыми шнурками. При видѣ ея господарь изумился и весьма обрадовался, когда нашъ владыка патріархъ сказалъ ему: „эта святыня для тебя: она будетъ тебѣ охраной“, и еще далъ ему стклянку съ мyромъ. Тогда господарь исполнился великой любви къ нашему владыкѣ патріарху и началъ разсказывать ему о греческихъ патріархахъ и ихъ митрополитахъ, открывъ предъ нимъ свою сердечную обиду, причиненную ими и ихъ поступками.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ вышелъ вмѣстѣ съ нашимъ владыкой въ передній диванъ къ царской трапезѣ, убранной золотыми и серебряными блюдами и такими же ложками и вилками. Господарь сѣлъ въ кресла, обитыя бархатомъ, съ серебряно-вызолоченными гвоздями, а для нашего владыки патріарха было поставлено другое кресло по правую его руку. Владыка благословилъ трапезу и господаря и, взявъ ломоть хлѣба и обмакнувъ въ кушанье, всталъ, причемъ встали и всѣ присутствовавшіе вельможи, и выразилъ господарю благопожеланія, какъ принято въ подобныхъ случаяхъ, послѣ чего всѣ сѣли. Всѣ блюда были накрыты такими же блюдами, пока не принялись за ѣду; тогда ихъ сняли: у нихъ такой обычай, что блюда къ столу подаются покрытыми. Ашджи, или великій келарь, онъ же таббахъ-баши, всякій разъ какъ слуги вносили блюда, каждое подавалъ господарю, снимая крышку; если оно правилось господарю, то ставилъ предъ нимъ безмолвно и, взявъ вилку, проходилъ ею по всему блюду и отвѣдывалъ кушанье; потомъ подносилъ другое блюдо. Если же оно не правилось, то господарь поднималъ глаза [1], и тотъ убиралъ и ставилъ блюдо подъ столъ. По лѣвую руку господаря стоялъ слуга въ красивой одеждѣ: онъ бралъ нѣкоторыя блюда и ставилъ ихъ предъ самымъ господаремъ; другой слуга бралъ его хрустальный въ серебряной оправѣ кубокъ и, поставивъ на его мѣсто другой, вытиралъ и приносилъ обратно. Силяхдаръ, или великій спаѳарій [2], все время стоялъ по правую руку господаря съ короной, осыпанной драгоцѣнными камнями, опоясанный мечемъ и держа въ рукѣ царскій скипетръ. Виночерпій съ своими подручными также стоялъ близъ него, имѣя передъ собою высокій деревянный сосудъ съ водой на трехъ ножкахъ, въ коемъ находились стеклянныя бутылки съ разноцвѣтнымъ виномъ, водкой и

---

[1] Откинуть назадъ голову и приподнять брови—обычный знакъ отрицанія на югѣ (въ Греціи и пр.).

[2] Главный начальникъ войска.

пивомъ; подлѣ стояла скамья, покрытая бѣлою скатертью, на которой были разставлены хрустальные кубки и серебряныя и фарфоровыя чаши. Виночерпій подавалъ пить господарю и патріарху изъ одного и того же кубка, и всякій разъ какъ они пили, всѣ присутствующіе вставали. Прочіе пили изъ другихъ кубковъ и другое вино. Поднося господарю чашу, виночерпій всякій разъ отвѣдывалъ изъ нея и потомъ подавалъ. Остальные сановники, по назначенію, находились тутъ же, а бостанджіи (привратники) стояли подлѣ господаря съ серебряными жезлами. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, онъ выпивалъ чашу пива, какъ напитокъ прохладительный. Всякій разъ какъ онъ осушалъ рюмку, виночерпій клалъ ее въ воду и подавалъ другую. Гдѣ сидитъ господарь, или его сынъ, или домина, или кто-либо изъ придворныхъ сановниковъ, какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахіи и въ землѣ казаковъ, непремѣнно надъ его головой стоитъ икона съ пеленою и съ горящею постоянно предъ ней свѣчей. Что касается меня, то я, держа посохъ, стоялъ нѣкоторое время насупротивъ нашего владыки вмѣстѣ со своими товарищами и придворными священниками и дьяконами. Его высочество господарь далъ знакъ глазами бостанджію, который отвелъ насъ въ буфетную, гдѣ мы пообѣдали, а посохъ отдалъ держать на это время одному изъ придворныхъ (пѣвчихъ) мальчиковъ [1]. Потомъ я возвратился и взялъ посохъ. Безпрестанно подавались многочисленныя блюда, а поданныя раньше уносились, и такъ было до самаго вечера, когда наконецъ встали изъ-за стола и прочли послѣобѣденную молитву. Патріархъ благословилъ господаря, простился и вернулся въ каретѣ въ монастырь.

Величія господаря, его познаній, превосходства его здраваго смысла, начитанности въ книгахъ древнихъ, новыхъ и турецкихъ, его искусства въ преніяхъ не можетъ постигнуть умъ человѣческій. По истинѣ онъ равнялся прежнимъ греческимъ царямъ и даже превосходилъ ихъ. Его слово безпрекословно исполнялось во всей странѣ, по причинѣ его обильныхъ щедротъ и достохвальныхъ дѣяній не только по отношенію къ патріархамъ, митрополитамъ, священникамъ, монахамъ, мірянамъ, церквамъ и монастырямъ; даже аги, купцы и прочіе турки, дервиши и торговцы клялись его головой, однако жъ по многимъ обстоятельствамъ питали къ нему ненависть; но здѣсь не мѣсто исчислять эти причины. Словомъ, онъ былъ извѣстенъ во всемъ мірѣ. Цари и вельможи московскіе почитали за великое счастіе получить отъ него письмо и привезшаго таковое осыпали всякими щедротами.

---

[1] Въ подлинникѣ: „дѣти (или мальчики) казны“.

Это происходило отъ того, что они слышали о его любви къ построенію церквей и монастырей и о томъ добрѣ, которое онъ оказываетъ всѣмъ людямъ. Король Польши и ея вельможи равно его уважаютъ; Хмель и казаки взяли его дочь; ханъ и татары почитаютъ его еще того больше; императоръ нѣмецкій, король венгерскій и дожъ венеціанскій также дружатъ съ нимъ. Въ его время было напечатано въ Молдавіи на валашскомъ языкѣ много книгъ церковныхъ, научныхъ и толкованій. Его подданные раньше читали на сербскомъ языкѣ, который одинаковъ съ русскимъ, ибо вездѣ, начиная съ Болгаріи и Сербіи, въ Валахіи и Молдавіи, въ странѣ казаковъ и въ Московіи, читаютъ на сербскомъ языкѣ, на которомъ написаны всѣ ихъ книги; но языкъ валаховъ и молдаванъ валашскій и они не понимаютъ того, что читаютъ по-сербски. По этой причинѣ господарь построилъ для нихъ свой монастырь и большое каменное училище и напечаталъ книги на ихъ языкѣ. У сербовъ, болгаръ, казаковъ и московитовъ языкъ одинъ, лишь разнствующій по мѣсту, но книжный языкъ у нихъ одинъ и тотъ же.

Въ среду поутру 9 февраля господарь прислалъ нашему владыкѣ патріарху съ вышеупомянутымъ служаремъ, на котораго была возложена забота о всѣхъ его нуждахъ, фарджію [1] изъ чернаго сукна, подбитую соболемъ, атласный подрясникъ и денегъ на расходы и обѣщалъ уплатить всѣ его долги. Эти подарки были перенесены изъ дворца въ монастырь на рукахъ.

ГЛАВА X.

Яссы.—Монастыри [2].

Наканунѣ субботы предъ мясопустною недѣлей въ церквахъ совсѣмъ не было торжественнаго служенія по усопшимъ. Въ субботу настоятель монастыря господарева, что во имя трехъ патріарховъ (святителей), пригласилъ нашего владыку патріарха, и мы отправились туда въ каретѣ. Монастырь этотъ единственный въ своемъ родѣ, великолѣпный, на подобіе крѣпости окруженъ двумя каменными стѣнами. Надъ воротами колокольня и городскіе часы, которые всѣ изъ желѣза, съ большими колесами. Колокола привѣшены сверху на деревянныхъ брусьяхъ. Часы находятся въ каморкѣ въ срединѣ колокольни и имѣютъ желѣзную цѣпь, проходящую чрезъ потолокъ на верхъ къ краю большого колокола; къ ней прикрѣпленъ

[1] Верхняя домашняя одежда, надѣваемая на подрясникъ, похожая на рясу, но короче ея.

[2] Описаніе монастырей выпущено въ англійскомъ переводѣ.

увѣсистый желѣзный молотокъ. Для указанія, что наступило время боя, существуетъ длинный деревянный шестъ, выходящій изъ отверстія колокольни и имѣющій приспособленія, которыя приводятъ въ движеніе маленькій колоколъ, висящій на наружномъ концѣ шеста; имя этого колокола будильникъ: его назначеніе—пробудить вниманіе людей. Потомъ звонитъ большой колоколъ, при чемъ цѣпь стягивается подъ колесами, молотокъ поднимается и падаетъ на край колокола. Получается густой звукъ, слышный отовсюду въ городѣ.

Что касается святой церкви, то она стоитъ посреди монастыря, вся изъ тесанаго камня и снаружи украшена изсѣченными изъ камня фигурами со всевозможными тонкостями искусства, приводящими въ изумленіе умъ: нѣтъ на ней мѣста въ палецъ, гдѣ бы не было изваяній. Подъ карнизомъ она окаймлена двумя поясами изъ черпаго камня также съ изваяніями. Имѣетъ два высокихъ купола. Въ нее входятъ двумя дверьми, какъ принято въ здѣшнихъ церквахъ, южной и сѣверной. Надъ каждою дверью очень высокое и узкое окно со стеклами. Въ западной стѣнѣ есть еще два окна, подобныя первымъ, со стеклами. Здѣсь сводъ крестообразный; на немъ изображена св. Троица. Надъ западными дверьми церкви нарисована картина страшнаго суда, лучше видѣнной нами въ Васлуѣ: турки идутъ толпой въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, въ чалмахъ и шапкахъ. На прочихъ стѣнахъ изображено „Всякое дыханіе“: всѣ безъ исключенія твари земныя отъ людей до животныхъ, дикіе звѣри, птицы, деревья и растенія. Всѣ изображенія таковы, что зритель приходитъ въ восхищеніе. Кромѣ того изображено: „Хвалите Господа во святыхъ Его, хвалите Его въ тимпанѣ, въ псалтирѣ“: юноши и дѣвы и всѣ сыны человѣческіе и люди увеселяющіе по степенямъ своимъ; потомъ ἐπὶ σοὶ χαίρει (о Тебѣ радуется): дѣвы, князи и судіи по степенямъ своимъ. Всѣ изображенія съ золотомъ и лазурью. Входя западными дверями церкви, видишь образъ трехъ святителей. Двери эти обиты желѣзомъ съ рѣзными фигурами тонкой искусной работы; онѣ ведутъ въ нарѳексъ, въ стѣнахъ котораго имѣются ниши, гдѣ стоятъ гробницы дѣтей господаря и его первой супруги — домины; на гробницы возложено много покрововъ парчевыхъ и шелковыхъ, а надъ ними висятъ серебряныя лампады, которыя горятъ днемъ и ночью, равно какъ и свѣчи, стоящія въ подсвѣчникахъ. Здѣсь четыре окна со стеклами, по два въ каждой стѣнѣ. Тутъ же имѣются портреты господаря и упомянутой покойной домины, такъ какъ церковь построена имъ до ея кончины; затѣмъ портреты трехъ умершихъ сыновей его погодковъ, представленныхъ въ красивой одеждѣ, въ собольихъ колпакахъ съ султанами. Портреты нахо-

дятся на стѣнѣ слѣва отъ выходящаго въ дверь. Въ рукѣ господаря церковь съ изображеніемъ на ней трехъ святителей: онъ вручаетъ ее Христу, благословляющему его, окруженному ангелами и апостолами. Въ высокомъ куполѣ нарѳекса виситъ очень большая рѣдкостная мѣдная люстра. Въ этомъ мѣстѣ есть удивительныя изображенія и чудесныя вещи, столь поразительныя, что, сколько я ни старался, не могъ ихъ обнять умомъ. Затѣмъ входишь въ хоросъ между двумя колоннами въ видѣ восьмиугольныхъ столбовъ, окрашенными въ фисташково зеленый цвѣтъ, ничѣмъ не отличающійся отъ зеленаго камня; между украшеніями снизу до верху золотыя вѣтви. Тронъ господаря стоитъ позади одного изъ столбовъ, обращенъ по обыкновенію къ востоку, имѣетъ высокую лѣстницу и куполъ; весь онъ изъ листового золота и превосходной работы. Внутренность вся изъ краснаго бархата, лѣстница и полъ покрыты алымъ сукномъ. На верхушкѣ его купола крестъ, надъ которымъ два чудныхъ орла; онъ ничѣмъ не отличается отъ литого изъ золота. Справа отъ трона въ южной стѣнѣ большая арка съ колоннами изъ бѣлаго мрамора, изсѣченнаго со всѣми тонкостями искусства; туда поднимаешься также по мраморной лѣстницѣ. Посреди арки ковчегъ, снутри и снаружи обитый краснымъ бархатомъ, съ серебряными гвоздями и съ красивымъ замкомъ. Намъ его открыли: мы сдѣлали земной поклонъ и приложились къ мощамъ новоявленной болгарской святой Параскевы, которыя господарь выписалъ изъ Константинополя изъ хранилища патріаршей церкви, гдѣ находятся мощи святыхъ, къ коимъ мы прикладывались, о чемъ нами упомянуто выше. Онъ уплатилъ за патріархію болѣе двухсотъ, трехсотъ тысячъ, чтобы улучшить ея положеніе, но это не удалось. Святая лежитъ какъ живая и покрыта парчевыми и иными покровами; надъ ней висятъ лампады серебряныя и золотыя, горящія днемъ и ночью. На стѣнѣ арки изображено ея мученіе и мѣсто ея погребенія: какъ ее доставилъ къ господарю патріархъ, какъ великую драгоцѣнность, ибо, когда привезли ее архіереи, онъ назначилъ для бо́льшаго почета быть при нихъ своимъ капиджіямъ, изъ тщеславія передъ другими.

Что касается хороса, то онъ подобенъ хоросу церкви монастыря домины: заключенъ въ двухъ закругленныхъ аркахъ, южной и сѣверной. Мѣста для сидѣнья преизящныя, изъ кипариса и чернаго дерева, стамбульской работы, гладко оструганныя, съ рѣзьбой; во главѣ ихъ архіерейское мѣсто. На каждой сторонѣ хороса есть книжный шкафъ съ инкрустаціей изъ кости, чернаго дерева и т. п.—услада взора!—покрытый краснымъ сукномъ. Куполъ хороса очень высокъ: на верху изображенъ Христосъ благословляющій. Куполы этой церкви стройны

и высоки. Въ куполѣ виситъ поліелей, состоящій изъ шестнадцати частей: весь онъ серебряно-вызолоченный, съ чеканными украшеніями, художественной работы, приводящей умъ въ изумленіе: внутри его другой поліелей на подобіе купола съ арками. Въ каждой стѣнѣ хороса два окна со стеклами. Передъ алтарными дверьми четыре подсвѣчника изъ желтой мѣди, рѣдкостные по своимъ украшеніямъ и устройству; кромѣ нихъ еще два большіе серебряные. Также и четырехъярусный иконостасъ чрезвычайно красивъ и не имѣетъ себѣ подобнаго: иконы Господа, Владычицы, трехъ святителей и св. Николая московской работы, въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ. Алтарь очень красивъ и благолѣпенъ: по абсиду идутъ одна за другой для украшенія разновидныя арки, наведенныя золотомъ. Въ передней его части три большихъ окна со стеклами, и колонки по сторонамъ ихъ также покрыты золотомъ. На верху абсида икона Богоматери. Изображенія и иконы, кои находятся на стѣнахъ внутри и внѣ алтаря, наведены золотомъ и лазурью: красота ихъ непостижима. Передъ алтарными дверьми весьма большія серебряныя лампады.

Словомъ, ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи, ни у казаковъ совершенно нѣтъ церкви, которая могла бы сравниться съ этой, съ ея живописью и благолѣпіемъ, ибо она поражаетъ изумленіемъ умъ входящаго въ нее. Богъ да сохранитъ ее въ цѣлости во вѣки вѣковъ!

Серебряные подсвѣчники этой церкви и расшитые жемчугомъ занавѣсы и пелены, облаченія, фелони, стихари, потиры, лампады и вся ея утварь не поддаются описанію. Ея полъ внутри и снаружи изъ бѣлаго и чернаго мрамора. Всѣ постройки этого монастыря и трапеза имѣютъ каменные своды. Неподалеку отъ него, близъ бани, находится великая школа, построенная господаремъ на берегу большого пруда, то-есть *халестау* (хелештеу), или салка для рыбъ.

Наканунѣ воскресенья недѣли мясопустной мы слушали вечерню, а поутру утреню, въ своемъ монастырѣ.

Затѣмъ прибылъ пригласить нашего владыку патріарха настоятель монастыря, извѣстнаго подъ именемъ Галата, въ честь Вознесенія Господня, изъ числа построекъ воеводы Петра. Нашъ владыка патріархъ отправился въ саняхъ, запряженныхъ четырьмя черными лошадьми, такъ какъ выпало много снѣгу и былъ такой сильный холодъ, что отъ него нѣмѣли у насъ кончики пальцевъ [1]. Монастырь отстоитъ отъ города почти на полтора часа пути. Когда мы подъѣ-

[1] Въ подлинникѣ: „отлетали у насъ ногти“.

хали къ нему, звонили во всѣ колокола, пока мы не вошли въ церковь, гдѣ слушали обѣдню, послѣ чего пошли къ трапезѣ.

Вотъ описаніе монастыря и церкви. Онъ очень великъ, обведенъ деревянною стѣной, и всѣ его кельи и помѣщенія также деревянныя; тѣмъ не менѣе онъ услаждаетъ и радуетъ душу. Отъ него открывается видъ на дворецъ и церковь на берегу *халестау* (хелештеу), предъ тобою башни монастырей и города. Церковь выстроена изъ камня и обожженой глины, имѣетъ два стройныхъ купола и двѣ двери, сѣверную и южную; надъ каждою изъ нихъ высокое окно. Въ западной стѣнѣ еще два тоже высокихъ окна. Затѣмъ входишь во второе отдѣленіе съ четырьмя большими окнами; это отдѣленіе—нартексъ съ однимъ куполомъ. Потомъ входишь между четырьмя восьмиугольными колоннами, выведенными изъ камня, въ хоросъ. Во второмъ куполѣ виситъ поліелей. Съ лицевой стороны праваго столба есть мѣсто покойнаго господаря, позолоченное, съ куполомъ, надъ коимъ крестъ, по сторонамъ креста два орла съ коронами на головахъ, все золоченое. Справа отъ него архіерейское мѣсто. Передъ нимъ на стѣнѣ изображены воевода Петръ, его супруга домина и дочери, съ коронами на головахъ: они держатъ церковь и вручаютъ ее Христу, ихъ благословляющему, вокругъ коего сонмъ ангеловъ и Владычица. По сторонамъ хороса тоже есть двѣ арки, съ сѣвера и съ юга. Алтарь обширный, съ тремя окнами, въ которыхъ вставлены разноцвѣтныя стекла. Съ обѣихъ сторонъ хороса шесть такихъ же оконъ. Надъ престоломъ деревянная сѣнь на столбахъ, снаружи и спутри изукрашенная всякимъ художествомъ польскимъ: цвѣтами, лиліями и прочимъ, на удивленіе смотрящихъ; все это золоченое. Въ ней висятъ деревянныя лампады, тоже позолоченныя, ничѣмъ не отличающіяся по искусной работѣ отъ золотыхъ. Иконостасъ всего только въ два пояса изображеній: въ одномъ—апостолы съ Господомъ посединѣ, въ другомъ—господскіе праздники; надъ нимъ распятіе съ сіяніями кругомъ: одно—серебряное, другое—золотое. Передъ алтарными дверьми стоятъ четыре деревянные золоченые подсвѣчника превосходной работы. Въ хоросѣ тоже имѣются два книжныхъ шкафа съ рѣзными золочеными фигурами. Между колоннами, кои позади господарева мѣста, есть двѣ большія великолѣпныя иконы московской работы. На одной—св. Димитрій Солунскій, конь котораго топчетъ лошадь Лія [1]: кровь выступаетъ изъ ея ноздрей подобно пламени, копье святого изломано въ куски, а въ рукѣ его мечъ. Вся задняя сторона иконы покрыта изо-

[1] Въ подлинникѣ: Луавитъ (?).

браженіями, представляющими „Единородный Сыне и Слове Божій, безсмертенъ сый“—предметы, уму непостижимые по причинѣ тонкости замысла. На другой иконѣ, насупротивъ, изображенъ св. Георгій, а съ задней ея стороны Рождество Христово: наверху ряды ангеловъ и святыхъ, на лонѣ Богоматери бѣлый продолговатый сосудъ, въ срединѣ котораго Господь, окруженный множествомъ солнечныхъ лучей.

Отстоявъ здѣсь вечерню, мы возвратились въ свой монастырь; колокольный звонъ не прекращался, пока мы не скрылись изъ виду. Колокольня находится надъ воротами монастыря.

Въ четвергъ, передъ недѣлей сыропустною, пригласилъ нашего владыку патріарха игуменъ монастыря Успенія Богоматери, извѣстнаго подъ именемъ монастыря воеводы Быриовскаго. Мы отправились туда въ саняхъ также на монастырскихъ лошадяхъ. Ничто никогда меня такъ не волновало, какъ поѣздки нашего владыки патріарха въ каретѣ или въ саняхъ: передъ нимъ посохъ, справа и слѣва настоятели монастырей, руки его благословляютъ толпы народа на рынкахъ и улицахъ, а турки глазѣютъ.

[Въ Яссахъ есть зданіе бань, выстроенное Василіемъ воеводою по плану турецкихъ, съ куполами и множествомъ мрамора, и раздѣленное на красивые кабинеты. Мы тамъ мылись нѣсколько разъ. Онъ построилъ также въ одномъ изъ своихъ дворцовъ подлѣ покоевъ домны другія великолѣпныя бани, для своего собственнаго пользованія и своей супруги, съ мраморнымъ поломъ и нѣсколькими фонтанами; вода въ нихъ привозится изъ озера на телѣгахъ. Когда онъ въ третій разъ былъ разбитъ врагами и семья его покинула дворцы, эти бани топили для аги казначейства, и мы нѣсколько разъ ими пользовались].

Мы вступили въ упомянутый монастырь. Церковь съ двумя высокими восьмиугольными, округленными куполами на подобіе куполовъ церкви домны, и между ними такой же какъ и тамъ горбообразный сводъ. Надъ алтаремъ другой красивый куполъ. На церкви пять большихъ золоченыхъ крестовъ. Оба купола, сводъ и крыша—все изъ блестящей жести. Такія крыши появились лишь при господарѣ Василіи: раньше онѣ были деревянныя и сгорѣли во времена татаръ. Тогда изобрѣли подобныя крыши, такъ какъ онѣ не горятъ и нельзя ихъ украсть. Церковь имѣетъ одну дверь съ западной стороны, раздѣляется на три части и вся изъ камня, покрытаго известью снаружи и снутри. Первое отдѣленіе ея назначено для гробницъ. Нарѳексъ, имѣющій другую дверь, заключаетъ въ себѣ гробницы господарей и вельможъ. Въ немъ виситъ изящный полиелей, есть лампадки, подсвѣчники со

свѣчами и иконы. Надъ нимъ находится мѣсто, гдѣ стоятъ женщины. Затѣмъ входишь въ хоросъ, надъ которымъ написанъ портретъ воеводы Бырновскаго, построившаго этотъ монастырь: онъ сидитъ на бѣломъ конѣ. Когда султанъ Мурадъ умертвилъ его, въ ту самую минуту портретъ треснулъ. Подъ портретомъ находится мѣсто, гдѣ онъ стоялъ (во время службы), все позолоченное. Въ куполѣ хороса виситъ красивый поліелей съ мѣдною массивною, цѣнною люстрой внутри. Хоросъ тоже окруженъ арками. Иконостасъ весьма благолѣпенъ: всѣ иконы цѣнныя, московской работы. Колонны у алтарныхъ дверей украшены рѣзьбой въ видѣ виноградныхъ лозъ: вѣтви золотыя, гроздья зеленые, а фонъ яркокрасный. Алтарныя двери всѣ рѣзныя, позолоченныя, какъ и въ другихъ церквахъ. Сѣнь надъ престоломъ похожа на сѣнь въ монастырѣ Галата. Полъ церкви изъ черныхъ плитъ. Колокольня весьма высока и очень прочна.

Мы пошли къ трапезѣ. У нихъ принято, что за всякой трапезой пьютъ здравицу господаря, причемъ владыка патріархъ вставалъ и, держа бокалъ въ рукѣ, возглашалъ: „предстательствомъ Владычицы нашей Пресвятѣвы Маріи“, а присутствующіе отвѣчали: „предстательствомъ Ея помилуй и спаси насъ, Боже!“ Затѣмъ онъ говорилъ: „силою креста“, а они отвѣтствовали: „молитвами ангеловъ и сонма святыхъ и мучениковъ“, какъ это предписано въ служебникѣ при проскомидіи: на всякій возгласъ его отвѣчаютъ: „ихъ предстательствомъ“ и т. д. до конца. Затѣмъ владыка возгласилъ: „да подастъ Богъ здравіе и благоденствіе христолюбивому государю, воеводѣ Василію, его домочадцамъ и сыну“ и прибавилъ къ этому многія благожеланія. Выпивъ стоя бокалъ, онъ садился, мы же стояли. Всякій разъ, когда онъ выпивалъ бокалъ, садился, и такъ шло до конца. Эти монастыри, то-есть св. Саввы, Галата и этотъ—Бырновскаго, отписаны въ пользу патріарха іерусалимскаго, а потому и за него пили чашу такъ же, какъ мы разсказали; при этомъ нашъ владыка патріархъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока не была кончена здравица, а потомъ сѣлъ. Подъ конецъ пѣли многолѣтіе Макарію, патріарху Антіохіи и всего Востока [1]. Оно подобно многолѣтію господарю. Послѣ того мы стоя пили за его здо-

[1] Въ подлинникѣ многолѣтіе написано по-гречески и по-арабски сбивчиво и сокращенно. Полный его текстъ слѣдующій: „такому-то (имя рекъ), блаженнѣйшему, божественнѣйшему и святѣйшему патріарху великаго града Божія Антіохіи, Сиріи, Аравіи, Киликіи, Иверіи, Месопотаміи и всего Востока, отцу отцовъ, пастырю пастырей, архіерею архіереевъ, тринадцатому изъ апостоловъ, многая лѣта!“

ровье. Вечеромъ мы сошли въ церковь, отстояли вечерню и возвратились въ каретѣ въ свой монастырь. Здѣсь никогда не бываетъ, чтобы патріархъ дѣлалъ выѣздъ безъ мантіи и не въ экипажѣ.

ГЛАВА XI.

Яссы. — Великій постъ. Съѣстные припасы.

Въ пятницу утромъ мы смотрѣли на торжественный поѣздъ господаря, когда онъ пріѣзжалъ посѣтить здѣшняго митрополита Варлаама, который былъ боленъ.

Знай, что его высочество господарь Василій каждый день держалъ засѣданіе, и субботнее исключительно назначалось для суда надъ ворами. Однихъ онъ казнилъ, другихъ освобождалъ. Всевышній Богъ не создавалъ на лицѣ земли людей порочнѣе жителей страны молдаванской: всѣ мужчины воры и убійцы. Считаютъ, на основаніи документовъ, что съ того времени, какъ Василій сдѣлался господаремъ, около 23 лѣтъ тому назадъ, онъ казнилъ болѣе 14.000 воровъ, несмотря на то, что съ перваго раза не казнилъ, а билъ кнутомъ, клеймилъ и выставлялъ къ позорному столбу и затѣмъ отпускалъ. Во второй разъ онъ отрѣзывалъ правое ухо, въ третій разъ другое, а въ четвертый казнилъ. Мы видѣли среди нихъ нѣчто такое, отъ чего Боже сохрани! именно, что ихъ священники даже являются главарями разбойничьихъ шаекъ. При всемъ томъ онъ оказался безсильнымъ ихъ обуздать. Жены и дочери ихъ лишены всякаго стыда и приличія. Господарь усталъ рѣзать имъ носы, выставлять на позоръ и топить, такъ что уничтожилъ ихъ тысячи, и ничего не могъ съ ними подѣлать.

Возвращаемся къ нашему разсказу. Въ субботу предъ недѣлей сыропустною у нихъ принято освобождать всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, ибо на первой недѣлѣ поста прекращаются всякія судебныя дѣла и тяжбы. Господарь никому не показывается, развѣ только въ церкви, ибо и онъ, и вельможи его, и придворные строго держатъ постъ. Въ воскресенье наканунѣ сыропуста послѣ „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“, сдѣлали только три большихъ поклона и, совершивъ отпустъ, многолѣтствовали господарю. Здѣсь не имѣютъ обыкновенія въ продолженіе поста читать по вечерамъ въ церквахъ молитвы на сонъ грядущимъ, но читаютъ у себя въ кельяхъ. Присутствующіе архіереи, священники и всѣ бывшіе въ церкви дѣлали земные поклоны нашему владыкѣ патріарху по-двое до послѣдняго.

Поутру, въ чистый понедѣльникъ, мы вышли поглядѣть на тор-

говаго смотрителя, который ходилъ по городу, имѣя при себѣ фаляку [1] и розги, чтобы наказывать ударами тѣхъ, у кого питейныя заведенія открыты и кто дозволяетъ себѣ ѣсть; онъ также назначаетъ съѣстнымъ припасамъ наименьшую цѣну. Знай, что всѣ съѣстные припасы въ здѣшнихъ странахъ продаются женщинами.

Въ монастыряхъ сдѣлали новыя деревянныя била. Когда часы пробили восемь, кандиловозжигатель трижды ударилъ въ било и мы вошли въ церковь. Прочитали третій часъ. Въ концѣ его кандиловозжигатель вышелъ и, ударивъ три раза, остановился, потомъ ударилъ еще три раза: это знакъ, что читаютъ шестой часъ. При окончаніи его, онъ опять вышелъ, ударилъ трижды и остановился, потомъ еще три раза и остановился, потомъ еще три, а всего девять—для девятаго часа. По окончаніи „Блаженъ“ онъ взошелъ на колокольню, ударилъ въ обыкновенное деревянное било, потомъ въ малое, для указанія начала вечерни. Такъ поступали во весь постъ до конца его. Всѣ греческіе купцы неукоснительно присутствовали за часами до окончанія вечерни въ теченіе всего поста. Выйдя изъ церкви, мы возвращались туда опять черезъ два часа. Тогда начинали читать великое повечеріе. При чтеніи канона Андрея Критскаго его пѣли на обоихъ клиросахъ съ канонархомъ. Читающій повечеріе читаетъ также молитву Владычицѣ „Ѝ даждь намъ, Владыко“, хотя бы это былъ мальчикъ. Нашъ владыка патріархъ читалъ молитву: „Владыко Господи Іисусе Христе, Боже нашъ“, какъ у нихъ это принято; при чтеніи ея всѣ падали ницъ и оставались такъ до самаго конца ея. Въ заключеніе всѣ, даже дѣти, попарно подходя, дѣлали поклонъ патріарху и затѣмъ удалялись. При выходѣ его изъ церкви всѣ женщины также дѣлали ему низкій поклонъ. Такъ поступали въ продолженіе всего поста. Во вторникъ мы вошли въ церковь и вечеромъ происходило тоже. Всѣ монашествующіе, большинство греческихъ купцовъ, даже господарь, супруга его и всѣ, при немъ состоящіе, отъ бояръ до придворныхъ пѣвчихъ мальчиковъ, постились всѣ три дня и не ѣли до вечера среды, до окончанія литургіи преждеосвященныхъ Даровъ. Вина вовсе не пьютъ въ теченіе этой недѣли и во весь постъ, кромѣ субботъ и воскресныхъ дней. Вечеромъ упомянутой среды, въ началѣ седьмого часа, ударили въ било, въ которое бьютъ къ часамъ. Кандиловозжигатель также выходилъ и при каждомъ часѣ трижды ударялъ до конца „Блаженъ“, послѣ чего взошелъ на колокольню и ударилъ въ деревянное било, а потомъ въ большой мѣдный колоколъ—

[1] Снарядъ, употребляемый при наказаніи палками по пятамъ.

это былъ благовѣстъ къ преждеосвященной литургіи, которая и началась. При „да исправится молитва моя“ сначала пропѣлъ это священникъ въ алтарѣ, потомъ пропѣли попеременно на обоихъ клиросахъ четыре раза; затѣмъ священникъ въ шестой разъ до половины, а окончили на клиросѣ. Читавшій пареміи не сдѣлалъ ни одного поклона передъ дверьми алтаря, а поклонился только нашему владыкѣ патріарху. При выходѣ съ Дарами, священникъ не дошелъ до хороса, а, выйдя изъ сѣверныхъ дверей, прошелъ между подсвѣчниками и образами къ царскимъ вратамъ. При пѣніи причастнаго стиха нашъ владыка патріархъ, сойдя (съ своего мѣста), приложился къ иконѣ св. Іоанна Крестителя, которую выложили на аналой по причинѣ предстоявшаго на другой день его праздника, а потомъ благословилъ народъ по обычаю, какъ дѣлалъ это всякій разъ, когда прикладывался къ иконамъ. Затѣмъ всѣ присутствующіе получали отъ него антидоръ и прикладывались къ иконѣ, ибо у нихъ такой обычай въ продолженіе всего поста, что народу раздаютъ антидоръ, хотя бы не было преждеосвященной обѣдни: священникъ сохраняетъ антидоръ отъ воскресной литургіи и раздаетъ его народу. Присутствующіе стояли, пока нашъ владыка патріархъ не вышелъ впередъ ихъ по обыкновенію, затѣмъ и они стали выходить попарно, причемъ онъ, поднявъ десницу, благословлялъ, пока не вышли и женщины, но всѣ оставались въ ожиданіи, чтобы онъ вторично преподалъ имъ общее благословеніе, и тогда разошлись. Такъ совершался описанный обрядъ въ теченіе всего поста. Въ нашей странѣ не дождутся даже открытія завѣсы... [1]

На этой недѣлѣ купцы приходили въ церковь къ вечернѣ и другимъ службамъ. Священникъ выходилъ въ епитрахили и читалъ надъ ними разрѣшительныя молитвы, за что они давали ему деньги, ибо въ церкви монастыря св. Саввы (Богъ да продлитъ ея процвѣтаніе!) молятся только купцы, изъ коихъ многіе женаты. Жители же города лишены стыда и вѣры: они христіане лишь по имени; ихъ священники еще раньше ихъ чуть-свѣтъ спѣшатъ въ питейные дома: это мы видѣли въ землѣ молдаванъ, но не то въ странѣ валаховъ (Богъ да даруетъ ей процвѣтаніе за ихъ набожность и воздержность!).

Мы сѣли за трапезу: за ней не было ничего кромѣ моченыхъ турецкихъ бобовъ, фасоли, сваренной безъ масла, похожей на горохъ, шинкованной капусты съ водой и солью, которая заготовляется на цѣлый годъ—и больше ничего. Что мы сказали о винѣ, тоже относится и къ маслу: его употребляютъ только по субботамъ и воскре-

[1] Разумѣется отнятіе завѣсы царскихъ вратъ предъ выносомъ Даровъ.

сеньямъ. Но они пьютъ яблочную воду. Намъ же господарь назначилъ по средамъ и пятницамъ всего поста и для этой первой недѣли пиво и медъ, ибо во всей здѣшней странѣ воду пьютъ лишь въ маломъ количествѣ. Кунжутнаго тѣста и масла и кунжутнаго сѣмени они вовсе не знаютъ. Купцы доставляютъ имъ изъ Румеліи даже оливковое масло, маслины, красную икру, октоподовъ (восьминоговъ), лимонную воду, горошекъ, рисъ, вермишель въ видѣ ячменныхъ зеренъ и пр. Мы покупали око оливковаго масла за полпіастра, око маслинъ за $^1/_4$ піастра, око красной икры за $1^1/_2$ піастра, око сушеныхъ октоподовъ за реалъ (талеръ), око горошка за четверть (реала?). Въ здѣшнихъ странахъ всего этого не производятъ и никто, кромѣ богатыхъ, не имѣетъ объ этомъ понятія.

Что касается зелени, какъ-то: свекла, петрушка, зеленый лукъ, чеснокъ, то она поспѣваетъ здѣсь только послѣ Пасхи, такъ какъ въ теченіе всего поста снѣгъ не перестаетъ падать ни ночью, ни днемъ, и земля по утрамъ бываетъ тверда какъ плитная мостовая, въ особенности канавы. Когда солнце поднимется повыше и день станетъ потеплѣе, начинается таяніе и образуется слякоть и грязь глубиной по колѣна. Въ монастыряхъ и въ домахъ богатыхъ людей есть большіе погреба съ каменными сводами, называемые на ихъ языкѣ *бенимча* и *бениса*, куда ставятъ бочки вина; въ нихъ же имѣются мѣста для посадки (овощей): передъ наступленіемъ зимы и снѣга выдергиваютъ изъ земли петрушку, лукъ и лукъ порей, растущій въ изобиліи и сладкій на вкусъ, и другія овощи и сажаютъ ихъ въ упомянутыхъ погребахъ. Отъ свѣжаго воздуха они не вянутъ; ихъ вынимаютъ изъ погреба, когда хотятъ, зелеными и ѣдятъ въ теченіе этого поста.

Въ монастыряхъ послѣ ужина въ среду вечеромъ оставляютъ часть для вечера пятницы. Мы вошли въ церковь послѣ седьмого часа. Во время причастнаго стиха нашъ владыка патріархъ, сойдя, приложился къ иконѣ св. мученика Ѳеодора и къ его персту, тутъ же выставленному: онъ пожертвованъ монастырю. При полученіи антидора присутствующіе также прикладывались къ персту. Послѣ десятаго часа ударили въ одинъ маленькій колоколъ и мы вошли въ церковь. Поставили аналой, покрытый пеленою, и свѣчи предъ иконой Владычицы. Игуменъ прочелъ шесть похвалъ изъ акаѳиста Богоматери, читаемаго въ субботу (5-ой недѣли): у нихъ принято наканунѣ каждой субботы (первыхъ четырехъ недѣль) поста читать по шести похвалъ.

Въ первую субботу поста мы вышли отъ заутрени рано поутру. Послѣ 3-го часа ударили въ большой колоколъ и мы вышли отъ

обѣдни только около пяти часовъ. Въ этотъ день принесли много блюдъ съ медовымъ коливомъ съ пряностями въ память мученика Ѳеодора (Тирона). По окончаніи литургіи священникъ вышелъ и окадилъ коливо, при чемъ пѣли тропари святому и заупокойные, а нашъ владыка патріархъ прочелъ надъ нимъ молитву съ прошеніемъ за тѣхъ, кои принесли его въ честь мученика, и за упокой души ихъ сродниковъ. Получивъ отъ владыки антидоръ и приложившись къ иконѣ мученика, они возвратились и стали въ своихъ сѣдалищахъ, а подъ конецъ каждый изъ нихъ подносилъ свое блюдо съ коливомъ нашему владыкѣ патріарху, который вкушалъ изъ каждаго блюда по порядку серебряною или костяною ложкой. Затѣмъ обносили имъ всѣхъ присутствующихъ до послѣдняго. Нашъ владыка патріархъ по обыкновенію вышелъ впередъ ихъ къ дверямъ церкви и благословлялъ, въ то время какъ они благочинно выходили изъ храма, до тѣхъ поръ, пока не вышли и женщины, кои всѣ, словно царицы, благовоспитаны, стыдливы: молодыя не уходили раньше старыхъ, но всегда пропускали ихъ впередъ. О, какое у нихъ долготерпѣніе и какая вѣра! Ни отъ кого не слышно ни досады, ни ропота, несмотря на то, что они въ такой холодъ и стужу стоятъ безъ шапокъ съ открытыми головами, не разговаривая, отъ начала до конца службы. Даже ихъ нищіе ходятъ по церкви въ полномъ спокойствіи и молчаніи. Они кладутъ множество поклоновъ даже по субботамъ, и въ постъ, и въ другое время, не тѣснятся при полученіи антидора или прикладываніи къ иконамъ, не спѣшатъ при выходѣ изъ церкви, но идутъ по-двое. Несомнѣнно, Богъ справедливо и правосудно хранитъ царство ихъ до сего дня.

Въ этотъ день послѣ литургіи мы прикладывались также къ челу мученика Іакова, разрѣзаннаго на уды [1]: оно оправлено въ серебро и лежитъ въ ковчегѣ также серебряномъ; пожертвовано въ этотъ монастырь вмѣстѣ съ перстомъ мученика Ѳеодора. Затѣмъ мы пошли къ трапезѣ, за которой пили вино.

Послѣ вечерни его высочество господарь прислалъ своего довѣреннаго, (великаго) служаря, спросить о здоровьѣ нашего владыку патріарха и объявить ему, чтобы онъ, съ его соизволенія, приготовился къ служенію литургіи на другой день въ монастырѣ Галата. Онъ прислалъ съ служаремъ своего повара, боченокъ оливковаго масла для поста, боченокъ лимонной воды, мѣшокъ сушеныхъ октоподовъ, мѣшокъ рису, мѣшокъ ячменоподобной вермишели, мѣшокъ чечевицы, мѣшокъ горошка, мѣшокъ турецкихъ бобовъ и мѣшокъ фасоли; все это принесли драбанты на плечахъ.

[1] Велич. Іаковъ Перс., пам. 27 ноября.

ГЛАВА XII.

Яссы.—Служенія патріарха. [1]

Въ первое воскресенье поста рано поутру, когда зазвонили въ колокола, мы встали къ службѣ. Хода съ иконами не совершали при пѣніи „Святый Боже", какъ это принято у насъ, но положили икону на аналой, покрытый краснымъ сукномъ. При „Всякое дыханіе" нашъ владыка патріархъ, сойдя, приложился къ (мѣстнымъ) иконамъ и къ этой. То же сдѣлали остальные присутствующіе. Мы вышли изъ церкви и спустя два часа прибылъ упомянутый служарь съ господаревымъ экипажемъ, крытымъ краснымъ сукномъ съ серебряными шариками [2], шестерикомъ гнѣдыхъ лошадей. Въ немъ мы поѣхали со своими облаченіями въ упомянутый монастырь Галата. Войдя въ церковь, облачились вмѣстѣ со всѣми настоятелями монастырей, для которыхъ существуетъ такой наказъ, что, куда бы ни отправлялся господарь къ обѣднѣ, всѣ они должны туда же прибыть и служить. Намъ дали знать, чтобы мы облачали нашего владыку патріарха, такъ какъ его высочество господарь не любитъ продолжительной службы. Мы вышли изъ алтаря. У нихъ соблюдается такой обычай: всякій игуменъ или священникъ выходитъ изъ алтаря, неся въ рукахъ какую-либо часть облаченія владыки патріарха, отъ подризника до митры, и всѣ становятся въ рядъ кругомъ него. Справа отъ владыки патріарха стоялъ Гюзель-эфенди, игуменъ монастыря домины, слѣва игуменъ монастыря св. Саввы; эти двое передавали части облаченія одну за другой и помогали мнѣ при возложеніи ихъ на патріарха. Такъ они дѣлали при всякомъ служеніи нашего владыки. По окончаніи облаченія нашъ владыка патріархъ возсѣлъ на своемъ мѣстѣ, и только что сѣлъ, какъ начался звонъ во всѣ колокола, что означало прибытіе господаря. Когда онъ вступилъ въ ворота монастыря, вышли два архіерея, участвовавшіе въ служеніи, со свѣчами, за ними священники и дьяконы съ кадилами, предшествуя нашему владыкѣ патріарху, и всѣ стали въ рядъ за вратами церковными. По лѣвую руку нашего владыки священникъ держалъ фарфоровую чашу со святою водой и кропило изъ пахучаго растенія, другой священникъ по правую его руку держалъ еванге-

---

[1] Описаніе этихъ служеній почти цѣликомъ пропущено англійскимъ переводчикомъ.

[2] Въ текстѣ стоитъ *укарг*. Такого слова нѣтъ, а есть близкое къ нему по произношенію *укарг*, которое въ народномъ языкѣ смѣшивается съ первымъ.

ліе, а крестъ былъ въ рукахъ нашего владыки патріарха. Сначала прибылъ сынъ господаря Стефанъ воевода и, выйдя изъ экипажа, ожидалъ, пока не подъѣхала царская карета его отца, которая была покрыта золотомъ шитой матеріей, а внутри обита алымъ бархатомъ съ серебряно-вызолоченными шариками. Господарь вышелъ изъ кареты: ему предшествовали шестеро шатырбашей въ одинаковой одеждѣ и въ розовыхъ узорчатыхъ головныхъ уборахъ; въ рукахъ они держали скрещенныя сѣкиры. Всѣ его бояре, вельможи и свита, сойдя съ коней, шли около него. Сеймены [1] и солдаты стояли рядами внѣ и внутри монастыря. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, какихъ мало можно насчитать въ жизни. Однако насъ обуялъ сильный страхъ и трепетъ по причинѣ внушительнаго величія господаря, тѣмъ болѣе, что это была первая литургія (въ его присутствіи), а мы не знали его церемоніала, подобнаго обычаю царей, узнанному нами впослѣдствіи. Когда господарь шествовалъ въ церковь, нашъ владыка патріархъ, встрѣтивъ его, далъ ему приложиться къ евангелію и кресту и окропилъ ему лицо святою водой, равно и сыну его, и дважды благословилъ обоихъ, а дьяконъ ихъ окадилъ. Затѣмъ мы шествовали впереди него, пока онъ не вошелъ и не остановился передъ своимъ мѣстомъ, причемъ совершилъ крестное знаменіе и, обращаясь направо и налѣво, поклонился присутствующимъ, кои всѣ отвѣтили ему поклономъ, и наконецъ поднялся и сталъ на свое мѣсто, которое все уже было покрыто алымъ бархатомъ. То же сдѣлалъ его сынъ. Нашъ владыка, благословивъ ихъ обоихъ въ третій разъ, также сталъ на своемъ мѣстѣ. Затѣмъ вошли высшіе сановники и стали на лѣвой сторонѣ хороса; впереди ихъ постельникъ съ серебрянымъ жезломъ и силяхдаръ съ короной надъ головой, опоясанный мечемъ и съ булавой на лѣвомъ плечѣ. Прочіе вельможи стали въ нарѳексѣ, всѣ съ открытыми головами, ибо всякій въ присутствіи господаря долженъ стоять съ открытою головой, хотя бы во время трапезы. Дьяконъ окадилъ двери алтаря и (мѣстныя) иконы, потомъ господаря на его мѣстѣ, сына его и нашего владыку патріарха и наконецъ вельможъ и, ставъ на своемъ мѣстѣ, обычно возгласилъ: „Помилуй насъ, Боже, по велицѣй милости Твоей, молимъ Тя, услыши и помилуй!“ „Еще (молимся) о христолюбивомъ, богохранимомъ государѣ, эфенди Іоано Василіи воеводѣ, о супругѣ его, государынѣ доминѣ Екатеринѣ, и о сынѣ его, государѣ Стефанѣ воеводѣ“, „о мирѣ, здравіи и спасеніи“, „да Господь Богъ нашъ споспѣшествуетъ благоустроенію всѣхъ дѣлъ

[1] Родъ пѣхотнаго войска.

его и покоритъ подъ нозѣ его всякаго врага и супостата". У нихъ принято, что всякій разъ, когда господарь входитъ въ церковь, дьяконъ кадитъ ему и возглашаетъ эту ектенію. Придворные мальчики-пѣвчіе всѣ были въ красной суконной одеждѣ и стояли на обоихъ клиросахъ: на правомъ пѣли по-гречески, на лѣвомъ—по-валашски стройно и согласно. Пѣніе это трогало сердце и оживляло душу. Во время ектеніи дьякона пѣли попеременно многократное „Господи, помилуй". Священникъ сдѣлалъ возгласъ и совершилъ отпустъ. Придворные пѣвчіе по обычаю пропѣли многолѣтіе господарю, его супругѣ и сыну. Затѣмъ дьяконъ, сдѣлавъ легкій поклонъ господарю, его сыну и нашему владыкѣ патріарху, по принятому у нихъ передъ ектеніей и послѣ нея обычаю, сталъ, нѣсколько повернувшись лицомъ въ сторону господаря, и возгласилъ: „Благослови владыко". Священникъ началъ литургію. Потомъ дьяконъ говорилъ ектенію: при всякомъ „Господу помолимся" [1], мальчики пѣли „Господи помилуй", разъ по-гречески, другой—на лѣвомъ клиросѣ—по-валашски. Затѣмъ дьяконъ, сдѣлавъ поклонъ, вошелъ въ алтарь задомъ. Такъ же поступали и мы, чувствуя, однако, при этомъ сильный трепетъ. Потомъ пѣли „Блаженны" и совершили малый входъ: по обычаю впереди дьяконъ съ трикиріями, другой—съ кадиломъ, а я съ евангеліемъ. Тогда владыка патріархъ всталъ съ сѣдалища, я же по обычаю остановился подъ поліелеемъ [2]: онъ благословилъ входъ, а я, какъ это у нихъ принято, поднесъ евангеліе къ господарю для цѣлованія, причемъ поцѣловалъ его правую руку, также подносилъ сыну его, а затѣмъ владыкѣ патріарху, и мы вошли въ алтарь. Нашъ владыка патріархъ, произнеся: „Спаси насъ, Боже", обернулся къ господарю и благословилъ его и сына его, затѣмъ силяхдара и прочихъ придворныхъ сановниковъ; потомъ приложился по обычаю къ (мѣстнымъ) иконамъ и, войдя (въ алтарь), окадилъ престолъ. Онъ не кадилъ въ царскихъ вратахъ, ибо здѣсь такого обычая нѣтъ, но въ концѣ „и во вѣки вѣковъ" вышелъ и благословилъ предстоящихъ трикиріями. Затѣмъ придворные мальчики-пѣвчіе пѣли попеременно „Святый Боже" весьма пріятнымъ напѣвомъ, пока не пропѣли съ *динамисъ* [3]. Ни владыка патріархъ, ни священники не пѣли Трисвятаго въ алтарѣ ни разу и не возглашали также много-

---

[1] Въ подлинникѣ вмѣсто этого ошибочно: „Господи помилуй".

[2] По другому чтенію не архидіаконъ, а патріархъ, выступивъ впередъ сталъ подъ поліелеемъ.

[3] „Динамисъ" (сила) говоритъ дьяконъ при архіерейскомъ служеніи, обращаясь къ хору, чтобы онъ пѣлъ Трисвятое въ третій разъ съ бо́льшею силой.

лѣтія. Потомъ дьяконъ вышелъ съ евангеліемъ и, сдѣлавъ господарю и его сыну издали легкій поклонъ, прочелъ евангеліе подъ поліелеемъ. Окончивъ чтеніе, онъ поднесъ евангеліе господарю и сыну его для прикладыванія, причемъ цѣловалъ у нихъ руку. Во время кажденія при „Иже херувимы“ нашъ владыка патріархъ вышелъ съ кадильницей и, остановившись между подсвѣчниками, окадилъ господаря и предстоящихъ, потомъ обратился къ алтарнымъ дверямъ и (мѣстнымъ) иконамъ (окадилъ ихъ) и вошелъ (въ алтарь). Я вышелъ съ дискосомъ и Тѣломъ. Тогда былъ постланъ для господаря передъ его мѣстомъ весь расшитый золотомъ коверъ, среди котораго оставлено небольшое мѣстечко изъ краснаго бархата; такой же, но поменьше, былъ постланъ передъ мѣстомъ его сына. Сойдя, они простерлись на нихъ до земли. Дойдя до нихъ, я обернулся къ нимъ по обыкновенію и произнесъ: „да помянетъ Господь Богъ государя Іоано Василія воеводу, супругу его домину Екатерину и сына его Стефана въ небесномъ царствіи своемъ всегда“... То же сдѣлалъ священникъ, несшій потиръ. Передъ этимъ нашъ владыка патріархъ снялъ съ себя митру, съ которой по обычаю шелъ одинъ изъ священниковъ при великомъ входѣ; всѣ въ немъ участвующіе держатъ въ рукахъ какую-нибудь вещицу, хотя бы служебникъ литургійный. Въ присутствіи господаря, какъ мы упомянули раньше, стараются сократить службу. Во время причастнаго стиха господарь, сойдя, прикладывался, по обыкновенію, къ иконамъ, что сдѣлалъ затѣмъ и сынъ его, и возвратился на свое мѣсто. Знай, что священникъ, при чтеніи молитвы „Благослови благословящія Тя, Господи“, всегда поминаетъ господаря, его супругу и сына, что бываетъ не только въ этой странѣ, но и въ валашской и у казаковъ и въ московской. Затѣмъ вышелъ изъ алтаря нашъ владыка со священникомъ; дьяконъ окадилъ царскую кутью на подносѣ, доставленную отъ господаря вмѣстѣ съ виномъ въ серебряномъ сосудѣ, ибо у нихъ такой обычай, что, когда за литургіей присутствуетъ господарь, все бываетъ отъ него, даже трапеза. Нашъ владыка прочелъ надъ кутьей положенную молитву съ прошеніемъ за господаря, его супругу и сына. Затѣмъ господарь, сойдя съ своего мѣста, принялъ изъ рукъ владыки антидоръ; тоже сдѣлалъ его сынъ, послѣ чего оба стали на своихъ мѣстахъ. Также подходили бояре и приближенные вельможи одинъ за другимъ, получали антидоръ и прикладывались по обыкновенію къ иконамъ. Священникъ вышелъ съ другимъ подносомъ раздать (антидоръ) стоявшимъ внѣ (хороса). Затѣмъ поднесли господарю подносъ съ кутьей. Нашъ владыка патріархъ вмѣстѣ съ архіереями и присутствовавшими священниками, держа надъ кутьей

ею руки, прочелъ большую молитву за господаря, доставившаго кутью. Первый отвѣдалъ ея нашъ владыка патріархъ, потомъ господарь съ сыномъ и прочіе присутствующіе; затѣмъ пили также вино изъ сосуда. Послѣ этого нашъ владыка патріархъ, вставъ подъ поліелеемъ, выразилъ господарю чрезъ драгомана многочисленныя благожеланія и совершилъ отпустъ. Войдя въ алтарь, онъ сталъ разоблачаться, а придворные пѣвчіе пѣли господарю многолѣтіе, пока владыка не снялъ облаченія, послѣ чего мы надѣли на него мантію. Господарь стоялъ на своемъ мѣстѣ. Затѣмъ владыка патріархъ, за которымъ слѣдовали и мы, вышелъ за врата церковныя и стоялъ, пока не вышелъ господарь, котораго онъ благословилъ по обыкновенію, равно и всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ (при выходѣ ихъ). Господарь и владыка патріархъ сначала удалились въ отдѣльный покой, гдѣ бесѣдовали, пока не накрыли обѣденный столъ, и тогда они пошли за трапезу. Какъ выше упомянуто, гдѣ бы господарь ни присутствовалъ за литургіей, кушанье и вино, въ количествѣ достаточномъ для стольких тысячъ войска и народа, доставляются отъ него. Предъ закатомъ солнца пошли въ церковь и слушали вечерню. Нашъ владыка патріархъ опять вышелъ впередъ господаря, чтобы благословить его при выходѣ. Онъ сѣлъ въ свой экипажъ и уѣхалъ, причемъ звонили въ колокола, пока онъ не скрылся изъ виду. Это былъ, какъ я уже сказалъ, по истинѣ достопамятный день: ничто такъ меня не трогало, какъ пѣніе и пріятные напѣвы придворныхъ пѣвчихъ мальчиковъ и ихъ взаимное соревнованіе.

Затѣмъ мы возвратились въ свой монастырь и на пути любовались большимъ прудомъ, что позади господарева дворца, именуемомъ хелештау; это — садокъ для высшаго сорта рыбы, называемой *эфендико* (господская), рѣдкостной, мясистой, съ зернами икры въ брюхѣ. Въ этотъ день прудъ былъ покрытъ льдомъ. Всадники на своихъ лошадяхъ ѣхали по нему отъ дворца въ монастырь Галата. Когда желаютъ почерпнуть изъ него воды или напоить животныхъ, прорубаютъ кирками нѣчто въ родѣ колодца во льду, пока не покажется вода, которую тогда и берутъ. Потомъ она опять замерзаетъ. Также поступаютъ рыболовы, когда хотятъ ловить въ немъ рыбу для господаря при помощи разныхъ ухищреній.

Въ этотъ день намъ подарили крупныхъ яблоковъ, превосходныхъ по запаху, цвѣту и вкусу; ихъ называютъ *василико*, т.-е. царскими, и бережно хранятъ въ погребахъ въ сѣнѣ, гдѣ они остаются до времени созрѣванія новыхъ плодовъ. Также подарили намъ персиковъ,

сливъ и вишенъ засахаренныхъ, столь вкусныхъ, что подумаешь, будто они только что сорваны съ дерева.

Во второй понедѣльникъ поста послѣ 6 часовъ ударили въ било къ часамъ, а изъ церкви мы вышли около 8 часовъ. Согласно этому порядку поступали во весь постъ.

Близъ монастыря св. Саввы е сть монастырь во имя св. Параскевы. Въ немъ красивая церковь. Онъ находится въ обладаніи синайскихъ монаховъ. Икона св. Екатерины и прочія иконы со всѣмъ иконостасомъ, алтарныя двери и образа апостоловъ—русской работы. Во всю стѣну, въ коей дверь церкви, написано изображеніе горы Божіей Синая, монастыря горы Моисея, гдѣ онъ наединѣ говорилъ съ Богомъ, горы св. Екатерины и другихъ тамошнихъ монастырей, бедуиновъ и пр., какъ это есть въ дѣйствительности; все это принадлежитъ синайскимъ монахамъ. Насупротивъ монастыря Галата есть монастырь св. Михаила. Церковь св. Николая, что близъ дворца, похожа на церковь въ Васлуѣ изъ сооруженій воеводы Стефана: она величественна, обширна, съ высокими куполами; съ наружной ея стороны есть зданіе, къ ней примыкающее, выстроенное, какъ говорятъ, турками. Разсказываютъ, что въ Яссахъ тридцать церквей и монастырей. Въ этомъ городѣ легко дышется: его воздухъ и вода превосходны и очень пріятны, лучше чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ этой страны.

Литургію во вторую субботу поста, а во второе воскресенье вечерню, утреню и литургію мы слушали въ монастырской церкви. Въ среду 3-ей недѣли поста 9 марта, когда приходится праздникъ 40 мучениковъ, мы вышли отъ преждеосвященной литургіи послѣ половины 8-го, всего на полчаса раньше обыкновенной обѣдни. Въ церковь принесли множество просфоръ, блюда съ хлѣбомъ и печеньемъ въ видѣ вѣнчиковъ и разныхъ разностей, много свѣчей и кутью. Часть этого была роздана въ видѣ благословенія присутствовавшимъ. Утромъ въ третье воскресенье поста при „Всякое дыханіе“, въ концѣ „Святый (Боже)“, священникъ вышелъ изъ алтаря, неся на головѣ блюдо, на которомъ лежалъ крестъ; предъ нимъ шелъ дьяконъ съ кадильницей и свѣчами. Онъ подвигался шагъ за шагомъ, пока не подошелъ къ аналою для евангелія, поставленному подъ поліелеемъ и покрытому узорчатою бархатною пеленой съ зеленой бархатной же каймой съ кистями внизу. На него онъ положилъ крестъ и, взявъ у дьякона кадильницу, сталъ кадить кругомъ аналоя, поя „Кресту Твоему поклоняемся“, пока не обошелъ его кругомъ; то же пропѣли при второмъ и третьемъ обхожденіи. Нашъ владыка патріархъ, сойдя (съ

своего мѣста), сдѣлалъ передъ крестомъ три земныхъ поклона и, приложившись къ нему, благословилъ имъ народъ по обыкновенію. За нимъ подходили по-двое и прикладывались игумены, священники и весь народъ. Мы вышли изъ церкви.

Его высочество господарь, по своему обычаю, прислалъ съ вечера извѣстить нашего владыку, чтобы онъ готовился къ обѣднѣ на другой день въ вышеупомянутомъ монастырѣ домины. Онъ прислалъ за нимъ экипажъ шестерикомъ рыжихъ лошадей, и мы поѣхали. Войдя въ церковь, мы по обыкновенію облачились и облачили владыку. Прикладывались къ большому позолоченному кресту, въ которомъ заключена частица Древа Креста Господа нашего Христа: она чернаго цвѣта и не скрыта отъ взоровъ. Крестъ этотъ есть вкладъ на Аѳонскую гору, по теперь на время положенъ на храненіе въ этомъ монастырѣ, ибо оба монастыря [1] отписаны господаремъ въ пользу Аѳона, откуда и всѣ ихъ игумены и монахи. Когда приближался господарь, зазвонили во всѣ колокола. Онъ явился съ поѣздомъ еще болѣе блестящимъ, чѣмъ въ тотъ разъ. По обыкновенію мы вышли къ нему на встрѣчу: владыка патріархъ окропилъ его святой водой, какъ это было и раньше. По завершеніи божественной литургіи опять вкушали кутью. Нашъ владыка также вышелъ впередъ господаря, чтобы благословить его. Господарь, сѣвъ въ экипажъ, ждалъ, пока нашъ владыка патріархъ не сѣлъ въ свой, и оба отправились вмѣстѣ во дворецъ. Въ этотъ день господарь доставилъ нашему владыкѣ за трапезой полное удовольствіе и пріятное времяпрепровожденіе.

Наканунѣ четвертаго воскресенья поста господарь извѣстилъ нашего владыку, чтобы онъ готовился къ литургіи въ монастырѣ Бырновскаго. Утромъ послѣ заутрени господарь прислалъ экипажъ, и владыка отправился въ сказанный монастырь. Мы облачили его. Зазвонили въ колокола, и господарь прибылъ съ поѣздомъ еще лучшимъ и красивѣйшимъ прежнихъ: онъ сидѣлъ на сѣромъ турецкомъ конѣ, убранномъ золотымъ шитьемъ и множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Мы сдѣлали ему обычную встрѣчу и, войдя въ храмъ, совершили литургію. Евангеліе въ этотъ день читалъ я и подносилъ господарю и сыну его для прикладыванія, причемъ цѣловалъ у нихъ правую руку. Во всѣхъ этихъ странахъ очень дивились, что мы читаемъ по-гречески, ибо имя наше среди нихъ въ презрѣніи. Послѣ того какъ нашъ владыка патріархъ роздалъ антидоръ и мы вкусили кутьи, онъ вышелъ въ мантіи впередъ господаря и благословилъ его.

[1] Т.-е. монастырь господаря, именуемый Формоза, и монастырь домины.

Въ этотъ день присутствовали четыре архіерея: епископъ, постоянно пребывающій при дворѣ, митрополитъ Софіи Власій, митрополитъ Навпакта въ Морећ и одинъ грузинскій епископъ, только-что прибывшій изъ Московіи съ обильной милостыней. По его словамъ, онъ епископъ церкви въ странѣ Дадьянъ, въ коей находится хитонъ Владычицы Божіей Матери, а потому царь (московскій) далъ ему кромѣ обильной милостыни вѣнецъ на подобіе митры и полное архіерейское облаченіе. Это былъ притворщикъ, носившій на виду власяницу въ родѣ мѣшка. Нашего владыку патріарха опять повезли въ экипажѣ во дворецъ къ царской трапезѣ и мы возвратились въ свой монастырь вечеромъ.

Накапунѣ четверга покаянія [1] совершили торжественное всенощное бдѣніе, къ которому зазвонили во второмъ часу ночи. Кандиловозжигатель сначала ударилъ въ деревянное било триста разъ по счету, останавливаясь по окончаніи каждой сотни; затѣмъ многократно ударяли во всѣ мѣдные колокола. Мы вошли въ церковь. Священникъ вышелъ кадить до начала службы въ молчаніи и затѣмъ, остановившись подъ хоросомъ (паникадиломъ), возгласилъ: „Владыко благослови!“ и окончилъ кажденіемъ нашему владыкѣ патріарху. Войдя въ алтарь чрезъ царскія врата, онъ возгласилъ по обыкновенію: „слава святѣй“. Нашъ владыка патріархъ прочелъ шестопсалміе безъ „Святый Боже“ въ началѣ, потомъ троекратное аллилуія и Трисвятое. Затѣмъ читали каѳизмы изъ псалтиря, потомъ „помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей“ и начали канонъ, который пропѣли весь пріятнымъ напѣвомъ. Въ здѣшнихъ странахъ принято, что первенствующій читаетъ шестопсалміе на утрени, потомъ „слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“, „слава въ вышнихъ Богу“ до конца, „Христе свѣте истинный“, вечерній псаломъ, „Свѣте тихій“, „сподоби Господи“, „нынѣ отпущаеши раба Твоего“. Послѣ свѣтильна кончили службу по обыкновенію первымъ часомъ. Мы вышли отъ нея послѣ 6-го часа ночи. Послѣ полудня служили преждеосвященную обѣдню, причемъ выставили икону Благовѣщенія, коего празднованіе приходилось на другой день. Нашъ владыка патріархъ, сойдя, приложился къ ней по обыкновенію, равно и остальные присутствующіе послѣ раздачи антидора. Затѣмъ мы пошли къ трапезѣ, за которой пили вино. Въ этотъ вечеръ не читали молитвъ на сонъ грядущимъ и не ударяли въ било; но ударили въ пятницу въ полночь, и мы вошли въ церковь и начали великое повечеріе. При „помилуй насъ,

[1] Четвергъ на 5-ой недѣлѣ поста, когда читается на утрени весь покаянный канонъ Андрея Критскаго.

Боже, помилуй насъ" начали литію: на столикъ подъ хоросомъ положили пять хлѣбовъ и поставили сосудъ съ масломъ, виномъ и пшеницей и два подсвѣчника. Послѣ кажденія дьяконъ прочелъ ектенію пяти хлѣбовъ: „спаси, Господи, люди Твоя" и пр., затѣмъ кадилъ вокругъ хлѣбовъ и одинъ изъ нихъ поднесъ нашему владыкѣ патріарху, который его благословилъ. Потомъ начали утреню. Шестопсалміе было прочитано безъ „помилуй мя Боже", славословіе трижды, затѣмъ „Богъ Господь", псалтирь, стихиры и канонъ. Хвалитнъ не пѣли, а читали: „Владычице, пріими молитвы рабъ Твоихъ и избави насъ"....[1] Послѣ „Всякое дыханіе" нашъ владыка патріархъ сошелъ и приложился къ иконѣ Благовѣщенія, равно и прочіе служащіе, и мы вышли отъ утрени рано поутру.

Господарь прислалъ извѣстить нашего владыку, дабы онъ приготовился къ служенію литургіи въ церкви св. Николая, что подлѣ дворца, извѣстной подъ именемъ церкви господарской. Онъ прислалъ за нами экипажъ, и мы туда отправились. Облачившись и облачивъ владыку патріарха, мы начали литургію, ибо такъ пожелалъ господарь. Я возгласилъ „благослови Владыко", а священникъ „благословенно..." и начали вечерню псалмомъ „Благослови душе моя Господа"; затѣмъ слѣдовала великая ектенія [2], послѣ нея положенные стихиры, потомъ входъ. Въ это время вошелъ господарь, прибывшій изъ дворца пѣшкомъ. Мы не дѣлали ему встрѣчи, такъ какъ уже начали литургію, но лишь только онъ сталъ на своемъ мѣстѣ, нашъ владыка благословилъ его и сына его троекратно. Окончивъ литургію, вкусили царской кутьи по прочтеніи надъ нею положенной молитвы съ прошеніемъ за господаря, какъ выше упомянуто, и выпили немного вина. Господарь, оставаясь на своемъ мѣстѣ, ждалъ, пока не разоблачился нашъ владыка патріархъ, на котораго мы по обыкновенію надѣли мантію. По прежнему онъ вышелъ впередъ господаря, чтобы благословить его, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ во дворецъ. Въ этотъ день, по случаю господскаго праздника, трапеза отличалась большею противъ обыкновеннаго торжественностью; такъ, при перенесеніи блюдъ изъ кухни на верхъ, били въ барабаны и играли на рожкахъ и флейтахъ. Въ этотъ день было великое веселье: султанская музыка и турецкія пѣсни не умолкали до вечера. Въ томъ же экипажѣ мы возвратились въ свой монастырь. Этотъ день былъ послѣднимъ радостнымъ днемъ [3].

---

[1] Въ подлинникѣ: „Мати Божія, спаси насъ!"

[2] Въ подлинникѣ: синапти.

[3] Здѣсь въ англійскомъ переводѣ имѣется слѣдующая вставка, пропущен-

Вечеромъ, на субботу Похвалы Богородицы, не ударяли въ било и не было повечерія, но послѣ 7-го часа ночи совершили торжественно утреню. Ударили въ деревянное било 300 разъ, какъ выше упомянуто, а потомъ въ большой колоколъ сто разъ. Послѣ кажденія священника, шестопсалмія, „Господь Богъ и явися намъ“ и каѳизмъ, поставили покрытый аналой предъ иконой Богородицы и зажгли свѣчи въ подсвѣчникахъ. Нашъ владыка патріархъ, сойдя съ своего мѣста, возложилъ на себя епитрахиль и омофоръ и прочелъ шесть (первыхъ) похвалъ изъ акаѳиста, послѣ чего всталъ на своемъ мѣстѣ. По прочтеніи второй каѳизмы, епископъ читалъ слѣдующія 6 похвалъ, при чемъ повторяли ирмосы. Игуменъ монастыря прочелъ еще 6 похвалъ, а остальныя шесть—чередной священникъ. Пропѣли канонъ опять безъ хвалитнъ, но читали: „Владычице пріими“ [1]. Мы вышли отъ утрени рано поутру.

ГЛАВА XIII.

Яссы.—Панихида и отпѣваніе.

Въ этотъ день, который былъ субботнимъ недѣли Похвалы Богородицы, нашъ владыка патріархъ служилъ въ монастырѣ св. Саввы по желанію всѣхъ купцовъ. Эта обѣдня была совершена истово и торжественно съ полнымъ соблюденіемъ нашего устава. Окончивъ ее около полудня и надѣвъ по обыкновенію на владыку мантію, мы пошли изъ церкви, причемъ ему предшествовали со свѣчами, къ могиламъ, находящимся внѣ церкви, ибо одинъ человѣкъ обратился къ нашему владыкѣ патріарху съ такою просьбой: „отецъ мой передъ своей кончиной наказывалъ мнѣ, говоря: до истеченія трехъ лѣтъ со дня моей смерти открой мою могилу, пригласи архіерея, который тогда будетъ, или патріарха, если случится, пусть онъ прочтетъ надо мною молитву отпущенія и разрѣшенія“. Тогда мы возложили на владыку омофоръ и начали службу. Пропѣты были обычныя заупокойныя стихиры, затѣмъ нашъ владыка прочелъ разрѣшительную молитву съ прошеніемъ объ отпущеніи грѣховъ и окропилъ кости усопшаго святой водой. Потомъ мы пошли въ монастырскую трапезу. Родственники

ная въ нашихъ рукописяхъ: „знай, что въ срединѣ этого мѣсяца марта здѣсь сажаютъ персиковыя деревья и т. п., равно розовые кусты и иные въ этомъ родѣ, и сѣютъ бобы, лукъ, чеснокъ и пр. Въ это время привозятъ изъ Румеліи лимоны, которые складываютъ въ погреба, каждый—обернутый въ кусокъ пергамента. Око гранатовыхъ яблоковъ стоитъ полліастра, ибо мало что производится въ этихъ странахъ“.

[1] Въ подлинникѣ: „Мати Божія, спаси насъ!“

покойнаго устроили ему поминки. Они доставили къ трапезѣ множество всевозможныхъ яствъ съ кутьей и виномъ и всѣмъ присутствующимъ роздали большія свѣчи. Нашъ владыка патріархъ всталъ со всѣми служащими и возгласилъ: „благословенъ Богъ нашъ“, потомъ слѣдовало „Святый Боже“ и пропѣли заупокойные стихи. Дьяконъ въ стихарѣ окадилъ всѣхъ присутствующихъ изъ серебряной кадильницы безъ цѣпочекъ съ ручкой и возгласилъ: „Помилуй насъ, Боже, по великѣй милости Твоей!“ и затѣмъ: „о упокоеніи успшаго раба Божія такого-то“ до конца. Нашъ владыка патріархъ прочелъ молитву за усопшихъ: „Боже духовъ“. Совершили отпустъ, потушили свѣчи, и всѣ мы вкушали кутьи съ молитвой къ Господу о помилованіи усопшаго. По окончаніи обѣда сынъ его роздалъ всѣмъ присутствующимъ дары, ибо таковъ ихъ обычай въ Молдавіи и Валахіи. Вотъ каковъ обрядъ поминокъ, который называется у насъ *сабахійе* [1] и повторяется на третій и девятый день.

Когда мы встали изъ-за стола, ударили въ большое било; это знакъ, что у нихъ кто-нибудь умеръ: въ томъ монастырѣ, гдѣ родственники умершаго желаютъ его похоронить, они приказываютъ кандиловозжигателю ударить въ било, чтобы городскіе священники собрались къ отпѣванію. Такъ бываетъ, когда умершій богатъ или средняго состоянія; если же онъ бѣденъ, его хоронятъ безъ била, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Изъ этого монастыря отправились шестеро священниковъ въ фелоняхъ и два дьякона съ кадилами въ домъ покойника, чтобы его привезти. Въ здѣшней странѣ есть обычай, что умершаго хоронятъ только спустя 2, 3 дня и при этомъ онъ лежитъ безъ савана съ открытымъ лицомъ и вокругъ него ночью и днемъ горятъ свѣчи. Кто изъ священниковъ пожелаетъ, можетъ идти къ нему и читать надъ нимъ евангеліе отъ начала до конца, не одинъ разъ, а многократно, во все время отъ его кончины до похоронъ, хотя бы сошлось пятьдесятъ священниковъ и дьяконовъ ради щедрыхъ даровъ.

Покойный (да помилуетъ его Богъ!) былъ мужъ преклонныхъ лѣтъ и нашъ пріятель. Родомъ онъ изъ Копіи, янычаръ отъ отцовъ и дѣдовъ и самъ былъ янычаромъ; пріѣхавъ сюда, крестился и женился. Братъ господаря гетманъ, то-есть визирь, былъ его воспріемникомъ. Такой набожности, какою онъ отличался, и такого усердія къ службамъ не было ни у кого изъ насъ. Когда онъ скончался, за нимъ были долги купцамъ изъ турокъ, и потому гетманъ тотчасъ послалъ опечатать его имущество, взявъ изъ него предварительно 20 золотыхъ для

[1] *Сабахійе* справляется на другое утро послѣ погребенія.

его обряженія и похоронъ, а послѣ заимодавцы пусть дѣлятъ его имущество [1]. Онъ же предложилъ всѣмъ купцамъ совершить торжественно погребеніе усопшаго въ укоръ находившимся въ городѣ туркамъ. Когда шли съ его гробомъ въ предшествіи священниковъ и предпесеніи свѣчей, то, всякій разъ какъ проходили мимо турецкой квартиры, ставили его тутъ и пѣли надъ нимъ громкимъ голосомъ молитвы, наконецъ внесли его въ церковь, гдѣ поставили посрединѣ. Въ это время било гремѣло, потомъ оно смолкло. Мы надѣли мантію на нашего владыку патріарха и вошли въ церковь, гдѣ облекли его въ епитрахиль и омофоръ. Онъ сталъ у изголовья усопшаго, который лежалъ съ открытымъ лицомъ, съ образомъ на груди. Дьяконъ подалъ кадильницу владыкѣ, который по ихъ обыкновенію крестообразно окадилъ кругомъ покойника, потомъ окадилъ двери алтаря, произнося: „благословенъ“, и начали отпѣваніе. Затѣмъ онъ окадилъ правый и лѣвый клиросы и предстоящихъ священниковъ и весь народъ, потомъ кадилъ вокругъ гроба во второй разъ; обратившись къ востоку, перекрестился три раза и, взойдя, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ. Въ это время пѣли „блажени“ и „помилуй мя раба Твоего“ съ канонархомъ поперемѣнно, а потомъ канонъ. Первый возгласъ сказалъ нашъ владыка патріархъ. Затѣмъ присутствующій епископъ, взявъ кадильницу, окадилъ вокругъ покойника два раза, царскія двери и всѣхъ предстоящихъ; совершивъ также крестное знаменіе, дважды поклонился нашему владыкѣ патріарху, сталъ на своемъ мѣстѣ и сказалъ въ свое время второй возгласъ. Такъ дѣлали всѣ присутствовавшіе священники по старшинству до самаго времени послѣдняго цѣлованія. Послѣ нихъ кадилъ служащій дьяконъ. Подходя съ кадильницей къ каждому изъ священниковъ по старшинству, онъ кадилъ два или три раза, тогда тотъ, выступивъ, бралъ у него кадильницу и, вернувшись (послѣ кажденія) на свое мѣсто, также кадилъ два, три раза дьякону и отдавалъ ему кадильницу. При кажденіи всякій священникъ дѣлалъ въ свое время слѣдуемый возгласъ, и такъ до послѣдняго. При этомъ всегда неупустительно кадили предъ мѣстомъ господаря. Затѣмъ нашъ владыка патріархъ, сойдя, всталъ у изголовья усопшаго и прочелъ евангеліе. У нихъ такой обычай, что жена, дѣти и родственники покойника при чтеніи евангелія стоятъ подъ нимъ на колѣняхъ. Потомъ онъ прочелъ разрѣшительную молитву и, подойдя къ иконѣ, которая лежала на груди усопшаго, сдѣлалъ три поклона, обратившись лицомъ

[1] У Бельфура: „предоставилъ наслѣдникамъ раздѣлить между собою наличное имущество, по уплатѣ всѣхъ долговъ“.

къ востоку, приложился къ иконѣ, сдѣлалъ еще три поклона и взошелъ на патріаршее мѣсто. Затѣмъ подошли епископъ и игуменъ монастыря съ двухъ сторонъ, сдѣлали поклоны къ востоку и также приложились къ иконѣ. Потомъ подходили попарно священники, дьяконы и монахи. Двое изъ семьи или друзей покойнаго стояли съ обѣихъ сторонъ и раздавали всему собранію до бѣдняковъ дары, завернутые въ бумагу или въ расшитые платки. Потомъ подходили знатные люди по-двое по степенямъ. Покойника вынесли и погребли внѣ монастыря. Мы не пошли съ ними, ибо нѣтъ такого обычая. Если умершій очень богатъ, приглашаютъ всѣхъ присутствующихъ къ трапезѣ въ его домъ. Приносятъ блюдо съ кутьей, раздаютъ присутствующимъ свѣчи, священникъ говоритъ: „благословенъ“, потомъ поютъ заупокойные стихи; дьяконъ послѣ кажденія и „помилуй насъ Боже“ и пр. поминаетъ покойника, архіерей читаетъ молитву. Берутъ кутьи, призывая на усопшаго милость Божію.

ГЛАВА XIV.

Яссы. — Возстаніе великаго логоѳета.

Въ воскресенье 5-ой недѣли поста мы стояли службу въ монастырской церкви. Еще раньше его высочество господарь пригласилъ нашего владыку патріарха служить обѣдню въ монастырѣ Аарона воеводы за городомъ. Но въ это утро онъ былъ крайне раздраженъ, не знаемъ, почему.

Слѣдуетъ тебѣ знать, что желѣзные часы въ монастырѣ Эфенди (господаря), отъ 1-го до 10-го марта, били 12 часовъ ночью и 12 часовъ днемъ поровну, а послѣ 10-го числа стали бить 14 часовъ днемъ и 10 часовъ ночью.

Вотъ что случилось послѣ разсказанныхъ событій. Причина того, что господарь въ этотъ день мало выходилъ [1] изъ своихъ покоевъ, была слѣдующая. Онъ получилъ записку чрезъ священника-духовника, извѣщавшую, что вельможи его страны измѣнили ему и согласились съ великимъ логоѳетомъ его убить. За десять дней передъ этимъ послѣдній подъ какимъ-то предлогомъ отправился къ венгерскому королю и къ Матвѣю, господарю Валахіи, и искалъ у нихъ убѣжища, обвиняя Василія въ намѣреніи завладѣть при помощи меча и силы казаковъ странами венгровъ и валаховъ. По этой причинѣ они сильно разсердились на Василія и дали великому логоѳету съ своей стороны большую силу, около 30.000 войска, чтобы онъ пошелъ на Василія

[1] Въ рукописи Учебнаго Отдѣленія: „не выходилъ“.

и убилъ его. Онъ подчинился имъ и согласился быть съ ними заодно. Между великимъ логоѳетомъ и высшими военными начальниками молдавскими было сдѣлано условіе, чтобы они внезапно напали на Василія въ Вербное воскресенье во время литургіи въ его монастырѣ, такъ такъ онъ всегда имѣлъ обыкновеніе проводить въ немъ праздникъ Ваій въ увеселеніяхъ и ликованіи, затѣмъ овладѣли бы его сокровищами, а самого убили. Но Творецъ не попустилъ этого, раскрывъ Василію ихъ замыселъ чрезъ упомянутую записку, ибо его щедроты и благодѣянія, содѣянныя во всемъ мірѣ, отвратили отъ него несчастіе. Узнавъ объ этомъ, господарь тотчасъ вывезъ изъ дворца сокровища и отправилъ супругу свою и всѣ свои богатства въ крѣпость, называемую Хотинъ, что на самой ляшской границѣ. Онъ собралъ свое войско, но всѣ оказались измѣнниками. Тогда онъ отправился въ упомянутую крѣпость и оттуда въ субботу свѣта (великую) перешелъ рѣку и вступилъ въ страну ляховъ, въ крѣпость, по имени Каманица (Каменецъ). Отправивъ письма въ Константинополь съ извѣщеніемъ о случившемся, онъ послалъ затѣмъ просить помощи у Хмеля (Хмельницкаго), казацкаго гетмана, и у сына его, недавно сдѣлавшагося его зятемъ. Онъ просилъ также помощи у татарскаго хана. Прежде чѣмъ оставить Яссы, онъ казнилъ троихъ изъ высшихъ начальниковъ своего войска, изъ коихъ одинъ былъ войсковымъ сердаремъ [1]. [Василій былъ ему крестнымъ отцомъ, а домина—крестной матерью, и они любили его чрезвычайно. Господарь не скрывалъ отъ него никакой тайны и находился съ нимъ въ самой близкой и дружеской связи. Онъ отправилъ его однажды посломъ къ королю венгерскому Ракоту [2]; а тотъ прежде всего постарался заключить съ королемъ договоръ, чтобы прогнать господаря съ престола, утверждая, что Василій послалъ къ туркамъ и предложилъ имъ денегъ, чтобы поставить венгерскимъ королемъ его брата. Ракотъ вполнѣ ему повѣрилъ. Другой разъ онъ отправилъ его посломъ къ Матвѣю, воеводѣ Валахіи; тутъ онъ опять лживо и коварно утверждалъ, что господарь подкупилъ турокъ, чтобы получить позволеніе овладѣть престоломъ Валахіи для своего сына Стефана. И этотъ повѣрилъ ему, какъ повѣрилъ тотъ; вступилъ въ сношенія съ королемъ венгерскимъ и они заключили договоръ съ вышеупомянутымъ логоѳетомъ, что онъ сдѣлается господаремъ Молдавіи ихъ средствами и могуществомъ, вспомоществуемый ихъ силами.

---

[1] Начальникъ конницы.

[2] Ракочи II, банъ Трансильваніи.

Поэтому логоѳетъ не переставалъ отправлять посланія, хитрить и употреблять всевозможныя усилія, до тѣхъ поръ пока не привлекъ на свою сторону знатнѣйшихъ людей Молдавіи, которые ужасно ненавидѣли Василія, его вельможъ и всѣхъ грековъ. Особенною причиною ихъ ненависти было то, что племянникъ Василія, котораго имя не помню, обезчестилъ четыре тысячи дѣвицъ: когда ихъ семейства на него жаловались, то были не въ состояніи установить очевидность его преступленій, ибо онъ обыкновенно врывался въ ихъ дома во мракѣ ночи и похищалъ дѣвицъ. Онъ былъ виновенъ и во многихъ другихъ подобныхъ жестокостяхъ.

Три года логоѳетъ не переставалъ вести въ тайнѣ свои интриги, пока не довершилъ замысла, пославъ въ Константинополь и получивъ оттуда одобреніе и согласіе турокъ на свои затѣи. Василій, въ послѣдній разъ, призвалъ его къ себѣ и далъ ему на сохраненіе 10.000 динаровъ (червонцевъ). Тогда онъ составилъ планъ: отослалъ свою жену въ дальнюю деревню, а чрезъ нѣсколько дней представилъ господарю письмо, увѣряя, будто его жена очень больна и плоха. Господарь позволилъ ему отправиться къ ней. Предварительно онъ хитро провелъ и одурачилъ господаря, распустивъ у него всѣ иноземныя войска изъ уроженцевъ Греціи, Сербіи, Болгаріи и другихъ странъ, которыхъ господарь держалъ на жалованьѣ уже много лѣтъ; онъ представилъ такой предлогъ и увѣреніе, что у господаря, какъ онъ сказалъ, нѣтъ непріятелей, которыхъ нужно бы остерегаться. Поэтому, расточая на нихъ деньги, которыя господарь ввѣрилъ ему на сохраненіе, онъ въ теченіе этого великаго поста каждую субботу утромъ распускалъ извѣстное число ихъ знаменъ, пока не уволилъ всѣхъ, и его планъ удался, ибо туземныя войска всѣ отказались отъ повиновенія своему государю [1].

Выступленіе Василія изъ Яссъ произошло въ четвергъ на Вербной недѣлѣ. Если бы онъ не послалъ своего племянника съ войскомъ и не разрушилъ большого моста на пути своего врага, то этотъ послѣдній настигъ бы его въ городѣ. Но онъ былъ задержанъ на два дня, пока не возстановилъ моста, и по прибытіи своемъ (въ Яссы) уже не засталъ Василія. Твоимъ взорамъ, читатель, представился бы страхъ и ужасъ, овладѣвшіе всѣми, послѣ того какъ левъ покинулъ городъ: всѣ жители его сдѣлались разбойниками и доносчиками. Купцы и горожане собрались вмѣстѣ и снесли свое имущество въ монастыри,

[1] Отдѣлъ, заключенный въ скобки, не имѣется въ нашихъ рукописяхъ и заимствованъ изъ англійскаго перевода.

гдѣ и укрѣпились, устроивъ изъ тслѣгъ загражденія вокругъ каждаго монастыря. Ихъ и насъ обуялъ сильный страхъ и ужасъ, ибо мы на своемъ вѣку не видывали ничего подобнаго. Тогда прекратились службы и литургіи, потому что церкви и алтари были до потолковъ наполнены скарбомъ и товарами.

Наканунѣ Вербнаго воскресенья мы слушали вечерню въ трапезѣ своего монастыря, а рано утромъ заутреню, но безъ обѣдни. Въ этотъ день передъ закатомъ солнца вступилъ въ Яссы вышеупомянутый великій логоѳетъ съ большимъ войскомъ и остановился въ своемъ домѣ. Утромъ въ великій понедѣльникъ онъ вошелъ во дворецъ, причемъ въ честь его звонили во всѣ колокола, и возсѣлъ на тронъ господарей. Уже три года, какъ онъ подготовлялъ это дѣло, пока не достигъ желаемаго. Онъ назвалъ себя Іоано Георгица Стефаносъ воевода, ибо у господарей Молдавіи и Валахіи въ обычаѣ ставить передъ своимъ именемъ „Іоано“: въ здѣшнихъ странахъ это есть прозвище. Печать ихъ всегда голова теленка. Новый господарь раньше назывался Георгіемъ;отецъ его и прадѣды въ прежнее время были господарями и прозывались Стефаносъ. Вельможи, войско и весь народъ признали его и подчинились ему, такъ какъ онъ былъ одного съ ними племени. Причиною же ихъ ненависти къ Василію служило то, что онъ былъ родомъ грекъ и всѣхъ своихъ приближенныхъ имѣлъ изъ грековъ, кои поработили молдаванъ и держали ихъ въ такомъ презрѣніи и униженіи, что тѣ совсѣмъ обнищали. По этой причинѣ греки и молдаване питали другъ къ другу великую ненависть.

Что касается насъ, то нашъ владыка патріархъ готовился было варить божественное муро, такъ какъ все необходимое для него мы привезли изъ Константинополя. Онъ обѣщалъ господарю Василію сварить муро на страстной недѣлѣ, чему тотъ очень радовался. Всѣ его составныя части мы уже растолкли, начавши съ первыхъ дней поста. Несмотря на случившіяся событія, мы приступили къ варенію мура, опасаясь, чтобы не пропали безъ пользы его составныя части, и начали въ понедѣльникъ страстной недѣли. Мы варили муро ежедневно до пятаго раза въ великій четвергъ, причемъ нашъ владыка патріархъ, присутствующіе архіереи и прочіе іереи стояли вокругъ очага, читая св. Евангеліе съ начала до конца мувоваренія. По окончаніи его въ великій четвергъ, мы положили въ муро бальзаннаго масла, мускуса, амбры, благовоннаго алое и иныхъ драгоцѣнныхъ веществъ. Разливъ его по сосудамъ, мы понесли ихъ въ церковь монастыря домины, въ которой нашъ владыка патріархъ служилъ литургію (въ воспоминаніе) Тайной вечери. При великомъ входѣ

каждый изъ служащихъ іереевъ несъ въ рукахъ одинъ изъ этихъ сосудовъ, идя съ нимъ предъ св. Дарами, послѣ чего поставили ихъ за престоломъ. При окончаніи *диптиховъ* [1] (поминовенія) патріарховъ владыка освятилъ муро по чину.

Наканунѣ великой пятницы во второмъ часу ночи ударили въ колокола ко всенощной. Мы стояли службу въ трапезѣ, въ ней же слушали ее наканунѣ субботы свѣта (великой) и тамъ же совершили по обычаю чинъ плащаницы.

Наканунѣ Пасхи звонили во всѣ колокола съ вечера до утра. Мы слушали пасхальную утреню и „Христосъ воскресе“ опять въ трапезѣ. Это былъ праздникъ мрачный со страхомъ и трепетомъ: всѣ греки, священники и міряне, ждали ежечасно смерти отъ меча. Что касается насъ, то новый господарь, какъ только вступилъ на престолъ, прислалъ нашему владыкѣ патріарху денегъ на расходы, испрашивая его молитвъ. Онъ обѣщалъ ему всякихъ благъ и много пріятнаго доставилъ его сердцу, такъ какъ зналъ его еще прежде, и мы одинъ разъ уже поднесли ему подарокъ; когда же онъ вступилъ на престолъ, поднесли во второй разъ. Я пошелъ къ церкви св. Николая, что близъ дворца, поглядѣть на обрядъ Воскресенія, совершенный по обычаю предъ новымъ господаремъ мѣстными епископами и настоятелями монастырей. Для господаря внѣ церкви было поставлено кресло [2].

---

[1] Диптихи—синодикъ, или помянникъ, поминанье.

[2] Здѣсь въ англійскомъ переводѣ имѣется, пропущенный въ нашей рукописи, перечень высшихъ правительственныхъ лицъ въ Молдавіи:

„Степени высшихъ сановниковъ государства, кои помогаютъ въ правленіи господарю Молдавіи, слѣдующія:

*Великій логовет*ъ, который есть великій дефтердаръ, или верховный канцлеръ, подъ нимъ *второй логовет*ъ, потомъ *третій*.

*Великій вестіар*ъ, который есть рисманджи и махасибджи, или государственный казначей; потомъ *второй вестіар*ъ и *третій*.

*Ворник*ъ, который есть судья и имѣетъ подъ своимъ начальствомъ коллегію судей.

Бахарникосъ (пахарникъ), который есть виночерпій или дворецкій и прислуживаетъ господарю въ праздничные дни; у него подъ начальствомъ разносители напитковъ, или *саки*, кои служатъ господарю въ обыкновенные дни въ теченіе года.

*Великій бостеник*ъ (постельникъ), который всегда носитъ предъ господаремъ серебряный жезлъ; у него подъ начальствомъ *второй бостеникъ* и *третій*, кои также постоянно стоятъ со своими жезлами въ присутствіи господаря.

Точно также *великій спаваръ*, или главнокомандующій войскомъ, посто-

По окончаніи церемоніи вошли въ храмъ и довершили службу. Господарь, выйдя изъ церкви, отправился во дворецъ пѣшкомъ съ большой свитой. Позднѣе возвратились къ обѣднѣ. Когда пробило 3 часа дня, ударили въ колокола и мы отправились съ нашимъ владыкой патріархомъ слушать пасхальную обѣдню въ церкви домины. Евангеліе читали поперемѣнно очень маленькими отрывками сначала священники въ алтарѣ, затѣмъ дьяконы внѣ алтаря по-гречески. Въ этотъ день по здѣшнему обычаю принесли въ церковь множество блюдъ, наполненныхъ яицами, раскрашенными и расписанными всякими фигурами и красками, а также ветчину и хлѣбъ на скоромномъ маслѣ съ шафраномъ и пахучими веществами. Нашъ владыка прочелъ надъ ними молитву благословенія яицъ и сыра, потомъ молитву разрѣшенія мяса, послѣ чего ихъ роздали присутствующимъ. Въ этотъ день мы прикладывались къ плащаницѣ, т.-е. шитому изображенію Господа, лежащаго во гробѣ: она находилась на престолѣ упомянутой церкви; принесена въ даръ святой горѣ Аѳонской царемъ Іоанномъ Кантакузеномъ. Мы вышли изъ церкви (не позже), чѣмъ выходили всегда отъ воскресной обѣдни.

ГЛАВА XV.

Яссы. — Война. Прибытіе казаковъ въ Молдавію и пораженіе новаго господаря.

Въ понедѣльникъ и вторникъ пасхальной недѣли совсѣмъ не было обѣдни по причинѣ страха и ужаса. Новый господарь раньше присылалъ извѣстить нашего патріарха, чтобы онъ отслужилъ для него обѣдню на Пасхѣ; но самъ былъ сильно занятъ заготовленіемъ провіанта для войска и отправленіемъ его въ походъ. Въ день новаго (Ѳомина) воскресенья тоже не было обѣдни.

Въ этотъ день пришло извѣстіе, что Тимоѳей, сынъ Хмеля, зять господаря Василія, перешелъ Днѣстръ, составляющій границу между странами молдавской и казацкой, съ войскомъ казаковъ, чтобы вести войну съ новымъ господаремъ, и разбилъ войско, высланное послѣднимъ для охраны границы на упомянутой рѣкѣ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, господарь сталъ снаряжать войско навстрѣчу казакамъ. Онъ было отпустилъ войско венгровъ и валаховъ, но теперь послалъ вернуть ихъ. Въ это время передовой отрядъ казаковъ, называемый на

явно носитъ мечъ и палицу подлѣ господаря; подъ нимъ *первый спаоаръ* (т.-е. *силяхдаръ*), или оруженосецъ; а также *второй спаоаръ*.

Затѣмъ *грамматикосъ*, или секретарь господаря.

Послѣ него *армашъ* (т.-е. *субаши*), который подвергаетъ казни и пыткѣ. Силяхдаръ также завѣдуетъ войнами.

ихъ языкѣ *сатража* (стража), въ числѣ 300 человѣкъ, двигаясь впередъ, разбилъ господарево войско, противъ нихъ снаряженное. У господаря было тогда въ сборѣ по записямъ около 40000 ратниковъ изъ молдаванъ, венгровъ, нѣмцевъ, кара-валаховъ, сербовъ и другихъ народовъ. Все кругомъ трепетало (Богъ намъ прибѣжище!): о страхѣ и ужасѣ умолчимъ.

Господарь выступилъ со всѣми этими людьми въ среду послѣ новаго (Ѳомина) воскресенья; на войну потащили насильно купцовъ и грековъ. Онъ встрѣтилъ казацкое войско и они сражались отъ полудня среды до полудня четверга. Казаки разбили войско господаря, перебивъ большую часть его. Вотъ какъ произошло это сраженіе. Казаки находились внутри своихъ таборовъ, за рвами и окопами: въ срединѣ помѣщались телѣги, а въ самомъ центрѣ лошади. Казаки сидѣли спокойно во рвахъ, такъ что не было замѣтно ни одной души. Молдаване подумали, что они перемерли. Отрядъ драбантовъ, численностью около 800 человѣкъ, въ красной суконной одеждѣ, вышелъ (на развѣдки). Когда Стефанъ воевода выстрѣлилъ по казакамъ изъ шести пушекъ [а драбанты изъ всѣхъ своихъ ружей], казаки вскочили, выпалили изъ своихъ одиннадцати пушекъ и, выступивъ впередъ, дали залпъ изъ ружей, затѣмъ, обнаживъ сабли, изрубили всѣхъ драбантовъ. Пушки разсѣяли многочисленное войско непріятелей, которымъ ничего не оставалось, кромѣ поспѣшнаго бѣгства. Тимоѳей тотчасъ бросился впередъ. Пораженіе ихъ стало еще сильнѣе, ибо казаки мощны на войнѣ, никогда не отступаютъ и не обращаются въ бѣгство. Они обладаютъ большимъ искусствомъ въ устройствѣ таборовъ, научившись этому у ляховъ въ послѣдніе два года. Эти таборы суть нарытые изъ земли окопы, называемые по-турецки *матарисъ*; ихъ проводятъ кругомъ войска, чтобы никто не могъ напасть на казаковъ нечаянно. У каждаго изъ нихъ свой отдѣльный таборъ, т. е. яма въ землѣ. Вставъ на ноги, они стрѣляютъ изъ ружей, выпуская зарядъ; когда же непріятель начинаетъ палить по нимъ изъ своихъ ружей, они прячутся въ ямахъ и ни одна пуля ихъ не задѣваетъ: сами они попадаютъ, а въ нихъ не попадаютъ. Они много бѣдствуютъ въ своей жизни и въ походахъ довольствуются чрезвычайно малымъ: кромѣ сухого чернаго хлѣба и воды ничего не знаютъ, не имѣютъ ни палатокъ, ни красивыхъ одеждъ, ничего иного (подобнаго) и при этотъ очень выносливы.

Возвращаемся къ нашему разсказу. Господарь Василій удержался благодаря тѣмъ, кто поддержалъ его. Они прибыли въ окрестности Яссъ, и здѣсь произошло сраженіе, на которое мы глядѣли съ

колоколенъ. Вдругъ послышался громъ барабановъ и звуки рожковъ; сказали, что приближается Тимоѳей, сынъ Хмеля, который свое войско по обыкновенію выслалъ впередъ. Тогда явилась къ нимъ [1] помощь и враги обратились въ бѣгство, такъ что ни одного не осталось; (новый) господарь со своими вельможами бѣжалъ въ сторону Венгріи, покинувъ дворецъ со всѣмъ, что въ немъ было. Все имущество, награбленное имъ въ эти дни у бояръ и купцовъ, также осталось во дворцѣ и досталось на долю Хмелева сына.

Твоимъ взорамъ, читатель, враги представились бы разбитыми, разсѣянными на клочки, бѣжавшими по десяти, двадцати, пятидесяти, бросивъ свои знамена, и стремившимися къ горамъ и пустынямъ. Все это происходило на нашихъ глазахъ. Казаки гнались за ними, пока не настигли ихъ въ горахъ, гдѣ перебили, сколько могли, награбивъ имущества безъ счета.

ГЛАВА XVI.

Яссы.—Возвращеніе Василія.

Тимоѳей, сынъ Хмеля, вступилъ въ Яссы, благодаря силѣ своихъ казаковъ, и проѣзжалъ мимо монастыря св. Саввы, направляясь во дворецъ. Нашъ владыка патріархъ въ мантіи, омофорѣ и епитрахили, со крестомъ, вышелъ встрѣтить его у монастырскихъ воротъ. Съ Тимоѳеемъ было нѣсколько тысячъ людей, которые наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили получить благословеніе отъ нашего патріарха, преклоняясь передъ нимъ, и прикладывались ко кресту.

Казаки разбрелись по горамъ и степямъ, грабя жителей городовъ, къ которымъ бѣжали враги, обирали даже женщинъ и разграбляли церкви и монастыри, потому что въ нихъ укрывались непріятели,—все это за то, что они стали измѣнниками своему господарю и эфендію, Василію воеводѣ. Тимоѳей немедленно послалъ *сотникоса* (сотника) т. е. юзбаши, съ отрядомъ, который пришелъ для охраны нашего монастыря и водрузилъ на воротахъ знамя съ крестомъ.

Между тѣмъ турки и евреи были въ страхѣ и ужасѣ отъ казаковъ, подвергаясь мученіямъ, грабежу и безпримѣрнымъ жестокостямъ; ихъ постигло великое бѣдствіе, и не будь нашего владыки патріарха, казаки совсѣмъ бы ихъ уничтожили: и какъ могло быть иначе, когда они ихъ враги? Бѣдствія молдаванъ были еще больше. Евреевъ заключали въ оковы и мучили въ продолженіе цѣлыхъ ночей, какъ говорятъ, для того чтобы они крестились и указали свои богатства, и наши сердца всего больше надрывались горемъ отъ плача ихъ дѣтей

[1] Т е. къ сторонникамъ Василія.

и младенцевъ. Турки немедленно прибѣгли къ защитѣ нашего владыки патріарха; мы помѣстили ихъ въ своихъ кельяхъ, а сами сѣли снаружи, и они спаслись со всѣмъ имуществомъ. Между ними находился одинъ янычаръ, который тоже убѣжалъ; у него былъ маленькій невольникъ-казакъ, и то, что этотъ послѣдній сдѣлалъ съ самаго начала съ вещами и деньгами своего хозяина, не имѣло себѣ примѣра: онъ указалъ ихъ по-одиночкѣ казакамъ, которые и разграбили все вмѣстѣ съ имуществомъ товарищей янычара. Мы видѣли дѣла, приводившія въ оцѣпенѣніе.

Въ этотъ вечеръ во всѣхъ монастыряхъ зазвонили въ колокола и отслужили торжественную всенощную за гетмана Хмеля и сына его, гетмана Тимоѳея. Мы также присутствовали за ней. Дьяконъ возгласилъ: „помилуй насъ, Боже, по велицѣй милости Твоей“ и пр., „еще молимся о Василіи воеводѣ, о гетманѣ Зиновіи, о государѣ Тимоѳеѣ и о супругѣ его, доминѣ Роксандѣ“. (Замѣть, что она дочь Василія и что именно эта дочь была въ Константинополѣ заложницей, и отцу стоило громадныхъ денегъ выручить ее оттуда и выдать замужъ). „О продолженіи мира, здравіи и спасеніи ихъ“, „о еже Господу Богу нашему наипаче споспѣшити во всѣхъ дѣлѣхъ ихъ и покорити подъ нозѣ ихъ всякаго врага и супостата“. Потомъ пропѣли весь пасхальный канонъ и параклисисъ (молебенъ) и мы вышли изъ церкви предъ полуночью.

Въ субботу, въ которую приходился праздникъ св. Георгія, и въ слѣдующее за ней воскресенье литургіи не было. Въ понедѣльникъ вечеромъ гетманъ Тимоѳей прислалъ извѣстить нашего владыку патріарха, чтобы онъ готовился къ литургіи въ монастырѣ господаря. Во вторникъ утромъ мы отправились въ этотъ монастырь и слушали утреню. Позднимъ утромъ въ церковь прибылъ гетманъ и взошелъ на мѣсто своего тестя господаря; онъ былъ опоясанъ мечомъ, съ которымъ никогда не разставался. Нашъ владыка патріархъ благословилъ его, и мы докончили литургію. Это былъ великій день. При выходѣ изъ церкви нашего владыки патріарха, гетманъ поддерживалъ его сзади подъ руку, пока не усадилъ на лошадь, и держался за его стремя до выѣзда изъ монастыря, гдѣ они простились и разошлись.

Какъ только разбили (новаго) господаря, извѣстіе объ этомъ было послано Василію, который въ то время находился въ Каменцѣ, и онъ немедленно сѣлъ на лошадь. Пришла вѣсть, что онъ ѣдетъ и народъ радовался его прибытію. Онъ вступилъ въ Яссы въ четвергъ 28 апрѣля. Нашъ владыка патріархъ и мы отправились въ монастырь господаря ждать его пріѣзда. Когда онъ прибылъ, мы встрѣтили его

за монастырскими воротами. Игумены монастырей и священники были въ облаченіяхъ, а дьякопы съ кадильницами попарно. Сойдя съ коня, онъ облобызался съ нашимъ владыкой патріархомъ и они вошли въ церковь. Когда онъ занялъ свое мѣсто, дьяконъ подошелъ и, окадивъ его, возгласилъ: „помилуй насъ, Боже, по велицѣй милости Твоей“ и пр., поминая господаря, гетмана Зиновія, Тимоѳея и домину Роксанду; „о мирѣ, здравіи и спасеніи“ и пр. до конца. Затѣмъ они [1] сошли (съ своихъ мѣстъ) и прикладывались къ мѣстнымъ иконамъ; нашъ владыка патріархъ благословилъ господаря, который обнялъ его со слезами, говоря: „постигшее меня было за грѣхи мои“. Мы вышли съ нимъ за монастырь, гдѣ онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ во дворецъ. При этомъ по обычаю гудѣли колокола.

Лишь только онъ вступилъ во дворецъ и возсѣлъ на тронъ, всѣ его войска и казаки дали залпъ изъ ружей и выстрѣлили изъ одиннадцати привезенныхъ ими съ собой пушекъ и изъ шести другихъ, отнятыхъ у новаго господаря, такъ что городъ какъ бы поднимался и опускался.

ГЛАВА XVII.

Яссы.—Выступленіе въ походъ. Служеніе патріарха.

Въ воскресенье Разслабленнаго мы смотрѣли на сына Хмеля, когда онъ приходилъ проститься съ господаремъ, такъ какъ у нихъ было рѣшено сообща идти на господаря валашскаго. Господарь пожаловалъ ему съ своихъ плечъ соболью шубу. Онъ сѣлъ на коня, имѣя позади себя барабанщиковъ и трубачей, осѣнилъ свое чело крестнымъ знаменіемъ и отправился.

Въ понедѣльникъ утромъ нашъ владыка патріархъ поѣхалъ проститься съ господаремъ и просилъ у него позволенія готовиться въ дальнѣйшій путь. Но господарь отказалъ, говоря: „подожди, пока я тебѣ пришлю отвѣтъ“. Онъ сдѣлалъ это потому, что боялся за насъ, ибо вся страна казаковъ была въ тревогѣ отъ (движенія) войскъ казацкихъ и татарскихъ. До сего года ханъ былъ въ союзѣ съ Хмелемъ для веденія войны противъ ляховъ. По этой причинѣ насъ задерживали, пока дороги не сдѣлаются безопасными. Во вторникъ господарь отправился нагонять своего зятя съ молдавскими войсками, которыя издревле постоянно измѣняли своимъ государямъ.

Въ среду предъ четвергомъ Вознесенія настоятель монастыря Галата прибылъ пригласить нашего владыку патріарха отслужить обѣдню въ четвергъ Вознесенія, такъ какъ монастырь въ честь этого

[1] Т. е. господарь и патріархъ.

праздника. Мы отправились туда, отстояли вечерню, потомъ утромъ заутреню. Поздпимъ утромъ зазвонили въ колокола. Нашъ владыка патріархъ отслужилъ обѣдню, за которой рукоположилъ іерея въ присутствіи всѣхъ игуменовъ монастырей и богомольцевъ. Затѣмъ послѣ литургіи по обыкновенію принесли кутью, всѣ (служащіе) возложили на нее руки и нашъ владыка патріархъ прочелъ молитву за упокой души строителя монастыря, Петра воеводы, въ память коего была принесена кутья. Мы вышли отъ обѣдни не раньше полудня. Насъ повели за трапезу, которая была подана по-царски и насытила знатныхъ и простыхъ. Въ концѣ ея пили чашу за здоровье господаря, потомъ за здоровье Хмеля и его сына, а затѣмъ патріарха іерусалимскаго, коему принадлежитъ монастырь [1].

Вечеромъ мы слушали вечерню, причемъ опять была предложена кутья и сосудъ съ виномъ. Священникъ и нашъ владыка патріархъ читали надъ ними (установленныя) молитвы въ память строителей монастыря. Здѣсь такой обычай, что обѣдня и трапеза въ (храмовой) праздникъ бываетъ въ честь этого праздника, а обѣдня и трапеза на слѣдующій день—въ память строителей монастыря, ибо при такомъ условіи дѣлаются пожертвованія. Мы также были за заутреней въ пятницу рано поутру. Затѣмъ заблаговѣстили къ обѣднѣ. При нашемъ входѣ въ церковь поставили подносъ съ кутьей и виномъ и два большихъ серебряныхъ подсвѣчника на столикъ, покрытый дорогой пеленой. Взявъ кадильницу, нашъ владыка патріархъ кадилъ вокругъ (столика), затѣмъ передъ дверьми алтаря, мѣстомъ господаря, архіереямъ, настоятелямъ и прочимъ присутствующимъ. Дьяконъ возгласилъ: „благослови, владыко“! а нашъ владыка патріархъ: „благословенно“ [2]. Пѣвчіе начали пѣть „Помилуй насъ Боже!“ затѣмъ „Блаженны“ до конца, а послѣ заупокойный канонъ, пріятнымъ напѣвомъ. При всякой „славѣ“ дьяконъ говорилъ: „Помилуй насъ Боже!“ и поминалъ строителей монастыря поименно. Также кадили всѣ присутствующіе настоятели монастырей по обыкновенію. При кажденіи, какъ нашъ владыка патріархъ, такъ и прочіе, гово-

[1] Что монастыри въ бывшихъ господарствахъ, Молдавіи и Валахіи, не принадлежали восточнымъ церквамъ и патріархамъ и не составляли ихъ собственности, а были лишь *преклонены* имъ, т. е. отданы подъ ихъ надзоръ съ правомъ пользоваться частью съ остатковъ ихъ дохода въ видѣ вознагражденія за надзоръ, см. объ этомъ рядъ нашихъ статей за подписью „Русскій паломникъ“ (прерванныхъ по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ), съ нѣсколькими нашими же передовыми по тому же поводу, въ Моск. Вѣд. 1892 г.

[2] Этотъ отрывокъ до конца главы выпущенъ въ англійскомъ переводѣ.

рили (положенный) возгласъ, пока нашъ владыка патріархъ не прочель молитву кутьи, послѣ того какъ всѣ возложили на нее руки. Затѣмъ снесли ее вмѣстѣ со столикомъ со средины церкви въ сторону и начали литургію, при чемъ поминали: „еще молимся о благочестивѣйшемъ и богохранимомъ господинѣ нашемъ Іоано Василіи воеводѣ, о благочестивомъ, свѣтлѣйшемъ и великомъ гетманѣ господинѣ Зиновіи и о благочестивѣйшемъ сынѣ его гетманѣ Тимоѳеѣ и о всей палатѣ“ [1]. Ихъ поминали также на многолѣтіи по окончаніи службы. Мы вышли отъ обѣдни лишь около полудня. Литургію въ субботу мы слушали въ томъ же монастырѣ и возвратились въ свой. [Мы видѣли въ садахъ монастыря Галата абрикосовое дерево и ѣли его плоды, также миндальное дерево, все покрытое свѣжими цвѣтами. Вишня, дамаскина, или птичье сердце, айва и слива очень изобильны въ этихъ странахъ и чрезвычайно хороши. Въ здѣшнихъ садахъ множество гвоздики простой и мясокрасной, жасмина и лилій. Желтая лилія, называемая франкской, встрѣчается во всѣхъ этихъ странахъ до Москвы и такъ же обыкновенна какъ трава, безъ всякой цѣны. Отъ Молдавіи и Валахіи до Москвы большая часть травы на поляхъ—полынь].

ГЛАВА XVIII.

Яссы.—Неудача Василія.

Въ этотъ день пришло къ намъ извѣстіе, что господарь Василій и зять его съ войскомъ казаковъ разбиты и бѣжали. Послѣ того какъ мы уже находились въ безопасности и ежедневно получались извѣстія, что они четыре раза разбили войска венгровъ и валаховъ и множество ихъ перебили, теперь стали приходить дурныя, страхъ наводящія, вѣсти и народъ снова вернулся (подъ защиту) монастырей. Въ это время начали появляться одинъ за другимъ отряды казаковъ, бѣжавшихъ и разбитыхъ. Возникли слухи, что господарь и зять его пропали, но во вторникъ предъ Пятидесятницей они неожиданно прибыли и вошли во дворецъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Донесеніе о случившемся было отправлено къ Хмелю. Тогда подтвердилось извѣстіе, что они четыре раза разбили венгровъ и войска валаховъ и сербовъ. Никто не могъ устоять противъ нихъ. Они подошли на разстояніе одного дня къ городу Доргашту (Тырговишту), подвластному господарю валашскому. Матвѣй господарь вышелъ имъ навстрѣчу съ большимъ войскомъ валаховъ, венгровъ, сербовъ, арнаутовъ, болгаръ и

[1] Въ подлинникѣ это прошеніе написано по-гречески и не весьма вразумительно.

турокъ. Греческіе сеймены Василія напали на нихъ и пробившись до матерчатой ставки господаря, разграбили часть имущества. Самого Матвѣя они ранили въ ногу пулей, которая убила подъ нимъ коня. Онъ терпѣлъ (боль) раны почти до самаго вечера и тогда только снялъ обувь, которая была полна крови. (Получивъ рану), Матвѣй, однако, тотчасъ сѣлъ на другого коня и продолжалъ защищаться. Въ это время все его войско уже готово было поддаться и покориться Василію и казакамъ.

Но Господь нашъ, „премѣняяй времена“, въ тотъ часъ наслалъ громы, молнію и грозу, дождь и крупный, подобно камнямъ, градъ на людей Василія и на казаковъ, ибо вѣтеръ былъ противъ нихъ. Молдаване пришли въ страхъ и были побѣждены. Казаки пріостановили стрѣльбу изъ ружей по причинѣ бывшаго тогда сильнаго дождя. Войско валаховъ начало палить изъ пушекъ и ружей и бросилось на непріятелей. Молдаване бѣжали первыми, за ними послѣдовали казаки и, разбитые, обратили тылъ. Непріятели, съ мечами въ рукахъ, гнались за ними, пока не перебили ихъ множество. То былъ часъ достойный плача. Они преслѣдовали ихъ на разстояніе трехдневнаго пути, взявъ многихъ въ плѣнъ живьемъ. Тѣ, которые спаслись бѣгствомъ и пришли въ Яссы, побросали для облегченія все свое оружіе. Господарь Василій и его зять спаслись съ немногими людьми и пришли въ Молдавію по дорогѣ къ Галацу, по путямъ труднопроходимымъ, изъ опасенія погони. Пораженіе произошло во вторникъ передъ закатомъ солнца, предъ четвергомъ Вознесенія. Извѣстіе объ немъ получилось въ Яссахъ на третій день, ибо отъ Валахіи до (столицы) Молдавіи разстояніе десять дней хорошей ходьбы.

Пріѣздъ господаря, какъ мы упомянули, случился во вторникъ предъ закатомъ, на восьмой день (битвы). Войско казаковъ, которое еще оставалось въ живыхъ, пробывъ три дня, отправилось въ свою страну, по причинѣ наступившей тогда великой дороговизны, ибо имъ продавали большой хлѣбъ за одинъ піастръ. Тимоѳей, сынъ Хмеля, оставался еще нѣкоторое время и затѣмъ уѣхалъ къ отцу, отъ котораго ожидалъ помощи, но не получилъ, такъ какъ тотъ былъ на него сердитъ. Василій остался одинъ, не имѣя при себѣ никого. Ежечасно доносили, что непріятель идетъ на него съ войскомъ, чтобы напасть неожиданно въ одну изъ ночей. Послѣдній обманъ былъ хуже перваго. Онъ и мы были въ страхѣ во все время ночью и днемъ. Что касается домины и сына господаря и всего его богатства и имущества, то онъ вывезъ ихъ изъ страны ляховъ изъ Каменца и помѣстилъ въ каменной неприступной крѣпости въ своемъ владѣніи, по имени

Сатжао (Сучава), гдѣ сложилъ много съѣстныхъ припасовъ и напитковъ изъ опасенія того, что могло случиться и что потомъ дѣйствительно случилось.

ГЛАВА XIX.

Яссы.—Троицынъ день. Монастырь св. Іоанна Новаго. Плоды.

Мы слушали великую литургію Троицына дня въ своемъ монастырѣ. По окончаніи службы разостлали коверъ въ алтарѣ передъ престоломъ для нашего владыки патріарха. Мы надѣли на него епитрахиль и омофоръ, и онъ прочелъ молитвы колѣнопреклоненія, обратившись лицомъ къ народу. Въ воскресенье Всѣхъ Святыхъ прибылъ игуменъ монастыря св. Іоанна Новаго, извѣстнаго подъ именемъ монастыря Дщери. Онъ находится на окраинѣ Яссъ и составляетъ метохъ, приписанный къ монастырю св. Саввы. Мы туда отправились и, отстоявъ обѣдню, вышли къ трапезѣ, а вечеромъ возвратились въ свой монастырь. Монастырь красивъ; съ наружной стороны имѣетъ галлереи, откуда открывается видъ на весь городъ, такъ какъ мѣстоположеніе его высокое; церковь его благолѣпна; надъ галлереями колокольня. Намъ разсказывали объ этомъ мученикѣ Іоаннѣ Новомъ, что онъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ пострадалъ въ Трапезунтѣ. Господари молдавскіе посылали за нимъ, употребляя всякія ухищренія, пока имъ не удалось привезти его къ себѣ. Его поставили на мѣстѣ этого монастыря, чтобы видѣть, гдѣ ему угодно быть положеннымъ. Онъ отправился, находясь въ царскомъ экипажѣ, по своей волѣ въ Сучаву и здѣсь остановился. За нимъ слѣдовали и тогда построили ему монастырь и церковь внутри крѣпости, гдѣ онъ и почиваетъ для всегдашняго ея охраненія. Жители здѣшней страны имѣютъ къ нему большую вѣру и изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ стремятся на богомолье къ его празднику, который приходится въ четвергъ послѣ Пятидесятницы. Дочь одного вельможи построила во имя его этотъ красивый монастырь, посящій по ней свое прозвище.

Знай, что дѣвицы въ этой странѣ имѣютъ обыкновеніе плести вѣнки изъ цвѣтовъ пахучихъ растеній и надѣвать себѣ на голову; также и далѣе, до земли московской, женщины украшаютъ себя вѣнками.

Знай, что новые огурцы въ этой странѣ поспѣваютъ къ празднику апостоловъ (Петрову дню); они маленькіе и безъ слизи. Дамаскина, или птичье сердце [1], (по своему изобилію) походитъ на море, выходящее изъ береговъ; она разнаго вида и цвѣта: бѣлая, желтая,

[1] Родъ сливы.

алая и красноватая, и очень вкусна. Что касается красной вишни, то ея цѣлые лѣса. Сорта груши восхитительны.

Наканунѣ Петрова дня долго ударяли въ большой колоколъ и украсили храмы, по здѣшнему обыкновенію, цвѣтами и пахучими растеніями, равно и иконы.

Знай, что желѣзные часы въ началѣ апрѣля стали бить 15 часовъ днемъ и 9 ночью; въ іюнѣ и іюлѣ—16 днемъ и 8 ночью.

[Мы ходили осматривать въ господаревомъ дворцѣ церковь господаря, которая очень красива и освящена во имя св. Георгія, а также церковь домины, посвященную тому же святому. Покои, въ которыхъ живутъ государь и его супруга, всѣ выстроены изъ кирпича и черепицы: ихъ крыши удивительны и построены самимъ Василіемъ. Подлѣ нихъ прекрасная теплая баня, также воздвигнутая Василіемъ, вся изъ мрамора; вода въ нее привозится. Въ господарскомъ саду мы видѣли сладкое тутовое дерево, много абрикосовыхъ и миндальныхъ деревьевъ и маленькія гранатовыя деревья, растущія въ кадкахъ; также сладкіе лимоны, растущіе подобнымъ же образомъ].

ГЛАВА XX.

Яссы.—Окончательное пораженіе.

Возвращаемся къ нашему разсказу. Подтвердилось извѣстіе, что врагъ господаря Василія, новый господарь, прибылъ въ свои деревни, что близъ границы Венгріи и Валахіи, въ мѣстахъ неприступныхъ, на вершинахъ горъ и среди лѣсовъ. При немъ было войско изъ венгровъ и валаховъ. Онъ набираетъ еще новыхъ людей и жители той мѣстности ему подчиняются.

Опять стали приходить дурныя вѣсти, и мы были встревожены всѣмъ, происходившимъ вокругъ насъ. У Василія не было войска: всѣ молдаване ему измѣнили. Онъ послалъ просить помощи у татаръ, но они ему не помогли, и онъ, противъ желанія, началъ набирать новое войско изъ жителей страны и назначать капитановъ и юзбаши (сотниковъ), издерживая на нихъ большія деньги и припасы. Въ это время получилась радостная вѣсть, что Хмель послалъ ему нѣсколько тысячъ войска казаковъ. Когда они пришли, Василій роздалъ имъ деньги и подарки, назначивъ для всѣхъ (выдачу) съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Для нихъ устроили кругомъ города таборъ, въ которомъ они расположились. Между тѣмъ господарю Василію были присланы съ агами три почетныхъ халата и (новая) утвердительная грамата. Послѣднимъ прибылъ къ нему Кадыри-ага, ага казначейства, съ халатомъ, который несли на рукахъ, и съ утвердительной грама-

той. Господарь выѣхалъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ казаковъ и они вступили (въ городъ) съ большимъ поѣздомъ. Затѣмъ господарь сталъ готовиться въ походъ противъ своего врага. Мы же и монастыри во все это время съ поздняго вечера до утра совершали молебствія и всенощныя по чину всенощной четверга покаянія и субботы недѣли акаѳиста (Божіей Матери). Но все это пользы не принесло.

Наконецъ господарь выступилъ изъ Яссъ во вторникъ 5 іюля; съ нимъ пошли всѣ купцы и греки, по своей привязанности къ нему. Вмѣстѣ съ казаками ихъ было около 4000. Изъ молдаванъ собралось къ Василію около 11000 и онъ двинулся противъ своего врага, о которомъ чрезъ лазутчиковъ стало извѣстно, что онъ имѣлъ тогда при себѣ только двѣ—три тысячи человѣкъ. Въ эти ночи были сильные громы, молніи и грозы, дожди и великіе потоки, такъ что мы говорили: „по истинѣ часъ насталъ“. Отъ паденія громовыхъ стрѣлъ рушился большой деревянный куполъ церкви монастыря св. Параскевы, которымъ владѣютъ монахи Синайскаго монастыря; верхушка его и крестъ глубоко зарылись въ землю. Также разрушилась большая дворцовая конюшня и сгорѣло множество домовъ. Блистали молніи, подобныя мечамъ; на небѣ появились въ облакахъ знаки, похожіе на крѣпости и битвы. Все это служило предзнаменованіемъ новаго пораженія Василія.

Когда оба войска построились для сраженія, ратники Василія могли бы перебить войско его врага полѣньями, не мечами, по причинѣ его малочисленности: но послѣднее твердо стояло, ибо было освѣдомлено объ измѣнѣ молдаванъ, которые тотчасъ опустили свои знамена и перешли къ новому господарю, вѣроломно покинувъ Василія. Согласившись съ войсками новаго господаря, венграми, валахами и молдаванами, они сообща напали на остальное войско Василія—казаковъ и грековъ, и такъ какъ этихъ было мало, то новый господарь ихъ побѣдилъ и сокрушилъ мечемъ. Во главѣ Василіева войска стояли греческіе купцы и ихъ ратники съ гетманомъ, братомъ господаря, сыномъ послѣдняго и его (другими) дѣтьми. Когда они увидѣли, что, бывъ сначала побѣдителями, они побѣждены своими врагами и поражаются мечемъ, то пришли въ разстройство и обратились въ бѣгство. Ихъ пораженіе произошло въ среду 6 іюля въ полдень. Все это случилось къ нашему злополучію [и всѣ наши надежды были окончательно потеряны, ибо основывались на Василіи и его вельможахъ. Подарки, взятые нами для нихъ и стоившіе намъ нѣсколько сотъ піастровъ, теперь были брошены напрасно и безцѣльно. Василій обѣщалъ на-

шему владыкѣ патріарху уплатить всѣ его долги и издержки и изъявилъ готовность отпустить его далѣе на сѣверъ, назначивъ посла сопутствовать ему къ царю московскому и обязавшись снабдить его всѣмъ потребнымъ для путешествія, какъ-то: повозками, лошадьми и тому подобнымъ. Объ этомъ онъ говорилъ ему и публично и частнымъ образомъ. Также и отъ вельможъ мы ожидали большихъ суммъ, но теперь все было въ концѣ потеряно [1].

Что касается господаря Василія, то онъ тотчасъ бѣжалъ на своемъ быстромъ конѣ съ немногими людьми, бросивъ свою ставку и палатки, лошадей и богатство на жертву врагу, какъ покидалъ ихъ раньше, когда его разбили валахи, и отправился въ страну казаковъ, гдѣ онъ успокоился, ибо тамъ не было ни враговъ, ни противниковъ. Немедленно онъ послалъ въ крѣпость Сучаву, гдѣ помѣстилъ для безопасности свою жену, дѣтей, имущество и сокровища, успокоить ихъ, чтобы они, вооружившись терпѣніемъ и твердостью, воевали, пока онъ не придетъ къ нимъ съ большимъ подкрѣпленіемъ.

Что касается злополучныхъ купцовъ и другихъ ратниковъ греческихъ и казаковъ, то они бѣжали, ибо не находили убѣжища. Враги погнались за ними, взоры ихъ помрачились, и они попали въ поле, засѣянное пшеницей, которая въ этихъ странахъ бываетъ обыкновенно выше человѣческаго роста. Ихъ лошади рѣзали себѣ въ ней ноги; враги ихъ настигли и перебили мечами и копьями. Упомянутые купцы заранѣе нагрузили на лошадей свое богатство въ золотѣ и серебрѣ въ переметныхъ сумкахъ, говоря: „если мы будемъ разбиты, то можемъ съ нимъ убѣжать“; но это не принесло имъ пользы: они сдѣлались жертвой пистолетовъ и копій, а ихъ сумки захвачены врагами. Они попали въ горестное положеніе, достойное слезъ и рыданій. Будучи поражаемы изъ пистолетовъ и тяжко страдая, они взывали: „о если бы кто пришелъ и, сжалившись надъ нами, отрубилъ намъ головы, чтобы душа покинула насъ; онъ тѣмъ избавилъ бы насъ отъ страданій и мученій, нами претерпѣваемыхъ, и пусть бы взялъ золото изъ нашихъ поясовъ“. Но не было имъ ни избавителя, ни помощника.

Лошадь гетмана, брата господарева, который былъ въ лѣтахъ преклонныхъ, поранилась въ посѣвѣ, какъ и другія. Тогда враги его венгры настигли и ранили его: лошадь его ткнулась на землю, онъ былъ схваченъ и взятъ въ плѣнъ. Венгры отправили его въ свою страну и онъ, бывъ царемъ, сталъ плѣнникомъ. Тоже случилось съ остальными греческими вельможами Василія. Дѣти упомянутаго гет-

[1] Дополнено по англійскому переводу.

мана, Стефаница и его товарищи (братья), спаслись на своихъ быстрыхъ коняхъ изъ рукъ враговъ и, бросившись сверху горы, упали въ рѣку, погрузились въ воду, но выбрались и ускакали также въ землю казаковъ. Это былъ часъ, достойный плача, слезъ и рыданій.

Что касается войска казаковъ, то тѣ изъ нихъ, которые умѣли хорошо управлять конемъ и имѣли быстрыхъ лошадей, убѣжали въ свою сторону и спаслись; пѣшіе же и другіе попали подъ остріе меча и были перебиты своими врагами венграми, предавшись милосердію Господа своего. И какъ могло быть иначе, когда венгры враги вѣры и ненавистники креста и евангелія и носятъ имя, имъ подходящее, именно, *кальбинъ* [1], по-гречески *кальвинъ*, и лютеране.

Молдаване уже стали казакамъ большими врагами и убивали ихъ, когда они въ первый разъ были разбиты валахами и проходили тысячами по ихъ странѣ. То же самое было (съ ними) и теперь, потому что они явились на помощь ихъ врагу Василію. Тогда и тѣ, кои были привержены къ нему съ начала его несчастій до сего времени, обратились противъ него, и онъ былъ испытанъ подобно Іову, Евстаѳію и имъ подобнымъ. Онъ потерялъ тогда всѣхъ своихъ родственниковъ, друзей, даже жену и дѣтей и всѣ свои богатства, какъ объ этомъ скажемъ далѣе. Потомъ онъ лишился также своего зятя, сына Хмеля, того смѣлаго наѣздника. Гдѣ теперь твоя разсудительность, о Василій? гдѣ твоя способность различенія? гдѣ обиліе твоихъ богатствъ? Ты всѣми теперь покинутъ. Правду говорилъ тотъ, кто сказалъ: „когда сходитъ опредѣленіе (свыше), слѣпнутъ очи“. Еслибы Василій не былъ хорошимъ наѣзднікомъ, то не могъ бы спастись отъ рукъ своихъ враговъ. Онъ ушелъ къ казакамъ и поселился въ первомъ городѣ ихъ владѣній, по имени *Рашко* [2]. Отсюда онъ послалъ извѣстіе о случившемся съ нимъ Хмелю и своему зятю.

ГЛАВА XXI.

Яссы.—Грабежъ.

Тогда для насъ возобновились наши горести и страхи, ибо венгры тотчасъ пришли въ Яссы и заграбили все, что нашли внѣ монастырей. Насъ обуялъ сильный страхъ предъ ними: ночью мы не могли заснуть, а днемъ ютились въ надежной башнѣ. Врагъ Василія, новый господарь, едва прибывъ въ Яссы, тотчасъ устремился на крѣпость Сучаву

---

[1] Авторъ хочетъ сказать каламбуръ, называя кальвинистовъ „кальбинъ“ —слово, которое напоминаетъ арабское „кальбъ“, собака.

[2] Рашково, Подольской губ.

и, окруживъ ее, началъ осаду. Онъ не замедлилъ прислать (письмо) нашему владыкѣ патріарху для успокоенія его духа и назначилъ намъ *мертекъ*, т. е. содержаніе—съѣстные припасы и напитки, въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ при Василіи. То же онъ сдѣлалъ для аги казначейства. Онъ послалъ отъ себя начальниковъ для управленія Яссами и прочими городами. Они прибыли и начали мстить своимъ врагамъ грекамъ. Послѣдніе были въ положеніи, достойномъ слезъ, потому что враги отняли у нихъ все имущество и ежедневно подвергали ихъ всякаго рода униженіямъ, даже убивали ихъ мечами на большихъ улицахъ, рѣзали у нихъ уши, стегали бичами. На нихъ напалъ большой страхъ; многихъ изъ нихъ спасъ отъ казни нашъ владыка патріархъ. Мусульмане и евреи появлялись публично безъ всякаго опасенія, греки же не выходили изъ своихъ жилищъ по причинѣ сильной вражды между ними и молдаванами, ибо архонты (сановники) Василія греки, какъ мы сказали выше, сильно поработили молдаванъ и унижали ихъ, такъ что намъ приходилось видать самыхъ знатныхъ изъ нихъ въ дрянной одеждѣ изъ фланели. День и ночь они принуждены были работать, чтобы платить грекамъ, подобно тому какъ мы по отношенію къ туркамъ. Но бѣдные купцы, въ чемъ была ихъ вина? Здѣшняя страна безъ купцовъ никакъ не можетъ существовать, ибо все, что здѣсь есть, привозное, а изъ жителей никто не умѣетъ торговать. Что касается аги казначейства, то и онъ очень боялся и послалъ въ Стамбулъ извѣстіе о случившемся.

Наканунѣ праздника маръ (св.) Иліи ударяли въ большой колоколъ. Мы были у обѣдни. Церковь украсили, какъ мы уже упоминали, цвѣтами и пахучими травами и принесли блюда со свѣжими плодами: арбузами, огурцами, сливами, яблоками, грушами и вишнями, которые раздаются присутствующимъ въ дни созрѣванія плодовъ. Заговѣнье поста Владычицы (Успенскаго) пришлось въ восьмое воскресенье по Пятидесятницѣ. Послѣ вечерней службы кандиловозжигатель ударялъ также въ большой колоколъ къ молебствію, которое совершали каждый вечеръ во весь постъ.

ГЛАВА XXII.

Яссы.—Вторичное прибытіе Тимоѳея съ казаками въ Молдавію.

Утромъ въ понедѣльникъ Успенскаго поста казаки съ Тимоѳеемъ, сыномъ Хмеля, перешли рѣку *Нистросъ* (Днѣстръ), которая составляетъ границу земель казацкой и молдавской, причемъ перебили большое число изъ войска венгровъ и молдаванъ, охранявшаго границу. Затѣмъ они подошли къ крѣпости Сучавѣ, чтобы подать ей

помощь, и раскинули свой таборъ вокругъ крѣпостной стѣны, отведя къ себѣ протекающую тамъ рѣку. Они имѣли при себѣ 20 пушекъ. Новый господарь, услышавъ объ ихъ прибытіи, удалился отъ крѣпости, и казаки вступили въ нее; затѣмъ онъ возвратился и его войско окружило крѣпость. Онъ имѣлъ тогда болѣе 40.000 человѣкъ, казаковъ же было 14.000.

Вечеромъ въ десятое воскресенье по Пятидесятницѣ, т. е. подъ понедѣльникъ праздника Успенія Владычицы, ударили въ большой колоколъ. Мы пошли въ церковь. При „Славѣ“ ее пѣли попеременно на обоихъ клиросахъ, на каждомъ клиросѣ каждый стихъ со своимъ особеннымъ напѣвомъ. На другой день принесли блюда съ плодами: виноградомъ, персиками, дамаскиной, или птичьимъ сердцемъ, вишнями и другими; надъ ними прочли молитву и роздали ихъ присутствующимъ вмѣстѣ съ базиликой, цвѣтами и иными (растеніями), которыя лежали на блюдахъ, но не съ тѣми, коими были украшены образа.

Въ 12-е воскресенье по Пятидесятницѣ нашъ владыка патріархъ отправился совершить литургію въ церкви монастыря домины по приглашенію постельника новаго господаря, который, позвавъ нашего владыку къ себѣ на домъ, предложилъ ему великолѣпную трапезу. Онъ былъ очень расположенъ къ намъ. О, сколько грековъ нашъ владыка патріархъ во дни его спасъ отъ казни, послѣ того какъ ихъ уже пріобщили св. Таинъ и, приведя подъ висѣлицу, положили имъ на шею веревку, [чтобы вздернуть ихъ, по нанесеніи имъ оскорбленій]! Ибо во всѣхъ странахъ христіанскихъ, когда хотятъ казнить преступника, *армашъ*, т. е. субаши, со своими людьми приводитъ его сначала къ какой-либо церкви, откуда выходитъ священникъ, исповѣдуетъ его и пріобщаетъ св. Таинъ, затѣмъ берутъ его и казнятъ гдѣ желаютъ, какъ мы сами видѣли. Таковъ ихъ обычай.

Наканунѣ четверга, когда пришлось 1-е сентября, начало 7162 г. (1654 г.) отъ сотворенія міра, ударили въ большой колоколъ для празднованія памяти маръ Симеона Столпника Алеппца. На другой день мы не выходили отъ обѣдни до полудня, какъ бываетъ обыкновенно въ великіе праздники, въ которые звонятъ въ большіе колокола. Въ странѣ [1] молдаванъ и валаховъ во всѣ праздники, когда бываетъ *каталисисъ* (разрѣшеніе вина и елея), поздно начинаютъ обѣдню. То же происходитъ въ праздникъ Рождества Богородицы

[1] Въ этомъ мѣстѣ въ нашей рукописи есть пропускъ, который мы пополняемъ по рукописи Учебнаго Отдѣленія до словъ: „равно и къ заутренѣ“.

8 сентября и на слѣдующій день, т. е. въ праздникъ Ея родителей. Ихъ справили очень торжественно и приносили блюда со множествомъ фруктовъ.

Наканунѣ праздника Воздвиженія также ударили въ большой колоколъ, равно и къ заутренѣ. Выносъ креста совершали не такъ торжественно, какъ мы: его несъ священникъ на блюдѣ и положилъ на аналой. Всѣ поклонялись ему, какъ дѣлали въ воскресенье Православія и по его чину.

Что касается нашего положенія, то во все это время мы были какъ бы связаны въ Молдавіи, томясь духомъ и болѣя душой. Страхи, ужасы и опасности, отъ которыхъ посѣдѣли бы младенцы, были причиною тягостныхъ болѣзней и лихорадки съ приступами озноба и жара, въ коей я, убогій, пишущій эти строки, оставался съ конца іюля до дня слѣдующей Пятидесятницы: въ тяжкую пору сильныхъ холодовъ я вынесъ отъ нея большія страданія. У насъ не было возможности отправиться ни въ землю казаковъ, ни назадъ, ибо всѣ жители страны сдѣлались разбойниками и бродягами и убивали по дорогамъ всякаго, кто спасался бѣгствомъ, даже нападали на караваны бѣжавшихъ греческихъ купцовъ, избивали ихъ и грабили ихъ товары.

Смятеніе окружало насъ со всѣхъ сторонъ. Доколѣ будутъ продолжаться эти страхи и ужасы нощно и денно? Во дни Василія господаря, по причинѣ его суровости къ жителямъ, женщина могла носить золото и шла, куда хотѣла, безъ опасенія; при этомъ же господарѣ среди городовъ грозили опасности.

ГЛАВА XXIII.

Молдавія.—Осада Сучавы.—Смерть Тимоѳея.

Со стороны крѣпости происходили безпрестанныя стычки между осажденными и войскомъ господаря въ теченіе долгаго времени. Тимоѳей, сынъ Хмеля, ежедневно дѣлалъ вылазки на враговъ и убивалъ изъ нихъ тысячи. Никто не имѣлъ силы противостоять ему по причинѣ великой его храбрости. [Дѣйствительно и поистинѣ онъ былъ доблестный мужъ, о какомъ мы не читывали въ исторіи, которая не представляетъ ни одного подобнаго примѣра мужества и силы]. Онъ ежедневно выѣзжалъ изъ табора на свѣтложелтомъ конѣ, котораго очень любилъ, лишь съ немногими людьми, убивалъ непріятелей, ранилъ ихъ и обращалъ въ бѣгство. Люди, достойные вѣры, разсказывали о немъ, что онъ въ одинъ день убилъ собственною рукою 1300 нѣмцевъ, которые нагромождались передъ нимъ другъ на друга.

Онъ то стрѣлялъ изъ лука правой рукой, то дѣйствовалъ имъ лѣвой, потомъ кололъ мечемъ, стрѣлялъ изъ ружья, такъ что обѣими руками металъ орудія войны изъ-подъ брюха своего коня и убивалъ враговъ. Ага казначейства, прибывшій изъ Стамбула отъ султана, чтобы уладить дѣла страны, ѣздилъ съ капиджи-пашей къ новому господарю, который въ то время осаждалъ крѣпость; они возвратились изумленные наѣздничѐской ловкостью и храбростью Тимоѳея и призывали благословеніе Божіе на него и его молодость [1]. Никто не могъ попасть въ него изъ ружья или другого оружія: такой онъ былъ превосходный наѣздникъ и подобно молніи вертѣлся на спинѣ лошади. Сколько горя причинилъ онъ полякамъ, какъ знатнымъ, такъ и простымъ! Онъ одинъ собственною рукою убилъ нѣсколько тысячъ, какъ разсказывали намъ объ немъ нѣкоторыя лица, прибавляя, что онъ своимъ мечомъ избилъ 7000 евреевъ.

Ежедневно привозили къ намъ въ Яссы [въ госпитали и монастыри] по нѣскольку арбъ съ тысячами раненыхъ; что же касается убитыхъ тамъ, то отъ ихъ множества земля издавала зловоніе. Пушки крѣпости сверху, а пушки казаковъ снизу уничтожали множество людей изъ (непріятельскаго) войска, разсѣивали ихъ и обращали въ бѣгство.

Наконецъ, когда однажды Тимоѳей сидѣлъ въ своей палаткѣ внутри табора и пилъ (вино), попали ему въ голень изъ пушки его враги ляхи, прибывшіе на помощь новому господарю Стефану на зло Хмелю, его сыну и казакамъ. Они замѣтили Тимоѳея и поразили его. Онъ сильно страдалъ отъ раны и чрезъ нѣсколько дней умеръ. Тогда положеніе казаковъ, которые были внѣ крѣпости, и людей, находившихся внутри ея, стало гибельнымъ послѣ смерти ихъ государя, вѣрнѣе сказать, ихъ льва-хранителя. Насъ увѣряли люди, на слова коихъ можно полагаться, что общее число всѣхъ погибшихъ отъ меча, съ начала этой смуты до сей поры, молдаванъ, валаховъ, грековъ, венгровъ, сербовъ, арабовъ и турокъ, было около 100.000 человѣкъ. Причиной этого былъ новый господарь. Да будетъ прославленъ Богъ (за Его долготерпѣніе)! Дѣло Василія было потеряно навсегда. Домину и бывшихъ съ ней постигало горе за горемъ, ибо не осталось у ней ни опоры, ни помощника.

Тимоѳея похоронили, послѣ того какъ вынули его внутренности и, набальзамировавъ его, положили въ гробъ, обитый бархатомъ снаружи и снутри. Скорбное извѣстіе было сообщено его отцу и тестю

[1] Т. е. восторгались его молодечествомъ.

Василію. Передъ своей кончиной онъ получилъ радостную вѣсть, что его жена родила двухъ мальчиковъ, но не успѣлъ насладиться счастьемъ имѣть ихъ, ибо не прожилъ съ женой и полнаго года.

Раньше онъ разрушилъ армянскій монастырь въ Сучавѣ, убилъ *вартапета* [1], священниковъ и монаховъ и всѣхъ армянъ, искавшихъ въ немъ убѣжища. Они были очень богаты; онъ захватилъ все ихъ имущество и всѣ украшенія, золото съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями въ безсчетномъ количествѣ: одного золота было двѣ полныхъ бочки. Увы! скорблю о немъ, о его мужествѣ, о сказанномъ имъ нашему владыкѣ патріарху, когда онъ прибылъ въ первый разъ въ Молдавію: „я пришелъ не только для того, чтобы отвоевать тронъ моего тестя, но чтобы избавить Великую Церковь отъ рукъ враговъ“ [2]. Читатель пойметъ его слова.

Тогда наступилъ большой голодъ среди казаковъ и находившихся въ крѣпости купцовъ и иныхъ и довелъ ихъ до того, что они стали питаться мясомъ своихъ лошадей. Бѣдствіе окружало ихъ со всѣхъ сторонъ: ни отъ Василія, ни отъ Хмеля не приходила помощь. Наконецъ по причинѣ сильнаго голода они просили мира у Стефана и онъ даровалъ имъ безопасность, подтвердивъ клятвой; снарядилъ къ возвращенію на родину въ полной безопасности, ни въ чемъ имъ не препятствуя: они взяли съ собой гробъ своего государя, свои сокровища и пушки и отправились. Тогда въ землѣ казаковъ былъ по Тимоѳеѣ большой плачъ.

Затѣмъ господарь на основаніи мирнаго договора завладѣлъ упомянутой крѣпостью со всѣмъ въ ней находившимся, захвативъ все имущество Василія и его сокровища, золото, серебро безъ счета, также оружіе, драгоцѣнныя сѣдла, серебряную посуду, соболи мѣха, жемчугъ и проч.—все такія вещи, что и цари ихъ не имѣли. Тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые находились при Василіи въ собственномъ его конвоѣ, когда онъ переѣзжалъ со своимъ имуществомъ изъ крѣпости Хотинъ въ крѣпость Каменецъ, передавали намъ, что съ нимъ перешло черезъ рѣку сто арбъ, изъ коихъ каждую везли 12, 10 или 8 лошадей: всѣ онѣ были нагружены золотомъ, серебромъ и предметами роскоши. У него было нѣсколько

---

[1] Вартапетъ—наставникъ, настоятель.

[2] Принятое наименованіе константинопольской церкви Великою Церковью въ арабскомъ языкѣ передается обыкновенно не словомъ *кабира*, какъ въ текстѣ, а *азыма*, хотя оба слова синонимичны. Намъ кажется страннымъ, что Павелъ могъ употребить одно вмѣсто другого.

кладовъ подъ землею, скрытыхъ уже двадцать лѣтъ; все это онъ вынулъ: тутъ было 35 собольихъ *капаницъ*. Его приближенные разсказывали намъ объ одной изъ нихъ, которую онъ сдѣлалъ къ пасхѣ, что вся она расшита жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и стоила ему 35.000 динаровъ. Все это онъ имѣлъ сверхъ того, что захватилъ у бояръ. И какъ могло быть иначе, когда огромныя сокровища скоплялись въ теченіе 24 лѣтъ съ того времени, какъ Василій сдѣлался господаремъ? Кромѣ того, онъ до сихъ поръ владѣетъ сокровищами въ Польшѣ, Германіи, Венеціи и въ другихъ мѣстахъ. Господарь вывелъ изъ крѣпости домину съ дѣтьми ея и всѣхъ бояръ и вельможъ. Давъ имъ ранѣе клятву, онъ поступилъ съ ними вѣроломно: казнилъ большую часть ихъ, а домину съ дѣтьми, задержавъ въ плѣну, поселилъ въ деревнѣ какъ заложниковъ, поставивъ кругомъ деревни стражу, чтобы никому не было ни входа, ни выхода. Все бывшее въ крѣпости (богатство) онъ переправилъ въ Венгрію, гдѣ купилъ крѣпкій замокъ; роздалъ войскамъ содержаніе и распустилъ ихъ.

ГЛАВА XXIV.

Молдавія.—Василій.—Татары.—Отъѣздъ патріарха.

Вотъ что происходило со стороны Василія и Хмеля. Услыхавъ о случившемся съ Тимоѳеемъ и о стѣсненномъ положеніи, въ которомъ находились казаки и люди, бывшіе въ крѣпости, Хмель снарядилъ съ Василіемъ 40.000 казаковъ ему на подмогу. Было 28.000 отъ татаръ, ибо султанъ татарскій, везирь *алханъ* (калганъ), по имени Шерифъ-бей, былъ своякомъ Василія, такъ какъ домина Василія черкешенка, а Шерифъ-бей женатъ на ея сестрѣ, и потому лично пошелъ къ нему на помощь. Въ этомъ году татары были еще въ союзѣ съ Хмелемъ.

Когда они цѣлымъ полчищемъ, проходя по Молдавіи, достигли р. Прута, отстоящей отъ Яссъ около 4 часовъ, вдругъ встрѣтились здѣсь съ казацкимъ войскомъ, которое возвращалось изъ-подъ крѣпости и извѣстило ихъ о взятіи ея: сердца ихъ охладѣли и они повернули назадъ, говоря: „Василій намъ обѣщалъ содержаніе, но его богатства взяты; изъ чего же онъ намъ заплатитъ?“ и они тотчасъ вернулись по своимъ слѣдамъ. Такъ было дѣло.

Между тѣмъ стали приходить извѣстія объ ихъ приближеніи, прежде чѣмъ они начали свой обратный путь. Тогда всѣ жители страны изъ страха удалились и разсѣялись по пустыннымъ мѣстамъ и горамъ. Въ Яссахъ не осталось ни одного человѣка, но всѣ уѣхали по дорогѣ въ Галацъ. Неописанная тревога и ужасъ распространя-

лись все больше и больше, такъ что и монастыри опустѣли. Обстоятельства вынудили и насъ отправиться вмѣстѣ съ другими. За что мы попали въ такое положеніе и доколѣ оно будетъ продолжаться?

Еще раньше нашъ владыка патріархъ посылалъ спросить совѣта у господаря, не снарядитъ-ли онъ его въ путь внутрь (Россіи). Но тотъ не пустилъ, опасаясь за него по причинѣ венгерскаго войска, охранявшаго границу Молдавіи, и сильнаго смятенія, вызваннаго казаками и татарами. Потомъ во второй разъ онъ просилъ совѣта у господаря касательно поѣздки въ страну валаховъ; тотъ отвѣчалъ: „потерпи, пока я не свижусь съ твоею святостью и ты не отслужишь мнѣ обѣдню. Я снаряжу тебя, какъ приличествуетъ твоей святости и какъ ты ожидалъ того отъ Василія; если Богу угодно, я замѣню его для тебя". Письма получались отъ него безпрестанно.

Всѣ товары, сложенные въ монастыряхъ, были разграблены, за исключеніемъ нашего монастыря св. Саввы, который, по случаю пребыванія въ немъ нашего владыки патріарха, не потерпѣлъ вреда. Вслѣдствіе такого положенія дѣла купцы покидали другіе монастыри и перебирались къ намъ до теперешняго времени, когда все населеніе бѣжало, и мы были вынуждены ѣхать вмѣстѣ съ другими. Патріархъ снова послалъ просить совѣта у господаря, который съ трудомъ далъ письменное разрѣшеніе и письмо къ Матвѣю, господарю Валахіи, котораго называлъ своимъ отцомъ; снабдилъ насъ также деньгами на дорогу. Онъ однакожъ очень скупъ.

Наемъ каждой арбы съ быками до г. Фокшанъ, который лежитъ на полпути между (столицей) Молдавіи и (столицей) Валахіи, обошелся въ 25 піастровъ, тогда какъ прежде стоилъ 3, 4 піастра. Съ трудомъ мы могли найти 3, 4 арбы и, нанявъ ихъ, выѣхали изъ Молдавіи въ четвергъ 13 октября.

ГЛАВА XXV.

Молдавія.—Романъ.

Мы проѣхали Скинтей, Васлуй и Бырладъ и отсюда взяли въ сторону по пути къ Галацу. Одному Богу вѣдомо, какихъ мы натерпѣлись страховъ и ужасовъ. Мы прибыли въ базаръ (торговый городъ), по имени Текучъ, и здѣсь переѣхали на судахъ широкую рѣку Серетъ.

Въ четвергъ 21 октября мы пріѣхали въ Фокшаны. Всѣ эти базары и селенія были пусты: ихъ жители бѣжали въ горы и степи. Дороги были очень опасны. Фокшаны городъ большой; по срединѣ его течетъ маленькая рѣка. Онъ составляетъ послѣднее мѣсто на границѣ Молдавіи, а по ту сторону рѣки идетъ граница Валахіи. Здѣсь мы

пробыли 31 день, совершивъ заговѣнье рождественскаго поста. Причиной было то, что до господаря дошли слухи, что Яссы покинуты даже монахами и игуменами монастырей. Въ сильномъ гнѣвѣ онъ тотчасъ послалъ, въ особенности къ настоятелямъ монастырей, приказъ на границу, въ Галацъ и Фокшаны: „когда пріѣдетъ къ вамъ патріархъ антіохійскій, чествуйте его и снарядите въ путь вмѣстѣ съ его людьми, кромѣ иностранцевъ, съ нимъ находящихся". По этой причинѣ обстоятельства привели къ тому, что нашъ владыка патріархъ отправился въ гор. Романъ, который также служитъ резиденціей, къ господарю, съ которымъ еще не имѣлъ личной встрѣчи и не видался. Онъ сдѣлалъ это во вниманіе къ иностранцамъ, которые намъ сопутствовали. Мы видѣлись съ господаремъ, для котораго взяли четвертый подарокъ [1]; а онъ сдѣлалъ нашему владыкѣ патріарху угощеніе послѣ обѣдни въ праздникъ св. Михаила. Мы были тамъ за службой въ праздникъ св. Іоанна Златоуста. Въ этотъ день устроили большое торжество. Епископъ, занимающій тамошнюю каѳедру, облачился въ фелонь Іоанна Златоуста золотистожелтаго цвѣта, по принятому обычаю надѣвать ее каждый годъ въ этотъ день ради снисканія благословенія. Эту фелонь нѣкогда прислали патріархи константинопольскіе въ подарокъ Стефану воеводѣ Старшему, который пожертвовалъ ее въ упомянутую епископію въ великій монастырь Параскевы.

Въ странѣ молдаванъ есть лишь одинъ митрополитъ, а подъ его вѣдѣніемъ только три епископа, изъ коихъ одинъ—упомянутый епископъ Романа, второй—епископъ округа Хушъ, третій—епископъ *Орхани* [2] и его округа; подъ вѣдѣніемъ послѣдняго два другихъ епископа въ странѣ унгровъ, т. е. мадьяръ. Подъ начальствомъ всѣхъ епископовъ состоитъ 800 іереевъ.

Въ странѣ *Немса* (Нѣмцевъ) есть большой городъ, по имени Иванополисъ, т. е. городъ Іоанна, такъ какъ тамъ находится подлинное тѣло Іоанна Милостиваго [3].

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ перечислены предметы, составляющіе этотъ подарокъ: „пара подушекъ, коверъ, сосудъ съ мурромъ, или ароматическимъ масломъ, мыло двухъ сортовъ". Впрочемъ первый предметъ англійскій переводчикъ передаетъ словомъ „плащи" и ставитъ его вмѣстѣ со слѣдующимъ, непонятнымъ словомъ въ примѣчаніи арабскими буквами.

[2] Въ другомъ мѣстѣ онъ названъ *Орхай*; вѣроятно Оргѣевъ въ Бессарабской губерніи.

[3] Въ англійскомъ переводѣ это мѣсто передано совершенно вѣрно: „я узналъ, что въ странѣ Немса есть большой городъ, именуемый Иванополисъ (т. е. городъ Іоанна), который владѣетъ подлиннымъ тѣломъ Іоанна Эль-Рахумъ"

Окружность страны молдавской составляетъ 800 миль, величиною она съ островъ Кипръ, населеніе ея безсчетно. Несмотря на это, татары постоянно дѣлаютъ на нее внезапныя нападенія и грабятъ. Во дни Василія, за пять лѣтъ передъ симъ, они невзначай появились и забрали жителей 75.000 душъ.

Мы возвратились по чрезвычайно трудной дорогѣ изъ Романа въ Фокшаны и, выѣхавъ отсюда въ понедѣльникъ 22 ноября, вступили въ Валахію.

(Милостиваго). Между тѣмъ г. Савельевъ, авторъ извѣстной статьи о путешествіи патріарха Макарія, составленной на основаніи англійскаго перевода, переводитъ это такъ: „я узналъ, что въ землѣ *Немсе* есть большой городъ *Иванополисъ*, который находится во владѣніи Іоанна Милосердаго, Юханна Эль-Рахумъ“. Исказивъ совершенно смыслъ, г. Савельевъ высказываетъ остроумную догадку, что архидіаконъ Павелъ говоритъ о Нарвѣ, которая въ старину называлась Иванъ-городъ, и что его Іоаннъ Милосердый есть будто бы Іоаннъ III, король шведскій. Извѣстно, что мощи св. Іоанна Милостиваго, патр. Александрійскаго, почиваютъ въ Пресбургѣ.

КНИГА III.

Валахія.

ГЛАВА I.

Валахія. — Бузео. Тырговиштъ.

Вступивъ въ Валахію, мы прибыли въ большой базаръ (торговый городъ), по имени *Римнико* (Рымникъ)[1]. Оттуда пріѣхали въ большой городъ, называемый *Бутза* (Бузео). Въ немъ имѣетъ пребываніе епископъ и есть архіерейскій домъ, великолѣпный каменный монастырь и превосходная каменная церковь, весьма возвышенная, съ высокой лѣстницей и очень высокими куполами. Въ церкви имѣется величественное распятіе. Она во имя Успенія Богоматери. Мы отстояли тутъ всенощную, потомъ обѣдню въ праздникъ св. Екатерины. Здѣшніе богослужебные обряды и напѣвы восхитительны, ибо христіане страны валашской очень набожны и щедры. Бывало, всякій разъ какъ мы проѣзжали мимо какой-нибудь деревни или базара, священники, старшины и народъ выходили навстрѣчу нашему владыкѣ патріарху получить отъ него благословеніе, затѣмъ приглашали насъ къ трапезѣ и приходили къ намъ на поклонъ; пробывъ короткое время, мы уѣзжали.

Эта страна благоустроенная: каждая деревня равняется городу. Жители любезны къ чужеземцамъ, не такъ, какъ въ странѣ молдаванъ, ибо у этихъ, когда, бывало, патріархъ проѣзжалъ мимо нихъ, никто его не принималъ и не угощалъ даже лепешкой: татары религіознѣе ихъ. По этой-то причинѣ и было избито столько тысячъ ихъ, а имущество и домашній скотъ разграблены казаками, татарами и венграми. Сколько жестокостей они терпѣли отъ Василія! нѣсколько разъ измѣняли ему, склоняясь на сторону новаго (господаря). Но этотъ обманулъ ихъ, пообѣщавъ въ свое время освободить ихъ на три года отъ податей и поборовъ; когда же сталъ властелиномъ и завоевалъ крѣпость (Сучаву), сердце его ожесточилось на нихъ и онъ тотчасъ разослалъ къ нимъ сборщиковъ податей и правителей и взялъ

[1] По англійскому переводу. Въ здѣшней рукописи это мѣсто совершенно искажено.

съ нихъ втройнѣ, такъ что они стали сожалѣть о Василіи и его правленіи.

Возвращаемся (къ разсказу). Когда мы приближались къ городу *Торгишту* (Тырговишту), который служитъ въ зимнее время столицей господарю Валахіи, навстрѣчу нашему владыкѣ выѣхалъ киръ Игнатій, митрополитъ этого города. Онъ мужъ преклонныхъ лѣтъ, почтенной наружности, знаетъ языки турецкій, персидскій, греческій и валашскій. Нашъ владыка патріархъ помѣстился въ его превосходной каретѣ и вмѣстѣ съ нимъ въѣхалъ въ городъ, который окруженъ деревянной стѣной, вновь выстроенной господаремъ Матвѣемъ. Городъ весьма обширенъ и омывается со всѣхъ сторонъ нѣсколькими рѣками. Навстрѣчу владыкѣ выѣзжали и вельможи. Насъ привезли въ монастырь, построенный изъ камня господаремъ Василіемъ, когда его помирили съ Матвѣемъ, господаремъ валашскимъ, для укрѣпленія дружбы. Этотъ монастырь во имя Преображенія Господня и извѣстенъ на ихъ языкѣ подъ именемъ монастыря *Сталія*; онъ обширенъ и окруженъ каменной стѣной. При нашемъ приближеніи къ нему, на колокольнѣ ударили въ колокола; насъ ввели въ церковь, гдѣ было устроено большое торжество. Мы помѣстились въ этомъ монастырѣ. Церковь его весьма благолѣпна, высока, имѣетъ два стройныхъ купола со многими крестами; говорятъ, что на одну позолоту ихъ понадобилось 700 венеціанскихъ червонцевъ. Икопостасъ въ ней русской работы; она обилуетъ свѣтомъ и имѣетъ три двери.

Нашъ въѣздъ въ Тырговиштъ произошелъ во вторникъ 29 ноября. Вечеромъ зазвонили въ колокола по случаю праздника св. ап. Андрея. Въ этой странѣ обѣдня идетъ дольше, чѣмъ въ Молдавіи. Знай, что наканунѣ всякаго значительнаго праздника, т.-е. *катаписа* [1], звонятъ во всѣ колокола и весьма торжественно совершаютъ литургію. Господарь Матвѣй имѣлъ обыкновеніе въ такіе праздники предлагать всегда трапезу священникамъ, монахамъ, бѣднякамъ и чужеземцамъ. Послѣ стола даютъ каждому милостыню.

День свят. Николая былъ отпразднованъ съ большимъ торжествомъ. Господарь прислалъ свой экипажъ за нашимъ владыкой патріархомъ. Мы отправились въ дворцовую церковь, гдѣ нашъ владыка патріархъ отслужилъ обѣдню вмѣстѣ съ киръ Гавріиломъ, архіепископомъ сербскимъ, и митрополитомъ валашскимъ. Всѣ трое были въ митрахъ и благословляли одновременно тремя трикиріями [2]. При пѣ-

[1] Разрѣшеніе (вина и елея).

[2] На Востокѣ архіереи при патріархѣ не носятъ ни митры, ни мантіи, не держатъ посоха и не благословляютъ трикиріями.

нін „Достойно есть“ прибылъ господарь и занялъ свое мѣсто. Послѣ того какъ ему и вельможамъ поднесли по обычаю антидоръ, а также царскую кутью, мы поднялись къ его трапезѣ, которая продолжалась до вечера. Онъ роздалъ намъ всѣмъ почетныя платья и мы возвратились въ каретѣ въ свой монастырь. То же было наканунѣ праздника св. Игнатія, когда бываетъ предпразднество Рождества Христова. Въ день его праздника въ странѣ валаховъ есть обыкновеніе закалывать свиней и вывѣшивать [1]. Ихъ вывѣшивали къ празднику или для заготовленія сушенаго мяса. Ты могъ бы слышать, читатель, ихъ крики, доходящіе до небесъ.

Наконецъ нашъ владыка патріархъ свидѣлся съ господаремъ Матвѣемъ, который прислалъ за нимъ экипажъ. Онъ очень радушно его принялъ. Послѣ того какъ мы отвезли уже ему подарки, нашъ владыка патріархъ подарилъ ему прекрасную часть чела ап. Филиппа и еще сосудъ съ новымъ муромъ. Однако господарь сначала было обижался по той причинѣ, что мы раньше поѣхали къ его врагу—Василію воеводѣ, но потомъ онъ полюбилъ нашего владыку патріарха и сильно къ нему привязался.

Наканунѣ Рождества господарь произвелъ тревогу своему войску, стоящему въ городѣ, боемъ барабановъ, съ которыми ходили по городу: это служитъ у нихъ знакомъ для сбора. Они собрались къ нему со своими знаменами. Онъ выѣхалъ въ своемъ экипажѣ и они устроили передъ нимъ большой парадъ, причемъ позади господаря били въ барабаны и играли на флейтахъ и трубахъ. Таковъ обычай у господарей Молдавіи и Валахіи, въ подражаніе туркамъ. Потомъ поѣхали на охоту, ибо издревле это припято у нихъ наканунѣ Рождества и въ Субботу Свѣта (Великую), дабы праздничныя кушанья за трапезой государя состояли изъ добычи его охоты. Войска было числомъ болѣе 10000—все отборные, изъ самыхъ храбрыхъ молодцовъ: сербовъ, болгаръ, арнаутовъ, грековъ, венгровъ, турокъ и валаховъ. Вечеромъ возвратились съ великимъ ликованьемъ: за каретой господаря ѣхали арбы, наполненныя дичью: дикими свиньями, зайцами, лисицами и

---

[1] Здѣсь имѣется слѣдующая вставка: „знай, что господарь назначалъ намъ каждую недѣлю двухъ драбантовъ въ рангѣ сержантовъ, такъ какъ они носили красную суконную одежду. Они приходили въ воскресенье утромъ прислуживать намъ: кололи дрова, разводили огонь, чистили рыбу, мыли посуду, приносили назначенную намъ провизію и напитки и оставались до вечера субботы; тогда они уходили, причемъ нашъ владыка патріархъ давалъ имъ на водку, а другіе приходили. Таковъ обычай“.

медвѣдями для забавы, и еще дикими птицами: журавлями, дикими курами, голубями и пр. Во всей этой странѣ, до земли казаковъ и московитовъ, во всякомъ домѣ у архіерея или вельможи непремѣнно имѣется для забавы медвѣдь или иной звѣрь. Вельможи валашскаго государства имѣютъ обычай, за три дня до праздника, подносить господарю праздничные подарки, каждый по своему достоинству, а господарь въ утро праздника одѣваетъ ихъ въ почетныя платья.

Что касается порядка службы въ канунъ Рождества, то ее совершали по чину константинопольскому. Ударили въ колокола; при звонѣ ихъ пошли въ церковь и не выходили до вечера. Всѣ чтенія и молитвы были исполнены пріятнымъ тономъ.

Знай, что въ этой странѣ есть такой обычай, что наканунѣ Рождества священники городскіе и пріѣзжіе, а также школьники и пѣвчіе, собираясь толпами, носятъ иконы и ходятъ въ городѣ, въ теченіе всей ночи, по домамъ правительственныхъ лицъ, поздравляя ихъ съ праздникомъ. Сначала они идутъ въ домъ архіерея, потомъ къ господарю. Это они дѣлаютъ ради сбора милостыни. Они приходили и къ нашему владыкѣ патріарху во всю ночь, пѣли ирмосы на Рождество [1] и другія рождественскія пѣснопѣнія; потомъ первое многолѣтіе господарю, второе—нашему владыкѣ патріарху и поздравительную молитву. При этомъ владыка прикладывался къ иконѣ, давалъ имъ милостыню и они уходили; потомъ приходили другіе, (что продолжалось) съ вечера до утра. То же дѣлали увеселители, барабанщики, флейтисты и трубачи: они также ходили толпами всю ночь наканунѣ Рождества и подъ второй день (праздника) по домамъ государственныхъ сановниковъ, приходили и къ архіерею и къ пребывавшему въ это время (въ городѣ) патріарху. Большинство музыкантовъ—изъ турецкихъ странъ.

Мы очень удивлялись многочисленности солдатъ въ Валахіи: они изъ разныхъ племенъ. Несмотря на то, что въ Валахіи тысячи тысячъ кабаковъ съ виномъ, водкой, пивомъ и иными напитками и всѣ пьютъ, мы ни разу не видали, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ пьянъ или кого поранилъ или убилъ, или совершилъ какой-либо гнусный поступокъ, но всѣ ведутъ себя тихо, спокойно и благоразумно. Какой же смыслъ имѣетъ то, что говорятъ [2] въ нашей странѣ, будто христіанамъ не приличествуетъ власть, ибо они пьянствуютъ, совершаютъ преступленія и не умѣютъ поддерживать порядокъ въ своей странѣ?

---

[1] По рукописи Учебнаго Отдѣленія: „Дѣва днесь“.

[2] Разумѣется, мусульмане.

Въ субботу утромъ, въ праздникъ Рождества, мы слушали утреню въ монастырской церкви. Когда наступило время обѣдни, господарь прислалъ свой экипажъ и мы отправились въ его церковь.

ГЛАВА II.

Тырговиштъ.—Дворецъ. Служенія въ дворцовой церкви.

Знай, что дворецъ господаря Валахіи великъ и обведенъ кругомъ каменной стѣной. Съ одного краю его течетъ рѣка, а посреднѣ есть церковь и большая каменная башня, очень высокая, для военныхъ цѣлей; на ней городскіе часы. Здѣсь стоитъ многочисленная стража; при наступленіи вечера бьютъ въ барабанъ, какъ у насъ въ *Аль-Халилійс*[2], въ знакъ того, чтобы ночью не ходили. Потомъ зажигаютъ на башнѣ большой огонь, и пока онъ горитъ, никто не смѣетъ ходить по городу. На утренней зарѣ опять бьютъ въ барабанъ, тушатъ огонь и стрѣляютъ изъ пушки, чтобы всѣмъ городскимъ жителямъ было слышно, въ знакъ того, что люди могутъ ходить по городу. Таковъ ихъ обычай. Если же, Боже избави, кого застанутъ ночью идущимъ по улицѣ, стража его убьетъ. Гдѣ же справедливость того, что говорится въ нашей странѣ, будто христіане не умѣютъ ни поддерживать порядка, ни творить судъ и расправу?

Церковь (дворцовая) велика и благолѣпна: въ нее входятъ по лѣстницѣ. Она состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Наружное отдѣленіе съ аркой составляетъ внѣшній παρθεξъ: потомъ входишь чрезъ вторую дверь въ слѣдующее отдѣленіе, гдѣ гробницы господарей, наконецъ вступаешь черезъ третью дверь въ открытую часть церкви. Церковь эта очень обширная и древняя, съ высокими куполами и кругомъ обставлена сидѣньями.

Мѣсто господаря высокое, золоченое. Позади него лѣстница ведетъ въ тайникъ съ рѣшеткой, гдѣ становится домина со своей свитой. Отсюда есть ходъ къ мѣсту, гдѣ стоитъ господарь, который чаще всего проходитъ здѣсь. Туда же ведетъ другая лѣстница изъ того отдѣленія, гдѣ находятся гробницы господарей. Въ этомъ мѣстѣ у верхняго конца лѣстницы есть окно: въ господскіе праздники или по воскресеньямъ господарь имѣлъ обыкновеніе, стоя у этого окна, смотрѣть внизъ на войско и бѣдный людъ, бросалъ имъ неоднократно монеты и смѣялся, когда они тѣснились, спѣша ихъ подобрать. Такова была всегдашняя его привычка. Когда господарь идетъ молиться,

---

[2] Аль-Джалиль (Галилея) или Аль-Халиль (Хевронъ)?

то у воротъ (церковныхъ) всегда становятся стражи съ копьями и кромѣ его вельможъ въ это время никого не пускаютъ въ церковь.

Нашъ владыка патріархъ служилъ (обѣдню) и было большое торжество. Господарь, по причинѣ старости, не имѣлъ силъ стоять на ногахъ отъ начала обѣдни до конца, но при „Достойно есть“ сходилъ (съ своего мѣста) въ предшествіи постельника съ серебрянымъ жезломъ, а спаѳарій, опоясанный мечомъ и съ булавой въ рукахъ, стоялъ позади его мѣста и держалъ колпакъ господаря, ибо у господарей валашскихъ въ обычаѣ стоять съ начала службы до конца съ открытой головой, а также предъ архіереемъ и патріархомъ; но господарь Матвѣй [1] не [2] такъ часто снималъ свой колпакъ. Нашъ владыка патріархъ, стоя на каѳедрѣ (горнемъ мѣстѣ), предъ чтеніемъ Апостола поминалъ, по обыкновенію, имя господаря, которое пѣли протопопъ, а (потомъ) пѣвчіе внѣ алтаря. Затѣмъ я, архидіаконъ антіохійскій, возгласилъ диптихъ (поминаніе) нашего владыки патріарха, что пропѣли священники внутри алтаря, а пѣвчіе внѣ, на одномъ клиросѣ по-гречески, на другомъ — по-валашски. То же сдѣлалъ архидіаконъ сербскаго архіепископа и то же возгласилъ своему митрополиту архидіаконъ митрополита валашскаго. Во время причастнаго стиха господарь сходилъ прикладываться къ иконамъ. За этой обѣдней нашъ владыка патріархъ раздавалъ антидоръ ему и его вельможамъ. Затѣмъ мы вышли и прочли молитвы на могилѣ его супруги домины, которая недавно скончалась и погребена въ усыпальницѣ господарей, какъ мы упомянули. Возвратившись въ храмъ, мы прочли молитву надъ подносомъ съ царской кутьей и вкушали отъ нея вмѣстѣ съ прочими присутствующими, равно и отъ вкуснаго кренделя, который также имъ раздавали. Затѣмъ нашъ владыка патріархъ, преподавъ благословеніе господарю, который поднялся по описанной лѣстницѣ, вышелъ въ мантіи съ мѣстнымъ митрополитомъ, священниками и присутствовавшими вельможами и дожидался господаря подъ упомянутымъ высокимъ окномъ. Когда господарь, по обычаю, разбросалъ монеты войску и бѣднымъ, нашъ владыка патріархъ опять его благословилъ по обыкновенію; затѣмъ насъ повели и мы поднялись тогда по упомянутой лѣстницѣ изъ церкви къ господаревой трапезѣ. Въ этотъ часъ онъ облачилъ сановниковъ своего государства въ царскія одѣянія, какъ принято у царей въ большіе праздники. Въ тотъ день они прислужи-

---

[1] У Бельфура правильнѣе: Василій.

[2] Отрицат. частица пропущена въ нашей рукописи, но имѣется въ рукописи Учебнаго Отдѣленія.

вали за трапезой съ начала до конца, ибо таковъ у нихъ обычай въ праздники Рождества, Обрѣзанія, Богоявленія и Пасхи. На другой же день праздника вельможи садятся за трапезу вмѣстѣ съ господаремъ, а служатъ другіе люди, какъ во всѣ дни года. Всякій разъ какъ блюда приносились изъ кухни наверхъ, били въ барабаны и гремѣли флейты, трубы и другіе инструменты, а также, всякій разъ когда послѣ музыки господарь пилъ вино, стрѣляли три раза изъ пушки, такъ что земля содрогалась. Въ такомъ удовольствіи [1] они пребывали до вечера, причемъ господарь сидѣлъ съ непокрытой головой. Пили много здравицъ изъ большихъ кубковъ, вмѣщавшихъ въ себѣ цѣлое око вина: вопервыхъ, каждому подносились три кубка заразъ въ честь праздника, вовторыхъ, еще три въ честь нашего владыки патріарха, въ третьихъ, больше и больше заразъ въ честь господаря. Никто рѣшительно не освобождался отъ питья, ибо это обычай всѣмъ извѣстный, что всякій, кто сидитъ за столомъ съ господаремъ, обязанъ пить такимъ образомъ. Это продолжается, пока не подадутъ свѣчи, что служитъ знакомъ удаленія.

Господарь даритъ также почетныя платья архіереямъ и игуменамъ монастырей, бывшимъ за его трапезой: прежде всего присутствующему патріарху онъ подарилъ кусокъ бархату, такой же мѣстному митрополиту, который бываетъ за трапезой у господаря постоянно во весь годъ, ибо кромѣ него никто никогда не можетъ читать застольную молитву. Настоятелямъ монастырей, бывшимъ налицо, онъ дарилъ куски атласа получше и похуже; священникамъ и намъ, дьяконамъ, куски хіосской камки. Для остальныхъ священниковъ, монаховъ и многочисленныхъ бѣдняковъ накрывали отдѣльно большой столъ, въ концѣ котораго раздавали имъ деньги, завернутыя въ платки. Таковъ былъ обычай господаря во всѣ господскіе праздники.

Знай, что митрополитъ валашскій имѣетъ подъ своею властью двухъ епископовъ: одинъ вышеупомянутый епископъ Бузео, другой—епископъ большого Рымника. Въ странѣ валаховъ 400 каменныхъ благолѣпныхъ монастырей, коихъ всѣ настоятели—епископы. У нихъ въ обычаѣ пріѣзжать передъ Рождествомъ; каждый подноситъ господарю маленькій подарокъ: просфоры, вино, фрукты и поздравляетъ его съ праздникомъ. Они остаются до послѣ праздника Богоявленія, на его столѣ, пользуясь его дарами, и затѣмъ уѣзжаютъ. Они пріѣзжаютъ также къ Пасхѣ и къ четвергу Вознесенія, во имя коего митрополичья церковь, какъ объ этомъ будетъ сказано.

---

[1] Такъ по рукописи Учебнаго Отдѣленія, а по здѣшней: „въ такомъ положеніи“.

Возвращаемся къ нашему разсказу. Вечеромъ мы вернулись въ экипажѣ въ свой монастырь въ сопровожденіи сеймановъ и драбантовъ съ копьями, впереди и позади, а кругомъ экипажа шли шатыры (скороходы) господаря; пѣвчіе господаря и ихъ ученики, придворные мальчики, пѣли и выводили трели (во весь путь) отъ дворца до монастыря. Всѣ они получили обычную милостыню и ушли, послѣ того какъ сейманы выстрѣлили изъ ружей.

Знай, что по обычаю, принятому у господарей молдавскихъ и валашскихъ, наканунѣ праздника Обрѣзанія, всѣ государственные сановники, отъ правителей и пырколабовъ [1] до субашіевъ [2], и всѣ должностныя лица диванова (судебныхъ мѣстъ), являются вечеромъ къ господарю и складываютъ передъ нимъ знаки своихъ должностей, будетъ-ли то мечъ, булава, серебряный жезлъ, серебряная цѣпь или иное что, и уходятъ. Ночью господарь посылаетъ назначеніе или отставку. Кого онъ повышаетъ, тому посылаетъ знакъ вмѣстѣ съ почетнымъ платьемъ, также и тому, кого оставляетъ въ должности. Кого желаетъ отставить, тому ничего не посылаетъ: это знакъ отставки. Въ теченіе всего года не бываетъ ни назначеній, ни увольненій, а только въ праздникъ Обрѣзанія, начало года. Послѣ того всѣ (должностныя лица) рано утромъ приходятъ въ церковь по всегдашнему своему обыкновенію ежедневно бывать у заутрени; потомъ являются къ господарю, поздравляютъ его съ праздникомъ и цѣлуютъ его правую руку. Послѣ обѣдни они прислуживаютъ за столомъ въ этотъ день до вечера, одѣтые въ почетныя платья; на другой же день садятся за столъ вмѣстѣ съ господаремъ, а служатъ другіе люди, какъ во всѣ дни года. Въ это же время они присылаютъ господарю подарки, каждый соотвѣтственно своему положенію. Также и супруга господаря, домина, даритъ ихъ женамъ и дочерямъ почетныя платья, а онѣ ей отдариваютъ.

Въ этотъ праздникъ Обрѣзанія владыка служилъ опять у господаря литургію Василія Великаго. Потомъ они поднялись въ трапезу, гдѣ было устроено торжество еще большее, чѣмъ въ праздникъ Рождества, съ питьемъ здравицъ, пальбой изъ пушекъ и громомъ музыки. Вечеромъ господарь раздавалъ почетныя платья. Мы возвратились въ экипажѣ въ сопровожденіи сеймановъ, драбантовъ, шатыровъ и пѣвчихъ, которые, получивъ по обыкновенію на водку, удалились.

---

[1] Начальникъ округа, или уѣзда. Названіе *пырколабъ* впослѣдствіи вышло изъ употребленія и замѣнилось русскимъ *исправникъ*.

[2] Полицейскій офицеръ.

ГЛАВА III.

Тырговиштъ.—Праздникъ Богоявленія.

Наканунѣ Богоявленія соблюдали порядокъ службы, подобно какъ въ канунъ Рождества, и совершили чинъ водоосвященія по обычаю во всѣхъ церквахъ.

Знай, что во всѣхъ христіанскихъ странахъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, священники святятъ въ церкви воду и, обходя, окропляютъ ею дома ради дохода. Въ здѣшней странѣ, Валахіи, они особенно старательны.

Знай, что въ этотъ праздникъ Богоявленія въ странѣ валаховъ собираются (въ столицу) тысячи игуменовъ, священниковъ, монаховъ и дьяконовъ изъ Валахіи и другихъ странъ; пріѣзжаетъ митрополитъ тырновскій по своему обыкновенію, но и кромѣ него всегда бываютъ архіереи. Это дѣлается ради дохода и къ этому они готовятся отъ одного года до другого. Дѣло происходитъ такъ. По освященіи воды вечеромъ, они наполняютъ ею свои сосуды и ведерки, надѣваютъ фелони и съ крестами въ рукахъ отправляются сначала къ господарю и окропляютъ его, каждый отдѣльно, при чемъ онъ даетъ имъ обильную милостыню. Потомъ они идутъ къ мѣстному митрополиту, обходятъ всѣ дома богатыхъ государственныхъ сановниковъ и окропляютъ ихъ. Они приходили также къ нашему владыкѣ патріарху въ теченіе всей ночи, распѣвая: „Спаси, Господи, люди Твоя“ [1]. Владыка бралъ базиликъ (кропило), окроплялъ крестообразно домъ, себя и прочихъ присутствующихъ, прикладывался ко кресту и бросалъ милостыню имъ въ посуду. Точно также музыканты съ барабанами, флейтами, трубами, съ факелами ходили во всю эту ночь и въ ночь на второй день Богоявленья, поздравляя государственныхъ сановниковъ, приходили и къ намъ и поздравляли съ праздникомъ нашего владыку патріарха. Всѣ они турки. [Они считали за честъ быть допущенными къ намъ]. Владыка давалъ имъ милостыню.

Такого величія, такой пышности и веселья, какія мы видѣли въ этой странѣ валаховъ въ праздникъ Богоявленія, не бываетъ даже у царей христіанскихъ, судя по тому, что мы наблюдали и слышали.

Утромъ въ день праздника мы слушали утреню въ монастырской церкви. Когда наступило время литургіи, господарь прислалъ для нашего владыки патріарха свой экипажъ и мы поѣхали съ великимъ почетомъ, ибо въ это время отъ монастыря до дворца стояли рядами

[1] По рукописи Учебнаго Отдѣленія: „во Іорданѣ крещающуся“.

справа и слѣва войска съ развернутыми крестными знаменами. Внутри же дворца (было такое множество войска, что), если бы пустить куреніе, то дымъ не дошелъ бы до земли, а остановился бы надъ головами людей. Всего войска по счету было, какъ мы слышали, около ста тысячъ, ибо у господаря валашскаго имѣется около 150.000 человѣкъ, коихъ онъ содержитъ на своемъ продовольствіи, такъ какъ его страна (Богъ да увеличитъ ея благоустройство!) переполнена народомъ: всякій, кто бѣжитъ изъ турецкихъ земель, селится въ его странѣ, ибо въ ней можно получить много выгодъ. Такое сборище войска всегда бываетъ въ праздники Богоявленія и Пасхи. Мы вошли въ церковь и нашъ владыка патріархъ облачился вмѣстѣ съ мѣстнымъ митрополитомъ и киръ Гавріиломъ, архіепископомъ сербскимъ, и прочими старшими настоятелями монастырей. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ рѣдкостный крестъ. Пришли и стали на свои мѣста. Тогда принесли цѣлые воза большихъ свѣчей и роздали ихъ всѣмъ присутствующимъ. Затѣмъ посреди церкви поставили нѣчто въ родѣ большого стола, на которомъ разостлали скатерти [1] и потомъ поставили (на него) въ рядъ великолѣпныя чаши и серебряные тазы съ водой, а также большой ковчегъ, наполненный мощами святыхъ, изъ коего вынули правую руку св. Михаила, епископа Синадскаго, и правую руку св. Марины, обдѣланную въ чистое золото. Въ это время пришелъ въ церковь господарь и сталъ на своемъ тронѣ. Спаѳарій взялъ въ руку большую позолоченную свѣчу и такія же поставили въ двухъ подсвѣчникахъ. Нашъ владыка патріархъ, сойдя (со своего мѣста), прочелъ молитвы надъ водой. По окончаніи ихъ, мы вышли за церковныя врата, дабы нашъ владыка патріархъ погрузилъ крестъ также и въ рѣкѣ. Впереди несли размѣщенныя рядами попарно знамена и хоругви, увѣнчанныя крестами, за ними свѣчи, потомъ шли священники попарно, а позади нихъ нашъ владыка патріархъ съ митрополитами, направляясь къ рѣкѣ. Когда нашъ владыка патріархъ дошелъ до берега рѣки, держа въ рукѣ крестъ, (оказалось, что) рѣка покрыта льдомъ, ибо въ тотъ день случился сильный морозъ, отъ котораго трескались камни. У нихъ (валаховъ) былъ обычай совершать водосвятіе посреди корты (двора), но какъ господарь былъ преклонныхъ лѣтъ, то по причинѣ сильнаго холода совершили этотъ обрядъ внутри дворца. Ледъ разбили и патріархъ трижды погрузилъ крестъ при пѣніи: „во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи“. Тотчасъ весь присутствующій народъ сталъ наполнять изъ рѣки свои сосуды, а священники окре-

[1] Въ подлинникѣ: „ковры“.

стили въ ней многихъ дѣтей, и когда разбивали ледъ на небольшомъ пространствѣ, это мѣсто, спустя короткое время, опять замерзало. Мы скорбѣли, слыша плачъ дѣтей, погружаемыхъ въ воду при такой сильной стужѣ. Наши глаза слѣпли по той причинѣ, что мы держали открытыми свои головы, и въ теченіе многихъ дней мы недомогали, лишившись слуха. Затѣмъ мы возвратились въ церковь. Нашъ владыка патріархъ окропилъ ее на всѣ четыре стороны, потомъ алтарь и наконецъ подошелъ къ господарю и окропилъ его, и когда тотъ приложился ко кресту, дали знать войскамъ, которыя выстрѣлили изъ всѣхъ своихъ ружей, такъ что въ воздухѣ дрогнуло, и мы боялись, чтобы церковь на насъ не обрушилась, и наши уши были совсѣмъ оглушены. Затѣмъ онъ сталъ окроплять присутствующихъ вельможъ, которые представлялись бы твоимъ взорамъ, читатель, подобно цвѣтамъ весеннимъ, въ разноцвѣтныхъ платьяхъ изъ тонкаго сукна, подбитыхъ всѣ соболемъ, ибо никакому другому мѣху они не придаютъ цѣны кромѣ соболя. Потомъ мы вышли за церковныя врата, предъ которыми были поставлены два кресла: на одно сѣлъ господарь, другое для нашего владыки патріарха. Священники расположились въ рядъ справа и слѣва. Тогда стали приводить цѣнныхъ породистыхъ лошадей, украшенныхъ великолѣпнымъ своимъ уборомъ изъ матеріи, расшитой золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями—услада взора! Нашъ владыка патріархъ, кропя ихъ святой водой, освящалъ одну за другой. Ихъ было до двадцати, самыхъ лучшихъ, каждая цѣной въ тысячу динаровъ. Подъ конецъ появился невольникъ верхомъ на маленькомъ мулѣ, и другой—на ослѣ: это было устроено для потѣхи. Присутствующіе надъ ними посмѣялись, а патріархъ брызнулъ на нихъ водой. Потомъ мы вошли (въ церковь) къ литургіи, послѣ чего пошли къ трапезѣ. Въ этотъ день было устроено торжество больше и величественнѣе, чѣмъ въ прошлые праздники, съ питьемъ здравицъ, громомъ музыки, барабановъ, бубновъ, стрѣльбой изъ ружей и многихъ пушекъ, и были радость и веселье великія. Вечеромъ роздали намъ по обычаю почетныя платья и мы возвратились въ томъ же экипажѣ, окруженные шатырами, сеймanами и драбантами, которые стрѣляли на всемъ пути, а пѣвчіе пѣли, пока мы не достигли своего монастыря. Здѣсь они получили (на водку) и ушли. Мы же были совершенно трезвы.

Въ утро субботы, второго дня Богоявленія, всякіе увеселители со своими барабанами, бубнами и флейтами, а также музыканты—турки и валахи—ходили по всѣмъ домамъ богатыхъ людей и всѣ приходили также къ намъ. Они забавляли игрою на инструментахъ и

поздравляли нашего владыку съ праздникомъ, выражая ему свои благожеланія; онъ одарялъ ихъ и они уходили. Точно также являлись къ намъ цѣлыми толпами сеймены и прочіе военные, стрѣляли изъ ружей и поздравляли; онъ одарялъ ихъ и они уходили. Такъ шло непрестанно до вечера.

Знай, что всѣ вельможи валашскаго царства очень набожны: каждое утро во всѣ дни года они ходятъ въ дворцовую церковь, гдѣ слушаютъ утреню, послѣ чего идутъ къ господарю, у котораго держатъ диванъ для разбирательства дѣлъ. Затѣмъ, сойдя (въ церковь), слушаютъ въ присутствіи господаря обѣдню, отъ которой выходятъ около полудня. Таковъ ихъ обычай во всѣ дни года.

ГЛАВА IV.

Тырговиштъ.—Митрополичій домъ.

Тырговиштъ—городъ большой, можетъ быть, подобно Дамаску и Алеппо. Господарь Матвѣй съ большими трудами устроилъ вокругъ него деревянную стѣну и ровъ. Намъ разсказывали, что во владѣніяхъ валаховъ 26 такихъ городовъ. Знай, что въ Тырговиштѣ болѣе 80 церквей и монастырей, по большей части каменныхъ, лучшій изъ нихъ—монастырь господаря Василія.

Домъ митрополита Валахіи находится на краю города внутри городскихъ стѣнъ. Онъ весьма великолѣпенъ, обнесенъ тремя деревянными стѣнами и имѣетъ три двора. Внѣшній дворъ служитъ для откармливанія гусей, утокъ и куръ, второй—для лошадиныхъ конюшенъ и кухонь. Третій дворъ весь каменный, дорогой стройки: въ него входишь чрезъ большія ворота и напротивъ тебя величественная церковь, которая не имѣетъ себѣ подобной въ этой странѣ, кромѣ церкви казацкой митрополіи, похожей на св. Софію. Также и эта церковь велика, обширна, возвышается на многочисленныхъ столбахъ и имѣетъ величественный видъ, подобно св. Софіи. Она состоитъ изъ трехъ отдѣленій: первое составляетъ внѣшній нарѳексъ, который очень обширенъ, со многими куполами; затѣмъ чрезъ вторыя двери входишь въ другой красивый нарѳексъ, а потомъ чрезъ третьи двери—въ среднюю часть церкви, очень просторную; ея куполъ величественъ по своей высотѣ и объему, въ немъ виситъ хоросъ (паникадило) весьма большого размѣра. Церковь имѣетъ три алтаря, высокихъ и благолѣпныхъ, изъ коихъ средній весьма обширенъ, съ высокою каѳедрою (горнимъ мѣстомъ) кругомъ. Иконостасъ, тябла и распятіе весьма благолѣпны. Деревянные золоченые подсвѣчники очень изящной работы. Оконъ въ церкви весьма много, идутъ они кругомъ и всѣ, равно и

окна въ куполахъ, со стеклами. Мѣсто господаря находится справа отъ входа съ лицевой стороны столба и близъ него архіерейское мѣсто [1], на которомъ всегда стоялъ нашъ владыка патріархъ. Напротивъ него, близъ другого столба, есть еще мѣсто, гдѣ становится мѣстный митрополитъ. Кругомъ всей церкви идутъ мѣста для сидѣнья [2]. Всѣ ея стѣны покрыты старой живописью. Мѣсто домины и ея приближенныхъ находится во второмъ нарѳексѣ. Вокругъ этого мѣста [3] разбитъ красивый цвѣтникъ съ розами и иными цвѣтами, не очень широкій, отгороженный рѣшеткой. По близости сѣвернаго алтаря есть дерево кедръ: да благословится Творецъ! какъ оно красиво, высоко, велико и обременено плодами! Число куполовъ этой церкви, большихъ и малыхъ, двѣнадцать, съ 12 золочеными крестами. Предъ вратами церковными есть красивый общественный бассейнъ текучей воды; такой же красивый бассейнъ есть и за воротами.

Что касается келлій митрополичьяго дома, то тѣ, что на восточной сторонѣ, очень высоки и къ нимъ поднимаешься по высокой лѣстницѣ чрезъ внѣшнюю галлерею съ арками, обращенную къ церкви, двору и большому саду. Всѣ стѣны расписаны чудесными изображеніями тварей земныхъ и морскихъ, также изображеніями Іерусалима и его монастырей, всей горы Божіей Синая и св. Горы съ ея 24 монастырями и моремъ—все это точно и ясно. Затѣмъ входишь сперва въ обширную и длинную митрополичью палату съ огромнымъ обѣденнымъ столомъ, большой изразцовой печью и многочисленными стеклянными окнами, выходящими въ большой садъ. Далѣе входишь въ другое красивое помѣщеніе, еще лучше перваго, также съ изразцовымъ каптуромъ. Здѣсь есть мѣсто, гдѣ вѣшаютъ собольи шубы и прочее. Вся внутренность этихъ келлій расписана вновь разнообразными изображеніями святыхъ. Изъ вышеупомянутаго сада входишь въ казнохранилище, гдѣ сберегаются облаченія митрополита, его короны, называемыя митрами, посохи, серебряная утварь и проч.; тутъ же висятъ сѣдла, расшитыя и украшенныя золотомъ и серебромъ, узды, мечи, пистолеты и всякія военныя принадлежности, ибо, когда митрополитъ выѣзжаетъ для встрѣчи патріарха или иного гостя, то нужныя вещи находятся у него подъ рукой: въ этомъ случаѣ впереди и

---

[1] Въ подлинникѣ: „тронъ“. Это слово иногда употребляемъ и мы въ своемъ переводѣ, но только по отношенію къ мѣсту господаря.

[2] Особыя сидѣнья, называемыя формами, которыя до сихъ поръ имѣются во многихъ монастыряхъ.

[3] Разумѣется, съ наружной стороны церкви.

позади ѣдутъ верхомъ его конвойные, каждый въ хорошемъ платьѣ съ собольимъ мѣхомъ и проч. То же у митрополита страны казацкой.

Знай, что одежда женщинъ отъ Константинополя до Молдавіи и Валахіи имѣетъ видъ длинной суконной фарджіи [1] съ полами до земли, подбитой мѣхомъ, смотря по состоянію.

Возвращаемся (къ разсказу). Изъ казнохранилища входишь въ наружную крытую галлерею на аркахъ, выходящую въ садъ, съ фонтаномъ текучей воды. Здѣсь бываетъ обѣденный столъ въ лѣтніе дни. Отсюда спускаешься въ огромный садъ, въ которомъ не видать начала отъ конца; вся его изгородь изъ большихъ орѣховыхъ деревьевъ. Половина его засажена виноградомъ и отчасти розами, другая половина—яблонями, грушами, айвой, вишнями, дамаскиной, т.-е. птичьимъ сердцемъ, и инымъ; [есть зеленѣющія насажденія гороха, бобовъ, артишоковъ и пр.].

Башня Вѣсовъ находится за церковными воротами. Словомъ сказать, окружающая митрополичій дворъ и садъ стѣна величиною будетъ со стѣну большого города.

Въ здѣшнихъ странахъ митрополиты и настоятели стоятъ на высотѣ своего положенія. Митрополиты этой страны имѣютъ обыкновеніе ежедневно ѣздить въ экипажѣ къ господарю и присутствовать въ диванѣ, гдѣ кладутъ крестъ и евангеліе; когда же освободятся отъ засѣданія, сходятъ въ церковь слушать обѣдню, потомъ идутъ къ господарю, читаютъ молитву и благословляютъ трапезу. Всѣ дѣла въ рукахъ митрополита, въ особенности если онъ щедръ.

Знай, что мужчины и женщины въ этой странѣ, приходя судиться къ господарю или архіерею, становятся на колѣна и въ такомъ положеніи ведутъ свою рѣчь до конца. Самый дорогой подарокъ ихъ господарю—блюдо съ хлѣбомъ.

Здѣшніе митрополиты не получаютъ годового сбора съ паствы, а получаютъ со священниковъ, состоящихъ подъ ихъ властью, съ каждаго опредѣленную сумму золотомъ, кромѣ того доходы съ пожертвованныхъ владѣній и деревень, а также съ виноградниковъ, садовъ и иныхъ угодій, отказанныхъ митрополіи. Вотъ что мы наблюдали, начиная съ этой страны и до земли московитовъ.

Со времени нашего вступленія въ Валахію до отъѣзда изъ нея, всѣ вельможи приходили къ нашему владыкѣ патріарху за благословеніемъ и непремѣнно съ подаркомъ для него на блюдѣ, покрытомъ платкомъ, (поднося), смотря по времени года, лимоны, померанцы,

[1] Фарджія —родъ суганы, большею частью безъ застежекъ.

яблоки, груши, изюмъ, винныя ягоды, орѣхи, чаще всего хлѣбъ и рыбу и непремѣнно также вино. Всѣ ихъ жены, даже невѣсты и дѣвицы, являлись къ патріарху съ открытыми головами, (пріѣзжая) въ экипажахъ, въ сопровожденіи служанокъ и многочисленной прислуги и вершниковъ. Онѣ привозили ему подарки подобные вышеупомянутымъ, прося у него благословенія и разрѣшенія грѣховъ. У нихъ много жемчуга, соболей, дорогихъ суконъ и пр.

Знай, что всѣ жители страны валашской очень набожны и богобоязненны и весьма остерегаются всего незаконнаго, въ особенности правительственныя лица, такъ какъ они являлись къ нашему владыкѣ патріарху ради того, чтобы онъ поставилъ собственноручную подпись и приложилъ печать на граматахъ, данныхъ имъ господарями касательно ихъ достоинствъ и помѣстій. Они испрашивали у него также граматы отлученія для рѣшенія тяжбы, дабы никто не оказывалъ пристрастія, и когда, бывало, простолюдины приводили кого-нибудь къ нашему владыкѣ патріарху, чтобы онъ его отлучилъ, то сами выбѣгали вонъ, думая, что отлученіе—огонь и что при этомъ имъ не слѣдуетъ быть. Многіе торговцы испрашивали также у патріарха разрѣшительную грамоту.

ГЛАВА V.

Тырговиштъ.—Климатъ. Нравы и обычаи.

Въ этомъ городѣ въ нынѣшнемъ году съ начала мѣсяца января и въ февралѣ до конца марта не переставало выпадать много снѣгу, который не сходилъ вплоть до Пасхи, а также бывали вѣтры, стужа и холодъ,—подобнаго мы никогда не видывали,—такъ что вино замерзало въ посудѣ, а равно маслины, сохраняемыя въ водѣ, и соленья. Что касается лимоновъ и яицъ, то они сдѣлались крѣпкими какъ камень и совсѣмъ испортились. Твоимъ взорамъ представлялись длинныя палки изъ стекла, т.-е. льда, спускающіяся кругомъ съ крышъ домовъ; также, когда снѣгъ таялъ отъ огня, разводимаго внутри домовъ, то отъ дѣйствія мороза всякая капля, спускаясь, обращалась въ ледъ: это было удивительно для зрителей изъ нашихъ странъ.

Знай, что большинство конюховъ при лошадяхъ господарей и государственныхъ сановниковъ—уроженцы нашей страны и Египта, мусульмане и христіане. Здѣсь держатъ множество черныхъ рабовъ, которыхъ валахи называютъ *арапидесъ*, т.-е. арабами, думая, что всѣ жители нашей страны такіе же черные рабы или конюхи. По этой причинѣ на насъ смотрятъ окомъ большого презрѣнія. Когда же мы прибыли къ нимъ и они увидѣли нашего владыку патріарха, наши

обычаи и (услышали) наше прекрасное чтеніе по-гречески, то приходили въ великое удивленіе.

Въ дни заговѣній мы любовались ихъ свадьбами, которыхъ въ это время у нихъ бываетъ весьма много. Наканунѣ свадьбы женихъ съ своими пріятелями ходитъ по улицамъ города въ продолженіе всей ночи съ барабанами, флейтами и свѣчами. Невѣста съ другими дѣвицами, сидя въ экипажахъ и имѣя позади себя музыкантовъ, также объѣзжаетъ городскіе кварталы, съ открытой головой, по обычаю дѣвицъ здѣшней страны. Въ этотъ день дѣвицы, держась за руки, кружатся кольцомъ по двору, украшенныя разнородными уборами: на волосахъ онѣ носятъ вѣнцы, сплетенные изъ золотыхъ нитей и желтой жести, искусственныя розы венеціанской и нѣмецкой (австрійской) работы, тюльпаны (?), жасмины и т. п.; кружась, онѣ танцуютъ и хлопаютъ въ ладоши. Когда невѣста повѣнчается съ женихомъ въ церкви, надѣваютъ ей на голову бѣлый платокъ въ знакъ того, что она стала замужней женщиной. Съ вечера женихъ со своими пріятелями и музыкантами, а невѣста съ другими замужними женщинами въ экипажахъ позади жениха ѣздятъ по городу съ весельемъ, днемъ и ночью, въ теченіе двухъ, трехъ дней. Таковъ ихъ обычай. Нѣтъ ни ока вѣроломства, ни завистника.

Знай, что жены и дочери въ странѣ валаховъ скромны, непорочны и весьма цѣломудренны. Всякаго, о комъ станетъ извѣстно что-либо позорное, если это мужчина, то ссылаютъ въ рудники разбивать каменную соль, откуда нѣтъ спасенія, женщинъ же непремѣнно подвергаютъ потопленію.

Мы видѣли, что въ этой странѣ валаховъ, во дни большихъ заговѣній, оставляютъ мясную пищу и наперерывъ другъ передъ другомъ закупаютъ рыбу, которая въ это время бываетъ мерзлая и похожа на дерево, и цѣна ея возвышается. Ее посятъ охапками, что возбуждало наше удивленіе къ нимъ. То же самое можно наблюдать во всякой христіанской землѣ.

ГЛАВА VI.

Тырговиштъ.—Описаніе похороннаго обряда.

Обрядъ отпѣванія усопшихъ у валаховъ походитъ на описанный нами обрядъ въ Молдавіи; но здѣсь дѣлаются большіе расходы при всякихъ похоронахъ. Приглашали нашего владыку патріарха въ домъ покойника, при чемъ колоколъ церкви, гдѣ намѣревались его похоронить, звонилъ съ утра до самаго опущенія въ могилу. Обыкновенно собиралось много священниковъ, дьяконовъ, монаховъ и бѣдняковъ,

ибо въ этой странѣ валаховъ пребываетъ несмѣтное число чужеземныхъ священниковъ и дьяконовъ, кои исключительно живутъ подобными покойниками. Всякій (священникъ) приходитъ съ своей епитрахилью и книгой, а дьяконъ со стихаремъ. Всѣ присутствующіе дьяконы надѣваютъ свои стихари и всѣмъ тутъ находящимся, отъ священниковъ до бѣдняковъ, раздаются большія свѣчи. Архидіаконъ беретъ въ руки кадильницу и кадитъ патріарху, произнося: „благослови, владыко!“ Патріархъ, взявъ у него кадильницу, кадитъ покойнику, возглашая: „благословенно“.... и тогда пѣвчіе поютъ пріятнымъ напѣвомъ: „помилуй мя Боже“, потомъ Блаженны до конца, поперемѣнно съ канонархомъ. Окадивъ священниковъ и прочихъ присутствующихъ, патріархъ кадитъ вторично вокругъ похоронныхъ носилокъ, потомъ кадитъ дьякону и, передавъ ему кадильницу, идетъ и подлѣ усопшаго творитъ трижды крестное знаменіе на своемъ челѣ, обратившись къ востоку, затѣмъ возвращается на свое мѣсто. Во время первой „Слава Отцу“ при Блаженныхъ архидіаконъ произноситъ, держа въ рукѣ вторую кадильницу: „помилуй мя Боже“ и т. д. „Еще молимся объ усопшемъ такомъ-то, да упокоитъ Господь душу его“ и т. д. до конца. Нашъ владыка патріархъ сказалъ первый возгласъ. Потомъ начинаютъ вторую „Слава Отцу“ изъ Блаженнъ: „руцѣ Твои сотвориша мя и создаша“. Въ это время присутствующій архіерей или старшій священникъ кадитъ вокругъ покойника, потомъ нашему владыкѣ патріарху и прочимъ присутствующимъ, подъ конецъ кадитъ дьякону и, отдавъ ему кадильницу, идетъ также, творитъ на челѣ крестное знаменіе и, вернувшись на свое мѣсто, произноситъ второй возгласъ послѣ: „воззри на мя и помилуй мя“ и послѣ того какъ второй дьяконъ возгласитъ: „помилуй мя Боже по велицѣй милости Твоей“ и пр. Всѣ дьяконы по порядку возглашали: „помилуй мя Боже“ и пр. и подносили кадильницу, въ порядкѣ старшинства, священникамъ, которые говорили возгласъ за возгласомъ и подъ конецъ кадили дьяконамъ.

При послѣднемъ цѣлованіи нашъ владыка патріархъ прикладывался къ иконѣ, творя крестное знаменіе прежде и послѣ, благословилъ народъ и возвратился на свое мѣсто, прочтя евангеліе надъ головами родственниковъ усопшаго. Потомъ подходили священники по старшинству попарно, одинъ справа, другой слѣва, одновременно дѣлали земной поклонъ прежде и послѣ (цѣлованія), и такъ до послѣдняго. Затѣмъ подходили дьяконы, послѣ нихъ монахи, подъ конецъ бѣдняки. Присутствовавшіе тутъ родственники усопшаго стояли по обѣ стороны, и всякій разъ какъ священникъ прикладывался къ иконѣ,

они давали ему милостыню въ расшитомъ платкѣ, каждому по его достоинству, также дьяконамъ, монахамъ и бѣднякамъ. Затѣмъ подходятъ вельможи, а за ними прочіе присутствующіе. Потомъ мы пошли предъ похоронными носилками въ церковь: впереди всѣ священники попарно, затѣмъ нашъ владыка патріархъ, а за нимъ носилки, за коими слѣдовалъ народъ, при чемъ пѣвчіе пѣли. Всякій разъ, пройдя небольшое разстояніе, клали носилки на землю и становились въ рядъ вокругъ нихъ: дьяконъ, съ кадильницей въ рукѣ, возглашалъ: „помилуй мя Боже“ и пр., а нашъ владыка патріархъ читалъ молитву за усопшихъ. Потомъ носилки поднимали и шли дальше. Это не переставали дѣлать, пока не принесли покойника на церковный дворъ къ его могилѣ. Тутъ сняли его съ носилокъ, положили въ гробъ, обитый внутри краснымъ сукномъ, зарыли и ушли. Знай, что въ этой странѣ родственники умершаго соблюдаютъ такой обычай: мужчины ходятъ постоянно съ открытыми головами въ продолженіе 15 дней, женщины же и дѣвицы только распускаютъ волосы. Ни громкаго плача, ни криковъ не бываетъ, но сдержанность и скромность. При чтеніи евангелія архіереемъ или священникомъ надъ лежащимъ въ носилкахъ покойникомъ женщины и дѣвицы стоятъ на колѣняхъ подъ евангеліемъ до конца чтенія. Послѣ того какъ присутствующіе дадутъ цѣлованіе покойнику, женщины также подходятъ и цѣлуютъ его съ сдержаннымъ плачемъ.

На третій, девятый и сороковой день до конца года совершаютъ *мнимосинонъ* (поминки). Послѣ того какъ служащимъ священникамъ и прочимъ бывшимъ въ церкви роздали свѣчи, начали (службу) возглашеніемъ „помилуй мя Боже“ и пѣніемъ Блаженъ поперемѣнно, потомъ пѣли канонъ. Первымъ кадилъ нашъ владыка патріархъ, потомъ служащіе іереи. Онъ же прочелъ евангеліе. По раздачѣ милостыни всѣмъ присутствующимъ, разошлись. Отпѣваніе, подобное описанному, обходится во сто, двѣсти золотыхъ, менѣе или болѣе. Нѣкоторые послѣ погребенія или поминокъ приглашаютъ присутствующихъ къ трапезѣ.

Наканунѣ субботъ заговѣній не бываетъ торжественной заупокойной службы какъ у насъ, причиной тому—обиліе церквей. Въ воскресенье на масляницѣ поутру приходили къ нашему владыкѣ патріарху большая часть женъ государственныхъ сановниковъ, прося его прочитать надъ ними разрѣшительную молитву. Онѣ повергались предъ нимъ на землю въ своихъ дорогихъ платьяхъ, пока онъ не кончалъ чтенія. То же дѣлали ихъ мужья до самой ночи.

Наканунѣ поста послѣ вечерней молитвы не совершалось молитвы на сонъ грядущимъ, ибо нѣтъ въ этой странѣ обычая совершать ее даже наканунѣ понедѣльника, но всѣ, отъ сановниковъ до богатыхъ купцовъ, со своими женами и дѣтьми пришли въ церковь. Нашъ владыка патріархъ сошелъ съ своего патріаршаго мѣста и сталъ между обоими подсвѣчниками въ епитрахилѣ и омофорѣ. Всѣ простерлись на землю и онъ прочелъ надъ ними разрѣшительную молитву, послѣ чего подходили къ нему подъ благословеніе сначала присутствовавшіе архіереи, потомъ игумены, священники, вельможи и прочіе бывшіе въ церкви. Его свѣтлость господарь также присылалъ чрезъ мѣстнаго архіерея попросить у нашего владыки прощенія, ибо къ нашему владыкѣ патріарху уже возъимѣли большую вѣру, что было очевидно.

Въ этотъ великій постъ посѣтилъ нашего владыку патріарха одинъ православный игуменъ, который сказывалъ, что онъ съ острововъ *Брутанія* [1], о коихъ упоминаетъ Іоаннъ Златоустъ, изъ города по имени *Херванъ*, и сообщилъ, что въ этой странѣ до 25000 домовъ, всѣ православные, что правитель поставляется изъ ихъ среды и что языкъ ихъ греческій [2]. Архіепископъ сербскій сказывалъ, что они бѣжали изъ его страны, живутъ они въ предѣлахъ австрійской земли съ сѣверной стороны венеціанской области. Игуменъ просилъ поставить его архіереемъ надъ ними, имѣя при себѣ ихъ собственноручныя подписи. Но онъ оказался лжецомъ и господарь Матвѣй немедленно сослалъ его въ соляныя копи. Говорятъ, что они увѣровали чрезъ проповѣдь патріарховъ антіохійскихъ, къ коимъ питаютъ великую вѣру.

ГЛАВА VII.

Тырговиштъ.—Великій постъ. Чинъ умовенія ногъ. Святая недѣля.

Возвращаемся (къ разсказу). На этой недѣлѣ жители постились, соблюдая тотъ же самый чинъ, какой совершался въ Молдавіи, и даже болѣе того: по субботамъ поста выходили отъ обѣдни только около полудня.

Въ первое, а также въ четвертое воскресенье великаго поста нашъ владыка патріархъ совершалъ литургію въ монастырской церкви. Наканунѣ четверга покаянія [3], который совпалъ съ праздникомъ сорока мучениковъ, зазвонили въ колокола и служили всенощную въ теченіе всей ночи, какъ принято совершать ее въ Молдавіи. То же

---

[1] Вѣроятно островъ Брацца (въ древности Brattia) у береговъ Далмаціи.

[2] По петербургской рукописи: сербскій, что вѣроятнѣе.

[3] Когда читается покаянный канонъ Андрея Критскаго.

было наканунѣ субботы Похвалы Богородицы. Въ Лазареву субботу богослуженіе совершалось съ большой торжественностью. Въ день праздника Ваій рано поутру нашъ владыка патріархъ роздалъ присутствующимъ ваіи изъ доставленныхъ (намъ) древесныхъ вѣтвей, еще не покрывшихся листьями, но съ бѣлыми дикорастущими цвѣтами, и совершилъ литургію тамъ же [1].

Въ великій четвергъ господарь прислалъ утромъ свой экипажъ и мы отправились въ дворцовую церковь для совершенія чина умовенія (ногъ) и литургіи. Мы надѣли свои облаченія и облачили нашего владыку патріарха по обыкновенію. Зазвонили по обычаю въ большой колоколъ. Патріархъ сталъ на своемъ (патріаршемъ) мѣстѣ, а впереди него митрополитъ города. Прежде всего начали готовить приборы для умовенія, затѣмъ поставили предъ лѣвымъ клиросомъ очень длинную скамью, назначенную для сидѣнья священникамъ, а предъ лѣвымъ большимъ подсвѣчникомъ маленькую для Іуды. Привели іерея изъ монашествующихъ, старца преклонныхъ лѣтъ, очень бѣднаго, который по причинѣ своей бѣдности согласился принять на себя эту роль, ибо господарь послѣ даетъ ему милостыню. Его ростъ, лицо, борода, грязный колпакъ, спускающійся ему на глаза, таковы, что у зрителя отъ смѣха лопается желчный пузырь, въ особенности потому, что на него надѣли очень старую, изветшавшую фелонь и посадили на упомянутую скамью. Затѣмъ поставили посрединѣ большой столъ на подобіе аналоя [2], покрыли его ковромъ и поставили на него съ одной стороны въ рядъ большой серебряный тазъ и такой же кувшинъ съ крышкой, въ видѣ чаши, съ другой стороны другой, подобный ему, съ водой для умовенія. Потомъ митрополитъ города съ двумя чередными священниками этой церкви подошелъ и взялъ благословеніе у нашего владыки патріарха на подготовленіе священниковъ, назначенныхъ для умовенія, кои всѣ надѣли свои ризы. Митрополитъ возвратился и сталъ на свое мѣсто у лѣваго клироса. Тогда изъ алтаря вышли оба чередные священника, имѣя промежду себя двухъ священниковъ въ ризахъ и направились всѣ вмѣстѣ въ рядъ къ нашему владыкѣ патріарху, которому сдѣлали малый поклонъ, также митрополиту. Посадивъ ихъ на длинную скамью близъ Іуды, пошли въ алтарь и привели другихъ двухъ, сдѣлали то же и посадили ихъ около тѣхъ двухъ, пока не кончились всѣ пять паръ, т.-е. десять человѣкъ. Стар-

[1] Т. е. въ монастырѣ.

[2] На Востокѣ въ церквахъ имѣются особые аналои для чтенія съ горизонтальной доской и шкапчиками для храненія книгъ.

шіе игумены сѣли на концѣ. Затѣмъ привели епископа Бузео, назначеннаго быть Петромъ и посадили его въ концѣ всѣхъ отдѣльно. Пѣвчіе запѣли стихиры на умовеніе и пѣли чинъ его до конца.

Знай, что пѣвчіе господаря всегда поютъ въ его церкви или у него (на дому) на правомъ клиросѣ по-гречески, на лѣвомъ по-валашски.

Я началъ чтеніе Евангелія внѣ алтаря, для чего поставили аналой передъ подсвѣчникомъ. Когда я дошелъ до словъ: „воставъ.... и положи ризы своя.... и начатъ умывати ноги“.... владыка патріархъ всталъ и снялъ свое облаченіе; у него приняли саккосъ и омофоръ. Онъ взялъ кувшинъ и ему повязали бумажный передникъ. Сойдя съ своего мѣста, онъ началъ умывать ноги первому Іудѣ и продолжалъ, пока не кончилъ Петромъ, которому онъ сказалъ то, что написано (въ Евангеліи). Этимъ окончили. Принесли тазъ и поставили на своемъ мѣстѣ на столѣ. Надѣвъ саккосъ, нашъ владыка патріархъ сошелъ съ своего мѣста, подошелъ къ тазу и, сдѣлавъ три поклона по обычаю, вложилъ свой перстъ въ воду и провелъ между глазами изображеніе креста. Потомъ подошелъ митрополитъ города и сдѣлалъ то же, за нимъ остальные служащіе священники и вельможи по-двое до послѣдняго. Тогда я взялъ тазъ и вмѣстѣ со священникомъ поднялся по лѣстницѣ къ господарю, чтобы онъ также освятилъ себя водою. Будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ не имѣлъ силы отстоять (службу) и не присутствовалъ за ней. Онъ освятилъ себя водою и далъ священнику милостыню; также освятили себя всѣ при немъ бывшіе и мы сошли и начали обѣдню.

Всѣ находившіеся въ церкви вельможи просили нашего владыку патріарха прочитать надъ ихъ головами разрѣшительную молитву: они пали ницъ на землю и онъ прочелъ надъ ними молитву. Знай, что каждый изъ нихъ, входя въ церковь, подходилъ сначала къ нашему владыкѣ патріарху, дѣлалъ ему земной поклонъ и, облобызавъ его правую руку, становился затѣмъ на свое мѣсто.

При „Достойно есть“ господарь сошелъ въ храмъ и сталъ на своемъ тронѣ. При выносѣ Даровъ онъ прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ и, поддерживаемый подъ руки, вошелъ въ алтарь, гдѣ причастился изъ рукъ нашего владыки патріарха, послѣ чего опять сталъ на своемъ мѣстѣ. Точно также приходили всѣ сановники, прикладывались къ иконамъ и также причастились изъ рукъ нашего владыки патріарха, который затѣмъ раздавалъ имъ антидоръ. Мы вкусили кутьи и окончили службу. Господарь и вельможи продолжали стоять на своихъ мѣстахъ, пока нашъ владыка патріархъ, войдя въ алтарь, не ра-

зоблачился и не надѣлъ мантіи, по всегдашнему обыкновенію, послѣ чего шествовалъ впереди господаря и потомъ благословилъ его и вельможъ. Мы возвратились въ свой монастырь послѣ полудня.

Наканунѣ великой пятницы совершили большую всенощную, которая продолжалась съ вечера до шестого часа ночи; вся она была исполнена протяжнымъ напѣвомъ. То же было въ субботу свѣта (великую), съ которой въ этомъ году совпало Благовѣщеніе. Встали въ глубокую ночь и на зарѣ совершили чинъ плащаницы, обойдя съ нею вокругъ всего монастыря по улицамъ. Когда мы вышли отъ обѣдни въ этотъ день, мальчики не переставали звонить въ деревянныя (била) и мѣдные колокола въ теченіе всей ночи, по принятому у нихъ обычаю. Въ эту пасхальную ночь народъ совсѣмъ не спалъ. Дѣти каждаго квартала и улицы собирались въ своемъ монастырѣ или у церкви своего квартала, зажигали костры на церковномъ дворѣ, поднимая радостный шумъ, и били въ колокола до шестого часа ночи (12 ч.), когда зазвонили во всѣ колокола въ церквахъ и монастыряхъ, за исключеніемъ дворцовой церкви, и встали къ молитвѣ. Былъ совершенъ по обычаю *анастасисъ* (чинъ Воскресенія). Рано утромъ вышли изъ церкви и вскорѣ возвратились къ литургіи.

По окончаніи чина Воскресенія господарь прислалъ свой экипажъ и мы отправились во дворецъ. Мы надѣли на владыку патріарха облаченіе. Господарь сошелъ въ церковь и сталъ на своемъ господарскомъ мѣстѣ. Ему было преподано благословеніе. Затѣмъ (всѣ) вышли впереди насъ на дворцовый дворъ насупротивъ церковныхъ дверей. Посрединѣ впереди былъ поставленъ тронъ для господаря, слѣва отъ него другой—для нашего владыки патріарха и еще одинъ по близости слѣва же для митрополита. Всѣ священники и монахи стали въ этомъ ряду слѣва, а государственные сановники составили большой кругъ. Твоимъ взорамъ, читатель, представились бы въ этотъ часъ тысячи разноцвѣтныхъ тонкихъ дорогихъ суконъ, всѣ опушенныя соболемъ. Затѣмъ поставили посрединѣ большой столъ, покрытый ковромъ, и на него положили Евангеліе. Всѣмъ присутствующимъ роздали большія свѣчи: сначала господарю большую золоченую свѣчу, которую держалъ силяхдаръ, затѣмъ патріарху и митрополиту. Дворецъ въ это время былъ биткомъ набитъ солдатами, которые всѣ были вооружены крестообразными копьями [1] и алжирскими ружьями. Взявъ кадильницу, я окадилъ нашего владыку патріарха, произнося:

---

[1] Копья названы крестообразными не потому-ли, что иногда при основаніи наконечника имѣлся съ одной стороны крюкъ, а съ другой—родъ сѣкиры.

„благослови владыко“, а онъ, принявъ ее, кадилъ вокругъ упомянутаго стола съ Евангеліемъ, трижды возглашая „Христосъ воскресе“, потомъ кадилъ господарю, митрополиту и всѣмъ присутствующимъ и, возвратившись, сталъ на своемъ мѣстѣ. Пѣвчіе докончили положенный чинъ и потомъ пѣли канонъ, одинъ хоръ по-гречески, другой по-валашски. Нашъ владыка патріархъ сказалъ первый возгласъ. Такимъ же образомъ кадилъ митрополитъ и, возвратившись на свое мѣсто, сказалъ второй возгласъ. Точно также кадили епископы и старѣйшіе настоятели монастырей до окончанія канона, причемъ каждый изъ нихъ говорилъ возгласъ. Не было открытія царскихъ дверей, какъ это принято у насъ, ибо, такъ какъ церковь не вмѣщаетъ такого множества людей, чинъ этотъ былъ совершенъ внѣ ея. По окончаніи канона нашъ владыка патріархъ приложился къ Евангелію и понесъ его къ господарю, который, выйдя на средину, сдѣлалъ земной поклонъ и поцѣловалъ Евангеліе и правую руку владыки, причемъ послѣдній сказалъ ему трижды: „Христосъ воскресе“ и поцѣловалъ его въ голову. Въ эту минуту всѣ солдаты выстрѣлили изъ ружей, такъ что міръ содрогнулся и наши уши были оглушены. Кончили службу. Взявъ патріаршее кресло, поставили его справа отъ трона господаря по близости. Нашъ владыка сѣлъ, держа въ рукахъ Евангеліе. Тогда подошелъ митрополитъ, приложился къ Евангелію и поцѣловалъ правую руку патріарха, говоря: „Христосъ воскресе!“ затѣмъ подошелъ къ господарю, приложился къ золотому, осыпанному жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями кресту, который тотъ держалъ въ правой рукѣ, и сказалъ ему то же. Господарь поцѣловалъ его въ голову и онъ сѣлъ на свое мѣсто слѣва отъ него. Потомъ подходили епископы, за ними игумены и прочіе священники и монахи: они сначала прикладывались къ Евангелію у нашего владыки патріарха и цѣловали его правую руку, говоря: „Христосъ воскресе“, затѣмъ подходили къ господарю, прикладывались къ его кресту и цѣловали его въ грудь, повторяя то же, наконецъ подходили къ митрополиту и становились въ рядъ подлѣ него. Всѣ сановники и прочіе присутствовавшіе подходили по своимъ степенямъ и дѣлали то же. Мы освободились позднимъ утромъ. Господарь пошелъ во дворецъ, а мы къ обѣднѣ. Мы прочли три Евангелія: нашъ владыка патріархъ въ алтарѣ по-гречески, митрополитъ по-валашски, а я по-арабски. Когда я окончилъ чтеніе, меня охватилъ лихорадочный ознобъ, который продолжался до вечера: это случилось отъ бывшаго тогда сильнаго холода. Вошли въ алтарь, я снялъ стихарь и тамъ заснулъ. Затѣмъ мы пошли къ трапезѣ, причемъ я чувствовалъ себя скверно: всѣ веселились, я же былъ въ пе-

чали и лихорадкѣ. Въ этотъ день было устроено большое торжество; міръ сіялъ, весна въ это время вступала въ свои права и зелень распускалась. Много разъ стрѣляли изъ пушекъ, пили большими полными чашами, была музыка изъ барабановъ, флейтъ и трубъ, пѣніе, скоморошьи потѣхи и иное. Затѣмъ слѣдовали подарки. Мы пріѣхали въ свой монастырь въ экипажѣ, окруженномъ сейманами и драбантами, которые стрѣляли изъ ружей, скороходами и пѣвчими. Получивъ (на водку), они ушли. Въ теченіе этой недѣли литургію совершаютъ рано утромъ вмѣстѣ съ утреней; по утрамъ и по вечерамъ звонятъ въ большіе колокола; не бываетъ ни продажи, ни купли и не открываютъ лавокъ кромѣ мучныхъ и мясныхъ, да еще только продавцы съѣстныхъ припасовъ.

ГЛАВА VIII.

Тырговиштъ.—Кончина господаря Матвѣя.

Знай, что въ этой странѣ есть обычай въ каждый четвергъ Пасхи совершать за городомъ литанію, т.-е. большой крестный ходъ, обходя вокругъ города съ хоругвями и иконами, при участіи священниковъ въ облаченіяхъ, а также господаря и всего войска. Бываетъ большое стеченіе (народа). Это дѣлается въ честь великаго четверга и отданія его, а также для встрѣчи четверга Вознесенія.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ валашскій господарь Матвѣй отмѣнялъ этотъ крестный ходъ, ибо, войдя въ очень преклонныя лѣта, онъ совсѣмъ не имѣлъ силы въ немъ присутствовать. Но въ четвергъ пасхальной недѣли онъ пригласилъ къ себѣ нашего владыку патріарха, прославъ экипажъ. Войдя въ церковь, мы облачились и надѣли на нашего владыку патріарха полное облаченіе. Поставили сосуды для водосвятія и серебряныя чаши на подставкѣ. Нашъ владыка патріархъ совершилъ освященіе воды, съ которой мы поднялись къ господарю и окропили его; затѣмъ разоблачились и пошли къ трапезѣ. Патріархъ простился съ господаремъ, ибо мы вознамѣрились отправиться въ дальнѣйшій путь. Возвратившись въ монастырь, мы начали заготовлять дорожные припасы. Господарь прислалъ нашему владыкѣ лишь назначенную милостыню, ибо подъ конецъ своей жизни онъ сталъ большимъ скрягой, возъимѣлъ къ туркамъ и татарамъ чрезвычайную любовь, расточивъ на нихъ все свое богатство: всякаго изъ нихъ, кто только приходилъ къ нему, онъ надѣлялъ почетнымъ платьемъ съ соболемъ; возненавидѣлъ священниковъ, монаховъ и игуменовъ, кои являлись къ нему за милостыней, которую онъ имъ наз-

начилъ въ началѣ своего правленія, и отпускалъ ихъ обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ.

На этой недѣлѣ пришла вѣсть, что московскій царь отправилъ къ нему посла съ великими дарами. Матвѣй велѣлъ немедленно вернуть его съ дороги, говоря: „не хочу видѣть лица его“, ибо ненавидѣлъ родъ казаковъ и московитовъ до чрезвычайности. При пораженіи Василія и Тимоѳея, сына Хмеля, онъ убилъ большое число казаковъ и еще больше взялъ въ плѣнъ. Когда къ нему пріѣхалъ ага казначейства и онъ вышелъ къ нему навстрѣчу, то велѣлъ отрубить передъ нимъ головы множеству казаковъ, говоря, что онъ ненавидитъ ихъ и что онъ другъ гаджирійцевъ [1], и отправилъ съ агой множество плѣнныхъ въ цѣпяхъ къ визирю для работы веслами [2]. Когда визирь спросилъ ихъ: „кто вы такіе?“ и они отвѣчали: „мы казаки изъ войска Хмеля и были разбиты въ Валахіи“, то онъ тотчасъ подарилъ всѣмъ имъ почетные халаты изъ краснаго сукна и, давъ денегъ, отправилъ на родину къ Хмелю, ибо между нимъ и казаками была большая дружба и посольства между ними не прекращались. Тогда возникла большая вражда между Хмелемъ съ казаками и Матвѣемъ, господаремъ валашскимъ, а по возвращеніи посла московитовъ вражда еще больше усилилась. По этой причинѣ до сего времени всѣ жители страны валашской были въ страхѣ и трепетѣ предъ Хмелемъ и казаками, и ежедневно приходили вѣсти: „казаки идутъ! показались! пришли!“ Они не спали по ночамъ, такъ что подданные (московскаго царя) [3], которыхъ онъ (Матвѣй) чрезвычайно угнеталъ и которые бѣжали изъ его страны, собрались съ его войскомъ и всѣми вельможами убить его, говоря: „какъ? съ давнихъ поръ до сего времени не приходилъ къ намъ ни одинъ посолъ отъ нашего царя, и ты его отослалъ назадъ“. Но Господь нашъ устроилъ иначе, взявъ его къ себѣ, ибо на этой недѣлѣ онъ занемогъ смертельною болѣзнью, будучи весьма дряхлъ и впавъ въ слабоуміе.

Въ день новаго (Ѳомина) воскресенья нашъ владыка патріархъ служилъ обѣдню для купцовъ въ церкви нашего монастыря. Рано поутру въ воскресенье Женъ (мироносицъ) скончался господарь Валахіи Матвѣй послѣ 23-лѣтняго правленія. Въ началѣ своего царствованія онъ очень любилъ дѣлать добро и милостыню: отъ щедротъ

---

[1] Т.-е. мусульманъ, ведущихъ лѣтосчисленіе по эрѣ гиджры.

[2] Т.-е. на галеры.

[3] Въ текстѣ: „его подданные“, т.-е. подданные Матвѣя; но это не вяжется съ послѣдующимъ.

и сооруженій въ странѣ, ему одному принадлежащихъ, существуетъ полтораста прекрасныхъ каменныхъ монастырей и церквей; къ числу ихъ относится церковь епископіи Бузео. Еще прежде чѣмъ онъ испустилъ послѣднее дыханіе, пришелъ киръ Игнатій, митрополитъ города, и собрались всѣ государственные сановники; они держали совѣтъ и избрали немедленно одного архонта, по имени Константинъ Эфендикопуло, т.-е. изъ потомковъ эфендіевъ, господарей. Онъ сынъ Щербаня, который былъ нѣкогда воеводой въ Валахіи. Затѣмъ они пошли изъ церкви во дворецъ, и митрополитъ, взойдя на возвышенное мѣсто, сказалъ народу: „вашъ эфенди скончался; кого желаете, чтобы мы поставили надъ вами правителемъ на мѣсто него?“ Единогласный крикъ вельможъ, войска и всего народа былъ: „никого не желаемъ кромѣ Константина, сына Щербаня воеводы“. Тогда поднялся радостный шумъ, ибо его избраніе въ господари было отъ Бога и нѣкоторые изъ государственныхъ сановниковъ видѣли его во снѣ стоящимъ на господарскомъ мѣстѣ. Онъ былъ прежде при господарѣ Матвѣѣ вторымъ сердаремъ войска. У Матвѣя былъ племянникъ, сынъ сестры, котораго онъ сдѣлалъ великимъ спаѳаріемъ, т.-е. сердаремъ всѣхъ войскъ. Онъ отличался большою гордостью и надменностью во всю свою жизнь. Когда онъ ѣхалъ изъ своего дома во дворецъ, передъ нимъ и за нимъ, какъ мы всегда видали, шло болѣе пяти-шестисотъ человѣкъ, и то же было, когда онъ уѣзжалъ (домой). Онъ былъ тотъ самый, который привелъ войско изъ валаховъ и венгровъ къ новому господарю Молдавіи Стефану, въ первый разъ въ праздникъ Пасхи, когда хотѣлъ напасть врасплохъ на Василія воеводу. Его дядя, господарь Матвѣй, послалъ его тайно, чтобы никто изъ вельможъ о томъ не зналъ, ибо, если бы они узнали, то убили бы ихъ обоихъ и не позволили бы поднять на нихъ остававшееся недвижнымъ зло. Много разъ господарь Матвѣй выражалъ желаніе сдѣлать его на мѣсто себя господаремъ и употреблялъ всевозможныя хитрости, но никто на это не согласился, ни изъ государственныхъ сановниковъ, ни изъ народа, по причинѣ его высокомѣрія. Константинъ же, сынъ Щербаня воеводы, былъ вторымъ сердаремъ подъ его начальствомъ. У здѣшнихъ вельможъ есть обычай, что, когда двое одного ранга бываютъ вмѣстѣ, то не снимаютъ своихъ колпаковъ, но ежели одинъ выше рангомъ другого, то этотъ снимаетъ свой колпакъ. Константинъ же обыкновенно всегда стоялъ передъ своимъ агой, старшимъ сердаремъ, не съ открытой головой. Однажды тотъ сдѣлалъ ему выговоръ, сказавъ: „почему ты стоишь передо мною съ покрытой головой?“ Онъ отвѣчалъ: „я изъ потомковъ господарей,

а ты сынъ мужика, не обнажу головы передъ тобой". Тотъ разсердился на эти слова, пошелъ и бросилъ свое оружіе передъ дядей, который, узнавъ обстоятельства дѣла, уволилъ этого Константина отъ должности. Константинъ уѣхалъ въ свои дворцы и усадьбы, кои были построены его отцомъ для себя при жизни своей во многихъ мѣстахъ въ землѣ валашской, и тамъ жилъ до сего времени. Когда заболѣлъ господарь Матвѣй, онъ пріѣхалъ, не имѣя о томъ извѣстія, по своимъ дѣламъ въ городъ Тырговиштъ. Произошли разсказанныя событія и вельможи избрали его.

Что касается упомянутаго старшаго сердаря, то въ недѣлю праздника (Пасхи) къ нему пришло извѣстіе, что сынъ его въ опасномъ положеніи въ одной отдаленной отъ города деревнѣ. Онъ отправился навѣстить его, а въ его отсутствіи умеръ его дядя. Вотъ что случилось.

ГЛАВА IX.

Тырговиштъ.—Описаніе чина поставленія новаго господаря.

Глашатай возвѣщалъ по городу; всѣ подданные собрались и явились во дворецъ, единодушно изъявляя свое согласіе на избраніе Константина, который, получивъ о томъ извѣстіе, испугался и скрылся. Его розыскали и привели, причемъ онъ все еще былъ въ страхѣ. Его повели въ церковь. Митрополитъ надѣлъ полное архіерейское облаченіе. Константина ввели въ св. алтарь, возглашая трижды: „повели! повелите! повели, Владыко!" Онъ преклонилъ колѣна, и митрополитъ прочелъ надъ нимъ молитву, положенную при посвященіи іерея, т.-е. „божественная благодать, во всякое время исцѣляющая недужныхъ и несовершенныхъ довершающая, возводитъ нашего брата киръ Константина со степени сердаря на высшую степень эфендія; помолимся теперь о немъ, дабы благодать Духа Всесвятаго сошла на него". При этомъ мы воскликнули трижды: „аксіосъ!" и это пропѣли какъ внѣ алтаря, такъ и внутри его. Затѣмъ, снявъ его платье, надѣли на него царское одѣяніе: тонкое нижнее парчевое платье, поверхъ него такой же кафтанъ съ собольимъ мѣхомъ и весьма дорогой соболій колпакъ съ золотымъ султаномъ, осыпаннымъ превосходными драгоцѣнными каменьями, приличествующими царямъ. Затѣмъ возвели его на тронъ господарей и посадили на него, и всѣ подходили цѣловать его правую руку: сначала митрополитъ, потомъ священники и игумены, тутъ бывшіе, послѣ нихъ одинъ за другимъ государственные сановники, подъ конецъ всѣ высшіе военные начальники. О удивленіе! столько тысячъ народа признали его единогласно, и ни одинъ изъ нихъ не сказалъ: „нѣтъ"! Восшествіе его на престолъ произошло утромъ въ воскресенье Мyро-

носицъ, которое было 19 апрѣля. Немедленно господарь прислалъ рыбы и прочаго нашему владыкѣ патріарху, прося его молитвъ, такъ какъ онъ уже раньше былъ съ нами друженъ.

Въ то время какъ всѣ богачи и купцы, по причинѣ смерти господаря Матвѣя, опасались, что войско его будетъ грабить городъ, Господь нашъ разсѣялъ это опасеніе и всѣ единогласно говорили: „этотъ миръ является только вслѣдствіе пребыванія среди насъ патріарха антіохійскаго и по причинѣ того, что онъ теперь отложилъ свою поѣздку", ибо мы съ понедѣльника Ѳоминой недѣли намѣревались уѣхать, и наша задержка была отъ Бога, такъ что мы могли быть свидѣтелями случившаго.

Поутру въ понедѣльникъ, послѣ воскресенья Мироносицъ, новый господарь киръ Константинъ прислалъ экипажъ за нашимъ владыкой патріархомъ въ сопровожденіи великаго множества пѣшихъ ратниковъ съ ружьями, которые шли впереди и позади. Мы въѣхали на дворцовый дворъ. Улицы и дороги и все открытое пространство внутри дворца были биткомъ набиты толпами народа. Мы вошли въ церковь, облачились и облачили нашего владыку патріарха и митрополита, которые стали на свои мѣста. Сошелъ господарь и сталъ на своемъ господарскомъ мѣстѣ. Нашъ владыка патріархъ благословилъ его и поздравилъ съ восшествіемъ на престолъ, тотъ сдѣлалъ поклонъ и поцѣловалъ его правую руку. Господарь Матвѣй не зналъ никакого другого языка кромѣ валашскаго, этотъ же знаетъ валашскій и греческій языки, турецкій языкъ краснорѣчія и венгерскій. Не было надобности въ драгоманѣ между нашимъ владыкой патріархомъ и имъ, такъ какъ мы въ теченіе этого времени вполнѣ научились по-гречески при бесѣдахъ съ греками, ибо большинство жителей Валахіи и Молдавіи и всѣ купцы были греки. Затѣмъ всѣ вельможи собрались въ церковь, а военные начальники, капитаны, полковники, сотники и прочіе чины войска во дворецъ. Поставили въ церкви два аналоя, одинъ передъ правымъ подсвѣчникомъ, другой передъ лѣвымъ, покрыли ихъ пеленой и на каждый положили драгоцѣнное позолоченное евангеліе и золотой крестъ. Нашъ владыка патріархъ сталъ передъ правымъ аналоемъ, а митрополитъ города подлѣ другого. Тогда начали приносить присягу всѣ вельможи и дворцовые чины. У каждаго аналоя стоялъ *грамматикосъ* (секретарь), держа въ рукахъ исписанную бумагу. Сначала подходили высшіе сановники: они клали руку на святое евангеліе и честной крестъ, причемъ секретарь читалъ по бумагѣ: „вы клянетесь этимъ святымъ евангеліемъ и этимъ честнымъ крестомъ быть съ киръ Константиномъ воеводой, сыновъ Щербаня во-

еводы, одной души и одного мнѣнія, подчиняясь ему, соглашаясь съ нимъ, дѣйствуя прямодушно и въявѣ и втайнѣ, не скрывая отъ него какой-либо злой тайны, во всѣ дни жизни его и вашей, не измѣнять ему и не продавать его". При каждомъ словѣ они говорили: „да". „Когда вы измѣните ему или продадите его и не будете съ нимъ прямодушны, то будете отлучены и отвержены отъ Св. Троицы и отъ семи святыхъ соборовъ устами владыки патріарха киръ Макарія Антіохійскаго: что постигло стѣны Іерихона, Содомъ и Гоморру, Іуду и Арія, то же постигнетъ васъ и ваша доля будетъ съ Анной, Каіафой и распявшими Христа". Они же при каждомъ словѣ говорили: „аминь, аминь". Потомъ всѣ цѣловали правую руку нашего владыки патріарха и шли къ господарю, стоявшему на тронѣ, цѣловали его правую руку и полу одежды и уходили. Тоже сдѣлалъ и митрополитъ. Вельможи государства продолжали подходить. Затѣмъ послѣдовали служащіе при господарѣ и дворцовые служители, потомъ придворные пѣвчіе, всѣ по своимъ степенямъ: они давали присягу отъ всего сердца, „едиными усты". Послѣ того подходили военные начальники: во главѣ ихъ старшій сердарь, за нимъ ага, т.-е. ага сеймановъ, потомъ капитанъ, за коимъ слѣдовали прочіе капитаны и сотники войска по своимъ степенямъ; каждый капитанъ подходилъ со своимъ отрядомъ, а каждый сотникъ со своей сотней. Подъ конецъ всѣ они цѣловали правую руку у нашего владыки патріарха, а у господаря правую руку и полу платья и уходили. Такъ продолжалось почти до полудня. Только часть войска (да благословитъ его Богъ!) успѣла подойти, а мы уже чувствовали недовольство и скуку и чуть не умирали отъ стоянія на ногахъ, пока Богъ не послалъ намъ облегченіе, ибо присяга остальныхъ была отложена до завтрашняго и послѣдующихъ дней. Съ той минуты, какъ господарь возсѣлъ на престолъ, онъ тотчасъ разослалъ каларашей, т.-е. гонцовъ, возвѣстить всему государству о своемъ восшествіи. Твоимъ взорамъ, читатель, представились бы тысячи народа, ежедневно приходившаго въ теченіе сорока дней (для принесенія присяги); всѣ игумены, священники, монахи, даже епископы являлись съ дарами поздравить новаго господаря. Войско приводилось къ присягѣ въ теченіе долгаго времени. Наконецъ это наскучило. Тогда господарь послалъ новаго сердаря, который съ своимъ войскомъ обошелъ всѣ области и всѣхъ привелъ къ присягѣ, ибо—да будетъ благословеніе Божіе надъ владѣніями господаря Валахіи!—ихъ болѣе 400.000 домовъ.

ГЛАВА X.

Тырговиштъ.—Похороны господаря Матвѣя.

Мы вышли изъ церкви для отпѣванія скончавшагося господаря Матвѣя. На дворцовой площадкѣ воздвигли большую палатку и поставили кресло для господаря, около него съ лѣвой стороны другое для нашего владыки патріарха и еще одно для митрополита. На этой же лѣвой сторонѣ стали прочіе присутствовавшіе епископы, а также игумены, священники, дьяконы и монахи, коихъ число было, можетъ быть, до тысячи. Вельможи образовали большой кругъ, а остальная часть площадки была занята войскомъ подъ ружьемъ и народомъ. Затѣмъ пригласили нашего владыку патріарха и насъ съ нимъ, и мы поднялись для совершенія молитвъ надъ саваномъ усопшаго въ сопровожденіи новаго господаря. Мы нашли усопшаго положеннымъ на столѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ давалъ пиры при торжествахъ: лицо его было открыто по ихъ обыкновенію, онъ былъ облаченъ въ царское одѣяніе изъ тонкой парчи съ дорогимъ соболемъ, съ петлицами и серебряно-вызолоченными пуговицами. На головѣ его былъ дорогой соболій колпакъ. Весь онъ былъ покрытъ съ головы до ногъ бѣлымъ атласомъ на подобіе савана съ (вытисненнымъ) изъ золота крестомъ. Вокругъ стояли свѣчи. Жены вельможъ плачутъ и рыдаютъ надъ нимъ. Нашъ владыка патріархъ, окадивъ его, прочелъ надъ нимъ молитву (возложенія) савана и другія молитвы. Мы пошли впереди; его положили на носилки и понесли на дворъ, гдѣ поставили посрединѣ подъ палаткой. Господарь сталъ на своемъ тронѣ. Роздали большія свѣчи: сначала господарю, потомъ нашему владыкѣ патріарху, митрополиту, игуменамъ, священникамъ, монахамъ и бѣднымъ, затѣмъ вельможамъ и всѣмъ присутствующимъ безъ исключенія, такъ что все окружающее замелькало отъ яркаго свѣта. Тогда я, архидіаконъ антіохійскій, взявъ кадильницу, кадилъ нашему владыкѣ патріарху, возглашая: „благослови Владыко“, а потомъ онъ окадилъ вокругъ носилокъ усопшаго, говоря: „благословенно“... Пѣвчіе начали службу пѣніемъ „помилуй мя Боже“ и Блаженнъ; за симъ слѣдовалъ пасхальный канонъ, спѣтый на одномъ клиросѣ по-гречески, на другомъ по-валашски. Патріархъ кадилъ господарю, митрополиту, священникамъ, вельможамъ и прочимъ предстоящимъ и вторично усопшему, перекрестилъ по обыкновенію чело и, возвратившись, сталъ на свое мѣсто. Въ концѣ первой „Слава“ изъ Блаженнъ я произнесъ: „помилуй мя Боже, по велицѣй милости Твоей, молимъ Тя, услыши и помилуй. Еще молимся о упокоеніи души раба Божія

государя христолюбиваго, Матѳія воеводы, о еже отпустити ему согрѣшенія вольная и невольная", до конца. Нашъ владыка патріархъ сказалъ первый возгласъ. По обыкновенію кадилъ митрополитъ, потомъ епископы своими кадильницами, затѣмъ пастоятели монастырей, и всякій разъ, какъ дьяконъ говорилъ: „помилуй мя Боже", тотъ, кто кадилъ, произносилъ возгласъ. Такъ продолжалось до евангелія, которое нашъ владыка патріархъ прочелъ, подойдя къ покойнику, причемъ всѣ жены вельможъ стали на колѣна. Потомъ онъ прочелъ надъ нимъ разрѣшительную молитву, послѣ чего началось прощаніе: нашъ владыка патріархъ поцѣловалъ его, затѣмъ митрополитъ, потомъ господарь, котораго плачъ былъ смѣшанъ съ радостью; послѣ того прощались епископы и священники попарно, коимъ всѣмъ роздали обильную милостыню въ платкахъ. Затѣмъ подходили, плача, сановники и прочіе знатные люди попарно. Послѣ того понесли усопшаго и обошли съ нимъ вокругъ церкви, причемъ священники шли по старшинству попарно, внесли его во второй нарѳексъ церкви и погребли напротивъ его супруги домины и сына. Нашъ владыка патріархъ вторично прочелъ надъ нимъ разрѣшительную молитву, и его положили въ гробъ, украшенный какъ прилично царямъ. Мы освободились лишь незадолго передъ закатомъ солнца, изнемогая отъ усталости и стоянія. Насъ повели къ трапезѣ новаго господаря, который сѣлъ съ нашимъ владыкой патріархомъ и пировалъ до вечера, былъ очень веселъ съ нимъ и роздалъ намъ почетныя платья. Мы съ большой пышностью, еще лучше прежней, вернулись въ свой монастырь въ господаревомъ экипажѣ въ сопровожденіи солдатъ, скороходовъ и пѣвчихъ.

ГЛАВА XI.

Тырговиштъ.—Описаніе чина крестнаго хода по четвергамъ въ Валахіи.

Послѣ того какъ мы уже рѣшились отправиться въ путь, новый господарь просилъ нашего владыку патріарха сдѣлать милость пробыть у него еще мѣсяцъ, обѣщая ему лишнюю милостыню, ибо полюбилъ его чрезвычайно, во время его присутствія сдѣлавшись господаремъ. Подарки господаря, въ видѣ разнаго съѣстного, не прерывались ни на одинъ день, помимо того, что было назначено намъ при жизни умершаго господаря.

Утромъ въ первый четвергъ со времени своего вступленія на престолъ, онъ приступилъ къ совершенію *литаніи*, т.-е. крестнаго хода за городомъ, по обычаю господарей. За нами онъ прислалъ экипажъ въ сопровожденіи многихъ ратниковъ. Мы вошли въ церковь, облачились и надѣли архіерейское облаченіе на нашего владыку патріарха.

Онъ вошелъ въ алтарь и окадилъ вокругъ престола, поя „Христосъ воскресе“. Начали пасхальный чинъ, и пѣвчіе продолжали его внѣ алтаря по обыкновенію, послѣ того какъ нашъ владыка патріархъ окадилъ господаря и предстоящихъ. Затѣмъ слѣдовало „Воскресенія день“ до большой ектеніи, которую я сказалъ, поминая имя новаго господаря. Потомъ начали канонъ пріятнымъ напѣвомъ по нотамъ. Мы вышли изъ церкви, причемъ войско стояло въ полномъ парадѣ. Господарь и нашъ владыка патріархъ шли вмѣстѣ, а впереди ихъ всѣ священники городскіе попарно въ облаченіяхъ и съ крестами. Большой колоколъ гудѣлъ съ вечера и до сихъ поръ, какъ знакъ для сбора священниковъ и народа къ этому событію. Церковныя хоругви съ крестами двигались впереди всѣхъ попарно, и шелковыя знамена, также съ крестами, были безчисленны. Солдаты тысячами и сотнями тысячъ въ полномъ вооруженіи, скороходы и государственные сановники шествовали впереди господаря и нашего владыки патріарха, а я, держа въ рукѣ трикирій, шелъ подлѣ нихъ. Мы вышли изъ дворца, направляясь къ текущимъ чрезъ городъ рѣкамъ, и прошли по деревянному очень длинному мосту [1]. Мы шли медленнымъ шагомъ. Пѣвчіе пѣли по-гречески и по-валашски канонъ и другія пѣснопѣнія по нотамъ. Мы пришли къ обширному зеленому лугу: на этой недѣлѣ снѣгъ на немъ растаялъ и показалась трава. Для господаря былъ поставленъ тронъ, на который онъ и сталъ, а для нашего владыки патріарха другой, посрединѣ же родъ большого покрытаго аналоя, на который поставили чаши, серебряный тазъ и кувшинъ съ водой. Я кадилъ нашему владыкѣ патріарху, произнося: „благослови Владыко!“ а онъ окадилъ вокругъ воды, говоря: „благословенно...“ затѣмъ кадилъ господарю и прочимъ предстоящимъ, ибо вельможи образовали большой кругъ, а знамена и хоругви размѣщались въ рядъ позади нихъ, священники же стояли передъ нимъ кругомъ. Пѣвчіе начали канонъ малаго водосвятія. Нашъ владыка патріархъ прочелъ евангеліе, а я сказалъ ектенію. Потому для нашего владыки патріарха постлали коверъ передъ водой, а другой коверъ передъ тономъ господаря. Нашъ владыка сталъ на колѣна, и весь народъ склонился къ землѣ и прежде всѣхъ господарь. Нашъ владыка патріархъ прочелъ молитву о дождѣ по ихъ обычаю, а потомъ молитву на освященіе воды. При словахъ: „спаси, Господи, нашихъ благовѣрныхъ царей“, онъ говорилъ: „спаси,

[1] Въ англійскомъ переводѣ прибавлено здѣсь: „мы прослѣдовали на разстояніе, какъ между Алеппо и Айнъ Аттилемъ или почти какъ между Дамаскомъ и Кабономъ“.

Боже, раба Твоего, христолюбиваго государя Іоано Константина воеводу." Затѣмъ всѣ встали. Владыка трижды погрузилъ крестъ въ воду при пѣніи пѣвчими „во Іорданѣ" и кропилъ на всѣ четыре стороны. Когда онъ окропилъ господаря и далъ ему поцѣловать крестъ, солдаты выпалили изъ ружей. Потомъ онъ окропилъ присутствующихъ священниковъ, вельможъ и приближенныхъ лицъ. Мы возвращались при пѣніи пѣвчихъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, пока не вступили во дворецъ, гдѣ сняли свои облаченія. Господарь повелъ нашего владыку патріарха къ трапезѣ. Въ этотъ день пролился обильный дождь. Господарь въ этотъ день, во время хода туда и обратно, роздалъ множество монетъ *банатъ* (бани) войску, бѣднымъ и тѣмъ, кто подносилъ ему подарки, ибо со времени выхода нашего изъ дворца до возвращенія въ него сначала являлись женщины и разстилали передъ господаремъ куски полотна, на которые онѣ сыпали пшеницу, ячмень и другіе зерновые хлѣба, по ихъ обычаю, такъ какъ это было начало новаго года и (вступленіе) новаго господаря. Камарашъ, т.-е. казначей, бывшій подлѣ господаря, бросалъ на полотно монеты бани, которыя женщины собирали и уходили. Другіе подносили ему въ даръ прежніе колосья пшеницы, иные—яблоки, иные—груши, иные—бѣлые цвѣты и зеленыя древесныя вѣтви, иные—лимоны и померанцы, иные—яйца, иные—куръ, гусей и утокъ, иные—рыбу, иные—маленькихъ ягнятъ, иные—козлятъ, иные закалывали передъ нимъ барана и всѣмъ имъ камарашъ раздавалъ монеты горстями. Вечеромъ господарь одѣлилъ священниковъ и насъ почетными платьями, кусками атласа и камки, а государственныхъ сановниковъ шелковой матеріей, бархатомъ и парчей, и мы возвратились съ большимъ почетомъ въ каретѣ въ свой монастырь.

ГЛАВА XII.

Тырговиштъ. — Соляныя копи. Рудники. Посольство въ Стамбулъ. Праздникъ Вознесенія.

Знай, что въ странахъ валаховъ и молдаванъ есть рудники соли, которую выламываютъ въ видѣ большихъ камней въ горахъ и пещерахъ подъ землею. Она похожа на черный алеппскій камень, но, будучи обращена въ порошокъ, становится подобна снѣгу. Женщины продаютъ ее на рынкахъ всегда въ порошкѣ. Выламывать ее очень трудно. Всякаго, на кого прогнѣваются эти господари, ссылаютъ выламывать соль: это вещь общеизвѣстная. Въ этой странѣ валаховъ есть превосходный рудникъ мѣди, которую добываютъ изъ очень глубокихъ колодцевъ подъ землею въ видѣ черныхъ камней, и изъ нихъ

выработываютъ очень хорошую мѣдь. Здѣсь есть также много золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, но ихъ скрываютъ изъ боязни турокъ и увеличенія податей. Но домина, супруга господаря, имѣетъ обыкновеніе ежегодно брать съ нѣкоторыхъ лицъ по тысячѣ червонцевъ арендной платы за то, что они добываютъ золото изъ рѣкъ Тырговишта: это вещь хорошо извѣстная.

Митрополитъ города былъ въ отсутствіи, потому что господарь отправилъ его посломъ къ силистрійскому пашѣ Сіявушу, который раньше былъ визиремъ, умертвилъ султаншу—валидэ, Бекташъ—агу и иныхъ, и потому его смѣстили и дали ему силистрійскій пашалыкъ, составляющій очень большую область. Онъ имѣетъ надзоръ надъ господарями Молдавіи и Валахіи и ни одна просьба не отправляется въ Константинополь, какъ только чрезъ него и съ его согласія. Господарь послалъ въ Константинополь нѣсколькихъ изъ своихъ сановниковъ привезти ему тронъ и знамя по обычаю господарей. Они отправились, взявъ съ собою просьбу, подписанную, во-первыхъ, рукою митрополита, затѣмъ епископами и всѣми настоятелями монастырей съ приложеніемъ печатей, а также вельможами и прочими подданными: „мы согласились признать Константина, сына Щербаня воеводы, и поставили его господаремъ надъ собой.“ Когда они пріѣхали въ Стамбулъ, его величество султанъ (да хранитъ его Богъ!) далъ свое согласіе, равно визирь Дервишъ Мохаммедъ паша и сановники. Тогда постарались удовлетворить ихъ за наслѣдство умершаго господаря Матвѣя, а также за возшествіе на престолъ новаго господаря и за новую казну тысячью пятью стами кошельковъ, или 750.000 піастровъ, и тѣ дали имъ тронъ и знамя, отправивъ съ ними капиджи для сбора этихъ денегъ. Радостную вѣсть объ этомъ прислали господарю и тогда тотчасъ стали палить изъ пушекъ и устроили большое торжество. Господарю нужно было уплатить пашѣ силистрійскому и его приближеннымъ, а также хану татарскому и его приближеннымъ, еще 250.000, (а всего) полный милліонъ, т.-е. 10 разъ сто тысячъ [1]. Онъ роздалъ войску въ подарокъ тройное жалованье и простилъ всѣмъ подданнымъ недоимки и подати за шесть мѣсяцевъ. Но богатства, оставленныя умершимъ господаремъ, были очень велики, помимо каменныхъ оштукатуренныхъ домовъ, полныхъ (всякимъ добромъ) до потолковъ. Однако и расходы въ Валахіи весьма велики, какъ говорилъ при жизни умершій господарь нашему владыкѣ патріарху. „Намъ нужно, сказалъ онъ, въ годъ количество равное казнѣ, получаемой изъ Египта, а именно

[1] Въ подлинникѣ ошибочно сказано: „10 разъ милліонъ“.

600.000 золотыхъ: туркамъ, татарамъ, на содержаніе войска, на подарки, благотворительныя дѣла и пр.“

Въ воскресенье Самаряныни, съ коимъ совпалъ праздникъ св. Георгія, послѣ того какъ господарь, по ихъ обыкновенію, совершилъ крестный ходъ къ церкви св. Георгія, находящейся внѣ города, пришло извѣстіе, что пріѣхалъ митрополитъ города и съ нимъ великій ага отъ паши силистрійскаго. Это обстоятельство заставило господаря выѣхать имъ навстрѣчу съ очень большой свитой.

Въ воскресенье Слѣпого нашъ владыка патріархъ поѣхалъ въ каретѣ къ господарю, чтобы съ нимъ попрощаться, но тотъ не далъ ему разрѣшенія отправиться въ путь. Тогда мы вмѣстѣ съ нимъ сошли въ его церковь къ литургіи. По окончаніи службы онъ поручилъ нашему владыкѣ прочитать надъ всѣми вельможами, бывшимъ на лицо народомъ и отсутствующими жителями валашской страны разрѣшительныя молитвы, что онъ и исполнилъ. Затѣмъ насъ опять повели къ трапезѣ. Вечеромъ мы возвратились въ свой монастырь.

Въ ночь на вторникъ 25 апрѣля скончался Богомъ помилованный священникъ Сулейманъ (Соломонъ), сынъ Аз-Захра, нашъ спутникъ, дамаскинецъ, отъ той же болѣзни, какою мы страдали въ Молдавіи, именно отъ перемѣннаго озноба и жара, который постигалъ насъ два или три раза въ день, въ особенности во время холодовъ и морозовъ [и по ночамъ]. Мы были не въ состояніи исцѣлиться, ибо не было ни доктора, ни лѣкаря, ни (цѣлебныхъ) напитковъ, ни помощника кромѣ Бога, а въ особенности потому, что вся вода въ этомъ городѣ была скверная и вредная. Мы совсѣмъ перестали ѣсть, но выпивали глотокъ воды по утрамъ въ тѣ горькіе дни, по той причинѣ, что у насъ горѣли внутренности. Мы готовы были душу отдать за одинъ гранатъ, пока не нашли привозныхъ изъ Румеліи, по $^1/_4$ реала за пару. Мы покупали око миндалю за $1^1/_2$ піастра, а око сахара за 2 реала. Вслѣдствіе этого мы терпѣли тяжкія страданія. Когда скончался помилованный Богомъ (нашъ спутникъ), во мнѣ, пишущемъ эти строки, возобновились боли, страхъ и трепетъ. Мы похоронили его въ (своемъ) монастырѣ: были устроены прекрасныя похороны, лучше чѣмъ у валаховъ, съ обильной раздачей денегъ.

Наканунѣ четверга Вознесенія митрополитъ города прислалъ приглашеніе нашему владыкѣ патріарху рано утромъ отслужить обѣдню въ его церкви, что во имя Вознесенія, какъ мы объ этомъ упомянули выше. Поутру онъ прислалъ ему свой экипажъ, въ которомъ мы и отправились. Всѣ мы облачились. Когда прибылъ господарь, нашъ владыка патріархъ вышелъ къ нему навстрѣчу за врата церковныя

и окропилъ его святой водой. Пріѣхала также домина. Послѣ обѣдни мы вышли къ трапезѣ, за которую сѣлъ господарь и подлѣ него нашъ владыка патріархъ, а всѣ вельможи сидѣли въ лѣтней столовой, выходящей въ садъ. Домина и бывшія съ нею жены вельможъ помѣстились во внутренней столовой, а солдаты и народъ въ саду сидѣли рядами подъ орѣховыми деревьями и имъ подавали вино въ боченкахъ. Увеселители, барабанщики, флейтисты, трубачи, тамбуринисты, арфисты и пѣвцы турецкіе, вмѣстѣ съ шутами, сидѣли подъ навѣсами столовой въ саду, чтобы ихъ могъ видѣть господарь. Это былъ великій день, какіе можно сосчитать въ жизни. Къ вечеру встали изъ-за стола и пошли въ церковь, гдѣ отстояли вечерню. Затѣмъ нашъ владыка патріархъ шествовалъ впереди господаря, пока не благословилъ при выходѣ его и вельможъ, а также домину и женъ вельможъ, которыя заняли шесть каретъ. Мы простились съ митрополитомъ и въ (томъ же) экипажѣ возвратились въ свой монастырь. Господарь опять не далъ нашему владыкѣ патріарху дозволенія уѣхать въ этотъ день.

На другой день четверга Вознесенья была трапеза для епископовъ и настоятелей монастырей Валахіи.

Что касается прежняго спаѳарія, т. е. сердаря войскъ, то по возвращеніи его изъ своихъ помѣстій господарь оказалъ ему большой почетъ и возобновилъ ему жалованье, одаривъ его почетнымъ платьемъ. Впослѣдствіи, узнавши, что онъ говоритъ неприличныя слова по своей обычной гордости, высокомѣрію и тщеславію, господарь его призвалъ и отставилъ отъ начальствованія, назначивъ другого на его мѣсто новымъ спаѳаріемъ. Потомъ онъ намѣревался его казнить, но за него ходатайствовали, и господарь велѣлъ разрѣзать ему носъ и тѣмъ уничтожилъ его хвастовство. „Какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить и прибавятъ“, какъ сказано въ св. евангеліи, ибо дядя его, господарь Матвѣй, нѣкогда велѣлъ разрѣзать носъ этому Константину въ его дѣтствѣ, такъ какъ онъ былъ сынъ господаря. Въ этихъ странахъ обыкновенно тотъ, у кого разрѣзанъ носъ, остается отверженнымъ и не можетъ сдѣлаться господаремъ. Но у Константина съ теченіемъ времени разрѣзъ носа сросся и сталъ непримѣтнымъ. Точно также новый господарь Молдавіи Стефанъ, взявъ въ плѣнъ сына господаря Василія и мать его, немедленно разрѣзалъ ему носъ, чтобы онъ не могъ сдѣлаться господаремъ. Но кто знаетъ?

Въ этомъ городѣ Тырговиштѣ есть хорошая турецкая баня съ куполами, на берегу рѣки, на которой устроено подъемное колесо, поднимающее воду въ баню. Въ ней два отдѣленія: одно для мужчинъ, гдѣ есть купальня, другое для женщинъ. Средняя комната слу-

житъ для раздѣванія мужчинъ и женщинъ; отсюда уходятъ мужчины въ свое отдѣленіе, женщины въ свое, такъ какъ двери смежны. Топятъ бани отъ Константинополя до сихъ мѣстъ дровами, а не помётомъ. Баня пожертвована въ собственность монастыря св. Николая.

ГЛАВА XIII.

Тырговиштъ.—Отъѣздъ. Монастырь въ Филиппешти.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ воскресенье Пятидесятницы господарь былъ занятъ, а потому мы слушали обѣдню въ своемъ монастырѣ. По окончаніи ея, безъ перерыва, также (какъ у насъ) совершили службу съ колѣнопреклоненіемъ, при чемъ нашъ владыка патріархъ прочелъ молитвы по обыкновенію по-арабски и по-гречески.

Въ пятницу послѣ Пятидесятницы нашъ владыка патріархъ отправился попрощаться съ господаремъ. Оставшись наединѣ съ нимъ и съ доминой, онъ далъ имъ разрѣшительныя граматы, послѣ того какъ мы надѣли на него епитрахиль и омофоръ: оба они простерлись на землю и онъ прочелъ надъ ними эти граматы. Господарь прислалъ ему милостыню, ранѣе обѣщанную. Въ это время мы уже приготовили, занимаясь этимъ съ Пасхи до сихъ поръ, все необходимое для дороги, какъ приличествуетъ въ этихъ странахъ путешествующимъ патріархамъ и даже епископамъ. Мы истратили около 600 піастровъ на пріобрѣтеніе 21 лошади и 5 экипажей, по 4 лошади для каждаго, съ ихъ принадлежностями, упряжью, сѣдлами и всѣмъ необходимымъ для экипажей. Карета нашего владыки патріарха стоила 70 піастровъ, считая стоимость ея желѣзныхъ принадлежностей, покрытіе кожей, суконныя покрывала и пр. Теперь у насъ было 15 служителей, изъ коихъ большая часть были плѣнные казаки и московиты, которые бѣжали и были захвачены господаремъ Матвѣемъ при ихъ пораженіи, но освобождены нашимъ владыкой патріархомъ.

Въ воскресенье Всѣхъ Святыхъ мы простились съ церковью нашего монастыря, а въ понедѣльникъ, начало Петрова поста, поутру мы смотрѣли, какъ его свѣтлость господарь отправился съ большимъ поѣздомъ въ лѣтнюю резиденцію господарей, городъ Бухарештъ, со всѣми своими вельможами и ихъ женами, для встрѣчи тамъ знамени и трона, которые везли отъ султана. Въ половинѣ этого дня, 22 числа мѣсяца мая, мы выѣхали изъ Тырговишта, послѣ того какъ простились съ церковью и владыка патріархъ прочелъ всѣмъ монахамъ и купцамъ разрѣшительныя молитвы. Насъ провожали за городъ. Нашими спутниками были семь настоятелей монастырей страны валашской, которые направлялись въ московское государство. Мы при-

были къ горѣ и лѣсу, труднопроходимымъ по причинѣ обилія дождей и потоковъ, которые были такъ сильны въ эти дни, что вода въ рѣкахъ чрезвычайно поднялась.

Во вторникъ утромъ мы пріѣхали въ монастырь св. Николая, извѣстный подъ именемъ монастыря постельника кириъ Константина, который былъ нашимъ пріятелемъ. Говорятъ, что онъ потомокъ Кантакузеновъ, царей греческихъ, любитъ творить добрыя дѣла и милостыню, любитъ нашъ народъ и нашъ арабскій языкъ: онъ находилъ большое удовольствіе въ нашемъ чтеніи. Господарь кириъ Константинъ ему родственникъ. Когда онъ сдѣлался новымъ господаремъ, этотъ постельникъ, его родственникъ, получилъ для своего единственнаго сына должность камараша, т. е. великаго казначея, и, отказавшись отъ своей должности, жилъ у себя дома въ удаленіи отъ дѣлъ. Это было дѣйствіемъ его обширнаго ума, ибо постельникъ есть только служащій, который долженъ стоять (при господарѣ), но онъ сдѣлался средоточіемъ власти и управлялъ всѣми дѣлами господарства: всѣ вельможи являлись къ нему на домъ просить совѣта и каждое утро онъ водилъ ихъ къ господарю. Ничто не дѣлалось безъ его совѣта. Онъ очень любилъ творить добрыя дѣла и былъ самымъ близкимъ нашимъ другомъ. Онъ вновь выстроилъ этотъ монастырь, архитектура котораго приводитъ въ изумленіе зрителя. Церковь его, съ двумя высокими куполами, крытыми жестью, имѣетъ три алтаря, каждый съ красивымъ куполомъ. Передъ вратами ея есть круглый обширный куполъ со многими арками, подъ коими посрединѣ находится бассейнъ воды съ высокимъ фонтаномъ. Вода проведена издалека постельникомъ, который одинъ въ этой странѣ придумалъ устраивать водоемы, т. е. бассейны. По окружности этого купола изображено ἐπὶ Σοὶ χαίρει Κεχαριτωμένη πᾶσα (о Тебѣ радуется, Благодатная, всякая....) въ разнообразныхъ видахъ, а также „Хвалите Господа съ небесъ“ со всѣми породами животныхъ и звѣрей вселенной, морскихъ и земныхъ, „хвалите Бога во святыхъ Его“: дѣвы пляшутъ, судьи, старцы, юноши, тимпаны, флейты и пр.—предметы изумительные для ума, работы искуснаго мастера, того самаго, который расписывалъ монастыри Василія, воеводы молдавскаго. Вся работа на стѣнахъ съ золотомъ. Смотря на его работу на доскахъ, удивляешься яркости живописи, но на стѣнахъ она еще лучше. На верху того же купола изображенъ Господь нашъ Христосъ, окруженный девятью чинами ангельскими. На вратахъ церкви съ одной стороны есть изображеніе Господа Христа, а съ другой—св. Дѣвы, (наведенное) чистымъ золотомъ. Входятъ въ церковь по высокой лѣстницѣ. Дверь вся позолочена. Вся внутрен-

ность церкви и даже верхи куполовъ и потолки росписаны вновь. Есть полное изображеніе всѣхъ семи соборовъ, изображеніе Господа Христа, ведущаго верховое животное съ человѣкомъ, который впалъ въ руки разбойниковъ: какъ Онъ привезъ его въ гостинницу, разговариваетъ съ хозяиномъ ея въ присутствіи раненаго и какъ Онъ возливаетъ масло и вино. Что касается иконостаса, тяблъ и иконъ, то они не имѣютъ подобныхъ, кромѣ какъ въ монастыряхъ Василія. Колокольня поражаетъ умъ разнообразіемъ наружныхъ орнаментовъ изъ извести: подумаешь, что они сдѣланы не изъ иного чего, какъ изъ цвѣтного и бѣлаго мрамора и мозаики разныхъ видовъ и цвѣтовъ. Она (отчасти) круглой постройки, отчасти восьмиугольная, и наверху ея восемь арокъ, гдѣ висятъ колокола.

Въ монастырѣ есть другая красивая новая церковь, а въ ряду галлерей, при келліяхъ монастыря, есть еще третья. Трапеза помѣщается близъ церкви, въ верхнемъ этажѣ и возвышается надъ монастыремъ и лѣсомъ. Она длинная, обширная, со многими окнами стекляннымъ и вся кругомъ росписана подходящими изображеніями. Въ концѣ ея на всей стѣнѣ изображенъ страшный судъ; на трехъ другихъ стѣнахъ кругъ неба и земли: Творецъ—да возвеличится имя Его!—въ моментъ творенія, Адамъ, Ева, выходящая изъ бока его во время сна; всѣ животныя, хищные звѣри, птицы, деревья, плоды и произрастенія земныя и все прочее; какъ Ева берстъ плодъ и даетъ Адаму, какъ они покрываютъ себя листьями смоковницы, какъ изгоняются на землю, и херувимъ стоитъ съ пламеннымъ мечомъ; какъ ангелъ учитъ Адама копать землю желѣзной лопатой и пр. На другихъ стѣнахъ нарисовано изображеніе блуднаго сына, вопервыхъ, когда онъ, взявъ свою долю имущества отъ отца, отправился путешествовать, вовторыхъ, когда онъ охваченъ страстью къ блудницамъ, въ третьихъ, когда онъ пасетъ свиней и пьетъ воду изъ дождевой лужи, въ четвертыхъ, когда онъ приходитъ къ отцу въ своей жалкой одеждѣ: какъ отецъ радостно его принимаетъ и надѣваетъ на него царскую одежду и перстень на правую руку, какъ закалываетъ откормленнаго теленка, а его старшій братъ стоитъ за дверьми и спрашиваетъ о немъ. Нарисовано также изображеніе трапезы богатаго и Лазаря: тотъ ѣстъ и пьетъ въ удовольствіи и веселіи, а Лазарь лежитъ и собаки лижутъ его раны; а также: богачъ въ геенѣ огненной, держа палецъ во рту, обращается къ Аврааму, а Лазарь на лонѣ Авраама въ раю. Есть и другія изображенія пировъ.

Монастырь построенъ среди горъ и лѣсовъ, и въ прудахъ, его окружающихъ, ловится много рыбы. Мы пробыли въ немъ часъ.

Пріѣхали въ селеніе, принадлежащее упомянутому постельнику, по имени *Филіешти* (Филипешти), весьма цвѣтущее. Въ немъ много рѣчекъ и садовъ. Мы вошли въ церковь въ честь Успенія Богородицы, которую построилъ вновь тотъ же постельникъ. Она имѣетъ нарѳексъ съ наружными галлереями и всѣ стѣны ея росписаны изображеніями работы того же мастера: всѣ мученія св. Георгія, семь братьевъ спящихъ въ пещерѣ, мѣдный быкъ, въ которомъ нѣсколько мучениковъ, и палачи разводятъ подъ ними огонь; изображенъ св. Игнатій, брошенный львамъ, и другіе мученики, которымъ надѣваютъ желѣзные раскаленные сапоги желѣзными крючками, и прочее, о чемъ долго разсказывать.

Выйдя изъ церкви, мы остановились во дворцѣ постельника, который состоитъ изъ княжескихъ построекъ, поражающихъ умъ изумленіемъ и лучше городскихъ зданій. Есть тамъ красивая баня изъ превосходнаго мрамора: вода доставляется туда колесами, устроенными на рѣкѣ; она же орошаетъ фруктовые сады и великолѣпные цвѣтники и вертитъ многочисленныя мельницы. Есть тамъ дома совершенно одинаковые со стамбульскими постройками, ибо всѣ вельможи Валахіи имѣютъ помѣстья съ превосходными зданіями. У каждаго изъ нихъ непремѣнно есть домъ и большой монастырь со многими угодьями, и каждый старается превзойти другого красотою архитектуры своихъ сооруженій. Этимъ они очень гордятся. Когда кто изъ нихъ бываетъ отставленъ отъ должности, то поселяется въ своемъ дворцѣ и помѣстьѣ на всю жизнь, имѣя монастырь вблизи себя.

Мы выѣхали отсюда въ среду и въ полдень прибыли въ большой базаръ, по имени Плоешти, а вечеромъ въ Бузео, мѣстопребываніе епископа, въ пятницу вечеромъ въ Рымникъ.

ГЛАВА XIV.

Проѣздъ чрезъ Молдавію.—Прутъ.

Накапунѣ второго воскресенья по Пятидесятницѣ мы прибыли въ Фокшаны и переѣхали на сторону Молдавіи. Въ то же воскресенье передъ закатомъ солнца мы переѣхали рѣку Серетъ на судахъ и ночевали близъ нея въ большой деревнѣ. Въ понедѣльникъ въ полдень прибыли въ Текучъ и, выѣхавъ отсюда, вечеромъ остановились на ночлегъ въ деревнѣ, населенной греками, коихъ Василій въ свое время привелъ изъ Румеліи. Когда постигли ихъ случившіяся событія, враги ихъ молдаване ограбили ихъ и уничтожили. Во вторникъ въ полдень мы пріѣхали въ Бырладъ, а въ среду въ полдень въ Васлуй. Мы проводили ночь въ полѣ ради пастьбы животныхъ, ибо лѣтомъ

во всѣхъ этихъ странахъ (да благословенъ будетъ Создатель!) все зеленѣетъ отъ случающихся обильныхъ дождей. Поутру въ четвергъ мы прибыли въ Скинтей, проѣхали чрезъ труднопроходимую гору и лѣсъ и вечеромъ остановились на ночлегъ близъ хелештеу монастыря Бырновскаго, т. е. великаго пруда близъ Яссъ. Въ пятницу утромъ мы въѣхали въ Яссы и остановились опять въ монастырѣ св. Саввы. Въ третье воскресенье по Пятидесятницѣ послѣ обѣдни господарь пригласилъ нашего владыку патріарха и мы поѣхали въ его экипажѣ къ трапезѣ, захвативъ съ собою еще третій подарокъ для него и для домины, его супруги. Они попрощались другъ съ другомъ. Господарь назначилъ намъ 11 человѣкъ каларашей, которые должны были проводить насъ по опаснымъ дорогамъ до границы.

Во вторникъ утромъ 6 іюня мы выѣхали изъ города, имѣя впереди себя упомянутыхъ ратниковъ, и чрезъ два часа переѣхали широкую рѣку *Зиза* (Жижа) по длинному деревянному мосту. Проѣхавъ еще два часа, мы переплыли на судахъ большую рѣку Прутъ. Она очень глубока и имѣетъ высокіе берега. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ рѣки расположена деревня, жители которой занимаются перевозомъ черезъ рѣку; имя ея *Титзура* (Цецора). Тутъ мы простились съ провожавшими насъ каларашами и передъ нами поѣхали другіе. Мы ѣхали до вечера по длинной и широкой степи, необитаемой и безводной, и ночевали подлѣ колодца. На другой день, вставъ на зарѣ, прибыли на вершину высокой горы и въ большой лѣсъ, откуда мы видѣли городъ Яссы. Мы остановились въ селеніи по имени *Миджашть*. Отсюда впереди насъ поѣхали опять другіе каларапи. Вечеромъ мы прибыли въ селеніе близъ лѣса, по имени *Браиджа*, составляющее жалованное помѣстье [1]. Переночевавъ здѣсь, выѣхали рано поутру и проѣзжали мимо огромнаго озера, называемаго *халиштау* (хелештеу), длиннаго и широкаго. Мы ѣхали его берегомъ около 4 часовъ и въ полдень прибыли въ городъ, извѣстный базаръ на концѣ озера, по имени *Орхай* (Оргѣевъ). Здѣсь епископская каѳедра, какъ мы о томъ упоминали. Мы проѣхали на тотъ конецъ города по деревянному шлюзу озера и по дорогамъ, сдѣланнымъ изъ связокъ хвороста, подъ коими текутъ протоки воды вертящихся мельницъ. Это мѣста и работы изумительныя для ума; они принадлежатъ къ числу шлюзовъ, которые устроилъ въ свое время господарь Василій на десяти озерахъ въ молдавской странѣ. Добываемая ежегодно изъ этого озера рыба

[1] Въ подлинникѣ: *тимаръ сипаһиси*. Владѣлецъ его былъ обязанъ отправлять на свой счетъ военную службу на конѣ.

продается на сумму въ 3000 золотыхъ. Тутъ есть также монастырь, построенный Василіемъ. Мы тронулись отсюда въ пятницу утромъ и въ полдень прибыли въ село, по имени *Трифешти*. Мы проѣзжали по этой странѣ съ большимъ страхомъ, трепетомъ и поспѣшностью, ибо (жители) постоянно твердили: „пришли казаки грабить насъ!“ и были въ непрестанномъ страхѣ. Отсюда мы прибыли въ селеніе *Сарко* (Сороки), гдѣ переночевали. Всѣхъ жителей этой страны отъ Молдавіи до сего мѣста забрали въ плѣнъ татары и пожгли ихъ жилища, появившись неожиданно во дни Василія, какъ мы о томъ упомянули, ибо граница ихъ страны (Богъ да разрушитъ ее!) отсюда недалеко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе переводчика..... III
Введеніе..... 1

КНИГА I.

Отъ Алеппо до Молдавіи.

Глава 1. Алеппо.—Антіохія.—Монастырь св. Симеона.—Беръ..... 4
Глава 2. Конія.—Монастырь св. Харитона..... 8
Глава 3. Брусса.—Мраморное море..... 10
Глава 4. Константинополь.—Пріѣздъ..... 14
Глава 5. Константинополь.—Патріаршая церковь..... 18
Глава 6. Константинополь.—Кумъ-Капу. Св. Софія..... 20
Глава 7. Константинополь.—Атъ-Мейданъ, или Гипподромъ..... 22
Глава 8. Константинополь.—Сераль. Сожженная колонна..... 24
Глава 9. Константинополь.—Сулейманіэ. Хасъ-Кёй. Окъ-Мейданъ..... 26
Глава 10. Константинополь.—Галата..... 27
Глава 11. Константинополь.—Пожаръ. Поѣздка въ Кумъ-Капу..... 28
Глава 12. Константинополь.—Махалле-Ассамата..... 30
Глава 13. Константинополь.—Семь Башенъ. Живоносный Источникъ..... 32
Глава 14. Константинополь.—Босфоръ. Терапія..... 33
Глава 15. Константинополь.—Служеніе въ Фанарѣ..... 35
Глава 16. Константинополь.—Отлученіе отъ церкви..... 37
Глава 17. Черное море..... 40
Глава 18. Болгарія..... 42

КНИГА II.

Молдавія.

Глава 1. Молдавія.—Галацъ..... 44
Глава 2. Молдавія.—Жилища и одежда..... 46
Глава 3. Молдавія.—Васлуй..... 47
Глава 4. Молдавія.—Скинтей..... 48
Глава 5. Молдавія.—Яссы. Въѣздъ патріарха въ городъ..... 49
Глава 6. Яссы.—Церковь св. Саввы..... 51
Глава 7. Яссы.—Пріемъ при дворѣ. Подарки..... 54

Глава 8. Яссы.—Монастырь Голія..... 56
Глава 9. Яссы.—Пиръ при дворѣ. Характеристика господаря... 59
Глава 10. Яссы.—Монастыри..... 62
Глава 11. Яссы.—Великій постъ. Съѣстные припасы..... 69
Глава 12. Яссы.—Служенія патріарха..... 74
Глава 13. Яссы.—Панихида и отпѣваніе..... 83
Глава 14. Яссы.—Возстаніе великаго логоѳета..... 86
Глава 15. Яссы.—Война. Прибытіе казаковъ въ Молдавію и пораженіе новаго господаря..... 91
Глава 16. Яссы.—Возвращеніе Василія..... 93
Глава 17. Яссы.—Выступленіе въ походъ. Служеніе патріарха..... 95
Глава 18. Яссы.—Неудача Василія..... 97
Глава 19. Яссы.—Троицынъ день. Монастырь св. Іоанна Новаго. Плоды.. 99
Глава 20. Яссы.—Окончательное пораженіе..... 100
Глава 21. Яссы.—Грабежъ..... 103
Глава 22. Яссы.—Вторичное прибытіе Тимоѳея съ казаками въ Молдавію.. 104
Глава 23. Молдавія.—Осада Сучавы. Смерть Тимоѳея..... 106
Глава 24. Молдавія.—Василій. Татары. Отъѣздъ патріарха..... 109
Глава 25. Молдавія.—Романъ..... 110

КНИГА III.

Валахія.

Глава 1. Валахія.—Бузео. Тырговиштъ..... 113
Глава 2. Тырговиштъ.—Дворецъ. Служенія въ дворцовой церкви..... 117
Глава 3. Тырговиштъ.—Праздникъ Богоявленія..... 121
Глава 4. Тырговиштъ.—Митрополичій домъ..... 124
Глава 5. Тырговиштъ.—Климатъ. Нравы и обычаи..... 127
Глава 6. Тырговиштъ.—Описаніе похороннаго обряда..... 128
Глава 7. Тырговиштъ.—Великій постъ. Чинъ умовенія ногъ. Святая недѣля..... 131
Глава 8. Тырговиштъ.—Кончина господаря Матвѣя..... 136
Глава 9. Тырговиштъ.—Описаніе чина поставленія новаго господаря.... 139
Глава 10. Тырговиштъ.—Похороны господаря Матвѣя..... 142
Глава 11. Тырговиштъ.—Описаніе чина крестнаго хода по четвергамъ въ Валахіи..... 143
Глава 12. Тырговиштъ.—Соляныя копи. Рудники. Посольство въ Стамбулъ. Праздникъ Вознесенія..... 145
Глава 13. Тырговиштъ.—Отъѣздъ. Монастырь въ Филипешти..... 149
Глава 14. Проѣздъ чрезъ Молдавію.—Прутъ..... 151

МУРКОСЪ Г. А.

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго **Г. Муркоса.** (По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). **Выпускъ первый.** (Отъ Алеппо до земли казаковъ). (Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1896 г. кн. IV, т. 179-й).

Москва, въ Университетской типографіи, 1896 г., 8°, стр. X+156.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе переводчика, стр. I—X.
Введеніе, стр. 1—3.
Книга I. Отъ Алеппо до Молдавіи, стр. 4—43.
Книга II. Молдавія, стр. 44—112.
Книга III. Валахія, стр. 113—154.
Оглавленіе, стр. 155—156.

ПУТЕШЕСТВІЕ
АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ
ВЪ РОССІЮ

въ половинѣ XVII вѣка,

описанное его сыномъ, архидіакономъ

Павломъ Алеппскимъ.

Переводъ съ арабскаго

Г. Муркоса.

(По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

(Отъ Днѣстра до Москвы).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1897.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ предисловіи къ первому выпуску мы указали, что англійскій переводъ путешествія патріарха Макарія не отличается полнотою, и въ примѣчаніяхъ отмѣтили всѣ или почти всѣ мѣста, выпущенныя англійскимъ переводчикомъ. Пропуски оказались и въ дальнѣйшихъ главахъ. Оказалось, что Бельфуръ опустилъ обстоятельное и весьма цѣнное для насъ описаніе великой церкви Кіево-Печерской лавры, которое поэтому оставалось до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ. Оно имѣетъ въ настоящее время тѣмъ бо́льшую важность, что является единственнымъ описаніемъ этой церкви до пожара 1718 года, который испепелилъ весь монастырь Печерскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и великую церковь его, истребивъ въ ней послѣдніе остатки древности, еще видѣнные Павломъ Алеппскимъ. Описаніе ея занимаетъ страницы: 46, 47, 48, 49, 50, 51 и 52. Затѣмъ англійскимъ переводчикомъ выпущено подробное описаніе знаменитыхъ мозаикъ Софійскаго собора (стр. 69, 70). Историческій интересъ имѣетъ, также опущенное Бельфуромъ, перечисленіе церквей въ Путивлѣ (стр. 107) и въ Коломнѣ (стр. 146, 147). Кромѣ того онъ опускалъ, по своему обыкновенію, подробности въ описаніи служеній и церковныхъ обрядовъ, что намп отмѣчено въ разныхъ мѣстахъ въ примѣчаніяхъ къ тексту.

Пропущенная Бельфуромъ (безъ указанія, однако, на сдѣланный пропускъ) исторія антіохійскихъ патріарховъ, о которой мы упоминали въ предисловіи къ первому выпуску, уже напечатана нами въ Сообщеніяхъ Импер. Правосл. Палестинскаго Общества (дек. 1896 г.) и будетъ помѣщена въ видѣ приложенія

къ послѣднему выпуску путешествія патріарха Макарія, къ которому будутъ присоединены также исправленія замѣченныхъ въ первомъ выпускѣ ошибокъ.

Слѣдующій, третій выпускъ, имѣющій появиться въ непродолжительномъ времени, будетъ заключать между прочимъ, также пропущенные англійскимъ переводчикомъ, описаніе Успенскаго и другихъ кремлевскихъ соборовъ и интересный разсказъ объ отливкѣ большого колокола въ 8000 пудъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ переводчика I

КНИГА IV.

Украйна и Кіевъ.

Глава I. Украйна. — Переправа черезъ Днѣстръ. Рашковъ. Набожность жителей. Церковное пѣніе. Грамотность. Дѣти-сироты. Протяженіе казацкой земли 1
Глава II. Украйна. — Дмитрашевка. Торжественная встрѣча патріарха. Причина подчиненія Малороссіи царю..... 3
Глава III. Украйна.—Исторія войны казаковъ съ ляхами..... 6
Глава IV. Украйна. — Продолженіе исторіи войны казаковъ съ ляхами..... 12
Глава V. Украйна.—Дальнѣйшій путь. Многолюдство. Обиліе городовъ. Укрѣпленія. Татарскіе набѣги..... 14
Глава VI. Украйна. — Дальнѣйшій путь. Разоренныя мѣстечки. Хмельницкій и казаки. Дворцы польскихъ вельможъ. Умань. Особенности церковной службы 19
Глава VII. Украйна.—Дальнѣйшій путь. Торжественныя встрѣчи патріарха. Дворецъ Калиновскаго въ Маньковкѣ. Польскіе правители. Церковь. Армяне и евреи..... 24
Глава VIII. Украйна.—Дальнѣйшій путь. Мельницы. Лѣса. Дѣти. Домашнія животныя. Породы свиней..... 28
Глава IX. Украйна.—Богуславъ. Свиданіе патріарха съ гетманомъ Хмельницкимъ..... 32
Глава X. Украйна. — Административное устройство. Посѣщеніе патріархомъ казацкаго лагеря и прощаніе съ гетманомъ.. 35
Глава XI. Украйна.—Триполье. Описаніе церкви. Евреи..... 37
Глава XII. Украйна.—Васильковъ. Описаніе иконы. Живопись. Угодья Печерскаго монастыря..... 40
Глава XIII. Кіевъ.—Печерскій монастырь. Пріѣздъ и встрѣча. Святыя ворота. Келліи. Монахи. Трапеза..... 42

Глава XIV. Кіевъ.—Печерскій монастырь. Описаніе великой церкви. Монастырскій садъ Колокольни..... 46
Глава XV. Кіевъ.—Печерскій монастырь. Описаніе Ближнихъ и Дальнихъ пещеръ..... 54
Глава XVI. Кіевъ.—Вознесенскій монастырь. Типографія Печерскаго монастыря..... 58
Глава XVII. Кіевъ.—Печерскій монастырь. Служенія въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла. Отъѣздъ изъ монастыря. Колоколъ Св. Софіи..... 60
Глава XVIII. Кіевъ.—Разсказъ о городѣ Кіевѣ и о томъ, какъ казаки устроили церкви и монастыри. Отецъ Илія и французскій философъ..... 64
Глава XIX. Кіевъ.—Описаніе церкви Св. Софіи..... 67
Глава XX Кіевъ.—Златоверхо-Михайловскій монастырь. Крѣпость. Описаніе города. Братскій монастырь..... 72

КНИГА V.

Отъ Кіева до Коломны.

Глава I. Украйна.—Выѣздъ изъ Кіева. Переправа черезъ Днѣпръ. Дальнѣйшій путь. Быковъ. Икона Рождества Богородицы. Прилуки. Описаніе крѣпости. Вишневецкій. Баня..... 81
Глава II. Прилуки.—Густынскій Троицкій монастырь..... 85
Глава III. Украйна.—Дальнѣйшій путь. Кранивна. Красный. Корыбутовъ. Освященіе церкви. Пріюты для сиротъ и нищихъ. Извѣстія о нетерпѣливомъ ожиданіи патріарха въ Москвѣ..... 93
Глава IV. Путивль.—Торжественная встрѣча патріарха. Подношенія. Греческіе монахи..... 95
Глава V. Путивль.—Иностранцы въ Россіи и отношеніе къ нимъ русскихъ. Сербскій митрополитъ. Посѣщеніе патріарха воеводой..... 102
Глава VI. Путивль.—Описаніе города и крѣпости. Церкви.... 104
Глава VII. Путивль.—Одежда духовенства. Набожность русскихъ. 108
Глава VIII. Путивль.—Служеніе патріарха въ крѣпостной церкви. Татарскіе рабы..... 110
Глава IX. Путивль.—Киръ Іеремія. Монастырь Богоматери.... 112
Глава X. Путивль.—Путевыя мѣры. Монета. Дорожное содержаніе патріарха и его свиты. Молельщики. Архіепископы Кипра и Охриды. Сербскій митрополитъ Гавріилъ..... 115
Глава XI. Московская земля.—Выѣздъ изъ Путивля. Плохое состояніе дорогъ. Татарская граница..... 119

Глава XII. Московская земля.—Сѣвскъ. Воевода. Угощеніе имъ патріарха. Крѣпость и церкви..... 121
Глава XIII. Московская земля.—Земледѣльческія орудія. Различные роды посѣвовъ. Гумна и скирды..... 123
Глава XIV. Московская земля.—Лѣса. Липа и подѣлки изъ нея. Пожары. Жилища. Женщины и ихъ одежда. Мужчины, ихъ одѣяніе и бороды..... 126
Глава XV. Московская земля.—Карачевъ. Монастырь Воскресенія. Болховъ. Кузницы. Польскіе плѣнники. Молебствія и крестные ходы по случаю войны. Лѣсныя засѣки. Бѣлевъ и рѣка Ока. Извѣстіе о моровой язвѣ. Скверныя дороги и проливные дожди. Переправа чрезъ Оку..... 129
Глава XVI. Московская земля. — Калуга. Крѣпость и церкви. Хлѣбы. Дыни. Новыя извѣстія о моровой язвѣ. Выѣздъ изъ Калуги и дорожныя трудности. Возвращеніе въ Калугу и приготовленія къ путешествію по Окѣ. Праздникъ Преображенія. Характеристика воеводъ..... 133
Глава XVII. Московская земля.—Путешествіе по р. Окѣ. Патріаршее судно. Алексинъ, Таруса, Кашира. Остановка у Каширы и праздникъ Успенія. Источники въ Каширѣ. Воевода изъ арабовъ..... 137
Глава XVIII. Московская земля.—Монастырь Троицы. Дальнѣйшее плаваніе и остановка у Голутвина монастыря. Наивное изумленіе жителей. Мелководье на Окѣ. Москва-рѣка. Бѣглецы изъ Москвы. Посѣщеніе монастыря. Пріѣздъ въ Коломну..... 141

КНИГА VI.

Коломна.

Глава I. Коломна.—Описаніе города. Церкви..... 145
Глава II. Коломна.—Архіерейскій домъ. Приказъ и тюрьма. Коломенская епископія. Причина ссылки епископа Павла... 149
Глава III. Коломна. — Водосвятіе и крестный ходъ по случаю моровой язвы..... 154
Глава IV. Коломна.—Набожность русскихъ. Особенности церковныхъ службъ..... 158
Глава V. Коломна.—Церковное пѣніе. Духовенство. Мощи. Новый годъ..... 165
Глава VI. Коломна.—Описаніе моровой язвы..... 169
Глава VII. Коломна.—Разсказъ о походѣ царя подъ Смоленскъ. Гетманъ Радзивилъ..... 175

Глава VIII. Коломна.—Продолженіе разсказа о походѣ. Богатый московскій купецъ. Пожертвованія на военныя нужды. Численность царскаго войска. Результаты похода..... 177
Глава IX. Коломна.—Служенія патріарха. Зимніе холода. Перевозка припасовъ и ихъ дешевизна. Собаки. Дѣйствіе сильныхъ морозовъ..... 180
Глава X. Коломна.—Ставленики. Николинъ день..... 186
Глава XI. Коломна.—Исторія Петра митрополита. Рождественскіе праздники..... 190
Глава XII. Коломна.—Положеніе духовенства. Праздникъ Крещенія и крестный ходъ на воду. Разсказъ о крестномъ ходѣ въ Москвѣ..... 193
Глава XIII. Коломна.—Разсказъ о Тулѣ и тамошнихъ желѣзныхъ заводахъ. Посѣщеніе патріарха архіепископомъ рязанскимъ. 197
Глава XIV. Коломна.—Неопредѣленность положенія патріарха и просьбы его о дозволеніи ѣхать въ Москву. Прибытіе драгомановъ. Отъѣздъ изъ Коломны. Зимній путь. Остановка въ Выхинѣ. Пріѣздъ въ Москву..... 199

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	3	строка	4 сн.	Джабель	Джебель
„	22	„	1 сн.	при православномъ богослуженіи и	и при православномъ богослуженіи
„	26	„	5 сн.	дворца.	дворца,
„	47	„	18 св.	единственно	единственнымъ и
„	56	„	3 сн.	каменноздателей	каменоздателей
„	107	„	22 св.	Седнанскій	Седнайскій
„	141	„	1 сн.	есть-то	то-есть

ПУТЕШЕСТВІЕ

Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію.

КНИГА IV.

Украйна и Кіевъ.

Глава I.

Украйна.—Переправа черезъ Днѣстръ.—Рашковъ.—Набожность жителей. Церковное пѣніе. — Грамотность — Дѣти-сироты. — Протяженіе казацкой земли.

На другой день поутру, въ субботу 10 іюня (1654 г.), мы подъѣхали къ берегу великой рѣки *Нистроса* (Днѣстра), которая составляетъ крайній предѣлъ страны молдавской и начало границы земли казаковъ. Мы переправились черезъ рѣку на судахъ. Нашъ владыка патріархъ былъ одѣтъ въ мантію и держалъ въ правой рукѣ крестъ, ибо, по существующему въ землѣ казаковъ и московской обычаю, благословлять можно не иначе, какъ только со крестомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ серебряный посохъ. Наканунѣ этого дня, по принятому обычаю, нашъ владыка патріархъ извѣстилъ письмомъ о своемъ прибытіи. Высадившись на берегъ, мы подняли деревянный позолоченный крестъ, заказанный нами въ Молдавіи, на высокомъ красномъ шестѣ; его несъ одинъ изъ священниковъ, по принятому въ землѣ казаковъ обычаю; здѣсь только предъ патріархомъ носятъ крестъ на шестѣ. На встрѣчу ему вышли тысячи народа, въ несмѣтномъ множествѣ (Богъ да благословитъ и умножитъ ихъ!). То были жители города, по имени Рашковъ Это очень большой городъ, построенный на берегу упомянутой рѣки; въ немъ есть крѣпость и деревянный замокъ съ пушками. Въ числѣ встрѣчавшихъ были: во-первыхъ, семь священниковъ въ фелоняхъ съ крестами, ибо въ городѣ семь церквей, затѣмъ дьяконы со многими хоругвями и свѣчами, потомъ сотникъ, то-есть начальникъ крѣпости и города, сердаръ (войсковой начальникъ),

войско и пѣвчіе, которые, какъ бы изъ однихъ устъ, пѣли стихиры пріятнымъ напѣвомъ. Всѣ пали ницъ предъ патріархомъ и стояли на колѣняхъ до тѣхъ поръ, пока не ввели его въ церковь. Въ городѣ никого не оставалось, даже малыхъ дѣтей: всѣ выходили ему на встрѣчу. Насъ помѣстили въ домѣ одного архонта (знатнаго человѣка).

Наканунѣ четвертаго воскресенья по Пятидесятницѣ мы отстояли у нихъ вечерню, также утреню поутру, а затѣмъ обѣдню, затянувшуюся до полудня. Тутъ-то впервые мы вступили въ топи и боренія и настало для насъ время пота и труда, ибо во всѣхъ казацкихъ церквахъ до земли московитовъ вовсе нѣтъ стасидіевъ (сидѣній), даже для архіереевъ. Представь себѣ, читатель: они стоятъ отъ начала службы до конца неподвижно, какъ камни безпрестанно кладутъ земные поклоны и всѣ вмѣстѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, поютъ молитвы; и всего удивительнѣе, что во всемъ этомъ принимаютъ участіе и маленькія дѣти. Усердіе ихъ къ вѣрѣ приводило насъ въ изумленіе. О, Боже, Боже! какъ долго тянутся у нихъ молитвы, пѣніе и литургія! Но ничто такъ не удивляло насъ, какъ красота маленькихъ мальчиковъ и ихъ пѣніе, исполняемое отъ всего сердца, въ гармоніи со старшими.

Начиная съ этого города и по всей землѣ русскихъ, то-есть казаковъ, мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами.

Какъ мы примѣтили, въ этой странѣ, то-есть у казаковъ, есть безчисленное множество вдовъ и сиротъ, ибо со времени появленія гетмана Хмеля и до настоящей поры не прекращались страшныя войны. Въ теченіе всего года, по вечерамъ, начиная съ заката солнца, эти сироты ходятъ по всѣмъ домамъ просить милостыню, поя хоромъ гимны Пресвятой Дѣвѣ пріятнымъ, восхищающимъ душу напѣвомъ; ихъ громкое пѣніе слышно на большомъ разстояніи. Окончивъ пѣніе, они получаютъ изъ того дома (гдѣ пѣли) милостыню деньгами, хлѣбомъ, кушаньемъ или инымъ подобнымъ, годнымъ для поддержанія ихъ существованія, пока они не кончатъ ученья. Вотъ причина, почему большинство изъ нихъ грамотно. Число грамотныхъ особенно увеличилось со времени появленія Хмеля (дай Богъ ему долго жить!), который освободилъ эти страны и избавилъ эти милліоны безчисленныхъ православныхъ отъ ига враговъ вѣры, проклятыхъ ляховъ.

А почему я называю ихъ проклятыми? Потому, что они выка-

зали себя гнуснѣе и злѣе, чѣмъ лживые идоноклонники, мучая своихъ христіанъ, думая этимъ уничтожить самое имя православныхъ. Да увѣковѣчитъ Богъ царство турокъ во вѣки вѣковъ! ибо они берутъ харачъ [1] и не входятъ ни въ какіе счеты по дѣламъ вѣры, будетъ-ли она христіанская или нусерійская,[2] еврейская или самарянская. Но эти проклятые не довольствовались харачемъ и десятиной съ братьевъ Христа, которыхъ они держали въ рабствѣ, а отдавали ихъ во власть враговъ Христа, жестокихъ евреевъ, какъ мы впослѣдствіи объ этомъ разскажемъ по достовѣрнымъ даннымъ. Они не только препятствовали имъ строить храмы и удаляли священниковъ, знающихъ тайны вѣры, но даже совершали насилія надъ ихъ благочестивыми и непорочными женами и дочерьми. Богъ, видя ихъ надменность, коварство и жестокость къ ихъ братьямъ христіанамъ, послалъ на нихъ своего вѣрнаго служителя и раба Хмеля, который отмстилъ имъ, нанесъ рѣшительный ударъ ихъ кичливой гордости и ихъ несчастіемъ порадовалъ враговъ ихъ, подвергъ ихъ униженію и презрѣнію, какъ мы впослѣдствіи разскажемъ обо всемъ, ихъ касающемся.

Возвращаемся (къ разсказу). По ихъ исчисленію, намъ предстояло проѣхать отъ этого Рашкова, границы государства казаковъ, до *Бутиблія* (Путивля), начала предѣловъ московскихъ, около 80 большихъ казацкихъ миль.[3] Въ этихъ странахъ длина дорогъ измѣряется милями, а миля у нихъ тянется на разстояніе болѣе трехъ часовъ быстрой ѣзды верхомъ или въ экипажѣ со скоростью, большей скорости гонца. Такъ мы всегда и ѣздили, по принятому у нихъ обычаю. Польская, или казацкая, миля равняется пяти малымъ [4] милямъ нашей страны. Эти 80 миль составляютъ протяженіе земли казаковъ отъ юга къ сѣверу, какъ мы это впослѣдствіи объяснимъ.

Глава II.

Украйна.—Дмитрашевка.—Торжественная встрѣча патріарха.—Причина подчиненія Малороссіи царю.

Мы выѣхали изъ Рашкова въ упомянутое воскресенье послѣ полудня съ десятью казаками, назначенными насъ проводить.

---

[1] Ежегодная подать за право жизни и собственности, обязательная по закону Мохаммеда для всѣхъ покоренныхъ мусульманами народовъ, не принявшихъ ислама.

[2] Нусерійскую вѣру исповѣдуютъ ансаріи, живущіе въ Нусерійскихъ горахъ (Джабель Носайріе) въ Верхней Сиріи. Это мусульманская секта, сущность вѣроученія которой недостаточно извѣстна.

[3] Украинская миля равнялась 7, 8 верстамъ.

[4] Какъ понять слово „малая“ миля? Въ Сиріи только одна миля.

Сдѣлавъ около двухъ большихъ миль, къ вечеру прибыли въ другой городъ, по имени *Димитрашкобо* (Дмитрашевка). Мы спустились по склону въ большую долину, гдѣ встрѣтила насъ немалая толпа людей изъ города, которые помогли нашимъ экипажамъ подняться на гору, на коей расположенъ городъ. Тысячи тысячъ его жителей (да благословитъ и умножитъ ихъ Богъ!) вышли намъ навстрѣчу; тутъ были: во-первыхъ, семь священниковъ семи церквей города съ хоругвями и свѣчами, затѣмъ старѣйшины города и войско. Когда процессія къ намъ подошла, нашъ владыка патріархъ, изъ благоговѣнія къ крестамъ и иконамъ, вышелъ изъ экипажа. По обыкновенію, мы надѣли на него мантію и собрались всѣ вокругъ него, поддерживая его полы [1]. Послѣ того какъ онъ, приложившись къ иконамъ и крестамъ, преподалъ всѣмъ благословеніе, они пошли впереди него, при звучномъ хоровомъ пѣніи, которое—а всего болѣе пѣніе мальчиковъ—колебало гору и долину. Когда мы поднялись въ гору и, войдя въ ворота городской стѣны, пошли по улицамъ города, то увидали многія тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ такомъ несчетномъ количествѣ, что пришли въ изумленіе отъ ихъ множества (Богъ да благословитъ и умножитъ ихъ!). Въ то время какъ нашъ владыка патріархъ проходилъ мимо нихъ, всѣ падали ницъ предъ нимъ на землю и оставались въ такомъ положеніи, пока онъ не прошелъ, и тогда только поднимались. Умы наши поражались изумленіемъ при видѣ огромнаго множества дѣтей всѣхъ возрастовъ, которыя сыпались, какъ песокъ. Мы замѣтили въ этомъ благословенномъ народѣ набожность, богобоязненность и благочестіе, приводящія умъ въ изумленіе. Такъ мы дошли до церкви св. Димитрія, въ которую насъ ввели. Протоіерей вошелъ въ алтарь и возгласилъ: „помилуй насъ Боже“ и пр., поминая имя христолюбиваго царя Алексія, царицы Маріи и дѣтей ихъ; потомъ имя патріарха антіохійскаго и своего митрополита Сильвестра. При каждомъ возгласѣ всѣ въ церкви присутствовавшіе пѣли хоромъ трижды: „Господи помилуй!“ Протоіерей окончилъ молебствіе. Нашему владыкѣ патріарху поднесли святую воду и онъ окропилъ ею церковь и предстоящихъ, а потомъ брызнулъ и на всѣхъ остальныхъ. Съ пѣніемъ и свѣчами они пошли впереди насъ и проводили до дома протоіерея, гдѣ насъ помѣстили. Вечеромъ дѣти-спроты, по обыкновенію, ходили по домамъ, воспѣвая гимны; восхищающій и радующій душу напѣвъ и пріятные голоса ихъ приводили насъ въ изумленіе.

Что касается упоминанія въ молитвахъ во всѣхъ этихъ русскихъ, то-есть казацкихъ, земляхъ московскаго царя Алексія, то

[1] То-есть оказывая ему принятые знаки почтенія.

причина этому та, что въ нынѣшнемъ году казаки, въ согласіи съ гетманомъ Хмелемъ, присягнули царю и подчинили ему свою землю.

До сего времени ханъ и татары были въ союзѣ съ гетманомъ Хмелемъ и дѣйствовали съ нимъ заодно въ войнѣ противъ ляховъ. Во время праздниковъ прошлаго Богоявленія у ляховъ было въ сборѣ до 200.000 войска, а у гетмана Хмеля было болѣе 300.000, да ханъ имѣлъ болѣе 120.000. Союзники напали на ляховъ и съ Божіей помощью одержали побѣду. Устроивъ вокругъ нихъ *язакъ* [1], то-есть окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ и замкнувъ въ срединѣ, они отрѣзали подвозъ къ нимъ съѣстныхъ припасовъ. Говорятъ, что только отъ голода умерло ихъ около сорока тысячъ. Затѣмъ казаки и татары со всѣхъ сторонъ ринулись на нихъ, смяли ихъ полчище и дѣйствовали мечомъ до тѣхъ поръ, пока не устали и не надоѣло имъ. Огромная добыча досталась обоимъ союзникамъ, а татары сверхъ того захватили безчисленное множество въ плѣнъ живьемъ. Никто изъ ляховъ не спасся, кромѣ тѣхъ, кому суждено было долго жить, и эти вмѣстѣ со своимъ кралемъ, то есть государемъ, бѣжали въ свою столицу, называемую Краковъ, построенную изъ камня и окруженную семью стѣнами, гдѣ и укрѣпились. Хмель съ ханомъ преслѣдовалъ и осадилъ ихъ. Разсказываютъ, что король и польскіе вельможи, видя, что положеніе ихъ безнадежно и что они, восемь лѣтъ воюя съ Хмелемъ, не имѣютъ силъ и средствъ его одолѣть, рѣшились послать къ хану и обѣщали ему и татарамъ 200 тысячъ динаровъ (червонцевъ), только бы онъ оставилъ Хмеля и, вмѣсто того чтобы быть съ нимъ заодно, сталъ противъ него. Ханъ, получивъ такое предложеніе, согласился, и татары, отдѣлившись отъ Хмеля, ушли въ свою землю, уведя съ собою въ плѣнъ изъ земли казаковъ до 10,000 человѣкъ [2]. Когда Хмель удостовѣрился въ случившемся, то пришелъ въ сильное негодованіе и, не видя другого прибѣжища, кромѣ московскаго царя, послалъ къ нему нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ, прося и умоляя его, изъ любви къ православной вѣрѣ, принять его (въ свое подданство) и не дать врагамъ издѣваться надъ нимъ. Съ самаго начала своей дѣятельности гетманъ обнаруживалъ храбрость и умъ, имѣлъ чинъ сотника, то-есть юзбаши, и по наслѣдству отъ предковъ пользовался для

---

[1] Это слово не арабское (вѣроятно, турецкое *ясакъ*), но принятое въ арабскомъ языкѣ, значитъ: стража, караулъ.

[2] Здѣсь очевидно говорится о битвѣ подъ Жванцемъ (7 декабря 1653 г.), гдѣ польскій король Янъ Казиміръ былъ осажденъ въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ. Измѣна хана Исламъ-Гирая относится къ той же битвѣ.

своего пропитанія доходами одного города. Прежній польскій король питалъ къ нему сильную любовь и, кромѣ собственнаго его имени *Зенобіосъ* (Зиновій), назвалъ его еще *Ихмилемъ* (Хмелемъ), что на ихъ языкѣ значитъ „ловкій“.

Глава III.

Украйна.—Исторія войны казаковъ съ ляхами.

Вся эта страна, называемая Малою Россіей, съ давнихъ поръ и по настоящее время управлялась своими государями. По свидѣтельству исторіи, жители ея въ правленіе греческаго императора Василія Македонянина были обращены чрезъ него въ христіанство. Государемъ ихъ въ то время былъ Владиміръ, а столицей городъ *Кіюфъ* (Кіевъ) [1], и они составляли независимое государство. Но такъ какъ ни одному народу невозможно вѣчно сохранять свою независимость, всеславный Творецъ отдавалъ одинъ народъ во власть другому для его искорененія, какъ это происходитъ съ древнихъ временъ и по настоящее время. Разсказываютъ, что этотъ народъ, то-есть ляхи, вышелъ изъ земель франкскихъ и завоевалъ всѣ эти страны; доказательство этому ясное: ляхъ по-латыни значитъ „левъ“ [а имя страны ляховъ на латинскомъ языкѣ Полонія]. По этой причинѣ печать ихъ короля, а равно печати ихъ и страны [2] носятъ изображеніе льва и, кромѣ того, орла. Оттого же они чеканятъ монету *грушъ* (грошъ) [3] собачій съ изображеніемъ льва въ соотвѣтствіе своему имени, а свои *залматы* (злоты)[4] съ изображеніемъ двукрылаго орла. Они хвастаютъ этимъ, говоря: „мы сыны Александра (Македонскаго) и его потомковъ“, и еще по настоящее время украшаютъ себя и своихъ коней крыльями большихъ птицъ. Все это происходитъ отъ ихъ заносчивости, кичливости и гордости, ибо нѣтъ на всей землѣ народа, равнаго имъ по гордости, надменности и высокомѣрію, какъ впослѣдствіи это разъяснится изъ того, что мы разскажемъ изъ ихъ исторіи, если Богу будетъ угодно.

Завоевавъ эти страны, ляхи, по непомѣрной своей гордости, не захотѣли поставить имъ царя, который бы властвовалъ надъ

---

[1] Авторъ повидимому не зналъ, что Кіевъ по-арабски называется *Куяба*. Подъ этимъ именемъ Кіевъ былъ издревле извѣстенъ восточнымъ писателямъ.

[2] То-есть національный гербъ.

[3] Въ подлинникѣ: *грушъ эль-кельбі*, „собачій грошъ (или піастръ)“. Сильвестръ де-Саси (*Journal des Savants*, 1832) высказываетъ предположеніе, что простой народъ принималъ по ошибкѣ изображеннаго на монетахъ льва за собаку и потому называлъ ихъ „собачьими“ грошами.

[4] Злотъ въ 30 грошей равнялся 15 коп. сер.

ними, но каждый изъ нихъ, завоевавъ и покоривъ какую-либо землю, становился ея правителемъ, и такъ шло отъ отцовъ и дѣдовъ до сего времени. Надъ собою они поставили чужестранца и назвали его кралемъ, то-есть большимъ беемъ, назначивъ ему земли для прокормленія. Положеніе его таково, что онъ не можетъ вершить никакихъ дѣлъ, ни важныхъ, ни малыхъ, кромѣ какъ по ихъ совѣту и приказу. Когда захотятъ, смѣщаютъ его и ставятъ другого по своей волѣ, но не изъ своего народа, а чужестранца, дабы онъ не могъ утвердить у нихъ свой родъ. Такое положеніе продолжается съ того времени доселѣ.

Потомъ ляхи овладѣли множествомъ городовъ, увеличивъ ими свое государство, ибо всѣ окраины его отвоеваны ими отъ чужихъ государствъ. Произошло это потому, что вслѣдствіе своего чрезвычайнаго высокомѣрія и своей храбрости они побѣдили всѣхъ окрестныхъ правителей, навели на нихъ страхъ и при ихъ помощи завладѣли частью земель германскаго государя—онъ же государь *Немса* (Австріи), именуемый кесаремъ,—съ большимъ числомъ городовъ и крѣпостей, овладѣли, какъ говорятъ, пятнадцатью городами государства шведскаго, что близъ государствъ французскаго и нѣмецкаго, частью земли венгерской и вторглись во владѣнія молдавскія. Тридцать лѣтъ тому назадъ они завоевали большой городъ во владѣніяхъ московскаго царя, по имени Смоленскъ, коего область славится своею неприступностью, и покорили его не мечомъ, а хитростью. Дѣло произошло такъ: дѣдъ царя (Алексѣя), котораго іерусалимскій патріархъ Θеофанъ въ недавнее время рукоположилъ патріархомъ надъ Москвой и который назывался Θеодоромъ и былъ переименованъ Филаретомъ, раньше этого поѣхалъ къ ляхамъ посломъ для заключенія дружбы отъ своего сына, царя Михаила; но какъ ляхи всегда были вѣроломны и клятва для нихъ ничего не значитъ, то они держали его у себя заложникомъ до тѣхъ поръ, пока (обѣ стороны) не согласились между собою на томъ, чтобы городъ этотъ отдать имъ, ляхамъ, и такимъ средствомъ его избавили отъ ихъ рукъ. Словомъ сказать, они были врагами всѣмъ окрестнымъ государямъ, изъ коихъ ни одинъ никогда не нападалъ на нихъ и не воевалъ съ ними.

Покоривъ всю землю казаковъ, они не довольствовались харачемъ и десятиной съ нихъ, но стали отдавать ихъ во власть евреямъ и армянамъ и подъ конецъ дошли до насилій надъ ихъ женами и дочерьми, такъ что казаки, бывъ государями и властелинами, сдѣлались рабами проклятыхъ евреевъ. Это первое. Вторымъ было то, что издревле у ляховъ существовало установленіе обращать 40.000 казаковъ въ (регулярное) войско, да-

бы они стерегли ихъ отъ татаръ. Однако дѣло дошло до того, что ляхи совершенно отмѣнили это установленіе, дабы не оставлять у казаковъ силы. Затѣмъ они все увеличивали свое тиранство, и наконецъ казаки должны были слушать обращенныя къ нимъ рѣчи священниковъ-езуитовъ, вѣрнѣе, езидовъ [1], которые стремились всѣхъ (православныхъ) искоренить и сдѣлать подобно имъ, франкамъ, послѣдователями папы. Сорокъ лѣтъ тому назадъ они дошли до того, что разрушили всѣ ихъ церкви и прекратили у нихъ священство, и довели свое безбожіе и тиранство до такой степени, что сожгли митрополита земли казаковъ вмѣстѣ съ одиннадцатью его епископами и священниками, изжаривъ ихъ въ огнѣ на желѣзныхъ прутьяхъ, думая этимъ устрашить и запугать казаковъ,—нечестіе и ужасы, какихъ не совершали въ свое время идолопоклонники.

Въ эту пору наши братья казаки терпѣли великія страданія, и смѣльчаки изъ нихъ бѣжали изъ-подъ власти ляховъ на островъ въ устьѣ великой рѣки *Ниброса* (Днѣпра), впадающей въ Черное море. Тутъ они построили большую неприступную крѣпость, въ которой стали селиться храбрые юноши изъ чужеземцевъ, но безъ женщинъ, и теперь ихъ собралось около 50 тысячъ. Они называются Донскими казаками, по-турецки Тонун-казаки [2]. Своимъ промысломъ они сдѣлали разбой и грабежи на Черномъ морѣ.

Между тѣмъ всѣ казаки терпѣливо сносили притѣсненія и обиды ляховъ и испытывали отъ нихъ тиранство, подобно перенесенному въ свое время мучениками, но не роптали и не обращали на нихъ вниманія, въ терпѣніи покоряясь опредѣленію Всевышняго Бога.

Лѣтъ тридцать тому назадъ среди казаковъ появились три брата въ одно время и, поднявшись на ляховъ, воевали съ ними и разбили ихъ на голову, хотя противъ братьевъ собралось множество войска [3]. Они поселились въ городѣ Кіевѣ и построили имъ (казакамъ?) монастырь [4]. Когда покойный патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ вознамѣрился ѣхать въ эту страну, они выслали до 5.000 казаковъ, чтобы провести его изъ Мол-

---

[1] Авторъ, въ своемъ негодованіи, сближаетъ езуитовъ съ езидами, которыхъ онъ, конечно, считалъ поклонниками дьявола.

[2] Авторъ смѣшиваетъ запорожскихъ казаковъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, съ донскими.

[3] Откуда Павелъ Алеппскій заимствовалъ этотъ анекдотъ о трехъ братьяхъ, трудно сказать,– быть можетъ, изъ слышанныхъ, но плохо понятыхъ имъ разсказовъ о возстаніяхъ Наливайка, Павлюка и Остраницы.

[4] У Бельфура: „учредили свои собственныя знамена и начальниковъ“.

давіи, и привели къ себѣ съ великимъ почетомъ и уваженіемъ. Онъ рукоположилъ тогда для нихъ митрополита, епископовъ [1] и множество священниковъ, послѣ чего они отправили его въ Московію. Ляхи, не имѣя силы одолѣть этихъ трехъ братьевъ, стали вести съ ними дружбу съ хитростью и вѣроломствомъ пока не подослали отравить всѣхъ троихъ ядомъ, и, умертвивъ, ихъ, пришли и овладѣли тѣмъ, что захватили у нихъ братья, истребивъ ихъ войско всякаго рода горькими и гнусными убійствами. Они превзошли мѣру въ тиранствѣ и насиліи надъ своими подданными и угнетали ихъ до послѣдней степени. На покойнаго Ѳеофана, находившагося въ Москвѣ, они пылали гнѣвомъ, и потому онъ, узнавъ объ этомъ, отправился по дорогѣ чрезъ страну татаръ и тѣмъ спасся отъ ляховъ.

Вскорѣ затѣмъ султанъ Османъ (II) [2] появился болѣе чѣмъ съ семьюстами тысячъ, чтобы отвоевать у ляховъ крѣпость Хотинъ, которая находится въ сторонѣ Молдавіи, и извѣстную крѣпость Каменецъ, лежащую насупротивъ. Тогда ляхи смирились предъ казаками и просили ихъ, обѣщая жалованье [3], оказать имъ помощь и отразить отъ нихъ султана. Казаки охотно стали воевать съ нимъ, ибо они мощны въ битвахъ, и заставили его уйти назадъ съ небольшимъ числомъ людей, какъ это хорошо извѣстно. Подъ конецъ войско умертвило его. Между ляхами и турками установилась дружба и послѣдніе отдали имъ крѣпость Хотинъ, которою долженъ владѣть господарь Молдавіи, но наложили на нихъ ежегодную дань въ 70.000 грошей и въ 30.000 головъ крупнаго и мелкаго скота. Но ляхи этого не выполнили.

За добро, оказанное имъ казаками, ляхи отплатили еще большими гоненіями, разсчитывая этимъ разрушить ихъ единеніе. Богъ, видя ихъ высокомѣріе, гордость и клятвопреступленіе, разгнѣвался на нихъ и воздвигъ вѣрнаго раба своего Хмеля для отмщенія имъ и освобожденія избраннаго своего народа отъ рабства и неволи ляхамъ, даровалъ ему крѣпость и помогъ уничтожить ихъ всѣхъ мечомъ и плѣненіемъ, какъ сказано [4]: „когда

---

[1] Это произошло въ 1620 г. Патр. Ѳеофанъ, возвращаясь изъ Москвы, рукоположилъ въ Кіевѣ, по просьбѣ гетмана Петра Сагайдачнаго, митрополита и нѣсколькихъ епископовъ и такимъ образомъ возстановилъ православную іерархію, разстроенную уніей. Сагайдачный съ 3.000 казаковъ провожалъ патріарха до молдавской границы.

[2] См. Hammer, Histoire de l'Empire Ottoman, т. 8.

[3] По рукописи Учебнаго Отдѣленія; по нашей: „просили ихъ съ ласкательствами“.

[4] Въ Коранѣ?

народъ превозносится, Богъ дастъ надъ нимъ власть другому, чтобы искоренить его".

Когда Зиновій, котораго краль ляховъ назвалъ Хмелемъ, явился и возъимѣлъ ревность къ вѣрѣ, но не имѣлъ ни силы, ни помощника, ни опоры, то сначала послалъ просить Василія, господаря молдавскаго, и Матвѣя, господаря валашскаго, помочь ему избавить православныхъ казаковъ отъ порабощенія евреямъ и проклятымъ армянамъ. Вмѣсто того, чтобы пособить и поревновать ему во имя вѣры, они отплатили ему зломъ, ибо Василій отослалъ его собственное письмо къ своимъ друзьямъ ляхамъ въ доказательство вѣрности своей дружбы и вражды къ нимъ Хмеля; а Матвѣй немедленно отправилъ къ своимъ друзьямъ туркамъ извѣстіе о содержаніи его письма. Хмель, обманувшись въ своихъ надеждахъ на обоихъ, неоднократно посылалъ просить помощи у царя московскаго Алексѣя, но послѣдній не захотѣлъ внять его просьбѣ, ибо Хмель былъ бунтовщикомъ. Таковъ обычай государей. Когда его надежды на всѣхъ рушились, Творецъ устроилъ его дѣло удивительнымъ образомъ. Именно, его другъ краль условился съ нимъ въ тайнѣ, что Хмель подниметъ возстаніе, а онъ, краль, будетъ помогать ему войскомъ, дабы истребить всѣхъ вельможъ ляшской земли и ему сдѣлаться государемъ самодержавнымъ, править самому, а не быть управляему ими. Какъ мы сказали, вельможъ было много и каждый владѣлъ большою областью (по наслѣдству) отъ отцовъ и предковъ. Были среди нихъ такіе, которые имѣли свыше ста тысячъ войска и менѣе—до десяти тысячъ. Но въ своихъ стремленіяхъ они не были согласны (между собой) и каждый дѣйствовалъ самостоятельно, а потому они и погибли одинъ за другимъ.

Что же сдѣлалъ Хмель? Взявъ съ собою своего сына Тимоѳея, онъ, лѣтъ восемь тому назадъ, отправился къ казакамъ, живущимъ на островѣ [1], и сговорился съ ними. Они обрадовались и отправили его къ хану татарскому, чтобы также вступить съ нимъ въ соглашеніе. Прибывъ къ татарамъ, онъ обѣщалъ имъ много добычи, но они ему не вѣрили и опасались его. Тогда онъ оставилъ у нихъ своего сына заложникомъ, и они заключили съ нимъ клятвенный договоръ и, ставъ заодно, послали съ нимъ около двадцати тысячъ человѣкъ; да изъ казаковъ острова къ нему примкнуло около пятисотъ, ибо (и эти) еще боялись. Союзники сдѣлали нападеніе на предѣлы ляшской земли. Правитель той области, узнавъ объ этомъ, выслалъ противъ нихъ около сорока тысячъ. Съ помощію Божіей казаки

[1] То-есть къ запорожцамъ.

напали на нихъ и одержали побѣду, причемъ взяли въ плѣнъ большую часть и захватили много добычи. При видѣ этого татары чрезвычайно обрадовались [1], отослали плѣнныхъ въ свою страну и пошли воевать съ этимъ же правителемъ, который относился къ нимъ съ пренебреженіемъ. И Богъ даровалъ казакамъ побѣду надъ нимъ. Они завладѣли всей его землей по прежде состоявшемуся уговору между ними и татарами: „земли и добыча намъ, а плѣнники вамъ“. Такъ какъ всѣ подданные были казаки, страдавшіе подъ гнетомъ тиранніи и рабства, то они возстали вмѣстѣ съ Хмелемъ и захватили множество городовъ. У Хмеля стало до пяти тысячъ человѣкъ. Къ нему присоединилось много тысячъ татаръ, когда они увидѣли большую добычу. Они завоевывали все новые и новые города, избивая ихъ правителей, пока не выступилъ противъ нихъ великій гетманъ, или визирь, называемый на ихъ языкѣ *комиссарій*, то-есть мирахоръ (шталмейстеръ) короля, болѣе чѣмъ съ 200 тысячъ войска, исполненный надменности, высокомѣрія и гордыни.

Разсказываютъ, что ляхи очистили всѣ свои жилища и отправились на войну съ Хмелемъ. Раскинувъ таборъ и палатки, они вели себя такъ, какъ будто вышли на веселую прогулку, послалъ сказать Хмелю: „вотъ мы вышли къ тебѣ навстрѣчу съ своими женами и дѣтьми и со всею пышностью, золотомъ, серебромъ, экипажами, лошадьми, со всѣми нашими сокровищами и съ тѣмъ, что есть въ нашихъ жилищахъ“. Это было справедливо, потому что они сидѣли въ своихъ палаткахъ, ѣли, пили, пьянствовали и смѣялись и хохотали надъ своимъ хлопомъ Хмелемъ, говоря: „мы всѣ предстали предъ тобою, пожалуй къ намъ и забери сундуки съ золотомъ: вотъ они всѣ тутъ“. Богъ, видя ихъ гордыню и тщеславіе, внушилъ Хмелю хитрость, которую онъ и привелъ въ исполненіе. Именно, въ одну ночь казаки отправились туда, гдѣ паслись польскіе кони и, перебивъ слугъ, захватили всѣхъ лошадей. Затѣмъ удалились и надѣлали знаменъ по числу своихъ коней, то-есть у каждаго всадника въ рукѣ было по знамени, а всего до 5.000 знаменъ и еще до 50.000 маленькихъ барабановъ. Такъ они пошли и напали на враговъ при утренней зарѣ, когда тѣ спали, считая себя въ безопасности. Казаки крикнули среди нихъ и забили во всѣ барабаны; ляхи проснулись, увидали, что со всѣхъ сторонъ ихъ окружаютъ знамена, бросились искать коней, но слуги сообщили имъ о случившемся. Тогда они потеряли всякую надежду на спасеніе и гнѣвъ Божій постигъ ихъ, ибо они стали избивать другъ друга.

---

[1] Въ обѣихъ рукописяхъ сказано: „испугались“. Вѣроятно, это ошибка.

Казаки докончили рѣзню, всѣхъ истребили и захватили ихъ имущество и богатства. Военачальникъ польскій спрятался подъ телѣгу, и слуги прикрыли его навозомъ. Но онъ не скрылся отъ казаковъ: они отрыли его и разрубили на куски, насмѣхаясь надъ нимъ стихами и говоря: „вчера ты смѣялся надъ нами и упрашивалъ насъ завладѣть твоимъ имуществомъ и богатствомъ, а нынѣ ты зарытъ въ навозѣ, несчастный! Встань, возсядь на тронъ, великій нашъ государь! да не горюй!“

Глава IV.

Украйна. - Продолженіе исторіи войны казаковъ съ ляхами.

Такимъ образомъ казаки завладѣли всей страной и возвратили ее себѣ, покоривъ въ ней весь родъ ляховъ, армянъ и евреевъ, и Хмель по отношенію къ нимъ проявилъ такіе примѣры храбрости и воинской хитрости, какихъ никто не совершилъ кромѣ него. Богъ даровалъ ему силу и вспомоществовалъ его дѣлу съ начала до конца его дѣятельности и своимъ мечомъ сокрушилъ ихъ великую гордыню и упрямство.

Какъ мы упомянули, каждый вельможа былъ самостоятельнымъ и оборонялъ свою землю самъ по себѣ, не желая, чтобы кто-либо изъ прочихъ владѣтелей помогалъ ему своими войсками: въ ихъ глазахъ это считалось позоромъ, и никто на это не соглашался. При такихъ сбстоятельствахъ они вдались въ обманъ и были покинуты безъ помощи; иначе, если бы всѣ они заодно соединились съ своимъ кралемъ, какъ это дѣлается у царей и какъ они сдѣлали раньше при нападеніи турокъ на Каменецъ, совокупивъ всѣ свои силы, никто бы не сравнялся съ ними въ могуществѣ, кромѣ одного Бога.

Краль ихъ былъ втайнѣ другомъ Хмеля, посылалъ къ нему, ободрялъ и подкрѣплялъ его намѣренія, имѣя цѣлью уничтожить всѣхъ своихъ вельможъ. Познавъ наконецъ объ этомъ, они перехитрили его, опоили ядомъ, и онъ умеръ. Увы! какъ жаль его! На его мѣсто посадили его брата. Когда ляхи подъ конецъ убѣдились, что безсильны сладить съ Хмелемъ, то заключили съ нимъ дружескій договоръ, съ цѣлью обмануть его и отравить; но не могли. Пробовали всякія ухищренія, чтобы умертвить его, но тщетно, ибо Богъ былъ съ нимъ.

Въ такихъ отношеніяхъ онъ находится къ нимъ и по сіе время. Когда татары увлеклись жадностью и отдѣлились отъ Хмеля, послѣдній послалъ изъявить свою покорность царю московскому. Наконецъ дѣло было слажено при посредствѣ патріарха и по причинѣ ревности московитовъ къ православной

вѣрѣ. Царь прислалъ Хмелю и всѣмъ его вельможамъ царскіе кафтаны и пожаловалъ его въ князья по важности его государства. Потомъ онъ отправилъ двухъ воеводъ, т. е. министровъ, съ 60 тысячъ войска въ городъ Кіевъ. Они построили вокругъ него крѣпость, вооружили и утвердились въ ней, чтобы отражать отъ казаковъ враговъ ихъ ляховъ. Царь записалъ на службу 40,000 казаковъ съ ежегоднымъ жалованьемъ отъ казны, присоединивъ ихъ къ своему войску. Между царемъ и ляхами и ихъ кралемъ была большая дружба, а потому онъ отправилъ своего посла сказать имъ такъ: „да будетъ вамъ извѣстно, что я требую отъ васъ трехъ вещей, если желаете, чтобы старая дружба сохранилась между нами: во-первыхъ, такъ какъ земля русскихъ, т. е. казаковъ, стала моею, то вы болѣе не ходите на нихъ войной и не причиняйте имъ никакой обиды, и какъ у васъ есть татары-и имѣютъ мечети, евреи—и имѣютъ молельни, армяне—и имѣютъ церкви, то наравнѣ съ ними считайте и братьевъ Христа казаковъ, которые, подобно мнѣ, православные; во-вторыхъ, вы должны именовать меня царемъ Великой и Малой Россіи; въ-третьихъ, вы должны возвратить мнѣ городъ моихъ предковъ Смоленскъ со всѣми въ немъ находящимися пушками, военными снарядами и оружіемъ. Если вы согласны на это, прежняя дружба между нами и вами останется; въ противномъ случаѣ знайте, что я пойду на васъ войной“.

Разсказываютъ, что ляхи, выслушавъ это, воспротивились, въ особенности одинъ, по имени Радзивилъ, зять Василія, господаря Молдавіи, который былъ великимъ гетманомъ и независимымъ въ той странѣ, а также и многіе другіе. Говорятъ, что краль давалъ свое согласіе, да тѣ не захотѣли.

Смотри же, что сдѣлали эти негодяи, не имѣющіе надъ собою главы. Въ нынѣшнемъ году на Пасхѣ, именно въ ночи на великую пятницу, субботу свѣта и Пасху, они пришли и напали неожиданно на 70—80 базаровъ [1] въ странѣ казаковъ, зная, что жители ихъ (въ эти дни) заняты молитвами въ своихъ церквахъ и что казаки никогда не берутся за оружіе въ великій постъ. Ляхи (сдѣлали это) главнымъ образомъ съ цѣлью досадить царю, къ которому казаки прибѣгли подъ защиту. При этомъ нападеніи они избили мечомъ всѣхъ, кого застигли, даже грудныхъ младенцевъ, распарывали животы у беременныхъ женщинъ и убѣжали. Услыхавъ объ этомъ, Хмель послалъ за ними войско, но ихъ не настигли, а разбили ихъ арріергардъ, который былъ

[1] Подъ этимъ именемъ авторъ, очевидно, разумѣетъ селеніе, имѣющее базарную площадь съ лавками.

весь истребленъ вмѣстѣ съ однимъ изъ езуитовъ, ихъ подстрекавшимъ. Потомъ казаки напали на нѣкоторые ляшскіе базары, перебили всѣхъ, кого тамъ нашли, и предали огню, въ возмездіе за то, что тѣ съ ними сдѣлали.

Разсказываютъ, что царь, свѣдавъ впослѣдствіи объ этомъ, чрезвычайно разгнѣвался и снарядился въ походъ противъ ляховъ, ибо кровь мучениковъ, ими избіенныхъ, смѣшавшаяся съ кровью Христа, ихъ Господа, наканунѣ Его честнаго распятія, вопіяла объ нихъ къ Богу. Христолюбивому царю было внушено идти на ляховъ войной болѣе чѣмъ съ 600 тысячъ. Онъ вышелъ изъ своей столицы, города Москвы, въ понедѣльникъ, въ который было начало Петрова поста, именно въ тотъ самый день, въ который мы выѣхали изъ Валахіи, какъ мы въ этомъ удостовѣрились впослѣдствіи. Онъ пошелъ на Смоленскъ и осадилъ его,ославъ Хмелю 90,000 ратниковъ, а одного изъ своихъ визирей со 100,000 всадниковъ отправилъ къ границамъ татарской земли, чтобы стеречь тамошнія мѣста и не допускать татаръ выйти на помощь ляхамъ. Но ханъ татарскій, растративъ большія богатства, взятыя у ляховъ, послалъ къ нимъ съ извиненіемъ: „я не имѣю возможности выступить изъ своей земли къ вамъ на помощь по причинѣ множества московитовъ, которые стоятъ на сторожѣ“. Вскорѣ онъ умеръ и на мѣсто него сталъ ханомъ другой. Вотъ что произошло.

Глава V.

Украйна.—Дальнѣйшій путь.—Многолюдство.—Обиліе городовъ.—Укрѣпленія.—Татарскіе набѣги.

Возвращаемся (къ разсказу). Мы выѣхали изъ упомянутаго Димитрашкова чрезъ его знаменитую деревянную крѣпость и мосты. Проѣхавъ полторы мили, прибыли въ другой базаръ, по имени *Хораджкоуа* (Горячковка). При нашемъ приближеніи, также вышли за городъ навстрѣчу нашему владыкѣ патріарху всѣ его жители, большіе и малые и женщины. Они обыкновенно становились въ два ряда; когда приближался къ нимъ нашъ владыка патріархъ, всѣ падали ницъ на землю, пока онъ не благословлялъ ихъ и не проходилъ: тогда они вставали. Всѣ мужчины въ этой странѣ носятъ въ рукахъ палки. Послѣ того какъ владыка приложился къ иконѣ и кресту, они пошли впереди насъ [съ пѣніемъ] и ввели насъ при звонѣ колоколовъ въ свою церковь во имя св. Михаила. Потомъ насъ повели въ трапезу, а нашимъ лошадямъ дали травы. Мы пробыли здѣсь недолго. Насъ вышли проводить за городъ.

Проѣхавъ еще двѣ мили, мы прибыли въ другой базаръ, по

имени *Лясковска* (Мясковка?), [1] который имѣетъ деревянную стѣну и крѣпость. Теперь копаютъ рвы вокругъ этихъ городовъ изъ опасенія того, что сдѣлали ляхи въ ночи передъ Пасхой. Навстрѣчу намъ также вышли всѣ жители этого города, священники въ облаченіяхъ, съ хоругвями и свѣчами, при пѣніи дѣтей, и *боркоуникосъ* (полковникъ) Михаилъ, который стоялъ внѣ города съ 12000 войска для надзора за границей страны ляховъ, Молдавіи и страны татаръ. Насъ ввели въ церковь во имя Владычицы. Въ городѣ есть еще другая церковь во имя св. Николая. Въ немъ мы переночевали. Рано поутру всѣ вышли насъ провожать и снарядили съ нами нѣсколько ратниковъ.

Проѣхавъ двѣ мили, мы прибыли въ другой базаръ, окруженный укрѣпленіями и имѣющій внутри деревянную крѣпость; имя его *Жабокризъ* (Жабокрячь). Всѣ также вышли намъ навстрѣчу. У нихъ принято пѣть передъ патріархомъ стихиру: „Царю (небесный?)“, а когда онъ войдетъ въ церковь, поютъ „Достойно есть“, пока онъ прикладывается къ мѣстнымъ иконамъ, а протопопъ возглашаетъ: „помилуй насъ Боже“. Ничто такъ не трогало наше сердце, какъ пѣніе мальчиками отъ всей души „Достойно есть“ и пр. Въ этомъ городѣ двѣ церкви: во имя Рождества Богородицы и св. Михаила.

Нашъ путь въ этотъ день и далѣе шелъ лѣсомъ (изъ деревьевъ) *малулъ* (дубъ?). Ляхи, во время своего владычества, имѣли въ немъ свою силу, пользуясь имъ для постройки крѣпостей, городовъ и жилищъ. Казаки, овладѣвъ страной, раздѣлили земли между собою и теперь этотъ лѣсъ рубятъ, выжигаютъ корни и засѣваютъ землю зерномъ.

Всякій базаръ и мѣстечко въ землѣ казаковъ обилуютъ жителями, въ особенности маленькими дѣтьми. Каждый городъ имѣетъ, можетъ быть, до 40, 50 и болѣе тысячъ душъ; но дѣти многочисленнѣе травы и всѣ умѣютъ читать, даже сироты. Вдовъ и сиротъ въ этой странѣ множество; ихъ мужья были убиты въ безпрерывныхъ войнахъ. Но у нихъ есть хорошій обычай: они женятъ своихъ дѣтей юными и по этой причинѣ они многочисленнѣе звѣздъ небесныхъ и песка морского.

Вблизи каждаго города или селенія непремѣнно бываетъ большой прудъ, образуемый дождевой водой или текущими рѣками; онъ называется *халистао* (хелештеу) [2], т. е. садокъ для рыбы.

---

[1] Здѣсь имѣется слѣдующая вставка: „знай, что во всѣхъ этихъ странахъ всегда бываетъ протопопъ, который занимаетъ первое мѣсто между священниками при возглашеніи и прочемъ“.

[2] Едва-ли въ Малороссіи употреблялось это венгерское названіе, которое авторъ слыхалъ въ Молдовалахіи.

Посрединѣ онъ имѣетъ деревянную плотину, на которой лежатъ связки хвороста, покрытыя навозомъ и соломой; подъ нею текутъ протоки, которые вертятъ мельницы, такъ что жители имѣютъ вмѣстѣ и воду, и рыбу, и мельницы и ни въ чемъ не нуждаются. Все это непремѣнно есть въ каждомъ базарѣ и маленькомъ селеніи. Приспособленія, употребляемыя ими для вращенія мельницъ, изумительны, ибо мы видѣли мельницу, которая приводилась въ движеніе горстью воды.

Знай, что начиная съ Валахіи и Молдавіи въ странѣ казаковъ и землѣ московской всѣ дороги проходятъ чрезъ средину городовъ и деревень, при чемъ путешественникъ вступаетъ въ одни ворота и выѣзжаетъ въ другія, а потайныхъ дорогъ мимо городовъ вовсе нѣтъ. Это большая охрана.

Мы выѣхали изъ Жабокрича, послѣ того какъ священники въ облаченіяхъ съ хоругвями проводили насъ за городъ по своему всегдашнему обыкновенію. По дорогѣ мы переѣзжали чрезъ большую рѣку, на которой въ каждой преградѣ сдѣланъ шлюзъ для собиранія рыбы и для мельницъ, такъ что мы приходили въ изумленіе: въ своей странѣ мы называемъ друзовъ удерживающими землю, [1] а эти казаки задерживаютъ воду. Проѣхавъ двѣ мили, мы прибыли въ базаръ, или вѣрнѣе городъ, больше и лучше пройденныхъ нами; имя его *Ободоука* (Ободовка). Въ немъ есть большое высокое укрѣпленіе. Мы въѣхали такимъ же образомъ, какъ уже разсказывали, по мосту, что надъ прудомъ посрединѣ города. Навстрѣчу намъ вышли, по обыкновенію, священники въ облаченіяхъ, съ крестами и хоругвями, а также правители города и все его населеніе, не исключая дѣтей и женщинъ. Въ городѣ двѣ деревянныя церкви: во имя Успенія Богородицы и св. Михаила, величественныя и высокія, съ куполами и открытыми высокими колокольнями, которыя мы видѣли издалека. Намъ случалось посѣщать величественныя церкви зимнія и лѣтнія, съ многочисленными, сердце веселящими, стеклянными окнами; всѣ онѣ выстроены недавно, со времени правленія гетмана Зиновія Хмеля (да продлитъ Господь жизнь его!). Имена у казаковъ, мужчинъ и женщинъ, всѣ даются въ честь самыхъ уважаемыхъ святыхъ.

Священники ихъ имѣютъ особый знакъ: они носятъ колпаки изъ чернаго сукна съ черной мѣховой опушкой, не отличаю-

[1] Авторъ имѣетъ при этомъ въ виду, по всей вѣроятности, главный городъ друзовъ Дейръ эль-Камаръ (близъ Бейрута). Мѣстоположеніе его въ высшей степени живописно: дома построены на крутыхъ скатахъ и надъ ними высятся громадныя скалы; но всего замѣчательнѣе его сады, устроенные на уступахъ,—истинное чудо трудолюбія и терпѣнія.

щіеся отъ бархатныхъ. У богатыхъ изъ нихъ колпаки изъ чернаго бархата съ собольимъ мѣхомъ. Протопопъ носитъ суконную шляпу съ крестомъ; богатые—черную бархатную. Предъ архіереями они стоятъ съ открытой головой, равно и въ церкви.

Мы отправились отсюда въ среду утромъ 14 іюня и ѣхали между многочисленными садами, конмъ нѣтъ счета, и рѣками справа и слѣва. Виднѣлись разнородные посѣвы вышиною въ ростъ человѣка, подобные огромному морю по длинѣ и ширинѣ. Проѣхавъ одну милю, мы прибыли къ довольно большому городу съ деревянною обширною крѣпостью, со стѣнами кругомъ, со рвами и пушками; его имя *Балансука* (Балановка). Вокругъ каждаго города, т. е. за крайними домами, бываетъ деревянная стѣна, а внутри другая. Надъ крѣпостными воротами стоитъ высокій деревянный брусъ съ изображеніемъ распятаго Христа (да будетъ прославлено имя Его!) и орудій Его распятія, т. е. молотка, клещей, гвоздей, лѣстницы и пр. Распятіе существуетъ со временъ ляховъ. И здѣсь также вышли намъ навстрѣчу. Черезъ часъ мы выѣхали отсюда и, проѣхавъ еще милю, достигли трехъ другихъ мѣстечекъ, лежащихъ рядомъ на берегу рѣки, съ тремя деревянными укрѣпленіями и тремя рвами; имя ихъ *Самока* (Сумовка). Насъ повели въ церковь въ честь св. Параскевы.

Знай, что на дверяхъ каждой изъ церквей казацкихъ бываетъ желѣзная цѣпь, въ родѣ той цѣпи, которую налагаютъ на шею плѣнникамъ. Мы спросили объ ней и намъ сказали, что всякому, кто приходитъ въ церковь на разсвѣтѣ послѣ звона, [1] вѣшаютъ эту цѣпь на шею на цѣлый день и онъ остается распятымъ на дверномъ створѣ, не имѣя возможности шевельнуться. Это его епитимія.

Чрезъ часъ мы выѣхали и переправились на судахъ близъ этого города чрезъ упомянутую широкую рѣку, называемую *Бухо* (Бугъ). Затѣмъ мы проѣхали еще двѣ мили и вечеромъ прибыли къ двумъ базарамъ съ укрѣпленіями, рвами и высокими крѣпостями внутри. Они называются *Соболонка* (Соболевка). Въ одной изъ крѣпостей есть одна церковь во имя Господа Христа, въ другой — двѣ величественныя церкви во имя св. Николая и св. Михаила. По близости находятся два большіе озера. Ради насъ устроили большой крестный ходъ съ хоругвями. Утромъ въ четвергъ мы встали рано. Проѣхавъ менѣе двухъ миль, мы достигли другого мѣстечка. Оно возвышенное, съ укрѣпленіями и

[1] Такъ по нашей рукописи. Въ англійскомъ переводѣ: „кто *не* приходитъ“...

прудами воды вокругъ и называется *Можука* (Мочулка). Въ немъ двѣ высокія церкви во имя Успенія и св. Николая. Проѣхали еще милю и прибыли къ тремъ другимъ большимъ мѣстечкамъ, которыя имѣютъ укрѣпленія, каждое отдѣльно; имя ихъ *Стебаноука* (Степановка); въ каждомъ изъ нихъ есть хорошая церковь: одна — во имя Владычицы, другія—св. Михаила и св. Николая. Но онѣ пострадали отъ огня, ибо эти мѣстечки изъ числа тѣхъ, на кои напали ляхи въ пасхальные дни, перебили жителей и сожгли. Вслѣдъ затѣмъ мы прибыли къ другому мѣстечку неподалеку отъ тѣхъ, съ хорошимъ укрѣпленіемъ, по имени *Фажна* (Важна). Подлѣ упомянутыхъ мѣстечекъ находятся пруды, на истокахъ которыхъ стоятъ мельницы. Тутъ есть прекрасная церковь во имя св. Николая. Проѣхавъ еще милю, мы прибыли въ другое мѣстечко съ укрѣпленіемъ и церковью во имя св. Николая. Оно называется *Яніо* (Яновъ). Тутъ мы ночевали.

Всѣ эти базары лежатъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи: и такъ по всей землѣ казаковъ. О, какая это благословенная страна! Не успѣешь пройти разстояніе, равное разстоянію между Алеппо и ханомъ Туманъ [1], какъ встрѣтишь по дорогѣ десять, восемь или пять селеній. Такъ на большихъ дорогахъ, а что справа и слѣва отъ нихъ, то безсчетно. Каждый городъ непремѣнно имѣетъ три деревянныя стѣны, содержимыя въ исправности: внѣшняя связана изъ отдѣльныхъ частей, [2] чтобы конница не могла ворваться; двѣ другія, со рвами между ними, находятся внутри города. Непремѣнно бываетъ крѣпость съ пушками, такъ что, въ случаѣ если жители будутъ побѣждены непріятелемъ, который проникнетъ чрезъ всѣ три стѣны, то они могутъ уйти въ крѣпость и въ ней обороняться. Подлѣ городской стѣны находится большое озеро воды, на подобіе огромнаго рва, и дорога проходитъ чрезъ него по узкому мосту. При великой опасности мостъ разрушаютъ и потому не боятся врага.

Бо́льшая часть этихъ укрѣпленій была построена только изъ опасенія татаръ, которые появляются въ этой странѣ неожиданно. Обыкновенно, выступая изъ своей страны, они не сообщаютъ своимъ ратникамъ, куда идутъ, чтобы вѣсть о томъ не распространилась. Они проходятъ разстояніе пяти, шести дней пути въ одинъ день конными отрядами. У каждаго всадника четыре, пять заводныхъ лошадей и, когда какая-нибудь изъ нихъ

---

[1] Ханъ (постоялый дворъ) Туманъ въ трехчасовомъ разстояніи къ Ю. В. отъ Алеппо; въ настоящее время въ развалинахъ.

[2] Вѣроятно палисадъ, или тынъ.

устанетъ, онъ садится на другую. Пройдя такимъ образомъ на разстояніе мѣсячнаго пути, они прячутся въ горахъ и степяхъ, ночью неожиданно нападаютъ и убѣгаютъ, ибо вовсе не имѣютъ силы для войны. Таковы ихъ дѣйствія въ этой странѣ. Когда она находилась въ рукахъ ляховъ, то каждые двадцать, тридцать, сорокъ или пятьдесятъ базаровъ были во власти одного бея, а казаки были его подданными, вѣрнѣе рабами: ихъ заставляли работать днемъ и ночью надъ сооруженіемъ этихъ укрѣпленій, копаньемъ рвовъ и прудовъ для воды, очищеніемъ земель и прочимъ. Когда же овладѣлъ правленіемъ гетманъ Зиновій Хмель (дай Богъ ему долго жить!), то они получили всѣ права и власть надъ тѣмъ самымъ, надъ чѣмъ въ работѣ томились и страдали: враги обманулись въ своихъ разсчетахъ.

Глава VI.

Украйна. — Дальнѣйшій путь. Разоренныя мѣстечки. Хмельницкій и казаки. Дворцы польскихъ вельможъ. Умань. Особенности церковной службы.

Вставши утромъ въ пятницу, мы проѣхали одну милю и прибыли въ мѣстечко, или базаръ, по имени *Явбазъ* (Обозовка?). Оно окружено прудами воды съ мельницами. Въ немъ есть красивая церковь. Крѣпость же и всѣ стѣны сгорѣли, ибо это мѣстечко изъ числа тѣхъ, которыя были сожжены безбожными ляхами въ ночи передъ Пасхой. Такъ какъ этотъ городъ былъ хорошо укрѣпленъ, то жители сосѣднихъ базаровъ бѣжали въ него. Невѣрные осадили ихъ, и какъ люди были не готовы къ оборонѣ, то враги одолѣли ихъ, набросились на нихъ и всѣхъ избили мечомъ; такимъ образомъ они сдѣлались соучастниками Господа ихъ Христа въ страданіяхъ. Ихъ было тысячи. Вокругъ этого города есть еще четыре базара, съ которыми было поступлено такъ же.

Не останавливаясь, мы проѣхали еще одну малую милю и прибыли въ мѣстечко, по имени *Талалайока* (Талалаевка), съ которымъ было сдѣлано то же. Вскорѣ затѣмъ мы достигли другого базара, вблизи перваго, по имени *Городока* (Орадовка). Укрѣпленіе его сожжено, но въ немъ осталось небольшое число людей. Наши сердца разрывались за нихъ и по причинѣ случившагося. Однако они вышли насъ встрѣтить по обычаю и привели насъ въ великую церковь, во имя св. Михаила. До сихъ поръ мы не видѣли въ землѣ казаковъ подобной ей по высотѣ и величественности ея пяти куполовъ. Рѣшетка галлерей, окружающей церковь, вся точеная, и колокольня надъ ея

вратами также имѣетъ рѣшетку. Церковь эта новая, но жителямъ не удалось порадоваться на нее. Всѣ мы много плакали по тѣмъ тысячамъ мучениковъ, коихъ убили враги вѣры и обманщики въ этихъ сорока или пятидесяти мѣстечкахъ, въ числѣ, можетъ быть, семидесяти, восьмидесяти тысячъ душъ. О, невѣрные! О, нечистые люди! О, жестокія сердца! Что сдѣлали женщины, дѣвицы, дѣти и младенцы, чтобъ ихъ убивать? Если у васъ есть мужество, идите воевать со старцемъ (да продлится его жизнь!), который сдѣлалъ васъ посмѣшищемъ міра, избилъ вашихъ вельможъ и князей, истребилъ вашихъ храбрецовъ и отважныхъ мужей и обратилъ васъ въ предметъ презрѣнія и посмѣянія смотрящаго. Его имя Хмель.[1] Какое это прекрасное имя: ловкій! Сами ляхи назвали его Хмелемъ, а слово „хмель“ у нихъ значитъ: ловкій. Такъ его назвалъ краль. Они примѣнили къ нему это прозвище „Хмель“, по имени растенія, которое у нихъ произрастаетъ; оно похоже на фасоль цвѣтами и листьями, но вьется по деревьямъ подобно *лефляфэ*.[2] [Этотъ родъ *лефляфэ* они сѣютъ во всей этой странѣ въ своихъ огородахъ и садахъ, гдѣ оно вьется по длиннымъ жердямъ, которыя они ставятъ для сей цѣли. Его плоды собираютъ послѣ увяданія цвѣтовъ, которые испещрены зелеными пятнами, и кладутъ ихъ въ кипящую жидкость, которую они обращаютъ въ спиртный напитокъ, именно (кладутъ) въ отваръ овса[3] (сѣмени похожаго на пшеницу), изъ коего выгоняется крѣпкій спиртъ]. Зимою оно обыкновенно засыхаетъ и служитъ топливомъ, а когда наступаетъ весна на Пасхѣ, оно даетъ ростокъ и поднимается. Поэтому они и сравнивали съ нимъ Хмеля, ибо во время поста онъ прекращаетъ войну и битвы, слагаетъ мечъ и ведетъ мирную жизнь у себя дома. Тогда являются тѣ, у которыхъ нѣтъ ни главы, ни вѣры, жгутъ, разоряютъ и убиваютъ вплоть до Пасхи, а онъ сидитъ спокойно. Но когда наступитъ свѣтлая Пасха [съ ея цвѣтами], онъ поднимается и къ нему собирается

---

[1] Павелъ называетъ Хмельницкаго вездѣ Хмелемъ (собственно *Ихмиль*, по свойству арабскаго произношенія). Такъ же онъ постоянно именуется въ хроникѣ о возстаніяхъ казаковъ, на древне-еврейскомъ языкѣ, авторомъ которой былъ современникъ Хмельницкаго, заславскій еврей Натанъ Моисеевъ Ганноверъ. Эта хроника издана въ 1895 г. въ нѣмецкомъ переводѣ докторомъ Манделькерномъ въ Лейпцигѣ. Нужно думать, что Хмель было настоящей малорусской фамиліей знаменитаго гетмана, передѣланной потомъ на польскій ладъ въ Хмельницкій.

[2] Названіе какого-то вьющагося растенія. По мнѣнію Сильвестра де-Саси, это то же, что *леблябъ*, phaseolus niger.

[3] Въ рукописи (лондонской) стоитъ вѣроятно слово *фариза*. Но этимъ словомъ авторъ несомнѣнно называетъ рожь, а не овесъ.

500.000 бойцовъ, воителей за вѣру православную, ратующихъ до самопожертвованія по любви къ Господу ихъ, а не изъ желанія получать содержаніе или иныя выгоды. Хмель теперь можетъ гордиться этимъ предъ царями всей земли, ибо у него болѣе 500.000 ратниковъ, которые служатъ безъ всякаго содержанія. По его зову они являются къ нему на помощь со своимъ запасомъ съѣстного и всего имъ необходимаго. И они всѣ, и онъ, отъ праздника Пасхи до великаго заговѣнья, [1] обитаютъ въ степяхъ, въ разлукѣ съ женами и дѣтьми, въ цѣломудріи и совершенной чистотѣ. Въ такомъ положеніи они находятся изъ года въ годъ до сихъ поръ, вотъ уже восемь лѣтъ. Какой это благословенный народъ! Какъ онъ многочисленъ! Какая (строго) православная вѣра! Какъ она велика! Столько тысячъ ихъ убито [въ сраженіяхъ или при нечаянномъ нападеніи], столько тысячъ татары увели въ плѣнъ, и все-таки они теперь насчитываютъ такое огромное множество войска (да будетъ благословенъ ихъ Творецъ!).

Но сколько ляховъ перебили казаки! сотни тысячъ съ женами и дѣтьми, не оставляя изъ нихъ ни единаго. Мы усматривали дворцы ихъ вельможъ и правителей, находящіеся внутри крѣпостей, съ большого разстоянія, по той причинѣ, что ихъ высота съ куполами и рѣшетками громадна. Кто ихъ осматриваетъ и входитъ туда, восхищается ихъ изяществомъ и устройствомъ, а также ихъ кантурами, коп много выше кипарисовъ; это мѣста для огня, который разводятъ зимою. Теперь эти дворцы въ развалинахъ, безлюдны и служатъ убѣжищемъ собакамъ и свиньямъ. Что касается породы жидовъ и армянъ, то ихъ въ конецъ истребили. Красивые дома, лавки и постоялые дворы, имъ принадлежавшіе, теперь сдѣлались логовищемъ для дикихъ звѣрей, ибо Хмель (да будетъ долга его жизнь!), завла дѣвъ этими многочисленными городами, истребилъ въ нихъ цѣликомъ всѣ чужіе народы, и теперь эта страна занята чистоправославными казаками.

Возвращаемся (къ разсказу). Жители упомянутаго города просили нашего владыку патріарха освятить ихъ церковь, ибо проклятые ляхи въ нее входили, разбили образа и осквернили ее. Отъ Пасхи по сію пору въ ней не служили, ожидая проѣзда чрезъ городъ архіерея, который бы освятилъ ее для нихъ. Нашъ владыка патріархъ совершилъ водосвятіе и освятилъ церковь.

Тотчасъ послѣ этого мы выѣхали и сдѣлавъ еще двѣ (большія) мили, прибыли въ большой городъ, раздѣленный на три

[1] Передъ великимъ постомъ.

крѣпости, изъ коихъ каждая на одной сторонѣ. Третье изъ этихъ укрѣпленій представляетъ огромную деревянную цитадель на возвышеніи, которую въ настоящее время строятъ вновь: копаютъ рвы, укрѣпляютъ прочными башнями и снабжаютъ пушками. Имя города *Хумано* (Умань). Всѣ по обыкновенію вышли встрѣтить насъ съ хоругвями и свѣчами, священники и дьяконы въ облаченіяхъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Симеономъ и его войскомъ. Онъ стоялъ внѣ этого города со своимъ многочисленнымъ отрядомъ для надзора за границей татаръ и ляховъ.

[Замѣчено нами, что на шеяхъ лошадей вельможъ въ странѣ казаковъ виситъ серебряный крестъ, а на шеяхъ лошадей воеводъ въ Московіи и между глазами и на уздечкахъ все пространство покрыто золочеными крестами].

Насъ привели въ величественную высокую церковь съ желѣзнымъ куполомъ краснаго зеленаго цвѣта. Она очень обширна, вся росписана и построена изъ дерева. Ея серебряныя лампады со свѣчами прекраснаго зеленаго цвѣта многочисленны. Надъ нарѳексомъ красивая звонница. Въ немъ есть высокая рѣшетка, обращенная къ хоросу; за нею стоятъ пѣвчіе и поютъ по своимъ нотнымъ книгамъ съ органомъ [1]; голоса ихъ раздаются подобно грому. Этотъ городъ есть первый большой городъ въ землѣ казаковъ; его дома высоки и красивы, большая часть принадлежала ляхамъ, евреямъ и армянамъ; они со многими округлыми окнами изъ разноцвѣтнаго стекла, надъ которыми висятъ иконы. Горожане одѣты въ очень хорошее платье. Въ городѣ девять великолѣпныхъ церквей съ высокими куполами: во имя Воскресенія, Вознесенія, св. Троицы, Рождества Богородицы, Успенія, св. Михаила, св. Николая, Воздвиженія Креста, а также въ честь св. Пасхи; ибо этотъ городъ былъ центральнымъ и столичнымъ при ляхахъ и заключаетъ много ихъ царскихъ дворцовъ.

Въ субботу мы слушали у нихъ литургію, отъ которой вышли не раньше, какъ наши ноги стали никуда негодны отъ долгаго стоянія, ибо, какъ мы упомянули, въ церквахъ у нихъ нѣтъ сидѣній. Они очень растягиваютъ свои молитвы, пѣніе и литургіи; въ особенности, когда говоритъ ектенію священникъ или дьяконъ и пѣвчіе, стоящіе наверху, поютъ на ихъ языкѣ: „*Хосбуди бумилуй*“, то-есть Киріе элеисонъ, то каждое поется по нотамъ около четверти часа. Мы сосчитали, что при „ёпю-

[1] Описываемая церковь была, вѣроятно, раньше польскимъ костеломъ, и потому въ ней имѣлся органъ. Но довольно странно, что онъ употреблялся при православномъ богослуженіи и, какъ видно изъ словъ автора.

μεν πάντες, то есть „рцемъ вси“, священникъ въ землѣ казаковъ и въ странѣ московитовъ возглашаетъ это въ пятнадцати прошеніяхъ и при каждомъ прошеніи „Господи помилуй“ поется много разъ. Мы насчитали, что они пѣли „Господи помилуй“ при этой ектеніи до ста разъ и точно также при другихъ ектеніяхъ. Читаютъ непремѣнно два апостола и два евангелія. Чтецъ произноситъ апостолъ лучшимъ напѣвомъ, чѣмъ мы читаемъ евангеліе, слово за слово. Непремѣнно читаютъ съ пѣніемъ псалмы Давида и прокименъ со стихирами на каждый день въ теченіе всего года, также при чтеніи [1] евангелія, „слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ“, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ, поютъ съ органомъ. Что касается прекраснаго пѣнія ими „Достойно есть“, то всѣ присутствующіе священники съ клиросными мальчиками собираются на середину (церкви) и поютъ эту пѣснь хоромъ отъ всего сердца. При упоминаніи Богородицы всѣ дѣлаютъ земные поклоны, имѣя голову обнаженною, даже священники. Ты могъ бы видѣть ихъ, читатель, стоящими въ церкви недвижимо, подобно камнямъ. Мы же много страдали отъ усталости, такъ что душа у насъ разрывалась отъ изнеможенія и тоски. Но съ ихъ стороны, какъ нами упомянуто, мы видѣли чрезвычайную набожность, богобоязненность и смиреніе. Они являлись толпами, спѣша другъ передъ другомъ, чтобы получить благословеніе и приложиться ко кресту изъ рукъ нашего владыки патріарха. Когда мы проѣзжали по дорогамъ, то они, видя поднятый на шестѣ крестъ, хотя бы были заняты въ это время жатвой, обращались лицомъ къ востоку, съ женами и дѣтьми, и творили крестное знаменіе; мужчины и юноши бросали серпы и работу и спѣшили бѣгомъ для полученія благословенія отъ нашего владыки патріарха. Проѣзжающіе сходили съ коней и изъ экипажей еще издали, отходили отъ дороги и стояли въ рядъ съ обнаженными головами, пока не проѣдетъ мимо ихъ нашъ владыка патріархъ въ своемъ экипажѣ. Они кланялись до земли, потомъ подходили, прикладывались ко кресту и его правой рукѣ и уходили.

Возвращаемся. Мы вышли отъ обѣдни около полудня. Упомянутый полковникъ Симеонъ со своимъ кіайей [2] поддерживалъ подъ руки нашего владыку патріарха по ихъ обычаю, пока не ввелъ его въ свой домъ. Нашъ владыка совершилъ для него водосвятіе и прочелъ надъ нимъ и его супругой молитву отпущенія грѣховъ. Мы сѣли за трапезу. Когда мы встали, онъ насъ проводилъ до мѣста нашей остановки.

[1] Въ подлинникѣ: „*послѣ* чтенія“.

[2] Повѣренный въ дѣлахъ.

Глава VII.

Украйна.—Дальнѣйшій путь. Торжественныя встрѣчи патріарха. Дворецъ Калиновскаго въ Маньковкѣ. Польскіе правители. Церковь. Армяне и евреи.

Мы выѣхали изъ Умани. Полковникъ проводилъ насъ за городъ и назначилъ намъ отрядъ, какъ раньше. Мы сдѣлали одну милю и прибыли въ другой базаръ съ укрѣпленіями и цитаделью, по имени *Краснобула* (Краснополка). По обыкновенію намъ была устроена встрѣча; ибо всякій разъ какъ мы уѣзжали изъ какого-нибудь города, одинъ изъ ратниковъ, насъ сопровождавшихъ, опережалъ насъ, везя письмо отъ полковника ко всѣмъ его подчиненнымъ съ оповѣщеніемъ имъ, чтобы они приготовили помѣщеніе, кушанья и напитки въ количествѣ, достаточномъ для всѣхъ нашихъ спутниковъ,—насъ было около сорока человѣкъ: мы и наши служители, наши спутники, игумены монастырей, и ихъ слуги—а также приготовили бы лошадей для нашихъ экипажей и накосили свѣжей травы для лошадей, ибо, какъ мы упомянули, въ этой странѣ во все лѣто до октября бываетъ зелень и цвѣты, и мы чрезвычайно удивлялись весеннимъ цвѣтамъ въ лѣтнее время.

Насъ обыкновенно встрѣчали за городомъ, по ихъ обычаю, съ хлѣбомъ, ради его изобилія; также, когда мы садились за столъ, прежде всего клали хлѣбъ. Жители города вышли намъ навстрѣчу на нѣкоторое разстояніе за городъ, какъ мы уже разсказывали. Бывало, когда приближались хоругви и кресты, нашъ владыка патріархъ, изъ благоговѣнія къ нимъ, выходилъ (изъ экипажа), по своему всегдашнему обыкновенію, и шелъ въ мантіи на большое разстояніе, пока не входили въ церковь, откуда мы такимъ же образомъ шли до (приготовленнаго намъ) помѣщенія, у воротъ котораго водружался крестъ на шестѣ.

Посѣтивъ церковь св. Михаила, мы тотчасъ уѣхали и, сдѣлавъ еще милю, вечеромъ въ пятое воскресенье по Пятидесятницѣ прибыли въ большой городъ съ тремя укрѣпленіями и тремя цитаделями, по имени *Макука* (Маньковка). Онъ имѣетъ четыре большіе пруда; дома его великолѣпны, красивы: они принадлежали евреямъ и армянамъ. Въ немъ четыре церкви: во имя Преображенія Господня, св. Михаила, Владычицы и св. Николая. За городомъ есть монастырь, который теперь строятъ вновь.

Мы были встрѣчены по обычаю за городомъ священниками и дьяконами съ хоругвями, крестами и многочисленными свѣ-

чами. Насъ ввели въ церковь съ пѣніемъ, которое продолжалось, пока протопопъ не сказалъ ектенію, поминая имя нашего владыки патріарха антіохійскаго, ихъ митрополита Сильвестра, гетмана Зиновія и царя Алексія, по всегдашнему обыкновенію. Они вышли впереди насъ въ облаченіяхъ со свѣчами и пѣніемъ, пока не помѣстили насъ въ (приготовленномъ для насъ) домѣ. Нашъ владыка патріархъ преподалъ имъ благословеніе и они ушли.

Знай, что въ этой землѣ казаковъ нѣтъ вина, но взамѣнъ его пьютъ отваръ ячменя, очень пріятный на вкусъ. Мы пили его вмѣсто вина: что же было дѣлать? Но этотъ ячменный отваръ прохладителенъ для желудка, особенно въ лѣтнее время. Что касается меда, который также варятъ, то онъ опьяняетъ. Варится еще водка, которая дѣлается изъ *фариза* [1] (ржи), походящей на зерна пшеничнаго плевела; она дешева и въ большомъ изобиліи.

Вставши по утру въ это воскресенье, мы отстояли у нихъ утреню, а потомъ обѣдню. Затѣмъ я пошелъ осматривать дворецъ правителя этого города, котораго звали *Калиноске* (Калиновскій). Онъ былъ изъ числа значительныхъ правителей страны ляховъ. Главныхъ между ними было четверо: одинъ назывался *Потоске* (Потоцкій), второй—*Комиссари;* это тотъ самый, о которомъ мы разсказывали, какъ онъ былъ убитъ въ началѣ правленія казаковъ; онъ имѣлъ 200,000 войска. Третій—этотъ Калиновскій. Отъ города Умани до Рашкова, включая этотъ послѣдній, все, съ другими городами въ значительномъ числѣ, принадлежало ему и составляло его владѣніе. Онъ имѣлъ сорокъ головъ лучшихъ цѣнныхъ турецкихъ коней и двадцать тысячъ собственныхъ храбрецовъ, одѣтыхъ всѣ въ дорогія платья, да кромѣ нихъ у него было много тысячъ войска. Когда пришелъ Хмель и воевалъ съ нимъ и онъ былъ разбитъ, татары взяли его плѣнникомъ въ свою страну вмѣстѣ съ Потоцкимъ. Тогда молдавскій господарь Василій поручился за нихъ, пока они не откупились, каждый восемьюдесятью тысячъ золотыхъ. Четвертый архонтъ (вельможа) назывался *Фишнафаске* (Вишневецкій). Онъ былъ третьимъ правителемъ по ту сторону рѣки Днѣпра.

Василій, освобождая ихъ, имѣлъ въ виду сдѣлать имъ доброе дѣло, чтобы потомъ они воздали ему лучшимъ. И точно, они

---

[1] Сильвестръ де-Саси (Journal des Savants 1832) полагаетъ, что *фариза* есть искаженное русское слово *просо*. Но изъ описанія этого растенія, которое впослѣдствіи даетъ авторъ, почти несомнѣнно явствуетъ, что этимъ именемъ онъ называетъ рожь.

воздали, ибо именно ляхи послали помощь его врагу Стефану воеводѣ, когда тотъ шелъ войной подъ крѣпость Сучаву, попали, стрѣляя изъ пушекъ, въ Тимоѳея, сына Хмеля, его зятя, и убили его, какъ мы о томъ разсказывали. Василій обманулся въ своихъ предположеніяхъ, да и Хмель за это сильно разгнѣвался на него, ибо тѣ двое, вернувшись въ свою страну, возобновили войну съ Хмелемъ и казаками, но храбрый Тимоѳей выступилъ противъ нихъ, сразился съ ними и, убивъ обоихъ своимъ мечомъ, стеръ память ихъ съ лица земли.

Что касается палатъ Калиновскаго, то онѣ находятся на краю города и видны съ большого разстоянія по причинѣ своей высоты. Между ними и городомъ большая рѣка и огромный прудъ съ мостомъ. Палаты представляютъ крѣпость на вершинѣ высокаго холма; вокругъ нихъ большой ровъ и деревянная стѣна; наружная—связана (изъ кольевъ) противъ нападенія конницы, а другая, внутренняя, сплошная. Передъ воротами стоятъ большія пушки, а надъ воротными столбами съ обѣихъ сторонъ малыя пушки. По окружности крѣпости устроены прочныя деревянныя башни. Внутри двора есть обширная площадка, въ передней сторонѣ которой возвышается великолѣпное зданіе—дворецъ, весь изъ крѣпкаго, несгораемаго дерева *малулъ* (дубъ?), гладко обтесаннаго съ четырехъ сторонъ, отполированнаго и совершенно сплошного, такъ что не замѣтно склейки, а подумаешь, что весь домъ или стѣна изъ одного куска въ длину и ширину. Длина каждой доски, или четырехъугольнаго бруса пятьдесятъ локтей и болѣе, по нашему измѣренію, а въ ширину четыре локтя. По всему громадному дворцу съ каждой стороны четыре такихъ бруса лежатъ вдоль одинъ на другомъ до потолка. Въ этомъ зданіи множество помѣщеній, надъ которыми еще есть комнаты этажами, одинъ на другомъ. Что касается каптуровъ и печей, то-есть мѣстъ для огня въ зимнее время, то они громадны и по высотѣ много больше кипарисовъ, проникаютъ до самаго верхняго этажа и весьма широки. Близъ этого дворца есть огромныя конюшни. Мы поднялись по нѣсколькимъ лѣстницамъ на самый верхъ другого лѣтняго дворца, что надъ воротами крѣпости. Это цѣлые дворцы, одинъ надъ другимъ, имѣющіе множество оконъ со всѣхъ сторонъ. Они походятъ на постройки горы св. Симеона [1] у насъ и округа Маарра [2]; весьма

[1] Джебель Семанъ въ Верхней Сиріи. У подошвы ея находятся развалины Калаатъ Семанъ: онѣ лежатъ на скалѣ, вершина которой искусственно выровнена, и заключаютъ остатки стѣнъ и дворца, соединеннаго крытымъ ходомъ съ церковью, довольно хорошо сохранившейся. По преданію она была посвящена св. Симеону Столпнику.

[2] Маарра—большое селеніе также въ Верхней Сиріи, къ югу отъ Алеппо. Близъ него есть развалины древнихъ городовъ.

красивы и изукрашены рѣзьбой. Сидящему въ верхнемъ этажѣ видно, можетъ быть, на разстояніе одного дня пути и болѣе, всѣхъ, кто направляется сюда изъ разныхъ мѣстъ и по разнымъ дорогамъ. Теперь эти палаты въ развалинахъ, никѣмъ не обитаемы и будто плачутъ по своимъ прежнимъ владѣльцамъ.

Затѣмъ мы спустились и пошли къ великой церкви, что передъ крѣпостью, во имя св. Николая; такъ ее назвали теперь казаки. Въ настоящее время они работаютъ надъ ея куполами. Она изъ числа самыхъ великолѣпныхъ церквей по своей архитектурѣ, величественности, высотѣ и размѣрамъ. Внутри ея есть отгороженныя мѣста на подобіе креста, то-есть, оба клироса находятся въ углубленіи. Алтарь благолѣпный, большой; въ немъ, тамъ, гдѣ каѳедра (горнее мѣсто), стоятъ четыре огромныя деревянныя колонны, съ рѣзьбой и раскраской, всѣ въ позолотѣ, ничѣмъ не отличающіяся отъ кованныхъ (изъ золота); надъ ними возвышается родъ купола. Что касается тябла, то его дѣлаютъ вновь. На обоихъ клиросахъ есть мѣста, гдѣ стоятъ священники и пѣвчіе: они остались со временъ ляховъ. Всѣ колонны и деревянныя части церкви, а также аналои, на которые кладутъ книги, покрыты рѣзьбой и позолотой. Надъ большимъ нарѳексомъ есть мѣста съ рѣшетками, выходящіе на хоросъ; тамъ стоятъ пѣвчіе и поютъ съ органомъ. Высота лѣстницы, ведущей въ это мѣсто, очень велика. За церковными вратами находится колокольня. Церковный дворъ окруженъ деревянной стѣной и садиками [1].

Равно и всѣ дома этого города красивы и дерево ихъ гладко обтесано и отполировано, ибо, какъ мы упомянули, они принадлежали армянамъ и евреямъ, коихъ казаки стерли съ лица земли, завладѣвъ ихъ добромъ и богатствомъ, ихъ домами, имуществомъ, садами и землями. Они стоятъ того, ибо въ дни ляховъ они-то были правителями и господами, завѣдовали таможнями и въ конецъ поработали казаковъ. Когда Творецъ даровалъ власть этимъ послѣднимъ, то они стерли и самую память объ нихъ съ лица земли. О, какой это благословенный народъ! и какая это благословенная страна! Великое достоинство ея въ томъ, что нѣтъ въ ней совершенно ни одного чужого иной вѣры, а только чисто-православные, вѣрные и набожные. Какая ревность, свойственная святой душѣ и чистой вѣрѣ, поистинѣ православной! Блаженны глаза наши за то, что они видѣли, уши наши за то, что они слышали, и сердца наши за испытанную ими радость и восхищеніе. Бывъ въ плѣну и рабствѣ, казаки

[1] По подлиннику неясно, находился-ли садъ внутри стѣны, или снаружи.

теперь живутъ въ радости, веселіи и свободѣ; построили соборныя церкви, соорудили благолѣпныя иконы, честные и божественные иконостасы и знамена съ крестами (хоругви). Какъ мы замѣтили, церкви одна другой благолѣпнѣе, лучше, прекраснѣе, выше и больше; иконостасы, тябла и иконы одни другихъ краснѣе и превосходнѣе; даже сельскія церкви одна лучше другой. Люди начали громогласно исповѣдовать свою вѣру съ новымъ рвеніемъ и предались съ большою страстью ученію, чтенію и церковному пѣнію пріятнымъ напѣвомъ. И они достойны этого, ибо живутъ, довольствуясь весьма малымъ, ѣдятъ, что случится, и одѣваются, во что придется.

Глава VIII.

Украйна. Дальнѣйшій путь. Мельницы. Лѣса. Дѣти. Домашнія животныя. Породы свиней.

Вставъ поутру въ понедѣльникъ 19 іюня, мы проѣхали двѣ мили и прибыли въ другой большой базаръ, находящійся между горами, съ укрѣпленіями и цитаделью, устроенной изъ обрыва одной изъ горъ, съ большимъ озеромъ, протекающимъ въ долинѣ, на плотинѣ котораго стоятъ четыре мельницы съ удивительными двигательными снарядами, какъ и во всѣхъ другихъ мельницахъ этихъ странъ: потокъ воды низвергается сверху и приводитъ во вращеніе наружныя колеса, конхъ ось вертитъ мельницы для размельченія пшеницы. Есть также снаряды, которые приводятъ въ дѣйствіе толчеи для ржи и ячменя, при чемъ песты то поднимаются, то опускаются въ ступы. Рожь употребляютъ истолченной и размельченной для выкуриванія водки, а ячмень варятъ и извлекаютъ его сокъ. Имѣются еще толчеи для льна, который сѣютъ для изготовленія изъ него сорочекъ. Между колесами снаружи находятся большіе деревянные чаны, въ которыхъ во времена ляховъ валяли сукна, послѣ того какъ вода протекала по нимъ въ теченіе многихъ дней.

Возвращаемся. Имя упомянутаго города Буки. Въ немъ три церкви: во имя Успенія Богоматери, св. Михаила и св. Иліи. Послѣ того какъ насъ встрѣтили по обычаю съ хоругвями (жители) и священники и мы побывали въ церкви, нашего владыку патріарха попросили освятить для нихъ новую, четвертую церковь, еще неоконченную. Насъ повели туда съ крестнымъ ходомъ. Мы вошли. Нашъ владыка патріархъ, совершивъ водосвятіе, окропилъ всю церковь и алтарь, утвердилъ престолъ и жертвенникъ, освятилъ ихъ божественнымъ муромъ, прочелъ надъ

ними положенныя молитвы и напменовалъ церковь въ честь Святого Рождества, затѣмъ окропилъ всѣхъ присутствующихъ св. водой. Бывало, всякій разъ какъ мы вступали въ какую-нибудь деревню или городъ, насъ встрѣчали священники съ сосудомъ св. воды, и когда нашъ патріархъ выходилъ изъ экипажа и прикладывался ко крестамъ и образамъ, которые они держали въ рукахъ, а они лобызали его крестъ и правую руку, то ему подносили сосудъ со св. водой и онъ крестообразно окроплялъ присутствующихъ базиликомъ. Точно также, когда мы входили въ церковь, то послѣ ектеніи и совершенія отпуста обыкновенно ставили для него кресло, дабы онъ окропилъ св. водой всѣхъ присутствующихъ одного за другимъ. При выходѣ изъ церкви, онъ окроплялъ всѣхъ жителей города направо и налѣво, пока мы не доходили до (приготовленнаго намъ) помѣщенія.

Съ того времени какъ мы вступили въ землю казаковъ и до нашего выѣзда изъ нея, мы, по ихъ обычаю, безвозмездно пользовались карупами [1] и лошадьми на подмогу для перевозки нашей клади изъ города въ городъ, ибо наши лошади выбились изъ силъ на этомъ долгомъ пути.

Не медля, мы выѣхали изъ этого города и сдѣлали четыре мили. Весь нашъ путь лежалъ по громадному лѣсу изъ деревьевъ *малуль* (дубъ?). Его рубили, выжигали корни, вспахивали землю и дѣлали на мѣстѣ него посѣвы. Такъ поступали жители во всей этой странѣ; а въ дни владычества ляховъ, какъ намъ разсказывали, путешественникъ не могъ видѣть солнца: такъ были громадны и густы лѣса, потому что ляхи очень заботились о нихъ и выращивали какъ сады, о чемъ нами упомянуто, нуждаясь въ лѣсѣ для постройки городскихъ стѣнъ, укрѣпленій и домовъ. Казаки же, завладѣвъ лѣсомъ, раздѣлили землю (на участки), устроили изгороди и межи и рубятъ его ночью и днемъ.

Вечеромъ мы прибыли въ большой городъ также съ укрѣпленіемъ, водами и садами, ибо эта благословенная страна подобна гранату по своей величинѣ и цвѣтущему положенію. Имя города *Лисинка* (Лисянка). Въ немъ четыре церкви. Ту, что во имя Преображенія Господня, мы посѣтили. Надъ ея вратами виситъ новый, весьма большой мѣдный колоколъ, коего звонъ мы слышали на разстояніи часа ѣзды. Куполы ея изъ жолѣзной жести. Великую церковь у нихъ называютъ соборною. Остальныя три церкви—во имя Владычицы, св. Михаила и св. Николая. Еще есть большой монастырь во имя св. Троицы; въ его церкви мы видѣли икону Владычицы въ образѣ увѣнчанной невѣсты.

[1] Слово румынское, то же, что итальянское *carrozza*, экипажъ, карета.

По всей же дорогѣ сюда мы видали Ея изображенія въ видѣ дѣвственницы, непорочной дѣвы съ розовыми щеками. Въ этой церкви виситъ также люстра изъ оленьихъ роговъ, на подобіе тѣхъ, въ которыхъ явился Христосъ Евстаѳію и говорилъ съ нимъ.

Изъ этого города мы отправили къ Богомъ хранимому Хмелю, гетману Зиновію, письмо, въ которомъ извѣщали его, по обычаю, о своемъ прибытіи, ибо онъ съ войскомъ своимъ стоялъ на разстояніи четырехъ большихъ миль отъ этого города.

Во вторникъ, выѣхавъ изъ города, мы проѣхали одну большую милю и прибыли въ другой базаръ съ укрѣпленіемъ, новымъ рвомъ и съ прудомъ, по имени *Мадфадканъ* (Медвинъ). Въ немъ три церкви: во имя Владычицы, св. Николая и св. Георгія. Тутъ бываетъ ярмарка для купли и продажи въ праздникъ Рождества Іоанна Крестителя 24 іюня.

Выступивъ отсюда, мы проѣхали еще двѣ большія мили по обширному лѣсу между двумя горами, дорогой узкой и трудной, идущей по долинѣ. Чрезъ небольшіе промежутки дорога перегорожена связанными бревнами для воспрепятствованія нападенію конницы. Съ правой и съ лѣвой стороны находятся благоустроенные дома, числомъ около трехсотъ. На днѣ долины у нихъ идутъ одинъ за другимъ до десяти прудовъ для рыбы; вода течетъ изъ одного пруда въ другой, т. е. изъ протока плотины перваго ко второму, отъ второго къ третьему... На прудахъ мельницы; плотины обсажены многочисленными ветлами.

Замѣть, что по озерамъ всѣхъ этихъ странъ ростетъ обыкновенно во множествѣ желтый цвѣтокъ *нинуфаръ* (кувшинка), а также двойной бѣлый.

Ничто такъ не удивляло насъ, какъ изобиліе у нихъ запасовъ и птицъ, именно: куръ, гусей, утокъ, индюшекъ, которыя во множествѣ гуляютъ въ поляхъ и лѣсахъ, кормясь вдали отъ городовъ и деревень. Онѣ кладутъ свои яйца среди лѣса и въ скрытыхъ мѣстахъ, потому что некому ихъ разыскивать по причинѣ ихъ множества. Въ этой странѣ нѣтъ и не знаютъ ни хорьковъ, ни орловъ, ни пресмыкающихся; а если изрѣдка и попадаются змѣи, какъ мы видѣли одну по пути изъ Валахіи до столицы Московіи и убили ее, то онѣ безвредны. Нѣтъ у нихъ ни воровъ, ни грабителей.

Знай, что въ домахъ этой страны мы видали людей, животныхъ и птицъ (вмѣстѣ) и весьма удивлялись изобилію у нихъ всякихъ благъ. Ты увидишь, читатель, въ домѣ каждаго человѣка по десяти и болѣе дѣтей съ бѣлыми волосами на головѣ; за большую бѣлизну мы называли ихъ старцами. Они

погодки и идутъ лѣсенкой одинъ за другимъ, что еще больше увеличивало наше удивленіе. Дѣти выходили изъ домовъ посмотрѣть на насъ, но больше мы на нихъ любовались: ты увидѣлъ бы, что большой стоитъ съ краю, подлѣ него пониже его на пядень, и такъ все ниже и ниже до самаго маленькаго съ другого края. Да будетъ благословенъ ихъ Творецъ! Что намъ сказать объ этомъ благословенномъ народѣ? Изъ нихъ убиты въ эти годы во время походовъ сотни тысячъ и татары забрали ихъ въ плѣнъ тысячи; моровой язвы они прежде не вѣдали, но въ эти годы она появилась у нихъ, унеся изъ нихъ сотни тысячъ въ сады блаженства. При всемъ томъ они многочисленны, какъ муравьи, и безсчетнѣе звѣздъ. Подумаешь, что женщина у нихъ бываетъ беременна и родитъ три, четыре раза въ годъ и всякій разъ по три, по четыре (младенца) вмѣстѣ. Но вѣрнѣе то, какъ намъ говорили, что въ этой странѣ нѣтъ ни одной женщины безплодной [1]. Это дѣло очевидное, для всякаго несомнѣнное и испытанное.

Что касается ихъ домашнихъ животныхъ и скота, то ты увидишь, читатель, въ домѣ каждаго хозяина (да благословится Творецъ!) десять родовъ животныхъ: во-первыхъ, лошади, во-вторыхъ, коровы, въ-третьихъ, овцы, въ-четвертыхъ, козы, похожія на газелей, въ пятыхъ, свиньи, въ-шестыхъ, куры, въ-седьмыхъ, гуси, въ-восьмыхъ, утки, въ-девятыхъ, индюшки во множествѣ, у нѣкоторыхъ, въ-десятыхъ, голуби, для которыхъ есть мѣста надъ потолками домовъ. Держатъ также собакъ.

Больше всего насъ удивляли различныя породы свиней разнаго цвѣта и вида. Онѣ бываютъ черныя, бѣлыя, красныя, рыжія, желтыя и синія; также черныя съ бѣлыми пятнами, синія съ красными пятнами, красныя съ желтыми пятнами, бѣлыя съ рыжими пятнами; нѣкоторыя изъ нихъ пестрыя, а иныя полосатыя въ разныхъ видахъ. Какъ часто мы смотрѣли и смѣялись на ихъ дѣтенышей! Намъ ни разу не удавалось удержать хоть одного изъ нихъ; несомнѣнно, у нихъ въ брюхѣ дьяволы: они ускользаютъ, какъ ртуть. Ихъ голоса отдаются эхомъ на дальнее разстояніе. Самки ихъ рождаютъ три раза въ году: первый разъ въ своей жизни приносятъ одиннадцать поросятъ, во второй разъ девять, въ третій — семь, въ четвертый—пять, въ пятый—три, въ шестой разъ въ своей жизни только одного, не болѣе; затѣмъ онѣ совершенно перестаютъ нести и становятся безплодными, годны только на убой. Рѣжутъ обыкновенно сам-

[1] По петербургской рукописи: „вода этой страны дѣйствуетъ такъ, что ни одна женщина не остается безплодной“.

цовъ, а самокъ оставляютъ. Для нихъ есть отдѣльные пастухи. Что касается куръ, гусей и утокъ, то каждая порода держится отдѣльно.

Что касается ихъ разнородныхъ посѣвовъ, то они удивительны и многочисленны и бываютъ всевозможныхъ видовъ. Объ нихъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Возвращаемся къ описанію трехсотъ домовъ. У жителей двѣ церкви. Имя этого мѣста *Исай* (Исайки). Каждый домъ окруженъ садикомъ, изгородь котораго состоитъ изъ вишни, сливы и иныхъ деревьевъ. Земля въ нихъ засажена капустой, морковью, рѣпой, петрушкой, латукомъ и прочимъ.

Глава IX.

Украйна. — Богуславъ. Свиданіе патріарха съ гетманомъ Хмельницкимъ.

Весь упомянутый лѣсъ окруженъ изгородью, и каждая сторона его принадлежитъ кому-либо изъ жителей. Выбравшись изъ лѣса и узкой дороги, мы проѣхали еще одну милю — а всего четыре въ этотъ день—и приблизились къ большому городу съ укрѣпленіями и цитаделью, по имени *Богуслафи* (Богуславъ). Мы переѣхали на судахъ большую рѣку, называемую *Рошъ* (Рось). Всѣ шестеро священниковъ упомянутаго города въ это время уже ожидали насъ въ облаченіяхъ и съ хоругвями, а также пѣвчіе съ прочимъ народомъ; съ войскомъ было знамя христолюбиваго, воинственнаго гетмана Зиновія изъ черной и желтой шелковой матеріи полосами съ водруженнымъ на немъ крестомъ. Всѣ они ожидали насъ на берегу рѣки. Когда нашъ владыка патріархъ вышелъ на берегъ, они пали ницъ передъ нимъ. Онъ приложился по обыкновенію къ ихъ крестамъ и иконамъ, они же цѣловали его крестъ и десницу. Насъ повели съ великимъ почетомъ и уваженіемъ въ церковь Богородицы, ибо она первая изъ трехъ церквей, находящихся въ этомъ городѣ; вторая—во имя Троицы, а третья — св. Параскевы. Въ этой церкви Богородицы вмѣсто люстры виситъ большихъ размѣровъ оленій рогъ со многими развѣтвленіями: концы его обдѣланы и въ нихъ вставлены свѣчи.

Что касается гетмана Хмеля, то онъ со своими полками стоялъ внѣ этого города. Ему послали извѣстіе о нашемъ прибытіи. Въ среду позднимъ утромъ пришла вѣсть, что гетманъ ѣдетъ привѣтствовать нашего владыку патріарха. Мы вышли встрѣтить его внѣ нашего жилища, подлѣ котораго пролегаетъ путь въ крѣпость, гдѣ для гетмана было приготовлено помѣще-

ніе. Онъ подъѣхалъ отъ городскихъ воротъ съ большой свитой, среди которой никто не могъ бы его узнать: всѣ были въ красивой одеждѣ и съ дорогимъ оружіемъ, а онъ былъ одѣтъ въ простое короткое платье и носилъ малоцѣнное оружіе. Увидѣвъ нашего патріарха издали, онъ сошелъ съ коня, что сдѣлали и другіе, бывшіе съ нимъ, подошелъ къ нему, поклонился и, дважды поцѣловавъ край его одѣянія, приложился ко кресту и облобызалъ его правую руку, а нашъ владыка патріархъ поцѣловалъ его въ голову. Гдѣ глаза ваши, господари Молдавіи и Валахіи? Гдѣ ваше величіе и высокомѣріе? Каждый изъ васъ ниже любого изъ полковниковъ, его подчиненныхъ: Господь по правосудію и справедливости осыпалъ его дарами и надѣлилъ счастіемъ въ мѣрѣ, недостижимой царямъ. Онъ тотчасъ взялъ подъ руку нашего владыку патріарха и пошелъ съ нимъ шагъ за шагомъ, пока не ввелъ его во внутрь крѣпости, при чемъ плакалъ. Они сѣли за столъ и вмѣстѣ съ ними полковники. О, читатель! ты могъ бы быть свидѣтелемъ разумности его рѣчей, его кротости, покорности, смиренія и слезъ, ибо онъ былъ весьма радъ нашему владыкѣ патріарху, чрезвычайно его полюбилъ и говорилъ: „благодарю Бога, удостоившаго меня передъ смертію свиданіемъ съ твоею святостью“. Онъ много разговаривалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ и все, о чемъ просилъ его нашъ патріархъ, онъ покорно исполнилъ. Именно, господарь Валахіи киръ Константинъ и вельможи валашскіе были въ большомъ страхѣ передъ гетманомъ, ожидая, что онъ невзначай появится у нихъ со своимъ войскомъ по причинѣ избіеній, плѣненія и прочаго, совершеннаго господаремъ Матвѣемъ, когда войско его разбило казаковъ; они очень просили нашего владыку патріарха ходатайствовать за нихъ передъ гетманомъ и прислать имъ отъ него письмо, которое успокоило бы ихъ умы. Гетманъ исполнилъ его просьбу и послалъ имъ желаемое. Также и новый господарь Молдавіи Стефанъ сильно его боялся по причинѣ убіенія сына его Тимоѳея и другихъ гнусныхъ убійствъ, кои молдаване совершили надъ казаками. Онъ ихъ также простилъ и послалъ имъ письмо въ отвѣтъ на ихъ письма къ нему.

Затѣмъ гетманъ распрашивалъ нашего патріарха о многихъ предметахъ. Потомъ мы поднесли ему подарки на блюдахъ, покрытыхъ, по ихъ обычаю, платками; они суть: кусокъ камня съ кровію Господа нашего Іисуса Христа со святой Голгоѳы, сосудъ со святымъ муромъ, коробка мускуснаго мыла, надушенное мыло, мыло алепское, коробка леденцовъ, ладанъ, финики, абрикосы, коверъ большой и цѣнный малый, рисъ, сосудъ съ кофейными

бобами, то-есть, съ кофе, такъ какъ онъ любитель его, и кассія.

Насупротивъ него сидѣли его визирь и высшіе изъ его приближенныхъ: *бисарай* (писарь)— грамматикосъ и десятеро изъ его полковниковъ. Всѣ они, по ихъ обычаю, съ бритыми бородами. Таково значеніе имени „казакъ", то-есть: имѣющій бритую бороду и щеголяющій усами, а значеніе имени „полковникъ" тоже, что паша или эмиръ.

Этотъ Хмель мужъ преклонныхъ лѣтъ, но въ изобиліи надѣленъ дарами счастія: безхитростный, спокойный, молчаливый, не отстраняющійся отъ людей; всѣми дѣлами занимается лично, умѣренъ въ ѣдѣ, питьѣ и одеждѣ, подражая въ образѣ жизни великому изъ царей, Василію Македонянину, какъ о немъ повѣствуетъ исторія. Всякій, кто увидитъ его, подивится на него и скажетъ: „такъ вотъ онъ, этотъ Хмель, коего слава и имя разнеслись по всему міру". Какъ намъ передавали, во франкскихъ земляхъ сочиняли въ похвалу ему поэмы и оды на его походы, войны съ врагами вѣры и завоеванія. Пусть его наружность невзрачна, но съ нимъ Богъ,—а это великая вещь. Молдавскій господарь Василій былъ высокъ ростомъ, суроваго, внушительнаго вида, слово его исполнялось безпрекословно, онъ славился во всемъ свѣтѣ и обладалъ большимъ имѣніемъ и богатствомъ, но все это не помогло ему, и какъ въ первый свой походъ, такъ и во второй и въ третій и много разъ, онъ обращалъ тылъ. Какой контрастъ, Хмель, между твоимъ (громкимъ) именемъ и дѣяніями и твоимъ внѣшнимъ видомъ! Поистинѣ Богъ съ тобою, Онъ, который поставилъ тебя, чтобы избавить свой избранный народъ отъ рабства языкамъ, какъ древле Моисей избавилъ израильтянъ отъ порабощенія Фараону: тотъ потопилъ египтянъ въ Красномъ морѣ, а ты уничтожилъ и истребилъ ляховъ, коп сверпѣе (египтянъ), своимъ острымъ мечомъ. Хвала Богу, совершившему чрезъ тебя всѣ эти великія дѣла!

Если, случалось, кто-нибудь приходилъ къ нему съ жалобой во время стола или обращался къ нему съ рѣчью, то онъ говорилъ обыкновенно потихоньку, чтобы никто не слыхалъ: таковъ всегдашній ихъ обычай. Что касается того, какъ онъ сидѣлъ за столомъ, то онъ сѣлъ ниже, а нашего владыку патріарха посадилъ на первомъ мѣстѣ, согласно почету, который ему приличествуетъ въ собраніяхъ: не такъ, какъ господари Валахіи и Молдавіи, коп сами занимали первыя мѣста, а архіереи сажали ниже себя.

Затѣмъ подали къ столу миски съ водкой, которую пили ложь-

ками (чарками?) еще горячей. Гетману поставили высшій сортъ водки въ серебряномъ кубкѣ. Онъ сначала предлагалъ пить нашему владыкѣ патріарху, а потомъ самъ пилъ и угощалъ каждаго изъ насъ, такъ какъ мы стояли передъ нимъ. Воззри на эту душу отъ праха земного! Да продлитъ Богъ ея существованіе! У него нѣтъ виночерпіевъ, ни особыхъ людей для подачи ему кушаньевъ и питья, какъ это водится у царей и правителей. Затѣмъ были поданы на столъ росписныя глиняныя блюда съ соленой рыбой въ вареномъ видѣ и съ нимъ въ маломъ количествѣ. Не было ни серебряныхъ блюдъ и кубковъ, ни серебряныхъ ложекъ, ни иного подобнаго, хотя у каждаго изъ слугъ его есть по нѣскольку сундуковъ, наполненныхъ блюдами, чашами, ложками и сокровищами ляховъ изъ серебра и золота. Но они всѣмъ этимъ пренебрегаютъ, находясь въ походѣ; когда же бываютъ дома, на родинѣ, тогда иное дѣло.

Передъ закатомъ солнца гетманъ простился съ нашимъ владыкой патріархомъ, проводивъ его за крѣпостныя ворота, и сѣлъ въ свой экипажъ, запряженный въ одну только лошадь. Не было царскихъ каретъ, украшенныхъ драгоцѣнными тканями и заложенныхъ большимъ числомъ отличныхъ лошадей, хотя у гетмана такихъ тысячи. Онъ тотчасъ уѣхалъ подъ проливнымъ дождемъ, направляясь къ своему войску. На немъ былъ бѣлый дождевой плащъ. Онъ удалился, приславъ намъ денегъ на дорогу съ извиненіемъ, а также далъ письмо во всѣ подвластные ему города для (полученія) пищи и питья, даровыхъ лошадей и повозокъ, и еще письма къ царю московскому и къ воеводѣ Путивля. Вотъ что произошло.

Глава X.

Украйна.—Административное устройство. Посѣщеніе патріархомъ казацкаго лагеря и прощаніе съ гетманомъ.

Знай, что государство ляховъ состояло изъ трехъ частей: одна часть—та, которую отнялъ у нихъ и захватилъ гетманъ Зиновій; она имѣетъ протяженіе на мѣсяцъ (пути) въ длину и столько же въ ширину, вся полна жителями, крѣпостями и укрѣпленіями, какъ гранатъ (сѣменами); вторая часть—та, которая остается въ ихъ рукахъ теперь; третья часть—средняя, которую гетманъ совершенно опустошилъ: сжегъ ея города и селенія, перебилъ тамъ мужчинъ, причемъ большая часть жителей сдѣлались плѣнниками татаръ, и обратилъ ее въ пустую степь, границу между нимъ и ляхами на протяженіи нѣсколькихъ дней.

Знай, что у Хмеля теперь восемнадцать полковниковъ, то-есть пашей, изъ коихъ каждый правитъ многими городами и крѣпостями съ несмѣтнымъ числомъ жителей. Между ними есть четверо, пятеро, изъ коихъ каждый имѣетъ подъ своею властью сорокъ, пятьдесятъ и шестьдесятъ базаровъ; войска, обязаннаго службой, у нихъ 60, 50, 40 тысячъ; наименьшій изъ нихъ имѣетъ подъ своею властью тридцать, сорокъ базаровъ, а войска 30, 20 тысячъ. Тѣ, что пониже ихъ чиномъ, имѣютъ подъ властью каждый по двадцати базаровъ и меньше, а войска по 20 тысячъ и менѣе. Всѣ эти тысячи войска собираются у Хмеля при походѣ, составляя болѣе 500 тысячъ. Они въ совершенствѣ обучены знанію различныхъ военныхъ хитростей. Въ настоящее время у гетмана оказывается около ста тысячъ храбрыхъ молодыхъ людей, искусныхъ въ верховой ѣздѣ и джигитовкѣ. Прежде эти войска были просто поселяне [1], не обладавшіе никакой опытностью въ войнѣ, но постепенно обучились. Упомянутые же молодые люди всѣ обучались съ малыхъ лѣтъ наѣздничеству, храбрости, стрѣльбѣ изъ ружей и метанію стрѣлъ. Замѣть, что всѣ эти воины не получаютъ содержанія, но сѣютъ хлѣбъ, сколько пожелаютъ, затѣмъ жнутъ его и убираютъ въ свои дома. Никто не беретъ съ нихъ ни десятины, ни иного подобнаго: они отъ всего этого свободны; и въ такомъ положеніи находятся всѣ подданные страны казаковъ: не знаютъ ни налоговъ, ни харача, ни десятины. Но Хмель отдаетъ на откупъ весь таможенный сборъ съ купцовъ на границахъ своего государства, а также доходы съ меда, пива и водки, за сто тысячъ динаровъ (червонцевъ) содержателямъ таможенъ. Этого хватаетъ ему на расходы на цѣлый годъ. Кромѣ этого онъ ничего не беретъ.

Эти свѣдѣнія о Хмелѣ и казакахъ, кои мы передали подробно, старательно и въ точномъ изложеніи, послѣ многихъ распросовъ и провѣрки, я собралъ съ трудомъ и утомленіемъ, удостовѣряясь въ ихъ правдивости. Сколько ночей я проспиживалъ надъ записываніемъ, не заботясь объ отдыхѣ!

Что касается упомянутой крѣпости Богуслава, то она очень сильна, окружена двумя стѣнами и двумя рвами, одна внутри другой. Башни ея многочисленны и съ южной стороны она тянется по закраинѣ горы. Подъ ней протекаетъ вышеупомянутая рѣка города, въ которой выдаются огромныя скалы. Въ крѣпости есть высокіе и великолѣпные дворцы, принадлежавшіе ляхамъ, и вблизи нихъ церковь, также имъ принадлежавшая. Нашъ

[1] Въ подлинникѣ: *райя*. Называя ихъ такъ, Павелъ, конечно, полагалъ, что они, подобно турецкимъ райямъ (подданные—немусульмане), не несли военной службы.

владыка патріархъ далъ разрѣшеніе освятить ее и служить въ ней, ибо казаки раньше разрушали всѣ церкви ляховъ и сравняли ихъ съ землею, думая этимъ искоренить самую память о ляхахъ; по этой же причинѣ они оставили на произволъ судьбы ихъ постройки и ихъ царскія жилища (нѣтъ настоящей вражды кромѣ вражды религіозной), сдѣлавъ ихъ даже мѣстомъ для нечистотъ.

Мы выѣхали изъ Богуслава въ четвергъ 22 іюня. Путь нашъ приходился среди табора войска казаковъ и Хмеля. Они было уже выступили всѣ въ походъ, но гетманъ послалъ пригласить къ себѣ нашего владыку патріарха, отложивъ по этой причинѣ свое выступленіе. Мы въѣхали въ средину войска. Ты могъ бы видѣть тогда, читатель, какъ тысячи и сотни тысячъ ихъ, стараясь опередить другъ друга, спѣшили толпами, чтобы приложиться къ десницѣ и кресту нашего владыки патріарха, бросались на землю, такъ что лошади (патріаршаго) экипажа остановились, и мы были этимъ недовольны и раздосадованы по причинѣ ихъ многочисленности, но наконецъ доѣхали до палатки гетмана Хмеля, маленькой и невзрачной. Онъ вышелъ навстрѣчу нашему владыкѣ патріарху и сдѣлалъ ему земной поклонъ. Тогда нашъ владыка патріархъ прочелъ надъ нимъ молитву о войнѣ и побѣдѣ, призывая благословеніе Божіе на него и его войско. Гетманъ, поддерживая патріарха подъ руку, взелъ въ свою палатку, гдѣ не было дорогихъ ковровъ, а простой половикъ. Онъ раньше сидѣлъ за столомъ, на которомъ стояло кушанье, и обѣдалъ: передъ нимъ не было ничего, кромѣ блюда съ вареным укропомъ, хотя въ то же время мы видѣли, что служители изъ его войска и ратники ловили для себя рыбу въ близъ лежащихъ прудахъ. Смотри же, какова воздержность! Затѣмъ онъ попотчевалъ насъ водкой, мы встали и онъ вышелъ съ нашимъ патріархомъ, чтобы опять проводить его. Мы отправились.

Ратники не имѣютъ палатокъ, но ставятъ кругомъ себя деревья или вѣтви, на подобіе шатра, покрывая ихъ своими плащами для защиты себя отъ дождя: они довольствуются чрезвычайно малымъ. Да будетъ надъ ними благословеніе Божіе!

Глава XI.

Украйна.—Трипольe. Описаніе церкви. Евреи.

Въ этотъ день (четвергъ, 22 іюня) мы проѣхали еще 4 большія мили [1] по низменной мѣстности, покрытой высокою густою травой, и вечеромъ прибыли въ деревню, по имени *Кокари*

[1] Эта миля равняется 7—8 верстамъ.

(Когарлыкъ). Прежде она имѣла укрѣпленіе, но оно разрушено во время войнъ. Въ пятницу мы выѣхали отсюда, проѣхали чрезъ двѣ большія деревни и, сдѣлавъ три мили, прибыли въ большой городъ, называемый *Триполисъ* (Триполье), ибо онъ состоитъ изъ трехъ городовъ съ укрѣпленіями. Прежде чѣмъ подъѣдешь къ нему, видишь таборъ, состоящій изъ трехъ земляныхъ холмовъ съ очень узкими проходами, въ которые можно входить не иначе, какъ по-одиночкѣ. Жители вышли насъ встрѣтить. Городъ представляетъ большую, неприступную крѣпость на вершинѣ горы, съ двумя стѣнами и двумя рвами. Большая часть ея домовъ пусты, потому что прежде городъ былъ центральнымъ мѣстомъ для евреевъ, коихъ красивые дома, лавки и постоялые дворы пусты и безлюдны. Насъ повели къ находящейся въ немъ церкви въ честь Преображенія Господня, великолѣпной, большой, пространной и красивой, превосходящей своею красотою, размѣрами и обиліемъ оконъ всѣ церкви странъ казацкихъ, ибо, когда мы вошли въ нее, наши умы были поражены изумленіемъ. Она очень высока, съ двумя всходами, съ большими стеклянными окнами кругомъ; имѣетъ куполъ весьма высокій, широкій, пространный, круглый на восьмигранномъ основаніи, на подобіе куполовъ нашей страны, покрытый блестящей жестью. Надъ апсидой алтаря есть другой красивый куполъ, и еще куполъ съ тремя крестами надъ дверьми. Что касается божественнаго алтаря, то онъ великолѣпенъ: тябла (иконостасъ) приводятъ умъ въ изумленіе своей высотой и блескомъ, образами и позолотой. Впрочемъ, въ этой странѣ не такъ заботятся о величинѣ распятія (на иконостасѣ), какъ греки, но оно превосходно: изображенія Іоанна и Богородицы по сторонамъ его стоятъ отдѣльно, подъ ними не видать досокъ и они имѣютъ подобіе цѣльной человѣческой фигуры. Двери алтаря великолѣпныя, большія, съ сквозной рѣзьбой и позолотой. Въ этой странѣ такое обыкновеніе, что непремѣнно бываетъ икона Нерукотвореннаго образа и всегда надъ царскими вратами. Надъ нею постоянно бываетъ образъ Господа, въ полной фигурѣ, сидящаго на тронѣ, въ великолѣпномъ саккосѣ и митрѣ; по сторонамъ Его Іоаннъ Креститель и Владычица, справа отъ Него Петръ съ ключами и пять содруговъ его, а слѣва Павелъ съ мечомъ и пять его содруговъ, ибо на всѣхъ иконостасахъ въ этой странѣ ихъ изображаютъ не иначе, какъ въ такомъ видѣ, и непремѣнно, изъ числа двѣнадцати апостоловъ, Павелъ изображается передъ Петромъ.

Посреди хороса находится деревянный кругъ съ двумя ступенями, покрытый краснымъ сукномъ: на немъ дьяконъ говоритъ ектенію и читаетъ евангеліе. Полъ церкви весь изъ каменныхъ

плитъ. Она выстроена изъ сосновыхъ бревенъ, связанныхъ удивительно искусно. Снаружи кругомъ нея идетъ весьма изящный навѣсъ съ точеной рѣшеткой, съ высокими куполами надъ каждой изъ двухъ ея дверей.

Церковь эту построилъ блаженной памяти архонтъ, по имени *Бано*, во время побѣдъ гетмана, именно восемь лѣтъ тому назадъ. Мы молились въ ней въ этотъ вечеръ, въ канунъ праздника Рождества Іоанна Крестителя, а поутру отстояли утреню.

Близъ церкви находится вторая крѣпость очень обширная, красивая и въ высшей степени сильная; внутри ея есть царскій дворецъ, который уже наружнымъ видомъ своимъ радуетъ душу смотрящаго, еще прежде чѣмъ войдешь въ него. Высокая куполообразная надстройка дворца надъ воротами крѣпости очень красива и величественна; надъ нею другая надстройка съ куполомъ—услада для взоровъ зрителя!—съ изящною рѣшеткой вокругъ; стоящій тамъ видитъ на разстояніе одного дня пути. Дворецъ этотъ много лучше сооруженій Калиновскаго. Передъ нимъ расположены дома ляховъ и евреевъ, ихъ лавки и красивые постоялые дворы, нынѣ заброшенные.

Намъ разсказывали въ этомъ городѣ, что, когда появился Хмель и, очистивъ землю отъ многихъ тысячъ евреевъ, пришелъ въ эту мѣстность, то всѣ оставшіеся въ живыхъ евреи ихъ богачи и вельможи, собрались и ушли въ крѣпость, по имени *Тульжини* (Тульчинъ [1]), со своимъ имуществомъ и богатствомъ, и тамъ укрѣпились, имѣя пушки, порохъ и съѣстные припасы. Казаки подступили, осадили ихъ и, покоривъ мечомъ, вошли въ крѣпость и избили не мечами, а палками и полѣньями, всѣхъ тамъ находившихся, коихъ было около двадцати тысячъ душъ; даже младенцевъ казаки вытаскивали копьями изъ живота беременныхъ женщинъ и убивали; такимъ образомъ уничтожили ихъ всѣхъ и захватили себѣ въ добычу ихъ сокровища. Они дѣлили между собой мѣрами золото, заключавшееся въ боченкахъ, и продавали за пустяки самыя цѣнныя вещи: за гротъ серебряное блюдо или чашу, подсвѣчникъ, кадильницу или иное —предметы, цѣны которымъ они не знаютъ. Невѣрные евреи, видя себя уже захваченными, бросили, по своему коварству, все свое золото и серебро, драгоцѣнныя украшенія и уборы ночью въ озеро, обтекающее крѣпость, но казаки, съ свойственною имъ смышленостью и проницательностью, все это вытащили, и такимъ образомъ надежда и намѣреніе невѣрныхъ были обмануты.

[1] Въ Подольской губерніи.

Намъ разсказывали, что въ одномъ городѣ [1]... казаки избили 70 тысячъ евреевъ, такъ какъ невѣрные не довольствовались угнетеніемъ ихъ, но совершали насилія надъ ихъ женами и дочерьми. По этой причинѣ прогнѣвался Богъ на нихъ и на ляховъ, давшихъ имъ власть.

Мы спрашивали еврея *Яки* [Янаки, который нашелъ убѣжище въ Молдавіи], что̀ сдѣлалъ Хмель съ евреями въ странѣ ляховъ, и тотъ отвѣчалъ, что онъ больше причинилъ имъ зла и больше совершилъ избіеніей среди нихъ, чѣмъ въ древности Веспасіанъ. На это мы разсмѣялись.

Передъ описанною церковью, внутри другой крѣпости, есть благолѣпная церковь во имя св. Николая. Что касается великой рѣки Днѣпра, то она протекаетъ по близости этого города, и здѣсь на ней строятся суда, ходящія въ Черное море.

Глава XII.

Украйна.—Васильковъ. Описаніе иконы. Живопись. Угодья Печерскаго монастыря.

Выѣхавъ изъ этого города въ субботу 24 іюня, мы проѣхали одну милю и прибыли въ другой большой базаръ, называемый *Обухоя* (Обуховъ), также съ высокимъ укрѣпленіемъ. Въ немъ двѣ церкви; въ одной изъ нихъ мы отстояли литургію (праздника) Крестителя; любовались на ярмарку, то-есть на куплю и продажу, которая бываетъ ежегодно въ этотъ праздникъ. Церкви—одна въ честь Воскресенія, другая—св. Михаила. Выѣхавъ изъ города, сдѣлали еще милю и прибыли въ разрушенное укрѣпленіе съ церковью во имя святителя Николая. Проѣхавъ третью милю, прибыли въ другое селеніе, по имени *Хомока* (Ханьбиковъ?), близъ котораго протекаетъ большая, широкая рѣка. На нашемъ пути въ этотъ день встрѣчались въ изобиліи сосновыя деревья. Изгороди садовъ и полей всѣ состоятъ изъ ивы, ибо ея очень много въ этой странѣ, также какъ и греческой ивы; она переплетена кругомъ вѣтвями другихъ растеній, служащихъ для изгородей. Мы проѣхали четвертую милю и, бывъ встрѣчены сотникомъ съ 50 всадниками, прибыли къ городу, называемому *Василико* (Васильковъ), коему дѣйствительно приличествуетъ такое имя [2], ибо онъ великъ и крѣпокъ и составляетъ не одинъ, а три большіе города съ цитаделями и укрѣпленіями, одинъ внутри другого, на вершинѣ неприступной

[1] Пропускъ въ рукописи.

[2] То-есть „царскій“, по мнѣнію автора.

горы. Но всѣ они пусты, потому что два года тому назадъ появилась моровая язва и истребила ихъ жителей. Насъ встрѣтили за городомъ священники и народъ съ хоругвями, поднялись съ нами къ самому высокому мѣсту города и привели насъ въ благолѣпную церковь, внутри третьей крѣпости, во имя свв. Антонія и Ѳеодосія Великихъ, то-есть двухъ святыхъ земли казаковъ; эти два святые были первыми, которые ввели у нихъ монашескую, ангельскую жизнь, именно, устроили кельи и пещеры для отшельниковъ, монашество и монастыри, и потому они у нихъ въ большомъ уваженіи.

Это церковь красивая, высокая; иконостасъ ея очень великъ, подобно иконостасамъ греческимъ, но икона Владычицы тамъ, большая, великолѣпная, поражаетъ удивленіемъ умы; подобной мы и раньше не видывали и послѣ никогда не видали. Богоматерь такъ прекрасно написана, что какъ будто говоритъ; риза Ея какъ бы темнокрасный блестящій бархатъ,—мы никогда не видывали подобнаго издѣлія—фонъ темный, а складки свѣтлыя, какъ складки (настоящаго) бархата. Что касается убруса, который покрываетъ Ея чело и ниспадаетъ внизъ, то тебѣ кажется, какъ будто онъ переливается и колеблется. Ея ликъ и уста приводятъ въ изумленіе своею прелестью: имъ не хватаетъ только слова. Миръ Божій надъ ними! Господь, сидящій на Ея лонѣ, прекрасенъ въ высшей степени: Онъ какъ будто говоритъ. Какъ уже упомянуто, я много видалъ (иконъ), начиная съ греческихъ странъ до сихъ мѣстъ и отсюда до Москвы, но нигдѣ не видалъ подобнаго или равнаго этому (образу). Казацкіе живописцы заимствовали красоты живописи лицъ и цвѣта одеждъ отъ франкскихъ и ляшскихъ живописцевъ-художниковъ и теперь пишутъ православные образа, будучи обученными и искусными. Они обладаютъ большою ловкостью въ изображеніи человѣческихъ лицъ съ совершеннымъ сходствомъ, какъ мы видѣли это на портретахъ Ѳеофана, патріарха іерусалимскаго, и другихъ.

Намъ разсказывалъ архимандритъ этого великаго монастыря [1], что его угодья составляютъ теперь тридцать базаровъ, то-есть большихъ многолюдныхъ городовъ, о коихъ мы упоминали, и четыреста благоустроенныхъ селеній, даже въ странѣ ляховъ по сіе время, ибо эти послѣдніе очень почитаютъ обитель и имѣютъ къ ней большую вѣру.

Насъ помѣстили въ подворьѣ монастыря *Бажарска* (Печерскаго), то-есть монастыря въ честь Успенія Богородицы внѣ

[1] Печерскаго, въ бытность въ которомъ авторъ, очевидно, писалъ эти строки.

Кіева. Имя его знаменито во всемъ мірѣ, онъ — слава земли казаковъ, какъ мы увидѣли это впослѣдствіи. Весь этотъ городъ вмѣстѣ съ сотней такихъ же составляетъ издревле владѣніе упомянутаго монастыря. Изъ-за этого монастыря произошло то, что постигло ляховъ отъ злыхъ дѣяній священниковъ-езуитовъ, или, вѣрнѣе, езидовъ [1], кои стремились отнять его у православныхъ, и онъ сталъ причиной ихъ гибели и конечнаго разсѣянія.

Въ этомъ городѣ есть еще двѣ церкви: во имя Входа Господня во Храмъ и св. Николая. Въ вышеупомянутой церкви мы отстояли службу вечеромъ наканунѣ 6-го воскресенья по Пятидесятницѣ, а рано поутру утреню и затѣмъ обѣдню, послѣ чего вышли въ близъ-лежащій садъ этой церкви, гдѣ въ изобиліи растутъ вишни, сливы, орѣховыя деревья и виноградныя лозы, которыхъ мы не видѣли отъ самой Молдавіи, а также рута и европейскій темнокрасный левкой.

Глава XIII.

Кіевъ. — Печерскій монастырь. Пріѣздъ и встрѣча. Святыя ворота. Келліи. Монахи. Трапеза.

Въ понедѣльникъ, вставши рано поутру, мы проѣхали пять большихъ миль. Упомянутый сотникъ и его отрядъ провожали насъ съ знаменами. Мы проѣзжали по дорогамъ труднымъ и узкимъ и чрезъ большой лѣсъ и приблизились къ озеру *халестау* (хелештеу) [2] и къ мельницамъ, составляющимъ угодье упомянутаго монастыря. Еще не доѣзжая до этого мѣста, мы издали видѣли блестѣвшіе куполы монастыря и церкви Св. Софіи. Когда мы поднялись на склонъ горы, нашего владыку патріарха встрѣтилъ игуменъ этого монастыря, именуемый у нихъ архимандритомъ [3], ибо таковъ обычай касательно настоятелей монастырей въ этой странѣ до Московіи, что ихъ называютъ не иначе какъ архимандритами. Съ нимъ былъ епископъ, проживавшій въ его монастырѣ, и монахи. Патріарха посадили въ монастырскій экипажъ, имѣющій видъ царскаго, покрытый позолотой, а внутри весь обитый краснымъ бархатомъ, и насъ повезли по направленію къ монастырю. Мы ѣхали среди безчисленныхъ садовъ, гдѣ были несчетныя тысячи орѣховыхъ и шелковичныхъ деревь-

---

[1] Авторъ приравниваетъ езуитовъ къ езидамъ, которые считаются поклонниками дьявола

[2] Хелештеу — рыбный садокъ. Авторъ слыхалъ это венгерское названіе въ Молдавіи.

[3] Въ то время архимандритомъ былъ Іосифъ Тризна.

евъ и множество виноградныхъ лозъ. Въ каждомъ саду находится жилище его владѣльца; всего около 4—5 тысячъ домовъ съ 4—5 тысячами садовъ, и всѣ они составляютъ владѣніе упомянутаго монастыря. Затѣмъ мы прибыли къ большому городу со стѣной, рвомъ и множествомъ садовъ и, въѣхавъ въ царскую, широкую улицу, проѣзжали сначала мимо монастыря для монахинь изъ благородныхъ семействъ, потомъ подъѣхали къ огромной, высокой каменной башнѣ, выбѣленной известью,—то были ворота монастыря; надъ ними какъ бы виситъ церковь, со многими округлыми окошками и высокимъ граненымъ куполомъ; она въ честь Св. Троицы, ибо внутри ея есть изображеніе трапезы ангеловъ и Авраама.

Тутъ высадили изъ экипажа нашего владыку патріарха, изъ уваженія къ святой обители, ибо, если даже царь пріѣдетъ, то сходитъ и отсюда идетъ пѣшкомъ. Здѣсь крѣпкія желѣзныя ворота и стоятъ привратники. Въ предшествіи встрѣчавшихъ насъ мы вступили въ великій монастырь Успенія Богоматери, извѣстный на ихъ языкѣ подъ именемъ Печерскій, что значитъ „монастырь пещеръ“, ибо святые Антоній и Ѳеодосій, кои соорудили его, ранѣе обитали въ пещерахъ и подземельяхъ, служившихъ убѣжищемъ затворниковъ и кельями отшельниковъ. Слѣва отъ входящаго въ эти ворота находится вышеупомянутая церковь Троицы, куда поднимаются по высокой лѣстницѣ. На одной двери ихъ изображенъ св. Іоаннъ Милостивый, патріархъ александрійскій: онъ стоитъ одѣтый въ мантію, съ клобукомъ [1] на головѣ [какой обычно носитъ въ этой странѣ патріархъ; и мы возили съ собой клобукъ, сдѣланный изъ чернаго бархата, но нашъ владыка отказался надѣвать его, хотя въ этомъ не было ничего дурного и онъ былъ, можетъ быть, наиболѣе подходящимъ головнымъ уборомъ], святого окружаютъ нищіе, бѣдняки и больные, которымъ онъ бросаетъ динаріи правою рукой, а въ лѣвой держитъ пустой кошелекъ. На второй двери изображеніе богатаго и Лазаря: богатый сидитъ за столомъ, окруженный друзьями и разряженными женами; они пьютъ вино; Лазарь стоитъ у дверей, прося милостыню, его отталкиваютъ и прогоняютъ; онъ идетъ и садится внизу насупротивъ нихъ въ воротахъ, и собаки лижутъ его раны, тутъ же ангелъ смерти съ ужаснымъ видомъ. Между этими двумя дверями стоитъ пустой внутри деревянный столбъ, обитый желѣзомъ, съ замкомъ, дабы всякій входящій, у котораго сердце жестоко, при видѣ этихъ двухъ изображеній, бросилъ туда милостыню для бѣдныхъ.

---

[1] Въ текстѣ: „со шляпой“.

Отсюда идетъ далѣе широкая царская [1] дорога къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ святая церковь; справа и слѣва многочисленныя, красивыя и чистенькія кельи монаховъ съ прекрасными стеклянными окнами, которыя даютъ обильный свѣтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и выходятъ на дорогу, въ палисадники и сады, въ копхъ расположены кельи. Каждая келья содержитъ три комнаты съ тремя дверями, которыя крѣпко запираются удивительными желѣзными замками. Кельи разрисованы и расписаны красками и украшены всякими картинами и превосходными изображеніями, снабжены столами и длинными скамьями, кантурами, печами, то-есть очагами, съ красиво расписанными изразцами. При нихъ находятся прекрасныя комнаты съ уважаемыми, драгоцѣнными книгами. Каждая келья изукрашена всякаго рода убранствомъ, красива, изящна, опрятна, такъ что веселитъ душу входящаго въ нее и прибавляетъ жизни своимъ обитателямъ. Съ наружной стороны у келлій прекрасные палисадники съ цвѣтами, базиликомъ и иными пахучими и восхитительными растеніями, окруженные изящными рѣшетками.

Два года тому назадъ въ этомъ монастырѣ было около пятисотъ монаховъ, но въ упомянутую моровую язву изъ нихъ умерло до трехсотъ и осталось теперь двѣсти. Они представляются твоимъ взорамъ, читатель, очень ласковыми, опрятными, съ ясными лицами, одѣты всегда въ шерстяныя мантіи, кротки, тихи, крайне воздержны и цѣломудренны. У каждаго въ рукахъ четки. Что касается ихъ пищи, то они ѣдятъ только разъ въ сутки. Изъ кельи въ церковь—вотъ въ чемъ проходитъ вся ихъ жизнь. Всѣ они носятъ черные суконные колпаки съ чернымъ искусственнымъ мѣхомъ, сдѣланнымъ изъ шерсти, на подобіе бархата. Крепы у нихъ очень большія, спускаются на глаза и застегиваются пуговицами подъ подбородкомъ; когда при богослуженіи или передъ своимъ игуменомъ или архіереемъ монахи обнажаютъ голову, то клобукъ остается висящимъ у нихъ за спиной, какъ это въ обычаѣ у капуцинновъ, только еще красивѣе, чѣмъ у нихъ и езуитовъ; впрочемъ, ихъ одѣянія и мантіи схожи. Такъ-же одѣваются ихъ архимандриты, митрополитъ и епископы, только у нихъ на шеѣ всегда висятъ золотые кресты на цѣпочкахъ и мантіи ихъ имѣютъ синія полосы [2] на груди и у ногъ и бѣлыя, какъ это обычно бываетъ на мантіяхъ архіереевъ; но они одѣваются въ нихъ постоянно во всю жизнь. Старшіе монахи, настоятели и епископы всегда носятъ въ рукахъ толстыя

[1] Слово „царскій“ авторъ употребляетъ часто въ смыслѣ „великолѣпный“.

[2] Въ подлинникѣ: „знаки“. Это такъ-называемыя скрижали и источники.

бамбуковыя трости съ серебрянымъ набалдашникомъ и съ наконечникомъ въ видѣ копья. Таковъ ихъ обычай.

Возвращаемся (къ разсказу). Когда мы приблизились къ великой церкви, изъ нея вышло восемь паръ іеромонаховъ, изъ коихъ каждая пара была въ одинаковыхъ фелоняхъ, за ними четыре іеродіакона, изъ коихъ каждая пара въ одинаковыхъ стихаряхъ; они держали въ рукахъ кадила, а священники евангелія, иконы и золотые восьмиконечные кресты. Мы сошли по лѣстницѣ въ церковь. Нашъ владыка патріархъ при пѣніи вошелъ въ хоросъ, приложился къ святымъ иконамъ и сталъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ. Тогда вышелъ дьяконъ и возгласилъ ектенію на кругломъ помостѣ (амвонѣ), лежащемъ среди хороса: „Помилуй насъ, Боже, по великѣй милости Твоей“, „Еще молимся о отцѣ, господинѣ, патріархѣ киръ Макаріи Антіохійскомъ, о архимандритѣ Іосифѣ, о гетманѣ Зиновіи и о богохранимомъ царѣ Алексіи“, но не упомянулъ имени ихъ митрополита, потому что этотъ монастырь самостоятельно управляется и никому не подчиненъ. Затѣмъ совершили отпустъ, патріархъ благословилъ присутствующихъ и ему спѣли по-гречески „Исполла эти деспота“, ибо въ здѣшнихъ большихъ монастыряхъ обыкновенно знаютъ это напзусть по-гречески и поютъ, когда пріѣзжаетъ къ нимъ патріархъ. Затѣмъ подали ему святую воду, и онъ окропилъ ею церковь и присутствовавшихъ монаховъ.

Насъ повели въ трапезную, гдѣ помѣщаются прекрасныя и благополучныя келліи настоятеля. Сначала подали сласти и варенья, именно: варенье изъ зеленыхъ сладкихъ грецкихъ орѣховъ, цѣльныхъ, въ обверткѣ, варенье изъ вишенъ и иные сорта со многими пряностями, которыхъ мы не видывали въ своей странѣ; еще подавали хлѣбъ на меду съ пряностями и водку. Потомъ это убрали и подали обѣдъ, состоявшій изъ постныхъ блюдъ, ибо это было въ понедѣльникъ, въ который они не ѣдятъ рыбы, также какъ по средамъ и пятницамъ. Подавали постныя кушанья съ шафраномъ и многими пряностями всякаго сорта и вида, печеные изъ тѣста въ маслѣ блины, то-есть *зунгуль*, [1] сухіе грибы и пр. Для питья подавали сначала медъ, потомъ пиво, затѣмъ отличное красное вино изъ собственныхъ виноградниковъ.

Сначала ставили на столъ по нѣскольку блюдъ разнаго кушанья, затѣмъ отодвигали ихъ понемногу и приносили другія; такъ продолжали дѣлать до конца, по обычаю турокъ, а не молдаванъ и валаховъ, которые оставляютъ блюда одно на другомъ до ве-

---

[1] Очень тонкія сухія лепешки, употребительныя на Востокѣ.

чера. Каждое подаваемое блюдо ставили сначала передъ нашимъ владыкой патріархомъ и оставляли, пока онъ не поѣстъ съ него немного, затѣмъ его двигали дальше по столу до самаго конца стола, гдѣ его снимали. Всякій разъ, какъ поднесутъ ему блюдо, подаютъ его потомъ другому, такъ что онъ ѣлъ съ блюдъ первымъ, раньше всѣхъ, а присутствующіе послѣ. Убравъ кушанья, подали разнообразные фрукты, царскую вишню сладкую и кислую, сладкія кисти, похожія на лисій виноградъ, какъ бы кораллы, въ родѣ апрѣльскихъ сѣмечекъ,[1] и другой сортъ, подобный незрѣлому винограду, по имени *икристъ* (крыжовникъ?), и иное.

Въ такомъ порядкѣ и видѣ бываетъ у нихъ трапеза. Всѣ приборы: тарелки, кубки, ложки, которые клали передъ нами, какъ въ этомъ монастырѣ, такъ и въ другихъ, всегда были изъ серебра.

Мы встали изъ-за стола и возвратились въ свое помѣщеніе.

Глава XIV.

Кіевъ.—Печерскій монастырь. Описаніе великой церкви. Монастырскій садъ. Колокольни.

Знай, что вокругъ этого монастыря есть двадцать три церкви, въ коихъ служатъ монахи; изъ нихъ тѣ, которыя находятся среди садовъ, назначены для мірянъ.

Вотъ имена церквей, которыя мы успѣли посѣтить и святынямъ коихъ поклонились: во первыхъ, въ келліяхъ настоятеля красивая церковь въ честь Петра и Павла; во-вторыхъ, внѣ (келлій) церковь въ честь свв. Антонія и Ѳеодосія; въ третьихъ, въ честь Поклоненія Честному Кресту (Воздвиженія), гдѣ почиваютъ мощи тысячи святыхъ отшельниковъ и затворниковъ; въ четвертыхъ, церковь, въ коей также находятся мощи древнихъ святыхъ, въ подземельи среди ихъ келлій; въ немъ еще три малыя церкви: одна—въ честь Рождества, другая—Благовѣщенія, третья—Антонія и Ѳеодосія вблизи ихъ келлій, внутри подземныхъ ходовъ; восьмая церковь въ честь Славнаго Воскресенья; девятая—Рождества Богородицы; десятая—Троицы, о которой мы упомянали, въ башнѣ монастыря; одиннадцатая—во имя св. Параскевы; двѣнадцатая—монастырь во имя св. Николая; тринадцатая — св. Георгія; затѣмъ еще три церкви при церкви Воздвиженія Креста.

Вотъ описаніе великой церкви[2]. Вся она изъ камня, кирпича

---

[1] Названіе растенія. Авторъ, по всей вѣроятности, описываетъ смородину.

[2] Все это описаніе пропущено англійскимъ переводчикомъ и по этой, несомнѣнно, причинѣ протоіерей Лебединцевъ въ своей статьѣ „Кіевопечерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи“ (Кіевская Старина

и извести внутри и снаружи, имѣетъ высокій сводъ и девять высокихъ куполовъ, покрытыхъ блестящей жестью, съ девятью позолоченными крестами. Она построена четыреугольникомъ; имѣетъ въ длину, по нашему измѣренію, 140 шаговъ и столько же въ ширину; высота ея болѣе 60 локтей. Въ нее сходятъ по лѣстницѣ. Съ западной стороны большая дверь, подлѣ которой другая, малая; съ южной стороны три двери, изъ конхъ средняя больше двухъ другихъ; съ сѣверной стороны одна только дверь. Церковь имѣетъ четыре алтаря, наибольшій — посрединѣ. Надъ упомянутой западной дверью находится изображеніе Успенія Богоматери, справа и слѣва отъ него изображены два царя, построившіе эту церковь; подлѣ каждаго изъ нихъ большое высо-

---

1896), заимствуя у Павла Алеппскаго (по англійскому переводу) все, касающееся этой обители, замѣчаетъ, что, будто бы, „ни внѣшній, ни внутренній видъ великой церкви не описаны діакономъ Павломъ“. На самомъ дѣлѣ это описаніе—и, какъ увидитъ читатель, довольно подробное—оказалось въ арабскомъ подлинникѣ. Въ виду интереса, который оно представляетъ, будучи единственно обстоятельнымъ описаніемъ печерской церкви до пожара 1718 г., совершенно видоизмѣнившаго ее и извнѣ и внутри, считаемъ нелишнимъ напомнить вкратцѣ исторію этого древнѣйшаго памятника нашего церковнаго зодчества. Построенная въ періодъ отъ 1073 по 1089 годъ, она, повидимому, мало уступала Софійскому собору: это была „небеси подобная церковь“, какъ называетъ ее лѣтописецъ. Первоначально великая печерская церковь имѣла форму прямоугольника съ тремя апсидами, длиною въ 16, шириною въ 14 саженъ. Куполъ былъ одинъ. На сѣверо-западномъ углу зданія была устроена башня съ внутренней каменной лѣстницей, которая вела на хоры. Въ конхѣ главнаго алтаря была изображена мозаикой Богоматерь, а въ днѣ купола, также мозаикой, Спаситель. Стѣны церкви были украшены фресками. Полъ былъ выстланъ плитами краснаго шифера. Во время нашествія Батыя Кіевопечерская лавра испытала общую участь города: она была разорена. Но полное запустѣніе этой обители не было продолжительно, судя по немногимъ историческимъ свидѣтельствамъ о состояніи ея въ XIV и XV столѣтіяхъ. Впрочемъ, въ особенно благоустроенный видъ она была приведена лишь въ 1470 году усердіемъ кіевскаго князя Симеона Олельковича; тогда была возобновлена великая печерская церковь, украшена стѣннымъ писаніемъ и снабжена богатой утварью.

Отстоявъ свою независимость отъ покушеній уніатскихъ кіевскихъ митрополитовъ, Печерская обитель въ началѣ XVII вѣка съ титуломъ лавры начинаетъ свою просвѣтительную дѣятельность въ защиту православія: въ ней учреждается ученое братство и заводится типографія. Около того же времени, при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, возобновлена древняя фресковая живопись великой церкви.

Какъ видно по описанію Павла Алеппскаго, великая церковь въ половинѣ XVII вѣка, еще сохраняла отчасти свой первоначальный объемъ и нѣкоторыя изъ древнихъ украшеній: были цѣлы мозаичныя изображенія въ апсидѣ главнаго алтаря, разноцвѣтные мраморные полы и барельефы, вѣроятно, также современные основанію храма.

кое окно; выше Богоматери дерево, на вѣтвяхъ котораго сидятъ святые, а надъ нимъ еще три большихъ окна; между ними изображеніе Петра и Павла, надъ коими изображены новые святые Антоній и Ѳеодосій, слава земли казаковъ; выше нихъ еще три окна, надъ которыми поднимается огромная арка на двухъ большихъ пилястрахъ, стоящихъ по сторонамъ дверей. Знай, что поверхъ этой аркн есть балки и навѣсъ, то-есть высокій выступъ наружу, изъ краснваго краснаго кирпича съ полосками между нимъ изъ бѣлой извести. Выше этого поднимается большой куполъ, именно куполъ нарѳекса, и надъ нимъ другой, красивый восьмиугольный, крытый блестящей жестью, съ восемью окнами.

Надъ другою, малою дверью церкви изображена Богородица съ ангелами, держащими надъ Нею уготованные для Нея вѣнцы; выше нихъ три окна, а надъ всѣмъ красивый горбообразный сводъ [1] на углу церкви, покрытый жестью, съ позолоченнымъ крестомъ; выше его два окна, одно надъ другимъ; надъ всѣмъ небольшая арка изъ краснаго кирпича, изукрашенная всяческими хитростями искусства. На углу церковной крыши возвышается красивый полукуполъ, обитый жестью, съ крестомъ.

Что касается сѣверной отъ дверей церкви стороны, т. е. большого угла, то все это мѣсто до сѣверныхъ дверей церкви представляетъ очень высокую башню, чрезвычайно крѣпкую, назначенную для военныхъ цѣлей: въ ея стѣнахъ множество бойницъ. Здѣсь помѣщается церковная ризница. Дверь въ нее на западной сторонѣ церкви, въ одномъ ряду съ большою дверью; надъ ней изображенъ Іоаннъ Креститель. Итакъ, съ западной стороны церковь имѣетъ три двери въ рядъ. Отъ верхней части этой послѣдней двери и далѣе вверхъ до крыши двѣнадцать большихъ оконъ съ желѣзными рѣшетками, а надо всѣмъ этимъ — двѣ арки, подобныя вышеописаннымъ, и навѣсъ изъ краснаго кирпича съ рѣзьбою, какъ въ церковныхъ постройкахъ Ханака; надъ арками большой восьмиугольный куполъ съ восемью окнами по окружности его. Здѣсь, надъ этими западными дверями, у самой крыши расписано зеленымъ, золотымъ и иными цвѣтами на удивленіе уму.

Что касается южной стороны церкви, то надъ большой средней дверью находится узкое окно, около десяти локтей, надъ которымъ еще три окна; надъ ними большое распятіе, выше коего арка и куполъ, подобные вышеописаннымъ. Также надъ второю дверью два окна внизу и одно наверху; между ними изо-

[1] Такъ авторъ называетъ, вѣроятно, двухскатную или четырехскатную кровлю.

бражены Господь и Іоаннъ, а подъ ними три патріарха (святителя); и надъ этой дверью также большая арка и куполъ съ крестомъ. Въ томъ же родѣ третья дверь. Между этими тремя дверями есть нѣчто въ родѣ двухъ башенъ съ очень высокими окнами.

Съ сѣверной стороны церкви только одна дверь; надъ ней изображенъ св. Стефанъ, а выше до кровли—десять большихъ оконъ со стеклами; надо всѣмъ огромная арка, больше всѣхъ другихъ, ибо она занимаетъ пространство отъ края крыши упомянутой большой церковной башни до края крыши четвертаго крайняго алтаря. Надъ аркой возвышается восьмиугольный куполъ, краснѣе тѣхъ куполовъ.

Надъ великимъ алтаремъ есть большой куполъ, самый красивый изъ всѣхъ, а также надъ другими двумя алтарями по куполу одинаковой вышины, четвертый же алтарь очень низокъ. Что касается огромнаго купола надъ хоросомъ, то онъ похожъ на куполъ св. Софіи; онъ обширный, (частью) круглый, (частью) восьмиугольный, съ высокимъ подъемомъ. Этотъ огромный куполъ имѣетъ кругомъ окна со стеклами, числомъ двѣнадцать. Надъ нимъ для украшенія сдѣлана глава, и все покрыто жестью, блестящей, какъ серебро. Куполъ и глава чрезвычайно высоки, ихъ крестъ больше всѣхъ другихъ и блеститъ, какъ золото. Знай, что всѣ стѣны этой церкви скрѣплены желѣзными связями извнутри наружу. Итакъ, всѣхъ куполовъ церкви девять, а число всѣхъ большихъ оконъ въ стѣнахъ этой церкви, вмѣстѣ съ окнами куполовъ, около восьмидесяти, и всѣ они съ желѣзными рѣшетвами, съ прозрачными хрустальными стеклами. Число дверей церкви семь, онѣ съ рѣшетчатыми створами изъ чистаго желѣза.

Что касается главнаго внутренняго пространства великой церкви, то оно представляетъ въ ширину три нефа.

Первое отдѣленіе нарѳекса имѣетъ надъ собою куполъ. Здѣсь находятся иконы Господа и Владычицы, весьма большія, въ длину и ширину около 15 локтей, сообразно величинѣ и высотѣ церковныхъ стѣнъ. Онѣ стоятъ напротивъ входа съ правой и съ лѣвой стороны въ тройныхъ широкихъ кіотахъ, въ полтора локтя шириною. Кіотъ съ трехъ сторонъ украшенъ рѣзьбой и позолотой, а среди рѣзьбы изображены сверху внизъ шесть апостоловъ съ этого края и шесть другихъ съ того края. Въ другомъ ряду изображены Страсти Господни, а въ третьемъ, ближайшемъ къ Господу, всѣ господскіе праздники. На нижней части кіота есть также изображеніе: Господь, предъ коимъ множество овецъ съ пастухомъ впереди, ведущимъ ихъ вверхъ; Го-

сподь обращается назадъ и прогоняетъ отъ нихъ волковъ копьемъ. Въ такомъ же родѣ покпова Владычицы: въ одномъ ряду изображены пророки, кои прорекли о Ней; въ другихъ двухъ изображены 24 похвалы Богородицы. На главѣ Господа вѣнецъ изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ и точно такой же на главѣ Владычицы, съ бахрамой и жемчугомъ. На этихъ двухъ иконахъ много привѣсокъ изъ золота и серебра: кресты ки, образки и драгоцѣнности. Съ высоты купола свѣшивается передъ ними большой мѣдный, позолоченный фонарь со стеклами.

Во второмъ отдѣленіи нарѳекса огромные, высокіе, прочные столбы. Наверху его виситъ большая, великолѣпная люстра изъ желтой мѣди съ стоячими статуями, которыя несутъ ее на себѣ, держа въ правой рукѣ свѣчи, а въ лѣвой удивительные гроздья винограда. Здѣсь, справа отъ входящаго, очень высокая, большая арка, которая заходитъ за архіерейское мѣсто; внутри она вся изъ мрамора съ письменами; косяки съ той и съ другой стороны покрыты блестящимъ мраморомъ съ рѣзными украшеніями (барельефами): на немъ изображены люди, кони, битвы, колесницы и пушки тонкою, отчетливою работой, приводящей умъ въ изумленіе [1]. На половинѣ этой арки имѣется изображеніе продолговатаго стола, на коемъ спитъ человѣкъ съ бородой, въ желѣзной кольчугѣ; онъ сдѣланъ изъ твердаго краснаго камня, похожаго на порфиръ, и ничѣмъ не отличается отъ полной человѣческой фигуры. Онъ лежитъ на боку, облокотившись, подложивъ правую руку подъ голову; одно колѣно его положено на другое; на головѣ золоченая корона, на груди золоченыя же цѣпи. Это работа, поражающая удивленіемъ умы. [2] Намъ разсказывали, что онъ былъ царемъ надъ русскими, увѣровалъ во Христа около 600 лѣтъ тому назадъ и построилъ эту церковь. Насупротивъ него, съ сѣверной стороны, находится изображеніе сына его съ длинною бѣлою бородой.

Хоросъ церкви весь вымощенъ твердыми, красными плитами въ родѣ порфира. Говорятъ, что этотъ камень [3] добываютъ изъ рѣки Днѣпра. Таковъ же и полъ церкви, на которомъ доселѣ остаются слѣды удивительной древней, многоцвѣтной мозаики. Посрединѣ (хороса) помѣщенъ деревянный кругъ съ двумя всходами, покрытый краснымъ сукномъ: на немъ дьяконъ гово-

[1] Остатки, вѣроятно, этихъ самыхъ барельефовъ, уцѣлѣвшіе отъ пожара 1718 г., нынѣ вдѣланы въ стѣну лаврской типографіи, надъ входомъ.

[2] Авторъ описываетъ, вѣроятно, гробницу князя Константина Острожскаго.

[3] Красный шиферъ.

ритъ ектенію и читается Евангеліе. Архіерейское мѣсто весьма кіасиво; подлѣ него четырехъугольный клиросъ съ мѣстами (формами), гдѣ стоятъ священники и пѣвчіе, и точно такой же насупротивъ него съ лѣвой стороны Наверху большаго купола изображенъ Господь — да будетъ прославлено имя Его! Мѣсто органа, то есть мѣсто, гдѣ стоятъ пѣвчіе, очень высоко: оно помѣщается надъ наружнымъ нароексомъ и выходитъ по обыкновенію на хоросъ.

Что касается иконостаса, то онъ великолѣпенъ, но старъ. Надъ нимъ распятіе: оноясаніе Спасителя изъ кованаго чистаго золота. Иконы при вратахъ алтаря весьма благолѣпны, въ особенности иконы Господа и Владычицы, ибо онѣ больше и лучше находящихся въ нароексѣ, съ вѣнцами и многочисленными привѣсками: золотыми и серебряными крестиками, образками, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; книга Господа, то-есть Его Евангеліе, изъ кованаго серебра, а письмена золотыя. На лѣвой сторонѣ отъ иконы Господа икона Успенія Богородицы, весьма благолѣпная. Точно также справа отъ иконы Владычицы икона свв. Антонія и Ѳеодосія. Такіе же иконостасы при вратахъ другихъ алтарей.

Передъ дверями великаго алтаря стоятъ два большіе великолѣпные подсвѣчника изъ желтой мѣди, изъ коихъ каждый утвержденъ на четырехъ львахъ и вѣситъ около одного алепискаго кинтара [1] или даже болѣе. Передъ дверями другихъ алтарей стоятъ подсвѣчники точеные изъ дерева и позолоченные. На верху мѣднаго подсвѣчника есть пять мѣстъ для вставливанія свѣчей, въ одинъ рядъ, и то же на другомъ, подобномъ ему; но мѣсто для свѣчи, ближайшее къ (царскимъ) вратамъ, выше остальныхъ четырехъ, рядомъ съ нимъ находящихся, которыя постепенно понижаются по направленію къ клиросу. Когда зажгутъ, съ обѣихъ сторонъ, вставленныя въ нихъ свѣчи, то надъ однимъ подсвѣчникомъ получается видъ полуарки и надъ другимъ, насупротивъ него, полуарка. Это очень красивое устройство. Также за святымъ престоломъ подсвѣчники размѣщены въ рядъ на ступенькахъ изъ досокъ: средній выше всѣхъ, а тѣ, которые по сторонамъ, ниже и ниже, въ видѣ арки. Они представляютъ великолѣпный видъ, когда зажгутъ въ нихъ свѣчи. Что касается многочисленныхъ серебряныхъ лампадъ предъ алтарями, то во всѣхъ нихъ вставлены свѣчи, которыя зажигаютъ взамѣнъ масла.

Знай, что свѣчи какъ въ этой церкви, такъ и въ монасты-

---

[1] Кинтаръ содержитъ 100 ритловъ, или 15 пуд. 25 ф.

ряхъ и большихъ церквахъ у казаковъ, бываютъ всѣ прекраснаго зеленаго цвѣта.

Святой алтарь очень высокъ и возносится въ пространство. Отъ верху полукруглой его арки до половины ея изображены: Владычица, стоя благословляющая, съ платомъ у пояса, а ниже Ея Господь, окруженный архіереями, — мозаикой съ золотомъ, какъ въ св. Софіи и въ церкви Вполеема. Въ передней (восточной) части алтаря три большихъ окна со стеклами. Полъ его слѣланъ изъ чудесной мелкой мозаики. По окружности алтаря идетъ каѳедра (горнее мѣсто) съ тремя ступенями; надъ нею, на высоту роста, также мозаика изъ превосходнаго мрамора. Позади святого престола стоятъ шкафы съ ящиками и замками, гдѣ хранятся священные сосуды. Точно также позади образа Господа есть большое помѣщеніе тоже съ ящиками и замками; въ каждомъ ящикѣ полное священническое и дьяконское облаченіе, дорогое, расшитое золотомъ, стопмостью каждое во сто динаровъ (червонцевъ) и болѣе.

Куполъ алтаря имѣетъ стеклянныя окна и находится надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоитъ священникъ передъ престоломъ; точно такъ же надъ другими двумя алтарями. Въ сѣверномъ алтарѣ священникъ совершаетъ проскомидію на святомъ престолѣ. На самомъ верху арки этого алтаря написанъ образъ Іоанна Крестителя съ двумя крылами, ибо престолъ въ честь его. Здѣсь мѣсто, гдѣ священники умываютъ руки; оно чудесной работы; около него большое, хорошее зеркало.

Замѣть, что во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ земли казаковъ, находящихся въ городѣ Кіевѣ и его округѣ, а также во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ земли московитовъ непремѣнно бываетъ одно или два зеркала въ каждомъ алтарѣ церкви.

Передъ дверьми этого сѣвернаго алтаря стоитъ драгоцѣнная рака, покрытая дорогими покровами: въ ней мощи святой, по имени Іуліаніи, [1] новой праведницы. На стѣнѣ всего этого мѣста, начиная отъ верху, изображено Успеніе Богородицы и апостолы, восхищаемые въ облакахъ; каждый апостолъ имѣетъ при себѣ ангела. Внизу же изображены апостолы, собравшіеся вокругъ мраморнаго гроба Св. Дѣвы; саванъ раскрытъ, и они, въ изумленіи, поднимаютъ руки къ небу, говоря: „Она вознеслась!“ Насупротивъ этого мѣста они также въ сборѣ, и хитонъ ея среди нихъ [2].

Великолѣпныя царскія хоругви водружены у обоихъ клиросовъ.

[1] Прп. Іуліанія дѣва, княжна Ольшанская. Мощи ея сгорѣли въ пожарѣ 1718 года и остатки, сложенные въ гробѣ, поставлены въ Антоніевой пещерѣ.

[2] Мѣсто это нами передано слово въ слово.

Чрезъ сѣверныя двери входишь въ четвертый алтарь во имя св. Николая.

Вотъ, что мы разсказали объ устройствѣ всей великой церкви, которая утверждена на фундаментахъ и огромныхъ, величественныхъ колоннахъ. По окружности ея сдѣланы сидѣнья (формы).

Что касается келлій архимандрита, то онѣ представляютъ большой, великолѣпный домъ. Кельи, гдѣ онъ помѣщается, находятся въ верхнемъ этажѣ и имѣютъ высокій куполъ; вокругъ него краспвая рѣшетка, выходящая на великую рѣку Днѣпръ, которая течетъ внизу монастырскихъ садовъ.

Насъ водили въ сады архимандрита, куда мы спустились изъ его келлій по лѣстницѣ. Входятъ въ садъ дверью въ видѣ высокой арки съ куполомъ. Съ боковъ она вся состоитъ изъ рѣшетки, сплетенной изъ тонкихъ вѣтвей снутри и снаружи, и имѣетъ одинъ локоть въ толщину. Внутри ея какое-то растеніе съ зелеными вѣтками и многочисленными шипами, похожее на желтый жасминъ или вѣтви жасмина Хамы; поднимаясь изъ земли, оно проникаетъ въ это удивительное произведеніе и наполняетъ рѣшетку. Всякую вѣточку, какъ только она выступитъ наружу изъ рѣшетки, обрѣзаютъ ножницами. Изъ того же растенія сдѣланы изгороди питомниковъ этого сада. Ты видишь, что его стволы, выходя изъ земли, бываютъ шириной въ локоть, поднимаются надъ землей не болѣе какъ на два локтя и въ своей совокупности образуютъ по ширинѣ какъ бы стѣну. Растеніе приноситъ плоды. Мы ихъ ѣли: они похожи на незрѣлый виноградъ, зелены и сладки. Его называютъ *икристъ* [1]. Столь искусное устройство есть дѣло рукъ садовниковъ, которые подрѣзаютъ и выращиваютъ это растеніе, дѣлая его такимъ краспвымъ. Въ этомъ саду есть абрикосовыя деревья и очень много шелковичныхъ. Говорятъ, что прежній митрополитъ казаковъ [2] разводилъ на нихъ шелковичныхъ червей, и получался отличный шелкъ. Есть множество большихъ орѣховыхъ деревьевъ и еще болѣе виноградныхъ лозъ; вино изъ нихъ темнокрасное; его развозятъ изъ этого монастыря по всѣмъ церквамъ земли казаковъ.

Знай, что здѣсь во всякомъ большомъ монастырѣ, у митрополита казаковъ и у всѣхъ его епископовъ есть служилые люди изъ важныхъ сановниковъ; изъ нихъ каждый чиномъ равенъ полковнику. Ихъ зовутъ монастырскими слугами. Когда митрополитъ, или епископъ, или архимандритъ монастыря ѣдетъ въ своемъ экипажѣ, они скачутъ впереди и позади него на отличныхъ доро-

[1] Вѣроятно, крыжовникъ.

[2] Петръ Могила.

гихъ коняхъ, въ пышныхъ одеждахъ и въ полномъ драгоцѣнномъ вооруженіи. Такой у нихъ обычай.

Знай, что во всѣхъ кельяхъ: у митрополита, епископа, архимандрита, у дьякона или монаха имѣется безсчетное множество дорогого оружія, именно: малыя алжирскія и черкесскія ружья, сабли, пистолеты, луки со стрѣлами и пр.

За вратами великой церкви двѣ колокольни, одна насупротивъ другой, съ западной стороны. Онѣ деревянныя, высокія, четырехъугольныя. Одна изъ нихъ очень высокая и подъемъ на нее равняется всходу на минаретъ Исы (Іисуса) въ Дамаскѣ [1]. Она громадна и имѣетъ много каморъ внутри; на верхъ ведетъ большая витая лѣстница. Наверху висятъ на деревянныхъ брусьяхъ пять большихъ и малыхъ колоколовъ; тамъ же находятся, скрытые въ каморѣ, большіе желѣзные часы, бой которыхъ слышенъ на большомъ разстояніи. Они возвѣщаютъ каждую четверть часа однимъ ударомъ въ малый колоколъ; когда пройдетъ часъ, они ударяютъ четыре раза тихо, потомъ бьютъ извѣстное число часовъ въ большой колоколъ. Въ то время, 24 іюня, они били до вечера 24 часа, такимъ образомъ день имѣлъ $17^1/_2$ часовъ, а ночь $6^1/_2$. У нихъ есть извнѣ, на стѣнѣ колокольни, кругъ для солнечныхъ часовъ. Другіе часы висятъ снаружи каменной колокольни церкви Троицы, о коей мы упоминали. Когда большіе часы вечеромъ пробьютъ 24 часа, эти ударяютъ много разъ въ желѣзную доску съ сильнымъ босмъ, дабы слышали находящіеся внѣ монастыря, вошли и заперли ворота. Другая колокольня, насупротивъ, ниже первой. На ней виситъ огромный колоколъ [2], подобнаго которому мы еще не видывали: онъ величиной съ небольшой шатеръ и вѣситъ около 50 алепскихъ кинтаровъ. [3]

Глава XV.

Кіевъ.— Печерскій монастырь. Описаніе Ближнихъ и Дальнихъ пещеръ.

Во вторникъ передъ праздникомъ апостоловъ (Петра и Павла) мы отправились на поклоненіе въ церковь Воздвиженія Креста гдѣ почиваютъ тысячи мощей отшельниковъ-иноковъ, удалившихся отъ міра, коихъ имя знаменито во вселенной. Церковь эта находится ниже великой церкви на уступѣ горы, имѣетъ

---

[1] Одинъ изъ трехъ минаретовъ Большой мечети, вышиной около 80 метровъ.

[2] Этотъ колоколъ, вѣсомъ въ 200 пудовъ, называется Балыкъ и доселѣ виситъ на лаврской колокольнѣ.

[3] Кинтаръ=15 пуд. 25 ф.

два высокихъ купола, крытыхъ жестью, съ крестами и новый прекрасный иконостасъ. Рѣзьба и позолота царскихъ вратъ таковы, что они ничѣмъ не отличаются отъ златокованыхъ. Когда мы отстояли въ ней обѣдню, насъ повели внизъ въ подземелье, вырытое въ длинной горѣ, потомъ въ пещеру, гдѣ вели отшельническую жизнь святые Антоній и Ѳеодосій, кои были первыми, явившими въ этой землѣ образъ ангельской, отшельнической жизни. У насъ было съ собой много свѣчей. Мы осматривали многочисленныя помѣщенія и узкія, убогія кельи и мѣста, гдѣ почиваетъ большое число отцовъ и владыкъ: они до сихъ поръ остаются въ своихъ гробахъ, отшельническихъ одѣяніяхъ, въ желѣзныхъ узкихъ поясахъ и мантіяхъ—все въ томъ же видѣ со времени (ихъ кончины) доселѣ, какъ сказано о нихъ: „дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, и вся хотѣнія Его въ нихъ“. Въ этомъ мы удостовѣрились воочію, бывъ свидѣтелями ясныхъ тому доказательствъ, видѣли изумительныя чудеса, и наши умы были поражены этими необычайными вещами, ибо какимъ образомъ тѣла ихъ, подобныя нашимъ, доселѣ остаются нетлѣнными, не распавшимися, въ своемъ природномъ видѣ? Ихъ бороды и русые волосы на головѣ держатся крѣпко и прекрасны, несмотря на то, что они постоянно находятся въ этой мрачной пещерѣ, но свѣтлой отъ ихъ пребыванія въ ней. Вся эта пещера представляетъ норы и келійки, не вмѣщающія даже ребенка: какъ же онѣ могли вмѣщать кого-либо изъ нихъ? О чудо! Тамъ они провели годы своей жизни безъ хлѣба, питаясь только злаками. Одни затворились въ своихъ кельяхъ и имъ подавали пищу и питье чрезъ отверстіе; другой ископалъ себѣ яму въ землѣ до половины своего роста, въ ней провелъ годы своей жизни и скончался, оставшись доселѣ, какъ онъ былъ [1]: стоя въ ней будто живой, съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку. Одинъ, затворившись въ пещерѣ, провелъ въ ней годы житія своего и по кончинѣ былъ погребенъ въ могилѣ. У него былъ братъ, отшельникъ на Святой Горѣ, который, придя навѣстить брата, нашелъ его умершимъ, занялъ его келью и провождалъ здѣсь отшельническое житіе до своей кончины. Его понесли похоронить подлѣ брата и—о чудо!—такъ какъ могила была очень тѣсна, братъ его, умершій за много лѣтъ, повернулся на бокъ, чтобы дать мѣсто брату, и до сихъ поръ остается съ приподнятыми колѣнями, на удивленіе смотрящимъ и во славу Бога нашего [2].

---

[1] Іоаннъ Многострадальный.

[2] Преподобные Іоаннъ и Ѳеофилъ.

Что же касается великихъ святыхъ, ихъ начальниковъ, Антонія и Ѳеодосія, то ихъ келліи вмѣстѣ, и подлѣ келлій столъ, высѣченный изъ камня. Надъ келліями въ скалѣ мѣсто, откуда капала для питья имъ вода, которой было достаточно для всѣхъ этихъ святыхъ. Близъ келлій красивая церковь съ иконостасомъ, который кажется новымъ, хотя ему сотни лѣтъ. Въ ней они совершали литургію, и до сихъ поръ іереи монастырскіе продолжаютъ въ ней служить обѣдню. Въ этой пещерѣ есть еще три церкви съ иконостасами, для прочихъ отшельниковъ, и въ нихъ доселѣ совершаютъ литургію.

Подлѣ кельи упомянутыхъ святыхъ стоитъ деревянный столбъ; къ нему привязываютъ умалишенныхъ, и они тотчасъ исцѣляются.

Мы помолились и приложились къ отдѣльнымъ главамъ, изъ коихъ источается муро: онѣ желты, какъ золото, и лежатъ въ стеклянныхъ сосудахъ. Въ одной гробницѣ находятся 12 отшельниковъ [1] вмѣстѣ, другъ подлѣ друга. Намъ разсказывали, что они были родомъ изъ Румеліи. Когда, во дни царя Василія Македонянина, они прибыли отъ него сюда и чрезъ нихъ эти страны увѣровали (во Христа), то они сдѣлались учителями (вѣры) и построили эту великую церковь и пныя. Подъ конецъ они уединились въ этой пещерѣ и въ ней скончались.

Словомъ, я не имѣю силъ исчислить ихъ (всѣхъ): ихъ множество, около тысячи; половина ихъ открыта, остальные сокрыты внутри ихъ келлій и ходъ къ нимъ забитъ. Миръ Божій надъ всѣми ними! Они славны во всемъ свѣтѣ. Да поможетъ намъ Богъ ихъ молитвами!

Затѣмъ мы прошли на небольшое разстояніе отъ этого мѣста къ подножію горы, подъ которою течетъ великая рѣка Днѣпръ, къ другой церкви, гдѣ почиваютъ мощи древнихъ святыхъ [2]. Упомянутые святые Ѳеодосій и Антоній, превзошедшіе тезоименитыхъ имъ святыхъ, славныхъ Антонія Великаго и Ѳеодосія Великаго, кои были свѣточами, одинъ — пустыни Скитской, другой—Палестинской, и явившіеся въ позднѣйшія времена, первые явили этотъ ангельскій образъ жизни и стали свѣтомъ земли казаковъ и московитовъ. Они пришли сюда и, ископавъ эту церковь и пещеру подъ горой, долгое время вели отшельническую жизнь вмѣстѣ съ своими многочисленными учениками. Когда же возникло у нихъ сильное желаніе устроить киновію, монастырь и церковь, дабы собрать отшельниковъ,—ибо у подножія этой горы, выходящей на Днѣпръ, который течетъ подъ

[1] 12 братьевъ, первыхъ каменноздателей великой Печерской церкви. Имена ихъ неизвѣстны.

[2] Авторъ говоритъ о Дальнихъ пещерахъ.

нею, было множество келлій, въ коихъ дотолѣ обитало великое число отшельниковъ, а мѣсто, гдѣ теперь великая церковь, было вершиной горы съ большимъ лѣсомъ—явилась имъ тогда наша Владычица, Пресвятая Дѣва, среди деревьевъ лѣса, въ огненномъ сіяніи, а деревья были какъ бы объяты пламенемъ, подобно тому, какъ Она [1] явилась Моисею въ купинѣ. Она сказала имъ ясно: „постройте здѣсь монастырь и великую церковь во имя Мое“. Тогда они, изумленные, вышли изъ пещеры и начали строеніе церкви, которую докончилъ бывшій въ то время христолюбивый царь. Они же устроили эту пещеру и въ ней почили. По этой причинѣ доселѣ изображаютъ на многочисленныхъ иконахъ Св. Дѣву среди деревьевъ, объятыхъ пламенемъ, и Антонія и Ѳеодосія, стоящихъ и молящихъ о Ея предстательствѣ. Этотъ великій монастырь присвояется имъ, и потому среди иконы помѣщаютъ между ними изображеніе монастырскаго строенія, какъ оно есть. По той же причинѣ въ землѣ казаковъ священники, совершая отпустъ, всякій разъ непремѣнно прибавляютъ: „молитвами святыхъ Антонія и Ѳеодосія монастыря Печерскаго“.

Возвращаемся. Въ упомянутой пещерѣ множество ходовъ, и внутри ихъ доселѣ остаются три церкви съ иконостасами и иконами: одна—во имя Рождества, другая—Благовѣщенія, третья—Антонія и Ѳеодосія, близъ коей находятся ихъ келліи и еще сохраняется столъ, подобный вышеописанному. Здѣсь также почиваютъ многочисленныя мощи, однако, весьма истлѣвшія, ибо, какъ мы упомянули, онѣ древнѣе тѣхъ и столько времени лежатъ подъ землей въ сырости и холодѣ. Большая часть ихъ закрыта. Тутъ есть тѣла двухъ отроковъ [2]: ихъ головы желты и до сихъ поръ источаютъ муро. Есть мощи епископа, котораго привезли изъ Московіи, въ гробѣ, выдолбленномъ изъ дерева [3].

Мы вышли изъ пещеръ со слезами, пораженные удивленіемъ и изумленіемъ. Да поможетъ намъ Богъ предстательствомъ всѣхъ ихъ! Аминь.

Въ это время архимандритъ прислалъ за нами экипажъ, въ который мы сѣли, и прибыли въ монастырь (по дорогѣ) между садами, ибо подъемъ въ этомъ мѣстѣ труденъ и длиненъ. Мы сѣли за трапезу по обыкновенію.

---

[1] Вѣроятно, ошибка переписчика. Въ купинѣ явился Моисею самъ Господь.

[2] Вѣроятно, свв. Леонтій и Геронтій.

[3] Преп. Ѳеофилъ, архіепископъ новгородскій, современникъ Іоанна III и Маѳы посадницы, удалившійся въ Кіевъ послѣ заточенія въ Чудовомъ монастырѣ.

Глава XVI.

Кіевъ.—Вознесенскій монастырь. Типографія Печерскаго монастыря.

Въ среду передъ праздникомъ апостоловъ (Петра и Павла) пріѣхала игуменья женскаго монастыря въ честь Вознесенія Господня и пригласила нашего владыку патріарха присутствовать у нихъ за литургіей, прочесть имъ молитву отпущенія грѣховъ и благословить дѣвственныхъ монахинь.

Мы отправились туда. Всѣ монахини вышли навстрѣчу владыкѣ. Это монастырь благоустроенный: въ немъ болѣе 50 или 60 монахинь, и всѣ онѣ знатнаго происхожденія; лица ихъ какъ солнце, на нихъ шерстяныя черныя мантіи до земли. Мужчины совершенно не могутъ къ нимъ входить. Въ монастырѣ есть большой колодецъ, снабженный колесомъ съ двумя цѣпями, которое вращается рукой: одна цѣпь поднимается, другая опускается.

[Большинство этихъ монахинь изъ богатыхъ и старинныхъ польскихъ родовъ; игуменья принадлежитъ къ семейству самого польскаго короля. Побуждаемыя любовью къ этому монастырю, гдѣ большая часть изъ нихъ получили воспитаніе, онѣ возвращаются въ него, постригаются и остаются тамъ монахинями].

Монастырь окруженъ описанными садами, а въ срединѣ его святая церковь, деревянная, красивая, съ шестью куполами и крестами. Мы вошли въ нее. Монахини пѣли во время литургіи „Достойно есть“ и другія молитвы, а также всѣ, исполняемыя попеременно (на клиросахъ). Въ церкви большая серебряная люстра и изъ того же металла два напрестольныхъ подсвѣчника. На иконахъ Господа, Владычицы, Вознесенія и мученицъ множество вѣнцовъ, крестиковъ, образковъ, привѣсокъ, золотыхъ и серебряныхъ цѣпочекъ съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. На стѣнахъ изображенія десяти дѣвъ и праведницъ: мученицъ и святыхъ.

Насъ помѣстили въ лѣвой сторонѣ хороса, а монахини стояли, скучившись, въ правой. Ихъ священникъ началъ литургію, окруженный кандиловозжигателями. Монахини пѣли и читали молитвы пріятнымъ напѣвомъ и нѣжными голосами, разрывающими сердце и исторгающими слезы: это было пѣніе трогательное, хватающее за душу, много лучше пѣнія мужчинъ. Мы были восхищены пріятностью голосовъ и пѣнія, въ особенности дѣвицъ взрослыхъ и маленькихъ. Всѣ онѣ умѣютъ читать, знакомы съ философіей, логикой и занимаются сочиненіями. Онѣ пѣли „Святый Боже“, „Аллилуія“ и „Господи помилуй“ какъ бы од-

ними устами; одна изъ нихъ прочла апостолъ весьма отчетливо. Псаломъ и прокименъ онѣ поютъ съ переливами. При „Достойно есть“ ударили въ колоколъ, и монахини вышли изъ своихъ мѣстъ на (средину) хороса и пропѣли это сладостнымъ напѣвомъ, стоя на колѣняхъ.

По принятіи ими Св. Даровъ и раздачѣ имъ антидора, онѣ просили нашего владыку патріарха прочесть надъ ними молитву отпущенія грѣховъ. Всѣ онѣ припали къ землѣ, и онъ прочелъ ее надъ ними и потомъ окропилъ ихъ святою водой.

У нихъ много дѣвицъ взрослыхъ и маленькихъ, которыя носятъ мѣховые колпаки: ихъ воспитываютъ для монашества, ибо большая часть ихъ сироты.

По выходѣ изъ церкви, игуменья повела насъ въ свою келью, гдѣ намъ подали на завтракъ сладкое, прекрасныя варенья, медовый хлѣбъ и водку. Затѣмъ, съ дозволенія нашего владыки патріарха, монахини написали на большомъ листѣ молитву отпущенія для всѣхъ монахинь. Нашъ владыка патріархъ приложилъ къ ней свою руку, по вѣрѣ ихъ. Мы возвратились въ свое помѣщеніе.

Близъ великой церкви есть превосходный, знаменитый печатный домъ, служащій для этой страны. Изъ него выходятъ всѣ ихъ церковныя книги удивительной печатью разнаго вида и цвѣта, а также рисунки на большихъ листахъ, примѣчательности странъ, иконы святыхъ, ученыя изслѣдованія и пр. По обычаю патріарховъ, мы напечатали въ немъ множество разрѣшительныхъ грамотъ съ именемъ нашего патріарха на ихъ языкѣ красными буквами и съ изображеніемъ св. ап. Петра. Грамоты были трехъ родовъ: въ цѣлый листъ для вельможъ, среднія — для народа и маленькія—для женщинъ.

Въ этотъ день киръ Сильвестръ, митрополитъ Кіева и всей земли казаковъ, что̀ есть Малая Россія, пріѣхалъ къ нашему владыкѣ патріарху въ экипажѣ, обитомъ краснымъ сукномъ. Съ нимъ были двое епископовъ и настоятели монастырей. У всѣхъ ихъ висѣли на груди золотые кресты на цѣпочкахъ и они были одѣты въ свои всегдашнія мантіи. Его сопровождали обязанные къ тому служилые люди, впереди и позади, на прекрасныхъ коняхъ, въ дорогихъ одеждахъ и оружіи. Когда они привѣтствовали нашего владыку патріарха, мы возложили ему на шею крестъ по ихъ обычаю.

Глава XVII.

Кіевъ.—Печерскій монастырь. Служенія въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла. Отъѣздъ изъ монастыря. Колоколъ Св. Софіи.

Наканунѣ праздника св. апостоловъ сначала сдѣлали нѣсколько ударовъ въ колоколъ великой церкви только для того, чтобы дать знакъ окружнымъ церквамъ, и тѣ зазвонили въ свои коло кола. Всѣ собрались въ церковь Петра и Павла при келліяхъ настоятеля и тамъ отслужили великое повечеріе. По окончаніи его, священникъ, дьяконъ и кандиловозжигатель подошли къ нашему владыкѣ патріарху, взяли у него благословеніе, пошли и зазвонили во всѣ колокола и въ большой, который по его тяжести могутъ раскачивать только восемь мужчинъ, по четыре съ каждой стороны, при помощи толстыхъ веревокъ, употребляя всю свою силу. Его звонъ гремѣлъ, достигая, можетъ быть, на разстояніе трехъ часовъ, ибо онъ весьма чистъ, и желѣзный языкъ колокола вѣситъ около 15 ритловъ [1] алеппскихъ. Отъ его тяжести весь куполъ и лѣса описанной огромной башни шатались, качались и дрожали. Мы вошли въ церковь. По окончаніи малаго повечерія, мы ушли. Черезъ два часа, по наступленіи ночи, зазвонили опять во всѣ колокола и въ большой. Мы пошли въ церковь ко всенощной.

Зажгли паникадила и свѣчи, поставили красивый аналой, и канонархъ началъ читать (а пѣвчіе пѣли) псаломъ вечерни стихами попеременно на обоихъ клиросахъ, на подобіе поліелея у насъ и также нараспѣвъ. Его пѣли весьма пріятнымъ напѣвомъ, пока не кончилъ канонархъ. Пѣли также „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу“ до конца. Затѣмъ вышелъ дьяконъ и сказалъ большую [2] ектенію. Потомъ пѣли Подобны [3], затѣмъ „Слава Отцу“, при чемъ монахи вышли изъ своихъ формъ и встали въ хоросѣ кругомъ, по ихъ всегдашнему обычаю при каждой „Славѣ“ и при каждомъ „Достойно есть“. Потомъ выходили на малый входъ и пѣли „Свѣте тихій“, по ихъ обыкновенію, громкимъ голосомъ. Діаконъ сказалъ ектенію и прочелъ „Сподоби“; потомъ онъ произнесъ: „исполнимъ вечернюю молитву“. Послѣ этого вышли на великій входъ во внѣшній нарѳексъ шесть паръ священниковъ—каждая пара въ одинаковыхъ фелоняхъ—и два дьякона съ кадильницами. Нашъ владыка-патріархъ, сойдя, сталъ на своемъ мѣстѣ близъ большихъ, главныхъ [4] дверей, а свя-

[1] Ритлъ равняется 6¼ фунтамъ.

[2] По Петерб. рукописи. Въ нашей ошибочно: „малую“.

[3] Въ текстѣ греческое слово съ арабскимъ окончаніемъ: *просомія*.

[4] Въ подлинникѣ: „царскихъ“.

щенники стали кругомъ него. Послѣ того какъ оба дьякона окадили образа и патріарха въ первый и во второй разъ, потомъ предстоящихъ, одинъ изъ нихъ началъ прошеніе литійное: „спаси, Боже, люди твоя“, затѣмъ отошелъ, а его товарищъ сказалъ: „еще молимся о государяхъ нашихъ“, упоминая имя нашего владыки патріарха и архимандрита, и ушелъ, первый же прочелъ остальное, при чемъ „Господи помилуй“ пѣли сладостнымъ и протяжнымъ напѣвомъ. Нашъ владыка патріархъ прочелъ положенную молитву. Мы подвинулись впередъ и нашъ владыка патріархъ кадилъ вокругъ пяти хлѣбовъ въ хоросѣ, расположивъ ихъ крестообразно по обыкновенію. Окончили молитву и начали утреню, послѣ того какъ вторично звонили во всѣ колокола. Прочли псалмы, дьяконъ кадилъ при поліелеѣ, священникъ прочелъ евангеліе утрени, а дьяконъ: „спаси, Господи, люди твоя“. Затѣмъ послѣдовалъ по обычаю канонъ. По седьмой пѣснѣ и синаксарѣ первенствующій священникъ прочелъ поученіе Аѳанасія, патріарха іерусалимскаго. Потомъ пропѣли на обоихъ клиросахъ „Слава въ вышнихъ Богу“, какъ поютъ армяне [1], пріятнымъ напѣвомъ, всѣ вмѣстѣ съ пѣвчими, замѣняющими органъ, т. е. съ маленькими мальчиками, голосомъ, хватающимъ за душу; (такъ дѣлали), всякій разъ какъ пѣніе исполнялось съ особою силою по нотамъ, въ теченіе этого всенощнаго бдѣнія и до конца обѣдни этого дня. Мы вышли изъ церкви раннимъ утромъ.

Съ вечера просили нашего владыку патріарха отслужить у нихъ литургію. До благовѣста къ ней дали знакъ нѣсколькими ударами въ большой колоколъ съ остановками, вслѣдствіе чего во всѣхъ церквахъ зазвонили въ колокола и отслужили обѣдню, а затѣмъ поспѣшили къ литургіи въ великую церковь: монахи и міряне, мужчины и женщины, а также игуменья женскаго монастыря со своими монахинями. Сначала взяли благословеніе священникъ и дьяконъ, потомъ кандиловозжигатель, и зазвонили во всѣ колокола. Мы пошли и облачились съ нѣсколькими ихъ священниками и дьяконами. Насъ не допустили надѣть свои облаченія, но дали намъ изъ своихъ цѣнныхъ облаченій, ибо они думаютъ, что ихъ облаченія освятятся, такъ какъ мы прибыли изъ Святой Земли. Затѣмъ мы всѣ вышли съ кадилами и свѣчами встрѣчать нашего владыку патріарха внѣ храма. Мы стали его облачать на кругломъ помостѣ въ хоросѣ, причемъ всѣ священники стояли въ рядъ кругомъ него. Мы выходили на входъ. Въ этотъ день вынули много позолоченныхъ евангелій,

[1] По тексту лондонской арабской рукописи, приведенному въ англійскомъ переводѣ въ примѣчаніи.

дорогихъ кадильницъ и восьмиконечныхъ [1] крестовъ. Во время Апостола вышелъ одинъ изъ дьяконовъ и прочелъ его, а я прочелъ Евангеліе апостоламъ по-арабски и, по ихъ обычаю, Владычицѣ по-гречески. Послѣ того, какъ нашъ владыка патріархъ совершилъ положенное при литургіи кажденіе, вельможи монастыря, т. е. его служилые люди, вмѣстѣ съ другими стали передъ царскими вратами: одинъ держалъ серебряный кувшинъ, другой—серебряный тазъ, прочіе, стоя съ той и другой стороны, развернули большое, дорогое полотенце, и нашъ владыка патріархъ послѣ умыванья имъ утерся. То же они сдѣлали въ концѣ литургіи. При возглашеніи имени архіерея, мы поминали нашего владыку патріарха, а они—Паисія Константинопольскаго и своего архимандрита. Когда нашъ владыка патріархъ умылъ руки, ему поднесли антидоръ, и онъ вкусилъ его, потомъ подали ему серебряное ведерко съ виномъ, и онъ отпилъ по обычаю. Также подавали и намъ. При явленіи чаши подошла игуменья со своими монахинями и другіе, чтобы причаститься; при этомъ вышли изъ алтаря два дьякона и развернули *калимму*, т. е. большой покровъ, передъ чашей, дабы ни одна капля не упала на землю: обрати вниманіе на это благоговѣніе! Каждому причастнику давали антидоръ и пить немного вина. Затѣмъ вышелъ нашъ владыка патріархъ и роздалъ имъ, по обыкновенію, антидоръ, даже младенцамъ.

Отъ обѣдни мы пошли къ трапезѣ. Послѣ сладкаго и водки подавали царскія кушанья, какихъ мы никогда въ жизни не видывали: супы съ яицами, начиненными пряностями, и рыбные съ миндальнымъ молокомъ, соусы же всѣ съ чистымъ шафраномъ, хотя у нихъ онъ очень дорогъ, а миндаль еще дороже: око [2] стóитъ, быть можетъ, червонецъ и дороже; также и многочисленныя пряности (очень дороги). Такого рода кушанья въ ихъ странѣ всегда подаются, ибо они переняли щедрость у ляховъ.

Наканунѣ субботы, послѣ вечерни, входъ былъ совершенъ четырьмя священниками въ черныхъ облаченіяхъ; дьяконъ былъ въ черномъ же стихарѣ и орарѣ. Одинъ изъ священниковъ, первенствующій, взявъ благословеніе, пошелъ и кадилъ вокругъ столика, на которомъ стояло блюдо съ кутьей, потомъ кадилъ образамъ и нашему владыкѣ патріарху въ первый и во второй разъ, священникамъ и прочимъ предстоящимъ, вернулся и сталъ на свое мѣсто. То же сдѣлали три сослужащіе ему священника

[1] Такъ по нашей рукописи. По петербургской: „цѣнныхъ“.

[2] 3⅛ фунта.

и подъ конецъ дьяконъ; при этомъ нѣвчіе нѣли заупокойный канонъ, ибо у нихъ принято наканунѣ каждой субботы совершать это для поминовенія усопшихъ и строителей церкви. Нашъ владыка прочелъ молитву за усопшихъ и совершили отпустъ. Послѣ этого они просили нашего владыку патріарха прочесть надъ ними всѣми молитву отпущенія грѣховъ; они пали ницъ на землю, и онъ прочелъ ее надъ ними. Затѣмъ прочли молитву на сонъ грядущимъ, и мы вышли. Была совершена служба и въ субботу утромъ, послѣ чего мы простились съ ними, намѣреваясь отправиться въ путь. Они повели нашего владыку патріарха въ церковь, подали святую воду, и онъ окропилъ ихъ всѣхъ. Мы вышли за монастырь, въ которомъ наше пребываніе длилось съ понедѣльника до субботы. Архимандритъ посадилъ владыку съ собой въ свой экипажъ, а служилые люди слѣдовали впереди и позади, пока мы не прибыли въ монастырь церкви св. Софіи, которая есть каѳедра митрополіи Кіевской и всей земли казаковъ и [1] Малой Россіи. Архимандритъ простился съ нимъ и вернулся къ себѣ. Нашъ переѣздъ продолжался съ полчаса, ибо разстояніе очень коротко.

Насъ встрѣтилъ митрополитъ киръ Сильвестръ со своими епископами и настоятелями монастырей. Мы остановились у него. Насъ ждали, дабы мы присутствовали у нихъ за литургіей. Въ то время, какъ ударяли въ большой колоколъ, мы вышли посмотрѣть (на него) и увидѣли нѣчто изумительное. Онъ гораздо больше колокола Печерскаго монастыря, въ семь, восемь разъ: навѣрно онъ будетъ съ большой шатеръ. Желѣзный языкъ его вѣситъ около $1^1/_2$ алепскихъ кинтара; двѣнадцать юношей съ большимъ трудомъ могли его раскачать, и безъ того, чтобы кто-нибудь не раскачивалъ его внутри, онъ не могъ бы дойти до краевъ колокола по причинѣ его ширины. Когда ударяли въ него, наши уши были оглушены его сильнымъ, громоподобнымъ звономъ: я говорилъ своему спутнику громкимъ голосомъ, и онъ не слышалъ. Прочная, высокая деревянная колокольня, которая больше всѣхъ, видѣнныхъ нами, шаталась и дрожала. Но звукъ колокола монастыря Печерскаго рѣзче и выше, а звукъ этого колокола мягче и ниже; повидимому, онъ изъ эмесскаго состава [2].

Мы пошли къ обѣднѣ въ благополучную церковь, вторую св. Софію, ибо она по справедливости достойна этого имени, какъ

[1] Это „и“ кажется лишнимъ, потому что самъ авторъ отождествляетъ землю казаковъ съ Малою Россіей.

[2] Въ Эмессѣ (Хомсѣ) изготовляются лучшія ступки изъ особаго мѣднаго сплава.

мы видѣли это во-очію и опишемъ ее въ своемъ мѣстѣ, какъ она есть. При „Достойно есть“ также ударяли въ этотъ колоколъ. Мы вышли отъ обѣдни къ трапезѣ, а вечеромъ, т. е. въ канунъ седьмого воскресенья по Пятидесятницѣ, пошли къ вечернѣ. Литія была совершена во внѣшнемъ нарѳексѣ, и дьяконъ прочелъ „Спаси, Господи, люди Твоя“ безъ освященія хлѣбовъ. На другой день была отслужена литургія.

Глава XVIII.

Кіевъ.—Разсказъ о городѣ Кіевѣ и о томъ, какъ казаки устроили церкви и монастыри [1]. Отецъ Илія и французскій философъ.

Знай, что древній городъ Кіевъ былъ здѣсь, и доселѣ замѣтны слѣды его воротъ, земляныхъ валовъ и рвовъ. До сихъ поръ цѣлы въ немъ большія ворота съ каменною башней, называемыя Золотыми, ибо они были позолочены. Ихъ сожгли татары въ послѣднее время, когда напали на этотъ городъ невзначай и зажгли его. Городъ былъ великолѣпенъ. Печерскій монастырь находился внѣ стѣнъ его, а эта церковь св. Софіи—посредѝнѣ его вмѣстѣ съ Михайловскимъ монастыремъ, что насупротивъ нея, коего куполъ еще покрытъ позолотой, и вокругъ нихъ обоихъ было множество большихъ благолѣпныхъ церквей, такъ какъ этотъ городъ въ древности былъ столицей царства здѣшнихъ странъ, какъ они сами намъ разсказывали.

Когда возсіялъ свѣтъ вѣры во Христа во дни упомянутаго царя Василія, по счисленію, 651 годъ тому назадъ, какъ это обозначено на вратахъ здѣшнихъ церквей и монастырей, и Владиміръ, царь русскихъ, женился на сестрѣ царя Василія, по имени *Олиха* (Ольга) [2], послѣ того какъ прибывшіе съ ней митрополитъ и епископы окрестили царя и всѣхъ жителей его страны, которые были огромнымъ народомъ, какъ повѣствуютъ лѣтописи, не принадлежали никакому закону и не исповѣдывали никакой вѣры, тогда царица соорудила у нихъ много церквей и монастырей, строителями которыхъ были мастера изъ Константинополя. По этой причинѣ всѣ надписи сдѣланы на греческомъ языкѣ. Въ то время племена, окружавшія область Кіевскую, были язычники, невѣрные, именно: ляхи, московиты, татары и иные, и постоянно воевали съ царицей, но она ихъ побѣдила, пока чрезъ нее не возсіялъ на нихъ свѣтъ вѣры во Христа, и

---

[1] Это заглавіе находится въ арабскомъ подлинникѣ.

[2] Событія, о которыхъ разсказываетъ авторъ, настолько хорошо извѣстны, что нѣтъ надобности исправлять его грубыя ошибки.

они увѣровали, за исключеніемъ татаръ. Митрополитъ Кіева имѣлъ тогда подъ своею (духовною) властью также страну московитовъ, но 60 лѣтъ тому назадъ киръ Іеремія Константинопольскій, прибывъ, сдѣлалъ архіепископа московитовъ патріархомъ, дабы править самостоятельно, ни отъ кого не завися, ибо вся эта страна подчинена Константинопольскому патріарху, и они поминаютъ имя его въ опредѣленныхъ случаяхъ, говоря: „изъ Константинополя возсіялъ къ намъ свѣтъ вѣры во Христа, оттуда мы приняли обряды". Константинопольскій патріархъ всегда присылаетъ къ нимъ, т. е. въ страну казаковъ, экзарха, и они даютъ ему милостыню. Онъ имѣетъ точныя свѣдѣнія объ ихъ монастыряхъ, какъ намъ разсказывали.

Мы нашли у архимандрита Печерскаго монастыря древнія грамоты прежнихъ патріарховъ константинопольскихъ, почти за 500 лѣтъ назадъ, на пергаментѣ; содержаніе ихъ въ томъ, что монастырь независимъ Мы нашли также у него грамоту покойнаго Ѳеофана, патріарха Іерусалимскаго, и позднѣйшую — теперешняго Паисія. Была также написана для него грамота на ихъ языкѣ, къ которой нашъ владыка патріархъ приложилъ свою подпись и печать; содержаніе грамоты въ томъ, что архимандритъ дѣйствуетъ (канонически) правильно, что монастырь этотъ независимъ и пр.

Среди этихъ настоятелей монастырей есть люди ученые, законовѣды, ораторы, знающіе логику и философію и занимающіеся глубокими вопросами. Но они не называютъ Константинопольскаго (патріарха) вселенскимъ, а только архіепископомъ. Касательно этого существуетъ у нихъ много изслѣдованій и обильныя свидѣтельства, такъ что они привели насъ въ большое удивленіе. Какъ они, такъ и вся эта страна до Московіи твердо вѣруютъ, что патріархъ Антіохійскій есть обладатель власти вязать и рѣшить, что онъ—наслѣдникъ апостола Петра, коему одному поручилъ Господь Христосъ вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ, и что онъ древнѣйшій изъ патріарховъ. Отъ него они брали листы отпущенія грѣховъ съ великою вѣрой и съ полнымъ упованіемъ.

По этому предмету я приведу, умѣстный здѣсь, занимательный разсказъ. Къ нашему владыкѣ патріарху въ этомъ городѣ Кіевѣ, который мы опишемъ, явился священникъ, на коего возложено важное порученіе, грекъ родомъ, живущій въ городѣ Парижѣ, во Франціи. Мы съ большимъ удовольствіемъ съ нимъ встрѣтились. Онъ въ настоящее время прибылъ посломъ отъ царицы великаго шведскаго народа, дѣвственницы, къ гетману Хмелю. Она еще раньше, давно отправляла къ нему двухъ по-

словъ, кромѣ этого, и такъ какъ ея страна смежна со страной ляховъ, то эти узнали ихъ и схватили. Тогда она послала этого священника въ Константинополь, откуда онъ прибылъ въ землю казаковъ къ Хмелю съ посланіемъ отъ царицы къ нему въ похвалу его подвиговъ и прославленіе его дѣяній и того, что́ онъ сдѣлалъ ея врагамъ ляхамъ, ибо, какъ мы упоминали раньше, они завоевали многіе изъ ея городовъ и владѣній. Она писала ему: „да будетъ тебѣ несомнѣнно извѣстно, что я снаряжу изъ пограничныхъ моихъ областей 60 тысячъ ратниковъ тебѣ на помощь, дабы ты сокрушилъ моихъ враговъ“. Послѣ того, какъ этотъ священникъ повидался съ гетманомъ, послѣдній также отправилъ съ нимъ посла отъ себя съ письмами въ отвѣтъ ей. Тогда упомянутый священникъ съ посломъ Хмеля поѣхалъ къ московскому царю также съ письмомъ къ нему отъ нея, опять по той причинѣ, что граница ея страны близка отъ границы московитовъ, и между нею и царемъ большая дружба. Въ ея странѣ много подданныхъ изъ московитовъ.

Невольно мнѣ приходится сказать: „кто ты, о, Хмель, носящій лапти, какъ о тебѣ говорятъ твои враги ляхи, что цари и царицы присылаютъ къ тебѣословъ и великіе дары? Слава Единому Богу, Который воздвигъ тебя и покорилъ враговъ твоихъ подъ ноги твои!“

Возвращаемся. Разсказалъ намъ этотъ священникъ, именуемый папа (отецъ) Илія, слѣдующее: „Въ послѣднее время появился во французской землѣ одинъ ученый мужъ, великій философъ, лютеранскаго исповѣданія, и ему послѣдовало множество народа. Онъ началъ жестоко нападать на папу многими дѣйствіями, изъ коихъ одно состояло въ томъ, что онъ отправилъ къ нему посланіе въ Римъ, говоря ему: „вопросъ: былъ великихъ достоинствъ государь, который имѣлъ пять сыновей и всѣхъ ихъ любилъ одинаково. Онъ раздѣлилъ между ними поровну свое государство. Случилось такъ, что одинъ изъ нихъ отдѣлился и отвратился отъ нихъ и сталъ жить своимъ умомъ, прочіе же четверо остались вѣрны взаимной любви и отцовскому завѣщанію. Кому изъ нихъ слѣдуетъ повиноваться? тому ли, который отдѣлился отъ своихъ братьевъ, или тѣмъ четыремъ, которые остались во взаимномъ согласіи?“ Далѣе онъ далъ отвѣтъ на это, говоря: „четыре патріарха и пятый папа стали таковыми со времени апостола Петра и прочихъ апостоловъ и со временъ вселенскихъ соборовъ. Какъ извѣстно, они оставались долгое время въ единеніи правой вѣры; напослѣдокъ папа отклонился отъ нихъ, т. е. отдѣлился (какъ членъ) отъ тѣла, или какъ палецъ отъ длани. Итакъ, подобаетъ повиноваться четы-

ремъ, но не сему". Разсказчикъ продолжалъ: когда папа выслушалъ это посланіе, и не нашлось рѣшительно никого, кто бы смогъ сдѣлать возраженіе, то въ чрезвычайномъ гнѣвѣ онъ немедленно послалъ къ французскому королю, повелѣвая ему казнить этого мужа, дабы этотъ его трактатъ не распространился по свѣту и онъ не возмущалъ церковь своими мнѣніями. Король ему отвѣтилъ: „я не могу этого сдѣлать и возбудить противъ себя зло, которое теперь бездѣйствуетъ, такъ какъ въ моемъ государствѣ 200 тысячъ домовъ исповѣдуютъ теперь это ученіе и всѣ любятъ этого мужа. Враги, окружающіе мою страну, многочисленны, не считая тѣхъ, кои внутри страны; они суть: народъ англійскій, фламандскій, нація шведская и другіе. Твое же святѣйшество пребываетъ въ Римѣ, и ни кругомъ тебя, ни у тебя нѣтъ никого, кромѣ римлянъ. А потому не могу его казнить".

Упомянутый философъ далъ другой отвѣтъ: „если папа изъявляетъ притязаніе на то, что онъ наслѣдникъ ап. Петра, то это притязаніе болѣе принадлежитъ патріарху Антіохіи, потому что ап. Петръ въ ней сдѣлался патріархомъ и пользовался великимъ уваженіемъ, въ Римѣ же онъ былъ распятъ".

Намъ также разсказывалъ этотъ священникъ, что во всѣхъ франкскихъ странахъ любятъ патріарха антіохійскаго и имѣютъ къ нему великую вѣру, не такъ, какъ къ другимъ; послѣ него (почитаютъ) патріарха александрійскаго; но константинопольскаго и іерусалимскаго ненавидятъ, одного—по причинѣ своихъ теперешнихъ отношеній, а другого—вслѣдствіе его пререканій съ франками въ Іерусалимѣ.

Глава XIX.

Кіевъ — Описаніе церкви св. Софіи.

Возвращаемся къ тому, на чемъ мы остановились, къ извѣстіямъ о Кіевѣ. Церковь св. Софіи построена по плану подлинной знаменитой св. Софіи: такія же, какъ въ той, арки, окружность и крыша. Умъ человѣческій не въ силахъ обнять ее по причинѣ разнообразія цвѣтовъ ея мрамора и ихъ сочетаній, симметричнаго расположенія частей ея строенія, большого числа и высоты ея колоннъ, возвышенности ея куполовъ, ея обширности, многочисленности ея портиковъ и притворовъ. То была (св. Софія) по имени и въ подлинности, а эта по имени и по подобію.

Зданіе ея четырехъугольное и все сводчатое, изъ камня, кирпича и извести внутри и снаружи. Но со стороны западнаго

нареекса она наполовину въ развалинахъ. Разсказывали, что татары въ давнее время ее разрушили и сожгли и она оставалась въ разрушеніи около ста лѣтъ, убѣжищемъ для скота и вьючныхъ животныхъ. Потомъ она была отстроена, но ее разрушили *гуньяты* (уніаты), т. е. русскіе послѣдователи папы: они выломали всѣ плиты ея пола и мозаику и помѣстили въ своихъ церквахъ. Намъ разсказывали, что вся церковь со всѣми своими притворами и галлереями вверху и внизу была украшена мозаикой. Говорятъ, въ ней было семьдесятъ алтарей вверху и внизу. Когда ее разрушили упомянутые ляхи, она оставалась въ развалинахъ около 70 лѣтъ, пока не появился вѣчной памяти Петръ, по прозванію Могила, братъ Моисея, господаря Молдавіи. Сдѣлавшись митрополитомъ странъ русскихъ, онъ постарался по силѣ возможности реставрировать ее и привести въ ея теперешній видъ. Богъ да помилуетъ его!

Справа отъ входящаго въ западныя двери въ настоящее время находятся два покинутые алтаря: одинъ во имя Богоявленія, т. е. Крещенія, гдѣ стоитъ купель для почетныхъ людей изъ твердаго краснаго камня, похожаго на порфиръ, а внутри другого алтаря сохранились сооруженія. Подлѣ этихъ большихъ западныхъ вратъ есть еще двѣ малыя двери справа и слѣва. На каждомъ изъ западныхъ угловъ круглая огромная башня—высокое строеніе со множествомъ бойницъ. Каждая башня имѣетъ дверь съ запада; отъ нея всходишь по широкой, помѣстительной и длинной лѣстницѣ со многими ступеньками къ самой верхней бойницѣ, чрезъ которую выходишь на вторую, верхнюю окружную галлерею церкви.

Съ южной стороны пять дверей въ рядъ, съ сѣверной теперь двѣ двери, изъ коихъ одна служитъ въ настоящее время для прохода всѣмъ. Надъ ней по штукатуркѣ изображеніе св. Софіи: Христосъ, лучи Духа Его Святого нисходятъ на церковь; *кашидьяри* [1] съ персіянами въ кисейныхъ тюрбанахъ натягиваютъ луки и стрѣлами мѣтятъ на церковь, франки съ пушками и ружьями на нее нападаютъ.

Съ восточной стороны церковь имѣетъ семь абсидъ большихъ и высокихъ: четыре изъ нихъ одинаковы, а три низкія. Въ верхней галлереѣ есть также два алтаря, одинъ противъ другого. Во всѣхъ абсидахъ церкви много большихъ оконъ, всѣ съ чистыми стеклами, даже круглыя оконца. Каждый изъ алтарей

---

[1] Кашидьяри—названіе дьявола. По объясненію, которое даетъ въ другомъ мѣстѣ Павелъ Алеппскій, оно соотвѣтствуетъ еврейскому *Habel habalim* „суета суетъ“.

имѣетъ надъ собой высокій куполъ съ золоченымъ сіяющимъ крестомъ. Великій же алтарь очень высокъ и возносится въ пространство. Съ обѣихъ сторонъ его два большіе, высокіе пилястра съ гладкими откосами. Вся наружная стѣна имѣетъ окна, замазанныя известью и гипсомъ, съ изображеніями и иконами святыхъ внутри. Число столбовъ и пилястровъ съ каждой стороны стѣнъ церкви десять. Длина церкви 210 футовъ, а ширина больше, потому что ея нефы многочисленны. На верхнихъ частяхъ ея стѣнъ устроены подобія арокъ съ удивительно тонкимъ искусствомъ, по точному образцу рѣшетки св. Софіи. Что касается нефовъ церкви съ запада на востокъ (?), то они многочисленны, числомъ двѣнадцать, въ одинъ рядъ, съ восьмиугольными столбами и многими арками. Когда входишь въ храмъ чрезъ западныя двери, то глазамъ твоимъ открывается полъ хороса, сдѣланный изъ удивительной многоцѣнной мозаики съ разнообразными тонкостями искусства. Такой же полъ внутри алтарей и передъ ними. Въ хоросѣ, по его окружности, четырехъугольный деревянный помостъ съ тремя ступеньками, покрытый превосходнымъ краснымъ сукномъ. Надъ хоросомъ упомянутый высокій куполъ со многими стеклянными окнами: ихъ кругомъ двѣнадцать. Въ верхней части его изображенъ Господь Христосъ съ ангелами, а по окружности двѣнадцать учениковъ Его; въ четырехъ же углахъ купола четыре евангелиста — все это изъ прекрасной позолоченной мозаики съ удивительными орнаментами и греческими надписями. Такъ же (украшены) четыре арки и портики съ этой стороны.

Величественный алтарь подобенъ прославленному алтарю Св. Софіи по своей длинѣ, обширности, ширинѣ и подбору цвѣтовъ мозаики на его стѣнахъ и на полу. Въ немъ, отъ верху абсиды до низу, по всей ея длинѣ, въ высшей степени прекрасное изображеніе Владычицы во весь ростъ, которая стоитъ, съ платомъ у пояса, съ раскрытыми длaнями, поднявъ руки. Она сдѣлана изъ разноцвѣтной блестящей мозаики съ позолотой. Въ подлинномъ храмѣ Св. Софіи мы видѣли Господа Христа, стоящаго въ весь ростъ и благословляющаго, изображеннаго съ великимъ совершенствомъ и красотой. Здѣсь же подъ Непорочной Дѣвой изображенъ столъ Тайной вечери, окруженный ангелами; Господь передаетъ направо Петру и его содругамъ божественный хлѣбъ, говоря (а существенныя слова исходятъ изъ его божественныхъ устъ большими греческими буквами): „Пріимите, ядите: сіе есть Тѣло Мое,“ до конца; и вторично Его же изображеніе; Онъ даетъ пить изъ чаши налѣво, говоря: „Пійте отъ ися вси“, до конца. Ниже упомянутаго божественнаго стола находятся три

большихъ окна. Между двумя окнами изображены древніе святые Алексій и Петръ, митрополиты кіевскіе, въ своихъ облаченіяхъ и бѣлыхъ клобукахъ, расшитыхъ золотомъ; при нихъ написаны по-гречески ихъ имена. Направо отъ нихъ изображены: архидіаконъ Стефанъ съ кадильницей и, какъ подобаетъ архіереямъ, въ свѣтлыхъ облаченіяхъ Григорій Чудотворецъ, Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ и Василій. Налѣво подлѣ окна изображены: діаконъ Лаврентій, Николай Мирликійскій, Григорій Богословъ, Климентъ, папа римскій, и Епифаній Кипрскій. Всѣ ихъ изображенія сдѣланы изъ позолоченной мозаики съ греческими надписями. Весь полукругъ каѳедры (горняго мѣста) съ тремя высокими ступеньками, а посреднѣ его тронъ съ шестью такими же ступенями. Вокругъ него, на высотѣ около полроста, выложено (по стѣнѣ) всевозможными породами мрамора и чуднѣйшей цвѣтной мозаикой. Чудныя арки алтарей и высокаго купола всѣ украшены позолоченною мозаикой и изображеніями святыхъ.

Кругомъ святой абсиды начертано мозаикой по-гречески, какъ мы списали, слѣдующее: ὁ Θεὸς ἐν μέσῳ Αὐτῆς καὶ οὐ σαλευθήσεται βοήθησει Αὐτῇ ὁ Θεός... [1], что значитъ на нашемъ языкѣ: „Богъ посредп Ея и Она не поколеблется: поможетъ ей Богъ отъ утра до утра“. Разсказываютъ, касательно сооруженія Св. Софіи, что царь Юстиніанъ написалъ то же на всѣхъ кирпичахъ ея.

Святой престолъ очень великъ, сообразно съ величиной алтаря, и утвержденъ на основаніи. Съ задней стороны его есть родъ арки изъ досокъ ступеньками; на нихъ стоятъ въ рядъ подсвѣчники съ зелеными свѣчами, которыя, когда ихъ зажигаютъ, образуютъ видъ краснаго полукруга—пріятная утѣха взору. На правой сторонѣ (главнаго) алтаря есть дверь съ очень высокимъ окномъ надъ ней; чрезъ нее входишь въ первый алтарь, высокій, съ куполомъ и двумя стекляными окнами въ передней (восточной) его стѣнѣ; онъ во имя Рождества Богородицы. Близъ него другой, подобный ему, алтарь во имя св. Михаила. Съ сѣверной стороны (главнаго алтаря) находятся четыре алтаря; изъ нихъ два, съ высокими куполами, въ честь Положенія Господа во гробъ [2] и Нерукотвореннаго Образа; четвертый—во имя св. Николая [3].

Иконостасъ при вратахъ этихъ алтарей благолѣпенъ и величественъ; онъ новый, чрезвычайно большой, поражаетъ изумле-

---

[1] Въ рукописи эта фраза не докончена.

[2] Въ подлинникѣ: „Божественнаго Погребенія“.

[3] О третьемъ алтарѣ Павелъ не говоритъ.

ніемъ зрителя. Никто не въ силахъ его описать по причинѣ его красоты и разнообразія его рѣзьбы и позолоты. Царскія врата, вышиной въ шесть локтей, съ аркой на подобіе городскихъ воротъ: ширина ихъ въ $2^1/_2$ локтя. Они, по обыкновенію, въ два створа и углублены въ подобіе свода; всѣ рѣзныя и позолоченныя. На одномъ створѣ изображенъ апстъ изъ серебра: онъ пронзаетъ свой бокъ клювомъ и кровь течетъ на его птенцевъ, находящихся подъ нимъ; никто не отличитъ его отъ чеканной работы. Иконы, числомъ двѣнадцать, благолѣпныя, большія; у всѣхъ нихъ по сторонамъ толстыя колонны съ рѣзьбой и позолотой, углубляющіяся въ подобіе ниши. Колонны при иконахъ Господа и Владычицы велики и очень высоки, съ рѣзьбой и глубокими вырѣзами: на нихъ изображены виноградныя лозы съ блестящими гроздьями, зелеными и красными. Надъ иконостасомъ и всѣми тяблами идетъ весьма широкая рама, вся съ рѣзьбой и позолотой; она начинается и кончается на протяженіи дверей четырехъ алтарей и идетъ не прямою линіей, а образуетъ впадины. Надъ ней распятіе Господа весьма изящной работы; вокругъ него, сверху до низу, родъ рѣзной рамы, на коей маленькіе круги съ изображеніями святыхъ и апостоловъ, закрытые стеклами.

По лѣвую сторону отъ иконы Господа стоитъ икона Св. Софіи, работы мудраго и искуснаго мастера: въ срединѣ иконы церковь съ колоннами, при основаніи которой кругомъ родъ свода; надъ церковью Христосъ, и Его Духъ Святой нисходитъ на нее въ сіяніи; внизу изображеніе геенны; *кашидьяри* съ очень большимъ носомъ держитъ въ рукѣ лукъ и стрѣлы, подлѣ него множество персіянъ въ кисейныхъ тюрбанахъ съ луками и стрѣлами стрѣляютъ на церковь; толпа франковъ въ своихъ шляпахъ и костюмахъ съ ружьями и пушками, изъ которыхъ они стрѣляютъ; всѣ ведутъ брань противъ нея. [1]

Затѣмъ мы поднялись во второй ярусъ церкви по лѣстницѣ одной изъ ея внѣшнихъ башенъ. Это восхитительное мѣсто, съ котораго отовсюду открывается видъ на хоросъ и алтари. Оно имѣетъ два нефа: одинъ — съ пятью куполами; въ передней (восточной) его сторонѣ одинъ изъ алтарей во имя св. Николая; другой нефъ также съ пятью куполами, и въ передней сторонѣ его второй алтарь во имя св. Димитрія. Они выходятъ на нижніе алтари. Перила здѣсь передъ арками состоятъ изъ одного куска

[1] Теперь этой иконы въ соборѣ нѣтъ, и о подобномъ изображеніи св. Софіи не упоминается въ статьѣ Д. Г. Филимонова: Софія, Премудрость Божія (Вѣсти. Общ. древнерус. искусства, 1874). Нужно думать, что ни одной такой иконы не уцѣлѣло.

краснаго камня и идутъ отъ основанія одной арки до другой; на нихъ изображены кресты и фигуры, по точному образцу перилъ св. Софіи. Надъ этими двумя алтарями два купола со стеклянными окнами. Число арокъ этой галлереи тридцать, а куполовъ десять. Другіе два алтаря близъ сѣверныхъ дверей, направо отъ выходящаго изъ церкви, въ низкихъ нишахъ. Взамѣнъ тяблъ сдѣлана желѣзная высокая клѣтка, которая украшена всевозможными фигурами и расписана: на ней изображены ангелы и святые, конхъ лица, по обыкновенію, бѣлы, а одѣянія покрыты позолотой, кресты и греческія надписи, цвѣты разными красками, зеленой и красной, и прочее,—все это поразительно для ума и сдѣлано изъ тонкихъ желѣзныхъ листовъ съ закрѣпами.

Въ одномъ изъ упомянутыхъ алтарей находится большой бѣломраморный саркофагъ съ горбообразной крышкой, съ крестами; онъ походитъ на ступу св. Иліана въ Эмессѣ [1]. О удивленіе! Откуда они привезли этотъ мраморъ, эти большія колонны, которыя снаружи церкви, ибо въ этой странѣ, несомнѣнно, нѣтъ мраморныхъ ломокъ? Вѣроятно, его привезли на судахъ изъ Мармара, что близъ Константинополя, по Черному морю, потомъ вошли въ рѣку Днѣпръ, которая въ него впадаетъ, и выгрузили мраморъ здѣсь въ Кіевѣ. Изъ Кіева и иныхъ городовъ корабли ходятъ по рѣкѣ Днѣпру и выходятъ въ Черное море.

Замѣть, что все число куполовъ этой церкви восемнадцать, а число большихъ золоченыхъ крестовъ на куполахъ, зубцахъ и горбообразныхъ сводахъ [2] тридцать шесть. Великій куполъ находится посреднѣ и надъ нимъ другой изящный и легкій куполъ для украшенія, на удивленіе смотрящимъ. Всѣ куполы крыты блестящею жестью.

Вотъ что мы собрали и изложили — надъ чѣмъ я прилежно трудился, бодрствуя по ночамъ, съ усиліями и безпокойствомъ — касательно описанія строенія св. Софіи, которая находится въ землѣ казаковъ и не имѣетъ себѣ подобной, кромѣ сопменитой.

Глава XX.

Кіевъ.—Златоверхо-Михайловскій монастырь. Крѣпость. Описаніе города. Братскій монастырь.

Затѣмъ киръ Ѳеодосій, архимандритъ Михайловскаго монастыря, что близъ этой церкви, насупротивъ, пріѣхалъ въ эки-

[1] Въ Эмессѣ (нынѣ Хомсъ) существуетъ повѣрье, что св. Піанъ является по ночамъ больнымъ, ударяя въ ступу, и исцѣляетъ ихъ. Въ этомъ городѣ занимаются изготовленіемъ мѣдныхъ ступокъ.

[2] Такъ авторъ называетъ, вѣроятно, двускатную или четырехскатную кровлю.

нажѣ пригласить къ себѣ нашего владыку патріарха. Мы отправились къ нему. Это очень недалеко. Нашъ владыка патріархъ вышелъ изъ экипажа передъ воротами, и мы вошли въ монастырь. Онъ весь деревянный, но св. церковь, благолѣпная, высокая и красивая, изъ камня и извести; ея куполъ высокій и весь покрытъ позолотой. Церковь состоитъ изъ одного нефа; по окружности ея многочисленныя окна со стеклами. Постройка трехъ описанныхъ церквей одинакова и одновременна. Архіерейское мѣсто великолѣпно и красиво. Передъ нимъ, налѣво, изображеніе Ѳеофана, патріарха іерусалимскаго, въ мантіи, клобукѣ [1] и съ наперснымъ крестомъ. Великій алтарь похожъ на алтарь св. Софіи и монастыря Печерскаго, съ тремя большими окнами. На передней (восточной) его сторонѣ есть изображеніе Владычицы, стоящей, воздѣвъ свои руки съ открытыми дланями,—изъ позолоченной мозаики; также изображеніе Господа, который подаетъ своимъ ученикамъ, стоящимъ съ обѣихъ сторонъ, хлѣбъ и кровь божественные. Подъ ними кругомъ изображенія архіереевъ—все изъ мозаики. Направо отъ этого алтаря второй алтарь съ высокимъ куполомъ, а налѣво—третій. Святая церковь имѣетъ три двери: одну, большую, съ запада, а другія двѣ ведутъ въ оба хороса. Съ задней стороны сѣвернаго хороса изящный алтарь, лицомъ къ лѣвой сторонѣ входящаго въ хоросъ. Онъ имѣетъ рѣшетку съ двумя створами, сверху до низу изъ желѣза, сплетенную со всевозможнымъ искусствомъ, разрисованную цвѣтами и изображеніями ангеловъ и святыхъ, на подобіе описанной нами въ церкви св. Софіи. Внутри этого алтаря красивая рака съ мощами св. Варвары Баальбекской (Иліопольской). Направо отъ входящаго въ церковь другой алтарь въ западномъ углу, внѣ котораго еще шестой алтарь. Весь полъ церкви сдѣланъ изъ большихъ красныхъ плитъ.

Близъ этого монастыря, въ смежности съ нимъ, монастырь для монахинь.

Что касается иконы св. Михаила, то она весьма благолѣпна и благоговѣйно чтима. Кольчуга, оружіе, наручи, наличникъ и шлемъ—все изъ чистаго серебра чеканной работы, а выступы и прочее позолочено. Это работа искуснаго мастера.

Мы отстояли въ этой церкви обѣдню, потомъ были за трапезой, любовались монастырскими садиками и колокольней [2] надъ воротами и вернулись къ св. Софіи.

---

[1] Въ подлинникѣ: „въ шляпѣ“.

[2] Въ подлинникѣ: „башня вѣсовъ“, а можетъ быть (по другому чтенію) „башня куполовъ“.

Стѣна и рвы крѣпости проходятъ подлѣ этого монастыря и вратъ Св. Софіи. Ее только-что выстроилъ богохранимый царь Алексѣй. Она укрѣплена деревянными стѣнами, рвами и крѣпкими башнями. Москвитяне обладаютъ свѣтлымъ умомъ, подобно франкамъ, ибо они изобрѣли такія приспособленія для укрѣпленія этой крѣпости, какихъ мы не видѣли въ ихъ странѣ. Они поставили кругомъ рва бревна въ родѣ длинной оси водяного колеса, очень большія, и переплели ихъ жердями, заостренными на подобіе кинжаловъ и копій, торчащими съ четырехъ сторонъ оси въ видѣ креста, какъ вороты нашихъ колодцевъ. Бревна эти положены въ два яруса, будучи протянуты надъ землей на высотѣ около полутора роста. Если непріятель сдѣлаетъ нападеніе, то не находитъ пути ни по землѣ, ни сверху, и если повиснетъ на верхнихъ бревнахъ, то отъ этого погибнетъ, потому что упадетъ на заостренные нижніе колья, которые вонзятся въ его тѣло и члены, и могила станетъ его обиталищемъ. Мосты при воротахъ этого города и крѣпости поднимаются на цѣпяхъ. Вся земля вокругъ нихъ имѣетъ подземные ходы, наполненные большимъ количествомъ пороха. На каждыхъ воротахъ виситъ большой колоколъ: если что-нибудь случится, то въ него ударяютъ, чтобы дать знать всѣмъ находящимся въ крѣпости. То-же во всѣхъ крѣпостяхъ московитовъ. Въ этой крѣпости много пушекъ, однѣ надъ другими, вверху и внизу. Въ ней двое воеводъ, уполномоченные отъ царя. У нихъ 60 тысячъ войска, изъ коего одна часть стоитъ подъ ружьемъ днемъ, а другая ночью.

Древній городъ Кіевъ доходилъ до сего мѣста. Когда его покорили враги, то съ теченіемъ времени онъ разрушился, и его перенесли въ долину на низменность на берегу великой рѣки Днѣпра. Путь къ нему таковъ: ты входишь въ одни ворота крѣпости и выходишь въ другія, затѣмъ съ трудомъ съѣзжаешь въ городъ по крутому и узкому спуску, гдѣ дорога весьма затруднительна и даетъ мѣсто только одной лошади съ экипажемъ. Крѣпость же, теперь вновь построенная, стоитъ наверху горы, откуда виденъ весь городъ, разстилающійся внизу у ея подножія.

Въ этотъ день приходилъ къ намъ одинъ изъ воеводъ поклониться нашему владыкѣ патріарху и поздравить его съ пріѣздомъ.

Возвращаемся. Св. Софія и этотъ монастырь уцѣлѣли до настоящаго времени. Вокругъ нихъ построили монастыри и укрѣпили ихъ, послѣ того какъ городъ былъ разрушенъ, ибо всѣ города этой страны деревянные, и если они сгорятъ, то слѣды ихъ исчезаютъ и не остается ничего, кромѣ каменныхъ построекъ.

Знай, что шейхи въ городахъ и деревняхъ этой страны именуются старостами.

Намъ разсказывали, что, начиная съ монастыря Печерскаго и окружающихъ его, св. Софіи и церквей, кои вокругъ нея въ развалинахъ, а также каменныхъ церквей, которыя теперь въ крѣпости, разрушенныхъ и уцѣлѣвшихъ, до Кіева и окружающей его мѣстности,—всего есть около ста церквей и монастырей.

Во вторникъ 3 іюля мы простились съ митрополитомъ и съѣхали въ городъ Кіевъ, послѣ того какъ митрополитъ раньше посылалъ туда извѣстіе и намъ приготовили большое помѣщеніе. По обычаю, онъ послалъ передъ нами своихъ людей, вельможъ и сановниковъ, на коняхъ и вооруженныхъ. Когда мы спустились въ городъ, насъ встрѣтили его многочисленные священники и дьяконы въ облаченіяхъ, съ хоругвями и свѣчами. Насъ ввели въ благолѣпную каменную церковь, что среди рынка, съ пятью куполами, крестообразно расположенными, во имя Успенія Богородицы. Затѣмъ они пошли впереди насъ въ обширное жилище, гдѣ мы помѣстились.

Въ этомъ городѣ Кіевѣ вельможи также носятъ въ рукахъ разновидныя толстыя трости бамбуковыя и иныя. Въ городѣ есть много людей знатныхъ, почтенныхъ, господъ и богачей. Намъ привозили медъ и пиво въ большихъ бочкахъ на каруцахъ (телѣгахъ). Водки много. Хлѣбъ доставляли возами, а рыбу кинтарами, по причинѣ изобилія всего этого у нихъ. Рыба дешева и обильна на удивленіе, всякихъ сортовъ и видовъ, ибо великая рѣка Днѣпръ, какъ мы упоминали, находится близъ нихъ и по ней ходитъ много кораблей. Что касается вида судовъ, плавающихъ по этой рѣкѣ, то они огромны, ибо мы смѣрили по длинѣ, отъ одного конца до другого, однимъ кусокъ дерева въ 150 пядей. На этой рѣкѣ есть много судовъ, длиной въ 10 локтей, выдолбленныхъ изъ одного огромнаго куска; на нихъ ѣздятъ въ Черное море, какъ мы сказали выше.

Дома въ этомъ городѣ великолѣпны, высоки и построены изъ бревенъ, выстроганныхъ снутри и снаружи. При каждомъ домѣ, какъ при дворцахъ, имѣется большой садъ, гдѣ есть всѣ плодовыя деревья, какія только у нихъ растутъ; безсчетное множество большихъ тутовыхъ деревьевъ привозныхъ (изъ породы) *аль-хаззазъ*, съ бѣлыми и красными листьями; но ихъ ягодами пренебрегаютъ; есть также большія орѣховыя деревья; очень много въ этихъ садахъ виноградныхъ лозъ. [Среди своихъ превосходныхъ огуречныхъ грядъ они сѣютъ очень много крокуса, руты и гвоздики разныхъ цвѣтовъ].

Купцы привозятъ сюда оливковое масло, миндаль, оливки, [рисъ, изюмъ], смоквы, табакъ, красный сафьянъ, шафранъ, пряности, персидскія матеріи и хлопчатобумажныя ткани — въ большомъ количествѣ изъ турецкихъ земель, на разстояніе 40 дней пути. Но все это очень дорого. Женщины продаютъ на красивыхъ базарахъ и въ отличныхъ лавкахъ все необходимое изъ матерій, соболей и пр.; онѣ нарядно одѣты, заняты своимъ дѣломъ, и никто не бросаетъ на нихъ нахальныхъ взглядовъ.

Намъ разсказывали, что въ этой странѣ казаковъ, когда захватятъ въ прелюбодѣяніи мужчину или женщину, тотчасъ собираются на нихъ, раздѣваютъ и ставятъ цѣлью для ружей. Таковъ у нихъ законъ, котораго никто никогда не можетъ избѣгнуть.

Въ этомъ городѣ среди казацкихъ живописцевъ есть много искусныхъ мастеровъ, которые обладаютъ большою изобрѣтательностью ума въ изображеніи людей, какъ они есть, также въ изображеніи всѣхъ страстей Господнихъ съ ихъ подробностями, какъ объ этомъ будетъ сказано.

Сколько вздоховъ и скорби, сколько стоновъ въ сердцахъ ляховъ, вельможъ и простолюдиновъ, объ этомъ городѣ Кіевѣ, ибо онъ былъ престольнымъ городомъ ихъ края и большою столицей, былъ весь занятъ жилищами ихъ вельможъ! Всѣ эти прекрасные дворцы, великолѣпные дома и сады принадлежали имъ и богатымъ евреямъ. Они имѣли въ немъ двѣ благолѣпныхъ церкви изъ камня и извести, со сводами на высокихъ столбахъ. Одна изъ нихъ древняя, другая новая, изящная, украшенная всѣми архитектурными красотами. Но будучи доведена до конца, она теперь плачетъ по людямъ (которые ее посѣщали), но которыхъ сокрыли судьба и время. Впрочемъ, ни изображенія на верхнихъ частяхъ ея красивыхъ потолковъ, сдѣланныя изъ гипса, подобнаго тѣсту, ни разнородныя украшенія еще не довершены художниками. Въ настоящее время она въ разрушеніи и служитъ мѣстомъ для нечистыхъ дѣлъ и обиталищемъ для скота и вьючныхъ животныхъ. Неблагообразная, потрескавшаяся, она только держится и утверждается на своихъ столбахъ и основаніяхъ [и покрыта темносѣрою зеленью густого мха].

Въ этихъ двухъ церквахъ города и въ его окрестностяхъ было нѣсколько тысячъ езуитскихъ, вѣрнѣе, езидскихъ священниковъ. Когда появился въ этой землѣ Хмель и, обходя по всѣмъ направленіямъ страну, избивалъ изъ нихъ всѣхъ попадавшихся ему въ руки, то оставшіеся въ живыхъ бѣжали сюда, говоря:

„для насъ нѣтъ спасенія, кромѣ какъ здѣсь“, ибо этотъ городъ представляетъ (осаждающимъ) трудности и для стоянки и для передвиженій и окруженъ крѣпостями и горами. Но Хмель и казаки проникли къ нимъ, связали ихъ веревками, которыми они были опоясаны, и побросали въ рѣку Днѣпръ для потопленія, подвергнувъ ихъ сначала сильнѣйшимъ истязаніямъ; наконецъ тѣла ихъ были съѣдены псами.

Езуиты [1] не довольствовались тѣмъ, что уже имѣли ляхи, но хотѣли уничтожить весь родъ казаковъ, отнять Печерскій монастырь и св. Софію и обратить ихъ въ свои церкви. Тогда Хмель возревновалъ, подобно пророку Иліи, отмстилъ имъ, избавилъ избранный народъ Божій изъ рукъ невѣрныхъ и мерзкихъ людей, у которыхъ много головъ, но нѣтъ главы, и освободилъ его отъ порабощенія безбожнымъ евреямъ и отъ власти злыхъ армянъ-еретиковъ. О, невѣрные! о, враги истинной вѣры! Вы ставите враговъ вѣры господами надъ христіанами, правителями надъ избраннымъ, божественнымъ народомъ православнымъ, дабы, угнетая ихъ, насильно притянуть къ своей вѣрѣ, дабы, поработивъ ихъ и мучая чрезъ ихъ враговъ, заставить принять вашу религію. Почему вы не проповѣдуете безбожнымъ евреямъ и не крестите ихъ въ свою вѣру, чтобы обратить ихъ на истинный путь и сдѣлать ихъ христіанами посредствомъ проповѣди и ученія? Армянъ-еретиковъ вы принимаете къ себѣ въ сообщество. Вы принуждаете казаковъ, кои суть христіане, къ молитвѣ съ вами въ вашихъ церквахъ. Но апостолы въ древности проповѣдовали только народамъ заблудшимъ и невѣрнымъ и израильтянамъ; вы же поступали тогда вопреки проповѣди святыхъ апостоловъ и дали врагамъ Божіимъ, еретикамъ, возобладать надъ православными, такъ что Господь возревновалъ о нихъ и истребилъ многія тысячи изъ васъ, давъ силу каждому изъ нихъ обращать въ бѣгство сотни васъ, а сотнямъ—тысячи, а васъ, надменныхъ, подвергъ презрѣнію и уничиженію, какъ обѣщалъ устами древнихъ своихъ пророковъ. Онъ избавилъ ихъ отъ рабства и они стали лучшими, избранными сынами. Чрезъ свое терпѣніе они напослѣдокъ сдѣлались наслѣдниками Его царствія; васъ же Онъ сдѣлалъ пищею ихъ мечей, а въ будущей жизни народомъ заблудшихъ и злыхъ, согласно съ тѣмъ, какъ Онъ обѣщалъ, что будетъ противиться горделивымъ и даруетъ свою благодать смиреннымъ, злые же будутъ клевретами проклятаго Иблиса [2].

---

[1] Отсюда до красной строки пропускъ въ англійскомъ переводѣ.

[2] Имя сатаны.

Возвращаемся. Наканунѣ четверга, мы отстояли службу въ благолѣпной церкви съ тремя алтарями: въ честь Славнаго Воскресенія, Петра и Павла и мученика Евстаѳія, коего образъ находится на двери его алтаря: онъ сходитъ съ коня, олень, въ рогахъ котораго Христосъ, бесѣдующій съ Евстаѳіемъ. Въ каждой изъ церквей кіевскихъ есть изображеніе гнуснаго сборища противъ Господа нашего: евреи сидятъ на креслахъ, держа въ рукахъ письменныя свидѣтельства, и Никодимъ то, что онъ написалъ; Пилатъ, сидя на тронѣ, умываетъ руки, а жена его говоритъ ему на ухо; внизу Господь, нагой, связанный; Каіафа безъ бороды, въ одѣяніи, похожемъ на облаченіе армянъ, и съ подобнымъ же, какъ у нихъ, (уборомъ) на головѣ, стоитъ выше всѣхъ и раздираетъ свою одежду.

Въ пятницу мы слушали литургію въ большомъ монастырѣ, называемомъ на ихъ языкѣ *Сайташни* (Сагайдачнаго) [1], именно, монастырѣ трехъ братьевъ-царей, которые его построили. Онъ въ честь Богоявленія и имѣетъ игумена и монаховъ. Передъ его воротами стоятъ два деревянные столба, какъ бы закрученные и свитые съ удивительнымъ искусствомъ; на нихъ — мѣсто для часовъ. Въ Кіевѣ часы на колокольнѣ. Въ самыхъ воротахъ помѣщается красивая церковь съ куполами и окнами во имя Благовѣщенія. Кругомъ великой церкви идетъ навѣсъ; въ ней три двери съ тремя куполами. Она обширна, велика и имѣетъ амвонъ съ лѣстницей. Въ хоросѣ есть также деревянный круглый помостъ; мѣста для стоянія (формы) идутъ рядами справа и слѣва и обращены къ востоку, передъ ними на правой сторонѣ хороса красивое архіерейское мѣсто, задняя сторона котораго рѣшетчатая. Куполы церкви величественные и очень большіе.

По выходѣ отъ обѣдни, насъ повели въ трапезную. Она въ одинъ нефъ, изъ камня и извести, съ длиннымъ сводомъ; дверные косяки мраморные. Въ ней два стола и множество оконъ со стеклами. Въ передней (восточной) ея части имѣется алтарная абсида, вся расписанная изображеніями. Въ нижнемъ поясѣ абсиды изображеніе Господа (да будетъ прославлено имя Его!), постящагося на горѣ; дьяволъ, стоя передъ нимъ, искушаетъ его; онъ держитъ въ рукѣ три камня и говоритъ: „если ты сынъ Божій, скажи этимъ камнямъ, чтобы они сдѣлались хлѣбами“.

---

[1] Авторъ описываетъ Братскій монастырь. По мнѣнію покойнаго М. А. Максимовича („Объяснительные параграфы о Кіевѣ“) богоявленская церковь въ немъ была построена гетманомъ Сагайдачнымъ, который пожертвовалъ все свое состояніе на возстановленіе братства и школы послѣ пожара 1614 года, и потому весьма возможно, что монастырь назывался въ то время, въ честь храмозданія, монастыремъ Сагайдачнаго.

Другое изображеніе на другомъ мѣстѣ: Господь говоритъ ему: „отойди отъ меня, сатана!“ Третье изображеніе: Господь сходитъ съ верхового животнаго и возливаетъ вино и масло на попавшагося разбойникамъ. Четвертое: Онъ несетъ на плечахъ заблудшаго агнца, а другая овца на привязи на вершинѣ горы между деревьями. Пятое — на аркѣ алтаря: во-первыхъ, изображенъ Господь, два воина бьютъ Его по головѣ тростями, а третій подаетъ ему зеленую трость съ листьями и свѣжими цвѣтами; второе изображеніе: Господь связанный и два воина ведутъ Его; одинъ одѣтъ какъ воинъ, у другого на головѣ большой бѣлый кисейный тюрбанъ; третье изображеніе на верхней части арки: Господь нагой, израненный сидитъ на стулѣ, виноградная лоза выходитъ изъ Его утробы и осѣняетъ Его голову; въ рукахъ Его свѣшивается кисть, которую онъ выжимаетъ въ чашу, согласно со словами Его (да будетъ прославлено Его имя!) въ евангеліи: „Я буду пить новое въ царствѣ Отца Моего“. Подъ этимъ четвертое изображеніе: Господь привязанъ къ столбу; двое бьютъ Его бичемъ съ желѣзными колючками и метлой изъ терновника. Подъ этимъ пятое изображеніе: Пилатъ въ круглой, бѣлой кисейной чалмѣ, какъ у муллы, передъ нимъ Господь, судимый, окруженный воинами. На передней части арки шестое изображеніе: Господь несетъ крестъ и въ изнеможеніи припадаетъ къ землѣ, потомъ крестъ возлагаютъ на Симона Киринейца; воины окружаютъ Христа, Марія — не мать Его — утираетъ потъ съ Него платкомъ. На самомъ верху седьмое изображеніе: Господь распятъ съ разбойниками, Пресвятая Дѣва въ обморокѣ, Ее поддерживаютъ Саломія и Марія. Въ нижней части сѣверной стороны арки восьмое изображеніе: Господь, ведомый на распятіе, Пилатъ умываетъ руки, на головѣ его такая же чалма. Живописецъ нарисовалъ распятіе на верху передней части арки съ тою цѣлью, чтобы его могъ видѣть входящій. Съ правой стороны ведутъ наверхъ ея Господа, несущаго свой крестъ, слѣва ведутъ Его также наверхъ осужденнымъ. Расписана также и вся трапеза.

Въ восьмое воскресенье по Пятидесятницѣ нашъ владыка патріархъ служилъ обѣдню въ церкви Успенія Богородицы, по приглашенію жителей города. Было большое торжество. Святой престолъ украсили серебряными сосудами съ базиликами и (другими) цвѣтами. Нашъ владыка патріархъ роздалъ всѣмъ присутствующимъ въ церкви антидоръ, даже мальчикамъ и дѣвочкамъ. Знай, что дочери кіевскихъ вельможъ носятъ на волосахъ кружокъ въ видѣ кольца изъ чернаго бархата, расшитый золотомъ, украшенный жемчугомъ и каменьями, на подобіе ко-

роны, стоимостью въ 200 золотыхъ—больше или меньше. Дочери бѣдныхъ дѣлаютъ себѣ вѣнки изъ разныхъ цвѣтовъ.

Въ этотъ вечеръ пришелся у нихъ канунъ праздника св. Антонія Новаго, славы земли казаковъ, почивающаго вмѣстѣ со своимъ другомъ Ѳеодосіемъ въ пещерѣ, что̀ въ Печерскомъ монастырѣ, ими сооруженномъ. Начиная со времени передъ закатомъ солнца этого дня до полудня слѣдующаго, понедѣльника 10 іюля, они повергли въ тревогу весь міръ безпрестаннымъ звономъ во всѣ колокола. Въ эту ночь они вовсе не спали, по причинѣ множества службъ, ими совершонныхъ, и колоколовъ, въ которые они звонили.

Въ эту ночь и послѣ того шелъ дождь, случилось большое наводненіе и сильный холодъ и туманъ, такъ что у насъ было какъ будто 10 декабря.

КНИГА V.

Отъ Кіева до Коломны.

Глава I.

Украйна.—Выѣздъ изъ Кіева. Переправа черезъ Днѣпръ. Дальнѣйшій путь. Быковъ. Икона Рождества Богородицы. Прилуки. Описаніе крѣпости. Вишневецкій. Баня.

Мы выѣхали изъ города Кіева въ понедѣльникъ (10 іюля) и прибыли на берегъ знаменитаго Днѣпра у самой окраины города. Мы переѣхали его на большомъ суднѣ вмѣстѣ со своими экипажами и лошадьми, плывя вдоль по нему около двухъ часовъ, пока не вышли на землю на другомъ берегу, ибо онъ больше Дуная. При этомъ мы любовались справа отъ себя на святые монастыри и церкви, что наверху горы, именно монастыри: св. Михаила, св. Николая, Печерскій съ церквами, его окружающими, монастырь, построенный здѣсь молдавскимъ господаремъ Василіемъ, а также келліи отшельниковъ въ пещерахъ, кои слѣдовали одна за другой. Затѣмъ мы проѣхали двѣ большія мили по узкимъ дорогамъ, обильнымъ водами и песками, и по огромному лѣсу, который состоитъ весь изъ сосенъ [2], подобныхъ кипарису, поражающихъ умъ изумленіемъ. Вечеромъ мы прибыли въ небольшой базаръ, называемый *Бробари* (Бровары). Въ немъ красивенькая церковь во имя Петра и Павла и есть метохъ (подворье), обитаемый монахами и принадлежащій Печерскому монастырю, какъ его угодье. Мы поднялись отсюда во вторникъ, проѣхали двѣ большія мили и прибыли въ большой базаръ съ укрѣпленіемъ, замкомъ и двумя рвами съ проточной водой. Онъ называется *Хохолъ* (Гоголевъ). Въ немъ двѣ церкви: одна — во имя Преображенія, другая — Рождества

[2] Въ подлинникѣ: „изъ кедровъ“.

Богородицы. Есть также церковь для ляховъ, еще недостроенная; нашъ владыка патріархъ велѣлъ жителямъ освятить ее, достроить и совершать въ ней службу, назвавъ ее во имя св. Георгія. Выѣхавъ отсюда, мы сдѣлали еще одну милю и прибыли въ селеніе съ церковью, по имени *Росано* (Русановъ); близъ него громадное озеро и очень большія мельницы и сукновальни. Проѣхали еще полмили и прибыли въ небольшой базаръ съ красивой крѣпостью, по имени *Ядлоки* (Ядловка). Въ немъ прекрасная церковь во имя Рождества Богородицы. Здѣсь мы ночевали. Поднявшись въ среду утромъ, мы проѣхали три мили и прибыли въ большой базаръ съ тремя крѣпостями и тремя рвами, одинъ внутри другаго. Имя его *Басани* (Басань). Въ средней крѣпости есть церковь съ куполами во имя Рождества Богородицы; ея иконостасъ тонкой работы, изящный: смѣсь лазури съ золотомъ даетъ подобіе парчи. Насупротивъ нея заброшенная церковь ляховъ. Въ третьей крѣпости находятся великолѣпные дворцы ляховъ, дорого стоющіе, высокіе, но покинутые. Выѣхавъ отсюда, мы сдѣлали еще одну милю и прибыли въ другой базаръ также съ тремя крѣпостями и съ прудомъ, называемый *Бокофи* (Быковъ). Жителей въ немъ осталось очень мало по причинѣ моровой язвы.

Этотъ базаръ весьма великъ, подобно Василькову съ его опустѣлыми строеніями; но сильная моровая язва, въ немъ бывшая, истребила всѣхъ его жителей, и теперь онъ въ запустѣніи: людей мало, и они очень бѣдны. Внутри второй крѣпости церковь во имя Рождества Богородицы, образъ которой стоитъ налѣво отъ образа Господа, по принятому въ этихъ странахъ обычаю. Икона велика и хорошаго письма: Анна лежитъ, а св. Дѣву моютъ; изъ предстоящихъ ангеловъ одинъ держитъ въ рукѣ кувшинъ, другой—тазъ, третій—полотенце; Іоакимъ смотритъ на Нее въ отверстіе комнаты. Справа отъ иконы Владычицы благолѣпная икона Троицы: трапеза Авраама и ангеловъ, предъ коими на блюдѣ жареный поросенокъ; Сара и Агарь несутъ кувшины съ питьемъ; надъ головами ангеловъ изображеніе Содома и Гоморы, весьма отчетливо исполненное: на эти города падаетъ съ неба огонь, и ангелъ разрушаетъ ихъ, башни опрокидываются и падаютъ; Лотъ и его двѣ дочери бѣгутъ, а жена его обернулась и стоитъ въ видѣ солянаго столба. Это чудесная икона. Начиная отъ (границы) земли казаковъ и въ странѣ московской имѣютъ всегда великое тщаніе объ иконѣ Троицы, которая непремѣнно бываетъ въ каждой церкви, равно какъ и икона Нерукотвореннаго Образа надъ царскими вратами. На ихъ драгоцѣнныхъ, красивыхъ хоругвяхъ также бываетъ

изображеніе Троицы съ трапезой и Сарой, смѣющейся за занавѣсью.

Мы выѣхали изъ этого города въ четвергъ на разсвѣтѣ, проѣхали три большія мили по безлюднымъ степямъ и прибыли въ разрушенный базаръ, по имени *Батфуди*, съ церковью въ честь Рождества Богородицы. Людей въ немъ весьма немного. Затѣмъ, сдѣлавъ четыре большія мили, прибыли вечеромъ въ большой благоустроенный городъ, называемый *Бриллука* (Прилуки), съ большимъ укрѣпленіемъ. Цитадель внутри его удивительна по своей вышинѣ, укрѣпленіямъ, башнямъ и пушкамъ, по своей облицовкѣ и глубинѣ рва съ проточною водою. Она имѣетъ на южной сторонѣ скрытый резервуаръ, куда собирается для нея вода изъ громаднаго озера и текущихъ рѣкъ. Къ цитадели ведутъ потаенные подземные ходы. Внутри нея находится величественный и очень высокій дворецъ, вверху и внизу удивительный по обширности, высотѣ, громадности бревенъ и полированныхъ внутри и снаружи досокъ, плотно прилаженныхъ другъ къ другу, по огромнымъ, высокимъ печамъ, превышающимъ кипарисы. Дворецъ не достроенъ. Дата его написана наверху его горбообразной крыши, похожей на такія же крыши построекъ Ханана и области Мяарры по рѣзнымъ украшеніямъ и устройству; эта дата, написанная по-гречески (?), есть 1647-ой годъ; слѣдовательно, дворецъ существуетъ семь лѣтъ съ того времени, какъ его завоевали казаки, спустя годъ послѣ своего появленія, ибо теперь 1654 годъ отъ Рождества Христова. Этотъ дворецъ принадлежалъ четвертому правителю ляховъ, по имени *Фишнафаска* (Вишневецкій). Значеніе этого имени объясняется такъ: *фишна* есть родъ вишни, а *иска* или *аска* прилагается ко всѣмъ наименованіямъ въ языкѣ этой страны; слѣдовательно, это означаетъ „краснолицый“, также какъ они говорятъ „антіохиска“, т. е. изъ Антіохіи, и „московиска“, т. е. изъ Москвы. Его власть простиралась отъ рѣки Днѣпра до рѣки Путивля [1], границы Московіи. У него было подъ начальствомъ 60 тысячъ отборныхъ ратниковъ изъ молдаванъ, грековъ, арнаутовъ, нѣмцевъ и многихъ другихъ народовъ. Татары прозвали его *кучукъ шайтанъ*, т. е. маленькій дьяволъ, потому что онъ много разъ внезапно нападалъ на ихъ страну, жегъ и разорялъ, ибо граница его области близка отъ татарской. Когда появился Хмель и завоевалъ земли по ту сторону Днѣпра до Кіева, этотъ правитель посылалъ къ нему, стараясь его обмануть, и выказывалъ ему дружбу, между тѣмъ какъ вѣ-

[1] Т.-е. до рѣки Сейма.

роломство скрывалось въ засадѣ его сердца. Его намѣреніемъ было, когда Хмель вступитъ съ войскомъ въ страну ляховъ и углубится въ нее, двинуться за нимъ съ своимъ войскомъ и такимъ образомъ его охватили бы съ двухъ сторонъ. Но Хмель, обладатель большого ума, это понялъ и послалъ къ нему сказать: „если ты желаешь мира, встань, очисти свою страну и отдай мнѣ ее безъ войны, потому что я не оставлю тебя врагомъ позади себя“. Тогда возникла война, и правитель послалъ свое многочисленное войско на встрѣчу Хмелю. Старецъ Хмель напалъ на него съ тысячами своихъ ратниковъ и все истребилъ мечомъ. Правителя извѣстили объ этомъ, но никто не хотѣлъ вѣрить сообщенію. Онъ сидѣлъ и пьянствовалъ внутри крѣпости въ своемъ дворцѣ съ сорока приближенными, какъ вдругъ показались знамена казаковъ. Тогда онъ опамятовался, отрезвился отъ опьяненія, вскочилъ на коня и бѣжалъ съ своей гордыней, сбросивъ съ себя царскую одежду и надѣвъ простую; но лошадь выбросила его изъ сѣдла, онъ упалъ и сломалъ себѣ шею; казаки настигли его и, отрубивъ ему голову, поднесли въ даръ Хмелю, который наткнулъ ее на длинный шестъ и поставилъ на верхушкѣ его высокаго дворца [1]. Построеніе дворца такъ и осталось неоконченнымъ, ибо (по пословицѣ) онъ съѣлъ его голову; теперь онъ въ запустѣніи, служа мѣстомъ для нечистотъ, свиней и собакъ. Вслѣдъ за Вишневецкимъ бѣжалъ и кіайя (намѣстникъ) его, въ то время какъ казаки уже окружили городъ. Онъ спустился чрезъ потаенную дверь, направляясь къ озеру по мосту. Замѣтивъ его, казаки погнались за нимъ. При немъ было двѣ переметныхъ сумки съ золотомъ и серебромъ, и когда они его настигали, онъ отрѣзалъ сумки въ надеждѣ, что они займутся подбираніемъ разсыпавшихся денегъ и онъ успѣетъ убѣжать; но казаки и деньги подобрали и его догнали на своихъ коняхъ. Отъ страха онъ заѣхалъ на лошади въ озеро, но они захватили его и убили; вытащивъ его изъ воды копьями, отрубили ему голову и, поднявъ ее на шестѣ, поставили рядомъ съ головою его начальника.

Въ этомъ городѣ было много евреевъ и ляховъ, коимъ не удалось убѣжать; тѣ изъ нихъ, которые окрестились, избрали благую часть, а кто отказался, тѣхъ избили и отослали въ лоно Сатанаила.

---

[1] Здѣсь идетъ рѣчь, несомнѣнно, объ Іереміи Вишневецкомъ, самомъ дѣятельномъ и отважномъ предводителѣ поляковъ въ войнѣ съ Хмельницкимъ. Онъ, однако, не былъ убитъ, какъ разсказываетъ Павелъ, а умеръ естественною смертью въ 1651 г.

Возвращаемся. Съ южной стороны этой крѣпости находится озеро, огромное, какъ море, въ которое впадаетъ много рѣкъ. Тутъ въ изобилін растетъ бѣлая и желтая махровая кувшинка. На озерѣ длинный мостъ съ большимъ числомъ мельницъ; при началѣ его находится скрытый водоемъ крѣпости. По близости этого мѣста стоитъ деревянный домъ, служащій баней для общаго пользованія. Снаружи его имѣется жолобъ изъ длиннаго бревна, надъ которымъ стоитъ человѣкъ и накачиваетъ въ него воду изъ рѣки хитрымъ снарядомъ, для наполненія мѣднаго котла, гдѣ она нагрѣвается. Мужчины и женщины моются въ банѣ вмѣстѣ безъ передниковъ, но каждый изъ нихъ беретъ отъ банщика родъ метлы изъ древесныхъ вѣтвей, коей они прикрываютъ свою наготу, по ихъ обычаю. О удивленіе! въ моментъ выхода изъ бани они погружались и плавали въ холодной рѣкѣ, текущей передъ баней.

Возвращаемся. Жители этого города, священники и міряне, вышли, по обыкновенію, встрѣчать насъ на дальнее разстояніе. Насъ ввели въ большую, высокую, величественную новую церковь съ еще недостроенными куполами, въ честь Преображенія Господня. Насупротивъ нея другая церковь въ честь Рождества Богородицы. Колокольня высока и весьма красива. Насъ помѣстили въ просторномъ домѣ, имѣющемъ балконы съ навѣсами, которые выходятъ на большое озеро и баню. Здѣсь мы пробыли до утра понедѣльника.

Глава II.

Прилуки.—Густынскій Троицкій монастырь.

Потомъ мы отправились на поклоненіе въ монастырь по близости города, называемый *Кустини Троица* (Густынскій Троицкій), то-есть монастырь во имя Троицы. [1] Онъ принадлежитъ къ числу сооруженій Василія, воеводы Молдавскаго, упомянутый же домъ [2] составляетъ подворье этого монастыря. Протопопъ послалъ предупредить настоятеля, и тотъ немедленно пріѣхалъ въ своемъ экипажѣ и пригласилъ нашего владыку патріарха,

[1] Этотъ монастырь былъ основанъ въ началѣ XVII ст. на островѣ р. Удая, издавна называвшемся Густынью, тремя иноками Межигорскаго монастыря. Въ 1787 году онъ былъ упраздненъ, но въ 1843 году возстановленъ, съ возведеніемъ въ степень 3-го класса. Онъ издревле славился чудотворною иконой Божіей Матери и пребываніемъ въ немъ св. Димитрія Ростовскаго (см. Матеріалы для истор.-топограф. описанія монастырей Рос. Имперіи, Звѣринскаго).

[2] Въ которомъ остановился патріархъ въ Прилукахъ.

благодаря Бога и говоря: „хвала Богу, удостоившему насъ лицезрѣть третьяго истиннаго патріарха,“ — именно, они видѣли іерусалимскаго патріарха Паисія и константинопольскаго Аѳанасія Пателлярія низложеннаго, о коемъ мы упоминали, что онъ, убѣжавъ изъ Константинополя и прибывъ въ Молдавію, уѣхалъ оттуда раньше насъ въ Московію и заѣзжалъ въ этотъ монастырь, а затѣмъ скончался близъ столицы Хмеля, называемой *Хижирини* (Чигиринъ), на третій день Пасхи сего года—„такъ что мы зримъ твою святость, блаженнѣйшій кире Макарій, патріархъ Антіохіи.“ Мы оставили въ городѣ свои вещи, лошадей, слугъ и экипажи, и въ субботу отправились съ настоятелемъ, захвативъ свои облаченія, такъ какъ мы намѣревались отслужить въ монастырѣ обѣдню. Онъ отстоитъ отъ города около одной большой мили. Его блестящіе куполы видны на значительномъ разстояніи. Не доѣзжая до него, приходится спуститься въ долину по узкой дорогѣ и густому лѣсу, который весь состоитъ изъ орѣховыхъ, вишневыхъ и сливовыхъ деревьевъ. Близъ него большой прудъ и мельницы; дорога по плотинѣ сдѣлана изъ переплетенныхъ вѣтвей и трудно проходима.

На пути, по близости отъ монастыря, мы проѣхали, имѣя ее справа отъ себя, мимо красивой церкви во имя св. Николая. Тамъ, по разсказамъ, раньше былъ монастырь; когда же онъ сгорѣлъ, его перенесли и построили на его теперешнемъ мѣстѣ. Снаружи онъ имѣетъ двѣ деревянныя стѣны и два рва; надъ воротами красивая колокольня съ огромными, весьма дорогими часами.

Здѣсь нашъ владыка патріархъ вышелъ изъ экипажа. Архимандритъ, священники и дьяконы въ своихъ царскихъ [1] облаченіяхъ со свѣчами, хоругвями, крестами и божественными иконами вышли ему навстрѣчу. Мы вступили въ монастырь св. Троицы. Его дворъ просторенъ и широкъ. Куполовъ на святой церкви пять; они стоятъ вмѣстѣ, въ видѣ креста, средній больше (другихъ). Кругомъ церкви идетъ навѣсъ съ рѣшеткой и тремя дверями, надъ которыми три купола, расположенные параллельно. Мы вошли въ святую церковь. Ея иконостасъ приводитъ въ изумленіе зрителя. Патріархъ окропилъ всѣхъ святою водой и мы вышли, исполненные удивленія, ибо ни величественный иконостасъ св. Софіи, ни печерскій—оба не могутъ сравниться даже съ малою долей полныхъ совершенствъ этого иконостаса. Когда монастырь сгорѣлъ нѣсколько времени тому назадъ,—а тогда уже распространилась слава о любви господаря

[1] То-есть роскошныхъ.

молдавскаго Василія къ построенію церквей и монастырей и о щедрыхъ его пожертвованіяхъ—то настоятель и монахи поспѣшили къ Василію и просили у него пожертвованій и милостыни, дабы онъ помогъ имъ и отстроилъ для нихъ монастырь отъ своихъ щедротъ. Онъ вполнѣ оправдалъ ихъ надежды и далъ имъ золота, сколько они просили, на построеніе монастыря. Возвратившись, они построили монастырь на этомъ мѣстѣ, говоря: „это мѣсто лучше для насъ.“ Когда до слуха богохраннмаго царя Алексія, государя Божьяго града Москвы, дошло извѣстіе о томъ, что сдѣлалъ Василій воевода, то и онъ также прислалъ имъ 1.500 золотыхъ на росписаніе и позолоту иконостаса, на украшеніе его благолѣпныхъ иконъ и возвышеніе его цѣнности. [1] Такъ и было сдѣлано. Теперь онъ превосходнѣе всѣхъ другихъ, ибо доселѣ мы не видывали ничего лучше и красивѣе его позолоты и живописи.

Что касается святой церкви, то ея куполы изъ блестящей жести, и позлащенные кресты испускаютъ свѣтлые лучи. Куполы, числомъ пять, расположены крестообразно, высоки; средній больше и выше остальныхъ четырехъ. Церковь имѣетъ три внутреннихъ двери, кромѣ трехъ дверей внѣшнихъ. Когда войдешь въ большую западную дверь, то церковь представляется въ видѣ закругленнаго креста: нарѳексъ внутри его, алтарь насупротивъ, оба клироса, подобно алтарю, въ нишахъ. По окружности церкви идутъ формы. Оба клироса четырехугольные съ формами, отдѣленными отъ другихъ; они стоятъ посрединѣ и вокругъ нихъ два прохода. Архіерейское мѣсто, весьма изящное, находится подлѣ праваго клироса; а также близъ церковной двери въ нарѳексѣ есть другое архіерейское мѣсто, подобное первому. Съ края обоихъ клиросовъ есть еще два возвышенныхъ

---

[1] Сообщеніе Павла Алеппскаго о щедромъ пожертвованіи, сдѣланномъ господаремъ Василіемъ на возобновленіе Густынской обители, находитъ себѣ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ „Лѣтописца Густынскаго монастыря“, составленнаго іеромонахомъ его, Михаиломъ Лосицкимъ, въ 1670 г. и обнародованнаго покойнымъ О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ № 8, 1848 г. О пожертвованіи же царя Алексѣя Михайловича въ этомъ Лѣтописцѣ не упоминается. Вотъ что въ немъ сказано: **посла ѡ҃ц҃ъ** (игуменъ) **ко бл҃гоч҃естивому г҃дрю ѡ҃:** (по Павлу Алеппскому, передъ именемъ господаря всегда ставится, какъ титулъ, „Іоано“) **власиію, воєводѣ мѡдовлахійскому, молѧще его, да ѹщедритъ милостынію ѡбителѣ с҃тую, и м҃тѣлми прѹтыа дкы бг҃ородицы, таже и бл҃женаго нщаго ѡц҃а, кложи бг҃ъ ко срдце бл҃говѣрному г҃дрю имлот и любовъ ко с҃то ѡбителю и далъ милостыню потребную не токмо пѣнязьми, но и инперлтами, и ѵнма кса нужила.**

мѣста, а въ хоросѣ восьмиугольный помостъ, покрытый краснымъ сукномъ. Мѣсто органа, гдѣ стоятъ пѣвчіе, очень высоко и красиво и обнесено рѣшеткой.

Иконостасъ и тябла услаждаютъ взоры и изумляютъ смотрящаго. Доселѣ мы не видѣли имъ подобныхъ и равныхъ; ни одинъ человѣкъ не въ силахъ описать этотъ иконостасъ, его громадность, высоту, обиліе его позолоты, видъ и блескъ. Онъ поднимается отъ земли до верхней части большаго купола; святыя иконы, весьма большихъ размѣровъ, являютъ крайній предѣлъ совершенства; онѣ углублены въ ниши, дабы лучше обнаруживались красота и зеркальный блескъ ихъ позолоты. Надъ ними находится удивительно блестящая рама, въ видѣ карниза, большого размѣра, такъ что къ ней привѣшены на блокахъ лампады. При благолѣпныхъ иконахъ Господа и Владычицы есть весьма большія, высокія, толстыя колонны съ рѣзьбой, которыя внутри полы, но кажутся цѣльными, будучи спаяны съ тонкимъ искусствомъ, не такъ, какъ колонны въ св. Софіи, которыя сзади пусты. Ихъ обвиваютъ лозы: золотыя вѣтви съ листьями поднимаются вверхъ, гроздья, одни—красные и блестящіе, другіе—незрѣлые, зеленые, свѣшиваются, какъ будто они неподдѣльное твореніе Божіе; фонъ гладкій. Колонны возвышаются отъ земли на высоту роста. Подъ иконой Господа есть также изображеніе Его (да будетъ прославлено Его имя!) и Его учениковъ отчетливой работы: Онъ несетъ на раменахъ заблудшаго отъ стада ягненка, а за Нимъ слѣдуетъ великое множество овецъ, предъ коими пастухъ, входящій въ дверь овечьяго загона. Налѣво отъ этой иконы высокая южная дверь алтаря съ изображеніемъ св. архидіакона Стефана большихъ размѣровъ, во весь ростъ, въ царскомъ стихарѣ, съ золотой кадильницей въ правой рукѣ. Близъ него въ томъ же ряду икона св. Троицы: трапеза Авраама и Сарры; подъ нею икона Благовѣщенія, подлѣ которой икона Успенія Богородицы, благолѣпная, позолоченая и новая. Эти три благолѣпныя иконы находятся въ правомъ ряду. Подъ ними изображены апостолы, кои, собравшись, смотрятъ, изумленные, въ гробъ Богоматери, который пустъ; Ея саванъ видѣнъ на краю мраморной раки справа; они устремили на нее взоры и и поднимаютъ руки къ небу (какъ бы говоря): „Она вознеслась“. Подъ иконами этого ряда четырехугольные, позолоченные, блестящіе столбы, между которыми изображены архіереи, патріархи и православные римскіе папы въ ихъ облаченіяхъ. Въ лѣвомъ ряду большая, прекрасная икона Владычицы, блещущей красотою. Подъ нею изображено Введеніе Ея во храмъ; тутъ дѣвы съ зажженными свѣчами. Подлѣ этой иконы сѣверная дверь

съ изображеніемъ св. Михаила и около нея въ рядъ икона св. Николая преславнаго, благолѣпная, большая, чудесивѣйшая, работы весьма искуснаго мастера, который писалъ эти образа, изумляющіе зрителя жизненностью лицъ, ихъ цвѣтомъ и очертаніемъ, какъ будто это живопись критскихъ [1] грековъ. Подлѣ этой святой иконы стоитъ икона Антонія и Ѳеодосія, между ними изображено подобіе зданія Печерскаго монастыря, а надъ ними изображеніе св. Дѣвы среди лѣса въ огненномъ сіяніи. Подъ этимъ рядомъ иконъ четырехугольные золоченые столбы и изображенія мучениковъ и діаконовъ. Колонны при большихъ иконахъ, числомъ десять, велики, рѣзной работы, витыя. Надъ ними второй рядъ иконъ и колоннъ: 12 апостоловъ, Владычица и Креститель. Начинается этотъ рядъ сверху царскихъ вратъ Нерукотвореннымъ Образомъ, надъ ними Великій Четвергъ (Тайная Вечера), еще выше Господь, сидящій на тронѣ въ митрѣ и драгоцѣнномъ саккосѣ; вокругъ Него ангелы, св. Дѣва, Креститель и апостолы справа и слѣва отъ Него: на правой сторонѣ Петръ съ ключами, на лѣвой—Павелъ съ мечомъ. Число рѣзныхъ, позолоченныхъ колоннъ, по сторонамъ этихъ иконъ, двѣнадцать, но онѣ тоньше нижнихъ. Надъ карнизомъ и надъ ними идутъ изображенія пророковъ. Надъ образомъ Господа образъ св. Дѣвы, именуемый Платитера: [2] Сынъ на лонѣ Ея; они внутри круга, среди солнечныхъ лучей изъ золота съ выступающими краями; лучи деревянные, но ничѣмъ не отличаются отъ златокованныхъ. Направо и налѣво отъ Владычицы рядъ двѣнадцати пророковъ, кои пророкли о Ней. Надъ Нею изображеніе распятія. Наверху купола написанъ Господь въ Троицѣ, окруженный ангелами и святыми. Надъ карнизомъ боль-

[1] Авторъ уже не разъ, желая похвалить живопись въ той или другой церкви, уподобляетъ ее критской, какъ мы переводимъ стоящее въ подлинникѣ слово *иκритοшъ*. Островъ Критъ, какъ извѣстно, весьма долгое время (съ 1204 по 1669 г.) принадлежалъ венеціанцамъ, и можно думать, что подъ ихъ вліяніемъ тамошняя церковная живопись грековъ отступила отъ византійскихъ образцовъ и приблизилась къ итальянской. Несомнѣнно, иконы такого письма попадали на родину автора, въ Сирію, и онъ имѣлъ случай видать ихъ.

[2] Такъ Павелъ называетъ, по всей вѣроятности, икону Божіей Матери, получившую въ Россіи названіе Знаменія. Что касается имени Платитера (пространнѣе), то оно, можетъ быть, заимствовано изъ словъ церковной пѣсни: «чрево Твое *пространнѣе* небесъ содѣла"! Таково наше предположеніе, но протоіерей Тихомировъ въ своей книгѣ: „Сказаніе о Новгородской чудотворной иконѣ Знаменія Богоматери" замѣчаетъ, что древнее греческое названіе этой иконы, вѣроятно, было Одигитрія (Путеводительница) по сходству съ изображеніемъ Лиддской Богоматери, носившей такое же названіе въ Лиддѣ.

шихъ мѣстныхъ иконъ находятся изображенія главныхъ господскихъ праздниковъ. Рѣзьба царскихъ вратъ удивительна, позолота роскошная; они сработаны со всевозможнымъ искусствомъ и ничѣмъ не отличаются отъ (злато) кованныхъ, сіяютъ и блещутъ прекрасной позолотой и ночью сверкаютъ какъ молнія. Кругомъ ихъ рамы изображены діаконы въ стихаряхъ съ кадильницами и священники въ фелоняхъ. Высота этихъ дверей и другихъ двухъ семь локтей. Алтарь, божественная трапеза и ризница весьма обширны и чисты. Хранящіяся тамъ облаченія и утварь—царскаго великолѣпія. Въ алтарѣ, въ церкви и куполѣ 20 большихъ оконъ съ превосходными стеклами.

Вотъ что мы смогли описать изъ нѣкоторыхъ лишь красотъ этого иконостаса, на удивленіе слуха людей и услажденіе ведущихъ пріятную бесѣду. Пусть они помолятся за нищущаго, который составилъ это описаніе съ большимъ трудомъ и стараніемъ, занимаясь не ради развлеченія и отдохновенія, но въ потѣ и трудѣ.

Трапезная длинна и велика со многими стеклянными окнами; въ ней два стола съ обѣихъ сторонъ. Внутри ея большая дверь съ рѣшетчатыми створами, которые вдвигаются въ стѣну; она ведетъ въ красивую церковь со многими стеклянными окнами, во имя Владычицы. Иконы въ ней въ высшей степени прекрасны, блестящи и внушаютъ благоговѣніе. Церковь эта также имѣетъ жестяные куполы. Ея прекрасный алтарь сіяетъ блескомъ.

Наканунѣ девятаго воскресенья по Пятидесятницѣ ударили въ деревянныя, желѣзныя и мѣдныя била и мы вошли въ церковь. Предъ чтеніемъ каѳизмъ изъ псалтиря прашелъ, по ихъ обыкновенію, юный монахъ, поставилъ посреднѣ высокій красивый аналой, на подобіе шкапчика для книгъ,[1] покрытый шелковой пеленой, положилъ на него псалтирь,—ибо у нихъ обычно не читаютъ никакой книги, важной или неважной, иначе, какъ на аналоѣ, — и началъ канонаршить псаломъ за псалмомъ попеременно, а на обоихъ клиросахъ ихъ пѣли. Передъ входомъ священники подходили подъ благословеніе и вышли (на входъ) въ облаченіяхъ по-парно, затѣмъ прошли въ нарѳексъ и совершили литію, при чемъ каждый изъ двухъ дьяконовъ кадилъ съ обѣихъ сторонъ, и также они оба попеременно прочли: „Спаси, Господи, люди Твоя“, но благословенія пяти хлѣбовъ не было.

[1] Во всѣхъ церквахъ Востока стоятъ на клиросахъ подобные шкапчики; внутри ихъ хранятся церковныя книги, которыя во время службы вынимаютъ и кладутъ на верху ихъ, но читаютъ книги, обыкновенно, держа ихъ въ рукахъ.

Мы вышли изъ церкви къ трапезѣ. Нашъ владыка патріархъ сѣлъ во главѣ ея, мы справа и слѣва отъ него, а прочіе отцы монастыря въ концѣ. Поставили на столъ кружки съ пивомъ и соленья парами, по обычаю іерусалимскихъ монастырей. Передъ нами ставили на нѣкоторое время блюда, которыя затѣмъ снимали и ставили на концѣ стола или убирали, и подавали новыя и новыя до конца. Что касается отцовъ монастыря, то предъ каждымъ изъ нихъ поставили тарелку каши [1] съ масломъ и больше ничего. Таковъ ихъ обычай. Никто не ѣстъ изысканныхъ кушаній, кромѣ пріѣзжихъ и поклонниковъ. Они несомнѣнно святые и ведутъ жизнь по уставу св. Саввы. На другомъ столѣ подавали мясныя кушанья для поклонниковъ и нашихъ служителей изъ мірянъ. Тогда чтецъ сталъ посреднѣ, положилъ передъ собою большую книгу на аналой и началъ внятно читать. По прочтеніи молитвы надъ трапезой, нашъ владыка патріархъ трижды ударилъ по обычаю въ находившееся справа отъ него маленькое било для начала ѣды. Мы достаточно поѣли и попили къ нашему совершенному удовлетворенію, тогда какъ этотъ бѣдный чтецъ все читалъ изъ Патерика. Затѣмъ нашъ владыка ударилъ въ било вторично, послѣ чего выпилъ сначала самъ, при чемъ мы встали, а потомъ каждый изъ насъ выпилъ одну изъ стоявшихъ передъ нами кружекъ. Наконецъ онъ ударилъ въ третій разъ, для того чтобы мы всѣ встали изъ-за стола. Ему поднесли маленькую просфору на блюдцѣ, т. е. Панагію въ честь Владычицы. Онъ поднялъ ее обѣими руками, по аѳонскому обычаю, трижды, произнося: „да возвеличится имя Св. Троицы!“ Вслѣдъ затѣмъ священникъ и іеромонахъ подошли къ нему и пропѣли „достойно есть“, имѣя головы открытыми, а по окончаніи поклонились земно. Они получили отъ нея малую часть, и нашъ владыка роздалъ ее также всѣмъ присутствующимъ. Потомъ принесли корзину для собиранія ломтей и каждый изъ насъ положилъ въ нее свои ломти, по примѣру Того, Кто благословилъ хлѣбы. Были собраны всѣ ломти.

Затѣмъ ударили въ колоколъ къ молитвѣ на сонъ грядущимъ. Мы пошли въ церковь и стали вмѣстѣ съ другими въ нарѳексѣ, по ихъ всегдашнему обыкновенію. Нашъ владыка патріархъ сталъ на своемъ (архіерейскомъ) мѣстѣ подлѣ дверей. Когда чтецъ окончилъ канонъ, молитву и *писаніе*, [2] всѣ подходили и испра-

[1] Въ текстѣ употреблено слово *бурголь*. Это мелкая крупа изъ толченой пшеницы, предварительно сваренной и высушенной. Каша изъ нея всюду въ большомъ употребленіи на Востокѣ, особенно въ деревняхъ.

[2] По точному переводу стоящаго въ текстѣ слова *аль-китабъ*.

шивали прощеніе у нашего владыки патріарха съ земнымъ поклономъ, попарно до послѣдняго. Потомъ мы вышли, чтобы предаться сну, но сна не было, ибо клопы и комары, болѣе многочисленные, чѣмъ ихъ міріады въ воздухѣ, не дали намъ даже и попробовать сна и покоя: ихъ въ этой странѣ изобиліе—море, выходящее изъ береговъ.

Еще раньше пригласили нашего владыку патріарха совершить служеніе, и мы готовились къ литургіи; но какъ возможно служить не, не спавши? Въ четвертомъ часу ночи ударили въ била,—ибо ночь была только 8 часовъ—и мы встали въ полночь. Впрочемъ, въ этихъ святыхъ, ангельскихъ монастыряхъ есть хорошій обычай, что сначала ударяютъ долгое время въ одинъ колоколъ раздѣльно, давая знать, чтобы спящіе пробудились и, вставъ отъ сна, одѣлись не спѣша: не такъ, какъ въ странѣ валаховъ и молдаванъ, гдѣ входятъ въ церковь въ моментъ звона колоколовъ. Мы пошли въ церковь, не вкусивши сна. Начали пѣніе на утрени, чтеніе псалмовъ и молитвъ нараспѣвъ. Вышли мы только послѣ разсвѣта, чувствуя головокруженіе.

Затѣмъ ударили въ колокола къ литургіи. Мы вошли въ церковь, облачились и облачили нашего владыку патріарха въ архіерейскія ризы. По окончаніи обѣдни, къ коей прибыло большинство жителей города и многіе другіе, мы пошли къ трапезѣ, за которой соблюдался тотъ же порядокъ, что и наканунѣ, въ чтеніи и перемѣнѣ блюдъ и десерта. Подъ конецъ служившій дьяконъ принесъ употребляемый при литургіи дискосъ, покрытый воздухомъ, и поставилъ его предъ нашимъ владыкой патріархомъ, который снялъ покровъ: внутри его былъ другой дискосъ, серебряный, съ таковой же крышкой и замочкомъ. Онъ отперъ его. Тамъ было изображеніе Владычицы Платитера и лежала одна просфора, т. е. Панагія. Подъ всѣмъ этимъ была большая часть съ медомъ вмѣсто вина. Нашъ владыка трижды поднялъ просфору, какъ сдѣлалъ наканунѣ, взялъ отъ нея частицу, послѣ пѣнія „достойно есть“, и затѣмъ передалъ другимъ, которые передавали другъ другу, сидя за столомъ. Также пили изъ чаши и онъ и остальные. Вставъ изъ-за стола, мы простились съ ними и вернулись въ городъ Прилуки, гдѣ оставили свой багажъ.

Глава III.

Украйна.—Дальнѣйшій путь. Крапивна, Красный, Корыбутовъ. Освященіе церкви. Пріюты для сиротъ и нищихъ. Извѣстія о нетерпѣливомъ ожиданіи патріарха въ Москвѣ.

Мы оставили этотъ городъ въ понедѣльникъ утромъ 17 іюля и, сдѣлавъ полторы мили, проѣхали чрезъ большое, благоустроенное селеніе, по имени *Ольшана*, съ плодовыми садами и палисадниками, съ проточнымъ озеромъ, на подобіе рѣки. Проѣхавъ еще одну милю, достигли другого цвѣтущаго селенія съ большимъ озеромъ. Сдѣлали еще одну милю и прибыли въ небольшой базаръ съ маленькимъ красивымъ укрѣпленіемъ и съ очень большимъ озеромъ, называемый *Яваница* (Иваница); въ немъ изящная церковка во имя св. Георгія. Всѣ жители этихъ мѣстъ были въ то время, съ конца іюня до сихъ поръ, заняты жатвой. Мы поднялись отсюда во вторникъ утромъ. Сдѣлавъ двѣ съ половиною мили, проѣхали чрезъ большое благоустроенное селеніе съ садами, по имени Крапивна; въ немъ церковь въ честь Успенія Богородицы. Когда мы проѣхали еще милю, насъ встрѣтилъ сотникъ со знаменемъ и большимъ числомъ ратниковъ. Они ѣхали передъ нами еще двѣ мили по многочисленнымъ изгибамъ, горамъ и долинамъ, по узкимъ и трудным дорогамъ, черезъ плотины, мосты и заставы. Сколько разъ приходилось намъ въ этой странѣ казаковъ ломать заставы на дорогахъ и деревянные засовы, по причинѣ большой ширины нашихъ экипажей! Мы подолгу стаивали на мостахъ, кои весьма узки, потому что здѣшнія повозки маленькія, [и весьма многочисленны по причинѣ обилія водныхъ потоковъ].

Базаръ, изъ коего прибылъ сотникъ, находился очень близко влѣво отъ насъ, но передъ нимъ было большое, длинное, широкое озеро, все болотистое; поэтому (дорога) дѣлала много поворотовъ, мили въ двѣ или даже болѣе. Затѣмъ насъ привезли въ городъ, называемый Красный, съ большимъ укрѣпленіемъ и цитаделью, висящей на краю горы, больше той, на вершинѣ которой расположенъ городъ. По обычаю, насъ вышли встрѣчать священники, клиръ и прочій народъ и ввели въ церковь во имя Св. Рождества. При этомъ три раза выпалили изъ большихъ пушекъ. Здѣсь есть еще двѣ церкви: во имя св. Троицы и новая — св. Николая. Близъ этого города другой базаръ съ церковью въ честь Воскресенія. Выѣхавъ отсюда въ среду, мы проѣхали три мили и прибыли въ маленькій базаръ *Корабута* (Корыбутовъ), вокругъ котораго два большихъ болотистыхъ

озера. Насъ ввели въ благолѣпную, большую, высокую церковь, вновь построенную и еще неосвященную. Нашего владыку патріарха просили освятить ее. Онъ совершилъ въ ней водосвятіе и освятилъ ее: окропилъ алтарь снаружи и снутри и прочелъ надъ ней установленныя молитвы, освятилъ престолъ и алтарь божественнымъ муромъ, наименовавъ церковь въ честь св. Николая. Бывало, при освященіи всякой церкви нашимъ владыкой патріархомъ, брали отъ него грамоту за его подписью и печатью во свидѣтельство того, что онъ ее освятилъ, дабы ихъ архіерей повѣрилъ и не упрекалъ ихъ.

Знай, что во всей странѣ казаковъ въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ выстроены для ихъ бѣдняковъ и сиротъ дома, при концѣ мостовъ или внутри города, служащіе имъ убѣжищемъ; на нихъ снаружи множество образовъ. Кто къ нимъ заходитъ, даетъ имъ милостыню,—не такъ, какъ въ странѣ молдаванъ и валаховъ, гдѣ они ходятъ по церквамъ и по причинѣ своей многочисленности мѣшаютъ людямъ молиться,—ибо въ этой странѣ казаковъ бѣдныхъ такъ много, что одинъ Всевышній Богъ знаетъ ихъ; это большею частію осиротѣвшія дѣти, нагія, при взглядѣ на которыхъ разрывается самое жестокое сердце. Всякій разъ, какъ мы подходили къ нимъ, они собирались вокругъ насъ тысячами за милостыней. Нашъ владыка патріархъ много сострадалъ имъ. Насъ удивляло, что они находятся въ такомъ положеніи, живя во дни Хмеля, когда царитъ правосудіе и справедливость: каково же было ихъ положеніе во времена ляховъ, которые брали съ каждой души по 10 грошей въ мѣсяцъ! А теперь и чужестранцы оказываютъ имъ помощь—да будетъ благословенъ Богъ!

Знай, что этотъ Корыбутовъ—послѣдній предѣлъ земли казаковъ, а за нимъ нѣтъ населенія: однѣ покинутыя земли, развалины и необработанныя поля. Отсюда до Путивля шесть большихъ миль.

Путивльскій воевода, по имени киръ (господинъ) Никита, присылалъ, за три дня передъ симъ, въ Корыбутовъ одного изъ своихъ служителей разузнать о нашемъ владыкѣ патріархѣ въ этихъ селеніяхъ; посланный распрашивалъ о немъ, переходя изъ мѣста въ мѣсто, ибо, по ихъ мнѣнію, мы сильно запоздали. Тогда нашъ владыка патріархъ послалъ чрезъ него письмо съ благословеніемъ его господину, извѣщая, что пріѣдетъ къ нему завтра. Съ нимъ же онъ отправилъ нашъ багажъ и тяжести при нашихъ служителяхъ, ибо, какъ мы упомянули, мы брали безвозмездно отъ города до города повозки и лошадей, такъ какъ изъ быв-

шихъ съ нами нѣсколько лошадей искалѣчились и сдѣлались негодны.

Знай, что при самомъ нашемъ въѣздѣ въ Константинополь, къ нашему владыкѣ патріарху являлись многіе купцы, пріѣхавшіе изъ Москвы, и передавали намъ, что благополучный царь и новый патріархъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ его святость и что вѣсть о его поѣздкѣ дошла до нихъ, какъ только онъ выѣхалъ изъ своего престольнаго города, и прибавляли: „они имѣютъ къ тебѣ большую вѣру и великое желаніе тебя лицезрѣть“. Проѣзжая по Молдавіи, мы встрѣтили одного митрополита съ нѣсколькими монахами, которые намъ также сказали: „въ Москвѣ *карт-рунъ* (это — греческое слово, означающее „ожидаютъ“)—ожидаютъ твою святость съ большимъ нетерпѣніемъ“. Во время нашего пребыванія въ Молдавіи пріѣзжали изъ Москвы архіерей, настоятели монастырей, многіе монахи и купцы, и рѣчи ихъ всѣхъ были въ такомъ же родѣ. Когда случилось происшествіе съ господаремъ Василіемъ, дороги въ тѣхъ странахъ были отрѣзаны, вслѣдствіе чего мы поѣхали въ Валахію, а потомъ вернулись. Всякій разъ, какъ мы встрѣчали кого-нибудь изъ монаховъ или купцовъ въ землѣ казаковъ, намъ говорили: „почему вы медлили до сихъ поръ? богохранимый царь нѣсколько разъ спрашивалъ о твоей святости и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ. До него дошло извѣстіе о томъ, что случилось съ тобою въ Молдавіи, и о тамошнихъ происшествіяхъ. Онъ далъ наказъ воеводѣ Путивля, два года тому назадъ, чтобы тотчасъ по прибытіи къ нимъ твоей святости, проводили тебя внутрь страны, и до сихъ поръ они ждутъ твою святость. Какъ только въѣдешь въ Путивль, тебя проводятъ далѣе, ибо благополучный царь, прежде чѣмъ отправиться въ походъ, повторилъ имъ свой наказъ“.

Выѣхавъ изъ Корыбутова, мы проѣхали одну большую милю и вечеромъ остановились на ночлегъ въ открытомъ мѣстѣ въ полномъ спокойствіи и безопасности: зелени было вдоволь и такъ безопасно, что каждый путешествуетъ одинъ, хотя бы имѣлъ съ собою возы золота.

Глава IV.

Путивль. — Торжественная встрѣча патріарха Подношенія. Греческіе монахи.

Рано утромъ въ четвергъ 20 іюля, въ праздникъ св. прор. Иліи, ровно черезъ два года послѣ нашего выѣзда изъ Алеппо, мы поднялись и проѣхали пять миль по безлюднымъ степямъ и

обширнымъ лѣсамъ, лишеннымъ воды. Городъ Путивль показывался ясно издали. Мы переѣхали границу земли казаковъ и прибыли на берегъ глубокой рѣки, называемой *Саими* (Сеймъ), которая составляетъ предѣлъ земли московской. Тогда пріѣхалъ на этотъ берегъ уполномоченный воеводы путивльскаго со многими вельможами; они сдѣлали земной поклонъ нашему владыкѣ патріарху и переправили на судахъ на тотъ берегъ насъ и нашу карету. Въ нее посадили нашего владыку; на берегу уже были тысячи ратниковъ и множество жителей, конхъ онъ благословилъ. Ратники съ ружьями выстроились впереди насъ длиннымъ строемъ, такъ что отъ начала не видать было конца. Мы стали взбираться по крутому подъему на большую гору,—отъ земли валаховъ до сего мѣста намъ не встрѣчалось труднаго пути, а только равнины и многочисленныя низменности—пока не въѣхали на ровное мѣсто. Впереди насъ двигались въ полномъ парадѣ пѣшіе ратники по два въ рядъ. Воевода ожидалъ насъ вдали, потому что отъ рѣки до города очень далеко, но ежечасно посылалъ, для встрѣчи на дорогѣ нашего владыки патріарха, по одному изъ своихъ приближенныхъ, который, сойдя съ коня, клапялся до земли на самомъ дѣлѣ и говорилъ: „воевода, твой ученикъ, спрашиваетъ твою святость, какъ ты себя чувствуешь и какъ совершилъ путь. Слава Богу, что ты прибылъ въ добромъ здоровьѣ. Мысли воеводы съ тобою". Наконецъ, когда мы приблизились къ воеводѣ на нѣкоторое разстояніе, онъ сошелъ съ коня, а нашъ владыка патріархъ вышелъ изъ кареты; воевода поклонился ему до земли два раза, а въ третій стукнулъ головою о землю—таковъ ихъ всегдашній обычай. Нашъ владыка патріархъ благословилъ его крестообразно, по тому обычаю, какъ благословляютъ у московитовъ, ибо онъ поднималъ благословляющую руку, изображая ею (крестъ) на его лицѣ, обѣихъ рукахъ и груди, и далъ ему облобызать крестъ и потомъ свою десницу; такъ же (благословилъ) и всѣхъ его приближенныхъ. Такъ принято благословлять въ этой странѣ въ особенности; благословеніе человѣка архіереемъ издали имъ неизвѣстно; онъ долженъ ихъ стукнуть пальцами, чтобы они удостовѣрились.

Воззри на эту вѣру, это благоговѣніе, эту набожность! По истинѣ, царство принадлежитъ и подобаетъ имъ, а не намъ. Мы были очевидцами, какъ они бросались на землю и становились на колѣни въ пыль, будучи одѣты въ свои дорогіе кафтаны изъ превосходной ангорской шерсти и сукна съ широкими, обильно расшитыми золотомъ, воротниками, съ драгоцѣнными пуговицами и красивыми петлицами, отъ шеи до подола всегда

застегнутыми,—таковъ обычай у всѣхъ нихъ, даже у простолюдиновъ. Ворота рубашекъ у воеводы и его приближенныхъ были изъ крупнаго жемчуга, величиною съ горошину, круглаго, бѣлаго, какъ мраморныя бусы четокъ, жемчугомъ же были расшиты макушки ихъ суконныхъ шапокъ розоваго и краснаго цвѣта.

Затѣмъ они обмѣнялись привѣтствіями и послѣ продолжительныхъ разспросовъ о здоровьѣ и многократнаго выраженія взаимной дружбы, нашъ владыка патріархъ сѣлъ въ свой экипажъ, а воевода на своего коня; его приближенные ѣхали частью впереди, частью позади, а вышеупомянутые ратники, статнаго роста, въ красивыхъ одеждахъ, шли впереди и сзади, пока мы не подъѣхали къ городу, откуда вышло много священниковъ въ ризахъ и дьяконы въ стихаряхъ, совершавшіе кажденіе, съ хоругвями и иконами, унизанными жемчугомъ, съ крестами и множествомъ фонарей. Число священниковъ въ облаченіяхъ было тридцать шесть и четыре дьякона. Было множество монаховъ въ большихъ клобукахъ [1], въ длинныхъ, наброшенныхъ на плеча, мантіяхъ. Тогда нашъ владыка-патріархъ вышелъ изъ экипажа, а воевода и правительственные сановники сошли съ коней. Сдѣлавъ земной поклонъ, нашъ владыка приложился къ святымъ иконамъ, къ животворнымъ евангеліямъ и къ золотымъ крестамъ, унизаннымъ жемчугомъ. Затѣмъ старшіе бѣлые священники и игумены простыхъ монастырей лобызали его десницу, дѣлая земной поклонъ, и поздравляли съ благополучнымъ пріѣздомъ, говоря: „чрезъ твое прибытіе снизошло благословеніе на всю московскую землю“. Они вошли передъ нами въ городъ. По обычаю мы шли пѣшкомъ, воевода со своими приближенными слѣдовалъ позади нашего владыки, войско шло впереди, а священники посреднѣ, передъ нашимъ владыкой, попарно, благочинно и не тѣснясь. Если кто нибудь, постигнутый гнѣвомъ Милосерднаго, встрѣчался ѣдущимъ верхомъ по тѣмъ улицамъ (гдѣ мы проходили), то его до изнеможенія били плетками и кнутами, говоря ему: „какъ! царь идетъ пѣшкомъ, а ты разъѣхался во всю ширину!“ и сбрасывали его съ лошади на землю. Всякій разъ, какъ мы проходили мимо церкви, ребятишки и церковнослужители звонили въ колокола, пока насъ не ввели въ высокую, какъ бы висячую, прекрасную и привлекательную церковь: ея куполы высоко приподняты, тонки, стройны, кресты ея, на подобіе

[1] Въ обѣихъ здѣшнихъ рукописяхъ вмѣсто *лашѣти* „клобуки“ стоитъ *лулу* „жемчугъ“. Предполагаемъ ошибку переписчиковъ (ибо эти слова немного сходны по начертанію), основываясь на англійскомъ переводѣ, гдѣ употреблено слово „cowls“.

креста Господня, съ поперечинами вверху и внизу, богато позолочены, какъ обычно для церквей этой страны и какъ строятъ люди благотворительные и щедрые. Она во имя св. Георгія великомощнаго. Насъ помѣстили въ большомъ домѣ протопопа. Воевода, попрощавшись съ нами, удалился.

Спустя немного времени явились почетныя лица города и поднесли нашему владыкѣ патріарху большой даръ отъ имени царя, который несли многочисленные янычары [1]; именно: хлѣбъ и рыбу разныхъ сортовъ, боченки съ медомъ и пивомъ, также водку, вишневую воду и много вина. Старшій изъ нихъ выступилъ и, ставъ на колѣни, стукнулъ головою о землю, (что сдѣлали) и товарищи его; нашъ владыка патріархъ преподалъ имъ московское благословеніе. Потомъ онъ взялъ обѣими руками сначала хлѣбъ и, держа его передъ собою, сказалъ: „богохранимый государь князь Алексѣй Михайловичъ подноситъ тебѣ отъ своего добра эту хлѣбъ-соль“. При этомъ нашъ владыка патріархъ вставалъ и отвѣчалъ благожеланіями при всякомъ поднесеніи чрезъ переводчика, котораго мы наняли въ Молдавіи, какъ дѣлаютъ архіереи и монахи и даже всѣ купцы: каждый привозитъ съ собою драгомана, знающаго русскій языкъ. Мы говорили съ нимъ по-турецки и по-гречески, а онъ передавалъ имъ по-русски, ибо языкъ у казаковъ, сербовъ, болгаръ и московитовъ одинъ.

Возвращаемся. Затѣмъ онъ подносилъ прочее и прочее до конца—все, что принесъ,—и ушелъ. Воевода также прислалъ отъ себя главныхъ изъ своихъ служилыхъ людей съ царской [2] трапезой, состоявшей изъ сорока, пятидесяти блюдъ, которыя несли янычары; тутъ были: разная вареная и жареная рыба, разнородное печеное тѣсто съ начинкой такихъ сортовъ и видовъ, какихъ мы во всю жизнь не видывали, разнообразная рубленая рыба съ вынутыми костями, въ формѣ гусей и куръ, жареная на огнѣ и въ маслѣ, разные блины и иные сорта лепешекъ, начиненныя яйцами и сыромъ. Соусы всѣ были съ пряностями, шафраномъ и благовоніями. Но какъ описать царскія кушанья? Въ серебряныхъ вызолоченныхъ чашахъ были различныя водки и англійскія вина, а также напитокъ изъ вишенъ, въ родѣ густого сока, пріятный на вкусъ и благовоннаго запаха, и еще маринованные лимоны: все это изъ странъ франкскихъ. Что же касается боченковъ съ медомъ и пивомъ, то они были въ такомъ изобиліи и такъ велики, какъ будто наполнены водой.

---

[1] Вѣроятно, стрѣльцы.

[2] Слово „царскій“ употреблено здѣсь, вѣроятно, въ смыслѣ „роскошный“.

Старшій изъ служилыхъ людей выступилъ впередъ и, сдѣлавъ земной поклонъ со своими товарищами, сказалъ: „Никита Алексѣевичъ бьетъ челомъ твоей святости, испрашивая твоихъ молитвъ и благословенія, и подноситъ твоей святости и твоему отцовству эту хлѣбъ-соль“. При этомъ онъ подносилъ обѣими руками сначала хлѣбъ бѣлый и темный, затѣмъ остальныя блюда и боченки, называя каждое изъ нихъ, до конца. Нашъ владыка патріархъ стоялъ и при каждомъ подношеніи благословлялъ, выражая благожеланія воеводѣ, и подъ конецъ много благодарилъ за его щедрость. Они удалились.

Обрати вниманіе, читатель, на это смиреніе и благочестіе, ибо, во-первыхъ, этотъ воевода саномъ равенъ визирю, такъ какъ городъ Путивль обширенъ и область его велика, однако его не называли передъ нашимъ владыкой патріархомъ воеводой, какъ бы слѣдовало его величать, а просто именемъ Никита (Алексѣевичъ), т. е. сынъ Алексѣя, по имени его отца, ибо у нихъ принято называть мужчину или женщину не только ихъ именемъ, но съ прибавленіемъ имени отца, даже у крестьянъ; во-вторыхъ, значеніе „Алексѣевичъ“ [1], прибавленное къ его имени, быть можетъ, то, что онъ поставленъ недавно царемъ Алексѣемъ. Онъ былъ изъ служилыхъ людей патріарха, который за него ходатайствовалъ, и царь пожаловалъ ему правленіе Путивлемъ. Обыкновенно въ странѣ московитовъ всѣ воеводы бываютъ преклонныхъ лѣтъ изъ домовъ могущественныхъ по знатности и родовитости. По обычаю, всякій воевода остается въ должности три года, послѣ чего его смѣняютъ.[2]

Ихъ слова: „бьетъ челомъ твоей святости“ имѣютъ (точный) смыслъ, ибо такъ именно поступали всѣ знатные люди; когда они кланялись земно нашему владыкѣ въ первый и во второй разъ, то ударяли головой о землю такъ, что мы слышали стукъ: обрати вниманіе на это благочестіе! Есть непзмѣнный обычай во всей этой странѣ московитовъ, что ежели кто имѣетъ дѣло

---

[1] Въ подлинникѣ это отчество выражено въ одномъ мѣстѣ *алексійс*, въ другомъ *алексеижъ*.

[2] Въ англійскомъ переводѣ за этимъ слѣдуетъ: „значеніе Алексіо, (Алексѣевъ, Алексѣевичъ)—объясняя его далѣе—имѣетъ отношеніе къ рожденію и семейству, и это имя, сопровождая первое, равнозначуще Никита, сынъ Алексѣя. Таковъ обычай по всей этой странѣ московской, что не зовутъ никого, ни царя, ни подданнаго, ни великаго, ни малаго, ни богатаго, ни бѣднаго однимъ именемъ, даннымъ ему при крещеніи; но царя они называютъ Алексѣй Михаиловици (Михайловичъ), а его перваго министра Иванъ Васили (Васильевичъ), съ прибавленіемъ отчества, и такимъ образомъ зовутъ всякаго, какъ мы ясно объ этомъ были освѣдомлены изъ ихъ собственныхъ устъ“.

къ царю или къ вельможамъ, къ патріарху или къ архіерею, кланяется ему нѣсколько разъ большимъ поклономъ до земли и проситъ объ исполненіи своей нужды; буде тотъ ее исполнитъ, хорошо; если же нѣтъ, то онъ не перестаетъ кланяться и бить головой о землю, пока не исполнятъ его просьбы Это они называютъ „бить челомъ“, какъ мы увидѣли впослѣдствіи: къ нашему владыкѣ патріарху приходили священники, знатные люди и поступали именно такъ, не переставали бить головой о землю, пока онъ не удовлетворялъ ихъ просьбы.

Слова, во-первыхъ: „подноситъ твоей святости хлѣбъ-соль“ и затѣмъ: „(подноситъ) это обильное добро“ суть выраженія исключительно наши и употребительныя въ нашей странѣ. Кто же принесъ ихъ сюда?

Потомъ явился съ даромъ къ нашему владыкѣ патріарху протопопъ города въ епитрахили, со святой водой и крестомъ и сказалъ ему, послѣ дружескихъ привѣтствій: „это отъ благословенія праздника св. Иліи“. Церковь въ этомъ городѣ во имя его: въ ней сегодня собирались и совершили торжество его праздника. Окропивъ себя, владыка окропилъ домъ и насъ, и священникъ удалился. Во всѣхъ этихъ странахъ принято, какъ мы упомянули, что священникъ въ началѣ каждаго мѣсяца и въ каждый праздникъ совершаетъ водосвятіе и, обходя дома, окропляетъ ихъ.

Затѣмъ мы вступили, читатель, во вторыя врата борьбы, пота, трудовъ и пощенія, ибо всѣ въ этой странѣ, отъ мірянъ до монаховъ, ѣдятъ только разъ въ день, хотя бы это было лѣтомъ, и выходятъ отъ церковныхъ службъ всегда не ранѣе, какъ около восьмого часа [1], иногда получасомъ раньше или позже. Во всѣхъ церквахъ ихъ совершенно нѣтъ сидѣній. Послѣ обѣдни читаютъ девятый часъ, причемъ всѣ міряне стоятъ, какъ статуи, молча, тихо, дѣлая безпрерывно земные поклоны, ибо они привычны къ этому, не скучаютъ и не ропщутъ. Находясь среди нихъ, мы приходили въ изумленіе. Мы выходили изъ церкви, едва волоча ноги отъ усталости и безпрерывнаго стоянія безъ отдыха и покоя. За утренней службой непремѣнно читаютъ каждый день три *анагносиса*, то-есть чтенія изъ толкованій на евангеліе, и иное изъ Патерика. Точно также вечеромъ послѣ повечерія читаютъ канонъ *кавимеринос* (ежедневный). Поста до девятаго часа [2] они не знаютъ, ибо во всѣ праздники, какъ большіе, такъ и малые, они и безъ того постятся до послѣ девятаго

[1] Около 2 ч. пополудни.

[2] За 3 часа до заката солнца.

часа. Что касается насъ, то, какъ намъ совѣтовали, учили и предостерегали насъ друзья, которые уже бывали въ этой странѣ и знали, каковъ нравъ у жителей, мы волей-неволей къ нимъ приноравливались и что они дѣлали, тому подражали и мы. Свѣдущіе люди намъ говорили, что если кто желаетъ сократить свою жизнь на пятнадцать лѣтъ, пусть ѣдетъ въ страну московитовъ и живетъ среди нихъ, какъ подвижникъ, являя постоянное воздержаніе и пощеніе, занимаясь чтеніемъ (молитвъ) и вставая въ полночь. Онъ долженъ упразднить шутки, смѣхъ и развязность [и отказаться отъ употребленія опіума] [1], ибо московиты ставятъ надсмотрщиковъ при архіереяхъ и при монастыряхъ и подсматриваютъ за всѣми, сюда пріѣзжающими, нощно и денно, сквозь дверныя щели, наблюдая, упражняются ли они непрестанно въ смиреніи, молчаніи, постѣ и молитвѣ, или же пьянствуютъ, забавляются игрой, шутятъ, насмѣхаются или бранятся. Если бы у грековъ была такая же строгость, какъ у московитовъ, то они и до сихъ поръ сохраняли бы свое владычество. Какъ только замѣтятъ со стороны кого-либо большой или малый проступокъ, того немедленно ссылаютъ въ страну мрака, отправляя туда вмѣстѣ съ преступниками,— оттуда нельзя убѣжать, вернуться или спастись — ссылаютъ въ страны Сибири добывать многочисленныхъ тамъ соболей, сѣрыхъ бѣлокъ, чернобурыхъ лисицъ и горностаевъ,—въ страны, удаленныя на разстояніе цѣлыхъ трехъ съ половиною лѣтъ, гдѣ море-океанъ и гдѣ уже нѣтъ населенныхъ мѣстъ. Такъ сообщали намъ люди, достойные вѣры и писавшіе объ этомъ предметѣ. Московиты никого (изъ провинившихся иностранцевъ) не отсылаютъ назадъ въ ихъ страну, изъ опасенія, что они опять пріѣдутъ, но видя, что пріѣзжающіе къ нимъ греческіе монахи совершаютъ безстыдства, гнусности и злодѣянія, пьянствуютъ, обнажаютъ мечи другъ на друга для убійства, видя ихъ мерзкіе поступки, они, послѣ того какъ прежде вполнѣ довѣряли имъ, стали отправлять ихъ въ заточеніе, ссылая въ ту страну мрака, въ частности же за куреніе табаку предавать смерти. Что скажешь, братъ мой, объ этомъ законѣ? Безъ сомнѣнія, греки достойны того и заслуживаютъ такого обхожденія. По этой причинѣ и мы были въ страхѣ. Но мы непрестанно испрашиваемъ у Бога нашего помощи и терпѣнія до конца, успокоенія и исполненія того, чего мы ищемъ на пути Его, да не погибнутъ втунѣ наши труды и злополучія, да даруетъ Онъ намъ возможность уплатить наши долги съ процентами, да не введетъ Онъ никого въ бѣды и долги и не дастъ

[1] Добавлено по-англійскому переводу.

ему испытать тѣ страхи и ужасы, коихъ мы были свидѣтелями, да не удалитъ Онъ никого на чужбину отъ его города, семейства и племени, гдѣ и черствый хлѣбъ съ водой кажется ему всего слаще!

Глава V.

Путивль.—Иностранцы въ Россіи. Отношеніе къ нимъ русскихъ. Сербскій митрополитъ. Посѣщеніе патріарха воеводой.

Знай, что чрезъ этотъ Путивль идетъ дорога въ землю московскую изъ всѣхъ нашихъ странъ, и другого пути нѣтъ. Это очень важный проходъ. Сколько трудовъ и злополучій, испытанныхъ многими архіереями и монахами, остались тщетными! они были возвращаемы назадъ, проѣздивъ попусту и понапрасну. Что касается купцовъ, то московиты всѣхъ ихъ вообще знать не хотятъ и не пускаютъ въ свою страну для торговыхъ дѣлъ. Но тѣ проникаютъ при помощи разныхъ хитростей, изъ коихъ одна состоитъ въ томъ, что собираются нѣсколько торговцевъ и достаютъ себѣ письмо отъ одного изъ патріарховъ на имя царя по дѣламъ, для него пріятнымъ. Прибывъ въ Путивль, они выдаютъ себя за пословъ отъ такого-то патріарха къ царю съ письмомъ. Одного изъ своей среды они ставятъ начальникомъ и такимъ образомъ проникаютъ внутрь страны и представляютъ письмо царю, а между тѣмъ тайкомъ покупаютъ то, что имъ нужно, и затѣмъ возвращаются тою же дорогою, послѣ прощанія съ царемъ. Но такой способъ немногіе умѣютъ привести въ исполненіе, только тѣ, которые ѣздили неоднократно и знаютъ каждую пядень дороги, большинство же, какъ-то: настоятели монастырей, монахи и торговцы, ждутъ кого-нибудь изъ патріарховъ или изъ извѣстныхъ архіереевъ и съ его согласія присоединяются къ его свитѣ. Пріѣхавъ въ Путивль, онъ выдаетъ ихъ за своихъ людей и составляетъ роспись ихъ должностей: настоятелей и монаховъ причисляетъ къ своимъ приближеннымъ, а торговцевъ къ служителямъ. По въѣздѣ внутрь страны, каждый изъ нихъ представляетъ въ свое время удостовѣреніе и испрашиваетъ подаяніе; торговцы же покупаютъ, что имъ нужно, на свои деньги. Также и при отъѣздѣ отправляются вмѣстѣ. Но чтобы настоятель монастыря или значительный купецъ, пріѣхавъ, былъ впущенъ, это вещь совершенно невозможная, что̀ всѣмъ хорошо извѣстно. Все это происходитъ отъ ненависти московитовъ къ вѣрѣ нашей страны и къ нашему языку [1]. Замѣть, что

[1] То-есть къ мусульманству и его языкамъ.

строгость въ этомъ огромномъ государствѣ очень велика. Царь не нуждается въ торговцахъ, которые пріѣзжаютъ изъ странъ турецкихъ и тайкомъ покупаютъ соболя и другіе мѣха, быть можетъ, на сумму въ милліонъ золотыхъ,—не нуждается потому, что къ нему пріѣзжаютъ послы изъ страны шаха, то-есть кизильбашей, на судахъ, везя съ собою въ подарокъ рѣдкости своей страны, какихъ здѣсь нѣтъ, на сумму въ тысячи золотыхъ и подносятъ ихъ царю въ даръ; онъ же даетъ имъ взамѣнъ лучшихъ соболей на бо́льшую сумму. Точно также пріѣзжаютъ къ нему послы изъ страны *Немса* (Австріи). Что же касается франковъ инглизовъ, которые наболѣе дорожатся, то они также пріѣзжаютъ тысячами въ пристань, называемую *Архангелосъ* (Архангельскъ), съ рѣдкостями своей страны, привозя вино, оливковое масло, лимоны и иное, и покупаютъ соболей и прочее, какъ объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Знай, что московскій царь вовсе не имѣетъ обыкновенія брать пошлину на границахъ своей страны, но даетъ купцамъ, взамѣнъ ихъ подарковъ ему, царскіе дары: соболей и прочее и назначаетъ имъ содержаніе на все время до отъѣзда ихъ въ свою страну—я говорю о греческихъ купцахъ. Въ пристанѣ же Архангельска берутъ пошлину съ франкскихъ кораблей, съ каждыхъ ста піастровъ десять, а также берутъ пошлину съ московскихъ купцовъ, которые ѣздятъ торговать по всему государству.

Знай, что воевода, тотчасъ по нашемъ пріѣздѣ, послалъ письмо къ царю, который въ это время воевалъ подъ Смоленскомъ, и къ патріарху, увѣдомляя ихъ о нашемъ прибытіи. Затѣмъ онъ прислалъ къ нашему владыкѣ патріарху своего *грамматикоса*, то-есть писаря, переписать имена его приближенныхъ и всѣхъ бывшихъ съ нимъ людей. Онъ записалъ наши должности и имена, одного за другимъ. При этомъ патріархъ имѣетъ возможность записать, сколько пожелаетъ. Насъ и нашихъ спутниковъ было около сорока человѣкъ. Бѣдняковъ и торговцевъ, которые прибѣгли къ нашему покровительству, мы записали въ числѣ служителей; настоятели же монастырей, намъ сопутствовавшіе, записались какъ семь архимандритовъ, изъ коихъ при каждомъ былъ, по обычаю, келарь, или поваръ.

Въ пятницу послѣ обѣдни пришелъ къ нашему владыкѣ патріарху воевода. По обыкновенію, кто бы ни пришелъ, хотя бы выше воеводы, ждетъ у дверей, пока мы не сходимъ и не доложимъ нашему владыкѣ патріарху, чтобы онъ приготовился и надѣлъ мантію, ибо въ этой странѣ московитовъ патріархъ никогда не снимаетъ мантіи и никто не можетъ его видѣть безъ

нея, даже когда онъ въ дорогѣ, дабы онъ не умалился въ ихъ глазахъ. Также и монахи никогда не снимаютъ своихъ клобуковъ, и когда въѣзжаютъ внутрь страны, тотчасъ пріобрѣтаютъ себѣ черныя мантіи и надѣваютъ ихъ, ибо безъ мантіи не могутъ выходить, согласно постоянному обыкновенію здѣшнихъ монаховъ. А если увидятъ, что кто-нибудь изъ нихъ расхаживаетъ безъ мантіи или безъ клобука, немедленно ссылаютъ его въ сибирскія страны ловить соболей. Еще прежде чѣмъ мы пріѣхали въ Путивль, намъ разсказывали, что одинъ сербскій митрополитъ пріѣхалъ въ эту страну. Мы знали его въ Валахіи: онъ взялъ отъ нашего владыки патріарха письмо, которое дало ему возможность сюда проникнуть. Въ то время какъ московскій патріархъ совершалъ молебствіе за царя, идя въ крестномъ ходу по городу, этотъ бѣдняга митрополитъ, перемѣнивъ архіерейскую мантію на шерстяную монашескую, пошелъ немного прогуляться и поглазѣть, думая про себя: „никто меня не узнаетъ“; а чужестраннаго архіерея и другихъ монашествующихъ лицъ не пускаютъ бродить по городу, развѣ только съ дозволенія царя для исполненія необходимыхъ дѣлъ. Какъ только онъ вышелъ, его сейчасъ же узнали и донесли патріарху, и онъ немедленно былъ сосланъ въ заточеніе въ страну мрака, гдѣ есть такіе монастыри, что умереть лучше, чѣмъ жить въ нихъ. Пріѣхавъ затѣмъ, чтобы получить пользу, онъ сгубилъ самого себя—капиталъ и прибыль.

Также, когда кто смотритъ — избави Боже! — на пушки или крѣпость, того немедленно отправляютъ въ заточеніе, говоря: „ты шпіонъ изъ турецкой страны“. Словомъ сказать, московиты крѣпко охраняютъ свою страну и свои владѣнія.

Возвращаемся. Мы вышли и пригласили воеводу и онъ вошелъ. Вотъ какимъ образомъ являются они къ архіерею, и знатные, и простолюдины — какъ это хорошо! Сначала воевода въ молчаніи сотворилъ крестное знаменіе и поклонился иконамъ, ибо въ каждомъ домѣ непремѣнно есть иконостасъ; также, гдѣ бы ни садился нашъ владыка патріархъ, мы, по ихъ обычаю, ставили надъ его головою иконостасъ. Затѣмъ онъ приблизился къ нашему владыкѣ патріарху, чтобы тотъ благословилъ его московскимъ благословеніемъ, поклонился ему до земли два раза и сдѣлалъ поклонъ присутствующимъ на всѣ четыре стороны, а потомъ началъ рѣчь. Онъ насилу согласился сѣсть по приглашенію нашего владыки патріарха, и всякій разъ, какъ нашъ владыка обращался къ нему чрезъ переводчика, онъ вставалъ и, давъ отвѣтъ, садился. Нашъ владыка патріархъ завелъ съ нимъ рѣчь о настоятеляхъ монастырей. Воевода отвѣчалъ ему:

„я имѣю приказанія только о томъ, чтобы, какъ скоро твоя святость прибудетъ, отправить тебя внутрь страны. Мы ждемъ уже около двухъ лѣтъ. Но кромѣ твоихъ людей, мнѣ о другихъ не приказано". Нашъ владыка сталъ уговаривать его, и онъ записалъ ихъ имена для пропуска. Съ нами было нѣсколько бѣдняковъ, для которыхъ ничего нельзя было сдѣлать, кромѣ того, что воевода далъ имъ милостыню и вернулъ назадъ: ихъ труды и злополучія, безпокойства и расходы во время пути отъ Валахіи пропали даромъ. Вотъ что случилось.

Воевода приготовилъ для насъ конакъ [1] и большое помѣщеніе для лошадей, повозокъ съ ихъ принадлежностями и для служителей при нихъ. По своему обыкновенію, они никогда не позволяютъ, чтобы кто-либо бралъ съ собою лошадей и каруцы внутрь страны,—исключеніе было сдѣлано для экипажа и лошадей нашего владыки патріарха — но воевода даетъ каждому каруцу съ лошадью, или казенныя арбы, называемыя по-турецки *улаклакъ*, а на ихъ языкѣ *фодфодисъ* (подводы). Онѣ даются безвозмездно, но отъ города до города, и это превосходная предусмотрительность, ибо лошади наши или другихъ совершенно не въ состояніи справиться съ здѣшними дорогами и трудными, опасными мѣстами, какъ объ этомъ будетъ сказано. Что касается прочихъ нашихъ спутниковъ, то нѣкоторые изъ нихъ продали своихъ лошадей за четверть цѣны, а иные оставили ихъ на храненіе при своихъ служителяхъ, чтобы тѣ ходили за ними на ихъ иждивеніи, пока они не возвратятся; при этомъ всякое животное съѣдаетъ вдвое или втрое болѣе своей стоимости. Было рѣшено съ воеводой, что онъ приготовитъ сорокъ три каруцы съ лошадьми для насъ и нашихъ спутниковъ. Такъ и было сдѣлано. Подъ конецъ онъ попросилъ нашего владыку патріарха отслужить у него въ воскресенье обѣдню въ крѣпостной церкви, а въ понедѣльникъ отправиться въ путь. Такъ и было. Затѣмъ воевода удалился.

Знай, что здѣсь воевода Путивля есть намѣстникъ царя въ подобныхъ случаяхъ, и сколько бы ни оказалъ онъ почета и какія бы траты ни дѣлалъ, это входитъ (въ кругъ его обязанностей), но въ его власти сдѣлать больше, и счастливъ тотъ, къ кому онъ благорасположенъ!

[1] Домъ важнаго или должностного лица.

Глава VI.

Путивль. – Описаніе города и крѣпости. Церкви.

Знай, что этотъ Путивль – городъ обширный, расположенъ на высокомъ мѣстѣ и поднимается надъ окрестностями; близъ него протекаетъ рѣка. Въ немъ множество плодовыхъ садовъ и много садиковъ при домахъ, цѣлые лѣса яблонь съ прекрасными плодами, болѣе обильными, чѣмъ дикіе жолуди; есть вишни и птичье сердце (сливы); виноградниковъ множество, но виноградъ рѣдко вызрѣваетъ. Есть также садовый тимьянъ, груши и царскія вишни.

Крѣпость этого города стоитъ наверху высокой горы: въ землѣ казаковъ мы ни разу не видали подобной, и не мудрено — эти крѣпости царскія; онѣ построены изъ дерева, неодолимы, съ прочными башнями, имѣютъ двойныя стѣны съ бастіонами и глубокими рвами, коихъ откосы плотно обложены деревомъ; входные концы мостовъ поднимаются на бревнахъ и цѣпяхъ. Крѣпость (Путивля) большая и великолѣпная, неодолима и крѣпка въ высшей степени, высока и прочно устроена на высокомъ основаніи; вся наполнена домами и жителями. Она расположена на отдѣльной круглой горѣ и заключаетъ внутри водоемъ, въ который вода скрытно накачивается колесами изъ рѣки. Внутри ея есть другая крѣпость, еще сильнѣе и неодолимѣе, съ башнями, стѣнами, рвами, снабженная множествомъ пушекъ большихъ и малыхъ, коп расположены однѣ надъ другими въ нѣсколько рядовъ [1].

Въ крѣпости четыре церкви: во имя Славнаго Воскресенія, Успенія Владычицы, Божественнаго Преображенія и новая во имя святителя Николая.

По причинѣ неприступности и твердости этой крѣпости и вслѣдствіе того, что ее такъ сильно укрѣпляли, ляхи, приходившіе въ прежнее время въ числѣ сорока тысячъ и осаждавшіе ее въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ, употребляя всевозможныя ухищренія, были совершенно не въ состояніи ее взять и вернулись разбитые. О, какъ велико ихъ сокрушеніе объ ней!

---

[1] Въ Путивлѣ замѣчательны остатки древняго укрѣпленія, извѣстнаго подъ именемъ городка. Собственно городкомъ называется утесистый холмъ среди города между рр. Сеймомъ и Путивлькою, укрѣпленный высокимъ валомъ и рвомъ съ сѣверной и южной сторонъ. Съ нимъ не очень давно соединялся другой высокій валъ съ 3 воротами, которыя вели въ эту ограду; со стороны площади была деревянная башня, а къ рѣчкѣ Путивлькѣ—тайникъ. (См. Географ.-статист. словарь Росс. Имперіи, П. Семенова. Т. IV, вып. 1).

Число церквей въ городѣ двадцать четыре и четыре монастыря на углахъ его. Первая церковь [1] во имя Троицы, вторая—Святаго Духа, третья—во имя распятія (Страстей Христовыхъ), четвертая—Вознесенія, пятая—Успенія Владычицы, шестая—Рождества Богородицы, какъ въ Седнаѣ [2], (празднованіе) 8 сентября, седьмая—также въ честь Ея Рождества; три церкви во имя св. Николая, одиннадцатая церковь во имя св Георгія, двѣнадцатая—также въ честь его, тринадцатая—евангелиста Іоанна, четырнадцатая—Аѳанасія и Кирилла, патріарховъ александрійскихъ, пятнадцатая—Косьмы и Даміана, шестнадцатая—св. Параскевы и семнадцатая—также св. Параскевы, восемнадцатая—пророка Иліи, девятнадцатая—Никиты мученика, двадцатая—Флора и Лавра, покровителей лошадей; они были изъ этой страны, каменьщики, увѣровали во Христа, построили церковь и мученически окончили жизнь; память ихъ совершается 18 августа; двадцать первая—во имя Паисія, новаго ихъ святого, котораго они называютъ на своемъ языкѣ *халиба*, т. е. милостивый [3]; двадцать вторая—во имя Ѳеодосія, который былъ большимъ сановникомъ и принялъ мученичество, двадцать третья—еще въ честь Троицы; двадцать четвертая [4]—еще въ честь Славнаго

---

[1] Перечисленіе церквей пропущено въ англійскомъ переводѣ.

[2] Седнаискій женскій монастырь въ Сиріи, близъ Дамаска.

[3] Въ Исторіи канонизаціи святыхъ русской церкви проф. Голубинскаго (1894) упоминается о двухъ Паисіяхъ: Угличскомъ, основателѣ Покровскаго Паисіева монастыря близъ Углича, и галичскомъ, игуменѣ и устроителѣ Успенскаго Паисіева монастыря близъ Галича; но ни о томъ, ни о другомъ не упоминается, чтобы они назывались милосердными. Что можетъ значить слово *халиба*, (можно читать также: *хлеба*, или *хлиба*), трудно сказать; если оно означаетъ „хлѣбъ", то не стоитъ-ли это прозвище въ такой же связи съ милосердіемъ, какъ прозваніе „калита" (мѣшокъ съ деньгами), данное великому князю Іоанну Даніиловичу. Быть можетъ, св. Паисій раздавалъ бѣднымъ хлѣбъ, какъ Іоаннъ Калита деньги.

[4] Для сравненія приведемъ свѣдѣнія о церквахъи монастырихъ Путивля изъ географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи, П. Семенова (т, IV. вып. 1): въ 1779 г., когда Путивль былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Курскаго намѣстничества, въ немъ было 19 церквей, изъ коихъ 3 каменныхъ, и мужской Молчанскій монастырь. Въ 1865 г. въ городѣ оставалось 11 церквей (изъ нихъ 9 каменныхъ) и тотъ же монастырь. Въ древности здѣсь былъ еще Спасскій монастырь, существовавшій въ XIII вѣкѣ въ крѣпости, но неизвѣстно когда основанный и упраздненный Въ немъ быть похороненъ путивльскій князь Всеволодъ Игоревичъ; надгробная плита его видна и до настоящаго времени. Кромѣ того около города существовалъ другой монастырь—Духовъ мужской съ 2 церквами; когда онъ основанъ и упраздненъ, неизвѣстно, но въ 1677 году онъ еще существовалъ.

Воскресенія. Изъ четырехъ монастырей три для монаховъ, четвертый—для женщинъ.

Возвращаемся. Что касается вида ихъ церквей, то всѣ онѣ, выстроены-ли изъ дерева, или изъ камня, или изъ кирпича, бываютъ какъ бы висячія и отличаются излишней пестротой. Къ нимъ всходятъ по высокой лѣстницѣ, ведущей на возвышенную окружную галлерею, согласно тому, какъ Господь Христосъ говоритъ въ Своемъ святомъ, избранномъ Евангеліи: „два человѣка *взошли* во храмъ помолиться, одинъ — фарисей, другой — мытарь.“ Каждая церковь имѣетъ три двери: съ запада, юга и сѣвера, по одной съ каждой стороны. Таковъ видъ всѣхъ здѣшнихъ церквей до крайняго сѣвера. Что касается ихъ иконъ и иконостасовъ, то всѣ онѣ удивительно тонкаго письма, (въ окладахъ) изъ серебра чеканной работы съ позолотой. Большею частью иконы бываютъ ветхія, древнія, ибо въ этой странѣ питаютъ большую вѣру къ старымъ иконамъ. Въ каждой большой ихъ церкви непремѣнно имѣется икона Владычицы, творящая великія чудеса, какъ мы воочію видѣли, бывъ свидѣтелями и очевидцами чудесъ и несомнѣнныхъ доказательствъ. Колокола на колокольняхъ ихъ церквей всѣ изъ превосходной желтой, тазовой мѣди, и уже отъ маленькаго удара звукъ разносится на далекое разстояніе. Но ихъ не раскачиваютъ веревками люди, какъ въ Молдавіи и въ землѣ казаковъ, а къ ихъ желѣзнымъ языкамъ привязаны бичевки и въ нихъ звонятъ снизу подростки и дѣти, ударяя языкомъ о края: получается пріятный и сильный звукъ, сладостный для слуха — устройство прекрасное и остроумное. Колокольни и башни бываютъ круглыя и осьмиугольныя, красивой архитектуры, съ приподнятыми, высокими куполами. Таковъ видъ куполовъ ихъ церквей: они приподняты, тонки, не похожи на купола земли казацкой, которые, подобно какъ въ нашей странѣ, широки и круглы.

Глава VII.

Путивль.—Одежда духовенства. Набожность русскихъ.

Что касается одежды ихъ священниковъ и дьяконовъ, то верхняя дѣлается изъ зеленаго или коричневаго сукна или изъ цвѣтной ангорской шерсти, со стеклянными или серебряными вызолоченными пуговицами отъ шеи почти до ногъ; она свободно виситъ и снабжена застежками изъ тонкаго крученаго шелка. Воротникъ этой верхней одежды, суконной или шерстяной, бываетъ шириною въ пядень; онъ отложной и охватываетъ шею,

доходя до нижней части груди, свободно виситъ, на подобіе того, какъ надѣвается епитрахиль, только немного выше груди. Такова же одежда женъ дьяконовъ и священниковъ, дабы знали, что онѣ попадьи. Протопопъ дѣлаетъ этотъ воротникъ изъ тяжелой матеріи, для того, чтобы люди отличали его. На головѣ они носятъ высокіе суконные колпаки, но во все время службы и передъ архіереемъ стоятъ съ открытыми головами.

Вотъ какъ міряне входятъ въ церковь: сначала каждый дѣлаетъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, затѣмъ кланяется присутствующимъ, хотя бы ихъ было много, на востокъ и западъ, сѣверъ и югъ. Также и дѣти, большія и малыя, знаютъ этотъ обычай и дѣлаютъ (земные) поклоны и кланяются присутствующимъ даже съ большею ловкостью, чѣмъ мужчины. Что касается ихъ крестнаго знаменія, то достаточно назвать его московскимъ: оно совершается ударомъ пальцевъ о чело и плечи. Съ начала службы до конца они не прекращаютъ своихъ поклоновъ, отбивая ихъ одинъ за другимъ. При произнесеніи умилительнаго имени Богородица, [1] то-есть Матерь Божія, всѣ они стукаютъ лбами о землю, становясь на колѣни и дѣлая поклоны, по любви къ умилительному имени Дѣвы. Точно также, когда входятъ въ домъ, прежде всего творятъ крестное знаменіе предъ иконостасомъ и затѣмъ кланяются присутствующимъ: такъ же поступаютъ ихъ мальчики и дѣвочки, ибо вскормлены молокомъ вѣры и благочестія. Смотря на таковыя ихъ дѣйствія, мы удивлялись не на взрослыхъ, а на маленькихъ, видя, какъ они своими пальчиками творятъ крестное знаменіе по-московски. Какъ они умѣютъ, будучи маленькими, творить такое крестное знаменіе? Какъ умѣютъ кланяться присутствующимъ? А мы не умѣли креститься подобно имъ, за что они насмѣхались надъ нами, говоря: „почему вы проводите каракули на груди, а не ударяете пальцами о чело и плечи, какъ мы?“ Мы радовались на нихъ. Какая это благословенная страна, чисто православная! Ни евреи, ни армяне, ни другіе иновѣрцы въ ней не обитаютъ и неизвѣстны. У всѣхъ нихъ на дверяхъ домовъ и лавокъ и на улицахъ выставлены иконы и всякій входящій и выходящій обращается къ нимъ и дѣлаетъ крестное знаменіе; также, всякій разъ когда они проходятъ мимо дверей церкви, издали творятъ поклоны предъ иконой. Равно и надъ воротами городовъ, крѣпостей и укрѣпленій непремѣнно бываетъ икона Владычицы внутри и икона Господа снаружи въ задѣланномъ окнѣ и передъ

[1] Это слово написано въ текстѣ по-русски (но, конечно, арабскими буквами), и потому сопровождается поясненіемъ.

ней ночью и днемъ горитъ фонарь; на нее молятся входящіе и выходящіе. Также и на башняхъ они водружаютъ кресты. Это-ли не благословенная страна? Здѣсь, несомнѣнно, христіанская вѣра соблюдается въ полной чистотѣ. Бывало, когда они приходили къ нашему владыкѣ-патріарху за полученіемъ благословенія, то, помолившись на иконы и поклонясь присутствующимъ, они приближались къ нему, дабы онъ благословилъ ихъ по московски; при этомъ меня всего болѣе поражало, какъ они изгибали плечи; [1] но они ужь такъ научены отъ блаженной памяти своихъ отцовъ и дѣдовъ. Исполать имъ! О, какъ они счастливы! Ибо всѣ дни ихъ радостны какъ праздникъ: нѣтъ заботы о харачѣ, о потеряхъ, о долгахъ, а есть забота лишь о томъ, чтобы спѣшить изъ дома въ церковь, изъ церкви домой, въ благодушномъ настроеніи, ликующими и радостными. Впрочемъ, это народъ непросвѣщенный и умственно неразвитый, и что касается зависти и иныхъ пороковъ, всѣхъ вообще, то они этого не знаютъ.

Глава VIII.

Путивль. - Служеніе патріарха въ крѣпостной церкви. Татарскіе рабы.

Возвращаемся. Въ десятое воскресенье по Пятидесятницѣ воевода Никита прислалъ самыхъ важныхъ изъ своихъ приближенныхъ пригласить нашего владыку патріарха къ обѣднѣ. Мы отправились вслѣдъ за ними къ крѣпости. Множество ратниковъ шли въ два ряда впереди насъ въ полномъ парадѣ, пока мы не вступили въ крѣпость, послѣ того какъ сдѣлали нѣсколько поклоновъ предъ иконами, стоящими наверху. Мы вошли во внутреннюю крѣпость, гдѣ воевода Никита встрѣтилъ нашего владыку патріарха и поклонился ему. Мы поднялись въ высокую церковь во имя Божественнаго Преображенія. Кругомъ нея идетъ галлерея. Тутъ стояли жены вельможъ вмѣстѣ съ женою воеводы, подлѣ третьей сѣверной двери; то были жены важнѣйшихъ сановниковъ, въ роскошныхъ платьяхъ съ дорогимъ собольимъ мѣхомъ, въ темно-розовыхъ суконныхъ (верхнихъ) одеждахъ, унизанныхъ драгоцѣннымъ жемчугомъ, въ красивыхъ колпакахъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, съ опушкой изъ очень длиннаго чернаго мѣха. При нихъ было множество служанокъ изъ татарокъ, что было видно по ихъ лицамъ и маленькимъ

[1] Въ англійскомъ переводѣ за этимъ слѣдуетъ: „у всѣхъ нихъ, какъ у мущинъ и женщинъ, такъ и у дѣтей, висѣли на шеѣ кресты изъ серебра или другого металла.“

глазамъ; онѣ плѣнницы и находятся въ положеніи унизительномъ. Мы видѣли ихъ тысячи въ этой странѣ, ибо цѣна ихъ ничтожна и онѣ продаются дешево, равно какъ и мущины-татары: у всякаго вельможи бываетъ ихъ сорокъ, пятьдесятъ. Ты увидѣлъ бы, читатель, что волосы у нихъ черные и свободно висятъ, какъ у московитовъ, но глаза маленькіе и прищуренные. Имена у нихъ христіанскія, ибо они чисто православные: ихъ набожность и знаніе имп нашей вѣры поистинѣ велики. Имена ихъ суть имена главнѣйшихъ (святыхъ): Ѳеодосій, Евстаѳій, Василій, Аврамій, Ѳеодоръ, Григорій — въ такомъ родѣ имена мужчинъ. Имена дѣвицъ и женщинъ рабынь суть: Ѳекла, Ѳеодора, Юстина, Евѳимія, Юліана, Варвара, Марана (Марина?), Кира, Евпраксія. Этими и подобными именами, кои суть отличнѣйшія изъ (христіанскихъ) именъ, называютъ татаръ, которые прежде были нечистыми и безстыдными, но по принятіи крещенія обратились въ избранный народъ Божій. Бывало, когда они приходили къ нашему владыкѣ патріарху по порученіямъ своихъ господъ, воеводъ и вельможъ, мы, обрадовавшись имъ, заговаривали съ ними по-турецки, но они стыдились и улыбались, оттого что мы узнавали въ нихъ татаръ, окрестившихся и сдѣлавшихся христіанами. Богу извѣстно, что́ мы говорили и какія рѣчи вели съ ними не ради пустого любопытства.

Татаръ часто берутъ въ плѣнъ войска московитовъ, охраняющія границу по близости отъ нихъ; нападая на ихъ страну внезапно, разоряютъ, жгутъ и захватываютъ жителей. Въ странѣ московской ихъ продаютъ по самой низкой цѣнѣ: ихъ можно купить не за двадцать или за тридцать золотыхъ, но не болѣе какъ за десять, ибо цѣна имъ такъ установилась издревле. Пріобрѣтая ихъ за ничтожную цѣну, тотчасъ крестятъ ихъ и обращаютъ въ христіанство.

Возвращаемся. Мы вошли въ вышеназванную церковь и немедленно совершили въ ней водосвятіе, по извѣстному ихъ обыкновенію. Затѣмъ нашъ владыка патріархъ, окропивъ воеводу съ его семействомъ и всѣхъ вельможъ, сталъ служить литургію. На ектеніи мы поминали сначала имя патріарха Никона, потомъ христолюбиваго царя, тишайшаго и возлюбленнѣйшаго, князя Алексѣя Михайловича, благочестивѣйшую царицу кирію Марію августѣйшую и чадо ихъ, благополучнаго Алексѣя Алексѣевича [1].

---

[1] Въ текстѣ: *Алексіосфитзи*. Окончаніе *фитзи* есть, очевидно, не что иное какъ *вичъ*. Но возможно допустить, что упоминалось слово „цесаревичъ“, отъ котораго Павелъ сохранилъ только окончаніе, на что указываетъ приводимое имъ вслѣдъ за этимъ поясненіе: „*фитзи* у нихъ значитъ: царскій сынъ“.

Послѣ нихъ мы поминали (воеводу) Никиту, который, однако, не имѣетъ въ церкви особаго мѣста, какъ это въ обычаѣ у воеводъ Валахіи и Молдавіи. Въ этой странѣ воеводы стоятъ среди народа какъ придется: нѣтъ въ нихъ, какъ въ тѣхъ, ни гордости, ни высокомѣрія, но они исполнены смиренія, благоговѣнія, мудрости и скромности. Имъ были бы пристойны величіе и гордость тѣхъ, потому что они повинуются своимъ царямъ, а тѣ платятъ харачъ и повинуются чужимъ.

Возвращаемся. При сѣверной двери этой церкви есть изображеніе св. Христофора, въ видѣ мученика—воина, съ лицомъ какъ у собаки.

По выходѣ изъ церкви отъ литургіи, воевода простился съ нашимъ владыкою патріархомъ, и мы вернулись въ свое помѣщеніе, при чемъ всѣ ратники шли въ два ряда, какъ раньше. Воевода немедленно прислалъ царскую трапезу роскошнѣе, лучше и обильнѣе первой, съ различными напитками въ серебряныхъ чашахъ; все это принесли многочисленные янычары (стрѣльцы).

Глава IX.

Путивль.— Киръ Іеремія. Монастырь Богоматери.

Въ этомъ Путивлѣ скончался помилованный Богомъ киръ Іеремія, митрополитъ Аккарскій (Аркадійскій), алеппецъ, котораго послалъ въ эти страны въ Бозѣ почившій патріархъ Евонимій Хіосскій. Когда онъ прибылъ въ Путивль, въ то время въ немъ былъ воевода беззаконникъ и обидчикъ, любящій взятки: сколькихъ архіереевъ и священниковъ онъ изобидѣлъ и вернулъ назадъ безъ вѣдома царя, которому никто не сообщалъ о происходившемъ! Воевода не пустилъ его въѣхать внутрь (страны), но послалъ—такъ по крайней мѣрѣ онъ утверждалъ — извѣстить царя о его прибытіи. Такъ какъ время было зимнее и посланецъ замѣшкалъ, то въ его отсутствіе воевода потребовалъ отъ покойнаго митрополита взятку. Если бы покойный зналъ это раньше, то далъ бы ему взятку, какъ дѣлали другіе, и въѣхалъ бы внутрь страны. Но по скудости его средствъ у него ничего не было, чѣмъ бы онъ могъ удовольствовать воеводу, и потому онъ отдалъ ему въ даръ отъ себя свой посеребреный крестъ. Кто не бывалъ въ этой странѣ, тотъ не знаетъ, какіе требуются расходы отъ Молдавіи сюда и какъ велики издержки, въ особенности потому, что земля казаковъ тогда была въ обладаніи и порабощеніи у ляховъ, и бывало, когда проѣзжали чрезъ нее монахи или архіереи, то съ нихъ брали много

денегъ и подарковъ, кромѣ взысканія за клейма, главнымъ образомъ въ пользу правителя (изъ) проклятыхъ евреевъ, кои распоряжались пріѣзжающими и отъѣзжающими и чинили имъ притѣсненія. Происходило это, въ частности, оттого, что въ той странѣ архіереи не имѣютъ значенія, не цѣнятся, ибо они сотнями и тысячами бѣгутъ въ Московію за милостыней, покрывая такимъ способомъ свои расходы. Посланецъ не возвращался съ отвѣтомъ около сорока дней, и средства покойнаго, несомнѣнно, оскудѣли, такъ что онъ распродалъ всѣ свои вещи и что при немъ было, на содержаніе свое и своихъ спутниковъ; а время тогда было весьма холодное—истекали двѣнадцать дней, кои отдѣляютъ праздники Рождества и Богоявленія, былъ снѣгъ и ледъ; и какъ митрополитъ съ давняго времени былъ слабъ здоровьемъ, то отъ испытанныхъ имъ огорченій и холода скончался мученикомъ, перейдя въ райскія селенія и къ благости Господа своего милосерднаго. Тогда взяли его съ великою честью и погребли въ каменномъ царскомъ, большомъ монастырѣ во имя Богоматери [1], а на другой день похоронили съ нимъ другого митрополита [2] одного изъ греческихъ городовъ, по имени также Акаръ (Аркадія?); подобно ему, онъ скончался отъ притѣсненій и обидъ. Этотъ разсказъ достовѣренъ: намъ сообщили его въ Путивлѣ настоятели монастырей, кои вмѣстѣ съ покойнымъ ждали отвѣта и возвратились назадъ, находя это единственно возможнымъ исходомъ, ибо воеводы въ Путивлѣ, во дни Михаила, отца теперешняго царя, были притѣснители, обидчики и взяточники, потому что царь былъ милосердень, не жестокъ и скупъ на пролитіе крови. Но богохранимый Алексѣй герой, воцарившись, казнилъ всѣхъ этихъ неправедныхъ воеводъ и правителей, кои были измѣнниками его отцу, и поставилъ на ихъ мѣсто новыхъ, которые постоянно трепещутъ передъ нимъ, ибо онъ склоненъ къ пролитію крови и весьма грозенъ. Извѣстившись о томъ, что произошло въ Путивлѣ, онъ послалъ смѣстить того проклятаго воеводу и привести къ себѣ вмѣстѣ съ его клевретами. Въ Москвѣ огласили ихъ (преступленія). Царь подвергъ ихъ всевозможнымъ губительнымъ мученіямъ и наконецъ лишилъ ихъ жизни остріемъ горькой смерти, въ назиданіе другимъ, дабы они не поступали какъ тѣ, и прислалъ воеводу Никиту, кото-

[1] Молчанскій монастырь. Первоначально былъ основанъ въ 20 верстахъ отъ города и существовалъ тамъ до 1593 г., когда татары, разоривъ его, принудили монаховъ поселиться въ самой крѣпости, гдѣ находились принадлежащія имъ церкви. Въ главной церкви этого монастыря есть чудотворная икона Жировицкой Богоматери съ польской надписью.

[2] По синодику Молчанской обители, епископъ Неофитъ.

рый принадлежалъ къ числу служилыхъ людей патріарха и былъ мудръ, милосерденъ и великодушенъ. Вотъ что произошло.

Нашъ владыка патріархъ возымѣлъ намѣреніе посѣтить въ этотъ день монастырь Богоматери, гдѣ находится могила помилованнаго Богомъ митрополита, чтобы помолиться на его гробницѣ. Мы поѣхали туда въ экипажѣ. Монастырь находится на краю города на высокомъ холмѣ, поднимающемся надъ окрестностями, а передъ нимъ внизу течетъ вышеупомянутая рѣка. Онъ весь каменный. По обычаю, вышли встрѣчать нашего владыку и мы вступили въ монастырь. Знай, что надъ воротами каждаго монастыря въ этой странѣ бываетъ иконостасъ снаружи и снутри. При пѣніи мы поднялись по высокой лѣстницѣ въ святую церковь. Она имѣетъ обширный, весь сводчатый, куполъ, окруженный большой галлереей, откуда открывается прелестный видъ на рѣку и поля. Подлѣ этой церкви есть другая, малая—во имя Нерукотвореннаго образа [1] и близъ нея красивая колокольня. Кругомъ (большого купола) есть еще приподнятые высокіе куполы. Что касается ея иконостаса, то онъ весь состоитъ изъ маленькихъ древнихъ иконъ тонкой работы, приводящей въ изумленіе зрителя. Въ церкви есть чудотворная икона Владычицы, очень большихъ размѣровъ, на коей имѣются привѣски золотыя и серебряныя и жемчугъ—вещи диковинныя. Подлѣ этой—другая, подобная ей, древняя икона. Намъ разсказывали, что она находилась въ одномъ домѣ, который разрушился, и она была засыпана землей. Она явилась три раза въ одну ночь одному важному сановнику и онъ вырылъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она ему показалась, взялъ и помѣстилъ въ этомъ монастырѣ. Ей было установлено большое празднество она творитъ много чудесъ и къ ней имѣютъ великую вѣру. Есть еще икона Троицы, - трапезы и Авраама—которая, какъ мы замѣтили, должна быть непремѣнно. Подъ этой церковью много подваловъ, склепы и монастырская трапеза съ церковью во имя св. Антонія. Склепы въ этой странѣ имѣютъ видъ красивыхъ жилыхъ помѣщеній съ горбообразнымъ каменнымъ сводомъ; внутри ихъ окошечки, гдѣ ставятъ свѣчи въ утро воскресеній и праздниковъ.

Отслушавъ вечерню въ упомянутой церкви, мы спустились туда, гдѣ находится могила помилованнаго Богомъ митрополита Іереміи, въ сопровожденіи священниковъ и дьяконовъ въ облаченіяхъ, со свѣчами и кадильницами. Мы совершили по немъ большую панихиду. Нашъ владыка патріархъ прочелъ надъ нимъ

[1] Въ подлинникѣ: „образа плата“.

молитвы отпущенія и разрѣшенія, послѣ того какъ мы омочили землю своими слезами отъ великаго плача, прежде всего, о своемъ положеніи, ибо всѣ мы были чужестранцы: кто знаетъ, что можетъ случиться съ нами? Тотъ, Кто изрекъ надъ нимъ свой судъ, имѣетъ силу произнести свой судъ и надъ нами. Кто знаетъ, когда состоится наше возвращеніе и куда? Чужеземецъ останется чужеземцемъ, хотя бы онъ былъ Александромъ двурогимъ (Македонскимъ). Боже, даруй намъ прощеніе передъ кончиной и уплату нашихъ долговъ! прости и помилуй иноземца, находящагося въ чужой странѣ! Поистинѣ, Ты милосерднѣйшій изъ милосердныхъ и въ Твоей власти возвратить путниковъ на родину.

Затѣмъ мы поднялись на верхнюю галлерею, откуда любовались, какъ городское стадо переходило черезъ рѣку. Пастухи съ утра созываютъ его звуками рожка; оно выходитъ изъ своихъ жилищъ и его гонятъ въ бродъ черезъ рѣку, чтобы пасти на той сторонѣ. Отъ Путивля до Москвы коровы у жителей малы. Пастухъ пасетъ коровъ, барановъ, козловъ, свиней и лошадей вмѣстѣ: таковъ ихъ обычай. Это большое облегченіе. Въ землѣ же казаковъ каждый пастухъ пасетъ одну породу. Насъ больше всего удивляли пастухи свиней.

Затѣмъ мы возвратились въ свое жилище, послѣ того какъ попрощались съ монахами и они съ нами.

Глава X.

Путивль.—Путевыя мѣры. Монета. Дорожное содержаніе патріарха и его свиты. Молельщики. Архіепископы Кипра и Охриды. Сербскій митрополитъ Гавріилъ.

Знай, что отъ Путивля до столичнаго города Москвы семьсотъ верстъ, какъ намъ сообщили. Верста на ихъ языкѣ то же, что турецкая миля, то-есть одна изъ нашихъ миль, и равна тремъ тысячамъ локтей, стало быть, разстояніе отъ Путивля до Москвы составляетъ 140 большихъ казацкихъ миль и почти равняется пути отъ Валахіи до Путивля, который считается на полдорогѣ. Въ этой области и во всей московской странѣ считаютъ дорогу не иначе, какъ верстами, хотя бы деревня находилась на разстояніи одной версты; такъ напр., они говорятъ: такое-то мѣсто отстоитъ на одну, двѣ, двадцать, пятьдесятъ, сто верстъ, пятьсотъ или нѣсколько тысячъ. Такъ у нихъ принято всегда. Замѣть, какая большая точность! Въ зимніе, морозные дни сани, запряженныя лошадьми, несутся быстро, верстъ по сту въ день.

Знай, что вся монета въ странѣ московитовъ составляетъ богатство, которое исходитъ отъ царя; она чеканится царемъ. Монеты носятъ названіе *кабикатъ* (копѣйки), въ единственномъ числѣ *кабика*. Пятьдесятъ копѣекъ составляютъ одинъ піастръ-реалъ. Изъ всѣхъ странъ также привозятъ полновѣсные орлиные реалы разнаго рода, но не слитки, а царь приказываетъ ихъ разбивать и чеканить изъ нихъ копѣйки. Никто не смѣетъ истратить ни одного піастра, не размѣнявъ его предварительно на копѣйки; хотя бы сдѣлка была на тысячи піастровъ, но платежъ производится не иначе, какъ копѣйками, по причинѣ большой пользы для царской казны. Всѣ ихъ драгоцѣнныя украшенія, сосуды, оружіе, серебряныя вещи и серебряные оклады иконъ дѣлаются изъ полновѣсныхъ орлиныхъ реаловъ и львиныхъ піастровъ [1], ибо они дешевы, такъ что иногда, случается, отдаютъ три львиныхъ піастра за два піастръ-реала. Что же касается собачьихъ грошей [2], то ихъ не знаютъ, ибо тѣ не имѣютъ полнаго вѣса. Динары (червонцы) всѣхъ странъ у нихъ въ ходу, кромѣ турецкихъ динаровъ, коихъ они не терпятъ. Динаръ они называютъ рублемъ. Купля и продажа у нихъ совершается на копѣйки. Они говорятъ: за двадцать алтынъ, за сто, за тысячу алтынъ; а алтынъ на ихъ языкѣ значитъ три копѣйки вмѣстѣ. Поймп!

Въ понедѣльникъ пришелъ воевода проститься съ нашимъ владыкой патріархомъ, который далъ ему и бывшимъ съ нимъ разрѣшительную грамоту. Воевода назначилъ на дорогу *бирюста-боса* (пристава), т. е. конакджи (квартирмейстеръ), который долженъ былъ ѣхать впереди насъ. Затѣмъ онъ удалился и прислалъ всѣмъ намъ копѣйки на продовольствіе, на имя каждаго, за четырнадцать дней—разстояніе пути до Москвы—на каждый день отдѣльно: нашему владыкѣ патріарху ежедневно 25 копѣекъ, архимандриту—десять, дикеосу, т.-е. протосингелу, семь, архидіакону семь, казначею шесть, келарю шесть, второму келарю и одиннадцати служителямъ — каждому ежедневно по три, драгоману четыре копѣйки [3]. Въ этой странѣ обыкновенно даютъ каждому копѣйки, а не провизію, и онъ ѣстъ и пьетъ, что пожелаетъ, на счетъ упомянутаго (денежнаго) содержанія, не

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ первые названы испанскими талерами, а вторые венеціанскими.

[2] Такъ Павелъ называетъ польскіе гроши.

[3] Въ англійскомъ переводѣ здѣсь есть небольшая разница съ нашимъ текстомъ, именно: „второму келарю пять, драгоману четыре и одиннадцати служителямъ по три“.

такъ, какъ въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ назначаютъ ѣду и питье ежедневно. По всей дорогѣ отъ Путивля до Москвы никто не давалъ намъ и одного хлѣбца ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, ибо у нихъ нѣтъ такого обычая, а взамѣнъ служитъ упомянутое (денежное) содержаніе. Воевода прислалъ намъ также отличныхъ припасовъ на дорогу: хлѣба, дорогой сушеной рыбы, боченки съ водкой, пивомъ, медомъ и иное. Затѣмъ привели *ѳодѳодисъ* (подводы), т.-е. каруцы, въ которыя мы сложили свой багажъ.

Знай, что, такъ какъ здѣсь въ Путивлѣ скупы на пропускъ внутрь страны архіереевъ, настоятелей монастырей и монаховъ, то, когда кто-либо изъ архіереевъ и монаховъ обманется въ своей надеждѣ на въѣздъ въ страну, говоритъ воеводѣ: „мы входимъ во имя царя“, и тотъ немедленно снаряжаетъ ихъ внутрь страны безъ всякихъ разговоровъ. Значеніе „войти во имя царя“ то, что они остаются во имя царя, кормятся отъ его добра во всю свою жизнь и постоянно молятся о немъ; ихъ называютъ молельщиками. За то они никогда уже не могутъ выѣхать изъ его страны; это становится невозможнымъ. Царь и придворные его любятъ тѣхъ, кто это говоритъ, и держатъ въ большомъ почетѣ. Эту хитрость придумали въ нынѣшнее время греки.

Знай, что за два года передъ симъ пріѣзжалъ въ Путивль архіепископъ кипрскій, который выдавалъ себя за патріарха, желая этимъ придать себѣ больше величія. Путивльскій воевода задержалъ его, пославъ спросить совѣта относительно него. Немедленно приказали вернуть его назадъ, говоря: „въ теченіе пятисотъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ мы сдѣлались христіанами, мы досель не слыхивали, что есть въ мірѣ еще патріархъ, кромѣ четырехъ: антіохійскаго, александрійскаго, іерусалимскаго и константинопольскаго; подъ конецъ, съ разрѣшенія четырехъ патріарховъ, мы поставили у себя пятаго, на мѣсто римскаго папы“. Тогда важная особа послала просить прощенія, сознаваясь въ своей винѣ и даже выдавая себя менѣе чѣмъ за архіерея. Надъ нимъ сжалились и дозволили пріѣхать. Напослѣдокъ, по выѣздѣ отъ нихъ, онъ скончался въ ихъ странѣ. Это случилось въ то время, когда мы прибыли въ Молдавію.

Насъ опередилъ архіепископъ Охриды, города царя Юстиніана; подпись этого архіепископа зеленаго цвѣта [1]. Прибывъ въ Пу-

[1] Въ параллель къ этому замѣчанію автора, мы укажемъ на автокефальнаго архіепископа кипрскаго, который и по настоящее время подписывается только красными чернилами, въ силу привилегіи, дарованной ему однимъ изъ византійскихъ императоровъ.

тивль, онъ заявилъ такое же притязаніе, и его постигло то-же, пока онъ не послалъ съ извиненіемъ въ своемъ грѣхѣ и съ просьбой о прощеніи. Тогда онъ былъ допущенъ и потомъ уѣхалъ.

Въ бытность нашу въ Валахіи, тамъ находился киръ Гавріилъ, архіепископъ странъ сербскихъ, коего престолъ есть главный городъ пашалыка, называемый Ипекъ. Этотъ архіепископъ сначала былъ подъ вѣдѣніемъ архіепископа охридскаго, но сдѣлался самостоятельнымъ и теперь платитъ ежегодную дань бостанджи-баши. И этотъ архіепископъ высокомѣрно и хвастливо утверждалъ, что онъ патріархъ. По этому поводу мы много разъ спорили съ нимъ и съ его учениками; мы говорили имъ: „если антіохійскій престолъ ведетъ свое начало отъ апостола Петра, александрійскій отъ Марка, константинопольскій отъ евангелиста Іоанна и Андрея, а іерусалимскій отъ Іакова, брата Господня, то ваше патріаршество отъ кого изъ апостоловъ ведетъ свое начало?“ На это они не дали никакого отвѣта, ибо сами сообщали намъ, что сербскія страны приняли христіанство лѣтъ за пятьсотъ предъ симъ, бывъ въ идолопоклонствѣ и язычествѣ. Послѣ нихъ обратились въ христіанство казаки, а затѣмъ московиты, и все это случилось при Василіи Македонянинѣ, да помилуетъ его Богъ! Аминь.

Мы прикладывались къ мощамъ, находившимся у этого архіерея, именно: къ ногѣ св. Маріины удивительной сохранности величиною съ ногу маленькой дѣвочки, къ кости св. Златоуста и къ другой—св. Григорія Богослова, къ частицѣ мощей св. Георгія, къ кости св. Софроніи, къ крови Анастасія Персянина и Власія, епископа Севастіи [1].

Этотъ архіепископъ уѣхалъ впередъ насъ изъ Валахіи, направляясь въ Московію, и достигъ Путивля около половины великаго поста, во время снѣговъ и льда и большихъ холодовъ неописуемой силы. Въѣхалъ онъ съ чванствомъ и великой гордыней: съ заводными лошадьми, богато убранными сѣдлами, посеребренымъ оружіемъ, съ большимъ тріумфомъ. По истинѣ, Богъ противится горделивымъ. Въ Путивлѣ онъ также выдалъ себя за патріарха и послалъ увѣдомить патріарха и царскаго намѣстника, ибо царь въ то время уже отправился въ походъ. Подкупивъ вышеупомянутаго воеводу деньгами, онъ въѣхалъ въ страну до полученія отвѣта. На дорогѣ его встрѣтилъ посланецъ, который везъ съ собой такой отвѣтъ, что его высылаютъ изъ страны, такъ какъ шестой патріархъ отлученъ.

---

[1] Дополнено по англійскому переводу.

Его вернули назадъ на разстояніи трехдневнаго пути. Тогда онъ сталъ упрашивать ихъ, пока не позволили ему послать письмо къ патріарху, въ которомъ онъ умолялъ его простить ему грѣхъ и объявлялъ, что входитъ во имя царя. По полученіи его письма, послали вернуть его на такомъ условіи. Воззри на это возвеличеніе и высокомѣріе, на это паденіе и уничиженіе!

Московиты извѣстны своими знаніями, мудростью, проницательностью, ловкостью, сметливостью и глубокомысленными вопросами, которые ставятъ въ тупикъ ученыхъ и заставляютъ ихъ краснѣть. Да поможетъ Богъ нашему владыкѣ патріарху на нихъ! и всѣмъ намъ да поможетъ Онъ и да даруетъ разумѣніе! Аминь.

Глава XI.

Московская земля.—Выѣздъ изъ Путивля. Плохое состояніе дорогъ. Татарская граница.

Мы выѣхали изъ Путивля въ понедѣльникъ, 24 іюля, поднимъ утромъ. Все войско въ полномъ парадѣ съ высшими служилыми людьми воеводы шло впереди насъ на большое разстояніе отъ города, пока не остановилъ ихъ нашъ владыка патріархъ; тогда они всѣ подошли, приложились ко кресту и къ его правой рукѣ и вернулись домой. Приставъ двинулся передъ нами. Крестъ на шестѣ мы оставили въ Путивлѣ, потому что обычай нести его предъ патріархомъ существуетъ только въ землѣ казаковъ. Мы проѣхали около двадцати верстъ, то-есть около четырехъ большихъ миль, по обширному лѣсу, все поднимаясь въ гору; проѣзжали мимо множества деревень и озеръ и вечеромъ прибыли въ селеніе, по имени *Имадикина* (Ходѣйкова?). Въ немъ есть церковь у дороги во имя св. Николая. Мы ночевали внѣ селенія.

Знай, что отъ Путивля до столичнаго города Москвы все идетъ большой подъемъ, ибо мы и ночью и днемъ взбирались все время на большія горы; а также ѣхали густыми лѣсами, которые своею чащей скрывали отъ насъ небо и солнце. Ежедневно мы въѣзжали въ лѣса новой породы: въ одинъ день ѣхали среди деревьевъ *малуль* (дубъ?), въ другой—среди тополей, дикихъ и персидскихъ, совершенно ровныхъ, какъ въ саду—видъ прелестный! въ иной день—среди высокихъ кедровыхъ (сосновыхъ) деревьевъ, въ другой—среди елей, похожихъ на кедръ, изъ которыхъ дѣлаютъ корабельныя мачты,—диковинныя, удивительныя деревья!

Одному всевышнему Богу извѣстно, до чего трудны и узки здѣшнія дороги: мы, проѣзжая по разнымъ дорогамъ отъ своей

страны до сихъ мѣстъ, не встрѣчали такихъ затрудненій и такихъ непроходимыхъ путей, какъ здѣшніе, отъ которыхъ посѣдѣли бы и младенцы. Разсказать—не то, что видѣть собственными глазами: густота деревьевъ въ лѣсахъ такова, что земля не видитъ солнца. Въ эти мѣсяцы, въ іюлѣ и августѣ, дожди не переставали лить на насъ, вслѣдствіе чего всѣ дороги были покрыты водой: на нихъ образовались ручьи, рѣки и непролазная грязь. Поперекъ узкой дороги падали деревья, которыя были столь велики, что никто не былъ въ силахъ ихъ разрубить или отнять прочь; когда подъѣзжали повозки, то колеса ихъ поднимались на эти деревья и потомъ падали съ такою силой, что у нѣк[illegible] въ животѣ разрывались внутренности. Мы добирались къ вечеру не иначе, какъ мертвые отъ усталости, ибо одинаково терпѣли и ѣхавшіе въ экипажѣ, и всадники, и пѣшіе.

Отъ Путивля до Москвы справа отъ насъ, на разстояніи мѣсячнаго пути, была страна татаръ, а слѣва, на такомъ же разстояніи, страна ляховъ, которая доселѣ остается въ ихъ рукахъ вмѣстѣ съ областью Смоленска. Мы путешествовали, проѣзжая какъ бы по узкому проливу, ибо здѣсь проходъ въ страну странъ до самой столицы. Отъ столицы же далѣе простирается обширная, великая страна, по которой путешественникъ долженъ ѣхать четыре года вдоль и поперекъ, какъ объ этомъ будетъ подробно разсказано.

Предъ отправленіемъ въ походъ царь назначилъ воеводу, именемъ Василія, по прозвищу *Шереметъ* (Шереметевъ), со стотысячнымъ войскомъ на границу татаръ объѣзжать ее изъ конца въ конецъ, дабы они не могли выступить ни на помощь ляхамъ, ни въ предѣлы его страны. Узнавъ про доблесть этого Шереметева, татары разсѣялись. На границѣ страны татаръ, что справа отъ насъ, этотъ богохранимый царь выстроилъ тридцать крѣпостей, кромѣ тысячи башенъ. Послѣ того, какъ татары раньше проходили сюда разстояніе мѣсячнаго пути въ пять, шесть дней, появляясь нечаянно, во время большихъ холодовъ и льда, и, захвативъ плѣнныхъ, возвращались, теперь московиты берутъ плѣнныхъ у нихъ: стоя на верху крѣпостей, они наблюдаютъ, такъ какъ путь татаръ проходитъ вблизи отъ нихъ, и какъ только замѣтятъ ѣдущихъ, часть ихъ сходитъ, мчится на своихъ коняхъ и, опередивъ татаръ, становится въ засаду въ сторонѣ отъ дороги. При приближеніи къ нимъ татаръ, они тотчасъ хватаютъ ихъ караванъ, будутъ-ли это мужчины, женщины, дѣвочки или мальчики, уводятъ въ свою страну и продаютъ на рынкѣ уничиженія за десять, пятнадцать или двадцать піастровъ. Поэтому у каждой богатой женщины бываетъ пять-

десятъ, шестьдесятъ (рабынь) и у каждаго важнаго человѣка семьдесятъ, восемьдесятъ (рабовъ). Они ихъ не оставляютъ такъ, но тотчасъ обращаютъ въ христіанство, хотятъ-ли они или нѣтъ; ихъ крестятъ даже насильно. Если потомъ увидятъ, что они хорошо себя ведутъ и усердны къ вѣрѣ, то ихъ женятъ между собою и дѣтямъ ихъ даютъ наилучшія имена. Мы замѣчали въ нихъ набожность и смиреніе, какихъ не встрѣчали и среди лучшихъ христіанъ: они научились тайнамъ вѣры и обрядамъ и стали такими, что лучше и быть нельзя.

Глава XII.

Московская земля. — Сѣвскъ. Воевода. Угощеніе имъ патріарха. Крѣпость и церкви.

Возвращаемся. Мы поднялись во вторникъ на зарѣ и прибыли поутру въ большое селеніе съ маленькимъ укрѣпленіемъ и озеромъ, называемое *Каруба* (Крупецъ). Затѣмъ мы въѣхали въ огромный лѣсъ и проѣзжали мимо селенія, по имени *Бабокъ* (Поповка), съ церковью во имя св. Николая. Потомъ прибыли въ другое селеніе съ большимъ озеромъ, называемое *Брутики* (Прудки). Проѣхавъ по длинному деревянному мосту, который проходитъ надъ водой, болотами и большими зарослями, мы прибыли въ городъ, по имени *Изминиковъ* (Позняковка?), гдѣ и ночевали. Протяженіе нашего путешествія въ этотъ день составляло восемьдесятъ верстъ, то-есть шестнадцать большихъ миль, по той причинѣ, что лошади были казенныя и ихъ хозяева летѣли на нихъ, чтобы поскорѣе возвратиться домой; такъ бывало ежедневно. Они каждый день кормили ихъ ячменемъ два, три раза, имѣя при себѣ запасъ, достаточный на путь туда и обратно. Мы встали на зарѣ и утромъ прибыли къ двумъ очень большимъ озерамъ; одно изъ нихъ, съ плотиной, лежитъ выше другого, подобно Эмесскому озеру, и имѣетъ истокъ въ нижнее. Затѣмъ мы проѣхали еще, что оставалось до десяти верстъ, то-есть до двухъ миль, и прибыли въ большой городъ съ величественною крѣпостью, съ большою рѣкой и озеромъ, по имени *Сивска* (Сѣвскъ). Мы остановились передъ зданіями, назначенными для казенныхъ лошадей, и немедленно перемѣнили всѣ экипажи и лошадей, которыя были съ нами и которыя теперь отправились обратно. Константинъ Михайловичъ, тамошній воевода, прислалъ нашему владыкѣ патріарху со своими служителями въ подарокъ хлѣба разныхъ сортовъ, рыбы свѣжей и сушеной всякаго рода и напитковъ: водки и всякихъ иныхъ. Его кіайя (довѣренный), бывшій во главѣ служителей, сказалъ: „воевода

такой-то бьетъ челомъ до земли твоей святости и подноситъ эту хлѣбъ-соль". Затѣмъ прибылъ и самъ воевода со многими ратниками и, сдѣлавъ земной поклонъ нашему владыкѣ патріарху, привѣтствовалъ его весьма дружелюбно. Это былъ мужъ преклонныхъ лѣтъ, внушающій расположеніе и почтеніе къ себѣ: таковы всѣ эти воеводы. Онъ сѣлъ и сообщилъ множество извѣстій объ ихъ странѣ, которымъ не всякій повѣритъ, и подробности о походѣ царя. Знай, что какъ всѣ франкскіе народы питаютъ большую любовь къ папѣ и имѣютъ къ нему великую вѣру, такъ мы видѣли и слышали отъ всѣхъ этихъ воеводъ, отъ другихъ вельможъ, священниковъ и всѣхъ, вообще, московитовъ благожеланія, хвалы, благодаренія и большую вѣру къ ихъ патріарху, котораго имя не сходитъ у нихъ съ языка, такъ что они, кажется, любятъ его, какъ Христа. Всѣ боятся его и, бывало, постоянно просятъ нашего владыку, чтобы онъ похвалилъ ихъ предъ патріархомъ, когда съ нимъ свидится, ибо тотъ съ царемъ одно. Что касается любви ихъ къ царю, то умъ не можетъ постичь ее: отъ большого до малаго она все больше и больше.

Воевода послалъ принести большое количество напитковъ: водки, вина и проч. и принуждалъ нашего владыку патріарха, а также и насъ, много пить, хотя мы еще не завтракали, такъ что довелъ насъ до изнеможенія. Одинъ изъ его слугъ обходилъ насъ съ тарелкой огурцовъ, другой съ тарелкой рѣдиски, поднося намъ закуску. Сначала пили стоя здравицу за ихъ патріарха послѣ молитвы за него, потомъ за царя и всѣхъ его приближенныхъ. Затѣмъ воевода, выказавъ большое дружелюбіе нашему владыкѣ, удалился.

Мы поднялись и проѣхали чрезъ средину крѣпости, гдѣ проходитъ дорога. Крѣпость великолѣпна, съ чрезвычайно прочными башнями и съ многочисленными большими пушками, размѣщенными одна надъ другой, съ широкими и глубокими рвами, скаты которыхъ обложены деревомъ, съ деревянною двойною стѣной. Мы дивились на эти укрѣпленія и постройки, ибо крѣпость эта прочнѣе каменной: и какъ могло быть иначе, когда это крѣпости царскія и укрѣпляются постоянно? Затѣмъ насъ ввезли во вторую крѣпость, также со стѣнами, башнями, рвами, потомъ въ третью, которая еще больше, крѣпче и неприступнѣе первыхъ двухъ; въ ней есть потаенная дверь, чрезъ которую сходятъ къ ея большой рѣкѣ черпать воду, ибо крѣпость стоитъ на верху высокаго холма. Передъ ней нашъ владыка патріархъ вышелъ изъ экипажа, а изъ крѣпости вышли ему навстрѣчу священники и дьяконы съ кадильницами въ царскихъ облаченіяхъ, съ древними иконами, унизанными жемчугомъ, и съ зо-

лотыми крестами. Воевода шелъ пѣшкомъ, пока не ввели насъ въ высокую церковь, какъ бы висящую на прочныхъ основаніяхъ, во имя Успенія Владычицы; кругомъ нея идетъ галлерея, господствующая надъ окрестностями; на ней стоятъ женщины. Въ церкви три двери, какъ обыкновенно бываетъ въ ихъ церквахъ, о чемъ мы уже упомянули. Нашъ владыка окропилъ ихъ святою водой и мы вышли; при этомъ колокола всѣхъ церквей, что внутри этихъ крѣпостей, гудѣли. Вотъ имена церквей въ этой третьей крѣпости: (кромѣ упомянутой) еще двѣ — въ честь Владычицы Платитера (Знаменія?) и св. Николая. Въ другихъ крѣпостяхъ и внѣ ихъ еще семь церквей, а всего десять; въ числѣ ихъ: монастырь въ честь Вознесенія, церковь въ честь Воскресенія, церковь въ честь Входа Христа во храмъ, еще въ честь Введенія Владычицы во храмъ, во имя св. Михаила, св. Параскевы и св. Николая.

Затѣмъ воевода простился съ нашимъ владыкой патріархомъ, проводивъ его за крѣпостныя ворота; священники же прошли на значительное разстояніе. Съ той стороны мы видѣли на обоихъ краяхъ рвовъ удивительныя приспособленія изъ заостренныхъ, связанныхъ между собою бревенъ, къ которымъ человѣку невозможно приблизиться; мы видѣли также высокія круглыя башни и большую рѣку, нами упомянутую, которая течетъ вокругъ крѣпостной горы. За городомъ есть еще двѣ деревянныя стѣны для задержки конницы. Мы спустились по большому, трудному скату и переѣхали чрезъ деревянный мостъ, длиною въ часъ пути, подъ которымъ много воды, болота и большія заросли, длинныя и широкія. Затѣмъ мы проѣхали тридцать верстъ, т. е шесть миль, по лѣсу изъ кедровыхъ (сосновыхъ) и иныхъ деревьевъ, проѣзжали чрезъ многія деревни, воды и мосты и ночевали въ лѣсу.

Глава XIII.

Московская земля.—Земледѣльческія орудія. Различные роды посѣвовъ. Гумна и скирды.

Мы встали на зарѣ въ праздникъ св. Пантелеимона и проѣхали чрезъ большую деревню, называемую Захарово, гдѣ есть пять-шесть озеръ съ плотинами; вода течетъ изъ верхнихъ въ нижнія до послѣдняго. Намъ приходилось видать въ этой странѣ московитовъ, что, вырубая, лѣсъ, очищаютъ землю и немедленно засѣваютъ ее; причиною тому плодородіе почвы.

Мы видѣли въ это время, какъ они пахали на одной лошади,

потому что коровы [1] въ этой странѣ очень малы, съ теленка, по причинѣ сильнаго холода, какъ нами упомянуто: у нихъ нѣтъ силы для пахоты, и онѣ служатъ только для полученія молока лѣтомъ и зимой. Сошникъ плуга непремѣнно возится на двухъ колесахъ, и у этого сошника имѣется заостренный желѣзный рѣзакъ, который входитъ въ землю и вырѣзываетъ до основанія корни лѣсныхъ растеній и траву. Мы видали, что другой человѣкъ привязывалъ къ лошади сзади родъ рѣшетки: это плетеная четырехугольная клѣтка, на одной сторонѣ которой вставлены длинные деревянные гвозди; она употребляется для уравниванія земли: когда пахарь дѣйствуетъ, эта клѣтка дѣлаетъ землю ровною, какъ ладонь. Она быстро движется и удивительно легка. Мы видали, что жители въ Валахіи, Молдавіи и въ землѣ казаковъ пашутъ на пяти, шести парахъ быковъ при пяти, шести погонщикахъ съ большими хлопотами: колеса необходимы. Очень удивительно то, что они засѣваютъ поля съ теперешняго времени и посѣвъ остается въ землѣ около девяти мѣсяцевъ, пока не растаетъ снѣгъ въ концѣ марта.

Что касается рода посѣвовъ въ этой странѣ, то ихъ много. Первый—пшеница двухъ породъ: у одной колосъ съ остями, у другой безъ остей. Она хорошо растетъ въ этой странѣ, достигая высоты около трехъ аршинъ. Сѣютъ также очень позднюю (яровую) пшеницу, т. е. лѣтній посѣвъ: мы были въ концѣ іюля, а она еще не колосилась, но была зелена, какъ изумрудъ, по причинѣ обильныхъ дождей, которые не прекращаются даже лѣтомъ. Второй посѣвъ называется *фариза* [2] (рожь) и походитъ на пшеницу; мы зовемъ его плевелами — то, что обыкновенно вѣяльщики отбрасываютъ изъ пшеницы. Это тонкая пшеница; хлѣбъ изъ нея бываетъ черный и его любятъ больше бѣлаго; бывало, когда воевода присылалъ нашему владыкѣ патріарху подарокъ, то сначала подносили этотъ черный хлѣбъ, потому что онъ у нихъ въ большой чести, а потомъ уже бѣлый. Посѣвъ ея очень высокъ, какъ пшеничный посѣвъ, около трехъ аршинъ, такъ что въ немъ можетъ скрыться всадникъ. Въ землѣ казаковъ — да будетъ благословенъ Творецъ! — посѣвъ этотъ очень изобиленъ, ибо, случалось, мы ѣхали часа два, три полемъ ржи, по длинѣ и ширинѣ подобнымъ морю. Эту рожь крупно мелютъ, даютъ ей стоять въ водѣ и варятъ изъ нея водку вмѣстѣ съ цвѣткомъ растенія, называемаго *хмиль* (хмель), который дѣлаетъ водку весьма острою. По указанной причинѣ водка въ

---

[1] На Востокѣ пашутъ и на коровахъ.

[2] Правильно: *ѳриза*, что значитъ по-гречески: рожь.

землѣ казаковъ очень дешева, какъ вода; въ этой же странѣ московитовъ она весьма дорога, ибо *мадра* (ведро?), т.-е. десять окъ [1], продается за одинъ золотой и дороже. Третій посѣвъ — ячмень. Четвертый—*шуфанъ* (овесъ?); онъ очень изобиленъ и идетъ на кормъ вьючнымъ животнымъ, которыя отъ него крѣпнутъ и жирѣютъ; онъ не вредитъ, какъ ячмень. Пятый посѣвъ—*мазари* на ихъ языкѣ, похожъ на *жульбанъ* (родъ гороха), его варятъ взамѣнъ чечевицы. Сколько разъ намъ приходилось ѣсть его безъ постнаго масла, какъ лѣкарство отъ боли желудка! Шестой посѣвъ—просо; оно изобильно и имѣетъ плодъ початками, какъ у кукурузы. Седьмой посѣвъ—красная трава съ многочисленными вѣточками и съ бѣлыми цвѣтками еще болѣе обильными; ее называютъ по-русски [2] *хришка* (греча); плодъ ея подобенъ зерну проса, но онъ бѣлый и мягкій и идетъ въ начинку взамѣнъ риса, котораго они не любятъ. Восьмой посѣвъ имѣетъ желтый цвѣтокъ, похожій на цвѣтъ рѣпы; его листья варятъ и ѣдятъ [3]. Девятый посѣвъ имѣетъ синій цвѣтокъ, плодъ его—черное зерно, которое примѣшиваютъ къ пшеницѣ при печеніи: онъ придаетъ хлѣбу сладкій вкусъ и бѣлизну; по-валашски онъ называется *лякина*, а по гречески *гонили* (круглая рѣпа). Десятый посѣвъ—конопля и конопляное сѣмя; ея много; изъ плодовъ добываютъ масло, а изъ нея пряжу для сорочекъ и для веревокъ. Одиннадцатый посѣвъ— ленъ, котораго очень много; цвѣтокъ его голубой. Изо льна дѣлаютъ рубашки: его бѣлятъ и изготовляютъ одежду, чѣмъ занимаются женщины. Въ этой странѣ московитовъ онъ прекраснаго качества, чрезвычайно дешевъ и долго носится. Двѣнадцатый посѣвъ—просо, которое у насъ сѣютъ между огурцами; оно употребляется поджареннымъ для приготовленія бузы [4], вкусной и чудесной, точь-въ точь какъ молоко, въ особенности въ землѣ казаковъ; по-гречески называютъ его *аравико ситари*, т. е. арабская пшеница.

Ты могъ бы видѣть у нихъ, читатель, въ концѣ лѣта подобіе весны, какъ праздникъ Благовѣщенія у насъ: поле спѣлой желтой ржи, поле зеленой пшеницы, еще бо́льшее поле бѣлыхъ цвѣтовъ, поле синихъ цвѣтовъ, поле желтыхъ и пные — услада для взоровъ!

Замѣть, что бобы, горошекъ и чечевица вообще неизвѣстны

---

[1] 31¹/₄ фунтъ.

[2] Здѣсь впервые употреблено слово *руси*, русскій. Обыкновенно же авторъ употребляетъ слово *москофъ*.

[3] Вѣроятно, капуста.

[4] Авторъ говоритъ, вѣроятно, о брагѣ. Буза, какъ извѣстно, приготовляется изъ мелкаго проса, называемаго по-татарски *кунакъ*.

въ этой странѣ. Соломы здѣсь во всей странѣ не знаютъ, ибо у нихъ нѣтъ такихъ гумнъ для молотьбы, какъ въ нашей странѣ, но они ставятъ посреднѣ длинное бревно, вокругъ котораго кладутъ сжатый хлѣбъ; привязавъ къ бревну за поводъ лошадей, покрикиваютъ на нихъ, и онѣ бѣгаютъ кругомъ, сначала въ одну сторону, потомъ въ другую, и такимъ образомъ обмолачивается весь хлѣбъ на гумнѣ. Они молотятъ только прежній хлѣбъ, сжатый года за два. Мы видѣли, какъ они въ эту пору связывали сжатый хлѣбъ въ связки (снопы) [которыя складывали крестъ на крестъ] [1], потомъ отвозятъ его на телѣгахъ домой, гдѣ кладутъ рядами другъ на друга, составляя нѣчто въ родѣ избъ съ горбообразною крышей—при чемъ колосья бываютъ обращены внутрь—и покрываютъ досками. Онъ остается въ такомъ видѣ зиму и лѣто. Что касается запасовъ для всѣхъ ихъ вьючныхъ животныхъ, то они состоятъ изъ сухой травы, которую косятъ лѣтомъ и оставляютъ на мѣстѣ, какъ запасъ на зиму. Снаряды, употребляемые ими при жатвѣ: ихъ серпы, грабли, коими собираютъ сжатый хлѣбъ и траву, очень удивительны. Безопасность, господствующая во всѣхъ этихъ странахъ, кромѣ Молдавіи, полнѣйшая.

Глава XIV.

Московская земля. — Лѣса. Липа и подѣлки изъ нея. Пожары. Жилища. Женщины и ихъ одежда. Мужчины, ихъ одѣяніе и бороды.

Мы переѣхали чрезъ большую рѣку, называемую *Надрусъ* (Неруса), чрезъ которую весной переправляются на судахъ, а мы переѣхали чрезъ нее по огромному длинному мосту, тянущемуся на значительное разстояніе. Число большихъ досокъ только на поверхности его, отъ начала до конца, широкихъ и длинныхъ, двѣ тысячи четыреста сорокъ одна, какъ мы точно сосчитали. Весь онъ безъ гвоздей, лишь изъ одного дерева.

Затѣмъ мы въѣхали въ лѣсъ изъ сосенъ [2] и елей, изъ коихъ дѣлаютъ корабельныя мачты. Эти деревья не переставали намъ встрѣчаться до ближайшихъ къ Москвѣ мѣстъ. Все строеніе ихъ домовъ и деревянныя подѣлки въ здѣшней странѣ бываютъ изъ этого дерева, по причинѣ его изобилія. Что касается персидскаго тополя, то ты могъ бы подумать, что онъ пра-

[1] Дополнено по англійскому переводу.

[2] Въ арабскомъ текстѣ: *эрзъ*, кедръ. Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ сосну съ кедромъ, который сплошными лѣсами встрѣчается только въ сѣверо-восточной Россіи.

вильно разсаженъ, какъ въ саду, вдоль и поперекъ: весь онъ ровенъ, какъ будто созданъ въ одинъ день. Мы прославляли Бога при видѣ высоты сосенъ и елей и ихъ прямизны, формы тополей и ихъ правильности и красоты.

Знай, что въ этихъ лѣсахъ, начиная отъ Валахіи и Молдавіи, въ землѣ казаковъ до внутреннихъ частей Московіи есть очень большія деревья, похожія на желѣзное дерево [1] по своимъ листьямъ, но выше его. Мы видѣли его въ іюнѣ и іюлѣ покрытымъ превосходными цвѣтами благовоннаго запаха, который распространяется на далекое разстояніе. Они бѣлые и сидятъ пучками. Дерево это называется (по-гречески) *фламурь* (липа). Съ него сдираютъ верхнюю толстую кору, изъ которой дѣлаютъ покрышки для экипажей и домовъ, въ защиту себя отъ дождя и снѣга. Толщина его болѣе трехъ локтей. Изъ него дѣлаютъ также дуги для экипажей, сундуки, коробки, мѣры, круги для рѣшотъ, колеса для повозокъ, стремена для лошадей, которыя сгибаютъ изъ вѣтвей, и телѣжныя оглобли [2]. Изъ тонкой внутренней коры этого дерева дѣлаютъ въ здѣшней странѣ канаты корабельные и иные; изъ нея же изготовляются у нихъ всѣ веревки, которыми сшиваютъ короба, а также рыболовныя сѣти, лошадиныя путы, чудесныя цыновки, въ родѣ египетскихъ, лапти [3], то-есть обувь, и прочее.

Нашъ путь, большею частью, былъ чрезвычайно узокъ, не вмѣщая больше одной лошади, и представлялъ какъ бы большой проливъ. Затѣмъ мы въѣхали въ село съ озеромъ, называемое *Хородишъ* (Городище). Близъ него небольшая, сильная крѣпость. Въ селѣ у дороги церковь во имя Косьмы и Даміана. Обрати вниманіе, читатель, до какой степени страна эта, имѣющая столь огромные размѣры, строго охраняется, ибо входить нельзя иначе, какъ только чрезъ средину города и крѣпости и селенія; непремѣнно бываетъ узкій проходъ по мосту, ведущему черезъ озеро, а другихъ, объѣздныхъ путей вовсе нѣтъ. Никакому шпіону, хотя бы онъ былъ изъ туземцевъ, совершенно невозможно проникнуть. Обрати вниманіе на эту чрезвычайную строгость!

Затѣмъ мы сдѣлали еще верстъ тридцать, то-есть шесть миль, и вечеромъ прибыли въ селеніе, которое теперь вновь строятъ; оно называется *Жанка* (Чайки?). Мы ночевали на нѣкоторомъ разстояніи отъ него въ полѣ ради пастьбы животныхъ. Но ве-

---

[1] Celtis australis? Въ арабскомъ текстѣ: *мейсъ*.

[2] Въ подлинникѣ: *кашандъ*, что значитъ: то, за что везутъ (экипажъ).

[3] Въ текстѣ употреблено турецкое слово *чарукъ*; поэтому авторъ прибавляетъ поясненіе.

чера у жителей этихъ странъ, отъ Константинополя до сихъ мѣстъ, очень мрачны, ибо пожары бываютъ у нихъ безпрестанно. Въ Молдавіи и Валахіи, въ случаѣ пожара, обыкновенно кто-нибудь ударяетъ въ большой колоколъ объ одинъ изъ его краевъ, при чемъ раздается страхъ наводящій гулъ, крайне непріятный и пугающій; это служитъ знакомъ людямъ сбираться для тушенія пожара или спасаться. Въ московской же землѣ ударяютъ въ пріятный по звуку колоколъ, висящій надъ городскими воротами. Но что до насъ, мы были въ постоянномъ страхѣ.

Что касается устройства домовъ во всей этой странѣ московитовъ, то всѣ они строятся изъ еловыхъ бревенъ, плотно пригнанныхъ и скрѣпленныхъ другъ съ другомъ; они высоки, съ горбообразными крышами, дорого стоющими: всѣ дома этихъ странъ, отъ Валахіи до Москвы, имѣютъ горбообразныя досчатыя крыши, что необходимо вслѣдствіе обилія снѣга, дабы онъ не лежалъ на крышахъ. Въ домахъ непремѣнно бываютъ кантуры [1] и печи.

Знай, что въ землѣ казаковъ евреи, во время владычества ляховъ, устраивали внутри своихъ жилищъ родъ постоялыхъ дворовъ изъ дерева, обширныхъ и высокихъ, для путешественниковъ въ зимнее время, чтобы, по своей пронырливости, попользоваться отъ нихъ, продавая имъ сѣно для ихъ животныхъ, пищу для нихъ самихъ, получая за постой, хотя бы на одинъ часъ, за водку и другіе напитки и за все, въ чемъ они нуждаются. Въ этой же странѣ московитовъ ничего подобнаго нѣтъ, но путешественники останавливаются въ домахъ у жителей; по этой причинѣ назначаютъ къ патріарху и другимъ (важнымъ пріѣзжимъ) пристава, то-есть конакджи (квартирмейстера). Когда мы, случалось, путешествовали лѣтомъ, то останавливались (на ночлегъ) за городомъ ради пастьбы животныхъ, но много терпѣли отъ обильныхъ дождей и всякихъ безпокойствъ.

Знай, что женщины въ странѣ московитовъ красивы лицомъ и очень миловидны; ихъ дѣти походятъ на дѣтей франковъ, но болѣе румяны. Головной уборъ женщинъ—маленькая грузинская шапочка съ отвороченными краями, подбитая ватой; таковъ уборъ крестьянокъ. Въ большихъ селеніяхъ и городахъ сверхъ этой шапочки надѣваютъ колпакъ съ чудеснымъ чернымъ мѣхомъ, подъ которымъ скрываются всѣ волосы, такъ что шея женщины остается на виду, не скрытою. Дѣвицы въ странѣ

---

[1] Этимъ именемъ авторъ называетъ, по всей вѣроятности, изразчатыя печи, служащія только для нагрѣванія комнатъ. Оно употреблено имъ впервые при описаніи домовъ въ Молдавіи.

московитовъ носятъ на головѣ родъ очень высокой шапки съ мѣховымъ отворотомъ. Что касается убора женъ богатыхъ людей, то онѣ носятъ колпаки, расшитые золотомъ, украшенные драгоцѣнностями, или же изъ матеріи съ прекраснымъ чернымъ мѣхомъ (лисьимъ) или инымъ, съ длиннымъ чернымъ волосомъ, быть-можетъ, въ пядень длиною. Одежда мужчины—аба [1] чернаго или пыльнаго цвѣта, или чуха (кафтанъ), но скроенная по мѣркѣ человѣка, ни больше, ни меньше, и непремѣнно съ пуговицами и тонкими петлицами, застегнутыми сверху до низу, которыя дѣлаются и у разрѣзовъ на полахъ. Волосы на головѣ они брѣютъ только разъ въ годъ. Ихъ волосы тонки и хорошо расчесаны по всей длинѣ. Начиная же отъ земли валаховъ и въ землѣ казаковъ, всѣ постоянно брѣютъ головы, оставляя надъ глазами нѣчто въ родѣ локона, спускающаго на глаза: таковъ ихъ обычай. Всѣ казаки брѣютъ также бороды, за исключеніемъ немногихъ. Усы у нихъ густые—таково значеніе ихъ имени. Въ этой же странѣ московитовъ всѣ, простые и знатные, бороды не брѣютъ, но, какъ бы она ни росла, оставляютъ ее расти. Даже торговцы, къ нимъ пріѣзжающіе, не смѣютъ брить ни головы, ни бородъ, по своему обычаю, потому что (русскіе) находятъ это въ высшей степени отвратительнымъ.

Знай, что въ землѣ казаковъ и московитовъ мы, вообще, не видали человѣка, пораженнаго уродствомъ, тѣлеснымъ недостаткомъ или слѣпотой, разслабленнаго, прокаженнаго или (иного) больнаго, а если и встрѣчается, то это кто-нибудь изъ богачей, страдающій болью въ ногахъ—подагрой. Во все время пребыванія нашего въ этой странѣ у насъ не появлялась на пальцахъ заусеница; а волосы у насъ на головѣ, которые были жестки, стали очень нѣжными, какъ андарійскій шелкъ.

Глава XV.

Московская земля.—Карачевъ. Монастырь Воскресенія. Болховъ. Кузницы. Польскіе плѣнники. Молебствія и крестные ходы по случаю войны. Лѣсныя засѣки. Бѣлевъ и рѣка Ока. Извѣстіе о моровой язвѣ. Скверныя дороги и дожди Переправа чрезъ Оку.

Мы встали въ пятницу рано поутру, проѣхали десять верстъ, т. е. двѣ мили, и прибыли на берегъ большой рѣки, по имени *Нафля* (Навля). Здѣсь есть деревня, мѣсто остановки для переправы на судахъ, называемая *Самохъ* (Сомово). Мы переѣхали рѣку на судахъ. Она очень велика—бо́льшей мы не видывали—

[1] Верхняя одежда въ родѣ плаща.

ибо мы ѣхали поперекъ ея около часа; чрезвычайно длинна и ши-рока и посрединѣ имѣетъ острова, гдѣ много лѣса и болотъ. Прежде черезъ эту рѣку былъ деревянный мостъ отъ берега до берега, но теперь онъ разрушенъ. Лошади переправлялись че-резъ рѣку вплавь. Затѣмъ мы проѣхали около тридцати верстъ, т. е. шесть большихъ миль, и прибыли въ большой городъ съ сильною крѣпостью, называемый *Карачави* (Карачевъ). Въ немъ пять церквей: во имя Благовѣщенія, Успенія Владычицы, св. Михаила, св. Николая и Косьмы и Даміана. Посреди этого го-рода два источника вкусной воды. Воевода вышелъ пѣшкомъ на встрѣчу нашему владыкѣ патріарху. Но мы немедленно выѣхали въ поле, гдѣ и остановились. Раньше, чѣмъ достигли города, мы посѣтили монастырь по близости него, у самой дороги; онъ въ честь Пасхи, называемой на ихъ языкѣ *Фаскарисанья* (Во-скресеніе). Монастырь окруженъ рощей кедровъ (сосенъ), удив-ительныхъ по своей высотѣ и прямизнѣ, и всѣ они ровны— да будетъ благословенъ ихъ Творецъ! Навстрѣчу нашему вла-дыкѣ патріарху вышли, по обычаю, священники и монахи. Мы взошли въ церковь по высокой лѣстницѣ. Она весьма красива, изъ кедроваго (сосноваго) дерева, хорошо сплоченнаго, съ но-выми связями. На ней три минарета (башенки) въ рядъ, легкихъ и изящныхъ, съ тремя христіанскими крестами; такіе же мина-реты и надъ алтарями. Церковь окружена галлереей съ тремя дверями и всходами съ трехъ сторонъ. Что касается иконоста-совъ въ этой странѣ, то я не въ силахъ описать ихъ такъ точно, какъ бы желалъ, потому что они состоятъ изъ малень-кихъ иконъ тонкой работы, изображающихъ сюжеты, которые приводятъ умъ въ изумленіе; нѣкоторые изъ нихъ съ позолотой и чудесною рѣзьбой. Колокольня весьма высока, восьмиугольной формы, на ней приподнятый куполъ съ крестомъ. Подъ коло-кольней деревянные, выстроганные, круглые столбы. Входъ на нее съ церковной галлереи; кромѣ того, она имѣетъ три двери по окружности своей галлереи.

Въ субботу мы поднялись на зарѣ и проѣхали разстояніе въ шестьдесятъ верстъ, т. е. двадцать большихъ миль; два раза дѣлали привалъ у воды и пастбища. Нашъ путь шелъ по низ-менной мѣстности, гдѣ мы не встрѣтили ни одной деревни. Ве-черомъ прибыли къ берегу рѣки, по имени *Нухри* (Пугрь), гдѣ и остановились. Мы ѣхали быстрѣе птицы. Выѣхавъ рано ут-ромъ въ одиннадцатое воскресеніе по Пятидесятницѣ, мы сдѣ-лали десять верстъ, т. е. двѣ мили, и прибыли въ большой ба-заръ, лежащій на возвышенности, съ сильною крѣпостью въ сторонѣ, на вершинѣ горы, называемый Болховъ. Въ немъ двад-

цать церквей и два монастыря: одинъ для монаховъ, другой для женщинъ. Мы отстояли обѣдню въ церкви во имя св. Николая и затѣмъ, повидавшись съ воеводой, выѣхали за городъ, гдѣ и остановились.

Знай, что мы видѣли въ этой странѣ замѣчательный снарядъ, а именно: кузнецы, которые подковываютъ лошадей, имѣютъ передъ каждой мастерской родъ прохода, длиною въ ростъ, сдѣланнаго изъ бревенъ въ клѣтку, и такой величины, чтобы помѣщалась одна лошадь; ее вводятъ внутрь, запираютъ, и кузнецъ подковываетъ ее (стоя) снаружи, при чемъ лошадь не можетъ ни лягнуть, ни брыкаться, но остается совершенно спокойною.

Начиная отъ этого Болхова, намъ стали встрѣчаться арбы съ плѣнными, которыхъ везли московиты изъ страны ляховъ; тутъ были только женщины и дѣти, мужчины же перебиты мечомъ. Сердца наши разрывались за нихъ. Богъ да не дастъ намъ видѣть подобное!

Знай, что богохранимый царь Алексѣй, отправляясь въ походъ, издалъ хатти шерифъ (указъ), чтобы по всей его странѣ священники каждаго города собирались въ церковь, находящуюся въ ихъ крѣпости, рано поутру въ воскресеніе передъ литургіей или послѣ нея и совершали за него молебствіе, а затѣмъ литанію, т. е. крестный ходъ, вокругъ крѣпости. Мы видѣли, что они такъ дѣлали постоянно, каждое воскресеніе рано поутру.

Мы выѣхали въ понедѣльникъ на зарѣ,—это было заговѣнье поста Владычицы (Успенскаго), проѣхали двадцать пять верстъ, т. е. пять большихъ миль, по обширному лѣсу изъ деревьевъ *малуль* (дубъ?) и тополей, густо растущихъ, выращенныхъ на подобіе стѣны большого города. Мы въѣхали въ глубь лѣса по узкой просѣкѣ и ѣхали по нему около одной большой мили, при чемъ лѣсъ былъ справа и слѣва отъ насъ. Намъ разсказывали, что въ этомъ лѣсу въ старину, когда татары приходили и нападали на эту страну нечаянно, скрывались жители прилегающихъ къ нему селеній и спасались отъ татаръ, которые возвращались, обманутые въ своей надеждѣ, потому что даже пѣшій, тѣмъ болѣе всадникъ, не можетъ пробраться сквозь этотъ лѣсъ по причинѣ густоты деревьевъ. Съ того времени жители запретили кому бы то ни было, подъ проклятіемъ, вырубать хотя бы одну вѣтвь въ этомъ лѣсу, составляющемъ для нихъ надежное убѣжище. Послѣ того мы въѣхали въ узкій проходъ чрезъ ворота и деревянныя укрѣпленія съ башнями посреди и со стѣной изъ округленныхъ, связанныхъ между собою бревенъ, идущей справа и слѣва на большое протяженіе; это дѣлается

для воспрепятствованія нападенію конницы. Названіе этого мѣста по-русски *засѣка*. Наконецъ, мы выбрались изъ этихъ чрезвычайно тяжелыхъ, узкихъ и трудныхъ дорогъ, гдѣ лили на насъ дожди, такъ что наши животныя выбились изъ силъ. Сдѣлавъ еще двѣ большія мили, а всего сорокъ верстъ, т. е. восемь большихъ миль, мы прибыли вечеромъ въ большой городъ, съ сильной крѣпостью, по имени Бѣлевъ. Подъ городомъ течетъ огромная рѣка, называемая Ока; на ней большія суда, обитыя древесною корой; на этихъ судахъ возятъ припасы въ Москву, ибо рѣка туда имѣетъ теченіе, такъ что и намъ досталась счастливая доля ѣхать по ней, какъ объ этомъ будетъ сказано. Воевода Іовъ вышелъ встрѣтить нашего владыку патріарха. Въ этомъ городѣ двадцать церквей и два монастыря: одинъ для монаховъ, другой для женщинъ. Не медля, мы выѣхали изъ него, проѣхали десять верстъ, т. е. двѣ большія мили, и прибыли вечеромъ, въ заговѣнье Успенскаго поста, въ окрестности одного селенія, гдѣ и остановились. Бо̀льшая часть нашего пути въ этотъ день проходила чрезъ деревни, села съ церковью при дорогѣ и чрезъ огромные посѣвы. Мы встрѣтились съ греческими торговцами, возвращавшимися изъ Москвы. Они намъ сообщили, что тамъ появилась сильная моровая язва, которой не знали уже въ теченіе восьмидесяти лѣтъ; „мы много натерпѣлись (говорили они), а патріархъ, царица и вельможи покинули городъ“.

Во вторникъ, въ первый день августа, мы поднялись рано поутру и сдѣлали около двадцати верстъ, т. е. четыре большія мили, по обширному лѣсу, бо̀льшая часть котораго состоитъ изъ изъ кедровъ (сосенъ) и елей. Дорога была чрезвычайно трудна, и мы много страдали отъ усталости и тягостей свыше всякаго описанія, ибо весь путь состоялъ изъ подъемовъ и спусковъ, былъ покрытъ древесными корнями, водой и глубокою грязью и такъ узокъ, что не вмѣщалъ (патріаршей) кареты. Проливные дожди не переставали лить на насъ отъ самаго Путивля до ближайшихъ къ столицѣ мѣстъ. Мы проѣхали бо̀льшую часть пути, ничего другого не видя, кромѣ земли и лѣса. Среди вышеупомянутаго лѣса также есть ворота, башни и укрѣпленія, чрезъ которыя и птицѣ не пролетѣть; справа и слѣва на большое протяженіе идетъ стѣна изъ бревенъ, связанныхъ въ рѣшетку, для отраженія нападеній конницы; въ концѣ красивая крѣпостца. Затѣмъ мы выѣхали на низменность и прибыли въ городъ съ красивою крѣпостью, по имени Лихвинъ. Въ немъ шесть церквей, изъ нихъ одна соборная внутри крѣпости, во имя семи Маккавеевъ, коихъ память была въ тотъ день. Не останавливаясь,

мы сдѣлали еще десять верстъ, т. е. двѣ большія мили, и, прибывъ на берегъ вышеупомянутой рѣки Оки, переправились чрезъ нее на судахъ. Подлѣ рѣки есть деревня, составляющая угодье великолѣпнаго монастыря во имя Вознесенія, который находился вправѣ отъ насъ. Въ немъ пятьдесятъ монаховъ. Сборъ за перевозъ на судахъ и съ этой деревни составляетъ жертвованную собственность монастыря. Здѣсь рѣка много больше, чѣмъ тамъ, гдѣ мы видѣли ее вчера. Затѣмъ мы проѣхали еще пять верстъ, т. е. одну большую милю, — а всего въ этотъ день семь большихъ миль — по лѣсамъ, которые вырубали, чтобы, вспахавъ землю, дѣлать на мѣстѣ ихъ посѣвы. Мы ночевали среди лѣса. Сколько ночей мы не спали, бодрствуя въ теченіе всей ночи по причинѣ обильныхъ дождей, комаровъ, клоповъ и мошекъ!

Глава XVI.

Московская земля. — Калуга. Крѣпость и церкви. Хлѣбы. Дыни. Новыя извѣстія о моровой язвѣ. Выѣздъ изъ Калуги и дорожныя трудности. Возвращеніе въ Калугу и приготовленія къ путешествію по Окѣ. Праздникъ Преображенія. Характеристика воеводъ.

Поднявшись въ среду утромъ, 2 августа, мы сдѣлали около двадцати пяти верстъ, т. е пять большихъ миль, и, переправившись чрезъ упомянутую рѣку на судахъ въ третій разъ, подъѣхали къ большому городу, по имени Калуга. Рѣка течетъ съ края города; она очень широка и глубока. Городская крѣпость стоитъ на вершинѣ высокаго холма, и въ настоящее время работаютъ надъ сооруженіемъ другой, новой крѣпости, ниже первой, на скатѣ холма, съ каменными основаніями и прочными башнями, съ цѣлью обнести стѣной нѣсколько выступающихъ здѣсь прекрасныхъ источниковъ съ вкусною водой. Начало ихъ находится у самой стѣны старой крѣпости со стороны, обращенной къ рѣкѣ; при нихъ устроены удивительныя сооруженія.

Что касается города, то онъ весьма великъ, больше Путивля, и также расположенъ на краю горы. Въ немъ тридцать благолѣпныхъ, прекрасныхъ церквей; ихъ колокольни, легкія, изящныя, приподняты какъ минареты; куполы и кресты красивы. Вблизи церквей два величественныхъ монастыря: одинъ для монаховъ, другой для монахинь.

Мы поднялись въ городъ и, проѣхавъ чрезъ него, остановились въ открытомъ мѣстѣ какъ ради пастьбы животныхъ, такъ и вслѣдствіе затруднительности для проѣзда (патріаршей) кареты чрезъ одни изъ воротъ. Тогда пришелъ къ нашему владыкѣ патріарху воевода и привѣтствовалъ его, ранѣе прислалъ ему,

по обычаю, подарки. Знай, что, начиная отъ Путивля до Москвы, нашему владыкѣ патріарху подносили въ подарокъ прежде всего хлѣбъ, какъ мы упомянули; но каждый хлѣбъ вѣситъ, можетъ быть, десять ратловъ алеппскихъ [1] и по объему подобенъ мельничному жернову; несмотря на это, онъ хорошо пропеченъ, что для насъ было удивительно: какова должна быть печь, которая его вмѣщаетъ! Таковъ ихъ обычай.

Мы промедлили тамъ до ранняго утра пятницы изъ-за лошадей, которыхъ намъ давали безвозмездно; отъ Путивля такія лошади (даются) до Сѣвска, отъ него до Калуги, (что составляетъ) около восьми дней пути, а отсюда до Москвы. Этотъ городъ очень многолюденъ, красивъ и открытъ. Тутъ мы ѣли дыни, которыми снабдили насъ и на дорогу, настоящія султанскія, алеппскія, такого же цвѣта и вкуса, ибо здѣсь въ эту пору по утрамъ бываетъ роса и большая свѣжесть, продолжающаяся до поздняго утра.

Знай, что калужскій воевода, по обыкновенію, послалъ по (пріѣздѣ) нашего владыки письма къ царю и къ его намѣстнику, заступающему его мѣсто, т. е. къ каймакаму, котораго называютъ государемъ, а также къ патріарху съ извѣщеніемъ о его прибытіи. Здѣсь мы также встрѣтились съ греческими торговцами, бѣжавшими отъ моровой язвы, которые разсказали намъ объ ея неописуемой и нестерпимой губительности. Сердца наши разрывались, ибо мы ѣдемъ туда и не знаемъ, что можетъ съ нами случиться. „Мы омыли его отъ горя, но онъ не очистился отъ него“ [2]. Недостаточно было того, что мы претерпѣли въ первый годъ въ Молдавіи, еще и въ этомъ году настигли насъ горе и язва. Но Господь нашъ—да будетъ возвеличено имя Его!—хранитель чужестранцевъ и промыслитель ихъ судьбы, доселѣ не покидалъ насъ и благоустроялъ наши дѣла.

Знай, что отъ этой Калуги, какъ намъ сосчитали, до столицы Московіи сто восемьдесятъ верстъ, т. е. тридцать шесть большихъ миль. Но дорога чрезвычайно трудна, какъ мы это впослѣдствіи увидѣли къ нашему крайнему безпокойству и мученію, ибо, выѣхавъ на зарѣ въ упомянутую пятницу, мы сдѣлали около пятнадцати верстъ, т. е. три большихъ мили, по лѣсамъ и горамъ, то поднимаясь, то спускаясь, по оврагамъ, по грязи и водѣ, образовавшейся отъ дождя, и, только одинъ Богъ всевышній знаетъ, по какой узкой, трудной дорогѣ, такъ что

---

[1] Ратлъ равенъ 6¼ фунтамъ.

[2] Поговорка.

внутренности разрывались у насъ въ животѣ отъ толчковъ экипажа и ломались оси колесъ. Мы терпѣли великія затрудненія. Знай, что по этой причинѣ большинство ѣдущихъ въ эту страну отправляются во время Богоявленія и заговѣній (предъ великимъ постомъ), такъ какъ земля и дороги въ ту пору бываютъ ровны: нѣтъ ни подъемовъ, ни спусковъ, но онѣ какъ бы вымощены плитами изъ льда и глубокаго снѣга; и по той причинѣ въ особенности, что экипажи, называемые санями, т. е. безколесные, скользятъ, передвигаясь съ быстротой свыше всякой мѣры. Когда въ прошломъ году мы были въ Молдавіи, то нѣсколько монаховъ пріѣхали въ саняхъ изъ столицы Московіи въ городъ Яссы въ двадцать четыре дня: такъ обыкновенно ѣздятъ. Впрочемъ, отъ случая зависитъ, въ какое изъ двухъ временъ года (лучше) ѣзда: кто знаетъ, что можетъ постигнуть путниковъ отъ сильнаго холода и его лютости, ибо многіе лишались ногъ, рукъ, пальцевъ и носовъ! Мы не были бы въ силахъ перенести что-либо подобное, будучи къ тому непривычны: въ прошломъ году въ Валахіи сколько мы ни дѣлали себѣ шубъ, подрясниковъ, рясъ и штановъ, подбитыхъ ватой, и прочаго, не могли согрѣться. Молимъ у Бога помощи на этотъ годъ.

Знай, что отъ Антіохіи до города Москвы, какъ мы сосчитали, сто двадцать дней усиленной ѣзды, если путешественникъ будетъ ѣхать все это время безъ перерыва.

Мы еле могли сдѣлать тѣ пятнадцать верстъ до наступленія вечера. Не успѣли мы достаточно оплакать себя по причинѣ усталости, говоря: „это только пятнадцать; гдѣ же проѣхать еще сто шестьдесятъ пять?“ какъ вдругъ навстрѣчу намъ явилась радость: насъ встрѣтилъ драгоманъ, знающій по-гречески и по-русски, человѣкъ почтенный, пожилой, присланный отъ патріарха и царскаго намѣстника съ порученіемъ отправить нашего владыку патріарха на царскомъ суднѣ по рѣкѣ Окѣ, текущей подлѣ Калуги, съ полнымъ спокойствіемъ и удобствомъ, въ каменную крѣпость, по имени Коломна, извѣстную, какъ епископская каѳедра, въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, чтобы мы оставались тамъ, пока не прекратится моровая язва. Это было сдѣлано изъ опасенія за нашего владыку патріарха. Мы вернулись въ Калугу, гдѣ помѣстились въ большомъ домѣ. Было приступлено къ постройкѣ царскаго судна съ помѣщеніями и каютой съ окнами для нашего владыки патріарха.

Наканунѣ двѣнадцатаго воскресенья по Пятидесятницѣ, въ которое пришелся праздникъ Божественнаго Преображенія, мы отстояли службу въ новой церкви, въ честь Воскресенія, какъ бы висячей, съ окружною галлереей, какъ всѣ ихъ церкви, о

чемъ мы уже упоминали. Прочли молитву на сонъ грядущимъ и канонъ *каѳимѳиносъ* (ежедневный), по ихъ всегдашнему обычаю. Потомъ мы въ ней же слушали утреню и литургію. Принесли блюда съ прекрасными яблоками и грушами; нашъ владыка патріархъ прочелъ надъ ними молитву благословенія винограда и ихъ роздали присутствующимъ. Затѣмъ мы совершили *параклисисъ* (молебствіе) и моленіе за богохранимаго царя, ибо, какъ мы сказали, всѣ священники этой страны ходили въ крѣпость передъ литургіей или послѣ нея и совершали за царя моленіе и крестный ходъ.

Въ этомъ городѣ всѣ: воеводы, вельможи и торговцы, дарили нашему владыкѣ патріарху удивительныя дыни и блюда яблокъ; да будетъ благословенъ Творецъ за ихъ красоту, величину, запахъ, цвѣтъ и вкусъ! Съ одной стороны они румяны, съ другой—бѣлы, чисты, какъ снѣгъ, съ тонкою кожицей, цвѣтомъ и вкусомъ лучше яблокъ дамасскихъ. Что касается дынь, то, какъ мы сказали, онѣ чудесны и исключительно свойственны этой Калугѣ, ибо во всей странѣ московской нѣтъ подобныхъ по величинѣ и вкусу, какъ намъ говорили.

Когда кончили постройку судна, воевода пришелъ проститься съ нашимъ владыкой патріархомъ и проводилъ его до корабля. Мы помѣстились на этомъ суднѣ, къ которому были назначены гребцы съ веслами, а наши спутники сѣли на другое. Затѣмъ воевода прислалъ намъ провизію на дорогу: хлѣба, водки и прочаго—сверхъ того, что мы закупали постоянно въ каждомъ городѣ. Свою карету съ ея принадлежностями мы оставили въ одномъ мѣстѣ; лошадей же воевода отдалъ знатнымъ людямъ на прокормъ, записавъ ихъ возрастъ, цвѣтъ и цѣну, дабы, если какая изъ нихъ пропадетъ, можно было знать, какая именно и заплатить ея стоимость.

Они сосчитали, что намъ предстоитъ проѣхать отъ Калуги до Коломны, куда мы направлялись, около ста девяноста верстъ по рѣкѣ.

Знай, что воеводы въ этой странѣ люди ученые, законовѣды, философы, логично разсуждающіе, любятъ тонкіе вопросы, глубокомысленные споры. Они пріобрѣтаютъ знанія отъ наставниковъ, къ нимъ пріѣзжающихъ, отъ патріарховъ и архіереевъ, коихъ они обыкновенно разспрашиваютъ и, когда тѣ отвѣтятъ на ихъ вопросы, подчиняются; если кто изъ нихъ воспрещаетъ имъ что-либо, то воздерживаются отъ этого, не упорствуютъ, но стремятся увеличить свои знанія, ибо мы видѣли у каждаго изъ нихъ тысячи большихъ книгъ, кои они охотно и много читаютъ днемъ и ночью. Они не имѣютъ пристрастія къ вину и

веселью. У воеводъ кіевскихъ мы видѣли цѣлые воза книгъ, но что Кіевъ въ сравненіи съ Москвой? Все это происходитъ отъ ихъ любви къ знанію; они знаютъ по пядямъ даже нашу страну и ея исторію.

Насъ спрашивалъ этотъ калужскій воевода, говоря: „отъ Адама до года воплощенія Господа Христа не пять-ли тысячъ пятьсотъ лѣтъ сполна, безъ прибавки или убавленія? Отъ воплощенія Христа до сего года прошло 1654 года, а отъ Адама до сихъ поръ прошло 7162 года; эти лишнія восемь лѣтъ, которыя не согласуются со счетомъ воплощенія, откуда явились и какъ ихъ объяснить?“ Никого не нашлось, кто бы смогъ дать ему отвѣтъ. Мы раньше немало разспрашивали объ этомъ предметѣ въ Константинополѣ и тамошнихъ мѣстахъ, но никто не далъ намъ отвѣта, пока наконецъ мы не убѣдились изъ древнихъ греческихъ книгъ, что воплощеніе Христа совершилось въ 5508 году.

Глава XVII.

Московская земля. – Путешествіе по р. Окѣ. Патріаршее судно. Алексинъ, Таруса, Кашира. Остановка у Каширы и праздникъ Успенія. Источники въ Каширѣ. Воевода изъ арабовъ.

Въ пятницу, 11 августа, передъ полуднемъ корабельщики повезли насъ на веслахъ по теченію вышеупомянутой Оки, которую они называютъ *Окарика*,—слово *рика* значитъ „рѣка“—ибо, какъ мы сказали, она течетъ по направленію къ Москвѣ.

Въ этой Калугѣ стоптъ множество судовъ, на коихъ перево зятъ продукты въ Москву; всѣ они покрыты широкою древесною корой, которая лучше деревянныхъ досокъ. Такъ же покрыли и наши суда для совершенной защиты отъ дождя, а полъ устлали (коврами). Надъ дверью каюты, гдѣ помѣстился нашъ владыка патріархъ, мы поставили образа и занавѣсили дверь коврами, а также и внутри надъ его головой поставили, по ихъ обычаю, образа. Издали мы любовались на Калугу, которая обширна и величественна.

Корабль шелъ съ нами. Справа и слѣва тянулся лѣсъ. Рѣка дѣлаетъ множество изгибовъ, и потому мачтъ не употребляютъ, но имѣютъ нѣчто въ родѣ толстыхъ и длинныхъ копій съ желѣзнымъ остріемъ, коп погружаютъ въ воду, и корабль быстро идетъ. Если, случалось, онъ приближался къ берегу и садился на мель, то его сдвигали также этими копьями съ большимъ усиліемъ; а когда поднимался сильный вѣтеръ, люди выходили и тащили суда веревками, идя по берегу. Деревни встрѣчались намъ без-

прерывно, будучи смежны одна съ другой. Въ этотъ день мы проѣхали двадцать верстъ и на ночь стали на якорь въ срединѣ рѣки.

На слѣдующее утро насъ провезли около тридцати пяти верстъ и мы прибыли къ большому базару на берегу рѣки, съ большою деревянною крѣпостью наверху горы; подъ ней другая крѣпость, съ ней смежная; она доходитъ до берега рѣки и заключаетъ внутри чудесные источники вкусной воды. Здѣсь стали съ нами на якорь. Городъ называется *Алексивка* (Алексинъ), по имени его строителя. Въ немъ четыре церкви.

Бывшій при насъ старшій драгоманъ, всякій разъ какъ мы доходили до какого-нибудь мѣста въ родѣ этого, немедленно отправлялся извѣстить воеводу. Явился уполномоченный здѣшняго воеводы, въ сопровожденіи священниковъ и почетныхъ жителей, съ поклономъ и подаркомъ, состоявшимъ изъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Не доѣзжая до этого города и кругомъ него, мы видѣли много каменныхъ горъ—и такъ по всей дорогѣ.

Мы проплыли пять верстъ, проѣзжали мимо монастыря на берегу рѣки, называемаго *Бомбори* (Болдаревъ) во имя Воскресенія; потомъ прошли еще пять верстъ до вечера, канунa тринадцатаго воскресенья по Пятидесятницѣ, и стали на якорь. Утромъ рано въ упомянутое воскресенье поплыли и, проѣхавъ около двадцати верстъ, прибыли въ благоустроенное селеніе, по имени Таруса, съ четырьмя церквами, изъ коихъ въ одной мы отстояли обѣдню. Затѣмъ проплыли еще десять верстъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ прибыли въ другой базаръ, по имени Кашира, съ укрѣпленіемъ и цитаделью на берегу рѣки, на высокомъ холмѣ. Мы отстояли вечерню въ его церкви, во имя св. Георгія, въ канунъ праздника Успенія Богородицы. Раньше мы проѣзжали на своемъ пути мимо двухъ великолѣпныхъ каменныхъ монастырей, которые называются у нихъ, одинъ—*Фладижни* (Владычный), т.-е. Введенія во храмъ Богородицы, а другой—*Фисоски* (Высокій), т.-е. во имя Рождества Богородицы.

Въ этотъ вечеръ пришелъ воевода привѣтствовать нашего владыку патріарха; было условлено, что священники прибудутъ ночью и отведутъ насъ въ церковь. Въ четвертомъ часу они прибыли и мы отправились съ ними въ каменную церковь, въ честь сегодняшняго праздника Успенія Богородицы, находящуюся внутри упомянутаго укрѣпленія. Мы отстояли всенощное бдѣніе и вышли не ранѣе зари. Отъ этого укрѣпленія идетъ источникъ текучей воды по длиннымъ и толстымъ деревяннымъ желобамъ, выдолбленнымъ внутри, подобно узкогорлымъ глинянымъ кувшинамъ для воды; желоба обвиты вѣтвями и спускаются по

склону горы; между каждыми двумя желобами небольшая мельница, и такихъ мельницъ, съ удивительными приспособленіями, двѣнадцать отъ укрѣпленія до рѣки. Что касается ручьевъ и обильныхъ водой источниковъ, текущихъ съ береговъ этой рѣки и въ нее впадающихъ, то они безчисленны. Мы схватили сильный кашель на долгое время, вслѣдствіе студености здѣшней воды, пріятной на вкусъ.

Такъ все идетъ отъ Калуги до Коломны: безсчетныя села и посѣвы, ибо эта мѣстность хорошо воздѣлана.

Намъ случилось потомъ встрѣтить въ Москвѣ воеводу, который былъ сыномъ араба нашей страны и сдѣлался воеводой, или правителемъ, надъ этимъ городомъ, а также былъ воеводой въ Коломнѣ, *Сарбсахо* (Серпуховѣ) каменистомъ и въ другихъ мѣстахъ, и всѣ жители этихъ мѣстъ были благодарны ему за его правосудное управленіе и постоянно молились за его здоровье и благополучіе. Онъ разсказалъ намъ, что его семья родомъ изъ Хирдейна, что имя его прадѣдушки было хури [1] Сулейманъ (Соломонъ), отца звали Бшара (Евангелій) бенъ Габріилъ и что послѣдній былъ въ одно время надсмотрщикомъ монетнаго двора. Они жили въ улицѣ Аль-Жадидэ (Новой), въ Дамаскѣ. Въ то время когда Ибнъ-Жамблатъ (Джанбуладъ-Задэ) [2] прибылъ въ Дамаскъ, ему было 15 лѣтъ отъ роду. Онъ зналъ патріарховъ (Іоакима) Ибнъ-Зіядэ и (Дороѳея) Ибнъ-Аль-Ахмара, шейха Жиржиса (Георгія) Ибнъ-Са-

---

[1] Приходскій священникъ.

[2] Со времени завоеванія Сиріи султаномъ Селимомъ I, курдская фамилія Джанбуладъ („сталь души" по-персидски) владѣла на ленныхъ правахъ санджакомъ Келизъ недалеко отъ Алеппо. Въ началѣ XVII в. Хусейнъ Джанбуладъ былъ сдѣланъ губернаторомъ Алеппо. Когда онъ былъ умерщвленъ турецкимъ военачальникомъ во время похода въ Персію (въ 1605 г.), его братъ Али Джанбуладъ, мстя за его смерть, поднялъ возстаніе противъ Турціи, разграбилъ Дамаскъ и объявилъ себя независимымъ отъ Порты. (См. Hammer, Histoire de l'Empire Ottom. т. 8, кн. XLIII). На это событіе, несомнѣнно, и намекаетъ Павелъ Алеппскій. О Джемблатахъ, какъ о партіи среди друзовъ на Ливанѣ, возникшей въ началѣ XVIII в., упоминаетъ Базили въ своей книгѣ: Сирія и Палестина, но имѣютъ-ли эти Джемблаты какую-либо связь съ фамиліей Джанбуладъ, изъ его книги не видно.

[3] Объ этихъ патріархахъ и о Георгіи, сынѣ Самора, который, очевидно, былъ весьма важнымъ лицомъ христіанской общины Дамаска, Павелъ Алеппскій разсказываетъ въ своей хроникѣ антіохійскихъ патріарховъ. (См. переводъ ея въ моей статьѣ: Къ исторіи антіохійскихъ патріарховъ, помѣщенной въ Сообщеніяхъ Импер. Прав. Палестинскаго Общества, декабрь, 1896 г.)

мора и многихъ другихъ дамаскинцевъ, а также хури Атла (Атаулла? Ѳеодоръ или Дороѳей) и хури Насрулла (Елеазаръ) въ Алеппо. Онъ сообщилъ намъ далѣе, что когда его отецъ умеръ, паша разграбилъ его домъ и увезъ его, еще маленькимъ мальчикомъ, въ Алеппо, а оттуда въ Стамбулъ, гдѣ подарилъ его султану Мохаммеду (III), у котораго онъ сдѣлался однимъ изъ придворныхъ рабовъ. Потомъ онъ отправился съ визиремъ Окузъ Мохаммедъ-пашой въ походъ въ Персію, [1] гдѣ попался въ плѣнъ и сдѣлался однимъ изъ придворныхъ рабовъ шаха. Потомъ онъ бѣжалъ и вернулся въ Стамбулъ; сначала сдѣлался санджакомъ [2] Хамы, Хомса и др., потомъ агой по части пошлиннаго сбора, затѣмъ послѣдовательно пашой Наполи и эмиръ-уль-хаджемъ, или начальникомъ каравана пилигримовъ. По возвращеніи изъ Мекки, онъ сопровождалъ султана Османа (II) въ его походѣ на Польшу, 35 лѣтъ тому назадъ, и, будучи разбитъ, попался въ плѣнъ къ полякамъ и сдѣлался однимъ изъ придворныхъ служителей краля. Потомъ онъ бѣжалъ и прибылъ въ Кіевъ, а оттуда явился въ Москву при царѣ Михаилѣ и поступилъ на службу къ теперешнему государю, который заставилъ его креститься и далъ ему санъ и должность. Достигнувъ другихъ высокихъ степеней, онъ былъ назначенъ воеводой надъ вышеупомянутыми городами и управлялъ ими съ такою строгою справедливостью, что никогда не слыхано было о немъ, чтобы кто-либо жаловался на его поступки съ нимъ. Побуждаемый своимъ религіознымъ рвеніемъ, которое было велико, онъ выстроилъ этотъ каменный соборъ, [3] или великую церковь, въ здѣшней крѣпости на свои собственныя деньги, издержавъ на то болѣе двухъ тысячъ золотыхъ. Черезъ годъ или два взяли отъ него это воеводство и дали ему Серпуховъ каменистый. По прошествіи нѣкотораго времени, его опять смѣстили, и онъ впослѣдствіи присоединился къ намъ въ Москвѣ. Мы часто наслаждались его бесѣдой и нашли въ немъ совершенства великодушія, набожности и усердія къ службѣ церковной, такъ что онъ никогда не пропускалъ обѣдни, которая каждое утро совершалась въ монастырѣ *Жудаби* (Чудовѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ знатокомъ арабскаго языка. [4]

---

[1] Въ 1616 году.

[2] Управляющій частью пашалыка.

[3] То-есть соборъ въ Каширѣ.

[4] Весь этотъ эпизодъ объ обрусѣвшемъ арабѣ пропущенъ почему-то въ здѣшнихъ рукописяхъ и потому взятъ нами изъ англійскаго перевода. Примѣчанія къ нему принадлежатъ намъ. Павелъ, къ сожалѣнію, не называетъ имени своего земляка; но несомнѣнно, что это не былъ столь-

Знай, что граница страны татаръ находится недалеко, справа отъ ѣдущаго по теченію рѣки, на разстояніи около ста большихъ миль, или отъ 20 до 30 дней пути. [1] Мы проѣзжали мимо многихъ селеній и каменныхъ монастырей, давно разрушенныхъ татарами и ляхами, ибо послѣдніе отсюда также недалеко.

Глава XVIII.

Московская земля. — Монастырь Троицы. Дальнѣйшее плаваніе и остановка у Голутвина монастыря. Наивное изумленіе жителей Мелководье на Окѣ Москва-рѣка. Бѣглецы изъ Москвы. Посѣщеніе монастыря. Пріѣздъ въ Коломну.

Затѣмъ мы переправились на своемъ суднѣ на ту сторону рѣки и, высадившись, пошли въ каменный монастырь, что насупротивъ вышеупомянутой крѣпости, называемый Троица, то-есть во имя св. Троицы. Мы поднялись къ нему и отстояли въ немъ праздничную обѣдню, предувѣдомивъ (о своемъ прибытіи). Это большой монастырь, выстроенный изъ камня и кирпича и весь выбѣленный известью. Надъ его вратами высокая церковь, во имя св. Николая, на подобіе башни, съ высокимъ куполомъ и навѣсами кругомъ. Около нея другая башня для колоколовъ и часовъ такой же высоты, съ такимъ же куполомъ и галлереей, въ каждой аркѣ которой висятъ по три колокола. Къ великой церкви поднимаются по лѣстницѣ съ трехъ сторонъ, соотвѣтственно ея дверямъ. Она очень высока, окружена большою галлереей и имѣетъ три высокихъ купола; всѣ кресты Господніе густо позолочены.

Потомъ мы плыли на суднѣ съ этого дня, вторника, до вечера слѣдующаго дня, среды, и, прибывъ къ большому каменному монастырю, который называютъ *Галутфуни* (Голутвинъ), въ честь Божественнаго Богоявленія, стали подлѣ него на якорь.

никъ Даудовъ, какъ полагаетъ г. Аболенскій, авторъ статьи: Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ Павла Алеппскаго. Изъ свѣдѣній о Даудовѣ, опубликованныхъ въ Лѣтописи занятій археографической коммиссіи (вып. V), на которыя ссылается г. Аболенскій, съ полною очевидностью вытекаетъ, что землякъ Павла и стольникъ Даудовъ два совершенно разныя лица. Послѣдній, по всей вѣроятности, былъ армянинъ, родился въ Персіи въ 1620 г. и выѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ.

[1] По англійскому переводу. Въ здѣшнихъ рукописяхъ, очевидно, ошибочно: „есть-то болѣе 40 миль пути.“

Жители этихъ мѣстъ, мимо которыхъ мы проходили по рѣкѣ, очень дивились на насъ, ибо никогда, съ самыхъ древнихъ временъ, не случалось, чтобы къ нимъ пріѣзжалъ по этой рѣкѣ чужестранный архіерей, особенно патріархъ антіохійскій. Они насъ спрашивали: „есть-ли у васъ женщины и хлѣбъ?“ Ибо эти бѣдняги не имѣли о насъ никакого понятія и приходили въ изумленіе. Мы же, подсмѣиваясь надъ ними, отвѣчали имъ: нѣтъ. Знай, что отъ обилія рѣкъ и источниковъ, впадающихъ въ эту рѣку Оку, она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ становится очень широка, величиной съ египетскій Нилъ и даже больше, какъ намъ говорилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ. По причинѣ ея большой ширины случалось, что мы шли иногда на глубинѣ лишь около двухъ пядей, и часто въ такихъ мѣстахъ судно становилось на мель и не двигалось, такъ что янычары (стрѣльцы), раздѣвшись, входили въ воду, и благодаря своей силѣ, ухищрялись сдвинуть судно, въ то время какъ ихъ товарищи сверху дѣйствовали своими *канджа,* [1] то-есть длинными копьями съ острыми наконечниками, пока наконецъ не сдвигали его съ мѣста и не отводили на глубину. Когда случался по временамъ сильный вѣтеръ, они также сходили съ судна и тащили его на веревкахъ, идя по берегу.

Не доѣзжая двухъ верстъ до упомянутаго монастыря, мы разстались съ описанною рѣкой и вошли въ извѣстную рѣку Москву, которая течетъ отъ города Москвы и впадаетъ въ эту рѣку. Обѣ эти рѣки текутъ къ великой рѣкѣ, по имени Волга, знаменитой своею величиной, ибо ея ширина, какъ говорятъ, около четырехъ миль. Всѣ эти три рѣки, вмѣстѣ съ другими, впадаютъ въ персидское море, называемое *Каспія.* Объ этомъ будетъ подробный разсказъ, какъ можетъ быть желательно. Съ тѣхъ поръ какъ мы вошли въ Москву-рѣку и до высадки нашей, суда тащили веревками съ берега, по причинѣ стремительности ея теченія и большой глубины. Мы видѣли на ней много судовъ, идущихъ изъ Москвы, съ мужчинами, женщинами и дѣтьми, которые бѣжали отъ моровой язвы. Такихъ бѣглецовъ мы видали также въ тамошнихъ деревняхъ и въ лѣсахъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Мы поднялись къ упомянутому монастырю, гдѣ въ то время находился, ожидая насъ, воевода города Коломны, въ которую мы направлялись и которая видна оттуда, такъ какъ между ней и монастыремъ разстояніе всего

---

[1] Повидимому, искаженное русское слово.

въ двѣ версты по сушѣ и въ четыре версты по рѣкѣ, что зависитъ объ обычныхъ поворотовъ рѣкъ.

Когда мы вошли въ монастырь, насъ встрѣтили по обыкновенію и ввели въ большую церковь въ честь Божественнаго Богоявленія, коего образъ поставленъ [1] вмѣсто иконы Господа, ибо таковъ ихъ обычай. Входъ въ эту церковь чудный, высокій, съ трехъ сторонъ; кругомъ—галлерея съ тремя дверями. Церковь весьма древняя. Мы отстояли въ ней вечерню и пошли помолиться въ другую церковь, которая находится въ трапезѣ отцовъ. Она весьма древняя и красивая, въ честь одного изъ ихъ новыхъ святыхъ, по имени Сергій; какъ намъ объ немъ разсказывали, онъ первый пришелъ сюда изъ города Кіева, проповѣдовалъ здѣсь Христа и построилъ эту церковь. Монастырь относится къ его же времени. Между этими двумя церквами высокая колокольня съ приподнятымъ высокимъ куполомъ, на подобіе куполовъ церковныхъ.

Выйдя изъ монастыря, мы ночевали внѣ его, на берегу рѣки. Въ четвергъ, 17 августа, отставши рано поутру, мы прибыли на суднѣ въ знаменитую крѣпость Коломну.

Воевода насъ опередилъ и вышелъ намъ навстрѣчу вмѣстѣ съ почетными горожанами, священниками и всѣмъ народомъ. Насъ ввели въ каменную крѣпость, которая издали бросалась въ глаза высотой своихъ стѣнъ. Мы помолились предъ иконами, помѣщенными надъ ея воротами снаружи и снутри; а также, проходя мимо церкви, мы всякій разъ останавливались и молились на ея иконы, которыя поставлены надъ дверью, подражая въ этомъ московитамъ. Наконецъ насъ ввели въ высокую великую церковь, откуда вышли встрѣтить насъ священники и дьяконы съ иконами и кадильницами, по обыкновенію. Мы отстояли въ ней обѣдню, ибо они ждали насъ. Церковь эта епископская (каѳедральная). По выходѣ изъ нея, насъ повели вверхъ, туда, гдѣ епископскія келліи, въ которыхъ насъ и помѣстили, какъ приказалъ имъ царь и его министры, ибо царь и патріархъ недавно сослали (здѣшняго) епископа [2] въ заточеніе въ страну, называемую Сибирія, за важный проступокъ съ его стороны, о чемъ мы потомъ разскажемъ.

Мы не нашли на лицо уполномоченнаго, то-есть протопопа. Въ этой странѣ есть обычай, что, когда случится особенный

---

[1] Разумѣется, въ иконостасѣ, у царскихъ дверей.

[2] Павелъ Коломенскій, извѣстный противникъ нововведеній патріарха Никона.

(храмовой) праздникъ въ какомъ-либо выдающемся, большомъ, извѣстномъ монастырѣ или въ епископской церкви, въ этотъ день совершаютъ водосвятіе и царскій молебенъ, вливаютъ св. воду въ сосуды изъ воска и отправляются для поднесенія ея въ даръ царю, всему его дому, патріарху и государственнымъ сановникамъ, вмѣстѣ съ иконой святого или Господскаго праздника. Таковъ ихъ обычай. Если бы епископъ былъ здѣсь, то онъ самъ бы отправился раздавать воду, потому что эта великая, епископская церковь во имя Успенія Богородицы, но по сказанной причинѣ водосвятіе совершилъ вмѣсто него протопопъ и поѣхалъ раздавать св. воду вмѣстѣ съ иконами туда, гдѣ находился царь, осаждавшій Смоленскъ. Потомъ онъ вернулся.

КНИГА VI.

Коломна.

Глава I.

Коломна.—Описаніе города. Церкви.

Что касается описанія этого города, то онъ представляется въ такомъ видѣ. Онъ величиной съ городъ Эмессу, но стѣны его, выстроенныя изъ большихъ камней и крѣпкаго, чудеснаго краснаго кирпича, страшной высоты. Его башни походятъ на башни Антіохіи – или даже лучше и красивѣе ихъ по постройкѣ— удивительно крѣпки и непоколебимы. Каждая башня имѣетъ особый видъ: однѣ—круглыя, другія—восьмиугольныя, иныя— четырехугольныя, и всѣ высоки, величественны и господствуютъ надъ окрестностями; онѣ въ четыре яруса, со многими бойницами и амбразурами. Вокругъ каждаго яруса имѣется снаружи проходъ, въ видѣ балкона, съ зубцами и бойницами, направленными внизъ, подобно тѣмъ, которыя находятся внутри и снаружи крѣпости Аль-Хуснъ у насъ. Несомнѣнно, это постройка, доведенная до совершенства и достойная удивленія зрителя. Потолки въ ней имѣютъ видъ сводчатыхъ куполовъ. Окружная стѣна равно прочна и крѣпка и также походитъ на стѣну Антіохіи по высотѣ, толщинѣ и ширинѣ. Скаты рва широки, огромны и всѣ выложены камнемъ. Снутри окружной стѣны есть арки, подобныя тѣмъ, которыя находятся снутри стѣны Антіохіи со стороны воротъ Аль-Жинанъ (Садовыхъ) и о которыхъ намъ говорили, что въ древности въ нихъ вставляли зеркала для блеска. Подобно тому какъ тамъ рѣка Аль-Аси [1] течетъ съ одной стороны города, такъ и здѣсь р. Москва течетъ снаружи этой стѣны съ сѣверной стороны. Внутри окружной стѣны за-

[1] Арабское названіе рѣки Оронта, „непослушная“, ибо течетъ не прямо къ морю, какъ всѣ рѣки Сиріи, а сначала удаляется отъ него.

ключаются большія, обширныхъ размѣровъ сводчатыя подземелья, выходящія къ рѣкѣ, дабы можно было брать воду изъ нея въ случаѣ нужды и осады, ибо рѣка частью подходитъ къ подножію стѣны, гдѣ есть потаенная дверь съ желѣзною рѣшеткой. Также и съ другой стороны протекаетъ другая, маленькая рѣка, по имени Коломна (Коломенка), на которой устроены мельницы; по ней и городъ получилъ свое названіе. Вся мѣстность, гдѣ расположена эта крѣпость, представляетъ высокую гору. Крѣпость имѣетъ четверо большихъ воротъ; внутри каждыхъ воротъ четыре двери и между ними желѣзныя рѣшетки, которыя поднимаются и спускаются посредствомъ подъемной машины. У каждыхъ воротъ много пушекъ, а на башнѣ ихъ виситъ колоколъ, въ который, въ случаѣ тревоги, немедленно ударяютъ для оповѣщенія жителей. Теперь въ него звонятъ, всякій разъ какъ случится пожаръ. Внѣ крѣпостной стѣны домовъ больше, чѣмъ внутри ея, и каждая улица представляетъ какъ бы отдѣльное селеніе, такъ какъ жители всегда любятъ открытыя мѣста. Всѣ дома деревянные, и потому, когда случится пожаръ, люди, которые дежурятъ поочереди у того колокола и постоянно высматриваютъ, звонятъ въ него, и горожане, услышавъ его днемъ или ночью, немедленно спѣшатъ съ топорами тушить огонь. Всѣ рынки за городомъ. Надъ каждыми воротами есть большая икона, написанная на стѣнѣ въ (задѣланномъ) окнѣ, надъ которымъ большой навѣсъ вокругъ иконы для защиты отъ дождя и снѣга. Передъ иконами большіе стеклянные фонари, въ коихъ зажигаютъ свѣчи. Надъ главными воротами снаружи изображеніе Господа Христа въ ростъ, а надъ внутренними воротами образъ Владычицы.

Внутри крѣпости пять большихъ каменныхъ церквей и монастырь для дѣвицъ во имя Введенія Владычицы во храмъ. Первая церковь благолѣпная, съ куполами; крыша ея крестообразна, ибо ея стѣны имѣютъ съ каждой стороны видъ трехъ арокъ, изъ коихъ средняя выше остальныхъ двухъ; церковь эта во имя св. Николая. Въ смежности съ нею колокольня высокая, изящная, съ арками и четырехъугольнымъ продолговатымъ куполомъ съ крестомъ на верху, по обыкновенію. На четырехъ ея углахъ для украшенія сдѣланы рѣзныя колонны, на подобіе фонарей, очень изящной работы. Вторая церковь, больше и лучше (первой), въ честь Воскресенія. Третья церковь, маленькая, но весьма красивая, также во имя св. Николая; въ ней второй алтарь во имя мученика Антипія [1]). Четвертая церковь,

[1]) По петербургской рукописи: мученицы Анисіи.

именно соборная, есть великая церковь, каоедра епископа. Она весьма величественна и высока и какъ бы висячая; въ нее всходятъ по высокой лѣстницѣ съ трехъ сторонъ, соотвѣтственно тремъ ея дверямъ. Она вся изъ тесанаго камня, приподнята на значительную высоту и кругомъ имѣетъ кайму скульптурной работы во всю толщу (?) ея стѣнъ. Косяки дверей и оконъ походятъ на отшлифованныя колонны—работа рѣдкостная, такъ что косяки кажутся изящными какъ тонкія колонны. Церковь имѣетъ три высокихъ купола, снизу приподнятыхъ. Верхъ большого купола покрытъ кругомъ красивыми, четырехъ-угольными, рѣзными изъ деревянныхъ досокъ фигурами, въ видѣ крестовъ, величиною съ ладонь. На куполахъ позолоченные кресты. Большой куполъ находится надъ хоросомъ, остальные два надъ обоими (боковыми) алтарями, ибо церковь имѣетъ три алтаря, какъ обыкновенно всѣ ихъ церкви. Одинъ изъ нихъ во имя св. Димитрія; въ немъ имѣются его иконы. Здѣсь постоянно совершается литургія. Главный алтарь имѣетъ три большихъ окна со стеклами, и въ немъ висятъ, по ихъ обыкновенію, два большихъ зеркала, къ которымъ священники всегда подходятъ, смотрятся въ нихъ и расчесываютъ свои волосы. Въ хоросѣ, передъ (царскими) дверями этого алтаря, помѣщенъ большой кругъ на подобіе амвона; онъ высокій, стоитъ на деревянныхъ восьмиугольныхъ и круглыхъ колоннахъ, которыя всѣ позолоченныя и рѣзныя, и имѣетъ двѣ лѣстницы, изъ коихъ одна предъ царскими вратами, по ней всходитъ дьяконъ для ектеніи; другая лѣстница съ западной стороны, по ней онъ всходитъ для чтенія Евангелія. Архіерейское мѣсто каменное, съ очень большимъ куполомъ, помѣщается близъ южныхъ дверей, ибо церковь имѣетъ, по ихъ обыкновенію, три двери: двѣ изъ нихъ выходятъ на хоросъ съ южной и сѣверной стороны, а съ западной — большая дверь. Всѣ эти двери съ двумя створами изъ чистаго желѣза. Надъ каждой изъ нихъ наверху образъ, надъ большой дверью образъ Успенія Богородицы, дабы народъ зналъ имя церкви. Таковъ у нихъ обычай во всѣхъ ихъ церквахъ, и какой это прекрасный обычай!

Что касается иконостаса, то у нихъ принято ставить икону того (святого или праздника), въ честь котораго церковь, на мѣсто иконы Господа, а напротивъ нея, на мѣсто иконы Владычицы, икону Троицы: три ангела, Авраамъ и Сарра и трапеза. Такъ и въ этой церкви поставлена икона Успенія Владычицы на мѣстѣ иконы Господа. Около нея стоитъ икона Владычицы весьма старинная, которая, какъ намъ говорили, всегда

творитъ чудеса. Къ ней имѣютъ большую вѣру. На этой иконѣ виситъ много привѣсокъ изъ золота, серебра и жемчуга [1]).

Верхній иконостасъ у нихъ устроивается не такъ, какъ принято въ странѣ казаковъ и грековъ, но Господь помѣщенъ въ срединѣ, справа и слѣва Іоаннъ Креститель и св. Дѣва, подлѣ нихъ два ангела; завершается правый рядъ Петромъ, Іоанномъ Златоустымъ, Васпліемъ и двумя другими апостолами; напротивъ нихъ Павелъ, св. Николай, Григорій и другіе два апостола—съ каждой стороны пять большихъ иконъ съ изображеніями во весь ростъ. Надъ этимъ рядомъ находится изображеніе Владычицы и пророковъ, предвозвѣстившихъ о Ней, съ той и съ другой стороны. У нихъ нѣтъ, какъ у насъ, лампадъ съ масломъ, ибо оно дорого и зимой замерзаетъ, ни большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, но большія, толстыя, росписныя свѣчи въ каменныхъ съ рѣзьбою столбахъ, утвержденныхъ (въ полу); на верху столба жестяной кружокъ, въ который вставляютъ большія и малыя свѣчи, такъ какъ у нихъ принято, что всякій, кто приходитъ въ церковь, приноситъ съ собою свѣчу, которую собственноручно ставитъ передъ образомъ.

Ниже сѣверной двери (соборной) церкви стоитъ колокольня, достойная удивленія по своей красотѣ, архитектурѣ и украшеніямъ. Она круглая и восьмиугольная, съ чудесною рѣзьбой, походитъ на башню Эмессы, но еще краспвѣе, высока, со многими арками кругомъ, надъ которыми возвышаются другія арки, еще изящнѣе. Ея куполъ высокій, приподнятый, восьмиугольный. На этой колокольнѣ висятъ двѣнадцать большихъ и малыхъ колоколовъ, ихъ звонъ гудитъ подобно грому. Внутри ея есть желѣзные часы въ каморкѣ. Когда наступаетъ время бить полчаса, они ударяютъ двумя молоточками по двумъ малымъ колоколамъ три раза; когда же истечетъ часъ, то оба молоточка ударяютъ о колокола двадцать шесть разъ—это называется будильникомъ; затѣмъ бьетъ извѣстное число часовъ другой, большой молотокъ по другому, большому колоколу. Часы дня и часы ночи отбиваются отдѣльно. Въ концѣ текущаго августа мѣсяца часы били четырнадцать часовъ для дня и десять для ночи; въ сентябрѣ ночь и день сравнялись.

Крыша какъ этой церкви, такъ и всѣхъ вышеупомянутыхъ церквей, походитъ на кедровую шишку или на артишокъ; она ни плоская, ни горбообразная, но съ каждой изъ четырехъ стѣнъ церкви есть нѣчто въ родѣ трехъ арокъ, надъ которыми другія,

---

[1]) Описаніе церквей до сего мѣста выпущено въ англійскомъ переводѣ.

поменьше, потомъ еще меньше кругомъ купола—очень красивое устройство. Все покрыто досками для защиты свода отъ дождя и снѣга, дабы онъ не портился. Подъ этою церковью много склеповъ и подваловъ. Надъ нароексомъ есть еще ярусъ, гдѣ помѣщается казнохранилище епископа; мы видѣли его богатство—нѣсколько сундуковъ полныхъ серебряными и золотыми монетами [1]. Все это находится въ обладаніи царя, какъ мы потомъ объ этомъ разскажемъ.

Глава II.

Коломна.—Архіерейскій домъ. Приказъ и тюрьма. Коломенская епископія. Причина ссылки епископа Павла.

Архіерейскій домъ очень великъ и обнесенъ кругомъ деревянной стѣной. Епископъ проходитъ къ келліямъ отъ южной двери церкви по высокой лѣстницѣ и длинной деревянной галлереѣ, находящейся на большой высотѣ отъ земли; бывало, когда мы проходили по ней, предъ нами открывался видъ на поля и деревни на далекое разстояніе, ибо галлерея совсѣмъ открыта. Келліи или, вѣрнѣе, дворецъ епископа, выстроены изъ превосходнаго камня и дерева и также висячія (какъ и церкви); изъ нихъ однѣ—для зимы, другія—для лѣта. Лѣтнія келліи имѣютъ галлереи, выходящія въ садъ, въ коемъ растутъ чудесныя яблоки, рѣдкостныя по своей красотѣ, цвѣту и вкусу; они разныхъ сортовъ: красныя, какъ сердоликъ, желтыя, какъ золото, бѣлыя, какъ камфора, всѣ съ очень тонкой кожицей Есть другой сортъ яблонь съ маленькими, сахаристыми плодами. Мы видѣли — о удивленіе!—на вѣтвяхъ его въ это время года бутоны и цвѣты; онъ приноситъ обильные плоды. Это не было хорошимъ знакомъ для жителей, какъ мы объ этомъ разскажемъ.

Зимніе покои состоятъ изъ многихъ помѣщеній, изъ которыхъ одни ведутъ въ другія. Они выстроены изъ строганаго, крѣпко сплоченнаго, чудеснаго дерева и имѣютъ двери, плотно прилаженныя и тщательно пригнанныя, обитыя войлокомъ и кожей, такъ что ни одно дуновеніе вѣтерка не можетъ проникнуть (въ домъ). Всѣ окна имѣютъ передвижныя ставни, плотно пригнанныя; днемъ ихъ открываютъ и вставляютъ въ окна рамы съ каменными стеклами здѣшней страны [2]; на ночь же эти рамы

[1] Въ текстѣ: піастрами (гурушъ) и динарами.

[2] Навѣрно, эти слюдяныя рамы были постоянно вставлены въ окна, а не ставились лишь на день, какъ говоритъ авторъ, хотя непонятно, какъ онъ могъ впасть въ такую ошибку, проживъ въ Коломнѣ всю осень и большую часть зимы.

снимаютъ и ставятъ на мѣсто ихъ въ окна ставни, обитыя войлокомъ, дабы сквозь нихъ не могъ проникнуть холодный воздухъ. Въ каждой кельѣ есть кантуръ, т. е. печь изъ кирпича для разведенія огня, съ желѣзными дверцами; эти печи топятъ въ зимнее время для нагрѣванія комнатъ. Также въ каждой кельѣ есть иконостасъ съ образами и не только внутри, но и снаружи надъ дверью, даже надъ дверью лѣстницы, ибо таковъ обычай у московитовъ, что они вѣшаютъ иконы на всѣхъ дверяхъ своихъ домовъ, подваловъ, кухонь и лавокъ. Всякій разъ какъ увидятъ икону, останавливаются и молятся на нее съ большимъ благоговѣніемъ; если бы кто изъ нихъ прошелъ даже мимо ста иконъ въ теченіе часа, онъ останавливается и молится на каждую, не торопясь. Таковъ ихъ обычай не только у мужчинъ, но и у женщинъ и дѣтей.

Зданіе дивана [1] епископа сводчатое, вновь выстроенное изъ камня; здѣсь и казнохранилище его. Это епископство владѣетъ угодьями—деревнями со многими крестьянами. Въ епископскомъ домѣ есть большая тюрьма съ желѣзными цѣпями и тяжелыми колодками для преступниковъ. Если кто изъ крестьянъ епископа провинится: украдетъ или убьетъ, то его приводятъ сюда, сажаютъ въ тюрьму и наказываютъ, какъ намъ случалось видѣть, смертью или ударами, смотря по винѣ. Воевода не имѣетъ власти надъ ними. Управители епископа налагаютъ на нихъ штрафъ и взыскиваютъ съ вора за украденную вещь вдвое. Такъ они поступаютъ. Когда кто-нибудь изъ епископскихъ слугъ напивался пьянъ, ему также надѣвали на шею и на ноги тяжелую желѣзную цѣпь, къ коей привѣшенъ тяжелый чурбанъ, котораго не въ силахъ стащить и упряжное животное. Бывало, нашъ владыка патріархъ ходатайствовалъ за многихъ и избавлялъ отъ цѣпи. Не только въ этомъ епископствѣ есть тюрьма и оковы, но и въ каждомъ монастырѣ онѣ имѣются для исправленія служителей и крестьянъ. Говорятъ, что этому епископству принадлежатъ триста воиновъ—янычаръ (стрѣльцовъ), коихъ оно имѣетъ для своей охраны и защиты, для обереженія своихъ выгодъ и надзора. Содержаніе имъ идетъ отъ его угодій. Когда епископъ ѣдетъ куда-нибудь, они сопровождаютъ его всюду, куда бы онъ ни отправлялся.

Въ концѣ вышеописанной галлереи есть новая каменная церковь, построенная тѣмъ первымъ епископомъ [2] для зимняго вре-

---

[1] Т. е. приказа, канцеляріи, гдѣ епископъ занимается дѣлами и творитъ судъ и расправу.

[2] Вѣроятно, Павломъ Коломенскимъ.

мени, ибо онъ устроилъ ее надъ кухней и пекарной печью, такъ что въ нее проникаетъ теплота, и въ морозное время она становится какъ баня. Церковь эта въ честь видѣнія, которое явилось Андрею Салосу въ Константинополѣ во дни царя Льва Великаго: онъ видѣлъ Божію Матерь въ облакахъ. Они называютъ этотъ праздникъ *Покробки Богородица* (Покровъ Богородицы) и празднуютъ его въ первый день октября съ большою торжественностью.

Этотъ праздникъ былъ и у грековъ, но теперь они не знаютъ его и называютъ Σκέπας τῆς Παναγίας, т. е. Покровъ Божіей Матери, ибо онъ изображается на иконѣ такъ: св. Дѣва въ облакахъ, Андрей Салосъ указываетъ на Нее перстомъ царю и всему народу города. Внизу этой иконы есть изображеніе Романа, составителя кондаковъ: онъ младенецъ и спитъ, а св. Дѣва кладетъ ему въ ротъ бумажный свитокъ на подобіе халвы, т. е. источникъ святыхъ его устъ; есть и другое изображеніе: онъ стоитъ на возвышеніи со свиткомъ въ рукахъ и возглашаетъ по нему кондакъ праздника Рождества, который есть: „Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ...“

Возвращаемся. Куполъ этой церкви крытъ зеленой черепицей и очень красивъ. Совнѣ ея бо́льшой нарѳексъ, именно мѣсто, гдѣ трапезуетъ епископъ со своими приближенными.

Что касается деревянныхъ церквей, которыя находятся внутри и внѣ этой крѣпости, то ихъ—около двадцати пяти [1]). Среди улицъ находится монастырь въ честь Божественнаго Преображенія, весьма древній; трапезная церковь во имя Перваго Обрѣтенія Главы (Іоанна Крестителя). По ту сторону рѣки, насупротивъ города, стоитъ великолѣпный монастырь, весь выбѣленный, съ высокими куполами, во имя Рождества Богородицы, а трапезная церковь въ честь Ваій (Входа въ Іерусалимъ).

Эта Коломна—городъ извѣстный и знаменитый. Въ ней по понедѣльникамъ и четвергамъ бываетъ большой базаръ [2], на который являются крестьяне со своими продуктами изъ очень дальнихъ мѣстъ. Она служитъ пристанью, куда приходятъ изъ Москвы суда, идущія въ области, называемыя Казанія и Астра

---

[1]) Въ календарѣ Рубана на 1776 г. (выписка изъ него въ Чтеніяхъ въ Общ. любит. дух. просвѣщ., сент. 1878) сказано: „въ ономъ городѣ (Коломнѣ) нынѣ церквей каменныхъ соборныхъ 3, въ архіерейскомъ домѣ 2, при коихъ церквей 6, приходскихъ церквей каменныхъ 15, деревянныхъ 3. Въ томъ же городѣ трое каменныхъ воротъ съ башнями, кои именуются: Спасскія, Богоявленскія и Косыя“.

[2] Еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія, какъ видно изъ календаря Рубана на 1776 г., базаръ въ Коломнѣ бывалъ по тѣмъ же днямъ.

ханія, по другимъ рѣкамъ, кои соединяются съ большою рѣкой (Волгой) и, собравшись семьюдесятью устьями, впадаютъ въ Персидское море, называемое Каспіемъ; старинныя книги и исторіи называютъ его моремъ Фарсійскимъ. По нему ѣздятъ въ страну кизильбашей и въ Грузію. Оттуда пріѣзжаетъ много купцовъ, подъ видомъ пословъ, которые привозятъ съ собою товары: матеріи, крашеный шелкъ, индиго, хлопокъ, пряности, сафьянъ, ладонъ и прочее, а взамѣнъ берутъ соболій мѣхъ, рыбій зубъ, отличныя сукна и другіе товары и рѣдкости московскіе. Въ этомъ городѣ бываетъ сборище всѣхъ купцовъ. Здѣсь всегда стоятъ на якорѣ нѣсколько судовъ для царя, на коихъ устроено нѣчто въ родѣ диванова, каюты и комнатки съ балконами и многочисленными окнами кругомъ. На этой рѣкѣ есть деревянный мостъ; подходя къ нему, суда снимаютъ свои мачты и проходятъ подъ нимъ.

Отъ этого города до Москвы двѣсти верстъ по рѣкѣ, а по сушѣ девяносто, ибо, какъ извѣстно, рѣки дѣлаютъ повороты.

Возвращаемся къ разсказу о епископіи. Всѣ угодья церквей и монастырей состоятъ во власти царя. Архіереи не могутъ распоряжаться угодьями и доходами, но царь посылаетъ отъ себя въ каждый монастырь и къ каждому архіерею людей, которые и завѣдуютъ, въ качествѣ надсмотрщиковъ, всѣми угодьями и доходами; архіерей же и настоятель монастыря въ правѣ распоряжаться только собственнымъ имуществомъ. При каждомъ епископѣ судья его и управляющіе назначаются отъ царя. Монастыри также ведутъ записи своихъ доходовъ, кои они складываютъ въ казнохранилище на нужды царя въ случаѣ похода; объ этомъ болѣе подробное разъясненіе мы дадимъ впослѣдствіи. Равнымъ образомъ они не могутъ ни возводить новыхъ построекъ, ни поправлять старыхъ, ни дѣлать вообще какихъ-либо расходовъ, не увѣдомивъ царя и не испросивъ его разрѣшенія. Они ведутъ всему этому счетъ въ книгахъ съ величайшею точностью, какъ мы это наблюдали у управителей здѣшней епископіи, кои суть люди пожилые и благонадежные.

Архіерей въ этой странѣ не имѣетъ права производить каноническій сборъ съ паствы, но взимаетъ его ежегодно со священниковъ, съ каждаго по величинѣ его паствы и доходовъ его церкви; самый бѣдный священникъ платитъ одинъ рубль [1]. Все это точно опредѣлено по книгамъ епископа. Каждый архіерей при жизни пріобрѣтаетъ въ свою собственность большое недви-

[1] Въ текстѣ: динаръ. Авторъ выше (кн. V, гл. 10) замѣчаетъ, что „русскіе называютъ динаръ рублемъ“.

жимое имущество, но когда онъ умретъ, оно поступаетъ въ распоряженіе царя, ибо царь—наслѣдникъ всѣхъ.

Намъ говорили, что эта епископія—бѣднѣйшая изъ всѣхъ архіерейскихъ каѳедръ въ странѣ московской. Подъ вѣдѣніемъ ея находится болѣе пятнадцати городовъ, имѣющихъ воеводъ какъ эта Коломна, коихъ власть простирается болѣе чѣмъ на двѣ тысячи большихъ и малыхъ селеній. Многія изъ этихъ селеній заключаютъ болѣе десяти тысячъ домовъ. Въ числѣ тѣхъ пятнадцати крѣпостей находятся: Кашира, воевода которой имѣетъ власть болѣе чѣмъ надъ тысячью селеній, Серпуховъ, подобный ей, Тула со своею областью. Они составляютъ пятнадцать санджаковъ (уѣздовъ), къ коимъ принадлежитъ болѣе двадцати тысячъ деревень: сочти, сколько въ нихъ жителей. Все это наства здѣшняго епископа. Говорятъ, будто епархія эта бѣдна и мала, да поможетъ ей Богъ! а она больше области трехъ патріарховъ: антіохійскаго, александрійскаго и іерусалимскаго, и нѣтъ тутъ никого, кто бы причинялъ потери, подвергалъ вымогательствамъ и гнету, но всѣ живутъ въ безопасности и въ радости и накопляютъ золото въ изобиліи. Епископъ распоряжается въ воеводствахъ съ властью, не допускающею прекословія. Здѣсь архіерейское управленіе ведется хорошо и возможна жизнь привольная.

Причиной заточенія здѣшняго епископа было слѣдующее. Нынѣшній благополучный царь и новый патріархъ Никонъ очень любятъ греческіе обряды и имѣютъ большую склонность къ разсужденіямъ и къ ученію христіанскому, въ особенности царь, о коемъ слава распространена по всѣмъ странамъ по причинѣ его благочестія, смиренія, скромности, набожности, усердія къ службамъ церковнымъ, почтенія къ архіереямъ, священникамъ, монахамъ и всему клиру, его великой вѣры и благодѣяній къ нимъ. Мы еще до сихъ поръ не лицезрѣли его, но намъ много разсказывали объ его добродѣтеляхъ и нравственныхъ качествахъ. Во время покойнаго Парѳенія, патріарха константинопольскаго, умерщвленнаго не такъ давно, они, по своей большой любви къ нему, послали спросить у него разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ касательно тайнъ вѣры и обрядовъ христіанскихъ. Онъ прислалъ имъ отвѣтъ въ посланіи, въ коемъ по порядку и въ подробности написалъ о томъ, что у него спрашивали. Царь принялъ посланіе съ великою радостью и, когда оно было переведено, поступилъ согласно съ нимъ. Потомъ онъ созвалъ соборъ архіереевъ и настоятелей монастырей, которые утвердили этотъ актъ, засвидѣтельствовавъ его собственноручною подписью, внесли въ актовую книгу церкви и напечатали съ общаго

согласія, ибо онъ послужилъ къ исправленію многихъ, принятыхъ у нихъ (въ книгахъ) выраженій. Но коломенскій епископъ, будучи нрава строптиваго, не захотѣлъ принять и одобрить тотъ актъ, ни приложить свою руку, не говоря уже о томъ, чтобы дать свое засвидѣтельствованіе; онъ сказалъ: „съ того времени, какъ мы сдѣлались христіанами и получили правую вѣру по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ благочестивыхъ, мы держались этихъ обрядовъ и этой вѣры и теперь не согласны принять новую вѣру". Услышавъ это, царь и патріархъ немедленно сослали его въ заточеніе вмѣстѣ съ его монахами и слугами и со всѣмъ, что при немъ было, во внутрь Сибири, за полторы тысячи верстъ, въ приморскую область океана, т. е. всеобъемлющаго [1]. Тамъ есть монастыри, издревле выстроенные для такой цѣли, и въ одномъ изъ нихъ его помѣстили вѣстники гнѣва (царскаго). Умереть лучше было бы для него чѣмъ жить тамъ, по причинѣ великаго стѣсненія и жалкой жизни, постояннаго мрака, голода и совершеннаго отсутствія хлѣба; оттуда ему невозможно убѣжать и спастись. Это прекрасный законъ, и онъ, епископъ, былъ достоинъ того [2]. Напослѣдокъ рукоположили на его мѣсто другого, какъ мы разскажемъ объ этомъ въ свое время. Обрати вниманіе, братъ мой, на это управленіе, эти наказанія и строгій порядокъ! Затѣмъ было дано вмѣсто него полномочіе протопопу [3] великой церкви. Къ нему стала обращаться вся паства со своими дѣлами и всѣ священники епархіи со своими нуждами. Онъ заступаетъ мѣсто правителя или архіерея, властвуя надъ ними отъ имени царя и патріарха.

Глава III.

Коломна.—Водосвятіе и крестный ходъ по случаю моровой язвы.

Возвращаемся. Наканунѣ пятницы 18 августа зазвонили во всѣ колокола и совершили торжественное служеніе по случаю

---

[1] Въ текстѣ: *аль-мухитъ* (арабское названіе океана).

[2] Соборъ, за которымъ послѣдовали низложеніе и ссылка Павла Коломенскаго, былъ созванъ въ мартѣ или апрѣлѣ 1654 г. въ царскихъ палатахъ и происходилъ въ присутствіи царя. (См. Ист. Русск. Церкви митр. Макарія, т. XII, стр. 139—146). Что же касается граматы къ патр. Парѳенію, то она была отправлена еще предшественникомъ Никона, патріархомъ Іосифомъ, и, по полученіи отвѣта, имъ же былъ созванъ соборъ (См тамъ же, стр. 114). Очевидно, Павелъ Алепскій смѣшалъ эти два собора.

[3] Въ текстѣ: „протопопу священниковъ и великой церкви". На Востокѣ можетъ быть только одинъ протопопъ, и именно старшій изъ священниковъ по времени рукоположенія. Они именуются протопопами и въ томъ случаѣ, когда не получили на то особаго посвященія.

празднованія памяти свв. мучениковъ Флора и Лавра, кои были родомъ изъ этихъ странъ, какъ повѣствуетъ синаксарь. Они первые увѣровали во Христа и, будучи каменщиками, выстроили церковь; за это они были умерщвлены и приняли мученичество. На другой день всѣ также присутствовали за литургіей со своими свѣчами.

Въ воскресенье, четырнадцатое по Пятидесятницѣ, предъ литургіей пришли къ нашему владыкѣ патріарху и просили его совершить для нихъ освященіе воды, коей іереи освятили бы весь городъ. Причиной было то, что моровая язва уже началась здѣсь, и они уповали, что дѣйствіемъ этого благословенія она будетъ отвращена отъ нихъ. Зазвонили во всѣ колокола и собрались всѣ городскіе священники. Владыка совершилъ для нихъ освященіе воды, освятивъ ее мощами находящихся у нихъ святыхъ и Господними святынями, кои мы имѣли съ собою. Священники раздѣлили между собою св. воду, освятили ею церкви и весь городъ и, возвратившись, совершили, какъ у нихъ это принято, царскій молебенъ. Затѣмъ начался звонъ, и мы пошли къ обѣднѣ. По окончаніи ея, подошли воеводы и старѣйшины города вмѣстѣ съ протопопомъ и всѣми священниками и, поклонившись земно нашему учителю, плача, рыдая и горько жалуясь на жестокость моровой язвы среди нихъ, просили его разрѣшить имъ, чтобы всѣ жители города безъ исключенія постились одну недѣлю, въ чаяніи, что Богъ отвратитъ отъ нихъ язву. Онъ далъ имъ разрѣшеніе поститься только три дня. Такъ и было. Владыка уговорился съ ними, что въ среду онъ опять совершитъ для нихъ водосвятіе, и мы пойдемъ съ ними крестнымъ ходомъ вокругъ кремля. Воевода издалъ приказъ, чтобы въ теченіе трехъ дней не рѣзали скотъ и не открывали питейныхъ домовъ, то-есть, мѣстъ продажи водки и меда. Всѣ постились въ теченіе этихъ трехъ дней строго, не вкушая ничего до девятаго часа [1], и наперерывъ другъ предъ другомъ стремились къ службамъ церковнымъ съ полнымъ благоговѣніемъ и страхомъ, даже маленькія дѣти.

Въ среду, 23 августа, зазвонили во всѣ колокола, собрались всѣ городскіе священники и жители со своими старѣйшинами, женами и дѣтьми и повели нашего владыку патріарха въ церковь. Всѣ священники облачились, также и мы со своими товарищами [2]. Владыка опять совершилъ для нихъ освященіе воды

---

[1] То-есть, за 3 часа до заката солнца.

[2] Или спутниками. Павелъ Алеппскій разумѣетъ, вѣроятно, греческихъ архимандритовъ, которые имъ сопутствовали.

мощами святыхъ и окропилъ ихъ всѣхъ, пока часы не пробили пять часовъ дня [1]. Затѣмъ священники города и дьяконы съ кадильницами попарно пошли передъ нами, неся всѣмъ извѣстную чудотворную икону Владычицы. Каждый священникъ несъ въ рукахъ блюдо, на которомъ лежалъ крестъ, ибо въ этой странѣ отнюдь не держатъ креста въ рукахъ, а носятъ его на блюдѣ. Несли также (другія) иконы и евангелія. Они направились за кремль. Нашъ владыка патріархъ былъ въ мантіи, епитрахили и омофорѣ, съ посохомъ въ лѣвой рукѣ, мы же въ стихаряхъ поддерживали его [2] подъ руки; священники и наши товарищи въ царскихъ облаченіяхъ шли впереди и позади него. Воевода со своими сановниками шелъ позади, а войска впереди, раздвигая народъ. То былъ крестный ходъ, который останется памятнымъ на всю жизнь. Мы начали пѣніе *параклисисъ* (молебенъ) и, проходя мимо какой-либо церкви, всякій разъ обращались къ ней и молились съ поклонами, какъ они. Тогда выходило духовенство этой церкви въ облаченіи—что бывало въ церквахъ какъ внутри кремля, такъ и внѣ его—при чемъ одинъ держалъ крестъ на блюдѣ, другой икону. Подлѣ нашего владыки патріарха шелъ дьяконъ, несшій сосудъ со святою водой, и, бывало, нашъ владыка патріархъ, помолясь на образъ и крестъ и приложившись къ нимъ, благословлялъ крестомъ весь народъ, бралъ св. воду и кропилъ церковь, улицу и народъ, потомъ благословлялъ священника московскимъ благословеніемъ на чело, плечи и грудь, и тотъ уходилъ. Такъ шло, пока мы не возвратились (въ кремль). При этомъ всѣ колокола гудѣли безъ умолку. Когда мы подошли къ городскимъ воротамъ и помолились на икону Владычицы, нашъ владыка, взявъ святой воды, окропилъ, по ихъ обыкновенію, эту икону, брызгая кверху, потомъ окропилъ проходы воротъ и пушки. Выйдя наружу, обратились лицемъ къ иконѣ Господа, помолились на нее, и владыка также ее окропилъ. Всѣ священники стали здѣсь полукругомъ, держа икону впереди, лицомъ къ нашему владыкѣ патріарху. Я возгласилъ ектенію—моленіе за царя, окадивъ икону и присутствующихъ. Нашъ владыка патріархъ прочелъ евангеліе молебствія, потомъ молитву за царя и благословилъ предстоящихъ. Они двинулись, и мы обошли кругомъ рва кремля, въ предшествіи хоругвей, знаменъ и крестовъ; впереди всѣхъ несли высокій, большой, деревянный золоченый крестъ, окруженный фонарями и копьями [3]. Дойдя до вторыхъ воротъ города, помолились издали

[1] То-есть, 7 часовъ до заката солнца.

[2] Въ подлинникѣ: „поддерживали его полы“.

[3] Въ англійскомъ переводѣ: „фонарями на шестахъ“.

на ихъ образъ, при чемъ предварительно зажгли фонари предъ (надворотными) иконами. Священники опять стали въ рядъ и дьяконъ возгласилъ ектенію—моленіе за царя, царицу и ихъ сына. Вотъ она [1]: „помилуй насъ, Боже, по велицѣй милости Твоей, молимся, услыши и помилуй". При этомъ мы пѣли „Господи помилуй" много разъ, какъ они. „Еще молимся о милости, жизни, мирѣ, здравіи, спасеніи, прощеніи, помилованіи, благоустроеніи, споспѣшествованіи и покровеніи царя христолюбиваго, боговѣнчаннаго, благочестивѣйшаго, тишайшаго, князя Алексія Михайловича, и государыни госпожи Маріи августѣйшей и чада ихъ благополучнаго, царевича Алексія Алексіевича, о постоянствѣ славы ихъ и спасеніи. О еже Господу Богу нашему споспѣшити совершенію всѣхъ дѣлъ ихъ и покорити подъ нозѣ ихъ всякаго врага и супостата". При этомъ упоминаніи мы пѣли „Господи помилуй" съ поклонами много разъ, по ихъ обыкновенію.

Примѣчаніе. Эта царская фамилія, извѣстная подъ именемъ „князи", какъ намъ говорили, ведетъ свое происхожденіе изъ Рима. Ея родоначальникъ, около семисотъ лѣтъ тому назадъ, прибылъ въ страну московитовъ моремъ; онъ былъ великимъ вельможей и съ теченіемъ времени сдѣлался владѣтелемъ этихъ странъ). Каждый государь со времени того царя именовался княземъ. Такъ же они назвали и Хмеля.

Затѣмъ протопопъ прочелъ первое евангеліе на моровую язву, а второе Владычицѣ и поднесъ его нашему владыкѣ патріарху для лобызанія. Владыка, преподавъ благословеніе народу, прочелъ молитву за царя на время войны, потомъ молитву по случаю язвы и благословилъ народъ вторично. Помолившись на (надворотную) икону, мы пошли далѣе при звонѣ всѣхъ колоколовъ, перешли чрезъ маленькую рѣку по мосту и, остановившись противъ третьихъ воротъ, совершили то же самое. Мы обошли кругомъ весь кремль и, войдя въ тѣ же ворота, изъ которыхъ вышли, поднялись въ свою церковь. Священники, несшіе икону, остановились въ нарѳексѣ; нашъ владыка патріархъ окадилъ ее, помолился и приложился къ ней, послѣ чего ее поставили на свое мѣсто. Мы разоблачились. Потомъ начали обѣдню, за которой присутствовалъ весь народъ, и мы вышли только послѣ восьмого часа [2].

---

[1] „Въ переводѣ на арабскій", прибавлено въ текстѣ. Слова эти мы опускаемъ, какъ не имѣющія смысла въ русскомъ переводѣ.

[2] За 4 часа до заката солнца.

Глава IV.

Коломна.—Набожность русскихъ. Особенности церковныхъ службъ.

Знай, что въ концѣ каждой службы они совершаютъ многолѣтствованіе царю, т. е. моленіе съ пѣніемъ устами священниковъ и пѣвчихъ. И мы, со времени нашего вступленія въ землю казаковъ, поминали царя, подобно имъ, за каждой ектеніей, а въ концѣ каждой службы также совершали ему многолѣтствованіе и поминали на ектеніи патріарха такъ [1]: „еще молимся о отцѣ патріархѣ московскомъ кириъ Никонѣ; еще молимся о царѣ христолюбивомъ, благочестивомъ, боговѣнчанномъ, тишайшемъ, князѣ Алексіи Михайловичѣ, самодержцѣ [2] всѣхъ странъ русскихъ, и о царицѣ госпожѣ Маріи августѣйшей, и о чадѣ ихъ благополучномъ Алексіи Алексіевичѣ, о всей палатѣ и воинствѣ ихъ, Господу помолимся“. А вотъ какую форму имѣетъ многолѣтіе въ концѣ каждой службы: „многая лѣта да дастъ Господь Богъ царю тишайшему, вѣнчанному, богохранимому, величайшему изъ царей, великому князю, держащему ключи страны московской и всей земли русской, господину киръ киръ Алексію Михайловичу, и славной царицѣ госпожѣ Маріи августѣйшей, и чаду ихъ благополучному Алексію Алексіевичу; святѣйшему, блаженнѣйшему патріарху богохранимаго великаго града Москвы, господину, господину киръ Никону. Господь да сохранитъ ихъ всѣхъ“! Потомъ мы возглашали нашему владыкѣ патріарху, когда онъ благословлялъ: τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν Κύριε φύλαττε εἰς πολλὰ ἔτη (владыку и архіерея нашего, Господи, сохрани на многая лѣта).

Возвращаемся. Наканунѣ 26 августа зазвонили во всѣ колокола и совершили весьма торжественную службу въ воспоминаніе Входа (Срѣтенія) иконы Владычицы, писанной евангелистомъ Лукой, въ городъ Москву. Прочли пареміи [3] и совершили, по обыкновенію, при двухъ священникахъ и дьяконѣ, литію въ нарѳексѣ, молитву благословенія хлѣбовъ: „спаси, Господи, люди Твоя“. Затѣмъ прочли молитву на сонъ грядущимъ и канонъ ежедневный, какъ они дѣлаютъ каждый вечеръ. На другой день торжественно совершили обѣдню.

Знай, что большая часть дней здѣсь, въ этой странѣ моско-

---

[1] Въ текстѣ прибавлено: „по арабски это значитъ“.

[2] Въ подлинникѣ: „самодержцѣ ключей“.

[3] Въ текстѣ: пророчества, *nabuwwât*. Такъ называется по-арабски всякое чтеніе изъ книгъ Ветхаго завѣта.

витовъ, праздники, ибо въ большую часть дней звонятъ въ большіе колокола, назначенные исключительно для воскресеній и великихъ праздниковъ, а также для праздника особенно почитаемаго святого, преимущественно когда совершается память ихъ новыхъ святыхъ, какъ мы потомъ это поясним,—не такъ, какъ въ Молдавіи, Валахіи и у казаковъ, гдѣ звонятъ въ большіе колокола только въ канунъ воскресеній и великихъ праздниковъ.

Ничто не приводило меня въ такое волненіе, какъ звонъ во всѣ колокола накануѣ воскресеній и праздниковъ въ свое время и въ полночь. Земля дрожала, и гулъ колокольнаго звона, подобнаго грому, восходилъ до небесъ. И что имъ мѣшаетъ обращать всѣ дни въ праздники и торжества? Ежедневно они бываютъ въ церквахъ за обѣдней, и въ каждомъ приходѣ всѣ присутствуютъ въ своей церкви, мужчины, малыя дѣти и женщины, при чемъ всякій приноситъ, по ихъ обычаю, для церкви одну или нѣсколько свѣчей, изъ копхъ къ каждой приклеена копѣйка, которая есть ихъ османи [1]. Во всѣхъ ихъ церквахъ выходятъ отъ обѣдни ежедневно только послѣ третьяго часа [2], до котораго они постятся, а не такъ, какъ мы о нихъ слышали, будто у нихъ есть церкви, въ которыхъ служатъ обѣдни въ полночь и на зарѣ для путешественниковъ; (это неправда) ибо всѣ дороги обилуютъ церквами, и куда бы кто ни поѣхалъ, останавливается слушать обѣдню въ ближайшей церкви. Всему этому причиной ихъ великое желаніе постоянно бывать у церковныхъ службъ. Въ каждомъ городѣ непремѣнно есть великая церковь, называемая соборомъ, т. е. каѳолическою. Ежедневно, когда во всѣхъ церквахъ оканчивается литургія, начинается звонъ въ колокола собора и въ немъ совершается обѣдня, которую приходятъ слушать всѣ городскіе священники и большая часть мірянъ: у нихъ это считается обязанностью, которую они ежедневно исполняютъ. Когда въ этомъ городѣ появилась сильная моровая язва, то священники приходскихъ церквей, послѣ того какъ они поминали за обѣднями имена скончавшихся въ приходѣ ихъ церквей, приходили съ этими списками (въ соборъ) и поминали ихъ при проскомидіи За ектеніей, послѣ „рцемъ всі“, дьяконъ говорилъ новую ектенію, которую мы не знали; это—ектенія „помилуй насъ, Боже“, и пр., возглашаемая по усопшимъ: „еще молимся о упокоеніи душъ рабовъ Божіихъ, братъ-

[1] Т. е. такая же правительственная монета, какъ и та, которая ходитъ въ Турціи и чеканится оттоманскимъ правительствомъ.

[2] За 9 часовъ до заката солнца.

евъ нашихъ, всѣхъ, скончавшихся въ семъ градѣ", и начинаетъ поминать ихъ имена одно за другимъ, быть можетъ, четыре, пять тысячъ именъ, а священникъ читаетъ молитву: „Боже духовъ и всякія плоти" всю тайно и возглашаетъ: „ибо Ты еси воскресеніе, и животъ, и покой [1] рабовъ Твоихъ" такихъ-то; при этомъ дьяконъ передавалъ списки (усопшихъ) и священникъ также поминалъ ихъ всѣхъ. Послѣ того дьяконъ говорилъ: „оглашеннін, Господу помолитесь!" По такой причинѣ они очень поздно кончали обѣдню, выходя отъ нея не раньше шестого или седьмого часа.

Что касается ихъ способа звонить въ колокола на этихъ колокольняхъ, то это дѣлается такъ. Слишкомъ за часъ до начала службы, утромъ и вечеромъ и передъ обѣдней, люди, для того приставленные и получающіе содержаніе, ударяютъ въ колокола ихъ языками, въ одинъ за другимъ поочередно, до начала службы или обѣдни, когда начинаютъ звонить во всѣ колокола заразъ вмѣстѣ съ малыми.

Мы дивились на порядки въ ихъ церквахъ, ибо видѣли, что всѣ они, отъ вельможъ до бѣдняковъ, прибавляли къ тому, что содержится въ законѣ канонахъ и постановленіяхъ типикона, прибавляли постоянные посты, неуклонное посѣщеніе службъ церковныхъ, непрестанные большіе поклоны до земли даже по субботамъ и воскресеньямъ, хотя это не дозволено, постъ ежедневный почти до девятаго часа или до выхода отъ обѣдни, а не такъ, какъ повелѣваетъ законъ поститься только по средамъ и пятницамъ. Выходятъ они (изъ церкви) въ одно время, будетъ-ли это въ воскресенье, или въ господскій праздникъ, или въ будній день.

Что касается чина, соблюдаемаго въ ихъ церкви, то въ каждый канунъ (праздника) и утромъ священникъ начинаетъ службу и выходитъ кадить не иначе, какъ въ фелони, (не снимая ея) до самаго конца (службы). Въ здѣшней великой церкви въ канунъ особенныхъ праздниковъ обыкновенно облачались два священника и дьяконъ и непремѣнно совершался входъ и литія въ нарѳексѣ и читалась молитва благословенія хлѣбовъ, но безъ хлѣбовъ, ибо, какъ мы замѣтили, во всей этой странѣ выкладываютъ хлѣбъ за всенощнымъ бдѣніемъ только наканунѣ великихъ праздниковъ, что мы впослѣдствіи пояснимъ. Передъ псалмомъ вечерни непремѣнно читаютъ „Святый Боже", по монастырскому правилу, ибо у нихъ нѣтъ различія между чиномъ монастырей и чиномъ мірскихъ церквей—все равно. Наканунѣ

[1] „И упокоеніе", прибавлено въ текстѣ.

воскресеній и особенныхъ праздниковъ поютъ вечерній псаломъ поперемѣнно на обоихъ клиросахъ и тянутъ его весьма долго, а дьяконъ канонаршитъ, стоя посреднѣ, по псалтырю, лежащему передъ нимъ на аналоѣ. Таковъ ихъ обычай. Евангеліе, апостолъ и псалтырь—всѣ одного размѣра и большею частью бываютъ обложены серебромъ, ибо достоинство всѣхъ трехъ (книгъ) въ ихъ глазахъ одинаково. Непремѣнно поютъ аллилуія трижды и „Славѣ Тебѣ Боже“ [1]) въ концѣ каждаго стиха псалма, какъ мы поемъ за всенощнымъ бдѣніемъ при поліелеяхъ. Также и каѳизму псалма они поютъ поперемѣнно и весьма продолжительно, а не такъ, какъ мы просто читаемъ ее. У нихъ нѣтъ обыкновенія, чтобы кто-нибудь читалъ, хотя бы Святый Боже, наизусть, но непремѣнно по книгѣ: они думаютъ, что онъ ошибется и не такъ прочтетъ. Такъ они читали часы, „Помилуй мя Боже“, „Благослови Господи“—все по книгѣ, не спѣша, а не такъ, какъ мы спѣшно читаемъ. То же и при отпустѣ ихъ службъ. Но „Господи воззвахъ“ съ прочими стихирами они просто читаютъ (?), равно и всѣ каноны (исполняются) безъ канонарха и пѣнія, кромѣ прмосовъ. Поэтому они много читаютъ изъ житій и поученій при каѳизмахъ псалтыря и пѣсняхъ канона въ своемъ мѣстѣ. Всякое „Слава и нынѣ“ поютъ по его гласу, но при этомъ всѣ, т. е. священники и пѣвчіе, выходятъ и становятся въ хоросѣ полукругомъ другъ противъ друга, сдѣлавъ взаимно поклонъ головою; то же дѣлаютъ при „Честнѣйшую херувимъ“. когда наступаетъ ея время, равно при девятой пѣснѣ за заутреней и послѣ канона, т. е. послѣ десятаго хвалитна предъ „Хвалите Господа съ небесъ“, а также въ свое время за литургіей. Равнымъ образомъ и при „Слава въ вышнихъ Богу“ и пр. они выходятъ въ хоросъ и поютъ ее армянскимъ напѣвомъ, а затѣмъ, послѣ Святый Боже. возвращаются на свои мѣста. Архіерей или протопопъ не читаетъ ни „Свѣте тихій“, ни „Сподоби Господи“, ни „Вѣрую“ и „Отче нашъ“ при литургіи, но все это поютъ священники и пѣвчіе на обоихъ клиросахъ. Во время ектеніи, которую говоритъ дьяконъ или священникъ, при всякомъ прошеніи „Господи помилуй“ поютъ, также и „подай Господи“, ибо говорящій ектенію, сказавъ прошеніе, останавливается (и ждетъ), пока не споютъ. Такъ у нихъ принято, согласно съ тѣмъ, какъ установлено въ книгѣ (служебникѣ). При окончаніи каждаго возгласа священника непремѣнно поютъ Аминь. Въ концѣ каждой службы не-

[1] Слова эти написаны въ текстѣ по-русски, но переведены по-арабски почему-то: „Слава въ вышнихъ Богу“.

премѣнно поется „Достойно есть“ и прочее въ надлежащемъ порядкѣ пѣвчими и священниками. При ектеніи дьякона или священника отворяютъ царскія двери, которыя бываютъ деревянныя, съ рѣзьбой и позолотой, а когда тотъ кончитъ, затворяютъ ихъ и онѣ всегда остаются замкнутыми. Если въ церкви присутствуетъ архіерей, то священникъ и дьяконъ, послѣ того какъ войдутъ (въ алтарь), облачатся и, выйдя, сдѣлаютъ нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ иконами Господа и Владычицы, по ихъ всегдашнему обыкновенію, подходятъ къ нему подъ благословеніе. За вечерней дьяконъ непремѣнно возглашаетъ „Благослови владыко“ внѣ (алтаря), сильно растягивая, и входитъ (въ алтарь), а священникъ говоритъ „Благословенно“, и чтецъ читаетъ псаломъ вечерни. Во время кажденія выходятъ дьяконъ со свѣчой, а священникъ съ кадиломъ. У нихъ принято кадить на всѣ иконы въ церкви по-одиночкѣ, даже и на тѣ, которыя на стѣнахъ, при чемъ поднимаютъ руку высоко, сколько силъ хватитъ. Наканунѣ каждаго воскресенья и особеннаго праздника, передъ „Слава и нынѣ“, протопопъ съ шестью другими священниками подходилъ взять благословеніе у нашего владыки патріарха, дѣлая ему земной поклонъ передъ и послѣ; онъ благословлялъ ихъ, они входили въ алтарь, облачались и выходили на Входъ. Протопопъ первенствуетъ между священниками: онъ становится передъ престоломъ на мѣстѣ архіерея, а они вокругъ него. Также, во время обѣдни, онъ становится передъ каѳедрой (горнимъ мѣстомъ), а они вокругъ него. Онъ же говоритъ возгласы и читаетъ молитвы, присвоенныя архіерею, взамѣнъ него. При выходѣ на литію, онъ также стоялъ во главѣ священниковъ, а они вокругъ него. Онъ благословляетъ народъ и ихъ, и они всегда находятся у него въ подчиненіи. Каждый вечеръ въ теченіе года послѣ вечерни непремѣнно читаютъ молитву на сонъ грядущимъ и ежедневный канонъ, а также постоянно паремію. Послѣ обѣдни ежедневно читаютъ девятый (часъ). При воскресной и праздничной утрени звонятъ въ колокола въ глубокую ночь и совершаютъ сначала полунощницу, а по окончаніи ея садятся и читаютъ поученія или житія; затѣмъ встаютъ, и начинается звонъ къ утренѣ. Дьяконъ выходитъ со свѣчой, а священникъ съ кадильницей и кадитъ всю церковь въ молчаніи, пока не дойдутъ до царскихъ дверей, въ которыя входитъ дьяконъ, говоря: „Благослови владыко“, а священникъ: „Благословенно“. При великой ектеніи дьяконъ выходитъ и говоритъ ее. Также выходили кадить передъ канономъ, а послѣ евангелія дьяконъ, выйдя, читалъ „Спаси, Господи, люди Твоя“. Ежедневно во время обѣдни, при чтеніи апостола, дьяконъ непре-

мѣнно говоритъ псаломъ Давида и прокименъ трижды, а пѣвчіе поютъ его. Непремѣнно читаютъ каждый день два апостола и два евангелія, именно дневное и праздника святого, который приходится (въ тотъ день); хотя бы это былъ воскресный день, они не пропускаютъ памяти святого. Во многіе дни они читали три апостола и три евангелія, изъ коихъ одно непремѣнно евангеліе Владычицы. Чтецъ, хотя бы это былъ маленькій мальчикъ, читаетъ апостолъ не иначе, какъ весьма рѣчисто, и заканчиваетъ его очень протяжно и громкимъ голосомъ нараспѣвъ; затѣмъ онъ говоритъ трижды прокименъ къ евангелію, который пѣвчіе поютъ на обоихъ клиросахъ его гласомъ, и оканчиваетъ съ ними словомъ „аллилуія“ голосомъ сильнымъ и протяжнымъ. Передъ евангеліемъ и послѣ него пѣвчіе непремѣнно поютъ на своемъ языкѣ протяжно „Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ“. Дьяконъ, читавшій евангеліе, возглашаетъ и ектенію „рцемъ вси“. При упоминаніи царя поютъ „Господи помилуй“ двѣнадцать разъ и всѣ, вмѣстѣ со священниками и дьякономъ, дѣлаютъ по три поклона. При упоминаніи патріарха, „Господи помилуй“ пѣли три раза, равно и при упоминаніи царицы, сына ихъ Алексѣя, трехъ сестеръ и трехъ дочерей царя, такъ что, по нашему счету, они пропѣли для нихъ за этой ектеніей „Господи помилуй“ около ста разъ, и всякій разъ дьяконъ, сказавъ ектенію и войдя въ алтарь, трижды дѣлалъ поклонъ передъ престоломъ и цѣловалъ его; равно и священникъ дѣлалъ поклоны. Таковъ ихъ всегдашній обычай. Обрати вниманіе на это благоговѣніе! Знай, что у нихъ, въ этой странѣ, обыкновенно ничего не кладутъ на святой престолъ, ни служебника священника, ни ризы, ни книги, ни священническаго облаченія—у нихъ это считается за большой грѣхъ—ничего, кромѣ евангелія и креста. Для каждаго престола имѣется дорогое покрывало, которымъ священникъ покрываетъ его по окончаніи обѣдни, и онъ остается всегда закрытымъ. При выходѣ съ Дарами всѣ кланяются до земли съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ, ибо христіане этой страны весьма набожны: непрестанно съ начала службы до конца, дѣлаютъ колѣнопреклоненія и земные поклоны, особливо при „Достойно есть“ и упоминаніи имени Богородицы [1]), т. е. Матери Божіей, всѣ они стукаютъ лбами о землю, будь это даже въ воскресный день.

Войдя въ церковь, долго молятся передъ иконами, ибо у нихъ нельзя молиться иначе, какъ предъ иконой, устремивъ на нее взоры, то-есть, они дѣйствительно преклоняются передъ ней,

[1]) Въ текстѣ написано по-русски.

а не такъ, какъ мы (молимся) кое-какъ. По причинѣ великой любви своей къ иконамъ, они, если не видятъ издали иконы или купола церковнаго, не молятся. Такова ихъ вѣра. Помолившись на иконы, они оборачиваются и дѣлаютъ поклонъ головой присутствующимъ на всѣ четыре стороны. Такъ они дѣлаютъ не только въ церквахъ, но и въ своихъ домахъ, ибо въ каждомъ домѣ непремѣнно есть иконы не только внутри, но и снаружи надъ дверьми, какъ мы выше сказали. Стоятъ они въ церкви неподвижно, какъ камни, и всѣ съ открытыми головами, отъ священниковъ и властей до простого народа. Ихъ крестное знаменіе совершается ударомъ пальцами о лобъ и плечи на самомъ дѣлѣ, при чемъ они дѣлаютъ поклонъ, а не такъ, какъ мы чертимъ каракули. Такъ (крестятся) не только мужчины и женщины, но и маленькіе мальчики и дѣвочки, которые научены (поступать) такъ же, и мы дивились на нихъ, что они дѣлаютъ поклоны головой присутствующимъ, какъ дѣлаютъ ихъ отцы [1].

А что касается насъ, то душа у насъ разставалась съ тѣломъ, оттого что они очень затягиваютъ обѣдни и другія службы: мы выходили не иначе, какъ разбитые ногами и съ болью въ спинѣ, словно насъ распинали. Но да совершится воля Божія!

Впрочемъ они не заботятся прикладываться къ иконамъ, ни къ евангелію за воскресной утреней, ни при полученіи антидора; причиною тому ихъ благочестіе, ибо они прикладываются къ иконамъ разъ въ году, а именно въ воскресенье Православія, какъ мы разъяснимъ впослѣдствіи, послѣ того какъ они вымоются и надѣнутъ чистое платье. Если случится съ кѣмъ-либо изъ нихъ осквернепіе, тотъ отнюдь не входитъ въ церковь, но становится внѣ ея. Если мужъ имѣлъ сообщеніе съ женой, то они тотчасъ омываются, но не входятъ въ церковь, не прикладываются къ иконамъ и не касаются ихъ, какъ мы это видѣли своими глазами въ Москвѣ у торговцевъ иконами, пока священникъ не прочтетъ надъ ихъ головой молитву, намъ непзвѣстную, и не благословитъ; тогда они входятъ (въ церковь). Мы наблюдали это, краснѣя за нихъ. Въ особенности наканунѣ воскресеній бывало, что всѣ они, придя, становились внѣ церкви; священники выходили къ нимъ и читали надъ ними молитву, дабы они могли войти въ церковь.

Когда въ церкви [2]) присутствовалъ нашъ владыка патріархъ, то большинство ихъ, отъ воеводы до простолюдиновъ, подходили

---

[1] Всѣ эти подробности, сообщаемыя архидіакономъ, о русскихъ церковныхъ обрядахъ и о русской набожности выпущены въ англійскомъ переводѣ.

[2]) Отсюда до конца главы пропускъ въ англійскомъ переводѣ.

къ нему подъ благословеніе, при чемъ кланялись ему до земли передъ и послѣ; это дѣлали даже маленькія дѣти и священники. Таковъ ихъ обычай. Женщины становятся на одной сторонѣ, а мужчины на другой, и первыя не отдѣлены рѣшеткой и стоятъ безъ покрывала. Таковъ обычай ихъ во всей этой странѣ.

Возвращаемся къ завершенію литургіи. Послѣ „Достойно есть“ тушатъ большую часть церковныхъ свѣчей, а при причастномъ стихѣ гасятъ и всѣ свѣчи. Во время явленія Даровъ дьяконъ обращается съ ними направо и налѣво; потомъ и священникъ также становится съ ними въ царскихъ вратахъ и говоритъ, обращаясь къ народу: „благословіи“, какъ это назначено въ служебникѣ, ибо всѣ ихъ обряды изложены точно.

Литургія у нихъ совершается чрезвычайно продолжительно, со всякимъ страхомъ и смиреніемъ. Они неукоснительно остаются (въ церкви) до тѣхъ поръ, пока священникъ не совершитъ отпуста, и уходятъ по прочтеніи девятаго часа. Священникъ и дьяконъ, омывъ руки, подходятъ къ престолу, дѣлаютъ трижды земной поклонъ и, приподнявъ край покрова престола, цѣлуютъ его; читаютъ при этомъ молитвы и благодаренія, молясь за царя и весь царскій домъ, за воинство, за своего патріарха и архіерея и за всѣхъ христіанъ, и уходятъ.

Священники какъ здѣсь, такъ и во всей странѣ грековъ и казаковъ, имѣютъ обыкновеніе, въ концѣ отпуста каждой службы, поминать имена святыхъ того дня и непремѣнно также имя патрона церкви. Въ каждой большой церкви непремѣнно стоятъ передъ подсвѣчниками два покрытыхъ аналоя; на одномъ изъ нихъ лежитъ икона патрона церкви, на другомъ—икона святого или господскаго праздника, память котораго совершается, при чемъ икона остается до тѣхъ поръ (на аналоѣ), пока не наступитъ память другого святого: тогда ее снимаютъ и кладутъ другую икону. Также наканунѣ каждаго воскресенья выкладывали икону Воскресенія. Въ здѣшней (соборной) церкви была выложена икона Успенія Владычицы, а подлѣ нея лежала икона Нерукотвореннаго Образа, который они очень любятъ.

Глава V.

Коломна.—Церковное пѣніе. Духовенство. Мощи. Новый Годъ.

Пѣніе казаковъ радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца и исполняется какъ бы изъ однихъ устъ; они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (московитовъ) пѣніе идетъ безъ

обученія, какъ случится, все равно: они этимъ не стѣсняются. Лучшій голосъ у нихъ – грубый, густой, басистый, который не доставляетъ удовольствія слушателю. Какъ у насъ онъ считается недостаткомъ, такъ у нихъ нашъ высокій напѣвъ считается неприличнымъ. Они насмѣхаются надъ казаками за ихъ напѣвы, говоря, что это напѣвы франковъ и ляховъ, которые имъ извѣстны. Такъ же всѣ они и читаютъ.

Священники ихъ, какъ мы раньше сказали, носятъ одѣянія изъ зеленаго и другихъ цвѣтовъ сукна или изъ ангорской шерсти, и эти послѣднія, будучи любимы у нихъ, носятся большинствомъ. Одѣяніе это имѣетъ широкій воротникъ, отвернутый назадъ, (идущій) кругомъ шеи и до груди, изъ шелковой матеріи или рытаго бархата, похожаго на осыпанный цвѣтами, и застегивается отъ шеи до самаго подола, по ихъ обычаю, многочисленными, близко насаженными пуговицами серебряно-вызолоченными, или стеклянными, или изъ краснаго коралла, или изъ голубой бирюзы и иныхъ веществъ. При этомъ (они носятъ) широкую (верхнюю) одежду съ большими рукавами, прямую, но не открытую (спереди). Читатель пусть уподобляетъ ихъ, кому пожелаетъ. Что касается ихъ колпаковъ, то богатые п. протопопы носятъ колпаки изъ зеленаго, краснаго и чернаго бархата, остальные— изъ сукна; подъ нихъ надѣваютъ шапочки изъ краснаго сукна, простроченныя желтымъ шелкомъ, съ околышемъ изъ розовой шелковой матеріи. Такова же одежда дьяконовъ. Такъ же одѣваются и жены духовныхъ лицъ, дабы можно было знать, что онѣ жены священниковъ и дьяконовъ. Кромѣ нихъ вообще никто не носитъ такой одежды и такихъ шапочекъ. Волосъ на головѣ они не брѣютъ, за исключеніемъ большого кружка посрединѣ, оставляя прочіе длинными, какъ они есть. Они всегда держатъ ихъ въ порядкѣ и часто расчесываютъ; при этомъ они очень любятъ смотрѣться въ зеркало, которыхъ въ каждомъ алтарѣ бываетъ одно или два: въ нихъ они постоянно смотрятся, причесываясь и охорашиваясь, безъ стѣсненія. Поэтому, при своей статности, благовоспитанности и крайней учтивости, они внушаютъ къ себѣ почтеніе. Даже деревенскіе и другіе священники, которые подчинены протопопу и стоятъ передъ нимъ съ открытою головой [получая отъ него благословеніе, весьма уважаются народомъ, и люди никогда не стоятъ передъ ними иначе, какъ съ непокрытою головой [1]]. Воеводы и власти равнымъ образомъ уважаютъ и почитаютъ ихъ и, какъ намъ приходилось видѣть, снимаютъ передъ ними свои колпаки. Являясь къ

[1] Дополнено по англійскому переводу.

архіерею, священники также снимаютъ свои колпаки. Въ церквахъ стоятъ отъ начала службы до конца тоже съ открытыми головами. Когда священникъ идетъ по улицѣ, то люди спѣшатъ къ нему съ поклономъ для полученія благословенія на чело и плечи, по ихъ обычаю. Обрати вниманіе на эти порядки: какъ они хороши!

При великой церкви, подобной здѣшней, обыкновенно бываетъ семь священниковъ и семь дьяконовъ—ни больше, ни меньше. Намъ показывали въ этой церкви въ алтарѣ сундуки съ облаченіями здѣшнихъ архіереевъ; тутъ были фелони изъ тяжелой шелковой матеріи съ дорогимъ оплечьемъ, расшитымъ золотомъ, четыре митры, то есть короны безъ зубцовъ, множество праздничныхъ облаченій, серебряные сосуды, много священническихъ ризъ и дьяконскихъ стихарей царски роскошныхъ—и какъ имъ не быть такими, когда они пожертвованы царями? Мы прикладывались ко многимъ мощамъ святыхъ, помѣщеннымъ у нихъ въ золотыхъ и серебряныхъ ковчегахъ, и клали передъ ними земные поклоны, какъ это имъ приличествуетъ. Мы были изумлены ихъ блескомъ. Какъ въ древности, во дни христіанскихъ царей, переносили рѣдкости вселенной, коихъ большая часть изъ нашей страны, а именно, Господніе остатки и мощи святыхъ, въ царствующій градъ Константинополь, который такимъ образомъ пріобрѣлъ ихъ всѣ, пока не завладѣли имъ гаджирійцы (мусульмане), и святыни разсѣялись; такъ, съ того времени доселѣ, угодно было Господу внушить патріархамъ, архіереямъ, настоятелямъ монастырей, священникамъ и монахамъ переносить эти сокровища и преславные остатки изъ тѣхъ странъ въ городъ Москву, нынѣ новый Римъ, достойный всякой хвалы и чести, и дарить ихъ его царямъ, которые хорошо знали ихъ достоинство и вознаграждали за нихъ богатствами и милостынными дарами. Благочестивые и блаженные цари, почтивъ эти Господніе остатки и святыя мощи оправами изъ серебра и золота, жертвовали ихъ въ каѳедральныя архіерейскія церкви и большіе монастыри, что внутри крѣпостей, дабы онѣ служили охраной городамъ. Въ началѣ каждаго мѣсяца совершаютъ водосвятіе, освящая воду мощами, и окропляютъ ею всѣ церкви, городъ и дома для отвращенія отъ нихъ всякихъ золъ. Когда постигаетъ ихъ испытаніе или бѣдствіе, священники выносятъ мощи и идутъ съ ними крестнымъ ходомъ, моля святыхъ, коимъ принадлежатъ эти мощи, о заступленіи и ходатайствѣ за нихъ передъ Создателемъ, дабы Онъ отвратилъ отъ нихъ напасти. Вотъ наименованія этихъ святынь: во-первыхъ, большой позолоченный крестъ, осыпанный крупнымъ жемчугомъ, съ Честнымъ Древомъ внутри,

затѣмъ, въ позолоченныхъ ковчегахъ: золотое сіяніе, на коемъ изображенъ св. Георгій; внутри частица подлинныхъ мощей его: она блеститъ какъ золото, разливая свѣтъ; тверда какъ кремень, желтаго цвѣта и кругомъ съ позолотой; частица мощей [1] Іоанна Крестителя, перстъ ап. Андрея, частицы мощей архидіакона Стефана, пророка Даніила, мученика Пантелеймона, муч. Артемія, св Ѳеодора Тирона, св. Іакова, разсѣченнаго на уды, Евопмія Великаго, Іоанна Златоуста, Прокла, Андрея Стратилата и Ефрема Сирина. Всѣ эти мощи въ позолоченной оправѣ, на которой написаны ихъ имена.

Возвращаемся. Наканунѣ 19 августа совершили большое торжество въ воспоминаніе Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. Въ этотъ день они обыкновенно вовсе не ѣдятъ вареной пищи, а ѣдятъ только плоды.

Въ первый день сентября—начало новаго 7163 года [2] и память св. Симеона Столпника Алеппскаго—совершили большое торжество со звономъ во всѣ колокола съ вечера и на другое утро, ибо они очень любятъ этого святого. Икона его была выложена на аналоѣ. На утро всѣ поспѣшили (въ церковь), нарядившись въ лучшія свои одежды, такъ какъ по важности этотъ день, начало года, больше Пасхи. Всѣ городскіе священники собрались въ соборную церковь, облачились и совершили молебствіе за царя съ особою молитвой, какъ у нихъ принято, дабы этотъ годъ былъ счастливъ для него. Пропѣли многолѣтіе о долгоденствіи ему и его новорожденному сыну Алексію, царицѣ и всему царствующему дому. Они поздравляли также другъ друга съ пожеланіями счастія на новый годъ. Затѣмъ совершили водосвятіе, освятивъ воду вышеупомянутыми мощами, и окропили ею всѣхъ присутствующихъ.

Намъ разсказывали, что когда царь находится въ столицѣ, бываетъ великое торжество и большой праздникъ. Онъ выходитъ со всею свитой въ драгоцѣнномъ царскомъ одѣяніи и коронѣ изъ великой церкви на дворцовую площадку вмѣстѣ съ патріархомъ, который выражаетъ ему благожеланія и многолѣтствуетъ; то же и царь патріарху. Потомъ подходятъ всѣ вельможи и поздравляютъ обоихъ, а затѣмъ другъ друга. Таковъ ихъ обычай, и какой это прекрасный обычай!

Въ день Воздвиженія Креста обрядъ ихъ подобенъ нашему, только они поминаютъ имя царя Алексія въ положенныхъ тропаряхъ и выставляютъ крестъ на аналоѣ, послѣ того какъ приложатся къ нему, до самаго дня отданія.

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ: зубъ.

[2] Въ рукописяхъ ошибочно: 7173, а въ англійскомъ переводѣ: 7136.

Глава VI.

Коломна.—Описаніе моровой язвы.

Возвращаемся (къ разсказу). Сильная моровая язва, перейдя изъ города Москвы, распространилась вокругъ нея на дальнее разстояніе, при чемъ многія области обезлюдѣли. Она появилась въ здѣшнемъ городѣ и окрестныхъ деревняхъ. То было нѣчто ужасающее, ибо являлось не просто моровою язвой, но внезапною смертью. Стоптъ, бывало, человѣкъ и вдругъ моментально падаетъ мертвымъ; или: ѣдетъ верхомъ или въ повозкѣ и валится навзничь бездыханнымъ, тотчасъ вздувается какъ пузырь, чернѣетъ и принимаетъ непріятный видъ. Лошади бродили по полямъ безъ хозяевъ, а люди мертвые лежали въ повозкахъ, и некому было ихъ хоронить. Воевода передъ этимъ послалъ было загородить дороги, дабы воспрепятствовать людямъ входить въ городъ, опасаясь, чтобы кто-нибудь не занесъ заразы, но это оказалось невозможнымъ. Подобнымъ образомъ поступилъ и царь тамъ, гдѣ онъ находился, осаждая Смоленскъ, запретивъ приближаться приходившимъ къ нему съ письмами гонцамъ. Все его войско стояло на берегу большой рѣки, переходить чрезъ которую къ нимъ не дозволялось никому изъ ихъ страны, дабы смертность не появилась среди нихъ. Когда приходили письма къ царю, то особо назначенные для того люди, стоявшіе на томъ берегу, брали ихъ отъ гонцовъ и перевозили на лодкахъ, при чемъ погружали ихъ въ воду, и потомъ передавали другимъ для доставленія царю: думали, что при передачѣ изъ рукъ въ руки зараза уничтожается, и потому письма погружали въ воду, передавая ихъ по обычаю франковъ. Московиты не знали моровой язвы издавна и, бывало, когда греческіе купцы о ней разсказывали, сильно удивлялись. Теперь, когда моровая язва появилась среди нихъ, они были сбиты съ толку и впали въ сильное уныніе.

Въ это время воевода посылалъ, одного за другимъ, шестнадцать гонцовъ къ царю и къ его намѣстникамъ въ столицу по важнымъ дѣламъ, касающимся насъ и его, и, какъ мы въ этомъ удостовѣрились, ни одинъ изъ нихъ не вернулся: всѣ умерли на дорогѣ. Старики намъ разсказывали, что сто лѣтъ тому назадъ также была у нихъ моровая язва, но тогда она не была такова, какъ теперешняя, перешедшая всякія границы. Бывало, когда она проникала въ какой-либо домъ, то очищала его совершенно, такъ что никого въ немъ не оставалось. Собаки и свиньи бродили по домамъ, такъ какъ некому было ихъ выгнать

и запереть двери. Городъ, прежде кишѣвшій народомъ, теперь обезлюдѣлъ. Деревни тоже, несомнѣнно, опустѣли, равно вымерли и монахи въ монастыряхъ. Животныя, домашній скотъ, свиньи, куры и пр., лишившись хозяевъ, бродили, брошенныя безъ призора, и большею частью погибли отъ голода и жажды, за неимѣніемъ, кто бы смотрѣлъ за ними. То было положеніе, достойное слезъ и рыданій. Моръ, какъ въ столицѣ, такъ и здѣсь и во всѣхъ окружныхъ областяхъ, на разстояніи семисотъ верстъ, не прекращался, начиная съ этого мѣсяца, почти до праздника Рождества, пока не опустошилъ города, истребивъ людей. Воевода составилъ точный перечень умершихъ въ этомъ городѣ, коихъ было, какъ онъ намъ сообщилъ, около десяти тысячъ душъ [1]. Такъ какъ большинство здѣшнихъ жителей служило въ конницѣ и находилось съ царемъ въ походѣ, то воевода, изъ боязни передъ ними, запечаталъ ихъ дома, дабы они не были разграблены.

Подлинно, этотъ народъ истинно христіанскій и чрезвычайно набоженъ, ибо, какъ только кто-нибудь, мужчина или женщина, заболѣетъ, то посвящаетъ себя Богу: приглашаетъ священниковъ, исповѣдуется, пріобщается и принимаетъ монашество, (что дѣлали) не только старцы, но и юноши и молодыя женщины; все же свое богатство и имущество отказываетъ на монастыри, церкви и бѣдныхъ. Хуже всего и величайшимъ гнѣвомъ Божіимъ была смерть большинства священниковъ и оттого недостатокъ ихъ, вслѣдствіе чего многіе умирали безъ исповѣди и принятія св. Таинъ. У многихъ священниковъ умерли жены; а обыкновенно, здѣшній патріархъ и епархіальные архіереи отнюдь не дозволяютъ вдовому священнику служить обѣдню, но лишь послѣ того какъ онъ приметъ монашество въ какомъ-либо монастырѣ и пробудетъ тамъ нѣсколько лѣтъ,—дабы, какъ они полагаютъ, у него всякія мечты исчезли,—они читаютъ надъ нимъ молитву и даютъ ему дозволеніе служить литургію, да и то послѣ многихъ ходатайствъ. Но новый патріархъ Никонъ, любя греческіе обряды, уничтожилъ этотъ обычай, хотя все-таки никакъ не оставляетъ вдоваго священника жить въ городѣ, но монахомъ въ монастырѣ, давая ему дозволеніе служить обѣдню. Это было большое несчастіе (при теперешнихъ обстоятельствахъ).

Потомъ бѣдствіе стало еще тяжеле и сильнѣе, и смертность чрезвычайно увеличилась. Некому было хоронить. Въ одну яму клали по нѣскольку человѣкъ другъ на друга, а привозили ихъ

---

[1] Соловьевъ (Ист. Россіи, т. X.), перечисляя количество жертвъ моровой язвы въ разныхъ городахъ, почему-то не упомянулъ о Коломнѣ.

въ повозкахъ мальчики, сидя верхомъ на лошади, одни, безъ своихъ семейныхъ и родственниковъ, и сваливали ихъ въ могилу въ одеждѣ. Часть священниковъ умерла, а потому больныхъ стали привозить въ повозкахъ къ церквамъ, чтобы священники ихъ исповѣдовали и пріобщили св. Таинъ. Священникъ не могъ выйти изъ церкви и оставался тамъ цѣлый день въ ризѣ и епитрахили, ожидая больныхъ. Онъ не успѣвалъ, и потому нѣкоторые изъ нихъ оставались подъ открытымъ небомъ, на холодѣ, по два и по три дня, за неимѣніемъ, кто бы о нихъ позаботился, по отсутствію родственниковъ и семейныхъ. При видѣ этого и здоровые умирали со страха. На издержки по погребенію пріѣзжихъ купцы, по ихъ обычаю, дѣлали сборъ.

Христіане въ Молдавіи, Валахіи и въ землѣ казаковъ имѣютъ обычай хоронить своихъ покойниковъ въ досчатыхъ гробахъ; здѣсь же обыкновенно хоронятъ ихъ въ гробахъ, выдолбленныхъ изъ одного куска дерева, съ таковою же горбообразною крышкой, и не только взрослыхъ, но и малыхъ дѣтей, даже однодневныхъ младенцевъ. По недостатку гробовъ, за неимѣніемъ, кто бы привозилъ ихъ изъ деревень [1], цѣна ихъ, бывшая прежде меньше динара (рубля), стала семь динаровъ, да и за эту цѣну, наконецъ, нельзя было найти, такъ что стали дѣлать для богатыхъ гроба изъ досокъ, а бѣдныхъ зарывали просто въ платьѣ.

Умерли всѣ семь священниковъ здѣшней соборной церкви и шесть дьяконовъ, въ томъ числѣ и протопопъ и его сыновья—священники, ихъ дѣти и все его семейство. Прежде литургія иногда прекращалась въ нѣкоторыхъ церквахъ, никогда, однако, ни на одинъ день не прерываясь въ этой церкви, теперь же и здѣсь литургія и другія службы прекратились на долгое время, и церковь осталась покинутою, такъ что старосты стали нанимать и присылать для служенія въ ней по воскресеньямъ кого-либо изъ деревенскихъ священниковъ.

Умеръ и *барибоджикосъ* (переводчикъ), т. е. царскій толмачъ, который пріѣхалъ съ нами изъ Калуги. Тогда нашъ владыка патріархъ ходатайствовалъ передъ намѣстникомъ, и тотъ, спустя долгое время, прислалъ намъ другого переводчика, ибо, по принятому обыкновенію, въ патріаршемъ приказѣ [2] постоянно бываетъ одинъ или два переводчика на случай надобности. Слово „переводчикъ“ по-гречески значитъ: *метафрастисъ*, т. е. переводчикъ писемъ съ греческаго на русскій. По прибытіи своемъ,

---

[1] По англійскому переводу. Въ здѣшнихъ рукописяхъ вмѣсто этого, очевидно, ошибочно: „изъ земли казаковъ“.

[2] Въ подлинникѣ: „при дверяхъ (*бâб*) патріарха“.

онъ разсказалъ намъ, что царскій намѣстникъ и визири точно исчислили, по спискамъ, умершихъ въ столицѣ съ начала язвы до конца ея, и оказалось 480 тысячъ по записямъ, такъ что большинство дворовъ и улицъ опустѣли, и столица, прежде биткомъ набитая народомъ, сдѣлалась безлюдною. Собаки и свиньи пожирали мертвыхъ и бѣсились, и потому никто не осмѣливался ходить въ одиночку, ибо отъ голода и бѣшенства, если, бывало, онѣ одолѣютъ одинокаго прохожаго, загрызаютъ его до смерти.

Умеръ царскій намѣстникъ, умерли одинъ за другимъ три митрополита, которыхъ посылалъ патріархъ на мѣсто себя. Священниковъ умерло безсчетное число, и церкви запустѣли. Оставшіеся въ живыхъ священники пріобрѣли огромныя богатства, ибо, не успѣвая погребать поодиночкѣ, они отпѣвали заразъ многихъ и брали за нихъ, сколько хотѣли. Обѣдня священника доходила до трехъ динаровъ (рублей) и больше, да и за эту цѣну не всегда можно было имѣть. То былъ великій гнѣвъ и страшное наказаніе, ниспосланные на рабовъ Божіихъ—Господь Богъ да избавитъ насъ отъ этого! Подъ конецъ уже не успѣвали хоронить покойниковъ; стали копать ямы, куда и бросали ихъ, ибо городъ наполнился смрадомъ отъ труповъ, которые даже поѣдали собаки и свиньи. Переводчикъ разсказывалъ, что большая часть городскихъ воротъ были заперты, за неимѣніемъ стрѣльцовъ и сторожей. Царь, говорилъ онъ, прислалъ сначала 600 стрѣльцовъ, т. е. *бейликъ*, съ ихъ агой, и всѣ они умерли; вторично прислалъ другихъ, и эти также всѣ умерли; въ третій разъ прислалъ, и съ этими то же случилось, ибо всякій, кто входилъ въ столицу, тотчасъ падалъ мертвымъ.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось съ іюля мѣсяца почти до праздника Рождества, все усиливаясь, и затѣмъ — благодареніе Богу!—прекратилось. Многіе изъ жителей городовъ бѣжали въ поля и лѣса, но и изъ нихъ мало кто остался въ живыхъ.

Все это причиняло намъ большое горе, печаль и уныніе и великій страхъ, и всему этому мы были свидѣтелями, проживая въ верхнихъ кельяхъ. Мы видали, какъ выносили мертвыми, по нѣскольку заразъ, служителей епископіи, которые жили въ нижнихъ кельяхъ: не болѣя, не подвергаясь лихорадкѣ, они внезапно падали мертвыми и раздувались. Поэтому мы никогда не осмѣливались выходить изъ своихъ келлій, но скрывались внутри ихъ ночью и днемъ, ежечасно ожидая смерти, плача и рыдая о своемъ положеніи, не имѣя ни утѣшенія, ни облегченія въ чемъ бы то ни было, ни даже вина, чтобы прогнать отъ себя грусть и великій страхъ. Мы отчаявались за себя, ибо, живя среди города, видѣли все своими глазами. Но особенно наши

товарищи, съ нами бывшіе, т. е. настоятели монастырей изъ грековъ, которые и безъ этого мора всегда трепетали за себя, теперь постоянно рыдали передъ нами, надрывая намъ сердца, и говорили: „возьмите насъ и бѣжимъ въ поля прочь отсюда“! Мы отвѣчали имъ: „куда бѣжать намъ, бѣднымъ чужестранцамъ, среди этого народа, языка котораго мы не знаемъ? Горе вамъ за ваши мысли! Куда намъ бѣжать отъ лица Того, въ рукѣ Котораго души всѣхъ людей? Развѣ въ поляхъ Онъ не пребываетъ и нѣтъ Его тамъ? Развѣ Онъ не видитъ бѣглецовъ? Безъ сомнѣнія, мало у васъ ума, невѣжды“. Бывало, мы начинали роптать на Бога, говоря: „о, Господи! что это такое постигало насъ, грѣшныхъ, и постигаетъ теперь? Въ прошломъ году мы испытывали страхи въ Молдавіи, подъ конецъ болѣли лихорадкой, а въ нынѣшнемъ году здѣсь въ Московіи находимъ моровую язву“. Мы испытывали постоянныя страданія, трепетъ, страхъ и разстройство, но, по благости Божіей, были здоровы и невредимы, какъ говоритъ Господь: „попеченіе, Я промыслитель чужестранцевъ и буду съ ними“. Благодаримъ Его—да будетъ возвеличено Его имя!—хвалимъ Его и, поклоняясь Ему, падаемъ всегда ницъ передъ Нимъ.

Не было для насъ иного облегченія и утѣшенія, кромѣ того, что мало слышалось пронзительныхъ возгласовъ и криковъ по умершимъ, ибо, начиная отъ области Константинополя, до сихъ мѣстъ, у всѣхъ христіанъ такой обычай, что женщины не оплакиваютъ умершихъ съ громкими криками и не знаютъ пронзительныхъ воплей, какъ женщины нашей страны, которыя, въ подражаніе арабамъ, кричатъ громкимъ голосомъ, надрывая сердце живымъ и на здоровыхъ наводя болѣзнь. Здѣсь же женщины не громко рыдаютъ надъ своими покойниками и плачутъ потихоньку; рыданіе ихъ вызываетъ слезы даже у жестокосердныхъ, но ихъ голоса не бываютъ слышны у сосѣдей. Въ Молдавіи мы видали, что жены ратниковъ, скрывавшіяся въ тѣ черныя времена въ монастыряхъ, при полученіи извѣстія о томъ, что ихъ мужья и родственники убиты на войнѣ, собирали, бѣдныя, своихъ дочерей, распускали, по обычаю, свои заплетенные волосы и, сидя, плакали и рыдали съ часъ времени, а люди на нихъ смотрѣли, потомъ онѣ умолкали и вставали, какъ будто извѣстіе было ложно и ничего такого не случилось. Мы дивились на нихъ: столько тысячъ воиновъ погибаетъ въ битвахъ, а ихъ семейные не заботятся о томъ и не умѣютъ издавать пронзительныхъ воплей, но рыдаютъ и плачутъ, не произнося ни слова и въ слезахъ покачивая головой; не надѣваютъ черной одежды, не мараютъ (лица), не бьютъ себя по лицу, не

красятъ себя, не мѣняютъ своего бѣлаго платья. Мы говаривали о нихъ, что ихъ мужчины не больше цѣнятся, чѣмъ проѣзжіе чужестранцы. Между тѣмъ у насъ, въ нашей странѣ, умершіе весьма милы и дороги (близкимъ). Если кто умретъ даже не преждевременно, то его семейные встревожатъ весь городъ своимъ воемъ и криками, издаваемыми самымъ высокимъ голосомъ, какъ дѣлаютъ бѣснующіеся арабы, отъ которыхъ это переняли и мы. Поэтому въ здѣшнихъ странахъ насъ осуждали и называли въ насмѣшку арабами, ибо у нихъ имя „арабъ“ самое поносное: (они думаютъ, что) между арабами не можетъ быть христіанъ, а есть лишь враги ихъ, турки и ханифійцы. [1] Мы нашли у нихъ (русскихъ) множество плѣнныхъ, бѣжавшихъ изъ нашей страны. Эти люди разсказывали имъ о нашемъ положеніи и о нашихъ недостаткахъ, — недостаткахъ потому, что рыданія и плачъ надъ умершими христіанами недозволительны. Такъ, мы видали здѣсь тысячи умершихъ, но не слыхали криковъ и воя, словно у нихъ и не было моровой язвы. Мы видали, что женщины, провожая покойниковъ, всякій разъ какъ проходили мимо церкви, несмотря на все свое горе, оборачивались къ иконѣ, висѣвшей надъ дверью, и творили крестное знаменіе, били себя въ грудь и клали земные поклоны, плача и рыдая. Также, когда, бывало, по прошествіи извѣстнаго времени, собирались отворить лавку умершаго, то его жена или ея родственники молились предъ иконой, висѣвшею надъ лавкой, плакали и рыдали; не такъ, какъ дѣлаемъ это мы—въ церкви, несмотря на запрещеніе священниковъ. О, какое счастіе для нихъ такая благодать! Итакъ, утѣшеніемъ и облегченіемъ служило намъ то, что въ городѣ какъ будто не было моровой язвы. Благодаримъ и хвалимъ всевышняго Бога, Который избавилъ насъ и сохранилъ невредимыми отъ этого бѣдствія. Мало того, что мы удалены отъ родины и уже два года находимся въ отлучкѣ изъ своихъ домовъ, отъ семейныхъ и друзей, въ довершеніе мы еще испытали тѣ горести и бѣдствія, коихъ были свидѣтелями. О, Боже! даруй намъ возможность уплатить долги и исполни то, чего мы просимъ отъ моря Твоихъ благостей, о щедрѣйшій изъ щедрыхъ! Не обманется въ своей надеждѣ тотъ, кто уповаетъ на Тебя, о цѣлитель разбитыхъ и питатель чужестранцевъ. Надѣли насъ пропитаніемъ, о лучшій изъ питателей! Наши души растерзаны, на-

[1] Собственно, такъ назывались арабы—единобожники, предшествовавшіе исламу; ханифійство есть до-магометанское мусульманство. Но названіе это употреблялось и въ значеніи „мусульмане“, каковое имѣетъ, несомнѣнно, и здѣсь.

ше удаленіе отъ родины затянулось надолго; доколѣ мы будемъ на чужбинѣ? Не дай кому-либо изъ насъ умереть прежде уплаты долговъ, о источникъ щедротъ и благъ! Помилуй насъ, бѣдныхъ!

Глава VII.

Коломна.—Разсказъ о походѣ царя подъ Смоленскъ. Гетманъ Радзивилъ.

Возвращаемся къ повѣствованію о богохранимомъ царѣ. Онъ со своимъ войскомъ осаждалъ городъ Смоленскъ, крѣпко обложивъ его со всѣхъ сторонъ, въ теченіе почти семидесяти дней, при чемъ не переставалъ упорно тѣснить его, пока онъ не былъ взятъ при помощи многочисленныхъ большихъ пушекъ, коими разрушили до основанія двѣ башни и большой бастіонъ, сдѣлавъ огромныя насыпи изъ кучъ земли. Тогда, отъ имени Радзивила, явился капитанъ и просилъ пощады. Царь даровалъ ее, и городъ сдался. Внутри его каменной стѣны находилась очень высокая земляная ограда, въ срединѣ которой была устроена высокая деревянная цитадель, весьма крѣпкая. Московиты подожгли ее извнѣ большими зажигательными снарядами, ибо у царя есть пушки, похожія на банки, длиной каждая около аршина, при поперечникѣ жерла такого же размѣра; въ нихъ кладутъ шары изъ дегтя, смолы, пороха и пр. и стрѣляютъ; говорятъ, что эти шары, поднявшись къ небу, низвергаются на городъ, производятъ въ немъ пожары и большія разрушенія и даже вырываютъ землю.

Многіе изъ ратниковъ разсказывали намъ объ этомъ городѣ и его покоренія: что это городъ очень большой и весьма крѣпкій, что по окружной стѣнѣ его могутъ ѣхать двѣ арбы рядомъ, т.-е. она шириной со стѣну Антіохіи, но постройка ея превосходна, ибо всѣ ея камни—дикіе, изъ скалы, и на нихъ не дѣйствуютъ орудія. Городъ этотъ сооруженъ предками нынѣшняго царя. Число его башенъ 73; всѣ онѣ огромны и, какъ говорятъ, значительно выступаютъ изъ стѣны. Пушки одной башни соотвѣтствуютъ пушкамъ другой и находятся съ ними на одномъ уровнѣ, дабы никакъ нельзя было подойти на близкое разстояніе къ промежуточной стѣнѣ.

Царскіе пушкари непрестанно ухищрялись, производя пушками разрушенія вокругъ города, пока не нашли слабаго мѣста, на которое произвели дѣйствіе пушки, и такимъ образомъ были разрушены до основанія тѣ двѣ башни и бастіоны, на прочія же мѣста даже огромныя пушки не могли подѣйствовать. Такого великаго завоеванія никто не ожидалъ, въ особенности потому, что съ нѣсколькихъ сторонъ городъ обтекается большою рѣкой

Днѣпромъ. Царь подтвердилъ клятвой условіе, что кто пожелаетъ, можетъ оставаться въ городѣ, а не желающимъ предоставилъ свободу уйти, куда хотятъ. По взятіи города, царь нашелъ въ немъ много евреевъ, которые скрывали себя, переодѣвшись христіанами, но московиты узнали ихъ по неумѣнью дѣлать крестное знаменіе. По приказанію царя, ихъ всѣхъ собрали и потребовали, чтобы они крестились, если хотятъ спасти себѣ жизнь; кто увѣровалъ и крестился, тотъ сохранилъ свою жизнь, а тѣхъ, кто не пожелалъ, приказано было посадить въ деревянные дома, и всѣхъ ихъ сожгли. Царь велѣлъ разрушить въ городѣ всѣ церкви ляховъ и приступилъ къ сооруженію другихъ съ основанія.

Проклятый Радзивилъ, зять Василія, господаря молдавскаго, корень всего зла и войны, услышавъ о выступленіи царя на завоеваніе этого города, пошелъ съ 30.000 войска, чтобы, достигнувъ города, войти въ него и укрѣпить. Но многочисленная царская рать, неожиданно встрѣтившись ему, окружила со всѣхъ сторонъ и разбила его войско, всѣхъ истребивъ. Онъ спасся хитростью лишь съ немногими людьми, переодѣвшись въ платье бѣдняка. Всѣ его высшіе офицеры со многими другими были захвачены въ плѣнъ. Люди, достойные вѣры, говорили, что онъ большой колдунъ и спасся волшебною силой; его было догнали, но онъ скрылся отъ преслѣдователей въ грязной топи и густомъ тростникѣ.

Этотъ проклятый — самый важный изъ польскихъ вельможъ; онъ — великій гетманъ, правитель большой, извѣстной области, называемой *Мултифа* (Литва?), и этой Смоленской области, которую завоевалъ его отецъ. Его владѣніе — лучшая часть страны ляховъ, ибо все оно состоитъ изъ сильныхъ каменныхъ укрѣпленій и занимаетъ пространство на два мѣсяца пути, именно, отъ города Кіева почти до извѣстнаго города *Данска* (Данцига), который служитъ портомъ всей страны ляховъ. Его боялся даже краль, и лишь онъ одинъ противился желанію царя, потому что онъ великій ненавистникъ всего рода православныхъ, тиранъ и упрямецъ. Вѣра его, какъ намъ говорили, лютеранская, ибо онъ постится одинъ только день въ году, думая, что такимъ образомъ онъ выполнитъ великій постъ одинъ разъ во всю свою жизнь; молитву „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“ онъ совершаетъ въ своей комнатѣ тайно, полагая, что это согласно со словами Господа Христа въ его святомъ Евангеліи. Василій ничего не выигралъ, выдавъ свою дочь за этого *кальбина* (кальвиниста). Онъ надѣялся имѣть въ немъ опору и помощника. Этотъ же проклятый одинъ былъ виновникомъ смерти Тимоѳея, сына Хмеля, ибо между этими двумя свояками была сильная

вражда. Три года тому назадъ онъ отправился съ большою силою на многочисленныхъ судахъ по рѣкѣ Днѣпру и захватилъ врасплохъ гор. Кіевъ съ его окрестностями, жегъ, разорялъ и перебилъ много народу. Когда дошло это до Хмеля, то онъ немедленно напалъ на него и перебилъ всѣхъ, съ нимъ бывшихъ. Ему удалось спастись лишь съ немногими людьми. Хмель отобралъ у него всѣхъ плѣнныхъ, суда и богатства. Василій истощалъ всѣ усилія примирить ляховъ съ казаками, но не могъ, по причинѣ злобы этого окаяннаго и потому, что онъ презрительно отозвался о царѣ въ присутствіи пословъ, присланныхъ къ кралю, говоря: „онъ не краль московскій и не царь, ступайте, скажите ему, что я иду на него самъ лично.“ Все это отъ его гордыни и высокомѣрія; краль же того не желалъ. Услышавъ это, царь сильно разгнѣвался и отправилъ къ ляхамъ другихъ пословъ во второй и въ третій разъ, требуя, чтобы они заключили миръ: именовали бы его царемъ Великой и Малой Россіи, оставили бы страну казаковъ и не причиняли ей никакого вреда, сдали бы ему Смоленскъ безъ войны и не возбуждали зла, которое еще покоится. Но тотъ окаянный не хотѣлъ, пока Господь не уничтожилъ хвастовства его гордыни, какъ объ этомъ мы впослѣдствіи разскажемъ.

Глава VIII.

Коломна.—Продолженіе разсказа о походѣ. Богатый московскій купецъ. Пожертвованія на военныя нужды. Численность царскаго войска. Результаты похода.

Разсказываютъ, что царь собралъ тогда вельможъ своего государства, всѣхъ купцовъ и богачей столицы, составивъ большой совѣтъ, сообщилъ имъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и сказалъ: „я жертвую собою изъ любви къ нашей вѣрѣ ради монхъ братьевъ—христіанъ, казаковъ, и для избавленія монастыря Печерскаго и иныхъ отъ порабощенія моимъ врагамъ, ляхамъ“ Всѣ были рады этому, особливо патріархъ, который немало побуждалъ царя идти войной на ляховъ. Главный изъ купцовъ отвѣчалъ царю: „мы просимъ тебя отнюдь не открывать своего казнохранилища на содержаніе войска и военные расходы: ради пользы вѣры нашей мы дадимъ тебѣ достаточно средствъ для войны съ проклятыми ляхами“. Тогда царь немедленно объявилъ походъ. Говорятъ, что этотъ купецъ представилъ царю отъ избытка своего богатства 600 тысячъ рублей. Стоимость рубля, имя котораго на ихъ языкѣ то же, что динаръ, соста-

вляетъ 2 реала [1]. Онъ сказалъ царю: „это я представляю въ твое распоряженіе изъ той доли, коей надѣлилъ меня Богъ отъ своихъ щедротъ во дни твоего славнаго царствованія“. Купецъ этотъ—важнѣйшій изъ купцовъ столицы. Намъ разсказывали о немъ, что онъ вноситъ ежегодно въ казну царя 100 тысячъ динаровъ пошлины съ своихъ товаровъ, получаемыхъ изъ странъ франкскихъ, изъ страны кизилбашей и Индіи, и со своихъ торговыхъ оборотовъ: такъ велико богатство, которымъ онъ владѣетъ и которое безсчетно! Здѣшніе купцы, обыкновенно, считаютъ свое состояніе милліонами, по причинѣ громадности своихъ богатствъ. Мы видѣли въ Москвѣ роскошное жилище этого купца, которое обширнѣе, чѣмъ палаты министровъ. Онъ выстроилъ у себя чудесную церковь, подобной которой мы не видѣли даже у царя. Говорятъ, что онъ израсходовалъ на нее болѣе 50 тысячъ динаровъ, по великой любви своей къ вѣрѣ и добрымъ дѣламъ.

Прочіе купцы, знатные люди столицы и государственные сановники, видя, что онъ представилъ такія богатства, поревновали ему и всѣ представили царю огромныя суммы, которыхъ хватило ему въ этомъ году на содержаніе войска и на весь походъ, а потому царь совсѣмъ не открывалъ своей казны. Говорятъ, что патріархъ представилъ ему до ста сундуковъ, наполненныхъ большими суммами денегъ, изъ своей собственной казны, въ помощь ему, но царь ихъ не принялъ и возвратилъ ему, говоря: „достаточно для меня и тѣхъ суммъ, которыя поднесли мнѣ мои братья — христіане“. Монастыри также представили царю громадныя богатства: великій Троицкій монастырь поднесъ болѣе ста тысячъ динаровъ. Столько же представили ему архіереи и снарядили еще около 20 тысячъ вооруженныхъ ратниковъ изъ служителей своихъ монастырей. Во главѣ ихъ были ратники патріарха.

Разсказываютъ, что царь построилъ за городомъ большой кіоскъ и сдѣлалъ *якылма*, т.-е. исчисленіе своего войска. Онъ пробылъ тутъ долгое время. По исчисленіи его войска, получавшаго провіантъ, оказалось, что оно достигало свыше 700 тысячъ, какъ сообщилъ московскій патріархъ Пателярію, низложенному патріарху константинопольскому, когда тотъ спрашивалъ его объ этомъ. Изъ этого числа 144 тысячи было пѣшихъ, остальные конные. Собственной гвардіи царя было 300 тысячъ, изъ коихъ 40 тысячъ въ панцыряхъ окружаютъ его. Гетману Хмелю царь послалъ царскіе кафтаны, мечъ, турецкую булаву и знамя, всѣмъ

[1] Выше (кн. V, гл. X) авторъ упомянулъ, что реалъ стоитъ 50 коп.

его начальнымъ людямъ также подарилъ кафтаны и назначилъ содержаніе 40 тысячамъ изъ казацкаго войска, чрезъ что ихъ положеніе много улучшилось Царь отправился въ походъ, и Господь подъ конецъ даровалъ ему побѣду: онъ завоевалъ великій городъ Смоленскъ и побѣдилъ главнѣйшаго изъ своихъ враговъ, Радзивила, а его военачальники покорили около 49 городовъ и крѣпостей силой меча и по добровольной сдачѣ и избили, одному всевышнему Богу вѣдомо сколько, евреевъ, армянъ и ляховъ. Говорятъ, что ихъ младенцевъ клали въ бочки и бросали безъ милосердія въ великую рѣку Днѣпръ, ибо московиты до крайности ненавидятъ еретиковъ и язычниковъ. Всѣхъ мужчинъ они избивали безпощадно, а женщинъ и дѣтей брали въ плѣнъ, опустошали страну и истребляли населеніе. Страна ляховъ, которая прежде была подобна гранату и приводилась въ образецъ, была обращена въ развалины и пустынь, гдѣ не встрѣчалось деревень и людей на протяженіи 15 дней пути въ длину и ширину. Въ плѣнъ было взято болѣе ста тысячъ, такъ что, какъ намъ разсказывали, семь, восемь мальчиковъ и дѣвочекъ продавались за одинъ динаръ (рубль) и дешевле, и мы сами видѣли многихъ изъ нихъ. Что касается городовъ, сдавшихся добровольно, то тѣхъ изъ жителей, которые приняли крещеніе, оставляли, обезпечивая имъ безопасность, а кто не пожелалъ (креститься), тѣхъ изгоняли. Что же касается городовъ, взятыхъ мечомъ, то, истребивъ въ нихъ населеніе, московиты сами селились въ нихъ и укрѣпляли. Въ числѣ завоеванныхъ городовъ былъ Могилевъ, извѣстный у купцовъ подъ именемъ города богачей, ибо всѣ его жители очень богатые купцы. Такъ какъ воевода, который былъ поставленъ въ немъ Радзивиломъ, сдалъ его по договору, послѣ продолжительной и упорной осады, и, подчинившись царю, согласился принять крещеніе, то царь, окрестивъ его, утвердилъ по-прежнему воеводой въ Могилевѣ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ визирей, и размѣстилъ въ городѣ около 20 тысячъ войска. Всѣ эти завоеванные царемъ города были изъ числа подвластныхъ Радзивилу и составляли лучшее его владѣніе. Тогда же царь приказалъ возобновить то, что было разрушено изъ башенъ, городскихъ стѣнъ и укрѣпленій Смоленска, назначилъ туда двухъ воеводъ съ 30 тысячами войска и снабдилъ въ изобиліи продовольствіемъ и военными припасами. Затѣмъ онъ прибылъ въ городъ, называемый Вязьма, который раньше былъ пограничнымъ между его страной и ляшской, и здѣсь оставался до праздника Богоявленія, ожидая прекращенія моровой язвы. Со времени отправленія въ походъ до сихъ поръ, онъ послалъ охранять всю границу своихъ владѣній, дабы отнюдь

никто не выѣзжалъ изъ нихъ; это было сдѣлано изъ опасенія, чтобы не распространилась вѣсть о моровой язвѣ. Подъ конецъ привезли на судахъ изъ Калуги въ эту Коломну приближенныхъ проклятаго Радзивила, взятыхъ въ плѣнъ, чтобы отвести ихъ въ область Казанскую и тамъ посадить въ тюрьму. Было около 800 этихъ плѣнниковъ; бывъ начальными и богатыми людьми, они впали въ ничтожество и уничиженіе, такъ что наши сердца разрывались отъ скорби за нихъ.

Глава IX.

Коломна.—Служенія патріарха. Зимніе холода. Перевозка припасовъ и ихъ дешевизна. Собаки. Дѣйствіе сильныхъ морозовъ.

Возвращаемся. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ ночь и день сравнялись, а въ концѣ его ночи стали прибавляться до времени около праздника св. Варвары, когда день сдѣлался 7 часовъ, а ночь 17. Въ день праздника св. Димитрія нашъ владыка патріархъ служилъ обѣдню въ соборной церкви. Начинались холода. Также и въ воскресенье мясопуста онъ служилъ въ ней обѣдню и рукоположилъ іерея. Существуетъ обыкновеніе, что архіерей, когда служитъ обѣдню, облачается на высокомъ помостѣ въ три ступеньки, который ставятъ въ нарѳексѣ, а подъ ноги ему кладутъ, гдѣ бы онъ ни стоялъ, суконный кружокъ, прекрасно расшитый, съ изображеніемъ въ срединѣ орла, и не одного, а нѣсколькихъ. Его обыкновенно клали анагносты подъ ноги нашему учителю, гдѣ бы онъ ни стоялъ, мы же всегда поддерживали владыку подъ руки, а анагносты (соборной) церкви стояли вокругъ него, при чемъ одинъ держалъ позади его посохъ.

Передъ обѣдней мы совершали царскій молебенъ, послѣ же чтенія часовъ, какъ у нихъ принято, начинаютъ обѣдню, за которой Трисвятое пѣли въ алтарѣ анагносты. Затѣмъ покрыли каѳедру (горнее мѣсто) сукномъ, при чемъ мы стояли при владыкѣ наверху. При чтеніи Апостола одинъ изъ дьяконовъ окадилъ весь алтарь и иконы, въ немъ находящіяся, а также его двери и кругомъ него, по порядку, какъ у нихъ принято; затѣмъ кадилъ на царскія врата, патріарху и прочимъ присутствующимъ. При чтеніи Апостола дьяконъ и священникъ непремѣнно говорятъ прокименъ—псаломъ Давида—его гласомъ, а пѣвчіе поютъ. Мы поддерживали подъ руки нашего владыку патріарха отъ начала обѣдни до конца, перенявъ это отъ нихъ. При великомъ входѣ оба дьякона возглашали одними устами „да помянетъ Господь Богъ всѣхъ насъ“, также и священники—таковъ ихъ обычай.

Знай, что существуетъ обычай у всѣхъ грековъ и здѣсь, что при рукоположеніи іерея или діакона не выводятъ его, дѣлая надъ нимъ оглашеніе, какъ у насъ, но два дьякона выходятъ съ нимъ изъ царскихъ вратъ и возвращаются съ нимъ же, при чемъ возглашаютъ: „повели, да повелитъ, повели, владыко святый!“ а онъ три раза наклоняетъ голову, затѣмъ обводятъ его вокругъ престола, и при каждомъ обхожденіи архіерей преподаетъ ему благословеніе надъ его головой. Послѣ обхожденія онъ кладетъ три поклона предъ престоломъ и становится на колѣни, и архіерей снова благословляетъ его трижды. Вставая, онъ цѣлуетъ престолъ, и архіерей опять благословляетъ его трижды. Послѣ того какъ онъ надѣнетъ на него облаченіе, если онъ священникъ, то вручаетъ ему служебникъ литургійный, если же дьяконъ, то рипиду, а ежели ея нѣтъ, то большой воздухъ.

Знай, что обѣдня въ этой странѣ совершается съ полнымъ благоговѣніемъ, страхомъ и уваженіемъ (къ святынѣ) Священникъ произноситъ возгласъ или иное что, а дьяконъ ектенію, не высокимъ голосомъ, какъ мы, но тихо, голосомъ низкимъ и съ полнымъ благоговѣніемъ. Точно также поютъ и пѣвчіе. Въ особенности, когда архіерей рукополагалъ священника, голосъ его былъ очень пониженъ, такъ что могъ быть слышанъ только бывшими въ алтарѣ; точно также говорилъ тогда и дьяконъ ектенію. Таковъ ихъ обычай. Это и мы переняли отъ нихъ.

Да будетъ тебѣ извѣстно, что дьяконъ, всякій разъ какъ скажетъ ектенію и войдетъ въ алтарь, дѣлаетъ три поклона передъ престоломъ, цѣлуетъ его и кланяется архіерею или священнику. Точно также до и послѣ входа онъ, положивъ Евангеліе на престолъ, дѣлалъ земной поклонъ и цѣловалъ престолъ и Евангеліе. Также и священникъ въ концѣ литургіи, потребивъ остатки (Даровъ) и снявъ облаченіе, подходилъ къ престолу, дѣлалъ передъ нимъ три земныхъ поклона, поднималъ край его покрова и цѣловалъ его. У архіереевъ въ этой странѣ такой обычай, что они сами, сойдя съ горняго мѣста, отдаютъ Евангеліе дьякону. Послѣ обѣдни священнослужители собираются вокругъ престола, и архіерей кладетъ на него крестъ и Евангеліе, которые всегда находятся на немъ, потомъ покрываетъ его драгоцѣннымъ покровомъ, и совершается отпустъ.

Замѣть, что въ этой странѣ московитовъ принято отнюдь ничего не класть на престолъ, даже служебника священническаго,—ничего, кромѣ Евангелія и креста. Мы были очень осторожны въ этомъ: не клали ни трикирія, ни платка, не касались рукой и т. п. Послѣ того какъ нашъ владыка патріархъ сни-

малъ облаченіе и мы одѣвали его въ мантію, діаконы-анагносты въ стихаряхъ шли передъ нимъ, поя „Достойно есть“, пока не вводили его въ архіерейскій домъ; тогда они пѣли ему многолѣтіе, онъ благословлялъ ихъ, и они уходили. Таковъ ихъ обычай по отношенію къ архіереямъ.

Въ первое воскресенье Рождественскаго поста нашъ владыка патріархъ опять служилъ и рукоположилъ священника и діакона въ верхней церкви, послѣ того какъ истопили ея каптуры съ вечера вслѣдствіе наступившаго сильнаго холода. Оттого-то епископъ и построилъ эту церковь, сдѣлавъ для нея печь снизу, дабы, когда онъ будетъ служить въ ней въ холодное время, нагрѣвали ея каптуръ съ вечера большимъ количествомъ дровъ, а поутру открывали бы отдушники вверху и тепло входило бы въ нее, такъ что въ ней становилось словно въ банѣ.

Знай, что погода въ этой странѣ московитовъ такова, что отъ праздника Воздвиженія до начала Рождественскаго поста бываютъ по ночамъ сильный вѣтеръ и дожди, а въ началѣ этого поста идетъ обильный снѣгъ и не перестаетъ идти до апрѣля мѣсяца. Онъ замерзаетъ слой за слоемъ, такъ что при большомъ морозѣ дороги отъ ѣзды покрываются льдомъ и становятся похожими на глыбу мрамора. Что касается полей, то они стали непроходимы отъ обилія снѣга, который былъ въ нѣсколько разъ выше человѣческаго роста. Сани, т. е. скользящіе экипажи, передвигались въ это время точно капки въ изгибахъ Константинопольскаго моря. Въ теченіе зимы въ этой странѣ бываетъ дешевизна и производится торговля зерновымъ хлѣбомъ. Намъ случалось видать, что въ однѣхъ саняхъ сидѣло человѣкъ шесть со всѣми своими вещами, и везла ихъ одна только лошадь. Тяжести: зерновой хлѣбъ, камни, которыя нагружали на эти сани, удивительны, невѣроятны; мы приходили въ изумленіе, ибо одна лошадь везла то, чего въ нашихъ странахъ не свезти и двадцати лошадямъ. Въ эту пору привозили въ Коломну надгробные камни съ рѣзьбой, необычайно большіе, какихъ не стащили бы и двадцать лошадей, – привозили по одному или по два на саняхъ, на одной лошади, при чемъ тутъ еще сидѣлъ хозяинъ; это ужасно удивительно. Стоимость камней не болѣе трехъ динаровъ (рублей). Эта (легкость перевозки) служитъ причиной благополучія здѣшней страны и жизненныхъ удобствъ: въ это холодное время продукты дешевы, такъ какъ привозятся въ Москву и окружные города изъ отдаленныхъ мѣстъ въ теченіе рождественскихъ праздниковъ, въ каковую пору изъ года въ годъ продаются и покупаются ихъ продукты. Сани, очень быстро несясь по льду, проходятъ около ста верстъ въ этотъ короткій день.

Мы видали, что въ эти дни мужчины, женщины или дѣти клали все закупаемое на рынкѣ на маленькія санки и везли ихъ руками за веревку безъ труда и усталости, но очень легкимъ движеніемъ, идя и таща свои вещи за собою. Такъ и женщины возятъ своихъ маленькихъ дѣтей.

Уличныхъ собакъ въ этой странѣ вовсе не видно: собакъ держатъ въ домахъ, ибо у нихъ въ каждомъ домѣ, будетъ-ли то домъ начальника, богача или бѣдняка, крестьянина, бываетъ по одной и по двѣ собаки, которыя словно огонь. Онѣ привязаны за шею на желѣзной цѣпи и днемъ остаются въ своихъ деревянныхъ, плотно сбитыхъ конурахъ, на ночь же ихъ пускаютъ [бѣгать кругомъ забора]. Какъ мы видали, кормятъ ихъ всегда мясомъ, а поятъ молокомъ. Поэтому каждая собака въ силахъ бороться съ толпой и никого не подпуститъ къ себѣ.

На первой недѣлѣ Рождественскаго поста рѣка Москва, а также другія рѣки этой страны и даже пруды замерзли и оставались покрытыми льдомъ до половины апрѣля. Прежде мы переѣзжали Москву-рѣку на большихъ салахъ, а теперь стали переходить чрезъ нее пыльными ногами, т.-е. не отличали ея отъ земли и узнавали мѣсто, гдѣ она находится, только по прорубамъ, кои пробивали, чтобы доставать воду при помощи веревокъ и ведеръ, сплетенныхъ изъ липовой коры, которая, напитавшись водой, обыкновенно тотчасъ сплочивается и дѣлается какъ бы цѣльнымъ кускомъ. Таковы всѣ ведра у нихъ въ этой странѣ, удивительныя, необыкновенныя. Они ѣздили на саняхъ по этимъ рѣкамъ съ большею быстротою, чѣмъ ѣздятъ по землѣ, ибо на землѣ бываютъ подъемы и спуски, а на рѣкахъ ихъ нѣтъ: онѣ какъ бы изъ одного куска полированнаго мрамора. При замерзаніи рѣкъ, замерзли и всѣ соленья, бывшія въ домахъ, амбарахъ и лавкахъ; напр. деревянное масло, которое мы покупали, было въ кускахъ, подобно маннѣ или халвѣ. Медъ сдѣлался какъ камень, трудно разбиваемый; также и всѣ яйца замерзли и стали какъ камни не разбивающіеся. Что касается рыбы, то какъ только ее вытаскивали изъ рѣки, она тотчасъ замерзала и, подобно полѣньямъ, издавала стукъ при ударѣ другъ объ друга. Она оставалась замерзшею до марта мѣсяца, не подвергаясь никакой порчѣ. Мы клали ее надъ каптуромъ, т.-е. печью, чтобы ледъ съ нея стаялъ, промывали и варили съ большими хлопотами. Способъ ея ловли въ это время весьма удивителенъ; именно, рыбаки, придя къ рѣкѣ, разбиваютъ на ней ледъ въ видѣ глубокаго колодца, рыба приходитъ къ этому мѣсту подышать воздухомъ; въ это время уже опущенныя раньше сѣти вытаскиваютъ и добыча получается

обильнѣе, чѣмъ въ лѣтнюю пору. Оттого въ это время рыба бываетъ очень дешева. Въ брюхѣ у всѣхъ рыбъ этой страны есть мѣшки съ икрой, которая очень вкусна. Въ крещенскіе праздники дарили нашему владыкѣ патріарху превосходную живую рыбу въ сосудахъ съ водой, похожую на рыбу въ рѣкѣ Алеппо, именуемую *абу-шарибъ* (усатый), что очень удивительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ дарили ему медъ съ воскомъ, замерзшій, бѣлый какъ снѣгъ, ибо его много въ это время года; дарили также отличныя яблоки.

Знай, что базаръ въ этомъ городѣ Коломнѣ бываетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ. Въ нее собираются жители всѣхъ окрестныхъ селеній, при чемъ у каждаго товаръ, состоящій изъ всякихъ продуктовъ, находился въ саняхъ. Они привозили свиней большихъ и малыхъ, зарѣзанныхъ и ошпаренныхъ, уже замерзшихъ, которыя стояли въ саняхъ какъ живыя, что очень удивительно; онѣ весьма дешевы. Точно также гусей, утокъ, индѣекъ продаютъ ощипанными и готовыми.

Сила и лютость холодовъ неописуемы, ибо, пока везутъ въ бочкахъ воду изъ рѣки въ дома,она замерзаетъ и оттаиваетъ только внутри натопленныхъ помѣщеній; даже когда ведро опускаютъ въ рѣку, то на немъ образуется ледъ слоями; когда мыли тарелки, то онѣ прилипали другъ къ другу и становились какъ бы однимъ кускомъ, оттаивая только у огня; даже капустные листья замерзали внутри кочана. Капуста въ этой странѣ прекрасная и продается только плотно покрытая листьями и очищенная. Мы покупали санп со ста кочнами за пять, шесть копѣекъ, не дороже. Капусту, морковь, редиску вытаскиваютъ изъ земли до снѣга, складываютъ въ погреба и привозятъ въ эту пору на продажу по частямъ. Отъ лютости и силы мороза дыханіе, выходящее изо рта и ноздрей человѣка, замерзало постепенно на его бородѣ и усахъ, которые, бывъ черными, становились бѣлыми; ледъ сходилъ съ нихъ только подлѣ огня. Когда мы выходили изъ дому, то даже влага, находящаяся у насъ въ носу, замерзала и носъ закупоривался. Бывало, если кто мочился на стѣну или на землю, то моча тотчасъ же замерзала. Даже водосточныя трубы, что наверху нашихъ помѣщеній, совершенно закупорились. Никто изъ насъ не былъ въ состояніи снять съ рукъ мѣховыя руковицы и отнять ихъ отъ носа. Снѣгъ и ледъ проникали сквозь щели дверей и оконъ, несмотря на то, что они были плотно обиты войлокомъ и вѣтеръ не проникалъ сквозь нихъ. Слюдяныя оконницы вовсе не пропускали свѣта: отъ покрывавшаго ихъ льда, который совсѣмъ не сходилъ съ нихъ, онѣ стали похожи на кусокъ бѣлаго, непрозрачнаго мрамора.

Такъ какъ всѣ дома въ этой странѣ деревянные, то по ночамъ отъ сильнаго холода они издавали звуки, на подобіе пушечныхъ выстрѣловъ, и трескались, такъ что наконецъ чрезъ нихъ сталъ виденъ свѣтъ, тогда какъ раньше они были совершенно плотными. Признакомъ сильнаго мороза, если онъ долженъ наступить, служило то, что вечеромъ замерзали снутри дверные гвозди, при чемъ на нихъ появлялись бѣлые, блестящіе кристаллики льда, несмотря на то, что мы нагрѣвали каптуры большимъ количествомъ дровъ по утрамъ и вечерамъ, такъ что становилось тепло какъ въ банѣ. По этой причинѣ мы совершали утреннюю и вечернюю службу у себя въ кельѣ и только по необходимости, въ канунъ воскресенья или праздника и къ обѣднѣ, ходили въ церковь, но совершенно не въ силахъ были выносить стоянія на ногахъ, а поднимали то одну ногу, то другую, хотя на насъ было надѣто трое, четверо чулокъ изъ мѣха, сукна и толстой шерстяной ткани; но все это нисколько не помогало, и однако-жъ всѣ двери церкви были затворены. Московиты же, къ удивленію нашему, не переставали совершать службу постоянно съ полуночи. Но они привычны; притомъ одеждой, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ и дѣтей, служатъ *чекбаны* (чекмени) съ длинными, прямыми рукавами, изъ чернаго мѣха снаружи и снутри, плотно облегающіе тѣло. Они не снимаютъ съ рукъ большихъ, вязаныхъ изъ шерсти перчатокъ съ мѣхомъ, обтянутыхъ кожей, согрѣвающихъ, какъ огонь, зимою, въ которыхъ они исполняютъ всѣ свои работы, даже достаютъ воду и исправляютъ иныя службы. Лѣтомъ же носятъ перчатки изъ одной кожи и въ нихъ работаютъ, чтобы не повредить рукъ. Замѣть эту догадливость! Это дѣлаютъ бѣдные; богатые же носятъ перчатки изъ дорогого сукна съ собольимъ и инымъ мѣхомъ. Они ничего не берутъ руками иначе, какъ въ перчаткахъ, даже возжи лошадей держатъ въ нихъ.

Что касается полей и дорогъ, то они стали подобны куску мрамора, и по нимъ можно было ходить только съ трудомъ, ибо человѣкъ тотчасъ же скользилъ. Поэтому подошвы ихъ сапогъ имѣютъ гвозди въ видѣ шиповъ, выходящіе наружу и втыкающіеся въ землю; таковы же подковы у ихъ лошадей, дабы онѣ не скользили. Впрочемъ, всѣ передвигаются въ саняхъ, хотя бы отъ дома до рынка, а также ѣзда гонцовъ въ это время совершается въ саняхъ, ибо на нихъ быстрѣе ѣхать, чѣмъ верхомъ; при томъ всадникъ не въ состояніи удержаться на лошади, но непремѣнно искалѣчится, лишившись какого-либо члена, или замерзнетъ. Что касается лошадей и скота, то ихъ держатъ въ

домахъ и даютъ имъ обычный кормъ; утромъ и вечеромъ, по обыкновенію, ихъ поили водой; а взамѣнъ чистки они всегда валялись по снѣгу и ѣли снѣгъ, который замѣняетъ имъ воду.

Глава X.

Коломна.—Ставленики. Николинъ день.

Возвращаемся. Въ третье воскресенье Рождественскаго поста нашъ владыка патріархъ служилъ въ верхней церкви и рукоположилъ іерея и діакона для соборной церкви Успенія Владычицы въ городѣ Каширѣ, по той причинѣ, что отъ дѣйствія теперешней моровой язвы умерло большинство священниковъ, такъ что и изъ бывшихъ при каѳедральной церкви Коломны семи священниковъ и семи діаконовъ ни одного не осталось: всѣ перемерли, кромѣ двухъ діаконовъ. Послѣ того какъ въ церквахъ, окружающихъ соборную, обѣдня прекратилась, въ ней же она до сихъ поръ ни на одинъ день не прерывалась, теперь и въ ней, какъ и въ другихъ, обѣдни прекратились совершенно, и церкви были оставлены за неимѣніемъ священниковъ, такъ что подъ конецъ сталъ пріѣзжать одинъ изъ сельскихъ священниковъ для служенія въ соборѣ лишь по воскресеньямъ. Поэтому они молили нашего владыку патріарха рукоположить для нихъ священниковъ взамѣнъ умершихъ. Когда моровая язва дошла и до Каширы и истребила (часть) ея жителей и ея священниковъ, то (оставшіеся) устремились къ нашему владыкѣ патріарху, спѣша на саняхъ, запряженныхъ лошадьми, по рѣкамъ Окѣ и Москвѣ, по которымъ мы ѣхали на судахъ; они имѣли съ собой двухъ діаконовъ, изъ коихъ у каждаго въ рукахъ было прошеніе съ подписями воеводы, стрѣльцовъ, пушкарей и портаріевъ, т. е. привратниковъ, охраняющихъ кремль, въ удостовѣреніе, что такой-то достоинъ (сана). Сдѣлавъ нашему владыкѣ земной поклонъ, они простерлись передъ нимъ на землю, стукая головой по своему обычаю, и говорили: „осударь, помплуй! [1] т. е. владыка, смилуйся надъ нами! и рукоположи намъ сихъ іереями, дабы они пеклись о нашихъ нуждахъ и открыли для насъ церкви“. И онъ рукоположилъ для нихъ обоихъ діаконовъ. Воззри на это смиреніе и эту вѣру!

Въ понедѣльникъ, слѣдовавшій за третьимъ воскресеньемъ,

[1] Слова эти написаны въ текстѣ по-русски (арабскими буквами).

онъ опять служилъ въ той же церкви и также рукоположилъ священника и дьякона.

Знай, что, когда нашъ владыка патріархъ рукополагалъ іерея или діакона, одинъ изъ священниковъ входилъ въ алтарь, надѣвалъ епитрахиль, поручи и училъ новаго священника совершать службу, давая ему наставленія; а также кто-либо изъ діаконовъ надѣвалъ поручи и наставлялъ новаго діакона, и когда этотъ выходилъ на ектенію, тотъ выходилъ вмѣстѣ съ нимъ и училъ его по-порядку. Когда архіерей надѣвалъ на нихъ присвоенное ихъ сану облаченіе, тѣ объясняли имъ значеніе текстовъ, относящихся къ облаченію, по-одиночкѣ, чтобы они ничего не пропускали изъ нихъ. Обрати вниманіе на эту великую строгость въ вѣрѣ и пламенную любовь къ ней!

Знай, что здѣшніе архіереи имѣютъ обычай, рукоположивъ священника или діакона, не дозволять ему уѣхать къ себѣ домой, къ своей церкви, безъ того чтобы онъ не отслужилъ пятнадцать разъ въ соборѣ, дабы священники могли обучить его наилучшимъ образомъ, и онъ уѣхалъ бы, только хорошо обучившись, такъ чтобы никто не могъ посмѣяться надъ нимъ. Обрати вниманіе на эту заботливость! Знай, что послѣ рукоположенія обыкновенно писали имъ ставленую грамату на ихъ языкѣ отъ имени нашего владыки патріарха, что онъ рукоположилъ такого-то священника изъ такого-то города въ такую-то церковь, согласно удостовѣренію жителей его города, ибо каждый изъ нихъ приносилъ съ собою засвидѣтельствованное удостовѣреніе въ томъ, что онъ достоинъ (сана) и женатъ первымъ бракомъ. Нашъ владыка патріархъ прикладывалъ къ граматамъ свою подпись и печать; они брали грамату и уѣзжали. Это дѣлалось изъ опасенія, что архіерей будетъ объѣзжать свою епархію, при чемъ всякій, у кого нѣтъ свидѣтельства о его священствѣ отъ рукоположившаго его, подвергается запрещенію и наказанію.

Знай, что служилые люди епископіи брали съ каждаго священника, вновь поставляемаго, одинъ динаръ (рубль) въ епископскую казну—таковъ ихъ обычай; также съ каждаго, кто хотѣлъ жениться, они брали одинъ піастръ въ казну и давали ему свидѣтельство, записывая у себя въ книгѣ его имя. Это строгій порядокъ, ибо никто во всей этой епископской епархіи не смѣетъ жениться безъ ихъ дозволенія. Они съ большою строгостью наблюдаютъ семь степеней родства, не такъ, какъ въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ поступаютъ подобно животнымъ. Эта строгость существуетъ во всей странѣ московской.

Возвращаемся. Наканунѣ праздника св. Николая мы слушали малое повечеріе въ церкви, что внизу соборной. Всѣ, уцѣлѣв-

шіе въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ мужчины, женщины, мальчики и дѣвочки пришли въ эту церковь. Они всегда имѣютъ обычай, приходя въ церковь, всякій разъ приносить съ собою свѣчи; къ каждой приклеиваютъ копѣйку и ставятъ свѣчу предъ иконой святого, во имя котораго церковь, а также предъ иконами, стоящими по окружности церкви.

Есть также обычай: ежели случится, что архіерей передаетъ какую-либо вещь кому-нибудь изъ мірянъ, то дѣлаетъ поклонъ головой тому человѣку при передачѣ, хотя бы то былъ мальчикъ или женщина. Также и воевода кланяется нищимъ, и даже священники кланяются женщинамъ и дѣтямъ. Таковъ ихъ обычай. Они дѣлаютъ поклоны головой другъ другу постоянно; такимъ же образомъ привѣтствуютъ одинъ другого на улицѣ и здороваясь утромъ и вечеромъ. Все это признакъ плодовъ смиренія, ибо гордость имъ совершенно чужда, и гордецовъ они въ высшей степени ненавидятъ. Такъ мы видѣли и наблюдали. Богъ свидѣтель, что мы вели себя среди нихъ какъ святые, какъ умершіе (для міра), отказавшись отъ всякихъ радостей, веселья и шутокъ, въ совершеннѣйшей нравственности, хотя по нуждѣ, а не добровольно.

Въ полночь ударили въ колокола ко всенощному бдѣнію. Мы встали къ службѣ и, войдя въ упомянутую церковь, нашли тамъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, которыя раньше мужчинъ и мальчиковъ поспѣшили придти сюда, имѣя въ рукахъ свѣчи. Было совершено великое торжество, по любви ихъ къ св. Николаю, и такъ какъ церковь мала, то большая часть народа стояла внѣ ея, на сильномъ холодѣ, отъ полуночи до утра, съ непокрытою головой, по ихъ обыкновенію. Пѣвчіе начали великую вечерню, послѣ того какъ священникъ облачился и дьяконъ въ стихарѣ вышелъ, говоря: „благослови, Владыко!“ а священникъ сказалъ: „Благословенъ“... Затѣмъ чтецъ началъ вечерній псаломъ, читая поочередно стихъ за стихомъ, и это же пѣли пѣвчіе на обоихъ клиросахъ. Потомъ вышелъ дьяконъ, сказалъ ектенію и вошелъ (въ алтарь), послѣ чего вышелъ со свѣчей впереди священника, который сталъ кадить при „Господи воззвахъ“. Затѣмъ они возвратились и вышли на литію въ нарѳексъ. Поставили пять хлѣбовъ, пшеницу и вино, и дьяконъ прочелъ, по обыкновенію, „Спаси, Господи, люди Твоя“. Затѣмъ (слѣдовали) прочія молитвы, по положенію, и тропари; священникъ совершилъ отпустъ, и начали утреню послѣ звона въ колокола, какъ это принято въ началѣ службы. Вышелъ дьяконъ со свѣчей, а священникъ съ кадильницей кадить по обычаю. Послѣ шестопсалмія дьяконъ вышелъ и сказалъ большую ектенію, затѣмъ пропѣли

величаніе святому, потомъ читали псалтирь, при чемъ каждая каѳизма сопровождалась чтеніемъ, затѣмъ слѣдовалъ поліелей. При седьмой пѣснѣ [1] читали синаксарь. Мы вышли на зарѣ, измученные до изнеможенія и отъ усталости вслѣдствіе стоянія на ногахъ и отъ сильнаго холода. Послѣ четвертаго часа дня возвратились къ обѣднѣ, по обычномъ звонѣ въ колокола. Служилъ нашъ владыка патріархъ, совершивъ сначала водосвятіе и окропивъ церковь и народъ, по обычаю. Отъ сильнаго холода, тогда бывшаго, вода въ сосудѣ замерзла, и мы разбивали ледъ при погруженіи креста. Владыка рукоположилъ іерея, и мы вышли отъ обѣдни только около солнечнаго заката.

Намъ разсказывали, что во всей странѣ московской очень торжественно справляютъ праздникъ святителя Николая и празднуютъ три дня съ большимъ ликованіемъ. Въ городѣ Москвѣ совершаютъ всенощное бдѣніе въ теченіе всей ночи и идутъ къ обѣднѣ, только послѣ того какъ пробьетъ 5 часовъ [2], а выходятъ лишь къ вечеру, передъ закатомъ. Таковъ ихъ обычай. Такимъ образомъ обѣдъ обращается въ ужинъ, ибо въ эти мѣсяцы, въ декабрѣ и январѣ, день содержитъ $6^1/_2$ часовъ, а ночь $17^1/_2$. Солнце въ это время восходило съ юго-востока и заходило къ западу. Всѣ дни въ эти два мѣсяца бываютъ очень темны и мрачны: едва отличишь ночь отъ дня.

Въ день св. Спиридона чудотворца нашъ владыка патріархъ также служилъ обѣдню въ верхней церкви и рукоположилъ іерея и діакона. Причиною было то, что настоятель монастыря *Себаси* (Спаса), т. е. монастыря Преображенія, находящагося среди улицъ этого города, имѣлъ четырехъ сыновей — священниковъ, но всѣ они умерли со своими дѣтьми и женами, и ихъ дома и церкви опустѣли; онъ просилъ нашего владыку патріарха поставить для него священниковъ на мѣсто нихъ. Также въ субботу Праотецъ нашъ владыка патріархъ служилъ и рукоположилъ іерея и діакона; то же и въ воскресенье. Въ день празднованія памяти св. Игнатія было большое торжество. Этотъ день — пора, когда закалываютъ свиней для *бастырма* (вяленое мясо), которое они запасаютъ на цѣлый годъ. Они закалывали также овецъ и быковъ для стола въ праздникъ (Рождества), ибо въ теченіе этого праздника скотъ не рѣжутъ.

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ: при девятой.

[2] 11 ч. утра

Глава XI.

Коломна.— Исторія Петра митрополита. Рождественскіе праздники.

На другой день вечеромъ было совершено еще большее торжество по случаю праздника св. Петра, архіепископа Кіева, Малой Россіи и всѣхъ странъ московскихъ, Великой Россіи. Это тотъ самый святой, коего мозаичное изображеніе мы видѣли въ алтарѣ св. Софіи. Онъ былъ первымъ митрополитомъ, поставленнымъ въ Кіевѣ, во дни царя Василія Македонянина, который прислалъ его къ казакамъ, когда они увѣровали вмѣстѣ со своимъ царемъ; а былъ онъ родомъ изъ Константинополя, грекъ, какъ сказано въ его жизнеописаніи. По прибытіи своемъ, онъ сталъ проповѣдовать Христа. Они подвергли его испытаніямъ, сказавъ ему: „мы разведемъ большой огонь, и если ты пройдешь невредимо сквозь него въ священномъ облаченіи, съ Евангеліемъ, мы увѣруемъ въ твоего Бога“. Такъ и было. Онъ остался невредимъ, и всѣ они увѣровали. Окрестивъ ихъ въ Днѣпрѣ и утвердивъ въ вѣрѣ, онъ построилъ для нихъ церкви, какъ-то: св. Софію и иныя. Онъ прибылъ (потомъ) въ эту страну московитовъ и совершилъ подобное тому чудо, и съ того времени они увѣровали чрезъ него во Христа. Онъ построилъ для нихъ эти благолѣпныя церкви, уцѣлѣвшія доселѣ, и самъ возсѣлъ на престолъ какъ первый митрополитъ надъ городомъ Москвой и всѣми областями Великой Россіи. Его называютъ *прототронос* [1], то-есть, первымъ изъ митрополитомъ. Надъ Кіевомъ онъ поставилъ на свое мѣсто митрополита. Скончался онъ здѣсь, и его тѣло доселѣ пребываетъ въ серебряномъ гробѣ, окруженномъ удивительно красивой серебряной рѣшеткой. Мы впослѣдствіи къ нему прикладывались. Оно находится въ третьемъ сѣверномъ алтарѣ великой церкви, которая есть патріаршая каѳедра. Къ нему имѣютъ великую вѣру и непрестанно толпами приходятъ на поклоненіе ему мужчины, дѣти, дѣвицы, цари и князья Онъ же построилъ вторую стѣну города, внѣ кремлевской стѣны, и она называется его именемъ.

Въ пятницу, въ навечеріе Рождества, зазвонили въ колокола сначала къ часамъ [2], затѣмъ къ обѣднѣ, отъ которой всѣ вы-

[1] Первопрестольный. Страннымъ образомъ названіе это отнесено авторомъ не къ каѳедрѣ, а къ самому митрополиту. Жизнь митр. Петра на столько извѣстна, что не находимъ нужнымъ указывать на грубыя ошибки автора.

[2] Если Рождество Христово случится во воскресенье или въ понедѣльникъ (послѣднее именно и было въ 1654 г.), то царскіе часы поются въ предыдущую пятницу.

шли только предъ закатомъ солнца. Въ воскресенье св. Праотецъ нашъ владыка патріархъ служилъ въ соборѣ и посвятилъ іерея и діакона. Въ этотъ день былъ жестокій морозъ, отъ котораго мы леденѣли, руки у насъ трескались внутри мѣховыхъ рукавовъ, и мы были не въ состояніи высунуть ихъ наружу; ноги отнялись, и мы терпѣли великую муку. Отъ сильнаго холода примерзла крышка серебрянаго кувшина, въ то время когда діаконъ выливалъ изъ него воду. Точно также вино въ своемъ сосудѣ приняло видъ кружка, какъ бы кусокъ камня, и растаяло только на огнѣ. Даже Смѣшеніе, св. Дары, замерзло въ потирѣ и—о удивленіе!—стало какъ камень; когда же палили теплоту, которая была горяча какъ огонь, вино растаяло. У нихъ принято всегда, что діаконъ, наливъ теплоту изъ кувшинчика въ потиръ, покрываетъ его большимъ воздухомъ, и онъ остается покрытымъ. Божественное Тѣло и антидоръ также замерзли, стали какъ камень и не крошились.

При всемъ томъ мы стояли съ непокрытою головой отъ начала обѣдни до конца, ибо у грековъ и здѣсь есть обычай, что священникъ и діаконъ постоянно остаются съ открытою головой съ начала обѣдни до конца. По этой причинѣ и мы противъ воли имъ подражали и дѣлали какъ они. Мы выходили отъ обѣдни не иначе какъ слѣпыми. Богъ свидѣтель, что мы оставались нѣсколько дней лишенными слуха, и у насъ въ ушахъ гудѣло. Если бы мы не отпустили волосы подобно имъ, то навѣрно ослѣпли бы, но Богъ помогъ намъ. Труднѣе всего было то, что мы выходили отъ обѣдни только передъ закатомъ, и когда еще мы сидѣли за столомъ, начинали уже звонить къ вечернѣ, мы должны были вставать и идти къ службѣ. Какая твердость и какіе порядки! Эти люди не скучаютъ, не устаютъ, и имъ не надоѣдаютъ безпрерывныя службы и поклоны, при чемъ они стоятъ на ногахъ съ непокрытою головой при такомъ сильномъ холодѣ, не ропща и не скучая продолжительностью службъ, которыя до крайности длинны.

Въ ночь праздника Рождества священники и діаконы приходили послѣ службы къ нашему владыкѣ патріарху съ образомъ Рождества и съ крестами, при пѣніи ирмоса Рождества и другихъ, какъ это было въ Молдавіи и Валахіи, потомъ пѣли многолѣтіе царю и патріарху антіохійскому. Онъ давалъ имъ милостыню, и они уходили. То же дѣлали на другой день, въ утро понедѣльника, праздника Рождества.

Въ (день) начала новаго 1655 года отъ Божественнаго Воплощенія зазвонили въ колокола въ полночь и встали къ службѣ. Мы не имѣли силъ быть за службой въ церкви по причинѣ же-

стокаго мороза, но молились въ своемъ помѣщеніи, зажегши свѣчи передъ всѣми образами, что внутри этихъ келлій, и передъ тѣми, что надъ дверьми, ибо у нихъ такой обычай: если бы въ домѣ у кого-нибудь изъ нихъ было, хотя бы, сто иконъ, то зажигаютъ утромъ и вечеромъ по свѣчкѣ передъ каждой; каждая икона снабжена подсвѣчникомъ въ видѣ вѣтви, укрѣпленнымъ въ стѣнѣ. При наступленіи времени обѣдни, зазвонили въ колокола послѣ четвертаго часа [и нашъ владыка патріархъ сошелъ внизъ къ торжеству, устроенному [1]] по любви къ имени царя, и рукоположилъ іерея и діакона. Мы вышли только около солнечнаго заката, умирая отъ сильнаго холода и стужи. Не успѣли мы отобѣдать, какъ уже ударили къ вечернѣ; мы встали, чтобы идти къ службѣ.

Знай, что, начиная за недѣлю до праздника Рождества, вплоть до Богоявленія бываетъ въ Москвѣ большая ярмарка, то-есть продажа и купля всякихъ предметовъ. Это есть время дешевизны продуктовъ у нихъ, ибо они направляются туда изъ отдаленнѣйшихъ областей.

На второй день праздника нашъ владыка патріархъ служилъ въ верхней церкви, послѣ того какъ натопили ея каптуры съ вечера, и рукоположилъ іерея и діакона; въ ней же служилъ на третій день и рукоположилъ іерея. Когда сдѣлалось извѣстно въ странѣ московской, что патріархъ антіохійскій рукополагаетъ священниковъ, то поспѣшили къ нему толпами изъ всѣхъ самыхъ далекихъ, глухихъ мѣстъ и подносили ему подарки: рыбу, масло, медъ и проч., вмѣстѣ съ *челобита* (челобитной), то-есть прошеніемъ, гдѣ умоляли его смилостивиться надъ ними. Мы не мало дивились на новопоставленныхъ священниковъ: только-что надѣвъ священническое платье, которое составляетъ верхняя чуха [2] съ широкимъ отложнымъ воротникомъ, они выбрѣваютъ себѣ на макушкѣ большой кружокъ по циркулю, приглаживаютъ волосы надо лбомъ и откидываютъ ихъ за уши, какъ дѣлаютъ женщины, такъ какъ брѣютъ только макушку; такимъ образомъ они, казалось, были священниками уже много лѣтъ, ибо отличаются статностью.

Знай, что есть такой обычай въ этой странѣ: когда кто изъ нихъ имѣетъ просьбу къ царю, правителю, патріарху, архіерею, священнику или къ кому другому, и послѣ усердной мольбы

---

[1] Слова въ скобкахъ взяты изъ англійскаго перевода. Они необходимы для смысла, но почему-то пропущены въ обѣихъ нашихъ рукописяхъ.

[2] Верхнее платье изъ сукна или шерсти.

и многихъ поклоновъ просьба не принята, то онъ ударяетъ головой о землю и не поднимаетъ ея, пока просьба его не будетъ исполнена. Русскіе переводчики называли это челобитьемъ.

Глава XII.

Коломна.—Положеніе духовенства. Праздникъ Крещенія и крестный ходъ на воду. Разсказъ о крестномъ ходѣ въ Москвѣ.

Знай, что священникъ въ этой странѣ пользуется большимъ почетомъ: правители боятся его и стоятъ предъ нимъ, въ то время какъ онъ сидитъ. Каждый священникъ и діаконъ получаетъ постоянное содержаніе, полевые продукты и надѣлы свыше своихъ нуждъ, ибо они имѣютъ рабовъ-крестьянъ. Намъ говорили, что содержаніе протопопу отъ царя въ годъ составляетъ 15 рублей и кусокъ дорогого сукна; прочіе священники получаютъ все меньше и меньше и сукно имъ идетъ дешевле; діаконы же получаютъ половину. Помимо этого содержанія, которое идетъ имъ отъ царя, крестьяне привозятъ также имъ на домъ годовые припасы. Ихъ надѣлы свободны отъ налоговъ. Здѣшній коломенскій протопопъ владѣетъ деревней домовъ во сто, составляющей угодье церкви; произведенія ея идутъ въ его пользу; онъ имѣетъ также большой домъ для своего жительства, который, однако, не составляетъ его собственности, но всякій, кто дѣлается протопопомъ, получаетъ ту деревню и домъ для жилья, ибо они царскіе.

Когда умеръ здѣшній протопопъ, одинъ изъ священниковъ отправился къ царю, взявъ съ собою прошеніе отъ общины, что онъ достоинъ сана,—отправился для того, чтобы царь назначилъ его на мѣсто покойнаго.

Когда бываетъ храмовой праздникъ собора, то передъ обѣдней совершаютъ освященіе воды; протопопъ беретъ часть ея въ сосудъ и вмѣстѣ съ протодіакономъ отправляется къ царю и подноситъ ее въ даръ ему, а онъ отдариваетъ ихъ. Такой у нихъ обычай.

Въ понедѣльникъ, праздникъ Обрѣзанія, нашъ владыка патріархъ служилъ въ соборѣ и рукоположилъ іерея. Передъ обѣдней онъ совершилъ водосвятіе, при чемъ отъ сильнаго холода вода въ сосудѣ замерзла, бывъ раньше какъ кипятокъ, ибо въ эти дни, если совершаютъ освященіе воды, то прежде кипятятъ ее, чтобы она не такъ скоро замерзла. Когда нашъ владыка, погрузивъ крестъ, положилъ его на пелену, онъ присталъ къ

ней. Окончивъ обѣдню, мы были не въ состояніи сложить свои облаченія, ибо пальцы у насъ свело и они трескались. При всемъ томъ мы стояли съ открытой головой, такъ что сильно пострадали.

Въ пятницу, канунъ Крещенія, звонили въ колокола съ утра до выхода нашего отъ службы вечеромъ. Нашъ владыка патріархъ сошелъ и прочелъ молитву надъ столикомъ (съ чашей воды), по обычаю. Вода, бывъ кипяткомъ, замерзла, и онъ съ трудомъ могъ разбить ледъ крестомъ, когда погружалъ его, ибо морозъ былъ необычайно силенъ.

На утро субботы, праздника Крещенія, зазвонили въ колокола въ третьемъ часу дня и собрались, по обычаю, всѣ бывшіе въ городѣ священники и даже деревенскіе со своими паствами, пришли въ соборъ и облачились. Затѣмъ мы облачили нашего владыку патріарха, и они пошли передъ нами величественнымъ крестнымъ ходомъ попарно, неся большія и малыя иконы, при чемъ большія несли двое; діаконы шли съ большими крестами, рипидами и фонарями; мы же слѣдовали за ними, пока, выйдя изъ городскихъ воротъ, не пришли къ извѣстной рѣкѣ Москвѣ. Уже вчера была пробита большая яма въ родѣ бассейна—толщина льда въ то время была въ 5 пядей,—вокругъ нея наложили помостъ изъ бревенъ и досокъ, поверхъ льда сдѣлали кругомъ загородку, изъ предосторожности, чтобы отъ народной тѣсноты на льду онъ не провалился, какъ это случалось много разъ, и положили мостки изъ досокъ отъ берега до ямы. Поперекъ ямы положили бревно въ родѣ ступеньки, прочно укрѣпивъ его, дабы, когда нашъ владыка патріархъ сойдетъ къ водѣ для ея освященія, онъ могъ опереться о него колѣнями. Деревенскіе жители выкопали на рѣкѣ еще множество ямъ и стояли около со своими лошадьми. Священники стали въ рядъ кругомъ помоста. Для нашего владыки патріарха постлали коверъ, на который онъ сталъ, и поставили на коврѣ кресло. Начали службу. Нашъ владыка прочелъ, по обычаю, большую молитву; при словахъ: „и ниспосли, Царю, Человѣколюбче, Духа Твоего Святаго и освяти воду сію“, владыка вставалъ съ кресла и освящалъ воду своими перстами трижды, также и во второй разъ. При поминовеніи царей онъ говорилъ трижды: „и сохрани, Боже, раба твоего, царя христолюбиваго, князя Алексія Михайловича“, и трижды благословилъ народъ. Затѣмъ, взявъ крестъ, погрузилъ его три раза въ воду, которая замерзала послѣ каждаго погруженія, такъ что приходилось разбивать ледъ мѣдными кувшинами. Когда онъ погрузилъ крестъ въ третій разъ, всѣ взяли воды въ свои сосуды изъ пробитыхъ ими ямъ и напоили

своихъ лошадей. Какъ мы уже упомянули, народъ собрался тысячами изъ деревень, когда услышалъ, что антіохійскій патріархъ намѣренъ освятить воду. Затѣмъ нашъ владыка патріархъ вышелъ къ мосткамъ и окропилъ сначала священниковъ, потомъ вельможъ. О удивленіе! Отъ сильнаго холода вода замерзала на щетинномъ кропилѣ, копмъ онъ окроплялъ, а также на рукавахъ саккоса и на ихъ одеждахъ, принимая видъ стекла. Отъ чрезмѣрной стужи бороды и усы у всѣхъ мужчинъ въ толпѣ побѣлѣли, ибо дыханіе, отъ нихъ выходившее, тотчасъ обращалось въ ледъ, который нельзя было сорвать безъ того, чтобы не вырвать вмѣстѣ съ нимъ волосъ. Солнце въ это время сіяло. Мы не надѣялись, что будемъ въ состояніи выйти изъ дому въ этотъ день, но Богъ намъ помогъ, хотя ноги, руки и носы у насъ отнялись, несмотря на то, что мы были защищены двойными мѣховыми муфтами, надѣтыми на руки, на ногахъ имѣли ботики изъ бараньяго мѣха, а одѣты были въ нѣсколько мѣховыхъ шубъ. Всего удивительнѣе, что всѣ московиты, даже священники, оставались съ открытыми головами съ утра до нашего выхода отъ обѣдни вечеромъ. Потомъ мы пошли назадъ, при чемъ нашъ владыка патріархъ окроплялъ мужчинъ и женщинъ направо и налѣво, пока не вошли въ великую церковь. Колокола всѣхъ церквей гремѣли во все время, пока мы шли туда и обратно. Одинъ изъ священниковъ стоялъ внизу лѣстницы и кадилъ входящимъ священникамъ и діаконамъ, одному за другимъ, пока не вошелъ въ соборъ нашъ владыка патріархъ и мы вмѣстѣ съ нимъ. Священники стояли въ рядъ въ παρεκσὲ, пока нашъ владыка патріархъ не помолился на иконы, которыя несли (въ ходу). Діаконъ, направляясь къ служащимъ, говорилъ ектенію: „помилуй насъ, Боже, по великѣй милости Твоей“ и пр. Затѣмъ окончили службу. По причинѣ сильной стужи мы не могли служить обѣдню въ соборѣ, но поднялись въ верхнюю церковь, которую натопили съ вечера. Здѣсь мы совершили литургію, за которой нашъ владыка патріархъ рукоположилъ іерея и діакона. Мы вышли не ранѣе заката, не помня себя отъ усталости и холода. Въ то время, когда мы сидѣли за столомъ, зазвонили къ вечернѣ.

Намъ разсказывали, что во всей странѣ московской особенно торжественно справляютъ только два праздника въ году, именно: Богоявленіе и Вербное Воскресенье, какъ мы увидѣли впослѣдствіи. Въ царственномъ градѣ дѣлаютъ огромный помостъ надъ этою рѣкой, ибо она течетъ подлѣ стѣны царскаго дворца (Кремля). Царь и патріархъ вмѣстѣ съ архіереями, настоятелями его (патріарха) монастырей и всѣми священниками, кои

идутъ попарно въ облаченіяхъ, выходятъ изъ великой церкви большимъ крестнымъ ходомъ къ *Фодали фрата*, т. е. Водянымъ воротамъ. Царь слѣдуетъ за ними вмѣстѣ со всѣми вельможами своего государства, идя пѣшкомъ въ коронѣ. Когда начнется служба, онъ обнажаетъ голову, оставаясь такъ до конца при здѣшнемъ сильномъ холодѣ. Намъ сообщали, что при прежнихъ царяхъ обыкновенно держали надъ ихъ головой высокій куполъ, который несли 30 человѣхъ, для защиты отъ холода и снѣга; но сей благополучный царь, по своей чрезвычайной набожности, не позволяетъ этого, а остается съ открытою головой, говоря, что холодъ и снѣгъ—милость отъ Бога, можетъ ли кто отвратить ихъ отъ царя? При погруженіи патріархомъ креста въ третій разъ, бываетъ большое ликованіе. Уже раньше прорубается на этой рѣкѣ множество отверстій, въ коихъ священники тотчасъ же крестятъ младенцевъ и мужчинъ, ибо этого дня ждутъ отъ года до года. Когда патріархъ окропитъ царя и вельможъ, послѣдній возвращается въ царскихъ саняхъ, обитыхъ краснымъ бархатомъ внутри и снаружи, съ серебряными и золотыми гвоздями, попона лошади изъ сорока соболей; она идетъ въ подарокъ конюху. Потомъ патріархъ окропляетъ священниковъ и присутствующихъ вельможъ и возвращается съ крестнымъ ходомъ въ церковь къ обѣднѣ.

Въ воскресенье, на второй день Богоявленія, нашъ владыка патріархъ опять служилъ и рукоположилъ іерея и діакона. Они были дѣти одного священника, который былъ приходскимъ, а потомъ сдѣлался монахомъ въ монастырѣ города, называемаго Тула, епархіи здѣшняго епископа. Монастырь—во имя св. Іоанна Крестителя. Этотъ священникъ явился къ нашему владыкѣ патріарху съ прошеніемъ отъ настоятеля и монаховъ такого содержанія, что онъ былъ бѣлымъ священникомъ, а по смерти жены пошелъ въ монахи. Какъ мы упомянули выше, епископы этой страны имѣютъ обычай не дозволять такимъ священникамъ совершать литургію, развѣ только по прошествіи многихъ лѣтъ, дабы они забыли міръ съ его наслажденіями. Услыхавъ о прибытіи нашего владыки патріарха, послали умолять его дать этому священнику дозволеніе служить, ибо бывшіе у нихъ въ монастырѣ священники умерли въ послѣднее время. Онъ далъ дозволеніе, и письмоводитель епархіи написалъ священнику бумагу на ихъ языкѣ съ разрѣшеніемъ отъ нашего владыки патріарха, дабы онъ взялъ ее съ собою. Мы подписали бумагу и приложили печать. Онъ взялъ ее и уѣхалъ весьма обрадованный.

Глава XIII.

Коломна.—Разсказъ о Тулѣ и тамошнихъ желѣзныхъ заводахъ. Посѣщеніе патріарха архіепископомъ рязанскимъ.

Намъ разсказывалъ этотъ священникъ и другіе изъ города Тулы, что онъ отстоитъ отъ Москвы на 180 верстъ, отъ Каширы на 120 в., и верстъ на 500 отъ рва, который въ послѣднее время царь приказалъ выкопать на границѣ татаръ; по краямъ этого рва вбиты бревна, между собою перекрещивающіяся, представляя какъ бы городскую стѣну; на немъ выстроены укрѣпленія и непрерывная линія башенъ; для охраненія его назначены царемъ тысячи ратниковъ. Отъ него далѣе до страны татаръ идутъ земли опустѣлыя и заброшенныя, непроходимыя по обилію воды, множеству болотъ и узости дорогъ. Священникъ разсказывалъ, что эта Тула—городъ съ каменною крѣпостью, больше и крѣпче Коломны и составляетъ проходъ въ страну татаръ, какъ Путивль—проходъ въ страну турецкую, что при нынѣшнемъ царѣ открытъ превосходный желѣзный рудникъ въ видѣ нѣсколькихъ холмовъ; раньше же въ этой странѣ не было желѣза, а доставляли его франки на судахъ. Нѣмецкіе франки были первыми, открывшими рудникъ, и они разрабатываютъ его ночью и днемъ, взявъ на откупъ отъ царя на томъ условіи, что изъ каждыхъ десяти кусковъ имъ идетъ одинъ, а царю девять. Они имѣютъ удивительныя печи, въ кои кладутъ (руду) по выпутіи ея изъ земли, затѣмъ разводятъ огни. Въ печи руда плавится, дѣлается какъ вода и течетъ изъ отверстія со всей печи въ желоба, выкопанные въ землѣ, съ формами для пушекъ, ядеръ и иныхъ предметовъ; въ каждомъ жолобѣ 40, 50 ямъ (формъ) съ той и съ другой стороны. Когда онѣ наполнятся, вынимаютъ (предметъ), даже не употребляя молота, безъ труда и хлопотъ. Такимъ способомъ ежедневно выдѣлываютъ тысячи предметовъ. Множество пушекъ вывозятъ зимою на саняхъ и везутъ на разстояніе 1700 верстъ, въ теченіе около 40 дней, къ пристани Архангельскъ, гдѣ море—океанъ, и продаютъ франкамъ, которые увозятъ ихъ въ свою страну. Онѣ изъ чистаго желѣза. Это желѣзо очень дешево, и потому всѣ двери каменныхъ домовъ, дворцовъ, церквей, складочныхъ подваловъ и створы лавокъ въ городѣ Москвѣ, равно и всѣ окна, сдѣланы по большей части изъ чистаго желѣза. Мы не мало дивились на громадность церковныхъ дверей, крѣпостныхъ и дворцовыхъ воротъ. Когда каменный полъ патріаршей церкви отъ времени вытерся, царь послалъ въ Тулу (приказъ), и вотъ надѣлали большихъ четырехъ-

угольныхъ плитъ, превосходныхъ, блестящихъ, какъ серебро, и замостили ими весь полъ церкви и алтарей, даже внизу за дверьми и пороги, какъ мы увидѣли впослѣдствіи и опишемъ въ своемъ мѣстѣ.

Знай, что многіе изъ умершихъ въ моровую язву, оставляя послѣ себя состояніе, завѣщали его на построеніе церквей. По этой причинѣ настоятели монастырей являлись къ нашему владыкѣ патріарху и брали у него разрѣшеніе, послѣ чего настроили много церквей. Нашъ владыка надѣвалъ епитрахиль и омофоръ и читалъ молитвы, положенныя на основаніе церкви; они брали отъ него граматы на ихъ языкѣ за его подписью и печатью, дабы онѣ служили для нихъ удостовѣреніемъ.

Когда мы жили въ Коломнѣ, къ нашему владыкѣ патріарху пріѣхалъ киръ Мисаилъ, архіепископъ Рязани, называемый на ихъ языкѣ „рязанскій“. Проѣзжая въ Москву, онъ свернулъ съ дороги на разстояніе 40 верстъ, чтобы посѣтить нашего владыку. Эта Рязань отстоитъ отъ Москвы на 90 верстъ и на столько же отъ Коломны. Онъ прислалъ заранѣе извѣстіе, и мы, по обыкновенію, надѣли на нашего владыку патріарха мантію. Когда онъ вошелъ, имѣя съ собою большую свиту, одинъ изъ его слугъ остался за дверьми держать его посохъ. Нашъ владыка, обратившись лицомъ къ иконамъ, пропѣлъ тихимъ голосомъ [1] „Достойно есть“, по принятому въ этой странѣ обычаю, когда одинъ архіерей посѣщаетъ другого; мы же пропѣли трижды „Господи помилуй“ и „Благослови“, послѣ чего владыка, обернувшись, закончилъ молитву и благословилъ гостя, который при этомъ сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ. Всякій разъ, какъ нашъ владыка спрашивалъ его о немъ и его обстоятельствахъ, онъ дѣлалъ поклонъ и насилу согласился сѣсть. Послѣ того какъ нашъ владыка благословилъ его, а онъ поцѣловалъ владыку въ голову, они облобызались. Нашъ владыка разспрашивалъ его о многихъ предметахъ и объ его каѳедрѣ и епархіи. Тотъ разсказалъ, что подъ его властью состоитъ болѣе тысячи церквей, что его каѳедра—Рязань, городъ весьма большой, построенный изъ камня, имѣющій деревянную крѣпость, что каѳедральная церковь во имя Успенія Владычицы. Далѣе онъ намъ сообщилъ, что въ послѣднее время, лѣтомъ, онъ проповѣдовалъ христіанство одному народу, не знающему Бога, перенесъ отъ него много бѣдъ, но убѣдилъ и сдѣлалъ христіанами. Онъ окрестилъ изъ нихъ 4400

[1] Въ арабскомъ подлинникѣ здѣсь, какъ и въ другихъ аналогичныхъ мѣстахъ, сказано: „пропѣлъ втайнѣ“, но какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, патріархъ пѣлъ не про себя, а такъ, что его могли слышать.

человѣкъ, что было совершено такъ: онъ велѣлъ раздѣться мужчинамъ и поставилъ ихъ въ рѣкѣ въ штанахъ, а женщинъ въ рубашкахъ, налилъ масла, по прочтеніи молитвъ крещенія, всѣхъ ихъ погрузилъ вмѣстѣ, и они просвѣтились и восприняли вѣру съ большою любовью. Онъ соорудилъ для нихъ церкви, и они стремились къ службамъ ночью и днемъ.

Затѣмъ онъ всталъ и со многими поклонами попрощался съ нашимъ владыкой патріархомъ, который, какъ вначалѣ, пропѣлъ „Достойно есть“ и благословилъ его; онъ вышелъ, а мы пошли его провожать. Дойдя до дверей соборной церкви, онъ отдалъ посохъ одному изъ своихъ діаконовъ, самъ же пошелъ и сдѣлалъ земной поклонъ на снѣгу въ своей мантіи передъ иконой, что надъ дверьми. То же сдѣлалъ у вторыхъ дверей. Затѣмъ онъ усѣлся въ сани и отправился, окруженный своими боярами, слугами и приближенными, въ сопровожденіи 50 всадниковъ. Верхняя его одежда подъ мантіей была изъ зеленой узорчатой, рытой камки, съ собольимъ мѣхомъ, съ длинными узкими рукавами. Такова обычная ихъ одежда. На головѣ у него былъ очень большой черный клобукъ, ниспадающій на глаза, а подъ нимъ суконная шапочка съ чернымъ мѣхомъ.

Глава XIV.

Коломна.—Неопредѣленность положенія патріарха и просьбы его о дозволеніи ѣхать въ Москву. Прибытіе драгомановъ. Отъѣздъ изъ Коломны. Зимній путь. Остановка въ Выхинѣ. Пріѣздъ въ Москву.

Возвращаемся. Что касается нашего положенія, то мы сильно скорбѣли по той причинѣ, что время тянулось безъ пользы. Мы надѣялись, что царь возвратится изъ похода къ празднику св. Николая, о чемъ прошли слухи, но онъ не пріѣхалъ. Говорили также, что онъ прибудетъ къ празднику Рождества, не прибылъ,—къ празднику Богоявленія, но вѣсти никакой. Поэтому мы находились въ большомъ затрудненіи, недоумѣніи и безпокойствѣ, а особливо въ сильномъ огорченіи отъ того, что никого не было, кто бы повѣдалъ намъ объ обстоятельствахъ царя: гдѣ онъ и въ какомъ положеніи его дѣла, ибо московиты всѣ, отъ большихъ до малыхъ, имѣютъ пятый темпераментъ, а именно коварство: ни одному чужеземцу ни о какомъ предметѣ ничего не сообщаютъ, ни хорошаго, ни дурного, такъ что, когда нашъ владыка патріархъ спрашивалъ ихъ, отъ вельможъ и священниковъ до простолюдиновъ, о дѣлахъ царя, то никто изъ нихъ ничего не говорилъ, кромѣ слова „не знаемъ“, даже дѣти. Съ

извѣстныхъ, именитыхъ греческихъ купцовъ, къ нимъ пріѣзжающихъ, они также брали клятву, что тѣ не разнесутъ вѣстей о нихъ и никогда не измѣнятъ государству. Какая это великая строгость! Въ устахъ у всѣхъ одинъ языкъ. Какъ мы узнали, со всѣхъ берется клятва на крестѣ и евангеліи и всѣ находятся подъ страхомъ патріаршаго отлученія, что своихъ дѣлъ не откроютъ чужеземцамъ, но если услышатъ какое-либо извѣстіе, возбуждающее подозрѣніе, то донесутъ о томъ царю. Въ то время, когда царь вступаетъ во власть и возсядетъ на престолъ, онъ посылаетъ привести къ присягѣ въ томъ всѣ области и подданныхъ, какъ мы видѣли это при вступленіи на престолъ господаря валашскаго. При такихъ обстоятельствахъ мы находились въ полномъ недоумѣніи. Раньше нашъ владыка патріархъ посылалъ два, три раза письма къ министрамъ, уполномоченнымъ царя, такого содержанія, что мы соскучились (ожиданіемъ) и весьма желаемъ ѣхать въ столицу. Письма пересылались къ царю, но отвѣта на нихъ мы не получали по той причинѣ, что министры были очень заняты дѣлами. Наконецъ онъ отправилъ къ нимъ своего архимандрита съ письмами, упрашивая ихъ прислать за нами, чтобы намъ жить въ столицѣ, пока не вернется царь. Они отправили эти письма къ царю, а насъ прислали успокоить тѣмъ, что мы скоро получимъ отвѣтъ. Главною причиной нашего долговременнаго пребыванія здѣсь было то, что патріархъ отсутствовалъ изъ своего каѳедральнаго города, еще не вернувшись съ того времени, какъ удалился отъ моровой язвы, иначе, если бы онъ находился тамъ, то не оставилъ бы насъ до сихъ поръ (въ Коломнѣ), какъ бы ни былъ занятъ царь, ибо духовныя дѣла зависятъ отъ него. Это было къ нашему злополучію, такъ что жизнь намъ надоѣла и душа съ тѣломъ разставалась. Мы получали положенное намъ и нашимъ спутникамъ содержаніе ежемѣсячно отъ сборщика налоговъ съ водки, меда и пива. Драгоманъ, обыкновенно, отправлялся каждый мѣсяцъ за полученіемъ 150 реаловъ [1].

Въ воскресенье Хананеянки нашъ владыка патріархъ служилъ также въ верхней церкви и посвятилъ іерея и діакона, равно и на другой день и въ воскресенье Закхея служилъ въ ней и посвящалъ іерея и діакона. Въ то время какъ мы совершали литургію, пришла къ намъ радостная вѣсть чрезъ двухъ назначенныхъ для того драгомановъ, которые привезли съ собою царскія сани для путешествія нашего владыки патріарха. То было для насъ великою, неописуемою радостью и отрадой. Они при-

[1] Какъ выше замѣчаетъ авторъ, реалъ стоилъ 50 коп.

везли съ собой бочки меда, вишневой воды разныхъ сортовъ, икры и разнаго рода рыбы. Съ ними пришелъ воевода города, имѣя въ рукахъ приказъ царя отправить насъ какъ можно скорѣе. По выходѣ нашего владыки патріарха изъ церкви, къ нему явились оба драгомана и, поклонившись до земли, произнесли титулъ царя, который есть: „величайшій царь и возвеличенный князь, тишайшій, высочайшій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, царь новгородскій, великій эфенди (господинъ) псковскій и великій князь смоленскій". Затѣмъ они перечислили всѣ страны и области, которыя прежде были независимыми, но покорены царями московскими, какъ обыкновенно они исчисляютъ ихъ при всякомъ случаѣ, о чемъ будетъ сказано подробно, пока не дошли до словъ: „самодержецъ Великой и Малой Россіи кланяется твоей святости, блаженнѣйшій, и приглашаетъ тебя въ городъ Москву, дабы ты своимъ присутствіемъ въ немъ благословилъ его престольный градъ". Тогда нашъ владыка патріархъ, вставъ на ноги, какъ обыкновенно онъ дѣлалъ изъ уваженія къ царю, всякій разъ какъ кто-нибудь являлся къ нему отъ царя или поминали имя царя, помолился Богу за него и сѣлъ; потомъ сталъ спрашивать ихъ о царѣ и объ его обстоятельствахъ. Они отвѣчали: „онъ намѣренъ, ради твоей святости, пріѣхать скоро въ свою столицу, чтобы видѣться съ тобою, ибо ждетъ тебя давно, и по этой причинѣ послалъ гетману Хмелю приказъ отправить тебя поскорѣе". Они сообщили намъ также, что онъ въ настоящее время распустилъ ратниковъ, повѣстивъ по всѣмъ областямъ, чтобы многочисленное войско вновь собралось въ мартѣ къ Смоленску для похода противъ краля. Воевода приготовилъ для насъ подводы, т. е. арбы, на кои мы нагрузили свои вещи.

Во вторникъ, 30 января, нашъ владыка патріархъ пошелъ, по обыкновенію, въ соборъ и совершилъ въ немъ царскій молебенъ съ водосвятіемъ. Отстоявъ обѣдню, мы вышли. Воевода и епископскіе бояре, поддерживая подъ руки нашего владыку патріарха, посадили его въ царскія сани, запряженныя четверней, которыя конюхи устлали подушками изъ черной камки, и закрыли его до груди сукномъ; сукномъ же были обиты сани и внутри. Воевода и другой боярин, назначенный намъ сопутствовать, встали сзади у угловъ саней, держась за нихъ руками, а прочіе бояре кругомъ, въ знакъ почета и уваженія. Посохъ держалъ одинъ изъ вершниковъ, ѣхавшій, по обыкновенію, впереди; передъ нами шли также отряженные воеводой и боярами стрѣльцы. Воевода, его подчиненные и бояре проводили насъ далеко за городъ. Послѣ того, до самой столицы, оба драгомана

и боярынъ смѣнялись у угловъ саней, какъ въ знакъ почета, такъ и для того, чтобы сани не опрокидывались при подъемахъ и спускахъ.

Мы не переставали такимъ образомъ путешествовать съ большою быстротою, ибо сани въ эту пору несутся быстрѣе птицы по замерзшимъ дорогамъ. Селенія слѣдуютъ безпрестанно другъ за другомъ. Такъ какъ дорога была весьма узка, то стрѣльцы заставляли проѣзжихъ отходить въ сторону, при чемъ лошади ихъ, по причинѣ глубины снѣга, лежавшаго на поляхъ, увязали по брюхо. Мы дивились на снѣгъ, который покрывалъ вѣтви деревьевъ въ лѣсахъ, ибо онъ, примерзая, загибался на вѣтвяхъ въ ту и другую сторону, подобно рубашкамъ и платкамъ, вымытымъ и растянутымъ для сушки. Мы нѣсколько разъ переѣзжали чрезъ Москву-рѣку и чрезъ многія другія рѣки, узнавая ихъ только по прорубамъ, на нихъ пробитымъ, откуда достаютъ воду при помощи веревокъ и [бадей]. Наши глаза были ослѣплены, ибо поля и деревья—все было бѣло.

Мы проѣхали въ этотъ день до вечера около 25 верстъ и, прибывъ въ селеніе, по имени *Кусаковъ* (Косякова), ночевали тутъ, при чемъ конакджи опередилъ насъ и приготовилъ помѣщеніе. Вставши въ среду утромъ, мы сдѣлали около 55 верстъ. Проѣзжая чрезъ какую-нибудь деревню, мы сходили и останавливались въ одномъ изъ домовъ, чтобы дать отдыхъ себѣ и лошадямъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ деревню, по имени *Вишино* (Выхино), которая отстоитъ отъ Москвы не дальше 10 верстъ. Тутъ мы остановились, ибо такъ приказали министры, и одинъ изъ драгомановъ отправился извѣстить ихъ. Мы чувствовали большое утомленіе, потому что здѣшнія дороги весьма затруднительны по причинѣ подъемовъ и спусковъ; сани, словно корабли на Черномъ морѣ, качались направо и налѣво. Поэтому драгоманы съ утра до вечера держались за сани (владыки), чтобы онѣ не опрокинулись; наши же сани опрокидывались съ нами неоднократно. Никто изъ насъ не былъ въ состояніи двигаться пѣшкомъ, ибо земля была (скользка), какъ мыло. Мы переночевали въ упомянутой деревнѣ на четвергъ, 1-ое февраля, и на пятницу, праздникъ Входа (Срѣтенія). Поутру въ день Срѣтенія, вставши, мы въѣхали въ городъ Москву.

ПУТЕШЕСТВІЕ
АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ
ВЪ РОССІЮ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА,

описанное его сыномъ, архидіакономъ

Павломъ Алеппскимъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО

Г. Муркоса.

(По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

(Москва).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1898 г.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Настоящій, третій выпускъ обнимаетъ первые $2^1/_2$ мѣсяца пребыванія патріарха Макарія въ Москвѣ, со 2 февраля по 15 апрѣля 1655 г., и содержитъ, по обыкновенію, массу разнообразнѣйшихъ и интересныхъ разсказовъ и описаній, собранныхъ любознательнымъ и неутомимымъ Павломъ Алеппскимъ.

При сличеніи арабскаго текста съ англійскимъ переводомъ оказалось (какъ это было и въ предыдущихъ выпускахъ), что англійскій переводчикъ сдѣлалъ мѣстами значительные пропуски, а именно, опустилъ служеніе въ недѣлю мясопустную (стр. 41—43), разсказы о пріемѣ грузинской царицы Елены и ея сына (стр. 86—87), о крещеніи касимовскаго царевича и польскаго пана (стр. 87—93), описаніе Успенскаго и другихъ кремлевскихъ соборовъ, Ивановской колокольни и приготовленій къ отливкѣ огромнаго колокола (стр. 97—114) и наконецъ служеніе въ Великую субботу (стр. 194—196).

Обстоятельное описаніе Успенскаго собора, доселѣ остававшееся непзвѣстнымъ, имѣетъ, безспорно, весьма немаловажное значеніе для отечественной археологіи. Оно относится къ 1655 г., слѣдовательно, ко времени вскорѣ послѣ того, какъ Успенскій соборъ былъ роскошно поновленъ стараніями патріарха Никона [1], и является прекраснымъ дополненіемъ къ дошедшимъ до насъ четыремъ описямъ Успенскаго собора [2], изъ коихъ первая относится къ началу царствованія Михаила Ѳеодоровича,

---

[1] Снегиревъ („Памятники Московской древности“, стр. 4) говоритъ объ этомъ: „при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, (соборъ) возобновленъ и святолѣпно украшенъ и въ 1652 г. сент. 9 освященъ былъ Никономъ, который, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ грамотѣ своей, „построилъ многія священныя вещи Государевымъ жалованьемъ и своимъ келейнымъ избыткомъ““.

[2] Онѣ напечатаны въ „Русской Истор. Библіотекѣ“, издав. Археогр. Комиссіею (СПб., 1876 г. Т. III).

вторая—къ 1627 г., третья—къ 1638 г. и четвертая—къ 1710 г. Описаніе Павла Алеппскаго есть единственное въ своемъ родѣ; тщетно было бы искать подобнаго въ запискахъ другихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI и XVII вв.: какъ иновѣрцы, они не допускались въ наши храмы. Мы не нашли его и въ путешествіи православнаго и, подобно Павлу Алеппскому, духовнаго лица, Арсенія, архіепископа Элассонскаго, который пріѣзжалъ въ Москву въ 1588 г. вмѣстѣ съ Константинопольскимъ патріархомъ Іереміей.

Англійскій переводчикъ, противъ своего обыкновенія, не дѣлаетъ указанія на пропускъ этого описанія тамъ, гдѣ оно вставлено въ нашей рукописи, а именно, при разсказѣ о служеніи въ воскресенье сыропуста; но ранѣе, среди описанія служенія въ четвергъ на масленицѣ, онъ дѣлаетъ въ сноскѣ замѣтку о томъ, что опускаетъ подробное описаніе служенія на тринадцати страницахъ in folio, какъ не представляющее, по его мнѣнію, интереса для читателей. Мы полагаемъ, что англійскій переводчикъ ошибся, недостаточно внимательно просмотрѣвъ опущенный имъ отдѣлъ: навѣрно, въ немъ содержалось описаніе соборовъ, Ивановской колокольни и отливки колокола, только листы эти, очевидно, перепутаны въ Лондонской рукописи и попали не на надлежащее мѣсто, ибо конецъ опущеннаго Бельфуромъ описанія у него имѣется въ переводѣ (т. II, стр. 29), и именно тамъ же, гдѣ и въ нашей рукописи, но, страннымъ образомъ, начинается такими словами: „Возвращаемся. Число ступеней этой колокольни“ и пр., хотя раньше ни однимъ словомъ о колокольнѣ не упоминается. Переводчикъ какъ будто и не замѣтилъ этой несообразности.

Что касается свѣдѣній, сообщаемыхъ Павломъ Алеппскимъ объ отливкѣ огромнаго колокола, которой онъ былъ очевидцемъ съ начала до конца работъ, то они представляютъ исторію его въ совершенно новомъ видѣ. Свои замѣчанія по этому поводу мы помѣстимъ въ четвертомъ выпускѣ нашего перевода, гдѣ авторъ доканчиваетъ свой разсказъ о колоколѣ описаніемъ его отливки и поднятія.

Въ этотъ выпускъ вошло и все, напечанное нами раньше въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Русскомъ Обозрѣніи“, гдѣ нашъ переводъ печатается съ значительными пропусками; въ полномъ же видѣ издается только въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію.

КНИГА VII.

Москва.

Глава I.

Москва.—Въѣздъ патріарха въ столицу. Остановка и пребываніе его въ монастырѣ свв. Аѳанасія и Кирилла въ Кремлѣ.

Въ день Срѣтенія мы въѣхали въ городъ Москву. Сначала мы вступили чрезъ земляной валъ и большой ровъ, окружающіе городъ; потомъ въѣхали во вторую, каменную стѣну, которую соорудилъ дѣдъ теперешняго царя, Ѳеодоръ, коимъ насыпанъ также и земляной валъ. Окружность вала 30 верстъ; онъ снабженъ кругомъ деревянными башнями и воротами. Вторая же, каменная стѣна имѣетъ въ окружности семь верстъ. Затѣмъ мы вступили въ третью окружную стѣну, также изъ камня и кирпича, а потомъ въ четвертую, называемую крѣпостью. Она совсѣмъ неприступна, съ весьма глубокимъ рвомъ, по краямъ котораго идутъ двѣ стѣны и за которыми еще двѣ стѣны съ башнями и многочисленными бойницами. Эта крѣпость, составляющая дворецъ царя, [1] имѣетъ по окружности пять воротъ; въ каждыхъ воротахъ нѣсколько дверей изъ чистаго желѣза, а посреднѣ рѣшетчатая желѣзная дверь, которую поднимаютъ и опускаютъ посредствомъ машинъ. Всѣ бойницы въ стѣнахъ этого города имѣютъ наклонъ къ землѣ, такъ чтобы можно было стрѣлять въ землю, и потому никакъ нельзя ни скрыться подъ стѣной, ни приблизиться къ ней, ибо бойницы весьма многочисленны.

---

[1] Авторъ описываетъ Кремль.

По въѣздѣ нашемъ (въ Кремль) чрезъ царскія ворота, насъ помѣстили въ каменномъ монастырѣ, что близъ нихъ, мѣстѣ остановки патріарховъ; онъ во имя свв. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ и другого Кирилла, извѣстнаго подъ именемъ Бѣлозерскаго, изъ ихъ новыхъ святыхъ.[1] Когда мы въѣхали въ городъ, наши сердца разрывались и мы много плакали при видѣ большинства домовъ, лишенныхъ обитателей, и улицъ, наводящихъ страхъ своимъ безлюдіемъ—дѣйствіе бывшей тогда сильной моровой язвы. Нашъ владыка патріархъ благословлялъ людей направо и налѣво, я же, архидіаконъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ сидѣли, по обычаю, сзади у угловъ саней. Пріѣхавъ на мѣсто, мы пали ницъ и возблагодарили со многимъ славословіемъ Всевышняго Бога, Который даровалъ намъ милость и благоволилъ намъ увидѣть этотъ великій градъ, столицу, новый Римъ, городъ церквей и монастырей, славный во всемъ мірѣ, о коемъ мы разскажемъ, описывая его красоты, въ своемъ мѣстѣ. Съ нашей души спала великая забота и мы много радовались; да и какъ могло быть иначе, когда мы, стремясь сюда, цѣлые три года безъ десяти дней странствуемъ среди опасностей, страховъ и трудовъ неописуемыхъ? Теперь же благодаримъ Бога вторично и молимъ Его, чтобы Онъ, какъ привелъ насъ сюда цѣлыми и невредимыми, такъ же облегчилъ намъ и возвращеніе въ свою страну обогащенными и далъ намъ увидѣть свои родныя мѣста.

Возвращаемся. Къ намъ были приставлены отъ царя драгоманы для разговора и другіе люди для исполненія нашихъ порученій. Нашему владыкѣ патріарху назначалось съ царской кухни и царскаго стола ежедневно, во-первыхъ, хлѣбъ, затѣмъ рыба для четырехъ сортовъ кушанья, икра и много напитковъ: вишневая вода темнокрасная и свѣтлая, желтоватая, и большіе кувшины меда; для насъ же и служителей, кромѣ меда, доставлялся ежедневно большой боченокъ кваса, то-есть напитка изъ ржи и варенаго ячменя съ опьяняющимъ хмелемъ.

Знай, что ни архіереи, ни вообще монахи отнюдь не пьютъ водки явно: на нихъ наложенъ запретъ отъ патріарха, и когда найдутъ кого пьянымъ, то бросаютъ въ тюрьму, бьютъ кнутомъ или выставляютъ на позоръ, ибо питье водки—поступокъ гнусный, можетъ быть хуже прелюбодѣянія. Но торговцамъ, архіерейскимъ служителямъ и родственникамъ назначается по двѣ рюмки ежедневно.

---

[1] Кирилловское подворье находилось въ Кремлѣ, влѣво отъ Спасскихъ воротъ, противъ Вознесенскаго монастыря.

Переводчики учили насъ всѣмъ принятымъ порядкамъ, и кромѣ нихъ рѣшительно никто къ намъ не являлся, ибо существуетъ обычай, что до тѣхъ поръ, пока архіерей или архимандритъ не представится царю и не будетъ допущенъ къ рукѣ, ни самъ онъ не выходитъ изъ дому, ни къ нему никто не приходитъ, такъ что и мы совсѣмъ не могли выходить изъ дому. Таковъ обычай. Нашъ владыка патріархъ никогда не снималъ съ себя мантіи и панагіи, и никто даже изъ переводчиковъ не входилъ къ нему иначе, какъ послѣ доклада привратника, чтобы предупредить; тогда мы надѣвали на владыку мантію—посохъ же висѣлъ подлѣ него — и тотъ человѣкъ входилъ. Таковъ уставъ не только у архіереевъ, но и у настоятелей монастырей, ибо и они никогда не снимаютъ съ себя мантіи и клобука, даже за столомъ, и мірянинъ отнюдь не можетъ видѣть ихъ безъ мантіи.

Тутъ-то мы вступили на путь усилій для перенесенія трудовъ, стояній и бдѣній, на путь самообузданія, совершенства и благонравія, почтительнаго страха и молчанія. Что касается шутокъ и смѣха, то мы стали имъ совершенно чужды, ибо коварные московиты подсматривали и наблюдали за нами и обо всемъ, что замѣчали у насъ хорошаго или дурного, доносили царю и патріарху. Поэтому мы строго слѣдили за собой, не по доброй волѣ, а по нуждѣ, и противъ желанія вели себя по образу жизни святыхъ. Богъ да избавитъ и освободитъ насъ отъ нихъ!

Глава II.

Москва.—Возвращеніе патріарха Никона. Торжественный въѣздъ царя.

Въ субботу, 3 февраля, на другой день нашего пріѣзда, прибылъ въ свои палаты кпуъ Никонъ, патріархъ московскій, послѣ того какъ онъ съ августа мѣсяца находился въ отсутствіи въ степяхъ и лѣсахъ, изъ боязни чумы. Онъ поѣхалъ потомъ съ царицей къ царю въ Вязьму, куда тотъ возвратился изъ страны ляховъ и гдѣ остался, проведя здѣсь праздники Рождества и Крещенія. Долгое его пребываніе тамъ имѣло ту цѣль, чтобы совершенно исчезли слѣды моровой язвы въ столицѣ, гдѣ она продолжалась до Рождества. Мы очень обрадовались пріѣзду патріарха: это была первая пріятная вѣсть и радость послѣ заботъ и большой тоски. Стали приходить, одно за другимъ, извѣстія о скоромъ прибытіи царя. Въ пятницу вечеромъ, 9-го февраля, возвратилась въ свой дворецъ царица.

Въ субботу утромъ, 10 февраля, бояре и войска, по ихъ чинамъ, приготовились для встрѣчи царя, такъ какъ онъ провелъ эту ночь въ одномъ изъ своихъ дворцовъ, въ 5 верстахъ отъ

города. Въ этотъ день, рано поутру, царь, вставши, прибылъ въ монастырь во имя св. Андрея Стратилата, что близъ города, гдѣ слушалъ молебствіе. По выходѣ его оттуда, загремѣли всѣ колокола, ибо то мѣсто близко къ городу. Тогда вышелъ патріархъ въ облаченіи и митрѣ, поддерживаемый и окруженный, по ихъ обычаю, дьяконами; передъ нимъ священники въ облаченіяхъ несли хоругви, кресты и многочисленныя иконы; позади него шли архіепископъ рязанскій и четыре архимандрита въ облаченіяхъ и митрахъ; тутъ были всѣ городскіе священники; одинъ изъ діаконовъ несъ подлѣ него крестъ на блюдѣ. Всѣ двинулись и встрѣтили царя у Земляного вала. Нашъ владыка патріархъ желалъ видѣть въѣздъ царя, но это было невозможно, пока онъ не послалъ испросить разрѣшенія у министра. Мы сѣли въ одной изъ келлій монастыря, гдѣ проживали, и смотрѣли тайно на торжественное шествіе и толпу изъ оконъ, выходящихъ на царскую (главную) улицу. Городскіе торговцы, купцы и ремесленники вышли для встрѣчи царя съ подарками: съ хлѣбомъ, по ихъ обычаю, съ посеребренными и позолоченными иконами, съ сóроками соболей и позолоченными чашами. Показались въ шествіи государственные чины и войско. Вотъ описаніе ихъ процессіи. Сначала несли знамя и подлѣ него два барабана, въ которые били; за нимъ шло войско въ три ровныхъ ряда, въ ознаменованіе св. Троицы. Если знамя было бѣлое, то всѣ ратники, за нимъ слѣдовавшіе, были въ бѣломъ; если синее, то и ратники за нимъ въ синемъ, и точно также, если оно было красное, зеленое, розовое и всякихъ другихъ цвѣтовъ. Порядокъ былъ удивительный: всѣ, какъ пѣшіе, такъ и конные, двигались въ три ряда, въ честь св. Троицы. Всѣ знамена были новыя, сдѣланныя царемъ предъ отправленіемъ въ походъ. Эти чудесныя, огромныя знамена приводятъ въ удивленіе зрителя своею красотой, исполненіемъ изображеній на нихъ и позолотой. Первое знамя имѣетъ изображеніе Успенія Владычицы, ибо великая церковь этого города, она же патріаршая, освящена во имя Успенія Богородицы; изображеніе сдѣлано съ двухъ сторонъ. Это хоругвь той церкви, и за ней слѣдовали ея ратники. Второе знамя съ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа, въ честь хитона Господа Христа, который находится у нихъ. На прочихъ знаменахъ—на однихъ былъ написанъ образъ св. Георгія или св. Димитрія и прочихъ храбрыхъ витязей-мучениковъ, на другихъ образъ св. Михаила архангела или херувимъ съ пламеннымъ копьемъ, или изображеніе печати царя—двуглавый орелъ, или военные кони, земные и морскіе, для украшенія, большіе и малые кресты и пр. Болѣе всего поражали насъ одежда и стройный порядокъ ратни-

ковъ, которые ровными рядами шли вслѣдъ за своимъ знаменемъ. Всѣ они, какъ только увидятъ икону надъ дверями церкви или монастыря или крестъ, снимали свои колпаки, оборачивались къ ней и молились, несмотря на ужасный холодъ, какой былъ въ тотъ день. Сотники, т.-е. юзбаши, съ сѣкирами въ рукахъ, также шли подлѣ знамени. Такимъ образомъ они продолжали двигаться почти до вечера. При приближеніи царя, всѣ они стали въ рядъ съ двухъ сторонъ отъ дворца до Земляного вала города; при этомъ всѣ колокола въ городѣ гремѣли, такъ что земля сотрясалась. Но вотъ вступили (въ Кремль) государственные сановники; затѣмъ показались царскія заводныя лошади, числомъ 24, на поводу, съ сѣдлами, украшенными золотомъ и драгоцѣнными каменьями, царскія сани, обитыя алымъ сукномъ, съ покрывалами, расшитыми золотомъ, а также кареты со стеклянными дверцами, украшенныя серебромъ и золотомъ. Появились толпами стрѣльцы съ метлами, выметавшіе снѣгъ передъ царемъ. Тогда вступилъ (въ Кремль) благополучный царь, одѣтый въ царское одѣяніе изъ алаго бархата, обложенное по подолу, воротнику и обшлагамъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, со шнурами на груди, какъ обычно бываетъ на ихъ платьяхъ. Онъ шелъ пѣшкомъ съ непокрытою головой; рядомъ патріархъ, бесѣдуя съ нимъ. Впереди и позади него несли иконы и хоругви; не было ни музыки, ни барабановъ, ни флейтъ, ни забавъ, ни иного подобнаго, какъ въ обычаѣ у господарей Молдавіи и Валахіи, но пѣли пѣвчіе. Обрати вниманіе, братъ, на эти порядки, видѣнные нами! Всего замѣчательнѣе было вотъ что: подойдя къ нашему монастырю, царь обернулся къ обители монахинь, что въ честь Божественнаго Вознесенія, гдѣ находятся гробницы всѣхъ княгинь; игуменья со всѣми монахинями въ это время стояла въ ожиданіи; царь на снѣгу положилъ три земныхъ поклона предъ иконами, что надъ монастырскими вратами, и сдѣлалъ поклонъ головой монахинямъ, кои отвѣчали ему тѣмъ же и поднесли икону Вознесенія и большой черный хлѣбъ, который несли двое; онъ его поцѣловалъ и пошелъ съ патріархомъ въ великую церковь, гдѣ отслушалъ вечерню, послѣ чего поднялся въ свой дворецъ.

Жители, какъ знатные, такъ и простолюдины, радовались его прибытію; въ особенности же мы, бѣдные, исполнились великою радостью, ибо никто никакъ не ожидалъ, что царь возвратится изъ похода въ этомъ году, въ разгаръ войны со своими врагами, злыми ляхами. Его войска завоевывали крѣпости и города, убивали, брали въ плѣнъ, захватывали добычу. Никто не могъ устоять противъ нихъ. О Радзивилѣ и кралѣ прекратились вся-

кія вѣсти. Заботой и намѣреніемъ царя было не давать имъ отдыха и неотступно преслѣдовать, пока не уничтожитъ ихъ вконецъ. Поэтому большая часть его войска зимовала въ странѣ ляховъ. Но, какъ мы впослѣдствіи удостовѣрились, главною причиной его прибытія было желаніе повидаться съ нашимъ владыкой, какъ онъ самъ потомъ сказалъ это ему собственными устами, при свиданіи съ нимъ: „по-истинѣ, ради тебя, отецъ мой, я прибылъ, чтобы свидѣться съ тобою и получить твое благословеніе". Впослѣдствіи мы это опишемъ.

При въѣздѣ своемъ въ городъ, царь, увидѣвъ его положеніе, какъ моровая язва поколебала его основанія, привела въ смятеніе жителей и обезлюдила большинство его домовъ и улицъ, горько заплакалъ и сильно опечалился. Онъ отправлялъ впередъ посланцевъ освѣдомляться у жителей объ ихъ положеніи, утѣшать ихъ въ смерти ихъ близкихъ и успокоивать. Когда онъ дошелъ до воротъ крѣпости большого дворца, надъ коими возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочныхъ основаніяхъ, гдѣ находились чудесные городскіе желѣзные часы, знаменитые во всемъ свѣтѣ по своей красотѣ и устройству и по громкому звуку своего большого колокола, который слышенъ былъ не только во всемъ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ, болѣе чѣмъ на 10 верстъ, — на праздникахъ нынѣшняго Рождества, по зависти діавола, загорѣлись деревянные брусья, что внутри часовъ, и вся башня была охвачена пламенемъ вмѣстѣ съ часами, колоколами и всѣми ихъ принадлежностями, которыя при паденіи разрушили своею тяжестью два свода изъ кирпича и камня, и эта удивительная рѣдкостная вещь, возстановленіе которой въ прежній видъ потребовало бы расхода болѣе чѣмъ въ 25.000 динаровъ на однихъ рабочихъ, была испорчена—и когда взоры царя упали издали на эту прекрасную сгорѣвшую башню, коей украшенія и флюгера были обезображены и разнообразныя, искусно высѣченныя изъ камня статуи обрушились, онъ пролилъ обильныя слезы, ибо всѣ эти событія были испытаніемъ отъ Творца—да будетъ возвеличено Его имя!

Глава III.

Москва.—Сборъ войска. Вторженіе въ Украйну поляковъ и подвигъ Хмельницкаго. Ратники изъ кочевыхъ племенъ.

По возвращеніи своемъ въ столицу, царь послалъ въ области наказъ войскамъ поскорѣе собираться и спѣшить впередъ него въ Смоленскъ со всѣми военными припасами и тяжестями, что было сдѣлано съ цѣлью облегчить имъ походъ (переѣздомъ) на

саняхъ, по причинѣ морозовъ и замерзанія рѣкъ, ибо весной, лѣтомъ и осенью вся эта страна непроходима по обилію дождей, топей и грязи. Поэтому разгаръ войны у нихъ бываетъ въ морозное время, такъ какъ военныя дѣйствія очень облегчаются въ эту пору, въ особенности покореніе крѣпостей, ибо воды вокругъ нихъ и въ ихъ рвахъ замерзаютъ.

Въ то время какъ мощь ляховъ была такъ велика, Создатель сокрушилъ ее теперь въ конецъ, даровавъ (царю) побѣду и торжество надъ ними, за великую ихъ гордыню и высокомѣріе. У нихъ не было силы встрѣтиться съ царемъ лицомъ къ лицу, и посмотри, что они сдѣлали, услышавъ, что царь возвратился въ Москву. Они послали къ татарамъ и дали имъ золота въ такомъ изобиліи, что тѣ были изумлены, и потому отъ нихъ пришло на помощь (ляхамъ) въ нынѣшнемъ февралѣ около 50 тысячъ къ предѣламъ земли казаковъ. Отъ нѣмцевъ они также испросили на помощь 40 тысячъ, а изъ ляховъ, венгровъ и валаховъ собралось противъ московитовъ еще около 40 тысячъ, прельщенныхъ деньгами ляховъ и надеждой на добычу; всего же было около 130 тысячъ. Они вторглись внезапно въ страну казаковъ, и такъ какъ казаки были слабы, особливо въ эту пору морозовъ, когда они имѣютъ обычай возвращаться изъ похода съ Хмелемъ къ своимъ очагамъ, то тѣ, придя съ большою силой, неожиданно напали на множество базаровъ, сожгли ихъ, избили часть жителей и многихъ поплѣнили. Нѣсколько городовъ они взяли по договору—я говорю о вѣроотступникахъ ляхахъ—но, вступивъ въ нихъ, всѣхъ жителей перебили и совершили гнусности и злодѣянія, не поддающіяся описанію. Такъ какъ вторженіе ихъ было неожиданно, то они застали въ одномъ городѣ гетмана Хмеля, имѣвшаго при себѣ только три тысячи ратниковъ, и здѣсь осаждали его три дня. Онъ послалъ было звать на помощь полковниковъ съ ихъ ратниками, но враги перехватили его письма, такъ что никто о немъ не слышалъ, и продолжали осаждать его съ еще бо̀льшими усиліями, въ то время какъ никто изъ его людей или ратниковъ объ этомъ не зналъ. Будучи стѣсненъ до крайности, онъ вышелъ изъ города, утвердилъ свой таборъ съ пушками и, призвавъ на помощь Творца, употребилъ противъ враговъ уловку, пока не подманилъ ихъ къ себѣ, и тогда крикнулъ своимъ людямъ: „братья! этотъ день — нашъ“. Выпаливъ изъ пушекъ по непріятелямъ, онъ закричалъ имъ громкимъ голосомъ: „царь Алексѣй подходитъ“. Когда они услышали это, имъ ничего не оставалось, какъ бѣжать. Да благословенъ будетъ Богъ! Хмель со своимъ слабымъ войскомъ бросился преслѣдовать ихъ съ мечами; изъ нѣ-

ихъ ни одинъ не остался въ живыхъ, спаслись только всадники на лучшихъ коняхъ. Онъ не переставалъ гнаться за ними на три дня пути, пока не истребилъ изъ нихъ бо̀льшую часть. Люди, достойные вѣры, намъ говорили впослѣдствіи, что изъ всѣхъ сорока тысячъ нѣмцевъ ни одинъ не спасся, не спаслись ни жены, ни дѣти ихъ, съ ними бывшія, ибо у нѣмцевъ есть обычай, какъ мы неоднократно видали, выходить на войну не иначе, какъ съ женами и дѣтьми, говоря: „если мы спасемся, то спасемся всѣ, а если будемъ убиты, то будемъ убиты всѣ“. Непріятели не берутъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей. Обрати вниманіе на это ложное убѣжденіе!

Тогда Хмель послалъ извѣстіе царю о случившемся. Услышавъ это, царь пришелъ въ сильный гнѣвъ и далъ приказъ войску поскорѣе отправиться въ походъ.

Намъ разсказывали, что у царя въ этомъ мѣсяцѣ собралось болѣе 400 тысячъ ратниковъ изъ тѣхъ народовъ, кои не знаютъ Бога. Мы видѣли ихъ собственными глазами и всматривались въ ихъ отвратительныя, страшныя лица. Это разные роды татарскаго племени, обитающіе въ степяхъ вокругъ области Казанской до внутреннихъ частей Сибирской земли. Достойные вѣры историки разсказывали намъ, что подъ властью нынѣшняго царя состоитъ около пятидесяти разныхъ народовъ и языковъ, не знающихъ Творца, но поклоняющихся животнымъ, скоту, небу, солнцу, лунѣ, звѣздамъ и пр.

Примѣчаніе. Говорятъ, что татары-калмыки поклоняются огню и въ немъ сожигаютъ своихъ покойниковъ, при чемъ совершаютъ земные поклоны и славословія, радуясь раздѣленію (тѣла) на четыре стихіи: огонь, воду, воздухъ и землю. Ихъ лица безобразны, морщинисты; въ ушахъ они носятъ коралловыя серьги.

Говорятъ, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, когда у нихъ родится дитя, зовутъ московитскихъ священниковъ, чтобы они помолились надъ нимъ, окадили его и назвали именемъ какого-либо святого, послѣ же даютъ ему имя, какое имъ хочется, и нѣкоторые, по разсказамъ, даютъ новорожденному имя животнаго, какое встрѣтятъ, выйдя изъ дому. Мы разскажемъ въ свое время о положеніи этихъ племенъ. Названія этихъ татаръ слѣдующія: черемисы, калмыки, *кумуки*, башкиры, мордва, монголы, ногаи, черкесы и иные. Все это народы кочевые и живутъ въ степяхъ кругомъ Казани и Астрахани до отдаленнѣйшихъ частей Сибири. Самое удивительное изъ нихъ—племя мученика Христофора, которое ѣстъ человѣчье мясо, какъ мы увидѣли это впослѣдствіи. Всѣ эти народы собрались въ городѣ Москвѣ въ эти мѣсяцы, февраль и мартъ. Какъ мы видѣли собственными глаза-

ми, войско царя весьма многочисленно: всѣ эти племена — обитатели степей, какъ же велики должны быть войска изъ городовъ христіанскихъ! Число ихъ несчетно. По мнѣнію людей, достойныхъ вѣры, въ нынѣшнемъ году у царя соберется болѣе милліона, т.-е. десять разъ сто тысячъ, ратниковъ.

Архіереи и священники московитовъ проповѣдуютъ христіанство упомянутымъ народамъ, и тѣ спѣшатъ толпами креститься и принимаютъ вѣру отъ всего сердца. Мы видѣли крещеніе многихъ изъ нихъ въ рѣкѣ, происходившее предъ нашими глазами, но большинство приходитъ (креститься), прельщаемое платьемъ и царскими подарками въ видѣ денегъ и припасовъ.

Намъ говорили, что кто былъ въ походѣ въ прошломъ году, въ нынѣшнемъ не идетъ въ походъ, такъ какъ въ этомъ соблюдается очередь. Въ нынѣшнемъ году очередь пала на эти разнородныя племена, которыя доставили 400 тысячъ, по одному человѣку съ каждаго двора, какъ мы удостовѣрились. Патріархъ сообщалъ потомъ нашему учителю, что ратники царя весьма многочисленны; если бы онъ пожелалъ вести войну десять лѣтъ, и то до многихъ округовъ не дойдетъ очередь, по ихъ многочисленности. Можетъ быть, никто не повѣритъ этимъ сообщеніямъ, но неудивительно, братъ, что въ странѣ, длиной и шириной на четыре года пути, не можетъ быть мало жителей [1]. Объ этомъ мы также впослѣдствіи разскажемъ.

Глава IV.

Москва.—Перепись подарковъ, привезенныхъ патріархомъ Макаріемъ.

По прибытіи царя, визирь прислалъ къ намъ переводчика, т.-е. царскаго толмача, освѣдомиться у нашего владыки патріарха, каковы подарки, привезенные имъ для царя. Мы показали ему ихъ всѣ, и онъ записалъ ихъ по-одиночкѣ въ книгу, начиная съ священныхъ предметовъ до съѣдобныхъ, платковъ и прочаго, записывая, по своему обычаю, съ чрезвычайною точностью. Послѣ того какъ онъ ушелъ и представилъ все это визирю, послѣдній на другой день, въ воскресенье, прислалъ къ намъ своего секретаря, и этотъ записалъ подарки съ удивительною точностью въ другую книгу. Мы уже приготовили ихъ, каждый предметъ отдѣльно и въ приличномъ порядкѣ, взявъ для нихъ деревянныя, украшенныя рѣзьбой блюда, которыя устлали, по ихъ обычаю, бумагой и покрыли всѣ шелковою матеріей, красною и розовою. На мнѣ, убогомъ, нищущемъ эти стро-

[1] По Петербургской рукописи: „что въ странѣ... много жителей“.

ки, лежала забота обо всѣхъ этихъ дѣлахъ: мои собратья и товарищи и иные люди могутъ засвидѣтельствовать, какъ я въ эту ночь приготовилъ болѣе ста блюдъ съ подарками, которые привели потомъ въ изумленіе всѣхъ, даже приближенныхъ царя, ибо никогда не бывало, чтобы кто-либо изъ патріарховъ подносилъ царю подобные многочисленные и разнородные подарки. Они никогда не видывали такихъ вещей, какъ: стиракса, манна, финики и финиковыя вѣтви, которыя мы привезли изъ Аданы связанными и тщательно сберегли. По прибытіи сюда мы мочили ихъ въ текучей водѣ, разложивъ ихъ во всю длину въ деревянномъ продолговатомъ сосудѣ, за два дня до поднесенія; вѣтви и листья расправились и стали зелеными, какъ будто свѣжіе, только-что срѣзанные, такъ что на нихъ всѣ дивились. Еще были: фисташки [1] алеппскія въ скорлупѣ и соленыя, восточный теревинѳъ, кассія (медъ дивій), высокій сортъ прославленной мастики; эти предметы приводили ихъ въ величайшее изумленіе, ибо они не знали ихъ даже по именамъ; развѣ только кассія и мастика къ нимъ попадали.

Обрати вниманіе на удивительный порядокъ, съ какимъ записывалъ упомянутый секретарь такъ: „лѣта 7163 отъ сотворенія міра, въ воскресеніе, 11 февраля, киръ киръ Макарій, святѣйшій изъ людей своего времени, патріархъ Антіохіи и всего Востока, прибылъ къ его величеству, высочайшему царю и самодержцу. Вотъ подарки, кои онъ привезъ съ собою отъ своего святого престола, и святыни изъ его священной страны". Первая изъ нихъ была превосходная критская икона, нами пріобрѣтенная, съ изображеніемъ лозы, которая выходитъ изъ Господа Христа и несетъ 12 учениковъ Его; Богъ Отецъ съ высоты, надъ Духомъ Святымъ, благословляетъ. Изображеніе исполнено кистью, приводящей въ изумленіе зрителя. Далѣе, икона св. ап. Петра, весьма древняя; сосудъ стараго мура, покрытый парчой; сосудъ новаго мура изъ того, которое мы сварили въ Молдавіи; чудесный индійскій ларецъ изъ слоновой кости, съ маленькимъ серебрянымъ замкомъ; внутри его стеклянный прозрачный сосудъ, въ родѣ чашки, покрытый парчой и запечатанный; въ немъ частица подлиннаго Древа Креста, испытаннаго на огнѣ и въ водѣ: въ огнѣ оно становится, какъ камень, а, остывая, принимаетъ прежній видъ, дѣлаясь чернымъ; въ водѣ опускается на дно, а не плаваетъ, какъ свойственно дереву; это

---

[1] Въ текстѣ передъ словомъ „фисташки" стоитъ слово *кумбаз*, которое, по всей вѣроятности, означаетъ особый сортъ ихъ. Въ англійскомъ переводѣ оно передано словомъ cinnabar, киноварь.

вѣрный его признакъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ кусокъ Честнаго Камня съ Голгоѳы, обагренный кровью Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, подлинный, съ признаками и свидѣтельствами, ибо кровь, когда окрасила камень, измѣнилась въ своемъ свойствѣ: камень сдѣлался подобнымъ куску серебра, на которомъ божественная кровь блестѣла, какъ золото, и сверкала, какъ раскаленный уголь, къ изумленію смотрящихъ. Эти многоцѣннѣйшія сокровища пріобрѣли мы въ Константинополѣ при содѣйствіи добрыхъ людей, купивъ за большую сумму золота, ибо царствующій градъ доселѣ хранитъ много подобныхъ сокровищъ. Когда мы тамъ были, явилась въ подворье Воскресенія (Іерусалимское) одна вдова и подарила настоятелю икону Владычицы, извѣстную подъ именемъ Влахернской. Это та самая икона, которую нѣкогда патріархъ обносилъ кругомъ стѣнъ города, при чемъ она обратила въ позорное бѣгство напавшихъ на него враговъ. Женщина разсказала, что нашла ее въ стѣнѣ своего дома, съ горящей передъ нею лампадой. Мы были тогда въ отсутствіи въ Ени-Кёё. Прибывъ въ праздникъ Рождества, по приглашенію патріарха, на то подворье, мы услышали разсказъ объ этой святой иконѣ, увидѣли ее и приложились къ ней. Она не нарисована красками, но какъ будто тѣлесная или изображенная мастикой, ибо части ея тѣла сильно выступаютъ съ поверхности доски, къ большому удивленію смотрящаго [1]. Нашъ владыка патріархъ употреблялъ всѣ старанія, предлагая много червонцевъ, чтобы получить ее отъ упомянутаго настоятеля, но напрасно. Впослѣдствіи игуменъ послалъ ее съ однимъ купцомъ царю московскому, который принялъ ее наилучшимъ образомъ и всю обдѣлалъ серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями, взялъ ее съ собою на войну и теперь, при возвращеніи, везъ передъ собою. Мы видѣли ее много разъ впослѣдствіи и прикладывались къ ней. Кромѣ лика и рукъ Владычицы и Господа ничего изъ нея не видно: все остальное покрыто золотомъ. Она какъ будто воплощенная. Царь взамѣнъ ея послалъ тому игумену 800 динаровъ кромѣ того, что далъ человѣку, который ее доставилъ. Поэтому-то игуменъ и не отдалъ намъ иконы.

Возвращаемся. Секретарь записалъ, послѣ частицы Креста и Божественнаго Камня, греческое Евангеліе, древній пергаментъ, которое мы привезли изъ Антіохіи, гдѣ оно находилось какъ вкладъ; панагія серебряная, вызолоченная, въ коей образъ пророка Захаріи, вырѣзанный изъ кости сына его, св. Іоанна Кре-

[1] По Петербургской рукописи: „внушая благоговѣйный страхъ“.

стителя; пукъ яркихъ свѣчей іерусалимскихъ, благовонный ладанъ, т. е. стиракса, коробка съ царскимъ мускуснымъ мыломъ, константинопольское мыло съ амброй, превосходное небѣленое полотно, мыло благовонное іерусалимское, мыло кусками алеппское, называемое антіохійскимъ, ладанъ вареный и невареный, манна, финики, пальмовая вѣтвь съ листьями, фисташки алеппскія, кои они зовутъ, какъ греки, *кедро*; также фисташки цѣльныя, въ скорлупѣ, и онѣ же соленыя, кассія, дорогая бѣлая ангорская шерстяная матерія, четыре чудесные дорогіе платка съ золотомъ. Это подарокъ для царя. Записавъ его, секретарь приписалъ: „антіохійскій патріархъ кланяется твоему царскому величеству симъ подношеніемъ".

Потомъ подъ этимъ онъ записалъ такимъ же образомъ: этотъ даръ онъ подноситъ царицѣ: древняя, прекрасная икона складнемъ, сосудъ съ мурромъ, частица Крестнаго Древа, также кусокъ Честнаго Камня въ хрустальномъ сосудѣ, покрытомъ парчой, въ золоченомъ ларцѣ, кусокъ головного покрывала св Анастасіи мученицы, избавляющей отъ чарованій, въ ящикѣ изъ черной кости, обитомъ снаружи и внутри парчой, пукъ яркихъ свѣчей, стиракса, коробка мускуснаго мыла, мыла благовоннаго и алеппскаго, манна, финики, ладанъ, кассія, фисташки, жасминное масло въ хрустальномъ сосудѣ и два дорогихъ платка съ золотомъ.

Затѣмъ онъ ниже записалъ: „вотъ подарокъ царевичу Алексѣю, сыну царя Алексѣя". Этотъ мальчикъ родился у царя въ прошломъ году въ этотъ именно день, т. е. 12 февраля. Московиты и казаки имѣютъ хорошій обычай: когда родится младенецъ мужескаго или женскаго пола, его называютъ именемъ святого или святой того дня; а какъ по греческому часослову въ этотъ день память Мелетія, патріарха антіохійскаго, у нихъ же память св. Алексія, который былъ вторымъ митрополитомъ въ Москвѣ и называется чудотворцемъ, то царевича назвали его именемъ. Вотъ какіе были ему подарки: перстъ Алексія, человѣка Божія, и немного волосъ его въ серебряномъ, вызолоченномъ сосудѣ, сосудъ съ мурромъ, пучокъ яркихъ свѣчей, стиракса, мыло благовонное, манна, ладанъ, фисташки, миндаль, леденцы и платокъ съ золотомъ. Далѣе онъ записалъ ниже: вотъ подарки тремъ сестрамъ царя: три частицы мощей святыхъ женъ: старшей сестрѣ, по имени Ирина, частица мощей св. Анастасіи, второй, по имени Анна, частица мощей св. Марины, третьей, по имени Татьяна, частица мощей св. Февроніи мученицы; каждой по сосуду мура и по платку съ золотомъ и часть изъ вышеупомянутыхъ подарковъ: стиракса, мыло двухъ сортовъ,

манна, ладанъ, фисташки, теревинѳъ, миндаль, леденцы и пр. Подарокъ каждой былъ приготовленъ отдѣльно, по старшинству. Затѣмъ онъ записалъ ниже: вотъ подарки тремъ дочерямъ царя: старшей Евдокіи, средней — Маріи и маленькой, которой отъ рожденія 15 дней, Аннѣ. Мы приготовили (подарки), также для каждой отдѣльно, изъ всѣхъ предметовъ, какъ означено для сестеръ царя, ибо таковъ обычай.

Секретарь записывалъ не сокращенно, какъ я, но со многими подробностями, по-одиночкѣ, дѣлая это неспѣшно и спокойно, къ нашему большому удивленію. Мы сильно безпокоились по причинѣ такихъ большихъ приготовленій и разстановки блюдъ съ подарками, для каждаго лица отдѣльно, пока всевышній Богъ не привелъ этого дѣла къ благополучному концу. Секретарь покончилъ запись, и мы покрыли всѣ блюда шелковой матеріей. Мы насчитали 180 блюдъ, ибо даже муро и ковчежцы съ мощами святыхъ мы поставили на блюда для бо̀льшаго почета и уваженія. Секретарь ничего не записывалъ, не увидѣвъ собственными глазами, и отставлялъ (вещи) въ сторону одну за другой. Главная причина, почему они такъ заботливо записываютъ, та, чтобы ничто не утратилось и чтобы запись сохранилась для будущихъ вѣковъ, дабы объ этомъ вспоминали, говоря: во дни царя Алексія пріѣзжалъ антіохійскій патріархъ и поднесъ ему то-то и то-то и такъ далѣе до конца. Каждый царь имѣетъ отдѣльное казнохранилище, чтобы видѣли, какія преславныя святыни пріобрѣтены въ его царствованіе,—ради соперничества съ бывшими до него царями: въ этомъ ихъ тщеславіе. Въ примѣръ большой точности и излишне подробнаго записыванія, у нихъ принятаго, служитъ сообщенное намъ въ настоящее время драгоманами. Въ этомъ году прибылъ къ нимъ настоятель одного монастыря съ Аѳона; когда его разспрашивали о немъ и его монастырѣ, онъ сказалъ: „восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ мы послали такому-то царю частицу мощей такого-то святого“; открыли казнохранилище и записныя книги и нашли такъ, какъ онъ сказалъ. Обрати вниманіе на эту великую точность! Такъ поступили и теперь. Намъ разсказывали, что они открыли государственныя хроники и нашли, что 95 лѣтъ тому назадъ, при царѣ Иванѣ, коего имя извѣстно въ нашей странѣ, прибылъ къ нимъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ и что съ того времени до сихъ поръ никто оттуда не пріѣзжалъ. По этой причинѣ, говорили намъ, богохранимый царь Алексѣй приказалъ, что весь тотъ почетъ, который былъ оказанъ прежнему патріарху, былъ оказанъ вдвойнѣ нашему владыкѣ,—все это сдѣлано имъ по его большой любви и великой вѣрѣ къ нему. Извѣстно,

что александрійскій патріархъ, а также іерусалимскій и константинопольскій пріѣзжали нѣсколько разъ, но антіохійскій патріархъ изъ арабовъ съ того времени къ намъ не пріѣзжалъ.

Возвращаемся. Когда секретарь кончилъ и положилъ каждый предметъ на свое мѣсто, мы дали ему подарокъ и онъ ушелъ.

Глава V.

Москва.—Торжественный пріемъ патріарха Макарія царемъ. Свиданіе его съ патріархомъ Никономъ.

Вечеромъ, наканунѣ понедѣльника, визирь прислалъ къ нашему учителю переводчика, т. е. великаго драгомана, который сказалъ: „визирь кланяется твоей святости, привѣтствуетъ тебя и сообщаетъ тебѣ радостную вѣсть“. При этомъ нашъ владыка патріархъ всталъ, по обыкновенію, и пожелалъ ему отъ Бога всякихъ благъ. Переводчикъ продолжалъ: „и увѣдомляетъ тебя, что благополучный, богохранимый царь самодержецъ кланяется твоей святости, спрашиваетъ о твоемъ здоровьи и благополучіи и проситъ, чтобы ты приготовился для свиданія съ нимъ завтра“. Тогда нашъ учитель воздалъ благодареніе Всевышнему Богу, сдѣлавъ земной поклонъ, и пожелалъ царю отъ Бога многихъ благъ. Переводчикъ удалился. У насъ настала великая радость, благодаря многочисленнымъ пріятнымъ извѣстіямъ, кои сообщали намъ драгоманы, о любви царя къ нашему учителю, которая оправдалась на дѣлѣ, ибо обыкновенно, по пріѣздѣ патріарховъ въ Москву, они имѣютъ свиданіе съ царемъ только спустя двѣ недѣли времени, что было съ киръ Паисіемъ іерусалимскимъ и киръ Аѳанасіемъ Пателяріемъ, низложеннымъ (патріархомъ) константинопольскимъ, нашъ же учитель (былъ принятъ) на третій день. Благодаримъ Всевышняго Бога, который утѣшилъ насъ, воззрилъ на насъ и расположилъ сердце царя любовью къ нашему учителю и милостью къ намъ.

Въ понедѣльникъ утромъ, 12 февраля, когда бываетъ память св. Мелетія, патріарха антіохійскаго,—обрати вниманіе на это совпаденіе!—могущественный царь благоволилъ имѣть свиданіе съ отцомъ киръ Макаріемъ, патріархомъ антіохійскимъ. Да будетъ благословенъ Богъ! Онъ прислалъ къ нему рано утромъ царскія санп. Такъ какъ въ этотъ день, какъ мы упомянули, приходится также память св. Алексія чудотворца, второго митрополита, бывшаго въ Москвѣ, коего монастырь по близости отъ насъ и патріаршихъ палатъ, и въ немъ почиваютъ его мощи, къ которымъ мы потомъ прикладывались, а у нихъ память этихъ

двухъ святыхъ въ великомъ почетѣ, рожденіе же царевича, сына царя, какъ мы упомянули, случилось въ этотъ самый день въ прошломъ году, то онъ сдѣлался праздникомъ втройнѣ, ибо у царя былъ большой сынъ, по имени Димитрій, скончавшійся нѣсколько времени тому назадъ, и потому рожденію этого сына чрезвычайно обрадовались. У московитовъ, отъ царя до простолюдина, есть обычай, что они отмѣчаютъ день рожденія своихъ дѣтей и ежегодно въ этотъ день устраиваютъ большой пиръ. Со всѣмъ этимъ совпало прибытіе патріарха антіохійскаго и приглашеніе его именно въ этотъ день для свиданія съ царемъ. Всѣ радовались, въ особенности же мы; и какъ намъ было не радоваться, когда мы цѣлыхъ три года со днемъ, со времени нашего выѣзда изъ Дамаска, стремились узрѣть свѣтлое лицо царя, сына царя, коего благодѣянія и добродѣтели вознеслись превыше Плеядъ и тверди небесной. Мы почувствовали облегченіе отъ утомленія, заботъ и всѣхъ злополучій, но находились въ большомъ страхѣ и трепетѣ, да и не могло быть иначе: если мы, представляясь Василію, господарю Молдавіи, чувствовали трепетъ и почтительный страхъ, что же теперь, при свиданіи съ могущественнымъ царемъ, коего слава разнеслась повсюду, у коего многіе слуги его слугъ достоинствомъ и именемъ важнѣе Василія!

Возвращаемся. Съ ранняго утра зазвонили въ колокола патріархіи и въ большой, и патріархъ Никонъ отправился служить обѣдню для царя въ упомянутый монастырь въ честь св. Алексія. Пришелъ опять грамматикосъ, т. е. упомянутый секретарь, имѣя въ рукахъ записную книгу, и привелъ съ собою сто стрѣльцовъ въ красномъ одѣяніи для несенія блюдъ. Онъ вызывалъ ихъ внутрь дома по десяти и, читая по книгѣ: во-первыхъ, икона такая-то, отдавалъ ее одному изъ стрѣльцовъ нести; далѣе читалъ: ковчежецъ съ древомъ Креста, муро, Евангеліе, панагія съ частицей мощей Іоанна Крестителя, пукъ яркихъ свѣчей, стиракса, ладанъ, манна, мыло мускусное, мыло благовонное и алепское, финики, финиковыя вѣтви, фисташки, кассія. Былъ у насъ сосудъ съ душистою водой, которая замерзла въ сосудѣ и стала, какъ камень; хрустальный сосудъ треснулъ пополамъ, а вода осталась, стоя какъ кусокъ камня, къ удивленію смотрящихъ. Далѣе: бѣлая шерстяная матерія и четыре платка съ золотомъ. Когда кончено было съ подарками царя, мы покрыли ихъ, и секретарь, выславъ стрѣльцовъ во дворъ, привелъ другихъ, пока не покончилъ со всѣмъ, дѣйствуя спокойно, по правиламъ и по порядку, называя по записной книгѣ каждый предметъ отдѣльно, при чемъ осматривалъ его вторично,— все это

приводило насъ въ изумленіе. Всѣ стрѣльцы устанавливались въ рядъ на площадкѣ двора.

Царь, выйдя отъ обѣдни и возсѣвъ во дворцѣ, именно въ палатѣ, назначенной для пріема патріарховъ, послалъ съ приглашеніемъ къ нашему владыкѣ патріарху трехъ важныхъ сановниковъ изъ князей, изъ коихъ одинъ — судья судей, второй — великій стольникъ, т. е. начальникъ чиновъ царскаго стола, третій — хіямджи-баши, т. е. имѣющій попеченіе о царскихъ палаткахъ. При входѣ ихъ въ келью, нашъ учитель, обратившись къ иконамъ, пропѣлъ тихимъ голосомъ „Достойно есть“, по обычаю ихъ архіереевъ, когда къ нимъ кто-нибудь приходитъ. Они поклонились ему до земли, а онъ благословилъ ихъ настоящимъ московскимъ благословеніемъ, то-есть, на чело и плечи. Первый изъ нихъ подошелъ и сказалъ—а драгоманъ, тутъ стоявшій, переводилъ: „благополучный царь, величайшій среди царей, автократоръ, то-есть самодержецъ, всѣхъ странъ Великой и Малой Россіи, Алексѣй Михайловичъ, кланяется твоей святости и приглашаетъ твое блаженство, святой отецъ, киръ киръ Макарій, патріархъ великаго града Божія Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока, чтобы ты благословилъ его и оказалъ ему честь своимъ посѣщеніемъ. Онъ спрашиваетъ о твоемъ здоровьи и благополучіи“. Нашъ учитель, воздѣвъ руки къ небу, помолился, какъ подобаетъ, за царя, съ земнымъ поклономъ, и выразилъ много благожеланій. Обыкновенно, когда приходитъ кто-либо изъ сановниковъ царскихъ, архіерей встаетъ, равно встаетъ всякій разъ, какъ упоминаютъ имя царя и когда онъ присылаетъ ему столъ. Другіе два сановника также подошли и сказали то же. Нашъ владыка съ утра былъ одѣтъ въ мантію. Поддерживая его подъ руки, они спустились съ нимъ во дворъ и посадили его въ царскія сани, убранныя дорогими коврами, указавъ ему со всею точностью принятый порядокъ. У праваго ихъ угла сталъ, держась за нихъ, архимандритъ, а у лѣваго архидіаконъ; одинъ изъ служителей шелъ впереди съ посохомъ Стрѣльцы, неся подарки, предшествовали длиннымъ рядомъ, одинъ за другимъ. Когда мы выѣхали изъ монастырскихъ воротъ, оказалось, что отъ самыхъ воротъ до царскаго дворца стояли въ рядъ съ обѣихъ сторонъ стрѣльцы, каждый со знаменемъ въ рукѣ, какъ это принято при встрѣчѣ патріарха и важнаго посла отъ кого-либо изъ государей. Нашъ владыка патріархъ благословлялъ ихъ, а они ему кланялись, пока мы не поровнялись съ великою церковью; тутъ владыка помолился на икону Владычицы, что надъ ея дверьми. Когда же приблизились къ церкви Благовѣщенія,

которая имѣетъ девять куполовъ, блестящихъ густою позолотой, то здѣсь его высадили, а царь въ то время смотрѣлъ изъ оконъ дивана (пріемной палаты), кои выходятъ на эту площадку и это мѣсто. Владыку, который имѣлъ въ правой рукѣ посохъ, повели, поддерживая подъ руки, вверхъ по лѣстницѣ, находящейся въ чудесной галлереѣ этой церкви. По обыкновенію, онъ помолился на церковь. Его встрѣтили три визиря, поклонились ему и сказали то же, что говорили первые, взяли его подъ руки, и когда поднялись съ нимъ по лѣстницѣ дивана, его встрѣтили еще три визиря и сдѣлали то же. Когда онъ приблизился къ внутреннимъ дверямъ дивана, оттуда вышли три самыхъ важныхъ визиря, встрѣтили его и ввели во дворецъ. Тутъ вышли ему навстрѣчу всѣ бояре, министры и приближенные царя. Привратники у дверей взяли его посохъ. Когда онъ вошелъ, а мы за нимъ, и приблизился къ высокому трону царя, то, обратившись къ иконѣ, которая надъ нимъ находилась, пропѣлъ „Достойно есть“ едва слышнымъ голосомъ, какъ учили его драгоманы, сдѣлалъ поклонъ передъ ней и затѣмъ поклонился царю, который, сойдя съ трона, встрѣтилъ его съ непокрытою головой и поклонился ему до земли. Когда онъ всталъ, нашъ владыка патріархъ благословилъ его по-московски, на чело, грудь и плечи и поцѣловалъ его, по обычаю, въ плечо; царь же поцѣловалъ владыку въ голову и облобызалъ его правую руку. Оба продолжали стоять. Царь спросилъ его чрезъ переводчика: „хвала Богу за благополучный твой пріѣздъ! какъ ты себя чувствуешь? какъ ты совершилъ путь? какъ твое здоровье?“ Нашъ владыка патріархъ, какъ подобаетъ, радостно пожелалъ ему отъ Бога многихъ благъ, и царь пригласилъ его сѣсть. Владыка сѣлъ близъ трона на кресло. Царь же взошелъ и сѣлъ на тронъ и началъ бесѣду чрезъ переводчика, разспрашивая о томъ и о другомъ. Всѣ вельможи въ одеждахъ, осыпанныхъ золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, стояли кругомъ палаты съ непокрытою головой, ибо царь былъ также съ непокрытою головой. Обыкновенно, въ присутствіи архіерея, онъ постоянно остается съ открытою головой: какъ же имъ быть иначе? Нами въ тотъ часъ овладѣлъ великій страхъ и трепетъ. Вѣнецъ царя, похожій на высокій колпакъ, весь украшенный крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, держалъ одинъ изъ приближенныхъ вмѣстѣ съ его черною тростью, которая походитъ на монашескій посохъ,—я полагаю, что это скипетръ царства. Его верхнее одѣяніе, похожее на саккосъ, было изъ желтой тяжелой венеціанской парчи и кругомъ, по подолу, прорѣзамъ, на груди,

воротникѣ и обшлагахъ обшито золотомъ и великолѣпными драгоцѣнными каменьями, ослѣпляющими взоры.

Когда царь возсѣлъ на тронъ, одинъ изъ его приближенныхъ подошелъ и, приподнявъ, сталъ поддерживать его правую руку, а министръ пригласилъ насъ поклониться царю и цѣловать его десницу. Мы шли одинъ за другимъ, по-порядку, кланялись издали, подходили, цѣловали его правую руку и возвращались, сдѣлавъ поклонъ вторично; (такъ продолжалось,) пока мы не ввели всѣхъ своихъ служителей. Греки называютъ этотъ пріемъ φίλημα χέρι „цѣлованіемъ руки". Всякій, кто цѣлуетъ теперь руку царя, получаетъ отъ него подарокъ, смотря по своему положенію: если онъ настоятель монастыря, то получаетъ сорокъ соболей, камку и милостыню; если діаконъ, монахъ или ихъ родственникъ, то сорокъ куницъ или милостыню. По этой причинѣ съ нами вошли всѣ архимандриты, наши спутники, со своею свитой и цѣловали руку царя послѣ насъ. Всякій, кто пріѣзжаетъ въ теченіе года къ царю за помощью, архимандриты, монахи, бѣдняки, даже архіереи, ждутъ до того дня, когда прибудетъ патріархъ, архіепископъ или важный посланникъ отъ кого-либо изъ государей и царь пригласитъ его къ цѣлованію своей руки и свиданію: тогда эти люди входятъ вслѣдъ за нимъ.

Намъ разсказывали, что отецъ теперешняго царя, въ Бозѣ почившій Михаилъ, сынъ Ѳеодора, когда пріѣзжалъ къ нему посолъ отъ турокъ и на пріемѣ цѣловалъ полу его одежды, клалъ, въ знакъ дружбы, правую свою руку на голову посла, и лишь только этотъ уходилъ, приносили воду и мыло, и царь умывалъ руки, полагая, что онѣ осквернились отъ прикосновенія къ головѣ посла. Посмотри на эту набожность и вѣрованіе! Намъ разсказывали также, что въ старину, когда къ московитамъ пріѣзжалъ архіерей или патріархъ изъ греческихъ земель, они не допускали его къ служенію въ своихъ церквахъ, полагая, что онъ осквернился отъ турокъ; а также, когда пріѣзжали греческіе купцы, ихъ совсѣмъ не пускали въ церкви, дабы они не осквернили ихъ, будучи сами оскверненными. Ежели кто изъ нихъ оставался во имя царя [1], женился и дѣлался драгоманомъ, то священники ставили его, въ теченіе 40 дней, внѣ церкви, въ положеніи оглашеннаго, затѣмъ его помазывали муромъ и по прочтеніи молитвъ вводили въ церковь, полагая, что онъ очистился. Впрочемъ, съ того времени какъ къ нимъ пріѣзжали Іеремія, патріархъ константинопольскій, Ѳеофанъ іеру-

[1] Выше (кн. V, гл. 10) авторъ пояснилъ, что остававшійся во имя царя получалъ отъ него содержаніе, но не могъ уже выѣхать изъ Россіи.

салимскій и другіе и имѣли съ ними общеніе, они привыкли къ иностранцамъ; но и до сихъ поръ, когда пріѣдетъ посолъ отъ турокъ или отъ франковъ, его вводятъ въ пріемную палату не по лѣстницѣ церкви Благовѣщенія, а чрезъ наружную дверь, что на срединѣ дворцовой площади, ибо въ дѣлѣ вѣры они держатъ себя весьма далеко отъ иностранцевъ, чему мы видали съ ихъ стороны удивительные примѣры.

Возвращаемся. Архимандриты, поцѣловавъ руку царя, вынули граматы отъ своихъ монастырей или удостовѣреніе отъ одного изъ патріарховъ на имя царя, если таковое имѣлось, въ томъ, что они достойные люди. Визирь принялъ ихъ письма и отдалъ переводчику перевести ихъ на русскій языкъ, для прочтенія царю. При нашемъ учителѣ были письма отъ патріарха іерусалимскаго и его соименника, кира Паисія Константинопольскаго, какъ рекомендація и правдивое о немъ свидѣтельство. Онъ передалъ ихъ царю, который, вставши, принялъ ихъ правою рукой и поцѣловалъ. При этомъ царь сказалъ ему: „о, батюшка! т. е. о, отецъ мой! ради тебя я прибылъ, чтобы свидѣться съ тобой и получить твое благословеніе, ибо давно уже слышалъ о твоемъ пріѣздѣ ко мнѣ и сильно желалъ лицезрѣть тебя. Я знаю твою святость и прошу тебя всегда взывать къ Богу и молиться за меня“. Нашъ учитель отвѣчалъ: „я человѣкъ грѣшный, но Богъ да дастъ тебѣ по сердцу твоему и по вѣрѣ твоей и да исполнитъ всѣ твои надежды! да даруетъ тебѣ побѣду, какъ даровалъ ее великому Константину и да сдѣлаетъ имя твое, вмѣсто автократоръ, монократоръ, какъ именуется онъ! да надѣлитъ тебя наслѣдствомъ его престола во вѣкъ!“ Услышавъ эти слова отъ него, царь былъ чрезвычайно радостенъ и, поклонившись ему, поцѣловалъ его десницу вторично. Въ то время какъ оба они стояли, ввели внутрь дворца стрѣльцовъ, которые несли подарки. Они стали въ рядъ. Министръ подошелъ и началъ брать блюда одно за другимъ и передавать нашему владыкѣ патріарху, а онъ вручалъ ихъ царю. Принимая блюда, царь всякій разъ цѣловалъ его десницу и то, что было на блюдѣ, и отдавалъ его казнохранителю, стоявшему справа отъ него, чтобы онъ разставлялъ блюда на окнахъ. Великій дефтердаръ, держа въ рукѣ записную книгу, читалъ громкимъ голосомъ: „патріархъ киръ Макарій Антіохійскій подноситъ царю то-то и то-то“. Когда царь бралъ отъ него блюдо, тотъ называлъ, что лежало на немъ, не спрашивая нашего учителя. Обрати вниманіе на эту точность! Царь спросилъ у нашего учителя только о фисташкахъ, ладанѣ и маннѣ, ибо русскіе, какъ мы упомянули, ихъ не знаютъ; онъ понюхалъ фисташки и, удивляясь имъ, сказалъ: „какая это благо-

словенная страна, Антіохія, что растутъ въ ней подобные плоды!“ Когда министръ покончилъ съ подарками царя, принявъ всѣ блюда до послѣдняго, царь обратился къ казнохранителю и приказалъ ему поставить ихъ отдѣльно на одномъ изъ оконъ.

Затѣмъ дефтердаръ началъ читать: „и подноситъ онъ славной царицѣ, княгинѣ Маріи, то-то и то-то“, при чемъ министръ передавалъ подарки нашему учителю, а этотъ царю, пока не кончились. Царь велѣлъ казнохранителю поставить ихъ на другомъ окнѣ.

Потомъ дефтердаръ читалъ: „подноситъ царю (царевичу?) Алексѣю—ибо такъ его всегда называютъ—то-то и то-то“, пока не кончилъ. Царь приказалъ казнохранителю поставить подарки въ другое мѣсто, отдѣльно, чтобы не смѣшались.

Далѣе онъ читалъ: „и подноситъ семейству царя: дочери царя Михаила, княжнѣ [1] Иринѣ, то-то и то-то, дочери царя, княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ, то-то и то-то и дочери царя, княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, то-то и то-то“. Когда онъ кончилъ, царь приказалъ поставить подарки каждой отдѣльно.

Затѣмъ онъ читалъ: „подноситъ дочери царя, княжнѣ Евдокіи Алексѣевнѣ, то-то и то-то, дочери царя, княжнѣ Маѳѣ Алексѣевнѣ, и дочери царя, княжнѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, то-то и то-то“, пока не кончилъ всего. Читалъ онъ очень громкимъ голосомъ.

Царь пошелъ, все осмотрѣлъ, отодвинулъ въ сторону подарки каждаго и, вернувшись, благодарилъ нашего учителя и поклонился ему. Нашъ учитель отвѣчалъ поклономъ и сказалъ: „не взыщи на насъ, славный государь! страна наша очень далека, и уже три года, какъ мы выѣхали изъ нашего престола. Твое царство велико: прими это малое за большое“. Услышавъ такія слова, что онъ въ отсутствіи три года, царь сильно изумился и началъ много утѣшать его и хвалить его подарки, сказавъ: „по истинѣ, они въ моихъ глазахъ стоютъ многихъ сокровищъ“.

Нашъ учитель говорилъ съ драгоманомъ на греческомъ языкѣ, ибо, какъ мы упомянули, мы хорошо научились ему въ то время, когда находились въ обществѣ людей этого языка. То была намъ великая милость отъ Бога, ибо здѣсь совсѣмъ не терпятъ турецкой рѣчи и слышать ея не могутъ, думая, что осквернится ихъ слухъ. Всѣ драгоманы предостерегали нашего учителя, чтобы онъ отнюдь не говорилъ по-турецки. Разговаривая съ драгоманомъ, онъ нѣсколько запинался, ибо греки говорятъ быстро, а мы, хотя и научились ихъ языку, не въ состояніи говорить на

---

[1] Достойно замѣчанія, что Павелъ, совсѣмъ не зная русскаго языка и приводя русскія слова арабскими буквами, сдѣлалъ различіе между словами „княгиня“ и „княжна“.

немъ такъ же бѣгло, какъ они, такъ какъ языкъ у нихъ очень подвиженъ. Царь спросилъ драгомана: „почему патріархъ не говоритъ быстро?“ Тотъ отвѣчалъ: „потому что онъ сталъ обучаться этому языку недавно, но онъ знаетъ турецкій языкъ и, если царю угодно, будетъ говорить на немъ“. Царь сказалъ: „нѣтъ, нѣтъ! Боже сохрани, чтобы такой святой мужъ осквернилъ свои уста и языкъ этой нечистой рѣчью!“ Ненависть ихъ къ туркамъ очень велика. При вратахъ царя есть семьдесятъ переводчиковъ, знающихъ всѣ языки, но арабскаго не знаютъ. Богъ оказалъ намъ милость знаніемъ греческаго языка, иначе мы попали бы въ большое затрудненіе.

Возвращаемся. Драгоманъ сдѣлалъ знакъ нашему учителю; онъ поднялся, подошелъ и, ставъ противъ иконы, помолился на нее, потомъ поклонился царю, который также сдѣлалъ ему поклонъ, и попрощался съ нимъ. Послѣ того какъ онъ благословилъ царя вторично, этотъ взялъ его подъ руку и проводилъ почти до дверей, гдѣ и простился съ нимъ. Царь послалъ всѣхъ своихъ сановниковъ проводить его за выходную дверь, такъ что всѣ присутствовавшіе были изумлены этимъ почетомъ. Драгоманы говорили намъ потомъ, что почетъ, оказанный царемъ въ этотъ день патріарху антіохійскому, никогда не былъ оказанъ имъ другому патріарху. Обыкновенно, когда патріархъ пріѣзжаетъ въ Москву, то лишь чéрезъ недѣлю или двѣ царь его принимаетъ; во-вторыхъ, принимая патріарха кпръ Паисія іерусалимскаго, царь сошелъ до послѣдней, третьей ступеньки трона и привѣтствовалъ его; теперь же встрѣтилъ нашего владыку, отойдя (отъ трона) на довольно значительное разстояніе; когда первый подносилъ ему подарки, царь взялъ отъ него только святыни и, взойдя, сѣлъ на тронъ, остальныя же вещи принимали служители; въ третьихъ, простившись съ тѣмъ, царь не провожалъ его, какъ нашего учителя, поддерживая подъ руку, почти до дверей; въ четвертыхъ, онъ послалъ всѣхъ своихъ бояръ проводить нашего владыку за двери дивана; они возвратились, послѣ того какъ онъ всѣхъ ихъ благословилъ; въ пятыхъ, послѣ того какъ усадили его въ сани, царь послалъ съ нимъ сановниковъ отвести его къ патріарху для свиданія съ нимъ теперь же; а принято, что спустя три дня послѣ свиданія съ царемъ патріархъ посылаетъ ему *челобитта* (челобитную), т.-е. прошеніе, съ просьбой разрѣшить ему поѣхать къ патріарху, и царь посылаетъ послѣднему приказаніе изготовиться для его встрѣчи; нашего же учителя онъ отправилъ теперь, самъ послалъ дать знать патріарху. Однако, патріархъ іерусалимскій имѣлъ съ собою 35 человѣкъ: большое число архимандритовъ, діаконовъ и

монаховъ, служителей при лошадяхъ, родственниковъ: двухъ племянниковъ, отъ сестры и отъ брата, и брата, и архонтовъ, кои раньше были греческими купцами, съ которыхъ онъ взялъ, сколько хотѣлъ, чтобы сдѣлать ихъ архонтами. Въ характерѣ грековъ крайняя любовь къ величію и пышности, ибо, получивъ со всѣхъ, патріархъ составилъ изъ нихъ нѣсколько группъ, записавши одного архимандрита, діакона и келаря голгоѳскими, другихъ—виѳлеемскими, иныхъ—отъ св. Михаила, иныхъ—отъ св. Саввы, иныхъ—изъ Крестнаго монастыря—все съ тою цѣлью, чтобы быть окруженнымъ многочисленною свитой, главнымъ же образомъ изъ-за большой выгоды, которая доставалась ему отъ нихъ въ началѣ и въ концѣ (при отъѣздѣ), потому что, какую бы милостыню они ни получили лично для себя или для своихъ монастырей, патріархъ распоряжается ею, какъ пожелаетъ. Такъ, купцы, коихъ онъ сдѣлалъ архонтами, обыкновенно получаютъ милостыню отъ царя соболями и деньгами, а патріархъ бралъ ее себѣ, съ ихъ согласія. Такимъ же образомъ поступали Пателярій и большинство греческихъ архіереевъ, кои непремѣнно записываютъ при себѣ родственниковъ, ради выгодъ себѣ и имъ, называя ихъ по-гречески ἀνεψιός, а по-русски *бляничкъ* (племянничкъ).

Возвращаемся. Когда нашъ владыка патріархъ приблизился къ первой лѣстницѣ патріаршихъ палатъ, его встрѣтили два главныхъ архимандрита, поклонились ему до земли и сказали, читая по имѣвшейся у нихъ бумагѣ: „отецъ святой, блаженнѣйшій и владыка киръ киръ Макарій, патріархъ великаго града Божьяго Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока! братъ твой и соучастникъ въ божественныхъ таинствахъ, господинъ киръ Никонъ, архіепископъ града Москвы и патріархъ всѣхъ странъ Великой и Малой Россіи, послалъ насъ, архимандритовъ монастыря такого-то въ такой-то области и монастыря такого-то въ такой-то области, встрѣтить твою святость, по слову Господа нашего Христа въ Его святомъ Евангеліи: „кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня“, и они опять поклонились ему до земли. Читали они по-русски, а драгоманъ переводилъ слово въ слово на греческій. Нашъ владыка патріархъ выразилъ подобающія благожеланія и благословилъ ихъ. Они взяли его подъ руки, вмѣсто бояръ, и повели наверхъ. Когда онъ дошелъ до второй лѣстницы, его встрѣтили два другіе архимандрита, которые, сказавъ и сдѣлавъ то же, взяли его подъ руки. При входѣ нашемъ во внѣшнюю часть палатъ, гдѣ находится третья лѣстница, вышелъ патріархъ Никонъ, одѣтый въ мантію изъ зеленаго рытаго, узорчатаго бархата, со скрижа-

лями изъ краснаго бархата, на конхъ въ срединѣ изображеніе херувима изъ золота и жемчуга, и съ источниками изъ бѣлаго галуна съ красною полоской въ серединѣ. На головѣ его былъ бѣлый клобукъ изъ камки, верхушка котораго имѣла видъ золотого купола съ крестомъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Надъ его глазами было изображеніе херувима съ жемчугомъ; воскрилія клобука спускались внизъ и также были украшены золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Въ правой рукѣ онъ держалъ посохъ. Онъ встрѣтилъ нашего учителя съ великимъ почетомъ, сказавъ: „отецъ святой, блаженнѣйшій, владыка киръ Макарій, патріархъ великаго града Божьяго Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока! Твоя святость уподобляется Господу Христу, а я подобенъ Закхею, который, будучи малъ ростомъ и домогаясь увидѣть Христа, взлѣзъ на сикомору, чтобы видѣть Его; такъ и я, грѣшный, вышелъ теперь, чтобы лицезрѣть твою святость“. Драгоманъ переводилъ его рѣчь на греческій слово въ слово. Затѣмъ онъ облобызался съ нашимъ владыкой и повелъ его во внутрь своихъ палатъ, весь полъ которыхъ былъ устланъ большими коврами. Оба они подошли, по обычаю, къ иконостасу, который всегда ставится надъ головой патріарха. Свѣчи горѣли. Они пропѣли „Достойно есть“, сдѣлали земной поклонъ и поклонились другъ другу. Затѣмъ патріархъ Никонъ снялъ свой клобукъ и просилъ нашего владыку патріарха благословить его. Съ трудомъ, послѣ многихъ отказовъ, онъ благословилъ его на чело, грудь и плечи, по ихъ обычаю, и они сѣли бесѣдовать чрезъ драгомана. Потомъ онъ всталъ и пошелъ во внутренніе покои, гдѣ снялъ свою зеленую мантію и надѣлъ другую, всегдашнюю, изъ рытаго узорчатаго бархата фіолетоваго цвѣта и бѣлый, также всегдашній, клобукъ съ однимъ вышитымъ изъ золота херувимомъ на челѣ, снялъ зеленое бархатное одѣяніе и надѣлъ красное бархатное, по ихъ обычаю, и вышелъ. Въ это время подходили всѣ бывшіе у него настоятели монастырей, протопопы, священники и дьяконы большіе и маленькіе (анагносты) и всѣ его бояре и кланялись нашему владыкѣ патріарху, а онъ ихъ благословлялъ. Всѣ стояли, по своему обычаю, съ непокрытою головой, какъ стоятъ постоянно бояре и народъ предъ священниками, а священники передъ патріархомъ и архіереемъ, равно и въ церкви.

Глава VI.

Москва.—Архіепископъ сербскій. Угощеніе патріарха Макарія за царскимъ столомъ.

По выходѣ нашего владыки патріарха отъ царя, былъ приглашенъ архіепископъ сербскій, который называлъ себя также патріархомъ и о которомъ мы упоминали въ разсказѣ о Путивлѣ, что онъ прибылъ изъ Валахіи съ большимъ тріумфомъ и путивльскій воевода отправилъ его внутрь страны. Главная его цѣль была застать царя раньше отъѣзда его въ походъ, но застать ему не удалось. Когда онъ проѣхалъ Калугу, министры, намѣстники царскіе, послали вернуть его назадъ на разстояніи трехдневнаго пути, къ большому позору его, говоря: „издревле мы не слыхивали, чтобы во вселенной былъ патріархъ кромѣ четырехъ на Востокѣ и нашего, поставленнаго съ ихъ дозволенія: это первая причина, вторая—та, что царь въ отсутствіи, а потому возвращайся назадъ; когда же онъ прибудетъ, пріѣзжай". Услышавъ это, онъ, въ виду испытанной имъ неудачи, сталъ бить себя по лицу, плакать и рыдать о своемъ положеніи; но какъ сербы, болгары, казаки и московиты имѣютъ одну и ту же письменность и языки ихъ сходны, — разница между ними небольшая—онъ написалъ посланіе патріарху, умоляя его дозволить ему остаться во имя царя на всю жизнь. Здѣсь существуетъ обычай, что даже убійца, если скажетъ это слово, избавляется (отъ казни). Поэтому послали вернуть его. При свиданіи его съ патріархомъ, послѣдній сильно бранилъ его и запретилъ ему даже произносить своими устами слово патріархъ. Тотъ кланялся ему, просилъ прощенія и остался жить во имя царя. Подъ конецъ, ученикамъ его надоѣло пребываніе здѣсь, ибо жизнь московитовъ очень стѣснена и никто (изъ чужестранцевъ) не въ состояніи переносить ея стѣсненій: человѣкъ видитъ себя постоянно какъ бы въ тюрьмѣ, ибо если кто проступится въ чемъ-либо или напьется пьянъ, то подвергается всяческимъ униженіямъ, а подъ конецъ заточенію. Поэтому даже всѣ купцы, хотя бы кто изъ нихъ былъ славой своего вѣка, даже персидскіе, живутъ въ страхѣ Божіемъ и смиреніи.

Возвращаемся. Послѣ того какъ этотъ важный господинъ былъ допущенъ къ рукѣ царя, онъ явился также къ патріарху Никону, поклонился обоимъ патріархамъ, и они благословили его, по обычаю. Въ это время царь прислалъ одного изъ своихъ придворныхъ пригласить обоихъ патріарховъ вмѣстѣ къ его царскому столу, довершивъ этимъ мѣру великаго почета, оказаннаго имъ въ этотъ

день нашему учителю,—да продлитъ Господь его царство во вѣкъ!—ибо, обыкновенно, послѣ допущенія патріарха къ рукѣ и возвращенія его къ себѣ домой, царь посылаетъ ему со своего стола кушанье и напитки, но теперь онъ пригласилъ его сѣсть съ нимъ за его трапезу: это большой почетъ и великая честь.

Оба патріарха вмѣстѣ пришли въ другую, большую деревянную палату, гдѣ были разставлены кругомъ столы. Благополучный царь сидѣлъ на переднемъ мѣстѣ и передъ нимъ стоялъ большой столъ, весь покрытый серебромъ. При входѣ ихъ, онъ всталъ, снялъ свою корону и встрѣтилъ ихъ поклономъ. Они благословили его и пропѣли „Достойно есть“ передъ иконами, которыя были надъ его головой, сдѣлавъ земной поклонъ вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими. Слуги приняли отъ нихъ посохи и, ставъ въ отдаленіи, держали ихъ приподнятыми. Московскій патріархъ сѣлъ по лѣвую руку царя и рядомъ съ нимъ патріархъ антіохійскій. Стольники, т. е. служащіе за столомъ, поставили передъ царемъ и обоими патріархами серебряныя тарелки съ тремя такими же кубками. Министровъ и приближенныхъ царя посадили за длиннымъ столомъ, и каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ сѣсть, подходилъ, кланялся до земли царю, шелъ и садился. Всѣ они находились съ лѣвой стороны нашего владыки патріарха. Архіепископа сербскаго, вмѣстѣ съ архіепископомъ рязанскимъ, и архимандритовъ посадили направо отъ царя за дальнимъ столомъ. Мы же, съ прочими настоятелями монастырей, священниками и монахами, сѣли за столами, разставленными рядами посрединѣ, и прежде чѣмъ сѣсть, кланялись царю издали. Затѣмъ оба патріарха встали, прочли молитву надъ трапезой и благословили царя и столъ. Стольники стали подносить царю большіе продолговатые хлѣбы, которые онъ разсылалъ для раздачи всѣмъ присутствовавшимъ: сначала патріархамъ, которые при этомъ кланялись ему, потомъ всѣмъ своимъ вельможамъ, изъ конхъ каждый вставалъ съ своего мѣста и кланялся ему издали, пока наконецъ не прислалъ и намъ. Таковъ у него обычай за столомъ. Смыслъ его такой: „всякаго, кто ѣстъ этотъ мой хлѣбъ и измѣнитъ мнѣ, оставитъ Богъ“. Первое, что всѣ вкусили, былъ этотъ хлѣбъ съ икрой.

Затѣмъ царь всталъ и подалъ каждому изъ патріарховъ по три кубка вмѣстѣ. Они поклонились ему и поставили ихъ передъ собою. Онъ разсылалъ ихъ также всѣмъ своимъ боярамъ. Стольникъ, который бралъ отъ него кубки, выкрикивалъ издали громкимъ голосомъ имя того, кому хотѣлъ передать, говоря: „Борисъ Ивановичъ!“—это, именно, главный министръ царя—при чемъ называлъ его имя и имя его отца, ибо таковъ обычай въ этой

странѣ, что никого, ни мужчину, ни женщину, не называютъ иначе какъ по имени съ прибавленіемъ имени отца, говоря: такой-то, сынъ такого-то, или такая-то, дочь такого-то. Столовыя въ этой странѣ, которыя называютъ палатами, бываютъ четырехъугольныя. съ однимъ только столбомъ посреднѣ, будетъ-ли строеніе изъ камня или строганаго дерева. Вокругъ столба имѣются полки, въ видѣ ступенекъ, одна надъ другой, покрытыя матеріями. На каждую ступень ставятъ серебряные вызолоченные кубки разныхъ видовъ и формъ, большіе и малые, и чаши восьмигранныя, круглыя и продолговатыя, какъ корабль. При каждомъ обнесеніи, присутствующихъ потчуютъ изъ новой посуды.

Стольники, т. е. чашнигиры [1], и матарджи (?), т. е. шарабдары (виночерпіи), числомъ двѣсти, триста человѣкъ, всѣ бояре и аги и носятъ красивую одежду, грудь которой убрана, по ихъ обычаю, шнурами изъ крупнаго жемчуга, драгоцѣнныхъ каменьевъ и золота. Они хорошо замѣтны, ибо ихъ верхнее суконное платье бываетъ цвѣта голубой лиліи, а колпаки свѣтло-зеленаго цвѣта яри или шелковицы. Они стоятъ, чтобы всѣмъ прислуживать. Каждая группа ихъ назначена для одного рода услугъ: одни подносятъ хлѣбъ, другіе—блюда съ кушаньемъ, иные—кубки съ напитками. Все подносили они сперва царю, а онъ разсылалъ съ ними всѣмъ присутствующимъ, даже большіе хлѣбы и блюда съ кушаньемъ: сначала патріархамъ, потомъ своимъ вельможамъ, затѣмъ архіерсямъ, архимандритамъ и прочимъ присутствующимъ. Всѣ берегли то, что онъ присылалъ имъ, и отсылали домой, какъ великое благословеніе съ трапезы царя и отъ его милости. Стольникъ, взявъ блюдо для передачи кому-либо, выкрикивалъ: „такой-то, сынъ такого-то! осударь царь Алексѣй [2], т. е. нашъ господинъ царь Алексѣй, жалуетъ тебя этимъ отъ своей милости“. При этомъ тотъ вставалъ, кланялся царю издали и, принимая, цѣловалъ хлѣбъ и пищу. Передъ царемъ стояло обыкновенно только одно или два блюда: ихъ мѣняли каждую минуту. Подаваемыя кушанья были разнообразны и всѣ рыбныя: въ этотъ день мясо вовсе не подавалось за столомъ царя, по монастырскому уставу, словно онъ былъ настоящій монахъ. Мы видѣли еще того удивительнѣе—вещь, приведшую насъ въ изумленіе. Это была недѣля предъ мясопустомъ; смотри же, что произошло теперь! послѣ того какъ оба патріарха прочли застольную молитву, явился одинъ изъ маленькихъ

---

[1] Пробующіе кушанья. Авторъ, употребивъ русское слово „стольникъ“, прибавляетъ поясненіе его.

[2] Слова эти написаны въ текстѣ по-русски.

дьяконовъ (анагностовъ) и, поставивъ посрединѣ аналой съ большою книгой, началъ читать очень громкимъ голосомъ житіе св. Алексія, коего память празднуется въ этотъ день, и читалъ съ начала трапезы до конца ея, по монастырскому уставу, такъ что мы были крайне удивлены: намъ казалось, что мы въ монастырѣ. Какіе это порядки, коихъ мы были очевидцами! и какой это благословенный день, въ который мы лицезрѣли сего святѣйшаго царя, своимъ образомъ жизни и смиреніемъ превзошедшаго подвижниковъ! О, благополучный царь! Что это ты совершилъ сегодня и совершаешь всегда? Монахъ ты или подвижникъ? Сказать-ли, изъ уваженія къ патріархамъ ты не велѣлъ подавать за своимъ столомъ мясныхъ блюдъ на этой недѣлѣ предъ мясопустомъ? Что это совершилъ ты, чего не дѣлаютъ и въ монастыряхъ? Чтецъ читаетъ изъ Патерика, пѣвчіе время отъ времени поютъ передъ тобою. Богъ всевышній да хранитъ твое царство и твои дни! да покоритъ подъ ноги твои враговъ твоихъ за это смиреніе и прекрасное имя, которое ты пріобрѣлъ въ своей жизни! Какое сравненіе съ трапезой Василія и Матвѣя, кои не стоютъ быть твоими слугами,—трапезой съ барабанами, флейтами, бубнами, рожками, пѣснями турокъ! какое сравненіе съ ихъ обычаемъ сидѣть на переднемъ мѣстѣ на высокихъ креслахъ, а патріарха сажать ниже, направо отъ себя! За правосудіе и справедливость Богъ даровалъ тебѣ царство и пріумножилъ, ибо, куда бы ты ни пошелъ, побѣда идетъ передъ тобою и твоими воинами. Если Господь нашъ—да будетъ прославлено имя Его!—не далъ бы побѣды тебѣ, то кому же Онъ даруетъ ее? тебѣ, превзошедшему отшельниковъ-пустынножителей своимъ образомъ жизни и неизмѣннымъ постоянствомъ въ бдѣніяхъ. И не только это онъ сдѣлалъ, но изъ уваженія къ патріархамъ оставался съ непокрытою головой отъ начала трапезы до конца ея въ такой сильный холодъ и трескучій морозъ. Онъ ѣлъ мало, но былъ занятъ бесѣдою съ патріархомъ Никономъ и неоднократно всматривался въ нашего учителя, которому много услуживалъ яствами и питьемъ, ибо возымѣлъ къ нему большую любовь, чему мы были теперь очевидцами.

Первое, что подавали намъ пить виночерпіи, было критское вино, чудеснаго краснаго цвѣта и отличнаго вкуса, затѣмъ вишневую воду и медъ разныхъ сортовъ. Что касается видовъ кушанья, то подавали приготовленныя изъ рыбы блюда на подобіе начиненныхъ барашковъ, ибо, по изобилію рыбы въ этой странѣ, дѣлаютъ изъ нея разные сорта и виды кушаньевъ, какъ мы объ этомъ слышали давно. Выбираютъ изъ нея всѣ кости и

бьютъ ее въ ступкахъ, пока она не сдѣлается какъ тѣсто, потомъ начиняютъ лукомъ и шафраномъ въ изобилiи, кладутъ въ деревянныя формы въ видѣ барашковъ и гусей [1] и жарятъ въ постномъ маслѣ на очень глубокихъ, въ родѣ колодцевъ, противняхъ, чтобы она прожарилась насквозь, подаютъ и разрѣзаютъ на подобіе кусковъ курдюка. Вкусъ ея превосходный: кто не знаетъ, приметъ за настоящее ягнячье мясо. Также есть у нихъ много кушаньевъ изъ тѣста, начиненнаго сыромъ и жаренаго въ маслѣ, разныхъ формъ: продолговатыя, круглыя, какъ клецки, лепешки и пр. Еще есть у нихъ обыкновенныя короны изъ хлѣба, начиненныя маленькими, какъ червяки, рыбами и жареныя.

Всѣ эти кушанья подносили стольники: сорокъ, пятьдесятъ изъ нихъ вмѣстѣ бѣгомъ входили съ блюдами разныхъ видовъ кушанья, которыя царь разсылалъ съ ними присутствующимъ, (что продолжалось) отъ начала до конца трапезы, такъ что мы много печалились, видя ихъ усталость, ибо они стояли на ногахъ съ начала до конца; но еще больше мы жалѣли царя, который совсѣмъ ничего не ѣлъ. Переводчикъ и другіе толмачи также стояли на ногахъ передъ царемъ вдали; когда онъ желалъ спросить о чемъ-либо нашего владыку патріарха, они передавали его слова и сообщали отвѣтъ. У того стола, на которомъ было размѣщено множество кубковъ, стояли бояре, и одинъ изъ нихъ вмѣстѣ со служителями наполнялъ безпрестанно сосуды, кои разносили присутствующимъ.

Такъ продолжалось отъ послѣполудня почти до полуночи, такъ что намъ стало невмоготу. Затѣмъ царь всталъ и стольники начали подносить ему серебряные кубки съ виномъ; сначала онъ подалъ ихъ патріархамъ, которые выразили ему свои благопожеланія, пѣвчіе же пропѣли ему многолѣтіе; потомъ раздавалъ ихъ всѣмъ присутствующимъ собственноручно, каждому по кубку, ибо эта круговая чаша за его здоровье и выпиваютъ ее въ знакъ любви къ нему. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ стоялъ подлѣ него, поддерживая его правую руку. Всякій подходившій къ царю сначала кланялся ему до земли издали, затѣмъ приближался, цѣловалъ его руку и, принявъ чашу, возвращался назадъ и выпивалъ ее, потомъ кланялся ему вторично и уходилъ. Такъ шло до послѣдняго. Вмѣстѣ съ ними подходили и мы. Затѣмъ патріархъ вторично выразилъ свои благожеланія и пѣвчіе пропѣли многолѣтіе царицѣ и ея сыну Алексѣю. Царь опять раздавалъ собственноручно всѣмъ присутствующимъ до

[1] По Петербургской рукописи. По здѣшней: „и иныхъ видовъ“.

послѣдняго другіе кубки. Потомъ, по его приказанію, пѣвчіе пропѣли многолѣтіе патріарху московскому, киръ Никону, и царь, сначала выпивъ его здравицу, также раздавалъ вино всѣмъ присутствующимъ. Затѣмъ, по его приказанію, пропѣли многолѣтіе патріарху антіохійскому и всѣмъ боярамъ, и была выпита четвертая круговая чаша, которую раздавалъ патріархъ собственноручно, при чемъ архидіаконъ поддерживалъ его правую руку.

При первомъ обнесеніи подавали царю чудесную вызолоченную чашу, изъ которой сначала онъ пилъ самъ, а потомъ давалъ пить обоимъ патріархамъ. Царь продолжалъ стоять до тѣхъ поръ, пока не далъ пить всѣмъ присутствующимъ. Если онъ хотѣлъ дать приказаніе служителю, то подходилъ самъ и говорилъ ему, такъ что мы дивились его необычайному смиренію. Да продлитъ Богъ его царство во вѣкъ!

Лишь около полуночи, по благости всевышняго Бога, царь всталъ изъ-за стола. Оба патріарха прочли молитву. Протопопъ со своими товарищами-священниками и протодіаконъ съ товарищами вышли на средину, неся Панагію въ чудесномъ серебряномъ вызолоченномъ сосудѣ съ ангелами кругомъ, поддерживающими красивое блюдо, на которомъ лежала Панагія. Совершили надъ ней обычныя молитвы и всѣ получили отъ нея частицу, послѣ того какъ архидіаконъ окадилъ присутствующихъ изъ вѣнцеобразной кадильницы съ ручкой.

По прочтеніи послѣобѣденной молитвы, принесли сосуды и собрали въ нихъ куски, по монастырскому обычаю. Затѣмъ царь простился съ нашимъ владыкой патріархомъ, сдѣлавъ ему поклонъ, а онъ его благословилъ. Царь назначилъ съ нимъ своихъ бояръ съ большими свѣчами проводить до нашего монастыря; всѣ же министры и вельможи провожали его за ворота. Бѣдные стрѣльцы, разставленные рядами по дорогѣ, все еще стояли со знаменами въ рукахъ на такомъ холодѣ, на снѣгу, при сильномъ морозѣ, пока не проѣхалъ мимо нихъ нашъ владыка патріархъ; тогда они ушли. Мы едва вѣрили, что прибыли въ свой монастырь, ибо погибали отъ усталости, стоянія и холода. Но каково было положеніе царя, который оставался на ногахъ непрерывно около четырехъ часовъ съ непокрытою головой, пока не роздалъ всѣмъ присутствующимъ четыре круговыя чаши! Да продлитъ Богъ его дни и да возвыситъ его знамена славой и побѣдой! Не довольно было ему этого: въ минуту нашего прибытія въ монастырь ударили въ колокола и царь и его бояре съ патріархомъ пошли въ соборъ, гдѣ слушали вечерню и утреню, и вышли только на зарѣ, ибо было совершено большое бдѣніе. Какая твердость и какая выносливость! Наши умы были

поражены изумленіемъ при видѣ такихъ порядковъ, отъ которыхъ посѣдѣли бы и младенцы.

О, ты, читающій это описаніе, мною составленное, помолись за меня, немощнаго раба Павла, по званію архидіакона, да проститъ мои согрѣшенія Тотъ, Кто облегчилъ мнѣ (трудъ) и открылъ способности моего ума, такъ что разумъ мой расширился и я написалъ все это повѣствованіе, составленіе и изложеніе котораго были бы многимъ не по силамъ! Я утруждалъ свои глаза, мысль и чувства, прилагалъ большія старанія и много потрудился, пока не извлекъ его изъ черновыхъ тетрадей по истеченіи года отъ написанія ихъ. Все мое желаніе въ томъ состоитъ, чтобы при жизни соорудить себѣ памятникъ, дабы впослѣдствіи нашелся кто-нибудь, кто бы сказалъ: „да помилуетъ его Богъ!“ подобно тому, какъ мы всегда испрашивали милости Божіей почившему митрополиту Иса (Іисусу), который сопутствовалъ патріарху Дау [1], когда тотъ пріѣзжалъ въ эти страны, — испрашивали всякій разъ, какъ читали его поэму. Но могу сказать, что я, бѣдный, много превзошелъ его описаніе, ибо онъ составилъ едва одну тетрадь, а я написалъ большую книгу. Слава и благодареніе всевышнему Богу! Молимъ Его, да откроетъ Онъ очи моего ума и да отдалитъ срокъ нашей кончины, чтобы мы могли возвратиться въ свою страну и переписать книгу въ другой разъ. Хотя намъ живется здѣсь какъ царямъ, но не сравнится эта жизнь съ жизнью среди родныхъ и друзей: пребываніе на чужбинѣ, затянувшись надолго, истерзало наши сердца. Боже, облегчи намъ путь, чтобы возвратиться намъ въ свою страну и возносить Тебѣ хвалы и благодаренія во всю свою жизнь!

Вотъ что я написалъ съ трудомъ, утомленіемъ и изнуреніемъ, приводя въ порядокъ отдѣльные листы, о свиданіи патріарха кира Макарія антіохійскаго съ Алексіемъ, царемъ московскимъ и всѣхъ странъ русскихъ.

Глава VII.

Москва.—Подарки Макарія патріарху Никону и московскимъ боярамъ. Боярскія палаты. Постройки въ Москвѣ. Обычаи бояръ. Церковь московскаго богача.

Возвращаемся. На другой день послѣ нашего представленія царю, мы отправились съ подарками для патріарха, въ сопро-

[1] Антіохійскій патріархъ Іоакимъ Дау, родомъ арабъ, пріѣзжалъ въ Россію за милостыней въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго. (См о немъ въ нашей статьѣ „Къ исторіи антіохійскихъ патріарховъ“ въ Сообщ. Имп. Правосл. Палест. Общ., дек. 1893 г.).—Англійскій переводчикъ, неправильно прочитавъ слово *Дау* (свѣтъ), называетъ этого патріарха *Нано*.

вожденіи своихъ служителей, которые ихъ несли. Вотъ ихъ описаніе: древняя икона, изображающая снятіе Господа со креста, ибо въ этой странѣ ничего такъ не цѣнятъ, какъ древнія греческія иконы, къ копмъ они имѣютъ великую вѣру; затѣмъ, сосудъ съ древнимъ мурромъ и другой съ новымъ, перстъ архидіакона Стефана, частица мощей св. Антонія Великаго и немного (источаемаго имъ) мура, посохъ изъ черепахи и перламутра, который мы заказали въ Константинополѣ, какъ совѣтовали нашему учителю митрополиты и патріархъ: „твоя святость занимаетъ мѣсто апостола Петра, ты имѣешь власть дать посохъ для пасенія, кому пожелаешь"; далѣе, черная пальмовая вѣтвь съ Синая, стиракса, восковыя свѣчи, финики, ладанъ, мыло благовонное и алепское, фисташки, леденцы, кассія, шафранъ, мастика, двѣ банки съ имбирнымъ вареньемъ, шерстяная ангорская матерія фіолетоваго цвѣта и полясъ изъ чернаго шелка.

Когда мы вошли къ нему, испросивъ разрѣшенія чрезъ его бояръ и привратниковъ, онъ встрѣтилъ насъ, помолился на икону и приложился къ ней, весьма ей обрадовавшись; подъ конецъ онъ роздалъ намъ, по ихъ обычаю, посеребреныя иконы Владычицы вмѣстѣ съ милостыней, благословилъ всѣхъ насъ, и мы вышли.

Послѣ того мы стали разносить подарки министрамъ и государственнымъ сановникамъ, при чемъ насъ сопровождалъ одинъ изъ переводчиковъ. Мы подносили имъ подарки также на блюдахъ, покрытыхъ шелковой матеріей: во-первыхъ, частицу мощей какого-либо святого, затѣмъ: муро, яркія свѣчи, землю изъ Іерусалима, Виѳлеема и съ береговъ Іордана, частицу отъ столпа св. Симеона Алепскаго, стираксу, финики, ладанъ, пять шесть кусковъ благовоннаго мыла и столько же алепскаго – понемногу изъ всего, что у насъ было, ибо они принимаютъ это въ видѣ благословенія, но радуются только святынямъ и древнимъ иконамъ и насплу брали отъ насъ ангорскую матерію, шелковыя газскія салфетки и мохнатыя полотенца изъ *Сарсарлійе* (?), такъ какъ этого у нихъ много.

Мы могли видѣть ихъ только рано поутру. Въ домѣ каждаго изъ нихъ есть чудесная, изящная церковь, и каждый тщеславится передъ другими ея красотой и наружнымъ и внутреннимъ ея росписаніемъ; при всякой церкви три или четыре священника, кои состоятъ исключительно при боярынѣ и его семействѣ, получая отъ него содержаніе и одежду. Каждый вельможа ежедневно, въ теченіе всего года, отправляется къ царю не раньше, какъ священникъ прочтетъ положенныя молитвы, отъ полунощницы до конца часовъ, вмѣстѣ съ канонами и девятымъ

часомъ, а затѣмъ отслужитъ обѣдню въ церкви. У всякаго въ домѣ имѣется безчисленное множество иконъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, и не только внутри домовъ, но и за всѣми дверями, даже за воротами домовъ; и это бываетъ не у однихъ бояръ, но и у крестьянъ въ селахъ, ибо любовь и вѣра ихъ къ иконамъ весьма велики. Они зажигаютъ передъ каждой иконой по свѣчкѣ утромъ и вечеромъ; знатные же люди зажигаютъ не только свѣчи, но имѣютъ подсвѣчники съ большими мѣдными сосудами наверху, кои наполняютъ воскомъ и вставляютъ въ нихъ фитили, которые горятъ ночью и днемъ въ теченіе долгаго времени.

Приходя къ вельможамъ, мы дожидались, пока они не окончатъ свои моленія, ибо службы вычитываютъ дома передъ иконами, литургія же совершается въ церкви. Войдя, мы молились, по ихъ обычаю, на иконы; бояринъ подходилъ къ архимандриту подъ благословеніе, затѣмъ кланялся намъ, и мы ему. Мы говорили чрезъ переводчика такъ: „отецъ владыка патріархъ киръ Макарій, патріархъ великаго града Божьяго Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока, послалъ насъ передать твоему благородству благословеніе, привѣтъ и молитву и узнать о твоемъ здоровьи и благополучіи“. Выслушавъ это, онъ кланялся въ землю, ударяя головой, и говорилъ: „челомъ бью государю, святѣйшему патріарху Макарію Антіохійскому“ [1], что значитъ: кланяюсь до земли господину моему, святому Макарію, патріарху Антіохійскому; затѣмъ принималъ каждое блюдо и цѣловалъ его. По окончаніи (пріема) мы молились на иконы вторично, архимандритъ опять его благословлялъ, и мы кланялись ему. Онъ выходилъ провожать насъ за двери, ибо таковъ у нихъ обычай, если посѣтитъ ихъ почетный иноземецъ: его встрѣчаютъ за дверьми и пропускаютъ впередъ во внутреннія покои, въ знакъ того, что онъ господинъ въ домѣ; также и при уходѣ его опять выходятъ за нимъ. [Когда давали намъ кубокъ съ виномъ, бояринъ обыкновенно подавалъ его намъ обѣими руками—таковъ ихъ обычай. Что касается водки, то лишь съ трудомъ насъ убѣждали выпить ее, такъ какъ пить водку зазорно монахамъ] [2]. Больше всего мы дивились ихъ чрезвычайной скромности и смиренію передъ бѣдными и ихъ частымъ моленіямъ съ ранняго утра до вечера предъ всякою встрѣчною иконой. Каждый разъ какъ они увидятъ издали блестящіе кресты церкви,

[1] Слова эти написаны въ текстѣ по-русски арабскими буквами и съ большими искаженіями.

[2] Дополнено по англійскому переводу.

то, хотя бы было десять церквей одна близъ другой, они обращаются къ каждой и молятся на нее, дѣлая три поклона. Такъ поступаютъ не только мужчины, но еще болѣе женщины.

Что касается ихъ палатъ, находящихся въ этомъ городѣ, то большая часть ихъ новыя, изъ камня и кирпича, и построены по образцу нѣмецкихъ франковъ, у которыхъ научились теперь строить московиты. Мы дивились на ихъ красоту, украшенія, прочность, архитектуру, изящество, множество оконъ и колоннъ съ рѣзьбой, кои по сторонамъ оконъ, на высоту ихъ этажей, какъ будто онѣ крѣпости, на ихъ огромныя башни, на обильную раскраску разноцвѣтными красками снаружи и внутри: кажется, какъ будто это дѣйствительно куски разноцвѣтнаго мрамора или тонкая мозаика. Кирпичи въ этой странѣ превосходны, похожи на кирпичи антіохійскіе по твердости, вѣскости и краснотѣ, ибо дѣлаются изъ песку. Московиты весьма искусны въ изготовленіи ихъ. Кирпичъ очень дешевъ, ибо тысяча его стоитъ одинъ піастръ, и потому большая часть построекъ возводится изъ кирпича. Каменщики высѣкаютъ на немъ желѣзными инструментами неописуемо чудесныя украшенія, не отличающіяся отъ каменныхъ. Известь у нихъ хорошаго качества, прочная, держитъ крѣпко, лучше извести алеппской. Окончивъ кирпичную кладку, бѣлятъ ее известью, которая пристаетъ къ кирпичу весьма крѣпко и не отпадаетъ въ теченіе сотни лѣтъ. Поэтому кирпичное строеніе не отличается отъ каменнаго. Всего удивительнѣе вотъ что: вынувъ кирпичъ изъ обжигальной печи, складываютъ его подъ открытымъ небомъ и прикрываютъ досками; онъ остается подъ дождемъ и снѣгомъ четыре, пять лѣтъ, какъ мы сами видѣли, причемъ не подвергается порчѣ и не измѣняется.

Всѣ ихъ постройки дѣлаются съ известковымъ растворомъ, какъ въ нашей странѣ древніе возводили свои сооруженія. Известь разводятъ съ водой и кладутъ въ нее просѣянный песокъ, и только; смочивъ кирпичъ водой, погружаютъ его въ известковый растворъ. Когда сложатъ обѣ стороны стѣны на нѣкоторую высоту, заполняютъ (промежутокъ) битымъ кирпичемъ, на который наливаютъ этотъ растворъ, пока не наполнится; не проходитъ часа, какъ все сплочивается другъ съ другомъ и становится однимъ кускомъ. Каменщики могутъ строить не болѣе шести мѣсяцевъ въ году, съ половины апрѣля, какъ растаетъ ледъ, до конца октября.

Обыкновенно, всѣ строенія въ этомъ городѣ скрѣплены огромными желѣзными связями внутри и снаружи; всѣ двери и окна сдѣланы также изъ чистаго желѣза—работа удивительная. Надъ верхнею площадкой каждой лѣстницы воздвигаютъ куполъ на

четырехъ столбахъ, съ четырьмя арками; въ срединѣ каждой арки выступъ [1] арочный, утвержденный прямо, съ удивительнымъ искусствомъ: обтесываютъ камень въ очень красивую форму и, просверливъ его, пропускаютъ сквозь него желѣзный шестъ съ двумя вѣтвями на концахъ, заклепываютъ ихъ и заканчиваютъ стройку надъ этимъ камнемъ, который представляется великимъ чудомъ, ибо виситъ въ срединѣ, спускаясь прямо. Эти чудесныя постройки, видѣнныя нами въ здѣшнемъ городѣ, приводили насъ въ сильное удивленіе.

Возвращаемся. Большинство вельможъ имѣютъ титулъ „князь“, значеніе коего: бей, сынъ бея, отъ отцовъ и дѣдовъ. Женщины также называются „княгиня“. У вельможъ такое установленіе, что они, даже напважнѣйшій между ними, не могутъ имѣть подъ своею властью у себя въ домѣ болѣе трехсотъ человѣкъ. Когда же царь посылаетъ кого-либо изъ нихъ въ походъ, то снаряжаетъ съ нимъ тысячи ратниковъ, сколько пожелаетъ, ибо все распоряженіе войскомъ въ рукахъ царя. По этой причинѣ среди вельможъ вовсе не бываетъ бунтовщиковъ. Смотри, какое прекрасное распоряженіе! Оттого же, когда мы являлись въ жилище кого-либо изъ министровъ, то находили при дверяхъ лишь немного людей; также, когда они ходили ежедневно къ царю, то за ними слѣдовали лишь двое или трое слугъ. Они никогда не собираются другъ у друга для совѣщанія, но всякій совѣтъ происходитъ у царя, и если бы онъ прослышалъ, что нѣкоторые изъ нихъ собрались (для совѣщанія), то разсѣялъ бы ихъ всѣхъ мечомъ.

Въ эту морозную пору вельможи ѣздили только на большихъ саняхъ. Они очень тщеславятся шкурами медвѣдей, бѣлыхъ и черныхъ какъ ночь, которыхъ въ этой странѣ много и которые чрезвычайно велики; мы дивились на огромную величину шкуръ, часто бо́льшую, чѣмъ шкура буйвола. Бѣлый мѣхъ очень красивъ, и только вельможи устилаютъ имъ сани, при чемъ одна половина мѣха сзади саней, а другая — подъ сѣдокомъ. Жены вельможъ зимою тщеславятся санями, на которыя поставлены кареты со стеклянными окнами, покрытыя до земли алымъ или розовымъ сукномъ; лѣтомъ же онѣ величаются большими каретами. Всего больше онѣ гордятся бѣлыми лошадьми и множествомъ слугъ и невольниковъ, которые идутъ впереди и сзади. Когда мы, бывало, приходили съ подарками къ вдовымъ княги-

---

[1] Въ арабскомъ текстѣ *ржль*, нога. Это архитектурное украшеніе называется „пандантивъ“.

нямъ, мы также видали у дверей ихъ множество невольниковъ и слугъ, привратниковъ и кіайей (управляющихъ).

У богатыхъ вдовъ въ этой странѣ такой обычай, что когда умираетъ мужъ, вдова одѣвается во все черное, даже колпакъ и платки ея чернаго цвѣта; мало того, обивка мебели и подушки, карета и ея покрывало — все изъ чернаго сукна, даже лошади бываютъ черныя. Таковъ ихъ обычай. Вдова остается въ такомъ положеніи всю свою жизнь, не снимая съ себя чернаго платья, развѣ только представится ей случай, и она выйдетъ замужъ. Если она княгиня, то выходитъ только за князя; если же не случится этого, и она выйдетъ замужъ за другого, то лишается титула княгини; впрочемъ, ежели у нея есть дѣти (отъ перваго брака), то не теряетъ этого титула.

Мы удивлялись на обычаи ихъ дѣтей, на то, что они съ малыхъ лѣтъ ѣздятъ верхомъ на маленькихъ лошадкахъ, что у нихъ множество слугъ, такихъ же дѣтей какъ они; на ихъ отличныя познанія, понятливость; на то, какъ они раскланиваются на обѣ стороны съ прохожими, снимая свои колпаки; на то, какъ хорошо они совершаютъ на себѣ крестное знаменіе. Принято, что такія дѣти, какъ они, сыновья князей, ходятъ ежедневно къ царю и садятся на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и отцы ихъ, пока не придутъ въ совершенный возрастъ и не получатъ отцовской степени. Такъ мы видѣли и удостовѣрились въ этомъ послѣ многихъ распросовъ.

[Знай, что мало есть такихъ бѣдняковъ, которые ходятъ по этому городу, прося милостыню, ибо царь распредѣлилъ ихъ между вельможами по извѣстному числу, для полученія ежедневнаго пропитанія по спискамъ; и каждый боярин содержитъ свое число бѣдняковъ. Существуетъ много домовъ для помѣщенія ихъ и ежедневная выдача отъ царя и царицы; равно получаютъ ее и заключенные][1].

Знай, что вельможи царя не считаютъ своихъ владѣній, какъ это принято у насъ, по числу деревень, садовъ и виноградниковъ, ибо въ этой странѣ нѣтъ ни садовъ, ни виноградниковъ; но считаютъ по числу дворовъ, именно, говорятъ: такой-то князь имѣетъ три тысячи мужиковъ[2], т. е. земледѣльцевъ, или десять или двадцать тысячъ. Въ деревняхъ считаютъ только дворы, каждый дворъ за одного мужчину, а сколько душъ въ немъ, то извѣстно Богу. Съ каждаго мужчины берутъ оброка два, три піастра въ годъ и десятую долю овецъ, сви-

[1] Дополнено по англійскому переводу.

[2] Это слово написано въ текстѣ по-русски.

ней, куръ, гусей и т. п. Но крестьяне все равно что рабы, ибо для своихъ господъ засѣваютъ землю, вспахивая ее своими лошадьми, перевозятъ ему хлѣбъ на своихъ арбахъ, куда онъ пожелаетъ, и (идутъ), куда бы онъ ихъ ни позвалъ: для перевозки лѣса, дровъ, камней и для другихъ подобныхъ работъ, для постройки, для службы при ихъ домахъ и для всего, что ему нужно. Когда кто изъ бояръ обѣднѣетъ или умретъ, продаютъ этихъ земледѣльцевъ за деньги тому, кто пожелаетъ ихъ купить. Таково у нихъ установленіе. Угодья монастырскія и церковныя также бываютъ съ крестьянами.

Когда потомство боярина прекратится и не останется ни одного наслѣдника, то все его имущество переходитъ къ царю, ибо царь наслѣдникъ всѣхъ, какъ случилось нынѣ во время моровой язвы: всѣ жилища, коихъ обитатели вымерли, поступили во владѣніе царя со всѣмъ, что въ нихъ было. Большинство богачей передъ смертью завѣщали все свое имущество царю, по великой любви своей къ царямъ, коихъ они чуть не равняютъ со Христомъ. Такъ поступилъ и тотъ значительный купецъ, который раньше далъ царю, предъ отправленіемъ его въ походъ, огромную сумму денегъ: (завѣщалъ ему) свои палаты, съ которыми могутъ сравниться лишь немногія въ этомъ городѣ, и свою церковь, подобной которой нѣтъ даже во дворцѣ царскомъ, какъ мы удостовѣрились въ этомъ своими глазами. Войдешь въ нее—и всѣ огорченія изгнаны изъ сердца. Я, убогій, пишущій эти строки, не имѣю силы описать хотя бы самую малую часть ея красотъ: ея высоту, возвышенность ея пяти куполовъ, коп зритель видитъ со всѣхъ сторонъ, откуда бы ни направилъ на нее взоры, внѣ города или внутри его, множество наружныхъ изображеній на ней, не говоря о внутреннихъ, блескъ обильной позолоты ея оконъ и дверей, ея разнородныя живописныя изображенія и иконы, (представляющія событія) отъ начала творенія до сего времени; превосходный цвѣтъ ея мраморнаго пола, вывезеннаго строителемъ изъ страны нѣмцевъ; оба клироса, единственные въ своемъ родѣ, красоту и изящество которыхъ не въ силахъ постичь ни одинъ умъ — да и какъ можетъ быть иначе, когда и ихъ онъ также вывезъ изъ нѣмецкой земли?—множество ея паникадилъ изъ желтой золоченой мѣди. Это не одна церковь, а двѣ: большая — лѣтняя, съ мраморнымъ поломъ, и малая — зимняя, полъ которой, чтобы не было холодно ногамъ молящихся, сдѣланъ изъ деревянныхъ квадратовъ, которые выпилены изъ стволовъ огромныхъ деревьевъ и ничѣмъ не отличаются отъ каменныхъ плитъ. Что касается ея галлереи съ плитнымъ поломъ и колокольни, то красота и обширный видъ съ нихъ неописуемы.

И какъ не быть (этой церкви столь прекрасной), если онъ, какъ говорятъ, потратилъ на ея сооруженіе болѣе пятидесяти тысячъ динаровъ (рублей)? Да помилуетъ его Богъ и да избавитъ отъ мученій адскаго огня за тѣ добрыя дѣла, кои онъ оставилъ міру! [1] [Намъ говорили, что онъ платилъ ежегодно въ царскую казну сто тысячъ динаровъ пошлины съ товаровъ, вывозимыхъ имъ изъ Европы, Персіи и Сибири. Въ такое время, когда соболя были очень дороги, въ его складахъ находилось, обыкновенно, болѣе тысячи сороковъ самой высокой цѣны].

Глава VIII.

Москва.—Царская милостыня патріарху Макарію и его спутникамъ. Пріѣзжіе греки и ихъ хитрости.

Возвращаемся. Спустя нѣсколько времени послѣ нашего представленія царю, онъ прислалъ, по обычаю, нашему владыкѣ патріарху подарки, назначенные по росписямъ: три сорока соболей высшаго и низшаго достоинства, большой серебряный кубокъ, бархата фіолетоваго, бархата синяго и еще узорчатаго, два куска фіолстоваго атласа и такой же камки и двѣсти рублей. Это доставилъ главный переводчикъ со своими подчиненными. Архимандриту было дано: сорокъ соболей, камка и пятнадцать рублей; архидіакону вмѣстѣ съ дикеосомъ [2], второму діакону, онъ же казначей, и келарю, каждому по сороку куницъ, камки и десять рублей; родственникамъ по сороку куницъ только; драгоману четыре аршина простого сукна и два рубля; каждому служителю по двѣ пары соболей, стоимостью болѣе четырехъ рублей. Но царь выказалъ чрезвычайную щедрость къ нашему учителю относительно стола, ибо его содержаніе, бывшее прежде двадцать пять копѣекъ, опредѣлилъ во сто, т. е. въ рубль, тогда какъ іерусалимскій патріархъ получалъ только пятнадцать копѣекъ. Архимандритамъ, нашимъ спутникамъ, было дано каждому, какъ φίλημα χέρι (цѣлованіе руки), по сороку соболей въ двадцать рублей цѣною и по двѣнадцати рублей деньгами, а подъ конецъ была дана имъ царская милостыня для ихъ монастырей: по сороку соболей, цѣною въ сорокъ или пятьдесятъ рублей, смотря по важности монастыря. Если они имѣли съ собою χρυσόβουλλον, т. е. (грамоту) съ золотой печатью отъ царя или его предковъ, такого содержанія, что кто является съ нею въ Путивль чрезъ каждые три или

[1] Жаль, что Павелъ Алеппскій не упоминаетъ ни имени купца, ни названія церкви, построенной имъ.

[2] Онъ же именуется у Павла протосингеломъ (См. кн. V, гл. 10).

шесть лѣтъ, того воевода долженъ пустить къ царю безъ (особаго) разрѣшенія, то, по прибытіи его и по допущеніи къ рукѣ царя, послѣдній даетъ ему милостыню для его монастыря, назначенную въ хрисовуллѣ. [Многіе монастыри, пользующіеся прочною славой, весьма любимы русскими; таковъ монастырь горы Синайской, имѣющій хрисовуллъ], который монахи привозятъ въ концѣ каждаго трехлѣтія и получаютъ свою милостыню. Такія же грамоты имѣютъ большинство аѳонскихъ монастырей и нѣкоторые другіе, а также (храмъ) св. Воскресенія, и чрезъ каждые три года іерусалимскій патріархъ присылаетъ за полученіемъ своей милостыни архимандрита, діакона и келаря. Точно также александрійскій патріархъ, разъ въ нѣсколько лѣтъ, присылаетъ архимандрита съ извѣстнымъ числомъ лицъ за полученіемъ для себя милостыни. Равнымъ образомъ, всякій разъ какъ въ Константинополѣ ставится новый патріархъ, онъ посылаетъ къ нимъ одного изъ митрополитовъ, экзарха или архимандрита. По этой причинѣ тѣ хорошо имъ извѣстны, но не патріархи антіохійскіе, отъ которыхъ въ теченіе столь долгаго времени, около ста лѣтъ, никто не являлся, вслѣдствіе чего память о нихъ изгладилась у московитовъ. Другіе патріархи, отъ времени до времени, посылаютъ за милостыней, а антіохійскій не посылалъ, ибо кто не ищетъ, не находитъ, какъ сказано въ св. Евангеліи, и потому они смотрѣли на насъ, какъ на диво.

Возвращаемся. Обычная милостыня келарю архимандрита сорокъ куницъ, стоимостью въ десять рублей, и пять рублей деньгами [1]. Что касается бѣлыхъ священниковъ изъ иностранцевъ, прибывшихъ изъ далекихъ странъ просить царскую милостыню, то имъ дали, какъ φίλημα χέρι, одинаково съ келаремъ, по сороку куницъ и по пяти рублей, а подъ конецъ дали, какъ милостыню, по сороку соболей, стоимостью въ тридцать, сорокъ рублей. Вотъ что достается на ихъ долю въ началѣ (по пріѣздѣ) и въ концѣ (при отъѣздѣ), какъ мы видѣли это собственными глазами, ибо у московитовъ все это записывается въ книги съ давнихъ временъ, и они не дѣлаютъ никакихъ измѣненій, убавляютъ, но не прибавляютъ [2]. Всякій разъ, по пріѣздѣ къ нимъ патріарха, митрополита, архимандрита, священниковъ или бѣдняковъ, они записываютъ, что имъ дано, и отмѣчаютъ дату; когда пріѣзжаютъ потомъ другіе, они смотрятъ на прежнюю запись и поступаютъ по ней. Такъ и ученикамъ антіохійскаго патріарха дали столько

---

[1] Въ текстѣ: „копѣйками“.

[2] Такъ въ нашихъ рукописяхъ. Въ англійскомъ переводѣ: „не убавляютъ и не прибавляютъ“, что логичнѣе.

же, сколько ученикамъ іерусалимскаго. Бѣднякамъ, которые пріѣхали съ нами и съ другими и имѣли при себѣ πανταχοῦ, т. е. окружной *статиконъ*, адресованный царю отъ патріарха константинопольскаго или іерусалимскаго, въ удостовѣреніе, что на нихъ тысячи динаровъ долгу изъ-за вѣры и что они достойные люди, давали каждому по двадцати или двадцати пяти рублей, не больше. Вотъ что мы видѣли и въ чемъ удостовѣрились, и Богъ свидѣтель, что мы говоримъ правду.

Послѣ распросовъ и разысканій мы нашли, что большинство пріѣзжающихъ за милостыней въ Москву архимандритовъ и свѣтскихъ лицъ, не разсчитывая только на милостыню, привозятъ съ собою деньги для закупки товаровъ: соболей, бѣлокъ, горностаевъ и проч., которые могутъ принести имъ большой барышъ въ турецкой странѣ. Въ этихъ видахъ большинство ихъ и пріѣзжаетъ, ибо, со времени въѣзда въ Путивль до возвращенія и выѣзда своего оттуда, они ровно ничего не тратятъ: если у нихъ есть съ собой товаръ, то не платятъ ни пошлины, ни за провозъ на лошадяхъ и не дѣлаютъ расходовъ на ѣду и питье, такъ какъ получаютъ ежемѣсячно содержаніе, каждый по своему положенію; очень бѣдные по четыре копѣйки въ день и пива для питья. Поэтому они выгадываютъ большую пользу, если имѣютъ съ собою товары или много денегъ; иначе, если бы кто полагался на милостыню, которую онъ разсчитываетъ получить, то это дѣло далекое: Богу извѣстно, что иные не покрываютъ и своихъ тратъ. Что касается архіереевъ, то если архіерей—митрополитъ большой, извѣстной каѳедры, едва-ли получитъ отъ царя въ началѣ и въ концѣ и отъ вельможъ около двухсотъ, трехсотъ рублей, можетъ быть, менѣе, но не больше. Это мы видѣли и слышали отъ нѣсколькихъ митрополитовъ.

Да будетъ тебѣ извѣстно, братъ, что все, что я написалъ и начерталъ, есть истина и правда, безъ лжи, и Богъ свидѣтель моимъ словамъ. Я изощрилъ свою мысль и просвѣтлилъ свой умъ, такъ что написалъ и начерталъ все, что видѣлъ самъ и что услышалъ отъ правдивыхъ людей на свои многочисленные вопросы. Я имѣлъ при этомъ цѣлью, если Богъ смилуется надо мною, и я возвращусь въ свой городъ, не быть вынужденнымъ отклонить хотя бы одинъ вопросъ изъ предложенныхъ мнѣ кѣмъ-либо, но чтобы все было начертано въ этомъ моемъ сборникѣ, ибо я не оставилъ ни одного факта, не записавъ его.

Глава IX.

Москва.—Торжество въ недѣлю мясопустную.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ воскресенье передъ мясопустомъ имѣютъ обыкновеніе совершать большое торжество; по-гречески его называютъ δευτέρα Παρουσία, то есть подобіе дня Второго Страшнаго Пришествія. Итакъ, они зазвонили въ колокола съ ранняго утра и спустя три часа ударили въ большой колоколъ. Царь прислалъ пригласить нашего владыку патріарха, и онъ отправился въ саняхъ въ соборъ, то-есть въ великую церковь; слово „соборъ“ на ихъ языкѣ значитъ: каѳолическая. Всѣ мы облачились; облачились также оба патріарха вмѣстѣ съ архіепископомъ сербскимъ, архимандриты, которые надѣли митры, всѣ священники и многочисленные дьяконы, коихъ три чина: анагносты (чтецы), иподьяконы и полные (дьяконы); каждаго чина десять человѣкъ и каждый чинъ имѣетъ своего начальника. Анагносты—дѣти, иподьяконы—съ усами, а нѣкоторые съ бородами, ибо всякій анагностъ, выросши, возводится въ иподьякона. Всѣ они носятъ стихари безъ орарей и каждому назначена какая-либо служба: одинъ держитъ всегда посохъ позади патріарха, потому что патріархъ здѣсь совсѣмъ не имѣетъ обыкновенія держать посохъ въ рукѣ [1]; другой держитъ тазъ, иной—кувшинъ, иной—полотенце, другіе подкладываютъ орлецы, кои кладутъ подъ ноги патріархамъ, гдѣ бы они ни стояли, иные держатъ большое серебряное блюдо, на которое кладутъ митру патріарха, когда онъ ее снимаетъ, и они держатъ ее, пока онъ ее опять не надѣнетъ; другіе анагносты назначены держать свѣчи, иные—читать Апостолъ и канонаршить. Соборный протодіаконъ всегда поддерживаетъ патріарха слѣва, а архидіаконъ справа; всѣ (дьяконы) окружаютъ его. Когда кончилось облаченіе, священники и дьяконы съ хоругвями, крестами и иконами и съ большою, великолѣпною иконой Страшнаго Суда вышли крестнымъ ходомъ, и мы съ ними, чрезъ южныя двери церкви за алтарь на большую площадку, которую стрѣльцы усыпали желтымъ пескомъ. Московскій патріархъ взошелъ и сталъ вмѣстѣ со своими дьяконами на высокомъ помостѣ, на которомъ было поставлено кресло, лицомъ къ востоку и трижды благословилъ народъ. Еще раньше, послѣ того какъ патріархи облачи-

[1] На Востокѣ патріархъ держитъ посохъ обыкновенно и тогда, когда стоитъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ или на архіерейскомъ среди церкви и когда кадитъ.

лись, пришелъ въ соборъ царь. Пѣвчіе пѣли ему многолѣтіе, пока онъ не приложился къ иконамъ. Онъ былъ съ непокрытою головой; корону и посохъ его несъ одинъ изъ вельможъ, за нимъ слѣдовавшій. Затѣмъ онъ подошелъ къ патріархамъ и поклонился имъ, а они его благословили и окропили святою водой его и корону. Когда онъ поцѣловалъ у нихъ руку, они поцѣловали его, по обычаю, въ голову. Послѣ того какъ патріархъ сталъ на своемъ помостѣ внѣ церкви, царь также сталъ на большомъ тронѣ близъ него, и какъ патріаршій помостъ былъ устланъ коврами донизу спереди, такъ и царскій тронъ былъ покрытъ соболями вдвое. Бояре стали рядами справа отъ царя, а прочіе присутствующіе размѣстились большимъ кругомъ. Нашъ учитель сталъ направо отъ царя на коврѣ, имѣя позади кресло съ подушкой; сербскій архіепископъ напротивъ него, съ другой стороны. Архіереи подходили попарно, дѣлали дважды поклонъ головой царю и такимъ же образомъ патріарху и, пройдя, занимали свои мѣста. То же сдѣлали настоятели монастырей и всѣ священники и размѣстились по обѣ стороны, имѣя иконы, хоругви и кресты впереди. Передъ этимъ, екклесіархъ со своими подручными поставилъ среди круга, прежде всего, три столика: на одномъ изъ нихъ положили Евангеліе, на другомъ — икону Влахернской Божіей Матери, на третьемъ поставили серебряные водосвятные сосуды; изъ нихъ главный — большой сосудъ въ видѣ восьмигранной чаши съ высокимъ подножіемъ и по своей величинѣ похожій на крестильную купель, такъ какъ двое съ трудомъ могли нести его за кольца. Вокругъ него поставили чаши, ведерки узкогорлыя и прямыя и сосуды, похожіе на мѣрки, какъ бы деревянные, но изъ серебра; былъ также сосудъ для воды, на подобіе большого подойника, который едва могутъ поднять четверо мужчинъ. Передъ ними поставили въ рядъ большіе, серебряные, вызолоченные подсвѣчники. Между тѣмъ гремѣлъ звонъ въ большіе колокола, пока архидіаконъ, сойдя, взявъ кадильницу и поклонившись патріарху, не возгласилъ, обращаясь къ востоку: „благослови, владыко!“ на что патріархъ сказалъ: „благословенъ“... Пѣвчіе начали пѣть канонъ водоосвященія, причемъ одинъ изъ анагностовъ канонаршилъ [1]. Передъ чтеніемъ Апостола выступилъ впередъ также одинъ изъ анагностовъ и прочелъ три пареміи, относящіяся ко Второму Пришествію. При этомъ царь и патріархъ сидѣли, пока онъ не кончилъ. Вышелъ другой анагностъ для чтенія Апостола, сказалъ сначала прокименъ его гласомъ, обращаясь къ пѣвчимъ,

[1] Отсюда до новой строки пропускъ въ англійскомъ переводѣ.

кои пропѣли его на обоихъ клиросахъ, какъ это всегда у нихъ принято при каждомъ Апостолѣ; затѣмъ прочелъ Апостолъ громкимъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, по ихъ обычаю. Потомъ сошелъ архидіаконъ и кадилъ вокругъ Евангелія, на всѣ иконы, кругомъ водосвятнаго столика, обоимъ патріархамъ, царю и прочимъ присутствующимъ. Тогда дьяконы, взявъ Евангеліе, открыли его передъ патріархомъ; архидіаконъ же сталъ передъ другимъ Евангеліемъ, лежавшимъ на аналоѣ. Патріархъ отверзъ уста и возгласилъ громкимъ голосомъ, каждое слово раздѣльно: „премудрость, прости! услышимъ святаго Евангелія". Когда онъ сказалъ это, съ него сняли митру и передали другимъ дьяконамъ, которые положили ее на серебряное блюдо. Въ отвѣтъ патріарху, то-же повторилъ архидіаконъ. Патріархъ началъ первый стихъ Евангелія, которое есть сегодняшнее евангеліе о Страшномъ Судѣ изъ благовѣстія евангелиста Матѳія, (и читалъ) стихъ за стихомъ протяжно и нараспѣвъ, въ особенности передъ точкой, пока не кончили Евангелія, прочтя одиннадцать стиховъ. Остановка дѣлалась не больше какъ черезъ семь, восемь словъ, съ чрезвычайнымъ растягиваніемъ и нараспѣвъ. Патріарху отвѣчалъ архидіаконъ, повторяя стихъ за стихомъ очень протяжно до конца. На патріарха надѣли митру; онъ сошелъ и, подойдя къ царю, далъ ему поцѣловать Евангеліе и опять поднялся на свое мѣсто. Затѣмъ, взявъ крестъ, поднялъ его прямо и благословилъ имъ народъ на всѣ четыре стороны, держа его обѣими руками и осѣняя имъ трижды. Архидіаконъ, взявши въ руки кадильницу, кадилъ патріарху трижды при каждомъ благословеніи, говоря: „Господу помолимся" и „Рцемъ". Патріархъ благословлялъ на востокъ, западъ, югъ и сѣверъ, и анагностъ, державшій посохъ, оборачивался съ нимъ позади патріарха въ туже сторону, куда обращался тотъ. Послѣ ектеніи архидіакона патріархъ прочелъ длинную молитву на освященіе воды и слова: „и сохрани, Боже, раба Твоего, христолюбиваго царя Алексія" повторилъ трижды, при чемъ оборачивался (въ сторону царя) и благословлялъ его, затѣмъ помянулъ сына его, царицу, сестеръ царя и трехъ дочерей его, называя ихъ по имени и по отчеству: Алексѣевны; поминалъ всѣхъ православныхъ архіереевъ и закончилъ молитву. Послѣ возгласа, патріархъ, взявъ крестъ съ блюда, рукояткой его трижды провелъ надъ водой крестообразно и затѣмъ трижды погрузилъ его, поя: „Спаси, Господи, люди Твоя" и т. д; при словахъ: „побѣды царямъ нашимъ на сопротивныя даруя", онъ называлъ царя Алексія. Архидіаконъ держалъ въ рукѣ серебряный сосудъ и собиралъ въ него воду, стекавшую съ креста. Затѣмъ патріархъ, взявъ маленькую чашу,

зачерпнулъ ею три раза изъ большого сосуда и наливалъ въ серебряный сосудъ, въ который собирали воду съ креста; взявъ губку, погрузилъ ее въ эту воду и пошелъ съ нею сначала къ Влахернской иконѣ, вытеръ ея ликъ и ризу, то-есть омылъ ее этою водой; такимъ-же образомъ онъ обошелъ прочія иконы и икону Второго Пришествія. При каждомъ разѣ онъ выжималъ воду изъ губки въ тотъ-же сосудъ и вновь погружалъ губку, потомъ, возвратившись, вылилъ ту воду въ большой сосудъ, взялъ чашу и перемѣшалъ ею ту воду сверху до-низу [1]: они, именно, считаютъ (это необходимымъ), для того, чтобы вся вода освятилась— таково ихъ убѣжденіе. Такъ поступаютъ всегда и священники. Потомъ онъ опять налилъ воды въ тотъ сосудъ, передалъ его архидіакону и брызнулъ ею кропиломъ на всѣ четыре стороны. Это кропило замѣняетъ собою пучокъ базилика, называемаго греками *василико*, котораго нѣтъ у нихъ: не растетъ совсѣмъ; мы видѣли его въ Путивлѣ, но внутри страны онъ не встрѣчается; поэтому кропило дѣлается изъ длинной свиной щетины, а рукоятка изъ хрусталя, съ позолотой и драгоцѣнными каменьями. Послѣ того какъ нашъ учитель приложился ко кресту и окропилъ патріарха Никона, а этотъ его, оба они подошли къ царю, который, сойдя съ трона, приблизился къ нимъ, помолился и приложился ко кресту. Они благословили его, по обыкновенію, и окропили, не касаясь, его и корону. Потомъ подходили его вельможи и настоятели монастырей, и патріархъ окроплялъ ихъ. Въ рукѣ у патріарха Никона былъ крестъ, а у нашего учителя кропило, и одинъ изъ дьяконовъ держалъ подлѣ него сосудъ со святою водой. Всѣ подходили къ патріарху Никону, который благословлялъ ихъ крестомъ на чело и ланиты, прикладывались къ рукояткѣ креста и правой рукѣ патріарха и подходили къ нашему учителю, который кропилъ ихъ водой—и такъ до послѣдняго. Закончили службу. Мы возвратились въ соборъ, въ предшествіи хоругвей, крестовъ и иконъ. Когда мы вошли въ храмъ, къ патріарху подвели монаха, для посвященія во діакона, а онъ послалъ его къ нашему учителю, чтобы онъ его рукоположилъ, дабы видѣть, каковы наши обряды, и нашъ учитель рукоположилъ его.

Послѣ явленія Даровъ, благословенія патріарховъ и окажденія престола, патріархъ Никонъ вышелъ изъ алтаря и сталъ на

---

[1] Дѣло происходило, повидимому, такъ: Никонъ, зачерпнувъ маленькою чашей воды и высоко подпявъ ее, выливалъ воду въ большой сосудъ; въ силу тяжести она стремилась на дно и такимъ образомъ вся вода перемѣшивалась.

амвонѣ, окруженный всѣми своими дьяконами, которые его поддерживали. Нашъ учитель сталъ слѣва внизу, на орлецѣ, ибо, какъ мы упомянули, къ нему былъ приставленъ одинъ изъ дьяконовъ, который клалъ орлецъ ему подъ ноги, гдѣ-бы онъ ни стоялъ. Прочіе служащіе размѣстились опять по обѣ стороны. Царь стоялъ впереди патріаршаго мѣста съ непокрытою головой, держа правую руку за пазухой, по причинѣ бывшаго въ тотъ день сильнаго холода. Смотри, братъ, что случилось теперь! мы увидѣли нѣчто, поразившее изумленіемъ нашъ умъ и пониманіе. Не достаточно было того, что (служба) затянулась до вечера—дьяконы принесли еще патріарху книгу поученій и раскрыли передъ нимъ. Онъ началъ читать поученіе на этотъ день, относящееся ко Второму Пришествію, и не только читалъ поученіе, но говорилъ наставленія и толковалъ значеніе словъ его, такъ что у насъ душа разрывалась, пока, по милости Божіей, онъ не кончилъ. Всѣ стояли въ молчаніи. Затѣмъ довершили службу. Войдя въ алтарь, владыки сняли облаченія, надѣли мантіи и, выйдя, благословили царя и поздравили его со днемъ мясопуста. Онъ ушелъ. Приложившись къ мощамъ святыхъ, находящихся въ этой церкви, и къ иконѣ Богородицы, писанной евангелистомъ Лукой, мы вышли. Нашъ учитель сѣлъ въ сани, и мы пріѣхали въ свой монастырь вечеромъ. Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ ударили къ вечернѣ.

Что скажешь объ этихъ порядкахъ, отъ которыхъ посѣдѣли-бы младенцы, о царѣ, патріархѣ, вельможахъ, царевнахъ и знатныхъ госпожахъ, кои стоятъ на ногахъ въ этотъ день мясопуста съ утра до вечера? Кто повѣритъ этому? Они превзошли подвижниковъ въ пустыняхъ. Но Творецъ свидѣтель, что я говорю правду.

Глава X.

Москва.—Служеніе патріарховъ въ дворцовой церкви. Царская трапеза. Патріархъ Никонъ и перенесеніе имъ мощей св. Филиппа митрополита.

Во вторникъ сырной недѣли, который былъ 20 февраля, царь прислалъ за нашимъ владыкой патріархомъ сани съ приглашеніемъ служить у него въ одной изъ дворцовыхъ церквей, именно, въ верхней, во имя Рождества Богородицы и св. Екатерины, по случаю празднованія дня рожденія его старшей дочери, по имени Евдокіи, которая родилась 1 марта, когда бываетъ память св. Евдокіи; но какъ этотъ день приходился на первой недѣлѣ великаго поста, то царь совершилъ его празднованіе сегодня, по принятому у нихъ каждогодно обыкновенію. Мы прибыли,

поднялись въ церковь и служили въ ней вмѣстѣ съ патріархомъ московскимъ и архіепископомъ сербскимъ, въ присутствіи царя, нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ, а также царицы и сестеръ царя, которыя стояли въ нарѳексѣ; дверь (нарѳекса?) заперли за ними, чтобы никто не входилъ, и онѣ смотрѣли на насъ изъ-за рѣшетокъ и маленькихъ оконъ. Эта церковь очень мала, древней постройки, но ея куполы позолочены. По предложенію московскаго патріарха, нашъ учитель рукоположилъ священника и дьякона. Такъ какъ эта церковь предназначена собственно для царя въ зимнее время, смотри, что онъ сдѣлалъ. Сойдя съ своего мѣста, онъ обходилъ церковь и зажигалъ предъ иконами свѣчи, какъ кандиловозжигатель. Это повергло насъ въ изумленіе и разсѣянность. Послѣ великаго выхода царь подошелъ къ патріархамъ, и они благословили его крестомъ, по обычаю. Затѣмъ они пошли къ царицѣ и къ бывшимъ съ нею и также благословили ихъ. Послѣ литургіи также роздали имъ антидоръ.

По выходѣ нашемъ изъ церкви, царь повелъ троихъ владыкъ въ теремъ царицы, чтобы они благословили ее, его дочерей, сестеръ и благополучнаго сына. Когда они вышли отъ нея, мы пошли съ ними на короткое время въ патріаршія келліи. Царь прислалъ владыкамъ приглашеніе къ трапезѣ, которая была устроена въ той же палатѣ, гдѣ и въ первый разъ. Происходило то же, что и въ тотъ день, касательно раздачи сначала хлѣба, потомъ кубковъ вина и меда всѣмъ присутствующимъ, затѣмъ блюдъ съ яствами, которыя гости отсылали домой. При этомъ царь никого не забывалъ. Подъ конецъ встали, и патріархъ роздалъ первую круговую чашу за здоровье царя, вторую—за здоровье царицы и дочери его, третью—роздалъ царь собственноручно за здоровье патріарха (московскаго) и четвертую—за здоровье патріарха антіохійскаго. Затѣмъ встали, воздвигли, по обычаю, Панагію и прочли молитву надъ трапезой. Простились съ царемъ, и мы вернулись въ свой монастырь.

На другой день царь съ своими боярами отправился на богомолье въ знаменитый монастырь св. Троицы, какъ говорятъ, для того, чтобы заговѣться у монаховъ. Обрати вниманіе на эту набожность и добродѣтель, которыя мы видѣли при семъ случаѣ съ его стороны!

Въ четвергъ сырной недѣли, рано поутру, патріархъ пригласилъ нашего учителя вмѣстѣ съ сербскимъ служить обѣдню въ соборной церкви, въ воспоминаніе усопшихъ митрополитовъ и патріарховъ московскихъ. По обычаю, ежегодно послѣ литургіи и поминовенія наканунѣ и въ этотъ день бываетъ отъ патріарха

большое угощеніе въ его палатѣ для настоятелей монастырей, семи соборныхъ священниковъ и дьяконовъ и всѣхъ, находящихся въ городѣ архіереевъ, игуменовъ монастырей и греческихъ чужестранныхъ монаховъ. Мы поѣхали въ соборъ въ царскихъ саняхъ. Когда вошелъ патріархъ московскій, помолился, преподалъ благословеніе и поздоровался съ нашимъ учителемъ, оба они вмѣстѣ пошли прикладываться ко всѣмъ иконамъ, въ этой церкви находящимся, а также къ мощамъ св. Филиппа, митрополита московскаго и чудотворца, претерпѣвшаго мученическую кончину. Теперешній патріархъ, въ бытность свою митрополитомъ надъ Новгородомъ, привезъ, по порученію царя, его (мощи) изъ монастыря свв. Савватія и Зосимы, извѣстнаго подъ именемъ *Солофоска* (Соловецкій),—а греки называютъ его *Соловка*. Онъ находится на островѣ, среди моря-океана, называемаго моремъ мрака, ибо въ этомъ монастырѣ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ день и ночь между собою одинаковы, то-есть бываетъ свѣтъ безъ тьмы, и ночь отличается отъ дня только по темнотѣ, которая продолжается меньше часа; въ зимнее же время бываетъ непрерывный мракъ, и монахи живутъ лишь при свѣтильникахъ ночью и днемъ, какъ своими устами разсказывалъ намъ патріархъ и многіе другіе. Монастырь отстоитъ отъ Москвы болѣе чѣмъ на двѣ тысячи верстъ, и зимой, во время морозовъ, ѣзды до него два мѣсяца, а лѣтомъ—полгода. Въ этотъ монастырь заточаютъ провинившихся священниковъ и греческихъ монаховъ, и нѣкоторые изъ нихъ разсказывали намъ о тамошней жизни.

Патріархъ Никонъ сначала былъ бѣлымъ священникомъ, оставилъ жену и пошелъ въ монахи, затѣмъ нѣкоторое время былъ игуменомъ, то-есть настоятелемъ монастыря. Потомъ царь сдѣлалъ его архимандритомъ монастыря Спаса, то-есть Σωτηρ по-гречески, а по нашему Спасителя. Монастырь этотъ въ честь божественнаго Преображенія, а выстроилъ его отецъ нынѣшняго царя, въ свое царствованіе, за городскою стѣной. Въ характерѣ Никона любовь къ грекамъ и ихъ обрядамъ. Онъ пробылъ здѣсь три года, послѣ чего царь назначилъ его митрополитомъ города Новгорода. Митрополитъ его—первый изъ митрополитовъ Московіи, ибо именно въ этотъ городъ приходилъ апостолъ Андрей и здѣсь проповѣдовалъ, и этотъ городъ первымъ въ здѣшней странѣ послѣ Кіева принялъ вѣру христіанскую. Поэтому онъ былъ удостоенъ степенью митрополіи. Впослѣдствіи мы сообщимъ свѣдѣнія объ этомъ городѣ, ибо, по волѣ Божіей, мы потомъ ѣздили туда. Затѣмъ царь послалъ Никона привезти мощи святого Филиппа, знаменитаго митрополита мо-

сковскаго. Причиной было то, что этотъ святой со времени, какъ пострадалъ и былъ погребенъ въ томъ монастырѣ, не явившій ни одного чуда, въ настоящее время сталъ творить много чудесъ. Поэтому послали привезти его мощи сюда, во исполненіе того, что онъ, многократно являясь во снѣ царю, говорилъ: „довольно мнѣ столько времени быть въ отдаленіи отъ мѣста погребенія моихъ собратьевъ-митрополитовъ; пошли привезти мое тѣло и положи меня вмѣстѣ съ ними“. Царь послалъ съ митрополитомъ многихъ вельможъ. Мощи были привезены, при чемъ, со времени отправленія посланныхъ до ихъ возвращенія съ мощами, прошло цѣлыхъ два года. Еще раньше чѣмъ ихъ привезли, случилась кончина патріарха Іосифа, и всѣ согласились на томъ, чтобы сдѣлать патріархомъ Никона. Онъ долго отказывался, пока не было постановлено, что царь отнюдь не будетъ заниматься дѣлами церкви и духовенства, ибо предшествовавшіе цари этимъ занимались. Когда состоялось соглашеніе касательно этого, Никонъ издалъ царскій указъ о томъ, что слово его будетъ рѣшающее и что никто не вправѣ ему противиться. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ немедленно сослалъ въ заточеніе въ Сибирь трехъ протопоповъ съ ихъ женами и дѣтьми, изъ коихъ одинъ былъ царскимъ протопопомъ. Послѣдній занималъ такое положеніе, что могъ наказывать, заключать въ тюрьму и налагать оковы на священниковъ безъ дозволенія прежнихъ патріарховъ. Когда это произошло, водворился миръ и всѣ стали бояться Никона. Онъ до сихъ поръ великій тиранъ по отношенію къ архіереямъ, архимандритамъ и всему священническому чину, даже къ государственнымъ сановникамъ. Онъ ни за кого не принимаетъ ходатайства. Онъ-то заточилъ епископа Коломны и рукоположилъ туда впослѣдствіи другого. Прослышавъ о чьемъ-нибудь проступкѣ, даже объ опьяненіи, онъ немедленно того заточаетъ, ибо его стрѣльцы постоянно рыщутъ по городу и какъ только увидятъ священника или монаха пьянымъ, сажаютъ его въ тюрьму, подвергая всяческому униженію. Оттого намъ приходилось видать тюрьмы, переполненныя такими людьми, кои находятся въ самомъ скверномъ положеніи, будучи окованы тяжелыми цѣпями по шеѣ и съ большими колодками на ногахъ. Бояре прежде входили къ патріарху безъ доклада привратниковъ; онъ выходилъ имъ навстрѣчу и при уходѣ шелъ ихъ провожать. Теперь же, какъ мы видѣли собственными глазами, министры царя и его приближенные сидятъ долгое время у наружныхъ дверей, пока Никонъ не дозволитъ имъ войти; они входятъ съ чрезвычайною робостью и страхомъ, причемъ, до самаго окончанія своего дѣла, стоятъ на ногахъ, а

когда затѣмъ уходятъ, Никонъ продолжаетъ сидѣть. Любовь царя и царицы къ нему неописуема. Вотъ свѣдѣнія объ этомъ патріархѣ, которыя было кстати теперь сообщить; потомъ въ своемъ мѣстѣ мы разскажемъ о немъ и объ его исторіи подробно и по порядку.

Возвращаемся. Когда привезли мощи св. Филиппа, царь, патріархъ и государственные сановники вмѣстѣ съ архіереями, всѣми настоятелями монастырей и священниками и со всѣми жителями города вышли для встрѣчи ихъ въ облаченіяхъ, со свѣчами, хоругвями и иконами. Какъ намъ всѣ разсказывали, святой сотворилъ много чудесъ, открывая очи слѣпымъ, воздвигая калѣкъ и разслабленныхъ и исцѣляя помѣшанныхъ, пока не внесли его въ соборную церковь, гдѣ и положили съ великою честью и уваженіемъ въ ракѣ изъ серебра и золота близъ дверей пятаго южнаго алтаря. Онъ до сихъ поръ продолжаетъ творить много чудесъ. По этой причинѣ установили празднованіе его памяти вмѣстѣ съ ихъ новыми святыми: праздникъ, акаѳисты и пр. Всѣ пріобрѣтаютъ его иконы, и живописцы днемъ и ночью заняты писаніемъ дорогихъ иконъ его, а золотыхъ дѣлъ мастера изготовленіемъ чеканнаго серебра и золота для окладовъ на нихъ. Во имя его тратятъ цѣлыя сокровища. Женщины имѣютъ къ нему великую вѣру: мы видали, какъ онѣ ходили по иконному ряду и, купивъ его икону, приходили въ рядъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, чтобы обложить ее серебромъ. Самая дешевая икона обходится въ десять динаровъ (рублей). Вельможи и ихъ жены украшаютъ ее золотомъ и драгоцѣнными каменьями.

Глава XI.

Москва.—Заупокойное служеніе въ Успенскомъ соборѣ.

Возвращаемся. Оба патріарха вернулись и приложились къ мѣстнымъ иконамъ, что у дверей сѣвернаго алтаря, затѣмъ вошли въ алтарь, гдѣ жертвенникъ, и приложились къ мощамъ св. Петра, перваго митрополита московскаго, коего позолоченная рака вложена въ стѣну между обоими алтарями. Этотъ именно святой прибылъ изъ города Кіева, послѣ того какъ русскіе приняли вѣру христіанскую чрезъ царя Василія Македонянина, по славшаго туда свою сестру. На ней женился Владиміръ, царь кіевскій, послѣ того какъ она окрестила въ рѣкѣ Днѣпрѣ его, всѣхъ приближенныхъ его и всю страну рукой этого святого Петра, который потомъ прибылъ въ Москву и совершилъ множество чудесъ, пока московиты не сдѣлались христіанами. Приложившись къ нему, патріархи пошли въ сѣверный уголъ церкви и прикла-

дывались къ мощамъ св. Іоны, который былъ третьимъ митрополитомъ послѣ Петра, (ибо вторымъ былъ) св. Алексій, коего мощи находятся въ Чудовѣ монастырѣ. Потомъ они прикладывались ко всѣмъ иконамъ, кои находятся вокругъ четырехъ колоннъ церкви, затѣмъ пошли въ западный уголъ церкви, гдѣ есть красивое помѣщеніе съ высокимъ куполомъ. Оно изъ желтой мѣди въ прорѣзь, а снутри его каменный хрусталь [1]. Въ немъ хранится хитонъ Господа Христа, присланный царю Михаилу, отцу нынѣшняго царя, кизилбашемъ, шахомъ Аббасомъ, который завладѣлъ имъ въ Грузіи. Для него устроили это чудесное, приличествующее ему помѣщеніе Внутренность его имѣетъ подобіе гроба Господа Христа; на немъ стоитъ пзящный ковчегъ изъ позолоченнаго серебра, внутри коего другой ковчегъ пзъ золота съ драгоцѣнными каменьями, а въ немъ упомянутый хитонъ, который мы видѣли впослѣдствіи въ день великой пятницы. Здѣсь ночью и днемъ горятъ лампады со свѣчами. Дверь этого помѣщенія изъ желтой мѣди также со сквознымъ узоромъ. Когда патріархи подошли къ этой двери, чередной (священникъ) вынулъ для нихъ упомянутый ковчегъ. Поклонившись ему и приложившись, они пошли въ алтарь, и мы съ ними: всѣ дьяконы облачаются до прихода патріарховъ, дабы, когда тѣ входятъ, поддерживать ихъ подъ руки и обходить съ ними (храмъ). Затѣмъ они помолились предъ престоломъ и приложились къ Евангелію и кресту, по ихъ обыкновенію. Патріархъ взялъ крестъ въ правую руку, и тогда начали подходить архіереи и архимандриты безъ клобуковъ вмѣстѣ со священниками и прочими дьяконами, кланялись земно и лобызали крестъ и правую руку патріарха, до послѣдняго,—таковъ ихъ обычай взамѣнъ кирона, который бываетъ у насъ и у грековъ внѣ (алтаря [2]). Затѣмъ патріархи вошли въ алтарь, гдѣ жертвенникъ, помолились и приложились къ чашѣ и дискосу, по ихъ обычаю; потомъ подходили тѣ и кланялись патріарху, который ихъ благословлялъ до послѣдняго. Но нашъ владыка патріархъ впослѣдствіи уничтожилъ этотъ обычай, убѣдивъ патріарха (Никона) не входить въ алтарь и не благословлять архіереевъ и священниковъ крестомъ, но, по существующему у насъ обычаю, сидѣть на своемъ патріаршемъ мѣстѣ, причемъ тѣ подходятъ и цѣлуютъ только его правую руку. Затѣмъ они вошли въ нарѳексъ, и патріархъ (Никонъ) взошелъ на высокій помостъ, очень большой, въ три ступеньки;

---

[1] Вѣроятно, слюда.

[2] Киронъ—благословеніе священнослужителей патріархомъ, который въ это время стоитъ на возвышеніи среди церкви, гдѣ онъ облачается.

онъ разбирается на четыре части; на немъ разостланъ большой коверъ сверху его до конца наоекса. Дьяконы начали облачать патріарха по обычаю, не отнимая мантіи съ его спины, чтобы никто не видѣлъ его безъ мантіи, пока не надѣли на него, во-первыхъ, парамандъ, весь жемчужный, затѣмъ стихарь. Два дьякона справа и слѣва, стоя нѣсколько въ сторонѣ, держали всѣ части облаченія въ рукахъ и надѣвали ихъ осторожно на патріарха, который каждую изъ нихъ благословлялъ, крестился, цѣловалъ крестъ на ней и надѣвалъ. Также надѣли на него саккосъ открытымъ и потомъ застегнули его съ двухъ сторонъ. Всѣ его саккосы имѣютъ бубенчики и съ золотыми кистями шнуры, которые завязываютъ. Прежде чѣмъ надѣть митру, патріархъ имѣетъ обыкновеніе расчесывать себѣ волосы на головѣ и бороду вещью, сдѣланною изъ свиной щетины. Потомъ надѣваютъ на него митру. По окончаніи облаченія, когда онъ преподастъ благословеніе народу, дьяконы сходятъ и, помолившись трижды на востокъ, поднимаются къ патріарху для полученія его благословленія. Точно также послѣ часовъ, архіереи, архимандриты и священники, выйдя изъ алтаря, подходили къ нему попарно, кланялись малымъ поклономъ, шли и становились на своемъ мѣстѣ, до послѣдняго. При своей многочисленности они достигали почти до алтаря. Четыре архимандрита были въ митрахъ, остальные въ клобукахъ.

Въ этотъ день опять происходило рукоположеніе священника и дьякона. Мы нашли, что этотъ патріархъ имѣетъ обыкновеніе служить въ бо̀льшую часть дней и ни одна обѣдня не проходитъ безъ рукоположенія іерея и діакона, вслѣдствіе многочисленности пасомыхъ и священниковъ у нихъ. Мы пробыли у нихъ болѣе года и видѣли, что за каждою обѣдней патріархъ рукополагалъ іерея и діакона. И не только самъ онъ рукополагалъ, но и всѣмъ находившимся у него архіереямъ посылалъ разрѣшеніе рукополагать въ своей церкви, ибо епархія патріарха очень велика и онъ не успѣваетъ посвящать всѣхъ, къ нему обращающихся, но отсылаетъ, какъ мы сказали, (къ другимъ), такъ что наконецъ сталъ присылать и къ намъ, и мы рукоположили весьма многихъ, о чемъ разскажемъ въ своемъ мѣстѣ. Посылалъ ихъ также и къ архіепископу сербскому. Они являются къ патріарху изъ собственной его епархіи со свидѣтельствомъ отъ жителей своего селенія или города въ томъ, что онъ достоинъ (сана). Намъ случалось видѣть нѣкоторыхъ, пріѣхавшихъ съ великими трудностями болѣе чѣмъ за двѣ тысячи верстъ. Каждый архіерей, обыкновенно, отвѣтственъ за свою паству и священниковъ. Никонъ всегда предлагалъ нашему владыкѣ патріарху, когда онъ слу-

жилъ съ нимъ, совершить рукоположеніе, ибо искалъ въ этомъ пользы, чтобы видѣть, чьи обряды лучше, и постоянно спрашивалъ его о всякомъ предметѣ, дабы извлечь для себя пользу. Мы разскажемъ потомъ въ своемъ мѣстѣ о недостаткахъ и неблагопристойныхъ дѣйствіяхъ, у нихъ существующихъ, о томъ, чему научилъ ихъ нашъ учитель и что онъ совершилъ у нихъ подъ конецъ.

Возвращаемся [1]. [Архидіаконъ, сказавъ ектенію „Рцемъ вси", произнесъ ектенію, возглашаемую ими за усопшихъ: „помилуй насъ, Боже", и пр.; затѣмъ: „молимся о упокоеніи душъ рабовъ Божіихъ, всѣхъ усопшихъ митрополитовъ московскихъ и всея Россіи". Онъ сказалъ ее, по ихъ обычаю, въ пяти прошеніяхъ, читая ихъ имена по списку, а пѣвчіе при каждомъ прошеніи пѣли „Господи помилуй". Потомъ онъ закончилъ, сказавши: „Господу помолимся", а они отвѣчали: „Господи (помилуй)", и патріархъ возгласилъ: „ибо Ты еси воскресеніе и животъ, покой и утѣшеніе рабовъ Твоихъ, братьевъ нашихъ, митрополитовъ московскихъ", поминая всѣхъ поименно, какъ обыкновенно они дѣлаютъ это на заупокойныхъ обѣдняхъ, чему мы послѣ были свидѣтелями. Потомъ архидіаконъ вошелъ въ алтарь, а другой (дьяконъ) вышелъ и сказалъ: „оглашеннін, Господу помолитесь!"]. Послѣ литургіи вышли (изъ алтаря) и закончили службу обычнымъ порядкомъ. Затѣмъ патріархъ взошелъ на свое архіерейское мѣсто, гдѣ онъ облачался, нашъ учитель сталъ направо, а сербскій налѣво отъ него, прочіе же служащіе, архіереи, священники и архимандриты, размѣстились по обѣ стороны. Передъ этимъ, екклесіархъ поставилъ посреди̇нѣ столикъ, на которомъ находились серебряное блюдо съ медовою кутьей и чаша съ виномъ, т.-е. μνημόσυνον, для помиповенія всѣхъ усопшихъ митрополитовъ и патріарховъ московскихъ. Дьяконы стали подносить патріарху втрое скрученныя свѣчи, а онъ раздавалъ ихъ присутствующимъ. Архидіаконъ, взявъ кадильницу, возгласилъ: „благослови, владыко!" а патріархъ: „благословенъ"... Архидіаконъ сказалъ большую ектенію, на которой вмѣсто имени царя и патріарха поминалъ имена усопшихъ, не знаемъ, откуда они выдумали эту ектенію. Затѣмъ анагносты начали канонаршить Блаженны до конца, а пѣвчіе пѣли ихъ. При первой каѳизмѣ я вошелъ и сказалъ: „помилуй насъ, Боже" и пр., имѣя въ правой рукѣ кадильницу, коею окадилъ столикъ, и поминалъ

[1] Все, что заключено въ прямыя скобки, взято изъ англійскаго перевода для пополненія пропусковъ, которые оказались въ здѣшнихъ рукописяхъ.

всѣхъ усопшихъ русскихъ архіереевъ. Они обыкновенно дѣлятъ эту ектенію на пять прошеній, и на каждое прошеніе пѣвчіе пѣли „Господи помилуй“. [Послѣ этого я сказалъ: „Господу помолимся“, а они отвѣчали: „Господи (помилуй)“, и нашъ учитель прочелъ молитву]: „Боже духовъ и всякія плоти“ тихимъ голосомъ [1], по ихъ обычаю, а затѣмъ сказалъ положенный возгласъ [2]. Патріархъ (Никонъ) сошелъ и совершилъ кажденіе, послѣ него кадилъ нашъ учитель; то же слѣлалъ и сербскій. [3] Когда пѣвчіе кончили пѣніе Блаженъ, канонархъ началъ канонаршить стихиры канона, не каждую стихиру (отдѣльно), но читалъ ихъ, а пѣвчіе пѣли только ихъ конецъ, и такъ до послѣдней. Патріархъ сошелъ и совершилъ отпустъ, поминая имена усопшихъ по книжкѣ, одно за другимъ, и имъ пѣли вѣчную память и вѣчный покой. Вошли въ алтарь и сняли облаченія.

Глава XII.

Москва. Обѣдъ у патріарха Никона. Появленіе на обѣдѣ людоѣдовъ. Ихъ обычаи. Разговоръ съ ними Никона и угощеніе ихъ.

Мы вышли и отправились съ патріархомъ въ его келлію, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ, а посреднѣ, по ихъ обычаю, стоялъ столъ съ серебряно-вызолоченными большими и малыми кубками и вокругъ него стольники, къ тому назначенные. Для

---

[1] Въ текстѣ стоитъ: *сирранъ* (втайнѣ), но мало вѣроятно, чтобы патріархъ читалъ молитву про себя.

[2] Въ англійскомъ переводѣ: громко сказалъ возгласъ: „Ты еси воскресеніе и животъ, покой и утѣшеніе рабовъ Твоихъ, братьевъ нашихъ, митрополитовъ московскихъ, Христе Боже нашъ“ и пр.

[3] Въ англійскомъ переводѣ церемонія кажденія описана гораздо подробнѣе, чѣмъ въ нашихъ рукописяхъ, а именно: „.... (патріархъ) кадилъ вокругъ столика, на алтарь, престолъ и жертвенникъ, обернулся и кадилъ на горнее мѣсто и иконы. Затѣмъ вышелъ и кадилъ на царскія двери и на всѣ мѣстныя иконы справа и слѣва, а потомъ приблизился и кадилъ на икону, которая была надъ головою нашего учителя, затѣмъ окадилъ его и весь рядъ предстоящихъ съ нимъ, послѣ того пѣвчихъ. Точно также онъ кадилъ сербскому и бывшимъ съ нимъ. Затѣмъ онъ пошелъ кругомъ и окадилъ иконы во всемъ храмѣ, одну за другой, тронъ царя и царицы и всѣхъ предстоящихъ. Архидіаконъ, имѣя въ правой рукѣ свѣчу, предшествовалъ ему всюду, куда онъ шелъ, пока (патріархъ), возвратившись, не сталъ на свое мѣсто, а два дьякона поддерживали его подъ руки, пока онъ не кончилъ, окадивъ вторично царскія врата, затѣмъ столикъ кругомъ и нашего учителя, послѣ чего взошелъ на свое мѣсто съ кадильницей въ рукахъ. Тогда всѣ дьяконы сошли внизъ и стали въ рядъ передъ нимъ, и онъ окадилъ ихъ, между тѣмъ какъ они кланялись ему; точно также онъ кадилъ обоимъ клиросамъ пѣвчихъ, между тѣмъ какъ

патріарха Никона былъ поставленъ отдѣльный столъ на переднемъ мѣстѣ [1], а другой близъ него для нашего учителя, еще одинъ для сербскаго, четвертый для архіереевъ, архимандритовъ и для насъ; для прочихъ же приглашенныхъ былъ накрытъ столъ по окружности столовой палаты. Оба патріарха помолились надъ трапезой. Принесли Панагію въ чудесномъ серебряно-вызолоченномъ сосудѣ и прочли надъ ней молитвы; они и мы взяли отъ нея и затѣмъ сѣли. Пришелъ одинъ изъ анагностовъ, поставилъ посрединѣ аналой и началъ читать по большой книгѣ громкимъ голосомъ (и читалъ) съ начала до конца (обѣда). Посохъ патріарха (Никона) держалъ другой анагностъ подлѣ него; посохи же нашего учителя и сербскаго держали насупротивъ нихъ. Затѣмъ патріархъ выпилъ три кубка и поподчивалъ нашего учителя и насъ, прежде чѣмъ принялись за ѣду. Стольники въ дорогихъ одеждахъ стояли, готовые къ проворнымъ услугамъ: одни—для подачи хлѣба, другіе—блюдъ съ кушаньемъ, иные—для подачи разнообразныхъ напитковъ. При каждомъ обнесеніи кубки были другой формы и другой напитокъ. Первое, что патріархъ роздалъ всѣмъ присутствующимъ, были, по обыкновенію, длинные хлѣбы. Принимая ихъ отъ него, стольники кричали: „такой-то!“ если онъ былъ архіерей, то называли имя его епархіи, если архимандритъ, то—имя его монастыря; стольникъ называлъ также и насъ, говоря: „это тебѣ отъ щедротъ патріарха Никона“. Гости вставали изъ-за стола и кланялись патріарху земно, принося ему благодарность. Первое, что подали на столъ, была черная и красная икра. Затѣмъ сняли ее и стали подавать рыбныя кушанья разныхъ сортовъ и видовъ. Они не ставили одно кушанье вмѣстѣ съ другимъ, но сначала уносили поданное раньше и ставили другое, по обыкновенію и обычаямъ царскихъ обѣдовъ. Такъ, патріархъ дарилъ блюда превосходнаго кушанья каждому изъ присутствующихъ, и прежде всѣхъ нашему владыкѣ патріарху. Всѣ, по обычаю, отсылали ихъ со своими слугами къ себѣ домой въ видѣ благословенія. Когда чтецъ уставалъ, подходили пѣвчіе и пѣли. Патріархъ при-

---

[1] Т. е. прямо противъ входа.

эти кланялись ему, затѣмъ анагностамъ и архидіакону, которому и отдалъ кадильницу. Послѣ этого онъ трижды помолился на востокъ и преподалъ благословеніе обоимъ клиросамъ. Тогда архидіаконъ, окадивъ его, отдалъ кадильницу мнѣ, и я кадилъ сначала патріарху московскому, а потомъ нашему учителю, передалъ ему кадильницу, взявъ изъ его рукъ свѣчу, чтобы носить передъ нимъ, и онъ пошелъ кругомъ кадить такимъ же образомъ, какъ дѣлалъ тотъ, и возвратился на свое мѣсто. Ту же церемонію совершилъ архіепископъ сербскій“.

глашалъ и насъ пѣть по-гречески и по-арабски. Такъ продолжалось до вечера.

Онъ захотѣлъ доставить нашему владыкѣ патріарху большое развлеченіе слѣдующимъ. Царь посылалъ вызвать часть племени мученика Христофора, которое состоитъ подъ его властью. Имя его *Лопани* (лопари?). Эти люди ѣдятъ человѣчье мясо, а также своихъ мертвецовъ. По-турецки ихъ называюсь *ябанъ адамысы*, по-гречески ἄγριοι ἄνθρωποι, а по-арабски *унасъ баррійе шахшійе*. Страна ихъ лежитъ при морѣ-океанѣ, что есть море мрака, во ста пятидесяти верстахъ за Архангельскимъ портомъ и въ 1.650 верстахъ на востокъ отъ Москвы. Отъ нихъ пришло теперь на помощь царю болѣе 17.000, а говорятъ даже 30.000. Этотъ народъ возсталъ въ древности противъ Александра, какъ мы узнали отъ нихъ чрезъ переводчиковъ—ибо у нихъ особый языкъ, и съ ними есть драгоманы, знающіе ихъ языкъ и русскій. У нихъ нѣтъ домовъ и они вовсе не знаютъ хлѣба и не ѣдятъ его, но питаются только сырою рыбой, дикими, нечистыми животными и собаками, коихъ они не варятъ — такъ они привыкли. У нихъ нѣтъ лошадей, но есть животныя, называемыя по-гречески ἔλαφος, что есть олень; онъ водится у нихъ во множествѣ. Его употребляютъ для разныхъ потребностей: для перевозки арбъ, питаются имъ и одѣваются въ его шкуру. Ежегодно они вносятъ въ царскую казну извѣстное количество оленьихъ шкуръ, которыя похожи на пергаментъ; московиты въ нихъ нуждаются.

[Отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дуная до крайняго Сѣвера олени водятся въ большомъ изобиліи, особенно въ Валахіи. На нихъ охотятся и ихъ ѣдятъ, такъ какъ олень имѣетъ раздвоенное копыто. Но московиты строго воздерживаются отъ употребленія ихъ въ пищу, изъ уваженія, какъ они думаютъ, къ Святому Духу].

Они не имѣютъ домовъ, но бродятъ по горамъ и лѣсамъ; гдѣ остановятся, тамъ и ночуютъ. Снѣгъ и холодъ не прекращаются въ ихъ странѣ, вслѣдствіе чего у нихъ лицо и тѣло очень бѣлы. Ихъ одежда служитъ имъ покрываломъ и подстилкой, и другой они не знаютъ во всю свою жизнь, развѣ только, когда она изорвется въ куски, они дѣлаютъ другую, и именно изъ шкуры упомянутыхъ оленей, которая похожа на кожу верблюда и съ такою же шерстью. Ее сшиваютъ вдвое, именно коротким мѣхомъ внутрь и наружу; штаны для ногъ и покрывало для головы въ видѣ капюшона пришиваются къ платью. Эта одежда защищаетъ ихъ отъ холода. Что касается ихъ богопочитанія, то они, какъ намъ говорили, поклоняются небу. Свои дорожные припасы—мясо дикихъ звѣрей—они прячутъ въ одеждѣ за спиной. Ихъ наружность пугаетъ зрителя: когда мы

взглянули на нихъ, то затрепетали отъ страха — спаси насъ, Боже! Всѣ они малорослы, всѣ какъ одинъ: не отличишь другъ отъ друга; сутуловаты, короткошеи и приземисты, ибо головы ихъ сидятъ въ плечахъ. Они всѣ безбороды, — мужчинъ можно отличить отъ женщинъ только по pudenda—ибо сильный холодъ препятствуетъ у нихъ росту волосъ. Когда они идутъ, то ихъ не отличишь отъ стада медвѣдей или другихъ животныхъ—удивительно для смотрящаго! Лица у нихъ круглыя, будто по циркулю, очень большія, плоскія, сплюснутыя и ровныя; носы приплюснуты, глаза непріятные, маленькіе, съ длиннымъ прорѣзомъ. По этой-то причинѣ они наводятъ страхъ на зрителя. У насъ не хватало смѣлости поближе разсмотрѣть ихъ, ибо они далеки отъ гуманности и совершенно дики, а потому греки называютъ ихъ σκυλοκέφαλοι, то-есть собачелицые. [1] Старики у нихъ ничѣмъ не отличаются отъ юношей.

Намъ разсказывали служители Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, на подворьѣ котораго мы теперь пребываемъ, что монастырю принадлежитъ, въ видѣ угодій, значительное число подданныхъ изъ этого народа, кои платятъ подать только оленьими шкурами, ибо кромѣ этого у нихъ ничего нѣтъ.

Намъ разсказывали объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ упомянуть хотя неприлично, но необходимо, дабы читатель или слушатель подивились. Въ этомъ народѣ сѣмя лишь у немногихъ бываетъ годно, ибо ихъ pudenda скрыты и втянуты внутрь. Ихъ жены любятъ, живущихъ съ ними въ сосѣдствѣ, московитовъ. Говорятъ, что если кто изъ этого племени, придя въ свою хижину, въ которой онъ живетъ среди лѣса, найдетъ московита лежащимъ съ его женой, то сильно радуется и отъ большой радости идетъ и добываетъ на охотѣ оленей, коихъ отдаетъ московиту за благодѣяніе, ему оказанное, именно за то, что сдѣлалъ его жену беременной, ибо, какъ намъ говорили, сѣмя лишь у немногихъ изъ нихъ бываетъ годно. Впрочемъ, Богъ знаетъ больше.

Возвращаемся. Когда мы сидѣли за столомъ, патріархъ Никонъ послалъ за начальниками этого народа, именно за тысяцкими, коихъ около тридцати человѣкъ. Съ ними былъ переводчикъ, говорящій (на ихъ языкѣ). Когда они вошли, собраніе затрепетало при видѣ ихъ. Они тотчасъ обнажили головы, то-есть отбросили назадъ свои капюшоны, и поклонились патріарху страннымъ образомъ, сгибаясь подобно свиньямъ цѣликомъ. Патріархъ сталъ разспрашивать ихъ объ ихъ образѣ жизни, о томъ, какъ

[1] Вѣрнѣе, собачеголовые.

они теперь пріѣхали, и объ ихъ богопочтаніи. Они разсказали ему все, о чемъ мы сообщили (прибавивъ), что прибыли изъ своей страны пѣшкомъ, а олени везли ихъ арбы. Онъ спросилъ ихъ: „Чѣмъ вы воюете?“ — „Лукомъ и стрѣлами,“ отвѣчали они. — „Правда ли, спросилъ онъ, что вы ѣдите человѣчье мясо?“ — Они засмѣялись и сказали: „Мы ѣдимъ своихъ покойниковъ и собакъ, такъ почему же намъ не ѣсть людей?“ — „Какъ вы ѣдите человѣка?“ спросилъ онъ. Они отвѣчали: „Захвативъ человѣка, мы отрѣзаемъ ему только носъ, затѣмъ рѣжемъ его на куски и съѣдаемъ.“ Онъ сказалъ имъ: „У меня здѣсь есть человѣкъ, достойный смерти; я пошлю привести его къ вамъ, чтобы вы его съѣли.“ Они начали усиленно просить его, говоря: „Владыка нашъ! сколько ни есть у тебя людей, достойныхъ смерти, не безпокойся наказывать ихъ самъ за преступленіе и убивать, но отдай намъ ихъ съѣсть; этимъ ты окажешь намъ большое благодѣяніе.“

Когда пріѣхалъ сюда митрополитъ Миры, то за многіе гнусные поступки его и его служителей и спутниковъ — оказалось, что его архимандритъ, а также его мнимые родственники и дьяконъ курили табакъ — немедленно всѣхъ ихъ сослали въ заточеніе. Только одинъ митрополитъ избавился, по ходатайству патріарха Пателярія, а дьяконъ былъ впослѣдствіи переведенъ въ монастырь близъ столицы. Патріархъ до сихъ поръ былъ въ гнѣвѣ на него, ибо никакое преступленіе у него не прощается. Теперь онъ послалъ привести его къ собачелицымъ, чтобъ они его съѣли, но его не нашли, ибо онъ скрылся.

Патріархъ спросилъ ихъ: „Что вы обыкновенно ѣдите?“ Они отвѣчали: „Сырую рыбу, которую мы ловимъ, и дикихъ звѣрей, которыхъ убиваемъ стрѣлами и съѣдаемъ съ кожей; изъ нихъ мы беремъ съ собою запасъ на дорогу въ своей одеждѣ.“ Патріархъ далъ съ своего стола блюдо превосходной рыбы и хлѣба, чтобъ они это съѣли; они поклонились ему и извинились и просили его, говоря: „Наши желудки не принимаютъ варенаго и мы къ этому совершенно не привыкли; но если тебѣ благоугодно, дай намъ невареной рыбы.“ Онъ велѣлъ принести. Имъ принесли большую рыбу, называемую *штука* (щука),— она была мерзлая, какъ чурбанъ, — и бросили передъ ними. Увидѣвъ ее, они сильно обрадовались и много благодарили. Патріархъ приказалъ имъ сѣсть, и они сѣли. Старшина ихъ подошелъ и попросилъ [1] ножъ. Взявъ рыбу, онъ сдѣлалъ надрѣзъ кругомъ

---

[1] Здѣсь стоитъ въ текстѣ совершенно непонятное слово, которое авторъ переводитъ словомъ „ножъ“.

головы и снялъ кожу сверху до низу съ такою ловкостью, что мы были изумлены. Затѣмъ онъ сталъ рѣзать рыбу ровными ломтями, какъ рѣжутъ ветчину, и бросалъ ихъ своимъ, а тѣ наперебой ихъ хватали и съѣдали съ бо̀льшимъ наслажденіемъ, чѣмъ человѣкъ ѣстъ что-либо вкусное и рѣдкостное изъ царскихъ сластей. Такъ они съѣли ее всю съ костями, кишками и головой, ничего изъ нея не отбросивъ. Попросили другую и такъ же распорядились съ нею, выхватывая другъ у друга изъ рукъ (куски) съ дракой. Зловонный запахъ ея распространился по палатѣ, и мы едва не лишились чувствъ отъ величайшаго отвращенія къ нимъ и при видѣ того, какъ они обтирали руки о свои шубы.

Мы были очень рады этому неожиданному большому развлеченію, ибо изъ этого народа только разъ въ нѣсколько лѣтъ приходитъ къ царю небольшое число, а теперь, на наше счастье, они пришли всѣ, чтобы мы могли посмотрѣть на нихъ.

Мы замѣтили, что они не осмѣливались ходить по городу малыми партіями, но ходили большою толпой, изъ опасенія обиды отъ дѣтей московитовъ; кромѣ того, имъ не позволили остановиться внутри города или подъ городомъ, но (помѣстили) въ необитаемыхъ равнинахъ, дабы они не ловили и не ѣли людей. Вотъ свѣдѣнія о собачелицыхъ, которыхъ мы видѣли собственными глазами.

КНИГА VIII.

Москва.

Глава I.

Москва.—О царѣ Іоаннѣ Грозномъ и завоеваніи имъ Казани, Астрахани и Сибири.

Патріархъ, отпустивъ Собачелицыхъ, позвалъ другихъ. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ (въ Москву) воевода областей внутренней Сибири, называемой по-гречески βόρειος μέρος, то-есть *ени дунья*, что есть Новый Свѣтъ. Она завоевана недавно, при нынѣшнемъ царѣ, шесть лѣтъ тому назадъ [1]. Причина ея завоеванія была слѣдующая. Въ передней сибирской странѣ живетъ многочисленный народъ, именуемый *казакъ*, люди весьма храбрые; они-то покорили переднюю Сибирь во дни царя Іоанна, того самого царя Іоанна, коего имя хорошо извѣстно въ нашей странѣ. Онъ жилъ около 110 лѣтъ тому назадъ и передъ своею кончиной принялъ монашество. До этого царя въ странѣ московитовъ не существовало названія „царь“, но было названіе „князь“, которое, по степени, равняется, самое большее, великому бею, и царь могъ набирать едва сто тысячъ ратниковъ. Вся страна московитовъ была въ рукахъ князей, изъ коихъ каждый владѣлъ отдѣльною областью (по наслѣдію) отъ отцовъ и дѣдовъ, что походило на положеніе страны ляховъ и ея правителей: каждый правитъ одною областью, а краль не имѣетъ надъ нимъ власти. Точно въ такомъ же положеніи были и московиты. Родъ теперешняго царя, по словамъ достовѣрныхъ людей, ведетъ начало изъ Рима. Дѣды его дѣдовъ, около семисотъ лѣтъ тому назадъ, пришли по океану въ эту страну и завладѣли ею. Смотри же, какой это благословенный родъ! съ той поры и до сихъ поръ

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „въ теченіе трехъ лѣтъ“.

не прекратился. Упомянутый царь Иванъ, воцарившись въ этомъ городѣ,—а былъ онъ человѣкъ храбрый, обладавшій ловкостью и хитростью, весьма склонный къ гнѣву, любящій пролитіе крови, такъ что, какъ говорятъ, собственноручно убилъ своего сына,—воцарившись, онъ хитростью заманилъ къ себѣ семьдесятъ князей, кои правили всею страной московитовъ въ семидесяти областяхъ, всѣхъ ихъ умертвилъ и завладѣлъ ихъ сокровищами, богатствами, областями и войсками. Чрезъ это онъ усилился, воевалъ и побѣдилъ еще двѣнадцать кралей франкскихъ, завладѣлъ ихъ сокровищами и странами, а ихъ всѣхъ умертвилъ, какъ это изложено въ повѣствованіи о немъ, ибо онъ былъ удачливъ и ему на роду было написано (одержать) великія побѣды. Затѣмъ онъ пошелъ войной въ страну Казань, которая была въ обладаніи независимаго царя изъ татаръ. Этотъ городъ, какъ намъ разсказывали, очень великъ и крѣпокъ: кругомъ обтекаетъ его большая и весьма глубокая рѣка. Онъ отстоитъ отъ Москвы на семьсотъ верстъ по сушѣ. Гонцы на лошадяхъ въ зимнее время совершаютъ путь въ четыре, пять дней, а въ лѣтнее въ семь, восемь дней, торговцы же въ пятнадцать дней, а на судахъ по Москвѣ-рѣкѣ въ пять недѣль или болѣе. Царь осаждалъ его двѣнадцать лѣтъ, пока не прорылъ ходы подъ землей и подъ упомянутою рѣкой, наполнивъ ихъ порохомъ; тогда городскія стѣны поколебались и обрушились на жителей. Царь вступилъ въ городъ и перебилъ всѣхъ бывшихъ въ немъ мечомъ, захватилъ его царя живымъ и отослалъ въ Москву, гдѣ онъ оставался до своей кончины. Царь завладѣлъ всѣми его сокровищами, но какъ онъ въ нихъ не нуждался, по той причинѣ, что, въ теченіе своей жизни, пріобрѣлъ множество сокровищъ, то всѣ ихъ пожертвовалъ на Божье дѣло, а именно—позолотилъ ими пять куполовъ великой церкви вмѣстѣ съ девятью куполами церкви Благовѣщенія и всей ея крышей, (покрывъ ихъ) чистымъ накладнымъ золотомъ. Мало того: все, что осталось изъ этихъ сокровищъ, онъ обратилъ въ слитокъ и сдѣлалъ изъ него очень большой крестъ,—невѣдомо, сколько милліоновъ золотомъ онъ стóитъ,—и водрузилъ его на куполѣ церкви Благовѣщенія. Онъ существуетъ доселѣ, горитъ какъ солнце, въ высоту болѣе трехъ или четырехъ локтей и столько же въ ширину. Вслѣдствіе обилія золота, коимъ были позолочены эти куполы, оно до сихъ поръ кажется новымъ, хотя, въ теченіе такого долгаго времени, болѣе ста лѣтъ, было подъ дождемъ, снѣгами и льдомъ изъ года въ годъ непрерывно. Царь позолотилъ также куполъ высокой колокольни, которая видна съ болѣе чѣмъ десятиверстнаго разстоя-

нія, а если мѣсто низменное, то и съ бо̀льшаго разстоянія. Эта колокольня, по своимъ ярусамъ и подъемамъ, похожа на минаретъ Висячей мечети въ Дамаскѣ, но много выше и обширнѣе его. Подъ позолоченнымъ ея куполомъ съ высокимъ крестомъ идутъ кругомъ письмена въ четыре строки, кои можно прочесть снизу: одному Богу вѣдомо, какова величина ихъ буквъ, различаемыхъ снизу. Все это покрыто обильною позолотой.

Возвращаемся (къ разсказу). По причинѣ обширности казанской области и (многочисленности) ея поселеній, въ главномъ городѣ живутъ трое воеводъ—важныхъ визирей, кои правятъ областью, которая, какъ говорятъ, выставляетъ 400 тысячъ ратниковъ. Бо̀льшая часть ея жителей—татары, обитатели степей, ибо [1] царь, покоривъ ее, оставилъ бо̀льшую часть войскъ на прежнемъ положеніи съ (прежнимъ) ихъ содержаніемъ; говорятъ, въ ней теперь шестьдесятъ тысячъ мусульманъ, платящихъ подать. Царь Іоаннъ, по завоеваніи этого города, пошелъ на Астрахань и также осадилъ ее. Городъ былъ во власти другого большого царя, равнымъ образомъ изъ татаръ, правившаго всѣми сѣверными странами до внутренней Сибири. Поэтому жители Астрахани и Казани до внутренней Сибири—татары, знающіе по-турецки. Они мусульмане [2], но теперь принимаютъ крещеніе, такъ какъ, въ виду ихъ бѣдности, московскіе цари стали примѣнять къ нимъ такое лѣкарство: всякій, кто изъ нихъ окрестится, получаетъ высокое положеніе, ибо царь такового награждаетъ: дѣлаетъ однихъ изъ нихъ князьями, то-есть правителями, (другихъ) беками, агами, (зачисляетъ) въ спаги [3], въ простые ратники и пр. По этой причинѣ они крестятся днемъ и ночью. Говорятъ, что они искренни въ вѣрѣ болѣе, чѣмъ другія племена, чему мы сами были свидѣтелями, видѣвъ многихъ, которые были религіознѣе насъ.

Разсказываютъ, что этотъ городъ Астрахань имѣетъ семь громадныхъ оградъ, построенныхъ московитами изъ земли, дерева и камня. Городъ расположенъ на срединѣ рѣки Волги, ширина которой, какъ говорятъ, четыре мили. Вокругъ Астрахани есть шестьдесятъ укрѣпленій также изъ камня, ибо она составляетъ большую область. Въ ней растутъ во множествѣ тутовыя деревья, на коихъ производятъ шелкъ; его обработываютъ и ведутъ имъ торговлю съ Москвой, весь шелкъ которой идетъ оттуда. По мѣстоположенію область эта жаркая; въ ней много

---

[1] Отсюда до точки дополнено по петербургской рукописи.

[2] Въ текстѣ: „исповѣдуютъ Единаго Бога“.

[3] Спаги—кавалеріи.

винограда, изъ коего выдѣлывается вино, доставляемое собственно только царю, который разсылаетъ его по всѣмъ своимъ областямъ для употребленія на литургіи, такъ какъ оно чистое, безъ примѣси. Какъ мы раньше упомянули, до царя дошелъ слухъ, что вино, привозимое франками изъ ихъ странъ, оскверняется ими, въ чаяніи испортить божественные Дары. Поэтому царь немедленно приказалъ привезти на судахъ вино изъ Астрахани, о чемъ мы упомянули. Это вино красное, а вино франковъ крѣпкое, острое, подобно перцу,—мы его пробовали—ибо, если бы они не прибавляли къ нему перца въ своей странѣ, оно не могло бы сохраняться при лютости холода въ странѣ московитовъ. Поэтому-то оно острое, весьма крѣпко и не имѣетъ пріятнаго вкуса. Оно носитъ разныя названія; въ особенности (извѣстно) *ренско* (рейнское), бѣлое, легкое и дороже другихъ сортовъ.

Покоривъ Астрахань, царь овладѣлъ всѣмъ Персидскимъ моремъ, Каспіемъ, кромѣ небольшой его части, отнялъ у персовъ извѣстный городъ Тарки, пристань на упомянутомъ морѣ, и отвоевалъ отъ страны Узбековъ множество городовъ, наложивъ на нихъ ежегодную дань леопардами и львами. Покоривъ упомянутые народы, смирилъ ихъ въ конецъ: до сихъ поръ всѣ они платятъ ему десятину и большая часть ихъ ходитъ съ нимъ на войну.

Возвращаемся. Этотъ городъ Астрахань въ древнихъ книгахъ называется Тургатмиштъ, а татары называютъ его *Аждархань* (Аджитарханъ), по имени его владѣтеля: *ажд*(*ар*) значитъ „левъ“, а *хань* есть доселѣ имя царей татарскихъ [1]. Царь Іоаннъ, осадивъ Астрахань, овладѣлъ ею по договору. Это очень большой городъ; онъ имѣетъ, какъ говорятъ, семь оградъ изъ земли, дерева, камня и пр. По завоеваніи Астрахани, царь пошелъ въ Сибирь и также покорилъ ее при помощи казаковъ, о которыхъ мы упомянули раньше, знающихъ по пядямъ тѣ области, кои прежде были неизвѣстны [2] [и конхъ покореніе еще продолжается. На татаръ, живущихъ въ Сибири, онъ наложилъ подать, которую они ежегодно выплачиваютъ охотничьими птицами, называемыми по-русски „кречетъ“. Онѣ бѣлыя и очень большія и подносятся московскимъ царемъ въ подарокъ всѣмъ его братьямъ-

---

[1] Толкованіе автора невѣрно. Названіе Аджитарханъ состоитъ изъ арабскаго слова *аджи* (или *хаджи*), пилигримъ, и татарскаго *тарханъ*, рынокъ, ярмарка.

[2] Здѣсь въ обѣихъ нашихъ рукописяхъ имѣется пропускъ въ двѣ страницы (онѣ оставлены чистыми). Пополняемъ его по англійскому переводу. По принятому нами обыкновенію, мы заключаемъ въ прямыя скобки всѣ мѣста, взятыя изъ англійскаго перевода.

государямъ. Такую подать на татаръ возложено выплачивать ежегодно, въ чаяніи привести ихъ къ полной покорности. Таковы великія побѣды и доблестные подвиги, кои царь Иванъ совершилъ въ теченіе своего царствованія. Онъ держалъ скипетръ власти въ продолженіе 80 лѣтъ, изъ коихъ три только, какъ говорятъ, провелъ на тронѣ своемъ въ городѣ Москвѣ, остальныя же семьдесятъ семь онъ ходилъ туда и сюда, ведя войны изъ любви къ христіанской вѣрѣ и покоряя обширныя страны, нами упомянутыя, кои, прежде ослѣпленныя лживымъ свѣтомъ невѣдѣнія, онъ привелъ къ познанію истиннаго Бога, такъ что, бывъ странами варваровъ, невѣрія и суевѣрія, онѣ стали преимущественнымъ мѣстомъ христіанъ, церквей и монастырей. Въ свое царствованіе онъ поставилъ подъ вѣдѣніе митрополита московскаго двѣнадцать подчиненныхъ митрополитовъ и архіереевъ. Первые изъ нихъ—четыре митрополита, носящіе бѣлые клобуки, по примѣру древнихъ митрополитовъ. Мы спрашивали о причинѣ этого, и намъ отвѣчали, что имъ являлся Божественный Ликъ (?) точно такъ же, какъ монахи св. Пахомія Великаго обыкновенно носили бѣлые клобуки, согласно тому, какъ повелѣлъ ангелъ Господень. Первый изъ митрополитовъ—епископъ города Новгорода, носящій саккосъ въ присутствіи патріарха, какъ мы это видѣли; второй—митрополитъ Казани, города, только что описаннаго нами; третій—митрополитъ Ростова; четвертый—Крутицкій, который постоянно, до конца дней своихъ, имѣетъ пребываніе въ патріаршихъ палатахъ; пятый—архіепископъ Сибири, который, по причинѣ отдаленности, никогда не оставляетъ своего престола для пріѣзда ко двору; шестой — архіепископъ Астрахани, который по той же самой причинѣ никогда не посѣщаетъ Москву; седьмой—архіепископъ Рязани; восьмой—архіепископъ Тверской; девятый—архіепископъ Суздальскій; десятый—архіепископъ Вологодскій; одиннадцатый—архіепископъ Пскова и двѣнадцатый — архіепископъ Коломны. Для каждаго изъ этихъ двѣнадцати (владыкъ) вышеупомянутый царь выстроилъ въ городѣ Москвѣ палаты съ церковью, ему принадлежащею, и каждому изъ нихъ назначилъ земли, доходы и милостыню. Въ каждомъ изъ этихъ епископскихъ дворцовъ есть архонты и служители для служенія при епископѣ и при церкви. Всѣ порядки правленія были установлены этимъ царемъ, даже и то, что касается милостыни и подаяній, и они остаются безъ измѣненія до настоящаго времени. Совершивъ всѣ эти славныя дѣянія, онъ счелъ себя достойнымъ принять вѣнецъ и титуловаться царемъ, въ виду свидѣтельства, даннаго ему другими государями, и ихъ сообщенія, что цезарь, императоръ нѣмцевъ

(австрійцевъ) и германцевъ, послалъ ему корону и даровалъ титулъ царя, ибо цезарь занимаетъ мѣсто Константина и коронуетъ владѣтельныхъ князей. Итакъ, со времени царя Ивана до сей поры, государи этой страны титулуются царями московскими. Вотъ что мы узнали изъ исторіи царя Ивана чрезъ разспросы, по мѣрѣ возможности, и потомъ часто будемъ имѣть случай пополнять эти свѣдѣнія.

Глава II.

Москва.—О сибирскихъ мѣхахъ.

Въ странѣ сибирской водятся прекраснѣйшіе соболи вмѣстѣ съ цѣнною чернобурою лисицей и разными породами горностая; кромѣ нихъ, добываются и всѣ другіе сорта мѣховъ. Порода соболя, какъ говорятъ, походитъ на кошачью. Онъ мечетъ много дѣтенышей и живетъ въ дуплахъ высокихъ деревьевъ. Для благоденствія этого животнаго требуется самое здоровое мѣстоположеніе, ибо если какія-нибудь изъ нихъ живутъ въ мѣстахъ, несвойственныхъ ихъ природѣ, и принуждены пить плохую воду, то они бываютъ слабы, а ихъ мѣхъ коротокъ и бѣлъ. Способъ охоты на нихъ слѣдующій. Охотники, въ сопровожденіи собакъ, пріученныхъ къ этой охотѣ, отправляются въ самыя отдаленныя части пустынь, горъ и лѣсовъ, гдѣ, какъ имъ извѣстно, обитаютъ эти животныя, и становятся всѣ въ засаду на тропинкѣ, по которой соболь проходитъ къ водѣ; при возвращеніи его въ свою нору, охотники встрѣчаютъ его, а собаки бросаются за нимъ и хватаютъ его, какъ пріучены, за шею, чтобы не испортилась шкурка. Если соболь убѣжитъ отъ собакъ и вскочитъ на дерево, охотникамъ приходится высмотрѣть его тамъ и стрѣлять въ него изъ луковъ стрѣлами съ костянымъ остріемъ, поражая его подъ шею, чтобы не испортить мѣха. Животное падаетъ; перерѣзавъ ему горло, охотники снимаютъ съ него шкуру съ удивительною ловкостью. Мясо они ѣдятъ и вознаграждаютъ себя за свой трудъ продажей мѣха. Царскіе воеводы, пребывающіе въ той области, отбираютъ одинъ изъ десяти, самый красивый и цѣнный, для царя. Многихъ изъ этихъ животныхъ ловятъ живыми и подносятъ въ подарокъ царю. Они имѣютъ очень высокую цѣну. Спинка—самая лучшая часть соболя и очень дорога, нижняя же часть мѣха, покрывающая брюхо, продается дешево. Складываютъ по двѣ спинки вмѣстѣ и называютъ ихъ „четъ“].[1] Самый цѣнный соболь стóитъ сто динаровъ и идетъ для царя

[1] Здѣсь кончается пропускъ, пополненный по англійскому переводу.

пониже достоинствомъ имѣютъ соотвѣтственную цѣну. Каждыя сорокъ спинокъ, составляющія двадцать паръ,[1] называются сорокомъ, и каждые два съ половиной сорока образуютъ полный мѣхъ. Самый низкій сорокъ стоитъ сорокъ[2] динаровъ, самый лучшій—сто, двѣсти и пятьсотъ; таковой принадлежитъ царю и не выпускается изъ казны его, но виситъ предъ нимъ постоянно. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ его вывозятъ на продажу, ибо свойство его таково, что онъ ежегодно теряетъ въ цѣнности: бывъ чернымъ, какъ ночь, становится краснымъ, а такой считается ниже достоинствомъ. Для этого соболя нѣтъ цѣнителя, потому что онъ подобенъ драгоцѣнному камню, который вводитъ въ заблужденіе самаго проницательнаго знатока. Цвѣтъ его мѣняется ежечасно. Когда свѣтитъ солнце, является настоящій его цвѣтъ, что выгоднѣе для продавца; въ облачную же погоду цвѣтъ и красота его скрываются, и цѣнность его, бывъ весьма высокою, падаетъ, и онъ становится дешевле, ибо облачная погода ему не благопріятствуетъ, что выгоднѣе для покупателя. Въ этомъ состоитъ умѣнье распознать его. Соболь въ своей землѣ очень дешевъ, но при перевозкѣ его по дорогамъ нужно платить большую пошлину царю въ нѣсколькихъ городахъ, а наибольшій расходъ зависитъ отъ громаднаго разстоянія той страны (отъ Москвы), ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для перевозки соболя потребно болѣе трехъ лѣтъ, какъ это мы скоро разъяснимъ.

По причинѣ вышесказаннаго, всѣ цари міра посылаютъ царю московскому свои сокровища, богатства и драгоцѣнности, получая отъ него только мѣха. Что намъ сказать объ этомъ благословенномъ животномъ, котораго хватаетъ для всего міра и которое не водится и не существуетъ нигдѣ въ мірѣ, кромѣ страны сибирской? Соболь имѣетъ свойство укрѣплять спину, полезенъ для зрѣнія и укрѣпляетъ сердце; поэтому-то онъ и цѣнится такъ высоко. Въ немъ щеголяютъ цари и носятъ его даже лѣтомъ, ибо онъ холодитъ въ жаркое время и грѣетъ въ зимнее. У очень богатыхъ московскихъ купцовъ онъ находится въ такомъ изобиліи, что у иныхъ бываетъ по тысячѣ, и даже по нѣскольку тысячъ сороковъ. Но мы видали подобныхъ купцовъ одѣтыми въ простое, очень бѣдное платье и считали ихъ не иначе, какъ за бѣдняковъ, едва имѣющихъ, чѣмъ прикрыться, ибо смиренность, которую мы наблюдали въ этомъ народѣ, очень велика, такъ что даже государственныхъ сановниковъ мы видали въ ихъ

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „четъ“ (по-русски).

[2] Въ англійскомъ переводѣ „пятьдесятъ“.

палатахъ одѣтыми въ платье, какое попалось, которое не согласился бы надѣть (у насъ) и простолюдинъ: они совсѣмъ не знакомы съ гордостью и высокомѣріемъ.

Знай, что всякій соболь непремѣнно имѣетъ бѣлые волосы. Жители Сибири носятъ его у себя, въ своей странѣ, пришивая, какъ онъ есть, съ передними и задними ногами и хвостомъ, поверхъ своей одежды и размѣщая ихъ одинъ подлѣ другого, а напослѣдокъ его продаютъ. Въ Москвѣ есть умѣлые люди, которые вырываютъ изъ соболя бѣлые волосы, получая по піастру за каждый сорокъ, ибо у московитовъ много рабовъ. Еще отдаютъ его другимъ мастерамъ для разглаживанія и отдѣлки, за что тѣ получаютъ по піастру [1] съ сорока, и они же сшиваютъ его, складывая одну шкурку съ другой. Такъ поступаютъ всѣ купцы.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ Сибири находится въ большомъ количествѣ высокій сортъ бѣлой бѣлки, очень цѣнной. Это маленькое животное, похожее на котенка. Мы видали его много разъ въ домахъ. Когда оно разсердится, то съ нимъ трудно сладить. Въ бытность нашу въ Коломнѣ, одно изъ нихъ убѣжало за городъ, за нимъ погналось много народу, но никто не былъ въ состояніи его поймать или убить палкой или чурбаномъ, ибо оно маленькое и бѣгаетъ быстро; оно бросилось въ рѣку и нырнуло въ воду, его преслѣдовали, но оно выскочило на берегъ и скрылось. Такъ ничего и не могли съ нимъ подѣлать. Это животное водится во всей странѣ московской, даже въ ближайшихъ (къ Москвѣ) лѣсахъ и горахъ. Водится также горностай съ бѣлымъ мѣхомъ, который носятъ въ нашей странѣ кади и муллы. На мѣхѣ виситъ хвостикъ съ чернымъ кончикомъ. Мы видали это животное: оно похоже на кошку, но длиннѣе и худѣе ея. Охотятся на него такимъ образомъ. Охотники выслѣживаютъ его у озеръ, куда онъ приходитъ пить, разстилаютъ по землѣ на берегу озера длинную сѣть, держа ее за концы издали, а сами скрываются. Звѣрки, по своему обычаю, идутъ тысячами на водопой. Когда они напьются, охотники приподнимаютъ концы сѣти прямо и крикнутъ, звѣрки бросаются бѣжать, но не находятъ другого хода, кромѣ какъ въ сѣти, куда и попадаютъ и запутываются головами въ петляхъ. Охотники подходятъ, собираютъ ихъ вмѣстѣ и убиваютъ дубинками, ибо невозможно схватить этого звѣрка живьемъ, потому что у него зубы очень остры и прогрызаютъ руку человѣка и все, чѣмъ его хватаютъ. Охотники съ большою ловкостью, приводящею

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „по два піастра“.

умъ въ изумленіе, сдираютъ съ него шкуру, выворачивая ее, не разрываютъ, но снимаютъ ее цѣликомъ.

Въ Сибири водится также черная лисица, извѣстная своею цѣнностью и достоинствомъ. Но высшій сортъ ея рѣдокъ и мало встрѣчается, а когда находятъ, то берутъ его въ царскую казну, откуда онъ никогда не выпускается. [Никто, кромѣ царя, не носитъ никогда шубы изъ этого мѣха. Его превосходство въ томъ состоитъ, что онъ очень черенъ и блеститъ ночью. Самый высокоцѣнный соболь и эта черная лисица никогда не вывозятся въ другія страны, и] никто не смѣетъ торговать ими. Мы встрѣчали мѣхъ этихъ лисицъ, но не очень черный. Многіе священники и дьяки носятъ его, ради щегольства, на своихъ колпакахъ, ибо онъ чрезвычайно дорогъ. Говорятъ, что цѣна каждой лисицы высокаго сорта полтораста динаровъ (рублей) въ своей странѣ, а здѣсь она стоитъ вдвое дороже. Для цѣльнаго мѣха требуется тридцать шкурокъ лисицы, чтобы вышла полная шуба, такъ какъ шкурки ея велики.

[Знай,[1] братъ, что свѣдѣнія, которыя я сообщилъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію, ибо, когда я пріѣзжалъ въ Москву во второй разъ изъ страны грузинской, сопровождая патріарха египетскаго (александрійскаго) и моего родителя [2], я основательно изслѣдовалъ и подтвердилъ всѣ эти извѣстія.

Люди, о которыхъ я упомянулъ [3], были посланники, но не знаю, откуда: отъ Алтунъ-падишаха, т. е. султана желтыхъ калмыковъ, или же то были посланники отъ царя Татаріи. Вышеупомянутый городъ и холмы вокругъ него находятся, навѣрно, во владѣніяхъ царя Татаріи, ибо я впослѣдствіи писалъ исторію той страны по вѣрнымъ и несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, выписаннымъ изъ донесеній посланниковъ, которые были отправляемы туда царемъ Иваномъ въ прежнее время и царемъ Алексѣемъ, о каковыхъ посольствахъ много говорено было въ свое время, и они имѣли слѣдствіемъ вѣрныя и точныя свѣдѣнія].

---

[1] Отсюда до конца главы дополнено по англійскому переводу.

[2] Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на это обстоятельство, до сихъ поръ, повидимому, оставшееся неизвѣстнымъ, что Павелъ Алепскій сопровождалъ своего отца патріарха и во второе путешествіе его въ Москву въ 1666 году.

[3] Авторъ упомянулъ о нихъ въ самомъ началѣ первой главы. Этотъ отрывокъ, взятый изъ англійскаго перевода, по смыслу относится скорѣе къ слѣдующей главѣ.

Глава III.

Москва.—О завоеваніи восточной Сибири, о тамошнихъ народахъ и произведеніяхъ.

Затѣмъ патріархъ Никонъ пригласилъ воеводу, пріѣхавшаго изъ Сибири. Онъ явился къ нему, приведя съ собою нѣсколькихъ должностныхъ лицъ изъ почетныхъ жителей той страны. То были посланные съ казенною податью, которую они въ настоящее время привезли. Мы весьма дивились на нихъ, ибо они смуглаго цвѣта и очень сухи, словно полѣно; лица у нихъ широкія, а глаза маленькіе; всѣ они безбородые: мужчину не отличишь отъ женщины. Волосы на головѣ у нихъ связаны, а у нѣкоторыхъ привязана къ нимъ прядь изъ лошадинаго хвоста, подобно тому какъ носятъ волосы женщины въ нашей странѣ [1]. Одежда ихъ изъ шелка, похожаго на атласъ и окрашеннаго въ превосходные цвѣта. Она не сшита, а вытканa такъ, что одна часть связывается съ другой, какъ мы въ этомъ удостовѣрились. На одеждѣ спереди и сзади вытканы изображенія драконовъ,—не дьяволовъ,—змѣй и дикихъ звѣрей, страшныхъ видомъ, съ глазами изъ стекла и бровями изъ костей. Все это сдѣлано изъ золотой канители. Они тщеславятся такимъ платьемъ: его носятъ только знатные люди и правители. Эти люди не изъ первой и не изъ второй Сибири, а изъ третьей, называемой *ени дунья* (Новый Свѣтъ), которую открыли казаки шесть лѣтъ тому назадъ. Именно, собралось около сорока тысячъ казаковъ, которые занимались покореніемъ той страны, и пошли съ ружьями и другимъ оружіемъ изъ своей земли по пустынямъ и степямъ на разстояніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пути, съ цѣлью ловли соболей. Вдругъ они увидѣли себя въ обработанной и обитаемой мѣстности, какой не ожидали встрѣтить, ибо не думали, что за ихъ страной есть мѣста населенныя, и полагали, что страна ихъ составляетъ крайній сѣверъ и конечный предѣлъ обитаемой земли. Осматривая мѣстность, они замѣтили громадныя каменныя стѣны среди моря. При видѣ ихъ, они были изумлены и затѣмъ скрывались, пока не увидѣли нѣкоторыхъ изъ обитателей этого мѣста, и схватили ихъ. Не зная ихъ языка, повели

[1] На родинѣ автора, въ Сиріи, женщины заплетаютъ волосы въ нѣсколько прядей и для укрѣпленія завязываютъ на концѣ шнуркомъ, а если волосъ мало, то привязываютъ еще пряди, но, конечно, не изъ конскаго волоса.

съ собою къ берегу моря, вошли въ лодки и, приблизившись къ воротамъ города, выстрѣлили изъ всѣхъ имѣвшихся у нихъ ружей. Люди, бывшіе въ городѣ, услыхавъ звукъ ружейныхъ выстрѣловъ, тотчасъ пали отъ страха на землю и сдѣлались какъ мертвые. Казаки осмѣлились (напасть) на нихъ и овладѣли городомъ; подчинивъ жителей, наложили на нихъ подать, которую они выплачивали бы царю чрезъ каждые три года, и увѣдомили объ этомъ царя.[1] Потомъ они обходили и осматривали это мѣсто и не находили ему конца, ибо, какъ говорятъ, все оно состоитъ изъ первозданныхъ скалъ и имѣетъ цѣлыхъ три мѣсяца въ окружности, которую составляютъ обломки большихъ горъ, подобные городскимъ стѣнамъ. Кругомъ его море-океанъ, и нѣтъ иного входа, кромѣ воротъ, чрезъ которыя вошли на судахъ казаки. Всѣ поселы находятся во внутренности его. Тамъ растутъ во множествѣ тутовыя деревья, на коихъ воспитывается шелковичный червь. Шелкъ у нихъ дешевъ, а потому платье дѣлается большею частью изъ шелка. По положенію своему, это мѣсто близко къ востоку, находясь между сѣверомъ и востокомъ; по этой причинѣ, какъ говорятъ, граница кизилбашей (персіянъ) находится по близости оттуда. Какъ разсказывается въ новой греческой исторіи, шахъ Исманлъ, сынъ Хайдера, овладѣвъ Фарсомъ, захватилъ также всѣ мѣста и страны пока не овладѣлъ Багдадомъ, странами татарскими и всѣми морскими островами до оксана. Это тотъ самый шахъ Исманлъ, который жилъ во времена султана Селима (I), сына Баезида, и велъ съ нимъ войну, прежде чѣмъ тотъ отправился воевать съ черкесами въ Египтѣ. Говорятъ, что граница того народа отстоитъ отъ персидской не болѣе какъ на три дня пути. У нихъ есть золотой рудникъ, и потому они выдѣлываютъ изъ золота каинтель, которую нашиваютъ на свою одежду. Подать царю они платятъ соболями, рыбьимъ зубомъ и слитками золота, разъ въ три года.

[Сибирь есть великая татарская страна, простирающаяся до соединенія съ Китайскою имперіей]. Именно, первая Сибирь отстоитъ отъ Москвы на три, четыре мѣсяца пути, и бо́льшая часть ея жителей мусульмане. Они ежегодно привозятъ царю свою подать охотничьими птицами, называемыми по-русски „кречетъ“, по-гречески ἱεράκια, а по-турецки *сункуръ* (*сунгаръ*), коихъ цари московскіе дарятъ всѣмъ государямъ. Вторая Сибирь, изъ

[1] Этотъ разсказъ, повидимому, имѣетъ отношеніе къ случившемуся незадолго передъ тѣмъ занятію Амурскаго края и города Албазина казаками подъ начальствомъ Хабарова.

которой прибылъ этотъ воевода, отстоитъ на тридцать тысячъ верстъ, какъ разсказывалъ онъ патріарху. Онъ говорилъ, что находился въ отсутствіи изъ Москвы девять лѣтъ, изъ коихъ три года ѣхалъ туда, три года пробылъ тамъ, а теперь три полныхъ года былъ въ дорогѣ, пока не доѣхалъ (до Москвы), привезя съ собою, по обыкновенію, подать царю за три года. Подать, на сумму въ 180 тысячъ динаровъ (рублей), состояла изъ соболей, бѣлокъ, горностаевъ и рыбьяго зуба. Купцы этого города, которые ведутъ торговлю для царя, министровъ и вельможъ, намъ также разсказывали, что имъ нужно шесть лѣтъ на дорогу туда и обратно и что тамъ они остаются только одну зиму, пока не сдѣлаютъ закупки. Царь Иванъ въ свое царствованіе установилъ такой обычай и порядокъ, что каждый воевода остается въ томъ городѣ, куда онъ посланъ, не болѣе трехъ лѣтъ, а воеводѣ сибирскому нужно девять лѣтъ для поѣздки туда, пребыванія тамъ и возвращенія. Это пространство столь велико, что умъ не въ силахъ его обнять. Говорятъ, что войска въ Сибири болѣе 200 тысячъ и большая часть его казаки. Если бы мы не видѣли этихъ вещей собственными глазами и не слышали, то не повѣрили бы и не записали.

Жители тѣхъ странъ вовсе не знаютъ пшеницы и хлѣба. Вся ихъ пища состоитъ изъ жареной рыбы и мяса дикихъ животныхъ, ибо снѣгъ и морозъ не прекращаются въ ихъ странѣ ни лѣтомъ, ни зимой. Впрочемъ, говорятъ, что предъ праздникомъ Апостоловъ (Петра и Павла) ледъ таетъ и рѣки начинаютъ течь, въ праздникъ же Успенія Владычицы выпадаетъ снѣгъ и начинается морозъ. Эти сорокъ дней составляютъ ихъ лѣто. Поэтому-то самый большой подарокъ у нихъ хлѣбъ и пшеница.

Говорятъ, что поблизости Казани есть рѣка, которая течетъ изъ Сибири, что она очень затруднительна для плаванія и что это не одна рѣка, а нѣсколько различныхъ рѣкъ или узкихъ протоковъ. По каждой рѣкѣ ходятъ ей свойственныя суда. Разсказываютъ, что они входятъ въ подземелья, высѣченныя въ большой горѣ, въ которой протекаетъ вода, и идутъ тамъ на разстояніи мѣсяца пути, а затѣмъ выходятъ къ большой рѣкѣ, вода которой очень прозрачна, а ширина, какъ говорятъ, три дня пути. Достигнувъ этой рѣки, пловцы чувствуютъ облегченіе; но мало судовъ доходитъ до нея и потому тамъ мало ѣздятъ. На этихъ судахъ перевозятъ только зерновой хлѣбъ. Говорятъ, что рѣка Сибири течетъ къ Астрахани вмѣстѣ съ рѣкой Архангельска и что англійскіе франки, нѣсколько времени тому назадъ, предложили нынѣшнему царю платить ежегодно двѣсти ты-

сячъ динаровъ за дозволеніе проводить свои суда въ Сибирь и не приходить въ пристань Архангельска, ибо они открыли упомянутую рѣку, впадающую въ море близъ Сибири. Но царю неугодно было дозволить имъ проходить по его странѣ и видѣть ее, потому что они враги. Говорятъ, что дорога въ Сибирь довольно близка, если ѣхать кратчайшимъ путемъ на казанскія степи, но она очень опасна отъ татаръ *каллужидисъ* (калмыковъ).

Возвращаемся (къ разсказу). Изъ сибирской земли вывозятъ много ревеня, который растетъ въ странѣ Хота (Хотенъ). Его привозятъ (въ Москву) и продаютъ здѣсь по сорока динаровъ за пудъ, т. е. за 13 окъ, самаго высокаго сорта; а если онъ низкаго сорта и легкій, то за пятнадцать. Московиты настаиваютъ имъ водку, такъ какъ онъ окрашиваетъ ее въ желтый цвѣтъ и дѣлаетъ весьма пользительною. Лучшій ревень тотъ, который твердъ и очень вѣсокъ, у котораго сердцевина красная и который, когда смочишь его снаружи, окрашиваетъ бумагу, какъ шафранъ. Мы видали, что такъ (испытывали его) греческіе купцы, закупавшіе его для Константинополя; говорятъ, что они немного отъ него наживаютъ [1]. Изъ Сибири вывозятъ еще чистый мускусъ. Что касается рыбьяго зуба, то, какъ намъ разсказывали, онъ получается отъ животнаго, по однимъ, сухопутнаго, а по другимъ, отъ морского. Когда рѣки замерзаютъ и оно, томимое жаждой, приходитъ напиться и не находитъ (воды), то пробиваетъ ледъ однимъ изъ своихъ клыковъ (какъ мы видѣли, его изображаютъ съ двумя клыками, подобно борову), чтобы добраться до воды. Его клыкъ ломается во льду. Жители той страны приходятъ и подбираютъ клыки. Пудъ высшаго сорта стóитъ въ Москвѣ пятьдесятъ динаровъ (рублей) и менѣе, до десяти. Пудъ у нихъ содержитъ 40 фунтовъ, а каждый фунтъ 133 драхмы, такъ что пудъ равняется полнымъ 13 константинопольскимъ окамъ. Сибирская подать, обыкновенно, доставляется ежегодно къ празднику св. Николая или къ Богоявленію. При самомъ прибытіи ея въ Москву, слѣдующая подать уже выступаетъ изъ той страны, дабы она получалась царемъ каждый годъ, безъ перерыва.

Затѣмъ патріархъ сталъ разспрашивать тѣхъ людей чрезъ переводчика о положеніи ихъ страны и насколько верстъ она отстоитъ отъ Москвы. Они сказали: „разстояніе нашей страны сорокъ тысячъ верстъ, и мы отсутствуемъ изъ нея болѣе трехъ

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „получаютъ большіе барыши“.

съ половиной лѣтъ". По этой-то причинѣ лица ихъ были черны и сухи. Когда присутствующіе услышали: „сорокъ тысячъ верстъ", то были весьма удивлены, ибо разстояніе въ каждую тысячу верстъ требуетъ мѣсяца пути, особливо въ лѣтнее время при постоянныхъ дождяхъ и трудныхъ дорогахъ; а въ особенности при наступленіи зимы путешественники сильно задерживаются, когда замерзнетъ земля, ибо грязь становится словно гвозди, что весьма затруднительно для ногъ лошадей, и дѣлается удобопроходимою не раньше, чѣмъ выпадетъ обильный снѣгъ, который уравниваетъ землю. Вторая причина та, что они дожидаются замерзанія рѣкъ, ибо рѣки быстро не замерзаютъ, и только спустя нѣкоторое время, когда ледъ утолщится и окрѣпнетъ, путешественники осмѣливаются переходить черезъ нихъ. Передъ самымъ замерзаніемъ рѣкъ, суда по нимъ уже не ходятъ, ибо ледъ образуется на нихъ слоями. Потомъ патріархъ спросилъ ихъ: „на чемъ вы ѣздите? есть-ли у васъ лошади?" Они отвѣчали: „нѣтъ, но у насъ есть собаки, которыхъ мы употребляемъ вмѣсто лошадей. Онѣ возятъ наши повозки и сани, дороги же зимой для насъ легки".—„Что вы ѣдите?" спросилъ ихъ патріархъ. Они отвѣчали: „когда увидимъ дикаго звѣря, отвязываемъ своихъ собакъ и спускаемъ на него, и когда онѣ его поймаютъ, мы и собаки ѣдимъ его сырымъ, не варя на огнѣ. Это наша провизія и наша пища".—„Что вы пьете?" спросилъ онъ. Они сказали: „если не находимъ воды, ѣдимъ снѣгъ, который замѣняетъ намъ воду; также и собаки, когда почувствуютъ жажду, то лижутъ ледъ". Онъ спросилъ ихъ, кому они поклоняются. Они сказали ему, что они Эллины, т. е. почитаютъ идоловъ и животныхъ и поклоняются небу. Услыхавъ это, всѣ присутствующіе сильно удивились. Мы же, въ особенности, были рады этимъ разсказамъ и тому, что видѣли и слышали: на наше счастье всѣ эти народы пріѣзжали (при насъ). Затѣмъ патріархъ отпустилъ ихъ.

Мы видали упомянутыхъ собакъ въ домахъ государственныхъ сановниковъ, кои хвастаютъ ими и строятъ для нихъ деревянные домики подлѣ воротъ своихъ жилищъ, привязывая этихъ собакъ толстою цѣпью за шею, ибо, Богъ свидѣтель, каждая собака больше осла; голова же у нея больше, чѣмъ у буйвола, а пастью своею она можетъ проглотить голову буйвола. Что касается ихъ пищи, то имъ даютъ бычачьи головы, разрѣзанныя пополамъ на обѣдъ и ужинъ. Богу извѣстно, какъ сильно мы испугались, увидѣвъ ихъ, ибо видъ ихъ ужаснѣе вида львовъ. Этихъ собакъ запрягаютъ по-двѣ въ маленькія сани, похо-

жія на *бармэ* [1] въ Константинополѣ, съ выступомъ спереди, гдѣ садится человѣкъ. Что бы онъ ни везъ съ собой, соболей и иное, упаковываетъ въ кожаные мѣшки для предохраненія отъ снѣга и дождя, и самъ на нихъ садится. Онъ погоняетъ собакъ длиннымъ хлыстомъ, держа въ (другой) рукѣ возжи, и, какъ намъ говорили, собаки бѣгутъ быстрѣе лошадей ночью и днемъ.

[Въ слѣдующемъ году, когда мы находились въ городѣ Москвѣ по повелѣнію царя, въ тѣ дни прибыли изъ области сибирской многія племена татаръ страннаго нрава; нѣкоторые изъ нихъ походили на узбековъ по своимъ длиннымъ бородамъ и широкимъ одеждамъ, которыя были особенно роскошны. Мы разговаривали съ ними по-турецки, и они сообщили намъ, что должны платить царю ежегодную подать въ 3000 динаровъ, за каковую они привезли ему ревеня и мускуса перваго сорта, которые онъ продаетъ франкамъ. Они разсказывали, что дикое животное, отъ котораго получается мускусъ, водится въ пустыняхъ, лежащихъ между Сибирью и Татаріей. Здѣсь эти люди находятся въ большомъ стѣсненіи и не имѣютъ дозволенія ходить самовольно по городу: за ними непремѣнно слѣдуютъ стрѣльцы, и никто не смѣетъ перемолвиться съ ними ни однимъ словомъ, развѣ только въ величайшей тайнѣ, какъ дѣлали мы. Представивъ свою подать царю, они начали тайно продавать мускусную воду, которую привезли съ собою, по 22 динара за фунтъ. Московиты не любятъ ея и не пьютъ, почему она очень дешева. Персіяне покупаютъ ее у сибирскихъ жителей по 40 динаровъ, но теперь ни одного изъ нихъ не было здѣсь. Они разсказывали намъ, что имѣли прежде каменныя мечети съ минаретами, но что теперешній патріархъ Никонъ послалъ разрушить ихъ. Они называютъ церкви монастырями, а христіанъ казаками]. Страну Китай они называютъ Чинъ и Мачинъ, а страну Хота Хотахоты, и говорятъ, что она отстоитъ отъ ихъ земли болѣе чѣмъ на три года пути. Они называютъ его—т. е. султана Хота и царя Китая — невѣрнымъ султаномъ. Они говорили, что золотой султанъ находится по близости отъ нихъ.

Эти вещи Богъ удостоилъ насъ, послѣ великаго желанія, увидѣть собственными глазами и записать поодиночкѣ, на пользу слушателей, дабы насъ поминали добромъ всегда, во вѣки вѣковъ.

---

[1] Вѣроятно, названіе экипажа. Въ англійскомъ переводѣ: barmia.

Глава IV.

Москва.—Завоеванія казаковъ въ восточной Сибири. Москва подъ владычествомъ татаръ и митрополитъ Петръ. Дань татарамъ. Укрѣпленія на южной границѣ.

Возвращаемся (къ прерванному разсказу). Въ этотъ же разъ патріархъ сообщилъ нашему учителю о царицѣ Хота и Хатай и о томъ, что она присылала недавно къ царю съ изъявленіемъ покорности. Московиты называютъ на своемъ языкѣ страну Хота и Хатай *Китаске*. Разсказываютъ, что изъ вышеупомянутыхъ благословенныхъ казаковъ, покорившихъ эти страны, отправилось около 400 человѣкъ съ ружьями по направленію къ востоку, изъ страсти къ путешествіямъ. Употребивъ много времени на походъ, они достигли до границы упомянутой страны. Войско, охранявшее границу, увидѣвъ казаковъ, очень испугалось, ибо казаки тотчасъ же выстрѣлили изъ ружей, и тѣ всѣ попадали ницъ на землю. Вставши, они повели ихъ учтиво къ царицѣ, которая, по ихъ словамъ, была вдова и правила государствомъ вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ. При видѣ казаковъ она сильно изумилась. Угостивъ ихъ и оказавъ почетъ, царица просила ихъ выстрѣлить изъ ружей, и когда они выстрѣлили, на жителей города напалъ страхъ предъ казаками. Отыскали переводчика, и царица спросила казаковъ объ ихъ царѣ. Они сказали ей, что онъ могущественъ и имѣетъ много войска. Она удивилась, что во вселенной есть другой міръ и страны кромѣ ея, ибо они думали, что они одни въ мірѣ. Да будетъ благословенно имя всевышняго Бога! Она сказала имъ: „у насъ написано, что бѣлый царь долженъ завоевать всѣ страны; быть можетъ, это вашъ царь?“—„Да, отвѣчали казаки, и онъ уже покорилъ большую часть земли“. Она стала просить ихъ, говоря: „можетъ быть, вы примете на себя посредничество между нами, для выраженія ему нашей покорности, дабы онъ защищалъ насъ отъ враговъ и прислалъ намъ съ вашей стороны, для охраны, ратниковъ съ ружьями, какъ у васъ, а мы пошлемъ ему казну“. Казаки попросили ее отправить посла и прибыли съ нимъ къ царю, имѣя съ собою подарки—слитки серебра. Намъ разсказывали, что въ той странѣ серебро такъ (обыкновенно), какъ камень, и что въ домахъ потолки дѣлаются изъ серебра вмѣсто камня и досокъ, такъ какъ вся почва въ той странѣ (изобилуетъ) серебромъ. Царь хотѣлъ послать привезти того серебра. Посолъ же (царицы), по оказаніи ему почета и

обласканный царемъ, отправился въ обратный путь. Сочли, что они были въ пути цѣлыхъ шесть лѣтъ и что, еслибы даже серебро было золотомъ, потребовалось бы расходовъ и труда больше, чѣмъ оно стоитъ, и потому отъ него отказались. Царь хотѣлъ послать царицѣ ратниковъ, но и этого не нашли возможнымъ, по причинѣ отдаленности той страны. И царица хотѣла прислать царю войско, сражающееся лукомъ и стрѣлами, но также (отказалась отъ этого) вслѣдствіе дальности разстоянія, такъ какъ сочли, что нужно шесть лѣтъ для пути туда и обратно, а это вещь невозможная. Казаки привезли съ собою плѣнниковъ, которые сообщили о своей странѣ, что тамъ есть церкви и колокола, въ кои постоянно звонятъ, и что они совершаютъ поклоны, но никто не знаетъ кому, ибо христіанская вѣра, за давностью времени, имъ забыта. Въ древнемъ *тактиконѣ* (уставѣ) антіохійскаго патріарха упоминается объ одной изъ четырехъ каѳолическихъ странъ въ такихъ словахъ: „третья каѳолическая страна есть Хота и Хатай“. Мы находимъ теперь очевидные признаки справедливости этого въ томъ, что они звонятъ въ колокола и совершаютъ поклоны. Имѣя основаніе въ своихъ книгахъ, мы сказали имъ, что они входятъ въ составъ области патріарха антіохійскаго, чему они удивились. Патріархъ Никонъ сообщилъ, что онъ послалъ къ нимъ пятьсотъ священниковъ, которые крестятъ ихъ ночью и днемъ. Онъ сказалъ: „они увѣдомили меня, что ежедневно крестятъ болѣе двадцати тысячъ“. Такъ онъ разсказывалъ. Не знаемъ, правда это или ложь—Богъ вѣсть. Эта страна, какъ говорятъ, лежитъ за моремъ-океаномъ и представляетъ рядъ крѣпостей по берегу моря. Со стороны Московіи нѣтъ туда иного пути, какъ только сушей. По этой причинѣ, какъ говорятъ, король Испаніи завоевалъ часть этой страны и изъ нея получилъ свое серебро. Что касается золотого султана, то страна его близка къ внѣшней (передней) Сибири (и лежитъ) между сѣверомъ и востокомъ. Султанъ этотъ покорился при отцѣ теперешняго царя: казаки завоевали его страну и привели его къ покорности. Онъ ежегодно присылаетъ въ видѣ дани царю слитки золота,—ибо у него есть золотой рудникъ—сѣдла, расшитыя золотомъ и др., породистыхъ лошадей и чудесныя кольчуги изъ желтой мѣди, которая тверже стали. Говорятъ, что разстояніе до его страны составляетъ около года пути. Жители ея безобразны лицомъ и болѣе дики, чѣмъ *Лопани*; на шеѣ у нихъ всегда висятъ большія деревянныя четки. Этого султана называютъ Алтунъ-падишахи (золотой царь). Говорятъ, что онъ ханифійскаго исповѣ-

данія, такъ какъ, до временъ царя Ивана, весь сѣверовосточный уголъ былъ заселенъ ханифійцами, т. е. мусульманами.

Во дни Василія Македонянина, даже въ самой Москвѣ были татарскіе цари. Когда онъ прислалъ свою сестру къ кіевскому царю Владиміру и вся та страна приняла крещеніе отъ руки св. Петра, о коемъ мы уже разсказывали, святой прибылъ въ этотъ городъ, находившійся во власти татаръ, и совершилъ великія чудеса. По этой причинѣ его очень полюбили и вѣрили всему, что онъ говорилъ имъ. Видя, что они не вѣруютъ (во Христа), онъ сказалъ имъ: „вотъ, я пошлю отъ Господа огонь, который пожжетъ васъ, и воду, которая потопитъ этотъ городъ; уходите изъ него на нѣкоторое время“. Они повѣрили ему и ушли въ предѣлы Казанской области, а святой немедленно послалъ за царемъ Владиміромъ и его войскомъ и отдалъ ему во власть этотъ городъ вмѣстѣ съ другими, безъ труда и войны. Потомъ, усилившись, они завоевали много областей. Этотъ Владиміръ имѣлъ двѣнадцать сыновей и каждому изъ нихъ далъ во владѣніе по области. Онъ построилъ много городовъ, и до сихъ поръ существуетъ городъ его имени, называемый Владиміръ. По этой-то причинѣ съ того времени владѣнія раздробились, и стало, какъ мы уже упомянули, семьдесятъ областей, (что продолжалось) до временъ царя Ивана. Затѣмъ св. Петръ заключилъ договоръ между русскими и татарами, наложивъ въ пользу послѣднихъ дань, которую должны были вносить имъ ежегодно Владиміръ и его дѣти, чтобы татары утѣшились въ потерѣ своей страны, при чемъ произнесъ анаѳему на того, кто нарушитъ договоръ. Этотъ же самый святой построилъ вторую стѣну города внѣ дворца [1], ибо во времена татаръ не было ничего, кромѣ крѣпости, которая есть дворецъ. Договоръ оставался въ силѣ между ними до временъ царя Ивана, который пошелъ и завоевалъ Казань, откуда оставшіеся въ живыхъ татары ушли въ Астрахань; когда же онъ и ее взялъ, они бѣжали въ татарскую страну, которой владѣютъ въ настоящее время, именно, Крымъ, Бахчисарай, Кафу и иныя. Отъ Астрахани до Крыма, резиденціи хана, разстояніе только пятнадцать дней пути. Татары владѣли областями и городами, лежащими влѣво, если идти изъ Путивля въ Москву, и теперь еще эта страна называется ихъ именемъ. Цари московскіе захватили ее хитростью. На

[1] Подъ именемъ дворца авторъ разумѣетъ весь Кремль; слѣдовательно, стѣна, построенная, по его словамъ, святымъ Петромъ, есть стѣна Китай-города.

пространствѣ болѣе чѣмъ въ 40, 50 дней пути лежали пустыя, заброшенныя земли; каждый царь посылалъ построить тамъ крѣпость и села и такимъ образомъ захватывалъ область, потому что у татаръ не было силы охранять ее; (такъ продолжалось) до временъ теперешняго царя, который въ свое царствованіе соорудилъ шестнадцать крѣпостей, назвавъ ихъ своимъ именемъ, кромѣ крѣпостей и фортовъ, которые онъ построилъ на берегу рва, выкопаннаго имъ между его страной и татарской. Говорятъ, что этотъ ровъ очень великъ и широкъ и имѣетъ въ длину пять тысячъ верстъ; именно, (онъ тянется) отъ окрестностей Путивля почти до великой рѣки Волги. На краяхъ рва утверждены связанныя между собою бревна съ удивительными приспособленіями. Царь выстроилъ на немъ тридцать большихъ крѣпостей, а на разстояніи каждыхъ тридцати верстъ по укрѣпленію съ 500 стражей. Говорятъ, что эта стража составляетъ около шестидесяти тысячъ ратниковъ; другіе говорятъ, что не шестьдесятъ, а полтораста тысячъ. Они смѣняются чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Для нихъ устроены тамъ города и селенія и заведены посѣвы на тѣхъ земляхъ, которыя были пусты и заброшены. По этой-то причинѣ, со временъ нынѣшняго царя, татары ни разу не переступали границы его земель, и многія области ихъ, близкія къ Московіи, завоеваны московитами. Крымъ, резиденція хана, отстоялъ прежде отъ Московіи на сорокъ дней пути, а теперь онъ отстоитъ отъ границы (московскаго) царства только на пять дней. Поэтому царь ежегодно даетъ хану и мурзамъ казну: денегъ, соболей, бѣлокъ, горностаевъ, почетныя платья и пр.; по словамъ нѣкоторыхъ, это обходится ему въ 12000 піастровъ, а другіе говорятъ, что прежде, со временъ св. Петра и позднѣе, дань была 40000 динаровъ, [но теперь, при нынѣшнемъ царѣ, все это прекращено, и онъ посылаетъ татарамъ лишь весьма незначительную сумму, около 12000 динаровъ,][1] да и то не изъ страха передъ ними, а въ видѣ арендной платы за ихъ земли, которыми завладѣли московиты. Если бы не проклятіе св. Петра, они бы всему этому положили конецъ. Прежніе цари не умѣли устроить дѣло такъ, какъ нынѣшній царь, который оградилъ себя отъ татаръ упомянутымъ большимъ рвомъ, крѣпостями, фортами, башнями со множествомъ пушекъ и многочисленнымъ охраннымъ войскомъ, стоящимъ постоянно на стражѣ. Вотъ уже около десяти лѣтъ онъ царствуетъ, и татары не переступали границы его владѣній и не

[1] Дополнено по англійскому переводу.

взяли изъ нихъ ни одного плѣнника: у нихъ совсѣмъ не стало силы. Въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ мы были въ этой странѣ, царь хотѣлъ прекратить посылку казны, но между нимъ и его врагами ляхами возникла война, и потому онъ этого не сдѣлалъ, зная, сколько милліоновъ золота ляхи обѣщали татарамъ, чтобы тѣ пришли къ нимъ на помощь. Впрочемъ, они только посмѣялись надъ татарами и ничего имъ не дали.

Глава V.

Москва.—Татарскіе послы въ Москвѣ. Отношеніе русскихъ къ иностраннымъ посламъ и вообще къ иностранцамъ. Патріархъ Никонъ и богатый армянинъ. Торговля англичанъ.

Для утвержденія договора между московитами и татарами, ежегодно пріѣзжаетъ отъ татаръ посолъ, въ сопровожденіи пятидесяти человѣкъ, и они остаются въ Москвѣ цѣлый годъ въ качествѣ заложниковъ. Когда пріѣзжаетъ другой посолъ, первый беретъ казну и уѣзжаетъ. И отъ московитовъ ѣздитъ къ хану посолъ съ письмомъ, въ сопровожденіи переводчиковъ и свиты, и остается тамъ цѣлый годъ. Этого посла съ его людьми татары не выпускаютъ изъ своихъ предѣловъ, пока не пріѣдетъ къ нимъ (другой) посолъ изъ Москвы, такъ что послы встрѣчаются на дорогѣ. Мѣстожительство татарскаго посла въ Москвѣ находится за земляннымъ валомъ. Его стережетъ многочисленная стража изъ стрѣльцовъ; отнюдь никому не дозволяется къ нимъ входить, и когда кто изъ татаръ выходитъ на рынокъ въ случаѣ надобности, всегда за нимъ неотступно слѣдуютъ стрѣльцы съ палками и совсѣмъ не пускаютъ въ ворота крѣпости, т. е. дворца (Кремля). И мы видали, что за ними всегда ходятъ стрѣльцы, и никто не смѣетъ съ ними разговаривать. Когда посолъ является для представленія царю, по пріѣздѣ и предъ отъѣздомъ, многочисленные стрѣльцы въ своемъ красномъ одѣяніи становятся въ рядъ по дорогѣ съ обѣихъ сторонъ [чтобы поразить его изумленіемъ]. Посла везутъ назадъ не тѣмъ путемъ, которымъ онъ пріѣхалъ изъ своей страны, но другимъ, ибо такой смышлености, какъ у московитовъ, такой хитрости и ловкости не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ народѣ, какъ намъ разсказывали бывалые греческіе купцы, которые въ прежнее время пріѣзжали съ турецкими послами, когда существовала дружба между обоими народами. Говорятъ, что тѣмъ путемъ, которымъ привозили посла, отнюдь не возвращались съ нимъ, дабы онъ не ознакомился съ дорогами и городами, и везли его не прямымъ путемъ, а съ боль-

шими поворотами, дабы показать ему этимъ громадность своей страны. Когда онъ приближался къ городу (Москвѣ), его встрѣчали за семь верстъ, при чемъ стрѣльцы стояли въ рядъ съ обѣихъ сторонъ до царскихъ палатъ, не считая тѣхъ, которые шли впереди; вся цѣль этого была та, чтобы поразить посла многочисленностью войска. Такъ поступали со всѣми послами, которые пріѣзжаютъ отъ кизилбашей, [1] отъ цесаря, государя нѣмецкаго, изъ Швеціи, Англіи, Голландіи и иныхъ земель. Хотя бы послу путь былъ на одинъ мѣсяцъ, съ нимъ кружатся на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ пути. Татарскому послу назначаются ежедневно на прокормъ лошади, которыхъ татары рѣжутъ и ѣдятъ по своему обычаю, а равно овцы, куры, напитки и прочее. Турецкому послу ежедневно выдавалось десять овецъ, одинъ быкъ, двадцать куръ, пять утокъ и пять гусей, десять окъ [2] масла и столько же меда, восковыя свѣчи, дрова, напитки и пр., помимо ежедневной выдачи копейками ему и его людямъ. Такимъ же образомъ содержатъ посла кизилбашскаго и всѣхъ другихъ пословъ, смотря по числу людей, которые съ ними пріѣзжаютъ, и чего бы посолъ ни попросилъ, выдаютъ ему. Со всѣми этими послами они отнюдь не имѣютъ сообщенія, потому что считаютъ чуждаго по вѣрѣ въ высшей степени нечистымъ: никто изъ народа не смѣетъ войти въ жилище кого-либо изъ франкскихъ купцовъ, чтобы купить у него что-нибудь, но долженъ идти къ нему въ лавку на рынкѣ; а то его сейчасъ же хватаютъ со словами: „ты вошелъ, чтобы сдѣлаться франкомъ“. Что же касается сословія священниковъ и монаховъ, то они отнюдь не смѣютъ разговаривать съ кѣмъ-либо изъ франковъ: на это существуетъ строгій запретъ.

Въ этомъ городѣ живетъ много франкскихъ купцовъ изъ нѣмцевъ, шведовъ и англичанъ, съ семействами и дѣтьми. Прежде они обитали внутри города, но нынѣшній патріархъ, въ высшей степени ненавидящій еретиковъ, выселилъ ихъ по слѣдующему поводу: идя по городу съ крестнымъ ходомъ, онъ замѣтилъ, что они не сняли своихъ колпаковъ и не осѣняли чела крестнымъ знаменіемъ предъ иконами и крестами. Удостовѣрившись, что они франки, переодѣтые въ платье московитовъ, онъ заставилъ царя выселить ихъ не только изъ этого города, но даже изъ всѣхъ другихъ и изъ крѣпостей и укрѣпленій, поселивъ ихъ внѣ города; не выселяли лишь тѣхъ, которые крестились. Ихъ церкви,

---

[1] Персіянъ.

[2] Око = $3^1/_2$ фун.

принадлежавшія имъ издревле, разрушили, вмѣстѣ съ татарскими мечетями, и не дозволили построить другія за городомъ среди ихъ жилищъ. Въ особенности разрушали церкви армянъ, жителей Астрахани, и самихъ ихъ поселили за городомъ. По этой причинѣ они были вынуждены, вмѣстѣ съ другими племенами, открыто креститься ночью и днемъ. Разсказываютъ, что былъ одинъ армянинъ, очень важный купецъ и переводчикъ въ царскомъ диванѣ. Когда вышелъ изъ дивана царскій указъ отъ патріарха, чтобы армяне, снявъ московское платье, которое они надѣвали, носили свое обычное платье и сбрили бороды по своему обыкновенію, этотъ купецъ, имѣвшій длинную, весьма большую сѣдую бороду, постыдился ее сбрить и послалъ патріарху пятьдесятъ тысячъ динаровъ, чтобы онъ оставилъ ему бороду, дабы не было ему стыдно и зазорно передъ людьми на закатѣ его жизни. Но патріархъ отказалъ, ибо въ деньгахъ онъ не нуждается,—да и какъ это возможно въ странѣ столь пространной, управляемой лишь двумя: царемъ и патріархомъ? Онъ велѣлъ сказать въ отвѣтъ купцу: „если онъ окрестится, то станетъ какъ всякій изъ насъ“. Но тотъ не пожелалъ, и тогда выгнали всѣхъ до одного армянъ. У нихъ были огромныя каменныя, подобныя царскимъ, палаты, веселящія сердце, которыя они, вынужденные къ тому патріархомъ, должны были продать московитамъ.

Въ этомъ городѣ постоянно живутъ консулы отъ королей англійскаго и голландскаго, отъ Австріи и Швеціи, какъ живутъ они и у насъ въ Алеппо. Когда, нѣсколько времени тому назадъ, англичане возстали на своего государя и убили его, царь Алексѣй разгнѣвался на нихъ, такъ какъ они измѣнили своему государю, и велѣлъ выгнать ихъ изъ всей своей страны, пока новый король не прислалъ важнаго посла, дабы расположить мысли царя къ благосклонности. Мы ходили смотрѣть на него. Всѣ ихъ корабли приходятъ въ Архангельскъ, царскую пристань на морѣ-океанѣ. Тамъ есть большая крѣпость во имя св. Михаила архангела. Городъ прежде былъ въ рукахъ англичанъ, но отвоеванъ у нихъ царемъ Иваномъ. Они привозятъ въ Московію всякіе товары: грузы критскаго вина, вина изъ Испаніи, Франціи и изъ своей земли, всевозможныхъ сортовъ, по полреалу за око; а также оливковое масло, маслины, орѣхи грецкіе, леденцы, бездѣлушки, стекло, кассію и другіе предметы: ткани и прочіе франкскіе товары. Отсюда они берутъ соболь съ хвостами, бѣлку и *телятинъ*, т. е. кожу для обоевъ, которую они въ своей странѣ вытисняютъ золотомъ и привозятъ какъ къ московитамъ,

такъ и въ нашу страну, вмѣстѣ съ рыбьимъ зубомъ. Въ праздникъ Успенія Владычицы, 15 августа, бываетъ большая ярмарка съ куплей и продажей; въ это время московскіе купцы отправляются къ англичанамъ (въ Архангельскъ) со своими товарами, продаютъ имъ и покупаютъ у нихъ. Московиты вывозятъ оттуда свои товары не раньше зимняго времени на саняхъ, выѣзжая въ праздникъ св. Димитрія и пріѣзжая въ Москву къ празднику св. Николая. Царь получаетъ отъ нихъ большую пользу чрезъ пошлину, ибо, какъ говорятъ, купцы доставляютъ ему піастры и золото большими бочками, вслѣдствіе того, что бываетъ много торговыхъ сдѣлокъ. Пошлину берутъ съ десяти одинъ, какъ съ англичанъ, такъ и съ мѣстныхъ купцовъ. Англичане вывозятъ на своихъ корабляхъ всего больше пшеницу и рожь, потому что пропитаніе всѣхъ франкскихъ странъ идетъ изъ запасовъ этой страны. Царь даетъ имъ пшеницу и рожь и беретъ отъ нихъ чудесныя желѣзныя брони, называемыя *джебаханэ*, оружіе и пр. Въ этомъ именно онъ нуждается отъ нихъ. Говорятъ, что разстояніе острововъ Англіи отъ Архангельска, при попутномъ вѣтрѣ, 15 дней пути. Это три огромныхъ острова въ морѣ-океанѣ, одинъ близъ другого, окружностью въ восемь тысячъ миль. Первый называется *Инклитара*, второй — *Филондра*, а третій—*Скоція*.

У царя есть люди, освободившіеся изъ плѣна, кои знаютъ нашу страну по пядямъ, какъ и весь свѣтъ. По этой причинѣ они дѣлаются переводчиками. При насъ постоянно былъ одинъ изъ нихъ, знающій двѣнадцать языковъ: арабскій египетскаго нарѣчія, турецкій, греческій и франкскій; а родомъ онъ московитъ.

Знай, что въ праздникъ Успенія, 15 августа, бываетъ въ четырехъ мѣстахъ большая ярмарка: первая—въ области *Серкасъ*; сюда пріѣзжаютъ купцы *Барса*; эта ярмарка называется *Долянгъ;* [1] вторая — въ знаменитомъ монастырѣ Печерскомъ, въ

---

[1] Мы не могли въ точности опредѣлить, о какой ярмаркѣ говоритъ здѣсь Павелъ Алеппскій; думаемъ, что эта ярмарка происходила въ Черкасскѣ на Дону. Въ половинѣ XVII в. этотъ городъ, будучи довольно значительнымъ и находясь на самой границѣ, близъ устья Дона и турецкаго Азова, могъ получить важное торговое значеніе, какъ складочное мѣсто товаровъ, перевозимыхъ по Дону. Цвѣтущее состояніе Черкасска окончилось лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда въ 1805 году главное управленіе Войска Донского было переведено въ Новочеркасскъ. Что касается купцовъ *Барса*, о которыхъ авторъ счелъ нужнымъ упомянуть особо, то это, вѣроятно, Парсы изъ Индіи. Они издавна пріѣзжали въ Астрахань,

странѣ казаковъ; третья—въ монастырѣ, въ городѣ, называемомъ *Синска* (Свинскъ),[1] въ управленіи московитовъ, между ихъ границей и границей ляховъ; четвертая—въ Архангельскѣ. Всѣ четыре ярмарки въ четырехъ почитаемыхъ монастыряхъ, во имя Успенія Владычицы

Глава VI.

Москва.—Извѣстія о Грузіи, о царѣ Теймуразѣ и царицѣ Еленѣ

Покончивъ съ извѣстіями объ этой сѣверной странѣ, возвращаемся къ окончанію извѣстій объ областяхъ казанской и астраханской. Какъ мы упомянули, наибольшее татарское племя суть татары, называемые *башкирдъ* (башкиры), ибо они обитаютъ отъ предѣловъ Казани до границъ Сибири. Царь беретъ со всего этого племени харачъ, по одному изъ десяти, именно: изъ ло-

---

а при Алексѣ Михайловичѣ „Индійцы получали право посѣщать не только Астрахань, но столицу и внутренніе города Россіи“ (см. Костомаровъ: Очеркъ торговли Моск. Госуд., стр. 52). И они воспользовались этимъ правомъ, судя по тому, что въ 1650 г одинъ индусскій купецъ пріѣзжалъ съ товарами даже въ Ярославль.

Мы приняли чтеніе петербургской рукописи; но въ здѣшней, вмѣсто *Серкасъ*, стоитъ *Сирсъ*. Въ этомъ случаѣ можно было бы думать, что авторъ говоритъ о ярмаркѣ на р. Свири, близъ Александро-Свирской пустыни; эта ярмарка была весьма значительна въ XVII в. и туда пріѣзжали, между прочимъ, шведскіе купцы (см. Костомаровъ: Очеркъ торговли и пр., стр. 111).

Что же касается названія *Долянъ*, или *Дулянъ*, которое одинаково написано въ обѣихъ рукописяхъ, то намъ не удалось пока найти объясненіе его. Для рѣшенія какъ этого, такъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, оставленныхъ неразъясненными, дабы не задерживать печатаніе перевода, мы будемъ продолжать изысканія и результатъ ихъ приложимъ въ концѣ перевода въ видѣ отдѣльныхъ примѣчаній.

[1] Костомаровъ (Очеркъ торговли Моск. Госуд. въ XVI и XVII ст., стр. 138) сообщаетъ объ этой ярмаркѣ слѣдующее: „въ Брянскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII вѣка славилась Свинская ярмарка. Объ ней упоминается подъ 1681 г. Въ объясненіи гостей и торговыхъ людей, данномъ по поводу указа о выборѣ въ таможенные чиновники, говорится, что изъ разныхъ городовъ *посадскіе лучшіе люди отпъзжаютъ къ городу Архангельску, и на Макарьевскую, и на Свинскую, и на иныя ярмарки для торговыхъ своихъ промысловъ и въ домы свои не пріъзжаютъ многое время.* Изъ этого видно, что Свинская ярмарка, поставленная въ числѣ первоклассныхъ торжищъ, была значительна и привлекала къ себѣ многихъ торговцевъ“. Эта ярмарка происходила близъ Свинскаго, или Свенскаго, какъ теперь его называютъ, монастыря, въ 2 вер. отъ Брянска. (См. также Аксаковъ: Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ, 1858, стр. 10).

шадей, верблюдовъ, быковъ, овецъ и пр. Тамошніе воеводы очень ихъ притѣсняютъ. Городъ Багдадъ недалеко отъ города Астрахани. Изъ страны грузинъ есть два пути въ Москву: одинъ сушей, другой моремъ Каспіемъ; но этотъ путь обилуетъ опасностями, когда, достигнувъ пристани безопасности, доходятъ до Демиръ-капу, т. е. Желѣзныхъ воротъ, построенныхъ Александромъ между двумя горами, конхъ закранна подобна мечу,—построенныхъ для того, чтобы никто не проходилъ отсюда къ границамъ резиденціи татарскаго хана. Здѣсь онъ построилъ крѣпость, которая до сихъ поръ въ рукахъ персовъ. Этими воротами непремѣнно нужно проходить. Отъ нихъ до границы Грузіи, (именно) до границы (владѣній) Теймуразъ-хана, пятнадцать дней пути. Цари московскіе, обыкновенно, посылаютъ ему большую помощь деньгами, соболями, оружіемъ и пр. За два года передъ симъ, царь отправилъ къ грузинамъ трехъ пословъ вмѣстѣ, въ сопровожденіи 700 человѣкъ,ославъ съ ними 377 сороковъ лучшихъ соболей, цѣною каждый около 300 динаровъ (рублей), а также 40000 піастръ-реаловъ [1], 10000 золотомъ, оружіе, украшенія и пр. Пословъ этихъ отправили къ упомянутому Теймуразъ-хану на судахъ. По прибытіи въ Астрахань, они поѣхали оттуда по Каспійскому морю, и когда достигли средины его, поднялся противный вѣтеръ и сильная буря, и какъ это море очень опасно и труднопроходимо, обилуетъ (подводными) камнями и узко, такъ что его называютъ озеромъ и его волны (стѣснены) въ немъ, то путешественники не нашли себѣ убѣжища, корабли ихъ разбились и всѣ они потонули; спаслось только человѣкъ двадцать, тридцать, которые вышли на сушу нагими. Они пошли дальше и прибыли въ городъ Шемаху, гдѣ были съ почетомъ приняты его владѣтелемъ, такъ какъ между нимъ и царемъ большая дружба. Онъ послалъ извѣстить шаха о случившемся, потому что этотъ городъ также состоитъ подъ его властью. Шахъ немедленно прислалъ отвѣтъ, чтобы владѣтель Шемахи принялъ путешественниковъ съ большимъ почетомъ и далъ наказъ по деревнямъ, лежащимъ близъ моря, собрать все имущество пословъ. Было собрано, что̀ можно, и владѣтель Шемахи послалъ съ путешественниками нѣсколько человѣкъ проводить ихъ къ Теймуразъ-хану. Извѣстіе о случившемся было послано ими также къ царю. А Теймуразъ-ханъ очень опечалился, что не могъ ничѣмъ помочь. Царь же, услы-

[1] Такъ называетъ авторъ иностранныя монеты, бывшія въ то время въ обращеніи въ Россіи, цѣною въ 50 коп.

шавъ объ этомъ происшествіи, отправилъ къ нему другую казну съ новыми людьми. Существуетъ обыкновеніе, что, когда отправляютъ пословъ въ страны столь отдаленныя, то назначаютъ трехъ пословъ, одинъ старше другого, а также (по три) секретаря и переводчика; если одного изъ нихъ постигнетъ смерть, его мѣсто заступаетъ другой. Когда посланные высадились и приближались къ границамъ Грузіи, случилось, что старшій посолъ умеръ. Обрати вниманіе на злоключенія, постигшія теперь Теймуразъ-хана! первое—убіеніе его сына, второе—захватъ кизилбашами его трона и страны, третье—то, что случилось съ этими послами въ первый и во второй разъ. Обстоятельства принудили посланныхъ отправить на мѣсто себя одного греческаго монаха, бывшаго при Теймуразъ-ханѣ, гонцомъ къ царю съ извѣстіемъ о смерти посла и (съ запросомъ) кого ему угодно назначить на его мѣсто. Монахъ этотъ пріѣхалъ въ Москву нынѣшнимъ великимъ постомъ и посѣтилъ нашего владыку патріарха, котораго онъ зналъ, когда тотъ былъ митрополитомъ въ Алеппо. Мы спросили его, во сколько дней онъ прибылъ изъ Грузіи въ Москву. Онъ сказалъ, что (совершилъ путь) въ восемьдесятъ дней хорошей ѣзды, въ качествѣ гонца, забирая лошадей въ каждомъ городѣ, что онъ загналъ пятнадцать лошадей и ѣхалъ въ эти восемьдесятъ дней безпрерывно ночью и днемъ. Этотъ путь особенно затруднителенъ: (встрѣчаются) огромныя горы и большая опасность со стороны области черкесовъ, гдѣ есть множество разбойниковъ, которые не только грабятъ (путешественниковъ), но берутъ (ихъ) въ плѣнъ и продаютъ кизилбашамъ и татарамъ. По этой причинѣ предпочитаютъ ѣхать моремъ, хотя это опасно. Часть страны черкесовъ подвластна царю, остальные же непокорны: каждый изъ нихъ живетъ самъ по себѣ, и никто не имѣетъ власти надъ ними. Монахъ разсказывалъ, что его иногда провожали пятьсотъ всадниковъ изъ подвластныхъ царю, чтобы провести среди опасностей. Онъ сообщилъ, что путь отъ Москвы до Грузіи почти равенъ пути отъ Константинополя до Москвы, ибо онъ проѣзжалъ по обоимъ путямъ. Подъ конецъ, послѣ Пасхи, царь отправилъ съ нимъ посла на суднѣ по рѣкѣ.

Когда до царя дошла вѣсть о томъ, что кизилбаши напали на Теймуразъ-хана, покорили его страну и убили его сына Давида, то онъ сильно разгнѣвался и тотчасъ отправилъ къ шаху посла сказать: „съ древнихъ временъ и до сей поры не возникало войны между нами; зачѣмъ же вы теперь пошли войной на страну, мнѣ подвластную, и на людей, мнѣ покорныхъ?“ Видя,

что царь сильно разгнѣванъ, шахъ сталъ отпираться и послалъ извиниться предъ царемъ, говоря: „мы братья; я не имѣлъ извѣстій о томъ, что́ случилось, но потомъ, узнавъ, что это сдѣлалъ одинъ изъ правителей, мнѣ ослушныхъ, я, ради тебя, послалъ ему приказъ выйти изъ Грузіи и возвратить Теймуразъ-хана на его мѣсто“. Какъ намъ разсказывали, между московскимъ царемъ и шахомъ всегда существуетъ великая дружба съ давняго времени: шахъ называетъ царя своимъ братомъ, потому что царь и шахъ однихъ лѣтъ: говорятъ, что они родились въ одинъ день—имъ теперь по 27 лѣтъ отъ роду. По причинѣ большой дружбы, между ними существующей, дѣдъ нынѣшняго шаха, по имени шахъ Аббасъ, 32 года тому назадъ, когда завоевалъ Грузію и нашелъ (тамъ) хитонъ Господа Христа въ одной изъ большихъ церквей, немедленно послалъ его покойному царю Михаилу, отцу нынѣшняго царя, вмѣстѣ со всѣми заграбленными священническими облаченіями, осыпанными драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ. Прослышавъ объ этомъ, французскій король послалъ къ шаху, обѣщая ему великую казну и два большихъ города со всѣмъ, что́ въ нихъ есть, въ собственность, если онъ отдастъ ему хитонъ. То же обѣщали ему прочіе франкскіе государи, что́ вокругъ него, но шахъ отказалъ, говоря: „я отошлю его къ моему брату, царю московскому“. Мы раньше въ своей странѣ слышали, что онъ раздѣлилъ хитонъ на-двое, и одну половину отдалъ королю испанскому, а другую царю московскому; но это извѣстіе невѣрно, ибо мы впослѣдствіи видѣли хитонъ въ великую пятницу, покланялись ему и прикладывались. Онъ находится въ своемъ первоначальномъ ковчегѣ, осыпанномъ драгоцѣнными каменьями, съ грузинскими письменами. Ковчегъ, по величинѣ, менѣе маленькаго литургійнаго служебника, съ эту исписанную страницу въ 21 или 22 строки, и такой же ширины, даже, пожалуй, меньше и тоньше служебника. Божественный хитонъ изъ тонкаго полотна, темнаго цвѣта, наполняетъ ковчегъ до верху, такъ что крышка съ трудомъ закрывается. Вотъ какое безцѣнное сокровище, о коемъ вздыхаютъ всѣ цари христіанскіе, пріобрѣлъ московскій царь!

Возвращаемся. Затѣмъ царь послалъ къ Теймуразъ-хану съ просьбой прислать къ нему жену своего сына Давида, вдову, съ ея сыномъ Николаемъ, дабы утѣшить ее и женить сына ея на своей старшей дочери Евдокіи. Цари московскіе весьма любятъ этого Теймуразъ-хана и его дѣтей и титулуютъ его царемъ, ибо знаютъ, что онъ царской породы отъ своихъ предковъ.

Когда мы пріѣзжали въ Грузію въ 7173 году отъ Адама, намъ разсказывали, что родъ Теймуразъ-хана восходитъ до Давида, царя и пророка, ибо, какъ говорятъ, Давидъ..... [1], который воевалъ съ греческимъ царемъ Василіемъ Македонянинномъ, былъ однимъ изъ его предковъ. Что же касается остальныхъ четырехъ князей, находящихся въ Грузіи, то они не древняго рода, и, кромѣ того, эти послѣдніе продаютъ своихъ дѣтей и подданныхъ иностранцамъ, о Теймуразѣ же никогда этого не было слышно: напротивъ, онъ выкупаетъ христіанъ изъ неволи. Вслѣдствіе этого цари посылаютъ по временамъ ему и всѣмъ его вельможамъ, въ видѣ вспомоществованія, весьма значительную казну, подобную посланной нынѣ. Теймуразъ-ханъ послушался тогда царя и отправилъ свою невѣстку, по имени царицу Елену, вмѣстѣ съ царевичемъ Николаемъ, снарядивъ съ ними большое число людей со множествомъ слугъ и служанокъ. Когда они достигли средины опасныхъ степей, то, какъ говорятъ, шахъ, прослышавъ о нихъ, послалъ пятьсотъ всадниковъ захватить ихъ, представлявшихъ собою великое сокровище, въ плѣнъ, но обманулся въ своемъ намѣреніи. [2] Посланные напали на нихъ и сразились съ ними, и такъ какъ съ царицей было небольшое число людей, то побѣдили ихъ, бо́льшую часть умертвили, а всѣхъ (прочихъ) взяли въ плѣнъ. Царица, видя случившееся, тотчасъ остригла свои волосы, одѣлась съ сыномъ въ бѣдное платье и убѣжала. Время было ночное, и это обстоятельство спасло ее вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ ея людей. Пока другіе сражались, она спаслась и еще до наступленія утра достигла турецкой крѣпости. Отсюда ее снарядили въ Астрахань и далѣе въ Москву. Царю послали извѣстіе о случившемся, и онъ прислалъ имъ для путешествія царскія одежды и ратниковъ. Когда царица приблизилась къ Москвѣ, царь, задержавъ ихъ до наступленія ночи, велѣлъ освѣтить всѣ улицы и весь городъ свѣчами и яркими огнями [такъ что вся мѣст-

---

[1] За этимъ именемъ слѣдуютъ въ нашихъ рукописяхъ слова, не имѣющія смысла въ данномъ мѣстѣ. Въ англійскомъ переводѣ: „David of Kerbela". По всей вѣроятности, это Давидъ I Куропалатъ (ум. въ 881 г.) Англійскій переводчикъ неправильно прочелъ его прозвище.

[2] Здѣсь въ англійскомъ переводѣ есть вставка, которой нѣтъ въ нашихъ рукописяхъ: „впослѣдствіи, когда мы, по приказанію царя, ѣхали изъ Грузіи въ Московію во второй разъ, мы узнали, что напавшій на нихъ былъ эмиръ, именуемый Шамхалъ, правитель Дагестана, страны, населенной племенами лезгиновъ и кумуковъ и простирающейся отъ границъ Кахэта и Тоша почти до рѣки Генама, предѣла турецкой крѣпости",

ность казалась покрытой рѣкой огня] и послалъ все войско, министровъ и всѣхъ вельможъ встрѣчать прибывшихъ. [1] Царицу ввезли въ городъ въ царскомъ экипажѣ, а сынъ ея ѣхалъ верхомъ съ большимъ поѣздомъ. Очевидцы разсказывали намъ, что то былъ день изъ такихъ, которые на счету въ жизни. Прибывшихъ помѣстили въ домѣ одного изъ вельможъ, гдѣ всѣ покои, внутренніе и наружные, были покрыты коврами и краснымъ сукномъ, какъ приличествуетъ царямъ и царицамъ. До сихъ поръ царь оказываетъ имъ чрезвычайный почетъ и подобающее уваженіе.

Спустя три дня, царь пригласилъ царевича къ себѣ вечеромъ, при чемъ точно также зажигали свѣчи и огни и разставили войско, и это продолжалось всю ночь. Царь сѣлъ съ нимъ за царскую трапезу, исполненный великой, неописуемой радости; да и какъ не любить его? Блескъ очей его, какъ мы видѣли это собственными глазами, являетъ царственное происхожденіе. Царь назначилъ ему и его людямъ на содержаніе ежемѣсячно по триста динаровъ, сверхъ ѣды и питья. Онъ также послалъ къ шаху, сильно упрекая его, а тотъ, по обычаю извѣстныхъ правителей, коп не отличаются постоянствомъ и не держатъ клятвы, отъ всего отперся. Достовѣрно извѣстно, что та страна [2] не принадлежитъ къ его управленію, а находится во власти непокорныхъ черкесовъ. Къ нимъ-то онъ и послалъ, надававъ имъ множество обѣщаній, съ тѣмъ чтобы они захватили царицу и ея сына. Впослѣдствіи онъ прислалъ (въ Москву) часть слугъ и служанокъ, бывшихъ съ царицей, говоря: „я избавилъ ихъ отъ рукъ разбойниковъ“. Вотъ что произошло.

Мы потомъ ходили къ нимъ съ подарками отъ нашего владыки патріарха. Царица сидѣла на тронѣ; все ея платье, мебель, даже ея подушка и коверъ подъ ногами были чернаго цвѣта, по обычаю вдовъ. Сынъ сидѣлъ подлѣ нея также въ царскомъ одѣяніи. При нашемъ входѣ, онъ снялъ свой колпакъ изъ уваженія къ пославшему насъ. Поодаль стояли женщины, многочисленные служители и переводчики. Когда мы упоминали имя нашего владыки патріарха, они дѣлали земной поклонъ, и мы кланялись имъ. Мы часто посѣщали ихъ, по причинѣ большой любви ихъ къ нашему владыкѣ патріарху, такъ какъ они знали о немъ, когда онъ былъ еще въ Алеппо.

---

[1] Окончанія этой главы, начиная отсюда, и всей слѣдующей нѣтъ въ англійскомъ переводѣ.

[2] Т.-е. страна, гдѣ произошло нападеніе.

Въ пятую субботу поста, по приглашенію царицы Елены, нашъ владыка служилъ у ней литургію, о чемъ мы разскажемъ въ своемъ мѣстѣ. Всякій разъ, какъ мы приходили, сынъ ея подавалъ самъ лично, собственными руками, рюмки съ напитками, по обычаю московскихъ вельможъ, которые подносятъ обѣими руками гостю напитки, при чемъ дѣлалъ поклонъ головою, на что мы отвѣчали тѣмъ же.

Глава VII.

Москва.—Крещеніе иновѣрцевъ. Касимовскій царевичъ и польскій панъ. Конецъ обѣда у патріарха Никона.

Возвращаемся къ нашимъ извѣстіямъ о Казани и ея области. Патріархъ Никонъ сообщилъ въ этотъ день за столомъ нашему владыкѣ патріарху, что кругомъ города Казани живутъ шестьдесятъ тысячъ мусульманъ, которые платятъ харачъ и (всякіе) поборы. Они крестятся днемъ и ночью. Онъ разсказывалъ, что московиты считаютъ ихъ нечистыми и не сообщаются съ ними, не ѣдятъ съ ними и не пьютъ. Кто изъ нихъ окрестится, тотъ не смѣетъ ходить къ своимъ роднымъ, а если пойдетъ по необходимости, то не ѣстъ съ ними изъ одного блюда и за ихъ столомъ, а изъ отдѣльнаго блюда и за отдѣльнымъ столомъ, изъ опасенія возбудить злобу московитовъ и подвергнуться наказанію отъ нихъ за то, что онъ ѣлъ съ мусульманами, ибо у нихъ это считается чѣмъ-то отвратительнымъ и весьма нечистымъ, именно (они думаютъ), что крещеніе оставило его и онъ нуждается въ новомъ крещеніи. Если жена окрестившагося также окрестится вмѣстѣ съ нимъ, то будетъ его женой, а если не пожелаетъ, то отнюдь не дозволяютъ (ему) приближаться къ ней, но разводятъ ее съ нимъ и женятъ его на христіанкѣ. Крестившійся получаетъ отъ щедротъ царя одежду, сукна и много динаровъ, и одинъ изъ государственныхъ сановниковъ бываетъ его крестнымъ отцомъ. Послѣ крещенія бросаютъ все его платье и надѣваютъ на него новое, даже (новый) колпакъ на голову и (новую) обувь на ноги. Они твердо вѣрятъ, что именно такой крестный отецъ избавляетъ его отъ мрака невѣдѣнія и руководитъ къ истинному свѣту. Впослѣдствіи мы видѣли, какъ они крестили взрослыхъ людей въ нашемъ присутствіи въ Москвѣ-рѣкѣ. Священникъ, прочтя положенныя молитвы, налилъ деревяннаго масла и раздѣлъ (крещаемаго), оставивъ его въ одной сорочкѣ, которую снялъ только тогда, когда ввелъ его въ воду и погрузилъ, дабы не обнаружились его pudenda. Онъ

поднималъ и опускалъ его трижды при помощи пояса, пропущеннаго подъ мышки, затѣмъ вывелъ его, послѣ того какъ трижды погрузилъ его съ головой, тотчасъ одѣлъ во все новое, потомъ, по обыкновенію, обошелъ съ нимъ три раза кругомъ воды, пон положенную стихиру; при этомъ какъ онъ, такъ и всѣ присутствовавшіе имѣли въ рукахъ свѣчи. Мы увидѣли нѣчто чудесное: ихъ лица, бывъ черными и мрачными, тотчасъ—о удивленіе!—преобразились въ сіяющія свѣтомъ. Ихъ было трое мужчинъ: двое изъ татаръ *малдванъ* (мордва), а третій изъ ханскихъ татаръ. Они знаютъ по-турецки. Крещеніе совершилось, послѣ того какъ они у насъ, въ монастырской церкви, въ теченіе всего великаго поста, усердно посѣщали службы ночью и днемъ, при чемъ, какъ оглашенные, стояли внѣ церкви. Священникъ училъ ихъ крестному знаменію, молитвамъ и тайнамъ вѣры. Одинъ изъ нихъ былъ старецъ. Мы дивились на московитовъ: они такъ высоко ставятъ вѣру, что не крестятъ никого раньше чѣмъ онъ пробудетъ шесть недѣль, т.-е. 40 дней, въ какомъ-либо монастырѣ, не входя въ церковь. Такъ поступали теперь и съ ляхами и крестили вторично, хотя это недозволительно: но московиты отнюдь не принимаютъ ихъ, не окрестивъ. Такимъ образомъ ляхи, поневолѣ, просятъ крещенія, дабы ихъ приняли и любили отъ всего сердца. Крестившіеся получаютъ высокія должности.

Покойный царь Иванъ, когда шелъ походомъ на Казань, по дорогѣ воевалъ съ независимымъ татарскимъ ханомъ, мусульманиномъ знатнаго рода, правителемъ области Каспиовъ и городовъ: Романовъ и *Изаръ*[1] (Инсаръ?). Страна эта заключаетъ три крѣпости и представляетъ самостоятельную область, имѣющую болѣе десяти тысячъ домовъ. Ханъ, будучи не въ силахъ воевать съ царемъ, изъявилъ ему покорность и передалъ всю свою страну. Поэтому царь Иванъ обошелся съ нимъ милостиво и поставилъ его въ странѣ съ прежнею властью, давъ ему царскій указъ, чтобы онъ ежегодно вносилъ царю подать, чтобы никто не отнималъ у него владѣній и страна оставалась за нимъ и за его дѣтьми до скончанія вѣковъ. Затѣмъ царь пошелъ на крѣпость *Сіямска* (Свіяжскъ?), высокую, неприступную, поднимающуюся на вершинѣ горы; она выстроена на берегу великой рѣки Волги и отстоитъ отъ Москвы на 500 верстъ. Разсказываютъ, что царь послалъ впередъ на судахъ для покоренія ея

[1] Городъ Романовъ находился на среднемъ теченіи рѣки Воронежа. *Изаръ* не есть-ли Инсаръ (въ Пензенской губ.)?

около двадцати тысячъ, и когда бывшіе въ крѣпости узнали о нихъ, то нарубили очень большихъ деревьевъ изъ тѣхъ, которыя окружали крѣпость, и оставили ихъ, пока всѣ (нападавшіе) не приблизились къ основанію (горы), и тогда сбросили ихъ; говорятъ, что эти деревья разсѣяли суда и все войско. Царь Иванъ, услышавъ объ этомъ, воспылалъ сильнымъ гнѣвомъ и отправился самъ. Сдѣлавъ подкопы и проведя подземные ходы подъ крѣпостью, наполнилъ ихъ порохомъ и поджегъ. Стѣны ея рухнули; онъ вступилъ въ нее и перебилъ всѣхъ, бывшихъ въ ней, мечомъ, а затѣмъ отстроилъ ее вновь и пошелъ на Казань.

Возвращаемся. Потомство этого хана продолжается до сихъ поръ. Изъ него остался одинъ только человѣкъ; мы впослѣдствіи видѣли его: онъ очень пріятный, былъ однимъ изъ турецкихъ придворныхъ служителей — и наружность его это показываетъ; хорошо говоритъ по-турецки съ примѣсью персидскаго. Царь вызвалъ его къ себѣ вмѣстѣ съ его женою, матерью и наставникомъ, т.-е. шейхомъ, котораго называютъ ходжа. При свиданіи съ нимъ, царь просилъ его сдѣлаться христіаниномъ и креститься, при чемъ онъ былъ бы его крестнымъ отцомъ; если сдѣлаетъ это, онъ женитъ его на своей старшей сестрѣ Ириньѣ и прибавитъ ему областей сверхъ тѣхъ, которыми онъ владѣетъ. Тотъ изъявилъ согласіе и далъ обѣщаніе. Царь, очень обрадованный,— потому что они его любятъ и называютъ *василопуло*, т.-е. царевичемъ,— послалъ его въ одинъ монастырь, дабы онъ пробылъ тамъ, по ихъ обычаю, въ качествѣ оглашеннаго, сорокъ дней. Что же касается Евы, т.-е. его жены, матери его и ходжи, то они не пожелали (креститься) и его уговаривали этого не дѣлать и до того къ нему приставали, что онъ отказался. Когда прошли сорокъ дней и царь прибылъ въ монастырь, чтобы его окрестить, тотъ обнаружилъ рѣшительное нежеланіе, сказавъ царю: „Вотъ тебѣ мечъ и моя голова; я не хочу креститься“. Истощивъ всѣ ласки, царь разгнѣвался на него и посадилъ его въ цѣпяхъ въ одну изъ келлій; здѣсь онъ находился въ одиночномъ заключеніи и никто къ нему не входилъ. Что ѣли монахи, тѣмъ и его кормили. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ со дня нынѣшняго Богоявленія до конца іюля мѣсяца. Когда дошло до царя, что именно его жена, мать и ходжа препятствуютъ ему (креститься), то онъ, разгнѣвавшись на нихъ, послалъ жену его въ заточеніе въ женскій монастырь въ области *Нижна* (Нижегородской), мать заточилъ также въ женскій монастырь въ странѣ Сибирской, а ходжу въ монастырь св. Кирилла (Бѣлоезерскаго), въ подворьѣ котораго мы пребываемъ, приказавъ дер-

жать ихъ съ большими лишеніями и принуждать къ самымъ тяжкимъ работамъ. А тотъ господинъ продолжалъ оставаться въ крайнихъ лишеніяхъ и тоскѣ, пока не сталъ собственными устами просить крещенія. Услышавъ объ этомъ, царь уже не изъявилъ согласія, но сказалъ: „пусть онъ умретъ на своемъ мѣстѣ отъ горестей; когда я просилъ, ему это было не въ угоду, а теперь хочетъ по неволѣ: это грѣшно". И тотъ оставался въ такомъ же положеніи до лѣтняго времени, когда царь отправился въ походъ, о чемъ мы впослѣдствіи разскажемъ. Патріархъ, вслѣдствіе своей большой близости къ царю, ставъ ходатаемъ (заключеннаго), просилъ царя смиловаться, и послѣ того какъ, въ теченіе сорока дней, заставлялъ этого человѣка посѣщать службы, стоя внѣ церкви, и научилъ его крестному знаменію и тайнамъ вѣры, окрестилъ его наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ и самъ былъ ему крестнымъ отцомъ. Онъ былъ знатный человѣкъ, изъ благороднаго дома, и имя его было Сеидъ Мохаммедъ. Патріархъ далъ ему имя Василидъ и облекъ его въ царскія одежды [1]. Онъ постоянно бывалъ у патріарха вмѣстѣ съ вельможами царя, которые ежедневно приходятъ къ патріарху, при чемъ, обыкновенно, садился выше царскаго намѣстника и уполномоченнаго, потому что онъ царскій сынъ. Его лицо просвѣтилось и засіяло. Съ дозволенія патріарха Никона, онъ прихаживалъ къ нашему владыкѣ патріарху. Мы замѣтили въ немъ большія совершенства, ученость, глубокую философію и умѣнье грамматически-правильно читать по-арабски, по-турецки и по персидски. Но онъ просилъ насъ не говорить, что умѣетъ читать на этихъ языкахъ, потому что московиты, какъ мы упомянули, до крайности ненавидятъ чтеніе

[1] Разсказъ Павла Алеппскаго о крещеніи касимовскаго царевича подтверждается свидѣтельствомъ другого иностраннаго путешественника, который былъ въ Москвѣ черезъ годъ послѣ Павла, въ 1657 г. Этотъ путешественникъ, итальянецъ Альберто Вимена да Ченеда, сообщаетъ слѣдующее: „придаютъ также двору (московскому) много блеску два варварскіе князя, коихъ московитяне называютъ царевичами... Одинъ изъ нихъ называется Грузинскій... другой, Касимовскій, *крещенный за годъ передъ симъ* татаринъ, коему отъ роду около 25 лѣтъ. Первому изъ нихъ обѣщана въ супружество дочь Великаго Князя... второму же *одна изъ его сестеръ*, которую хотѣли было выдать въ замужество за графа Вольдемара, сына покойнаго Датскаго короля Христіана IV" (слѣд., рѣчь идетъ о царевнѣ Иринѣ, см. Отеч. Зап. 1829 г. Апрѣль, стр. 84). Съ другой стороны, по русскимъ источникамъ извѣстно, что тогдашній Касимовскій царевичъ Сеидъ Бурганъ (а не Сеидъ Мохаммедъ, какъ называетъ его Павелъ) принялъ крещеніе, въ бытность свою въ Москвѣ, во второй половинѣ 1653 г., при чемъ былъ нареченъ Василіемъ (См. Шишкинъ: Исторія гор. Касимова, стр. 82).

и разговоръ на нихъ. Мы видали у нихъ плѣнниковъ изъ восточныхъ земель: изъ Требизонда, Синопа и ихъ округовъ, изъ Еникёя, изъ татаръ; всѣхъ ихъ захватываютъ въ плѣнъ казаки...[1] называемые по-турецки *тонунъ-козакы*, т.-е. донскіе казаки: они плаваютъ по Черному морю, берутъ въ плѣнъ множество мужчинъ, женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, привозятъ ихъ сюда и продаютъ по самой дешевой цѣнѣ. Ихъ немедленно крестятъ. Мы во множествѣ встрѣчали ихъ въ домахъ богачей и даже простолюдиновъ. Когда мы заговаривали съ ними по-турецки, они совсѣмъ намъ не отвѣчали, изъ боязни своихъ господъ, которые, услышавъ, что они говорятъ на своемъ языкѣ, думаютъ, что прежняя ихъ вѣра еще въ груди у нихъ. По этой причинѣ они вовсе не говорятъ на своемъ языкѣ. Упомянутый господинъ умѣетъ въ совершенствѣ читать и писать по-русски. Онъ имѣлъ при себѣ амулетъ и Коранъ; ихъ отобрали у него и прислали къ намъ, чтобы мы ихъ прочли. Мы сказали, что въ нихъ содержится, но не знаемъ, что съ ними сдѣлали. Окрестившись, онъ послалъ разрушить всѣ мечети, существовавшія со временъ его предковъ, и всѣ его люди, видя, что онъ крестился, принимаютъ теперь крещеніе. Онъ живетъ въ епархіи архіепископа рязанскаго, о которомъ мы разсказывали, что онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Коломну и что онъ окрестилъ многочисленный народъ [2]. Затѣмъ послали извѣстіе его женѣ въ монастырь о томъ, что онъ принялъ крещеніе и что, ежели она пожелаетъ, пусть тоже крестится и пріѣдетъ къ нему. Но она не пожелала. Подъ конецъ патріархъ велѣлъ ему ѣхать со своимъ войскомъ къ царю, который былъ въ походѣ, чтобы царь порадовался на него. Онъ отправился съ десятью тысячами татаръ, которые всѣ состоятъ въ его подданствѣ: они превосходные наѣздники.

Патріархъ окрестилъ одновременно съ нимъ важнаго вельможу изъ ляховъ съ женой и дѣтьми и всѣми его приближенными, послѣ того какъ тотъ пробылъ сорокъ дней въ монастырѣ, а жена его въ женскомъ монастырѣ. Окрестивъ, патріархъ одѣлъ ихъ въ превосходное платье московитовъ съ широкими воротни-

---

[1] Въ арабскомъ текстѣ *казак аль-лязак*. Если вмѣсто *аль-лязак* читать *аль азак* то это значитъ: казаки Азовскіе, потому что *Азак* есть турецкое названіе Азова. Павелъ Алеппскій называетъ Донскихъ казаковъ Азовскими не потому-ли, что они, незадолго передъ этимъ, прославили себя знаменитымъ „азовскимъ сидѣньемъ“?

[2] Рязанскій архіепископъ Мисаилъ былъ убитъ въ апрѣлѣ 1656 г. Мордвою, жившею въ предѣлахъ Касимовскаго царства, изъ которой онъ крестилъ болѣе 4000 человѣкъ.

ками, расшитыми золотомъ и драгоцѣнными каменьями; воротники рубахъ, а также макушка ихъ колпаковъ были унизаны крупнымъ жемчугомъ. Причиной почета, оказаннаго царемъ этому вельможѣ, было то, что, когда войско отправилось на покореніе той страны, этотъ человѣкъ, бывшій великимъ беемъ, самостоятельнымъ и владѣвшій областями и крѣпостями, сдалъ ихъ царю безъ битвы. Царь осыпалъ его великими милостями и надѣлилъ многими помѣстьями, подарилъ ему одного изъ своихъ коней и назначилъ ему на содержаніе ежедневно по динару, кромѣ (того, что было назначено) его женѣ и людямъ.

Обрати вниманіе, братъ мой, на сіи дѣла, кои мы слышали и видѣли отъ этого благословеннаго московскаго народа. Какое убѣжденіе! какая вѣра! какая преданность Богу! Они даже не пускаютъ чужестранца въ свои церкви, думая, что онъ ихъ осквернитъ; отнюдь не принимаютъ и не любятъ людей другой религіи. Мы уже разсказывали, что, когда идетъ къ царю турецкій посолъ, то его не вводятъ со стороны церкви Благовѣщенія, дабы онъ не осквернилъ ея. Послѣ того какъ онъ поцѣлуетъ полу царской одежды, и царь положитъ свои руки ему на голову въ знакъ дружбы, тотчасъ же, по выходѣ посла, онъ моетъ руки водою съ мыломъ, думая, что онѣ осквернены; затѣмъ призываютъ священниковъ совершить водосвятіе на томъ мѣстѣ и окропить его, дабы оно очистилось, ибо осквернено. Мы дивились и изумлялись такой строгости. Да продлитъ Богъ ихъ (существованіе) до дня страшнаго суда и воскресенія изъ мертвыхъ!

Эти извѣстія и удивительныя вещи, кои мы пересказали, не были (сообщены) всѣ въ тотъ день, четвергъ Сыропуста, за столомъ; но мы привели ихъ одно за другимъ, дабы они, какъ сюда относящіяся, составили одну главу. Да не сѣтуетъ никто на насъ за длинноту: изъ многаго мы разсказали лишь немногое.

Многочисленные чашнегиры продолжали подавать блюда съ разнаго рода кушаньемъ и проч. Патріархъ раздавалъ ихъ присутствующимъ, которые вставали, кланялись ему и отсылали ихъ къ себѣ домой, какъ великое благословеніе, и (такъ шло) отъ начала трапезы до вечера. Встали, совершили моленіе надъ трапезой, сняли скатерти и собрали хлѣбъ и куски въ корзины по монастырскому обычаю. Затѣмъ архидіаконъ поднесъ Панагію съ блюдомъ кутьи и поставилъ предъ патріархами, подалъ своему патріарху кадило, похожее на корону, съ рукояткой, и начали помиповенную службу со стихирами. Затѣмъ прочли молитву за упокой скончавшихся архіереевъ Москвы и всѣхъ странъ рус-

скихъ, при чемъ патріархъ кадилъ; онъ кадилъ также иконамъ и всѣмъ предстоящимъ издали. Потомъ совершилъ отпустъ, отвѣдалъ отъ Панагіи и кутьи, и ихъ роздали присутствующимъ. Подошелъ архидіаконъ и сталъ поддерживать его руки, а стольники начали подносить чаши съ напитками. Онъ выпилъ и далъ нашему учителю, а затѣмъ раздавалъ всѣмъ присутствовавшимъ, которые кланялись ему, по своему обычаю, принимая и отдавая чашу. Затѣмъ онъ подарилъ нашему владыкѣ патріарху, какъ принято у патріарховъ, во-первыхъ, икону Владычицы въ серебряномъ окладѣ, ибо его каѳедра, т.-е. соборная церковь, во имя Успенія Владычицы; еще серебряно-вызолоченную чашу, фіолетоваго бархата и атласа, сорокъ соболей и пятьдесятъ динаровъ, при чемъ извинился; а намъ роздалъ милостыню въ бумажкахъ. Затѣмъ патріархи попрощались другъ съ другомъ, пропѣли передъ иконами „Достойно есть“, поклонились, облобызались, и мы вышли. Патріархъ Никонъ послалъ всѣхъ, бывшихъ у него, бояръ, архіереевъ, архимандритовъ, священниковъ и дьяконовъ провожать насъ съ большими свѣчами до нашего монастыря; нашего учителя посадили въ сани. Большую пріязнь и великую любовь оказалъ патріархъ Никонъ въ этотъ день по своему радушію и смиренію, ибо всѣ они смиренны, любятъ смиренныхъ и ненавидятъ гордецовъ.

Въ пятницу царь возвратился изъ монастыря св. Троицы и постился въ этотъ день до вечера, какъ дѣлалъ въ пятницу, ибо только къ вечеру ударили къ вечернѣ. Они не совершали литургіи въ эти два дня, вслѣдствіе великой важности, какую имѣютъ у нихъ эти дни.

Глава VIII.

Москва. — Содержаніе духовенства. Набожность царя. Алексѣй Михайловичъ и бояре.

Все духовенство этого города получаетъ содержаніе отъ царя; священникъ—два рубля въ годъ, дьяконъ—одинъ рубль, кандиловозжигатель—одинъ рубль, просвирня—шесть копеекъ. На церкви безприходныя содержаніе идетъ отъ царя. Священники (приходскихъ) церквей, нѣсколько разъ въ годъ, собираютъ доходъ со своей паствы, обходя дома со крестомъ [1], начиная съ

[1] Въ подлинникѣ: „съ многолѣтіемъ“.

праздниковъ Рождества и Богоявленія, а также въ храмовой праздникъ, на Пасхѣ и въ началѣ мѣсяца.

Усердіе всѣхъ московитовъ, большихъ и малыхъ, къ посѣщенію церквей весьма велико, и любовь ихъ къ безпрерывнымъ большимъ поклонамъ и къ иконамъ свыше всякаго описанія; множествомъ своихъ молитвъ они превосходятъ, быть можетъ, самихъ святыхъ, и не только простолюдины, бѣдняки, крестьяне, женщины, дѣвицы и малыя дѣти, но и визири, государственные сановники и ихъ жены. Если обладаютъ такими добродѣтелями, какъ мы раньше о томъ упоминали, царь и царица, кои стоятъ во главѣ подданныхъ, то каковы же должны быть эти послѣдніе? О добродѣтеляхъ этого царя намъ разсказывали, что во всѣ дни года онъ имѣетъ обыкновеніе, въ день памяти каждаго святого, во имя коего имѣется церковь въ этомъ городѣ,—а въ немъ есть церкви въ честь святыхъ и праздниковъ на цѣлый годъ, бываетъ даже болѣе (одного праздника въ день)—имѣетъ обыкновеніе, въ бо̀льшую часть праздниковъ главныхъ святыхъ, отправляться въ ихъ церкви, при чемъ идетъ пѣшкомъ, не желая ѣхать, изъ любви и благоговѣнія къ нимъ. Онъ стоитъ отъ начала обѣдни до конца съ непокрытою головой, какъ всякій другой человѣкъ, и непрестанно кладетъ поклоны предъ иконой святого того дня, ударяя челомъ о землю съ плачемъ и рыданіемъ. Такъ поступаетъ онъ предъ людьми. Внутри же своего дворца онъ и царица, какъ разсказываютъ, ведутъ образъ жизни превосходнѣйшій чѣмъ святые, въ постоянномъ бдѣніи и моленіяхъ въ своихъ церквахъ по цѣлымъ ночамъ. То, что мы сообщили, составляетъ лишь малую долю слышаннаго нами о царѣ и видѣннаго своими глазами. Впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ, мы скажемъ о томъ, что онъ дѣлалъ на первой недѣлѣ поста. Переводчики разсказывали намъ, что онъ спросилъ патріарха іерусалимскаго, бесѣдуя съ нимъ за трапезой: „о, батюшка! (этимъ словомъ, которое значитъ: о, отецъ мой! онъ обыкновенно зоветъ архіереевъ) дошло до меня о господарѣ молдавскомъ Василіи, что онъ очень богатъ, милосердъ, очень любитъ воздвигать храмы и творитъ много благодѣяній; но правда-ли, что онъ стоитъ въ церкви въ колпакѣ и не снимаетъ его“? Патріархъ отвѣчалъ: „да, это правда; ибо мы видѣли, что онъ никогда не снимаетъ колпака, кромѣ какъ во время входа съ Евангеліемъ и великаго выхода. Причина этого, какъ мы потомъ узнали, двоякая: одна—(что онъ дѣлаетъ это) по своей чрезмѣрной гордости; другая—потому, что онъ сѣдъ и краситъ постоянно свою бороду въ черный цвѣтъ, чтобы казаться молодымъ, а потому

совѣстится открывать голову, ибо волосы его сѣды, а борода окрашена въ черный цвѣтъ". Обрати вниманіе, о ты, любящій Христа, на этотъ вопросъ, который сдѣлалъ царь московскій по сему поводу! Разскащикъ продолжалъ: когда царь удостовѣрился въ этомъ изъ словъ патріарха, то поднялъ руки къ небу и, вздохнувъ изъ глубины души, сказалъ: „о, Долготерпѣливый! какъ Ты не прекратишь жизнь того, кто осмѣливается стоять такъ предъ Тобою"? И это было пророчествомъ о Василіи, ибо чрезъ короткое время съ нимъ случилось то, что̀ случилось. Обрати вниманіе на эти дѣла, отъ коихъ посѣдѣли бы младенцы! Ибо тотъ, какъ мы разсказывали раньше, не снималъ колпака не только въ церкви, но даже предъ архіереемъ, садился всегда на тронѣ въ переднемъ мѣстѣ, а нашего учителя сажалъ справа отъ себя, тогда какъ этотъ царь—и не онъ одинъ, но и другіе московскіе цари, его предшественники,—какъ въ церкви стоитъ съ открытою головой, точно также постоянно и предъ архіереями и священниками. Такой у нихъ обычай отъ избытка ихъ добродѣтели, смиренія и отсутствія гордости. Намъ также сообщали о царѣ, что государственные сановники, въ царствованіе его родителя, не боялись царя, потому что онъ былъ человѣкъ простодушный, мягкій, слабаго сложенія, не любившій кровопролитія и войны или подобнаго, такъ что его звали монахомъ. Но этотъ царь обуздалъ и смирилъ вельможъ въ конецъ и многихъ изъ нихъ казнилъ. Намъ разсказывали, что въ самое недавнее время онъ убилъ собственною рукою одного изъ вельможъ среди дивана. А именно: онъ послалъ его въ одну область привести тамошнихъ ратниковъ для похода. Эти же, придя къ нему, упросили его, подкупивъ деньгами, освободить ихъ отъ похода и дать отсрочку до будущаго года. Вернувшись къ царю, посланный сталъ просить его, подъ разными предлогами, избавить ихъ отъ похода. Царь тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и немедленно послалъ одного изъ своихъ слугъ, въ качествѣ шпіона, разузнать отъ жителей той области, сколько они дали военачальнику, который къ нимъ пріѣзжалъ. Тотъ разузналъ и, вернувшись, сообщилъ царю. Послѣдній призвалъ того несчастнаго и, какъ онъ молодъ и весьма жестокъ, умертвилъ его своимъ мечомъ среди дивана. Московиты никогда не любили походовъ и войнъ, стремясь къ спокойствію и безмятежной жизни, и говорили: „наша страна велика—хватитъ намъ; наше царство очень обширно—съ насъ довольно". Но теперешній царь [1] нашелъ, что

[1] „и патріархъ", прибавлено въ англійскомъ переводѣ.

они заблуждаются, и самъ лично отправился въ походъ, дабы укрѣпить ихъ мужество, пша, по его словамъ, побѣды ради своего возлюбленнаго Христа. При таковомъ его намѣреніи, Богъ даровалъ ему то, на что̀ онъ надѣялся, ибо въ настоящее время онъ не только взялъ городъ, выстроенный его предками [1], но, какъ мы разскажемъ потомъ подробно, овладѣлъ всею страной ляховъ и совершенно сокрушилъ ихъ.

То, что̀ мы сообщимъ сейчасъ, достаточно для довершенія начатой нами главы. Царь обходился со своими вельможами такъ, что вмѣсто спокойствія подвергалъ ихъ большимъ трудамъ. Намъ разсказывали, что въ прошломъ году онъ выѣхалъ съ ними на богомолье въ одинъ загородный монастырь. Великая рѣка Москва обтекаетъ бо́льшую часть города: по дорогѣ царя былъ мостъ; но царь оставилъ этотъ мостъ (въ сторонѣ), а съѣхалъ подлѣ него въ рѣку, которая очень глубока, переѣхалъ чрезъ нее и вышелъ на другой берегъ въ совершенно промокшей одеждѣ; затѣмъ крикнулъ своимъ вельможамъ: „кто не поѣдетъ за мной, тотъ лишается жизни“. Его цѣлью было посмѣяться надъ ними, ибо большинство ихъ тучны и толсты. Увѣренные въ неминуемой бѣдѣ и не видя отъ нея избавленія, ни (возможности) бѣгства, они поневолѣ спустились въ воду, отдавъ поводья своихъ лошадей. Такъ какъ они большею частью были тучны, то погрузились по шею и, какъ ихъ лошади, приподнимали головы свои вверхъ. Царь смотрѣлъ на нихъ и смѣялся, пока они не перебрались черезъ рѣку въ самомъ жалкомъ положеніи, въ промокшей одеждѣ, какъ пѣшіе, такъ и конные. Они стали укорять царя, какъ будто онъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе ихъ погубить, но онъ отвѣтилъ имъ: „моя цѣль—уменьшить этимъ ваши толстые животы, которые вы отростили себѣ при моемъ отцѣ, въ покоѣ и безопасности“. Затѣмъ онъ поѣхалъ съ ними дальше, и наконецъ они вошли въ монастырскую церковь и отстояли обѣдню отъ начала до конца, и царь съ ними, въ промокшей одеждѣ, съ которой струилась вода: онъ никому изъ нихъ не позволилъ выйти до окончанія обѣдни. Всѣ пошли въ его дворецъ и просили отпустить ихъ, чтобы перемѣнить платье, но онъ не пустилъ, пока не поднесъ имъ по три чарки за разъ, говоря: „мы сегодня заслужили большую награду и крупную плату, затѣмъ что отстояли обѣдню утопленниками“, и не от-

[1] т. е. Смоленскъ.

пускалъ ихъ, такъ что бо́льшая часть ихъ дрожала отъ холода и у нихъ зубъ на зубъ не попадалъ. Намъ разсказывали о царѣ, что онъ въ одно воскресенье, по обыкновенію, былъ у заутрени. Бояре имѣютъ обычай приходить изъ дому, чтобы вмѣстѣ съ царемъ присутствовать за богослуженіемъ. Случилось, что они не знали о томъ, что онъ будетъ у службы въ этотъ день, и запоздали приходомъ. Онъ тотчасъ записалъ имена тѣхъ, которые не явились, и послалъ привести ихъ изъ дому со связанными руками, отвелъ ихъ на берегъ рѣки Москвы, которая течетъ близъ дворца, и велѣлъ бросить ихъ всѣхъ въ рѣку, схвативъ за руки и за ноги, въ ихъ парчевой одеждѣ и со всѣмъ, что́ было на нихъ, говоря: „вотъ вамъ награда за то, что вы предпочли спать съ своими женами до поздняго утра этого благословеннаго дня и не пришли отстоять заутреню вмѣстѣ съ царемъ“.

О немъ существуетъ много подобныхъ разсказовъ, но записаны немногіе, для удовольствія внимательнаго читателя.

Глава IX.

Москва.—Описаніе Успенскаго собора[1].

Утромъ въ воскресенье Сыропуста московскій патріархъ пригласилъ нашего учителя отслужить вмѣстѣ обѣдню въ соборѣ, то-есть въ великой церкви, въ присутствіи царя. Мы поѣхали туда въ царскихъ саняхъ. Вотъ описаніе этой церкви. Она четырехъугольная и очень высока. На каждой изъ трехъ стѣнъ—очертанія четырехъ арокъ снизу до верху, а потому и кругомъ ея крыши идутъ арки, всѣ изъ тесанаго камня съ желѣзными связями. Церковь имѣетъ пять высокихъ куполовъ, густо позолоченныхъ. На каждомъ куполѣ крестъ съ тремя поперечинами, на подобіе креста Господня, какъ обыкновенно бываютъ всѣ кресты у нихъ. Снизу они кажутся маленькими; но недавно одинъ изъ нихъ сломался отъ ветхости и его спустили; мы смѣрили его длину, и она оказалась около четырехъ локтей; такова же длина его поперечинъ, а толщина его одна квадратная пядень. Средина крестовъ желѣзная; а нижняя часть, которая вставляется въ куполъ, имѣетъ въ длину около полутора локтя; поверхъ желѣза доски, и все покрыто мѣдью, густо позолоченной. Что касается шара подъ крестомъ, то онъ такъ великъ, что

[1] Этого описанія, а также слѣдующаго за нимъ описанія Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, нѣтъ въ англійскомъ переводѣ.

никто изъ насъ не могъ обхватить его руками, снизу же онъ кажется не больше яблока.

Церковь имѣетъ три большія двери. Съ наружной стороны западной двери есть арки и куполъ, на коемъ изображено Успеніе Богородицы и весь Апокалипсисъ евангелиста Іоанна. На эту дверь, возвышаясь надъ нею, выходитъ высокій царицынъ дворецъ, на куполахъ котораго водружены флюгера изъ позолоченной мѣди, кои вертятся отъ вѣтра. Насупротивъ этой же двери—красивая церковь во имя Положенія пояса Владычицы; здѣсь проходитъ царица, когда спускается къ службѣ въ (великую) церковь, такъ что ее никто не видитъ. Патріаршій домъ находится ниже этихъ палатъ, и по этой причинѣ, всякій разъ когда патріархъ выходитъ въ церковь и возвращается изъ нея, онъ останавливается у этого прохода, поднимаетъ вверхъ свои взоры и, отдавъ посохъ архидіакону, благословляетъ по направленію кверху, затѣмъ кланяется до земли, благословляетъ вторично и, вторично сдѣлавъ поклонъ, уходитъ. Такъ же поступалъ и нашъ владыка патріархъ всякій разъ, когда приходилъ въ церковь и мы поднимались въ патріаршій домъ, ибо царица всегда смотрѣла на проходящихъ изъ своихъ стеклянныхъ оконъ. Такъ поступали и всѣ архіереи.

Другія двѣ двери—съ юга и съ сѣвера. Южная выходитъ къ царскому дивану, къ церкви Благовѣщенія и на всю дворцовую площадку. Надъ этой дверью написанъ на стѣнѣ надъ аркой образъ Владычицы въ большомъ видѣ, а по сторонамъ дверныхъ створовъ два ангела съ рипидами. Надъ всѣмъ этимъ арка изъ жести для защиты отъ дождя и снѣга. Передъ этой дверью есть площадка, на которую всходятъ по лѣстницѣ; вся она выстлана плитами изъ желѣза, которое блеститъ какъ серебро; плиты четырехъугольныя и какъ будто изъ чернаго мрамора. Надъ сѣверной дверью изображенъ рядъ архіереевъ. Насупротивъ этой двери находятся палаты и дворецъ патріарха, выстроенные имъ въ настоящее время.

Алтарей пять. Надъ каждымъ изъ нихъ сдѣлано чистымъ золотомъ свое особое изображеніе. Сзади главнаго алтаря наверху—изображеніе Отца, Сына и Святаго Духа; позади другихъ двухъ алтарей—изображеніе Святой Софіи, Премудрости Божіей, съ краснымъ лицомъ, сидящей [1] на престолѣ, съ семью столпами,

[1] Въ арабскомъ подлинникѣ: „сидящаго“, въ мужескомъ родѣ; слѣдовательно, Премудрость изображена въ видѣ мужчины. О значеніи символической фигуры Премудрости на этомъ изображеніи Ю. Д. Филимоновъ говоритъ въ своей статьѣ: Очерки русской христіанской иконографіи,

согласно изреченію Соломона: „премудрость создала себѣ домъ и утвердила его на семи столпахъ“; справа отъ Нея Пресвятая Дѣва, а слѣва (Іоаннъ) Креститель; сверху ангелы, парящіе въ небесахъ. Въ этомъ и иномъ родѣ имѣются изображенія и надъ другими алтарями[1]. Всякій, кто проходитъ здѣсь, непремѣнно останавливается и молится на нихъ издали. Великій алтарь имѣетъ три большихъ окна, снаружи узкихъ, снутри широкихъ, съ большими откосами, для того, чтобы свѣтъ ниспадалъ до самаго пола. Остальные четыре алтаря имѣютъ каждый по одному окну. Большія окна этой церкви весьма многочисленны; они идутъ въ два ряда, одни надъ другими, и всѣ снутри широки, съ большими откосами. По этой причинѣ церковь весьма свѣтла. Всѣ окна имѣютъ оконницы изъ стекляннаго камня (слюды), чистаго, разноцвѣтнаго. Снаружи у нихъ желѣзныя рѣшетки. Точно также и двери церковныя имѣютъ снаружи рѣшетку изъ чудесной желтой мѣди; внутрь ея вставлена слюда. Снутри же двустворчатая дверь изъ чистаго желѣза.

Эта церковь поддерживается четырьмя выведенными кладкой колоннами, весьма толстыми и высокими. По окружности ихъ четыре арки. Царское мѣсто—большое, высокое, съ куполомъ, все изъ мрамора и кругомъ покрыто рѣзьбой, представляющей воиновъ сыновъ Израиля; оно находится близъ южной двери. Патріаршее мѣсто—налѣво отъ него, съ задней стороны правой колонны, насупротивъ алтаря. Позолоченное, чудесное царицыно мѣсто—налѣво отъ него, съ лицевой стороны другой колонны, противъ алтаря, гдѣ жертвенникъ; оно постоянно завѣшено матеріей.

Главный алтарь очень великъ, высокъ, открытъ и свѣтелъ. Полъ его первоначально былъ въ уровень съ поломъ церкви, но въ настоящее время патріархъ (Никонъ) значительно поднялъ его, возвысивъ надъ поломъ церкви на четыре-пять ступеней, которыя сдѣланы изъ желѣза. Престолъ великъ, надъ нимъ большой серебряный куполъ[2], утвержденный на четырехъ

Софія Премудрость Божія (Вѣстн. Общ. древнерус. искусства, 1874, 1—3, стр. 9): „что иконописцы не имѣли въ виду даже въ XVII вѣкѣ переносить этотъ символъ на Богоматерь, это очевидно и изъ того, что мѣсто этого символа занято изображеніемъ Спасителя на иконѣ Софіи Премудрости Божіей въ одной изъ алтарныхъ арокъ наружной стѣны Московскаго Успенскаго собора“.

[1] Авторъ говоритъ о наружныхъ изображеніяхъ надъ алтарными апсидами.

[2] Сѣнь.

высокихъ колоннахъ изъ желтой мѣди. Куполъ имѣетъ четыре арки съ зубчиками. У плеча каждой арки ангелъ изъ чистаго золота, держащій въ рукѣ рипиду, коей онъ какъ бы вѣетъ насупротивъ своего содруга; на каждой аркѣ по два ангела, такъ что число ихъ всѣхъ восемь. По окружности купола большіе вѣнчики—все со сквозною рѣзьбой. Куполъ четырехъугольной формы и увѣнчанъ крестомъ. Потолокъ его рѣзной, фигурный, пластинчатый, со звѣздочками; фонъ—серебряный, а бруски, звѣздочки и гвозди—золоченые. Внутри купола желѣзная рѣшетка, а по окружности его четыре цѣпи изъ позолоченнаго желѣза, прикрѣпленныя къ стѣнамъ алтаря, для того чтобы куполъ не колебался. Говорятъ, что серебро этого купола вѣситъ четырнадцать пудовъ, а пудъ, какъ мы сказали, равенъ тринадцати стамбульскимъ окамъ. Кругомъ купола четыре занавѣса, закрывающихъ престолъ, который всегда остается закрытымъ. Весь престолъ покрытъ драгоцѣнною парчой. Въ потолкѣ купола виситъ серебряный вызолоченный голубь съ распущенными крыльями, какъ бы спускающійся на престолъ [1]. Каѳедра (горнее мѣсто) имѣетъ три ступеньки, обитыя зеленымъ сукномъ; посреднѣ—высокій патріаршій тронъ, покрытый всегда ковромъ до полу. Справа и слѣва отъ трона висятъ два очень большихъ креста и рѣзныя изъ слоновой кости иконы съ изображеніями всѣхъ господскихъ праздниковъ и большинства святыхъ; онѣ соединены между собой золотомъ. Подлѣ каждаго креста позолоченная рипида съ изображеніемъ херувима. Позади престола досчатый проходъ, гдѣ поставлены древнія иконы изъ серебра и между ними также большой крестъ. Эти три креста вмѣстѣ

---

[1] Для сравненія приводимъ описаніе сѣни надъ престоломъ изъ описи 1638 года: „Надъ престоломъ сѣнь, столпы мѣденые, литые, золочены сусальнымъ золотомъ, межъ столповъ на дцкахъ 4 выимки серебрены, на нихъ на проемъ рѣзаны травы; на тѣхъ же выимкахъ 8 ангеловъ серебреные, чеканные, золочены. На верху у сѣни корунки мѣденые золочены. Шатеръ покрытъ серебромъ, черезъ доску золочено. На верху сѣни крестъ серебрянъ золоченъ. Въ той же сѣни, въ подволокѣ, 16 полотенецъ, серебреные, рѣзаны на проемъ травы, около полотенецъ каймы и посереди полотенецъ бруски серебреные золочены чеканные; вверху подволоки, въ выимкахъ, 4 завѣса камки кутерные розныхъ цвѣтовъ, около сѣни 4 завѣса тафтяные, розныхъ цвѣтовъ. Надъ престоломъ голубь золотъ“. О послѣднемъ подробнѣе въ описи 1701 года: „да надъ престоломъ въ сѣни на желѣзной проволокѣ голубь весь золотой, крылѣ до половины, съ чернью, а въ немъ полагается святый агнецъ. А шатеръ по угламъ прикрѣпленъ къ стѣнамъ чѣпми желѣзными“ (Русская Истор. Библіотека, т. III. СПб. 1876).

съ иконами всякій разъ, когда идутъ въ крестный ходъ, несутъ впереди всѣхъ. У стѣны, насупротивъ престола, направо отъ входящаго въ царскія врата, стоитъ очень большое, великолѣпное зеркало, въ рамѣ изъ чернаго дерева съ золотыми фигурами ангеловъ. Оно стоитъ больше пятисотъ динаровъ, ибо весьма роскошно и показываетъ человѣка во весь ростъ. По временамъ за литургіей патріархъ подходилъ къ нему, смотрѣлся, расчесывалъ волосы на головѣ и бороду и оправлялся, и не только одинъ онъ, но и всѣ, даже маленькіе дьяконы[1]. Они охорашивались, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ мірянъ. Въ алтарѣ, гдѣ жертвенникъ, висятъ еще два зеркала, тоже для нихъ, со щеткой изъ свиной щетины для расчесыванія волосъ во всякое время.

Что касается двухъ алтарей, кои находятся съ правой стороны (главнаго) алтаря, то одинъ изъ нихъ есть ризница церковная. Въ ней хранится драгоцѣнная утварь церкви вмѣстѣ съ полными царскими облаченіями патріарховъ, числомъ болѣе ста, кромѣ тѣхъ, которыя изготовляются теперь. Патріархи, бывшіе до Никона, надѣвали митры. Этотъ же сдѣлалъ въ настоящее время четыре митры-короны[2], истративъ на одну изъ нихъ болѣе пятнадцати тысячъ динаровъ. Эта митра ослѣпляетъ умъ и взоры обиліемъ драгоцѣнныхъ украшеній: алмазовъ, разноцвѣтныхъ яхонтовъ, рубиновъ, изумрудовъ и иныхъ, вмѣстѣ съ тысячью жемчужинъ, отборныхъ, круглыхъ, какъ будто точеныхъ, крупнѣе раковинокъ большихъ четокъ. Впослѣдствіи въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о его саккосахъ. Что касается парчевыхъ стихарей и фелоней, унизанныхъ обильно жемчугомъ и драгоцѣнностями и предназначенныхъ для архіереевъ этой церкви на всякій большой праздникъ, то каждые фелонь и стихарь сложены другъ на другѣ въ отдѣльномъ ящикѣ налѣво отъ престола.

Третій алтарь, что насупротивъ царскаго мѣста, во имя св. Димитрія. Въ алтарѣ есть благолѣпная икона, на которой изображены мученія и всѣ чудеса святого; вся она вытиснена на

[1] Анагносты, чтецы.

[2] Въ первомъ случаѣ Павелъ Алеппскій употребилъ греческое слово *митра*, которое означаетъ только архіерейскую митру, а во второмъ случаѣ арабское слово *таж*, которое означаетъ и митру и корону. Въ патріаршей ризницѣ сохранились отъ времени патр. Никона двѣ митры: средняя и большая, обѣ 1653 г., и двѣ короны: одна 1653 г., другая, большая, 1655 г. На приведенныхъ въ „Указателѣ для обозрѣнія московской патріаршей ризницы", Саввы, епископа Можайскаго, изображеніяхъ митръ и коронъ патр. Никона короны имѣютъ кругомъ вѣнцы.

вызолоченномъ серебрѣ. Когда царь входитъ въ алтарь, то обыкновенно проходитъ чрезъ дверь (этого алтаря) и становится въ ризницѣ.

Что касается другихъ двухъ алтарей, съ лѣвой стороны (главнаго) алтаря, то одинъ, какъ мы сказали, есть алтарь, гдѣ находится жертвенникъ, а также чудесное мѣсто омовенія рукъ и мѣсто, гдѣ неугасимо горитъ огонь. Пятый алтарь подлѣ этого— во имя св. Петра. Въ немъ, какъ мы раньше упомянули, почиваютъ его мощи въ ракѣ изъ позолоченнаго серебра; снаружи она ограждена высокою, массивною серебряною же рѣшеткой.

Всѣ конхи этихъ алтарей, ихъ стѣны и отдѣленія, а также всѣ стѣны церкви и куполы расписаны сверху до низу изображеніями господскихъ праздниковъ и всѣхъ святыхъ съ ихъ чудесами—все изъ чистаго сусальнаго золота, такъ что стѣнъ не видать, а какъ будто все золото да лазурь. По этой причинѣ въ Бозѣ почившій митрополитъ Иса[1] сказалъ въ своемъ стихотвореніи, говоря о достопримѣчательностяхъ этой страны: „въ ней церкви изъ золота и серебра, алтари ихъ украшены золотомъ, жемчугомъ и разновидными алмазами“. Подъ серебромъ и золотомъ онъ разумѣлъ изображенія святыхъ на стѣнахъ этой церкви и иныхъ; слова его: „жемчугомъ и разновидными алмазами“ означаютъ алмазы и прочіе драгоцѣнные камни на иконахъ святыхъ въ этой церкви и въ другихъ. Нѣтъ колоннъ изъ черепахи и иныхъ, какъ онъ невѣрно описалъ ради того только, чтобы вышелъ правильнымъ размѣръ его касыды (поэмы).

Я не порицаю его—Боже избави! но все, что я видѣлъ собственными глазами, то пересказалъ правдиво, описывая каждый предметъ по порядку, дабы, если читатель представитъ его себѣ въ своемъ умѣ, нашелъ бы такимъ, какъ будто самъ его видѣлъ. Иса и его спутники, какъ говорятъ, пріѣзжали при царѣ Іоаннѣ[2], когда государство было еще слабо; мы же прибыли въ нынѣшнее время, когда государство сдѣлалось въ высшей степени богатымъ.

Мѣсто Ризы Господней, какъ мы упомянули раньше, находится справа отъ входящаго чрезъ западную дверь церкви. Оно имѣетъ видъ кельи съ высокимъ куполомъ и сдѣлано все изъ чудесной желтой мѣди со сквозною рѣзьбой. Снутри его слюда, дабы стоящіе снаружи могли видѣть внутрь, ибо лампадки и

[1] Митрополитъ Иса (Іисусъ) былъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ Дау въ 1586 г. и, по словамъ Павла Алеппскаго, составилъ стихотворное описаніе своего путешествія на арабскомъ языкѣ.

[2] Они пріѣзжали въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича.

свѣтильники горятъ неугасимо [1]. Близъ него, по всей южной стѣнѣ до царскаго мѣста идутъ гробницы шести патріарховъ, кои занимали престолъ московскій и всѣхъ странъ русскихъ. Гробницы окружены рѣшеткой изъ луженаго желѣза. На каждой гробницѣ лежитъ большой покровъ изъ чернаго бархата съ большимъ крестомъ, на коемъ сверху до низу маленькія иконы изъ позолоченнаго серебра; крестъ имѣетъ три поперечины и съ обѣихъ сторонъ его, по обыкновенію, губка и копье. По окружности покрововъ идутъ письмена шириной въ пять пальцевъ, изъ крупнаго жемчуга; (обозначено) имя погребеннаго и время его кончины.

Въ ризницѣ этой церкви есть чаша изъ зеленой яшмы съ крышкой, съ дискосомъ, ложицей и копьемъ [2]. Говорятъ, что ихъ поднесъ въ подарокъ царю одинъ греческій купецъ, ихъ оцѣнили, и царь далъ ему стоимость ихъ—24.000 динаровъ (рублей).

По окружности церкви и вокругъ четырехъ колоннъ размѣщены очень большія иконы, на которыхъ ничего не видно кромѣ рукъ и лика, да съ трудомъ можно замѣтить частичку одѣянія, все же остальное—толстое чеканное серебро съ чернью Большая часть иконъ греческія; между иконами есть благолѣпная икона Владычицы, серебряная, съ каменьями; на ней грузинскія письмена, ибо она изъ Грузіи. Равно и при дверяхъ всѣхъ алтарей стоятъ большія серебряно-вызолоченныя иконы съ дѣяньми вокругъ, кои также вычеканены (на ризѣ). Нѣкоторыя изъ нихъ, даже и всѣ двери, серебряно-вызолоченныя, съ углубленіями, какъ будто онѣ изъ тѣста. Между ними помѣщаются иконы Господа и Владычицы, которыя, какъ говорятъ, прислалъ въ свое время московитамъ греческій царь Мануилъ Комненъ вмѣстѣ съ иконой Господа въ ростъ, на Его евангеліи греческія письмена—мы ихъ читали. Подлѣ притолокъ царскихъ вратъ есть шкафъ, весь покрытый серебряными листами снаружи и снутри; онъ съ аркой, на вершинѣ которой крестъ, и имѣетъ дверцу съ прочнымъ замкомъ; въ немъ икона Владычицы, писанная евангелистомъ Лукой, чему яснымъ доказательствомъ служитъ то, что она какъ будто воплощенная и очень древняя. На ней висятъ многочис-

---

[1] Ранѣе, въ другомъ мѣстѣ, авторъ подробно описалъ мѣсто Ризы Господней (кн. VII, гл. XI). Въ описи 1638 года: „На гробѣ Господнѣ ковчегъ серебрянъ золоченъ, на ковчегѣ образъ Распятіе Господа нашего Іисуса Христа рѣзной; а въ томъ ковчегѣ другой ковчежецъ серебрянъ, золоченъ, съ каменьемъ, а въ ковчежцѣ риза Господа нашего Іисуса Христа".

[2] Авторъ говоритъ, очевидно, о сосудахъ Антонія Римлянина.

ленныя привѣски изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Около нея стоитъ другая, малая икона, также Владычицы, въ маломъ шкафу въ видѣ церкви съ куполами, очень почитаемая: говорятъ, что она современна ихъ святому Петру.

Во всѣхъ московскихъ церквахъ существуетъ такой обычай, что икону Владычицы ставятъ справа отъ жертвенника [1], а икону Троицы слѣва. Но нашъ владыка патріархъ подъ конецъ посовѣтовалъ имъ, и Никонъ уничтожилъ прежній обычай и сдѣлалъ по нашему, и это по той причинѣ, что патріархъ Никонъ, чрезвычайно любящій греческіе обряды, всегда просилъ нашего учителя, чтобы онъ, какую бы неумѣстную вещь ни замѣтилъ, сообщалъ ему о томъ для исправленія. Какъ только нашъ владыка сказалъ имъ объ этомъ, тотчасъ Никонъ вынулъ эту икону съ ея шкафомъ съ этой стороны и поставилъ налѣво на мѣсто иконы Троицы, а на ея мѣсто греческую икону Спасителя, принеся ее изъ конца ряда. Такъ онъ сдѣлалъ и въ большинствѣ церквей.

Двери алтарей вмѣстѣ съ арками, равно и колонны, покрыты чистымъ серебромъ чеканной работы.

Что касается величественнаго иконостаса, которому нигдѣ нѣтъ подобнаго—по обширности, высотѣ и шириѣ, то онъ новый: его соорудилъ въ недавнее время патріархъ Никонъ. Онъ четырехъярусный. Въ первомъ ярусѣ посрединѣ Господь Христосъ, сидящій на царскомъ престолѣ; на главѣ Его большая, со сквозною рѣзьбой, корона, осыпанная сверкающими драгоцѣнными каменьями; говорятъ, что она вѣситъ пудъ, 13 окъ, чистаго золота. Справа и слѣва идетъ рядъ апостоловъ съ Владычицей и Крестителемъ; Павелъ держитъ мечъ насупротивъ Петра. Вышина этихъ образовъ болѣе роста человѣка; живопись превосходная. Во второмъ ряду, надъ нимъ, посрединѣ Воскресеніе, остальное—страсти Господни и Господскіе праздники до Пятидесятницы и Успенія Богородицы. Надъ этимъ третій рядъ съ изображеніемъ Дѣвы Платитера [2], въ небесномъ кругѣ, съ отверстыми длaнями; остальная часть этого ряда—пророки, кои о Ней предсказывали. Въ четвертомъ ярусѣ, что на самомъ верху, посрединѣ Отецъ Саваоѳъ, „ветхій деньми“, въ бѣломъ одѣяніи; на лонѣ Его сынъ, „сый въ лонѣ Отчемъ“, въ видѣ младенца; оба они благословляютъ; Духъ Святый, въ

---

[1] Слѣдовало бы сказать: отъ престола.

[2] Въ описи 1638 года: „въ третьемъ тяблѣ образъ пречистыя Богородицы Воплощеніе“.

видѣ голубя, вѣетъ крылами надъ головою Сына; вокругъ главы Отца сіяніе, на подобіе перстня Соломонова; тронъ, на коемъ Онъ возсѣдаетъ, не огражденный, т. е. открытый кругомъ, безъ перилъ. Вокругъ нихъ херувимы и „многоочитіи“ серафимы. Остальное въ этомъ ряду—цари и пророки, держащіе въ рукахъ исписанные свитки, кои они поднимаютъ въ ихъ сторону. Вотъ описаніе четырехъ ярусовъ, какъ они есть. Эти иконы не писаны сусальнымъ золотомъ, но всѣ сдѣланы изъ позолоченнаго серебра чеканной работы, за исключеніемъ изображенія и рамъ. Всѣ иконы съ вѣнцами, по обычаю, принятому у московитовъ, которые помѣщаютъ надъ головой каждаго святого круглый вѣнецъ. Передъ каждой изъ этихъ иконъ—высокій подсвѣчникъ, какъ будто выточенный изъ позолоченнаго серебра. Въ подсвѣчникахъ зажигаются свѣчи. При четырехъ ярусахъ иконъ четыре ряда подсвѣчниковъ; нижніе больше двухъ съ половиною локтей; а чѣмъ выше, тѣмъ они все ниже достоинствомъ. Патріархъ разсказывалъ, что вѣсъ всѣхъ этихъ иконъ съ подсвѣчниками 370 пудовъ чистаго серебра. Греки называютъ этотъ пудъ греческимъ кинтаромъ, какимъ въ древности цари мѣрили золото. Патріархъ говорилъ, что на ихъ позолоту потребовалось чистаго золота болѣе десяти тысячъ динаровъ, кромѣ вѣнца Господа, который, какъ мы упомянули, вѣситъ ровно пудъ. Вотъ описаніе, нами составленное, нѣкоторыхъ красотъ этого великолѣпнаго иконостаса, подобнаго которому мы не видывали по величинѣ иконъ и многоцѣнности его. По истинѣ, онъ поражаетъ изумленіемъ самый смѣлый умъ.

Предъ алтарными дверями нѣтъ большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, но стоятъ въ каменныхъ колонкахъ большія, толстыя разрисованныя свѣчи. Для священниковъ не имѣется клироса со стасидіями—они стоятъ рядами. Архіереи вмѣстѣ съ архимандритами становились у большого столба, что близъ мѣста хитона Господня, ибо у этого столба царь, приходя, стоялъ въ то время, когда облачался патріархъ. Столбъ этотъ покрытъ тонкимъ краснымъ сукномъ, и его образа новые и позолоченные.

Полъ этой церкви, начиная отъ алтарей, состоитъ изъ четырехъугольныхъ плитъ чистаго желѣза. Какъ мы раньше упомянули, царь заказалъ ихъ на желѣзномъ заводѣ въ городѣ Тулѣ. Полъ блеститъ, какъ черный мраморъ. Но въ зимнее время ноги отнимаются отъ сильнаго холода. Мы терпѣли отъ него въ продолженіе службъ великія мученія. Если бы мы не надѣвали на ноги башмаковъ, какіе носятъ греческіе монахи, съ деревянными

подошвами и сукномъ, коп мы привезли изъ Константинополя съ прочими вещами для защиты отъ холода, по совѣту знающихъ людей, сообщившихъ намъ объ этомъ обстоятельствѣ, прежде намъ неизвѣстномъ, то мы давно бы искалѣчили себѣ ноги.

Вотъ что мы изложили, по мѣрѣ возможности, для описанія великой церкви.

Глава X.

Москва.—Архангельскій и Благовѣщенскій соборы.

Насупротивъ этой церкви, съ южной стороны, находится церковь Архангела, во имя св. ангела Михаила. Она изящнѣе собора и имѣетъ пять куполовъ изъ жести. По окружности ея крыши идетъ родъ малыхъ полуарокъ, весьма вогнутыхъ, съ прекрасными скульптурными украшеніями въ видѣ реберъ. Церковь окружена широкимъ навѣсомъ съ арками. Мы уподобляли это мѣсто постройкѣ *текье*[1]. Церковь имѣетъ три двери: западная—противъ церкви Благовѣщенія. Эту церковь воспѣлъ въ Бозѣ почившій митрополитъ Иса, говоря: „о церковь въ Россіи, не имѣющая себѣ подобной! въ ней гробы всѣхъ царей русскихъ, съ того времени какъ они сдѣлались христіанами и построили себѣ церкви". Въ этой церкви находятся гробницы князей и царей московскихъ, съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались христіанами, до сего времени, съ ихъ дѣтьми. Надъ каждой гробницей находится изображеніе лежащаго въ ней, какъ онъ есть, каждая гробница окружена высокою желѣзною рѣшеткой и покрыта покровомъ изъ краснаго и чернаго бархата; на немъ большой крестъ изъ серебряно-вызолоченныхъ образковъ и кругомъ письмена, именно дата, широко вышитая золотомъ; это для будничныхъ дней, по воскресеньямъ же и большимъ праздникамъ эти покровы снимаютъ и кладутъ другіе, украшенные иконами изъ чистаго серебра, драгоцѣнными каменьями и письменами изъ жемчуга. Надъ каждой гробницей стоитъ икона, осыпанная множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и передъ ней свѣтильникъ, неугасимо горящій.

Какъ соборная церковь имѣетъ семь священниковъ и семь дьяконовъ и одинъ изъ священниковъ состоитъ протопопомъ надъ ними, а также бываетъ протодьяконъ надъ дьяконами, такъ и эта церковь имѣетъ семь священниковъ и семь дьяконовъ, и между ними есть протопопъ и протодьяконъ, ибо въ

[1] Монастырь дервишей.

этой церкви обѣдня совершается неупустительно каждый день въ обоихъ ея алтаряхъ, а также ежедневно, утромъ и вечеромъ, бываетъ кутья и вино, т. е. *мнимосинонъ* (поминовеніе), въ память всѣхъ въ ней погребенныхъ. Здѣшнему протопопу назначены по этой причинѣ помѣстья, доходы съ которыхъ поступаютъ въ его пользу, а равно идутъ въ пользу товарищей его и дьяконовъ.

Въ этой церкви есть гробница одного изъ царскихъ дѣтей. Онъ почиваетъ въ великолѣпномъ гробѣ изъ позолоченнаго серебра. Его почитаютъ и ему поклоняются какъ мученику. Намъ разсказывали о немъ, что онъ явился у нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Визирь овладѣлъ царствомъ послѣ смерти царя, который былъ бездѣтенъ, и сослалъ его супругу-царицу въ заточеніе въ одну крѣпость. Царица была беременна и спустя немного времени родила мальчика. Онъ росъ и достигъ отроческаго возраста. Услышавъ о немъ, визирь послалъ своихъ воиновъ, и эти злодѣйски задушили мальчика. Говорятъ, что въ это время онъ, какъ это бываетъ съ дѣтьми, держалъ въ рукѣ орѣхи, которые разбивалъ и ѣлъ; эти орѣхи остаются въ его ладони до сихъ поръ: никто не могъ ихъ вынуть. По этой причинѣ его почитаютъ какъ мученика, ибо онъ былъ убитъ безвинно.

Возвращаемся (къ описанію). Этихъ двухъ протопоповъ мы не отличали отъ шейховъ извѣстной общины [1], ибо они носятъ рясы изъ ангорской шерсти фіолетоваго и зеленаго цвѣта, весьма широкія, съ позолоченными пуговицами сверху до низу, на головѣ бархатные колпаки сине-фіолетоваго цвѣта и зеленые сапоги. Они имѣютъ у себя въ услуженіи много молодыхъ людей и держатъ породистыхъ лошадей, на которыхъ всегда ѣздятъ. Другіе священники, проходя мимо нихъ, снимаютъ передъ ними свои колпаки. При этомъ они тучны, толсты, съ большимъ животомъ и жирнымъ тѣломъ.

Возвращаемся (къ описанію) Что касается церкви Благовѣщенія, то между нею и тою церковью находится одно изъ царскихъ казнохранилищъ. У дверей ея галлереи стоятъ стрѣльцы, охраняющіе диванъ. Мѣстоположеніе этой церкви весьма высокое. Вся галлерея расписана чудесными изображеніями съ сусальнымъ золотомъ. Плиты въ ней весьма большія, изъ твердаго, дикаго камня. Говорятъ, что въ Бозѣ почившій царь Иванъ

---

[1] Т. е. мусульманской. Восточные христіане, говоря насмѣшливо о мусульманахъ, обыкновенно, изъ предосторожности не называютъ ихъ прямо мусульманами.

велѣлъ привезти его зимою изъ Новгорода, гдѣ находятся ломки этого камня. Эта церковь имѣетъ только двѣ двери: одну съ запада, другую съ сѣвера. Снаружи, при входахъ, чудесная рѣшетка изъ желтой мѣди, а внутри цѣнныя двери также изъ желтой мѣди съ серебряными иконами. Это очень небольшая церковь, мрачная по причинѣ малочисленности ея оконъ. Полъ ея состоитъ изъ кусковъ мрамора прекраснѣйшихъ цвѣтовъ. Въ ней есть тронъ для царя, ибо онъ часто въ ней молится. Что касается находящихся тамъ иконъ, то никакой ювелиръ, превосходно знающій свое дѣло, не въ состояніи оцѣнить крупныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, алмазовъ, рубиновъ, изумрудовъ на иконахъ и на вѣнцахъ Господа и Владычицы; въ этомъ мракѣ они горятъ, какъ раскаленные угли. Позолота иконъ, сдѣланная чистымъ золотомъ, и превосходная разноцвѣтная эмаль, исполненная съ тонкимъ, отчетливымъ искусствомъ, поражаютъ удивленіемъ умъ знатока. По этой причинѣ, какъ говорятъ, цѣнность иконъ, въ этой церкви находящихся, равняется нѣсколькимъ казнамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣются частицы мощей святыхъ, изъ числа наиболѣе чтимыхъ останковъ, болѣе чѣмъ въ ста серебряно-вызолоченныхъ ковчежцахъ, на которыхъ отчеканены лики тѣхъ, коихъ мощи въ нихъ содержатся. Все это хранится въ ризницѣ церкви, а потому ея окна задѣланы изъ опасенія, чтобы огонь не проникъ чрезъ нихъ въ ризницу, ибо близъ нея находится крыша казнохранилища и другихъ зданій, крытыхъ досками.

Эта церковь имѣетъ девять куполовъ, густо позолоченныхъ. На среднемъ тотъ золотой крестъ, о которомъ говорятъ, что онъ стоитъ нѣсколько милліоновъ золотомъ. Внутри каждаго изъ остальныхъ восьми куполовъ есть комнатка, т. е. часовня, вся внутри покрытая золотомъ и кругомъ съ красивою рѣшеткой изъ желтой мѣди. Эта чудесная, великолѣпная маленькая церковь, столь дорого стоившая, сооружена въ Бозѣ почившимъ царемъ Іоанномъ, который издержками на нее изъ своихъ сокровищъ превзошелъ многихъ, когда-либо бывшихъ царей. Отъ этой церкви до Успенскаго собора сдѣланы досчатые подмостки, по которымъ проходитъ царь, всякій разъ какъ идетъ въ нее молиться.

Близъ соборной церкви, съ южной стороны, находится большой каменный царскій дворецъ, знаменитый своею красотой, высотой и обширностью, огромностью своихъ камней и своимъ возвышеннымъ строеніемъ. Царь принимаетъ въ немъ пословъ отъ великихъ государей, чтобы показать свое могущество надъ ними.

Глава XI.

Москва.—Описаніе Ивановской и другихъ кремлевскихъ колоколенъ. Порядокъ звона въ колокола. Приготовленія къ отливкѣ колокола въ 12.000 пудовъ.

Между соборомъ и церковью Архангела, съ восточной стороны, находятся прекрасныя колокольни, изъ коихъ одна передъ приказомъ, то-есть диваномъ, гдѣ всегда засѣдаютъ визири. Снизу она восьмиугольная, огромныхъ размѣровъ; въ ней восемь арокъ, и въ каждой аркѣ виситъ чудесный колоколъ. Одинъ изъ этихъ колоколовъ съ рѣзьбой; люди знаютъ его звонъ: въ него ударяютъ въ тотъ день, когда хотятъ совершить крестный ходъ, и тогда собираются священники со своими иконами въ соборъ. Надъ этими восемью арками второй ярусъ, шестиугольный, поменьше нижняго; вверху его также восемь арокъ, и въ нихъ также восемь колоколовъ. Надъ ними третій ярусъ, еще меньше; онъ круглый, и въ немъ много маленькихъ колоколовъ. Надо всѣмъ широкій поясъ въ четыре-пять аршинъ съ четырьмя рядами золоченыхъ письменъ, а надъ этимъ высокій куполъ, также позолоченный вмѣстѣ со своимъ огромнымъ крестомъ. Лѣстница этой колокольни снизу до верху имѣетъ 182 ступеньки: у насъ спина чуть не сломалась, пока мы поднялись на верхъ. Кругомъ колокольни есть келіи. Какъ мы упомянули, она походитъ на минаретъ Висячей мечети въ Дамаскѣ, но величественнѣе и больше его.

Близъ этой колокольни находится огромная башня старинной постройки, на высокомъ основаніи изъ большихъ камней. Внизу ея помѣщается царская казна, а наверху церковь въ честь Рождества, съ краснымъ жестянымъ куполомъ въ формѣ груши. Въ этой церкви царь ежегодно слушаетъ обѣдню въ ея праздникъ. Въ рядъ съ церковью, справа и слѣва, висятъ два огромныхъ колокола, подобныхъ громадному колоколу, который мы видѣли въ Кіевѣ въ Св. Софіи. Одинъ изъ нихъ съ древнихъ временъ называется царицынымъ; въ него звонятъ подъ воскресенья и праздники, и по его звону всякій знаетъ, что на другой день воскресенье или большой праздникъ. Второй колоколъ—патріаршій, звукомъ ниже; въ него ударяютъ ежедневно утромъ и вечеромъ: всѣ церкви и монастыри ждутъ удара въ этотъ колоколъ, и какъ только въ него ударятъ,—если это будетъ рано утромъ, послѣ восьми часовъ дня, то въ него ударяютъ языкомъ его непрерывно цѣлый часъ нѣсколько человѣкъ,—

ударяютъ за нимъ въ Чудовомъ монастырѣ, а потомъ въ другихъ. Что же касается приходскихъ церквей, то въ нихъ ударяютъ въ колокола только по прошествіи часа дня, а выходятъ изъ нихъ въ четвертомъ часу. Таковъ у нихъ обычай во всѣ дни года. Если же будетъ воскресенье или особенный праздникъ, то выходятъ (изъ церкви) послѣ пятаго часа, ибо чѣмъ важнѣе праздникъ, тѣмъ позже кончаютъ обѣдню. Если патріаршій колоколъ ударяетъ съ вечера, то и всѣ ударяютъ послѣ него.

Близъ этой колокольни [1] находится другая большая колокольня—четырехъугольная постройка съ четырехъугольнымъ же куполомъ, разукрашенная разноцвѣтными изразцами. Эта колокольня имѣетъ четыре арки наверху. Въ ея куполѣ виситъ самый огромный колоколъ. Когда мы увидѣли и услышали его, пришли въ изумленіе. Мы измѣрили его окружность, и оказалось 62 пяди; толщина его края одинъ локоть, а высота болѣе пяти локтей. На немъ висятъ съ двухъ сторонъ, сверху до низу, весьма большіе камни на веревкахъ, дабы онъ не качался и звонить въ него было легче. Въ извѣстное время нѣсколько человѣкъ снизу раскачиваютъ эти веревки. Его желѣзный языкъ, быть можетъ, по объему равняется одному изъ большихъ колоколовъ въ Молдавіи: десять человѣкъ, стоя внутри, насилу могутъ раскачать его и ударять имъ о края колокола съ той и другой стороны. Когда ударяютъ въ этотъ колоколъ, онъ издаетъ звукъ, подобный грому; не только стоящіе подлѣ не слышатъ, что кричатъ другъ другу, но и тѣ, которые находятся внизу, и даже тѣ, которые стоятъ въ соборѣ и въ другихъ церквахъ. Объ этомъ колоколѣ сказалъ приснопамятный митрополитъ Иса: „внутри дворецъ царскій, насупротивъ великой церкви; въ ней утвержденъ высокій, огромный колоколъ, перетягивающій всякій вѣсъ: тридцать юношей нужно, чтобы раскачать его веревками, скрученными изъ сердцевины конопли“. Да, это тотъ самый колоколъ. Но мы благодаримъ всевышняго Бога за то, что при насъ былъ сдѣланъ другой, огромнѣе его: не было, не можетъ быть и нѣтъ подобнаго ему въ мірѣ. О томъ колоколѣ намъ сообщили, что вѣсъ его 4.000 пудовъ, какъ написано на немъ, а этотъ вѣситъ болѣе 12.000 пудовъ. Въ прошломъ году мастера, по приказанію царя, сдѣлали колоколъ въ 8.000 пудовъ, а желѣзный языкъ его въ 250 пудовъ. Надъ нимъ работали со всевозможнымъ стараніемъ непрерывно цѣлый годъ, пока не

[1] Въ подлинникѣ: „близъ этого колокола“.

окончили его; затѣмъ его повѣсили. Царь приказалъ звонить во всѣ колокола въ городѣ, потомъ зазвонили въ этотъ колоколъ, и его звукъ покрылъ всѣ тѣ. Царь послалъ всадниковъ узнать, какъ далеко доходитъ его звукъ, и оказалось, какъ они нашли, около семи верстъ. Когда стали ударять въ него сильнѣе, онъ вдругъ разбился, какъ стекло, ибо его частицы не были хорошо очищены. Тогда его спустили, и царь приказалъ его разбить. Развели вокругъ него сильный огонь, и онъ весь растрескался на куски. Послѣ того царь отправился въ походъ. Мастеръ же, который произвелъ эту великую рѣдкость—одно изъ чудесъ свѣта, умеръ во время моровой язвы.

Царь сначала вызвалъ мастеровъ изъ Австріи и поручилъ имъ сдѣлать колоколъ. Они попросили у него пять лѣтъ сроку, чтобы его сдѣлать, ибо, какъ потомъ намъ пришлось видѣть, труды по его изготовленію и приспособленія, для этого требующіяся, весьма велики и безсчетны. Разсказываютъ, что явился русскій мастеръ, человѣкъ малаго роста, невидный собою, слабосильный, о которомъ никому и въ умъ не приходило, и просилъ царя дать ему только одинъ годъ сроку. Говорятъ, что царь очень обрадовался и далъ ему въ помощь цѣлые отряды стрѣльцовъ. Онъ сдержалъ свое слово и исполнилъ обѣщаніе, изготовивъ колоколъ ранѣе истеченія года. Царь еще болѣе остался имъ доволенъ и въ награду далъ ему во владѣніе пятьсотъ крестьянскихъ семействъ, но тотъ отказался, говоря: „я бѣдный человѣкъ и не имѣю силъ справляться съ рабами; для меня достаточно ежедневной милостыни царя“. Тогда царь пожаловалъ ему по динару ежедневно до конца его жизни, а послѣ него его дѣтямъ. Когда онъ умеръ, и эта рѣдкостная вещь осталась испорченною, явился еще одинъ мастеръ изъ пережившихъ моровую язву, молодой человѣкъ, малорослый, тщедушный, худой, моложе двадцати лѣтъ, совсѣмъ еще безбородый, какъ мы видѣли его потомъ, дивясь милостямъ всевышняго Бога, коими Онъ осыпаетъ свои созданія. Этотъ человѣкъ, явившись къ царю, взялся сдѣлать колоколъ больше, тяжеловѣснѣе и лучше, чѣмъ онъ былъ прежде, и кончить (работу) въ одинъ годъ. Огромная яма была вырыта на этой площадкѣ[1], и въ настоящее время, то-есть съ начала сего мѣсяца февраля, мастеръ приступилъ къ изготовленію колокола. Упомянутая яма, по глубинѣ и ширинѣ, вдвое больше печи для обжиганія извести. Всю ее, сверху до низу, выложили кирпичомъ

[1] Вѣроятно, на Ивановской площади.

и приступили къ устройству внутри ея печи, которую топятъ со стороны, подъ землею, ночью и днемъ. Замѣшавъ глину, выложили изъ нея родъ купола, то-есть составили сердцевину колокола, и обжигали глину огнемъ, который сдѣлалъ ее твердой, какъ желѣзо; при этомъ пламя поднималось выше купола. Это (обжиганіе) продолжали до тѣхъ поръ, пока не окончили форму—а мы все время ходили на нихъ смотрѣть. Потомъ наложили на куполъ второй слой, соразмѣрно съ первой формой, то-есть такой же толщины и такого же объема, около локтя или больше, и затѣмъ приступили къ устройству верхней формы, окружающей колоколъ. Именно, привезли желѣзные прутья, кривые, согнутые какъ лукъ, съ крючками на концахъ, которыми ихъ сплели между собою вокругъ всей формы, на подобіе того, какъ ткутъ цыновки. Потомъ ихъ тщательно обмазали глиной снаружи и снутри и подвергали продолжительное время дѣйствію огня, такъ что все обратилось въ одну (плотную) массу. Послѣ того форму крѣпко привязали сверху толстыми веревками къ большимъ мѣднымъ блокамъ на самомъ верху четырехъ столбовъ изъ крѣпкаго дубоваго дерева, называемаго по-гречески *дранисъ*. Каждый столбъ, по толщинѣ, вышинѣ и соразмѣрности, подобенъ минарету. Для этихъ четырехъ столбовъ копали землю очень глубоко, а затѣмъ въ нижней ихъ части просверлили по большому отверстію, въ которое вставили большія бревна крестъ-на-крестъ, и засыпали ихъ землей, чтобы столбы ни малѣйше не колебались. Ихъ поставили не совсѣмъ прямо, а немного наклонно надъ ямой, дабы они не покачнулись. Между каждыми двумя столбами поставили еще по два бревна, подобныхъ имъ, уперевъ въ перекладину, находящуюся наверху. Затѣмъ, просверливъ тѣ длинные, большіе столбы, внутрь каждаго вложили очень массивный мѣдный блокъ, укрѣпивъ его съ обѣихъ сторонъ длиннымъ и весьма толстымъ гвоздемъ. Отъ веревокъ, прикрѣпленныхъ къ формѣ, протянули кверху четыре конца и продѣли ихъ въ блоки, что внутри столбовъ надъ землею. Множество людей вытянули веревки за дворцовую площадку[1], туда, гдѣ было устроено шестнадцать колесъ [2] изъ упомянутаго толстаго дерева; нижняя часть ихъ была глубоко впущена въ землю и имѣла поперечныя бревна, дабы колеса не качались. Привязали тѣ веревки къ этимъ колесамъ. При прежнемъ мастерѣ

[1] Такъ какъ авторъ часто называетъ дворцомъ весь Кремль, то подъ именемъ „Дворцовой площадки“ надо, скорѣе, разумѣть Ивановскую площадь.

[2] То-есть воротовъ.

такихъ колесъ было только двѣнадцать; теперь же число ихъ увеличили и сдѣлали шестнадцать, по восьми съ каждой стороны. Затѣмъ множество стрѣльцовъ повернули нѣкоторыя изъ этихъ колесъ съ двухъ сторонъ одинаково, и тогда крышка, которую сдѣлали какъ верхнюю форму, поднялась кверху; подъ нее подвели на краяхъ ямы множество толстыхъ брусьевъ и поставили прямо. Туда вошелъ мастеръ и вырѣзалъ письмена и изображенія, какія было нужно: на одной сторонѣ изображенія царя и царицы и Господа Христа надъ ними, на другой—изображеніе патріарха Никона. Когда онъ кончилъ, спустились (въ яму), разрушили второй слой изъ глины, который сдѣлали подъ конецъ, и хорошо очистили (форму). Когда спустили крышку, на мѣстѣ слоя образовалась пустота, куда можно было впустить расплавленную мѣдь. Затѣмъ какъ форму внизу, такъ и внутренность крышки, намазали обильно саломъ и жиромъ, дабы мѣдь текла по нимъ быстро. Когда спустили (крышку) внизъ, сошли (въ яму) каменщики и сложили кругомъ формы, снизу до верху, прочную стѣнку изъ кирпичей въ нѣсколько рядовъ, дабы форма не поколебалась отъ тяжести и стремительнаго тока мѣди и такимъ образомъ эта послѣдняя не пропала, вытекая наружу. Приступили къ постройкѣ на краяхъ ямы пяти печей изъ кирпича, весьма прочныхъ, связанныхъ желѣзомъ снаружи и снутри, обмазали ихъ саломъ и сдѣлали у нихъ дверцы, опускающіяся и поднимающіяся посредствомъ особаго снаряда; дверцы эти желѣзныя; ихъ обмазали съ обѣихъ сторонъ глиной, которую потомъ обожгли на подобіе кирпича. Внизу каждой печи сдѣлали отверстіе, направленное къ ямѣ, дабы, когда расплавится мѣдь внутри печей, вся она, по открытіи отверстій, быстро потекла по пяти канавкамъ. Все это было устроено въ теченіе нынѣшняго лѣта послѣ праздника Пасхи, но мы разсказали объ этомъ здѣсь и, Богъ дастъ, докончимъ этотъ разсказъ въ своемъ мѣстѣ.

Что касается кусковъ мѣди отъ стараго колокола, то, какъ мы видѣли, каждый кусокъ тащили веревками, при помощи снарядовъ, сорокъ-пятьдесятъ стрѣльцовъ съ большимъ трудомъ, клали на вѣсы и свѣшивали, а потомъ вкладывали въ печь, пока не наполнили всѣхъ печей. Каждый кусокъ былъ подобенъ большому черному жернову. Въ каждую печь положили 2500 пудовъ, а всего 12500 пудовъ, и замазали печи глиной. Развели сильный огонь и поддерживали его непрерывно ночью и днемъ, пока не расплавилась вся мѣдь и не стала подобна водѣ. Ее мѣшали чрезъ отверстія печныхъ дверецъ желѣзными прутьями, которые накалялись отъ сильнаго кипѣнія и жара. Вотъ что произошло.

Объ остальномъ, какъ мы упомянули, обстоятельно разскажемъ въ своемъ мѣстѣ[1].

Возвращаемся (къ описанію колокольни). Число ступеней этой колокольни, въ которой виситъ огромный колоколъ, сто сорокъ четыре. Внутри башни, по окружности ея, также есть многочисленныя кельи. Изъ этой башни можно проникнуть туда, гдѣ висятъ два колокола, назначенные для (звона) въ будничные дни и въ канунъ праздниковъ, въ церковь Рождества, а также въ вышеописанную высокую колокольню, ибо всѣ онѣ въ одномъ ряду. Башни эти выстроилъ и снабдилъ колоколами въ Бозѣ почившій царь Іоаннъ, пожертвовавъ въ свое время 120 домовъ съ достаточнымъ содержаніемъ для приставленныхъ къ колокольнямъ людей, которые приходятъ поочереди еженедѣльно и неотлучно пребываютъ въ упомянутыхъ кельяхъ ночью и днемъ для звона въ колокола. Въ большіе праздники и въ дни крестныхъ ходовъ, когда звонятъ во всѣ колокола, звонари являются всѣ и производятъ звонъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Должно знать, что у алтарнаго угла великой церкви снаружи виситъ маленькій колоколъ, къ которому приставленъ человѣкъ. Когда наступаетъ время звона въ колокола,—если это зимою, то, какъ мы упомянули, послѣ второго часа, а если лѣтомъ, то послѣ третьяго или четвертаго,—приходитъ тотъ человѣкъ и ударяетъ въ этотъ колоколъ одинъ разъ. Находящіеся наверху люди, которые стоятъ уже наготовѣ, въ ожиданіи, услышавъ звонъ, ударяютъ въ надлежащій колоколъ языкомъ его около часа времени. Когда патріархъ войдетъ въ церковь, приходитъ тотъ человѣкъ и ударяетъ въ маленькій колоколъ два раза. Услышавъ его, звонарц прекращаютъ звонъ, пока не кончится чтеніе часовъ. Предъ началомъ литургіи выходитъ тотъ человѣкъ и ударяетъ въ маленькій колоколъ, чтобы звонари его услышали и знали, что наступило время литургіи. Тогда начинаютъ звонъ одиночными ударами. Имъ отвѣчаютъ находящіеся въ высокой колокольнѣ пріятнымъ звономъ въ маленькіе колокола, трогающимъ сердце слушателя. Затѣмъ имъ отвѣчаютъ находящіеся подъ ними (звономъ) во всѣ средніе колокола, а прочіе (звономъ) въ свой ежедневный колоколъ. Это повторяется трижды. Если день воскресный или большой праздникъ, то заканчиваютъ (звономъ) во всѣ большіе колокола вмѣстѣ съ тѣмъ огромнымъ колоколомъ, коего звонъ разносится подобно ударамъ грома. Такъ какъ мѣстоположеніе крѣпости, гдѣ находится дворецъ, очень высоко и го-

[1] Авторъ сдержалъ обѣщаніе.—До сихъ поръ пропускъ у Белфура.

сподствуетъ надъ окрестностями, даже надъ отдаленными полями и селеніями, ибо это мѣсто въ древности была гора и со всѣхъ сторонъ къ крѣпости ведетъ подъемъ и всходъ, то по этой причинѣ звонъ колоколовъ доносится до отдаленныхъ окраинъ города и до селеній. Эта огромная, высокая колокольня съ золоченымъ куполомъ представляетъ издали красивый видъ. Если бы низменность вокругъ этого города была безлѣсна, то колокольню можно бы было видѣть на большомъ разстояніи при восходѣ и закатѣ солнца, отражающагося на ея куполѣ. Мы же увидѣли ее на разстояніи десяти верстъ, на каковомъ—это два полныхъ часа пути—различаешь ее взоромъ, какъ неясный образъ. По этой причинѣ покойный митрополитъ Иса въ своемъ стихотвореніи говоритъ: „внутри царскаго дворца двадцать пять куполовъ изъ золота или смолы (?), которые поблескиваютъ издали на всемъ обширномъ пространствѣ“, и далѣе говоритъ: „ты слышишь его (колокола) звукъ на разстояніи трехъ дней пути“. Но мы услышали (колоколъ) и увидѣли (колокольню) только на разстояніи десяти нашихъ миль—не болѣе. Что касается двадцати пяти куполовъ, о коихъ онъ упоминаетъ, то соборная церковь имѣетъ ихъ пять, Благовѣщенская — девять, церковь царицына наверху, во имя св. Екатерины,—два купола, близъ нея церковь во имя св. Анны имѣетъ также два новыхъ купола; сзади дворцовой площадки высокая церковь во имя Рождества Богородицы, которую мы потомъ осматривали, имѣетъ одинъ большой куполъ, также позолоченный; на высокой колокольнѣ — одинъ; Чудовъ монастырь надъ гробомъ св. Алексія имѣетъ два купола: одинъ большой—надъ его гробомъ, другой малый—надъ алтаремъ; позади царицыныхъ палатъ другая церковь съ двумя куполами; внѣ Кремля, среди города, еще куполъ на церкви Введенія Владычицы во храмъ. Такимъ образомъ число этихъ золоченыхъ куполовъ — двадцать пять[1] — остается съ того времени до сихъ поръ. Кончаемъ эту главу.

Возвращаемся. Также и съ вечера звонъ въ колокола происходитъ по знаку, данному ударомъ въ маленькій колоколъ. Звонари ударяютъ небольшое число разъ, пока патріархъ не войдетъ въ церковь, о чемъ тотъ человѣкъ даетъ имъ знать, и (тогда) нѣкоторые изъ нихъ немного позвонятъ, ударяя вмѣстѣ заразъ: это служитъ знакомъ вечерни. Точно также ночью тотъ человѣкъ подаетъ звонарямъ знакъ, и они ударяютъ долгое время въ назначенный для того колоколъ, чтобы дать знать

[1] Въ арабскомъ текстѣ: „двадцать четыре“, очевидно, по ошибкѣ.

всему городу и чтобы церковники вставали и ударяли въ колокола своихъ церквей, что продолжается безпрерывно отъ полуночи до зари, т. е. (звонъ) въ приходскихъ церквахъ. Люди, находящіеся наверху, по знаку, данному имъ стоящимъ внизу, о томъ, что патріархъ вошелъ въ церковь, прекращаютъ звонъ до начала утрени, когда тотъ опять подаетъ знакъ, и они начинаютъ звонъ въ назначенные большіе и малые колокола, по обыкновенію. Если день воскресный или господскій праздникъ, то заканчиваютъ, какъ мы сказали, продолжительнымъ звономъ въ самый большой колоколъ. Также звонятъ вмѣстѣ съ нимъ во всѣ колокола во время поліелея. При чтеніи Евангелія на утрени ударяютъ также заразъ (во всѣ). Что касается того, когда они встаютъ къ службѣ по ночамъ, то въ зимнее время, когда ночь бываетъ длинная, если нѣтъ господскаго праздника, звонятъ въ назначенный для того колоколъ въ одиннадцатомъ часу; если же воскресенье или особенный праздникъ, то ударяютъ въ девятомъ часу. Въ лѣтнее время, когда ночи коротки, звонятъ къ вечернѣ передъ закатомъ солнца послѣ девятаго часа, а къ утренѣ въ четвертомъ часу ночи — это по будничнымъ днямъ. Наканунѣ воскресеній и праздниковъ звонятъ съ вечера до истеченія одного часа ночи. По этой причинѣ мы испытывали страшное мученье: не спали по ночамъ и терпѣли большое безпокойство. Всего больше насъ донималъ колокольный звонъ, отъ гула котораго дрожала земля, въ канунъ воскресеній и праздниковъ, кои почти непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, равно какъ и звонъ на зарѣ, съ полуночи до утра, ибо въ этомъ городѣ нѣсколько тысячъ церквей и каждая церковь, даже самая малая и бѣдная, имѣетъ надъ дверьми по десяти большихъ и малыхъ колоколовъ, въ кои звонятъ въ воскресные и праздничные дни и въ канунъ большихъ праздниковъ, сначала поочередно, а потомъ во всѣ вмѣстѣ.

Послѣ многихъ разспросовъ я освѣдомился у архидіакона патріаршаго о числѣ церквей въ этомъ городѣ, и онъ отвѣтилъ, что ихъ болѣе четырехъ тысячъ, а престоловъ, на коихъ совершается ежедневно литургія, болѣе десяти тысячъ, ибо каждая церковь имѣетъ по три и болѣе алтаря Это весьма радостно для сердца. Въ Константинополѣ же и Антіохіи, навѣрно, не было столько тысячъ церквей и колоколовъ.

Глава XII.

Москва.—Служеніе въ воскресенье Сыропуста. Извѣстія съ театра войны. Назначеніе воеводъ.

Возвращаемся къ нашему разсказу объ утрѣ воскресенья Сыропуста. Когда мы вошли въ церковь и прибылъ патріархъ Никонъ, анагносты, иподьяконы и пѣвчіе пропѣли ему *Достойно есть* и многолѣтіе, съ поминовеніемъ его имени. Онъ облобызался съ нашимъ патріархомъ, и всѣ, по обыкновенію, пошли прикладываться къ иконамъ и мощамъ святыхъ, вернулись и облачились въ нарѳексѣ. Въ это время вошелъ въ церковь царь, и пѣвчіе пропѣли ему многолѣтіе. Приложившись къ иконамъ, что у алтарныхъ дверей, онъ подошелъ къ патріарху Никону, который, сойдя съ архіерейскаго мѣста, встрѣтилъ его и благословилъ сначала правою рукой, а потомъ крестомъ на чело, окропивъ святой водой его и шапку его, которую несъ на его посохѣ одинъ изъ вельможъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Царь поцѣловалъ у патріарха правую руку, а этотъ обнялъ его голову правою рукой и поцѣловалъ въ нее, какъ онъ обычно дѣлаетъ. То же сдѣлалъ нашъ учитель, благословивъ царя правою рукой и крестомъ и окропивъ святой водой. Затѣмъ царь поклонился имъ, повернулся, пошелъ и, ставъ у лицевой стороны большой колонны, которая была покрыта краснымъ сукномъ, по близости отъ патріарховъ, посматривалъ на нихъ, по своему обыкновенію. Нашъ учитель, по приглашенію патріарха Никона, опять рукоположилъ діакона и священника. Когда мы вошли въ алтарь, царь также вошелъ, сталъ въ ризницѣ и смотрѣлъ. Мы пропѣли *Святый Боже* одинъ разъ по-гречески, при чемъ намъ помогали анагносты, которыхъ патріархъ училъ молитвамъ по-гречески, изъ любви своей къ этому языку.

Въ этотъ день пришло къ царю извѣстіе, что злобный Радзивилъ, его врагъ, услышавъ о прибытіи царя (въ Москву), возвратился, послѣ своего бѣгства, съ двѣнадцатитысячнымъ войскомъ, чтобы осадить одинъ изъ своихъ городовъ, взятый недавно царемъ, по имени Могилевъ, огромный и извѣстный у купцовъ, которые знаютъ его подъ названіемъ города богачей, ибо всѣ жители его—купцы. Когда царь взялъ его мечомъ, воевода, который былъ назначенъ Радзивиломъ, явился къ царю и просилъ пощады, и царь даровалъ ее. Онъ просилъ, чтобы его окрестили, и царь окрестилъ его и оказалъ ему свою милость,

оставивъ въ этомъ городѣ и назначивъ по прежнему воеводой вмѣстѣ съ однимъ изъ воеводъ, который начальствовалъ царскимъ войскомъ въ этомъ городѣ. Царь сдѣлалъ это, послѣ того какъ заставилъ его поклясться на крестѣ и Евангеліи, что онъ ему не измѣнитъ. Но клятва у поляковъ ничего не значитъ, и этотъ именно грѣхъ былъ причиной уничтоженія ихъ могущества и ихъ неустройствъ. Нѣтъ въ нихъ ни постоянства, ни вѣрности клятвамъ и договорамъ, какъ поступали они много разъ съ гетманомъ Хмелемъ: когда онъ одолѣвалъ ихъ и намѣревался истребить, они давали ему твердую и вѣрную клятву, и онъ обходился съ ними милостиво и отпускалъ ихъ; они же нарушали клятву и опять шли на него войной. Но грѣхъ ложной клятвы именемъ Божіимъ подрывалъ ихъ силы, рука Божія была съ Хмелемъ и тяготѣла надъ ними, ибо не слыхано было, чтобы въ эти десять лѣтъ Хмель не побѣждалъ ихъ, а былъ побѣжденъ. Такъ какъ клятвопреступленіе за грѣхъ у нихъ не считается, тотъ воевода тайно ночью бѣжалъ со своими людьми къ своему наставнику Радзивилу и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ осаждать городъ. Когда осада стала тѣснѣе, (жители) послали вѣсть къ царю съ просьбой о помощи. Услышавъ объ этомъ, царь сильно разгнѣвался и тутъ же въ церкви подалъ письмо патріарху для прочтенія, ибо патріархъ лучшій повѣренный его тайнъ. Они ясно увидѣли, что съ возвращеніемъ царя (въ Москву) у ляховъ возродились надежды. Въ этомъ случаѣ мы уподобляли ляховъ мышамъ и крысамъ, которыя выходятъ, когда въ мѣстахъ приличія [1] никого нѣтъ на ристалищѣ, а какъ только заслышатъ шорохъ шаговъ вдали, тотчасъ убѣгаютъ и скрываются въ самыхъ нижнихъ своихъ норахъ. Таково и теперешнее положеніе ляховъ: въ то время, когда царь находился у нихъ и его войско проникло въ глубь ихъ земель, отвоевавъ у нихъ болѣе пятидесяти городовъ и взявъ въ плѣнъ много тысячъ людей, никто изъ нихъ не выступалъ противъ него и не выжидалъ его на битву—такъ было въ этомъ году, такъ же было и въ слѣдующемъ. Царь рѣшилъ теперь послать впередъ себя въ тотъ же день шестерыхъ лучшихъ изъ своихъ визирей, дабы они со своими полками нагнали войско злобнаго Радзивила, и принялъ твердое намѣреніе выступить вскорѣ слѣдомъ за ними, послѣ того какъ весь народъ былъ уже спокоенъ на счетъ того, что царь отпразднуетъ Пасху съ полною радостью и ликованіемъ. Особливо мы разсчитывали на то, что онъ окончитъ всѣ наши

[1] Такъ называютъ на Востокѣ, изъ благопристойности, отхожія мѣста

дѣла до Пасхи, а затѣмъ отправится и насъ отпуститъ. Но никто не вѣдалъ закваски его сердца, ибо не въ обычаѣ царей открывать кому-либо свои тайны; въ особенности же московиты таковы, что ни одно племя, ни одинъ народъ не сравнится съ ними въ коварствѣ и умѣньи скрывать то, что̀ имъ извѣстно. Затѣмъ царь въ церкви же написалъ собственноручно имена этихъ шести визирей. По выходѣ обоихъ патріарховъ изъ алтаря, патріархъ Никонъ сталъ на амвонѣ и прочелъ поученіе на этотъ день, сказавъ при этомъ проповѣдь и поясняя весьма пространно его значеніе. Потомъ совершилъ отпустъ и, сойдя, благословилъ царя, также и нашъ учитель, причемъ они поздравили его съ Сыропустомъ Тогда царь подвелъ собственною рукою шестерыхъ визирей, самъ лично выходя къ западнымъ дверямъ церкви и вызывая ихъ поименно, одного за другимъ; подведя къ патріархамъ, просилъ ихъ прочесть надъ ними молитвы по случаю брани, дабы Богъ споспѣшествовалъ и даровалъ имъ побѣду надъ врагами. Такъ они и сдѣлали и прочли молитвы надъ каждымъ отдѣльно.

Обрати вниманіе на сіи дѣла, коихъ мы были сегодня свидѣтелями со стороны этого царя—скорѣе, святого—ибо онъ не остался на своемъ мѣстѣ и не позвалъ писца, чтобы записать имена воеводъ, но потребовалъ чернильницу и бумагу и собственноручно записалъ ихъ имена; второе, не послалъ за ними кого-либо изъ слугъ, но самъ вышелъ, позвалъ ихъ и привелъ собственною рукой къ великому счастію, то-есть подъ благословеніе патріарховъ и къ молитвѣ за нихъ, такъ что мы были поражены величайшимъ изумленіемъ предъ великостью этого, превосходящаго всякое описаніе, смиренія, коего мы были свидѣтелями. Потомъ дали имъ приложиться ко кресту, окропили ихъ святою водой, и они ушли.

На этой недѣлѣ прибылъ митрополитъ Новгородскій, о которомъ мы раньше упоминали, что онъ первый между митрополитами. Въ этотъ день онъ облачился въ саккосъ, по своему всегдашнему обыкновенію, вмѣстѣ съ митрополитомъ Ростовскимъ (который облачился) въ фелонь. Они прибыли отъ своихъ каѳедръ, чтобы поздравить царя съ пріѣздомъ, и каждый изъ нихъ, отдавъ ему поклонъ, поднесъ десять серебряно-вызолоченныхъ иконъ, въ честь (праздника) своей каѳедральной церкви, царю, царицѣ, ихъ сыну, сестрамъ и дочерямъ царя.

Мы вышли отъ обѣдни въ этотъ день незадолго до заката солнца. Намъ не вѣрилось, что мы добрались до своего монастыря, до своихъ теплыхъ келлій: мы умирали отъ усталости и

стоянія на ногахъ въ сильный холодъ, бывшій въ тотъ день. Но за все насъ утѣшило видѣнное нами въ этотъ день, воскресенье Сыропуста, постоянство этого народа въ выстаиваніи на желѣзномъ полу съ утра до вечера. Болѣе того: не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ ударили къ вечернѣ и къ молитвамъ на сонъ грядущимъ, по обычаю.

Царь вмѣстѣ съ царицей былъ вечеромъ за службой въ женскомъ монастырѣ, что насупротивъ насъ, гдѣ, какъ мы сказали, находятся гробницы всѣхъ царицъ.

КНИГА IX.

Москва.

Глава I.

Москва. — Первая недѣля Великаго Поста. Строгость поста. Жестокія наказанія за его нарушеніе. Монастырскіе подарки.

Съ ранняго утра чистаго понедѣльника до среды, въ теченіе трехъ дней, не бываетъ у нихъ ни купли, ни продажи, не открываютъ никакихъ лавокъ, ни масляныхъ, ни, въ особенности, такихъ, гдѣ продаются съѣстные припасы. По обычаю, царь и царица постятся эти три дня, усердно посѣщая службы въ церквахъ ночью и днемъ, предаваясь молитвенному бдѣнію, совершая поклоны и соблюдая строгое воздержаніе, какъ мы удостовѣрились теперь. Наконецъ, отстоявъ обѣдню въ среду, царь разговѣлся сладкимъ компотомъ, по всегдашнему своему обыкновенію, при чемъ послалъ его для раздачи всѣмъ своимъ вельможамъ. Затѣмъ онъ опять постился отъ этой ночи до поздняго утра субботы, когда отстоялъ обѣдню, пріобщился св. Таинъ, вкусилъ антидоръ и затѣмъ позавтракалъ. Во всю эту недѣлю никто не видитъ его лица, развѣ только случится важное событіе въ государствѣ. Такъ же поступаютъ, въ теченіе этой недѣли, и всѣ вельможи, неукоснительно посѣщая службы въ своихъ церквахъ днемъ и ночью. Равно и всѣ жители, въ теченіе ея, не производятъ ни купли, ни продажи, но неопустительно присутствуютъ за богослуженіемъ въ своихъ (приходскихъ) церквахъ. Царскіе ратники обошли питейные дома, гдѣ продаютъ вино, водку и прочіе опьяняющіе напитки, и всѣ ихъ запечатали, и они оставались запечатанными до истеченія пасхальной среды. Горе тому, кого встрѣчали пьянымъ или съ сосудомъ хмельнаго напитка въ рукахъ! Его обнажали въ этотъ сильный холодъ и скручивали ему руки за спиной; палачъ шелъ

позади него, провозглашая совершенное имъ преступленіе, и стегалъ его по плечамъ и спинѣ длинной плетью изъ сырыхъ бычачьихъ жилъ: какъ только она коснется тѣла, тотчасъ же брызнетъ кровь. Въ такомъ положеніи водятъ человѣка по городу и затѣмъ сажаютъ въ тюрьму на извѣстное время, пока онъ не отбудетъ положеннаго срока. Особенно строгій надзоръ бываетъ за жителями въ теченіе первой недѣли поста, по средамъ и пятницамъ, на Страстной недѣлѣ и въ первые четыре дня Пасхи, чтобы люди не пьянствовали, а то ихъ стегаютъ безъ всякаго милосердія и жалости. Царь со своими вельможами имѣетъ обыкновеніе поститься также на Страстной недѣлѣ и вкушаетъ пищу только вечеромъ въ Великій четвергъ, по принятіи св. Тайнъ, и снова постится до кануна Пасхи.

Въ этой странѣ большіе и знаменитые монастыри, какъ-то: Троицкій и иные, имѣютъ обыкновеніе присылать царю со своими монастырскими боярами, живущими въ ихъ подворьяхъ, въ столицѣ, въ видѣ благословенія отъ монастыря, прежде всего, огромный черный ржаной хлѣбъ, каковы обычно бываютъ монастырскіе хлѣбы: каждый хлѣбъ несутъ на рукахъ четверо—пятеро человѣкъ, словно большой жерновъ. Это есть благословеніе, часть отъ хлѣба отцовъ. Еще подносятъ боченокъ съ квасомъ, который приготовляется изъ воды съ рожью, — его употребляютъ какъ напитокъ — и бочку кислой капусты. Говорятъ, что царь, принимая хлѣбъ, цѣлуетъ его, какъ благословенный. То же они дарили царицѣ, царевичу, ихъ сыну, тремъ сестрамъ и тремъ дочерямъ (царя), каждой отдѣльно, на ея имя. Такъ у нихъ принято дѣлать ежегодно. То же дарили своему патріарху и нашему владыкѣ патріарху, по распоряженію, данному имъ отъ царя. Бояре подносили хлѣбъ, держа его предъ собою на рукахъ и говоря: „Архимандритъ такой-то, такого-то монастыря, бьетъ челомъ твоей святости до земли и подноситъ тебѣ отъ пищи своихъ братій-отцовъ“, какъ у нихъ принято. Нашъ учитель цѣловалъ хлѣбъ, возлагалъ на него свою руку и бралъ отъ нихъ. Точно также подносили боченокъ квасу и бочку кислой капусты. Они обошли и всѣхъ вельможъ. Причина, почему они дарятъ этотъ черный хлѣбъ, та, что онъ у нихъ въ большой чести и что отъ употребленія его въ пищу получается благословеніе. Поэтому, первое, что кладутъ на столъ за трапезой царя, есть этотъ хлѣбъ. Также большинство ихъ подарковъ своимъ вельможамъ состоитъ изъ этого хлѣба: они говорятъ, что это ихъ хлѣбъ издревле и что прежде они не знали пшеницы; по этой причинѣ предпочитаютъ его бѣлому, пше-

ничному хлѣбу. Мы видали, какъ вощики и другіе простолюдины завтракали имъ, словно это была превосходная халва. Мы совершенно не въ состояніи были его ѣсть, ибо, по причинѣ большой величины хлѣбовъ, внутри онъ не пропеченъ и бываетъ киселъ какъ уксусъ, да и запахъ имѣетъ такой же. Но московиты привыкли къ нему: по ихъ словамъ, онъ придаетъ силу и питательнѣе бѣлаго хлѣба.

Квасъ варится изъ ржи или ячменя и пьютъ его вмѣсто воды, такъ какъ во всей этой странѣ вообще не имѣютъ обыкновенія пить воду, развѣ только по нуждѣ, вслѣдствіе чего число больныхъ у нихъ невелико Мы подъ конецъ привыкли пить квасъ, потому что онъ холоденъ и питателенъ. Московиты, обыкновенно, имъ завтракаютъ, какъ будто это вино или превосходный напитокъ. Наконецъ мы привыкли къ нему и я его очень полюбилъ, ибо онъ весьма вкусенъ, освѣжаетъ нутро, питателенъ и оставляетъ въ глоткѣ пріятный вкусъ. Знай, что я, пробывъ (здѣсь) семь мѣсяцевъ, вовсе не пилъ воды, а все пилъ этотъ квасъ, медъ, вишневую и яблочную воду. Московиты завтракаютъ квасомъ съ ранняго утра, кромѣ въ него хлѣбъ, какъ въ вино, и напиваются имъ до-пьяна.

Что касается меда, то, такъ какъ въ немъ распускаютъ хмель, отнюдь не пьютъ его въ теченіе этого поста, потому что онъ опьяняетъ. Поэтому намъ доставляли отъ царя каждую субботу, взамѣнъ меда, большую бочку превосходнѣйшаго напитка на все время поста, какъ было назначено.

Уксусъ въ этой странѣ дѣлается изъ отрубей и его называютъ *боршъ*; дѣлаютъ его также изъ меда.

Что касается устава ихъ церквей, то въ приходскихъ церквахъ уставъ подобенъ монастырскому: ежедневно читаютъ восемь каѳизмъ изъ Псалтыря при разсвѣтѣ, рано утромъ, по обычаю, и на каждомъ часѣ по каѳизмѣ. За вечерней и при каждомъ *Аллилуія*, взамѣнъ малыхъ поклоновъ, они дѣлали большіе до земли; точно также каждый разъ при *Святый Боже* и *Пріидите поклонимся*. Мы кладемъ послѣ трехъ большихъ двѣнадцать малыхъ поклоновъ, а они дѣлаютъ всѣ большіе до земли, ибо въ этотъ постъ совсѣмъ не дѣлаютъ малыхъ поклоновъ, но всѣ большіе до земли. Мы наблюдали въ нихъ вѣру, усердіе и набожность чрезвычайныя и многое другое кромѣ этого, изъ-за чего, дѣлая это вмѣстѣ съ ними, ради подражанія имъ, мы терпѣли мученія.

Такъ какъ на этой недѣлѣ и всѣ государственные сановники не выходили изъ своихъ домовъ, постоянно предаваясь молитвамъ,

то мы не имѣли возможности сходить къ кому-либо изъ нихъ съ подарками. Они [1] приходили въ церковь ежедневно, по звонѣ въ колокола, послѣ шестого часа и выходили не раньше какъ по восьмомъ или по девятомъ часѣ, потому что службы продолжительны, особливо чтеніе каѳизмъ, при чемъ кладутъ всѣ поклоны до земли.

Глава II.

Москва.—Подарки отъ патріарха Макарія митрополитамъ Новгородскому и Ростовскому. О епархіяхъ и монастыряхъ. О людѣ.

Въ субботу мы пошли съ подаркомъ къ митрополиту Новгородскому, первому среди митрополитовъ. Насъ остановили у дверей, пока не испросили разрѣшенія, освѣдомившись и узнавъ, что̀ мы принесли съ собой. Тогда насъ ввели. Войдя къ нему, (мы увидали, что) ради насъ онъ былъ одѣтъ въ мантіи и клобукѣ и держалъ въ правой рукѣ посохъ. Онъ обернулся къ кіоту, предъ которымъ горѣла свѣча, и прочелъ *Достойно есть*, а его приближенные, въ отвѣтъ ему,—послѣ того какъ онъ поклонился имъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ, и онъ обернулся къ намъ — пропѣли: *Слава Отцу* до конца, затѣмъ *Господи помилуй* трижды и *Благослови владыко*. Онъ совершилъ отпустъ, мы поклонились ему и онъ насъ благословилъ. Мы передали ему благословеніе и привѣтъ отъ нашего владыки патріарха чрезъ царскаго переводчика, который постоянно насъ сопровождалъ. Митрополитъ сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, изъ уваженія къ нашему учителю, и мы ему также. Мы поднесли ему подарки, онъ цѣловалъ каждое блюдо и подъ конецъ сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ, выражая благодарность. Затѣмъ онъ удалился во внутренніе покои и вынесъ намъ серебряныя иконы во имя своей каѳедральной церкви, которая въ честь св. Софіи, Премудрости Божіей, и еще милостыню копѣйками въ бумажкахъ. Мы помолились на иконы и поклонились ему, онъ опять благословилъ насъ и мы вышли.

Мы отправились также къ митрополиту Ростовскому. Онъ служилъ въ своей церкви, то-есть въ своемъ подворьѣ, и рукополагалъ дьякона и священника. Какъ мы сказали, всѣ двѣнадцать архіереевъ страны московской имѣютъ каждый жилище, дворецъ съ церковью, бояръ и служителей и уполномоченныхъ,

[1] „Они“ означаетъ здѣсь, вѣроятно, вообще русскихъ.

которые постоянно проживаютъ въ его дворцѣ. Митрополитъ Ростовскій продѣлалъ въ церкви то же (что и Новгородскій): кланялся и благодарилъ за дары нашего учителя и также далъ намъ иконы въ честь своей каѳедры, что во имя св. Леонтія, митрополита Ростовскаго, который былъ родомъ грекъ, а также трехъ другихъ митрополитовъ, бывшихъ послѣ него; ихъ тѣла сохранялись до сихъ поръ и творятъ чудеса. Мы узнавали имя каѳедральной церкви архіерея только по иконамъ, которыя онъ раздавалъ и которыя также изображены на всѣхъ его облаченіяхъ: если это саккосъ, то икона вышита золотомъ на рукавахъ; равнымъ образомъ, на омофорѣ, палицѣ и епитрахили. Такія же иконы они подносятъ царю, какъ это у нихъ ведется, ибо обычаемъ возложено на нихъ пріѣзжать къ праздникамъ Рождества и Крещенія для поздравленія царя съ поднесеніемъ иконъ, послѣ чего они уѣзжаютъ. Пріѣзжаютъ также къ Пасхѣ.

Церковь митрополита Новгородскаго, какъ мы сказали, въ честь св. Софіи; митрополита Ростовскаго—во имя св. Леонтія и его преемниковъ. Митрополитъ Казани—второй (послѣ Новгородскаго); его каѳедральная церковь, какъ говорятъ, въ честь Благовѣщенія; (митрополита) Крутицкаго—въ честь Петра и Павла; архіепископа Рязанскаго—въ честь Успенія Владычицы также (какъ въ Москвѣ); архіепископа Тверского—въ честь Преображенія Господня; архіепископа Суздальскаго—въ честь Рождества Богородицы; архіепископа Вологодскаго—въ честь Успенія Владычицы; архіепископа Псковскаго—въ честь Троицы; епископа Коломенскаго—въ честь Успенія Владычицы; архіепископа Астраханскаго—также въ честь Успенія Богородицы; архіепископа Сибири—въ честь св. Софіи и Спаса, то-есть Спасителя. Вотъ имена каѳедръ ихъ, мною собранныя, дабы ты, читатель, увидѣлъ, какъ прекрасны церковные порядки въ этой странѣ.

Не только каждый изъ этихъ архіереевъ имѣетъ своего особаго иконописца, который пишетъ ему иконы для подарковъ, но и каждый архимандритъ извѣстнаго монастыря также имѣетъ собственнаго иконописца, всегда при немъ находящагося; и на его облаченіи, на поручахъ, епитрахили и палицѣ—(иконы) имени монастыря его. Кто посѣтитъ его, въ монастырѣ-ли, въ подворьѣ-ли, находящемся въ этомъ городѣ, тому онъ также даритъ икону въ честь своего монастыря. Каждый извѣстный монастырь въ этой странѣ имѣетъ подворье и своихъ особыхъ слугъ; говорятъ, Троицкій монастырь имѣетъ въ этомъ городѣ, 21 подворье: суди по этому объ остальномъ! Обрати вниманіе на эти обычаи и прекрасные порядки, кои мы наблюдали: какъ

они хороши! Но правду сказалъ нашъ владыка патріархъ, говоря: „всѣ эти обычаи существовали прежде и у насъ, во дни нашихъ царей, и мы ихъ утратили; они перешли къ этому народу и принесли у него плоды, коими онъ превзошелъ насъ“.

Нашъ владыка патріархъ спросилъ однажды патріарха Никона о числѣ всѣхъ монастырей въ Московскомъ государствѣ. Онъ отвѣтилъ: „болѣе трехъ тысячъ, кромѣ (тѣхъ, что) въ странѣ казаковъ“, и прибавилъ: „въ нашей странѣ есть три очень богатые монастыря, великія царскія крѣпости“. Первый — монастырь св. Троицы; онъ больше и богаче остальныхъ. Второй—монастырь св. Кирилла Новаго, въ подворьѣ котораго мы остановились; онъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ Кириллобѣлозерскаго, то-есть Бѣлаго озера. Говорятъ, что озеро господствуетъ надъ монастыремъ, но Божіею силою и попеченіемъ святого не вредитъ ему; вода его бѣла, какъ молоко. Монастырь больше и крѣпче Троицкаго, ибо три громадныя стѣны его сложены, какъ говорятъ, изъ огромныхъ дикихъ камней; а монастырь св. Троицы и его стѣны сдѣланы изъ кирпича и камня. Третій монастырь — Соловецкій, по-гречески *Соловка*. Онъ сооруженъ святыми Зосимой и Савватіемъ среди острова на морѣ-океанѣ, какъ мы сказали раньше. Говорятъ, что его стѣны громадны, неприступны и сложены изъ большихъ дикихъ камней; разсказываютъ, что эти святые заставили работать дьяволовъ надъ сооруженіемъ монастырскихъ стѣнъ. По этой-то причинѣ онѣ изумительны по своей необыкновенной прочности, и люди описываютъ ихъ съ удивленіемъ. Эти три монастыря возникли, при помощи Божіей, въ одно время и имъ уже болѣе 400 лѣтъ.

Въ этомъ Соловецкомъ монастырѣ есть рудникъ удивительнаго хрустальнаго камня. Его выламываютъ въ горѣ въ видѣ досокъ. Онъ походитъ на стопу бумажныхъ листовъ, лежащихъ одинъ на другомъ: его снимаютъ по-одиночкѣ, при чемъ онъ не ломается. [Его имя по-гречески *схистосъ*, а по-арабски *хажаръ-ат-талкъ* (камень раздѣленія). Этимъ именемъ называютъ его также татары и кизилбаши]. Изъ него дѣлаютъ въ этой странѣ все имъ потребное, напр., оконницы разнаго вида и размѣра. Персидскіе купцы вывозятъ ихъ во множествѣ, равно купцы франкскіе и греческіе и всякій, кто пріѣзжаетъ сюда, потому что этотъ камень имѣется только здѣсь. Одинъ изъ монаховъ этого монастыря намъ разсказывалъ, что между островомъ и материкомъ разстояніе 40—50 верстъ и что отъ материка течетъ въ морѣ отдѣльно рѣка прѣсной воды до самаго мона-

стыря, что изъ нея они берутъ воду для питья и что на ней ихъ мельницы подъ землей. Онъ разсказывалъ, что это море замерзаетъ, но никто по нему не ходитъ, потому что оно колышется отъ волнъ; такимъ образомъ путь къ монастырю зимою прекращается. Онъ разсказывалъ, что кругомъ острова есть башни, которыя препятствуютъ кораблямъ подходить къ нему: они не имѣютъ возможности войти, потому что кругомъ острова камни и весьма трудные проходы. Разсказывалъ, что и тамъ есть рудникъ хрусталя, что это огромная яма, которая наполняется водой; въ зимнее время они вычерпываютъ воду и наполняютъ яму дровами, разводя огонь въ теченіе двухъ недѣль; затѣмъ открываютъ яму на недѣлю для охлажденія; люди спускаются туда на дно, находятъ хрусталь на подобіе плитъ, лежащихъ одна на другой, и выносятъ его наверхъ.

[Что касается рыбьихъ зубовъ, то, какъ говорятъ, они получаются отъ морского животнаго, которое выходитъ (изъ воды) и сидитъ на льду. Московиты подходятъ къ нему и говорятъ: „гость пришелъ навѣстить тебя“, на что оно, разумѣется, не даетъ никакого отвѣта. Тогда они бьютъ его копьями, къ которымъ прикрѣплены мотки веревокъ, и какъ только животное побѣжитъ, его нѣсколько разъ притягиваютъ назадъ и, убивъ, вырываютъ его большіе зубы.]

Глава III.

Москва.—Торжественное служеніе патріарховъ въ Недѣлю Православія. Осужденіе иконъ новаго письма и двуперстія.

Въ первое воскресенье Великаго Поста, рано утромъ, нѣсколько разъ ударили въ большой колоколъ и въ другіе по порядку, дабы собрались въ (Успенскій) соборъ игумены монастырей, священники и діаконы вмѣстѣ со своими иконами, назначенные для участія въ имѣющемъ происходить большомъ торжествѣ, особомъ чинѣ и моленіи за царя. Позвонивъ немного въ большой колоколъ, дѣлаютъ маленькую остановку, а затѣмъ ударяютъ въ другіе колокола одинъ за другимъ по порядку.

Позднѣе, утромъ, трижды ударили во всѣ колокола разомъ—въ малые, большіе и въ самый большой, дѣлая въ промежуткахъ одиночные удары, такъ что казалось, будто весь городъ поколебался. Этотъ день у нихъ весьма почитается, и потому всѣ жители съ женами, дочерьми и малыми дѣтьми въ лучшей одеждѣ поспѣшили въ соборъ, съ усердіемъ и благоговѣніемъ

прикладываться къ иконамъ и мощамъ святыхъ. Таковъ ихъ обычай изъ года въ годъ. Большая часть русскихъ прикладываются къ иконамъ только въ этотъ день. Женщины, когда лобызаютъ иконы, снимаютъ свои мѣховыя шапки, подъ которыми онѣ носятъ родъ бѣлыхъ повязокъ, плотно прилегающихъ къ головѣ.

По приглашенію царя, нашъ владыка патріархъ отправился (въ соборъ) въ царскихъ саняхъ, въ которыхъ и мы помѣстились вмѣстѣ съ нимъ. Въ третьемъ часу (около 10 часовъ утра) прибылъ патріархъ (Никонъ). У нихъ принято, что дьяконы въ праздники, подобные сегодняшнему, надѣвъ стихари [1], отправляются въ патріаршія палаты съ большими свѣчами въ рукахъ и идутъ предъ патріархомъ, поя тропарь, положенный на этотъ день, а другіе, окружая патріарха, ведутъ его подъ руки и поддерживаютъ концы его мантіи. Архидіаконъ и протодіаконъ еще ранѣе патріарха пошли въ соборъ; надѣвъ стихари, они вышли изъ алтаря и встрѣтили его съ кадилами. Затѣмъ онъ поднялся на патріаршее мѣсто и молился, дѣлая поясные поклоны, пока не окончили „Достойно есть“ и пѣвчіе не пропѣли ему многолѣтія. Онъ благословилъ народъ трикиріями, сошелъ, привѣтствовалъ нашего учителя, и всѣ пошли, по обычаю, прикладываться къ иконамъ, къ мощамъ святыхъ, къ ковчегу съ ризою Спасителя, къ алтарю, ко кресту, евангелію и жертвеннику. Затѣмъ мы вышли изъ алтаря и облачили ихъ. Они благословили народъ, и мы вышли вмѣстѣ съ ними чрезъ южныя двери (собора) для встрѣчи царя.

Царь шествовалъ въ царскомъ облаченіи и коронѣ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Священники и архимандриты съ иконами изъ кремлевскихъ церквей показались со стороны Благовѣщенскаго собора и попарно шли предъ царемъ. Подойдя (къ Успенскому собору), всѣ они стали въ рядъ предъ дверьми. Патріархъ Никонъ, взявъ кадильницу, окадилъ сначала иконы по-одиночкѣ, затѣмъ нашего учителя, потомъ царя и вельможъ его, наконецъ архіереевъ и священниковъ. Снявъ митру, онъ приложился ко всѣмъ иконамъ по порядку; то же сдѣлалъ нашъ учитель, а затѣмъ царь, который былъ съ открытою головой. Потомъ оба патріарха благословили царя, и мы вошли въ храмъ. Никонъ

---

[1] Въ подлинникѣ здѣсь стоитъ отрицаніе *не*, но мы думаемъ, что оно попало по ошибкѣ переписчика, ибо едва ли дьяконы могли быть безъ стихарей, когда они шли со свѣчами въ рукахъ предъ патріархомъ, облаченнымъ въ мантію.

взошелъ на свое мѣсто, учитель нашъ сталъ по правую его руку, а архіереи и священники размѣстились по обѣимъ сторонамъ, по обычаю. Архимандриты и священники, несшіе иконы, стали въ рядъ предъ патріархами съ восточной стороны. Когда царь по обычаю приложился къ иконамъ, при чемъ пѣвчіе пѣли ему „многая лѣта“, онъ подошелъ къ патріархамъ и поклонился имъ, а они въ отвѣтъ поклонились царю, благословили его, окропили святою водой, а свиту его издали, и по обыкновенію поднесли ему крестъ для цѣлованія, послѣ чего онъ сталъ на свое обычное мѣсто у колонны.

Патріархъ Никонъ предложилъ нашему учителю рукоположить священника и діакона (что имъ потомъ и было совершено).

Послѣ часовъ началась обѣдня, и мы вошли въ алтарь. Въ этотъ день съ патріархомъ служили пять архіереевъ: митрополитъ Новгородскій и архіепископы Рязанскій и Вологодскій по правую его руку, а противъ нихъ съ лѣвой стороны митрополитъ Ростовскій и архіепископъ Тверской, имѣя во главѣ архіепископа Сербскаго. Каждый разъ, когда служитъ патріархъ, вмѣстѣ съ нимъ служатъ четыре архимандрита въ митрахъ со своими діаконами: первый — архимандритъ Чудова монастыря, второй— Новоспасскаго, третій—Симонова и четвертый—Андроньева. Съ нимъ служатъ также протопопъ этой церкви (Успенскаго собора) и протопопъ Архангельскаго собора съ младшими священниками (этихъ соборовъ). Дьяконовъ и иподьяконовъ служитъ съ нимъ болѣе сорока, такъ какъ при патріаршей литургіи у нихъ бываетъ большое торжество,—все равно, хотя бы это служеніе происходило въ будничный день. Всѣ упомянутыя лица должны при этомъ находиться.

Окадивъ престолъ кругомъ, патріархъ вышелъ и окадилъ царя. Передъ пѣніемъ Трисвятаго вышелъ архидіаконъ и поднялся на амвонъ, гдѣ экклесіархъ поставилъ для него покрытый пеленою аналой. Открывъ Тріодь, онъ сталъ читать синаксарій [1] этого дня пріятнымъ густымъ басомъ, такъ какъ они читаютъ синаксарій не на утрени, а теперь: по этой причинѣ и было устроено такое торжественное собраніе. Онъ читалъ слово за словомъ ровнымъ и тихимъ голосомъ, пока не дошелъ до святыхъ, участ-

[1] По книгѣ священника Константина Никольскаго: „Анаѳематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю Великаго Поста“, гдѣ обстоятельно изложено историческое изслѣдованіе чина Православія, вторая часть этого чина, которую обыкновенно читаетъ протодіаконъ, называется синодикомъ. Названіе же синаксарій у него не упоминается.

никовъ собора противъ иконоборцевъ. Произнося имя каждаго изъ нихъ, онъ останавливался, и тогда священники въ алтарѣ и всѣ служащіе пѣли трижды: „буди память ихъ вѣчной!“ а пѣвчіе на клиросахъ отвѣчали имъ, повторяя то же три раза. Когда архидіаконъ возглашалъ имя святого, соборный чередной священникъ вмѣстѣ съ дьяконами подходилъ съ иконой святого къ патріарху, который дѣлалъ передъ ней поклонъ и прикладывался; то же дѣлалъ нашъ учитель. Потомъ выходили съ тою же иконой къ царю, который также дѣлалъ поклонъ и лобызалъ ее. Царь стоялъ предъ патріаршимъ мѣстомъ съ открытою головой, держа правую руку за пазухой по причинѣ холода.

Знай, что въ этой великой церкви, а также въ соборахъ Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ и во многихъ большихъ церквахъ и монастыряхъ находятся ковчеги на подобіе книги, крытые бархатомъ или парчой, посеребренные и позолоченные Они заключаютъ въ себѣ 12 изящныхъ иконъ на тоненькихъ дощечкахъ; на каждой иконѣ съ обѣихъ сторонъ изображены святые одного мѣсяца; или ковчегъ заключаетъ въ себѣ шесть образовъ, и тогда на каждой сторонѣ образа бываетъ изображеніе святыхъ одного мѣсяца. Эти ковчеги именуются годовыми, ибо въ нихъ заключаются иконы всѣхъ святыхъ, коихъ память совершается въ теченіе дней года, со всѣми господскими праздниками, семью (вселенскими) соборами и иными праздниками и святыми, греческими и русскими. Въ каждой церкви имѣется не одинъ такой ковчегъ, но три и четыре, разныхъ видовъ и размѣровъ. Они хранятся на полкахъ аналоевъ, покрытыхъ пеленой и стоящихъ передъ дверьми алтарей. Экклесіархъ вынимаетъ икону каждаго мѣсяца и кладетъ ее лицевою стороною (на аналой), оставляя до конца мѣсяца. Послѣ того вынимаетъ другую Передъ ней всегда стоитъ свѣча.

Въ церквахъ находятся не только эти годовые образа, сложенные какъ листы въ книгѣ одинъ на другомъ, но еще большая икона, раздѣленная на 12 частей, и каждая часть заключаетъ образа всѣхъ святыхъ и праздниковъ одного мѣсяца. Кто изъ усердія пожелаетъ поставить свѣчу святому или празднику, втыкаетъ ее передъ нимъ на желѣзный подсвѣчникъ, который можно поднимать, опускать и повертывать такъ, чтобы свѣча приходилась предъ желаемымъ образомъ. Непремѣнно противъ этого образа на противоположной колоннѣ должна быть такая же икона съ изображеніемъ акаѳиста (Божіей Матери), то-есть 24 похвалъ, кои читаются вечеромъ на субботу пятой недѣли Великаго Поста.

Возвращаемся къ нашему предмету. Послѣ того какъ поднесли образъ для лобызанія царю, съ нимъ возвращались въ алтарь и подносили его для цѣлованія архіереямъ и всему служащему духовенству. Это дѣлали при упоминаніи имени каждаго святого, возглашая трижды въ одинъ голосъ: „будп память его вѣчной!“ Такъ продолжалось, пока не кончили возглашеніе именъ нашихъ святыхъ и не начали возглашать имена своихъ новыхъ святыхъ При этомъ, какъ и раньше, подносили для поклоненія иконы своихъ святыхъ. Когда помнпали имена Новгородскихъ святыхъ, выходилъ митрополитъ Новгородскій съ ихъ образами и подносилъ для цѣлованія патріархамъ и царю, а также всѣмъ служащимъ, какъ бы гордясь святыми своего города. То же дѣлалъ митрополитъ Ростовскій и другіе. При этомъ архидіаконъ, помянувъ имя святого, возглашалъ: „будп память его вѣчною!“ трижды, а священники и служащіе вмѣстѣ съ пѣвчими пѣли то же три раза. Потомъ онъ помпналъ имена греческихъ царей, причисленныхъ къ лику святыхъ, затѣмъ сталъ помпнать имена всѣхъ своихъ царей (да помилуетъ ихъ всѣхъ Богъ и да сдѣлаетъ насъ участниками ихъ блаженства!), кои царствовали въ теченіе столь долгаго времени, болѣе 700 лѣтъ, какъ мы упомянули раньше. Среди нихъ не появилось ни одного иконоборца, ни еретика, но всѣ они были святые, какъ мы это усмотрѣли изъ изображеній и изъ исторіи ихъ жизни, не такъ, какъ большинство греческихъ царей, которые опозорили свое царство (да не окажетъ имъ Господь никакого милосердія!) гоненіемъ на иконы, тайными интригами, нововведеніями и нимъ. Когда мы смотрѣли на изображеніе семи вселенскихъ соборовъ, на тѣхъ царей-еретиковъ и иконоборцевъ, низвергаемыхъ въ адъ, одному Богу вѣдомо, какъ намъ становилось совѣстно предъ московитами, предъ ихъ царемъ и вельможами, ибо они съ презрѣніемъ говорили о греческихъ царяхъ и объ ихъ царствѣ: „взгляните на этихъ царей, отъ которыхъ мы получили свѣтъ истинной вѣры: какъ они поступали со святою церковью Божіей въ гоненіи на св. иконы и какъ ихъ поступки были гнусны и жестоки! какъ они терзали патріарховъ, архіереевъ и весь церковный клиръ вмѣстѣ съ праведниками и святыми аскетами, хуже чѣмъ поступали идолопоклонники, каковы Діоклетіанъ, Максиміанъ и другіе“. И развѣ иначе поступали греческіе царп, когда они отдавали вѣрующихъ во власть враговъ вѣры, какъ дѣлалъ это Левъ Армянинъ и другіе царп, погонщики ословъ и конапатчики кораблей и т. п., происходившіе не изъ царскаго дома и не изъ царскаго рода? Не лучше поступали и царицы,

въ родѣ Евдоксіи съ ея единомышленниками, которая заточила Златоуста и ради своихъ низкихъ цѣлей поступала съ церковью Божіею такъ, какъ не поступали въ свое время язычники. Такъ же дѣйствовали и другія царицы, кои бросали своихъ мужей, законныхъ царей, умерщвляли ихъ и выходили за другихъ, возводя этихъ послѣднихъ на престолъ, какъ разсказываетъ о томъ новая греческая исторія. О, если бы она не сообщала извѣстій объ ихъ гнусныхъ поступкахъ, объ ихъ глупыхъ забавахъ на царствѣ, одно упоминаніе о которыхъ бросаетъ въ краску юношу!

Вслѣдствіе только-что указанныхъ и иныхъ недостатковъ и пороковъ грековъ, кои всегда и вездѣ они обнаруживаютъ, мы рѣшительно нигдѣ не находили людей, имъ симпатизирующихъ, какъ мы въ этомъ убѣдились собственными глазами. Такъ, въ Молдавіи притѣсненія и неправосудіе сановниковъ (господаря) Василія вызвали возстаніе всего народа, который изгналъ Василія, перебилъ его клевретовъ и разграбилъ ихъ имущество. То же самое, какъ мы слышали, нынѣ случилось съ ними во всей Валахіи. Казаки, какъ мы замѣтили, также ихъ не любятъ. Московиты же принимаютъ ихъ только изъ состраданія, ради оказанія имъ пособій. Сколькихъ изъ нихъ они послали въ ссылку въ Сибирь и въ монастыри мрачнаго (сѣвернаго) моря! Сколькихъ не пустили и вернули назадъ воеводы Путивля! И всему этому причиной обиліе ихъ пороковъ и огромность творимаго ими зла. Въ странахъ франкскихъ не могутъ слышать равнодушно и самаго имени грековъ, говоря, что они чрезъ свое дурное управленіе потеряли свое царство и помогали туркамъ, когда тѣ покорили ихъ, противъ другихъ государствъ. О, что это за народъ! какъ гнусны его поступки! Если такъ дѣйствовали въ древности ихъ цари, то нечего удивляться теперь ихъ низкимъ поступкамъ всюду, гдѣ бы они и ихъ архіереи ни находились. Богъ да будетъ милостивъ къ намъ и къ нимъ! Мы говоримъ это не въ осужденіе имъ, но такъ мы слышали о нихъ вездѣ, куда бы ни приходили, и сами отъ нихъ видѣли множество скверныхъ поступковъ. Однакожъ, они имѣютъ и похвальныя качества, кои выражаются въ ихъ привязанности къ своимъ архіереямъ, монахамъ и священникамъ. Они видятъ ихъ пороки, видятъ, что патріархи однихъ низлагаютъ, другихъ убиваютъ, а иныхъ топятъ, но они все это прикрываютъ и оказываютъ имъ подобающій ихъ сану почетъ. Даже когда ихъ архіереи, священники и монахи уклоняются отъ правой вѣры, что многіе дѣлаютъ чуть не ежедневно, они остаются твердыми

въ вѣрѣ и не осуждаютъ свое духовенство, ни бѣлое, ни черное. Они имѣютъ много другихъ такихъ же хорошихъ качествъ, за которыя мы всегда ихъ хвалили въ подобныхъ обстоятельствахъ. И за то, что они мало осуждаютъ, и мало между ними такихъ, кои слѣдятъ за поступками своего духовенства, люди умные и дальновидные предпочитаютъ ихъ намъ.

Возвращаемся къ предмету нашей рѣчи. Архидіаконъ поминалъ имена всѣхъ царей и царицъ съ ихъ дѣтьми съ того времени, когда они сдѣлались христіанами, до Михаила, отца нынѣшняго царя, и при возглашеніи каждаго имени пѣли, повторяя три раза: „буди память его вѣчной!“ Затѣмъ стали поминать имена воеводъ и ратниковъ, убитыхъ подъ Смоленскомъ и въ другихъ сраженіяхъ въ этомъ году; ихъ причисляютъ къ лику святыхъ и мучениковъ, ибо они воевали за правую вѣру. При возглашеніи ихъ именъ то же пѣли три раза.

Когда возглашали имена еретиковъ—патріарховъ, священниковъ и иныхъ—и царей-иконоборцевъ, пѣли для каждаго изъ нихъ трижды: „анаѳема“, и проклинали ихъ вмѣстѣ со всѣми франкскими исповѣданіями и армянами, пока не перечислили всѣхъ [1].

Тогда архидіаконъ возгласилъ многолѣтіе царю, произнося его имя и царскій титутъ такъ: „Господь Богъ да даруетъ многая лѣта царю могущественному, тишайшему, Богомъ вѣнчанному, славѣ православныхъ, Богомъ хранимому, величайшему изъ царей и князей, царю Московитовъ и всѣхъ странъ Великой и Малой Россіи, царю Казанскому, царю Астраханскому, царю Сибирскому, великому господину [2] Новгорода и князю Псковскому“. Когда

---

[1] Въ совершаемомъ нынѣ въ Россіи чинѣ Православія предаются анаѳемѣ лишь древнія ереси и ересіархи, каковы: Арій, Несторій, Евтихій и др., осужденные на семи вселенскихъ соборахъ. Неупоминаніе Армянъ при анаѳематствованіи было тѣмъ болѣе желательнымъ, что, какъ доказали послѣдніе изслѣдованія Хіосскаго митрополита Григорія и знатока армянской богословской литературы, покойнаго Н. О. Эмина, особенно въ его переводѣ на русскій языкъ „Шараканъ, то-есть богослужебные каноны и пѣсни армянской восточной церкви“, мнѣнія отдѣльныхъ армянскихъ католикосовъ или даже помѣстныхъ соборовъ, несогласныя съ ученіемъ Православной Церкви, „никогда не имѣли обязательнаго значенія для всѣхъ послѣдователей армянской церкви“, но составляли личный ихъ взглядъ на тотъ или другой предметъ, такъ какъ въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, сложенныхъ между V и VIII вѣками, непремѣнно отразилось бы монофизитское ученіе, еслибы таковое составляло общее вѣрованіе армянской церкви.

[2] Въ подлинникѣ употреблено слово *эфенди*, что по-гречески значитъ: господинъ.

архидіаконъ окончилъ это возглашеніе, священники и всѣ служащіе пропѣли хоромъ въ алтарѣ весь этотъ титулъ сполна. То же самое пропѣли пѣвчіе на клиросѣ. Это они называютъ многолѣтіемъ. Во все это время царь стоялъ на ногахъ предъ патріаршимъ мѣстомъ. По окончаніи многолѣтія, патріархъ вышелъ къ царю, поздравилъ его и пожелалъ ему много лѣтъ здравствовать. То же сдѣлалъ нашъ владыка патріархъ и чрезъ переводчика выразилъ царю свои благожеланія. Вышли архіереи и сдѣлали то же. Затѣмъ архидіаконъ, произнося титулъ царицы Маріи, возгласилъ ей многолѣтіе, которое также было пропѣто служащимъ духовенствомъ и пѣвчими. Затѣмъ онъ возгласилъ имя сына ихъ Алексія, при чемъ было сдѣлано то же. Потомъ возгласилъ имена трехъ сестеръ царя съ ихъ титулами: Ирины, Анны и Татьяны Михайловны, и это также пропѣли въ алтарѣ и на клиросахъ. Послѣ того возгласилъ имена трехъ дочерей царя: Евдокіи, Маѳы и Анны Алексѣевны. При этомъ патріархи опять выходили къ царю и, выразивъ ему свои благожеланія, возвратились въ алтарь.

Помянувъ имена шести патріарховъ, предшествовавшихъ Никону, архидіаконъ возгласилъ титулъ патріарха Никона, и это пропѣли служащіе въ алтарѣ и пѣвчіе на клиросѣ. Это составляетъ многолѣтіе Никону. По окончаніи его, царь подошелъ къ патріарху, ставъ противъ дверей алтаря, поздравилъ его, пожелалъ долголѣтія и поклонился ему, на что патріархъ отвѣтилъ также поклономъ. Царь поцѣловалъ у него правую руку, а патріархъ поцѣловалъ царя въ голову, по обыкновенію. Также поздравилъ его нашъ владыка патріархъ вмѣстѣ со всѣми служащими архіереями, священниками и діаконами, которые дѣлали при этомъ поклонъ.

Затѣмъ царь подошелъ къ архидіакону и приказалъ возгласить многолѣтіе патріарху Антіохійскому, попросивъ на то дозволенія у патріарха Никона. Такъ и было сдѣлано. По возглашеніи имени патріарха пропѣли это въ алтарѣ и на клиросѣ.

Тогда царь подошелъ къ нашему учителю предъ двери алтаря, выразилъ ему благожеланія и поздравилъ его (да продлитъ Господь Богъ дни царя и да пошлетъ ему счастіе и успѣхъ!) Только чрезъ переводчика мы могли узнать содержаніе его словъ. Потомъ онъ поклонился нашему учителю, который отвѣтилъ также поклономъ; царь поцѣловалъ у него правую руку, а тотъ облобызалъ царя въ голову, по обыкновенію. Также поздравляли его патріархъ Никонъ и служащіе архіереи, священники и діаконы

Затѣмъ архидіаконъ возглашалъ имена участвовавшихъ въ служеніи архіереевъ, съ поименованіемъ ихъ каѳедръ, и иныхъ отсутствующихъ архіереевъ земли московской. Имъ также пѣли пѣвчіе, при чемъ служащіе архіереи выходили и кланялись царю и патріархамъ, поздравляя другъ друга.

Потомъ возглашалъ имена присутствовавшихъ архимандритовъ, съ поименованіемъ ихъ монастырей, и многолѣтіе всѣмъ архимандритамъ и игуменамъ монастырей земли московской, и то же было имъ пропѣто. Потомъ возглашалъ многолѣтіе священникамъ всей земли русской, и это было пропѣто; затѣмъ многолѣтіе всѣмъ вельможамъ царя, его воинству и палатѣ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Имъ пропѣли то же самое. Этимъ и закончили.

Мы были удивлены всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ при этихъ обрядахъ и порядкахъ, которые приводятъ умъ въ изумленіе. Мы забывали усталость отъ долгаго стоянія на ногахъ и сильный холодъ, утѣшаясь радостью, испытываемой нами отъ всего, что мы видѣли и слышали, а также способомъ чтенія архидіакона, который читалъ голосомъ низкимъ, густымъ, мягкимъ, сладостнымъ, размягчающимъ сердце. Всѣ они такъ читаютъ, также и греки, не такъ, какъ мы – высокимъ голосомъ. Патріархъ и священники тоже читаютъ голосомъ низкимъ, трогающимъ душу, такъ что ихъ возгласы бываютъ слышны только стоящимъ на хоросѣ [1]. Таковъ ихъ обычай, и какой это прекрасный обычай!

Затѣмъ при пѣніи Трисвятаго патріархи осѣнили народъ, по обыкновенію, и мы окончили обѣдню, во время которой нашъ учитель рукоположилъ іерея и діакона.

Во время служенія царь стоялъ то на царскомъ мѣстѣ, то предъ патріаршимъ мѣстомъ, то въ ризницѣ въ алтарѣ, гдѣ смотрѣлъ на служащихъ при священнодѣйствіи.

Когда престолъ былъ покрытъ, патріархъ Никонъ вышелъ и поднялся на амвонъ, а мы и прочіе служащіе размѣстились вокругъ него. Мало ему было этой продолжительной службы и стоянія на ногахъ до наступившей уже вечерней поры, но вотъ діаконы открыли передъ нимъ Сборникъ отеческихъ бесѣдъ, по которому онъ сталъ читать положенную на этотъ день бесѣду объ иконахъ. Онъ читалъ не только медленно, но еще со многими поученіями и поясненіями, при чемъ царь и всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти стояли все время съ открытыми головами при

[1] Пространство между архіерейскимъ мѣстомъ и амвономъ.

такомъ сильномъ холодѣ, соблюдая полное спокойствіе, молчаніе и тишину. Во время проповѣди Никонъ велѣлъ принести иконы старыя и новыя, кои нѣкоторые изъ московскихъ иконописцевъ стали рисовать по образцамъ картинъ франкскихъ и польскихъ. Такъ какъ этотъ патріархъ отличается чрезмѣрною крутостью нрава и приверженностью къ греческимъ обрядамъ, то онъ послалъ своихъ людей собрать и доставить къ нему всѣ подобныя иконы, въ какомъ бы домѣ ни находили ихъ, даже изъ домовъ государственныхъ сановниковъ, что̀ и было исполнено. Это случилось лѣтомъ предъ появленіемъ моровой язвы. Никонъ выкололъ глаза у этихъ образовъ, послѣ чего стрѣльцы, исполнявшіе обязанность царскихъ глашатаевъ, носили ихъ по городу, крича: „кто отнынѣ будетъ писать иконы по этому образцу, того постигнетъ примѣрное наказаніе“. Это происходило въ отсутствіе царя.

Такъ какъ всѣ московиты отличаются большою привязанностью и любовью къ иконамъ, то они не смотрятъ ни на красоту изображенія, ни на искусство живописца, но всѣ иконы, красивыя и некрасивыя, для нихъ одинаковы: они всегда ихъ почитаютъ и поклоняются имъ, даже если икона представляетъ набросокъ на бумагѣ или дѣтскій рисунокъ. У всѣхъ ратниковъ безъ исключенія непремѣнно имѣется на груди красивый образъ въ видѣ тройного складня, съ которымъ онъ никогда не разстается и, гдѣ бы ни остановился, ставитъ его на видномъ мѣстѣ и поклоняется ему. Таковъ ихъ обычай, какъ мы это сами видѣли.

Видя, какъ патріархъ поступалъ съ иконами, подумали, что онъ сильно грѣшитъ, пришли въ смущеніе и волненіе и сочли его противникомъ иконъ. Въ это время случилась моровая язва и солнце померкло передъ закатомъ 2-го августа. Они подумали: „все случившееся съ нами есть гнѣвъ Божій на насъ за надругательство патріарха надъ иконами“. Образовались скопища, враждебныя патріарху, которыя покушались убить его, ибо царя въ это время не было въ Москвѣ и въ городѣ оставалось мало войска. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда было получено патріархомъ повелѣніе отъ царя увезти царицу со всею семьей въ Троицкій монастырь, дабы она тамъ оставалась во избѣжаніе моровой язвы. Они уѣхали, и царица пробыла въ Троицкомъ монастырѣ до наступленія рождественскаго поста. Патріархъ же, разставшись съ нею, провелъ все это время въ горахъ и лѣсахъ, скрываясь отъ лютости моровой язвы, удаляясь отъ людей, проживая въ палаткѣ подъ дождемъ

и снѣгомъ, не имѣя себѣ иного утѣшенія кромѣ огня. Такъ какъ у нихъ болѣе ста лѣтъ не было моровой язвы, то они сильно испугались. Большинство вельможъ также бѣжали изъ города, и по Промыслу Божію большая часть ихъ уцѣлѣла. Царь, пріѣхавъ изъ Смоленска въ Вязьму, послалъ повелѣніе патріарху прибыть къ нему съ царицей. Они отправились и оставались тамъ, пока не прекратилась язва въ Москвѣ, какъ объ этомъ мы раньше упомянули.

Въ этотъ день патріарху представился удобный случай для бесѣды въ присутствіи царя, и онъ много говорилъ о томъ, что такая живопись, какова на этихъ образахъ, недозволительна. При этомъ онъ сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха и въ доказательство незаконности новой живописи указывалъ на то, что она подобна изображеніямъ франковъ. Патріархи предали анаѳемѣ и отлучили отъ церкви и тѣхъ, кто станетъ изготовлять подобные образа, и тѣхъ, кто будетъ держать ихъ у себя. Никонъ бралъ эти образа правою рукою одинъ за другимъ, показывалъ народу и бросалъ ихъ на желѣзныя плиты пола, такъ что они разбивались, и приказалъ ихъ сжечь. Царь стоялъ близъ насъ съ открытою головой, съ видомъ кроткимъ, въ молчаніи внимая проповѣди. Будучи человѣкомъ очень набожнымъ и богобоязненнымъ, онъ тихимъ голосомъ сталъ просить патріарха, говоря: „нѣтъ, отче, не сожигай ихъ, но пусть ихъ зароютъ въ землю“. Такъ и было сдѣлано.

Никонъ, поднимая правою рукой икону, всякій разъ при этомъ восклицалъ: „эта икона изъ дома вельможи такого-то, сына такого-то“, т. е. царскихъ сановниковъ. Цѣлью его было пристыдить ихъ, такъ чтобы остальной народъ, видя это, принялъ себѣ въ предостереженіе. Послѣ того Никонъ сталъ говорить о крестномъ знаменіи, ибо русскіе не крестятся подобно намъ сложенными тремя пальцами, но складываютъ ихъ подобно какъ архіерей, когда онъ благословляетъ. При этомъ Никонъ также сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха. Объ этомъ предметѣ нашъ учитель еще раньше говорилъ Никону, что такое крестное знаменіе недозволительно; и теперь всенародно чрезъ переводчика сказалъ слѣдующее: „въ Антіохіи, а не въ иномъ мѣстѣ, вѣрующіе во Христа (впервые) были наименованы христіанами. Оттуда распространились обряды. Ни въ Александріи, ни въ Константинополѣ, ни въ Іерусалимѣ, ни на Синаѣ, ни на Аѳонѣ, ни даже въ Валахіи и Молдавіи, ни въ землѣ казаковъ никто такъ не крестится, но всѣми тремя пальцами вмѣстѣ“.

Послѣ этого Никонъ совершилъ отпустъ. Патріархи вышли къ царю, поздравили его и благословили. Въ предшествіи иконъ царь вышелъ въ южныя двери собора, чрезъ которыя онъ возвращается въ свой дворецъ. Лица, несшія иконы, стали въ рядъ вокругъ него Патріархъ окадилъ иконы и, снявъ митру, приложился къ каждой отдѣльно; то же сдѣлалъ нашъ учитель, а затѣмъ царь, и патріархи благословили его.

По правую и лѣвую сторону царя находились двое юношей, родные братья; мы узнали по ихъ лицамъ, что они татары. Они дѣти султана Сибирскаго. Ихъ дѣдъ уступилъ свою страну царю Іоанну безъ войны, по мирному соглашенію. Царь оставилъ ему власть, обязавъ его платить ежегодную дань. Изъ его потомства въ настоящее время остались эти два брата. Царь вызвалъ ихъ къ себѣ и ласками, увѣщаніями, дарами и милостями обратилъ ихъ въ христіанство. Патріархъ ихъ окрестилъ, а царь былъ воспріемникомъ. [Ихъ имена прежде были Мухаммедъ и Ахмедъ, а теперь ихъ зовутъ Іоаннъ и Алексій]. Глядя на нихъ, мы дивились ихъ чрезвычайному сходству. Они—самые приближенные къ царю. Мы сказали себѣ: кто повѣритъ, что дѣти діавола сдѣлаются сынами Божіими? О, какъ это изумительно! Исполать нашимъ очамъ за то, что они видѣли, и нашимъ ушамъ за то, что они слышали!

Затѣмъ лица, несшія иконы, пошли передъ царемъ при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Мы же вернулись въ алтарь и сняли свои облаченія. Патріархи простились другъ съ другомъ, и мы въ саняхъ возвратились въ свой монастырь, пораженные и изумленные выносливостью и усердіемъ, присущими этому народу отъ царя до малыхъ дѣтей, ибо мы вошли въ церковь, послѣ того какъ часы пробили три, а вышли только въ десятомъ часу; такимъ образомъ мы простояли съ ними на ногахъ цѣлые семь часовъ на желѣзномъ полу, при сильномъ холодѣ и пронизывающей сырости. Но мы почерпали себѣ отраду въ томъ, что̀ видѣли у этого народа. Мало было патріарху продолжительной службы и длиннаго синаксарія: онъ еще прибавилъ въ концѣ проповѣдь и многія поученія. Богъ да дастъ ему чувство мѣры! онъ не пожалѣлъ царя, ни даже нѣжныхъ дѣтей.

Я хотѣлъ бы знать, что̀ бы у насъ сказали и стали ли бы такъ терпѣть... Но нѣтъ сомнѣнія, что Творецъ (да будетъ прославлено имя Его!) даровалъ русскимъ царство, котораго они достойны и которое имъ приличествуетъ, за то, что всѣ заботы ихъ духовныя, а не тѣлесныя. Таковы всѣ они.

Царь и патріархъ прислали намъ кушанья, но только-что мы сѣли за столъ, полумертвые отъ усталости и пораженные изумленіемъ, какъ ударили къ вечернѣ...

Глава IV.

Москва.—Огорченіе по поводу рѣшеннаго отъѣзда царя. Заупокойное служеніе патріарховъ въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Возвращаемся (къ разсказу). На этой недѣлѣ царь отправилъ шестерыхъ бояръ и съ ними, какъ мы удостовѣрились, болѣе 300.000 войска. Распространилась молва о томъ, что и самъ онъ уѣдетъ вскорѣ послѣ нихъ, такъ какъ онъ сильно разгнѣвался, когда получилъ два извѣстія: первое—о нечаянномъ нападеніи проклятаго Радзивила на городъ Могилевъ, второе—о томъ, что произошло въ странѣ казаковъ: о разореніи, плѣненіи, убійствахъ и поджогахъ. Особливо же (онъ рѣшилъ ѣхать), когда увидѣлъ присланныхъ Хмелемъ плѣнныхъ татаръ, ляховъ, венгровъ, молдаванъ и нѣмцевъ, и когда сообщили ему, какъ Богъ даровалъ Хмелю побѣду, благодаря величію царя и страху предъ его именемъ. Мы не вѣрили скорому отъѣзду царя, потому что онъ не пробылъ еще и мѣсяца въ столицѣ; но когда убѣдились въ этомъ, то наша радость по случаю его прибытія улетѣла, а наша печаль и наше огорченіе по поводу его отъѣзда усилились. Мы начали изъ глубины сердца возносить мольбы противъ врага Бога и христіанъ, Радзивила, какъ прежде проклинали Стефана, господаря Молдавіи, ибо, несомнѣнно, Творецъ воздвигъ этихъ двухъ людей въ наказаніе христіанамъ и ради умноженія нашей печали, огорченія и разстройства, кои заставили насъ бѣжать изъ своей страны и неотлучно намъ сопутствовали. Одно (огорченіе), что, какъ мы насчитали, изъ-за Стефана, во время мятежа, поднятаго имъ противъ Василія, до „безмятежнаго“ вступленія его на престолъ, было убито болѣе ста тысячъ христіанъ изъ молдаванъ, валаховъ, венгровъ, грековъ, сербовъ, болгаръ, арнаутовъ, турокъ, арабовъ, татаръ, поляковъ, казаковъ и иныхъ народовъ. Мы плакали изъ-за этого, но плакали и изъ-за того, что не дано намъ было сроку всего въ пятнадцать дней, отъ четверга вербной недѣли до четверга пасхальной, когда Василій обѣщалъ намъ всякихъ благъ: уплату долговъ, архіерейское облаченіе съ дорогой митрой и пр., и если бы мы отпраздновали Пасху вмѣстѣ съ нимъ, то всѣмъ этимъ воспользовались бы; онъ отправилъ бы насъ сюда безъ хлопотъ и затрудненій (для насъ), и мы навѣрно вернулись бы (теперь) въ свою

страну, а не оставались такъ долго здѣсь. Другое (огорченіе), что этотъ проклятый Радзивилъ теперь выступилъ и возбудилъ спящій гнѣвъ царя, у котораго въ мысляхъ было отпраздновать Пасху здѣсь, и мы уже радовались, что онъ отпуститъ насъ, устроивъ наши дѣла: вѣдь, мы едва вѣрили себѣ, что видимъ его собственными глазами. Господи нашъ! воззри на наше положеніе! Доколѣ Ты будешь отвращать отъ насъ свои взоры? Но мы благодарны Тебѣ, Господи Боже нашъ, за всякое положеніе. Не успѣли мы порадоваться, что избѣжали непріятностей (испытанныхъ) въ Молдавіи, а онѣ не покидаютъ насъ и до сихъ поръ. Пошли, Боже, Радзивилу немощь и болѣзнь, продолжительныя въ такой мѣрѣ, въ какой онъ повиненъ въ крови тысячей народа и въ какой омрачилъ теперь нашу жизнь, о Творецъ! и за то еще, что этотъ проклятый былъ, какъ мы сказали, причиною всѣхъ теперешнихъ золъ, этотъ неудачникъ, не имѣющій ни силы, ни счастья на войнѣ, ни свободнаго поприща. Когда царь пошелъ на Смоленскъ болѣе чѣмъ съ 600 тысячъ, этотъ важный господинъ явился для отраженія его съ тридцатью тысячами. Передовые отряды царскаго войска, столкнувшись съ ними, тотчасъ разсѣяли мечомъ ихъ сборище. Да и какъ могло быть иначе? тридцать тысячъ пришли воевать съ сотнями тысячъ. О, люди! (посмотрите) какое высокомѣріе, какая заносчивость! А этотъ проклятый, какъ только увидѣлъ ихъ своими глазами, бѣжалъ (переодѣтый) въ платьѣ бѣдняка, чтобы никто не узналъ его, бросивъ свое войско въ бѣдѣ, въ рукахъ враговъ. Онъ убрался въ самомъ жалкомъ положеніи, и московиты захватили всѣхъ его приближенныхъ, изъ коихъ лишь немногіе бѣжали вмѣстѣ съ нимъ. Недовольно было ему этого бѣгства: онъ возвратился теперь съ 12 тысячами, чтобы отдать въ ихъ власть добычу. О ты, обладатель ума, доблести и проницательности! посмотри на эту гордость, самонадѣянность и гнусность! Мы, послѣ небольшого перерыва, докончимъ разсказъ въ этой же тетради, дабы ты зналъ, что всякая власть и главенство отъ Бога, и кто пользуется ими со смиреніемъ, тотъ овладѣетъ правленіемъ и господствомъ, а кто гордится и надмевается, того Богъ низводитъ до навозной кучи и мусорной ямы, а его приближенныхъ и воиновъ повергаетъ на попраніе подъ ноги враговъ его, какъ это теперь и случилось.

Наканунѣ второй субботы поста, царь прибылъ въ женскій монастырь, что насупротивъ насъ, гдѣ, какъ мы говорили, находятся гробницы царицъ, и пригласилъ нашего владыку патріарха, и этотъ, вмѣстѣ съ патріархомъ московскимъ, надѣлъ пол-

ное облаченіе, по ихъ обыкновенію. Совершили въ хоросѣ поминовеніе по матери царя. Архидіаконъ возгласилъ ектенію о усопшихъ, а патріархъ Никонъ, сойдя, окадилъ кутью, алтарь, иконы, нашего учителя и всѣхъ служащихъ архіереевъ, архимандритовъ и священниковъ, затѣмъ царя и всѣхъ предстоящихъ. То же сдѣлалъ нашъ учитель. При этомъ пѣвчіе пѣли Блаженны и заупокойный канонъ, по обыкновенію. Каждый изъ дьяконовъ говорилъ въ своемъ мѣстѣ: „Помилуй насъ Боже“ и пр., до послѣдняго. Пошли на могилу царицы и начали вторую службу. Архидіаконъ возгласилъ: „Помилуй насъ Боже“ и пр., причемъ окадилъ ея гробницу. Патріархъ Никонъ прочелъ про себя молитву „Боже духовъ“, и всѣ служащіе пропѣли ее потихоньку, по ихъ обычаю. Затѣмъ архидіаконъ покадилъ и передалъ кадильницу патріарху, говоря: „Σοφία, Премудрость“! а патріархъ (прочелъ) заключительныя стихиры, при чемъ окадилъ гробницу. Архидіаконъ возгласилъ: „царицѣ такой-то, Богомъ помилованной, вѣчная память“! и то же пропѣли пѣвчіе. Потомъ патріархъ окадилъ предстоящихъ и совершилъ отпустъ. Патріархи вошли (въ алтарь), сняли свои облаченія и, выйдя, выразили царю свое соболѣзнованіе, при чемъ проводили его за врата церкви. Онъ заказалъ имъ обѣдню на другой день. Они попрощались съ нимъ, и онъ ушелъ, а мы возвратились въ свое жилище.

На другой день мы также отправились и отслужили обѣдню, при чемъ происходило рукоположеніе іерея и діакона. По окончаніи службы, пришли къ гробницѣ царицыной и начали заупокойное служеніе. Архидіаконъ, патріархъ и пѣвчіе сдѣлали то же, что и наканунѣ. Царь не присутствовалъ въ этотъ день, потому что былъ занятъ, старательно готовясь къ походу на другой день, что и случилось.

Глава V.

Москва.—Служеніе патріарховъ въ Успенскомъ соборѣ. Подарокъ отъ царя патріарху Макарію. Просьба его отпустить ихъ на родину. Проводы царя и отъѣздъ его.

Рано поутру, во второе воскресенье великаго поста, насъ также пригласили, и мы отправились въ соборъ. Приложились къ иконамъ и облачились. Прибылъ царь и, приложившись ко всѣмъ иконамъ и мощамъ святыхъ, при чемъ пѣвчіе пѣли ему многолѣтіе, направился къ патріархамъ. Никонъ, сойдя съ своего мѣста, встрѣтилъ его, благословилъ крестомъ и запечатлѣлъ святою водой. То же сдѣлалъ нашъ учитель. Затѣмъ архидіаконъ

принесъ большой золотой крестъ и другой малый. Патріархъ Никанъ вторично благословилъ царя однимъ крестомъ и вручилъ ему, ради успѣха на войнѣ. Также и нашъ учитель благословилъ царя другимъ крестомъ и вручилъ ему, сказавъ чрезъ переводчика: „какъ Богъ древле даровалъ царю Константину Великому побѣду надъ врагами помощью честнаго креста, такъ я молю Его даровать ее теперь тебѣ". Царь отвѣчалъ: „аминь"! и поцѣловалъ у нашего учителя десницу, а онъ поцѣловалъ его въ голову. То было пророчествомъ со стороны нашего владыки патріарха: именно, царь слышалъ раньше, что въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, извѣстномъ подъ именемъ Пантократоръ, т. е. Вседержитель, есть подлинный крестъ царя Константина, пожертвованный греческими царями при хрисовулѣ (золотой грамотѣ). Царь просилъ монаховъ прислать ему этотъ крестъ, дабы онъ могъ приложиться къ нему, и въ настоящее время, въ праздникъ Пятидесятницы, они прислали этотъ самый крестъ, когда царь былъ въ странѣ ляховъ. Впослѣдствіи мы его видѣли и прикладывались къ нему, о чемъ потомъ разскажемъ. Царь, поклонившись патріархамъ, пошелъ и, ставши на своемъ царскомъ мѣстѣ, прислалъ нашему владыкѣ патріарху съ архидіакономъ чудесный саккосъ, изумительный по тонкости работы, яркости цвѣта и блеску въ темнотѣ. Мы сняли съ владыки прежній саккосъ и надѣли новый. Это намъ доставило великую радость и огромный почетъ: да и какъ же иначе? то было предъ множествомъ народа, и глаза всѣхъ обращались на насъ въ удивленіи, при видѣ великой любви царя къ нашему учителю. Въ такую минуту саккосъ стоилъ многихъ сокровищъ: не богатство даетъ почетъ, а высокое положеніе. Да продлитъ Богъ дни твои, царь, вѣка! да дастъ тебѣ побѣду надъ врагами во всякое время и во всякій часъ! Не довольно тебѣ заботъ обо всемъ необходимомъ для войны, о величайшій изъ царей земныхъ, царь новаго Рима, который есть Москва, самодержецъ Великой и Малой Россіи и великій государь всѣхъ сѣверныхъ земель! Ты не забылъ теперь и кира Макарія, патріарха Антіохійскаго. Да дастъ тебѣ Богъ побѣду надъ твоими врагами, дьяволами, и до увѣковѣчитъ твое царство во вѣки вѣковъ! Аминь.

Надѣвъ саккосъ, нашъ учитель пошелъ къ царю,—и драгоманъ съ нами—поклонился ему и благодарилъ за щедрость, помолился за него, благословилъ и, поцѣловавъ его въ голову, возвратился на свое мѣсто. Въ этотъ день также происходило рукоположеніе іерея и діакона. При маломъ входѣ, предъ тѣмъ какъ дьяконъ возгласилъ: *Премудрость прости*, два дьякона

подвели къ патріарху Никону одного изъ служащихъ священниковъ, который поклонился ему, а патріархъ благословилъ его и прочелъ надъ нимъ молитву посвященія въ архимандриты, именно, сдѣлалъ его настоятелемъ монастыря, находящагося въ этомъ городѣ, во имя Божественнаго Богоявленія, надѣлъ на него поручи и подобіе палицы, висящей на другомъ боку [1], затѣмъ митру и благословилъ его. Его свели внизъ, при чемъ онъ сдѣлалъ патріарху земной поклонъ, потомъ подвели его къ нашему учителю, который также благословилъ его. Затѣмъ онъ обошелъ архіереевъ, архимандритовъ и священниковъ съ обѣихъ сторонъ, цѣлуя ихъ въ уста, по ихъ обычаю, при чемъ они поздравляли его. Наконецъ онъ сталъ на своемъ мѣстѣ. Архидіаконъ возгласилъ: *Премудрость прости.* Мы отслужили пятую обѣдню въ присутствіи царя и седьмую въ сослуженіи съ патріархомъ московскимъ. Послѣ того какъ Никонъ совершилъ отпустъ, патріархи вошли въ алтарь, сняли облаченія и, выйдя, благословили царя. Въ этотъ часъ нашъ учитель обратился къ царю съ просьбой отпустить его, но царь отвѣчалъ ему: „нѣтъ, отецъ мой, прошу тебя остаться здѣсь и молиться за меня, прося, чтобы Богъ даровалъ мнѣ побѣду надъ врагомъ, дабы я поскорѣе возвратился, занялся твоими дѣлами и надѣлилъ тебя, какъ тебѣ приличествуетъ“. Нашъ учитель сказалъ на это: „господинъ мой! ты знаешь, что я больше четырехъ лѣтъ въ отсутствіи отъ своего престола и, къ моему злополучію, замедлилъ столько времени на дорогѣ въ странѣ молдавской и валашской; если будетъ на то твоя царская воля, отпусти меня въ путь“. Царь отвѣчалъ ему: „ты пробылъ столько времени въ чужихъ странахъ, пробудь и въ моей столько же, дабы она освятилась твоимъ присутствіемъ, ибо твоими молитвами и своимъ мечомъ я буду побѣдителемъ надъ врагами моими“. Тогда нашъ учитель замолчалъ и не промолвилъ болѣе ни слова. Царь же, взявъ за руку нашего учителя, подвелъ его къ патріарху Никону, говоря: „вотъ мой намѣстникъ; я поручаю тебя ему: чего пожелаешь, проси у него“. Затѣмъ онъ простился съ нимъ и ушелъ, а мы отправились въ свой монастырь.

Никонъ предупредилъ насъ, чтобы мы вернулись чрезъ два часа проводить царя. Ударили въ большой колоколъ, и всѣ жители города поспѣшили для прощанія съ царемъ. Мы отправились въ соборъ. Оба патріарха облачились въ алтарѣ вмѣстѣ

[1] Авторъ разумѣетъ подъ этимъ, вѣроятно, набедренникъ, что довольно странно, такъ какъ архимандриту дается палица, а не набедренникъ.

съ архіереями и архимандритами. Всѣ вышли въ нарѳксъ и стали, по обыкновенію, въ рядъ кругомъ Никона. Колокола гремѣли. Когда царь сошелъ изъ дворца, зазвонили во всѣ колокола, такъ что земля поколебалась и наши уши оглохли. Оба патріарха вышли на встрѣчу царю и благословили его. Онъ былъ облеченъ въ царское одѣяніе изъ чудеснѣйшей венеціанской золотой парчи, ослѣпляющей взоры; кругомъ одѣянія, на ширину въ четыре пальца, какъ мы уже говорили, былъ жемчугъ, драгоцѣнные каменья и золото, согласно тому, какъ обыкновенно одѣвались греческіе царп. Онъ не сталъ на своемъ царскомъ мѣстѣ, а пришелъ и остановился близъ насъ, за правою колонной, покрытой, какъ мы говорили, краснымъ сукномъ. Тогда начали пѣть службу на брань, съ канонархомъ, попеременно на обоихъ клиросахъ, пріятнымъ напѣвомъ. Затѣмъ царь подошелъ къ патріарху Никону, который сошелъ внизъ съ архіерейскаго мѣста, и вручилъ ему письмо, и тотъ прочелъ его. Драгоманъ перевелъ его нашему учителю. Оно было отъ воеводы Могилева и содержаніе его такое: когда ихъ осадилъ проклятый Радзивилъ и завладѣлъ первымъ земляным валомъ города, царскія войска храбро бросились на него и заняли позицію кругомъ всего города. Отъ гетмана Хмеля прибылъ одинъ изъ близкихъ къ нему полковниковъ, извѣстный *Золоторинскосъ* (Золотаренко), и съ нимъ 40000 отборныхъ казаковъ. Напали на Радзивила съ четырехъ сторонъ, а изъ города стрѣляли по нему изъ пушекъ. Когда бѣда окружила его со всѣхъ сторонъ, онъ перемѣнилъ одежду, подобно дьяволамъ, и бѣжалъ съ немногими людьми, покинувъ свое войско, изъ котораго никто не спасся. Мы порадовались этой вѣсти.

Когда наступило время чтенія Евангелія, вышли изъ алтаря три дьякона: у протодьякона въ рукахъ было Евангеліе, а другіе двое несли свѣчи. Архидіаконъ сошелъ, взялъ Евангеліе у протодьякона и открылъ предъ патріархомъ, который, снявъ митру, прочелъ его. По окончаніи службы, оба патріарха пошли къ дверямъ алтаря: царь подошелъ къ нимъ и они его благословили и окропили святою водой; онъ вошелъ въ алтарь, гдѣ прикладывался; также прикладывался ко всѣмъ иконамъ собора и простился съ мощами святыхъ. Точно также подходили всѣ его вельможи, получили благословеніе отъ патріарховъ и Никонъ окропилъ ихъ святою водой до послѣдняго. Царь возвратился, наклонилъ голову, и патріархи прочли надъ нимъ молитвы брани и побѣды надъ врагами заступленіемъ всѣхъ святыхъ, древнихъ и новыхъ, коихъ поименовывали одного за другимъ. Потомъ

они благословили царя, поклонились ему, и онъ поклонился имъ, взяли его за руку и облобызали его, плача. Затѣмъ патріархъ Никонъ сталъ передъ царемъ и возвысилъ свой голосъ, призывая благословеніе Божіе на царя въ прекрасномъ вступленіи, съ примѣрами и изреченіями, взятыми у древнихъ: подобно тому какъ Богъ даровалъ побѣду Моисею надъ фараономъ и пр., и въ новой исторіи: о побѣдѣ Константина надъ Максиминомъ и Максенціемъ и пр., и (говорилъ) многое, подобное этому, въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, послѣдовательно и неспѣшно, уподобляясь текущему источнику. Когда онъ запинался или ошибался, то долго обдумывалъ и молчалъ: некому было порицать его и досадовать, но всѣ молча и внимательно слушали его слова, особливо царь, который стоялъ, сложивъ руки крестомъ и опустивъ голову, смиренно и безмолвно, какъ бѣднякъ и рабъ предъ своимъ господиномъ. Какое это великое чудо мы видѣли! царь стоитъ съ непокрытой головой, а патріархъ въ митрѣ. О, люди! тотъ стоялъ, сложивъ руки крестомъ, а этотъ съ жаромъ ораторствовалъ и жестикулировалъ передъ нимъ: тотъ—съ опущенною головой, въ молчаніи, а этотъ, проповѣдуя, склонялъ къ нему свою голову въ митрѣ; у того голосъ пониженный и тихій, а у этого—толстый и громкій; тотъ—какъ будто невольникъ, а этотъ—словно господинъ. Какое зрѣлище для насъ! Богъ свидѣтель, что у насъ сердце болѣло за царя. Что это за чрезвычайное смиреніе! Благодаримъ Всевышняго Бога и славимъ Его за оказанную намъ милость тѣмъ, что мы видѣли эти чудныя, изумительныя дѣла! Окончивъ свое слово молитвеннымъ благожеланіемъ царю, патріархъ поклонился ему и вторично облобызался съ нимъ. Патріархи проводили царя за южныя врата церкви, гдѣ возвышались царскія знамена въ рукахъ ратниковъ. Царь укрѣпилъ одинъ изъ крестовъ, кои дали ему патріархи, на знамени, на которомъ съ обѣихъ сторонъ изображена Голгоѳа съ лѣстницей, а на Голгоѳѣ крестъ—все изъ листового золота. Другой крестъ онъ укрѣпилъ на знамени соборной церкви, которая въ честь Успенія Владычицы. Затѣмъ патріархи вернулись и вышли чрезъ западныя двери церкви большимъ крестнымъ ходомъ, при чемъ священники и дьяконы несли хоругви и иконы. Мы встрѣтили царя и пошли впереди него по досчатымъ мосткамъ, заранѣе приготовленнымъ. Еще раньше стрѣльцы усыпали ихъ всѣ желтымъ пескомъ до выхода изъ воротъ Кремля. Горѣло множество большихъ свѣчей, такъ какъ время было вечернее; при этомъ звонили во всѣ колокола, такъ что земля дрожала и наши уши оглохли. Наконецъ, мы вышли

изъ кремлевскихъ воротъ на открытую площадь и поднялись на каменный кругъ, назначенный для молебствій. Пѣвчіе во время пути пѣли стихиры молебствія и окончили ихъ здѣсь. Патріархъ Никонъ прочелъ Евангеліе и благословилъ крестомъ на всѣ четыре стороны, затѣмъ, вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ, благословилъ имъ царя и окропилъ его святою водой. Прочитавъ надъ нимъ молитвы на брань, они облобызались съ нимъ. Равнымъ образомъ подходили архіереи и архимандриты, кланялись ему, цѣловали его правую руку и подносили ему, по своему обычаю, позолоченныя иконы. Потомъ подходили мы, дьяконы, послѣ священниковъ и цѣловали у него руку. Затѣмъ онъ попрощался съ патріархами и сѣлъ въ сани; дѣти султана Сибирскаго, какъ всегда, находились по правую и лѣвую руку его, и онъ уѣхалъ съ миромъ, сказавъ: „прости!“ то-есть: простите меня [1]. Влахернская икона была поставлена напротивъ него въ саняхъ; вокругъ него зажгли множество свѣчей, ибо наступила темнота. Мы оставались и стояли до тѣхъ поръ, пока не прошли всѣ войска. Съ царемъ отправился Тверской архіепископъ со многими священниками, дьяконами, монахами и иконописцами. Мы со свѣчами возвратились въ соборъ, сняли облаченія и отправились въ свой монастырь. Царь же поѣхалъ ночевать въ одинъ изъ своихъ дворцовъ, отстоящій отъ города въ трехъ верстахъ.

Глава VI.

Москва.—Численность и составъ русскаго войска на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Союзъ со шведами. О государяхъ вообще и о султанѣ турецкомъ въ особенности.

Нашъ владыка патріархъ спросилъ московскаго патріарха о численности войска, которое отправилось теперь съ царемъ. Тотъ сказалъ: „триста тысячъ собственнаго войска; изъ нихъ сорокъ тысячъ, въ полныхъ желѣзныхъ доспѣхахъ, постоянно находятся при царѣ“. Это кромѣ тѣхъ, которыхъ царь послалъ со своими вельможами впередъ себя, какъ мы сказали раньше. Патріархъ продолжалъ: „я далъ ему десять тысячъ ратниковъ съ конями и оружіемъ. Отъ монастырей, находящихся въ Московіи, и отъ архіереевъ дано столько же, отъ каждаго, сообразно съ его средствами, съ его угодьями и доходами; даже отъ самыхъ малыхъ монастырей царь взялъ по одному человѣку съ вооруженіемъ, лошадью, припасами и деньгами на расходъ,

[1] Авторъ, употребивъ русское слово, прибавляетъ его поясненіе.

ибо всѣ монастыри пользуются щедротами царя и пожалованными имъ угодьями, пока не наступитъ нужда, какъ нынѣ. Это сверхъ припасовъ, которые царь обязалъ ихъ доставить въ Смоленскъ".

Келарь монастыря св. Троицы сообщилъ намъ, что они отправили съ царемъ 10.000 ратниковъ и послали ему въ Смоленскъ припасовъ: пшеницы, сухарей, муки, ржи, ячменя, овса [1] для лошадей, масла и пр., около двадцати трехъ тысячъ кейлей, [2] именно большихъ шомболей; каждые три кейля съ трудомъ можетъ везти лошадь на телѣгѣ. Сочли, что это стóитъ болѣе двухсотъ тысячъ динаровъ. Также (было взято) и отъ другихъ монастырей, по ихъ степени. Изъ монастыря Кирилла Бѣлозерскаго, въ (подворьѣ) котораго мы остановились, второго послѣ Троицкаго, прислали царю сто ратниковъ и болѣе чѣмъ на 10.000 динаровъ припасовъ, которые были доставлены въ Смоленскъ. Изъ Соловецкаго монастыря прислали ему пять тысячъ динаровъ, по причинѣ дальности разстоянія.

Упомянутыя триста тысячъ составляютъ собственное войско царя; съ боярами онъ послалъ еще около четырехсотъ тысячъ, какъ сказалъ патріархъ нашему учителю, и взялъ съ собой двадцать тысячъ изъ племени Собачелицыхъ, которые своимъ видомъ пугаютъ коней и всадниковъ. Цѣлью его было употреблять ихъ не для войны, а для того, чтобы враги страшились его имени и могущества, когда увидятъ, что Собачелицые ѣдятъ людей. Хмель, какъ мы сказали, прислалъ къ царю полковника Золотаренко съ 40.000 казаковъ, которымъ царь назначилъ ежегодное содержаніе изъ своей казны. Черезъ двѣ недѣли по отъѣздѣ царя, его намѣстники и министры отправили одного изъ высшихъ сановниковъ, по имени Василія Бутурлина, со 120.000 ратниковъ, изъ коихъ 30.000 были пѣшіе, а остальные—конные, и съ ними еще 10.000 собачелицыхъ *Лопани*. Большинство этихъ ратниковъ татары, черемисы, мордва, монголы, башкиры, калмыки и пр. Мы ходили смотрѣть на нихъ; это—народъ съ самыми разнообразными лицами: только по лицамъ и можно отличить, кто къ какому племени принадлежитъ. Каждому народу дано особое оружіе. Большинство ратниковъ, а ратники царя всѣ, снабжены въ изобиліи ружьями. Что же ка-

---

[1] Въ подлинникѣ: *фрумъ*; вѣроятно, новогреческое *вроми*, овесъ.

[2] Въ настоящее время 1 кейле—приблизительно 1,3 четверика. Здѣсь въ обѣихъ рукописяхъ прибавлено: „хлѣба, сухарей, ржи, ячменя и овса около 120 000 кейлей".

сается этихъ племенъ, то бо́льшая часть ихъ была одѣта въ красивыя желѣзныя латы и имѣла на головахъ маленькія шапки на подобіе шлемовъ; ихъ руки, плечи и бедра (были покрыты желѣзомъ), даже сапоги изъ желѣза; многіе изъ нихъ съ копьями, сѣкирами и инымъ оружіемъ. Мы ежедневно, въ теченіе этого Великаго поста, ходили смотрѣть на нихъ. Эти племена были посланы, по приказанію царя, къ Хмелю, съ тѣмъ, чтобы, взявъ съ собой еще 90.000 ратниковъ изъ московитовъ, которые стояли охраной въ городѣ Кіевѣ, всѣ отправлялись съ Хмелемъ на войну къ Каменцу, къ Львову и въ ихъ области. Бо́льшую часть своего войска Хмель оставилъ въ своей странѣ, чтобы охранять ее отъ набѣговъ татаръ. У него собралось изъ московскихъ ратниковъ и казаковъ болѣе 300.000, какъ мы достовѣрно узнали потомъ отъ патріарха. Тамъ они завоевали множество городовъ, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи въ своемъ мѣстѣ.

Царь послалъ одного изъ своихъ бояръ со 100.000 войска для охраны границы государства отъ татаръ, кромѣ 60.000 (а говорятъ, 150.000), кои постоянно стоятъ охраной въ тамошнихъ крѣпостяхъ и рвахъ. Потомъ царь послалъ одного изъ своихъ бояръ въ области Казанскую и Астраханскую взять бо́льшую часть тамошнихъ войскъ вмѣстѣ съ племенемъ калмыковъ, враговъ хана и татаръ, дабы при ихъ помощи сдѣлать нападеніе на страну татаръ. Мы потомъ достовѣрно узнали, что ихъ собралось на татаръ болѣе двухсотъ тысячъ.

Царь послалъ также приказъ войскамъ городовъ Новгорода и Пскова и ихъ областей, чтобы они шли къ берегу моря и соединились со шведскими войсками, дабы окружить страну ляховъ съ трехъ сторонъ: съ одной стороны, пограничной съ Молдавіей, Венгріей и частью Австріи, Хмель со своимъ войскомъ; а съ другой стороны земли ляховъ должны придти по берегу моря войска изъ Новгорода и Пскова вмѣстѣ со шведскими войсками. Дѣва, царица шведской страны, о которой мы говорили раньше, не пожелала выйти замужъ, и когда жители возстали противъ нея, она покинула царство и избрала себѣ мѣсто для жительства, поставивъ на мѣсто себя царемъ своего племянника. Этотъ новый *rigá* (король) немедленно отправилъ къ царю посла въ знакъ дружбы, говоря: „я помогу тебѣ самъ; ляхи силой завладѣли пятнадцатью городами нашей страны, и мое желаніе—освободить эти города отъ ихъ власти“. Царь согласился. Впослѣдствіи мы слышали отъ царя, что король пришелъ сушей и моремъ, отвоевалъ свои города и совершилъ въ странѣ

ляховъ великія опустошенія. Онъ послалъ моремъ пятьдесятъ большихъ гальоновъ съ 25.000 ратниковъ, и столько же ратниковъ сушей, и прислалъ царю въ настоящее время 24.000 ружей въ ящикахъ, стоющихъ болѣе ста тысячъ динаровъ. Всѣ эти короли, именно: англійскій, голландскій, шведскій и иные, присылаютъ царю ежегодно военное оружіе: ружья, панцыри и холодное оружіе въ изобиліи, а онъ даетъ въ обмѣнъ пшеницу и рожь (нужную) имъ для пропитанія и запасовъ, ибо всѣ суда франковъ, которыя приходятъ въ пристань Архангельска, не берутъ изъ этой страны ничего кромѣ хлѣбныхъ запасовъ для пропитанія: какъ мы удостовѣрились, всѣ жизненные припасы во франкскихъ земляхъ идутъ изъ этой страны, подобно тому какъ жизненные припасы страны ляховъ получались изъ земли казаковъ. По таковой причинѣ всѣ эти короли подносятъ царю великіе дары и постоянно отправляютъ къ нему пословъ ради поддержанія дружбы; иначе, какъ только прекратится подвозъ припасовъ, имъ нечѣмъ будетъ существовать, ибо страна ихъ очень тѣсна и въ ней мало посѣвовъ.

Значеніе слова *рига* въ этой странѣ ниже слова *краль*; оно значитъ: *бей*; въ странѣ ляховъ краль, въ Венгріи краль, въ Англіи краль, а въ Голландіи король, или *рига*, по причинѣ малой величины этого государства; въ Венеціи также *рига*, равно и во всѣхъ герцогствахъ. Что же касается царей, то, какъ мы удостовѣрились, первый (изъ нихъ)—турецкій въ Константинополѣ, второй—царь австрійскій, именуемый кесаремъ, ибо, какъ утверждаютъ, онъ, по смерти Константина, первый изъ царей возложилъ на себя корону и нарекъ себя кесаремъ; третій—царь испанскій, четвертый—французскій, пятый—персидскій, шестой—индійскій, седьмой—китайскій, восьмой—абиссинскій, девятый—Хота и Хатая (Татаріи), десятый—царь той части Грузіи, которая еще остается (независимой), одиннадцатый—московскій, ибо онъ сдѣлался царемъ послѣ всѣхъ, во дни царя Ивана, какъ мы сказали. Считаютъ раньше него также царя сибирскаго и царя Алтунъ-Падишаха, то-есть султана золотой страны. Но надъ всѣми превозносится царь турокъ по тремъ причинамъ: первая, что онъ царствуетъ на мѣстѣ Константина, который владѣлъ въ свое время семью климатами и назывался автократоромъ, то есть самодержцемъ; вторая, что турки убили семерыхъ царей, кромѣ беевъ и иныхъ властителей, и завоевали ихъ земли: первый—царь греческій, второй—египетскій, третій—болгарскій, четвертый—сербскій, пятый—арнаутскій, шестой—требизондскій, седьмой—царь Херсонеса, что есть Кафа

и страна татаръ. Царь турецкій завоевалъ всѣ эти земли и убилъ ихъ царей, и не только царей, но и (другихъ) независимыхъ владѣтелей. Онъ покорилъ государства валаховъ и молдаванъ и часть страны венгровъ и наложилъ на нихъ ежегодную дань: они должны идти, куда онъ позоветъ ихъ, и доселѣ состоятъ въ его подданствѣ и его власть дѣйствуетъ среди нихъ. Онъ также взялъ Бѣлградъ и Видднвъ изъ земель кесаря; покорилъ часть страны персидской до Багдада, Эривань, Ванъ и пр.; овладѣлъ окраинами страны Абиссинской и страной Еменъ, которая была независимымъ государствомъ; завоевалъ большую часть острововъ Бѣлаго (Средиземнаго) моря, какъ-то: Кипръ, Родосъ и двѣнадцать извѣстныхъ острововъ, которые управлялись самостоятельно, и покорилъ часть страны Грузинской. Его власть распространяется надъ всѣмъ государствомъ магребитовъ, надъ большею частью Бѣлаго (Средиземнаго) моря, всѣмъ Краснымъ и Чернымъ морями и нѣкоторыми частями другихъ морей и надъ многими венеціанскими городами на окраинахъ румелійской области, какъ-то: Салоники и иные. Всѣ эти свѣдѣнія мы получили отъ знающихъ людей, которые объѣхали бо̀льшую часть свѣта по сушѣ и морю. Третья причина, почему турки превозносятся, та, что они владѣютъ срединой міра, лучшими землей, водой, воздухомъ и продуктами. Главнѣе же всего то, что (въ ихъ обладаніи) гробъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, чѣмъ они похваляются предъ всѣми христіанскими царями, которые для посѣщенія святыхъ мѣстъ должны вступать въ ихъ владѣнія. [1]

Глава VII.

Москва.—Затруднительное положеніе поляковъ. Тщетныя просьбы ихъ о помощи. Еще свѣдѣнія о числѣ русскихъ войскъ. Донскіе казаки. Русская артиллерія.

Возвращаемся (къ прерванному разсказу). Численность войска выступившаго изъ Новгорода, Пскова и той области, которая находится вблизи границъ Швеціи, государства кесаря и страны ляховъ, простиралась всего до 120.000, по точному исчисленію. Они завоевали большую часть страны ляховъ, ближайшую къ нимъ, имѣя во главѣ своей отдѣльнаго воеводу, и не переставали брать на своемъ пути города и крѣпости, грабить, изби-

[1] Послѣдняя фраза передана нами по англійскому переводу, потому что въ нашихъ рукописяхъ это мѣсто, очевидно, искажено.

вать и захватывать въ плѣнъ жителей, пока не пододвинулись къ царю. Это другая часть земли ляховъ, (къ которой примыкаетъ) Швеція со стороны моря. Самъ царь шелъ среднимъ путемъ. Гнѣвъ Божій разразился надъ ляхами съ четырехъ сторонъ, и они неудомѣвали, съ какой имъ воевать; однако, по своей гордости и кичливости, не желали заключить миръ и заплатить дань, но просили помощи у турокъ, докучая имъ многочисленными посольствами, и обѣщали имъ большія суммы, обязываясь платить ежегодно 30.000 динаровъ, быть подъ ихъ властью и помогать имъ, когда тѣ позовутъ ихъ на войну, подобно венграмъ, молдаванамъ и валахамъ, и открыто говорили туркамъ: „вы имѣете больше права занять нашу страну, чѣмъ московскій краль, ибо, если онъ завоюетъ наше государство, то скоро пойдетъ и на васъ, такъ какъ мы противостоимъ ему и отражаемъ его отъ васъ и отъ вашей страны“. Для бо̀льшаго удостовѣренія въ своей дружбѣ къ туркамъ, они оставили у нихъ заложниками двухъ сыновей прежняго краля, въ обезпеченіе обѣщанныхъ суммъ и дани, ибо того краля, который поддерживалъ и подкрѣплялъ Хмеля, ляхи, какъ говорятъ, умертвили отравой и поставили на мѣсто него брата. Что же этотъ сдѣлалъ? Онъ женился на вдовѣ своего брата, съ дозволенія папы,— скверный поступокъ, какого не совершали въ свое время даже идолопоклонники. Племянниковъ своихъ онъ, какъ мы сказали, отправилъ къ туркамъ. Равнымъ образомъ ляхи посылали и къ татарамъ, обѣщая большія суммы за то, чтобы тѣ пришли къ нимъ на помощь. Но турки, люди очень умные, не пожелали имъ помочь, выставляя двѣ причины: первая: „вы христіане и у насъ нѣтъ ничего общаго съ вами“; вторая: „если вы желаете, чтобы мы вамъ помогли и приказали татарскому хану‘ венгерскому королю и беямъ молдавскому и валашскому, чтобы всѣ они шли къ вамъ на помощь противъ вашего врага, то давайте намъ сумму дани, на основаніи которой вы заключили миръ съ вѣчной памяти султаномъ Османомъ: ежегодно 70.000 піастровъ и 30.000 головъ крупнаго и мелкаго скота. Вотъ уже тридцать пять лѣтъ, какъ вы ничего намъ не платите; уплатите намъ все, что слѣдуетъ съ васъ, (если хотите) чтобы мы исполнили вашу просьбу“. Этимъ отвѣтомъ они заставили ляховъ молчать. Турки боялись вступить во враждебныя отношенія съ царемъ: у нихъ было сильное опасеніе со стороны Чернаго моря. Сношенія между ними не прекращались до конца этого лѣта, какъ мы потомъ разскажемъ. Ляхи надѣялись на помощь отъ цесаря, но царь первый отправилъ къ нему посла

для утвержденія взаимной дружбы, и тотъ отказался помогать ляхамъ. Они потеряли надежду на всѣхъ. Да будетъ благоугодно всевышнему Богу Творцу искоренить ихъ въ конецъ, въ возмездіе за то, что они сдѣлали съ бѣдными казаками въ эти три года: за убійства малыхъ дѣтей и беременныхъ женщинъ, которыя не мыслятъ зла; за поджоги и немилосердное избіеніе всѣхъ, въ особенности въ ночи страстей Господа нашего Іисуса Христа!

Возвращаемся къ нашему исчисленію войскъ царя (дѣйствующихъ) въ настоящее время. Какъ мы упомянули, онъ послалъ съ боярами около 400.000, а съ нимъ отправилось въ походъ 300.000; отъ Хмеля явилось къ нему 40.000, а войскъ Новгорода и Пскова было 120.000. Собачелицыхъ было сначала 30.000, а потомъ явилось къ царю лѣтомъ такое-же племя, но еще болѣе дикое, чѣмъ тѣ,—мы видѣли ихъ впослѣдствіи—числомъ 40.000. Изъ ратниковъ Архангельска, называемыхъ казаками, пришли къ нему 1500 юношей, подобныхъ демонамъ,—да будетъ благословенъ Создатель ихъ! Смотря на нихъ, мы уподобляли ихъ юношамъ друзовъ въ нашей странѣ. Когда крестился царевичъ-мусульманинъ, то, взявъ войско, ему принадлежащее, въ числѣ 10.000, онъ, какъ мы сказали, отправился на помощь царю, будучи посланъ патріархомъ. Въ страну казаковъ царь отправилъ около 100.000, не считая войска Хмеля; послалъ такъ же одного изъ бояръ, по имени Шереметева, со 100.000, стеречь границу со стороны татаръ вмѣстѣ съ тѣми 150.000, которые пребываютъ въ башняхъ и укрѣпленіяхъ у рвовъ. У царя всегда имѣется 30.000 нѣмецкихъ солдатъ, искусныхъ въ верховой ѣздѣ и управленіи пушками: они распредѣлены между его войскомъ съ ежегоднымъ жалованьемъ. Издавна царь имѣетъ на жалованьи 1000 опытныхъ солдатъ изъ ляховъ; подъ греческимъ знаменемъ бываетъ въ иные годы по 400 человѣкъ на его жалованьи. Затѣмъ царь послалъ другого князя взять ратниковъ изъ Казани и Астрахани и калмыцкихъ татаръ болѣе 200.000, чтобы сдѣлать съ ними нападеніе на страну татаръ и помѣшать этимъ послѣднимъ идти къ ляхамъ, ибо Крымъ, резиденція хана, находится въ разстояніи пятнадцати дней пути отъ Астрахани. Впослѣдствіи прибылъ на помощь царю одинъ изъ черкесскихъ бековъ, живущихъ близъ Астрахани, съ 20.000 храбрецовъ. Вотъ что мы достовѣрно узнали и что видѣли касательно царскихъ войскъ, коихъ никто не можетъ исчислить кромѣ Всевышняго Бога, ибо, какъ турецкій султанъ величается передъ всѣми царями многочисленностью своихъ подданныхъ, такъ и этотъ царь

еще болѣе превозносится множествомъ своихъ. Удивительнѣе всего то, что всѣ эти ратники вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ и у каждаго не одно, а нѣсколько.

Что касается донскихъ казаковъ, которые ходятъ въ Черное море, числомъ 40.000, то они также стоятъ подъ властью царя. Татары трепещутъ передъ ними, ибо казаки всегда нечаянно нападаютъ на ихъ страну, забираютъ ихъ въ плѣнъ и привозятъ въ страну московитовъ, гдѣ и продаютъ. Такъ какъ татары наказаніе для христіанъ, живущихъ вокругъ нихъ, то Богъ послалъ на нихъ этихъ (казаковъ) въ возмездіе имъ (да увеличитъ Богъ ихъ силу надъ ними!). Также и турки на Черномъ морѣ боятся казаковъ, ибо они весьма выносливы и храбры на войнѣ—мы видали ихъ—и не боятся смерти. Если доживемъ до будущаго года, то разскажемъ о нихъ.

Большую часть этихъ извѣстій мы въ достовѣрности узнали изъ устъ патріарха, который сказалъ еще: „царь взялъ съ собой съ прошлаго года три большія пушки, длиной каждая болѣе 15 локтей; каждую пушку везутъ 1500 лошадей и при каждой 500 стрѣльцовъ. Этими пушками онъ сдѣлалъ проломъ въ стѣнѣ Смоленска, выстроенной изъ плитъ дикаго камня". Объ этихъ пушкахъ намъ разсказывали греческіе купцы, которые видѣли ихъ здѣсь; и мы видѣли пушки, похожія на банки и бочки, короткія и толстыя; говорятъ, что при стрѣльбѣ изъ нихъ зарядъ поднимается къ небу и падаетъ въ средину города или крѣпости, производя пожаръ и сильное разрушеніе и глубоко взрывая землю. Въ настоящее время доставлены царю изъ франкскихъ земель пушки, стрѣляющія безъ звука: онѣ принадлежатъ къ числу царскихъ сокровищъ.

Глава VIII.

Москва.—Отношенія къ крымскимъ татарамъ. Причины ихъ безнаказанности. Пророческія слова митрополита Исы о татарахъ. Настоящее политическое положеніе.

Быть можетъ, кто-нибудь спроситъ: „если у царя такое множество, сотни тысячъ, войска, то почему онъ не пойдетъ и не истребитъ татаръ съ лица земли, такъ какъ они постоянно переходятъ границу его страны, жгутъ, берутъ въ плѣнъ жителей и совершаютъ всякіе ужасы? Такъ же поступаютъ они съ казаками, молдаванами и валахами; берутъ съ нихъ большія суммы и обманываютъ". На это мы отвѣтимъ, что много разъ разспрашивали объ этомъ даже высокопоставленныхъ лицъ госу-

дарства и удостовѣрились, что причина этого двоякая: первая— что ляхи, со временъ своего усиленія до сихъ поръ, вовсе не держатъ слова и не соблюдаютъ клятвы: сколько разъ отецъ теперешняго царя и этотъ царь хотѣли идти на татаръ, но опасались, вѣроломнаго нападенія ляховъ на свою страну, ибо, когда эти послѣдніе овладѣли Смоленскомъ и его округомъ, то между ними и городомъ Москвой оставалось только триста верстъ. Цари обладаютъ большимъ умомъ, превосходнѣйшимъ нашего: никто не пойдетъ на врага, оставивъ другого врага позади себя. Это—первое извиненіе. Вторая причина та, что отъ татарской границы до московской разстояніе болѣе мѣсяца хорошей ѣзды, потому что вся дорога идетъ дикими, труднопроходимыми мѣстами, имѣя болота справа и слѣва, и по ней нельзя ѣхать иначе какъ по одиночкѣ. Но скверные татары выступаютъ неожиданно и не берутъ съ собою иной провизіи кромѣ поджаренной муки въ кожаныхъ мѣшкахъ. Каждый, даже бѣднякъ, имѣетъ при себѣ четыре—пять лошадей, и разстояніе въ пять—шесть дней пути они совершаютъ въ одну ночь. Гдѣ находятъ воду, кладутъ муки въ сосудъ, варятъ съ водой и пьютъ, и это замѣняетъ имъ хлѣбъ и питье тамъ, гдѣ вода плоха. Они рѣжутъ лошадей и ѣдятъ не варя и берутъ (мясо) про запасъ подъ сѣдло своихъ лошадей. Что касается корма ихъ лошадей, то татары собираютъ сухую траву въ своей странѣ, крѣпко скручиваютъ ее, какъ веревки, навьючиваютъ на лошадей и этимъ кормятъ ихъ въ мѣру. При такой умѣренности они достигаютъ цѣли (своего похода). Куда бы они ни направлялись, они нападаютъ внезапно, какъ дикіе звѣри, поджигаютъ жилища, ловятъ людей, (выбѣгающихъ) изъ домовъ, и увозятъ ихъ на своихъ лошадяхъ и арбахъ со всѣмъ имуществомъ, захваченнымъ у нихъ въ добычу, и убѣгаютъ съ ними. Плѣнниковъ они кормятъ скудно, лишь по необходимости, лошадинымъ мясомъ, которое сами ѣдятъ; по этой причинѣ многіе плѣнники умираютъ на дорогѣ отъ голода, жажды и усталости. Московиты не въ силахъ выносить такой жизни въ дорогѣ и потому не могутъ пройти этого пути. Но сей благополучный царь, какъ мы сказали, со времени своего воцаренія до сихъ поръ, безпрестанно захватываетъ тѣ дороги и устраиваетъ на нихъ крѣпости, города и рвы, такъ что между его границей и Крымомъ, резиденціей хана, разстояніе составляетъ пять дней пути. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ готовитъ тамъ припасы и военные снаряды, чтобы предпринять походъ въ удобное время. Я утверждаю, что это время близко: если будетъ угодно Всевышнему Богу, (оно наступитъ) при жизни нашей

Можетъ быть, покойный митрополитъ Иса[1] въ своемъ стихотвореніи изрекъ пророчество, говоря о татарахъ, которые ѣдятъ лошадиное мясо: „если бы они, подобно арабамъ, не разсѣивались по пустырямъ въ темныя ночи, то память о нихъ исчезла бы и корень ихъ погибъ; но если угодно будетъ Богу—да возвеличится Его могущество!—ихъ скоро постигнетъ неожиданное мщеніе: Онъ пошлетъ на нихъ агу русскихъ съ войсками ляховъ, съ конницей, подобной бурному вѣтру, снесетъ ихъ какъ зрѣлый посѣвъ на жатвѣ и отдастъ ихъ тѣла въ пищу дикимъ звѣрямъ, и мы воскликнемъ: идемъ на помощь христіанамъ! да погибнутъ татары! нѣтъ (имъ) пощады!“ Вотъ что сказалъ въ то время Богомъ помилованный. Вѣроятно, это было его желаніемъ, и то, чего онъ желалъ, теперь достигнуто. Доказательства этого ясны. Со временъ Богомъ помилованнаго царя Ивана ни одинъ изъ московскихъ царей не ходилъ ни на кого войной; они спокойно жили сами для себя, довольствуясь своимъ царствомъ и своею страной. Слава имени Божьему! всѣ ожидали прибытія Антіохійскаго патріарха. Когда мы пріѣхали въ Молдавію, весь свѣтъ возсталъ противъ Василія; подобное этому случилось и въ Валахіи. Татары, уже восемь лѣтъ находившіеся въ братскомъ согласіи съ Хмелемъ, отдѣлились отъ него, такъ что онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ царю. Большая дружба, существовавшая между царемъ и ляхами, была разорвана, такъ что, прежде чѣмъ мы прибыли къ царю, онъ уже пошелъ на ляховъ войной, и случилось съ ними то, что случилось. Татары, также бывшіе съ нимъ въ мирѣ, стали врагами московитовъ, потому что нарушили границу земли казаковъ, которая сдѣлалась царскою. Татары жаждутъ получить много денегъ отъ ляховъ и боятся царя. Мы были поражены этими событіями, которыя переплетаются между собой подобно сѣти, и недоумѣвали, радоваться намъ или бояться. Богъ да вынесетъ насъ благополучно изъ этихъ странъ, коп, если охватитъ ихъ мятежъ, никогда не умиротворятся! Не знаемъ, каковъ будетъ конецъ; можетъ быть—но Богъ больше знаетъ – срокъ близокъ и мы находимся на исходѣ времени.

---

[1] Митрополитъ Иса (Іисусъ), о коемъ не разъ упоминаетъ Павелъ Алеппскій, сопровождалъ въ Россію Антіохійскаго патріарха Іоакима Дау, который прибылъ въ Москву въ 1586 г., въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича, (а не въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго, какъ ошибочно сказано въ нашемъ примѣчаніи къ гл. VI, кн. VII). Этотъ митрополитъ составилъ стихотворное описаніе своего путешествія.

Глава IX.

Москва.—Средства для содержанія войска. Выпускъ новой монеты. Бѣглецы изъ войска. Наказанія за разныя преступленія.

Возвращаемся къ тому, о чемъ мы говорили раньше. До сихъ поръ царь совсѣмъ не открывалъ своихъ казнохранилищъ для содержанія войска, но снабдилъ ихъ въ прошломъ году въ достаточномъ количествѣ запасами изъ денегъ, собранныхъ съ домовъ торговыхъ людей и вельможъ царства. Говорятъ, что царь нашелъ въ казнохранилищѣ одной изъ крѣпостей, которую онъ взялъ въ началѣ (войны), шесть милліоновъ динаровъ золотою монетой. Въ нынѣшнемъ году онъ получилъ большія состоянія, вмѣстѣ съ домами и всею недвижимостью, изъ имущества богачей, которые умерли, не оставивъ наслѣдниковъ Кромѣ того, онъ въ настоящее время выпустилъ новую монету, а именно: онъ раздѣлилъ каждый піастръ-реалъ на четыре части и каждую часть отчеканилъ въ монету со своимъ изображеніемъ верхомъ на конѣ. Эти монеты назвали *четверть*, то-есть четыре (?) части. Такимъ образомъ каждый піастръ онъ обратилъ въ два. Потомъ онъ отчеканилъ высокопробные піастры со своимъ клеймомъ и изображеніемъ, сдѣлавъ каждый изъ нихъ равнымъ двумъ. Также отчеканилъ піастры изъ красной мѣди и выпустилъ вмѣсто (серебряныхъ) піастровъ, объявивъ во всеобщее свѣдѣніе о введеніи ихъ въ обращеніе при сдѣлкахъ, и платилъ ими за содержаніе войска. Вся выгода отъ этого досталась казнѣ, по причинѣ любви всѣхъ московитовъ къ своему царю, равной любви ихъ къ всевышнему Творцу. Мы бывали свидѣтелями, что, когда мы имъ давали піастръ-реалъ, они не брали его, но плевали на него, то-есть на изображеніе франковъ; когда же давали деньги съ отчеканеннымъ изображеніемъ царя, они цѣловали его, говоря: „*сударь*, то-есть принимаемъ: это деньги нашего господина царя, лучше денегъ еретиковъ франковъ“.

Когда царь отправился въ походъ и достигъ Смоленска, нѣкоторые изъ конныхъ ратниковъ, слабые и малоземельные, убѣжали тайкомъ и возвратились въ свои дома безъ спроса, но не могли скрыться: ихъ находили царскіе слуги, разъѣзжавшіе по областямъ, и приводили въ столицу со связанными за спиной руками, въ оковахъ, къ министрамъ и намѣстникамъ царя. Немедленно ихъ обнажали и водили по всему городу, при чемъ позади шелъ палачъ съ кнутомъ изъ длинныхъ сырыхъ бы-

чачьихъ жилъ, провозглашалъ ихъ преступленіе и при каждомъ шагѣ стегалъ кнутомъ: кровь брызгала—отвратительно человѣку смотрѣть на такія дѣла! Бѣдняга кричалъ только: *сударь*, то-есть имя царя, который можетъ его избавить. Такъ продолжали идти съ ними, пока не возвращались въ приказъ, такъ что его плечи и спина принимали видъ, достойный плача: кровь лилась изъ нихъ ручьемъ. Однихъ изъ нихъ бросали въ тюрьму, другихъ вѣшали. Вотъ какимъ образомъ они мучаютъ преступниковъ. Если воръ укралъ золотую или серебряную вещь, то ее вѣшаютъ ему на языкъ, водятъ его по городу, объявляя его преступленіе при ударахъ кнутомъ, и затѣмъ бросаютъ въ тюрьму, (гдѣ онъ остается), пока не отсидитъ свой срокъ. За золотыхъ дѣлъ мастерами существуетъ весьма строгій надзоръ, какого мы не видывали нигдѣ въ другихъ странахъ: они должны продавать только чистое серебро безъ обмана и поддѣлки. Всѣ серебряныя вещи у нихъ изъ каракушей [1], а золотыя—изъ динаровъ. Чтобы ты ни пожелалъ купить себѣ, все найдешь въ отчеканенномъ и готовомъ видѣ. За серебряную вещь кладутъ на противоположную чашку вѣсовъ серебро же, и ты уплачиваешь сообразно съ тѣмъ, сколько мастеръ согласится взять за работу; а если вещь позолочена, то онъ считаетъ и золото. Если откроютъ, что мастеръ совершилъ поддѣлку въ изготовленной имъ вещи, то ее немедленно расплавляютъ и вливаютъ ему въ ротъ. Это хорошо извѣстный, строгій законъ. У нихъ копѣйки цѣнятся гораздо больше, чѣмъ піастры и динары.

Мы замѣтили, что они казнятъ смертью, безъ пощады и помилованія, за четыре преступленія: за измѣну, убійство, святотатство и лишеніе дѣвицы невинности безъ ея согласія. При этомъ непремѣнно оглашаютъ преступленіе (водя преступника) по городу, подъ кнутомъ, отъ чего многіе умираютъ. Мы видали, что нѣкоторымъ отрубали головы сѣкирой на плахѣ, а не мечомъ: это были убійцы своихъ господъ. Видѣли, что одного сожгли въ домѣ, который сдѣлали для него на площади; связали его и, подложивъ соломы, зажгли, и онъ сгорѣлъ: онъ умышленно поджегъ домъ своего господина. Непремѣнно сожигаютъ также содомита. Прелюбодѣю, если царь и патріархъ о немъ не узнаютъ, возможно спасеніе (отъ казни): послѣ того, какъ его обведутъ по городу подъ кнутомъ, какъ мы это описали, заключаютъ въ тюрьму и налагаютъ большой штрафъ. Также, кто

---

[1] Выше (кн. V, гл. X) авторъ называетъ эту монету *каракушъ ріялъ*, то-есть орлиные реалы.

поносить царя, никогда не спасется (отъ казни), какъ мы тому были свидѣтелями—Боже избави насъ!—ибо какъ тотъ, кто хулитъ Бога, не можетъ получить у нихъ прощенія, такъ и поносящій царя лишается головы. Если кто обвинитъ въ какомъ-либо преступленіи своего знакомаго, то послѣдняго подвергаютъ всякаго рода пыткамъ, чтобы онъ сознался; если сознается, такъ; а если не сознается и (значитъ) другой обвинилъ его ложно, то этого наказываютъ хуже перваго и присуждаютъ къ уплатѣ ему денегъ на расходъ по лѣченію ранъ, до его выздоровленія. Горе тому, кто совершитъ преступленіе, богатый онъ или бѣдный! Никакое заступничество, никакой подкупъ не принимаются, надъ нимъ совершаютъ судъ справедливо, по Божьему закону, какъ мы часто видали, ибо до такой строгости, какая у нихъ существуетъ, не достигалъ никто изъ царей. Вотъ что мы могли теперь изложить точно и обстоятельно.

Глава X.

Москва.—Порядокъ управленія въ отсутствіе царя. Пріемъ у патріарха Никона. Патріаршій приказъ и тюрьма. Патріаршіе бояре. Доходы патріарха Никона. Его строгость къ духовенству. Ссылка келаря Троицкаго монастыря. Арсеній Сухановъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ царь поставилъ на мѣсто себя полномочнаго намѣстника и нѣсколькихъ министровъ. Изъ нихъ на каждаго возложено одно дѣло; высшее же рѣшеніе принадлежитъ намѣстнику. Наблюдателемъ надъ всѣми онъ поставилъ патріарха: ни одно дѣло, важное или незначительное, не дѣлается иначе, какъ съ его совѣта и по докладѣ ему министрами каждое утро. Обыкновенно, ежедневно, рано поутру, министры являлись въ приказъ, то-есть диванъ, для разсмотрѣнія, со всевозможною тщательностью, какъ государственныхъ дѣлъ, такъ и народныхъ, потому что никто, ни въ какомъ случаѣ, не ходитъ по дѣлу къ нимъ на домъ. Такъ, мы видали своими глазами, что самый важный изъ нихъ, царскій намѣстникъ, пріѣзжалъ въ морозные дни въ саняхъ, задокъ которыхъ покрытъ шкурой бѣлаго или чернаго медвѣдя; за нимъ слѣдовали лишь двое—трое слугъ; и онъ, и слуги были одѣты въ простыя платья, ибо они обычно не любятъ дорогихъ платьевъ, а надѣваютъ что придется. Всѣ министры, собравшись въ диванѣ, (оставались тамъ), пока не прозвонитъ колоколъ патріарха: обыкновенно, дверь у патріарха всегда бываетъ заперта, отъ одной службы до другой, и охраняется привратниками, пока не прозвонитъ колоколъ;

тогда патріархъ выходитъ во внѣшній диванъ. Бояре стояли у его дверей на сильномъ холодѣ, пока патріархъ не приказывалъ ихъ впустить. Такъ мы видали ихъ своими глазами, ибо нашъ владыка патріархъ, во все время отсутствія царя, ежедневно отправлялся къ патріарху Никону узнавать отъ него о здоровьи царя и какія получены извѣстія. Когда дозволеніе было испрошено и нашъ владыка входилъ къ нему, то прежде чѣмъ привѣтствовать его, тотъ непремѣнно вставалъ, оборачивался къ иконамъ и пѣлъ *Достойно есть*, а его архидіаконъ—*Господи помилуй* трижды и *Благослови*, при чемъ они дѣлали земной поклонъ; тогда оба патріарха, облобызавшись, садились для бесѣды, и толмачъ переводилъ ихъ рѣчи, пока не кончатъ. А бояре въ это время сидѣли наружѣ, пока патріархъ не позволитъ имъ войти. При входѣ ихъ, онъ опять оборачивался къ иконамъ, читая про себя *Достойно есть*, при чемъ всѣ они дѣлали земной поклонъ и оставались съ непокрытою головой до самаго ухода. Каждый изъ нихъ, приблизившись, кланялся ему до земли, подходилъ подъ благословеніе и въ заключеніе вторично дѣлалъ земной поклонъ. Такъ подходили всѣ подъ благословеніе, даже ихъ маленькія дѣти поступали точно такъ же. Патріархъ разговаривалъ съ ними стоя, при чемъ они докладывали ему всѣ текущія дѣла, на кои онъ давалъ отвѣтъ, приказывая имъ, что должно дѣлать. Какъ намъ случалось видать, государственные вельможи вообще не чувствуютъ особеннаго страха предъ царемъ и не боятся его, а навѣрно патріарха больше боятся. Предшественники патріарха Никона никогда не занимались государственными дѣлами, но этотъ патріархъ, благодаря своему проницательному, острому уму и знаніямъ, искусенъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ и на опытѣ ознакомился съ мірскими дѣлами. По окончаніи пріема, патріархъ опять оборачивался къ иконамъ, пѣлъ вторично *Достойно есть* и, обернувшись, благословлялъ бояръ и отпускалъ ихъ. Затѣмъ шелъ впередъ нихъ въ церковь, ибо онъ, обыкновенно, никогда не пропускаетъ службы въ церкви, три раза, днемъ и ночью, присутствуя за обѣдней и вечерней, и въ бо́льшую часть дней совершаетъ литургію. При входѣ и выходѣ многіе подавали ему *челобитныя* (челобитныя), то-есть прошенія по своимъ обстоятельствамъ и дѣламъ, ибо никто не можетъ видѣть патріарха въ его келліяхъ, за исключеніемъ бояръ поутру. Но подъ его келліями есть семь приказовъ, то-есть диваповъ и судовъ, въ коихъ засѣдаютъ семь судей со многими писцами. Каждый диванъ на-

значенъ для своихъ особыхъ дѣлъ: одинъ—для монаховъ и монастырей, и въ немъ они судятся, другой—для священниковъ, и кто является изъ областей, далекихъ или близкихъ, чтобы сдѣлаться священникомъ, имѣя при себѣ свидѣтельство отъ своего города, тотъ представляетъ таковое боярину этого дивана, который состоитъ также патріаршимъ казначеемъ. Монахъ оставляетъ свидѣтельства у себя, пока не наберется ихъ двадцать, тридцать, и тогда докладываетъ ихъ патріарху въ одинъ день. Когда просители явятся къ патріарху, онъ обходитъ ихъ съ какою-нибудь книгой: кто прочтетъ хорошо, на прошеніи того онъ дѣлаетъ помѣту: „достоенъ“, а кто не сумѣетъ прочесть, того онъ прогоняетъ, ибо значеніе патріарха здѣсь равно царскому. Мы много разъ видали такихъ просителей, которые пріѣзжали за тысячи верстъ, изъ областей, прилежащихъ къ Сибири, и иныхъ.

Патріархъ и архіереи не получаютъ годового сбора со своей паствы, а имѣютъ содержаніе отъ пожалованныхъ имѣній и получаютъ ежегодно опредѣленный сборъ съ каждаго священника, смотря по его состоянію.

Есть еще приказъ для наслѣдствъ. Съ каждаго наслѣдства патріархъ получаетъ одну десятую, кромѣ того, что берутъ судья и его люди. Всякому новопоставляемому священнику приходится также дѣлать большія траты при поставленіи. Обо всѣхъ дѣлахъ, происходящихъ ежедневно въ этихъ приказахъ, судьи ходятъ докладывать патріарху и получаютъ отъ него отвѣтъ, какъ ему угодно будетъ (рѣшить). Челобитныя, которыя патріархъ отбираетъ у людей, онъ уноситъ и читаетъ въ своихъ кельяхъ. Всякій, кто получилъ отвѣтъ, удаляется, а чьего имени не было, тотъ знаетъ, что его дѣло не исполнено.

Во всякомъ мѣстѣ (пребыванія архіерея) есть тюрьма, снабженная тяжелыми желѣзными оковами и большими деревянными колодками. Если кто изъ настоятелей монастырей или важныхъ священниковъ совершитъ проступокъ, тотъ, будучи заключенъ въ оковы, долженъ просѣвать муку ночью и днемъ при пекарнѣ, пока не отбудетъ срокъ наказанія: намъ случалось ихъ видать въ такомъ положеніи.

Патріарха окружаетъ множество бояръ, изъ коихъ большую часть онъ дѣлаетъ теперь правителями (областей), каковъ, напримѣръ, воевода Путивля и другіе; изъ нихъ же бываютъ уполномоченные, казначеи и келари для всякихъ дѣлъ: одни (надзираютъ) надъ казнохранилищемъ, другіе надъ патріаршимъ домомъ, иные надъ доходами, иные надъ расходами. Патріархъ

не позволяетъ своимъ дьяконамъ входить во внутреннія его келліи и (вообще) никому, кто умѣетъ читать, дабы не прочли его тайныхъ бумагъ и прочаго, что только у него есть. Онъ имѣетъ своихъ собственныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, портныхъ, кузнецовъ, каменьщиковъ, плотниковъ, живописцевъ, по всякаго рода мастерствамъ. Всѣ они получаютъ ежегодное содержаніе, одежду, подарки и пр. Этотъ патріархъ имѣетъ большое вліяніе на царя, и потому, въ то время какъ прежде было пожаловано отъ царя патріархіи въ угодье 10.000 крестьянскихъ домовъ, Никонъ довелъ ихъ число до 25.000, ибо, всякій разъ, какъ умираетъ кто-либо изъ бояръ, патріархъ является къ царю и выпрашиваетъ себѣ часть крестьянъ и имѣній умершаго. Онъ взялъ также себѣ во владѣніе много озеръ, кои приносятъ ему большой доходъ отъ соли и рыбы. Такъ дѣйствуетъ онъ теперь, по распоряженію царя, получивъ хрисовулъ, (въ силу котораго) всякій разъ какъ умираетъ бояринъ, не имѣющій наслѣдниковъ, ему наслѣдуетъ патріархъ. Такимъ образомъ онъ взялъ себѣ соляныя озера, ежегодно приносящія ему большой доходъ, тогда какъ патріархи, бывшіе до него, рыбу и соль пріобрѣтали покупкой. Онъ также воспретилъ всякому, кто этимъ торгуетъ, платить пошлину—и все это въ силу хрисовула. При продажѣ лошадей въ столицѣ и во всякомъ другомъ городѣ, царь получаетъ двѣ копѣйки съ рубля, а монастырь Св. Троицы одну копѣйку; такой порядокъ во всей странѣ московской: изъ пошлины одинъ архонтъ беретъ для царя двѣ части суммы, а архонтъ [1] монастыря Св. Троицы одну часть. Но патріархъ Никонъ взялъ себѣ половину дохода монаховъ, такъ что его ежедневный [2] доходъ составляетъ, какъ говорятъ, 20.000 рублей. Доходъ его съ церквей этого города и окрестностей составляетъ 14.000 рублей въ годъ; со всякой церкви (взимается), по числу ея прихожанъ, съ самой бѣдной—рубль. Также получаетъ онъ ежегодный сборъ со всѣхъ церквей и священниковъ своей области, который они вносятъ ему и своему архіерею. Доходъ монастыря Св. Троицы равенъ трети царскаго дохода, но патріархъ Никонъ присвоилъ себѣ половину этого дохода, говоря: „патріархъ имѣетъ на это больше права“. Онъ взялъ также бо́льшую часть царскихъ сокровищъ монастыря (Св. Троицы), какъ мы потомъ

[1] Подъ этимъ словомъ, которое часто встрѣчается у Павла, здѣсь разумѣется одинъ изъ служилыхъ людей. Въ другихъ случаяхъ мы переводимъ его словомъ „боярин“, которое авторъ не употребилъ ни разу.

[2] Очевидно, ошибочно вмѣсто: ежегодный. Впрочемъ въ англійскомъ переводѣ также: ежедневный (daily).

увидѣли:—изъ нихъ ни одного не было въ патріаршей церкви, они даны въ нее патріархомъ—облаченія, обильно украшенныя драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, сосуды и пр. Монахамъ же осталось немного. Какъ человѣкъ съ острымъ умомъ, Никонъ возвысился надъ положеніемъ іерарха и сталъ вѣдать государственныя дѣла, и всѣ начали его бояться. Тогда какъ (прежде) всякій архимандритъ поставлялся и смѣнялся только по приказанію царя, патріархъ Никонъ уничтожилъ этотъ законъ: сталъ ставить и смѣнять ихъ безъ спроса.

Отъ того Богъ отступился и тотъ навлекъ на себя Его гнѣвъ, кто совершилъ проступокъ и провинился предъ патріархомъ: пьянствовалъ или былъ лѣнивъ въ молитвѣ, ибо таковаго патріархъ немедленно ссылаетъ въ заточеніе. Въ прежнее время сибирскіе монастыри были пусты, но Никонъ, въ свое управленіе, переполнилъ ихъ злополучными настоятелями монастырей священниками и монахами. Если священникъ провинился, патріархъ тотчасъ снимаетъ съ него *колпакъ* [1]: это значитъ, что онъ лишенъ священническаго сана. Бываетъ, что онъ самъ сжалится надъ нимъ и проститъ его, но ходатайства ни за кого не принимаетъ, и, кромѣ царя, никто не осмѣливается явиться передъ нимъ заступникомъ. Разгнѣвавшись на многихъ священниковъ, онъ по справедливости сбрилъ имъ волосы и отправилъ въ ссылку вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, чтобы тамъ они окончили свою жизнь въ злополучіи. Такою строгостью онъ всѣхъ устрашилъ, и его слово стало рѣшающимъ. Въ послѣднее время онъ дошелъ до того, что отставилъ отъ должности келаря монастыря Св. Троицы и заточилъ его въ одинъ монастырь, хотя тотъ, по своему значенію, былъ третьимъ правителемъ, ибо въ этой странѣ считаютъ трехъ правителей: царя, патріарха и келаря Св. Троицы. Намъ случалось видать, что, когда онъ пріѣзжалъ изъ монастыря или отправлялся куда-нибудь, то его сопровождало множество архонтовъ, служителей и ратниковъ, чего нѣтъ и у патріарха. Послѣ такого сана патріархъ сдѣлалъ его мельникомъ въ томъ монастырѣ, куда онъ былъ заточенъ.

Намъ разсказывали о монастырѣ *Сибска* (Сійскій), что онъ находится среди озера, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, и отстоитъ отъ Москвы на 1.500 верстъ. Его обитатели весьма злы и жестоки и нисколько не сострадательны къ людямъ, туда сосланнымъ: не даютъ имъ отдыха, такъ что большинство заточенныхъ въ него умираютъ отъ притѣсненій.

---

[1] Это татарское слово стоитъ въ подлинникѣ

Причина заточенія келаря была слѣдующая: до свѣдѣнія патріарха дошло, что келарь бралъ взятки съ богатыхъ ратниковъ монастыря, чтобы имъ не идти въ походъ, и посылалъ вмѣсто нихъ бѣдныхъ, у которыхъ не было средствъ (содержать себя), ибо монастырю св. Троицы цари дали въ пользованіе четыре полка ратниковъ, каждый въ 600 человѣкъ [1], дабы они поочереди держали стражу въ немъ и охраняли его интересы. Патріархъ поставилъ на его мѣсто келаремъ архидіакона Арсенія (Суханова), который пріѣзжалъ въ нашу страну съ іерусалимскимъ патріархомъ и изъ Алеппо поѣхалъ въ Грузію. По прибытіи его въ Москву, патріархъ и царь созвали соборъ [2] и послали Арсенія на Св. Гору съ обильною милостыней для монастырей и письмами на имя настоятелей ихъ (съ просьбой) дать Арсенію, сколько они могутъ, древнихъ греческихъ книгъ, такъ какъ этотъ патріархъ и царь, чрезвычайно любя греческіе обряды, съ теченіемъ времени замѣтили, что въ ихъ книгахъ произошли искаженія. Они слышали, что на Св. Горѣ собраны всѣ греческія книги, и послали этого человѣка пріобрѣсти изъ нихъ всѣ рѣдкостныя и замѣчательныя. Онъ отправился и добылъ около пятисотъ важныхъ книгъ разнаго рода. Мы встрѣтили его, когда онъ проѣзжалъ по Валахіи. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ все разсмотрѣлъ, а оттуда отправился въ обратный путь, захвативъ съ собой, по порученію патріарха, множество кипарисныхъ досокъ для иконъ, ибо кипарисъ очень цѣнится въ этой странѣ. Наконецъ, онъ пріѣхалъ (въ Москву), привезя съ собой всѣ эти вещи. Книги были помѣщены въ особомъ хранилищѣ. У московитовъ есть переводчики изъ грековъ, которые переводятъ книги одну за другой, печатаютъ и выпускаютъ въ свѣтъ. За эти двѣ услуги, оказанныя архидіакономъ Арсеніемъ, именно: что его посылали на Синай, въ Египетъ, Іерусалимъ, въ нашу страну и въ Грузію, чтобы достовѣрно узнать положеніе этихъ странъ, и за эту вторую услугу патріархъ наградилъ его тѣмъ, что поставилъ на самую высшую степень. „Нѣтъ дара, кромѣ какъ отъ Отца свѣтовъ“.

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ: въ 300 человѣкъ.

[2] По англійскому переводу; въ обѣихъ же нашихъ рукописяхъ: „онъ созвалъ соборъ для патріарха и царя“.

Глава XI.

Москва —День тезоименитства царя. Служеніе въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Отпѣваніе монахини въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Описаніе монастыря.

Возвратимся къ нашимъ сообщеніямъ о царѣ. Запасы съѣстного, питья и пр. для людей и животныхъ, военные снаряды и оружіе: мечи, ружья, кольчуги, порохъ и пушки не переставали отправлять къ царю до конца лѣта. Все это мы видѣли постоянно своими глазами. [На этой недѣлѣ прибыло изъ Архангельска болѣе трехсотъ подводъ съ желѣзными латами, сдѣланными въ полную человѣческую фигуру, такъ что, когда ихъ надѣнутъ, ни малѣйшая часть тѣла не видна, а также съ мечами, копьями, ружьями и пр. безъ числа, все изъ страны франковъ, такъ какъ царь заказалъ ихъ еще давно. Мы дивились на нихъ, не видавъ ничего подобнаго въ своей странѣ, ибо, какъ насъ увѣряли европейцы, они никогда не вывозятъ ихъ въ Турцію: такой вывозъ запрещенъ. Царь платитъ за нихъ хлѣбными запасами].

Въ третью субботу поста, которая пришлась 17 марта, была память св. Алексія, человѣка Божія. Такъ какъ благополучный царь родился въ этотъ день—теперь ему исполнилось 27 лѣтъ отъ роду—и былъ нареченъ во имя св. Алексія, то онъ имѣетъ обыкновеніе ежегодно въ этотъ день заказывать литургію и дѣлать трапезу для своихъ приближенныхъ и для народа; бываетъ большая радость. Съ задней стороны дворца [1], близъ второй городской стѣны, онъ построилъ монастырь во имя св. Алексія, человѣка Божія, и помѣстилъ въ него большое число монахинь знатнаго происхожденія [2]. Царь очень любитъ этотъ монастырь и постоянно посѣщаетъ его съ царицей. Если бы онъ въ этотъ день присутствовалъ (въ столицѣ), то устроилъ бы большое торжество. Но патріархъ сдѣлалъ лучше, чѣмъ было бы въ присутствіи царя: онъ пригласилъ нашего владыку патріарха, и всѣ вмѣстѣ поѣхали въ саняхъ въ монастырь. Подъѣхавъ къ нему въ сопровожденіи царскаго намѣстника и государственныхъ сановниковъ, патріархи вышли изъ саней подлѣ воротъ, откуда выступили имъ на встрѣчу священники и дьяконы съ иконами, крестомъ и кадильницей. Патріархъ Никонъ благословилъ имъ

---

[1] Т. е. Кремля. Именемъ дворца авторъ обозначаетъ весь Кремль.

[2] Алексѣевскій монастырь, бывшій на мѣстѣ храма Спасителя и въ 1837 г. переведенный къ Сокольникамъ.

народъ. При этомъ дьяконъ кадилъ ему. Затѣмъ встрѣтили его всѣ монахини. Вошли въ церковь, и патріархи совершили службу вмѣстѣ съ прочими архіереями и архимандритами, кои всегда служатъ съ патріархомъ. По выходѣ ихъ изъ алтаря, игуменья поднесла патріарху, по обычаю, серебряно-вызолоченную икону святого, во имя коего церковь. Патріархъ простился съ нашимъ учителемъ, послѣ того какъ игуменья поднесла имъ два большихъ черныхъ хлѣба и они благословили всѣхъ монахинь. Патріархъ сѣлъ въ свои сани, обитыя бархатомъ, оба митрополита сѣли сзади него, справа и слѣва, а бояре поѣхали позади и впереди. Мы возвратились въ свой монастырь и намъ прислали кушанья со стола царицы.

[Въ третье воскресенье нашъ учитель служилъ обѣдню въ монастырской церкви и посвятилъ іерея и діакона, коихъ прислалъ къ нему патріархъ, потому что ихъ было очень много. Точно такъ же въ четвертую субботу онъ служилъ обѣдню и опять посвятилъ іерея и діакона. Такъ какъ на слѣдующій день приходился праздникъ Благовѣщенія, то царица прислала ему на подводахъ удивительно большихъ и прекрасныхъ рыбъ разнаго рода, какъ у нихъ принято].

Въ четвертое воскресенье поста, въ которое приходился праздникъ Благовѣщенія, рано утромъ ударили въ великій колоколъ ради торжественности праздника. Патріархъ, по обыкновенію, служилъ въ церкви Благовѣщенія, а въ (Успенскомъ) соборѣ одинъ изъ митрополитовъ. Если бы царь присутствовалъ, то было бы великое торжество. Нашъ учитель служилъ въ монастырской церкви и рукоположилъ священника и дьякона.

Въ пятый вторникъ пригласили нашего учителя на отпѣваніе одной княгини въ монастырѣ, отстоящемъ отъ города въ трехъ верстахъ. Его называютъ Дѣвичій монастырь. Онъ во имя Матери Божіей „Тройное (?) Путеводительство“ (Одигитрія). Мы поѣхали туда въ саняхъ вмѣстѣ съ патріархомъ, архіереями и всѣмъ священнымъ чиномъ. Насъ встрѣтили священники и діаконы съ иконой монастыря, съ крестомъ и кадильницей, вмѣстѣ съ игуменьей и всѣми монахинями. Мы поднялись въ церковь и приложились къ ея святынямъ. Это монастырь большой, окруженъ огромною стѣной съ десятью башнями и стоитъ на высокомъ мѣстѣ, господствуя надъ окрестностью; близъ него течетъ рѣка Москва. Онъ имѣетъ двое большихъ воротъ и лежитъ съ западной стороны города. Въ немъ двѣ церкви. Въ великую церковь входишь по очень высокой лѣстницѣ. Это обширная, высокая церковь съ четырьмя колоннами, точь въ точь похожая

на церковь Креста [1]. Она имѣетъ три двери. Ея иконостасъ похожъ на иконостасъ (Успенскаго) собора, съ тремя алтарями Сѣнь надъ престоломъ чудесная, позолоченная, вся состоитъ изъ куполовъ, другъ надъ другомъ, и поддерживается ангелами; кресты, чаши—какъ бы чеканной работы. Что касается иконы Владычицы, которая стоитъ справа отъ алтарныхъ дверей, то она не имѣетъ цѣны по причинѣ обилія золота, алмазовъ, рубиновъ, яхонтовъ, изумрудовъ и жемчуга, коими она осыпана. То же и на прочихъ иконахъ, которыя стоятъ въ ряду съ алтарными дверьми и передъ серебряными подсвѣчниками, а также кругомъ церкви до дверей. Вокругъ колоннъ церкви размѣщены маленькія серебряно-вызолоченныя иконы въ два ряда, одни надъ другими; многія изъ нихъ украшены чистымъ золотомъ и разноцвѣтными каменьями, коимъ нѣтъ цѣны. Даже во всѣхъ окнахъ церкви помѣщены иконы, одна надъ другой, за недостаткомъ мѣста, ибо церковь переполнена иконами: ихъ, можетъ быть, больше трехъ тысячъ. Мы дивились и изумлялись на это, ибо наименѣе цѣнная изъ иконъ въ этой церкви стоитъ пять динаровъ. Даже въ царскихъ церквахъ мы не находили такихъ украшеній, какъ въ этой церкви—патріархъ Никонъ своими устами сказалъ нашему владыкѣ-патріарху: „у насъ нѣтъ монастыря, равнаго этому по богатству“—и это потому, что всѣ монахини, которыя въ него поступаютъ, княгини, жены государственныхъ сановниковъ, вдовы и дочери ихъ, являются со своими богатствами и всѣмъ имуществомъ: драгоцѣнностями, золотомъ и каменьями, и жертвуютъ ихъ на монастырь, и потому онъ называется монастыремъ дѣвицъ. Кругомъ церкви идетъ огромная галлерея.

Затѣмъ патріархи вошли въ алтарь съ архіереями и всѣми служащими и надѣли полное облаченіе, все чернаго и фіолетоваго цвѣта: подризники, поручи, епитрахили, фелони, саккосы, и омофоры; корона патріарха и митры архіереевъ и архимандритовъ были старыя, назначенныя исключительно для отпѣваній. Облачившись, всѣ обратились къ горнему мѣсту, сдѣлали три поклона и вышли въ нарѳексъ, гдѣ были поставлены носилки съ тѣломъ, покрытыя чернымъ бархатомъ съ большимъ крестомъ по срединѣ и съ рядомъ серебряно-вызолоченныхъ иконъ, ибо умершая была монахиней. Потомъ, помолившись трижды на востокъ, стали въ рядъ, по обычаю, кланялись попарно патріархамъ и затѣмъ становились на свои мѣста. Па-

[1] Т. е. на церковь въ монастырѣ св. Креста близъ Іерусалима, за Яффскими воротами.

тріарху поднесли скрученныя втрое свѣчи и онъ роздалъ ихъ всѣмъ служащимъ, которые подходили попарно, кланялись ему до и послѣ (полученія свѣчи) по чину и въ порядкѣ, съ почтеніемъ и уваженіемъ. Онъ роздалъ свѣчи также государственнымъ сановникамъ, родственникамъ покойной, ея дѣтямъ и женамъ бояръ. Затѣмъ архидіаконъ, взявъ кадильницу, окадилъ покойницу, говоря: *благослови владыко*, а патріархъ: *благословенъ*, и архидіаконъ началъ особенную ектенію по усопшимъ, намъ неизвѣстную, состоящую изъ десяти прошеній, подобно большой ектеніи, при чемъ кадилъ покойницѣ безпрерывно до конца, а пѣвчіе при каждомъ прошеніи пѣли *Господи помилуй* Патріархъ сказалъ возгласъ: *Ты еси воскресеніе*, и анагносты начали канонаршить Блаженны [1] до конца, а пѣвчіе это пѣли. Патріархъ сошелъ, окруженный дьяконами; передъ нимъ несли серебряный подсвѣчникъ. Онъ отдалъ архидіакону свѣчу, которую держалъ въ рукѣ, окадилъ сначала покойницу, все время кланяясь,—а свѣщеносецъ шелъ передъ нимъ—затѣмъ вышелъ (изъ нарѳекса), окадилъ церковь, мѣстныя иконы и предстоящихъ —при этомъ дьяконы поддерживали его все время подъ руки—и окадилъ всѣ иконы. Потомъ архидіаконъ и его товарищъ стали противъ него и онъ окадилъ ихъ трижды, а они кланялись ему. Архидіаконъ взялъ у него кадильницу, а патріархъ, отдавъ ее ему, трижды помолился на востокъ, благословилъ служащихъ обѣими руками и поклонился имъ, а они всѣ сдѣлали ему большой поклонъ. То же сдѣлалъ нашъ учитель и возвратился (на свое мѣсто). Когда пѣвчіе кончили, анагностъ прочелъ Апостолъ, а патріархъ Евангеліе, а потомъ положенную молитву и сошелъ для прощанія. Тогда одинъ изъ священниковъ подошелъ съ иконой Владычицы и сталъ съ нею по правую сторону носилокъ; патріархъ помолился на нее и приложился къ ней, открылъ покровъ съ покойницы и благословилъ ее крестообразно, положилъ ей разрѣшительную грамоту, возлилъ масло и возвратился на свое мѣсто. Стали подходить служанціе по своимъ степенямъ попарно, кланялись ему и сдѣлали то же; подъ конецъ подходили вельможи и родственники покойной [и, приложившись къ образу, кланялись усопшей, проливая слезы]. Затѣмъ священникъ съ иконой, подойдя къ патріарху, сталъ слѣва отъ него, и игумены съ монахинями, а также родственницы усопшей, жены вельможъ, подходили и прикладывались къ иконѣ. Подошли монахини, подняли носилки и вынесли изъ церкви; оба патріарха и служащіе слѣдовали позади, пока не сошли въ церковное подземелье, гдѣ

[1] Псал. CXVIII.

ее и похоронили, по окончаніи обряда. Патріархъ совершилъ отпустъ и благословилъ ея могилу. Мы вышли и сняли свои облаченія.

При уходѣ нашемъ изъ монастыря, игуменья поднесла патріархамъ каждому по большому черному хлѣбу; они возложили на него руки и благословили ее и сестеръ. Патріархъ Никонъ сѣлъ въ свои сани, обитыя фіолетовымъ бархатомъ; архіереи окружали его. Мы также вернулись въ свой монастырь. По дорогѣ мы осмотрѣли площадку, которую велѣлъ устроить царь для исчисленія своихъ войскъ, при чемъ онъ сидѣлъ въ деревянномъ высокомъ кіоскѣ, покрытомъ жестянымъ куполомъ съ позолоченнымъ крестомъ на верхушкѣ. Теперь онъ забитъ. Говорятъ, патріархъ Пателярій при этомъ присутствовалъ и спросилъ о количествѣ войскъ, исчисленныхъ царемъ; патріархъ Никонъ ему отвѣтилъ: „семьсотъ тысячъ, получающихъ содержаніе“.

Глава XII.

Москва.—Великопостныя служенія. Скудная пища. Синодъ въ Москвѣ. Служеніе патріарха Макарія у грузинской царицы Елены.

Наканунѣ четверга покаянія ударили въ колокола въ четвертомъ часу ночи, и мы пошли въ монастырскую церковь. Начали утреню безъ полунощницы, первую каѳизму изъ псалтыря; при этомъ всѣ поклоны дѣлались земные. Чтецъ закончилъ первое чтеніе, послѣ чего начали канонъ Андрея Критскаго, который состоитъ болѣе чѣмъ изъ 300 стиховъ, и при каждомъ стихѣ чтецъ и всѣ присутствующіе клали по три земныхъ поклона — мы сочли, что они сдѣлали болѣе тысячи большихъ поклоновъ. Послѣ 3-ей пѣсни и 7-ой читали житіе Маріи Египетской. Мы вышли изъ церкви лишь послѣ восьмого часа, умирая отъ усталости и стоянія на холодѣ. Въ этотъ постъ мы переносили вмѣстѣ съ ними большое мученіе, подражая имъ противъ воли, особливо въ ѣдѣ: мы не находили иной пищи, кромѣ *мазари* (размазня?), похожаго на вареный горохъ и бобы, ибо въ этотъ постъ вообще совсѣмъ не ѣдятъ масла. По этой причинѣ мы испытывали великую, неописуемую муку. Мы извинили бы ихъ, если бы они въ этотъ постъ ѣли не только рыбу, но и мясо: не было бы имъ грѣха и запрета, ибо у нихъ, какъ мы сказали, не водятся и потому имъ неизвѣстны ни чечевица, ни овечій горохъ [1]; развѣ въ домахъ франковъ (найдешь ихъ), но цѣнѣ

[1] Cicer arietinum, pois chiche.

дороже перца. Кромѣ этого *(мизари)* они знаютъ только соленую капусту и соленые огурцы. У нихъ есть бобы фіолетовые и бѣлые, но цѣна фунта 3 копейки, т. е. каждыя $5^1/_2$ окъ стоятъ піастръ-реалъ [1]. Помимо рыбы, у нихъ нѣтъ ничего особенно дешеваго, а потому, что ѣсть бѣдному семейному человѣку, если рыба ему запрещена? Кромѣ ратниковъ, бѣдняковъ и крестьянъ, никто не ѣстъ рыбы; богатые никогда ея не ѣдятъ: у нихъ это считается большимъ грѣхомъ. Какъ часто мы вздыхали и горевали по кушаньямъ нашей родины и заклинали великою клятвой, чтобы никто впредь не жаловался на постъ! ибо, Богу извѣстно, нашихъ кушаньевъ, которыя ѣдятъ постомъ здѣсь не бываетъ даже во время Пасхи и мясоѣдовъ: кромѣ рыбы, мяса и кваса, эти люди ничего не знаютъ,—безъ сомнѣнія, они истинно святые. Еще по пріѣздѣ своемъ въ Молдавію и Валахію мы недоумѣвали, что намъ ѣсть по средамъ, пятницамъ и прочимъ постамъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Патріархъ Никонъ служилъ въ этотъ день преждеосвященную литургію и рукоположилъ священника и дьякона, по нуждѣ (въ нихъ). Наканунѣ субботы Похвалы (Богородицы), послѣ третьяго часа, ударили въ колокола, такъ что міръ поколебался, и мы вошли въ церковь. Начали полунощницу, затѣмъ утреню, прочли первую каѳизму изъ псалтыря, потомъ часть изъ житія Богоматери Влахернской о томъ, что̀ Она сдѣлала въ Константинополѣ съ Хаканомъ[2]; затѣмъ прочли вторую каѳизму и вторую часть житія. За симъ нашъ владыка патріархъ прочелъ шесть похвалъ изъ акаѳиста, послѣ чего сѣли. Послѣдовало третье чтеніе изъ житія о другомъ (событіи). Встали, и чередной (священникъ) прочелъ еще шесть похвалъ. Сѣли, и послѣдовало третье (?) чтеніе о чудесахъ св. Дѣвы. Потомъ начали канонъ. При третьей пѣснѣ другой священникъ прочелъ еще шесть похвалъ, затѣмъ чтецъ третье (?) чтеніе. Также при седьмой пѣснѣ прочли еще шесть похвалъ въ докончаніе акаѳиста и сѣли. Прочли синаксарь этого дня. Окончили канонъ и первый часъ и мы вышли изъ церкви въ восьмомъ часу.

Въ этомъ мѣсяцѣ мартѣ ночь и день равны.

---

[1] Око = 3,13 ф. Піастръ-реалъ 50 коп.

[2] Какъ извѣстно, чтеніе акаѳиста Богоматери на утрени установлено въ память чуднаго заступленія Ея при осадѣ Константинополя аварами въ 626 г., подъ начальствомъ хакана, т. е. хана. Икона, предъ которой происходило чтеніе акаѳиста въ Константинополѣ, нынѣ находится въ Успенскомъ соборѣ и называется *Влахернской*.

Нашъ владыка патріархъ поѣхалъ въ царскихъ саняхъ къ грузинской царицѣ Еленѣ, вдовѣ Давида, сына Теймуразъ-хана, за которою, какъ мы говорили, царь посылалъ привезти ее съ ея сыномъ Николаемъ, съ цѣлью женить его на своей дочери,— поѣхалъ служить у ней обѣдню. Въ этотъ постъ она нѣсколько разъ приглашала его, но онъ не находилъ свободнаго времени,— такъ какъ во вторую субботу поста служилъ обѣдню по матери царя, въ третью субботу служилъ въ день рожденія царя, какъ мы говорили, въ четвертую субботу съ царицей случилась извинительная причина - до сего дня, пятой субботы. Она постилась первую недѣлю поста и желала пріобщиться св. Таинъ изъ его рукъ, но для этого ей не представилось удобнаго случая до сего дня. Грузины вѣруютъ, что принятіе Таинъ въ день субботній имѣетъ большое преимущество, а потому она желала (пріобщиться) не за воскресною обѣдней, а за субботнею.

На этой недѣлѣ московскій патріархъ созвалъ соборъ вслѣдствіе указаній, которыя сдѣлалъ ему нашъ учитель, и совѣта, который онъ имъ далъ касательно нововведеній и разныхъ погрѣшностей въ дѣлахъ вѣры: во первыхъ, относительно того, что они не служатъ, какъ мы, на антиминсѣ съ изображеніями и съ надписями, освященномъ мощами святыхъ, а на кускѣ бѣлаго полотна; во-вторыхъ, что они, принося священную жертву, вынимаютъ не девять чиновъ (частицъ), а только четыре; въ третьихъ, что они дѣлаютъ въ нѣсколькихъ словахъ ошибки въ „Вѣрую во единаго Бога"; въ четвертыхъ, прикладываются къ иконамъ только разъ или два въ году; въ пятыхъ, не принимаютъ антидора; въ шестыхъ, касательно ихъ крестнаго знаменія при иномъ расположеніи пальцевъ; въ седьмыхъ, относительно крещенія ляховъ, ибо они крестятъ ихъ теперь вторымъ [1] крещеніемъ, и относительно разныхъ дѣлъ и обрядовъ, о коихъ мы уже говорили и будемъ говорить. Патріархъ Никонъ послушался словъ нашего владыки патріарха и перевелъ служебникъ литургіи съ греческаго языка на русскій, изложивъ въ немъ обряды и проскомидію въ ясныхъ выраженіяхъ, доступныхъ пониманію дѣтей, согласно подлинной греческой обрядности. Онъ напечаталъ этотъ служебникъ въ нѣсколькихъ тысячахъ (экземпляровъ) и роздалъ ихъ по церквамъ всей страны; напечаталъ также болѣе пятнадцати тысячъ антиминсовъ съ письменами и изображеніями, освятилъ мощами святыхъ и также роздалъ ихъ по всей странѣ. Исправилъ многія ошибки, по царскому утвержденію и по-

[1] По англійскому переводу; въ обѣихъ же нашихъ рукописяхъ: „третьимъ".

велѣнію, на основаніи свидѣтельствъ закона и пророковъ. Заключили разсужденія на соборѣ (постановивъ), согласно мнѣнію нашего учителя, что крещеніе ляховъ недозволительно, какъ повелѣвается въ Евхологіи и Законѣ (Номоканонѣ), ибо ляхи вѣруютъ въ Св. Троицу, крещены и не такъ далеки отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, какъ-то: шведы, англичане, венгры [1] и иные франкскіе народы, кои не постятся, не поклоняются ни иконамъ, ни кресту и т. п. Патріархъ Никонъ, такъ какъ онъ любитъ грековъ, выразилъ согласіе (на исправленія) и сказалъ, обращаясь къ архіереямъ и прочимъ присутствующимъ архимандритамъ и священникамъ: „я русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра греческія". Нѣкоторые изъ архіереевъ отвѣтили повиновеніемъ, говоря: „свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства возсіяли намъ изъ странъ Востока"; а нѣкоторые изъ нихъ—ибо во всякомъ народѣ непремѣнно есть люди грубаго нрава и тупого ума—внутренно возроптали, говоря про себя: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле". Однако, они не смѣютъ говорить открыто, ибо гнѣвъ патріарха неукротимъ: (доказательство) какъ онъ поступилъ съ епископомъ Коломенскимъ, ссылая его. Патріархъ утвердилъ рѣшеніе, что крещеніе ляховъ недозволительно. Онъ передалъ нашему владыкѣ патріарху шестерыхъ священниковъ изъ ляховъ, рукоположенныхъ кардиналомъ папскимъ и проживавшихъ въ Вильнѣ. Говорятъ, что они—священники русскихъ, нашей вѣры. Одежда тамошнихъ священниковъ похожа на нашу, но они помнаютъ папу; даже ихъ служебникъ литургійный подобенъ нашему. Когда одинъ изъ царскихъ бояръ, овладѣвъ какимъ-то городомъ, разрушалъ церкви ляховъ и избивалъ ихъ священниковъ, эти умоляли его (о пощадѣ), говоря, что они православные. Онъ послалъ ихъ къ патріарху Никону, чтобы тотъ разсмотрѣлъ ихъ дѣло. Пріѣхавъ (въ Москву), они прожили одиннадцать недѣль, причемъ, по причинѣ множества занятій у патріарха, никто до сихъ поръ не занялся ихъ дѣломъ, пока Богъ не послалъ имъ утѣшеніе чрезъ нашего учителя. Они готовились къ службѣ съ вечера и всю ночь пѣли молитвы.

Въ этотъ день мы взяли ихъ съ собой въ царицыну церковь. Когда нашъ владыка патріархъ подъѣхалъ къ ней, его встрѣтили бояре царицы и уполномоченные царя, состоящіе у нея на службѣ, и повели его вверхъ, гдѣ она находилась. Войдя къ

[1] Авторъ уже во второй разъ называетъ венгровъ лютеранами.

царицѣ, онъ благословилъ ее и ея сына, утѣшалъ (въ ея горѣ) и успокоивалъ. Она была одѣта въ черномъ, по обычаю вдовъ этой страны, даже подушка и коверъ были изъ чернаго шелка. Сынъ сидѣлъ подлѣ нея на позолоченномъ креслѣ, покрытомъ краснымъ бархатомъ, и былъ одѣтъ въ парчевое царское платье съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Затѣмъ мы встали и сошли въ церковь, что во имя Св. Евангелиста Іоанна. Царица пришла съ сыномъ и со всѣми состоящими при ней людьми. Мы облачили нашего владыку патріарха, и онъ совершилъ водосвятіе и окропилъ церковь, царицу, сына ея и всѣхъ предстоящихъ. Затѣмъ мы подвели къ нему двоихъ изъ тѣхъ священниковъ, сняв съ нихъ рясы, пояса и колпаки. Они сдѣлали ему три земныхъ поклона и стали передъ нимъ съ непокрытыми головами, а подлѣ нихъ сталъ драгоманъ. Нашъ владыка патріархъ началъ излагать имъ тайны нашей религіи по порядку и исповѣданію семи соборовъ. Они благословили то, что благословили соборы, и прокляли то, что они проклинали; прокляли затѣмъ всѣхъ еретиковъ и восьмой соборъ. Потомъ заставилъ ихъ прочесть „Вѣрую во единаго Бога“ слово въ слово и далъ приложиться къ иконамъ и кресту; они преклонились до земли, и онъ прочелъ надъ ними положенныя въ Евхологіи молитвы, затѣмъ молитву муропомазанія, и помазалъ ихъ крестообразно только на головѣ. Тогда они, по нашему приказанію, поклонились ему трижды во второй разъ. Мы повели ихъ къ царскимъ вратамъ, и здѣсь они трижды поклонились, равно предъ иконами Господа и Владычицы, (какъ бываетъ) при рукоположеніи. Мы взяли ихъ подъ руки, по обычаю, произнося: „κέλευσον, κελευσάτω, κέλευσον, δέσποτα ἅγιε!“ Владыка благословилъ ихъ и надѣлъ на нихъ стихари и орари только, какъ на дьяконовъ, безъ прочтенія молитвы, и сказалъ каждому изъ нихъ: „да возрадуется душа твоя о Господѣ, ибо Онъ облекъ тебя въ одежду спасенія“ и т. д. до конца. Затѣмъ благословилъ ихъ вторично, и они стали вмѣстѣ съ нами. Кромѣ нихъ, онъ рукоположилъ въ этотъ день дьякона и священника. [Прочтя Евангеліе, я пошелъ и далъ имъ приложиться къ нему, по обыкновенію. Мы также поминали ихъ имена послѣ поминовенія царя, царицы, ихъ сына, дочерей и сестеръ (царя)]. Послѣ великаго выхода, нашъ учитель вышелъ съ крестомъ, они подошли къ нему, и онъ благословилъ ихъ крестомъ, по обыкновенію. Затѣмъ мы привели тѣхъ двухъ іереевъ, и они положили три земныхъ поклона предъ престоломъ. Владыка благословилъ ихъ и надѣлъ на нихъ епитрахили и фелони, произнося при этомъ только стихи, для того

положенные, вручилъ имъ служебникъ литургійный и велѣлъ облобызаться со священниками, по обычаю, и они стали вмѣстѣ съ ними. При выносѣ Даровъ, подошла царица для принятія Св. Таинъ изъ рукъ владыки. Сначала мы вышли съ иконой, и она къ ней приложилась, затѣмъ сдѣлала три земныхъ поклона, а два дьякона держали воздухъ чаши раскрытымъ. По принятіи Св. Таинъ, дали ей антидоръ. По окончаніи службы, мы совершили поминовеніе по ея мужѣ Давидѣ надъ сосудомъ съ кутьей и сосудомъ вина. Потомъ владыка благословилъ ихъ, и мы вышли изъ церкви и вернулись въ свой монастырь. Вслѣдъ за нами царица послала своихъ бояръ съ трапезой, съ царскимъ золоченымъ кубкомъ вина и кувшинами меда и прочаго.

Въ этотъ канунъ воскресенья мы совершили бдѣніе съ большимъ торжествомъ, по случаю празднованія памяти Маріи Египетской.

Въ пятое воскресенье, рано поутру, ударили въ большой колоколъ, и было совершено великое торжество, по случаю именинъ царицы, ибо она родилась 1 апрѣля и названа Маріей. Она имѣетъ обыкновеніе устраивать въ этотъ день ежегодно большой праздникъ и трапезу для вельможъ и ихъ женъ. Такъ было и теперь. Еслибы царь присутствовалъ, то пригласилъ бы весь священный чинъ. Нашъ владыка патріархъ служилъ въ этотъ день обѣдню въ монастырской церкви и рукоположилъ священника и дьякона.

Глава XIII.

Москва.—Лазарева суббота. Вербное воскресенье. Шествіе на осляти.

Въ Лазареву субботу ударили въ колокола съ ранняго утра къ литургіи для тѣхъ, кто постился со вчерашняго дня до сихъ поръ ради причащенія. Московскій патріархъ служилъ обѣдню у царицы въ церкви во имя Лазаря, которая, какъ говорятъ, изъ желѣза. Въ этотъ день крестьяне привезли на саняхъ вѣтви дерева, похожаго на египетскую иву, которое дало почки безъ листьевъ. Его продавали на рынкахъ, и священники покупали его для всѣхъ церквей, чтобы раздавать вечеромъ народу. Обрати вниманіе на промыслъ Создателя и Его заботу о своемъ народѣ въ этой странѣ, ибо, видя, что у нихъ нѣтъ не только маслины, но что даже лѣсныя деревья еще не распускаются, Онъ произрастилъ для нихъ это благословенное дерево съ вѣтвями, какъ будто у настоящей египетской ивы, дабы не было у нихъ недостатка ни въ чемъ въ сравненіи со всѣми прочими христіанами міра.

Вечеромъ ударили въ великій колоколъ къ вечернѣ и звонили въ него вмѣстѣ съ прочими, равно какъ и въ полночь къ утренѣ. Мы встали къ службѣ, въ то время какъ земля дрожала отъ звона въ колокола вечеромъ. Послѣ чтенія Евангелія принесли большіе пуки упомянутыхъ вѣтвей, которыя они называютъ, подобно грекамъ, *вайи*, и утвердили на нихъ свѣчи. Нашъ владыка-патріархъ окадилъ ихъ кругомъ по обычаю, прочелъ положенную молитву, благословилъ и взялъ въ руку одну вѣтвь, послѣ чего священники и кандиловозжигатель начали рѣзать для него вѣтви и къ каждой прикрѣпляли зажженную свѣчу; онъ раздавалъ ихъ всѣмъ присутствующимъ, и они держали вѣтви съ горящими свѣчами непрерывно до третьей пѣсни. Когда чтецъ началъ положенное чтеніе, сѣли и потушили свѣчи, а когда онъ кончилъ, встали и зажгли—до седьмой пѣсни; также зажгли ихъ при девятой. Затѣмъ погасили и вышли изъ церкви, при чемъ каждый несъ вѣтвь въ рукѣ до дому, какъ большое благословеніе. Они хранятъ ихъ отъ года до года Если бы царь присутствовалъ, то патріархъ вручилъ бы ему пальмовую вѣтвь: въ этой странѣ никто, кромѣ царя, не смѣетъ въ сей день держать пальмовую вѣтвь.

Рано утромъ въ Великое Вербное воскресенье зазвонили во всѣ колокола по порядку, ударяя въ каждый поочередно, по обыкновенію, для сбора священниковъ города и всѣхъ горожанъ, ибо праздникъ этого дня у нихъ очень почитается, все равно какъ праздникъ Крещенія. Они съ великою торжественностью празднуютъ эти дни, даже съ бо́льшею, чѣмъ Пасху и Пятидесятницу, какъ мы это видѣли.

Наканунѣ патріархъ (Никонъ) пригласилъ нашего владыку Макарія для совмѣстной съ нимъ службы, а также и на обѣдъ, ибо въ этотъ день у него бываетъ трапеза

Мы отправились къ нему. За недѣлю предъ тѣмъ стрѣльцы стали исправлять путь отъ Великой церкви (Успенскаго собора) до мѣста (церковь Василія Блаженнаго), находящагося внѣ воротъ Кремля. Они сколачивали доски гвоздями, осушали пескомъ грязь, такъ какъ на этой недѣлѣ снѣгъ началъ таять и шелъ дождь.

Когда пробило три часа, патріархъ вышелъ изъ своихъ покоевъ, облаченный въ мантію изъ зеленаго бархата; на ея скрижаляхъ были вышиты херувимъ и серафимъ изъ золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Двѣ крайнія бѣлыя полосы (струи) были изъ бѣлаго мелкаго, чистаго и превосходнаго жемчуга, а средняя, красная, была изъ драгоцѣнныхъ бусъ. На его головѣ

былъ бѣлый клобукъ, подобно митрѣ украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. На клобукѣ крестъ, а спущенные концы его покрыты также золотомъ и драгоцѣнными каменьями.

Еще раньше всѣ діаконы, анагносты и иподіаконы, надѣвъ свои стихари въ патріаршихъ покояхъ, вышли предъ Никономъ со свѣчами и пѣли стихиры въ честь св. Лазаря, направляясь въ церковь, іеродіаконы же окружали его. Войдя въ церковь, патріархъ поднялся на архіерейское мѣсто и помолился, при чемъ всѣ діаконы вмѣстѣ съ пѣвчими пѣли „Достойно есть“, а затѣмъ „Многая лѣта“. Никонъ благословилъ народъ трикиріемъ, сошелъ и приложился, вмѣстѣ съ нашимъ патріархомъ и архіереями, по обычаю, къ образамъ, престолу, Евангелію, кресту и жертвеннику. Затѣмъ они вышли въ нарѳексъ, и всѣ здѣсь облачились.

Послѣ этого патріарху поднесли вѣтвь отъ упомянутаго дерева, онъ взялъ только одну вѣточку, то же сдѣлалъ и нашъ учитель Затѣмъ онъ роздалъ ихъ всѣмъ служащимъ, а потомъ и всѣмъ вельможамъ царскимъ, которые, по случаю торжества праздника, были въ этотъ день одѣты въ одежды изъ золотой парчи. Затѣмъ, сойдя, патріархъ вошелъ въ алтарь и началъ чинъ крестнаго хода. Онъ прочелъ положенную молитву, а архидіаконъ предъ царскими вратами произнесъ большую ектенію, послѣ которой патріархъ сказалъ возгласъ; затѣмъ патріархъ взялъ кадильницу, окадилъ крестъ на престолѣ и, приложившись къ нему, положилъ его на серебряный подносъ, носимый однимъ изъ діаконовъ; онъ кадилъ предъ маленькимъ вызолоченнымъ Евангеліемъ и взялъ его самъ.

Всѣ мы вышли изъ западныхъ дверей храма, сначала хоругви, а потомъ священники, игумены монастырей, числу которыхъ нѣтъ счета

Передъ всѣмъ этимъ крестнымъ ходомъ везли большое дерево, котораго вѣтви украшали съ ранняго утра до настоящаго времени. Къ нимъ привязывали кисти изъ изюма, леденцовъ и множество яблокъ. Потомъ поставили дерево въ сани и крѣпко привязали.[1]

Вокругъ него прикрѣпили доски, на которыя стали въ стихаряхъ шесть маленькихъ анагностовъ, поя очень высокимъ голо-

[1] По словамъ нашего почтеннаго ученаго Ивана Егоровича Забѣлина, извѣстнаго знатока русской исторіи и древностей, экипажъ, на которомъ устраивалась верба, назывался санями, хотя и былъ на колесахъ. См. его *Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіи*, часть 1. Москва, 1872 года, стр. 351.

сомъ стихиры [1] въ честь св. Лазаря. Всѣхъ ихъ везла пара лошадей скорымъ шагомъ.

Съ ранняго утра снарядили 100 отроковъ [2] изъ дѣтей стрѣльцовъ, дали имъ, какъ это у нихъ принято ежегодно, изъ царской казны сто кафтановъ изъ сукна разныхъ цвѣтовъ: зеленаго, краснаго, голубого, желтаго и иныхъ; каждый изъ нихъ надѣлъ кафтанъ и приготовились къ церемоніи. Учить ихъ и руководить ими было поручено особому сотнику.

Потомъ подвели къ патріарху лошадь, всю покрытую бѣлымъ холстомъ, облегавшимъ корпусъ ея подобно рубахѣ, такъ что одни только глаза ея и были видны. Лошадь эта была дрессированная, умная и послушливая, и ее отъ года до года держали наготовѣ для этого дня. На лошади, взамѣнъ сѣдла, было устроено бархатное сѣдалище въ родѣ кресла, обращенное на одну сторону.

Патріархъ Никонъ предложилъ нашему владыкѣ сѣсть на приготовленную лошадь вмѣсто него, но онъ не пожелалъ, дабы, въ качествѣ зрителя, свободнѣе наблюдать удивительный обрядъ, который совершается у русскихъ въ этотъ день и отъ котораго мы пришли въ восхищеніе.

Тогда патріарху подали стулъ, покрытый чернымъ сукномъ, и онъ, при помощи его, сѣлъ на лошадь въ упомянутое сѣдалище [3], свѣсивъ ноги съ одной стороны, и прислонился къ его

---

[1] Въ подлинникѣ, вмѣсто слова „стихиры", стоитъ „гимнъ, восхваленіе"; мы перевели его „стихиры", потому что въ только-что цитированной нами книгѣ И. Е. Забѣлина оно встрѣчается въ параллельномъ описаніи.

Вотъ это мѣсто: „На саняхъ подъ деревомъ за перилами стояли и пѣли *стихиры* цвѣтоносью патріаршіе пѣвчіе, поддъяки меньшихъ станицъ— мальчики лѣтъ двѣнадцати, въ бѣлыхъ одеждахъ".

[2] Число отроковъ, по словамъ почтеннаго автора книги *Домашній бытъ русскихъ царей XVI и XVII ст.* Ив. Ег. Забѣлина, измѣнялось. Онъ говоритъ: „Число стрѣлецкихъ дѣтей, участвовавшихъ въ обрядѣ (шествіи къ церкви Василія Блаженнаго), не всегда было одинаково и увеличивалось или уменьшалось, смотря по обстоятельствамъ. Разумѣется, великолѣпіе въ обстановкѣ обряда болѣе всего зависѣло отъ состоянія погоды. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда вообще въ обрядахъ было менѣе пышности, число дѣтей простиралось отъ 50 до 100; при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оно доходило до 800, а при царѣ Ѳеодорѣ до 1.000 человѣкъ, изъ которыхъ 800 стлали сукна, а 200 кафтаны".

[3] Константинъ Никольскій, авторъ книги „О службахъ Русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ" (С.-Петербургъ, 1885 г.), увѣряетъ, что въ это время, то-есть во второй половинѣ XVII столѣтія, и даже раньше, обрядъ шествія на ослятѣ былъ воз-

спинкѣ; въ правой рукѣ онъ держалъ крестъ, а въ лѣвой Евангеліе.

Вельможи и высшіе государственные чины оказывали ему знаки должнаго почтенія, и всѣ они были одѣты въ парчевое платье съ дорогими каймами, украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Затѣмъ подошелъ царскій намѣстникъ и, взявъ лошадь за длинную узду, повелъ ее, идя передъ патріархомъ медленнымъ шагомъ. Если бы въ это время находился въ Москвѣ царь, то онъ бы самъ правою рукой повелъ патріаршую лошадь, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ. Мы направились по упомянутымъ выше длиннымъ и удобнымъ мосткамъ. Съ обѣихъ сторонъ были выстроены стрѣльцы со своими шестисотенными начальниками.

Упомянутые отроки, по пяти человѣкъ съ каждой стороны пути, спѣшили взапуски разстилать свои кафтаны, одинъ рядомъ съ другимъ, подъ ноги патріаршей лошади, и когда лошадь проходила по нимъ, они быстро поднимали и, забѣжавъ впередъ, снова разстилали ихъ. Это было зрѣлище, смотрѣть которое мы пожелали бы всякому другу [1]. Въ это время всѣ колокола неумолчно гудѣли, такъ что казалось, какъ будто дрожала земля. Патріархъ осѣнялъ крестомъ народъ направо и налѣво, а нашъ владыка шелъ позади Никона, а за нимъ архіерей; высшіе же сановники и патріаршіе бояре, вмѣстѣ со стрѣлецкими начальниками, замыкали шествіе, а также и окружали его съ обѣихъ сторонъ и шли впереди Что наиболѣе привело насъ въ восторгъ, такъ это многочисленные отроки съ разноцвѣтными кафтанами и поспѣшность, съ которою они разстилали ихъ, что они продолжали дѣлать, пока мы не вышли изъ воротъ Кремля и не спустились на площадь.

Архидіаконъ съ другимъ діакономъ поодаль кадили патріарху, въ то время когда онъ ѣхалъ и благословлялъ народъ. Такимъ

становленъ въ надлежащемъ видѣ, то-есть патріархъ въ это время ѣздилъ не отъ Успенскаго собора къ церкви Василія Блаженнаго и обратно, а только возвращался верхомъ отъ послѣдней церкви къ собору.

[1] Вотъ какъ описываетъ это же самое И. Е. Забѣлинъ въ цитированномъ нами выше его трудѣ: „По всему пути во время этого шествія дѣти стрѣльцовъ, мальчики отъ 10 до 15 лѣтъ, постилали передъ государемъ и патріархомъ сукна разныхъ цвѣтовъ, преимущественно красныя и зеленыя. Сукна были сшиты кусками по 6 арш. въ длину и по 4 арш. въ ширину; у каждаго куска дѣтей было по шести человѣкъ, по три съ каждой стороны. Когда одни изъ нихъ разстилали эти сукна, другіе по сукну стлали суконные же однорядки и кафтаны, также яркихъ цвѣтовъ, красные, зеленые, голубые и т. п.“

образомъ крестный ходъ достигъ большого храма, единственнаго въ мірѣ зданія по красотѣ постройки и его архитектурѣ и разноцвѣтной окраскѣ его куполовъ.

Это зданіе составляетъ не одинъ храмъ, а какъ бы нѣсколько соединенныхъ вмѣстѣ. Этотъ храмъ извѣстенъ подъ именемъ церкви Пресвятой Троицы [1]. Приблизившись къ этому храму, шествіе остановилось и упомянутое дерево и хоругви остались внизу передъ входомъ. Патріарху опять подали стулъ, покрытый сукномъ, и онъ сошелъ съ лошади у ступеней лѣстницы и поднялся въ одинъ изъ придѣловъ этого храма, во имя Входа Господня въ Іерусалимъ, ибо всѣ эти придѣлы уподобляются Виѳаніи, а Кремль—Іерусалиму.

Здѣсь былъ совершенъ чинъ крестнаго хода. Патріархъ прочелъ Евангеліе, послѣ чего взялъ крестъ обѣими руками и, держа его прямо, трижды осѣнилъ имъ восточную сторону, при чемъ архидіаконъ окадилъ его трижды, возглашая: „Господу помолимся. Рцемъ всѣ“. Затѣмъ патріархъ обратился съ крестомъ къ тремъ другимъ сторонамъ и также осѣнилъ ихъ, а архидіаконъ также кадилъ ему трижды и повторялъ тѣ же самыя слова. Никонъ, приложившись ко кресту, положилъ его на подносъ и, вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ, приложился къ иконѣ Входа Господня въ Іерусалимъ, послѣ чего прочтенъ былъ отпустъ.

Мы вышли изъ церкви, патріархъ снова сѣлъ на лошадь, и сани съ „древомъ“ и діаконы пошли впередъ; и каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Отроки опять постилали свои платья, пока мы не возвратились въ соборный храмъ, сопровождаемые колокольнымъ трезвономъ. Мы вошли въ храмъ, а съ древомъ остановились передъ южными вратами церкви. Патріархъ взошелъ на архіерейское мѣсто, прочіе же заняли мѣста вокругъ него; начались часы, и обѣдня была окончена рукоположеніемъ священника и діакона.

Затѣмъ взошли на амвонъ, и патріархъ прочелъ поученіе на этотъ день, совершилъ отпустъ и, сойдя, вышелъ изъ южныхъ вратъ храма, и мы съ нимъ. Подойдя къ древу, Никонъ окадилъ и благословилъ его. Двѣ вѣтви, по его приказанію, были отру-

---

[1] Въ древности, до Іоанна Грознаго, на мѣстѣ собора Покрова Пресвятой Богородицы, извѣстнаго болѣе подъ именемъ церкви Василія Блаженнаго, стоялъ деревянный храмъ во имя Пресвятой Троицы Этотъ храмъ замѣненъ былъ, при постройкѣ собора, особымъ придѣломъ также во имя Пресвятой Троицы, который сохраняется и донынѣ въ числѣ верхнихъ придѣловъ.

блены топоромъ однимъ стрѣльцомъ и внесены въ церковь. Здѣсь ихъ разрѣзали на мелкія части и положили на серебряные подносы, вмѣстѣ съ изюмомъ, сахаромъ и яблоками, и патріархъ послалъ это царицѣ, ея сыну, дочерямъ и сестрамъ царя. Остальныя части „древа“ раздѣлилъ между собой народъ.

Русскіе имѣютъ большую вѣру въ означенное „древо“ и берутъ части его съ большимъ благоговѣніемъ. Намъ передавали, что оно приноситъ пользу во всѣхъ болѣзняхъ, въ особенности при зубной боли; если положить кусочекъ его на больной зубъ, то боль проходитъ.

Разоблачившись, мы всѣ пошли съ патріархомъ въ его покои на трапезу, такъ какъ угощеніе въ этотъ день идетъ отъ патріарха.

Прежде всего Никонъ послалъ яства и напитки царицѣ и всему царскому семейству [1] и только послѣ этого онъ сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ нашимъ владыкой, архіереями и всѣми архимандритами, а мы сѣли за трапезу, по правую его руку. Всѣ высшіе государственные чины заняли трапезу налѣво отъ Никона.

Если бы царь былъ въ Москвѣ, то онъ занялъ бы первое мѣсто за столомъ. При уходѣ царь обыкновенно получаетъ 100 золотыхъ динаровъ въ даръ, какъ бы вознагражденіе за свой трудъ, именно за хожденіе въ крестномъ ходу и за то, что онъ велъ поодаль своимъ мизинцемъ за поводъ патріаршую лошадь.

Намъ передавали, что ежегодно эти сто динаровъ царь кладетъ въ свою казну на храненіе на издержки своего погребенія, такъ какъ деньги эти заработаны его собственнымъ потомъ и трудомъ.

Посмотрите на эти обычаи, какъ они прекрасны! Патріархъ дастъ ему также три сорока соболей, два куска бархата и два куска атласа за его хожденіе, въ то время какъ патріархъ ѣхалъ верхомъ.

Затѣмъ въ столовую привели нищихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, безногихъ и поставили для нихъ столъ близъ патріарха; онъ

---

[1] По словамъ И. Е. Забѣлина, кушанья государю и его семейству въ этотъ день посылались патріархомъ не передъ началомъ трапезы, какъ разсказываетъ Павелъ, а по окончаніи ея. Вотъ это мѣсто: „Послѣ стола патріархъ посылалъ къ царю и ко всему царскому семейству со столами, то-есть съ полнымъ количествомъ кушаній, составляющихъ обѣдъ“.

подзывалъ каждаго изъ нихъ, кормилъ и поилъ ихъ съ полнымъ уваженіемъ. При видѣ всего этого, мы почувствовали тошноту.

Наконецъ патріархъ поднялся, ему поднесли тазъ и кувшинъ, и онъ обошелъ нищихъ, умывая, вытирая и лобзая ихъ ноги, всѣмъ по порядку, при чемъ раздавалъ имъ милостыню до послѣдняго. Мы дивились чрезвычайно, глядя на это, и были тронуты до слезъ. Говорили намъ, что таковъ постоянно обычай ихъ царей во время обѣдовъ. За столомъ оставались вплоть до вечера; мы возвратились въ свой монастырь весьма удивленные всѣмъ видѣннымъ.

Что же касается до упомянутыхъ отроковъ, то, когда возвратились и патріархъ вошелъ въ соборъ служить обѣдню, они въ это время ходили къ рѣкѣ, отмыли грязь на своихъ кафтанахъ и, надѣвъ ихъ, стали на дорогѣ, дожидаясь выхода патріарха. Когда онъ, по окончаніи, вышелъ изъ собора, всѣ они громкимъ голосомъ выразили ему свои благожеланія. Онъ приказалъ, по обыкновенію, дать имъ обѣдать, послѣ чего роздалъ каждому по піастру. [1] Они не переставали цѣлый день до самого вечера, стоя предъ домомъ патріарха, пѣть хвалебные гимны. Такая имъ бываетъ радость изъ года въ годъ— получить кафтанъ и піастръ. Кромѣ дѣтей стрѣльцовъ и чаушей, никто изъ отроковъ не смѣетъ принять участіе въ крестномъ ходу, и каждый годъ они исполняютъ свои обязанности поочередно.

Вотъ описаніе того, что мы видѣли изъ удивительныхъ вещей, о братія христіане, въ странѣ московитовъ въ Вербное воскресенье. Да увѣковѣчитъ Господь ихъ царство во вѣки вѣковъ! Аминь.

Глава XIV.

Москва.—Служенія въ среду и четвергъ Страстной недѣли въ Успенскомъ соборѣ.

Въ Великую середу, послѣ чтенія часовъ, патріархъ Никонъ далъ прощеніе и просилъ его у присутствующихъ, взялъ въ руки крестъ и всѣ стали подходить прикладываться ко кресту и просили у него прощенія.

Вечеромъ во всѣхъ церквахъ было отслужено великое повечеріе, ибо русскіе всегда его совершаютъ до кануна Пасхи,

---

[1] Объ этомъ И. Е. Забѣлинъ говоритъ такъ: „Всѣхъ стрѣлецкихъ дѣтей, которые стлали путь, патріархъ приказывалъ также поить и кормить до воли и жаловалъ имъ изъ своей казны по двѣ гривны каждому“.

какъ мы это замѣтили. На этой недѣлѣ у нихъ не бываетъ торговли иной какъ съѣстными припасами. Всѣ они, въ теченіе всѣхъ часовъ службы, предаются молитвѣ съ великою набожностью и благоговѣніемъ, со многими поясными и земными поклонами.

Рано утромъ въ Великій четвергъ ударили въ колокола. Нашъ владыка патріархъ отправился къ Никону, по его приглашенію. Послѣ третьяго часа всѣ изъ патріаршихъ покоевъ направились въ соборъ, гдѣ оба патріарха облачились, по обыкновенію, въ нарѳексѣ Архіереи, настоятели монастырей и прочіе священники въ своихъ облаченіяхъ вышли къ патріархамъ и стали вокругъ Никона въ обыкновенномъ порядкѣ. Еще раньше въ срединѣ храма екклесіархъ поставилъ столъ въ видѣ стольца [1] изъ разноцвѣтнаго франкскаго мрамора о четырехъ деревянныхъ ножкахъ, и покрылъ его парчой съ затѣйливою каймой. На четырехъ его углахъ онъ поставилъ по серебряному вызолоченному подсвѣчнику, а на срединѣ стола—большой серебряный вызолоченный сосудъ, наполненный масломъ, съ гранями и кольцами, за которыя его носятъ,—на подобіе большой чаши или мраморнаго резервуара [2]. Возлѣ него поставилъ серебряный кувшинъ съ виномъ и высокую съ отваломъ чашу, наполненную пшеницей; въ нее было вставлено, по обыкновенію, семь зажженныхъ свѣчей и семь стручцевъ, обернутыхъ ватой Все это было поставлено съ лѣвой стороны, а съ правой положили св. Евангеліе.

Когда патріархъ Никонъ спросилъ у нашего владыки, все-ли въ этомъ обрядѣ сдѣлано какъ слѣдуетъ, тотъ отвѣтилъ: „да, но одного только не хватаетъ“, при этихъ словахъ онъ взялъ кувшинъ съ виномъ и налилъ на масло, какъ велитъ Ветхій Завѣтъ и Святое Евангеліе, гдѣ говорится, что Господь—да будетъ возвеличено имя Его!—излилъ на раны человѣка, впавшаго въ руки разбойниковъ, вино вмѣстѣ съ масломъ. Никонъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и остался доволенъ.

Затѣмъ они начали службу „кандила“, то-есть чинъ елеосвященія. По обыкновенію, пропѣли первые положенные тропари предъ возглашеніемъ ектеніи, патріархъ сошелъ и прочелъ положенную молитву надъ елеемъ, какъ это дѣлается у грековъ; послѣ этого архидіаконъ, взявъ кадильницу, окадилъ елей, говоря: „бла-

---

[1] Такъ въ уставѣ называется квадратный маленькій столикъ, употребляемый въ церкви при нѣкоторыхъ службахъ.

[2] Этотъ сосудъ въ уставѣ имѣетъ особое названіе „кандило“.

гослови, владыко", а патріархъ произнесъ „благословенно"; затѣмъ архидіаконъ возгласилъ положенную ектенію, а патріархъ взошелъ на свое мѣсто. Предъ чтеніемъ Апостола апагностъ произнесъ трижды прокименъ, который былъ пропѣтъ на обоихъ клиросахъ, какъ это у нихъ принято. Прочитавъ Апостолъ, онъ возгласилъ прокименъ Евангелія его гласомъ: это также пропѣли въ сопровожденіи „аллилуія". Таковъ постоянный обычай ихъ, какъ мы объ этомъ говорили, что они не читаютъ ни Апостола, ни Евангелія безъ прокимена, какъ это слѣдуетъ и по уставу. Затѣмъ діаконы поднесли патріарху Евангеліе и архидіаконъ, совершивъ кажденіе, остановился предъ патріархомъ и возгласилъ: „премудрость прости" до конца. Тогда съ патріарха сняли митру, также съ нашего учителя, архіереевъ и архимандритовъ, и онъ прочелъ Евангеліе. Послѣ этого Никонъ сошелъ съ облачальнаго мѣста, ему надѣли митру и онъ прочелъ первую молитву надъ елеемъ. Архидіаконъ въ ектеніи помпналъ имя царя, царицы, ихъ сына, дочерей и сестеръ царя и всѣхъ православныхъ христіанъ. Когда патріархъ окончилъ молитву, въ которой также назвалъ упомянутыя имена, онъ взялъ изъ сосуда съ пшеницей одинъ стручецъ и, благословивъ имъ крестообразно елей, зажегъ его и поставилъ опять на свое мѣсто; затѣмъ, взявъ одну свѣчу, онъ погасилъ ее въ елеѣ и возвратился на свое мѣсто. Нашъ учитель также прочелъ Евангеліе, а я сказалъ ектенію съ именами царствующаго дома, послѣ чего онъ произнесъ молитву надъ елеемъ и, изобразивъ другимъ стручцемъ крестное знаменіе, зажегъ его, потушилъ вторую свѣчу и возвратился на свое мѣсто; то же сдѣлалъ сербскій архіепископъ и другіе архіереи, до седьмого. Послѣ зажженія семи стручцевъ и погашенія семи свѣчей, патріархъ Никонъ сошелъ, имѣя подлѣ себя нашего учителя. Архіереи раскрыли надъ ихъ головами Евангеліе у самаго елея. Затѣмъ онъ взялъ изящную серебряную ложку и мѣшалъ ею елей сверху до низу, чтобы, какъ они думаютъ, благословеніе проникло во всю массу. Потомъ онъ наполнилъ три стеклянные сосуда и одинъ, затѣйливый, серебряный вызолоченный, который приказалъ принести изъ казны, чтобы послать его царю. Благословивъ сосудъ, онъ прочелъ надъ нимъ молитву за здравіе царя и просилъ то же сдѣлать и нашего владыку, который благословилъ сосудъ и прочелъ надъ нимъ молитву. Затѣмъ Никонъ запечаталъ сосудъ и вручилъ его царскому намѣстнику. Позвали сотника, чтобы съ нимъ послать его къ царю Здѣсь же, находясь на своемъ мѣстѣ, Никонъ написалъ царю письмо; запечатавъ его, онъ благословилъ

посланнаго, преклонясь предъ нимъ, что означало желаніе патріарха, чтобы тотъ также поклонился за него царю. Отпустивъ посланнаго, Никонъ обратился къ нашему учителю и оба патріарха взаимно помазали другъ друга елеемъ. Затѣмъ они оба стали съ архіепископомъ сербскимъ, а діаконы предъ ними держали вышеупомянутые три сосуда, и они начали помазывать елеемъ всѣхъ присутствующихъ, отъ архіереевъ и священниковъ до высшихъ членовъ государства и народа, съ соблюденіемъ полнаго спокойствія и тишины.

Когда окончили, они сѣли на короткое время на свои сѣдалища, пока не убрали стольца и стоявшихъ на немъ сосудовъ. У нихъ раньше былъ обычай, въ присутствіи царя, по окончаніи этой службы, удаляться (на время) изъ церкви и затѣмъ опять приходить, но теперь, къ нашему счастью, Богъ внушилъ патріарху, чтобы всѣ вошли въ алтарь для омовенія престола.

Всѣ стали по порядку вокругъ престола и сняли съ него верхнюю парчевую одежду.

Вслѣдствіе сильной любви къ греческимъ обрядамъ, патріархъ Никонъ постоянно посылъ нашего владыку патріарха, чтобы онъ, всякій разъ когда найдетъ какія нибудь неточности въ исполненіи обрядовъ, указывалъ на нихъ и сдѣлалъ, какъ считаетъ правильнымъ. У нихъ въ обычаѣ, при омовеніи престола, снимать только его верхнюю шелковую одежду и вытирать сверху мокрою губкой нижнюю льняную, такъ какъ всѣ престолы у нихъ деревянные. Но нашъ владыка патріархъ приказалъ снять также и нижнюю бѣлую срачицу. Затѣмъ они омыли престолъ губкой, какъ принято. При этомъ Никонъ держалъ въ рукахъ Типиконъ (уставъ) и постоянно въ него заглядывалъ, провѣряя по порядку обрядъ, какъ онъ у нихъ принятъ. Послѣ того какъ вытерли и одѣли престолъ, вышли изъ алтаря и начали часы. Обѣдня была окончена рукоположеніемъ священника и діакона.

Послѣ этого мы вышли въ нарѳексъ для совершенія обряда омовенія ногъ. Здѣсь уже раньше была поставлена длинная скамейка на лѣвой сторонѣ хороса, покрытая большимъ ковромъ, для священнослужителей, представлявшихъ учениковъ Господа. На первомъ мѣстѣ было приготовлено высокое сѣдалище, покрытое также ковромъ; на него посадили нашего владыку на мѣстѣ св. Петра, основателя его престола. Замѣть это совпаденіе—да благословенъ будетъ Творецъ! Ниже, по лѣвую руку, былъ поставленъ стулъ, на который посадили архіепископа сербскаго. Архидіаконъ и другой діаконъ вошли въ алтарь, вывели пер-

вымъ лицо, изображавшее Іуду, и посадили его на высокое сѣдалище подлѣ подсвѣчника, затѣмъ входили и выходили изъ алтаря, ведя попарно архіереевъ и настоятелей монастырей. Начиная отъ царскихъ вратъ, діаконы, держа ихъ подъ руки, дѣлали вмѣстѣ съ ними легкій поклонъ патріархамъ; пройдя шагъ, они наклоняли имъ голову во второй, а пройдя еще, въ третій разъ. Затѣмъ они сажали ихъ на приготовленную скамью. Поставленъ былъ аналой для архидіакона противъ патріарха, внизу, на который тотъ положилъ Евангеліе. Затѣмъ архидіаконъ кадилъ кругомъ, а другой діаконъ произнесъ: „премудрость прости“ и т. д. Архидіаконъ началъ читать Евангеліе и дочелъ до мѣста: „Поставъ съ вечери и положи ризы“ Тогда съ Никона сняли митру и саккосъ, а когда діаконъ дошелъ до мѣста: „И пріемъ лентіонъ, препоясася“, подали ему полотняный передникъ, съ длинными завязками, и привязали ему ихъ крѣпко подъ мышками, крестообразно спереди и сзади Затѣмъ надѣли ему поручи изъ бѣлаго льна, также съ завязками. Далѣе, при словахъ: „потомъ влія воду въ умывальницу“, поднесли патріарху большой серебряный кувшинъ, взявъ который, онъ отлилъ воды въ другой маленькій прекрасный кувшинъ. Предъ нимъ понесли тазъ и онъ началъ умывать ноги сначала лицу, которое изображало Іуду; кончивъ, облобызалъ его ноги и благословилъ его; то же сдѣлалъ съ остальными: омылъ и облобызалъ имъ ноги, и благословилъ ихъ самихъ, пока не дошелъ до нашего владыки патріарха; при этомъ онъ произнесъ извѣстныя слова къ Петру, а переводчикъ переводилъ ихъ слова. Затѣмъ патріархъ взошелъ на свое мѣсто, а архидіаконъ докончилъ чтеніе Евангелія, которое поднесъ патріарху, по обыкновенію. Затѣмъ патріархъ прочелъ другое Евангеліе съ непокрытою головой. Окончивъ чтеніе, онъ сошелъ на средину церкви и сталъ той водой (которой омывалъ ноги) кропить всѣхъ, вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ, кропиломъ изъ свиной щетины, начиная съ архіереевъ и прочихъ священнослужителей, а также бояръ и всѣхъ присутствующихъ.

Народъ толпился около патріарховъ и они окропили издали всѣхъ до послѣдняго.

Послѣ этого патріархъ, взойдя на амвонъ, прочелъ поученіе, положенное на этотъ день, до того пространное, что мы не чувствовали подъ собой ногъ отъ усталости, потому что и безъ того съ ранней зари до сихъ поръ мы все время были на ногахъ. Затѣмъ онъ совершилъ отпустъ, и нѣвчіе пропѣли „многая лѣта“ сначала ему, а потомъ царю, какъ это принято.

Тогда вошли въ алтарь, разоблачились и поздравили другъ друга. Итакъ, мы могли выйти изъ церкви лишь послѣ того, какъ часы пробили одиннадцать. Мы не въ состояніи были придти въ себя отъ усталости и наши ноги подкашивались. Да поможетъ намъ Богъ докончить эту недѣлю! Повидимому, ноги у нихъ изъ желѣза, однако въ этой странѣ нѣтъ иной замѣтной болѣзни, какъ только подагра и непзлѣчимая боль въ ногахъ, начиная съ царей и кончая бѣдняками,—все это происходитъ отъ ихъ продолжительнаго стоянія въ церквахъ.

Большинство мірянъ, мужчинъ и женщинъ, исповѣдуются въ этотъ день въ своихъ приходахъ, гдѣ для нихъ совершается и чинъ освященія елея. Намъ разсказывали, что священникъ кладетъ на аналоѣ предъ исповѣдующимся крестъ, Евангеліе и образъ, чтобы устрашить его и заставить разсказывать по порядку всѣ свои грѣхи. У нихъ не дозволяется исповѣдоваться внѣ храма.

На этой недѣлѣ не открываютъ базаровъ, какъ мы говорили, потому что русскіе заняты исключительно говѣніемъ, безпрерывною молитвой и поклонами. Вечеромъ зазвонили въ колокола и народъ пошелъ слушать повечеріе.

Глава XV.

Москва.—Чинъ омовенія мощей въ Великую пятницу. Чинъ плащаницы въ Великую субботу.

Въ канунъ Великой пятницы, во второмъ часу ночи, ударили во всѣ колокола и встали къ великому бдѣнію. Когда мы вошли въ церковь, всѣмъ присутствующимъ были розданы свѣчи, которыя зажигали при каждомъ Евангеліи. Дьяконъ кадилъ при каждомъ же Евангеліи и возглашалъ: *Премудрость прости* и пр. При третьей пѣснѣ прочли поученіе, равно и при седьмой другое поученіе съ синаксаремъ, но не читали перваго часа. Мы вышли позднею ночью. У нихъ существуетъ обычай, что канонъ не поется, какъ у насъ постоянно, во всѣ дни года, но читается внѣ (алтаря), а поютъ только прмосы.

Въ Великую пятницу ранпимъ утромъ, въ третьемъ часу, ударили въ колокола и мы отправились въ Великую церковь (Успенскій соборъ)

Еще раньше на *хорось* былъ поставленъ огромный столъ, весь покрытый парчевою матеріей. Предъ нимъ стоялъ другой, упомянутый нами вчера, мраморный столъ, покрытый покровомъ, также расшитымъ золотомъ. Между этими двумя столами былъ

оставленъ проходъ. Предъ послѣднимъ изъ нихъ поставлены были три высокіе покрытые аналоя, одинъ возлѣ другого. Затѣмъ на мраморный столъ поставили большіе водосвятные сосуды, изъ которыхъ два были серебряные, съ гранями, на подобіе бассейновъ въ баняхъ [1], съ принадлежащими къ нимъ кувшинами, чашками и другою утварью. На сѣверномъ (лѣвомъ) аналоѣ положенъ былъ кіотъ съ иконами годовыхъ праздниковъ, на которомъ было изображено Распятіе. На правомъ аналоѣ находились Евангеліе и Крестъ.

Когда оба патріарха облачились съ другими архіереями, архимандритами, іереями и діаконами, которымъ не было числа, Никонъ сошелъ (съ облачальнаго мѣста) и мы съ нимъ вышли изъ собора южными дверями храма въ предшествіи хоругвей и свѣчей вмѣстѣ со священниками, которые шли попарно впереди. Архидіаконъ съ другимъ діакономъ кадили ему двумя кадильницами, чрезъ минуту смѣняемые другими двумя, на мѣсто которыхъ они снова являлись. Такъ это продолжалось, пока мы не поднялись въ церковь Благовѣщенія, въ которой находятся мощи всѣхъ святыхъ При этомъ звонили во всѣ колокола, такъ что дрожала земля. Стрѣльцы стояли въ рядъ по обѣимъ сторонамъ. Здѣсь же присутствовали царскій намѣстникъ и всѣ министры. Когда мы вошли въ храмъ, оба патріарха, по обыкновенію, приложились къ мѣстнымъ иконамъ.

Предъ царскими вратами на длинномъ столѣ, покрытомъ парчой, лежали въ порядкѣ небольшіе продолговатые ковчежцы, серебряные вызолоченные. Только по изображеніямъ на нихъ съ надписями можно опредѣлить, какихъ именно святыхъ мощи находятся въ нихъ. Такихъ ковчежцевъ было тридцать пять. Во многихъ изъ нихъ заключаются мощи нѣсколькихъ святыхъ, иконы и имена которыхъ изображены на нихъ съ большимъ искусствомъ Здѣсь же на пятнадцати большихъ фарфоровыхъ блюдахъ находились маленькія иконы, крестики, круглые образки съ сіяніемъ и привѣски, въ которыя также были вложены частицы св. мощей. Далѣе поставлены были десять большихъ

[1] На Востокѣ повсемѣстно въ баняхъ употребляются для мытья довольно большіе каменные бассейны, съ которыми Павелъ сравниваетъ видѣнные имъ сосуды. Эти бассейны высѣкаются изъ цѣльнаго куска крѣпкаго гранита или мрамора и имѣютъ видъ большихъ кубковъ вышиною приблизительно въ 1 метръ, съ круглымъ водовмѣстилищемъ внутри. Съ наружной стороны они бываютъ или совершенно гладки или имѣютъ четыре граненые угла въ видѣ столбиковъ, высѣченныхъ съ бассейномъ изъ одного куска.

иконъ съ отверстіями, гдѣ находились части Св. Животворящаго Креста и животочивое мyро, а также и мощи святыхъ. Вотъ сокровища, находящіяся въ ризницѣ этой церкви. Что же касается драгоцѣнныхъ святынь, которыя заключаются въ сокровищницѣ царя, какъ объ этомъ Никонъ теперь передавалъ нашему учителю, то имъ счету нѣтъ.

Никонъ, взявъ кадильницу, окадилъ вокругъ св. мощей и съ непокрытою головой сталъ прикладываться по порядку къ каждымъ изъ нихъ. То же сдѣлалъ и нашъ учитель, и я, грѣшный, съ нимъ, благодаря Всемогущаго Бога, который сподобилъ насъ удостоиться столь великихъ милостей—воочію узрѣть эти сокровища и честные останки и приложиться къ нимъ въ этотъ день Великой пятницы, ибо никто не удостоивается этой великой чести, кромѣ патріарха и присвоеннаго ему архидіакона, который всегда находится у него по правую руку.

Совершивъ кажденіе предъ святынями, патріархъ взялъ себѣ одну икону, другую вручилъ нашему учителю, а третью—архіепископу сербскому; затѣмъ онъ сталъ раздавать остальное архіереямъ, архимандритамъ и прочимъ священникамъ, пока не роздалъ все.

Оба патріарха, открывая шествіе, вышли изъ церкви съ обнаженными головами, неся на нихъ иконы, а мы съ ихъ митрами шли около нихъ. Предъ патріархами, смѣняясь, кадили діаконы. Архіереи вмѣстѣ съ прочими настоятелями монастырей и священниками слѣдовали позади по два въ рядъ; при этомъ звонили во всѣ колокола.

Толпы народа, обращаясь лицомъ къ святынямъ, палали ницъ во все время продолженія шествія, пока мы не вошли въ Успенскій соборъ, гдѣ патріархъ Никонъ остановился предъ большимъ столомъ, а нашъ учитель возлѣ него.

Прежде всего они поставили въ рядъ иконы на противоположной отъ себя сторонѣ стола, а потомъ, принявъ ковчеги со св. мощами, разставили ихъ кругомъ на столѣ, а посрединѣ его—вышеупомянутыя блюда. Когда все это было уставлено, Никонъ сталъ кадить кругомъ святынь. Снявъ свою митру, онъ пошелъ, въ сопровожденіи всѣхъ священнослужителей, туда, гдѣ находится сокровищница собора и чудесный мѣдный куполъ, гдѣ помѣщается многоцѣнное сокровище.

И въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за сокровище! это ризa Господня, хитонъ Господа Христа—да будетъ прославлено имя Его!—съ которымъ ничто не можетъ сравниться цѣной. Всѣ цари земные

томятся страстнымъ желаніемъ узрѣть эту святыню и облобызать ее.

Екклесіархъ далъ знать звонарямъ и они ударили во всѣ колокола изъ уваженія и почтенія къ этой святынѣ.

Патріархъ съ нашимъ учителемъ помолились предъ позлащеннымъ ковчегомъ, послѣ чего Никонъ окадилъ и понесъ его на головѣ медленнымъ шагомъ. Колокола продолжали звонить, церковь колебалась какъ отъ этого гула, такъ и отъ земныхъ поклоновъ всѣхъ присутствующихъ, ихъ плача и восклицаній: „Господи помилуй“. Дойдя до нарѳекса, Никонъ снялъ съ головы ковчегъ (поставилъ на столъ) и вскрылъ наложенную на него печать царя; отомкнувъ замокъ, онъ вынулъ оттуда нѣчто въ родѣ маленькой и тоненькой золотой книжечки, украшенной многоцѣнными каменьями, и положилъ съ большимъ благоговѣніемъ и трепетомъ на среднемъ аналоѣ, покрытомъ великолѣпными покровами. Такъ какъ эта книжечка была на самомъ дѣлѣ ящичкомъ, то онъ пріоткрылъ немного крышку и оттуда показалась подлинная риза Господня. Онъ окадилъ ее, помолился и, снявъ митру, приложился къ ней. То же сдѣлалъ и нашъ учитель и я, грѣшный, убогій, недостойный коснуться ея устами своими, ни даже взглянуть на нее издалека своими очами. Риза была изъ льняной тонкой матеріи темнаго цвѣта, поражала всѣхъ своимъ блескомъ и святостію, приближавшіеся къ ней трепетали отъ благоговѣйнаго уваженія и страха. Мы благодаримъ Бога,—да будетъ возвеличено имя Его!—Который удостоилъ насъ, недостойныхъ, по Своей благости и по богатству Своей милости и щедротъ, облобызать и узрѣть ее именно въ этотъ день, въ подобный которому Онъ былъ распятъ на крестѣ и воины раздѣляли по жребію его ризы. Грузины утверждаютъ, что воины, которымъ по жребію достался нешитый хитонъ Спасителя, были родомъ грузины. Когда грузины увидѣли чудеса, происходившія въ то время, то они увѣровали и принесли его въ свою страну, проповѣдуя съ нимъ (о Спасителѣ), какъ поступили волхвы. И хитонъ хранился до сихъ поръ въ ихъ ризницахъ. Мы повѣрили имъ, ибо (въ противномъ случаѣ) царица Елена [1] имѣла бы больше правъ на обладаніе ризой Спасителя, также какъ и другіе государи Европы.

Намъ грузины передавали еще, что у нихъ также находится зарытый плащъ Господа въ ризницѣ подъ одною изъ церквей.

---

[1] Рѣчь идетъ, конечно, о царицѣ Еленѣ, матери императора Константина.

Никто не осмѣливается достать его, чтобы посмотрѣть, ибо говорятъ, что огонь, сопровождаемый землетрясеніемъ, выходитъ изъ земли, наводя ужасъ, и сожигаетъ всякаго, кто вытается посмотрѣть на него, какъ это случалось уже много разъ. У грузинъ также сохраняется и хитонъ Божіей Матери. Эти прекрасныя сокровища находились у грузинъ и до сихъ поръ находятся по милости Создателя къ нимъ.

Возвращаемся къ нашему разсказу.

Патріархъ взошелъ на архіерейское мѣсто и всѣ заняли свои мѣста вокругъ него. Начали читать первый часъ,—Никонъ прочелъ Евангеліе, находясь на своемъ мѣстѣ съ открытою головой, по ихъ постоянному обыкновенію, произнося отчетливо каждое слово, при полной тишинѣ Горе тому, кто кашлянетъ, высморкается или плюнетъ въ это время, ибо патріархъ съ тѣмъ круто поступаетъ, а потому народъ держитъ себя замѣчательно спокойно и тихо, несмотря на то, что храмъ постоянно бываетъ переполненъ молящимися обоего пола и дѣтьми. Затѣмъ выступилъ протопопъ и прочелъ поученіе Іоанна Златоуста, положенное на первый часъ.

Когда кончилъ протопопъ, начали третій часъ, нашъ владыка патріархъ прочелъ назначенное на этотъ часъ Евангеліе, а я при этомъ кадилъ.

Послѣ этого вышелъ архидіаконъ и прочелъ поученіе третьяго часа. Начали шестой часъ. Сербскій (архіепископъ) прочелъ положенное Евангеліе, послѣ котораго было прочтено также поученіе. Стали читать девятый часъ, его Евангеліе прочелъ митрополитъ Новгородскій, который, сойдя со своего мѣста, поднесъ Евангеліе патріархамъ для облобызанія, преклонивъ предъ ними голову, послѣ чего было прочтено поученіе этого часа; слѣдовавшій за этимъ отпустъ произнесенъ былъ протопопомъ. Приступили къ чину водосвятія. Начали пѣть канонъ, послѣ чего архидіаконъ произнесъ: „благослови владыко“, а патріархъ: „благословенъ“ и т. д. Начали, по обыкновенію, пѣть канонъ и стихиры. Послѣ Евангелія Никонъ сошелъ и, ставъ предъ приготовленною водой, погрузилъ крестъ въ оба сосуда трижды при пѣніи „Во Іорданѣ“ При пѣніи третьяго тропаря [1] помя-

---

[1] Въ подлинникѣ сказано „при пѣніи третьяго отрывка“. Что именно разумѣлъ Павелъ подъ этими словами, трудно опредѣлить. Изъ дальнѣйшихъ его словъ, что въ этомъ отрывкѣ было упомянуто имя царя, нужно думать, что идетъ рѣчь о тропарѣ Св. Животворящему Кресту. На это мы находимъ указаніе въ приведенномъ въ книгѣ „О службахъ Русской

нали имя царя, послѣ чего патріархъ положилъ крестъ на блюдо.

Протопопъ съ двумя чередными священниками этой церкви стали подносить упомянутые иконы и фарфоровыя блюда патріарху Никону, который погружалъ въ воду святыни и выдающіяся части святыхъ мощей. Затѣмъ подносили ему одинъ за другимъ упомянутые ковчежцы, онъ читалъ имя святого, котораго мощи заключались въ каждомъ изъ нихъ, нѣвчіе же пѣли соотвѣтствующій тропарь, въ то время какъ патріархъ погружалъ въ оба сосуда видимыя части святыхъ мощей и лобызалъ ихъ, потомъ давалъ цѣловать нашему учителю, при чемъ къ нимъ прикладывался и я. Мы разсматривали ихъ и передавали другимъ, которые обтирали ихъ и вкладывали въ ковчеги.

Такимъ образомъ подносили патріарху второй, третій ковчежцы, пока не поднесли всѣ.

Вотъ названія мощей тѣхъ святыхъ, которыя мы могли удержать въ памяти: лопата [1] Іоанна Крестителя; правая длань Евангелиста Марка и пять его перстовъ, которыми онъ начерталъ св. Евангеліе, длань апостола Андрея, локтевая часть руки св. Стефана перводіакона, части мощей апостола Прохора, правая рука Іоанна Златоуста, правая рука царя Константина Великаго, правая рука мученика Ѳеодора Тирона, глава Ѳеодора Стратилата, глава Григорія Богослова, глава мученика Евгенія, глава мученика Христофора съ лицомъ точь-въ-точь какъ у собаки, съ длиннымъ ртомъ; она тверда какъ кремень—нашъ умъ былъ пораженъ изумленіемъ: тутъ нѣтъ мѣста сомнѣнію!—правая рука Ѳеодосія Великаго, нога отца нашего Пимена, частицы мощей свв. Кипріана и Іустины, частицы мощей св. Лукіана, пресвитера великой Антіохійской церкви, частицы мощей муче-

---

церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ", К. Никольскаго, на стр. 284: „чинъ иже омыти мощи святыхъ или крестъ мочити', изъ Потребника 1625 года, гдѣ говорится: „Таже іерей омываетъ мощи святыхъ или крестъ, влагая въ воду, глаголетъ тропарь крещенію, гласъ I. *Во Іордани крещающуся Тебѣ Господи* весь до конца. Таже тропарь Кресту, гласъ I. *Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое*".

[1] Здѣсь очевидно ошибка; въ числѣ частицъ святыхъ мощей, находящихся въ Благовѣщенскомъ соборѣ, дѣйствительно, имѣется частица мощей Іоанна Крестителя. Что же касается до лопаты Іоанна Крестителя, то она не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ. Только иносказательно, въ примѣненіи къ Іисусу Христу, это слово упоминается у Евангелиста Луки, въ проповѣди Іоанна Крестителя (Луки III, 17).

ницы Евгенія,—вотъ св. мощи, названія которыхъ мы могли съ трудомъ сохранить въ памяти и записать. Я имѣлъ большое желаніе записать имена всѣхъ святыхъ (мощи которыхъ мы видѣли здѣсь), но это не удалось мнѣ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, я боялся, чтобы кто-нибудь здѣсь не узналъ о томъ, что я записываю все, что вижу: это дѣло очень не легкое и опасное, такъ какъ русскіе очень осторожны въ подобныхъ случаяхъ: никто изъ нихъ никогда не открываетъ намъ своихъ тайнъ, такъ какъ мы для нихъ чужеземцы и обитаемъ между разными (иновѣрными) народами; во-вторыхъ, вслѣдствіе тѣсноты, бывшей въ это время; притомъ, кто же имѣетъ возможность удержать въ своей памяти тысячи именъ мощей и святыхъ? Вотъ что удалось намъ запомнить. Но, по моему побужденію, нашъ владыка патріархъ спросилъ патріарха Никона, говоря: „есть-ли у васъ списокъ всѣхъ этихъ святынь?“—„Да, отвѣтилъ Никонъ, но онъ находится въ казнѣ царя“.

Возвратимся снова къ нашему разсказу. Что касается частицъ Животворящаго Креста, вставленныхъ въ иконы и висячіе образки, которые находились на тарелкахъ, то число ихъ было значительно.

Погрузивъ частицы въ оба сосуда съ водой, патріархъ, при помощи губки, бывшей у него въ рукахъ, отиралъ съ нихъ пыль и копоть, послѣ чего выжималъ губку въ эту же воду; особенно старательно онъ вытиралъ иконы и висячіе образки. Взявъ въ руки ковчежецъ, въ которомъ находилась Ризa Господня, Никонъ пріоткрылъ его на половину и погрузилъ въ оба сосуда, послѣ чего отеръ его губкой, закрылъ и положилъ на прежнее мѣсто. Затѣмъ, взявъ серебряную кружку, патріархъ сталъ мѣшать воду въ обоихъ сосудахъ, отъ верха до низу, полагая, что только чрезъ это благодать сообщится всей водѣ.

Послѣ этого подошелъ къ патріарху царицынъ управитель съ фарфоровымъ блюдомъ, на которомъ были круглые образки царицы съ лучами [1], кресты и привѣски изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, принадлежащіе царю и царицѣ, ихъ дочерямъ и сестрамъ царя. Никонъ погружалъ ихъ въ воду поодиночкѣ, во-первыхъ для того, чтобы вода ими освятилась, во-вторыхъ, чтобы омыть и очистить отъ пыли частицы Животворящаго Древа, которыя были въ большинствѣ этихъ крестовъ и образковъ. Омывъ ихъ такимъ образомъ, патріархъ снова положилъ ихъ на блюдо, которое управитель унесъ обратно.

---

[1] Въ подлинникѣ: солнца.

Затѣмъ ему поднесены были серебряные сосуды малые и большіе, и онъ наполнилъ ихъ этою святою водой и послалъ царицѣ, ея дочерямъ и сестрамъ царя и всѣмъ ихъ приближеннымъ. Но прежде всего Никонъ наполнилъ серебряный сосудъ прекрасной работы, запечаталъ его и отдалъ царскому намѣстнику, а этотъ подозвалъ одного изъ сотниковъ, передалъ ему письмо вмѣстѣ съ сосудомъ, съ которымъ тотъ немедленно отправился къ царю. Патріархъ наполнилъ также одинъ сосудъ и для нашего владыки патріарха, который мы сохранили съ большою радостью. Затѣмъ онъ налилъ святой воды въ особые сосуды для высшихъ государственныхъ сановниковъ.

Послѣ этого онъ пошелъ въ нарѳексъ и сталъ вмѣстѣ съ нашимъ патріархомъ, держа въ рукахъ крестъ. Къ нему начали подходить сперва архіереи и архимандриты, потомъ высшіе сановники. Онъ давалъ имъ лобызать крестъ, а нашъ патріархъ окроплялъ ихъ святою водой. Потомъ всѣ подходили съ полнымъ благоговѣніемъ и смиреніемъ къ ковчегамъ со святыми мощами, которыя находились кругомъ на столѣ, и прикладывались къ нимъ.

Послѣ этого подходили іереи, діаконы, монахи и всѣ присутствующіе въ храмѣ. Затѣмъ Никонъ обнажилъ голову, также какъ и нашъ учитель и прочіе архіереи и архимандриты; окадивъ ковчегъ съ Ризой Спасителя, онъ понесъ его на головѣ, при чемъ данъ былъ знакъ звонарямъ, которые звонили во всѣ колокола, пока Никонъ, идя медленнымъ шагомъ, не донесъ Ризы до ея прежняго мѣста, при пѣніи *Святый Боже*. Здѣсь онъ запечаталъ внутренній ковчегъ и, положивъ его въ другой вызолоченный, заперъ на замокъ, запечаталъ снаружи и поставилъ его [1]. Онъ окадилъ ковчегъ и помолился на него вмѣстѣ съ нашимъ владыкой патріархомъ, затѣмъ они вошли, взяли поставленный здѣсь покрытый столъ, предварительно окадивъ его. На этомъ столѣ постоянно находится упомянутый ковчегъ, предъ которымъ горятъ лампады и который уподобляется Гробу Господню въ настоящемъ храмѣ Воскресенія.

Никонъ съ нашимъ патріархомъ понесли этотъ столъ спереди, а архіереи сзади и съ боковъ, пока не дошли до мѣста предъ царскими вратами, гдѣ и поставили его вдоль отъ вратъ алтаря

---

[1] Въ подлинникѣ сказано „на его мѣсто“, но это очевидно ошибка, ибо изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что столъ, на которомъ постоянно находился ковчегъ съ Ризой Господней, былъ тотчасъ же отнесенъ на средину церкви для возложенія на него плащаницы.

къ средпнѣ церкви предъ столомъ, на которомъ находились ковчеги со св. мощами. На этотъ столъ возлагается плащаница. Послѣ этого они вошли въ алтарь и взяли съ престола плащаницу, на которой золотомъ вышито было: снятіе Господа со Креста, Іосифъ, Никодимъ, Пресвятая Дѣва и жены. Они понесли ее на головахъ. Выйдя изъ алтаря, плащаницу положили на упомянутомъ столѣ, главою къ западу, а ногами къ востоку. Патріархъ (Никонъ), взявъ кадильницу, снова окадилъ ее и приложился къ ней вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ и прочими священнослужителями. Послѣ этого онъ взошелъ на архіерейское мѣсто, а остальные стали вокругъ него и началась вечерня. Четыре діакона, держа въ рукахъ большія серебряныя рипиды на такихъ же длинныхъ древкахъ, стали возлѣ стола по-двое съ каждой стороны. Они искусно производили надъ плащаницей крестъ-на-крестъ вѣяніе рипидами, подобно ангельскимъ крыльямъ. Когда двое первыхъ діаконовъ останавливались, другіе два вѣяли у ногъ; этимъ они уподобляются ангеламъ, вѣющимъ своими крыльями. Мы пришли въ удивленіе, поразились и заплакали, смотря на всѣ эти обычаи. Кругомъ въ рядъ стояли съ хоругвями, крестами и свѣчами. Предъ Входомъ священники по-парно брали киронъ [1] и принимали участіе во Входѣ. Войдя въ алтарь, оба патріарха вмѣстѣ со всѣми ними пропѣли *Свѣте тихій* [2]. Чтецъ прочелъ пареміи, а патріархъ Евангеліе на праздникъ, послѣ чего была совершена остальная часть вечерни, въ концѣ которой патріархъ вышелъ изъ алтаря и прочелъ отпустъ. Пѣвчіе пропѣли многолѣтіе. Патріархъ, взявъ кадильницу, кадилъ вокругъ ковчеговъ со св. мощами и роздалъ ихъ всѣ до послѣдняго архіереямъ и священникамъ. Никонъ съ нашимъ учителемъ съ обнаженными

[1] На Востокѣ всѣ священники, находящіеся въ церкви во время службы, наканунѣ воскресенья и большихъ праздниковъ, предъ малымъ Входомъ дѣлаютъ земные поклоны предъ царскими вратами, и если въ храмѣ присутствуетъ архіерей или патріархъ, то они подходятъ къ нему подъ благословеніе и затѣмъ, облачившись въ алтарѣ только въ епитрахиль и фелонь, принимаютъ участіе въ маломъ Входѣ и въ пѣніи *Свѣте тихій*. Эти земные поклоны предъ царскими вратами и подхожденіе подъ благословеніе къ архіерею называется „киропъ“. Кстати замѣтимъ, что когда при этомъ въ храмѣ отсутствуетъ патріархъ или архіерей, то духовенство, послѣ поклона иконамъ, кланяется архіерейскому мѣсту, которое по большей части бываетъ у послѣдней правой колонны предъ алтаремъ.

[2] На Востокѣ, когда въ маломъ Входѣ участвуетъ не одинъ только священникъ, а нѣсколько, то пѣніе *Свѣте тихій* начинается всѣми среди церкви (на „хоросѣ“) и продолжается священнослужителями при шествіи въ алтарь, гдѣ и оканчивается.

головами открыли шествіе, неся тѣ же самыя иконы, которыя они вносили сюда, и мы направились въ церковь Благовѣщенія, при чемъ былъ звонъ во всѣ колокола

Войдя въ церковь, все принесенное положили опять на томъ же столѣ, откуда взяли. Никонъ окадилъ святыни, и всѣ мы помолились предъ ними, послѣ чего вышли изъ церкви и возвратились въ соборъ, гдѣ мы сняли свои облаченія.

Мы вышли изъ церкви только въ двѣнадцатомъ часу [1].

Мы умирали отъ усталости, ноги наши подламывались отъ безпрерывнаго стоянія съ ранняго утра до вечера. Но миръ Божій да почіетъ на мірянахъ, мужчинахъ, женщинахъ, лѣтяхъ и дѣвушкахъ за ихъ терпѣніе, стояніе, и твердость съ ранняго утра до сихъ поръ!

Когда мы возвращались въ свой монастырь, священники, выйдя изъ собора, отправились по своимъ приходамъ. Мало имъ было (сегодняшняго стоянія). Заблаговѣстили къ вечернѣ, и они пошли въ храмы со своими прихожанами. Въ Успенскомъ соборѣ также ударили въ колоколъ къ повечерію.

Вещи достойныя изумленія! Какихъ удивительныхъ обычаевъ и поразительныхъ подвиговъ мы были свидѣтелями среди этого народа! Что за крѣпость въ ихъ тѣлахъ и какія у нихъ *желѣзныя* ноги! Они не устаютъ и не утомляются. Всевышній Богъ да продлитъ ихъ существованіе!

На зарѣ въ субботу свѣта [2] ударили въ колокола, и мы пошли въ соборъ. Патріархъ Никонъ, прочтя молитвы утрени, вошелъ въ алтарь, и мы съ нимъ, и всѣ облачились. Прочіе служащіе окружили его. Затѣмъ ему подали зажженныя тройныя свѣчи; онъ взялъ одну изъ нихъ себѣ, а другую передалъ нашему владыкѣ патріарху, потомъ роздалъ свѣчи архіереямъ и архимандритамъ, которые, подходя попарно, вмѣстѣ кланялись до и послѣ врученія имъ (свѣчей); а также роздалъ свѣчи намѣстнику царя и всѣмъ государственнымъ сановникамъ.

Послѣ этого архидіаконъ передалъ ему кадильницу, и онъ сошелъ и кадилъ вокругъ иконы праздника, положенной посреди̇нѣ (церкви) на аналоѣ; на ней было изображено распятіе, а также снятіе со креста. Затѣмъ онъ кадилъ вокругъ плащаницы. При этомъ передъ нимъ шелъ архидіаконъ со свѣчей и анагносты

---

[1] По восточному счисленію, т. е. за часъ до заката солнца.

[2] Авторъ называетъ Великую субботу субботой свѣта, потому что въ этотъ день въ храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ, какъ извѣстно, сходитъ небесный огонь.

со свѣчами въ серебряныхъ подсвѣчникахъ; большіе же (діаконы) поддерживали его подъ руки и еще анагностъ несъ за нимъ серебряный сосудъ съ ладаномъ. Потомъ онъ вошелъ въ алтарь, окадилъ престолъ и же твенникъ и, выйдя, окадилъ патріарха, архіереевъ и прочихъ предстоящихъ на обѣ стороны, до послѣдняго, взошелъ на архіерейское мѣсто и кадилъ всѣмъ присутствующимъ сверху, при чемъ они кланялись ему, а также окадилъ анагностовъ.

Тогда вышелъ нашъ учитель и сдѣлалъ то же вполнѣ по *ихъ* чину; я же шелъ передъ нимъ со свѣчей, пока онъ не возвратился. Намъ было очень трудно, прежде чѣмъ мы ознакомились съ ихъ чиномъ, особливо при незнаніи ихъ языка. Потомъ онъ окадилъ плащаницу, образъ и патріарха вторично и сталъ на своемъ мѣстѣ. Послѣ этого вышелъ архіепископъ сербскій, сдѣлалъ то же и возвратился.

Затѣмъ вышли два митрополита съ двумя кадильницами и кадили вмѣстѣ вокругъ образа и плащаницы, одинъ противъ другого; они раздѣлили церковь: одинъ (взялъ) всю правую сторону, а другой всю лѣвую. Кончивъ, они окадили другъ друга крестообразно. Это сладостное зрѣлище привело насъ въ умиленіе. То же сдѣлали прочіе.

Затѣмъ патріархъ Никонъ сошелъ и приложился къ иконѣ и плащаницѣ вмѣстѣ съ другими. Вошли въ алтарь, сняли облачелія, надѣли мантіи и, выйдя, стали внѣ (алтаря): патріархъ Никонъ на своемъ (патріаршемъ) мѣстѣ, а нашъ учитель вмѣстѣ съ архіереями у столба, гдѣ обыкновенно становился царь, ибо въ этой странѣ въ церквахъ совершенно не бываетъ хороса со стасидіями; но священники стоятъ на ногахъ рядами, лицомъ къ востоку; нѣтъ ни сидѣній, ни чего-либо, на что можно бы облокотиться, а стоятъ свободно. Въ это время дьяконы вѣяли рипидами надъ плащаницей.

Затѣмъ прочли четыре чтенія, положенныя на этотъ день, и совершили остальную часть утрени до *Святый Боже* Оба патріарха вошли въ алтарь со всѣми священниками и облачились вторично. Патріархъ Никонъ сталъ кадить вокругъ престола, вторично роздалъ свѣчи присутствующимъ и, выйдя (изъ алтаря), окадилъ плащаницу и понесъ ее вмѣстѣ съ нашимъ владыкой патріархомъ, идя впереди, а архіереи шли вокругъ него. Внесли ее въ алтарь и положили на престолъ. Патріархъ окадилъ ее вторично, взялъ въ одну руку Евангеліе и понесъ съ нашимъ учителемъ плащаницу, держа ее другою рукой. Они обошли съ

ней кругомъ престола и вышли изъ дверей сѣвернаго алтаря, гдѣ жертвенникъ.

Дьяконы шли впереди съ хоругвями и свѣчами, мы же несли короны (митры) патріарховъ, вмѣстѣ съ дьяконами митрополитовъ, которые несли ихъ митры, и съ настоятелями монастырей. Мы вышли изъ западныхъ дверей церкви и обошли кругомъ ея только одинъ разъ по деревяннымъ мосткамъ, кои были сдѣланы нарочно для этого случая. При этомъ всѣ пѣли *Святый Боже.*

Мы вошли въ тѣ же двери, при чемъ восемь діаконовъ имѣли каждый по кадильницѣ, и четверо изъ нихъ кадили обоимъ патріархамъ и плащаницѣ впереди, перемѣнялись [1], а другіе четверо кадили также сзади. Затѣмъ положили плащаницу на свое мѣсто предъ алтаремъ. Патріархъ опять окадилъ ее и взошелъ на свое мѣсто, а служащіе стали передъ нимъ кругомъ, по обыкновенію. Потомъ, сойдя, онъ опять окадилъ ее, а также церковь, служащихъ и всѣхъ предстоящихъ. То же было сдѣлано нашимъ учителемъ и архіепископомъ сербскимъ въ точности, по примѣру Никона.

Затѣмъ вышли архіереи и кадили по два вмѣстѣ, какъ прежде. Патріархъ сошелъ, приложился вмѣстѣ со всѣми къ плащаницѣ и вошелъ въ алтарь. Послѣ этого стали подходить государственные сановники и прочіе люди и прикладывались къ плащаницѣ, по обыкновенію. Послѣ чтенія паремій и апостола, патріархъ прочелъ Евангеліе на престолѣ, благословилъ народъ и совершилъ отпустъ. Сняли облаченія; мы вышли изъ церкви и вернулись въ свой монастырь при восходѣ солнца.

Патріархъ сообщилъ въ этотъ день нашему учителю о царѣ, что онъ проведетъ праздникъ въ Смоленскѣ, что онъ намѣренъ идти оттуда противъ ляховъ 9 мая и что теперь собралось у него 600 тысячъ войска.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ этотъ день вышли отъ обѣдни только къ вечеру. Мы не ходили къ нимъ по причинѣ сильной усталости, ибо, Богъ свидѣтель, мы вернулись сегодня больными, будучи не въ состояніи двигаться, въ особенности я, бѣдный, былъ боленъ нѣсколько дней. Но мы не избавились отъ обѣдни, такъ какъ патріархъ прислалъ къ нашему учителю двухъ (ставленниковъ); онъ отслужилъ литургію въ монастырской церкви и рукоположилъ одного въ іерея, другого—во діакона. Вечеромъ ударили въ колокола къ молитвѣ на сонъ грядущимъ.

---

[1] По тексту неясно, какимъ образомъ происходила эта перемѣна или чередованіе.

Глава XVI.

Москва. — Свѣтлое Воскресеніе. Обычай христосоваться. Закрытіе питейныхъ домовъ.

Въ полночь подъ Великое Воскресенье Пасхи, которая была пятнадцатаго апрѣля, раздался по городу колокольный трезвонъ во всѣхъ церквахъ, такъ что земля задрожала и поколебалась. Народъ, по обыкновенію, повалилъ въ свои приходскіе храмы слушать пасхальную службу, которая была окончена задолго до разсвѣта.

Что же касается Великой церкви (Успенскаго собора), то въ ней ударили въ колокола только за три часа до зари. Мы отправились туда.

Пришелъ патріархъ и всѣ вошли въ алтарь облачаться. Никонъ роздалъ свѣчи всѣмъ священнослужителямъ, послѣ чего духовенство, обойдя престолъ крестнымъ ходомъ, вышло изъ двери алтаря, гдѣ жертвенникъ, и чрезъ сѣверныя двери храма направилось къ западной каѳолической (главной), гдѣ и остановилось. Здѣсь былъ совершенъ, по обыкновенію, чинъ Воскресенія. Затѣмъ патріархъ отворилъ двери и всѣ вошли въ храмъ. Никонъ взошелъ на архіерейское мѣсто, а остальные заняли свои мѣста въ хоросѣ и стали пѣть пасхальный канонъ.

Однако есть большая разница между этою службой и службой грековъ, и тѣмъ блескомъ, шумомъ, радостью и ликованіемъ, которые бываютъ при этомъ въ нашей странѣ [1]. Сойдя съ архіерейскаго мѣста, патріархъ, имѣя въ рукѣ крестъ, окадилъ Евангеліе и икону Воскресенія, положенныя на двухъ аналояхъ посреди церкви. Затѣмъ онъ кадилъ въ алтарѣ, а потомъ предъ мѣстными иконами, а также окадилъ весь храмъ и всѣхъ присутствовавшихъ. Когда онъ возвратился на свое мѣсто, нашъ учитель сдѣлалъ то же самое. При этомъ я шелъ предъ нимъ со свѣчей. То же дѣлалъ и сербскій (архіепископъ), послѣ котораго кадили также другіе архіереи по-двое, держа кресты въ рукахъ. Предъ пѣніемъ седьмой пѣсни канона, протопопъ прочелъ синаксарь. При эксапостиларіи всѣ анагносты взошли на

[1] На Востокѣ и до сихъ поръ на первый день Пасхи предъ началомъ утрени, когда въ первый разъ раздается пѣніе: „Христосъ Воскресе“ и отворятся западныя двери, выходящія обыкновенно на паперть съ однимъ только навѣсомъ, въ толпѣ происходитъ шумъ и радостные клики и нерѣдко слышатся среди нея ружейные и пистолетные выстрѣлы.

амвонъ и пропѣли его торжественнымъ напѣвомъ, а при девятой пѣснѣ патріархъ опять кадилъ.

Затѣмъ всѣ вошли въ алтарь. Никонъ снялъ свой саккосъ, который очень трудно было носить вслѣдствіе его тяжести. Онъ сдѣлалъ его недавно изъ чисто-золотой парчи желто-орѣховаго цвѣта. Аршинъ ея стоитъ болѣе 50 динаровъ (рублей). Кругомъ подола, рукавовъ и боковъ на этомъ саккосѣ шла кайма шириной въ четыре пальца изъ крупнаго жемчуга, величиною съ горохъ, въ перемежку съ кистями и драгоцѣнными каменьями. Такое же украшеніе было и на груди саккоса въ видѣ эпитрахиля сверху до низу. Никонъ предложилъ намъ поднять его и мы не могли этого сдѣлать. Разсказываютъ, что въ немъ пудъ жемчуга, то есть тринадцать стамбульскихъ окъ. Говорятъ, этотъ саккосъ обошелся въ 30.000 динаровъ.

У Никона не одинъ такой саккосъ, но болѣе ста, перешедшихъ къ нему съ древнѣйшаго времени, и онъ заказываетъ еще новые, какъ мы скажемъ объ этомъ впослѣдствіи.

Затѣмъ патріархъ надѣлъ другой легкій саккосъ, чтобы немного отдохнуть. Взявъ въ правую руку одинъ крестъ, онъ далъ другой нашему учителю, сербскому же архіепископу вручилъ Евангеліе. Всѣ они стали въ рядъ лицомъ къ западу. Московскій патріархъ началъ обходить всѣхъ. Онъ приложился ко кресту, который держалъ нашъ учитель, и облобызалъ его самого въ уста, говоря: „Христосъ воскресе“. Въ это время архимандриты, имѣя въ рукахъ иконы, стояли въ одномъ ряду съ архіереями.

Облобызавшись со всѣми, Никонъ сталъ во главѣ То же самое сдѣлалъ нашъ учитель, цѣлуя въ уста всѣхъ и говоря: „Христосъ воскресе“, послѣ чего онъ возвратился и сталъ около Никона. То же дѣлали архіереи, а послѣ нихъ архимандриты.

Затѣмъ вышли и стали въ обычномъ порядкѣ въ нарѳксѣ. Патріарху поднесли въ коробахъ красныя яйца. Первому Никонъ далъ нашему учителю три яйца когда съ нимъ похристосовался, затѣмъ далъ архіереямъ по два и архимандритамъ съ іереями каждому по одному яйцу, когда ихъ обходилъ.

Затѣмъ стали подходить къ патріарху высшіе сановники и, цѣлуя крестъ и его правую руку, говорили „Христосъ воскресе“. За ними подходили монахи и всѣ присутствовавшіе въ церкви. Нѣкоторые подносили патріархамъ при этомъ яйца, а другимъ, бѣднымъ, патріархи давали сами. Разсказываютъ, что когда царь здѣсь присутствуетъ, то онъ самъ изъ своихъ рукъ

раздаетъ всѣмъ яйца, и всякій, кто получаетъ отъ него яйцо, хранитъ его въ своемъ домѣ какъ святыню, полученную изъ царскихъ рукъ. Въ теченіе всей жизни они сохраняютъ въ цѣлости эти получаемыя ежегодно яйца.

Послѣ христосованія патріархи вошли въ алтарь съ прочими служащими, и когда діаконъ произнесъ ектенію *Помилуй насъ, Боже* и т. д., патріархъ прочелъ на престолѣ Евангеліе, назначенное читать въ пасхальную заутреню [1]. Затѣмъ, выйдя на амвонъ, онъ прочелъ поученіе и совершилъ отпустъ.

Послѣ этого всѣ вошли въ алтарь и сняли свои облаченія.

Мы вышли изъ церкви при восходѣ солнца. Намъ пришлось здѣсь быть свидѣтелями явленій, которыя приводили насъ въ изумленіе. Русскіе не прекращаютъ класть земные поклоны во все время до Пятидесятницы, хотя это не дозволяется, но таковъ ихъ обычай.

Полезная замѣтка. Пріѣхалъ сюда одинъ изъ греческихъ архіереевъ, философъ, извѣстный своими познаніями и діалектикой. Есть обычай у московитовъ предлагать трудно разрѣшимые вопросы такимъ лицамъ и всячески испытывать ихъ, а потому и вышеупомянутаго архіерея они спросили, почему употребляются красныя яйца во время Пасхи и есть-ли на это указаніе въ священномъ писаніи. Онъ привелъ въ отвѣтъ свидѣтельство пророка глаголющаго: „Кто сей, пришедый отъ Эдома, червлены ризы его отъ Восора“ [2]. Услышавъ этотъ прекрасный отвѣтъ они замолчали.

Философъ Лигаридъ, митрополитъ Газскій, ученый изъ Рима [3], спрошенный нами о томъ же, сказалъ: это потому, что Марія

---

[1] Я нигдѣ не могъ найти указанія на то, что въ то время въ пасхальную заутреню читалось Евангеліе. Въ „Русской Исторической Библіотекѣ, издаваемой археографическою комиссіей“ и въ книгѣ К. Никольскаго „О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ“ ничего объ этомъ не говорится. На Востокѣ, какъ извѣстно, Евангеліе читается въ пасхальную заутреню предъ пѣніемъ пасхальнаго канона на паперти, предъ неоткрытыми еще западными дверями.

[2] Исаія, гл. LXIII, стихъ 1.

[3] Слова „ученый изъ Рима“ есть дословный переводъ арабскаго подлинника, но по данному ниже Лигаридомъ отвѣту и по сложившемуся общему мнѣнію относительно его убѣжденій, которое, повидимому, раздѣлялъ и Павелъ, намъ кажется, можно придать этому мѣсту значеніе: „придерживающійся римскихъ или западныхъ воззрѣній“.

Магдалина пріѣхала въ Римъ жаловаться Кесарю на Пилата въ платьѣ, обрызганномъ кровью Христа.

Къ нынѣшней Пасхѣ повѣсили въ соборѣ десять люстръ, или поліелеевъ, изъ желтой мѣди, нѣмецкой работы, рѣдкостныхъ по своей рѣзьбѣ и другимъ украшеніямъ. Подсвѣчники каждой люстры особаго фасона и лучшіе изъ нихъ имѣютъ форму морскихъ раковинъ. Люстры большія, съ гранями, и каждая изъ нихъ будетъ больше шатра. Всѣ онѣ приводятъ въ удивленіе умъ смотрящихъ на нихъ. Стоимость каждой изъ этихъ люстръ 500 динаровъ. Четыре изъ нихъ были повѣшены предъ дверями алтарей, но не на срединѣ, куда предназначалась особая серебряная люстра, и четыре подъ каждой изъ четырехъ арокъ нароекса. Каждая люстра имѣетъ четыре красивыхъ яруса свѣчей. Остальныя двѣ люстры изъ десяти привѣшены въ двухъ куполахъ.

Въ день Пасхи, послѣ третьяго часа, заблаговѣстили въ Успенскомъ соборѣ. Нашъ владыка патріархъ отправился въ палаты патріарха Никона и потелъ вмѣстѣ съ нимъ къ царицѣ для принесенія ей поздравленія. Они взяли съ собою крестъ и святую воду. Дойдя до дверей царицы, попросили дозволенія и вошли. Патріархъ Никонъ прочелъ молитву *Спаси Господи люди твоя*, въ которой упомянулъ имена всѣхъ святыхъ вмѣстѣ съ безсребрениками и молился за царя, царицу, ея сына, дочерей, сестеръ царя, за весь царствующій домъ и состоящихъ при нихъ, затѣмъ онъ окропилъ святою водой покои и царицу и далъ ей приложиться ко кресту, благословилъ ее и поцѣловалъ у нея правую руку, окропилъ ея сына, дочерей и сестеръ царя и благословилъ ихъ. То же самое сдѣлалъ и нашъ владыка патріархъ.

Затѣмъ она пригласила архіереевъ, стоявшихъ внѣ (въ сѣняхъ). Войдя, они земно кланялись ей, цѣловали ея правую руку и благословляли. То же дѣлали и архимандриты, какъ объ этомъ разсказалъ намъ послѣ нашъ учитель.

Отъ царицы патріархи пошли въ соборъ, гдѣ приложились, по обыкновенію, къ (мѣстнымъ) иконамъ. Ударили во всѣ колокола къ обѣднѣ.

Въ этотъ день патріархъ былъ одѣтъ въ одежду изъ рытаго краснаго бархата, длинную, до земли, съ узкими рукавами, по принятому у нихъ покрою. Сверхъ этой одежды на немъ была надѣта мантія зеленаго бархата, а (на головѣ) клобукъ, о которыхъ мы упоминали раньше На ногахъ у него была зеленая

обувь. Во все это время мы часто видѣли на немъ обувь или сапоги зеленаго, голубого или краснаго цвѣта. Подобную обувь носитъ не одинъ онъ, но и большинство монаховъ, священниковъ и монахинь, которые щеголяютъ башмаками и сапогами зеленаго цвѣта, ибо большая часть обуви, привозимой сюда персидскими купцами, бываетъ зеленаго цвѣта. Такую же обувь носятъ и многіе изъ свѣтскихъ людей. Какая это прекрасная обувь!

При облаченіи обоихъ патріарховъ, Никонъ надѣлъ саккосъ св. Сергія, патріарха Константинопольскаго, и далъ надѣть нашему владыкѣ патріарху саккосъ св. Фотія, также патріарха Константинопольскаго. Говорятъ, что эти саккосы были присланы впослѣдствіи, какъ благословеніе русскимъ, греческими императорами и патріархами того времени. Они изъ голубого атласа, снаружи и снутри всѣ расшиты золотомъ; спереди и сзади на нихъ вышиты иконы Господскихъ праздниковъ и изображенія многихъ святыхъ. Всѣ надписи именъ сдѣланы по-гречески. На каждомъ саккосѣ кругомъ, по краямъ боковъ и на подолахъ, вышитъ золотомъ весь Символъ Вѣры большими буквами. Поэтому и на всѣхъ саккосахъ Никона имѣются надписи, вышитыя золотомъ или низаныя крупнымъ жемчугомъ [1].

Стихари у нихъ имѣютъ четыре надставки изъ иной матеріи, чѣмъ та, изъ которой они сдѣланы, именно: рукава, четыреугольное оплечье и подолъ внизу Стихаря, такъ сшитые, очень красивы. Фелони у русскихъ священниковъ дѣлаются очень широкія, большія, низъ ихъ назади закругленъ какъ бы по циркулю, и онѣ имѣютъ оплечья изъ особой матеріи и непремѣнно широкую надбавку въ видѣ каймы внизу кругомъ края подола.

У стихарей, надѣваемыхъ въ большіе праздники, рукава и заплечья, обыкновенно, бываютъ или унизанные жемчугомъ или густо вышитые золотомъ. Такимъ же образомъ украшаются и надставки на праздничныхъ фелоняхъ. Они щеголяютъ шитьемъ, украшеніями изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ и малень-

---

[1] Въ „Указателѣ для обозрѣнія Московской патріаршей ризницы и библіотеки“ архим. Саввы (Москва, 1858) не упоминается о саккосахъ константинопольскихъ патріарховъ свв. Сергія и Фотія ни между тѣми, которые теперь находятся здѣсь на лицо, ни въ числѣ тѣхъ, которые въ разное время были розданы или утратились.

Изъ находящихся въ ризницѣ указывается на два саккоса митрополита Фотія, кои по описанію сходны съ названными Павломъ. О нихъ въ описи 1686 года говорится, что Фотій митрополитъ, поставленный въ Константинополѣ на Россійскій престолъ, оттуда „привезъ съ собою сія два саккоса... въ лѣто 6970 (1408) отъ сотворенія міра“.

кими образками среди шитья на этихъ надставкахъ, приводящихъ умъ въ удивленіе. Точно также и саккосы патріарха непремѣнно должны имѣть надставки къ рукавамъ изъ другой матеріи или иконы, шитыя золотомъ или низаныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, также бока и подолы должны быть изъ тяжелой матеріи съ письменами, шитыми золотомъ или съ крупными буквами изъ жемчуга.

Таковы облаченія не только въ землѣ московитовъ, но и во всей странѣ казаковъ. На всѣхъ облаченіяхъ обязательно имѣется сзади крестъ изъ жемчуга или изъ массивной парчи, а потому и мы здѣсь сдѣлали также на всѣхъ своихъ облаченіяхъ кресты, чтобы не смѣялись надъ нами и надъ нашими обычаями.

Прекрасная предусмотрительность! Какъ часто остаются у насъ обрѣзки матеріи и готовые кафтаны, которыхъ не хватаетъ на цѣлый стихарь, фелонь или саккосъ. Еслибы сшить изъ нихъ по упомянутому образцу, какъ я поступилъ со своими стихарями, и надставить рукава, оплечья и подолы изъ другой матеріи, то хватило бы и было бы красивѣе, какъ вы это увидите, если доживемъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Затѣмъ они начали обѣдню, во время которой происходило рукоположеніе священника и діакона. Для чтенія Евангелія архидіаконъ вышелъ на амвонъ, а патріархъ сталъ у престола. Читали по-очередно стихъ за стихомъ съ протяжнымъ распѣвомъ. Началъ патріархъ. По прочтеніи каждаго стиха въ семь, восемь или не больше, какъ въ десять словъ, ударяли въ большой колоколъ одинъ разъ. Вотъ какъ это происходило. Пономарь становился у выходныхъ дверей противъ читающихъ, держа въ рукахъ деревянное било и всякій разъ, какъ онъ слышалъ окончаніе стиха патріархомъ, ударялъ въ било одинъ разъ. Его слышали съ колокольни и отвѣчали также однимъ ударомъ въ колоколъ.

По прочтеніи Евангелія звонили во всѣ колокола. То же происходило и при великомъ выходѣ. Такъ дѣлается только одинъ разъ въ годъ, въ этотъ день, какъ мы видѣли.

Во время великаго выхода дьяконы несли впереди всѣхъ модель города Іерусалима, въ срединѣ которой находились храмъ Воскресенія и Гробъ Господень со всѣми куполами и съ крестами на верху, какъ они есть на самомъ дѣлѣ, но все это было изъ серебра. Мы шли за ними съ митрами патріарховъ, наши товарищи несли омофоры за нами, а за ними дьяконы архіереевъ и архимандритовъ съ ихъ митрами. Предъ дискосомъ шли два дьякона съ кадилами, также и предъ священникомъ

(несшимъ потиръ). За дарами шли съ четырьмя рипидами, которыми вѣяли надъ ними.

Въ концѣ обѣдни патріархъ вышелъ на амвонъ, прочелъ поученіе Іоанна Златоустаго и совершилъ отпустъ, держа въ правой рукѣ крестъ, а нашъ патріархъ имѣлъ другой, ибо таковъ ихъ обычай держать крестъ въ теченіе всей этой недѣли; даже и священники не читаютъ отпуста безъ креста въ рукѣ.

До сихъ поръ у нихъ вовсе не было въ обычаѣ раздавать (послѣ обѣдни) антидоръ, но въ этотъ день нашъ учитель уговорилъ патріарха раздать, и его роздали народу, когда прикладывались ко кресту. И вотъ съ этого-то именно дня раздача антидора вошла въ обычай.

Потомъ принесли отъ царицы подносы съ очищенными крашеными яйцами и ломти хлѣба, испеченнаго съ шафраномъ. Никонъ прочелъ надъ ними установленную молитву, благословилъ ихъ и отослалъ царицѣ, а затѣмъ началъ раздавать и боярамъ такіе ломти и яйца.

Затѣмъ мы вошли (въ алтарь) и сняли свои облаченія. Мы вышли изъ церкви лишь въ девятомъ часу.

Въ приходскихъ церквахъ обѣдня была окончена рано утромъ.

Выйдя изъ собора, мы отправились съ патріархомъ къ нему на трапезу, которую онъ предложилъ у себя вмѣсто царя.

Когда мы выходили изъ церкви, ударили во всѣ колокола. Первое поданное за столомъ кушанье была черная и красная икра, а послѣ этого подавалась разная рыба. Таковъ ихъ уставъ, и къ этому они привыкли. Какой дурной порядокъ! Намъ казалось, какъ будто мы еще постимся и не разговлялись [1].

За столомъ пробыли болѣе двухъ часовъ и послѣ трапезы отправились опять въ церковь, чтобы воздать благодареніе Богу. При шествіи обоихъ патріарховъ туда и обратно звонили во всѣ колокола.

Совершивъ молитвы Панагіи и вознеся благодареніе, всѣ простились, и мы отправились въ свой монастырь. Мы не могли придти въ себя отъ усталости, испытанной нами во всю эту недѣлю. Послѣ этого мы нѣсколько дней прохворали отъ боли въ спинѣ и ногахъ.

На чужбинѣ для иностранца не бываетъ праздниковъ ни для кого, будь онъ хоть Александромъ (Македонскимъ).

---

[1] Какъ извѣстно, на Востокѣ безбрачное высшее духовенство, состоящее, за рѣдкими исключеніями, изъ непринявшихъ полнаго монашескаго постриженія, употребляетъ въ скоромные дни мясную пищу.

Въ продолженіе всей этой недѣли, послѣ обѣда ходятъ въ церковь воздавать благодареніе при (поднятіи) Панагіи [1].

Во всѣ дни этой недѣли мальчики и маленькія дѣти во всѣхъ приходахъ съ большою радостью звонятъ въ колокола безпрерывно днемъ и ночью, что̀ представляетъ для нихъ большую забаву и удовольствіе. Да будетъ вѣдомо тебѣ, читатель, что Пасха у нихъ продолжается до четверга Вознесенія.

Всякій, встрѣчаясь здѣсь съ друзьями и знакомыми, даетъ имъ красное яйцо и цѣлуетъ въ уста, говоря: „Христосъ воскресе“, точно также цѣлуются при встрѣчѣ и съ тѣмъ, кто возвратился изъ поѣздки.

Винныя лавки и питейные дома съ самаго начала поста до Новаго воскресенья (Ѳомина) оставались запечатанными, содержателямъ ихъ никоимъ образомъ не разрѣшается на Святой недѣлѣ открывать свои заведенія, ибо въ продолженіе ея за этимъ наблюдаютъ гораздо строже, чѣмъ во время Великаго поста. Равнымъ образомъ и въ теченіе всего года питейные дома, обыкновенно, остаются закрытыми отъ кануна воскресенья до утра понедѣльника, такъ же дѣлается и во время большихъ праздниковъ [2].

На этой недѣлѣ стрѣльцы рыскали по городу, какъ огонь, и если гдѣ находили пьянаго, производящаго безпорядокъ, то тащили его въ приказъ и засаживали подъ арестъ на нѣсколько дней, послѣ нанесенія многихъ ударовъ; это мы видѣли сплошь и рядомъ.

Что же касается патріарха Никона, то онъ на Страстной и на этой недѣлѣ ходилъ по тюрьмамъ и раздавалъ щедрою рукой милостыню заключеннымъ. За сидѣвшихъ должниковъ онъ уплачивалъ долги и освобождалъ ихъ. Еслибы царь находился въ Москвѣ, то, по своему обычаю, дѣлалъ бы то же самое.

Патріархъ (при посѣщеніи нашего владыки) обошелъ насъ и одѣлилъ праздничными подарками. Также анагносты и пѣвчіе приходили гурьбами поздравлять нашего владыку патріарха и пѣли ему *Христосъ Воскресе* и многолѣтіе. Онъ одѣлялъ ихъ деньгами и они уходили. Такъ это принято у нихъ.

Также приходили архіерейскіе анагносты и пѣвчіе и дѣлали то же.

---

[1] Очевидно, здѣсь, какъ и нѣсколько выше, Павелъ смѣшалъ обрядъ поднятія Панагіи съ обрядомъ употребленія артоса. См. объ этомъ „Русск. Истор. Библіот., изд. Археограф. Коммиссіею“, Т. III, Спб., стр. 131 и 132.

[2] Къ сожалѣнію, теперь совсѣмъ наоборотъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ переводчика..... ..... III—IV

КНИГА VII.

Москва.

Глава I. Москва.—Въѣздъ патріарха въ столицу. Остановка и пребываніе его въ монастырѣ свв. Аѳанасія и Кирилла въ Кремлѣ 1

Глава II. Москва.—Возвращеніе патріарха Никона. Торжественный въѣздъ царя 3

Глава III. Москва. — Сборъ войска. Вторженіе въ Украйну поляковъ и подвигъ Хмельницкаго. Ратники изъ кочевыхъ племенъ..... 6

Глава IV. Москва.—Перепись подарковъ, привезенныхъ патріархомъ Макаріемъ 9

Глава V. Москва — Торжественный пріемъ патріарха Макарія царемъ. Свиданіе его съ патріархомъ Никономъ..... 14

Глава VI. Москва.—Архіепископъ сербскій. Угощеніе патріарха Макарія за царскимъ столомъ 24

Глава VII. Москва.— Подарки Макарія патріарху Никону и московскимъ боярамъ. Боярскія палаты. Постройки въ Москвѣ. Обычаи бояръ. Церковь московскаго богача..... 30

Глава VIII. Москва. — Царская милостыня патріарху Макарію и его спутникамъ. Пріѣзжіе греки и ихъ хитрости..... 37

Глава IX. Москва.—Торжество въ недѣлю мясопустную 40

Глава X. Москва.—Служеніе патріарховъ въ дворцовой церкви. Царская трапеза. Патріархъ Никонъ и перенесеніе имъ мощей св. Филиппа митрополита. 44

Глава XI. Москва. — Заупокойное служеніе въ Успенскомъ соборѣ 48

Глава XII. Москва. — Обѣдъ у патріарха Никона. Появленіе на обѣдѣ людоѣдовъ. Ихъ обычаи. Разговоръ съ ними Никона и угощеніе ихъ. 52

КНИГА VIII.

Москва.

Глава I. Москва.—О царѣ Іоаннѣ Грозномъ и завоеваніи имъ Казани, Астрахани и Сибири 58
Глава II. Москва — О сибирскихъ мѣхахъ..... 63
Глава III. Москва.—О завоеваніи восточной Сибири, о тамошнихъ народахъ и произведеніяхъ. 67
Глава IV. Москва.—Завоеванія казаковъ въ восточной Сибири. Москва подъ владычествомъ татаръ и митрополитъ Петръ. Данъ татарамъ. Укрѣпленія на южной границѣ..... 73
Глава V. Москва.—Татарскіе послы въ Москвѣ. Отношеніе русскихъ къ иностраннымъ посламъ и вообще къ иностранцамъ. Патріархъ Никонъ и богатый армянинъ. Торговля англичанъ 77
Глава VI. Москва.—Извѣстія о Грузіи, о царѣ Теймуразѣ и царицѣ Еленѣ..... 81
Глава VII. Москва.—Крещеніе иновѣрцевъ. Касимовскій царевичъ и польскій панъ. Окончаніе обѣда у патріарха Никона 87
Глава VIII. Москва.—Содержаніе духовенства Набожность царя. Алексѣй Михайловичъ и бояре 93
Глава IX. Москва.—Описаніе Успенскаго собора 97
Глава X. Москва —Архангельскій и Благовѣщенскій соборы ... 106
Глава XI. Москва —Описаніе Ивановской и другихъ кремлевскихъ колоколенъ Порядокъ звона въ колокола. Приготовленія къ отливкѣ колокола въ 12.000 пудовъ 109
Глава XII. Москва.—Служеніе въ воскресенье Сыропуста. Извѣстія съ театра войны. Назначеніе воеводъ. 117

КНИГА IX.

Москва.

Глава I. Москва. — Первая недѣля Великаго поста. Строгость поста. Жестокія наказанія за его нарушеніе. Монастырскіе подарки 121
Глава II. Москва.—Подарки отъ патріарха Макарія митрополитамъ Новгородскому и Ростовскому. О епархіяхъ и монастыряхъ. О слюдѣ..... 124

Глава III. Москва. — Торжественное служеніе патріарховъ въ Недѣлю Православія. Осужденіе иконъ новаго письма и двуперстія 127
Глава IV. Москва. — Огорченіе по поводу рѣшеннаго отъѣзда царя. Заупокойное служеніе патріарховъ въ Вознесенскомъ монастырѣ..... 139
Глава V. Москва. — Служеніе патріарховъ въ Успенскомъ соборѣ. Подарокъ отъ царя патріарху Макарію. Просьба его отпустить ихъ на родину. Проводы царя и отъѣздъ его. 141
Глава VI. Москва. — Численность и составъ русскаго войска на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Союзъ со шведами. О государяхъ вообще и о султанѣ турецкомъ въ особенности... 146
Глава VII. Москва.—Затруднительное положеніе поляковъ. Тщетныя просьбы ихъ о помощи. Еще свѣдѣнія о числѣ русскихъ войскъ Донскіе казаки. Русская артиллерія..... 150
Глава VIII. Москва.—Отношенія къ крымскимъ татарамъ. Причины ихъ безнаказанности. Пророческія слова митрополита Исы о татарахъ. Настоящее политическое положеніе 153
Глава IX. Москва. — Средства для содержанія войска. Выпускъ новой монеты. Бѣглецы изъ войска. Наказанія за разныя преступленія 156
Глава X. Москва. — Порядокъ управленія въ отсутствіе царя. Пріемъ у патріарха Никона. Патріаршій приказъ и тюрьма. Патріаршіе бояре. Доходы патріарха Никона. Его строгость къ духовенству. Ссылка келаря Троицкаго монастыря. Арсеній Сухановъ..... 158
Глава XI. Москва.—День тезоименитства царя. Служеніе въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Отпѣваніе монахини въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Описаніе монастыря 163
Глава XII. Москва. — Великопостныя служенія. Скудная пища. Соборъ въ Москвѣ. Служеніе патріарха Макарія у грузинской царицы Елены 168
Глава XIII. Москва — Лазарева суббота. Вербное воскресенье. Шествіе на осляти 173
Глава XIV. Москва.— Служенія въ среду и четвергъ Страстной недѣли въ Успенскомъ соборѣ 180
Глава XV. Москва. — Чинъ омовенія мощей въ Великую пятницу. Чинъ плащаницы въ Великую субботу..... 185
Глава XVI. Москва. — Свѣтлое воскресенье. Обычай христосоваться. Закрытіе питейныхъ домовъ. 197

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ и НЕДОСМОТРЫ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
8	7 сн.	*Кумуки*	Кумыки.
30	4 сн.	въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго	въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича.
33, 34, 35, 36, 37	въ заглавіи	кн. VI	кн. VII
42	1 св.	на обонхъ клиросахъ	обоими хорами
123	16 сн.	*боршъ*	*боршъ* (борщъ?)
126	13 сн.	камня	камня (слюды).
135	8 сн.	амвомъ	амвонъ
148	20 св.	рвахъ	окопахъ
156	5 св.	ихъ	его
167	13 св.	Блаженны	*Блажени* (*непорочніи*)
168	17 св.	Синодъ	Соборъ

ПУТЕШЕСТВІЕ
АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ
ВЪ РОССІЮ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА,

описанное его сыномъ, архидіакономъ

Павломъ Алеппскимъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО

Г. Муркоса.

(По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(Москва, Новгородъ и путь отъ Москвы до Днѣстра).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемымъ четвертымъ выпускомъ нашего перевода оканчивается путешествіе патріарха Макарія собственно по Россіи и начинается обратный путь его на родину въ Алеппо.

Глядя на чрезвычайное разнообразіе и богатство матеріала этого памятника (не говоря уже о своеобразномъ характерѣ его и сочувственномъ, мѣстами даже восторженномъ, отношеніи автора ко всему имъ видѣнному, слышанному и пережитому въ Россіи), невольно приходитъ на мысль, почему этотъ памятникъ, долженствовавшій, казалось, имѣть широкое распространеніе, оставался до сихъ поръ мало или почти никому неизвѣстнымъ, даже историкамъ и спеціалистамъ по разнымъ отраслямъ исторической науки: археологіи, иконографіи, этнографіи и пр., почему, обладая тремя списками [1] этого памятника, имѣя его, какъ выразился одинъ почтенный рецензентъ, «подъ носомъ», никто не взялся за переводъ и изданіе его, хотя бы съ англійскаго (разумѣется, съ нѣкоторыми исправленіями слишкомъ очевидныхъ ошибокъ англійскаго переводчика). Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ имѣется почти дословный рукописный переводъ его съ англійскаго, но и онъ не былъ изданъ, равно какъ и всѣ, начинавшіе переводъ и изданіе этого памятника съ англійскаго, напр. о. Благово, остановились въ самомъ началѣ своего труда.

Намъ кажется, что на это существуютъ три причины: во первыхъ, нѣкоторое предубѣжденіе противъ восточнаго писателя и притомъ духовнаго лица; во вторыхъ, то обстоятельство, что памятникъ, при своемъ громадномъ объемѣ (слишкомъ въ 1000 страницъ), изобилуетъ описаніями церквей и церковныхъ службъ, вслѣдствіе чего многіе, начавъ читать его и встрѣтивъ эти многочисленныя и длинныя описанія, охладѣвали къ нему и бросали его, хотя среди этихъ описаній разбросано множество цѣнныхъ замѣтокъ бытовыхъ, историческихъ и иныхъ. По-

[1] См. объ этомъ въ предисловіи къ первому выпуску и подробно въ нашей статьѣ: „Къ исторіи Антіохійскихъ патріарховъ“ въ Сообщеніяхъ Имп. Прав. Палест. Общ., дек. 1896 г.

видимому, они раздѣляли высказанное отцомъ Благово въ его предисловіи къ начатому имъ переводу мнѣніе, что записки Павла Алеппскаго могутъ представлять интересъ только для лицъ монашествующихъ и любителей церковныхъ службъ и церковнаго благолѣпія. Третья причина, которая, несомнѣнно, и останавливала въ самомъ началѣ попытки перевести этотъ памятникъ съ англійскаго,—изобиліе курьезовъ и несообразностей, допущенныхъ англійскимъ переводчикомъ и иногда искажающихъ смыслъ подлинника. Сначала мы думали было собрать наиболѣе крупныя изъ нихъ и представить ихъ въ приложеніи къ своему переводу, но потомъ, въ виду ихъ множества и существованія рукописнаго перевода въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, мы отказались отъ своего намѣренія, тѣмъ болѣе, что въ напечатанной нами статьѣ въ Сборникѣ Χαριστήρια (ошибочно названномъ въ предисловіи къ 1-ому выпуску Συμμικτά, такъ какъ Сборникъ въ то время еще печатался и предполагалось дать ему такое названіе) приведено около сорока примѣровъ изъ одного лишь перваго выпуска и десять изъ нихъ въ предисловіи.

Въ настоящемъ выпускѣ Павелъ Алеппскій доканчиваетъ интересную исторію отливки огромнаго колокола [1]. По этому поводу считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

На царѣ-колоколѣ, находящемся въ московскомъ Кремлѣ, имѣются, какъ извѣстно, три надписи: изъ нихъ первая гласитъ слѣдующее: «Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великаго гдря цря и великаго князя Алексія Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца повелѣніемъ, къ первособорной церкви Прстыя Вцы честнаго и славнаго ея Успенія, слитъ былъ великій колоколъ, осмь тысящь пудъ мѣди въ себѣ содержащій, въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ Рождества же по плоти Бга Слова 1654 года; а изъ мѣста сего благовѣстить началъ въ лѣто мірозданія 7176, Хрстова же Ржества 1668 и благовѣстилъ до лѣта мірозданія 7208, Ржества ж Гдня 1701 года, въ которое мца іюня 19 дня, отъ великаго въ кремлѣ бывшаго пожара поврежденъ; до 7239 лѣта отъ начала міра а отъ Хрстова въ мірѣ Ржества 1731 пребылъ безгласенъ».

Эта надпись была до сихъ поръ единственнымъ источникомъ для исторіи предшественника царя-колокола; по крайней мѣрѣ, ее повторяютъ неизмѣнно всѣ, писавшіе о нашихъ колоколахъ (Мартыновъ—«Московскіе колокола», Пыляевъ—«Историческіе колокола», Рыбаковъ—«О церковномъ звонѣ въ Россіи» и др.), повидимому, вполнѣ полагаясь на ея достовѣрность.

---

[1] См. выпускъ 3-й, стр. 111—113.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Павломъ Алеппскимъ, который былъ очевидцемъ всей работы по отливкѣ и поднятію колокола съ начала до конца, представляютъ исторію его, какъ можетъ видѣть читатель, въ совершенно новомъ видѣ. Они подтверждаютъ извѣстія вышеприведенной надписи лишь въ томъ, что въ 1654 г. дѣйствительно былъ отлитъ въ Москвѣ колоколъ въ 8000 пудовъ, но въ дальнѣйшемъ съ нею расходятся. По словамъ Павла Алеппскаго, этотъ колоколъ, отлитый русскимъ мастеромъ, вскорѣ же отъ сильнаго звона раскололся и былъ спущенъ. Далѣе онъ подробно, какъ очевидецъ, разсказываетъ объ отливкѣ изъ обломковъ этого колокола другого, еще бо́льшаго, и тоже русскимъ мастеромъ. Подготовительныя работы начались въ первыхъ числахъ февраля и продолжались въ теченіе лѣта и части осени. Колоколъ былъ отлитъ, вѣроятно, въ началѣ октября [1]. Работы, подъ конецъ, велись очень спѣшно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ патріарха Никона, которому, очевидно, хотѣлось звономъ въ эту невиданную громаду мѣди достойно встрѣтить царя при возвращеніи его изъ побѣдоноснаго похода противъ поляковъ. И дѣйствительно, къ его прибытію колоколъ былъ поднятъ и повѣшенъ надъ литейною ямой, на деревянныхъ столбахъ, подлѣ Ивановской колокольни. На лицевой сторонѣ колокола, обращенной къ Успенскому собору, находилось изображеніе царя и царицы, на задней—патріарха Никона. Въ первый разъ въ колоколъ стали звонить 9 декабря, наканунѣ въѣзда царя въ столицу.

Павелъ Алеппскій сообщаетъ также размѣры и вѣсъ этого колокола. Окружность его—11 брассъ, т. е. 64 фута (окружность царя-колокола—60 ф. 9 д.). Толщина края—одинъ брассъ, т. е. 5 ф. 9 д., величина слишкомъ большая; но надо полагать, что авторъ измѣрялъ толщину по скошенному краю колокола, отчего она, естественно, вышла больше настоящей (хотя, всетаки, слишкомъ велика) [2]. Вѣсъ колокола—12000 пудовъ, а стоимость его, какъ онъ слышалъ отъ мастера и какъ сообщилъ патріархъ Никонъ его отцу, 50000 рублей. Языкъ вѣсилъ 250 пудовъ и былъ толщиною въ обхватъ. Звонили въ колоколъ сто человѣкъ.

Чрезъ шесть лѣтъ послѣ Павла Алеппскаго былъ въ Москвѣ баронъ Мейербергъ и сообщаетъ о томъ же колоколѣ слѣдующее: «въ Кремлѣ мы видѣли лежащій на землѣ мѣдный колоколъ удивительной

---

[1] Павелъ Алеппскій точно не указываетъ времени отливки колокола.

[2] Весьма возможно, что здѣсь переписчикъ оригинала нашихъ рукописей, по ошибкѣ, написалъ *ба*, брассъ, вмѣсто *бирá*, что значитъ: локоть или футъ.

величины, да и произведеніе русскаго художника, что еще удивительнѣе [1]. Этотъ колоколъ, по своей величинѣ, выше Эрфуртскаго, и даже Пекинскаго въ Китайскомъ царствѣ.... Русскій колоколъ вышиною 19 футовъ, шириною въ отверстіи 18 ф., въ окружности 64 ф., а толщиной 2 ф.; языкъ его его длиною 14 ф. На отлитіе этого колокола пошло 440000 фунтовъ мѣди, угару изъ нихъ было 120000 фунтовъ, а все остающееся затѣмъ количество металла было дѣйствительно употреблено на эту громаду.... Здѣсь рѣчь идетъ о колоколѣ, вылитомъ въ 1653 г., въ царствованіе Алексія: онъ лежитъ еще на землѣ и ждетъ художника, который бы поднялъ его».

Мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ правдивости обоихъ путешественниковъ. Но одинъ изъ нихъ говоритъ, что колоколъ былъ поднятъ тотчасъ по отливкѣ и что въ него звонили, а другой видѣлъ, несомнѣнно, тотъ же колоколъ (судя по приложенному имъ рисунку) лежащимъ на землѣ. Намъ думается, что это противорѣчіе только кажущееся и что показанія обоихъ путешественниковъ легко примирить [2]. Мы представляемъ себѣ исторію этого колокола въ такомъ видѣ. Колоколъ былъ отлитъ въ 1655 г. изъ обломковъ другого, въ 8000 п., сдѣланнаго за годъ передъ тѣмъ. Тотчасъ же послѣ отливки онъ былъ поднятъ и повѣшенъ на незначительной высотѣ, всего въ ростъ человѣка, надъ литейною ямой (которая, конечно, была тогда же засыпана). Висѣлъ онъ, надо думать, недолго: въ промежутокъ отъ 1655 г. до 1661 г. онъ или былъ спущенъ, по ненадежности постройки, быть можетъ, временной, на которой висѣлъ, или же самъ сорвался, но, упавъ съ небольшой высоты на рыхлую землю, не потерпѣлъ никакихъ поврежденій. Разныя причины, каковыми могли быть: затруднительное финансовое положеніе послѣ первой польской войны, раздоръ царя съ патріархомъ Никономъ, вторая, не совсѣмъ удачная, война съ Польшей, отсрочили вторичное поднятіе колокола до 1668 года. Эту дату, означенную на царь-колоколѣ, можно считать вѣрной;

---

[1] Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, согласно съ Павломъ Алеппскимъ, что мастеръ былъ молодой человѣкъ 24 лѣтъ.

[2] Оба они даютъ для окружности колокола одинаковую величину (64 ф.), но расходятся въ опредѣленіи его вѣса; по Павлу Алеппскому, колоколъ вѣсилъ 12000 пудовъ, а по Мейербергу, 8000 п. Но послѣдній говоритъ, что на колоколъ употреблено было сначала 11000 пудовъ мѣди и что угара было болѣе 3000 п. Очевидно, такой процентъ угара слишкомъ великъ. Съ другой стороны, можно думать, что Павелъ Алеппскій преувеличилъ вѣсъ колокола, о чемъ онъ могъ знать лишь со словъ другихъ. Такимъ образомъ, вѣсъ колокола можно принять около 10000 пудовъ.

по крайней мѣрѣ, голландецъ Стрюйсъ, бывшій въ Москвѣ въ 1669 г. засталъ колоколъ уже висящимъ [1]. Равнымъ образомъ Кольбергеръ въ 1674 г. и Таннеръ въ 1678 видѣли его висѣвшимъ на особенныхъ деревянныхъ подмосткахъ, близъ колокольни Ивана Великаго («спереди башни», какъ говоритъ Таннеръ) [2]. Въ большой пожаръ 1701 года этотъ колоколъ-великанъ сорвался и разбился.

Спросятъ: почему вкрались ошибки въ надпись на теперешнемъ царѣ-колоколѣ? Припомнимъ, что надпись составлена спустя 80 лѣтъ по отливкѣ перваго колокола, и составлена, вѣроятно, по преданію, безъ справокъ съ архивными документами; а преданіе легко могло смѣшать оба колокола, отлитые въ такой короткій промежутокъ времени—двухъ лѣтъ.

Для полнаго выясненія исторіи предшественника царя-колокола было бы весьма желательно отыскать о немъ данныя въ нашихъ архивныхъ документахъ.

---

[1] Вотъ что онъ сообщаетъ объ этомъ колоколѣ (Русскій Архивъ 1880 г. I): „Возлѣ этой башни (*т. е. Ивановской колокольни*) стоитъ другая, на которой виситъ колоколъ необыкновенно тяжелый, потому что, какъ говорятъ, онъ вѣситъ, 394000 фунтовъ (*т. е. около 10000 пудовъ*). Онъ имѣетъ въ поперечникѣ 23 королевскихъ фута (*слѣд., окружность его=66 ф.—величина, близкая къ той, которую даютъ Павелъ Алеппскій и Мейерберъ*), а толщиною цѣлыхъ 2 фута. Чтобы звонить въ него, необходимо сто человѣкъ, (*совершенно согласно съ Павломъ Алеппскимъ*) по 50 съ каждой стороны; въ него звонятъ только въ большіе годовые праздники, да при въѣздѣ иностранныхъ пословъ".

[2] О томъ же, повидимому колоколѣ упоминаетъ Корбъ въ 1699 г. Въ его книгѣ (Дневникъ Іоанна Георга Корба, М. 1868 г.), есть изображеніе этого колокола—съ обозначеніемъ размѣровъ и вѣса. Первые весьма близки къ тѣмъ, которые даютъ другіе путешественники, но вѣсъ показанъ слишкомъ малымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ переводчика..... ..... I.

КНИГА X.

Москва и Троице-Сергіевъ монастырь.

Глава I. Москва.—Вскрытіе и разливъ Москвы-рѣки. Мосты. Москворѣцкій мостъ. Торговые ряды. Лавочные мальчики. Базары..... 1

Глава II. Москва.—Описаніе Кремля, Китай-города и Бѣлаго города. Земляной валъ. Наказаніе шпіона..... 5

Глава III. Москва.—Предосторожности отъ пожаровъ. Устройство пожарной части. Два боярина изъ турокъ. Свѣдѣнія, сообщенныя ими о приказахъ, областяхъ и доходахъ..... 9

Глава IV. Москва.—Календарныя свѣдѣнія. Служеніе патріарха Макарія. День именинъ царевны Ирины. Обиліе ставленниковъ. Служенія и крестныя ходы..... 13

Глава V. Москва.—Троицынъ день. Рукоположеніе епископа Коломенскаго. Подарки новопоставленнаго архіерея. Власть архіереевъ..... 18

Глава VI. Москва.—Поднесеніе рѣдисокъ патріарху Макарію. Длинные лѣтніе дни. Лѣтнія жары и холодные напитки. Поминовеніе на убогихъ домахъ. 21

Глава VII. Троицкій монастырь.—Выѣздъ патріарха изъ Москвы. Остановки и ночлегъ на дорогѣ. Царскіе путевые дворцы. Встрѣчи патріарха подъ монастыремъ. Остановка въ Клементьевѣ. Поднесеніе кушаньевъ и напитковъ отъ монастыря. Пріемъ и встрѣча въ монастырѣ. Торжественное служеніе въ Троицкомъ соборѣ..... 23.

Глава VIII. Троицкій монастырь.—Церковь св. Троицы. Ризница. Исторія преподобнаго Сергія. Успенскій соборъ. Святой колодезь..... 29

Глава IX. Троицкій монастырь.—Трапезная и трапеза. Подарки отъ монастыря патріарху и его спутникамъ. Осмотръ монастырскихъ строеній подъ руководствомъ Арсенія Суханова. Колодецъ. Стѣны. Погреба. Бочки св. Сергія. Колокольня. Тюрьма и заключенные въ ней. Главныя ворота. Прощаніе и отъѣздъ изъ монастыря..... 33

Глава X. Москва.—Свѣжіе огурцы. Служенія и крестные ходы. Московскіе иконописцы. Поминовеніе по царѣ Михаилѣ..... 38

Глава XI. Москва.—Транспортъ ружей изъ Швеціи. Испытаніе ружейныхъ стволовъ. Извѣстія съ театра войны. Празднованіе побѣдъ въ Москвѣ. Служенія. Дикари. Шутка патріарха Никона..... 45

Глава XII. Москва.—Торжество въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Разговоръ съ патріархомъ Никономъ. Женскій монастырь св. Саввы. Поѣздка въ загородный дворецъ Никона. Крестный ходъ на воду 1 августа..... 49

Стр.

лава XIII. Москва.—Любовь патріарха Никона къ постройкамъ. Икона Иверской Божіей Матери. Исторія ея. Снятіе списка съ нея для Москвы. Иверскій Валдайскій монастырь 54

КНИГА XI.

Новгородъ и Москва.

Глава I. Путь въ Новгородъ.—Успенскій монастырь близъ Клина. Пріемъ въ Твери. Торжокъ. Вышній-Волочекъ. Прибытіе въ Иверскій Валдайскій монастырь 58

Глава II. Иверскій монастырь.—Озеро. Встрѣча въ монастырѣ. Трапезная и убранство ея. Монастырскіе часы. Служенія. Соборная церковь. Дары монастырю отъ патріарха Никона. Монастырскія угодья. Торжество закладки престоловъ 61

Глава III. Путь въ Новгородъ.—Трудности дороги. Извѣстія о войнѣ. Плаваніе по рѣкѣ Мстѣ и озеру Ильменю 65

Глава IV. Новгородъ.—Исторія Новгорода. Апостолъ Андрей. Торжественная встрѣча патріарха въ Юрьевомъ монастырѣ. Прибытіе въ Новгородъ . 67

Глава V. Новгородъ.—Описаніе Софійскаго собора 70

Глава VI. Новгородъ.—Значеніе его. Власть новгородскаго митрополита. Посѣщеніе монастырей. Антоніевъ монастырь. Сырковъ монастырь и крестный ходъ. Вяжицкій монастырь 73

Глава VII. Новгородъ.—Хутынскій Варлаамієвъ монастырь. Возвращеніе въ Новгородъ. Святодуховъ монастырь. Знаменскій соборъ 78

Глава VIII. Новгородъ.—Торжество новолѣтія. Отъѣздъ изъ Новгорода. Остановка въ Юрьевомъ монастырѣ и описаніе его 82

Глава IX. Обратный путь въ Москву.—Прощальный обѣдъ въ имѣніи митрополита. Остановка въ Иверскомъ монастырѣ. Тверь и монастырь св. Арсенія Тверского. Волга. Встрѣча съ патріархомъ Никономъ 86

Глава X. Москва.—Служенія. Извѣстія отъ царя. Встрѣча пословъ австрійскаго и шведскаго. Возвращеніе войска. Польскіе плѣнники 87

Глава XI. Москва.—Николинъ день. Слухъ о возвращеніи царя. Отливка большого колокола 90

Глава XII. Москва.—Въѣздъ царя въ Москву и торжественная встрѣча его.. 95

Глава XIII. Москва.—Пріемъ австрійскаго и шведскаго пословъ. Венеціанскій посолъ. Причина и цѣль этихъ посольствъ 98

Глава XIV. Москва.—Служеніе патріарховъ въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи царя и царицы. Новыя патріаршія палаты 102

Глава XV. Москва.—Праздникъ св. Петра митрополита. Перемѣна клобука.. 105

Глава XVI. Москва.—Новоселье у патріарха Никона 109

Глава XVII. Москва.—Праздникъ Рождества. Христославы. Обѣдня въ Успенскомъ соборѣ. Описаніе царскаго одѣянія 112

Стр.

Глава XVIII. Москва.—Извѣстія о дѣйствіяхъ Бутурлина и Хмельницкаго. Гетманъ Павелъ Потоцкій 114
Глава XIX. Москва.—Праздникъ Богоявленія. Извѣстіе о побѣдѣ. День св. Татіаны 117

КНИГА XII.

Саввинъ монастырь и Москва. Украйна.

Глава I. Саввинъ монастырь.—Пять монастырей, гдѣ служатъ пріѣзжіе патріархи. Обновленіе Саввина монастыря царемъ. Поѣздка туда патріарха Макарія. Зимній путь. Торжественная встрѣча и обѣдъ. Разговоръ царя съ патріархомъ и съ его архидіакономъ..... 120
Глава II. Саввинъ монастырь.—Всенощная. Эпизодъ съ чтецомъ. Царь въ роли уставщика. Онъ разсматриваетъ арабскій служебникъ. Обѣдня. Архидіаконъ Павелъ возбуждаетъ общее удивленіе. Царь показываетъ мощи св. Саввы. Сосланный греческій дьяконъ. Обѣдъ у царя..... 125
Глава III. Саввинъ монастырь.—Осмотръ монастыря. Стѣны и башни. Соборная и другія церкви. Монастырская трапезная. Больничный монастырь. Царь и патріархъ посѣщаютъ больныхъ. Отъѣздъ царя. Подарки отъ монастыря патріарху Макарію и отъѣздъ его..... 130
Глава IV. Москва.—Появленіе польскихъ вельможъ. Потоцкій. Возвращеніе патр. Никона. Приготовленія къ войнѣ со шведами. Сибирскіе инородцы въ Москвѣ. Ревень и мускусъ. Наборъ. Свадьба сибирскаго царевича. 135
Глава V. Москва.—Встрѣча креста, привезеннаго изъ Люблина. Донскіе казаки въ Москвѣ. Завоеваніе ими Тамани. Ихъ набѣгъ на Турцію..... 140
Глава VI. Москва.—Письмо отъ шаха. Челобитныя и рѣшенія по нимъ. Царскій титулъ въ посланіяхъ отъ шаха и султана. Печати. Служеніе. Трапеза у патріарха. Юродивый..... 142
Глава VII. Москва.—Служеніе патр. Макарія въ Новоспасскомъ монастырѣ. Описаніе монастыря. Служеніе въ Чудовомъ монастырѣ. Посѣщеніе Симонова монастыря и описаніе его..... 146
Глава VIII. Москва.—Служеніе патріарха Макарія въ Чудовомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ. Обычай просить прощенія предъ наступленіемъ поста. Служеніе патр. Макарія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Служеніе въ недѣлю Православія. Смерть Радзивила..... 150
Глава IX. Москва.—Просьбы патріарха объ отпускѣ. Задержки. Прощальный пріемъ у царя. Сербскій архіепископъ. Подарки. Посѣщеніе визиря. Хрисовулы. Раздача разрѣшительныхъ грамотъ..... 154
Глава X. Москва.—Сборы въ дорогу. Отдѣлка и упаковка соболей. Бѣличьи мѣха. Царское хранилище иконъ. Сгихарь архидіакона. Подводы..... 159
Глава XI. Москва.—Прощаніе съ патріархомъ Никономъ. Отъѣздъ изъ Москвы. Трудное путешествіе до Болхова. Праздникъ Пасхи въ Болховѣ. Архидіаконъ въ гостяхъ у воеводы..... 161

Стр.

Глава XII. Болховъ.—Письмо отъ царя съ просьбой возвратиться въ Москву. Огорченіе и недоумѣніе путешественниковъ. Обратный путь..... 165

Глава XIII. Москва.—Остановка въ Симоновкѣ Слухи о ссорѣ царя съ Никономъ. Указъ объ убоѣ скота. Патріархъ Макарій и архидіаконъ Павелъ у царя. Разсказъ о пріемѣ царемъ греческихъ купцовъ на Пасхѣ и знаменательныя слова царя о восточныхъ дѣлахъ. Польскій посолъ. Послы отъ Молдавскаго господаря Стефана..... 168

Глава XIV. Москва.—Посвященіе Іосифа, архіепископа Астраханскаго. Приготовленія къ войнѣ съ Швеціей. Царь готовится къ отъѣзду. Соборъ по вопросу о крещеніи поляковъ. Причины возвращенія въ Москву патріарха Макарія..... 172

Глава XV. Москва.—Отъѣздъ царя изъ Москвы и проводы его. Письмо царя изъ Можайска къ патріарху Макарію. Отлученіе протопопа. Освященіе храма на подворьѣ Иверскаго Валдайскаго монастыря..... 176

Глава XVI. Обратный путь.—Лѣтняя картина мѣстности. Озимые посѣвы. Сѣвскій воевода. Прибытіе въ Путивль. Путь чрезъ Малороссію. Ярмарка въ Прилукахъ. Приближеніе къ Кіеву. Радость путешественниковъ... 182

Глава XVII. Кіевъ.—Торжественная встрѣча. Посѣщеніе Софійскаго собора. Разрѣшительныя грамоты. Стеченіе народа. Посѣщеніе патріархомъ митрополита. Портреты патріарховъ въ его покояхъ. Златоверхо-Михайловскій монастырь. Мощи св. Варвары. Прибытіе въ Печерскій монастырь. Посѣщеніе Никольскаго монастыря. Выдубецкій монастырь. Отъѣздъ..... 185

Глава XVIII. Малороссія —Борисполь. Исторія свв. Бориса и Глѣба. Переяславъ. Церковь Успенія. Черкасы. Прибытіе въ Чигиринъ. Описаніе города. Монастырь св. Троицы. Свиданіе съ гетманомъ. Субботовъ. Вдова Тимоѳея Хмельницкаго. Лисянка. Освященіе церкви въ монастырѣ. Посѣщеніе казацкаго табора. Опасный путь по границѣ. Прибытіе въ Рашковъ на Днѣстрѣ..... 189

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И НЕДОСМОТРЫ.

					Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	13	строка	17	сверху	Слова: „Троицынъ день“	выбросить
„	17	„	9	снизу	священникъ;	священникъ,
„	—	„	4	„	нѣкоторымъ	Нѣкоторымъ
„	—	„	3	„	да призовете *перєвитєры*	да призоветъ *прєсвитєры*
„	—	„	2	„	а у арабовъ	у арабовъ
„	22	„	11	сверху	(западѣ)	(западѣ)
„	33	„	2	снизу	путешественниками	путешественниками
„	37	„	1	сверху	*бенимчатъ* [2]	*бинимчатъ* [1]
„	—	„	3	снизу	„нивница“	„нивница“
„	157	„	12	снизу	шерифскіе [1]	шерифскіе [2]

ПУТЕШЕСТВІЕ

Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію.

КНИГА X.

Москва и Троице-Сергіевъ монастырь.

Глава I.

Москва.—Вскрытіе и разливъ Москвы-рѣки. Мосты. Москворѣцкій мостъ. Торговые ряды. Лавочные мальчики. Базары.

Въ мартѣ мѣсяцѣ день и ночь сравнялись; только послѣ 10-го день началъ прибавляться, такъ что на Пасхѣ, которая была 15 апрѣля, день сталъ въ 15½ часовъ, а ночь въ 8½. На Пасхѣ же ледъ на рѣкахъ растаялъ, и мы пошли смотрѣть рѣку Москву, протекающую подъ Кремлемъ и чрезъ середину города, а до сихъ поръ мы ея не видали, потому что она была загромождена горами снѣга и льда. Обыкновенно, весь соръ и нечистоты, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ (другихъ) селеніяхъ, по которымъ протекаютъ рѣки, счищаютъ и вываливаютъ на ледъ рѣки; когда онъ растаетъ, все уносится вмѣстѣ съ нимъ [1]. Когда, въ этотъ день Пасхи, ледъ растаялъ отъ теплаго воздуха, солнечнаго жара и дождя, мы увидѣли на рѣкѣ вещь удивительную: по ней свободно плыли горы снѣга и льда Она въ эту ночь значительно прибыла, такъ что сильнымъ теченіемъ опрокинула наружную каменную стѣну Кремля, потопила и разрушила множество домовъ съ немалымъ числомъ людей и вырвала съ корнемъ большое количество деревьевъ. Прежде люди ходили по ней, а теперь стали плавать на лодкахъ изъ улицы въ улицу, отъ дома до дома, (что продолжалось) въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока рѣка не начала убывать и не вернулась въ свое обычное положеніе, и въ

[1] Эта фраза стоитъ въ нашихъ рукописяхъ далѣе и совсѣмъ не на мѣстѣ. Мы поставили ее здѣсь, потому что она, очевидно, сюда подходитъ.

августѣ мѣсяцѣ ее переѣзжали въ бродъ на лошадяхъ: такъ она стала мелководна!

На рѣкѣ Москвѣ нѣсколько мостовъ, большая часть которыхъ утверждены на деревянныхъ сваяхъ. Мостъ близъ Кремля, насупротивъ воротъ второй городской стѣны [1], возбуждаетъ большое удивленіе: онъ ровный, сдѣланъ изъ большихъ деревянныхъ брусьевъ, пригнанныхъ одинъ къ другому и связанныхъ толстыми веревками изъ липовой коры, концы коихъ прикрѣплены къ башнямъ и къ противоположному берегу рѣки. Когда вода прибываетъ, мостъ поднимается, потому что онъ держится не на столбахъ, а состоитъ изъ досокъ, лежащихъ на водѣ; а когда вода убываетъ, опускается и мостъ. Когда подъѣзжаетъ судно съ припасами для дворца изъ областей казанской и астраханской, съ Волги, изъ Нижняго, изъ Коломны и тѣхъ областей, чрезъ которыя протекаетъ эта рѣка—ибо она течетъ по направленію къ нимъ—когда подходятъ на суднѣ къ мостамъ, утвержденнымъ (на сваяхъ), то снимаютъ его мачту и проводятъ судно подъ однимъ изъ пролетовъ; когда же подходятъ къ упомянутому мосту, то одну изъ связанныхъ частей его освобождаютъ отъ веревокъ и отводятъ ее съ пути судна, а когда оно пройдетъ къ сторонѣ Кремля, снова приводятъ ту часть (моста) на ея мѣсто. Здѣсь всегда стоитъ множество судовъ, которыя привозятъ въ Москву всякаго рода припасы: намъ случалось видать суда, наполненныя куриными яйцами, кои доставляются изъ вышеупомянутыхъ мѣстностей. На этомъ мосту есть лавки, гдѣ происходитъ бойкая торговля; на немъ большое движеніе; мы постоянно ходили туда на прогулку. По этому мосту идетъ путь въ Калугу, Путивль, а также въ Смоленскъ и въ страну ляховъ: по нему безпрестанно движутся взадъ и впередъ войска. Всѣ городскія служанки, слуги и простолюдины приходятъ къ этому мосту мыть платье въ рѣкѣ, потому что вода здѣсь стоитъ высоко, въ уровень съ мостомъ.

Рѣка Москва течетъ съ запада къ востоку и изобилуетъ разныхъ породъ рыбой; одна порода бываетъ всегда съ брюхомъ полнымъ вкусными мѣшочками красной икры, и (ловля ея) не прекращается ни лѣтомъ, ни зимой.

Съ сѣверо-восточной стороны города идетъ другая рѣка: она впадаетъ въ озеро, протекаетъ по срединѣ его, проходитъ по многимъ мельницамъ, огибаетъ Кремль [и соединяется съ рѣкой Москвой [2]. Съ

---

[1] Т. е. стѣны Китай-города. Рѣчь идетъ о Москворѣцкомъ мостѣ.

[2] Рѣчка Неглинная.

трехъ сторонъ стѣны Кремля] окружены огромными рвами, наполненными водой, вслѣдствіе чего стѣны то-и-дѣло разрушаются и ихъ возводятъ вновь.

Этотъ городъ занимаетъ открытое мѣстоположеніе: куда бы ты ни пошелъ, видишь луга, зелень и деревни въ отдаленіи, ибо городъ расположенъ на нѣсколькихъ холмахъ, высоко, въ особенности Кремль. При каждомъ домѣ есть непремѣнно садъ и широкій дворъ; оттого говорятъ, что Москва обширнѣе Константинополя и болѣе открыта чѣмъ онъ: въ этомъ послѣднемъ всѣ дома лѣпятся одинъ къ другому, нѣтъ открытыхъ дворовъ, а дома въ связи между собой; поэтому, когда случится пожаръ, его не могутъ скоро погасить; въ первой же много открытыхъ мѣстъ и ея улицы широки, и когда случится въ ней пожаръ, его быстро гасятъ.

Ея торговые ряды находятся насупротивъ площади Кремля, съ восточной стороны. Въ началѣ этой обширной площади лежатъ двѣ очень большія пушки, похожія на громадную пушку въ Топханэ въ Константинополѣ; а также и въ концѣ площади двѣ еще бо́льшія пушки, въ которыхъ человѣкъ можетъ сидѣть и шить; ихъ каменныя (ядра), величиною съ куполъ, разложены на высокихъ сводахъ противъ церкви св. Троицы и Вербнаго Воскресенія [1]. Зимою вставляютъ въ окна, по ихъ размѣру, куски льда съ рѣки, въ видѣ оконницъ: они просвѣчиваютъ лучше хрусталя. Ряды разбросаны отъ одного края площади до конца ея, и большая часть ихъ выстроена изъ камня; ставни лавокъ изъ чистаго желѣза, и даже двери складовъ (желѣзныя). Напротивъ рядовъ находятся винные погребки, построенные изъ кирпича и камня, холодные лѣтомъ и теплые зимой. Для (продажи) книгъ есть особый рядъ, для иконъ особый; есть рядъ для (продажи) новыхъ облаченій, другой—для колоколовъ, кадильницъ и водосвятныхъ сосудовъ; есть рядъ для (торговли) ладаномъ, другой—для (продажи) свѣчей. Что касается ряда золотыхъ дѣлъ мастеровъ, то большая часть его предназначена для (продажи) серебряныхъ окладовъ иконъ и ихъ золоченія. Есть рядъ для (продажи) монашескихъ мантій, рясъ и шапокъ и черныхъ савановъ съ изображеніемъ крестовъ на нихъ. Въ каждомъ ряду есть большія сторожевыя собаки; отъ одного конца ряда до другого укрѣпляется длинная веревка, а на ней блокъ; когда наступитъ вечеръ, привязываютъ веревку къ шеѣ собаки, а также къ (блоку) той (длинной) веревки, и собака безъ устали бѣгаетъ отъ начала ряда до конца. Есть рядъ для желѣзныхъ вещей: принадлеж-

[1] Покровскій соборъ или церковь св. Василія Блаженнаго.

ностей для дверей, оконъ и пр., большихъ котловъ, уполовниковъ, сковородъ—все изъ чистаго желѣза, превосходной работы. Есть рядъ для (продажи) чудесныхъ выпуклыхъ и гладкихъ окошницъ изъ каменнаго хрусталя (слюды), который не ломается, но гибокъ какъ бумага. Что касается безистана [1], то онъ состоитъ изъ двухъ большихъ рядовъ. Есть у нихъ рядъ, который они называютъ *Битъ базаръ* [2], т. е. онъ подобенъ Сукъ эль-камлэ въ Алеппо; въ немъ продаютъ всевозможную одежду, оружіе и рѣдкости новыя и старыя. Торговля московитовъ деспотичная, торговля сытыхъ людей, ибо отъ нихъ не требуется издержекъ, не взимается съ нихъ ни податей, ни какихъ-либо поборовъ. Говорятъ они мало, какъ франки. Бывало, когда мы торговали какую-нибудь вещь и торговецъ скажетъ ей цѣну, если мы давали ту цѣну, которую онъ назначилъ, случалось, что онъ дѣлалъ скидку, а если мы начинали съ нимъ торговаться и давали меньше назначенной имъ цѣны, онъ сердился и не уступалъ за назначенную имъ цѣну; если же мы возвращались къ нему, то бывало еще хуже. Удивительнѣе всего то, что у нихъ въ устахъ одинъ языкъ, ибо, если станешь прицѣняться къ какой-нибудь вещи, (идя) отъ начала ряда до конца, всѣ говорятъ одну цѣну, и это приводило насъ въ изумленіе. Такъ дѣйствуютъ всѣ. Въ большей части лавокъ есть маленькіе мальчики, въ которыхъ мы замѣчали поразительную проницательность, ловкость, расторопность и умѣнье купить и продать, ибо при продажѣ они надували насъ хуже, чѣмъ ихъ старшіе. Большинство этихъ мальчиковъ—невольники, турки и татары изъ тѣхъ, которыхъ берутъ въ плѣнъ донскіе казаки; мы узнавали ихъ по ихъ глазамъ, лицамъ и волосамъ. Ихъ хозяева ставятъ ихъ въ лавкахъ торговать, потому что они превосходятъ ихъ хитростью и ловкостью. Когда мы заговаривали съ ними по-турецки, они приходили въ замѣшательство и не отвѣчали намъ изъ боязни своихъ хозяевъ, которые окрестили ихъ съ малыхъ лѣтъ и усыновили. Люди, достойные вѣры, сообщали намъ, что никто изъ (послѣдователей) франкскихъ сектъ, принявъ крещеніе по нашему вѣроисповѣданію, не бываетъ такимъ хорошимъ (православнымъ) христіаниномъ, какъ турки и татары, ибо эти послѣдніе прилѣпляются къ православію сильно, отъ всего сердца. Мы видали многихъ изъ нихъ, которые пошли

---

[1] Собственно, такъ называется на Востокѣ мѣсто, гдѣ продаютъ хлопчатобумажныя ткани; на самомъ же дѣлѣ въ безистанѣ торгуютъ разными рѣдкостями, особенно старинымъ оружіемъ.

[2] Значитъ, по-татарски, *вшивый рынокъ* (какъ и слѣдующее арабское названіе), а также: *ветошь*, *старье*. Авторъ разумѣетъ, вѣроятно, Ветошный рядъ.

въ монахи, покинувъ міръ, и являли подвижничество и добродѣтели, испрашивая у Бога милости для своихъ невѣрныхъ родителей, которые произвели ихъ на свѣтъ въ прежней вѣрѣ. Насъ приводили въ сильное удивленіе упомянутые мальчики, кои ловкостью и хитростью далеко опережаютъ московитовъ, значительно превосходя ихъ въ этомъ: когда мы, бывало, спрашивали ихъ чрезъ драгомана о какомъ-нибудь дѣлѣ, они отвѣчали: «мы ничего не знаемъ», между тѣмъ какъ сердце ихъ было полно знаніемъ этого. При покупкахъ мы часто одерживали верхъ надъ взрослыми людьми, но эти мальчики оставляли въ дуракахъ насъ, и мы были противъ нихъ безсильны. Одинъ еврей, (по происхожденію) отъ отцовъ и предковъ (евреевъ), принявшій христіанство, родомъ изъ Салоникъ, состоявшій переводчикомъ по греческому и турецкому языкамъ при вратахъ царя [1], говорилъ намъ, что евреи превосходятъ всѣ народы хитростью и изворотливостью, но что московиты и ихъ превосходятъ и берутъ надъ ними верхъ въ хитрости и ловкости.

Базаръ въ этомъ городѣ бываетъ по средамъ и пятницамъ круглый годъ; на него съѣзжаются изъ всѣхъ деревень и составляютъ рынокъ для купли-продажи, при чемъ открываются и всѣ ряды. Базаръ происходитъ на этой площади и здѣсь бываетъ невозможная тѣснота отъ большого скопленія народа. Покупаютъ и продаютъ все, потребное человѣку, безпрепятственно. Если случится въ среду или пятницу господскій или (другой) выдающійся праздникъ, то лавокъ не открываютъ и не бываетъ торговли до окончанія обѣдни.

Глава II.

Москва.—Описаніе Кремля, Китай-города и Бѣлаго города Земляной валъ. Наказаніе шпіона.

Что касается вида крѣпости царскаго дворца, то, какъ мы сказали раньше, она окружена большимъ рвомъ, по краямъ котораго съ обѣихъ сторонъ идутъ двѣ стѣны съ зубцами, а за этими еще двѣ очень высокія стѣны съ башнями. Крѣпость имѣетъ пять воротъ и каждыя ворота въ своемъ проходѣ имѣютъ 4—5 дверей и непремѣнно рѣшетчатую желѣзную дверь, поднимаемую и опускаемую посредствомъ ворота. Надъ большими царскими восточными воротами снаружи находится

---

[1] Авторъ употребилъ это выраженіе въ соотвѣтствіе съ турецкимъ *Баб али*, Высокая Порта.

образъ Господа Христа, стоя благословляющаго: Его нижнее одѣяніе голубое съ золотыми разводами, а верхнее—бархатное также съ золотомъ. Этотъ образъ называютъ *Спасъ*, т. е. Спаситель, *Смоленскій;* именно такъ Онъ явился ихъ святымъ Зосимѣ и Савватію. Снутри воротъ, со стороны дворца, образъ Дѣвы на престолѣ съ московскими архіереями въ моленіи передъ Ней. Надъ воротами возвышается часовая башня—огромное строеніе. На вторыхъ воротахъ снаружи образъ св. Николая, который держитъ въ правой рукѣ обнаженный мечъ, а въ лѣвой этотъ городъ, ибо онъ избавилъ его отъ злобы невѣрнаго Тамерлана, о чемъ мы потомъ разскажемъ. Эти ворота называются *Никольска фрата*, т. е. ворота св. Николая. Съ внутренней ихъ стороны образъ Господа, предъ коимъ въ моленіи предстоитъ св. Леонтій со своими содругами, архіереями Ростова. Третьи ворота съ огромнымъ укрѣпленіемъ, ибо здѣсь ровъ очень глубокъ и воды много. У этихъ воротъ длинный мостъ, въ началѣ котораго со стороны города огромная башня, служащая защитой какъ воротамъ, такъ равно и мосту. На мосту съ обѣихъ сторонъ также двѣ стѣны съ зубцами. Снаружи, на воротахъ упомянутой башни, стоитъ образъ царя Константина, а надъ внутренними воротами образъ царя Владиміра. Что же касается воротъ Кремля, то снутри ихъ образъ Владычицы Платитера (Знаменія): вокругъ Нея небеса, ангелы и четыре евангелиста. Надъ этими воротами высится громадная башня, въ коей находятся вторые желѣзные часы; ихъ бой слышатъ живущіе съ западной стороны Кремля, потому что часы помѣщены высоко. Такъ какъ эта башня и ворота возвышаются значительно, то подъемъ по упомянутому мосту весьма великъ. По причинѣ того, что насупротивъ этихъ воротъ, внутри (Кремля), находится подворье (монастыря) св. Троицы, гдѣ постоянно пребываетъ его келарь, надъ воротами помѣщена икона Троицы: Авраамъ, Сарра и трапеза. Четвертыя ворота, возвышающіяся надъ царскими цвѣтниками и садами, находятся съ югозападной стороны Кремля; на нихъ образъ Іоанна Крестителя. Пятыя ворота, на южной сторонѣ Кремля, имѣютъ изображеніе Самарянки и Господа Христа у колодца: ихъ называютъ *Фодали фрата*, т. е. Водяныя ворота, ибо чрезъ эти ворота ходятъ брать воду изъ рѣки Москвы, протекающей подлѣ нихъ; ими же проходятъ въ день Крещенія и 1-го августа для совершенія водосвятія. Такъ какъ эта сторона, обращенная къ рѣкѣ, составляетъ край города, то имѣетъ также четыре стѣны и огромную башню снаружи воротъ. Напротивъ нихъ, по ту сторону рѣки, находится много садовъ, принадлежащихъ царю, и обширная площадь для конницы съ безчисленнымъ множествомъ пушекъ, разложенныхъ на ней одна подлѣ

другой для украшенія; нѣкоторыя изъ нихъ тройныя съ тремя казенными частями; здѣсь идетъ дорога въ Калугу и Путивль.

Внутри Кремля прежде не было воды, и для царской кухни воду доставляли посредствомъ черпальныхъ колесъ изъ упомянутой рѣки, но во дни нынѣшняго царя пріѣхалъ одинъ франкъ изъ нѣмцевъ и соорудилъ на берегу рѣки огромную башню, куда провелъ воду посредствомъ колеса, устроивъ колеса и приспособленія, для того чтобы поднимать воду ночью и днемъ безъ всякаго труда и снабжалъ ею царскій дворецъ для всякихъ потребностей. Онъ выкопалъ 4—5 огромныхъ колодцевъ, выстроилъ надъ ними куполы, (провелъ) трубы и желоба и сдѣлалъ снаружи желѣзное колесо: если понадобится вода, повертываютъ колесо одной рукой и вода течетъ въ изобиліи, когда это нужно. Вотъ что находится вокругъ царскихъ палатъ снаружи, что мы видѣли собственными глазами, а что внутри, того мы не знаемъ: чужестранецъ, хотя бы онъ былъ самъ Христосъ, отнюдь не допускается внутрь ихъ. Вотъ описаніе царской крѣпости.

Что касается второй городской стѣны, то она начинается отъ угловой башни крѣпости съ восточной стороны, на берегу Москвы-рѣки, а другой конецъ идетъ отъ другой угловой башни вдоль другой рѣки. Эта стѣна находится съ восточной стороны крѣпости, окаймляетъ вышеупомянутую большую площадь и всѣ ряды и имѣетъ семь воротъ: двойныя у моста черезъ рѣку, двойныя же насупротивъ нихъ у конца площади, въ самомъ началѣ другого моста чрезъ другую рѣку и озеро; остальныя трое воротъ одиночныя. Каждыя ворота имѣютъ снаружи и снутри образъ, именемъ котораго называются: на однихъ образъ Богородицы, (извѣстной) подъ именемъ Казанской; на другихъ— образъ Маріи Египетской, на третьихъ—образъ св. пророка Иліи; на остальныхъ воротахъ другія иконы.

Третья стѣна города извѣстна подъ именемъ Бѣлой стѣны, ибо она выстроена изъ большихъ бѣлыхъ камней; ее построилъ царь Василій [1], сынъ въ Бозѣ почившаго царя Ивана. Двѣ же первыя стѣны кирпичныя. Эту стѣну онъ вывелъ съ южной стороны Кремля по берегу рѣки и кругомъ города. Она больше городской стѣны Алеппо и изумительной постройки, ибо отъ земли до половины (высоты) она сдѣлана откосомъ, а съ половины до верху имѣетъ выступъ, и (потому) на нее не дѣйствуютъ пушки. Ея бойницы, въ коихъ находится множество пушекъ, наклонены книзу, по остроумной выдумкѣ строителей: такихъ бойницъ мы не видывали ни въ стѣнахъ Антіохіи, ни Кон-

[1] Она построена при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

стаптинополя, ни Алеппо, ни иныхъ укрѣпленныхъ городовъ, конхъ бойницы идутъ ровно, (служа) для стрѣльбы надъ землею вдаль; а изъ этихъ можно стрѣлять во всякаго, кто приблизится къ нижней части стѣны, и это по двумъ причинамъ: первая, что стѣна непохожа на городскія стѣны въ нашей странѣ, снизу до верху ровныя, легко разрушаемыя, но она, какъ мы сказали, съ откосомъ, а бойницы одинаково наклонены къ низу стѣны. Конецъ этой стѣны доходитъ до угла второй стѣны. Такимъ образомъ эта бѣлая стѣна окружаетъ край города съ западной стороны Кремля и бо́льшую часть города съ востока и съ сѣвера, ибо городъ имѣетъ протяженіе съ востока на западъ, и (съ этой стороны) окруженъ двумя стѣнами; съ юга же, гдѣ его защищаетъ великая рѣка Москва, идетъ одна стѣна. Въ бѣлой стѣнѣ болѣе пятнадцати воротъ, кои называются по именамъ различныхъ иконъ, на нихъ стоящихъ. Всѣ эти надворотныя иконы имѣютъ кругомъ широкій навѣсъ изъ мѣди и жести для защиты отъ дождя и снѣга. Передъ каждой иконой виситъ фонарь, который опускаютъ и поднимаютъ на веревкѣ по блоку; свѣчи въ немъ зажигаютъ стрѣльцы, стоящіе при каждыхъ воротахъ съ ружьями и другимъ оружіемъ. Во всѣхъ воротахъ имѣется по нѣскольку большихъ и малыхъ пушекъ на колесахъ. Каждыя ворота не прямыя, какъ ворота Ан-Насръ и Кишласринъ въ Алеппо, а устроены съ изгибами и поворотами, затворяются въ этомъ длинномъ проходѣ четырьмя дверями и непремѣнно имѣютъ рѣшетчатую желѣзную дверь, которую спускаютъ сверху башни и поднимаютъ посредствомъ ворота. Если бы даже всѣ двери удалось отворить, эту нельзя открыть никакимъ способомъ: ее нельзя сломать, а поднять можно только сверху.

Что касается великаго земляного вала, похожаго на огромные холмы и имѣющаго рвы снутри и снаружи, то онъ окаймляетъ всю городскую стѣну и между нимъ и ею заключается большое пространство. Его построилъ патріархъ Филаретъ, дѣдъ нынѣшняго царя. Окружность его тридцать верстъ. Онъ неприступнѣе всѣхъ каменныхъ и кирпичныхъ стѣнъ, даже желѣзныхъ, ибо противъ нихъ непремѣнно найдется какое-нибудь средство: мина, разрушеніе, паденіе, а земляной валъ ничѣмъ не возьмешь, потому что пушечныя ядра въ него зарываются.

Вотъ точное описаніе города Москвы и ея стѣнъ, какъ мы ихъ видѣли собственными глазами, бросая на нихъ взоры украдкой, ибо стрѣльцы, стоящіе у каждыхъ воротъ, какъ только замѣтятъ, что кто-нибудь пристально смотритъ на стѣну или пушку, лишаютъ его жизни, хотя бы онъ былъ изъ ихъ же народа. На этой недѣлѣ схватили

одного изъ такихъ, замѣтивъ, что онъ ходитъ и разсматриваетъ городскія стѣны, и представили его визирю, раздѣли до гола и обвели по городу со связанными руками, при чемъ за нимъ шелъ палачъ съ кнутомъ изъ бычачьихъ жилъ, непрестанно крича, что это шпіонъ и что таково ему возмездіе, и билъ его до полусмерти. Мы видѣли его спину и плечи—зрѣлище, отъ котораго сердце сжимается, ибо тѣло было изорвано и отваливалось клочьями, а кровь текла рѣкой. Подъ конецъ онъ лишился жизни, ибо послѣ этого истязанія его бросили голаго въ тюрьму, гдѣ онъ замерзъ и умеръ.

Вслѣдствіе множества домовъ и жителей въ этомъ городѣ, есть дома и дворцы даже за городской стѣной и валомъ, и быть можетъ больше чѣмъ внутри (стѣнъ), ибо люди вездѣ любятъ открытыя мѣста. Много разъ, когда мы отправлялись съ нашимъ владыкой патріархомъ загородъ, въ одну изъ четырехъ сторонъ города, въ саняхъ или въ каретѣ, я замѣчалъ по франкскимъ часамъ, которые имѣлъ въ карманѣ, что отъ нашего мѣстожительства, т. е. монастыря внутри Кремля, въ срединѣ города, до земляного вала болѣе часа ѣзды, а пѣшеходу потребуется, вѣроятно, больше полутора часа; такимъ образомъ протяженіе этого города отъ запада къ востоку, какъ опредѣлилъ я, убогій, три полныхъ часа ходьбы. Деревни, примыкающія кругомъ къ городу, безсчетны и находятся отъ него въ разстояніи одной, двухъ, трехъ и семи верстъ: онѣ были видны намъ извнутри города. Прежде многія изъ этихъ близкихъ къ городу деревень принадлежали вельможамъ государства, но нынѣшній царь взялъ ихъ въ свою собственность, и не только въ этомъ городѣ, но и во всѣхъ областяхъ своего государства, установивъ царскій законъ, въ силу котораго деревни ближе семи верстъ отъ города принадлежатъ царю, а дальше вельможамъ.

Глава III.

Москва.—Предосторожности отъ пожаровъ. Устройство пожарной части. Два боярина изъ турокъ. Свѣдѣнія, сообщенныя ими, о приказахъ, областяхъ и доходахъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Для службы при дворѣ и его надобностей назначенъ великій субаши [1], который постоянно, день и ночь, оберегаетъ дворецъ отъ пожара, а въ городѣ поставленъ другой субаши, который объѣзжаетъ его ночью и днемъ, изъ опасенія пожара.

[1] Субаши—полицейскій офицеръ.

Въ это лѣто они запечатали лежанки и печи, кои открываютъ только по четвергамъ, чтобы жители могли испечь въ нихъ хлѣбы. Всякого, у кого замѣтятъ дымъ, выходящій изъ дома, тащатъ, бьютъ, заключаютъ въ тюрьму и берутъ съ него большой штрафъ. Вся эта строгость существуетъ ради (предупрежденія) пожаровъ, и эта мѣра весьма стѣснительна. Когда варятъ кушанье на открытомъ дворѣ, то боятся, чтобы вѣтеръ не разнесъ огонь и не загорѣлись окружающіе дома, ибо всѣ дома въ этой странѣ, какъ мы сказали, деревянные. Жизнь ихъ очень мрачна, подобно какъ въ Константинополѣ и его округѣ, даже хуже, ибо много разъ по ночамъ случался большой пожаръ: куда было бѣжать имъ, бѣднымъ обитателямъ этихъ домовъ и кварталовъ, и что дѣлалось съ ихъ вещами? По этой причинѣ (жители) каждой улицы держатъ свои сундуки въ своей каменной церкви, изъ опасенія подобнаго (бѣдствія). Если случится пожаръ ночью или днемъ, изъ того квартала (гдѣ пожаръ) даютъ объ этомъ знать: спѣшатъ на колокольню и бьютъ въ колоколъ объ одинъ край, чтобы услышали сторожа, находящіеся постоянно на кремлевской стѣнѣ; именно: съ четырехъ сторонъ кремлевской стѣны надъ каждыми воротами есть деревянная палатка, въ родѣ келейки, господствующая высоко надъ окрестностями; тамъ виситъ большой колоколъ, обращенный къ одной изъ сторонъ города. Сторожа наблюдаютъ постоянно лѣтомъ и зимой, поочередно, ночью и днемъ, и какъ только замѣтятъ огонь, хотя бы за землянымъ валомъ, сильно звонятъ въ колоколъ объ одинъ край, причемъ колоколъ издаетъ весьма непріятный звукъ. Услышавъ его звонъ, всѣ ратники, находящіеся въ той сторонѣ, тотчасъ узнаютъ, гдѣ пожаръ, спѣшатъ съ сѣкирами и кирками, разрушаютъ все, что кругомъ пожара, и тушатъ его. Если пожаръ великъ, является и народъ, а кто полѣнится и не придетъ, тотъ подвергается строгому наказанію отъ субаши и большому штрафу. Лѣтомъ, какъ мы замѣтили, пожаровъ бываетъ больше чѣмъ зимой, ибо зимой дома покрыты снѣгомъ, а лѣтомъ отъ солнечнаго жара они какъ спички (легко воспламеняются).

Эти двое субашей—родные братья, родомъ турки изъ области Румеліи, дѣти одного изъ тамошнихъ пашей. Впослѣдствіи мы близко познакомились съ ними и между нами возникла большая дружба. Они знаютъ греческій, турецкій и персидскій языки. Они разсказывали намъ, что отправились съ визиремъ Хосровъ-пашой въ походъ на Багдадъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, который былъ пашой румелійскимъ. Когда визирь былъ разбитъ и отецъ ихъ убитъ, кизилбаши (персіяне) взяли ихъ въ плѣнъ и они сдѣлались самыми приближенными слугами

шаха. Непрестанно ухищряясь, они наконецъ бѣжали отъ него и въ пятнадцать дней, съ быстротою гонцовъ, (находясь въ пути) день и ночь, прибыли въ Грузію къ Теймуразъ-хану. Оттуда они проѣхали въ Молдавію, гдѣ ихъ окрестилъ въ Бозѣ почившій Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, согласно ихъ желанію и просьбѣ, и они получили высокое назначеніе у царя, а именно: когда царь узналъ о нихъ, Ѳеофанъ отправилъ ихъ съ письмами къ покойному Михаилу, отцу нынѣшняго царя. Онъ обрадовался имъ, возвелъ ихъ на высокую степень и назвалъ по ихъ сану князьями, т. е. сыновьями бея, ибо цари обычно не оставляютъ втунѣ ничьего происхожденія. Одного изъ нихъ зовутъ князь Анастасій, а другого князь Ѳеодоръ. Они часто приxаживали къ нашему владыкѣ патріарху и мы замѣтили въ нихъ набожность, усердіе къ молитвѣ и умѣнье читать по-русски бо̀льшія, чѣмъ у вѣрующихъ. Они нѣсколько разъ принимали насъ въ своихъ дворцахъ и сообщали намъ о многомъ, но не хотѣли говорить по-турецки, ни читать на этомъ языкѣ, ибо приснопамятный патріархъ Филаретъ, дѣдъ нынѣшняго царя, какъ они говорили, заставилъ ихъ поклясться на Евангеліи, что они не будутъ говорить и читать по-турецки, дабы снова не оскверниться. Это малая часть изъ видѣнныхъ нами чудесъ нашего вѣка. На вопросы наши, они сообщили намъ о числѣ стрѣльцовъ, составляющихъ стражу Кремля: таковыхъ, по ихъ словамъ, 600 человѣкъ, и они смѣняются ежедневно. Они сообщили намъ что внутри и внѣ Кремля есть около семидесяти приказовъ, т. е. диванов̀ъ, по всѣмъ дѣламъ и тяжбамъ: нѣсколько приказовъ (по дѣламъ) о наслѣдствахъ, приказъ для монаховъ и монастырей, приказъ для конницы, приказъ стрѣлецкій, нѣсколько приказовъ для разнаго рода чиновъ правительственныхъ и военныхъ, на подобіе военныхъ судей [1] и иныхъ; приказъ для взиманія государственныхъ доходовъ, приказъ для расходовъ, приказъ по выдачѣ жалованья, приказъ для пословъ и всѣхъ пріѣзжихъ чужестранцевъ; въ такомъ родѣ всѣ семьдесятъ приказовъ. Всякій у кого есть какое-нибудь дѣло, отправляется въ соотвѣтственный приказъ, который и разсматриваетъ его дѣло безъ затрудненій и хлопотъ. Таково у нихъ устройство.

Они разсказывали намъ, что у царя двѣнадцать визирей; если одинъ изъ нихъ отсутствуетъ, другой не можетъ занять его мѣсто, и оно остается праздным̀ъ. Они сообщили намъ, что у царя есть семь

[1] *Кади-аскеръ,* военный судья, занимаетъ мѣсто непосредственно послѣ шейхъ-уль-ислама. Въ настоящее время такихъ судей два: одинъ для Европейской, другой для Азіатской Турціи.

областей, изъ конхъ въ каждую онъ посылаетъ двухъ визирей, называемыхъ воеводами: первая—городъ Кіевъ, т. е. вся страна казаковъ, которая еще въ древности была въ зависимости отъ Москвы; теперь она (опять) стала подвластной царю, и онъ назвался царемъ Великой и Малой Россіи и патріарха назвалъ такъ же; вторая область—Новгородъ, третья—Астрахань, четвертая—Казань, пятая—Сибирь, шестая—Псковъ, седьмая—Архангельскъ. Вотъ эти семь областей, изъ конхъ въ каждую царь посылаетъ по двое воеводъ. Меньшихъ областей мы не знаемъ. А низшіе воеводы подобны правителямъ большихъ санджаковъ [1] и окружнымъ судьямъ: не казнятъ смертью и не приводятъ въ исполненіе приговоровъ, какъ только по докладѣ царю, въ самыхъ маловажныхъ и незначительныхъ дѣлахъ, даже по отношенію къ ворамъ. Число этихъ воеводъ болѣе 1.500. Такое (воеводство) составляютъ область Коломны, заключающая болѣе тысячи [2] селеній, и Кашира, область которой содержитъ болѣе тысячи селеній и меньше коломенской. Каждый изъ этихъ воеводъ имѣетъ подъ свою властью болѣе двухъ тысячъ селеній, а наименьшій изъ нихъ—тысячу. Такъ сообщили намъ братья. Жители въ каждой области исчислены по спискамъ и никто не можетъ выселиться безъ разрѣшенія воеводы. Эти области принадлежатъ царю; города же, пожалованые издревле государственнымъ сановникамъ, безсчетны. Когда мы были въ Коломнѣ, къ намъ пріѣзжалъ одинъ изъ сельскихъ священниковъ этой области и сообщилъ, что въ ихъ селеніи свыше 20.000 душъ и что изъ нихъ, во время моровой язвы, умерло болѣе 8.000. Высчитали также, что умершихъ въ Коломнѣ было болѣе 20.000. Такъ многолюдны эти благословенныя страны!

Нѣкоторые изъ грековъ разсказывали намъ, что ежегодный доходъ турокъ—24 милліона золотомъ (милліонъ=десять разъ сто тысячъ) и эту сумму они вымогаютъ неисчислимыми беззаконіями; а ежегодный доходъ московскаго царя, какъ сообщали (братья), по закону, справедливости и правильно (собираемый), составляетъ 36 милліоновъ. Все это получается отъ торговли пшеницей и рожью, которыя продаютъ во всѣ франкскія земли, и отъ перечеканки піастръ-реала въ ходячія копейки (монеты). Мы взвѣшивали и находили каждый піастръ-реалъ равнымъ 62 или 64 копейкамъ, а стоимость реала 50 копеекъ; прибавка идетъ въ пользу государства. Третій

[1] Часть пашалыка.

[2] Такъ въ обѣихъ нашихъ рукописяхъ. Въ англійскомъ переводѣ: болѣе двухъ тысячъ.

(источникъ) доходъ—выкуриваніе водки, ибо винокуренные заводы во всемъ государствѣ принадлежатъ царю. Выкуриваютъ (водку) ночью и днемъ въ удивительныхъ заводахъ, конхъ большая часть находится на берегу рѣкъ. Вся ихъ водка получается изъ размоченной въ водѣ ржи, изъ которой дѣлаютъ хлѣбъ. Никто, ни изъ вельможъ царства, ни изъ простолюдиновъ, не смѣетъ выкуривать водку въ домѣ, но всѣ покупаютъ ее изъ казенныхъ винныхъ лавокъ. Каждое ведро обходится въ 30 коп., а продается за 100 или 120 коп.; эта прибыль тоже идетъ въ пользу государства. Ведро содержитъ около 8 стамбульскихъ окъ. Царь получаетъ большія суммы отъ таможни въ Архангельскѣ. Эти милліоны правительство собираетъ законнымъ путемъ.

Вотъ что мы узнали отъ тѣхъ двухъ братьевъ за вѣрное; кромѣ нихъ, никто не сообщалъ намъ тайнъ государства, ни изъ московитовъ, ни изъ драгомановъ, ибо со всѣхъ взята клятва на крестѣ и Евангеліи никому никогда не сообщать ихъ тайнъ.

Глава IV.

Москва—Календарныя свѣдѣнія. Служеніе патріарха Макарія. День именинъ царевны Ирины. Обиліе ставленниковъ. Служенія и крестные ходы. Троицынъ день.

Обозначеніе часовъ въ странѣ московитовъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ, какъ мы это выписали изъ ихъ синаксаря.

Восьмого сентября день и ночь бываютъ равны; 24-го день бываетъ 11 часовъ, а ночь 13. 10-го октября день бываетъ 10 часовъ, а ночь 14; 26-го день 9 часовъ, а ночь 15. Ноябрь они не считаютъ, потому что онъ остается безъ перемѣны. 11-го декабря день бываетъ 8 часовъ, а ночь 16; 27-го день 7 часовъ, а ночь 17. Перваго января день бываетъ 8 часовъ, а ночь 16; 17-го января день 9 часовъ, а ночь 15. 8-го февраля день 10 часовъ, а ночь 14; 18-го день 11 часовъ, а ночь 13. 6-го марта ночь и день равны; 22-го день 13 часовъ, а ночь 11. 7-го апрѣля день бываетъ 14 часовъ, а ночь 10; 23-го день 15 часовъ, а ночь 9. 9-го мая день 16 часовъ, а ночь 8; 25-го день 17 часовъ, а ночь 7. Іюнь мѣсяцъ они также не считаютъ, потому что онъ остается безъ перемѣнъ. 6-го іюля день бываетъ 16 часовъ, а ночь 8; 22-го день 15 часовъ, а ночь 9. 7-го августа день 14 часовъ, а ночь 10; 23-го день 13 часовъ, а ночь 11. Конецъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ понедѣльникъ Пасхи нашъ владыка патріархъ служилъ обѣдню въ большой лѣтней церкви мона-

стыря, что въ честь свв. Аѳанасія и Кирилла, патріарховъ Александрійскихъ. Также служилъ въ ней во вторникъ, среду и четвергъ. Въ пятницу пригласилъ его патріархъ Никонъ и они вмѣстѣ служили въ соборѣ по случаю памяти св. Іоны, который былъ третьимъ митрополитомъ московскимъ послѣ Петра и Алексія. По окончаніи обѣдни, совершили, по обыкновенію, *мнимосинонъ* (молебенъ) святому. Мы пошли съ патріархомъ къ нему за трапезу, которая обычно бываетъ у него, всякій разъ какъ случится память кого-либо изъ московскихъ архіереевъ. Посрединѣ былъ поставленъ столъ для нищихъ, увѣчныхъ и слѣпыхъ Патріархъ непрестанно раздавалъ всѣмъ присутствующимъ блюда съ кушаньемъ и чаши съ напитками до конца (трапезы). Встали, воздвигли Панагію, и мы возвратились въ свой монастырь.

Въ субботу пасхальной недѣли, въ Новое (Ѳомино) воскресенье, въ понедѣльникъ и вторникъ нашъ владыка опять служилъ въ той же церкви и посвятилъ четырехъ священниковъ и діаконовъ. Перваго мая день сталъ 16 часовъ. Наканунѣ 2-го мая зазвонили въ колокола патріархіи въ четвертомъ часу ночи, а потомъ въ прочихъ монастыряхъ и церквахъ, и совершили торжественную всенощную по случаю памяти св. Аѳанасія, патріарха Александрійскаго, въ честь коего, какъ мы упомянули, соборная церковь монастыря, такъ какъ они его очень почитаютъ. Когда мы вошли въ нее, была отслужена полунощница, а затѣмъ прочли часть изъ житія святого. [Послѣ этого начали утреню. При каждой каѳизмѣ изъ Псалтыря они садились и прочитывали часть изъ житія святого. Во время поліелея принесли нашему владыкѣ патріарху множество свѣчей и онъ роздалъ ихъ присутствующимъ. Послѣ Евангелія, при началѣ канона, дьяконъ вышелъ со свѣчой, а священникъ съ кадильницей кадить, и при девятомъ часѣ зажгли свѣчи. Во время *Достойно есть*, въ концѣ канона, пѣвчіе собрались на средину и всѣ вмѣстѣ пропѣли, по ихъ обычаю, *Слава въ вышнихъ Богу*]. Мы вышли только при зарѣ. Послѣ третьяго часа дня пошли къ обѣднѣ, и когда облачился нашъ учитель, мы совершили сначала царскій молебенъ, а затѣмъ водосвятіе, по окончаніи котораго игуменъ принесъ сосуды изъ воска, на подобіе бутылокъ, и нашъ учитель наполнилъ ихъ для него святой водой, дабы онъ раздалъ ихъ вмѣстѣ съ просфорами и иконами прежде всего царю и всему его дому, а затѣмъ патріарху и боярамъ, ибо такой обычай существуетъ, какъ мы сказали раньше, во всей этой странѣ: въ каждомъ монастырѣ и въ каждой церкви, составляющей каѳедру архіерейскую, дѣлаютъ то же. Закончили обѣдню рукоположеніемъ свя-

щенника и діакона. Также на другой день нашъ учитель служилъ и рукоположилъ священника и діакона.

Пятаго мая, когда была память св. Ирины, ударили въ великій колоколъ и совершили большое торжество во всѣхъ церквахъ не только въ этомъ городѣ, но и во всей странѣ московской, по случаю именинъ старшей сестры царя, руководительницы его, Ирины, ибо она родилась въ этотъ день. Разсказывали намъ о ней, что она образована, знакома съ логикой и философіей, мудрая и разсудительная; она именно руководила царемъ, пока онъ не пришелъ въ совершенный возрастъ, ибо при воцареніи своемъ онъ имѣлъ 18 лѣтъ [1] отъ роду. Многократно она просила у него (позволенія) постричься, но онъ не пускалъ ее. Онъ весьма уважаетъ ее и слушаетъ ея совѣтовъ, исполненныхъ мудрости. Для нея отслужили молебствіе съ многолѣтіемъ. Если бы царь былъ въ Москвѣ, то устроилъ бы у себя трапезу. Патріархъ Никонъ вмѣстѣ съ архіереями служилъ для нея въ соборѣ, а нашъ владыка патріархъ въ церкви монастыря, при чемъ рукоположилъ священника и діакона, ибо по причинѣ большой смертности священниковъ во время моровой язвы стали являться изъ всѣхъ захолустьевъ (ставленики) съ просьбами о посвященіи. Ихъ было такое множество, что патріархъ и состоящіе при немъ архіереи, вмѣстѣ съ архіепископомъ сербскимъ, не успѣвали рукополагать, такъ что онъ присылалъ ихъ и къ нашему владыкѣ патріарху; но и мы едва успѣвали. Среди семи патріаршихъ приказовъ есть, какъ мы сказали, одинъ, назначенный для посвященій: когда набиралось двадцать, тридцать человѣкъ (ставленниковъ), представившихъ свои бумаги казначею патріарха, который состоитъ судьей въ этомъ приказѣ, онъ докладывалъ ихъ прошенія патріарху, и послѣдній, прочитавъ прошенія, выходилъ къ ставленикамъ съ книгой: кто не умѣлъ прочесть, того онъ прогонялъ, а кто читалъ хорошо, у того на бумагѣ дѣлалъ помѣту. Надписывалъ (также) слѣдующее: «такого-то дня, мѣсяца и года я послалъ подателя этой бумаги къ нашему брату, патріарху Антіохійскому, для рукоположенія». Послѣ рукоположенія нашъ владыка патріархъ дѣлалъ на бумагѣ надпись, и (новопосвященный) отправлялся къ упомянутому казначею, чтобы онъ внесъ его имя въ книгу. Каждый священникъ платитъ, смотря по своему состоянію, прежде всего патріаршему казначею, его подчиненнымъ и писцамъ, а также людямъ архіерея, который его рукоположилъ. Видя, что приближенные и дья-

[1] Въ англійскомъ переводѣ: 12. Какъ извѣстно, Алексѣю Михайловичу было тогда 16 лѣтъ.

коны архіереи явно беруть (деньги) со ставленниковъ, стали брать и мы. Нѣкоторые изъ рукоположенныхъ тратили болѣе десяти динаровъ, иные —менѣе.

Возвращаемся (къ разсказу). [Въ воскресенье Женъ мироносицъ, въ понедѣльникъ и вторникъ нашъ владыка патріархъ опять служилъ въ монастырской церкви и посвятилъ трехъ священниковъ и діаконовъ]. Въ среду, въ Преполовеніе Пятидесятницы, раннимъ утромъ стали ударять въ великій колоколъ, дѣлая одиночные удары, и въ прочіе колокола по порядку, для того чтобы собрались городскіе священники съ своими иконами въ соборъ, ибо Преполовеніе у нихъ большой праздникъ, подобно Пасхѣ. Было совершено торжественное служеніе. Патріархъ облачился съ архіереями и всѣми священниками, и они вышли большимъ крестнымъ ходомъ, при звонѣ во всѣ колокола, за крѣпость. Дойдя до мѣста молебствій, взошли на него и отслужили царскій молебенъ. Такъ какъ въ этотъ же день, 9-го мая, приходилась память перенесенія мощей св. Николая, Ликійскаго чудотворца, изъ города Миры въ городъ Бари, что въ странѣ нѣмцевъ (Австріи), то совершено было еще большее празднество, по причинѣ великой любви ихъ къ этому святому. Праздникъ въ память перенесенія этихъ мощей содержится въ книгахъ только у нихъ и у казаковъ. Патріархъ, по возвращеніи изъ крестнаго хода, отслужилъ обѣдню въ соборѣ, а одинъ изъ архіереевъ служилъ въ церкви святого (Николая), что близъ дивана. Въ этотъ вечеръ и на другое утро было совершено большое празднество по случаю памяти св. Христофора съ собачьимъ лицомъ, и одинъ изъ архіереевъ служилъ въ новой церкви во имя его, находящейся близъ собора. [Что касается нашего владыки патріарха, то онъ служилъ каждый день отъ воскресенья Самаряныни до воскресенья Слѣпого и посвятилъ десять іереевъ и діаконовъ].

Въ шестой понедѣльникъ (по Пасхѣ), 21-го мая, совершили большое празднество съ крестнымъ ходомъ, какъ въ день Преполовенія, по случаю праздника Божіей Матери, именуемой Владимірской,— (Владимірь) это одинъ изъ (русскихъ) городовъ, гдѣ раньше скрывалась Ея икона, явилась и совершила много чудесъ. Ей установленъ праздникъ въ этотъ день. Патріархъ со своими архіереями, всѣми настоятелями монастырей, священниками столицы и съ (жителями), мужчинами и женщинами, пошелъ въ монастырь въ честь Ея. Тамъ отслужили обѣдню и возвратились только послѣ полудня. Обыкновенно, въ дни подобные этому, торговыя заведенія въ городѣ открываются только послѣ крестнаго хода и обѣдни, какъ мы объ этомъ сказали раньше. Въ среду передъ Вознесеньемъ нашъ учитель служилъ въ монастыр-

ской церкви [рукоположилъ священника и діакона] и далъ разрѣшеніе служить четыремъ священникамъ изъ страны ляховъ, совершивъ надъ ними положенный чинъ, и препоручилъ ихъ одному изъ монастырскихъ іереевъ, дабы онъ обучилъ ихъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, чину проскомидіи и литургіи.

Въ четвергъ Вознесенія московскій патріархъ пригласилъ нашего учителя и они вмѣстѣ служили обѣдню въ церкви женскаго монастыря, что насупротивъ насъ, гдѣ, какъ мы сказали, находятся гробницы всѣхъ царицъ. Сюда собрались всѣ знатные люди столицы со своими женами. Монастырь въ честь этого праздника. Послѣ обѣдни игуменья поднесла въ церкви патріархамъ позолоченныя иконы Вознесенія; ихъ послали также царицѣ и всему царскому дому.

Въ пятницу, субботу и воскресенье послѣ Вознесенія нашъ учитель служилъ въ монастырской церкви и рукоположилъ трехъ пресвитеровъ (*кусӯс*) и діакона. Въ этой странѣ не знаютъ названія *хури* и только настоятели монастырей возлагаютъ палицу, прочіе же нѣтъ; и ни въ Греціи, ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи, ни въ странѣ казаковъ не знаютъ степени *хури* и не возлагаютъ палицы, кромѣ настоятеля монастыря, дабы онъ отличался отъ священниковъ (*каһанат*): напротивъ всѣ мірскіе священники—простые пресвитеры (*кусӯс*). Поэтому, мы замѣтили, что греки также порицали и осуждали насъ за незнаніе обрядовъ и устава, такъ какъ всѣ священники нашей страны суть *хури* и всѣ носятъ палицу [1].

Въ четвергъ предъ Пятидесятницей московскій патріархъ опять служилъ обѣдню въ церкви женскаго монастыря. Съ вечера, а также и послѣ обѣдни, совершили поминовеніе по всѣмъ скончавшимся царицамъ, погребеннымъ въ этомъ монастырѣ. Въ субботу предъ Пятидесятницей служили въ церкви Архангела и также совершили поминовеніе, съ вечера и послѣ обѣдни, по всѣмъ князьямъ и царямъ

---

[1] На Востокѣ не всякій, съ полученіемъ степени священства (*каһнӯт*; одного корня съ *каһин*—священникъ; іерей, во мн. ч. *каһанат*), получаетъ и право исповѣдывать: это право, обыкновенно, дается особенно, причемъ священникъ *получаетъ палицу* и называется тогда *хури*; до тѣхъ поръ онъ *киссис*, во множ. ч. *кусус*.—Мы рѣшились передать это послѣднее слово черезъ „пресвитеры“ (условно отличая здѣсь это названіе отъ „священники“, которымъ мы переводимъ слово *каһанат*). нѣкоторымъ основаніемъ для этого выбора послужило намъ то, что, напримѣръ, при переводѣ посл. Іак. 5, 14: „да призовете *пресвитеры* церковные“, а у арабовъ стоитъ *кусӯс*; наоборотъ въ текстѣ: „Ты еси *священникъ* во вѣкъ по чину Мелхиседекову“ (Евр. 5, 4) стоитъ слово *кāһин*.

московскимъ, въ ней погребеннымъ, со времени обращенія ихъ въ христіанство.

Глава V.

Москва.—Троицынъ день. Рукоположеніе епископа Коломенскаго. Подарки новопоставленнаго архіерея. Власть архіереевъ.

Въ день великой Пятидесятницы было совершено весьма большое торжество, при звонѣ въ великій колоколъ; а послѣ обѣдни звонили во всѣ колокола, по случаю молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, потому что ее совершаютъ въ это время. Нашъ владыка патріархъ служилъ въ монастырской церкви, гдѣ также звонили въ колокола послѣ обѣдни. Каждый изъ присутствовавшихъ въ церкви принесъ съ собою пучекъ листьевъ дерева, похожаго на лавръ; ихъ разбросали по полу церкви и алтаря, чтобы на нихъ становиться на колѣна. Еще наканунѣ крестьяне привезли множество возовъ съ этими деревьями и продавали по всему городу, и всѣ жители покупали ихъ для своихъ церквей.

Въ этотъ день патріархъ Никонъ рукоположилъ новаго епископа для Коломны, на мѣсто заточеннаго [1], который былъ еще живъ. Обычай при рукоположеніи архіереевъ таковъ: буде патріархъ пожелаетъ, онъ избираетъ, кого ему угодно, а не то устраиваетъ жребій для двѣнадцати лицъ, коихъ имена пишутся на бумажкахъ; бумажки прикрѣпляютъ къ свѣчѣ и кладутъ ее на престолъ. Послѣ совершенія въ теченіе трехъ дней литургій, призываютъ маленькаго мальчика: чью бумажку онъ вынетъ, тотъ и выбранъ. По избраніи, назначаютъ къ нему четырехъ человѣкъ, одѣтыхъ въ красное суконное платье съ широкими рукавами; на головахъ у нихъ высокія шапки, а въ рукахъ палки; ихъ называютъ *халдеями* [2], т. е. они представляютъ людей Навуходоносора, когда онъ хотѣлъ сжечь трехъ отроковъ въ Вавилонѣ. Мы не могли узнать, по какой причинѣ эти люди ходятъ вмѣстѣ съ избраннымъ предъ его рукоположеніемъ, въ теченіе трехъ дней, дабы всякій, кто видитъ его, зналъ, что онъ имѣетъ быть рукоположеннымъ въ архіереи. Говорятъ, что когда царь находится въ Москвѣ, то въ день рукоположенія бываетъ великое торжество. При этомъ рукополагаемый несетъ большіе расходы: для царя ставятъ высокій тронъ противъ патріаршаго (облачальнаго) мѣста въ притворѣ, и рукополагаемый, на свой собственный счетъ, доставляетъ красное сукно для покрытія трона

[1] Павла Коломенскаго, извѣстнаго противника нововведеній Никона.

[2] Эти „халден“ были, какъ извѣстно, дѣйствующими лицами въ церемоніи „Вещного дѣйства“, которое было отмѣнено патріархомъ Никономъ.

до самой земли кругомъ, а также настилаетъ для царя дорожку изъ тяжелой парчи отъ трона до южной двери алтаря, и съ двухъ сторонъ дорожки изъ другой матеріи для прохода государственныхъ сановниковъ; отъ патріаршаго же облачальнаго мѣста до царскихъ дверей разстилаетъ фіолетовый или черный бархатъ, а съ двухъ сторонъ дорожки изъ зеленаго сукна для архіереевъ. При наступленіи времени Малаго входа, когда патріархъ входитъ въ алтарь, всѣ попираютъ эти матеріи, и царь, сойдя съ упомянутаго трона, въ коронѣ и въ царскомъ одѣяніи, исключительно назначенномъ для подобныхъ дней, проходитъ по парчѣ и становится на своемъ царскомъ мѣстѣ. По окончаніи рукоположенія, парча и красное сукно берутся для царя, матерія идетъ сановникамъ государства, бархатъ въ пользу патріарха, а зеленое сукно протопопу и служителямъ собора. Если рукополагаемый найдетъ эти матеріи въ лавкахъ, хорошо; а если нѣтъ, то беретъ изъ царской казны, уплачивая ихъ стоимость. Послѣ посвященія, четыре халдея въ томъ же нарядѣ опять ходятъ съ нимъ въ теченіе трехъ дней, при чемъ его сопровождаютъ три боярина отъ царя. Они сажаютъ его на лошадь, съ крестомъ въ правой рукѣ, и обвозятъ его въ первый день кругомъ Кремля внутри, дабы онъ благословилъ его; на второй день обвозятъ его вдоль второй городской стѣны, а на третій день—вдоль третьей стѣны, дабы отъ него, какъ отъ вновь рукоположеннаго, весь городъ получилъ благословеніе. Затѣмъ онъ подноситъ подарки, сначала царю; вотъ ихъ перечень: во-первыхъ, икону имени своей каѳедральной церкви, въ серебряно-вызолоченной ризѣ, и большую серебряно-вызолоченную чашу; ежели архіерей, подобно этому епископу, имѣетъ небогатую каѳедру, то подноситъ царю въ чашѣ 100 золотыхъ динаровъ; затѣмъ, одинъ сорокъ соболей во сто динаровъ и куски парчи, бархата, атласа, камки и другихъ матерій; если онъ митрополитъ или архіепископъ, то подноситъ больше, смотря по состоянію своей каѳедры. То же подноситъ царицѣ, но въ половину: икону, меньшую чашу съ 50 динарами, сорокъ соболей въ 50 динаровъ и нѣсколько кусковъ матерій. Подноситъ подарки также царевичу, хотя бы онъ былъ дитя, ибо, по отъѣздѣ нынѣ царя въ походъ, царскіе указы выходили не иначе, какъ отъ имени царевича Алексѣя, сына царя Алексѣя, и всѣ тяжбы и судебныя дѣла велись его именемъ; даже письма, которыя царь присылалъ своему намѣстнику, были адресованы на имя царевича, благополучнаго сына его, а не на имя намѣстника. Такъ и всѣ воеводы и правители городовъ присылали свои письма на имя его благополучнаго высочества—да сохранитъ его Богъ! Какой это благословенный плодъ! всѣ государства прибѣгаютъ къ нему за помощью и шлютъ ему свои благожеланія.

Возвращаемся (къ прерванному разсказу). Архіерей подноситъ дары также тремъ сестрамъ царя и тремъ его дочерямъ, ибо каждая изъ нихъ, хотя бы была ребенкомъ, имѣютъ свою отдѣльную казну. Кончивъ раздачу имъ подарковъ, онъ поднесъ дары, подобные царскимъ, патріарху, а также одарилъ всѣхъ его приближенныхъ, находившихся въ (Москвѣ) архіереевъ, архимандритовъ, священниковъ и дьяконовъ. Равнымъ образомъ онъ обходилъ всѣхъ государственныхъ сановниковъ и подносилъ имъ дары, смотря по ихъ сану; затѣмъ поднесъ дары тремъ боярамъ, которые ходили съ нимъ три дня по городу, каждому по его степени: динары, соболя и матеріи, а тѣмъ, которые пониже, куницу. Такіе расходы несетъ архіерей въ этой странѣ; епископу, какъ этотъ (Коломенскій), не хватитъ 3000 динаровъ, а другимъ даже и 6000, какъ мы достовѣрно узнали.

По истинѣ, архіерей въ этой странѣ есть важнѣйшій правитель, коему подчиняется воевода. Въ его рукахъ имущество церкви и ея сокровища. Но надъ нимъ есть блюстители и полномочные, кои сообщаютъ о немъ все въ подробности. Три раза въ году онъ пріѣзжаетъ (въ Москву) для поднесенія подарковъ: на праздники Рождества и Крещенія, на праздникъ Пасхи и въ праздникъ своей церкви. При этомъ требуются большіе расходы и много тратъ, ибо епископъ, какъ этотъ (Коломенскій), имѣетъ при себѣ священниковъ, дьяконовъ, монаховъ, анагностовъ, иподьяконовъ, пѣвчихъ, чиновныхъ лицъ, повѣренныхъ, служителей и ратниковъ, болѣе ста человѣкъ; ежедневно они ѣдятъ и пьютъ на его счетъ и два раза въ годъ, лѣтомъ и зимой, получаютъ жалованье и одежду. Сочти, сколько нужно на нихъ расходовъ! Если случится, что царь отправляется въ походъ, какъ въ нынѣшнемъ году, то онъ налагаетъ на архіереевъ обязанность доставить людей, провизію и прочее, смотря по средствамъ каждаго изъ нихъ. Таково слѣдствіе хорошей распорядительности въ этой странѣ. Архіереи и настоятели монастырей пользуются только титуломъ, а что касается богатствъ, то всѣ они находятся въ распоряженіи царя — не такъ, какъ было при Гераклія, царѣ греческомъ, который, идя войной на персовъ, взялъ изъ церквей всѣ сосуды и перелилъ ихъ (въ монету), за неимѣніемъ денегъ въ государственной казнѣ. Здѣсь же управленіе вотъ какое: столько тысячъ войска и милліоновъ расхода (потребовалось), и царь лично участвуетъ въ походѣ, который длится уже два года, а еще не открывали ни одного изъ казнохранилищъ, но все получаютъ отъ архіереевъ, монастырей и другихъ. Какой же смыслъ имѣютъ ходячія въ нашей странѣ рѣчи, что христіане не умѣютъ править государствомъ? Да, мы и греки не умѣемъ управлять: это намъ не по силамъ, какъ сказалъ одинъ изъ знающихъ людей у насъ: «Какое сравненіе

между плохимъ управленіемъ грековъ и ослѣпленіемъ ихъ очей и сердецъ—[ибо, въ эпоху своего могущества, они позволили туркамъ выстроить крѣпость въ заливѣ Чернаго моря (эту крѣпость мы сами видѣли), пока, при помощи ея, тѣ не покорили ихъ, уничтоживъ ихъ царство]—и здѣшнимъ умѣньемъ управлять, такъ что иностранцу невозможно утаиться между ними, ни шпіону проникнуть въ ихъ страну!» Чужестранцу, хотя бы онъ былъ патріархъ, они не сообщаютъ своихъ сокровенныхъ тайнъ, и (такъ дѣлаютъ) не только вельможи, но и простолюдины и малыя дѣти. Все это происходитъ отъ того, что они знаютъ о случившемся съ греками и о потерѣ ими царства. Да расширитъ Богъ ихъ разумъ и умѣнье управлять еще болѣе того умѣнья и разума, которые мы видѣли! Пусть никто не говоритъ, что христіанамъ господство не подобаетъ, ибо, кто не видѣлъ собственными глазами, тотъ, быть можетъ, не повѣритъ этимъ извѣстіямъ и описаннымъ нами превосходнымъ качествамъ, но Богъ свидѣтель, что я лжи не говорю и не взялъ съ нихъ взятку за то, что такъ хвалю ихъ: я хвалю ихъ умъ и хорошее управленіе.

Глава VI.

Москва.—Поднесеніе рѣдисокъ патріарху Макарію. Длинные лѣтніе дни. Лѣтніе жары и холодные напитки. Помиловеніе на „убогихъ домахъ“.

Возвращаемся (къ разсказу). Перваго іюня часы били 18½ часовъ и солнце не сходило съ куполовъ соборной церкви и съ купола высокой колокольни. День оставался такимъ только до 6 числа этого мѣсяца, когда началъ понемногу убавляться. Въ этотъ день царица, вмѣсто царя, прислала, по ихъ обычаю, нашему владыкѣ патріарху маленькихъ рѣдисокъ на блюдѣ, т. е. начатки новыхъ плодовъ. Боярынъ, принесшій блюдо, поднесъ его съ такими словами: «царевичъ Алексій, сынъ царя Алексія, кланяется твоей святости, блаженнѣйшій, и подноситъ тебѣ эти рѣдиски, начатки новыхъ плодовъ,» и поклонился до земли. Нашъ учитель выразилъ царевичу, какъ подобаетъ, свои молитвенныя благожеланія, сдѣлавъ при этомъ также поклонъ, дабы вельможа такъ поклонился за него царевичу. Мы дали ему въ подарокъ благовоннаго и алеппскаго мыла и платокъ, также и сопровождавшимъ его лицамъ, проводили его за двери и онъ удалился.

Что касается колокольнаго звона, начиная съ Пасхи и далѣе до лѣта, то по причинѣ долготы дня звонили къ вечернѣ въ двѣнадцатомъ часу [1] или ранѣе, ночью въ четвертомъ часу, а къ утренѣ воскре-

[1] На Востокѣ счетъ сутокъ (именно часовъ ночи) начинается съ заката солнца; 12 часовъ спустя послѣ заката начинается счетъ дня. Въ маѣ солнце за-

сеній и праздниковъ до или послѣ перваго часу ночи. Обрати вниманіе на эти порядки, посмотри, съ какой поспѣшностью ходятъ они къ службамъ въ теченіе пятидесятидневныхъ періодовъ, въ лѣтнее время вставая на молитву въ полночь. А мы изъ-за этого испытывали горечь, стѣсненія и тяжкіе труды, — не могши спать ночь, вслѣдствіе ихъ обычая: они ложатся до заката солнца, чтобы встать ночью; мы же, по непривычкѣ, не могли спать до ночи, какъ они. Не успѣвали мы заснуть, какъ приходилось вставать, а послѣ службы мы уже не могли заснуть. Но на все воля Божія! Что касается положенія солнца лѣтомъ, то оно восходило, по обыкновенію, съ востока, но заходило не на западѣ, а на сѣверо-(западѣѣ); такимъ образомъ мы съ изумленіемъ видѣли, какъ оно ходило кругомъ (по небу), не исчезая—по крайней мѣрѣ ясный кругъ оставался въ теченіе всей ночи, ибо, послѣ того какъ часы били 18½ часовъ, ночного мрака не наступало, а была заря и много свѣта, и намъ казалось, какъ будто это день. Мы нарочно выходили на монастырскій дворъ, гдѣ бѣгло читали греческія книги — а, вѣдь, нѣтъ шрифта мельче греческаго. Отблескъ солнца проникалъ къ намъ внутрь жилища, и мы видѣли, какъ оно подвигалось отъ сѣверо-запада къ сѣверу, пока по утру не достигало востока и не начинался день. О, чудо! гдѣ оно ходитъ ночью и къ какому міру удаляется? Хвала Богу, сотворившему его! Да не сочтетъ никто лживыми наши слова! Богъ свидѣтель, что мы такъ видѣли. Замѣтивъ, какъ мы дивимся этому, многіе изъ тѣхъ, которые ѣздили на англійскіе острова, т. е. въ Англію, разсказывали намъ, что, начиная отъ Архангельской пристани, по направленію къ Англіи, ночь бываетъ только 2½ часа, да и то не ночь, а день, такъ какъ темнота бываетъ небольшая и солнце остается видно и свѣтитъ; чужеземецъ не съумѣетъ отличить ночи отъ дня. Такимъ образомъ куполы собора и церкви Благовѣщенія ночью свѣтились и блестѣли, будучи густо позолочены, особливо же куполъ высокой колокольни, которая, какъ мы сказали, видна со всѣхъ сторонъ на далекомъ разстояніи, по причинѣ густой позолоты своего купола. О удивленіе! въ іюнѣ и іюлѣ мы просиживали до 18-го или 17-го часа—на цѣлые три часа дольше, чѣмъ въ своей странѣ—пока не наступалъ вечеръ; а на нашей родинѣ люди въ это время уже спокойно спали: здѣсь былъ день, а тамъ ночь. Хвала и слава въ вышнихъ Богу!

Въ сравненіи съ суровостью и силой холода и морозовъ зимой,

ходитъ въ Москвѣ въ 8—8½ час.; слѣдовательно авторъ говоритъ здѣсь о звонѣ къ вечернѣ, по нашему счету, въ 8-мъ часу вечера, къ утрени—въ полночь, и къ воскресной или праздничной утрени въ 8—9 часовъ наканунѣ съ вечера, т.-е. вслѣдъ за вечерней.

въ декабрѣ и январѣ, жара и зной въ эти мѣсяцы, іюнѣ и іюлѣ, бываетъ сильнѣе. Мы томились отъ зноя въ своихъ комнатахъ, а московиты, отъ богатыхъ до бѣдныхъ, находились, со всѣми своими боченками напитковъ, въ погребахъ на льду, который они набрали съ рѣкъ въ теченіе великаго поста и наполнили имъ погреба. Продавцы рыбы также привозили ее не иначе какъ на телѣгахъ, наполненныхъ снѣгомъ, въ который она была зарыта, чтобы не портилась. По причинѣ сильной студености ихъ воды и напитковъ, которые держатъ лѣтомъ въ погребахъ, никто не могъ вдоволь напиться, изъ опасенія лишиться зубовъ.

Кончивъ объ этомъ, возвращаемся къ своему разсказу. Въ четвергъ по Пятидесятницѣ нашъ учитель служилъ обѣдню въ монастырской церкви [и рукоположилъ священника и діакона]. У жителей этого города есть обычай въ этотъ день, четвергъ по Пятидесятницѣ, отправляться за городъ съ царемъ, царицей и патріархомъ для раздачи милостыни и совершенія службъ и поминокъ по всѣмъ умершимъ, утонувшимъ въ водѣ, убитымъ, а также по (умершимъ) пришлецамъ, съ полной радостью и веселыемъ; всѣ торговцы города и рынковъ переносятъ свою торговлю за городъ.

Глава VII.

Троицкій монастырь. — Выѣздъ патріарха изъ Москвы. Остановки и ночлегъ на дорогѣ. Царскіе путевые дворцы. Встрѣчи патріарха подъ монастыремъ. Остановка въ Клементьевѣ. Поднесеніе кушаньевъ и напитковъ отъ монастыря. Пріемъ и встрѣча въ монастырѣ. Торжественное служеніе въ Троицкомъ соборѣ.

Нашъ учитель еще раньше просилъ у патріарха, у царя и его намѣстниковъ дозволенія отправиться, по обычаю патріарховъ, на богомолье въ знаменитый монастырь св. Троицы, чтобы отпраздновать тамъ Пятидесятницу, т. е. храмовой праздникъ этого монастыря. Если бы царь былъ въ Москвѣ, то поѣхалъ бы туда на праздникъ съ царицей, патріархомъ, со всѣми боярами и людьми со всего округа московскаго, ибо тамъ бываетъ великое торжество: посѣщеніе этого святого монастыря заступаетъ у нихъ мѣсто паломничества въ Іерусалимъ ко храму Воскресенія и ко всѣмъ (тамошнимъ) святынямъ. Намъ не пришлось провести тамъ праздникъ (Пятидесятницы) и отъ царя не было до сихъ поръ извѣстій на этотъ счетъ, но сегодня увѣдомили насъ, что мы можемъ отправиться туда завтра, о чемъ заранѣе было послано въ монастырь извѣстіе. Сопровождать насъ назначены были переводчикъ и важный сотникъ съ десятью стрѣльцами. Намъ привели подводы; московскій патріархъ прислалъ нашему учителю карету, а лошадей доставили съ царскихъ конюшенъ, дабы, какъ говорили, царь

также имѣлъ свою долю участія; двѣ запасныя лошади, изъ лучшихъ царскихъ коней, съ двумя всадниками шли по обѣ стороны; всего было шесть лошадей. Снарядившись въ путь, мы выѣхали изъ города въ пятницу по Пятидесятницѣ, рано поутру, съ десятью вооруженными стрѣльцами впереди. Я сидѣлъ, по обыкновенію, въ каретѣ противъ нашего учителя. Монастырь отстоитъ отъ города въ 60 верстахъ. Когда мы, миновавъ земляной валъ, выѣхали въ открытое мѣсто, то замѣтили, что села и деревни шли непрерывно по всей дорогѣ отъ столицы до монастыря, и между ними лежалъ нашъ путь. Мы ѣхали до вечера, сдѣлавъ 50 верстъ. По выѣздѣ изъ города, два раза отдыхали у рѣчекъ, чтобы освѣжиться, и прибыли въ село, по имени *Здфижни* (Воздвиженское), принадлежащее царю, съ обширнымъ дворцомъ, садомъ и большимъ озеромъ и съ деревянной церковью, во имя св. Алексія, человѣка Божія. Тутъ мы ночевали, пославъ увѣдомленіе въ монастырь. Большинство селъ на этой дорогѣ принадлежитъ царю; въ каждомъ селѣ и деревнѣ есть обширный деревянный дворецъ. Причиной (построенія ихъ) было то уваженіе, какимъ пользуется этотъ монастырь: говорятъ, что въ Бозѣ почившій отецъ царя вмѣстѣ съ его матерью много разъ ходили туда пѣшкомъ изъ столицы; царь шелъ съ боярами, а царица съ ихъ женами; такой же обычай и у этого царя и царицы. Поэтому-то съ давняго времени построили по дорогѣ эти многочисленные дворцы, чтобы проходить понемногу и отдыхать. Такъ какъ разстояніе въ 60 верстъ составляетъ одинъ день ѣзды, то пѣшкомъ доходили до монастыря въ три—четыре дня. Этотъ монастырь у нихъ считается наравнѣ съ Іерусалимомъ, храмомъ Воскресенія и всѣми (тамошними) святынями. Всякій, кто сходитъ туда на богомолье, получаетъ прощеніе грѣховъ. Эти разсказы мы слышали много разъ еще въ своей странѣ.

Вставъ въ субботу рано утромъ, мы проѣхали около восьми верстъ и, приближаясь къ монастырю, увидѣли его куполы. Между тѣмъ отъ архимандрита, келаря, казначея и прочей братіи были высланы люди, въ сопровожденіи монастырскихъ архонтовъ [1] и служителей, встрѣтить насъ на дорогѣ. Они спросили о здоровьѣ нашего владыки патріарха и поклонились ему до земли отъ лица пославшихъ. Послѣ нихъ встрѣтили насъ уполномоченные отъ архимандрита, келаря и казначея въ экипажахъ, въ сопровожденіи множества ратниковъ. Сойдя съ экипажей, они поклонились нашему владыкѣ до земли, спросили о его здоровьѣ и благоденствіи и поздравили съ пріѣздомъ

[1] Этимъ греческимъ словомъ авторъ обозначаетъ, вѣроятно, свѣтскихъ чиновниковъ, состоявшихъ на службѣ монастыря.

отъ имени пославшихъ; при этомъ поднесли ему большой черный хлѣбъ, большую солепую рыбу и боченокъ меда, т. е. хлѣбъ-соль, по ихъ обычаю. Затѣмъ простились съ нимъ и уѣхали. Мы же, проѣхавъ, что оставалось до 10 верстъ, прибыли въ большой посадъ, принадлежащій монастырю, по имени *Климински* (Клементьевскій), и въ его церкви отстояли обѣдню, ибо насъ дожидались. Намъ отвели помѣщеніе—но какое ужасное! мы чуть не сгорѣли отъ жара огня, разведеннаго въ печахъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, изъ уваженія къ намъ. Удивляться надо любви этого народа къ огню зимой и лѣтомъ! Вся цѣль хозяевъ этого дома была оказать намъ почтеніе—но какое это плохое почтеніе! Мы вышли вонъ и намъ бѣды не было, но нашъ владыка патріархъ не могъ показаться среди людей. Спустя немного времени опять явились тѣ, которые встрѣчали насъ на дорогѣ, и принесли съ собой роскошную царскую трапезу изъ 50—60 блюдъ разнообразныхъ, превосходныхъ яствъ. Ихъ несли монастырскіе служители, стрѣльцы. Вошелъ казначей, поклонился и остался внутри (дома), а его уполномоченные стояли внѣ вмѣстѣ съ писцомъ, который держалъ въ рукахъ списокъ и читалъ: началъ перечисленіемъ хлѣбовъ, а потомъ перечислялъ блюды съ купаньемъ по ихъ сортамъ, выкрикивая громкимъ голосомъ: «блюдо такое-то съ такой-то рыбой»—одно за другимъ, съ величайшей точностью и подробностями. Его вносили внутрь и казначей подавалъ собственноручно: сначала черный хлѣбъ, потомъ разные сорта бѣлаго, затѣмъ блюдо за блюдомъ, при чемъ онъ говорилъ: «архимандритъ и прочіе отцы подносятъ твоей святости, блаженнѣйшій, то-то и то-то и т. д. до конца, какъ это установлено, въ величайшемъ порядкѣ, пока не покончилъ съ купаньями, послѣ чего началъ подносить напитки въ большихъ оловянныхъ кувшинахъ: разные сорта меда и пр. Потомъ поднесъ въ мѣдномъ ящикѣ маленькія оловянныя кружки и кувшины, до верху покрытыя льдомъ. Въ каждомъ сосудѣ былъ напитокъ особаго сорта. Мы не могли отвѣдать ихъ по той причинѣ, что они были очень холодны. Вкусомъ съ ними не сравнится критское вино, а сладостью они превосходятъ царскіе прохладительные напитки и иные. Таковы оказались, когда мы ихъ испробовали, отмѣнная пріятность и вкусъ этихъ превосходныхъ напитковъ, которые приготовляются изъ вишни, яблокъ и многихъ другихъ (плодовъ), коихъ именъ мы не знаемъ. Поднеся эти вещи нашему владыкѣ патріарху, казначей началъ подносить то же въ меньшемъ количествѣ (нашему) архимандриту на его имя и потомъ мнѣ, архидіакону, отдѣльно. Затѣмъ онъ поднесъ медъ, квасъ и пиво для слугъ, простился съ нами и уѣхалъ. Мы же оставались (тутъ) до вечера, ибо существуетъ обычай, что, въ случаѣ по-

сѣщенія этого монастыря чужестраннымъ патріархомъ, онъ не выѣзжаетъ изъ города до пятницы, чтобы пріѣхать (въ монастырь), какъ это и съ нами было, въ субботу, незадолго до заката солнца. Его приглашаютъ и послѣ малаго повечерія угощаютъ ужиномъ. Въ началѣ ночи ударяютъ въ колокола и служатъ всенощную до утра. Будятъ его: если онъ пожелаетъ, то служитъ обѣдню, а если нѣтъ, то только присутствуетъ за ней. Затѣмъ приглашаютъ его къ трапезѣ, а послѣ нея подносятъ подарки. Передъ вечеромъ прощаются съ нимъ и отправляютъ въ дорогу. Ему позволяютъ оставаться въ монастырѣ только одну ночь: таковъ у нихъ обычай издревле и таково правило, и они его не нарушаютъ Узнавъ объ этомъ, мы прежде всего попросили дозволенія пробыть долѣе, но убѣдились, что это невозможно и что это въ высшей степени непристойно и никогда, съ древнихъ временъ не бывало; всѣ же добрые обычаи слѣдуетъ блюсти съ уваженіемъ.

Послѣ 13-го часа дня ударили въ большой колоколъ монастыря—мы услышали его – въ знакъ прибытія къ нимъ Антіохійскаго патріарха. Прислали приглашеніе, и владыка поѣхалъ въ каретѣ; мы шли пѣшкомъ кругомъ нея, а стрѣльцы впереди. Такъ дошли до монастыря. Онъ стоитъ на ровномъ мѣстѣ и не виденъ издали. Построенъ онъ на подобіе крѣпости Дамаска и по величинѣ равняется, быть можетъ съ городской стѣной Эмессы. Окруженъ огромной, высокой стѣной новой постройки, бѣлой какъ голубь. Кругомъ него сады, идущіе непрерывно одинъ за другимъ, большой городъ, женскій монастырь [1] и нѣсколько (другихъ) монастырей и церквей, пруды и мельницы. Онъ совершенъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ двухъ вещей: первое, что близъ него нѣтъ рѣки; второе, что онъ расположенъ въ долинѣ и не виденъ издали. Онъ имѣетъ двое воротъ съ восточной стороны, большихъ и великолѣпныхъ; надъ одними стоитъ огромный кіотъ—это святыя ворота, кои постоянно заперты и отворяются только, когда пріѣдетъ патріархъ или царь, для его входа. Вторыя ворота назначены для народа и животныхъ. Монастырь имѣетъ еще потаенную дверь съ западной стороны. Когда мы подъѣхали къ нему при звонѣ во всѣ колокола, нашъ владыка патріархъ, по обыкновенію, вышелъ изъ кареты и пошелъ, изъ почтенія, пѣшкомъ, по мосту огромнаго рва; помолившись у первыхъ воротъ передъ кіотомъ, вступилъ во вторыя ворота, гдѣ встрѣтилъ его архимандритъ монастыря съ іереями и діаконами въ

---

[1] Подольный Пятницкій монастырь, около 1660 г. обращенный въ приходскую церковь (см. о немъ у проф. *Е. Голубинскаго*: Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра, стр. 263—265).

великолѣпныхъ облаченіяхъ, унизанныхъ жемчугомъ. Онъ былъ въ митрѣ. Когда нашъ владыка помолился также и на иконы, стоящія надъ этими воротами, къ нему подошелъ архимандритъ и, снявъ митру, поклонился ему, а нашъ учитель благословилъ его крестомъ, который дьяконъ несъ подлѣ него [1] въ серебряномъ ковчегѣ, сначала самъ помолившись и приложившись къ нему, и осѣнилъ имъ всѣхъ. Также подходили къ нему подъ благословеніе келарь, казначей и прочіе служащіе іереи и дьяконы. Затѣмъ келарь и казначей взяли владыку подъ руки, а другіе пошли впереди него попарно, при чемъ дьяконы кадили ему, пока, миновавъ великую церковь, не привели насъ въ церковь Троицы, которую выстроилъ св. Сергій, первоначальный устроитель монастыря. Послѣ того какъ нашъ владыка помолился и приложился ко всѣмъ иконамъ и къ ракѣ съ тѣломъ святого, келарь привелъ его и поставилъ у западныхъ дверей, гдѣ всегда становится патріархъ [между тѣмъ какъ я, архидіаконъ, вмѣстѣ со своими товарищами, дьяконами казначея, сталъ подлѣ него, по лѣвую руку. Архимандритъ же съ товарищами заняли мѣста со стороны сѣверныхъ дверей, и подлѣ нихъ нашъ келарь и патріаршіе родственники,—всѣ въ отличномъ порядкѣ и съ совершенной правильностью]. Начали малое повечеріе. По совершеніи отпуста, повели насъ въ маленькую церковь подлѣ Троицкой, во имя св. Никона, ученика св. Сергія, гдѣ почиваетъ его тѣло въ ракѣ. Мы приложились къ нему и вышли. Насъ помѣстили въ каменныхъ кельяхъ, гдѣ останавливается царица. Подали трапезу. [Келарь непрестанно подносилъ разнообразныя царскія кушанья, снимая одни и ставя другія, пока не наступилъ вечеръ. Онъ также поставилъ передъ нами въ серебряныхъ кубкахъ вишневой воды, яблочной и меда всякаго сорта и всѣхъ цвѣтовъ, удивительнаго вкуса и студености, все въ оловянныхъ кружкахъ и кувшинахъ, помѣщенныхъ въ мѣдномъ ящикѣ, наполненномъ льдомъ. Мы не могли, однако, вдоволь насладиться этими восхитительными напитками, при всей необыкновенной сладости ихъ вкуса, ибо они были до того холодны, что у насъ зубы ломило и десна нарывала]. Откушавъ, мы встали ко сну, чтобы немного отдохнуть; но спать не пришлось, потому что комаровъ, блохъ и мухъ были миріады, больше чѣмъ пыли (на землѣ). Въ эти три мѣсяца: май, іюнь и іюль, бываетъ ихъ пора въ здѣшнихъ странахъ и они никому не даютъ покоя ни днемъ, ни ночью—Богъ да не благословитъ ихъ плодовитостью! Отъ ихъ множества на дорогѣ мы не могли подышать воздухомъ. Днемъ мы закрывали свои лица руками, а ночью покрывали

[1] т. е. подлѣ архимандрита.

голову и глаза, чтобы спастись отъ ихъ укусовъ. Ихъ было такое множество, что покрывала не защищали отъ нихъ, и они къ намъ проникали — Богъ да не дастъ имъ множиться за то, что они насъ мучили и терзали!

Пока мы такимъ образомъ тщетно старались заснуть, начали ударять ко всенощному бдѣнію во второмъ часу ночи [и мы встали, говоря: «слава Богу, избавившему насъ отъ зла и муки!»] Когда мы вошли въ церковь, начали великую вечерню. Вечерній псаломъ пѣли поперемѣнно на обоихъ клиросахъ съ сильнымъ растягиваніемъ. [Затѣмъ дьяконъ со свѣчой, а священникъ съ кадильницей вышли кадить, по обыкновенію.] Совершили литію, прочли молитву надъ пятью хлѣбами и виномъ и, докончивъ вечерню, дали отпустъ. [Прочли первую часть изъ житія святого и затѣмъ встали.] Зазвонили во всѣ колокола и начали утреню. Пѣніе и чтеніе по чину всенощнаго бдѣнія не прекращалось до восхода солнца. [Мы сочли и нашли, что простояли на ногахъ цѣлые шесть часовъ — и все это было сдѣлано ради оказанія намъ почета. Но что за радость намъ теперь въ такомъ почетѣ, если мы цѣлый день и ночь не вкусили сладости сна!] Мы вышли изъ церкви какъ пьяные, чувствуя головокруженіе отъ безсонницы и усталости, и пошли немного отдохнуть до третьяго часа дня, когда опять ударили въ колокола къ обѣднѣ.

Мы вошли въ вышеупомянутую церковь. Намъ дали надѣть стихари и орари, всѣ покрытые золотомъ, драгоцѣнными каменьями и обильнымъ жемчугомъ; таковы же были и фелони. Затѣмъ мы облачили нашего владыку патріарха и совершили сначала царскій молебенъ, а потомъ водосвятіе. Архимандритъ монастыря [1] также облачился. Это мужъ святой, добродѣтельный, ревностный къ вѣрѣ, неустанно совершающій службы; не смотря на то, что онъ старецъ 77 лѣтъ отъ роду, онъ читаетъ безъ очковъ. Мы начали обѣдню и нашъ учитель посвятилъ діакона. Въ этотъ день принесли чашу для литургіи, дискосъ, куполъ [2] и лжицу изъ чистаго, безпримѣснаго золота съ драгоцѣнными каменьями, а также три большія блюда для антидора, не имѣющія себѣ цѣны. Что касается кадильницы, то никто не могъ носить ее, потому что она, будучи изъ чистаго золота, вѣситъ четырнадцать фунтовъ [3]—каждые 3 фунта равны 400 драхмъ. Она осыпана драгоцѣн-

[1] Архимандритомъ въ это время былъ Адріанъ, изъ игуменовъ Ярославскаго Толгскаго монастыря.

[2] Такъ называется въ верхней Сиріи звѣздица.

[3] Въ англійскомъ переводѣ: 14 пудовъ (!).—Въ лаврской ризницѣ хранится золотое кадило, украшенное драгоцѣнными камнями, вкладъ царя Михаила Ѳеодоровича; но вѣсъ его лишь нѣсколько болѣе $5^1/_2$ фунтовъ.

ными каменьями. Что касается Евангелія, то мы не видывали подобнаго по обилію чистаго золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ и по его искусной отдѣлкѣ, приводящей умъ въ изумленіе. Никто не могъ поднять его вслѣдствіе его тяжести отъ обилія золота. Когда мы вышли съ великимъ выходомъ, множество священниковъ шли съ тремя плащаницами: одна—съ изображеніемъ снятія Господа со креста, съ узорами и письменами кругомъ—все изъ крупнаго жемчуга, котораго такъ много, что, кажется, будто это разсыпанный горохъ; вторая плащаница вышитая: отъ превосходнаго цвѣта одеждъ и лицъ кажется, будто это нарисовано красками; такая же и третья. Докончивъ обѣдню, мы пошли осматривать церковь.

Глава VIII.

Троицкій монастырь. — Церковь св. Троицы. Ризница. Исторія препод. Сергія. Успенскій соборъ. Святой колодезь.

Церковь св. Троицы невелика, четырехъугольной формы, съ большимъ куполомъ надъ хоросомъ и такъ прекрасна, что не хочется уйти изъ нея. Она имѣетъ три двери: одну съ запада, а двѣ другія ведутъ въ хорось съ юга и съ сѣвера; такъ, обыкновенно, бываетъ во всѣхъ здѣшнихъ церквахъ. Царскія врата красотой и блескомъ поражаютъ умъ: они серебряно вызолоченныя, фигурныя, какъ будто (вылѣплены) изъ тѣста. На нихъ изображено вверху Благовѣщеніе, а внизу четыре евангелиста—всѣ изъ позолоченнаго серебра, лучше нарисованныхъ кистью; отъ нихъ видны только лики. Арка (царскихъ) дверей съ ея колоннами въ томъ же родѣ. Что касается иконъ при дверяхъ алтаря, то большая часть ихъ обложена чистымъ золотомъ съ каменьями, не имѣющими себѣ цѣны. На иконахъ привѣски изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ и большія солнца съ образками, вырѣзанными на зеленомъ изумрудѣ и красномъ и голубомъ яхонтѣ—вещь, поражающая умъ и приводящая въ изумленіе зрителя; ничего подобнаго мы не видали даже въ царской церкви Благовѣщенія. Каждая икона имѣетъ соразмѣрную съ своей величиной пелену, спускающуюся до земли; на ней вышито то же изображеніе, что на иконѣ, унизано жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Что касается иконы Троицы, стоящей по правую сторону алтаря, то драгоцѣнности на вѣнцахъ ангеловъ не имѣютъ себѣ цѣны: на среднемъ вѣнцѣ круглый изумрудъ, величиною съ піастръ-реалъ (полтинникъ); на изумрудѣ вырѣзано изображеніе Троицы, т. е. три ангела, Авраамъ, Сарра и трапеза; онъ не имѣетъ

себѣ цѣны и привлекаетъ взоры всѣхъ красотою и тонкостью работы. Мы больше всего дивились на пелены иконъ; намъ казалось, что сверху до низу все икона, что изображеніе на доскѣ и шитье на матеріи — одно и то же. Красота вѣнца увеличивается множествомъ образковъ въ видѣ маленькихъ золотыхъ солнцъ среди драгоцѣнныхъ каменьевъ и жемчуга.

Въ этой церкви есть четыре ковчега съ изящными, маленькими, серебряно-вызолоченными иконами на весь годъ; ковчеги стоятъ на четырехъ столикахъ и передъ ними четыре большихъ серебряныхъ подсвѣчника. Въ церкви большія, чудесныя люстры изъ серебра и мѣди. Гробъ св. Сергія находится съ правой стороны алтаря въ серебряно-вызолоченномъ ковчегѣ съ такой же крышкой, а большая рѣшетка—изъ чистаго серебра; на крышкѣ точное изображеніе святого, шитое золотомъ, съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Полъ этой церкви—изъ дикаго камня; плиты такія большія, какихъ нѣтъ и у насъ въ Алеппо. Камень походитъ на кремень; говорятъ, что его выписалъ изъ Новгорода въ Бозѣ почившій царь Иванъ.

Три двери церкви—изъ чистаго желѣза. За западными дверями длинный нерѳексъ отъ юга къ сѣверу, прекрасно расположенный, съ двумя дверьми; въ немъ большія иконы, поражающія умъ искусствомъ исполненія: видъ Іерусалима со всѣми находящимися внутри и внѣ его церквами, монастырями и святыми мѣстами, изображеніе всей горы Божіей Синая и всей горы Аѳонской. Въ передней стѣнѣ есть потаенная дверь; насъ провели чрезъ нее туда, гдѣ находится ризница съ драгоцѣнной утварью монастыря. Здѣсь мы видѣли священническія облаченія и утварь изъ золота и серебра съ драгоцѣнными каменьями—вещи, поражающія умъ изумленіемъ и удивляющія умнаго больше чѣмъ глупца (и какъ можетъ быть иначе, когда царскіе дары съ древнихъ временъ доселѣ все увеличивается?), ризы, пелены, кадильницы, чаши и дискосы изъ золота и пр., а также покровы на гробницы царей и царицъ, погребенныхъ въ этомъ монастырѣ; большая часть покрововъ съ письменами изъ крупнаго жемчуга, съ узорами и съ золотыми звѣздами, размѣщенными въ видѣ большихъ крестовъ. Этихъ покрововъ множество, ибо ихъ мѣняютъ на гробницахъ каждое воскресенье, и на каждый большой праздникъ есть особый покровъ, какъ обычно для царскихъ гробницъ.

Затѣмъ мы приложились къ посоху св. Сергія, который основалъ этотъ монастырь, къ его ножу и ложкѣ коими онъ ѣлъ, къ его фелони изъ льняной ткани цвѣта алойнаго дерева: она сохранилась съ того времени доселѣ силою милосерднаго Бога. Намъ разсказывали объ

этомъ святомъ, что его отецъ и мать были родомъ изъ Новгорода, гдѣ отецъ служилъ воеводой. Мать его, будучи бездѣтной, усердно молилась Богу, и Онъ даровалъ ей этотъ благословенный плодъ. Она зачала его по божественному откровенію. Во время своей беременности, когда она неустанно молилась и посѣщала службы, повѣдала своимъ сосѣдямъ, что при Великомъ выходѣ младенецъ взыгралъ во чревѣ ея и поклонился нѣсколько разъ. Тогда поняли, что отъ него явятся чудныя дѣла. Когда онъ родился и выросъ, то убѣжалъ отъ родителей въ монастырь и сдѣлался монахомъ, такъ какъ они не позволяли ему принять монашество; этимъ они сильно опечалились. Чрезъ нѣсколько времени оба они умерли. Узнавъ объ этомъ, онъ пришелъ и роздалъ все, ими оставленное, бѣднымъ, отпустилъ на волю многочисленныхъ рабовъ и рабынь и, удалившись, поселился въ пустынномъ мѣстѣ, въ одиночествѣ. Много претерпѣлъ онъ огорченій и искушеній отъ діаволовъ, пока, по внушенію Духа Святаго, не пришелъ сюда. Мѣсто этого монастыря было пустыней. Святой построилъ здѣсь себѣ келью и поселился въ ней. По причинѣ множества его чудесъ, къ нему собралось много учениковъ, и при поддержкѣ князей того времени онъ основалъ этотъ монастырь и скончался.

Въ его время жилъ св. Кириллъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлозерскаго, въ подворьѣ котораго мы обитаемъ. Онъ также творилъ чудеса, ходилъ въ Іерусалимъ и на Аѳонъ и, по возвращеніи, основалъ свой монастырь, существующій и понынѣ; онъ отстоитъ отъ этого монастыря около 500 верстъ.

Въ его же время явились святые Савватій и Зосима, которые основали знаменитый Соловецкій монастырь на океанѣ. О немъ мы говорили выше.

Также въ его время явился св. Варлаамъ, который основалъ монастырь, извѣстный подъ именемъ Хутынскаго, за городомъ Новгородомъ. Многіе другіе святые, кромѣ него, явились въ то время, когда возсіялъ и разлился у нихъ свѣтъ христіанской вѣры. Творецъ явилъ имъ свѣтильниковъ вѣры для укрѣпленія въ ней новообращенныхъ, какъ въ нашей странѣ онъ воздвигъ Симеона Столпника и его сподвижниковъ. Со времени св. Сергія прошло болѣе 400 лѣтъ.

Въ этомъ монастырѣ находится много сокровищъ отъ времени прежнихъ князей и слѣдовавшихъ за ними царей до сей поры, такъ какъ они передъ своей кончиной отдавали всѣ свои сокровища вкладомъ въ этотъ монастырь, по любви къ нему. Посему этотъ монастырь не имѣетъ себѣ подобнаго не только въ странѣ московской, но и во всемъ мірѣ. Московскій царь беретъ себѣ въ доходъ со всѣхъ обла-

стей два динара (изъ трехъ), а этотъ монастырь одинъ динаръ, поэтому въ каждомъ городѣ есть таможенный сборщикъ отъ царя и другой отъ монастыря св. Троицы; царскій сборщикъ беретъ съ десяти динаровъ (рублей) 20 копѣекъ, а монастырскій сборщикъ десять, и оба выдаютъ росписки. Но въ концѣ концовъ всѣ сокровища и доходы монастыря находятся въ рукахъ царя, ибо, какъ намъ говорили монахи, они издержали въ этомъ году болѣе ста тысячъ динаровъ на разные расходы и на припасы для царя, доставленные въ Смоленскъ, о чемъ мы раньше сообщали. По этому примѣру можешь судить (объ остальномъ).

Возвращаемся (къ разсказу). По выходѣ изъ ризницы, насъ повели въ церковь св. Никона, ученика св Сергія, гдѣ покоятся его мощи въ серебряной ракѣ. Церковь маленькая, съ однимъ алтаремъ. Потомъ повели насъ въ великую церковь монастыря, называемую соборомъ; она находится посрединѣ монастыря, на возвышенномъ мѣстѣ. Она выше, больше и длиннѣе собора столицы, но совершенно въ томъ же родѣ, ибо обѣ церкви построены при царѣ Иванѣ. По обыкновенію, она имѣетъ три двери и пять алтарей, какъ Успенскій соборъ. Главный алтарь во имя Успенія Владычицы; два правые—во имя св. Варвары и мученика Ѳеодора Тирона; остальные два—одинъ для жертвенника, другой—во имя св. Николая. Въ нароексѣ этой церкви, за западными дверями, находятся могилы многихъ царей и царицъ. Церковь имѣетъ пять величественныхъ куполовъ, которые по своей высотѣ только одни и видны извнѣ монастыря. Близъ собора находится изящная церковь во имя св. Духа, гдѣ царь празднуетъ второй день Пятидесятницы; подлѣ нея святой колодезь, который вывелъ своими молитвами св. Сергій. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ скрывался, но вновь обнаружился по божественной силѣ. Этотъ колодезь не глубокъ, въ локоть глубиною, вода его исцѣляетъ больныхъ, она вкусна и пріятна. Колодезь устроенъ въ видѣ кельи, и при немъ есть служители, которые постоянно теплятъ тутъ свѣчи; богомольцы дѣлаютъ ему приношенія. Мы пили эту воду, она слаще меда—ясное доказательство, что это подлинно святая вода.

Въ этомъ монастырѣ семь церквей; изъ нихъ мы перечислили четыре; остальныя три—въ честь ихъ новыхъ святыхъ.

Глава IX.

Троицкій монастырь.—Трапезная и трапеза. Подарки отъ монастыря патріарху и его спутникамъ. Осмотръ монастырскихъ строеній подъ руководствомъ Арсенія Суханова. Колодецъ. Стѣны. Погреба. Бочки св. Сергія. Колокольня. Тюрьма и заключенные въ ней. Главныя ворота. Прощаніе и отъѣздъ изъ монастыря.

Затѣмъ повели насъ въ трапезную, которую отворяютъ только въ присутствіи царя, чѣмъ оказали нашему владыкѣ патріарху большой почетъ, согласно приказанію царя и патріарха Никона, ибо они ничего не дѣлаютъ безъ спроса и приказа: имъ было велѣно оказать нашему владыкѣ большій почетъ, чѣмъ іерусалимскому патріарху, что и было исполнено, ибо іерусалимскаго водили въ малую трапезу отцовъ, а нашего владыку патріарха въ большую царскую. Мы не знали этого, но такъ намъ сказали драгоманы. Эта трапеза какъ бы висячая, выстроена изъ камня и кирпича съ затѣйливыми украшеніями; посрединѣ ея одинъ столбъ, вокругъ котораго разставлены на полкахъ въ видѣ лѣсенки всевозможные серебряно-вызолоченные кубки, какъ обыкновенно бываетъ въ ихъ столовыхъ при посѣщеніи ихъ царемъ или патріархомъ. Нашего владыку патріарха посадили на переднемъ мѣстѣ, послѣ того какъ онъ помолился и приложился къ иконамъ красивой церкви, здѣсь находящейся. Мы сѣли ниже, а всѣ отцы монастыря сѣли за отдѣльнымъ столомъ по другую сторону. Чтецъ началъ читать изъ житія св. Сергія. Стали подавать блюда съ разными превосходными, царскими кушаньями, то и дѣло снимая поданныя и поднося новыя, одно за другимъ, до конца трапезы. Также подавали разнаго рода и цвѣта царскіе напитки, при каждомъ обнесеніи особаго сорта и въ другихъ кубкахъ. Всѣ сосуды (съ напитками) были охлаждены. Вставъ изъ-за стола, воздвигли, по обычаю, Панагію, послѣ чего начали подносить подарки, т. е. милостыню отъ монастыря, которая дается тѣмъ, кто къ нимъ пріѣзжаетъ (съ особою цѣлью), по принятому съ древнихъ временъ обычаю, а въ настоящемъ случаѣ также по приказанію царя и патріарха. Сначала поднесли нашему владыкѣ патріарху цѣнную икону Господа въ серебряно-вызолоченномъ окладѣ, съ вѣнцомъ изъ каменьевъ и жемчуга и съ пеленой, расшитой золотомъ и низанной жемчугомъ; затѣмъ икону Троицы, т. е. изображеніе св. Сергія и его ученика Никона, когда имъ явилась св. Богоматерь съ апостоломъ Петромъ и евангелистомъ Іоанномъ и дала имъ наставленія о всѣхъ монастырскихъ порядкахъ; а надъ ними изображеніе Троицы, т. е. трехъ ангеловъ; эта икона также въ серебряно-вызолоченномъ окладѣ.

Потомъ поднесли серебряно-вызолоченную чашу съ 50 динарами, сорокъ соболей, цѣною въ сорокъ динаровъ, четыре куска атласа и фіолетовой камки, двѣ черныя рясы, разнообразныя блюда и кубки изъ чудеснаго дерева, рѣзные и позолоченные, съ именемъ монастыря, на нихъ написаннымъ; это—благословеніе отъ монастыря и подобіе сосудовъ святого, изъ коихъ онъ ѣлъ и пилъ; затѣмъ ножъ и ложку, подобные тѣмъ, которые употреблялъ святой и къ коимъ мы прикладывались, а также деревянный посохъ, окрашенный въ черный цвѣтъ, съ шариками золоченными сусальнымъ золотомъ—подобіе посоха святого, къ которому мы прикладывались. Затѣмъ стали подносить намъ. Архимандриту дали икону Владычицы въ позолоченномъ окладѣ, кусокъ камки, блюда, чашки и ложки, 10 динаровъ въ бумажкѣ и черную рясу. Двумъ архимандритамъ, которые намъ сопутствовали, дали каждому по иконѣ, камки, блюда, кубки и 6 динаровъ. Мнѣ, архидіакону, дали икону Господа въ серебряно-вызолоченномъ окладѣ, камки, блюда, чаши, 10 динаровъ и черную рясу; моему товарищу, второму дьякону, и казначею—икону, камки невысокаго достоинства, блюда, чашу, 5 динаровъ и черную рясу, и то же самое дали нашему келарю и племяннику, т. е. родственнику патріарха. Затѣмъ нашему собственному драгоману дали икону безъ серебрянаго оклада и 2 динара; каждому изъ служителей такую же икону и одинъ динаръ. Наконецъ боярину, который насъ сопровождалъ, дали икону въ позолоченномъ окладѣ, серебряную чашу и камки, но онъ не взялъ ничего кромѣ иконы. Царскимъ переводчикамъ дали каждому по иконѣ и по нѣскольку динаровъ—переводчику [1] больше чѣмъ толмачу. Вотъ что намъ подарили. Мы исчислили это по порядку, не прибавляя и не убавляя. Все это записывается у нихъ въ книгахъ съ древнихъ временъ, по точно установленнымъ правиламъ: они не имѣютъ права прибавить или убавить, не спросясь царя, ибо потомъ потребуютъ отъ нихъ точнаго отчета и они должны показать, сколько ими издержано—не такъ, какъ мы слыхали въ своей странѣ, будто сколько дастъ царь, столько же и монастырь св. Троицы, ибо, будетъ-ли то даяніе царя или монастыря св. Троицы, все это доля изъ казны и собственности царя.

[1] Авторъ употребилъ здѣсь русское слово „переводчикъ“, желая повидимому, указать на различіе между переводчикомъ и толмачомъ; вѣроятно, это нѣчто въ родѣ штатнаго и нештатнаго переводчика или современныхъ драгомановъ и простыхъ переводчиковъ при посольствахъ; возможно также, что русскимъ терминомъ „переводчикъ“ авторъ обозначаетъ лицо, данное отъ московскаго правительства и имѣвшее оффиціальный характеръ, а толмачемъ—того переводчика-грека, который пріѣхалъ съ нашими путешественниками изъ Молдавіи; переводчикъ долженъ былъ заниматься письменнымъ переводомъ, а толмачъ—устнымъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Нашъ пріятель, келарь Арсеній (Сухановъ), о которомъ мы говорили, что онъ пріѣзжалъ въ нашу страну [2], выказалъ къ намъ большое радушіе и дружбу: онъ повелъ насъ показать намъ весь монастырь и все, что въ немъ есть. Сначала повелъ насъ въ келью св. Сергія, въ коей онъ обиталъ. Она деревянная и сохранилась силою Божіей доселѣ; отъ нея отрѣзаютъ кусочки дерева, кои пользуютъ отъ боли коренныхъ и (другихъ) зубовъ. Потомъ повели насъ къ удивительной монастырской цистернѣ: это очень глубокій колодецъ; при немъ большое, широкое колесо, края котораго обиты досками, на подобіе собачьихъ колесъ франковъ; употребляемыхъ при жареніи мяса; двое мужчинъ войдя въ него переступаютъ по его поперечнымъ доскамъ, подобно тому какъ поднимается собака (въ своемъ колесѣ), и оно быстро съ ними вертится. На колесѣ (намотаны) весьма толстыя веревки, которыми вытягивается съ одной стороны очень большая бочка, по наполненіи ея водой, замѣняющая ведро. Другіе двое людей опоражниваютъ ее въ жолобъ, идущій къ кухнѣ, гдѣ варятъ медъ, пиво и иные напитки.

Такъ какъ внѣ монастыря нѣтъ проточной воды для рыбы, то внутри его выкопали три большіе пруда, наполняемые дождевой водой. Въ нихъ водится много рыбы, которую ловятъ не только лѣтомъ, но и зимой; когда пруды замерзаютъ, разбиваютъ на нихъ ледъ и вылавливаютъ много рыбы—замѣть, что можетъ создать могущество царей! Внутри монастыря много садовъ, ибо, какъ мы сказали, окружность его равна городу Эмессѣ. Въ немъ есть дворцы для царя и царицы, въ коихъ они останавливаются, когда пріѣзжаютъ въ него на богомолье. Кельи въ немъ безсчетны, потому что въ немъ свыше 500—600 монаховъ.

Затѣмъ келарь показалъ намъ помѣщенія монастырскихъ арсеналовъ, гдѣ хранятся пушки безъ счета, ружья большія и малыя безъ числа, оружіе во множествѣ: луки, стрѣлы, мечи, пистолеты, копья, кольчуги и желѣзныя брони, какихъ ни одной не найдешь въ турецкой землѣ: намъ говорили, что въ странѣ франковъ существуетъ строгое запрещеніе, подъ страхомъ проклятія, вывозить оружіе и латы, подобныя этимъ, въ страну турокъ. Какъ сказалъ намъ келарь, въ

---

[2] Келарь Арсеній Сухановъ, какъ извѣстно, былъ посланъ на Востокъ, главнымъ образомъ по настоянію Никона, для собиранія древнихъ греческихъ рукописей. Онъ былъ и въ Сиріи, гдѣ познакомился съ патріархомъ Макаріемъ, въ то время еще митрополитомъ Алеппскимъ. (См. о немъ обстоятельное изслѣдованіе С. А. Бѣловурова „Арсеній Сухановъ“.)

этомъ монастырѣ оружія и снарядовъ хватитъ болѣе чѣмъ на 30.000 человѣкъ. Есть порохъ въ безчисленныхъ бочкахъ, есть также ядра и голыши для желѣзныхъ пушекъ, цѣпи и пр.

Потомъ келарь повелъ насъ вверхъ на огромную стѣну монастыря и обошелъ ее съ нами кругомъ: стѣна громадна и поражаетъ удивленіемъ. Ее выстроилъ тотъ келарь, котораго сослалъ патріархъ Никонъ По своей высотѣ, множеству отверстій и помѣщеній, она превосходитъ окружныя стѣны всего города Москвы. Стѣна эта въ четыре яруса: нижній, въ уровень съ землею, состоитъ изъ комнатокъ, наполненныхъ пушками, верхніе ярусы назначены для помѣщенія войска и для сраженія. Толщина стѣны, соотвѣтствующая ширинѣ свода, составляетъ около десяти локтей. Амбразуры по окружности ея безсчетны и разныхъ видовъ: однѣ съ наклономъ вверхъ, другія направлены прямо, а большая часть идетъ кругомъ, по низу, такъ что и птица не можетъ укрыться внизу (стѣны). Въ каждой амбразурѣ пушка на новыхъ [1] колесахъ; число пушекъ, большихъ и малыхъ, по окружности стѣны безсчетно. Что касается башенъ, то въ стѣнахъ Антіохіи не найдется ни одной имъ подобной по величинѣ, высотѣ, по ихъ восьмиугольной формѣ, по устройству, множеству камеръ, отверстій и амбразуръ съ пушками. Башенъ четыре, да двѣ надъ воротами. Мы очень дивились на это сооруженіе, на неприступность, крѣпость и обширность стѣнъ. Какъ въ стѣнахъ Антіохіи, такъ и здѣсь можно пройти по стѣнѣ кругомъ, входя въ одну башню и выходя въ другую, при полномъ просторѣ и удобствѣ; навѣрно, всадникъ на лошади можетъ безпрепятственно объѣхать по стѣнѣ. Мы пожалѣли о томъ бѣдномъ келарѣ за тонкость ума его и громадный трудъ, ибо, какъ намъ сказали, онъ истратилъ на эту стѣну изъ монастырской казны, по приказанію царя, болѣе 350,000 динаровъ. Одна сторона ея еще не кончена. Прежде стѣны монастыря были низкія и отъ долгаго времени пришли въ разрушеніе, а потому упомянутый келарь и возобновилъ ихъ въ недавнее время, при чемъ сдѣлалъ весьма большія. Умъ не можетъ представить ихъ неприступность и красоту. Вокругъ монастыря есть озера съ рыбой.

Когда мы обходили монастырь, келарь принесъ намъ стулья и, усадивъ насупротивъ царскихъ палатъ и садовъ, поднесъ намъ множество кубковъ съ критскимъ и другими винами, при чемъ напомнилъ намъ объ Алеппо и о нашемъ радушіи и гостепріимствѣ по отношенію къ нему. Потомъ онъ повелъ насъ вверхъ къ одной изъ башенъ,

---

[1] Вѣроятнѣе „желѣзныхъ“. Слово *жадид*, новый, различается на письмѣ отъ слова *хадид*, желѣзо, только одной точкой подъ буквой *х*.

и мы спустились со свѣчами туда, гдѣ находятся *бенимчатъ* [2], т. е. монастырскіе погреба. Тутъ находятся повозки и бочки со всевозможными напитками, поставленныя на ледъ. Насъ ввели туда, гдѣ находятся двѣ бочки, сдѣланныя св. Сергіемъ собственноручно; онѣ доселѣ цѣлы и невредимы. Ежегодно ихъ наполняютъ медомъ, и сколько бы изъ нихъ ни черпали, ихъ содержимое прибавляется и медъ въ нихъ никогда не оскудѣваетъ. Изъ нихъ почерпаютъ медъ и вливаютъ его во всѣ (другія) бочки, дабы снизошла на нихъ благодать. Намъ дали пить изъ нихъ, ради благословенія. Бочки покрыты матеріями и надъ ними стоятъ иконы, предъ коими всегда горятъ свѣчи. Выйдя отсюда, мы пошли осматривать колокольню. Въ ней есть колоколъ, подобный большому колоколу столицы. Говорятъ, что оба сдѣлалъ одинъ изъ царей. Его звукъ такой же громовый, какъ и у того.

Мы увидѣли въ монастырѣ новую деревянную келью съ однимъ только отверстіемъ, безъ дверей; въ ней заключены три человѣка. Мы освѣдомились о нихъ и намъ сказали, что это бывшіе дьяконы, которые, когда умерли ихъ жены во время язвы, оставили дьяконство и женились на другихъ. Патріархъ Никонъ, услышавъ о нихъ, немедленно заключилъ ихъ въ оковы и прислалъ сюда, приказавъ построить для ихъ заключенія этотъ домъ. Имъ не даютъ пищи, дабы они умерли отъ лишеній. Когда мы смотрѣли на нихъ, они громко зарыдали, такъ что сердце у насъ разрывалось, и подали нашему учителю просьбу о дозволеніи постричься въ монахи, въ надеждѣ, что патріархъ избавитъ ихъ отъ злой смерти, которая имъ угрожала. Впослѣдствіи, по ходатайству за нихъ нашего учителя, патріархъ ихъ освободилъ.

Затѣмъ мы осматривали монастырскія ворота: кромѣ желѣзныхъ дверей, они имѣютъ большую желѣзную рѣшетку, которую, въ случаѣ опасности, спускаютъ машиной и потомъ опять поднимаютъ. По истинѣ, монастырь вполнѣ неприступенъ. Входъ этихъ воротъ похожъ на входъ воротъ Алепской крѣпости. Пушки съ той и съ другой стороны выходятъ на рвы.

Когда мы все осмотрѣли, ударили въ колокола для прощанія. Нашему владыкѣ патріарху поднесли дорожный запасъ: большіе черные хлѣбы, соленую рыбу, боченки съ виномъ, медомъ и пр.; также и каждому изъ насъ дали по одному хлѣбу, по рыбѣ и по маленькому боченку, согласно составленной росписи. Когда мы уложили свои вещи, нашего учителя повели въ церковь, отслужили вечерню и простились

---

[1] Начертаніе „бинимча“ есть посильная арабская передача слова „пивница“, т. е. погребъ (такъ нужно понимать и соотвѣтствующее примѣчаніе въ вып. I, стр. 72).

съ нимъ. [Онъ благословилъ ихъ всѣхъ и они вышли и, попрощавшись съ нами у воротъ, возвратились]. Мы же тосковали и скорбѣли сердцемъ, ибо намъ хотѣлось пробыть въ монастырѣ нѣсколько дней, чтобы вполнѣ насладиться.

Нашъ владыка сѣлъ въ карету. Мы проѣхали до вечера десять верстъ и, остановившись на берегу рѣки, ночевали подъ открытымъ небомъ. Вставъ поутру въ понедѣльникъ (поста) Апостоловъ (Петрова), мы вечеромъ прибыли въ столицу и помѣстились въ своемъ монастырѣ; на дорогѣ мы три раза дѣлали привалъ на берегу рѣкъ, чтобы отдохнуть. Стрѣльцамъ и конюхамъ, въ вознагражденіе за ихъ труды и услуги намъ, мы дали, по здѣшнему обычаю, денегъ и часть своихъ запасовъ.

Глава X.

Москва.—Свѣжіе огурцы. Служенія и крестные ходы. Московскіе иконописцы. Поминовеніе по царѣ Михаилѣ.

На другой день, во вторникъ 12 іюня, патріархъ и царица прислали намъ свѣжихъ огурцовъ на блюдѣ—вторые новые плоды послѣ рѣдиски—ибо никто не ѣстъ новыхъ огурцовъ ранѣе царя и патріарха. Намъ разсказывали, и мы сами видѣли, что огородники въ великій четвергъ сѣютъ огуречныя сѣмена въ гряды и много труда полагаютъ на уходъ за огурцами, прикрывая ихъ во время холода и открывая при солнцѣ. Одинъ передъ другимъ спѣшитъ выгнать раньше свои огурцы и представить ихъ царю первымъ. Кто раньше всѣхъ представитъ огурцы, тому Богъ покровительствуетъ, ибо у этого царя, какъ было и у его предшественниковъ, есть обычай надѣлять такого человѣка большою милостью: ему дается во владѣніе деревня съ крестьянами. Такъ бываетъ ежегодно. При этомъ царь посылаетъ огурцы патріарху, а если у нихъ въ это время находится (другой) патріархъ, (то и ему), дабы они благословили первые плоды, какъ назначено въ писаніи. Потомъ раздастъ ихъ всѣмъ государственнымъ сановникамъ. Обыкновенно, бояринъ, принесшій плоды, получаетъ щедрый подарокъ, равно и его люди. Мы подарили имъ платки, мыло и пр.

[Возвращаемся (къ разсказу). Во вторую субботу по Пятидесятницѣ московскій патріархъ пригласилъ нашего учителя въ церковь Архангела, гдѣ находятся гробницы царей, и они вмѣстѣ отслужили обѣдню, въ память кончины царя Ивана и его двухъ сыновей, кои погребены въ правомъ придѣлѣ. Послѣ прошенія: «милости Божія, царства небеснаго и оставленія грѣховъ его у Христа безсмертнаго царя и Бога нашего просимъ», нѣвчіе пѣли: «(по)дай Господи»[1]. По

[1] Написано по-русски.

окончаніи обѣдни, (патріархи) стали рядомъ въ притворѣ, гдѣ облачались. На столикѣ поставили блюдо съ кутьей и сосудъ съ виномъ, а также подсвѣчникъ со свѣчой, и было совершено поминовеніе по усопшимъ. Затѣмъ всѣ пошли въ придѣлъ, гдѣ находятся гробницы царей, окадили ихъ, закончили службу и сняли свои облаченія. Мы вышли къ лѣстницѣ церкви Благовѣщенія и, пройдя чрезъ ея паперть, поднялись по лѣстницѣ дивана, гдѣ мы были раньше. Насъ ввели въ обширную палату, выстроенную изъ камня, гдѣ бываетъ трапеза. Тутъ были уже поставлены скамьи; серебряные сосуды: кубки, чаши и пр. были размѣщены на полкахъ, поднимающихся ступеньками въ серединѣ комнаты, по обычаю. Всѣ, знатные и простые, сѣли на скамьи, и царскій намѣстникъ, вмѣсто царя, поднесъ собственноручно только патріархамъ, архіереямъ и архимандритамъ три круговыя чаши превосходнаго вина, а стольники въ то же время ходили кругомъ, подавая множество кубковъ и чашъ всѣмъ намъ, остальнымъ, прежде чѣмъ мы съѣли что-нибудь, такъ что внутренность у насъ горѣла. Затѣмъ они подали хлѣбъ и потомъ подносили блюда съ рыбой каждому по порядку, какъ бы подаяніе за души усопшихъ. Всѣ, отъ патріарха до монаховъ и священниковъ, отсылали свои доли домой. У большинства были съ собой кувшины и иные сосуды, и они наполняли ихъ напитками, которые имъ подавали, ибо не выпивали своихъ кубковъ, а опоражнивали ихъ въ свои сосуды, вино на медъ, а на это другіе напитки, но все опьяняющіе. Наконецъ встали, послѣ того какъ мы успѣли поѣсть только хлѣба. Пѣвчіе стали поодаль, въ то время какъ патріархъ воздвигъ Панагію; онъ разрѣзалъ ее на мелкіе куски, а архидіаконъ понесъ раздавать ихъ всѣмъ присутствующимъ. Затѣмъ патріархъ [1] взялъ кадильницу, похожую на корону, и окадилъ ею медовую кутью и сосудъ съ виномъ, говоря: «Помилуй насъ Боже» и пр. и поминая имена усопшихъ, а пѣвчіе при каждомъ прошеніи пѣли: «Господи помилуй». Затѣмъ пропѣли: «вѣчная память», съ поминовеніемъ именъ усопшихъ громкимъ голосомъ, при чемъ всѣ молились на иконы. Потомъ поднесли еще круговую чашу, и мы пошли и спустились въ церковь Благовѣщенія, гдѣ патріархъ совершилъ отпустъ. Мы вышли и, когда патріархи попрощались другъ съ другомъ, вернулись въ свой монастырь].

Утромъ, во второе воскресенье по Пятидесятницѣ, зазвонили въ большой колоколъ отдѣльными ударами, вмѣстѣ съ другими колоколами, для сбора настоятелей монастырей и священниковъ, назначенныхъ идти въ крестномъ ходу, по совершеніи литургіи въ своихъ церквахъ Всѣ

[1] Вѣроятно, архидіаконъ, а не патріархъ.

они пришли въ соборъ. Патріархъ вышелъ съ архіереями большимъ крестнымъ ходомъ за Кремль, съ западной стороны, и за вторую, бѣлую городскую стѣну, къ церкви во имя св. Иліи, близъ Земляного вала. Здѣсь они служили и затѣмъ возвратились (въ Кремль). А одинъ изъ архіереевъ обошелъ также съ крестнымъ ходомъ кругомъ бѣлой стѣны города съ внѣшней ея стороны и, возвратившись въ соборную церковь, здѣсь служилъ. Нашъ же владыка служилъ въ монастырской церкви [и посвятилъ діакона; также служилъ и на слѣдующій день, который былъ понедѣльникъ, и посвятилъ діакона].

Наканунѣ субботы 23 іюня ударили въ великій колоколъ по случаю празднованія памяти перенесенія иконы Владычицы изъ города Владиміра въ городъ Москву. Рано поутру ударили въ него же вмѣстѣ съ другими много разъ по порядку, для сбора настоятелей монастырей и назначенныхъ священниковъ. Они пришли со своими иконами въ соборъ. Туда же отправился нашъ владыка патріархъ и облачился съ Московскимъ. Они начали молебствіе и затѣмъ вышли съ крестнымъ ходомъ изъ западныхъ дверей (собора) за ворота Кремля и поднялись на круглый помостъ для молебствій. Прочли Апостолъ и Евангеліе. Архидіаконъ сказалъ ектенію, при чемъ поминалъ царя, весь царскій домъ и всѣхъ христіанъ. Затѣмъ мы сошли и отправились по срединѣ площади къ Никольскимъ воротамъ, повернули на востокъ—а стрѣльцы шли съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ съ нами—и, выйдя изъ воротъ второй городской стѣны, дошли до одного мѣста за бѣлой стѣной. Когда мы проходили мимо какой-нибудь церкви, въ ней звонили въ колокола и священники ея выносили иконы, чтобы къ нимъ приложились патріархи, [между тѣмъ какъ дьяконъ кадилъ имъ]. Наконецъ мы вошли въ монастырь съ маленькой церковью. Говорятъ, что упомянутая икона Владычицы, когда ее принесли изъ города Владиміра и несли, чтобы поставить въ соборной церкви, не пожелала этого, но остановилась здѣсь и не двигалась съ мѣста. Тогда выстроили этотъ монастырь и эту церковь, гдѣ ее и поставили. Всѣ остановились на монастырскомъ дворѣ передъ церковью, поставили водосвятные сосуды и начали пѣть канонъ водоосвященія. Патріархъ Никонъ закончилъ службу по обыкновенію, и окропилъ государственныхъ сановниковъ; оба патріарха окропили остальной народъ и пошли въ церковь служить обѣдню. Было совершено рукоположеніе іерея и діакона. По выходѣ (изъ алтаря) мы приложились къ иконѣ, поставленной на правой сторонѣ алтаря. Изъ изображенія видны только два лика и руки: все остальное—золото, жемчугъ, драгоцѣнные камни и многочисленныя привѣски; ликъ Богоматери сіяетъ свѣтомъ. Икона постоянно творитъ чудеса. Въ каждой

изъ церквей Московіи непремѣнно имѣется древняя икона этой Владычицы, которая творитъ чудеса по ихъ великой вѣрѣ. Затѣмъ мы вернулись назадъ, и когда проходили мимо церкви или городскихъ воротъ, патріархъ окроплялъ ихъ святой водой. Наконецъ мы вошли въ соборъ. Архидіаконъ возгласилъ ектенію: *Помилуй насъ Боже*, и закончили службу. [Оба патріарха, выйдя изъ церкви, проводили царскія иконы, осыпанныя драгоцѣнными каменьями, которые блестѣли теперь на солнцѣ; большая часть ихъ были изъ церкви Благовѣщенія и церквей царя, и удивительной красоты. Патріархи окадили ихъ и приложились къ нимъ. Затѣмъ мы вернулись, а съ иконами пошли дальше, при чемъ звонили безъумолку во всѣ колокола, пока иконы не скрылись изъ виду, между тѣмъ какъ стрѣльцы провожали ихъ до ихъ церквей. Мы вышли изъ собора только послѣ 8 часовъ дня].

Наканунѣ 3-го воскресенья по Пятидесятницѣ [зазвонили въ колокола ночью къ бдѣнію, а утромъ нашъ владыка патріархъ отслужилъ обѣдню въ монастырской церкви и посвятилъ іерея и діакона; точно также въ понедѣльникъ. Вечеромъ] патріархъ пригласилъ нашего учителя въ соборъ. Послѣ вечерни облачились въ алтарѣ и вышли въ нароексъ, гдѣ всѣ размѣстились въ обычномъ порядкѣ вокругъ патріарха. Въ серединѣ поставили на столикѣ блюдо съ медовой кутьей и сосудъ съ виномъ. Совершили поминовеніе, то-есть годовщину, по воинамъ, убитымъ въ прошломъ году подъ Смоленскомъ во время приступа, что было въ день, соотвѣтствующій завтрашнему, 25 іюня. На ектеніи, вмѣсто именъ царя и патріарха, поминали имена убитыхъ воиновъ, называя имя и прозвище каждаго съ именами его родителей, по книжкѣ. [При каждомъ прошеніи пѣвчіе пѣли: «Господи помилуй!» Кончивъ, архидіаконъ кадилъ патріарху и, возгласивъ: «Господу помолимся», передалъ ему списокъ. Патріархъ сказалъ возгласъ: «ибо Ты еси воскресеніе и животъ, и покой рабовъ Твоихъ, мучениковъ, убіенныхъ за Твою святую вѣру при осадѣ Смоленска, коихъ имена такія-то», и прочелъ ихъ имена, одно за другимъ, до послѣдняго, и пр.].

На другой день мы опять пошли (въ соборъ). Служили оба патріарха. Послѣ обѣдни снова совершили, по обычаю, утреннее поминовеніе по убитымъ. Снявъ облаченія, пошли съ патріархомъ къ трапезѣ въ царскія палаты, [гдѣ произошла совершенно такая же церемонія, какую мы раньше описали: выпили натощакъ нѣсколько кубковъ напитковъ, которые были поднесены царскимъ намѣстникомъ, и всѣмъ присутствующимъ раздавалась рыба].

Въ четвергъ вечеромъ, то-есть въ канунъ праздника апостоловъ (Петра и Павла), ударили въ великій колоколъ въ началѣ почи ко всенощному бдѣнію; а утромъ нашъ учитель служилъ обѣдню [и посвятилъ іерея]. Наканунѣ субботы, вечеромъ, насъ пригласили въ Архангельскую церковь. Всѣ облачились и совершили поминовеніе по царѣ Василіи, сынѣ царя Ивана, который соорудилъ бѣлую стѣну города. На другой день въ ней же была совершена литургія. Къ трапезѣ пошли туда же, гдѣ она была въ предыдущій разъ.

[Въ понедѣльникъ (воскресенье?) 1 іюля вечеромъ, зазвонили въ колокола по случаю празднованія Положенія пояса (ризы?) Богоматери во Влахернѣ, и совершили бдѣніе. На другой день было большое торжество; служили обѣдню въ церкви, въ честь этого праздника, находящейся передъ соборомъ, на царской улицѣ].

6 іюля, наканунѣ субботы, насъ пригласили на поминовеніе патріарха Іосифа, предшественника Никона, по случаю исполнившагося трехлѣтія со дня его кончины. Онъ погребенъ въ соборѣ. На другой день патріархи также служили вмѣстѣ, и мы пошли съ патріархомъ Никономъ къ трапезѣ, которую онъ, по обычаю, устраиваетъ у себя.

Въ воскресенье 8 іюля ударили въ колокола рано поутру для сбора настоятелей монастырей и священниковъ, назначенныхъ явиться съ иконами въ соборъ, ибо въ этотъ день совершается память явленія иконы Богоматери, которая съ давняго времени была сокрыта въ землѣ въ городѣ Казани, а въ этотъ день принесена въ городъ Москву. Для нея соорудили великолѣпную церковь въ концѣ площади, передъ Никольскими воротами, насупротивъ двухъ большихъ пушекъ, и помѣстили въ ней икону. Въ честь ея установлено ежегодное празднество въ этотъ день. Церковь и икона Владычицы именуются Казанскими. Изъ собора пошли къ этой церкви большимъ крестнымъ ходомъ, при звонѣ во всѣ колокола. Патріархъ совершилъ въ ней литургію и водосвятіе, и мы возвратились послѣ полудня.

Наканунѣ 10 іюля ударили въ великій колоколъ и совершили бдѣніе, начиная съ вечера, во всю ночь, по случаю памяти перенесенія въ этотъ день честныя ризы Господа Христа изъ страны персидской въ городъ Москву, тридцать лѣтъ тому назадъ, ибо тотъ годъ былъ 7133 отъ сотворенія міра—московиты, обыкновенно, считаютъ года, какъ и мы, только отъ Адама—въ 1622 году отъ Божественнаго Воплощенія, въ 13 годъ царствованія царя Михаила. На другой день было совершено великое празднество, больше чѣмъ на Пасхѣ, при звонѣ во всѣ колокола. Служилъ обѣдню патріархъ Никонъ, надѣвъ большой саккосъ и драгоцѣнную митру, которые онъ

надѣваетъ на Пасхѣ. Онъ принесъ ковчегъ съ хитономъ на средину церкви, и когда всѣ къ нему приложились, отнесъ его обратно на мѣсто; при перенесеніи и отнесеніи хитона звонили во всѣ колокола. Если бы царь находился въ Москвѣ, торжество было бы еще больше.

[11 іюля назвонили въ колокола къ крестному ходу, и духовенство собралось со своими иконами въ соборъ. Одинъ изъ архіереевъ, въ сопровожденіи духовенства, пошелъ въ церковь, что позади Кремля, во имя Богоматери, именуемой Ржевскою, ибо Она совершила чудо въ томъ мѣстѣ, и по этой причинѣ празднуютъ Ей ежегодно въ этотъ день. Патріархъ, однако, не ходитъ туда самъ, а посылаетъ одного изъ архіереевъ съ крестнымъ ходомъ въ эту церковь, и онъ совершаетъ въ ней водосвятіе и обѣдню, послѣ чего возвращаются, какъ было сдѣлано и нынѣ.]

Знай, что иконописцы въ этомъ городѣ не имѣютъ себѣ подобныхъ на лицѣ земли по своему искусству, тонкости кисти и навыку въ мастерствѣ: они изготовляютъ образки, восхищающіе сердце зрителя, гдѣ каждый святой или ангелъ бываетъ величиною съ чечевичное зернышко или съ османи [1]. При видѣ ихъ мы приходили въ восторгъ. Въ церкви покойнаго главы здѣшнихъ купцовъ мы видѣли маленькую икону изъ трехъ дощечекъ, т.-е. съ дверцами: фигуры ангеловъ на ней величиною съ мухъ—работа изумительная. Жаль, что люди съ такими руками тлѣнны! Стоимость этой иконы 150 динаровъ (рублей), а вѣсъ ея не доходитъ и до десяти піастровъ, но по мастерскому исполненію она неоцѣнима.

Икона Владычицы пишется ими въ различныхъ безчисленныхъ видахъ, и каждое изображеніе носитъ свое особое названіе, подъ которомъ оно у нихъ извѣстно: Греческая, Севастійская—Богоматерь на тронѣ, Грузинская, Арабская (Арапетская?), Милостивая, Платитера—«Пространнѣе небесъ»—Богоматерь въ срединѣ небеснаго круга и ангеловъ [2], Казанская, Владимірская, Смоленская, Рязанская, Неопалимая Купина, какъ видѣлъ ее Моисей, Одигитрія, т.-е. Тройное (?) Путеводительство [3], и иныя разныхъ видовъ со своими особыми именами. Точно также и изображенія Господа Христа и иконы св. Николая (бываютъ разныя). Что касается иконъ Рождества, Пасхи (Воскресенія), Страстей Господа и Его чудесъ, а также изображенія Троицы,

---

[1] Мелкая монета.

[2] Этимъ именемъ авторъ называетъ икону Знаменія.

[3] Одигитрія значитъ: Путеводительница. Повидимому, авторъ въ словѣ Ὁδηγήτρια принимаетъ τρια въ значеніи числительнаго.

то умъ человѣческій не въ силахъ постигнуть ихъ сущности и оцѣнить ихъ превосходное исполненіе. Я пріобрѣлъ много иконъ, но мы могли покупать у нихъ иконы только съ большимъ трудомъ, ибо все у нихъ дорого и цѣнно, а иконы въ особенности. У иконописцевъ нельзя пріобрѣсти иконъ, а только въ иконномъ ряду готовыя—тамъ можно купить все, что пожелаешь и увидишь—ибо мастера въ этомъ городѣ отнюдь не работаютъ въ своихъ лавкахъ на базарѣ на глазахъ людей [1], ни золотыхъ дѣлъ мастера, ни портные, ни столяры, ни башмачники, но работаютъ у себя въ домѣ; рыночные же торговцы скупаютъ у мастеровъ и продаютъ. Таковъ у нихъ порядокъ.

Возвращаемся (къ нашему разсказу). Наканунѣ 12 іюля насъ пригласили въ церковь Архангела. Всѣ облачились и совершили поминовеніе по царѣ Михаилѣ, сынѣ Ѳеодора, отцѣ нынѣшняго царя. На другой день была обѣдня и совершили службу у его гробницы, которая была покрыта царскими покровами съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Потомъ повели насъ къ трапезѣ на верхъ [2]. Въ этотъ день исполнилось 10 лѣтъ со дня кончины царя Михаила. Обрати вниманіе на удивительное совпаденіе: онъ родился въ этотъ же день, когда бываетъ память св. Михаила Маленна, именемъ котораго онъ и былъ названъ, по ихъ обычаю. Онъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно въ этотъ день устраивать большую трапезу. Судьба свершила свой кругъ: послѣ 36-лѣтняго царствованія онъ умеръ въ этотъ самый день отъ подагры и боли въ ногахъ, чѣмъ страдаютъ всѣ московиты.

Обыкновенно, по всѣмъ царямъ, погребеннымъ въ этой церкви, и царицамъ, похороненнымъ въ женскомъ монастырѣ, совершаютъ ежегодно поминовеніе въ день ихъ кончины. Служитъ патріархъ и устраивается наверху поминовенная трапеза по ихъ душамъ. Это совершается сверхъ обѣденъ и службъ на ихъ гробницахъ, ежедневно отправляемыхъ семью священниками церкви и тѣми, которые читаютъ постоянно, ночью и днемъ, псалтирь на ихъ гробницахъ. За это они получаютъ содержаніе, которое каждые царь и царица назначаютъ изъ оставшагося послѣ нихъ благопріобрѣтеннаго имущества; даже изъ посуды, изъ которой они ѣли и пили, (отказываютъ) блюдо, чтобы класть на него кутью, сосудъ для вина и серебряный подсвѣчникъ—эти вещи всегда бываютъ выставлены на ихъ гробницахъ.

Знай, что внутри церкви Архангела и кругомъ ея двѣнадцать алтарей и въ нихъ служится ежедневно двѣнадцать обѣденъ, какъ въ

---

[1] Какъ на Востокѣ.

[2] Т.-е. во дворецъ.

церкви Благовѣщенія, что подлѣ нея, бываетъ ежедневно девять обѣденъ въ девяти алтаряхъ, а въ Чудовомъ монастырѣ, что насупротивъ нея, семь обѣденъ ежедневно. Бо́льшая часть бояръ столицы и ихъ жены ежедневно, рано поутру, пріѣзжаютъ въ этотъ монастырь къ обѣднѣ въ придѣлѣ св. Алексія, митрополита Московскаго, гдѣ его мощи, по своей великой любви и вѣрѣ къ нему.

Глава XI.

Москва.—Транспортъ ружей изъ Швеціи. Испытаніе ружейныхъ стволовъ. Извѣстія съ театра войны. Празднованіе побѣдъ въ Москвѣ. Служенія. Дикари. Шутка патріарха Никона.

Когда мы встали изъ-за стола, патріархъ показалъ нашему учителю изъ окна этого помѣщенія, откуда открывается видъ на окрестныя поля, множество телѣгъ, нагруженныхъ ружьями, которыя онъ посылаетъ царю. Онъ сказалъ, что ихъ пятьдесятъ тысячъ и что они получены теперь въ ящикахъ изъ шведскаго королевства. Мы подивились ихъ множеству, а онъ прибавилъ, что у царя въ Кремлѣ мастера изготовляютъ для него ежегодно по семидесяти тысячъ ружей, кои постоянно хранятся въ кладовыхъ. Это въ столицѣ, а сколько изготовляется ихъ также для царя въ большинствѣ другихъ городовъ, то безсчетно; безъ числа привозятъ ихъ ежегодно для него изъ франкскихъ земель. Говорятъ, что англичане прислали ему три орудія – удивительныя пушки, которыя при стрѣльбѣ изъ нихъ не издаютъ звука; это одно изъ изобрѣтеній франкскаго искусства.

Каждый вечеръ въ это лѣто мы ходили смотрѣть на ружейныхъ мастеровъ, которые, собравъ всѣ ружья, ими изготовленныя, размѣщали ихъ рядами другъ подлѣ друга по склону кремлевскаго холма, обращенному къ рѣкѣ, наполняли ихъ порохомъ, клали затравку на всѣ лежащія рядомъ и зажигали ее длиннымъ желѣзнымъ прутомъ, накаленнымъ въ огнѣ. Тѣ ружья, которыя были прочны, оставались въ цѣлости, а непрочныя тотчасъ разлетались въ куски отъ большого количества пороха. Все войско царя, какъ мы говорили, снабжено огненнымъ боемъ, т.-е. ружьями.

Что касается извѣстій о царѣ, то онъ оставался въ городѣ Смоленскѣ до 21 мая, когда бываетъ память царя Константина, и оттуда отправился въ землю ляховъ, раздѣливъ войско, съ нимъ бывшее, на три части. Самъ онъ пошелъ со средней, при чемъ, вслѣдствіе разлива рѣкъ и обилія грязи, слякоти и дождей, они

очень запоздали, а (другія) войска, какъ говорятъ, опередили царя на три дня пути. Наконецъ подошли они къ большой рѣкѣ, называемой *Барозофо* (Березина?), которая прежде была границей между московитами и ляхами. Распространились слухи, что ляхи заняли тотъ берегъ, дабы русскіе не могли перейти рѣку, что они укрѣпили его земляными насыпями съ пушками и со множествомъ войска и устроили по дорогамъ пороховыя мины. Все это было сдѣлано потому, что они были слабы и имѣли мало силъ для встрѣчи (лицомъ къ лицу) съ московитами. Тогда царь послалъ нѣсколькихъ военачальниковъ, и они перешли рѣку, въ теченіе пятнадцати дней, въ ея верхнемъ и нижнемъ теченіи. Встрѣтившись съ войсками ляховъ у переходовъ черезъ рѣку и насыпей, они напали на нихъ, всѣхъ ихъ перебили и захватили всѣ ихъ пушки и имущество. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до царя, онъ велѣлъ сдѣлать на упомянутой рѣкѣ семьдесятъ деревянныхъ мостовъ для перехода войска, а въ срединѣ построилъ большой мостъ съ огромной, высокой деревянной башней, господствующей надъ всѣми окрестностями, и снабдилъ ее пушками и войскомъ, чтобы обезпечить отъ опасности всѣ мосты и наблюдать за всѣми дорогами. Самъ же лично направился на городъ Вильну, столицу Радзивила. По причинѣ трудности тамошнихъ дорогъ, (обилія) лѣсовъ и горъ, много большихъ пушекъ пришлось отправить назадъ въ Смоленскъ, такъ какъ нельзя было ихъ везти. Царскіе военачальники пошли впередъ и, углубившись въ страну ляховъ, покорили много городовъ мечомъ и по договору. Если кто, запершись, защищался, то они (взявъ городъ) избивали всѣхъ жителей мечомъ, предавали его огню и разрушенію и совершали великія опустошенія, дабы нагнать на ляховъ страхъ и ужасъ. Въ этомъ году никто не выступалъ противъ московитовъ и не слышно было о ляхахъ, чтобы они собирались въ какомъ-либо мѣстѣ; ни войска, ни силъ (у нихъ не было) и, казалось, самая память о нихъ изгладилась совершенно. Ляхи до сихъ поръ надѣялись на помощь отъ турокъ и татаръ, которымъ они докучали многими посольствами, но никто на помощь не явился. Однако, по своей великой гордости и кичливости, ляхи не желали заключить миръ, но съ кѣмъ воевать, недоумѣвали: съ царемъ-ли или съ его военачальниками, съ войскомъ-ли новгородскимъ, съ королемъ-ли шведскимъ или съ Хмелемъ. Богъ опредѣлилъ имъ погибель: ихъ планы оказывались несостоятельными, ихъ рѣшенія превратными.

Всякій разъ когда отъ царя получалось извѣстіе о покореніи какого-либо города или пораженіи отряда (непріятельскаго) войска, тотчасъ начинали звонъ во всѣ колокола патріархіи, радовались и весе-

лились. Патріархъ приходилъ въ соборъ, послѣ обѣдни облачался со всѣми присутствующими архіереями, архимандритами и священниками и совершали молебствіе, возноса молитвы за царя и благодареніе Богу за помощь и побѣду. Не было ни стрѣльбы изъ пушекъ, ни барабаннаго боя, ни трубныхъ звуковъ, ничего подобнаго, а только колокольный звонъ и молебствія. Мы дивились этой набожности и вѣрѣ; но таковъ у нихъ обычай, какъ мы часто бывали тому свидѣтелями.

Въ это время начали привозить въ телѣгахъ плѣнныхъ ратниковъ изъ ляховъ въ желѣзныхъ оковахъ. Ихъ представляли патріарху и главному министру и сажали въ тюрьмы, а также отправляли, по приказу царя, въ разные города, оставляя ихъ въ оковахъ. Но до чего дошло дѣло, объ этомъ разскажемъ впослѣдствіи.

Въ пятницу 13 іюля нашъ учитель служилъ обѣдню въ монастырской церкви и рукоположилъ священника и діакона. Въ понедѣльникъ(?) ударили съ вечера въ великій колоколъ, а также ночью и на другой день, и было совершено большое торжество по случаю памяти св. равноапостольнаго Владиміра, царя кіевскаго и всей земли русской. Когда онъ увѣровалъ во Христа чрезъ сестру Василія Македонянина, царя греческаго, и крестился, то былъ нареченъ Василіемъ и крестилъ всю страну Малой Россіи, т. е. землю казаковъ, а впослѣдствіи прибылъ вмѣстѣ со святымъ Петромъ, первымъ митрополитомъ Москвы, въ здѣшнюю мѣстность, завладѣлъ страной, изгнавъ изъ нея татаръ, и раздѣлилъ ее между своими двѣнадцатью сыновьями. Онъ крестилъ большую часть жителей этой страны еще при своей жизни и выстроилъ большой городъ, назвавъ его своимъ именемъ Владиміръ; о немъ мы раньше упоминали. Это тотъ самый городъ, о которомъ повѣствуется въ исторіи, что Тамерланъ, придя въ эту страну, выстроилъ въ немъ крѣпость и оставилъ въ ней на храненіе свои богатства. Объ этомъ мы достовѣрно узнали, на мои распросы по этому поводу, отъ касимовскаго царевича, который не такъ давно крестился.

Наканунѣ четверга 19 іюля патріархъ пригласилъ нашего учителя, и оба они облачились, по обыкновенію, въ церкви Архангела и совершили опять поминовеніе на девятый день (съ годовщины) по въ Бозѣ почившемъ царѣ Михаилѣ, а на другой день литургію, послѣ которой пошли въ столовую во дворецъ. Когда мы сошли внизъ, то встрѣтили нѣсколько человѣкъ изъ племени мученика Христофора, о которомъ мы раньше говорили: они стояли на пути патріарха, чтобы представиться ему. Ихъ лица безобразнѣе, отвратительнѣе, чернѣе и короче, чѣмъ у тѣхъ *Лобани* (Лопарей), о которыхъ мы говорили въ недѣлю сыропуста. Ихъ было сорокъ человѣкъ, каждый изъ нихъ на-

чальникъ тысячи. Одежда ихъ состоитъ изъ кромокъ разноцвѣтнаго сукна; на груди привѣшаны солнца изъ желтой мѣди: это значитъ, что они князья, какъ мы удостовѣрились. Патріархъ спросилъ объ ихъ числѣ; они отвѣчали: «насъ пришло 40.000 на помощь царю по его призыву, а мы начальники надъ ними». Онъ спросилъ, какъ далеко ихъ страна; «пять тысячъ верстъ, сказали они: мы ѣхали сюда болѣе четырехъ мѣсяцевъ». Онъ спросилъ объ ихъ лѣтахъ; оказалось, что между ними многіе имѣютъ болѣе ста лѣтъ. Они питаются рыбой и дикими звѣрями въ сыромъ видѣ, а также человѣчьимъ мясомъ, если попадется. Поэтому они были размѣщены внѣ города въ лѣсахъ и поляхъ и надъ ними была поставлена наблюдать многочисленная стража. Патріархъ спросилъ: «чѣмъ вы сражаетесь?»—Вотъ этими луками и стрѣлами, отвѣчали они. Мы разсматривали ихъ стрѣлы: онѣ удивительныя—никто изъ насъ не видывалъ ничего подобнаго; ихъ три или четыре рода: одни съ двумя желѣзными наконечниками, другія имѣютъ позади наконечника два острія, направленныя назадъ, на подобіе наличника желѣзныхъ замковъ: когда стрѣла попадетъ въ кого, то острія внѣдряются внутрь (тѣла) и никоимъ образомъ нельзя ихъ извлечь; иныя стрѣлы съ очень длинными остріями. А что касается лука, то тетива его состоитъ изъ нѣсколькихъ жилъ, крѣпкихъ, какъ будто онѣ изъ дерева, туго натянутыхъ, такъ что лукъ можетъ натягивать только мужественный человѣкъ. Патріархъ, замѣтивъ, что я побуждаю нашего учителя распросить его о нихъ и объ ихъ образѣ жизни и что мы дивимся на нихъ, подошелъ и, взявъ меня за руку предъ министрами и народомъ, кликнулъ дикарей, говоря имъ въ шутку, чтобы они съѣли меня; онъ хотѣлъ посмѣяться и пошутить надо мной, а я оробѣлъ и сильно испугался. То же продѣлалъ онъ и съ другими, отдавая ихъ дикарямъ. Былъ между ними дьяконъ сербскаго (архіепископа): дикари схватили его и потащили, при чемъ изорвали на немъ въ клочья одежду; съ трудомъ освободили его изъ ихъ рукъ, только когда Никонъ далъ имъ за него въ видѣ выкупа много рыбы и денегъ. Бѣдняга дьяконъ отъ страха и испуга проболѣлъ долгое время.

Наканунѣ праздника св. пророка Иліи было совершено всенощное бдѣніе. Утромъ, когда исполнилось три года со времени нашего выѣзда изъ Алеппо и годъ нашего пребыванія въ странѣ московской, зазвонили въ колокола къ крестному ходу, вмѣстѣ съ великимъ колоколомъ. Былъ совершенъ крестный ходъ и царскій молебенъ, а обѣдня была отслужена въ церкви во имя святого.

Глава XII.

Москва.—Торжество въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Разговоръ съ патріархомъ Никономъ. Женскій монастырь св. Саввы. Поѣздка въ загородный дворецъ Никона. Крестный ходъ на воду 1 августа.

Въ пятницу вечеромъ (27 іюля) патріархъ прислалъ приглашеніе нашему учителю, и мы отправились съ нимъ въ каретахъ въ находящійся за городомъ, въ разстояніи трехъ верстъ, Новодѣвичій монастырь, о которомъ мы говорили раньше, такъ какъ на другой день, въ субботу, совершалась память перенесенія чудотворной иконы изъ Смоленска въ этотъ монастырь. Мы остановились внѣ его. Патріархъ помѣстился въ большомъ шатрѣ въ видѣ нѣсколькихъ палатокъ, соединенныхъ одна съ другой. Множество стрѣльцовъ стали на стражѣ вокругъ шатра. Пріѣхали въ каретахъ всѣ жены государственныхъ сановниковъ, явилась бо́льшая часть горожанъ и остановились въ деревенскихъ домахъ внѣ монастыря. Было великое торжество; явились всякаго рода торговцы и устроился обширный базаръ: у нихъ это очень большой праздникъ. Этотъ монастырь пользуется большой любовью; поэтому всѣ монахини въ немъ изъ боярынь, очень богатыя дѣвицы или вдовы, ибо въ этой странѣ есть обычай, что въ такой важный монастырь, какъ этотъ, принимаютъ только такихъ монахинь, которыя жертвуютъ въ него большія деньги. Такъ какъ монахини въ этомъ монастырѣ очень богаты, то и монастырь очень богатъ, какъ сказалъ нашему учителю въ этотъ вечеръ патріархъ Никонъ: «въ московской землѣ пѣть женскаго монастыря богаче этого.» Мы слушали въ немъ малое повечеріе. (На почлегъ мы пошли въ одинъ изъ домовъ внѣ монастыря, а московскій патріархъ ночевалъ въ своемъ шатрѣ, прочіе же мужчины и женщины въ деревенскихъ домахъ, такъ какъ въ монастырь никого не пускаютъ на почлегъ, ни мужчинъ, ни женщинъ). Оба патріарха, облачившись вмѣстѣ со священниками и дьяконами, вышли въ нарѳексъ и отслужили царскій молебенъ, по окончаніи котораго сняли свои облаченія. Дьяконы со свѣчами и пѣвчіе, поя, шествовали предъ патріархомъ, пока онъ не вошелъ въ свой шатеръ. Послѣ третьяго часа ночи ударили въ колокола, и мы встали къ бдѣнію и вошли въ церковь. Начали пѣть вечерній псаломъ, по обычаю, по-перемѣнно. Архимандриты и священники пошли облачаться и, выйдя на Входъ, вошли въ алтарь при пѣніи *Свѣте тихій*. Затѣмъ вышли на литію и стали въ обычномъ порядкѣ вокругъ патріарха. Когда дьяконъ сказалъ ектенію благословенія хлѣбовъ надъ пятью

очень большими черными хлѣбами, старшій изъ архимандритовъ [1] прочелъ положенную молитву. Затѣмъ подошла игуменья и поднесла патріархамъ каждому по хлѣбу, а остальные хлѣбы разрѣзала на куски и роздала боярамъ. По окончаніи вечерни, сѣли и прочли изъ житія Богоматери, потомъ встали. Зазвонили къ утрени. Окончивъ ее, мы вышли и отправились въ свои помѣщенія.

Въ этотъ вечеръ патріархъ Никонъ много бесѣдовалъ съ нашимъ учителемъ и между прочимъ сказалъ ему о золотомъ крестѣ церкви Благовѣщенія при царскомъ дворцѣ, что онъ стоитъ сто милліоновъ (?) золотомъ и что не только крестъ, но и крыша церкви со своими девятью куполами, карнизами и жолобами обложена чистымъ золотомъ, въ палецъ толщиною. Мы не повѣрили этому, но патріархъ не лгалъ, ибо, замѣтивъ наше крайнее изумленіе, когда мы это услышали, онъ прибавилъ, что крестъ, крыша и куполы потребовали такихъ же издержекъ и столь же большой казны, какія потратилъ царь Василій, сынъ царя Ивана, на построеніе бѣлой городской стѣны. Подобныя рѣчи повторяются всѣми. Крестъ снизу кажется маленькимъ, но когда сломался одинъ изъ крестовъ собора и его чинили въ нашемъ присутствіи, мы повѣрили (словамъ патріарха), такъ какъ длина креста болѣе четырехъ локтей, ширина три локтя, а толщина одна квадратная пядень, и никто изъ насъ не могъ обхватить руками его шаръ или яблоко, которое у него снизу,—такъ оно велико! Когда же крестъ поставили на мѣсто, онъ показался маленькимъ вслѣдствіе высоты церкви. Не иначе и на церкви Благовѣщенія, которая даже выше собора, потому что выстроена на очень высокихъ сводахъ. Крестъ ея не обложенъ золотомъ, какъ крестъ собора, а весь изъ чистаго золота, горитъ какъ жаръ и весь рѣзной; при основаніи его, надъ яблокомъ, полукругъ концами вверхъ, похожій на луну. Мы слыхали отъ знатоковъ, что нѣтъ металла тяжеле золота и что кусокъ его длиной, шириной и толщиной въ пядень вѣситъ одинъ кинтаръ—не знаемъ: алепскій, дамасскій, константинопольскій или греческій кинтаръ, который, какъ говорятъ, вѣситъ 44 ока, а око равно 400 драхмъ; а мы нашли, что каждый динаръ (рубль) вѣситъ 1 драхму и 2 карата – пусть читатель сдѣлаетъ вычисленіе. Я изъ силъ выбился, разспрашивая вельможъ, старшихъ переводчиковъ и моихъ друзей, царскихъ секретарей, и многихъ другихъ, чтобы узнать, сколько кинтаровъ или пудовъ вѣситъ крестъ, но никто изъ нихъ не зналъ, ибо это одна изъ тайнъ царя. Подобная рѣдкость, составляющая одно

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „патріархъ.“

изъ новыхъ чудесъ свѣта, есть сокровище города Москвы и его слава, на удивленіе всему міру.

Патріархъ сообщилъ также, что на этой недѣлѣ онъ послалъ царю 40.000 пудовъ пороха.

Возвращаемся (къ разсказу). Когда пробило три часа дня, патріархъ пригласилъ нашего учителя къ себѣ въ шатеръ, сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ свою карету, и они поѣхали въ монастырь во имя св. Саввы, находящійся на полпути отъ города до (Новодѣвичьяго) монастыря [1]. Его выстроила вновь царица и помѣстила въ немъ русскихъ, то-есть казацкихъ, монахинь, которыхъ царь привезъ изъ Смоленска и изъ города Могилева. Говорятъ, что Радзивилъ благоволилъ и былъ очень щедръ къ нимъ, такъ какъ жена его Марія, дочь Василія, господаря молдавскаго, будучи православной, весьма любила этихъ монахинь и всегда бывала у нихъ за службами. Царь, завоевавъ ту страну, побоялся за нихъ злобы Радзивила и ляховъ и привезъ ихъ сюда съ большимъ почетомъ. Ихъ было около семидесяти. Онѣ по большей части знатнаго рода, дочери вельможъ; лица ихъ блещутъ, какъ солнце, одежда—красиваго покроя: онѣ носятъ на лицахъ длинныя покрывала, а мантіи волочатся по землѣ. Онѣ отличаются скромностью, совершенствомъ и чистотою (нравовъ). Подъ конецъ царь, изъ боязни за монахинь, вывелъ ихъ изъ тамошнихъ монастырей и прислалъ сюда, такъ что число ихъ дошло до трехсотъ. Онъ выселилъ изъ большого Дѣвичьяго монастыря московскихъ монахинь и, размѣстивъ ихъ по (другимъ) женскимъ монастырямъ столицы, помѣстилъ въ немъ всѣхъ казацкихъ монахинь, какъ принадлежащихъ къ одной національности. Онъ сдѣлалъ это по великой къ нимъ любви своей, равно какъ царицы и патріарха, и вслѣдствіе пристрастія къ ихъ пѣнію и службамъ, которыя изгоняютъ изъ сердца всѣ печали, какъ мы разскажемъ о нихъ впослѣдствіи.

Когда мы подъѣхали къ ихъ монастырю, онѣ вышли навстрѣчу патріархамъ съ пѣніемъ и пошли впереди нихъ въ церковь. Оба патріарха облачились въ ней. Въ это время пришелъ изъ города одинъ изъ архіереевъ, въ сопровожденіи священниковъ и дьяконовъ съ иконами, хоругвями и свѣчами, большимъ крестнымъ ходомъ. Патріархи вышли имъ навстрѣчу и всѣ вмѣстѣ пошли въ монастырь. Войдя въ церковь, совершили водосвятіе, а затѣмъ обѣдню. Патріархи вышли и проводили иконы за монастырскія ворота; крестный ходъ пошелъ

[1] Нынѣ приходская церковь св. Саввы Освященнаго, близъ Дѣвичьяго поля, въ Саввинскомъ переулкѣ.

обратно въ городъ. Обрати вниманіе на этотъ большой, подъятый ими, трудъ! Мы же возвратились (въ церковь), сняли облаченія и вышли изъ церкви. Игуменья, по обычаю, поднесла патріархамъ позолоченныя иконы Владычицы, а также по большому черному хлѣбу съ трапезы монахинь.

Затѣмъ патріархъ Никонъ сѣлъ въ свою карету, а нашего учителя посадилъ въ другую, всю стеклянную, пригласивъ его въ одну изъ своихъ деревень, гдѣ находится одинъ изъ его дворцовъ, въ семи верстахъ отъ города и въ трехъ отъ этого монастыря [1]. Мы переѣхали рѣку Москву. Патріархъ устроилъ царскій пиръ всѣмъ государственнымъ сановникамъ. Лишь около десятаго часа дня принялись за ѣду. Встали изъ-за стола передъ закатомъ солнца и поѣхали въ городъ. Патріархъ, выйдя изъ кареты, сѣлъ на лошадь и поскакалъ, и всѣ государственные сановники, его бояре, архіереи, архимандриты, священники и дьяконы, большіе и маленькіе, ѣхали верхомъ вокругъ него, а стрѣльцы впереди. Когда мы приблизились къ городу, патріархъ сошелъ съ коня и сѣлъ въ свою карету. Лишь только мы въѣхали въ городъ, какъ зазвонили въ колокола, и патріархъ пошелъ къ вечернѣ въ соборъ. Обрати вниманіе на эту крѣпость и выносливость!

[На другой день, который былъ восьмое воскресенье по Пятидесятницѣ, нашъ владыка патріархъ служилъ обѣдню въ монастырской церкви и рукоположилъ іерея и діакона; также и во вторникъ].

Во вторникъ, послѣдній день мѣсяца іюля, заговѣнье поста Владычицы (Успенскаго), вечеромъ зазвонили въ большіе колокола и ночью совершили торжественное бдѣніе, потому что у нихъ бываетъ большой праздникъ и торжество по случаю дня Честнаго Креста и потому что въ этотъ день въ древности князь московскій разбилъ татаръ, враговъ христіанъ, одержавъ надъ ними великую побѣду. Въ этотъ же самый день въ томъ же году случилось, что греческій царь Мануилъ Компенъ разбилъ войско сарацинъ, т.-е. магребитовъ, когда они пошли на него войной; онъ сокрушилъ ихъ въ конецъ помощію Бога и силою Креста. Когда это произошло и когда московскій князь и Мануилъ, царь греческій, услышали о томъ, какую помощь оказалъ имъ Творецъ, то, списавшись другъ съ другомъ, они согласились совер-

---

[1] Вѣроятно, село Троицкое-Голенищево (на рѣчкѣ Сѣтуни, недалеко отъ Воробьевыхъ горъ). Оно прежде принадлежало патріархамъ, и въ XVII вѣкѣ здѣсь находился дворецъ патріарховъ, который нерѣдко посѣщали и цари; теперь этотъ дворецъ не существуетъ.

шать въ этотъ день, 1-го августа, большой праздникъ Честному Кресту, въ благодарность Всевышнему Богу, (что продолжается) съ того времени доселѣ.

[Замѣть, что греки называли мусульманъ, при ихъ первомъ появленіи, агарянами, т.-е. сыновьями Агари, ибо ея имя *Ажаръ* погречески произносится *Агарь*. Слово «агаряне» имѣетъ и другое толкованіе, а именно: «ревущій дикій звѣрь». Говорятъ, что мусульмане, услыхавъ объ этомъ впослѣдствіи, сказали: «мы сыновья не Агари, а Сарры; не агаряне, а сарацины», и они были названы этимъ послѣднимъ именемъ и называются такъ доселѣ.]

[Возвращаемся (къ разсказу). Утромъ 1 августа, начало поста Владычицы, зазвонили во всѣ колокола для того, чтобы архимандриты и священники собрались, въ облаченіяхъ и съ иконами, въ соборъ. Когда они собрались по обычаю, прозвонили трижды во всѣ большіе колокола, и мы пошли въ соборъ, гдѣ оба патріарха облачились вмѣстѣ съ остальными архіереями. Архидіаконъ, держа въ рукѣ кадило, возгласилъ: «Благослови владыко» и пр., и крестный ходъ двинулся. Стрѣльцы уже раньше усыпали желтымъ пескомъ весь путь отъ собора до рѣки и стояли рядами съ обѣихъ сторонъ, въ то время какъ мы спускались къ рѣчнымъ воротамъ, называемымъ Водяными воротами; надъ ними написано изображеніе Господа нашего Іисуса Христа и самарянки у кладязя. Выйдя на берегъ рѣки, мы поднялись на обширный досчатый помостъ, который былъ воздвигнутъ стрѣльцами наканунѣ надъ рѣкой. Кругомъ него былъ барьеръ, а въ срединѣ, къ восточной сторонѣ, водоемъ со ступеньками къ нему. Оба патріарха стали предъ водоемомъ, а прочіе кругомъ него. Государственные сановники стали позади, а прочій народъ, мужчины и женщины, смотрѣли со стѣнъ. Когда пѣвчіе запѣли, патріархъ сошелъ, окадилъ воду, иконы кругомъ и предстоящихъ и затѣмъ вернулся на свое мѣсто. По прочтеніи имъ Евангелія и возглашеніи архидіакономъ ектеніи, патріархъ прочелъ молитвы съ непокрытою головой, молясь при третьемъ разѣ за царя, царицу, ихъ сына, за сестеръ и дочерей царя поименно. Затѣмъ онъ сошелъ и сначала вымылъ руки въ серебряномъ кувшинчикѣ и тазу, потомъ взялъ крестъ и приблизился къ водѣ; сдѣлавъ надъ нею крестное знаменіе, онъ погрузилъ крестъ въ воду и затѣмъ поднялъ его верхушкой внизъ, по ихъ обычаю, поя при этомъ: «Спаси, Господи, люди Твоя» и поминая имя царя. Пѣвчіе отвѣчали ему тою же пѣснью, между тѣмъ какъ онъ омылъ крестъ въ сосудѣ, который держалъ архидіаконъ. Тоже сдѣлалъ онъ во второй и въ третій разъ. Тотчасъ служители царя и царицы и всего царскаго семейства взяли

воды въ красивые серебряные кувшины. Затѣмъ патріархъ приподнялся и, взявъ три большія витыя свѣчи изъ рукъ тѣхъ, которые стояли съ нимъ надъ водой, погрузилъ ихъ въ нее и погасилъ. Тотчасъ всѣ присутствующіе взяли воды въ руки и брызгали ею себѣ на голову и въ лицо. Многіе дѣти и мужчины сошли и преклонились лицами къ рѣкѣ. Государственныхъ вельможъ, которые стояли подлѣ патріаршаго трона на помостѣ, патріархъ окропилъ водой, ради благословенія, и многіе всадники съ этой цѣлью погружались въ рѣку. Затѣмъ мы вернулись въ соборъ и пр.]

[Знай, что время (созрѣванія) моркови въ этой странѣ есть августъ мѣсяцъ. Она похожа на аленпскую морковь, кромѣ того, что ее продаютъ съ листьями, а рѣдиску безъ листьевъ.]

Глава XIII.

Москва —Любовь патріарха Никона къ постройкамъ. Икона Иверской Божіей Матери. Исторія ея. Снятіе списка съ нея для Москвы. Иверскій Валдайскій монастырь.

Должно знать, что теперешній патріархъ Никонъ имѣетъ большую любовь къ возведенію построекъ, памятниковъ и къ (церковному) благолѣпію. Въ бытность свою архимандритомъ монастыря Спаса, т.-е. Спасителя, что близъ этого города, онъ своими стараніями перестроилъ съ основанія какъ великую церковь, о которой мы разскажемъ впослѣдствіи, такъ и келліи, окружную стѣну и всѣ башни. Также, когда онъ сдѣлался митрополитомъ Новгорода, то воздвигъ тамъ прекрасныя зданія, а сдѣлавшись патріархомъ, онъ построилъ для себя патріаршія келліи или, лучше сказать, царскія палаты, не имѣющія себѣ подобныхъ во всей странѣ московской, о чемъ мы разскажемъ потомъ въ своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, онъ своими стараніями воздвигъ близъ города Новгорода новый монастырь среди острова на великомъ прѣсноводномъ озерѣ, соперничая въ этомъ съ постройками царскихъ монастырей. А именно: будучи архимандритомъ, онъ чрезвычайно полюбилъ греческій народъ и монаховъ Святой Горы и прослышалъ, что въ числѣ ея монастырей есть монастырь по имени Иверскій, т.-е. грузинскій, названный такъ по чудотворной иконѣ Владычицы Портариссы, т.-е. Привратницы. Во времена императора Льва иконоборца эта икона находилась въ городѣ Никеѣ у одной знатной вдовы, которая весьма ее почитала. Царскіе воины, разыскивая иконы, пришли и въ ея домъ, и какъ она была женщина весьма мудрая и разумная, то, ласково

принявъ и угостивъ воиновъ, подкупила ихъ, и они ушли. Затѣмъ, изъ опасенія (за икону) она сдѣлала отверстіе съ задней стороны поперечной дощечки иконы, положила туда три динара, прикрыла ихъ и, помолившись на икону со многимъ плачемъ и рыданіемъ, бросила ее въ рѣку, потомъ сказала своему сыну: «сынъ мой! встань и уходи отсюда, чтобы тебя не схватили». Онъ всталъ и убѣжалъ съ нею. Икона же—о чудо!—уйдя изъ города Никеи по морю, чрезъ нѣсколько времени появилась противъ Святой Горы предъ грузинскимъ, т.-е. Иверскимъ монастыремъ, тамъ находящимся. Монахи этого монастыря видѣли, въ теченіе трехъ дней, ночью и днемъ свѣтлый столпъ отъ моря къ небу; дивясь на это, послали узнать, что это такое, и нашли икону Владычицы, стоявшую прямо на водѣ, а отъ нея исходилъ свѣтъ, подобный солнечнымъ лучамъ. Они сообщили объ этомъ настоятелю, тотъ собралъ священниковъ и братію и всѣ пошли къ иконѣ съ ониміамомъ и свѣчами. Когда же приблизились къ ней, она не восхотѣла, чтобы кто-нибудь коснулся ея, но сама взошла на голову настоятеля и остановилась. Всѣ чрезвычайно были удивлены этимъ, понесли икону со всевозможнымъ благоговѣніемъ въ монастырь и поставили въ алтарѣ. Придя рано поутру, не нашли ея тамъ и изумились, стали ее разыскивать и обрѣли на одной изъ монастырскихъ нивъ, взяли оттуда и, принеся назадъ, поставили на прежнемъ мѣстѣ. То же сдѣлала она и въ эту ночь, и рано утромъ нашли ее въ одномъ изъ монастырскихъ виноградниковъ и опять принесли въ третій разъ. Въ ту же ночь она явилась настоятелю монастыря и прочимъ отцамъ, говоря: «я пришла къ вамъ не для того, чтобы вы меня охраняли, но чтобы васъ охранять и чтобы вы поставили меня привратницей и стражемъ для вашей охраны, а потому поставьте меня на вратахъ монастыря». Пробудившись въ страхѣ, они устроили для нея надъ монастырскими воротами маленькую церковь, называемую часовней, какъ это дѣлаютъ русскіе и московиты [1] надъ воротами своихъ монастырей, о чемъ мы неоднократно упоминали, и тамъ помѣстили ее со всевозможнымъ уваженіемъ. Спустя пятнадцать лѣтъ, сынъ той женщины прибылъ на поклоненіе на Святую Гору и пришелъ въ этотъ монастырь. Подойдя къ иконѣ и молясь на нее, онъ узналъ ее и громко зарыдалъ. Монахи сбѣжались къ нему и стали его разспрашивать; онъ разсказалъ въ точности всю исторію и какъ эта икона была у нихъ. Когда потребовали отъ

[1] Подъ именемъ русскихъ Павелъ Алеппскій всегда разумѣетъ малороссовъ, которыхъ онъ называетъ также казаками, а великоруссовъ называетъ постоянно московитами.

него доказательствъ, онъ сообщилъ имъ о трехъ динарахъ, скрытыхъ на задней сторонѣ иконы. Увидѣвъ ихъ своими глазами, они сильно дивились, а онъ немедленно принялъ у нихъ монашество. Эта икона совершала и совершаетъ множество чудесъ, знаменита во всемъ мірѣ и всѣ ее славятъ, и доселѣ она творитъ безчисленныя чудеса. На ней, какъ намъ говорили, безсчетное множество привѣсокъ. Впослѣдствіи грузинскіе цари, изъ любви къ этому монастырю и по вѣрѣ къ этой иконѣ, съ дозволенія греческихъ царей, расширили его и перестроили. Поэтому онъ былъ названъ ихъ именемъ, т.-е. Иверскимъ монастыремъ Привратницы, какъ имѣющій отношеніе къ грузинамъ. Теперь въ немъ болѣе пятисотъ монаховъ.

Наши братья, русскіе и московиты, питаютъ большую любовь какъ къ этому монастырю, такъ и ко всѣмъ вообще монастырямъ Святой Горы, ибо бо́льшая часть ихъ святыхъ ходили туда и изучали тамошній уставъ. По этой причинѣ нынѣшній патріархъ Никонъ, въ бытность свою архимандритомъ Спасскаго монастыря, прислалъ уполномоченнаго отъ Иверскаго монастыря (онъ пріѣзжаетъ чрезъ каждые два года, какъ и другіе, за царской милостыней, въ силу хрисовуловъ, у нихъ имѣющихся со временъ предковъ царя) написать для него точное подобіе той иконы и привезти, что и было сдѣлано. Онъ говорилъ имъ: «поѣзжайте въ свой монастырь и скажите вашему настоятелю, чтобы онъ омылъ ту святую икону водой, совершите надъ ней водосвятіе и пусть иконописцы смѣшаютъ съ этой водой и замѣсятъ на ней краски». Такъ они и сдѣлали. Услышавъ объ этомъ, царица взяла икону отъ Никона, а онъ заказалъ такимъ же образомъ другую. Теперь ее доставили къ нему, когда онъ уже сталъ патріархомъ. Мы видѣли ее и прикладывались къ ней. Ея лапита поранена и кровь течетъ изъ нея, ибо, какъ разсказываютъ, магребиты, завладѣвъ Святой Горой, ударили по иконѣ ножомъ, и тотчасъ потекла изъ нея кровь. Патріархъ Никонъ щедро наградилъ за это монаховъ Иверскаго монастыря и подарилъ имъ монастырь во имя св. Николая, что насупротивъ царскаго дворца (Кремля), у иконнаго ряда [извѣстный подъ именемъ Большая Глава, потому что въ немъ есть большая церковь], чтобы быть ему собственностью ихъ монастыря. Потомъ онъ чрезвычайно украсилъ эту икону, а именно: вызвалъ самыхъ искусныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, и они всю ее покрыли чистымъ золотомъ—и доску, и все одѣяніе, за исключеніемъ лика и рукъ. Какъ я узналъ отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, золота на иконѣ сорокъ фунтовъ или даже полтора пуда, т.-е. около двадцати окъ [1]. Онъ

[1] Око=$3^1/_8$ ф.

украсилъ ее еще жемчугомъ въ количествѣ одного пуда, т. е. полныхъ 13 окъ, и тридцатью царскими алмазами, стоимостью болѣе 12,000 динаровъ, а также изумрудами, яхонтами и рубинами разныхъ цвѣтовъ и возложилъ на главу, плечи и грудь Владычицы четыре солнца изъ алмазовъ, принадлежавшихъ царю [1] Ибрагиму, ибо всѣ эти драгоцѣнности привезены въ недавнее время греческими купцами. Стоимость каждаго солнца болѣе тысячи динаровъ. Все это было сдѣлано при насъ На шею Владычицѣ онъ повѣсилъ полумѣсяцъ изъ чудеснѣйшихъ изумрудовъ. Какъ мы достовѣрно узнали, онъ потратилъ на все это болѣе 60,000 динаровъ. Это очень большая икона, внушающая благоговѣніе; кровь течетъ изъ ланиты Богоматери. Заднюю сторону онъ всю покрылъ бархатомъ и парчой. По всему этому икона превыше всякаго удивленія, поражаетъ взоры и умъ зрителя: нѣтъ подобной ей даже въ сокровищницѣ царя, ни въ его церквахъ, ибо мы видѣли всѣ иконы. Недостаточно было патріарху этого чрезвычайнаго почета, оказаннаго иконѣ—кромѣ того, что онъ запретилъ всѣмъ иконописцамъ писать съ нея снимки—онъ предпринялъ еще сооруженіе новаго монастыря, соревнуя въ этомъ съ царскими сооруженіями. Монастырь находится на островѣ, среди большого прѣсноводнаго озера. Мы сейчасъ объ немъ будемъ говорить.

Когда царь вмѣстѣ со Смоленскомъ взялъ и Могилевъ, гдѣ, какъ мы сказали, были монастыри мужскіе и женскіе, то, опасаясь за нихъ со стороны войска и злобы ляховъ, онъ перевезъ монахинь въ загородный монастырь Владычицы Одигитріи [2]; какъ мы упомянули раньше, а патріархъ перевезъ тамошнихъ русскихъ монаховъ съ ихъ игуменомъ, въ числѣ около семидесяти, и послалъ ихъ на упомянутый островъ, выстроивъ здѣсь для нихъ деревянныя помѣщенія съ красивой церковью, чтобы они тутъ жили, пока не будетъ окончена постройка монастыря [3]. По любви своей къ греческимъ обычаямъ, онъ хотѣлъ одѣть ихъ въ камилавки греческихъ монаховъ, но ни у кого не оказалось такихъ камилавокъ и клобуковъ, и потому онъ заказалъ для нихъ камилавки изъ чернаго бархата, а клобуки изъ чернаго шелка, въ томъ намѣреніи, чтобы монахи этого монастыря отличались отъ московскихъ.

---

[1] Въ подлинникѣ греческое βασιλεὺς арабскими буквами.

[2] Т.-е. Новодѣвичій.

[3] Бѣлорусскіе монахи, поселенные Никономъ въ Иверскомъ Валдайскомъ монастырѣ, были не изъ самаго Могилева, а изъ города Орши, Могилевской губ., изъ тамошняго Кутеинскаго монастыря.

КНИГА XI.

Новгородъ и Москва.

Глава I.

Путь въ Новгородъ.—Успенскій монастырь близъ Клина. Пріемъ въ Твери. Торжокъ. Вышній-Волочекъ. Прибытіе въ Иверскій Валдайскій монастырь.

Патріархъ Никонъ, зная, что нашъ владыка патріархъ очень соскучился пребываніемъ въ Москвѣ вслѣдствіе долгаго отсутствія царя, предложилъ ему съѣздить для развлеченія въ новый Иверскій монастырь и освятить его, ибо онъ зналъ чрезвычайную пріятность этого мѣста и его прекрасное мѣстоположеніе. Нашъ учитель попросилъ дозволенія съѣздить при этомъ случаѣ въ городъ Новгородъ, чтобы и его посмотрѣть. Такъ и случилось. Отъ Москвы до этого монастыря полныхъ 400 верстъ, а отъ монастыря до Новгорода 150 верстъ. Патріархъ Никонъ снабдилъ насъ каретой и подводами, далъ десять стрѣльцовъ, одного боярина отъ царя и другого отъ себя, а также заводныхъ царскихъ лошадей и простился съ нами, отправивъ впередъ насъ извѣстіе о томъ, гдѣ мы будемъ останавливаться.

И такъ, мы выѣхали изъ Москвы въ субботу 4 августа вмѣстѣ съ архіепископомъ сербскимъ и съ драгоманомъ, захвативъ съ собою палатки, проѣхали 90 верстъ и въ понедѣльникъ утромъ, въ праздникъ Преображенія, прибыли въ древній каменный монастырь въ честь Успенія Владычицы, принадлежащій патріархіи. Онъ занимаетъ красивое мѣстоположеніе; близъ него селеніе, по имени Клинъ, гдѣ мы отстояли обѣдню. Выѣхавъ отсюда, мы заѣзжали въ монастырь-крѣпость, въ честь святого Рождества, и переѣхали великую, знаменитую рѣку Волгу. [Мы сдѣлали еще 90 верстъ, а всего отъ Москвы 180] и прибыли въ городъ съ крѣпостью, по имени Тверь. Этотъ городъ – епископія, какъ мы упомянули, говоря ранѣе объ его епископѣ. Не доѣзжая до него, мы были встрѣчены настоятелями монастырей, представителемъ архіепископа,

воеводой, городскою знатью и священниками съ хлѣбомъ-солью, по ихъ обычаю. Насъ повели въ великую, каменную соборную церковь, въ честь Божественнаго Преображенія, гдѣ почиваютъ мощи одного изъ князей, новаго святого. Кругомъ нея еще четыре церкви. Помѣщеніе отвели намъ въ новыхъ архіепископскихъ кельяхъ, которыя выходятъ на сады и рыбный прудъ. Сначала явились представители отъ царя и поднесли прекрасной рыбы разнаго сорта изъ рѣки Волги, протекающей подлѣ города; потомъ представители отъ воеводы, отъ архіепископа и отъ духовенства; вмѣстѣ съ тѣмъ они поднесли боченки съ напитками: медомъ, пивомъ, и иконы. Намъ оказывали большой почетъ и гостепріимство, согласно приказамъ, которые царь и патріархъ разослали вдоль сей дороги. На колокольнѣ этой епископіи есть желѣзные часы. Намъ сообщили, что въ вѣдѣніи здѣшняго архіепископа состоятъ четыре торговыхъ города, гдѣ живутъ воеводы, и около 150 сельскихъ церквей—а онъ еще говоритъ, что его каѳедра очень бѣдна! Въ прошломъ году былъ съ царемъ (въ походѣ) казанскій митрополитъ, который и совершалъ для него службы и обѣдни въ палаткѣ на подобіе царской церкви, а въ этомъ году царь взялъ съ собою здѣшняго архіепископа. На дорогѣ мы встрѣтили протопопа, который везъ, по ихъ обычаю, святую воду въ восковыхъ бутылкахъ вмѣстѣ съ просфорами, чтобы поднести ихъ царю, всему царскому семейству, патріарху и всѣмъ государственнымъ сановникамъ; это, именно, была святая вода отъ праздника здѣшней церкви, Преображенія. Поэтому полъ ея былъ все еще усыпанъ зеленой травой взамѣнъ листьевъ лавра, которыми греки усыпаютъ въ праздники полъ своихъ церквей

Мы поднялись въ четвергъ утромъ и переѣхали рѣку Волгу на судахъ. Намъ дали другія подводы и простились съ нами. Мы проѣхали 30 верстъ по огромному лѣсу изъ дикаго орѣха, сосенъ и елей, похожему на сады, и вечеромъ прибыли въ прекрасное селеніе, принадлежащее патріархіи и отданное патріархомъ въ угодье своему здѣшнему монастырю, называемое Мѣдное, при рѣкѣ, именуемой Тверцою.

Вставъ въ пятницу утромъ, мы проѣхали еще 30 верстъ и прибыли въ торговый городъ съ цитаделью и укрѣпленіями, по имени Торжокъ. Здѣсь также мы были встрѣчены воеводой, духовенствомъ и горожанами съ иконами, хлѣбомъ, рыбой и напитками. Насъ повели въ большую каменную церковь тоже въ честь Божественнаго Преображенія. Затѣмъ мы отправились въ принадлежащій патріарху деревянный монастырь, въ честь святого Рождества. Близъ него есть другой монастырь въ честь Введенія Владычицы во храмъ. Оба монастыря за

городомъ. Тутъ перемѣнили подводы, мы выѣхали и, сдѣлавъ еще 70 верстъ, прибыли въ воскресенье въ селеніе, по имени Вышній-Волочекъ, при рѣкѣ, называемой Цна, по которой ѣздятъ на судахъ въ Новгородъ. Здѣсь опять перемѣнили подводы. Проѣхавъ еще 25 верстъ, мы прибыли въ чудесное селеніе съ пріятнымъ мѣстоположеніемъ, по имени Коломна. При немъ есть очень большое озеро съ островами по срединѣ, покрытыми густымъ лѣсомъ. Селеніе получило свое названіе по имени озера; и то и другое составляютъ угодье монастыря св. Варлаама, о которомъ скажемъ впослѣдствіи.

Вставъ поутру въ понедѣльникъ, мы проѣхали 45 верстъ и вечеромъ прибыли въ деревню, также съ большимъ озеромъ, которую патріархъ отдалъ недавно въ угодье своему новому монастырю. Мы выѣхали изъ нея во вторникъ рано поутру, проѣхали еще 20 верстъ по очень каменистой мѣстности и наконецъ прибыли къ озеру вышеупомянутаго монастыря. Такимъ образомъ наше путешествіе было совершено съ большой поспѣшностью, дабы мы могли поспѣть къ монастырскому празднику, то-есть къ Успенію Владычицы, 15 августа.

Путь отъ Москвы до этого монастыря затруднительнѣе дороги отъ Путивля и всѣхъ (другихъ) дорогъ въ странѣ московской, потому что весь этотъ путь представляетъ лѣса, овраги, грязь, топь и древесные пни. По этой дорогѣ можно ѣхать только зимой въ морозное время. [Не могу не выразить своего удивленія на духовенство этой области и на бѣдняковъ, ибо они постоянно приходили просить милостыню у насъ, къ нашему великому мученію: мы и сами прибыли сюда просить у нихъ, а они просятъ у насъ!] У насъ сердце разрывалось всего больше при видѣ того, какъ мучились животныя, несмотря на то, что мы чрезъ каждые два дня забирали (свѣжихъ) лошадей. Патріархъ Никонъ, зная эту дорогу, велѣлъ въ прошломъ году исправить бо́льшую часть ея, потому что экипажи могли проѣзжать по ней лишь съ трудомъ, вслѣдствіе ея узости и густоты лѣсовъ: вырубили деревья и расширили путь, употребивъ большинство срубленныхъ деревьевъ на мосты. Но отъ этого дорога стала еще хуже и затруднительнѣе, ибо одинаково безпокойно было ѣхать и въ экипажахъ и верхомъ, а только для пѣшеходовъ стало удобно. По истинѣ, мы посѣдѣли отъ неописуемыхъ мученій и трудностей этой дороги. Мы дивились премудрости Создателя—да будетъ прославляемо имя Его!—который послалъ этой странѣ въ изобиліи три вещи: лѣсъ и дрова по нуждѣ ихъ въ этомъ во время холодовъ, множество водъ: рѣкъ и озеръ, обилующихъ рыбой, и зерновые хлѣба.

Глава II.

Иверскій монастырь.—Озеро. Встрѣча въ монастырѣ. Трапезная и убранство ея. Монастырскіе часы. Служенія. Соборная церковь. Дары монастырю отъ патріарха Никона. Монастырскія угодья. Торжество закладки престоловъ.

Возвращаемся (къ разсказу). При нашемъ приближеніи къ монастырскому озеру, выѣхали къ намъ на встрѣчу настоятель и старшіе монахи со служителями на превосходныхъ лошадяхъ. Мы проѣхали мимо двухъ деревень, лежащихъ на берегу озера, которыя патріархъ заселилъ польскими подданными, именно, русскими казаками, дабы они помогали монахамъ, будучи изъ ихъ же рода, и отдалъ въ угодье упомянутому монастырю [1]. Насъ посадили въ большую лодку, и мы поплыли по волнующемуся озеру или, скорѣе, большому морю. Вода въ немъ прѣсная, глубина его болѣе 90 брассъ [2]. Его называютъ на ихъ языкѣ «Святое озеро» [3], ибо св. Дѣва явилась въ немъ воочію нѣкоему монаху-пустыннику на одномъ изъ трехъ его острововъ, на которомъ теперь начали строить монастырь. Окружность озера 50 верстъ; отъ монастыря до суши, то-есть отъ средняго острова, гдѣ монастырь, до берега, три версты. Всѣ три острова на озерѣ покрыты сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. На среднемъ островѣ, на которомъ теперь приступили къ сооруженію монастыря, весь лѣсъ вырубили, а на другихъ двухъ островахъ его рубятъ и разводятъ сады. Мы дивились на это благословенное мѣсто и его пріятное мѣстоположеніе: по истинѣ, нѣтъ ему подобнаго въ мірѣ, и въ будущемъ оно станетъ примѣромъ всѣмъ вѣкамъ. Какой это неприступный монастырь! подлѣ него прѣсноводное озеро, обилующее рыбой; лѣсъ и дрова по близости, и ни съ какой стороны монахамъ не грозитъ опасность. Мы потомъ докончимъ разсказъ о нихъ, а теперь возвратимся къ прерванному. Черезъ часъ мы высадились на берегъ и подошли къ воротамъ новой стѣны. Тогда вышелъ настоятель со священниками и дьяконами въ блестящихъ облаченіяхъ и сталъ предъ нашимъ учителемъ насупротивъ воротъ, которыя, вмѣстѣ съ ихъ аркой, были украшены матеріями, земля же вся была усыпана пескомъ. Открывъ уста, онъ произнесъ на

---

[1] Вѣроятно, поселенные въ монастырской деревнѣ крестьяне были изъ бѣлоруссовъ (которыхъ авторъ, очевидно, смѣшиваетъ съ казаками, т. е. малороссами); слѣдов., они были земляки монахамъ.

[2] Брассъ=5 фут. 9 д.

[3] Написано по-русски арабскими буквами.

своемъ языкѣ, по ихъ обычаю, торжественное привѣтствіе въ похвалу нашему владыкѣ патріарху, съ выраженіемъ чрезвычайнаго уваженія, приличествующаго его сану, и весьма глубокомысленное; въ немъ онъ привелъ въ примѣръ Господа Христа: какъ Господь Христосъ—да будетъ прославляемо имя Его!—пришелъ въ Іерусалимъ и освятилъ тѣ мѣста своимъ пребываніемъ, такъ произошло и теперь..... и привелъ много другихъ примѣровъ, которые за недосугомъ не перечисляю. Окончивъ свою рѣчь, настоятель поклонился и вмѣстѣ съ другими подошелъ къ нашему владыкѣ подъ благословеніе. Затѣмъ они пошли впереди насъ до монастырской площадки и ввели насъ въ деревянную церковь въ честь Успенія Владычицы. Въ ней мы отстояли обѣдню и вышли только около времени солнечнаго заката, еще ничего не ѣвши: это у нихъ наибольшій почетъ, какъ мы потомъ разскажемъ. Мы пошли въ трапезную, которую украсили всю, какъ стѣны, такъ и сидѣнья, облаченіями армянскихъ и польскихъ священниковъ изъ превосходной парчи и бархата. Царь прислалъ патріарху болѣе ста облаченій и мантій, принадлежащихъ армянамъ [и іезуитамъ], говоря ему: «дѣлай съ ними, что хочешь», ибо считалъ ихъ нечистыми—таково убѣжденіе московитовъ. Получивъ ихъ, патріархъ не нашелъ для нихъ лучшаго употребленія, какъ украсить ими трапезную этого монастыря и сидѣнья въ церкви. Удивительно, что они даже не сняли съ нихъ серебряныя пуговицы и крючки! Мы пожалѣли о нихъ, ибо даже идолопоклонники освящаются крещеніемъ, и эти матеріи, если онѣ будутъ окроплены святой водой, развѣ не освятятся и не станутъ годными для церковныхъ облаченій? Но такихъ порядковъ держатся московиты, несомнѣнно, потому, что у нихъ изобиліе богатствъ. [Развѣ мы, въ своей странѣ, не взяли бы парчевыхъ одеждъ, даже если бы ихъ носили евреи, и не передѣлали въ священническія облаченія? разумѣется, взяли бы, по ихъ рѣдкости и дороговизнѣ. Дай Богъ, чтобы они подарили ихъ нашему владыкѣ патріарху, дабы передѣлать ихъ въ облаченія и раздать архіереямъ и священникамъ въ нашей странѣ, кои въ нихъ столь нуждаются! Но если бы онъ заговорилъ съ ними объ этомъ и сталъ просить ихъ, то низко упалъ бы въ ихъ глазахъ, и они сказали бы: «посмотрите, какъ мала ихъ вѣра»! Впрочемъ, если Богу угодно, да попуститъ Онъ, чтобы они разгнѣвались на насъ, лишь бы Онъ обогатилъ насъ черезъ нихъ!]

[Возвращаемся. Затѣмъ они начали подавать русскія кушанья, обильно приправленныя царскими пряностями, и прекрасную рыбу, сваренную въ сладкихъ соусахъ, именно: съ медомъ, сахаромъ и миндальнымъ молокомъ. Были также кушанья изъ начиненныхъ яицъ, пе-

ченыя и жареныя, съ пряностями и сладкими соками—чудеснѣйшее кушанье, какого и князья не могутъ предложить за своимъ столомъ. Нечего удивляться этой превосходной стряпнѣ монаховъ, если принять во вниманіе, что они научились ей у богатыхъ поляковъ, столь славящихся превосходствомъ своихъ великолѣпныхъ кухонь и мастерскимъ искусствомъ своихъ поваровъ.]

Возвращаемся (къ разсказу). Вечеромъ, наканунѣ Успенія Владычицы, совершили малое повечеріе и встали къ бдѣнію въ два часа ночи [1], когда пробили тѣ благословенные желѣзные часы. Они имѣютъ кругомъ шесть колокольчиковъ; когда пройдетъ четверть часа, они ударяютъ шесть разъ, по одному разу въ каждый колокольчикъ до послѣдняго, отчетливо и съ пріятнымъ звукомъ; на получасѣ бьютъ 12 разъ, на трехъ четвертяхъ часа 18 разъ, а при полномъ часѣ 24 раза. Ихъ звуки приводили насъ въ восхищеніе: намъ хотѣлось, чтобы они не умолкали—такъ они пріятны! Потомъ (особый колоколъ) бьетъ часы.

Совершили чинъ освященія хлѣбовъ съ пріятными, сладкими напѣвами, продолжавшимися до конца утрени. Послѣ 4 часовъ дня мы пошли къ обѣднѣ. Было совершено водосвятіе и молебствіе, а потомъ пошли къ трапезѣ. Вечеромъ этого дня также отслужили всенощное бдѣніе по случаю празднованія иконѣ Образа на платѣ (Нерукотворенпаго образа). Затѣмъ мы осматривали этотъ островъ, дивясь его превосходному мѣстоположенію и чистотѣ, обозрѣвали большую каменную церковь, которую выстроили въ это лѣто каменьщики, коихъ было болѣе трехсотъ. Она красивѣе, обширнѣе и выше соборной церкви въ Москвѣ. Церковь еще не была покрыта крышей. Вокругъ нея выкопаны огромныя основанія для подваловъ и хранилищъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, для келлій и пр. Теперь у нихъ заготовлено болѣе 500,000 кирпичей для возведенія окружной стѣны. Ризница монастырская въ настоящее время деревянная. Царь далъ монастырю для охраны двѣсти стрѣльцовъ, а патріархъ прислалъ недавно множество ружей, пушекъ, пороху и броней. Патріархъ такъ восхищается этимъ монастыремъ, что выписалъ для него изъ франкскихъ земель люстру, т. е. большой поліелей, изъ желтой мѣди, величиною съ большое дерево, съ цвѣтами, птицами и неописуемыми диковинками, цѣною въ 900 динаровъ (рублей). Онъ купилъ недавно около шестидесяти деревень съ крестьянами за 60.000 динаровъ и пожертвовалъ ихъ монастырю, сверхъ многихъ деревень, принадлежавшихъ патріархіи, а также нѣсколькихъ монастырей-метоховъ. Говорятъ, что постройка этого мо-

[1] т. е. спустя 2 часа послѣ заката солнца.

настыря обойдется ему деньгами болѣе милліона. Онъ далъ въ угодье монастырю 180 рыбныхъ озеръ, которыя, по словамъ настоятеля, даютъ, монастырю сжегоднаго дохода болѣе 20,000 динаровъ, и 80 соляныхъ озеръ для добыванія соли.

Возвращаемся (къ разсказу). Наканунѣ одиннадцатаго воскресенья по Пятидесятницѣ совершили опять всенощное бдѣніе, а рано утромъ мы служили обѣдню, послѣ которой вышли крестнымъ ходомъ съ молебнымъ пѣніемъ, пока не подошли къ вышеупомянутой новой церкви, чтобы совершить службу при водруженіи креста подъ престоломъ, прочесть молитвы надъ основаніями и окропить ихъ. Въ каждомъ изъ трехъ алтарей была уже выкопана яма, какъ мѣсто для престола, и алтари украшены запавѣсами и иконами. Когда мы вошли, нашъ владыка окадилъ вокругъ ямы, вырытой для престола главнаго алтаря, и наименовалъ его въ честь Успенія Владычицы, при чемъ мы пѣли Ея тропарь. Затѣмъ, взявъ разведенной извести, онъ положилъ ее въ яму на подобіе креста и бросилъ одинъ камень; взялъ новый деревянный крестъ и водрузилъ его въ ямѣ; это былъ, именно, крестъ, на коемъ написаны имя, дата и имена патріарха и царя, какъ это положено въ Евхологіи. Затѣмъ онъ пошелъ во второй алтарь и то же сдѣлалъ, назвавъ его во имя св. Филиппа Новаго, митрополита московскаго. Точно то же сдѣлалъ въ третьемъ алтарѣ, назвавъ его во имя св. Іакова Новаго, коего мощи почиваютъ нынѣ въ серебряно-вызолоченной ракѣ въ упомянутой церкви. Потомъ онъ окропилъ святой водой жертвенникъ, прочелъ евангеліе Владычицѣ, и мы вышли изъ этой церкви и возвратились въ ту. Потомъ пошли къ трапезѣ. Попрощавшись съ монахами, мы выѣхали изъ монастыря на лодкахъ; всѣ они насъ провожали вмѣстѣ со стрѣльцами. Пѣвчіе пѣли [а стрѣльцы все время стрѣляли изъ ружей], пока мы не высадились на землю. Мы сѣли въ карету и насъ проводили верхами [1].

---

[1] Архимандритъ Леонидъ въ своемъ Историческомъ очеркѣ Иверской Святоозерской обители въ ея патріаршій періодъ (съ 1653 по конецъ 1667 г.), говоря о знатныхъ посѣтителяхъ Иверской обители, разсказываетъ, на основаніи англійскаго перевода, о посѣщеніи этой обители патріархомъ Макаріемъ, но при этомъ: 1) не упоминаетъ о самомъ главномъ—закладкѣ престоловъ патр. Макаріемъ; 2) ошибочно говоритъ, будто „Павелъ (или его англійскій переводчикъ?) называетъ Иверскій монастырь Ваалamскимъ". Этого нѣтъ въ англійскомъ переводѣ, гдѣ ясно сказано, что Коломенское озеро и селеніе принадлежатъ *монастырю св. Варлаама*, the convent of St. Barlaam, т. е. Хутынскому (т. II, стр. 178). О Валаамскомъ монастырѣ, который въ то время былъ въ запустѣніи, Павелъ нигдѣ не упоминаетъ и, вѣроятно, совсѣмъ и не слыхалъ о немъ. 3) Точно также ошибочно

Глава III.

Путь въ Новгородъ.—Трудности дороги. Извѣстія о войнѣ. Плаваніе по рѣкѣ Мстѣ и озеру Ильменю.

Мы проѣхали отъ Иверскаго монастыря семь верстъ, направляясь къ городу Новгороду, и остановились на ночлегъ. Какъ мы раньше упомянули, отъ монастыря до города около 150 верстъ. По истинѣ, дорога въ Новгородъ есть дорога въ самый адъ: никакимъ языкомъ не опишешь ея тягостей, затрудненій и тѣсноты, какъ мы разскажемъ объ этомъ особо. Митрополитъ, получивъ извѣстіе о нашемъ прибытіи въ монастырь, присылалъ туда разузнать о насъ и сдѣлалъ приготовленія къ нашему пребыванію въ городѣ. Вставъ въ понедѣльникъ утромъ, мы проѣхали 33 версты; по дорогѣ видѣли большіе и малые земляные холмы, поросшіе большими деревьями, до сихъ поръ намъ невиданными отъ самой нашей страны. Въ здѣшнихъ селеніяхъ мущины покрываютъ головы льняными платками. Вслѣдствіе обилія дождей у нихъ, зерновой хлѣбъ раскидываютъ съ большимъ тщаніемъ на деревянныхъ подмосткахъ, дабы онъ скорѣе высохъ.

Путь отъ Москвы до Новгорода представляетъ большой спускъ, а къ Москвѣ отъ всѣхъ городовъ Московіи идетъ большой подъемъ, такъ какъ она лежитъ выше ихъ всѣхъ, по каковой причинѣ холодъ и стужа въ ней очень сильны. Когда мы находились въ пути, къ намъ пріѣхалъ гонецъ отъ патріарха и царя съ письмами отъ нихъ, въ коихъ они сообщали, что, по святымъ молитвамъ нашего владыки, царь завоевалъ городъ Вильну, столицу Радзивила. Именно, когда царь подошелъ къ ней, Радзивилъ послалъ сказать ему обманнымъ образомъ, что городъ сдастся безъ боя, и все обманывали царя, откладывая со дня на день исполненіе обѣщанія, пока не пришелъ на помощь къ жителямъ Радзивилъ съ сорока тысячами. Онъ выступилъ на встрѣчу царю. Послѣдній, распредѣливъ свои войска по четыремъ сторонамъ города, разбилъ на голову Радзивила, такъ что изъ его войска уцѣлѣло, какъ говорятъ, не больше двухъ тысячъ, которые съ нимъ бѣжали Проклятый еще раньше устроилъ на своемъ пути мостъ и подъ нимъ положилъ множество бочекъ пороха. Перейдя теперь мостъ, онъ поджегъ ихъ,

---

утверждаетъ авторъ, что Павелъ называетъ Валдайское озеро Коломенскимъ и что будто это послѣднее принадлежитъ Иверскому монастырю. (Русская Историч. Библіотека, издав. Археогр. коммиссіею, т. 5: Акты Иверскаго Святоозерскаго монастыря (1582—1706), собранные архим. Леонидомъ. СПб. 1878.)

мость сгорѣлъ и переходъ былъ прерванъ. Мостъ находится въ пяти верстахъ отъ города. Ратники царя избивали и захватывали въ плѣнъ (непріятелей), пока не дошли до моста, и такъ какъ не могли настигнуть Радзивила, то возвратились осаждать городъ и въ тотъ же день взяли его силой меча. Множество жителей его было избито за то, что они смѣялись надъ царемъ. Настоятель этого новаго монастыря намъ разсказывалъ, что въ Вильнѣ болѣе 40.000 русскихъ нашей вѣры, а въ окрестностяхъ города болѣе двадцати деревень съ татарскимъ населеніемъ. Войско, вступивъ въ городъ, разграбило тамъ имущество (жителей): золото, серебро, драгоцѣнныя каменья и (прочія) сокровища, коихъ не въ силахъ описать умъ человѣческій—мы впослѣдствіи видѣли ихъ своими глазами на рынкахъ — ибо городъ этотъ былъ весьма богатъ и съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ не подвергался непріятельскому нашествію. Мы дивились на серебряныя пластинки сундуковъ, замки, гвозди и бляхи каретъ; дивились на дешевизну піастровъ въ Москвѣ, вслѣдствіе ихъ изобилія, такъ что цѣна піастръ-реала стала менѣе цѣны собачьяго піастра, а динаръ сдѣлался равенъ полутора піастръ-реала или двумъ львамъ. Что касается олова, мѣди и колоколовъ польскихъ церквей, то, Богъ свидѣтель, ихъ продавали на московскихъ рынкахъ въ продолженіе цѣлаго года. Что же до разнаго рода часовъ, рѣдкостей и оружія съ украшеніями изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, то этому счета нѣтъ. Плѣнники отдавались чуть не даромъ — мы скажемъ о ихъ впослѣдствіи. Царь велѣлъ сломать съ дворца Радзивила семь куполовъ, покрытыхъ золотомъ, и перевезъ ихъ въ Москву вмѣстѣ со множествомъ колоннъ изъ краснаго и разноцвѣтнаго мрамора, множествомъ плитъ и безсчетнымъ числомъ столовъ—рѣдкости, доселѣ невиданныя московитами. Затѣмъ царь укрѣпилъ городъ: вырылъ кругомъ него огромный ровъ, сдѣлалъ земляной валъ снаружи его каменной стѣны, а внутри вывелъ деревянную стѣну. Оставивъ тамъ воеводу съ многочисленнымъ войскомъ, онъ самъ направился къ городу Варшавѣ, столицѣ короля ляховъ, до которой отъ Вильны пять дней пути. Онъ завладѣлъ многими крѣпостями и городами, такъ что истребилъ и самую память о господствѣ проклятаго Радзивила, который бѣжалъ къ шведскому королю, ища у него безопасности, и тамъ остался. Взятіе этого города произошло въ послѣдній день іюля. Обрати вниманіе, какъ скоро дошло до насъ оттуда извѣстіе: только въ пятнадцать дней—а разстояніе отъ Москвы до Вильны составляетъ тысячу верстъ; такъ мы достовѣрно узнали отъ купцовъ, что разстояніе отъ Москвы до Ясс равно разстоянію отъ Москвы до Вильны. Дальнѣйшія извѣстія о царѣ мы сообщимъ впослѣдствіи.

Возвращаемся (къ разсказу). Вставши во вторникъ утромъ, мы проѣхали 35 верстъ по неописуемо труднымъ дорогамъ, по грязи, топямъ, подъ дождемъ, чрезъ лѣса и по безчисленнымъ деревяннымъ мостамъ. Въ среду проѣхали 27 или 30 верстъ, всю дорогу по новымъ мостамъ. Когда мы переѣхали на лодкахъ чрезъ рѣку, по имени *Ниша* (Шлина?), насъ встрѣтили шестеро архимандритовъ отъ новгородскаго митрополита съ иконами, хлѣбомъ и напитками, по ихъ обычаю, кланяясь отъ его лица и вознося благодаренія (Богу) за наше благополучіе и здоровье. Затѣмъ насъ привезли къ берегу рѣки, называемой Мста, которая течетъ изъ большого озера, по имени также Мста (Мстино). Слушай же, какія диковинныя вещи намъ пришлось теперь увидѣть! Насъ посадили на великолѣпное судно, присланное отъ митрополита и воеводы Новгорода, а нашихъ спутниковъ на другое, проплыли на веслахъ до вечера пять верстъ и, высадивъ насъ на берегъ, помѣстили въ шатрѣ. Митрополитъ, имѣя въ виду наши потребности на эту ночь, прислалъ намъ лодку, нагруженную рыбой, хлѣбомъ и боченками съ напитками: съ виномъ, вишневой водой, медомъ и квасомъ. Во всю эту ночь шелъ проливной дождь съ сильнымъ вѣтромъ и не далъ намъ вкусить сладость сна.

Съ ранняго утра проплыли съ нами 12 верстъ и привезли насъ къ весьма древнему каменному монастырю, во имя святителя Николая, находящемуся на островѣ, когорый окруженъ рѣками и озеромъ. Затѣмъ, проплывъ еще немного, вошли въ озеро, по имени Волхово (Ильмень) — удивленіе! мы пріѣхали по большой рѣкѣ, которая вытекаетъ изъ большого озера и впадаетъ въ еще бо́льшее. Въ длину и ширину оно имѣетъ 40 верстъ и по своей огромной величинѣ, округленности и сильному волненію походитъ на море. Но оно не вездѣ глубоко: въ немъ есть короткія мели, на которыхъ наши суда останавливались; при этомъ стрѣльцы и гребцы сходили (въ воду), чтобы сдвинуть ихъ на глубокое мѣсто. Вдали показался Новгородъ. Кругомъ озера множество древнихъ каменныхъ монастырей и церквей; говорятъ, что въ древности, по окружности его, ихъ было четыреста и что они сооружены богачами этого города. Бо́льшая часть ихъ разрушена и покинута.

Глава IV.

Новгородъ. — Исторія Новгорода. Апостолъ Андрей. Торжественная встрѣча патріарха въ Юрьевомъ монастырѣ. Прибытіе въ Новгородъ.

Городъ Новгородъ, на нашемъ языкѣ *мадинэт-эль жадидэ* (новый городъ), какъ говорятъ, основанъ Іафетомъ, сына Ноя; поэтому его

строенія, какъ мы это видѣли, очень древни. Онъ есть первый городъ въ этой странѣ, послѣ Кіева, принявшій христіанскую вѣру чрезъ ап. Андрея, какъ объ этомъ написано въ ихъ книгахъ. Разсказываютъ что, когда ап. Андрей къ нимъ пришелъ и проповѣдовалъ, они, озлобившись, собрались на него и посадили его въ очень горячую баню, нагрѣтую до крайней степени, а затѣмъ стали лить сверху холодную воду: отъ плитъ поднимался паръ, жаръ усилился, а также и потѣніе святого, и онъ воскликнулъ по-гречески: «ὦ ἔδρωσα» т. е. «ахъ! я вспотѣлъ»; отсюда и произошло названіе этой страны «Россія». Тогда его вывели, стали почитать и увѣровали чрезъ него. Посему жители этого города славятся предъ всѣми жителями страны московской своею великою набожностью и тѣмъ, что они издревле утвердились въ вѣрѣ, и они смѣются надъ московитянами за то, что тѣ увѣровали позже нихъ. Съ того времени до сихъ поръ они не измѣняли вѣрѣ. Московскіе князья, когда еще были невѣрующими, постоянно ходили войной на нихъ, какъ мы о томъ вскорѣ разскажемъ. По указанной причинѣ и церковь св. Софіи въ этомъ городѣ точь-въ-точь какъ настоящая и древнѣе чѣмъ таковая же въ Кіевѣ.

Что касается св. ап. Андрея, то, когда онъ окрестилъ всѣхъ и они увѣровали, онъ отправился въ городъ Псковъ, отстоящій отъ этого города на столько же, на сколько новый монастырь патріарха, проповѣдовалъ жителямъ его, и они также увѣровали. Онъ рукоположилъ для Новгорода митрополита, а для Пскова архіепископа. Такъ они разсказываютъ въ своей исторіи. Говорятъ, что москвитяне послѣ увѣровали, но скоро вернулись къ своему невѣрію, а посему митрополитъ этого города выше всѣхъ митрополитовъ. Затѣмъ апостолъ возвратился въ Кіевъ, а оттуда въ Синопъ, гдѣ и скончался мученикомъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Наше путешествіе по этому прекрасному и огромному озеру продолжалось на три версты. Въ концѣ его есть большая, широкая рѣка, составляющая его истокъ, и городъ расположенъ на обоихъ берегахъ ея. Говорятъ, что она течетъ и впадаетъ въ озеро, имѣющее въ окружности тысячу миль, а оттуда течетъ въ море океанъ, которое отстоитъ отъ этого города дня на четыре пути. Оттуда приходитъ къ нему много франкскихъ кораблей, ибо этотъ городъ вмѣстѣ съ Псковомъ находится на границѣ со шведской землей. Отсюда вывозятъ, съ дозволенія царя, зерновой хлѣбъ, потому что земля шведовъ камениста, и всѣ припасы идутъ къ нимъ изъ этихъ двухъ городовъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Мы подъѣхали къ большому монастырю, во имя св. Георгія, отстоящему отъ города на три версты.

Здѣсь вышелъ на встрѣчу нашему владыкѣ патріарху митрополитъ города со всѣми настоятелями монастырей, священниками и дьяконами въ облаченіяхъ, съ воеводой, его приближенными, городскою знатью и войскомъ. Они встрѣтили насъ большимъ крестнымъ ходомъ, дойдя до берега рѣки, высадили нашего учителя изъ судна съ большимъ почетомъ и повели насъ въ монастырь и въ церковь. Послѣ того какъ онъ приложился къ иконамъ и благословилъ присутствующихъ, мы вышли изъ церкви, и насъ опять посадили въ судно и поплыли съ нами въ городъ, ибо насъ ждали къ обѣднѣ — знакъ наибольшаго почета у нихъ.

У насъ сердце радовалось этому величественному плаванію по прекрасной рѣкѣ, виду монастырей справа и слѣва и рыбныхъ ловель съ обѣихъ сторонъ рѣки, которыя производятся большими морскими сѣтями: ихъ забрасывали съ лодокъ и вытаскивали безъ всякаго труда машинами съ колесами, ибо эта рѣка весьма велика, да и какъ же иначе, если она составляетъ истокъ такого огромнаго озера, въ которое, какъ говорятъ, впадаютъ и изливаются 170 рѣкъ? Всего удивительнѣе вотъ что: какъ суда московитовъ всѣ дѣлаются совершенно безъ желѣзныхъ гвоздей, но цѣликомъ изъ дерева (сплоченнаго) деревомъ, такъ и въ этой землѣ суда не сбиты деревянными гвоздями, а сшиты веревками изъ липовой коры, какъ шьютъ шелковыя и иныя одежды—искусство, поражающее умъ изумленіемъ. Хвала Богу!

Возвращаемся (къ разсказу) Когда мы приблизились къ городу, насъ провезли на судахъ подъ огромнымъ деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ рѣку, ибо Новгородъ, какъ мы сказали, состоитъ изъ двухъ городовъ: слѣва каменный, а справа деревянный, и между ними мостъ. Насъ высадили изъ судна; войско стояло рядами справа и слѣва и собрались всѣ жители города. Насъ повели на мостъ, при чемъ митрополитъ поддерживалъ нашего учителя съ правой стороны, а воевода съ лѣвой. Мы вошли въ городскія ворота и пришли въ церковь Св. Софіи, гдѣ насъ ждали къ обѣднѣ. Помолившись и приложившись къ иконамъ, нашъ владыка сталъ на митрополичьемъ мѣстѣ. Подошелъ митрополитъ и, взявъ *кирон*ъ [1], вошелъ въ алтарь и облачился вмѣстѣ съ четырьмя настоятелями монастырей, которые надѣли митры, а также съ многочисленными священниками и дьяконами. Выйдя (изъ алтаря) и ставъ въ нарѳексѣ, совершили молебствіе за царя. Въ концѣ его, архидіаконъ взошелъ на амвонъ и прочелъ радостное письмо царя съ извѣстіемъ, что онъ разбилъ Радзивила и взялъ городъ Вильну

[1] Т. е. испросилъ у патріарха благословеніе начать службу.

и просить ихъ помолиться за него Богу. Всѣ возблагодарили Бога и испрашивали у Него постоянныхъ побѣдъ для царя. Начали обѣдню, отъ которой мы вышли лишь передъ закатомъ солнца—а мы еще ничего не ѣли, были измучены усталостью и качкой судна на водѣ. Наконецъ [по милости Божіей], насъ повели въ трапезную, [гдѣ митрополитъ собралъ большое общество, среди коего былъ воевода со своими дворянами. Тутъ было выпито много вина, и намъ подавали свѣжіе лимоны, привезенные изъ Швеціи]. Насъ помѣстили въ обширныхъ великолѣпныхъ кельяхъ, которыя построилъ патріархъ Никонъ въ бытность свою митрополитомъ этого города. По обыкновенію, встали въ полночь къ службѣ, а рано утромъ опять совершили молебствіе за царя передъ обѣднею. Ежедневно выходили отъ обѣдни лишь за полдень, что было съ ихъ стороны знакомъ великаго уваженія къ намъ.

Глава V.

Новгородъ.—Описаніе Софійскаго собора.

Въ субботу, рано поутру, мы отправились съ митрополитомъ поклониться церкви святой Софіи. Вотъ ея описаніе. Она точь-въ-точь какъ церковь св. Софіи въ Кіевѣ; также имѣетъ наверху галлереи, но очень стара и обветшала отъ долгаго времени. Она имѣетъ огромную чудесную дверь съ двумя створами, изъ желтой мѣди; на двери изображены фигуры людей, господскіе праздники и тому подобныя тонкости искусства. Разсказываютъ, что правитель этого города, которому издревле даютъ титулъ князя, около 700 лѣтъ тому назадъ, ходилъ постоянно войной на страну сербовъ и грековъ; а другіе говорятъ, что то былъ хаканъ, царь татарскій, осаждавшій Константинополь съ безчисленнымъ войскомъ; онъ ходилъ въ Кафу, которую они называютъ на своемъ языкѣ *Карсуна*, т. е. Херсонъ, какъ ея имя по-гречески, взялъ и разрушилъ ее и вывезъ оттуда эту дверь и другія вещи вмѣстѣ съ большими древними благолѣпными иконами греческими, кои цѣлы и понынѣ.

Внутри этой церкви очень мрачно, ибо при ея величинѣ, высотѣ и сложности постройки въ ней мало свѣта. Она имѣетъ шесть алтарей, изъ коихъ бо́льшая часть въ честь ихъ святыхъ; имѣетъ пять величественныхъ куполовъ, изъ коихъ средній позолоченъ, и нѣсколько дверей [1]. Въ правомъ углу ея есть мѣсто на подобіе гроба Господа Христа

[1] Нынѣ на соборѣ шесть главъ: пять на срединѣ, а шестая на юго-западной оконечности, надъ придѣломъ свв. Гурія, Самона и Авива.—Входовъ въ соборъ теперь три.

въ Іерусалимѣ, покрытое пеленами, гдѣ непрестанно горятъ (лампады) и свѣчи. Внутри за южными дверями гробъ-саркофагъ изъ чудеснаго краснаго мрамора, на подобіе мяса со слоями сала—удивительно, откуда они его добыли! Мы приложились къ мощамъ святого, который въ немъ покоится, до сихъ поръ оставаясь въ неизмѣнномъ видѣ. Это одинъ изъ сыновей царя Владиміра равноапостольнаго [1]. Разсказываютъ, что, послѣ того какъ онъ скончался и былъ здѣсь погребенъ, его сынъ, невѣрующій и отступникъ, пришелъ къ этому его гробу и, ударивъ мечомъ по одному углу его, сдѣлалъ надрѣзъ, и тотчасъ святой явилъ чудо, а именно: поднялъ правую руку и положилъ ее на свое лицо, какъ бы для того, чтобы защититься отъ удара, и—о чудо!—рука осталась въ этомъ положеніи до сихъ поръ. [Въ южномъ придѣлѣ есть другая рака съ мощами св. Іоанна, древняго митрополита этого города; въ честь его справляютъ великій праздникъ] [2]. Въ сѣверномъ углу церкви есть маленькая часовня, гдѣ находится саркофагъ, въ коемъ покоится тѣло св. Никиты, также митрополита этого города [3], онъ совсѣмъ безъ бороды. Въ ихъ синаксарѣ о немъ повѣствуется, что онъ засадилъ дьявола въ кувшинъ и запечаталъ; когда же тотъ просилъ освободить его, святой отпустилъ его лишь на такомъ условіи, а именно: сѣлъ на него верхомъ и отправился въ Іерусалимъ, въ одну ночь поклонился святымъ мѣстамъ и возвратился на немъ же. Это хорошо извѣстно. Всѣ эти святые совершаютъ чудеса доселѣ.

Возвращаемся (къ описанію). Полъ въ этой церкви весь состоитъ изъ огромныхъ плитъ, твердыхъ и тонкихъ, толщиною только въ

---

[1] Авторъ говоритъ о гробницѣ св. кн. Мстислава, правнука Владиміра Мономаха. Онъ преставился въ 1180 г. и былъ положенъ въ мраморной гробницѣ, надъ коею нынѣ, въ придѣлѣ Рождества Богородицы, на южной сторонѣ, поставлена съ мощами его рака.—Мраморъ, изъ котораго устроенъ гробъ св. Мстислава, слѣдуетъ считать красноватымъ шиферомъ, употреблявшимся въ то время для гробницъ. (См. *Археолог. описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ*, соч. архим. Макарія. Ч. 1, М 1860 г., стр. 70 и примѣч.)

[2] Взято изъ англійскаго перевода, потому что въ нашихъ рукописяхъ пропущено.—Св Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, преставился 7 сентября 1186 г. и погребенъ въ сѣверномъ притворѣ, гдѣ послѣ устроенъ Предтеченскій придѣлъ. Мощи его обрѣтены въ 1440 г. и положены въ ракѣ у южной стѣны онаго придѣла.

[3] Св. Никита, епископъ Новгородскій, преставился 31 января 1108 г.—Мощи его находятся не на сѣверной, какъ говоритъ Павелъ, а на южной сторонѣ собора, тогда какъ мощи св. Іоанна, наоборотъ, съ сѣверной, а не съ южной стороны.

два пальца [1]. Ломки находятся въ этомъ городѣ; камень добываютъ слоями, и каждый кусокъ можетъ покрыть полъ большой комнаты, подобно ковру. Поэтому плиты церкви въ Троицкомъ монастырѣ, какъ мы сказали, взяты отсюда. Полъ въ алтаряхъ весь мраморный. Каѳедра (горнее мѣсто) со своими ступенями—изъ чудесной дорогой мозаики, сдѣланной изъ эмалеваго кампя, изъ коего золотыхъ дѣлъ мастера изготовляютъ разнаго рода и цвѣта превосходную эмаль. Точно также (выложенъ мозаикой) передъ царскими вратами въ хоросѣ, подъ большимъ куполомъ, на длину роста, амвонъ со ступеньками, назначенный для возглашенія ектеніи, чтенія Евангелія и Апостола; на немъ же архіерей совершаетъ отпустъ [2].

Иконы въ этой церкви весьма благолѣпны. Среди нихъ есть икона Господа Христа на престолѣ, въ серебряномъ окладѣ, съ ясными евангельскими письменами на греческомъ языкѣ; еще икона Петра и Павла, большая, благолѣпная, въ серебряно-вызолоченномъ окладѣ чеканной работы, съ чернымъ выжженнымъ фономъ (чернетью). Это та самая икона, о которой мы сказали, что ее привезли изъ Херсона [3]. Есть также новыя благолѣпныя иконы, сооруженныя патріархомъ Никономъ, въ бытность его митрополитомъ; онѣ поражаютъ умъ своимъ прекраснымъ исполненіемъ.

Подъемъ на верхнюю галлерею этой церкви весьма широкъ, такъ что по нему можетъ взъѣхать, если угодно, нагруженная арба, запряженная лошадьми. Въ церкви есть обширныя царскія криптъ, поражающія удивленіемъ; здѣсь скрытъ алтарь во имя свв. Гурія, Самона

---

[1] Въ настоящее время полъ въ соборѣ чугунный.

[2] Мозаика сохранилась донынѣ лишь въ главномъ алтарѣ собора. О ней сказано слѣдующее въ вышеназванной нами книгѣ архим. Макарія: „что касается до мозаики, то она находится только въ главномъ алтарѣ Софійскаго собора вокругъ горняго мѣста, по обѣимъ его сторонамъ. Когда украшенъ ею соборный олтарь, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, она если не можетъ быть признана современною Новгородскому Софійскому собору (1052), должна по крайней мѣрѣ относиться къ древнѣйшимъ временамъ его и быть признана за произведеніе византійскихъ художниковъ. По виду она подобна разноцвѣтному стеклу, т. е. состоитъ изъ стекловидныхъ плиточекъ желтаго, зеленаго и кофейнаго цвѣта: фигуры на ней въ родѣ оконъ съ полукружіями и крестами“.

[3] Объ этой иконѣ см у архимандрита Макарія, ч. I, стр. 93—95.—Тамъ же (стр. 98—100) объ иконѣ Спасителя, которая представляетъ лишь списокъ, а подлинникъ былъ взятъ въ 1561 г. царемъ Іоанномъ Грознымъ въ Москву и находится нынѣ въ Успенскомъ Соборѣ.

и Авива. Словомъ, отдѣленія этой церкви вверху и внизу безсчетны.

Когда мы вышли на крышу и приблизились къ куполамъ, намъ открылся видъ на весь городъ, вслѣдствіе высоты церкви.

Глава VI.

Новгородъ.—Значеніе его. Власть новгородскаго митрополита. Посѣщеніе монастырей. Антоніевъ монастырь. Сырковъ монастырь и крестный ходъ. Вяжицкій монастырь.

Архіерейскій домъ очень великъ, обширенъ, древенъ и великолѣпенъ и большею частью каменный. До сихъ поръ остаются въ немъ келліи тѣхъ святыхъ митрополитовъ, о коихъ мы упомянули. Патріархъ Никонъ воздвигъ нынѣ нѣсколько зданій съ желѣзными часами. Этотъ каменный городъ заключаетъ внутри себя только церкви, архіерейскій домъ и жилища воеводы и войска. Онъ менѣе Коломны, но имя его издревле громкое: московиты называютъ его на своемъ языкѣ *Велика Новогради*, т. е. великій Новый городъ. Въ нынѣшнемъ году изъ округовъ этого города и Пскова вышло, какъ мы сказали раньше, 120.000 ратниковъ на помощь царю. Въ немъ много богатыхъ людей: мы видѣли, что одинъ изъ нихъ ссудилъ царю въ помощь 200.000 динаровъ. Воевода этого города важнѣе всѣхъ воеводъ въ этой странѣ: когда онъ бываетъ у царя, то садится выше всѣхъ.

Что касается власти митрополита, то, какъ намъ теперь сообщили, она охватываетъ пространство болѣе чѣмъ въ 2.000 верстъ. Подъ его властью состоятъ Архангельскій и Соловецкій монастыри. Говорятъ, что въ его подчиненіи 400 благоустроенныхъ монастырей и 2.000 священниковъ, изъ коихъ съ самаго бѣднаго онъ получаетъ въ годъ одинъ динаръ. Онъ владѣетъ семьюдесятью рыбными озерами, не считая угодій, деревень и земель отъ государства. У него есть служители, писцы, ратники, дьяконы большіе и малые (анагносты), священники, монахи и портные – всего триста человѣкъ, коимъ содержаніе и расходы на пищу и одежду идутъ отъ него. У него есть управляющіе, повѣренные и судьи въ его диванѣ (приказѣ), которые важныя дѣла докладываютъ ему. Онъ имѣетъ казначеевъ для своихъ казнохранилищъ. Словомъ, митрополитъ больше воеводы. Въ нынѣшнемъ году онъ послалъ на помощь царю триста ратниковъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Послѣ того какъ мы приложились къ иконамъ и мощамъ святыхъ въ этотъ день, субботу, митрополитъ

повезъ насъ въ большіе монастыри, вокругъ этого города находящіеся. Насъ посадили на судно. Мы проѣхали около двухъ верстъ и пошли въ монастырь, называемый монастыремъ *Антоніосъ Римска*, то-есть Антонія Великаго, который прибылъ изъ Рима [1]. Этотъ святой жилъ во времена иконоборческой ереси. Родина его Римъ; онъ былъ изъ богатаго дома, пошелъ въ монахи и сдѣлался настоятелемъ въ одномъ изъ монастырей города Рима. По смерти своихъ родителей, собравъ все оставленное ими имущество: золото, серебро, драгоцѣнные каменья, отдалъ его на монастырь. Когда клевреты иконоборцевъ явились въ его монастырь, чтобы отнять святыя иконы, онъ, получивъ внушеніе чрезъ божественное видѣніе, сложилъ всю монастырскую утварь въ бочку, запечаталъ ее и бросилъ въ море-океанъ. Самъ же сѣлъ на скалу дикаго камня крѣпкой породы, похожую на лодку, и поплылъ по морю. Ведомый Богомъ, вошелъ въ эту рѣку Новгорода, которая, какъ мы сказали, впадаетъ въ море. Онъ продолжалъ плыть на этомъ камнѣ, какъ будто на деревянной лодкѣ, пока не достигъ мѣста, гдѣ стоитъ этотъ монастырь. Правителемъ, то-есть княземъ, города былъ въ то время христіанинъ, который, узнавъ о происшедшемъ, пришелъ къ Антонію и заговорилъ съ нимъ, но тотъ не могъ ему отвѣчать по незнанію русскаго языка, такъ какъ языкъ жителей Рима франкскій или греческій. Знаками онъ передалъ имъ свою исторію. Тогда позвали св. Никиту, митрополита этого города, о коемъ мы выше упомянули. Онъ пришелъ, свидѣлся съ Антоніемъ и, не зная его языка, сталъ молить Бога сдѣлать съ нимъ подобное тому, что сдѣлалъ св. Василій Великій съ праведнымъ Ефремомъ, и Творецъ даровалъ каждому изъ нихъ знаніе языка. Святому Антонію отдали мѣсто, гдѣ стоитъ теперь этотъ монастырь, для сооруженія обители, и онъ началъ ее строить. Потомъ онъ позвалъ рыбаковъ, чтобы они выловили для него изъ рѣки вышеупомянутую бочку, и они выловили ее сѣтями вмѣстѣ съ рыбой. Но такъ какъ они не захотѣли отдать ее святому, то онъ пошелъ къ правителю города и разсказалъ въ точности объ этомъ дѣлѣ. Правитель призвалъ рыбаковъ, и святой перечислилъ по-одиночкѣ все заключавшееся въ бочкѣ. Когда ее вскрыли, нашли, какъ онъ сказалъ, и изумились. Святой окончилъ сооруженіе этого монастыря своими руками.

Возвращаемся (къ разсказу). Когда мы вышли изъ судна на землю, насъ встрѣтилъ архимандритъ монастыря въ іерейскомъ облаченіи и

[1] Новгородскій Антоніевъ мужской монастырь находится близъ самаго Новгорода, въ трехъ верстахъ отъ новгородскаго Кремля, внизъ по теченію рѣки Волхова, на правомъ берегу ея. Основанъ въ 1106 году преподобнымъ Антоніемъ Римляниномъ.

митрѣ съ прочими отцами и дьяконами, и они ввели насъ въ великую (соборную) церковь, въ честь Рождества Богородицы. Насъ ожидали къ обѣднѣ и отслужили ее въ нашемъ присутствіи. [Съ архимандритомъ было много бѣлаго духовенства, надъ коимъ онъ главенствовалъ, по обычаю этой страны. Послѣ *Достойно* онъ вошелъ (въ алтарь) и возсѣлъ на горнемъ мѣстѣ, на подобіе епископа. Значеніе слова «архимандритъ» есть настоятель монастыря; онъ причащаетъ св. Даровъ изъ чаши и только онъ надѣваетъ палицу и никто другой [1]. Послѣ обѣдни онъ вышелъ съ ними въ нарѳексъ и сталъ во главѣ ихъ, и] они отслужили царскій молебенъ. Прочли девятый часъ и совершили отпустъ. Тогда мы обошли церковь и приложились къ ея иконамъ. Въ ней есть древняя благолѣпная греческая икона Владычицы, одна изъ тѣхъ иконъ, которыя, какъ мы сказали выше, привезъ изъ Херсона новгородскій князь вмѣстѣ съ дверями этой церкви, кои похожи на двери церкви св. Софіи: онѣ изъ чудесной желтой мѣди, съ разными фигурами и изображеніями господскихъ праздниковъ; но меньше древнихъ дверей, такъ какъ были поставлены позднѣе. Тѣло упомянутаго св. Антонія положено, со всякимъ почтеніемъ и благочиніемъ, въ чудесной ракѣ, обитой позолоченнымъ серебромъ. Надъ нимъ много благолѣпныхъ иконъ съ серебромъ и золотомъ и въ тройномъ подсвѣчникѣ пучокъ пальмовыхъ вѣтвей, нижняя часть которыхъ въ серебряной оправѣ; говорятъ, что святой привезъ его съ собой изъ Рима; онѣ доселѣ остаются зелеными. Въ этой церкви несчетное число рѣдкостей, сокровищъ, подсвѣчниковъ и иконъ серебряно-вызолоченныхъ съ драгоцѣнными каменьями, ибо всѣ жители этой страны имѣютъ большую вѣру къ святому и очень его почитаютъ, благолѣпно украшаютъ его иконы и празднуютъ ему нѣсколько разъ въ году. Приложившись къ его святымъ мощамъ, мы вышли за церковь, туда, куда выходитъ задняя сторона его могилы, и вошли въ келью, гдѣ находится тотъ самый камень, на которомъ святой прибылъ изъ Рима. При видѣ его, приходишь въ трепетъ и, стоя передъ нимъ, проливаешь слезы. Онъ похожъ на маленькую лодку, округло-продолговатъ, нижняя сторона его закруглена какъ у настоящей лодки, а верхняя расширена. На камнѣ образъ святого, къ коему мы приложились. Затѣмъ мы возвратились въ церковь и прикладывались къ нѣкоторымъ вещамъ, кои находились въ бочкѣ святого, именно: къ потиру, дискосу, звѣздицѣ и лжицѣ, украшеннымъ

[1] Въ англійскомъ переводѣ (откуда взято это мѣсто): „только онъ *кладетъ камень* и никто другой“. Ошибка англійскаго переводчика произошла, очевидно, оттого, что *хажар*, камень, и *хижр*, палица, пишутся по-арабски совершенно одинаково.

драгоцѣнными каменьями. На лжицѣ означена дата на франкскомъ языкѣ: ей болѣе 500 лѣтъ.

Въ этомъ монастырѣ есть еще четыре церкви: первая—въ трапезѣ во имя св. Антонія Великаго; остальныя: въ честь Срѣтенія Христова, св. Іоанна Крестителя и св. Николая.

Изъ церкви мы пошли къ трапезѣ. Послѣ того какъ выпили кубки за здравіе царя, патріарха и нашего учителя, поднесли подарки, благословеніе отъ монастыря: нашему учителю икону св. Антонія въ золотомъ окладѣ и милостыню, а намъ, по числу нашему, милостыню въ бумажкахъ, какъ у нихъ принято. Тогда мы встали, простились съ ними и вышли изъ монастыря.

Сѣвъ опять на судно, переѣхали черезъ рѣку и вышли на берегъ. Нашего владыку патріарха посадили въ карету. Проѣхали одну версту и прибыли въ монастырь въ честь Успенія Владычицы [1]. Въ немъ есть икона св. Маріи Египетской, кругомъ которой написано все житіе ея съ начала до конца. Приложившись къ ней, мы тотчасъ вышли и, проѣхавъ еще шесть верстъ, прибыли вечеромъ въ монастырь во имя Владычицы Одигитріи, то-есть Тройное Путеводительство [2]. Насъ встрѣтили, ввели въ церковь и начали малое повечеріе, такъ какъ въ этотъ вечеръ у нихъ пришелся храмовой праздникъ, и большинство жителей этого города, мужчины, женщины и дѣти, присутствовали въ монастырѣ. Намъ разсказывали, что когда Тамерланъ, котораго они на своемъ языкѣ называютъ Темиръ-аксакъ, подъ конецъ своей жизни, пришелъ въ эту страну съ войскомъ, многочисленнымъ какъ песокъ, воевать съ князьями московитовъ, кои въ то время были весьма слабы, то московскій князь съ большимъ трудомъ собралъ войско въ числѣ не болѣе ста тысячъ, и когда вступилъ въ жестокую битву, то помощью этого святого (Антонія), Матери Божіей Путеводительницы и заступленіемъ св. Николая, Богъ даровалъ ему побѣду надъ врагами, кои всѣ были истреблены, ибо невѣрныхъ покрыла тьма

---

[1] Успенскій Колмовъ мужской монастырь (нынѣ упраздненный) находился близъ Новгорода, на сѣверъ въ трехъ верстахъ, на лѣвомъ берегу рѣки Волхова внизъ по теченію и на правомъ ручья Колмова, отъ котораго и названіе свое имѣетъ. Основанъ въ 1310 году.

[2] Названіе „Одигитрія“, Путеводительница, Павелъ Алепскій постоянно переводитъ словами: „*Тройное* путеводительство“, принимая, по видимому, слово τρια въ этомъ греческомъ названіи въ значеніи „три“.—Монастырь, о которомъ онъ говоритъ, есть Сырковъ, нынѣ женскій, монастырь въ шести верстахъ отъ Новгорода къ сѣверу; но соборная церковь въ немъ въ честь Владимірской Божіей Матери, а не Одигитріи.

и напало на нихъ помраченіе, и они начали убивать другъ друга; христіане же имѣли на своей сторонѣ свѣтъ и день и перебили своихъ враговъ. По этой причинѣ московскій князь велѣлъ построить этотъ монастырь и другіе во имя Владычицы Одигитріи, ибо Она избавила ихъ, и потому они совершаютъ Ея память съ большимъ торжествомъ ежегодно въ этотъ день, то-есть 25 августа [1]. Изъ города Новгорода выходитъ митрополитъ съ настоятелями монастырей, со всѣми священниками и дьякопами этого округа [2], послѣ того какъ послѣдніе отслужатъ въ своихъ церквахъ обѣдню рано поутру, равно со всѣми жителями округа, женщинами, вельможами и дѣтьми, направляясь большимъ крестнымъ ходомъ пѣшкомъ къ этому монастырю, и слушаютъ въ немъ обѣдню съ водосвятіемъ и молебствіемъ, въ полной радости и ликованіи. Большинство приходитъ съ вечера.

Въ этотъ день встали къ бдѣнію въ полночь, и мы вышли отъ утрени только на зарѣ. Въ четвертомъ часу [3] начался звонъ въ колокола для встрѣчи крестнаго хода, идущаго изъ города, отъ котораго до монастыря четыре версты, и — о, удивленіе! — всѣ пришли пѣшкомъ. Когда они приблизились къ монастырю, вышелъ митрополитъ со священниками и нашъ учитель съ сербскимъ архіепископомъ въ облаченіяхъ для встрѣчи крестнаго хода за вратами монастыря. По причинѣ большого стеченія народа, церковь не могла всѣхъ вмѣстить, хотя она очень велика. Это огромная, высокая церковь романскаго стиля, съ двумя колоннами въ срединѣ и съ тремя дверьми. Полъ ея выстланъ четырехугольными плитами, похожими на твердый мраморъ, весьма большихъ размѣровъ, около 5 — 6 локтей каждая, толстыми и весьма красивыми. Мы уже говорили, что въ этой мѣстности есть гора изъ камня, похожаго на кремень. Этотъ монастырь составляетъ метохъ другого большого монастыря, во имя св. Николая, который отстоитъ отъ него въ пяти верстахъ [4].

Когда мы вышли отъ обѣдни въ это воскресенье, смотри, что съ нами случилось: насъ повезли въ тотъ монастырь на обѣдъ, а не на

---

[1] Крестный ходъ въ Сырковъ монастырь ежегодно совершается въ день храмового праздника (Владимірской Божіей Матери), 26 августа.

[2] По англійскому переводу. Въ нашихъ рукописяхъ: „со всѣми *московскими* священниками и дьякопами.“

[3] За 8 часовъ до заката солнца, по восточному счисленію. На Востокѣ закатъ солнца всегда полагаютъ въ 12 часовъ.

[4] Вяжицкій Николаевскій мужской монастырь, въ 12 верстахъ отъ Новгорода къ западу. Первоначальное основаніе монастыря относится къ XIV вѣку.

ужинъ, мы же доѣхали только къ вечеру подъ проливнымъ дождемъ. Встрѣтивъ насъ, повели сначала въ церковь св. Николая, которая очень высока, съ лѣстницами кругомъ, потому что построена на сводахъ. Близъ нея церковь въ честь Благовѣщенія; а третья церковь во имя Евѳимія Великаго, гдѣ находится рака съ мощами св. Евѳимія Новаго, митрополита новгородскаго. Говорятъ, что онъ построилъ этотъ монастырь и впослѣдствіи, оставивъ власть, поселился въ немъ и велъ строгоподвижническую жизнь. Мы приложились къ его тѣлу, которое доселѣ остается нетлѣннымъ, и къ его поясу, состоящему изъ желѣзной цѣпи, коей онъ опоясывался, и вышли. За столъ мы сѣли только послѣ десятаго часа, не ѣвши ничего съ восьми часовъ предшествующаго дня, такъ какъ ужинали въ томъ монастырѣ и пріѣхали сегодня обѣдать въ этотъ. [Намъ оказали величайшее радушіе, и мы ѣли превосходный зеленый горошекъ за ихъ столомъ]. Послѣ обѣда подарили нашему владыкѣ патріарху икону св. Николая со стоящимъ противъ него святымъ Евѳиміемъ, упомянутымъ митрополитомъ новгородскимъ, ибо онъ причисленъ къ лику святыхъ и имѣетъ службу и празднованіе памяти; а также серебряную чашу, кусокъ камки и милостыню. Также и намъ всѣмъ роздали иконы безъ серебряныхъ окладовъ и милостыню въ бумажкахъ.

Въ понедѣльникъ утромъ мы слушали обѣдню и были за трапезой. Монахи простились съ нами и мы сѣли въ лодку. Насъ повезли назадъ, при чемъ, проѣзжая мимо монастыря, гдѣ наканунѣ стояли обѣдню, мы приложились опять. Проѣхавъ десять съ половиною верстъ, вечеромъ прибыли въ метохъ съ палатами, принадлежащій митрополіи. Ихъ построилъ патріархъ Никонъ, въ бытность свою митрополитомъ, вмѣстѣ съ красивою деревянною церковью. Здѣсь митрополитъ предложилъ намъ трапезу.

Глава VII.

Новгородъ.—Хутынскій Варлааміевъ монастырь. Возвращеніе въ Новгородъ. Святодуховъ монастырь. Знаменскій соборъ.

Во вторникъ, рано утромъ, насъ посадили на судно на упомянутой рѣкѣ, проѣхали съ нами четыре версты и привезли въ монастырь св. Варлаама, извѣстный на ихъ языкѣ подъ именемъ Хутынскій [1]. Это монастырь очень большой, красивый, радующій душу, вы-

[1] Хутынскій Варлааміевъ, Спасо-Преображенскій мужской монастырь находится въ 10 верстахъ отъ Новгорода, внизъ по теченію рѣки Волхова, на правомъ ея берегу. Основанъ въ 1192 году.

сокій, въ прекрасномъ мѣстоположеніи на возвышенности, при рѣкѣ, которая течетъ передъ нимъ и которая шире и глубже египетскаго Нила. По истинѣ, жизнь монаховъ въ этихъ монастыряхъ весьма пріятна, вслѣдствіе обилія воды и разнаго рода рыбы, которую ловятъ безъ труда, при помощи воротовъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки, посредствомъ особыхъ приспособленій. Подлинно, наши сердца наслаждались въ этомъ благодатномъ путешествіи. Скажу еще: «да увеличиваетъ Богъ твое процвѣтаніе, о городъ Новгородъ, до скончанія вѣковъ, за избытокъ твоихъ удовольствій, твоихъ водъ, рыбы, прекрасное мѣстоположеніе, твою почву и пріятность твоихъ монастырей, кои, по истинѣ, не имѣютъ себѣ подобныхъ на землѣ!»

Возвращаемся (къ разсказу). Когда мы высадились, насъ встрѣтилъ, также внѣ монастыря, архимандритъ въ митрѣ съ прочими іереями и діаконами и повелъ въ великую церковь (соборъ), которая восхищаетъ взоръ и сердце своей высотой, обширностью и благолѣпіемъ, своими большими окнами и красивыми плитами пола. Она въ честь божественнаго Преображенія. Въ ней находятся мощи св. Варлаама Новаго, который основалъ этотъ монастырь во дни святого Сергія, строителя великаго Троицкаго монастыря. Ему составлено большое служеніе, но житіе его слишкомъ длинно для пересказа. Московиты очень его почитаютъ и имѣютъ къ нему великую вѣру, а потому стремятся на поклоненіе въ этотъ монастырь изъ отдаленнѣйшихъ областей. Монастырь весьма богатъ: въ этой сторонѣ нѣтъ монастыря, который могъ бы сравниться съ нимъ обиліемъ богатствъ и угодій, ибо ему принадлежитъ болѣе 2000 семействъ земледѣльцевъ и вокругъ него большое селеніе съ обширной площадью. Зданіе монастыря громадно. Въ немъ свыше ста монаховъ, бо́льшая часть коихъ славятся своею добродѣтелью и святостью: мы видѣли собственными глазами, что нѣкоторые изъ нихъ носятъ на тѣлѣ, по сороку лѣтъ, желѣзные пояса изъ цѣпей; свои рубахи и платья они не мѣняютъ, пока тѣ совершенно не истлѣютъ на нихъ. О удивленіе! мы обоняли отъ нихъ запахъ подобный мускусу. Какъ они счастливы, блаженны и благополучны! Богъ да сдѣлаетъ насъ соучастниками ихъ! Благодаримъ Всевышняго, который удостоилъ насъ зрѣть въ наши дни такихъ святыхъ.

Въ монастыряхъ московской земли, а особливо въ монастыряхъ этой мѣстности, болѣе всего тщеславятся благолѣпіемъ, величиной и обширностью помѣщенія трапезныхъ, кои бываютъ просторныя, высокія, каменныя; подъ ними кухни, дабы онѣ зимой были теплыя и согрѣтыя. Въ каждомъ изъ этихъ монастырей есть желѣзные часы и въ

каждомъ помѣщеніи трапезной церковь. Трапезная церковь этого монастыря—въ честь Благовѣщенія. Колокольня очень велика, прекраснѣйшей архитектуры: снизу она восьмиугольная, очень широкая, съ восемью балконами наверху; подъ каждымъ балкономъ съ наружной стороны комнатка, а надъ ними, въ срединѣ колокольни, красивая церковка во имя св. Григорія, епископа Арменіи, гдѣ имѣется его икона со всѣмъ его житіемъ, а также икона Косьмы и Даміана и матери ихъ Ѳеодосіи между ними со всѣмъ ихъ житіемъ; надъ этой церковью восемь арокъ, съуженныхъ и высокихъ, гдѣ висятъ колокола; надъ каждой аркой по двѣ двускатныхъ кровли; надо всѣмъ куполъ, подъ коимъ желѣзные часы. Надъ главными воротами монастыря есть также красивая церковка во имя св. пророка Иліи.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ этомъ монастырѣ есть больница для хворыхъ и немощныхъ старцевъ-монаховъ. Мощи св. Варлаама покоятся въ серебряно-вызолоченной ракѣ. Отстоявъ обѣдню, мы приложились къ нимъ, и насъ повели къ трапезѣ. Такимъ порядкомъ шла наша жизнь ежедневно при посѣщеніи этихъ монастырей: именно, кромѣ однократной трапезы при закатѣ солнца мы ничего не ѣли — въ этомъ у нихъ выражалось наибольшее уваженіе къ намъ. Послѣ трапезы поднесли дары нашему владыкѣ патріарху: икону св. Варлаама въ золотомъ окладѣ, серебряно-вызолоченную чашу, кусокъ атласа и кусокъ камки, а всѣмъ намъ по иконѣ св. Варлаама и милостыню.

Наканунѣ 29 августа было совершено бдѣніе въ полночь по случаю памяти Усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя. Отъ обѣдни мы вышли только послѣ девятаго часа [1]. Послѣ трапезы мы простились съ монахами, сѣли въ свою лодку, проѣхали три версты по направленію къ городу и къ вечеру прибыли въ красивый монастырь въ честь Воскресенія [2]. Разсказываютъ, что св. Антоній, прибывъ изъ Рима, высадился здѣсь на берегъ и прошелъ туда, гдѣ построилъ свой монастырь въ необитаемомъ мѣстѣ. Мы ночевали въ монастырѣ. Въ четвергъ утромъ проѣхали по рѣкѣ еще три версты и прибыли въ городъ, ибо отъ монастыря св. Варлаама до города разстояніе семь верстъ по рѣкѣ.

Когда мы приблизились къ земляному валу, насъ высадили, и нашъ владыка патріархъ сѣлъ въ карету, тамъ приготовленную, а для насъ

---

[1] Менѣе чѣмъ за три часа до заката солнца.

[2] Деревяницкій Воскресенскій мужской монастырь находится близъ Новгорода на правомъ берегу рѣки Волхова и рѣчки Деревяницы, разстояніемъ отъ города къ сѣверу по теченію рѣки въ четырехъ верстахъ. Основанъ въ 1335 году.

приготовили лошадей. Мы пріѣхали въ монастырь, что близъ городской стѣны, во имя св. Духа [1]. Въ немъ три церкви: великая (соборъ)—въ честь Пятидесятницы и Троицы, вторая—во имя св. Духа, третья—во имя Іоакима и Анны. Въ одной изъ нихъ мы отстояли обѣдню. Настоятель этого монастыря—четвертый архимандритъ. По окончаніи обѣдни, насъ повели къ трапезѣ, и послѣ того какъ были выпиты здравицы за царя, патріарха и нашего учителя, какъ было въ другихъ монастыряхъ, роздали подарки. Мы простились и пріѣхали въ митрополичьи келліи, гдѣ имѣли помѣщеніе.

Въ пятницу утромъ, послѣдній день августа мѣсяца, насъ повели на поклоненіе въ церковь въ честь праздника иконы Владычицы *Пантитера* (Пространнѣе небесъ), похожей на икону Влахернскую. Эта икона есть та самая, которая избавила городъ Новгородъ отъ жестокости московскихъ князей и называется по-русски Знаменія Богородицы. Въ то время когда жители этого города уже вѣровали (во Христа), а жители всей страны московской были еще невѣрными, послѣдніе постоянно ходили на первыхъ войной и наконецъ собрались противъ Новгорода всѣ князья страны московской съ огромнымъ войскомъ и пришли воевать съ ними. Когда жители находились въ тѣсной осадѣ, митрополитъ этого города, какъ это было въ Константинополѣ, когда (совершила чудо) Влахернская икона, вышелъ и сдѣлалъ какъ патріархъ константинопольскій: обошелъ съ упомянутой иконой Владычицы кругомъ городскихъ стѣнъ большимъ крестнымъ ходомъ и — о чудо!—Она повернулась лицомъ къ городу, а тыломъ къ врагамъ, которые его осаждали; на нихъ палъ великій гнѣвъ и они вернулись въ самомъ несчастномъ положеніи, посрамленными и бѣгущими. Тогда жители Новгорода установили празднованіе этой иконѣ ежегодно 27 ноября, и не только они празднуютъ ей, но и всѣ жители страны московской.

Мы отстояли обѣдню въ этой церкви [2]. Въ ней полъ изъ плитъ, удивительныхъ въ высшей степени: отъ дверей алтаря до хороса одна плита, а отъ хороса до дверей церкви такая же другая.

---

[1] Свято-Духовъ женскій, а прежде мужской, монастырь находится на окраинѣ Новгорода близъ большого земляного вала, у С.-Петербургской заставы, разстояніемъ отъ Кремля на западъ около версты. Существовалъ уже въ XII вѣкѣ.

[2] Знаменскій соборъ на Торговой сторонѣ. Первоначальное основаніе его относится къ XIV вѣку.

Глава VIII.

Новгородъ.—Торжество новолѣтія. Отъѣздъ изъ Новгорода. Остановка въ Юрьевомъ монастырѣ и описаніе его.

Наканунѣ 1-го сентября, начала 7164 года отъ сотв. міра, зазвонили въ колокола въ свое время по случаю торжественнаго празднованія памяти св. Симеона Столпника, начала года и многолѣтія царю, и совершили малое повечеріе. [Среди ночи встали при звонѣ колоколовъ. Начали пѣніе вечернихъ псалмовъ. При Входѣ, настоятели монастырей облачились, по обычаю. Главнымъ, который первенствовалъ надъ всѣми ними, былъ архимандритъ монастыря св. Варлаама; вторымъ былъ архимандритъ монастыря св. Николая; третьимъ — архимандритъ монастыря св. Антонія; четвертымъ — архимандритъ монастыря Святодухова. Эти четверо надѣваютъ митры, наравнѣ съ патріархомъ и митрополитомъ, и даютъ благословеніе, какъ епископы. При каждомъ изъ нихъ два діакона, которые постоянно поддерживаютъ ихъ подъ руки, какъ епископовъ. Когда они вышли на Входъ, архимандритъ св. Варлаама стоялъ въ срединѣ, а остальные кругомъ него. Затѣмъ поставили пять хлѣбовъ, очень маленькихъ, въ сосудѣ, въ родѣ серебрянаго подсвѣчника, чрезвычайно красивомъ, и кругомъ него поставили сосуды съ виномъ и елеемъ. При Полієлеѣ, митрополитъ съ архимандритами облачились, какъ выше сказано, и поставили по срединѣ годовую икону. Затѣмъ онъ сошелъ и окадилъ ее, также какъ и церковь, по обычаю. Послѣ этого нашъ владыка патріархъ подошелъ и первый приложился къ иконѣ; остальные послѣдовали за нимъ.

Когда пробило три часа дня, зазвонили въ большіе колокола. При входѣ нашемъ въ церковь, пѣвчіе пропѣли многолѣтіе нашему владыкѣ патріарху, какъ всегда это дѣлали. Мы облачили его въ полное архіерейское облаченіе и пр. [1], ибо въ этотъ день у нихъ бываетъ большое торжество, съ совершеніемъ многолѣтія царю. Когда мы вышли изъ алтаря [2], положили подъ ноги нашему владыкѣ патріарху,

[1] Слово „и пр.“ указываетъ, несомнѣнно, на пропущенное англійскимъ переводчикомъ перечисленіе другихъ лицъ, которые облачались въ алтарѣ вмѣстѣ съ патріархомъ.

[2] Въ англійскомъ переводѣ (изъ котораго мы заимствуемъ этотъ разсказъ, за пропускомъ его въ нашихъ рукописяхъ) сказано: „изъ церкви“, но это невѣроятно, ибо по тому, что сейчасъ слѣдуетъ, видно, что изъ церкви вышли лишь послѣ возгласа патріарха.

сербскому архіепископу и митрополиту три кружка съ орлами (орлецы), на которые они стали, лицомъ къ востоку, согласно всегдашнему обычаю архіереевъ въ этой странѣ. Послѣ того, какъ нашъ владыка патріархъ сказалъ возгласъ, мы вышли на площадку передъ церковью, гдѣ были разставлены рядами скамьи и кресла и стояли стрѣльцы, составляя большой кругъ; въ срединѣ поставили аналой, на который положили Евангеліе и крестъ. Духовенство размѣстилось кругомъ аналоя, обративъ иконы лицомъ къ западу; подлѣ поставили столикъ съ водосвятною чашей. Нашего владыку патріарха помѣстили на высокомъ тронѣ во главѣ этого круга, при чемъ онъ былъ обращенъ лицомъ къ востоку, а воевода города стоялъ справа отъ него. Архіепископъ сербскій съ одною половиною архимандритовъ и духовенства сталъ по правую его руку, а митрополитъ съ остальными архимандритами и духовенствомъ помѣстился по лѣвую руку; вся эта площадка была устлана коврами. При концѣ канона подали нашему учителю крестъ; онъ поднялъ его въ рукахъ и, согласно съ ихъ обычаемъ, движеніемъ его изобразилъ знаменіе креста по три раза на всѣ четыре стороны, между тѣмъ какъ я, ставъ передъ нимъ, кадилъ ему, возглашая: «Господу помолимся». Затѣмъ принесли ему тазъ и кувшинъ; онъ умылъ себѣ руки, сошелъ къ водосвятной чашѣ и окадилъ ее. Въ это время священники стояли кругомъ него и читали канонъ водосвятія, Апостолъ, Евангеліе и молитвы. Тогда онъ взялъ крестъ и погрузилъ его въ воду, поя: «Спаси, Господи, люди Твоя» и пр., трижды, и пѣвчіе, въ отвѣтъ, пропѣли то же. Воду, стекавшую съ креста, мы собирали въ серебряный сосудъ; къ ней онъ прибавилъ воды изъ большой чаши, и когда ему подали губку, онъ погрузилъ ее въ воду, пошелъ и отеръ ею лики иконъ и крестъ, вернулся и, выжавъ ее въ воду, возвратился на свое мѣсто]. Затѣмъ подали сербскому архіепископу книгу, въ коей есть молитва за царя, и онъ прочелъ ее, при чемъ переслилъ города и владѣнія царя по-одиночкѣ—это и составляетъ многолѣтіе; прочелъ моленіе за царицу, ея сына, дочерей и сестеръ царя, называя ихъ поименно. Такое торжество и ликованіе въ сей день происходятъ по случаю этого моленія за царя.

Тогда выступилъ воевода, одѣтый въ великолѣпную парчевую одежду съ приподнятымъ назади воротникомъ, который былъ весь унизанъ драгоцѣннымъ жемчугомъ, величиною съ горохъ, и драгоцѣнными каменьями; шнуры на груди были еще цѣннѣе (воротника). Подойдя къ нашему владыкѣ патріарху, онъ наклонился и выразилъ царю благожеланія, говоря: «я рабъ царя славнѣйшаго и достохвальнаго», и много славилъ его, называя его титулъ и имя, и продолжалъ «я рабъ

царицы» и славилъ ее, называя ея имя; «я рабъ ихъ сына, царя, сына царя» и прославлялъ его также; «я рабъ сестеръ царя и дочерей его». Эти слова выходили изъ его устъ какъ похвальная рѣчь. Затѣмъ онъ испрашивалъ для нихъ у Бога долгой жизни и многихъ лѣтъ и высказалъ имъ поздравленіе съ наступленіемъ новаго благословеннаго года и много другихъ пожеланій и похвалъ. Потомъ выразилъ благожеланія нашему учителю, поздравилъ его съ новымъ годомъ и поклонился ему, и то же сдѣлалъ, обратившись къ архіепископу сербскому и митрополиту.

Равнымъ образомъ выступилъ сербскій архіепископъ и произнесъ многолѣтіе, а также митрополитъ. Послѣ нихъ подошли архимандриты и сдѣлали то же. Затѣмъ всѣ присутствующіе начали поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ, ибо въ этой странѣ день (новолѣтія) весьма великъ, больше Пасхи. Всѣ были одѣты въ лучшія свои платья, особенно женщины, и именно, по случаю новаго года и по любви ихъ къ св. Симеону. Если бы царь находился въ Москвѣ, то сдѣлалъ бы такъ же, какъ этотъ воевода. Такъ поступаютъ и всѣ воеводы въ этой странѣ вмѣстѣ съ духовенствомъ: описаннымъ образомъ совершаютъ въ этотъ день моленіе за царя съ многолѣтіемъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Нашъ учитель окропилъ святой водой воеводу и прочихъ вельможъ. [Затѣмъ мы вернулись въ церковь. Начали часы и обѣдню. Митрополитъ въ это время надѣлъ на себя панагію, ибо митрополиты въ этой странѣ, обыкновенно, не надѣваютъ панагіи поверхъ облаченія во всякое время, но никогда не снимаютъ ея при обычной одеждѣ]. Когда нашъ учитель возсѣлъ на горнемъ мѣстѣ, подвели къ нему трехъ архимандритовъ, и онъ прочелъ надъ ихъ головою молитву, даруя имъ власть, а именно: вручивъ имъ двѣ зажженныя свѣчи, далъ дозволеніе, чтобы во время обѣдни постилали для нихъ коверъ и чтобы за ними шли съ рипидами, когда они несутъ потиръ,—такое преимущество дастъ только патріархъ и оно высоко цѣнится. Во время литургіи дьяконы несли серебряное изображеніе Сіонской церкви и храма Воскресенія, [а священники по-двое плащаницу на головахъ. Пѣвчіе пѣли чрезвычайно протяжно]. У нихъ есть обычай, что анагносты въ стихаряхъ поютъ отвѣты на литургійные возгласы внѣ алтаря, а иподьяконы причастный стихъ на амвонѣ. Сильно мы скорбѣли, видя труды анагностовъ: ихъ долгое стояніе на ногахъ днемъ и ночью и усердную ихъ службу, ибо архіереи въ этой странѣ, когда они стоятъ на своихъ архіерейскихъ мѣстахъ, не имѣютъ обыкновенія, какъ мы уже говорили, держать посохъ въ рукѣ; его держитъ одинъ изъ анагностовъ, стоя подлѣ архіерея отъ начала службы до конца; иногда они мѣняются.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ этотъ день мы вышли отъ обѣдни не раньше девятаго часа, и (во все это время) народъ стоялъ на ногахъ. Какое терпѣніе и какая выносливость! Несомнѣнно, что всѣ эти люди святые: они превзошли подвижниковъ въ пустыняхъ. Мы же вышли измученные усталостью, стояніемъ на ногахъ и голодомъ.

[Послѣ обѣда зазвонили въ колокола и пошли опять въ церковь къ вечернѣ.

На другой день митрополитъ также совершилъ обѣдню, въ сослуженіи со всѣмъ духовенствомъ города, и отслужилъ царскій молебенъ, такъ что мы вышли изъ церкви и сѣли за столъ не ранѣе девятаго часа, ибо таковъ у нихъ порядокъ, и мы ни разу, во все время какъ пробыли у нихъ, ни одинъ день не нарушали своего поста ранѣе девятаго часа.]

Въ понедѣльникъ, 3 сентября, поздним утромъ, мы простились съ церковью святой Софіи и сѣли на судно. Митрополитъ и воевода насъ провожали. Мы возвратились въ монастырь св. Георгія, гдѣ насъ встрѣтили въ первый разъ. Передъ этимъ, митрополитъ подарилъ нашему учителю большую позолоченную чашу и роздалъ всѣмъ имъ, на имя каждаго, по иконѣ и милостыню. То же сдѣлалъ и воевода при нашемъ пріѣздѣ и при отъѣздѣ.

Возвращаемся (къ разсказу). Монастырь св. Георгія [1]—величественный, красивый, и церковь его—благолѣпная, большая, просторная, радующая душу. Наверху ея κατηχούμενα (хоры) съ двумя церквами: одна—во имя Св. Духа, другая—Благовѣщенія. Отсюда мы поднялись на верхъ церкви и на крышу, откуда открывается видъ на всѣ окрестности. Куполъ ея громадный. Когда мы отстояли въ ней обѣдню, насъ повели въ трапезную, которая превосходитъ всѣ трапезныя въ въ этихъ монастыряхъ своею красотой, обширными размѣрами и веселымъ видомъ.

Вечеромъ насъ пригласилъ въ одно изъ своихъ помѣстій на той сторонѣ рѣки тотъ самый купецъ, о которомъ мы раньше говорили, что онъ ссудилъ царю огромную сумму денегъ. Мы сѣли на судно вмѣстѣ съ митрополитомъ и воеводой. Купецъ принялъ насъ съ великимъ почетомъ и повелъ въ свою церковь въ честь Благовѣщенія, гдѣ есть греческая икона Владычицы, привезенная, какъ говорятъ, изъ

---

[1] Новгородскій Юрьевъ мужской монастырь находится на лѣвомъ берегу Волхова, при устьѣ ручья Княжева, впадающаго въ Волховъ, разстояніемъ по прямой линіи отъ Новгорода къ югу въ трехъ верстахъ. Основаніе Юрьева монастыря относится къ 1030 году.

Херсонеса. Тутъ мы отстояли вечерню и затѣмъ поднялись въ его жилище, украшенное разнообразными серебряно-вызолоченными кубками, чашами и пр. Онъ потчивалъ насъ краснымъ виномъ превосходнаго цвѣта [и предложилъ намъ разнаго рода сладкія кушанья, дыни и пр.] Затѣмъ мы возвратились въ монастырь, гдѣ на другой день отстояли обѣдню.

Глава IX.

Обратный путь въ Москву.—Прощальный обѣдъ въ имѣніи митрополита. Остановка въ Иверскомъ монастырѣ. Тверь и монастырь св. Арсенія Тверского. Волга. Встрѣча съ патріархомъ Никономъ.

Съ ранняго утра мы отправили своихъ спутниковъ съ вещами на судно. Послѣ завтрака мы простились съ монахами и проплыли, въ сопровожденіи митрополита и городской знати, около 20 верстъ по рѣкѣ, жалѣя о разлукѣ съ этою благословенною страной, съ многочисленными благолѣпными церквами и монастырями по берегамъ ея озера, въ которое впадаетъ множество рѣкъ. Богъ да продлитъ ея процвѣтаніе до дня страшнаго суда и воскресенія! Ибо она превосходитъ всѣ страны не только Московіи, но и всего міра.

Вечеромъ привезли насъ къ мельницѣ, принадлежащей митрополиту, на берегу упомянутой рѣки (Волхова). Митрополитъ соорудилъ здѣсь за эти пятнадцать дней огромное деревянное помѣщеніе для насъ, чтобы проститься съ нами въ эту ночь, и предложилъ намъ великолѣпную трапезу. Вставъ поутру въ среду, мы простились съ нимъ и, проплывъ шесть верстъ по той же рѣкѣ, высадились въ деревнѣ, гдѣ въ первый разъ сѣли на судно. [Здѣсь мы взяли экипажи], проѣхали до вечера 15 верстъ и остановились. Въ четвергъ мы сдѣлали 65 верстъ и, перемѣнивъ лошадей [1], проѣхали еще 50 верстъ, спѣша возвратиться поскорѣе въ Москву до наступленія дождливаго времени, потому что безпокойство и утомленіе, испытанныя нами по дорогѣ сюда вслѣдствіе обилія дождей, были неописуемы. Въ субботу, въ праздникъ Рождества Богородицы, мы прибыли въ деревню (Иверскаго) монастыря. Архимандритъ выѣхалъ на лодкѣ и отвезъ насъ въ монастырь. Здѣсь мы отстояли воскресную обѣдню и въ понедѣльникъ намѣревались уѣхать, но не могли, по причинѣ жестокой бури, поднявшейся на озерѣ отъ сильнѣйшаго вѣтра; волненіе было какъ на морѣ и продолжалось до ранняго утра вторника, когда нѣсколько утихло.

[1] Въ подлинникѣ: „даровыхъ“ лошадей.

Мы отправились, причемъ насъ провожали. Проѣхавъ 90 верстъ, мы прибыли въ селеніе Вышній-Волочекъ, гдѣ перемѣнили лошадей, проѣхали еще 70 верстъ и въ пятницу прибыли въ базаръ (торговый городъ), по имени Торжокъ, перемѣнили здѣсь лошадей и, сдѣлавъ еще 60 верстъ, прибыли въ воскресенье утромъ въ Тверь.

Переночевавъ въ деревянномъ монастырѣ въ лѣсу, въ честь Воскресенія, мы отстояли обѣдню въ епископской церкви и послѣ обѣда отправились посѣтить одинъ изъ монастырей этой области, отстоящій отъ города въ четырехъ верстахъ, во имя св. Арсенія, архіепископа Тверского. Церковь монастырская весьма изящна; въ ней покоится честное тѣло святого. Алтари ея похожи на алтари въ нашей странѣ; одинъ изъ нихъ въ честь Успенія Богородицы, второй—Изображенія на убрусѣ (Нерукотвореннаго образа) и третій—во имя св. Арсенія. Приложившись къ святынямъ, мы возвратились въ городъ.

Отсюда мы выѣхали въ понедѣльникъ рано поутру, вечеромъ переправились черезъ рѣку Волгу и ночевали въ селеніи на берегу ея, по имени Шоша, очень пріятномъ, на прекрасномъ, высокомъ мѣстѣ. Удивительную вещь мы видѣли! Мы видѣли здѣсь суда, идущія по рѣкѣ въ Тверь, ибо рѣка направляется туда, но они шли не на веслахъ, а ихъ тащили на канатахъ лошади съ берега. Затѣмъ мы сдѣлали 90 верстъ, проѣхали мимо монастыря и сдѣлали еще 70 верстъ. Патріархъ выѣхалъ къ намъ навстрѣчу въ одну изъ своихъ деревень, отстоящую отъ города въ 20 верстахъ, и въ этотъ день два раза присылалъ извѣстить насъ на дорогѣ: онъ уже три дня насъ дожидался. Когда мы подъѣзжали, онъ выслалъ навстрѣчу нашему учителю сначала своихъ бояръ, а потомъ митрополитовъ и настоятелей монастырей. Насъ ввели въ его келліи. Тутъ онъ простился съ нами и возвратился въ городъ. Мы же переночевали здѣсь и въ четвергъ на зарѣ, 20 сентября, въѣхали въ Москву, пробывъ въ отсутствіи 47 дней.

Такъ мы совершили это чудесное путешествіе, котораго еще никто изъ чужеземцевъ не совершалъ до сихъ поръ съ древнихъ временъ.

Глава X.

Москва.—Служенія. Извѣстія отъ царя. Встрѣча пословъ австрійскаго и шведскаго. Возвращеніе войска. Польскіе плѣнники.

Наканунѣ субботы мы присутствовали въ своихъ облаченіяхъ въ монастырѣ монахинь, что насупротивъ насъ [1], на поминовеніи по су-

[1] Въ Вознесенскомъ монастырѣ.

пругѣ царя Ивана, а на другой день послѣ обѣдни были за трапезой въ высокой палатѣ на верху [1]. [Въ пятницу 28 сентября нашъ учитель служилъ въ монастырской церкви обѣдню, за которой рукоположилъ священника и діакона. Вечеромъ мы опять присутствовали въ монастырѣ монахинь на поминовеніи по царѣ Михаилѣ и его двухъ сыновьяхъ, а на другой день, послѣ обѣдни, за трапезой въ томъ же мѣстѣ].

Въ канунъ понедѣльника и утромъ 1-го октября было совершено большое торжество, по случаю великаго праздника у нихъ, *Покрова Богородицы*, т. е. покрывала св. Дѣвы. Это было видѣніе святому Андрею Салосу и св. Роману. Собрались (въ Кремль) всѣ городскіе священники со своими иконами, и одинъ изъ митрополитовъ вышелъ съ крестнымъ ходомъ изъ Кремля [къ тому мѣсту, гдѣ они совершаютъ царскіе молебны, и, отслуживъ молебствіе за царя, совершилъ литургію въ великой церкви тамъ находящейся, въ честь св. Троицы [2]].

Наканунѣ понедѣльника 8-го октября мы были въ церкви Архангела на поминовеніи по князѣ Димитріи, сынѣ царя Алексѣя, его первенцѣ, который умеръ восемь лѣтъ тому назадъ. На другой день рано утромъ зазвонили во всѣ колокола и мы пошли въ соборъ. Оба патріарха облачились вмѣстѣ со всѣмъ священническимъ чиномъ, и было совершено молебствіе съ молитвой за царя, потому что пришло отъ него письмо съ извѣстіемъ, что онъ завоевалъ девять крѣпостей въ странѣ ляховъ и что его бояре, бывшіе съ нимъ, взяли пять, а Бутурлинъ съ Хмелемъ, со стороны Каменца, четыре крѣпости, при чемъ они захватили въ плѣнъ великаго гетмана, одного изъ четырехъ, находящихся въ странѣ ляховъ. Онъ изъ семейства Потоцкихъ и имя его Павелъ. Его взяли со всѣмъ его имуществомъ и дѣтьми и отправили къ царю. Послѣ молебствія патріархъ взошелъ на амвонъ, прочелъ письмо царя и возвѣстилъ о завоеваніи упомянутыхъ городовъ и о разрушеніи нѣсколькихъ ляшскихъ монастырей, мужскихъ и женскихъ, коихъ монахи и монахини были взяты въ плѣнъ, и о многихъ сраженіяхъ, происходившихъ между ляхами и московитами, при чемъ послѣдніе оставались побѣдителями: онъ сообщилъ, что въ одномъ сраженіи кровь лилась рѣкою съ обѣихъ сторонъ и убитые лежали на пространствѣ семи верстъ. Затѣмъ окончили службу и разоблачились. Спустя немного времени опять зазвонили въ колокола къ обѣднѣ, ко-

---

[1] т. е. во дворцѣ.

[2] Покровскій соборъ.

торая была совершена въ церкви Архангела, а потомъ была, по обыкновенію, трапеза на дворцѣ.

Въ это воскресенье всѣ жители столицы выходили встрѣчать двухъ пословъ: одинъ посолъ отъ *Балодороса* (Фердинанда) кесаря, царя алемановъ и нѣмцевъ (австрійскаго), а другой—отъ короля шведскаго. Мы раньше видѣли ихъ въ Новгородѣ, потому что они прибыли по морю-океану и по упомянутой рѣкѣ Новгорода (Волхову). Ради нихъ было устроено большое торжество и оказанъ имъ великій почетъ. Такъ какъ войска въ городѣ было мало, то приказали купцамъ, торговцамъ и другимъ выѣхать блестящимъ поѣздомъ на коняхъ, въ вооруженіи, для встрѣчи пословъ. Московиты имѣютъ обыкновеніе устроивать подобныя торжества только вечеромъ, а не днемъ; такъ, обыкновенно, дѣлалъ и царь при своихъ отъѣздахъ и пріѣздахъ. Два царскихъ боярина ѣхали по правую и по лѣвую руку посла; тутъ выразилась большая острота ума московитовъ: именно, какъ бы изъ вѣжливости они помѣщаютъ посла въ срединѣ, и онъ думаетъ, что это сдѣлано изъ почета къ нему; однако, нѣтъ: цѣль та, чтобы показать, что ихъ царь выше, а тотъ у него подъ рукой. Мы дивились на большую ловкость московитовъ въ этотъ день: какъ мы сказали, войска было мало, а пословъ встрѣчали на разстояніи семи верстъ отъ города; при этомъ ратники выходили имъ на встрѣчу отдѣльными отрядами и, возвратившись, перемѣняли свои знамена и опять появлялись, чтобы послы думали, что войска много. Никто не зналъ, съ какою цѣлью прибыли эти послы, пока не пріѣхалъ царь, и тогда мы узнали, что они прибыли ради укрѣпленія дружбы.

Возвращаемся къ разсказу. Стали приходить извѣстія, что царь собирается вернуться, такъ какъ случился неописуемый моръ на лошадей, отъ чего войско ослабѣло. Поэтому царь далъ ратникамъ *якылма*, т. е. отпускъ, и распустилъ изъ нихъ 80.000, которые, какъ онъ удостовѣрился, были бѣдны и лишились своихъ лошадей, и послалъ ихъ домой отдохнуть до начала мѣсяца марта, когда они должны были вернуться съ новыми силами и рвеніемъ. Мы видѣли, какъ они приходили въ столицу, ведя съ собою безсчетное число плѣнниковъ: ни одного изъ нихъ мы не видали безъ одного, двухъ, пяти, шести и болѣе плѣнныхъ. По причинѣ бывшей въ это время сильной грязи и слякоти и падежа лошадей, они бо́льшую часть плѣнныхъ бросили на дорогѣ умирать отъ голода и холода. Въ послѣдствіи патріархъ Никонъ сообщилъ нашему учителю, что царь взялъ для себя изъ областей, которыя не покорились мирно, 300.000 плѣнныхъ; всѣхъ ихъ забрали въ горахъ и въ лѣсахъ, чтобы заселить ими бо́льшую часть домовъ въ сто-

лицѣ и деревни, обезлюдѣвшія со времени моровой язвы. Такъ онъ и сдѣлалъ. Счастье тѣмъ, которые сдѣлались плѣнниками царя! ибо онъ назначилъ каждому, даже на малыхъ дѣтей, ежедневно по четыре копейки на содержаніе, кромѣ пива, меда и дровъ, и размѣстилъ ихъ въ незанятыхъ домахъ и опустѣвшихъ деревняхъ. Намѣреніемъ царя было обезлюдить страну враговъ и заселить свою, ибо такъ поступили и ляхи, когда они обманнымъ образомъ завладѣли этой областью (Смоленской): произвели въ ней опустошенія и разоренія и перевели бо́льшую часть ея жителей въ свою страну, которая была пустынна, и ими заселили ее. Когда же колесо (фортуны) повернулось и наступило время правосудія и возмездія, ихъ постигло худшее, чѣмъ то, что они совершили въ чужой странѣ. Также и государственные сановники и конные ратники [1] наполнили свои селенія плѣнниками, которыхъ обратили въ земледѣльцевъ: крестьяне, гдѣ бы они ни были, суть презираемые рабы; бывъ прежде земледѣльцами у ляховъ, сдѣлались теперь земледѣльцами у московитовъ. У насъ сердце разрывалось за нихъ: бѣдные! мы видали какъ ихъ маленькихъ дѣтей продавали по четыре, пяти, шести, семи, восьми за одинъ піастръ-реалъ (полтинникъ)—вещь, исторгающая слезы у зрителя. Все это постигло ляховъ за злыя дѣла ихъ вельможъ; вина за это на выѣ проклятаго Радзивила, которому Богъ впослѣдствіи отплатилъ ужасною и быстрою гибелью

Глава XI.

Москва.—Николинъ день. Слухъ о возвращеніи царя. Отливка большого колокола.

Возвращаемся къ разсказу. Святому Николаю празднуютъ три дня, по любви къ нему, какъ мы о томъ говорили раньше. Съ кануна праздника до конца его, питейные дома бываютъ заперты. По приглашенію патріарха Никона, нашъ учитель служилъ съ нимъ въ соборной церкви. Послѣ обѣдни Никонъ повелъ насъ въ свои келліи, гдѣ вмѣсто царя устроилъ трапезу для всѣхъ присутствовавшихъ. Если бы царь находился въ Москвѣ, то отстоялъ бы обѣдню въ церкви во имя этого святого, что близъ собора [2], и устроилъ бы у себя большой

[1] Въ подлинникѣ: *спаи* и *тимаріи*—конные воины у турокъ, получавшіе за свою службу помѣстья въ пожизненное владѣніе. Въ соотвѣтствіе съ этимъ, Павелъ Алеппскій называетъ такъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, которые также отправляли конную службу.

[2] Церковь св. Николая Гостунскаго, нынѣ въ Филаретовской пристройкѣ Ивановской колокольни.

пиръ, ибо московиты питаютъ величайшую любовь къ святому Николаю. Въ названной церкви служилъ одинъ изъ архіереевъ. Съ вечера, послѣ малаго повечерія, совершили во всѣхъ церквахъ великое бдѣніе въ теченіе всей ночи. Послѣ трапезы встали и совершили чинъ Панагіи [1]. [Патріархъ взялъ кадильницу и кадилъ иконамъ и присутствующимъ, а затѣмъ сказалъ многолѣтіе царю, царицѣ, ихъ сыну, его сестрамъ и дочерямъ поименно. Потомъ онъ налилъ собственноручно всѣмъ присутствующимъ круговую чашу меда за здравіе царя,] и мы вышли. Отъ патріарха мы достовѣрно узнали, что царь все еще находится въ Смоленскѣ, по причинѣ грязи, слякоти и обильныхъ дождей, которые шли въ осеннее время и сдѣлали дороги непроходимыми. Еще хуже было въ Москвѣ, такъ что экипажамъ и лошадямъ невозможно было проѣхать, и мы не могли ходить изъ дому на рынокъ, потому что грязь и слякоть были глубиною въ ростъ человѣка. Оттого и цѣны въ это время поднялись, вслѣдствіе малаго подвоза изъ деревень. Всѣ жители, а въ особенности мы, молили Бога о томъ, чтобы земля замерзла для облегченія его рабовъ. Поэтому-то и царь оставался въ Смоленскѣ изъ-за тяжестей, пока не замерзла земля, и тогда онъ выѣхалъ оттуда. Пришло извѣстіе, что онъ ѣдетъ, и наконецъ сегодня патріархъ сообщилъ, что царь прибылъ и отстоялъ въ этотъ день обѣдню въ монастырѣ, на его пути находящемся, во имя св. Николая [обыкновенно называемаго Можайскимъ]. Этого святого они всегда изображаютъ съ обнаженнымъ мечемъ въ правой рукѣ и съ городомъ Москвой въ лѣвой, какъ онъ явился въ видѣніи князю московскому во время похода Тамерлана, о чемъ мы говорили выше. Монастырь находится въ 90 верстахъ отъ столицы. Мы очень обрадовались этому извѣстію. Затѣмъ царь изъ этого монастыря пріѣхалъ въ заново имъ отстроенный монастырь во имя св. Саввы Новаго и отстоялъ въ немъ обѣдню въ субботу.

Въ воскресенье [2], передъ закатомъ солнца, ударили въ новый огромный колоколъ, въ знакъ того, что царь возвращается, и всѣ стали го-

---

[1] Панагія, т.-е. всесвятая, есть просфора въ честь Божіей Матери. Въ монастыряхъ панагію, вложенную въ панагіаръ (родъ складного ковчежца, имѣющаго съ одной стороны икону Божіей Матери, а съ другой—Спасителя или св. Троицы), возносили за трапезой съ извѣстными обрядами и молитвословіями, въ воспоминаніе явленія Божіей Матери апостоламъ по вознесеніи Ея на небо. (См. *Пособіе къ изученію устава богослуженія правосл. церкви*, Конст Никольскаго, стр. 69).

[2] Здѣсь авторъ доканчиваетъ начатый имъ раньше (см. вып. III, стр. 111—113) разсказъ объ отливкѣ колокола.

товиться для встрѣчи его на другой день. Этотъ колоколъ есть тотъ самый, о коемъ мы упомянули раньше, разсказывая объ искусныхъ работахъ, приспособленіяхъ и машинахъ, которыя были произведены въ теченіе лѣта множествомъ стрѣльцовъ вмѣстѣ съ опытнымъ мастеромъ, о разнообразной изобрѣтательности котораго мы также говорили. Они непрестанно работали надъ колоколомъ, начиная съ февраля, какъ нами было описано, до нынѣшняго праздника св. Николая. Цѣлью нашихъ прогулокъ въ теченіе лѣта было большею частью ходить смотрѣть на работавшихъ. Передъ нашимъ отъѣздомъ въ Новгородъ они были заняты чрезвычайно трудной работой, именно, перетаскиваніемъ громадныхъ кусковъ мѣди, взвѣшиваніемъ ихъ и укладываніемъ въ описанныя пять печей. Каждый кусокъ съ трудомъ передвигали 40—50 стрѣльцовъ, при искусныхъ приспособленіяхъ, клали на вѣсы, свѣшивали, а потомъ скатывали и сваливали въ печи съ величайшимъ трудомъ. Эту работу продолжали до нашего возвращенія изъ Новгорода [1]. Тогда замазали дверцы печей и развели огонь, (поддерживая его) въ теченіе трехъ дней, пока мѣдь не расплавилась, сдѣлавшись какъ вода. Ее мѣшали чрезъ отверстія печныхъ дверей длинными желѣзными прутьями, которые раскалялись отъ чрезмѣрнаго кипѣнія и жара. Затѣмъ собралось множество стрѣльцовъ и сняли крышу, сдѣланную изъ липовой коры, которая защищала то мѣсто отъ жары и дождя: боялись какъ бы не случился въ городѣ большой пожаръ отъ жара пламени, подобнаго, по истинѣ, геенѣ огненной. Прибылъ одинъ изъ архіереевъ, совершилъ надъ ямой водосвятіе и благословилъ работы; тогда открыли пять нижнихъ отверстій печей и вся мѣдь потекла по желобамъ, ведущимъ къ мѣсту поверхъ ушей колокола. Это было ночью, и смотрѣть никого не допускали. Мѣдь не переставала течь до конца этого дня. Отъ большой своей тяжести она образовала внизу трещину и полилась между кирпичами, отъ чего уменьшился вѣсъ, назначенный мастеромъ; но немедленно было доставлено множество мѣди и серебра и положено въ одну изъ печей, которая еще была горяча; (металлъ) расплавился и былъ пущенъ на первый, пока форма не наполнилась совершенно. Понадобилось три дня, пока новый колоколъ не остылъ. Тогда стали отнимать кирпичи и землю, бывшіе вокругъ колокола, (что продолжалось) долгое время. Когда прошелъ слухъ о томъ, что царь ѣдетъ, стали работать ночью и днемъ, и патріархъ постоянно приходилъ съ царскимъ намѣстникомъ надсматривать за

[1] Патріархъ Макарій выѣхалъ въ Новгородъ 4 августа, а вернулся въ Москву 20 сентября.

работами и усиленно поощрялъ работниковъ. Часто онъ приглашалъ и нашего учителя посмотрѣть на работы. Вышелъ колоколъ рѣдкостный, одно изъ чудесъ свѣта по своей громадной величинѣ. Въ теченіе долгаго времени не переставали кирками отбивать отъ формы тѣ мѣста, по которымъ текла мѣдь, и очищать ихъ, (что продолжалось) до 1-го декабря, когда рѣшили вынуть колоколъ изъ ямы и повѣсить. Пришелъ одинъ изъ архіереевъ со священниками и дьякопами великой церкви въ облаченіяхъ: совершили вторично водосвятіе, поставивъ подобіе (церкви) Воскресенія и Іерусалима, сдѣланное изъ серебра, и окропили колоколъ и самое мѣсто. Машины и канаты были привязаны и приготовлены въ нашемъ присутствіи, и горожане сошлись на зрѣлище. Каждую изъ этихъ шестнадцати машинъ приводили въ движеніе 70—80 стрѣльцовъ и надъ канатомъ каждой машины сидѣлъ человѣкъ, чтобы давать знать, какъ слѣдуетъ вертѣть, дабы тянули всѣ одновременно. То былъ день зрѣлища, какія бываютъ въ жизни на счету. Многія веревки полопались, но тотчасъ же были замѣнены другими. Послѣ величайшихъ усилій и огромныхъ, свыше всякаго описанія, трудовъ, по истеченіи трехъ дней совершили поднятіе колокола и повѣсили его надъ ямой на высоту около роста человѣка, при всевозможныхъ хитрыхъ приспособленіяхъ. Надъ отверстіемъ ямы положили толстыя бревна, закрывъ ее всю, надъ ними наклали еще бревенъ, пока этотъ чудо-колоколъ не сталъ на нихъ, и тогда приступили къ подвѣшиванію желѣзнаго языка, который вѣситъ 250 пудовъ, а толщина его такова, что мы съ трудомъ могли охватить его руками, длина же болѣе полутора роста. Принялись очищать этотъ диво-колоколъ снутри и снаружи и полировать. При этомъ обнаружилось точное изображеніе царя и насупротивъ него царицы, а надъ ними Господь Христосъ, ихъ благословляющій. Они находятся на лицевой сторонѣ колокола, обращенной къ великой церкви на востокъ отъ нея; на задней же сторонѣ колокола изображеніе патріарха Никона въ облаченіи, въ митрѣ и съ посохомъ, какъ онъ есть. Подъ плечами колокола наверху изображены херувимы и серафимы съ шестью крыльями вокругъ, а надъ ними идетъ кругомъ колокола надпись крупными буквами, а также есть надпись по нижнему его краю. Толщина края этого колокола болѣе брасса [1], какъ я измѣрилъ и записалъ. Когда мы входили подъ него, намъ казалось, будто мы въ большомъ шатрѣ. Сколько брассъ составляетъ его окружность, никому не было извѣстно, и никто не осмѣливался его измѣрить, ибо тамъ постоянно стояли на стражѣ

[1] Въ подлинникѣ *ба'*, мѣра равная 5 ф. 9 д.

стрѣльцы. Я же не переставалъ употреблять уловки и ласкательства, пока не сдружился съ мастеромъ, пригласилъ его къ себѣ и, обласкавъ, вывѣдалъ отъ него, какъ велика окружность колокола, если смѣрить веревкой, и оказалось 11 брассъ; я смѣрилъ ее пядями и вышло ровно 93 большихъ пяди. Я спрашивалъ у мастера и о стоимости колокола, и онъ сказалъ: 50000 динаровъ, что также сообщилъ по секрету нашему учителю патріархъ; спросилъ и о вѣсѣ его, и мастеръ сказалъ, что до 12500 пудовъ не хватаетъ пятисотъ [1]. Мы сочли, что одинъ пудъ равенъ 13½ окъ, а каждая тысяча пудовъ равна 13000 окъ съ нѣсколькими половинами; итакъ, 10000 пудовъ равны 130000 окъ, отбрасывая половины, а двѣ тысячи пудовъ, дополненіе до 12000, равны 26000 окъ; всего же около 160000 полныхъ окъ. Ничего подобнаго этой рѣдкости, великой, удивительной и единственной въ мірѣ, нѣтъ, не было и не будетъ: она превосходитъ силы человѣческія. Этотъ благополучный царь, соорудивъ ее въ свое царствованіе, превзошелъ современныхъ ему государей. Къ нашему счастію, это было сдѣлано въ нашемъ присутствіи. Нѣкто, бывшій въ странѣ франковъ, сказывалъ намъ, что въ городѣ Парижѣ, столицѣ государя французовъ, есть колоколъ, подобный этому новому колоколу, но окружность его только въ 70 пядей. Они хвастаются имъ, говоря, что нѣтъ ему равнаго въ мірѣ. Но этотъ чудо-колоколъ на много превосходитъ тотъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ этотъ день, воскресенье, третій послѣ праздника св. Николая, царь, выѣхавъ изъ своего монастыря (Саввина), прибылъ въ одинъ изъ царскихъ дворцовъ, отстоящій отъ города на 3 версты, и тутъ ночевалъ. Поэтому послѣ обѣдни стали звонить въ новый колоколъ. Привязали къ языку четыре длинныя веревки и около сотни стрѣльцовъ стали тянуть его съ четырехъ сторонъ, чтобы довести его до края,—раздался гулъ, повергающій въ изумленіе и приводящій въ трепетъ, ибо былъ подобенъ грому. Громадныя бревна, на коихъ висѣлъ колоколъ, колебались отъ его движенія и трещали. Мы далеко отбѣжали отъ нихъ изъ опасенія, что они сломятся и рухнутъ. Въ колоколъ не переставали звонить до вечера, въ знакъ того, что на завтра прибудетъ царь.

---

[1] Послѣдующіе путешественники, баронъ Мейербергъ въ 1661 г., Стрюйсъ въ 1669 г. и другіе, говоря объ этомъ колоколѣ, даютъ почти тѣ же размѣры, что и Павелъ Алеппскій, но вѣсъ указываютъ нѣсколько меньшій, а именно, около 10.000 пудовъ.—Подробныя поясненія къ разсказу объ отливкѣ колокола см. въ предисловіи къ этому выпуску.

Въ вечеръ этого воскресенія патріархъ съ архіереями отправился къ царю и, встрѣтивъ его на дорогѣ ночью, свидѣлся съ нимъ, привѣтствовалъ его и возвратился на зарѣ.

Глава XII.

Москва.—Въѣздъ царя въ Москву и торжественная встрѣча его.

Въ понедѣльникъ 10 декабря, рано поутру, зазвонили въ новый колоколъ вмѣстѣ съ другими поочередно и звонили весь день. Мы пошли въ соборъ и, отстоявъ обѣдню съ патріархомъ Никономъ, поднялись въ его келліи. Когда пробило пять часовъ, всѣ мы сошли (въ соборъ) и облачились, при чемъ патріархи облачались въ параексѣ. Патріархъ Никонъ далъ надѣть нашему учителю одинъ изъ своихъ саккосовъ, омофоръ, осыпанный жемчугомъ, и свою константинопольскую митру. Затѣмъ они вышли торжественнымъ крестнымъ ходомъ для встрѣчи царя, съ хоругвями и свѣчами, вмѣстѣ со всѣми священниками и дьяконами столицы. Икону владычицы Вратарницы (Иверскую), о коей мы говорили раньше, что патріархъ Никонъ украсилъ ее драгоцѣнностями и золотомъ, онъ далъ нести монахамъ Святой Горы, здѣсь находившимся, и монахамъ монастыря казаковъ (Иверскаго), и они пѣли ей молебенъ по-гречески. Службу начали въ (соборной) церкви: сказали ектенію, возгласъ, совершили кажденіе, и мы вышли изъ собора при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Подойдя къ царскимъ воротамъ Кремля, мы увидѣли, что каменные помосты у стѣны и лѣстница съ обѣихъ сторонъ воротъ покрыты зеленымъ сукномъ. Выйдя на площадь къ каменному мѣсту для молебствій, совершили моленіе (литію) и кажденіе, и патріархъ благословилъ крестомъ на всѣ четыре стороны. Мы сошли. Войско и народъ стояли рядами съ двухъ сторонъ. Мы направились къ рѣкѣ по дорогѣ, ведущей въ Калугу. Каменные помосты по обѣ стороны воротъ второй городской стѣны были покрыты краснымъ сукномъ. Перейдя черезъ мостъ надо льдомъ и достигнувъ извѣстной площади [1], мы увидѣли, что по срединѣ ея были устроены два высокіе помоста съ лѣстницей, также покрытые зеленымъ сукномъ. День былъ очень холодный и шелъ сильный снѣгъ, но весь народъ былъ съ открытыми головами. Отъ царя ежечасно являлся къ патріарху боярин съ просьбой остановиться, гдѣ онъ находится, дабы не

[1] Площадка на другомъ берегу Москвы-рѣки, насупротивъ Кремля; здѣсь стояли пушки и производилось ученье войску.

устать отъ долгаго пути, но патріархъ не желалъ, и мы шли скорымъ шагомъ, при пѣніи пѣвчихъ, чтобы застать царя у земляного вала. Показались войска, вельможи и заводныя лошади съ обѣихъ сторонъ дороги—а мы шли по срединѣ. Всякій разъ какъ мы приближались къ церкви, въ ней звонили въ колокола мальчики ея околодка и церковники, а ея духовенство выходило съ иконами, крестомъ и кадиломъ встрѣчать патріарховъ. Такъ мы прошли разстояніе въ часъ времени. Близъ земляного вала показался царь, и мы сошлись съ нимъ. Онъ сидѣлъ въ саняхъ, и его осѣняла хоругвь соборной церкви съ превосходнымъ изображеніемъ Успенія Богородицы. Увидѣвъ насъ издали, онъ вышелъ изъ саней и пошелъ къ намъ на встрѣчу пѣшкомъ, въ сопровожденіи вельможъ, съ открытой головой, и, подойдя, остановился напротивъ патріарха поодаль. Его вельможи стояли слѣва, а по правую руку его архіепископъ тверской держалъ крестъ Константина въ подобіи иконнаго кіота съ серебряно-вызолоченными дверцами, которые царь устроилъ вновь чтобы закрывать кіотъ; одинъ изъ архимандритовъ несъ главу Іоанна Златоуста въ серебряно-вызолоченномъ ковчегѣ,—какъ мы раньше упомянули, царь посылалъ за этими святынями на Святую Гору,—другой архимандритъ несъ Влахернскую икону Владычицы, а прочіе—остальныя иконы. Близъ нихъ размѣстились въ порядкѣ хоругви и иконы, окружая царя. Архидіаконъ, взявъ кадильницу, при всеобщемъ молчаніи возгласилъ: «благослови, владыко», а патріархъ: «благословенъ....» Онъ прочелъ евангеліе отъ Луки, по обыкновенію, съ непокрытою головой: «кто, имѣя сына, если онъ попроситъ у отца хлѣба, дастъ ему камень?» Когда онъ кончилъ, архидіаконъ поднесъ Евангеліе царю приложиться и началъ ектенію, при чемъ кадилъ царю и вельможамъ, иконамъ, обоимъ патріархамъ и всѣмъ присутствующимъ и поминалъ царя, царицу, ихъ сына, его сестеръ и дочерей поименно. При каждомъ прошеніи пѣвчіе, по обыкновенію, пѣли *Господи помилуй*. Патріархъ сказалъ возгласъ, совершилъ отпустъ и благословилъ крестомъ на всѣ четыре стороны, а архидіаконъ кадилъ ему при каждомъ благословеніи, возглашая: «Господу помолимся». Затѣмъ патріархъ, сойдя, приблизился къ царю и началъ восхвалять и благодарить его, превознося его намѣренія примѣрами и хвалами: какъ Моисей поступилъ съ Фараономъ, какъ Гедеонъ, Авраамъ.... и (приводилъ) другія ветхозавѣтныя исторіи; (говорилъ) о Константинѣ, Максиміанѣ и др.—то была рѣчь обдуманная, съ мудрыми изреченіями, послѣдовательная и длинная. Подъ конецъ онъ выразилъ много молитвенныхъ благожеланій царю, повторивъ ихъ не разъ, и то же царицѣ, ихъ сыну, сестрамъ и дочерямъ царя, восхваляя ихъ поименно. За-

тѣмъ благословилъ царя крестомъ и окропилъ святой водой, что сдѣлали также нашъ учитель и сербскій архіепископъ. Тогда царь съ боярами приложился ко всѣмъ иконамъ и возвратился на свое мѣсто, а вельможи подошли къ патріарху подъ благословеніе. Онъ сталъ восхвалять и славить ихъ и благословилъ, говоря: «благодарю Бога за счастіе, которое выпало вамъ на долю и за ваши побѣды надъ врагами» и пр. Тутъ подошелъ къ нему царь и сказалъ: «довольно тебѣ, отецъ нашъ и владыка, утруждать себя. По истинѣ, Богъ даровалъ намъ эту побѣду надъ врагами не нашей булавой и мечомъ, не нашимъ оружіемъ и рѣшимостью, а вашими великими, святыми молитвами за насъ, совершившими то, что произошло, свыше нашихъ ожиданій». Услыхавъ это, мы изумились силѣ такой вѣры и смиренія. Тогда патріархъ поднесъ царю позолоченную икону Владычицы и на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ, на которомъ была прекрасная серебряная солонка съ солью, и еще кувшинъ съ виномъ, при чемъ, по этому поводу, привелъ много примѣровъ. Царь, принявъ икону, поцѣловалъ ее и передалъ своимъ служителямъ; потомъ взялъ крестъ Константина, главу Златоуста и иконы и передавалъ ихъ патріарху, какъ бы говоря: «пусть эти сокровища отселѣ находятся подъ твоей охраной». Патріархъ, приложившись къ нимъ, передалъ ихъ архидіакону, и ихъ понесли среди другихъ иконъ. Вмѣстѣ съ царемъ стояли четыре царевича, а именно: сыновья сибирскаго царя справа и слѣва отъ него, и сынъ грузинскаго (царя), съ лицомъ, блиставшимъ какъ солнце, стоялъ къ нему ближе всѣхъ; онъ выѣзжалъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ новокрещеннымъ касимовскимъ царевичемъ.

Затѣмъ крестный ходъ пошелъ назадъ, и когда мы немного отошли, царь сѣлъ въ сани, и хоругвь соборной церкви была поднята надъ его головой. По прибытіи нашемъ на площадь, архимандриты и дьяконы пошли впередъ и стали на упомянутыхъ помостахъ, имѣя при себѣ святую воду; они окропляли ею всѣхъ проходившихъ мимо на обѣ стороны, ибо помосты и были устроены для этого случая. То же дѣлали другіе на помостахъ у городскихъ воротъ и у воротъ дворцовой крѣпости (Кремля). Когда мы поднялись на кругъ для молебствій, (прочіе) размѣстились кругомъ него по порядку. Прибылъ царь и сталъ тутъ же, и архидіаконъ окадилъ его, возглашая ту же самую ектенію [1]. Затѣмъ мы спустились, вошли (въ Кремль) и приблизились къ соборной церкви при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Изъ нея вышло множество людей со свѣчами, ибо наступала ночь. Мы вошли (въ соборъ) чрезъ

[1] т. е. ту же, которую онъ говорилъ при встрѣчѣ царя.

западную дверь, чрезъ которую вышли, и патріархъ Никонъ поднялся на свое архіерейское мѣсто, а прочіе стали кругомъ него. Вошелъ царь, приложился ко всѣмъ иконамъ собора и къ мощамъ святыхъ, а потомъ къ иконамъ, которыя были у священниковъ. Патріархъ сошелъ и принесъ для царя ковчегъ съ ризой Господней, при чемъ пришлось долго ждать, пока принесли ключи. Патріархъ снялъ печать и вынулъ для царя ризу, пріоткрылъ (ковчежецъ) и, поднеся ему приложиться, отнесъ ее на мѣсто, заперъ и запечаталъ ковчегъ. Потомъ Никонъ проводилъ съ кадильницами за врата собора иконы, принесенныя городскими священниками. Ихъ понесли на свои мѣста, а онъ, вернувшись, совершилъ отпустъ, проводилъ царя, благословивъ его и поздравивъ вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ, и пошелъ въ свои палаты.

Мы разоблачились вмѣстѣ съ прочими и вернулись въ свой монастырь, когда уже прошелъ часъ по наступленіи ночи [1]. Мы были измучены и умирали отъ усталости, ходьбы, холода и голода. Не знаемъ, доколѣ намъ придется это выносить. Да поможетъ намъ Богъ до конца! Больше всего мы дивились на царя, который прошелъ такое большое разстояніе пѣшкомъ съ непокрытою головою и при всемъ томъ стоялъ, дожидаясь, пока принесли ключи отъ ковчега съ ризой Господней, и прикладывался къ ней и ко всѣмъ иконамъ съ полною радостью. Онъ былъ въ разлукѣ съ женой цѣлыхъ десять мѣсяцевъ—и даже не десять, а полный годъ, ибо, какъ мы сказали раньше, она въ прошломъ году, въ началѣ февраля, разрѣшилась дочерью,—и всетаки ни о чемъ такомъ не думалъ. Да утвердитъ Богъ его царство во вѣки вѣковъ! Аминь.

Отъ сильной радости по случаю прибытія царя, мы забыли все претерпѣнное нами въ этотъ день, когда узрѣли лучезарное его лицо. О, удивленіе! оно сіяло и блистало и очень пополнѣло отъ избытка радости по случаю побѣды, покоренія городовъ и пораженія враговъ.

Глава XIII.

Москва.—Пріемъ австрійскаго и шведскаго пословъ. Венеціанскій посолъ. Причина и цѣль этихъ посольствъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ субботу, на шестой день своего прибытія, царь пригласилъ къ себѣ цесарева посла. Стрѣльцы со своими знаменами стояли плотной линіей, по обѣ стороны пути, отъ дома посла до дворца. Когда онъ проѣзжалъ мимо нихъ, они направляли

[1] т. е. спустя часъ послѣ заката солнца.

ему въ лицо свои ружья, что значило: «если ты прибылъ съ предупрежденіемъ о войнѣ, то вотъ мы готовы».

Послы, пріѣзжающіе къ царю московитовъ, подвергаются большимъ стѣсненіямъ. Прежде всего ставятъ въ мѣстѣ его остановки стражу, которая караулитъ ночью и днемъ, смѣняясь ежедневно, и никого изъ его людей не выпускаетъ ходить одному по городу. И въ настоящее время жилище этого посла стерегли съ большою бдительностью и отнюдь не дозволяли никому изъ иностранцевъ входить къ послу, ни даже въ его жилище—все изъ опасенія, нѣтъ-ли среди нихъ шпіоновъ, которые тайкомъ собираютъ извѣстія и приносятъ ему или берутъ отъ него письма и пересылаютъ въ его страну. Въ день представленія посла царю употребляютъ всевозможныя старанія, чтобы поразить его великолѣпіемъ. Обыкновенно, когда пріѣзжаетъ посолъ какъ этотъ, отнюдь не разглашаютъ причинъ его прибытія или цѣли его появленія. Къ нему прежде всего являются приближенные царя, чтобы узнать сначала отъ него, съ какою цѣлью онъ прибылъ, и, узнавъ причину, сообщаютъ царю; приходятъ не одинъ и не два раза, а много разъ, прежде чѣмъ посолъ представится царю, дабы видѣть, согласны-ли его отвѣты и рѣчи съ письмами, имъ привезенными, и находятся-ли въ соотвѣтствіи съ ихъ содержаніемъ. По этому предмету они дѣлаютъ такіе обстоятельные распросы, что я не въ силахъ ихъ передать. Когда пожелаютъ пригласить его, какъ въ этотъ день, чтобы онъ представился царю, то неустанно заботятся и хлопочутъ съ утра до ночи. Обыкновенно, приводятъ для посла царскія сани или лошадь, и какъ только пріѣдутъ къ нему и онъ сходитъ, чтобы сѣсть, посылаютъ къ царю быстраго гонца съ извѣстіемъ, что посолъ спускается съ лѣстницы, а также, когда онъ сядетъ, и безпрестанно посылаютъ гонцовъ, быть можетъ, 40—50 разъ по причинамъ, способнымъ навести болѣзнь на душу. Царскіе вельможи, обыкновенно, садятся (съ посломъ) одинъ справа, другой слѣва, по многимъ причинамъ.

Этотъ посолъ привезъ царю отъ цесаря маленькую шкатулку съ драгоцѣнными каменьями и въ великолѣпномъ сосудѣ муро отъ мощей св. Николая Мирликійскаго, коего мощи, какъ мы говорили, находятся въ странѣ нѣмцевъ; они знаютъ, какую цѣну оно имѣетъ въ глазахъ царя. Царь оказалъ этому послу большой почетъ. Мы узнали потомъ о причинѣ его прибытія, и вотъ она: «по истинѣ, я прославляю и благодарю Бога за то, что Онъ даровалъ тебѣ побѣду надъ врагами и что мы сдѣлались сосѣдями», ибо отъ города Вильны до границы земли цесаря, какъ говорятъ, пять—шесть дней пути. Цесарь не любитъ ляховъ и со шведами у него большая вражда и была безпре-

рывная война въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, въ коей шведы остались побѣдителями, ибо они очень храбры, и завоевали у него пятнадцать крѣпостей. Поэтому онъ, противъ своего желанія, заключилъ съ ними миръ и, какъ говорятъ, заплатилъ имъ дань.

Шведы до сихъ поръ вели войну въ союзѣ съ царемъ, помогая ему, и взяли назадъ свои города, бывшіе въ рукахъ ляховъ, но ихъ обуяла жадность, въ особенности, когда къ нимъ пріѣхалъ проклятый Радзивилъ съ своимъ братомъ и, изъявивъ имъ покорность, передалъ имъ оставшіеся у него города и, съ согласія ляховъ, два города ихъ, столицу и мѣсто коронованія, то-есть Варшаву и Краковъ. Шведы заняли ихъ и укрѣпили. Вслѣдствіе этого они разорвали свою старую дружбу съ царемъ, на свое несчастіе, какъ объ этомъ мы разскажемъ впослѣдствіи, и согласились съ ляхами вести нынѣ войну противъ царя Поэтому-то цесарь, узнавъ объ этомъ, отправилъ посла извѣстить царя объ ихъ измѣнѣ и просить его быть съ нимъ за одно, на дѣлѣ и на словахъ, во время войны со шведами, ибо онъ выжидалъ случая, подобнаго теперешнему.

Говорятъ, что съ этимъ посломъ были еще два посланника, отправленные къ царю папой по вопросамъ о соглашеніи и дружбѣ и съ заявленіемъ желаній по дѣламъ, о коихъ Богу извѣстно, мы же знать ихъ не можемъ. Итакъ, царь заключилъ величайшую дружбу съ цесаремъ, непоколебимую, сердечную, какъ мы увидѣли и узнали: впослѣдствіи цесарь Фердинандъ прислалъ царю письмо въ отвѣтъ на почесть, оказанный имъ нынѣ его послу, съ выраженіемъ великой дружбы, и титуловалъ его въ своемъ письмѣ такъ: «какъ я цесарь народа франкскаго, такъ нынѣ ты показалъ себя достойнымъ, чтобы я назвалъ тебя новымъ цесаремъ народа православныхъ». Царь былъ очень обрадованъ этимъ новымъ титуломъ, его пріязнь къ цесарю и почетъ, оказываемый послу его, увеличились.

Потомъ, когда посолъ проѣзжалъ (обратно), стрѣльцы повернули ружья назадъ, въ знакъ дружбы къ нему, но направили ихъ въ лицо шведскому послу за его вражду и измѣну. Что касается шведскаго посла, то когда онъ лѣтомъ былъ отправленъ къ царю своимъ королемъ, *ригі*, съ дружественными намѣреніями, какъ это обычно прежде, и нынѣ, по пріѣздѣ, представлялся ему, то имѣлъ съ собою цѣнные, превосходные подарки. Мы видѣли, какъ 50—60 стрѣльцовъ несли впереди него серебряно-вызолоченныя блюда на подставкахъ, въ видѣ человѣческихъ фигуръ, съ разнообразными цѣнными рѣдкостями, изумляющими умъ, ибо, когда король посылалъ эти дары, между нимъ и царемъ еще не возникала вражда, и царь непрестанно оказывалъ по-

четъ этому послу и ласкательствами оттягивалъ время со дня на день; когда же несомнѣнно убѣдился во враждѣ короля, то разгнѣвался на него, какъ мы потомъ разскажемъ, и послалъ приказъ прекратить отправку всѣхъ припасовъ, которые, обыкновенно, шли въ страну шведовъ и которыми поддерживалось ихъ существованіе, ибо всѣ продукты идутъ туда изъ московской страны, какъ мы уже говорили раньше. Царь далъ строгій приказъ во всѣ пристани и области отнюдь не продавать шведамъ никакихъ продуктовъ и такимъ образомъ прекратилъ къ нимъ подвозъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Когда царь въ послѣднее время былъ въ Смоленскѣ, пріѣхалъ къ нему важный посолъ изъ Венеціи. Онъ прибылъ по морю-океану въ пристань Архангельска и, по приглашенію царя, отправился къ нему въ Смоленскъ, гдѣ и представился, при чемъ поднесъ цѣнные дары и чудесныя, рѣдкостныя вещи изъ сокровищъ Венеціи. Никто не зналъ, съ какою цѣлью онъ прибылъ: никогда еще, съ самыхъ древнихъ временъ, не бывало, чтобы къ московскому царю пріѣзжалъ посолъ изъ Венеціи. Царь не пожелалъ отправить его въ Москву, дабы не разгласилась вѣсть о немъ, но послалъ взять изъ своей казны соболей, какъ мы достовѣрно узнали, болѣе чѣмъ на сто тысячъ динаровъ, для подарковъ ему со свитой и тому, кто ихъ послалъ, взамѣнъ ихъ подарковъ. Теперь, когда прибылъ царь, я непрестанно доискивался и разузнавалъ отъ моихъ друзей и пріятелей о причинѣ пріѣзда этого посла, пока не узналъ навѣрно, что причина такова: и прежде о царѣ знали въ странѣ франковъ, а когда теперь услышали о совершенныхъ имъ завоеваніяхъ и доблестныхъ дѣлахъ и о покореніи имъ великаго города Смоленска, всесвѣтно извѣстнаго, второго Багдада, то пришли въ изумленіе. Такъ какъ венеціанцы ни съ какой стороны не были увѣрены въ безопасности и имъ надоѣла десятилѣтняя война съ извѣстнымъ народомъ [1], то *принчипосъ*, то-есть глава венеціанцевъ, по соглашенію съ двѣнадцатью вельможами отправилъ къ царю этого посла съ письмами, въ коихъ они весьма превозносили его и взывали къ нему о помощи, ибо узнали, что царь, вынужденный необходимостью, пошелъ войной на враговъ, по убѣжденію (въ своей правотѣ). Царь съ большою радостью изъявилъ согласіе помочь и написалъ имъ, чтобы они терпѣли и переносили до времени, какъ будетъ угодно Богу. Когда это дошло до нихъ, они очень обрадовались, и ихъ ученые составляли въ похвалу царю стихотворенія и поэмы на греческомъ языкѣ, кои мы ви-

[1] т. е. съ турками.

дѣли впослѣдствіи. Венеціанцы очень полюбили царя, о чемъ мы сейчасъ разскажемъ. Въ началѣ войны венеціанцевъ съ турками, когда сила турокъ была велика, венеціанцы сильно страшились и отправили посла къ прежнему королю ляховъ съ четырьмя стами тысячъ динаровъ, упрашивая его помочь имъ, истративъ эти динары на содержаніе кораблей и войска, которые слѣдовало послать въ Черное море, чтобы, напавъ на турокъ съ той стороны, отвлечь ихъ отъ венеціанцевъ. Король, съ одобренія своихъ вельможъ, отвѣтилъ согласіемъ на просьбу венеціанцевъ и приступилъ къ дѣлу. Но вѣроломные вельможи ляшскіе впослѣдствіи нарушили свое слово, измѣнили и отказались, говоря: «мы живемъ въ своей землѣ спокойно и не для чего намъ будить спящее зло, не имѣемъ надобности враждовать съ турками». Король, истощивъ всѣ усилія подѣйствовать на нихъ, потемнѣлъ въ лицѣ (отъ стыда) предъ венеціанцами, тѣмъ болѣе, что упомянутые вельможи безстыдно промотали всѣ динары. Посолъ продолжалъ жить у нихъ до самой смерти своей. Поэтому король разгнѣвался на вельможъ и прибѣгнулъ противъ нихъ къ хитрости: послалъ втайнѣ извѣстіе Хмелю, гетману казаковъ, и подкрѣплялъ его намѣренія, пока тотъ, поднявъ возстаніе и напавъ на вельможъ, всѣхъ ихъ не перебилъ, при чемъ овладѣлъ большею частью ихъ земель (и владѣетъ ими) до сихъ поръ. Вельможи, оставшіеся въ живыхъ, узнавъ все дѣло, стали строить козни противъ короля, пока не отравили его, и онъ умеръ, какъ мы сказали раньше. На мѣсто его поставили его брата, который теперь и управляетъ. Вотъ по какой причинѣ венеціанцы полюбили царя. Франки вообще его не любятъ, потому что онъ православный, но когда венеціанцы увидѣли, что ляхи, кои ихъ рода и вѣры, отказались помочь имъ [и, вѣроломно поступивъ съ ними, промотали ихъ деньги, тогда какъ царь, напротивъ, хотя столь далекій отъ нихъ и врагъ ихъ вѣры, далъ имъ благопріятный отвѣтъ на ихъ посольство и обѣщалъ помощь], то ихъ расположеніе къ царю усилилось. Подъ конецъ онъ отправилъ къ нимъ отъ себя посла вмѣстѣ съ упомянутымъ посломъ цесаря, дабы онъ проѣхалъ къ нимъ по его странѣ.

Глава XIV.

Москва.—Служеніе патріарховъ въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи царя и царицы. Новыя патріаршія палаты.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ воскресенье Праотцевъ, рано поутру, патріархъ Никонъ пригласилъ нашего учителя, и они вмѣстѣ служили въ соборѣ въ присутствіи царя и царицы, которая не явля-

лась въ соборъ со времени отъѣзда царя въ прошломъ году въ Троицынъ день. Именно этотъ патріархъ убѣдилъ царицу сходить въ соборъ и устроилъ для нея особый тронъ; въ прежнее же время царицы не имѣли обыкновенія приходить въ соборъ днемъ, а только ночью. Когда царица сошла изъ своего дворца, стрѣльцы разогнали народъ съ двухъ сторонъ. Впереди нея шли всѣ жены бояръ попарно, въ удивительномъ порядкѣ, на подобіе шатырбашей и скороходовъ предъ царемъ; каждыя двѣ были одѣты одинаково, большею частью въ черный или фіолетовый бархатъ; на головѣ у нихъ поверхъ *колпака* небольшое покрывало и на немъ виситъ родъ лопастей изъ соболя или дорогой чернобурой лисицы, прикрѣпленныхъ къ головѣ и спускающихся назадъ. За боярынями вошла царица, которую вела за правую руку ея мать, а за лѣвую сестра, состоящая въ замужествѣ за великимъ визиремъ. Прочія служанки и дѣвушки шли позади нея; у замужнихъ женщинъ головы были обернуты большимъ бѣлымъ покрываломъ, а дѣвицы имѣли на головѣ родъ тюрбана изъ соболя. Пѣвчіе пропѣли царицѣ многолѣтіе. Помолившись, она стала на своемъ тронѣ, и съ правой стороны отъ нея опустили занавѣсь, чтобы народъ не могъ ее видѣть. Отецъ и дядя царицы стали поблизости, а всѣ жены бояръ и служанки стали слѣва, подлѣ сѣверныхъ дверей церкви, и опустили за собою шелковую занавѣску отъ колонны до стѣны, чтобы никто ихъ не видѣлъ, такъ что онѣ были какъ бы въ закрытомъ со всѣхъ сторонъ помѣщеніи. Тогда патріархъ подошелъ къ царицѣ, благословилъ ее крестомъ, окропилъ святой водой и возвратился. Послѣ царицы пришелъ царь и, приложившись къ иконамъ и мощамъ, по своему обыкновенію, подошелъ къ патріархамъ; они благословили его крестомъ и окропили святой водой его и шапку его, и онъ сталъ на своемъ царскомъ мѣстѣ. Начали часы, потомъ обѣдню. По прочтеніи Евангелія, архидіаконъ поднесъ его приложиться сначала патріархамъ, потомъ царю и царицѣ, которые сошли съ своихъ мѣстъ и приложились. [Послѣ Великаго выхода патріархъ Никонъ вышелъ и благословилъ царя и царицу крестомъ, а послѣ обѣдни взошелъ на амвонъ и прочелъ поученіе на этотъ день. Затѣмъ онъ роздалъ антидоръ царю, царицѣ, большинству вельможъ, священникамъ и монахамъ. Оба патріарха] вошли въ алтарь, разоблачились и, выйдя, опять благословили царя и царицу. Въ это время царь всталъ и всѣ іереи, дьяконы и пѣвчіе стали подходить къ нему и цѣловали у него правую руку, то-есть поздравляли его съ благополучнымъ прибытіемъ. Послѣ того какъ патріархи проводили царя и онъ ушелъ, удалили изъ церкви всѣхъ мірянъ и затворили двери, и патріархъ предшествовалъ царицѣ,

пока она прикладывалась ко всѣмъ иконамъ, мощамъ святыхъ и къ ковчегу съ ризой Господней. Патріархи проводили ее, и она удалилась. Когда мы вернулись въ свое помѣщеніе, намъ прислали столъ отъ царя и патріарха.

Знай, что здѣшній патріаршій домъ существуетъ съ очень древнихъ временъ, со времени св. Петра, перваго митрополита московскаго. Онъ малъ, тѣсенъ и не имѣетъ двора; надъ нимъ высятся палаты царицы. Нынѣшній патріархъ, любя строить и обновлять, выпросилъ у царя дворъ, находящійся близъ патріаршаго дома, съ сѣверной стороны собора. Царь подарилъ его, и патріархъ приступилъ къ возведенію на немъ огромнаго, чудеснаго зданія. Его строили нѣмецкіе мастера. Въ нижней части зданія патріархъ устроилъ семь приказовъ, печь и огромную кухню, дабы тепло поднималось наверхъ. Лѣстница, весьма красивая, устроена насупротивъ стараго пути къ собору, гдѣ патріархъ всегда останавливался и благословлялъ палаты царицы. Наверху онъ выстроилъ диванъ (пріемную палату) и сдѣлалъ отъ нея проходъ со стороны царицыныхъ палатъ, по которому иногда втайнѣ проходитъ, и еще проходъ по направленію къ своимъ прежнимъ келліямъ. Внутри этой палаты онъ устроилъ маленькую церковь во имя новыхъ московскихъ святыхъ, митрополитовъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, коихъ велѣлъ написать надъ ея дверью, а въ церкви написать портреты шести патріарховъ, бывшихъ со временъ Іереміи Константинопольскаго [1]: первый изъ нихъ Іовъ, затѣмъ Германъ (Гермогенъ), Герасимъ (Игнатій?), Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ. Свой же портретъ, точь въ точь какъ онъ есть, велѣлъ написать послѣ тѣхъ, ибо онъ седьмой патріархъ. Онъ весьма украсилъ эту церковь и большею частью слушаетъ службу въ ней. Эта палата имѣетъ огромныя, съ рѣшетками окна, выступающія изъ зданія и выходящія на царицыны палаты. Изъ нея входишь въ другую большую палату, гдѣ ждутъ приходящіе къ патріарху, пока онъ разрѣшитъ имъ войти. Отсюда входишь въ огромную палату, которая поражаетъ своей необыкновенной величиной, длиной и шириной; особенно удивителенъ обширный сводъ безъ подпоръ посрединѣ. По окружности палаты сдѣланы ступеньки, и полъ въ ней вышелъ на подобіе бассейна, которому не хватаетъ только воды. Она выстлана чудесными разноцвѣтными изразцами. Огромныя окна ея выходятъ на соборъ; въ нихъ вставлены окошницы изъ чудесной слюды, украшенной разными цвѣтами, какъ будто на-

[1] Какъ извѣстно, патріархъ Іеремія былъ въ Москвѣ въ 1588 г. и поставилъ патріархомъ митрополита Іова.

стоящими; съ другой стороны окна выходятъ на дворъ стараго патріаршаго дома. Въ ней подлѣ двери сдѣланъ огромный каптуръ (печь) изъ превосходныхъ изразцовъ. Все сооруженіе скрѣплено желѣзными связями съ обѣихъ сторонъ. Никонъ назвалъ эту палату *Христобъ*, т. е. христіанская [1] палата. Внутри этого помѣщенія есть еще покой, который служитъ нарѳексомъ большой, прекрасной, весьма высокой церкви, устроенной патріархомъ въ честь святой Троицы и выходящей на площадку Чудова монастыря. Наверху этой церкви сдѣланы κατηχούμενα (хоры) и въ нарѳексѣ ея три прохода съ лѣстницами: по одному патріархъ сталъ ходить въ соборъ, ибо онъ насупротивъ сѣверныхъ дверей его; другой ведетъ на новый дворъ, третій, выше этого помѣщенія, представляетъ лѣстницу, ведущую на верхъ зданія, гдѣ патріархъ построилъ еще двѣ церкви и кельи для дьяконовъ, откуда открывается видъ на весь городъ. Въ углу Крестовой палаты есть дверь, ведущая къ новому деревянному строенію съ многочисленными кельями, кои идутъ одна за другой и назначены для зимняго помѣщенія, ибо жители этой страны не любятъ жить въ каменныхъ домахъ, потому что, когда печи въ нихъ истоплены, то ударяетъ въ голову и причиняется головная боль. По этой причинѣ непремѣнно строятъ для зимы, подлѣ каменныхъ, деревянные дома и по всему зданію закрытые проходы. Всѣ двери такихъ помѣщеній бываютъ обиты зеленымъ сукномъ.

Словомъ, это зданіе поражаетъ умъ удивленіемъ, такъ что, быть можетъ, нѣтъ подобнаго ему и въ царскомъ дворцѣ, ибо мастера нынѣшняго вѣка, самые искусные, собранные отовсюду, строили его непрерывно цѣлыхъ три года. Мнѣ разсказывали архидіаконъ и казначей патріарха, что онъ истратилъ на это сооруженіе болѣе 50.000 динаровъ, не считая дерева, кирпича и пр., подаренныхъ царемъ и государственными сановниками, и того, что бо́льшая часть рабочихъ были его крестьяне

Глава XV.

Москва.—Праздникъ св. Петра митрополита. Перемѣна клобука.

Это рѣдкостное сооруженіе было окончено постройкой и омеблировано на этой недѣлѣ, но Никонъ до сихъ поръ не переходилъ въ него. Причина этому та, что въ этотъ день, пятницу 21 декабря, слу-

[1] Крестовая палата, гдѣ нынѣ совершается мурованіе.

чилась память преставленія св. Петра, перваго митрополита московскаго, мощи котораго находятся въ алтарѣ (собора). Московиты имѣютъ обыкновеніе весьма благолѣпно праздновать его память въ этотъ день, какъ мы упомянули раньше и какъ видѣли теперь, — торжественнѣе, чѣмъ праздникъ Рождества. Патріархъ, обыкновенно, устраиваетъ у себя послѣ обѣдни большую трапезу для царя, его вельможъ и всего священнаго чина. Случилось, что теперь были окончены его новыя палаты, но такъ какъ память святого пришлась въ этотъ день, пятницу, когда не позволяется ѣсть рыбу, а у нихъ пиршества не устраиваются и не могутъ быть роскошны безъ рыбы, то празднованіе святому отложили до слѣдующаго дня, т. е. до субботы. Никонъ далъ знать нашему владыкѣ патріарху, чтобы онъ приготовился служить въ этотъ вечеръ вмѣстѣ съ нимъ всенощную въ соборѣ, а завтра, послѣ обѣдни, пожаловалъ бы къ нему на трапезу въ новыя палаты.

Вечеромъ, по обычаю, было совершено малое повечеріе, а послѣ 8-го часа ночи прозвонили четырекратно въ большой колоколъ. Мы вошли въ церковь въ 9-мъ часу. Пришли въ церковь царица и царь.

[Въ эту ночь нашъ владыка патріархъ представилъ царю просьбу, умоляя его отпустить его въ дорогу; но царь отвѣтилъ ему: «потерпи до послѣ праздника Богоявленія».]

Служба была большая, продолжительная и торжественная. Мы вышли изъ церкви лишь при восходѣ солнца, умирая отъ усталости и стоянія на ногахъ отъ 9-го до 16-го часа. Въ эту ночь мы столько натерпѣлись отъ сильнаго холода и стужи, что едва не погибли, особливо потому, что стояли на желѣзныхъ плитахъ: Богъ свидѣтель, что душа чуть не покинула насъ. Что касается меня, бѣднаго, то я хотѣлъ выйти и убѣжать изъ алтаря, но не могъ, ибо царь стоялъ передъ южными дверьми, а царица передъ сѣверными, такъ что поневолѣ пришлось страдать. Когда я вернулся въ свое помѣщеніе, Богъ свидѣтель, что я, въ теченіе трехъ дней, былъ совершенно не въ состояніи стоять на ногахъ, хотя бы ихъ рѣзали желѣзомъ. Я погружалъ ихъ въ нагрѣтую воду и совсѣмъ не чувствовалъ тепла, а вода охлаждалась. Въ такомъ положеніи, страдая болью въ ногахъ, я оставался, Богъ свидѣтель, въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ. Но на все воля Божія. Что это за всенощныя и бдѣнія! Болѣе всего насъ удивляло, что дѣти и малютки, и притомъ не простолюдиновъ, а вельможъ, стояли съ непокрытою головой, неподвижно и не шевелясь, какъ статуи. Какая выносливость! какая вѣра! Вотъ нѣчто изъ того, что мы могли бы сказать о всенощныхъ бдѣніяхъ въ странѣ московитовъ, извѣстныхъ всюду.

Спустя часъ, послѣ нашего выхода изъ собора, зазвонили въ колокола, и мы опять вернулись туда, измученные, умирая отъ усталости, дремоты и холода. Оба патріарха облачились, и съ ними въ этотъ день облачились три архіерея и десять архимандритовъ въ митрахъ, двѣнадцать іереевъ монашествующихъ и мірскихъ, двадцать взрослыхъ дьяконовъ и болѣе двадцати анагностовъ и иподьяконовъ: всѣхъ вмѣстѣ съ обоими патріархами и сербскимъ архіепископомъ было болѣе семидесяти служащихъ въ алтарѣ. Пришла царица, а послѣ нея царь. Во время Выхода, священники выносили покровъ съ мощей св. Петра, похожій на плащаницу: онъ весь расшитъ золотомъ и жемчугомъ, и на немъ изображенъ святой, какъ онъ есть, въ облаченіи *полиставрія* (крестчатомъ). Когда кончилась обѣдня и мы сняли облаченія, оба патріарха вышли къ царю, чтобы его благословить.

Патріархъ Никонъ, имѣя большую любовь къ греческимъ камилавкамъ [1] и клобукамъ, сдѣлалъ себѣ нынѣ новый бѣлый клобукъ, по покрою клобуковъ греческихъ монаховъ, только надъ глазами вышитъ золотомъ и жемчугомъ херувимъ. Клобуки московитскихъ монаховъ, ихъ архіереевъ и патріарха весьма некрасивы: всѣ они вязаны изъ шерсти, не имѣютъ камилавокъ, но пришиты къ скуфьямъ безъ кружка, а съ мѣховой опушкой. Клобуки монаховъ очень велики, закрываютъ глаза и уши и ниспадаютъ на плечи: изъ подъ нихъ едва различишь ихъ лица, [въ особенности, когда они смотрятъ въ землю. Что касается остальной ихъ одежды, то она очень неопрятна, потому что они никогда не моютъ своихъ рубашекъ, а носятъ ихъ постоянно, пока тѣ не развалятся. Одѣяніе подъ ихъ рясами бываетъ по большей части изъ зеленаго сукна, а фуфайка и штаны дѣлаются изъ зеленой бязи, которую привозятъ къ нимъ персіяне. Подобнымъ образомъ одѣваются монахини и игуменьи,] имѣя лица постоянно закрытыя клобуками, какъ фатой. Таковъ ихъ обычай. За спиною монахи носятъ деревянные кружки, прикрытые (одеждой), съ изображеніемъ креста [2]: говорятъ, что это принято у нихъ издревле для отличія отъ греческихъ монаховъ. Патріархъ и архіереи носятъ скуфьи, обшитыя мѣхомъ, какъ у монаховъ; ихъ клобуки очень малы и плотно прилегаютъ къ головѣ, какъ клобуки сирійскихъ (сиро-халдейскихъ) патріарховъ. Такъ у нихъ во-

---

[1] Въ подлинникѣ: *кубы*, капюшонъ, колпакъ, но здѣсь, очевидно, разумѣется камилавка, хотя для означенія ея въ современномъ языкѣ есть особое слово.

[2] Парамандъ. Это четыреугольный платъ съ изображеніемъ креста, носимый на персяхъ или на раменахъ. Парамандъ шнурами, пришитыми къ угламъ его объемлетъ плечи монаха и обвиваетъ и стягиваетъ одежду.

лось издревле, со временъ вышеупомянутаго святого Петра, до сихъ поръ.

Болѣе удобнаго случая, какъ въ этотъ день, патріарху Никону не могло бы представиться. Зная любовь къ себѣ царя и пользуясь присутствіемъ нашего учителя, одного изъ вселенскихъ патріарховъ, онъ переговорилъ сначала съ нимъ и втайнѣ передалъ ему въ алтарѣ упомянутой клобукъ, какъ обыкновенно, съ камилавкой, прося его походатайствовать предъ царемъ, чтобы тотъ возложилъ ихъ на него, Никона, ибо онъ сильно опасался, какъ бы міряне не стали говорить ему: «ты уничтожилъ древній нашъ обычай и одѣяніе нашихъ первыхъ святыхъ архіереевъ». Такъ это и случилось съ нимъ потомъ: именно, когда онъ надѣлъ новый клобукъ, на него сильно возроптали, хотя и скрытно, изъ боязни царя. Нашъ учитель, подойдя къ царю, сказалъ ему такъ: «насъ четыре патріарха въ мірѣ и одѣяніе у всѣхъ насъ одинаково; съ нашего разрѣшенія поставленъ этотъ братъ нашъ патріархомъ московскимъ, въ равномъ достоинствѣ съ римскимъ папой, признакъ коего тотъ, что онъ отличается отъ насъ бѣлымъ одѣяніемъ. Если угодно твоему царскому величеству, я желалъ бы надѣть на него эту камилавку и клобукъ, которые сдѣлалъ для него вновь, чтобы онъ носилъ ихъ подобно намъ». Царь, по своей великой любви къ патріарху Никону, былъ очень радъ и отвѣчалъ нашему учителю: «*батюшка, добро*!» т. е. хорошо, принялъ ихъ отъ нашего учителя, поцѣловалъ, велѣлъ Никону снять старые клобукъ и камилавку и надѣлъ на него новые. Когда онъ возложилъ ихъ на патріарха, лицо послѣдняго засіяло: этотъ греческій уборъ очень шелъ къ нему, прежній же, какъ мы сказали, безобразилъ ихъ, будучи скуфьей, а не камилавкой, и съ клобукомъ малымъ, короткимъ и стянутымъ. Патріархъ былъ очень радъ, но присутствующіе архіереи, настоятели монастырей, священники и міряне, видя это, сильно возроптали на Никона и говорили: «смотрите, какъ онъ перемѣняетъ одѣяніе архіереевъ, которое они приняли по внушенію Святого Духа съ того времени, какъ мы сдѣлались христіанами чрезъ св. Петра. Какъ земля не поколеблется подъ нимъ! ибо, одѣваясь доселѣ по-московски, онъ сдѣлался грекомъ.» Народъ впослѣдствіи сильно негодовалъ на него, но втайнѣ, изъ страха предъ царемъ. Подъ конецъ, всѣ архіереи и монахи пожелали перемѣнить свое прежнее одѣяніе, которое дѣлало ихъ смѣшными. Многіе изъ нихъ приходили къ нашему учителю и просили его подарить имъ камилавку и клобукъ, но у насъ не было лишнихъ. Если бы въ этомъ случаѣ у кого-нибудь изъ монаховъ Святой Горы были цѣлые воза камилавокъ и клобуковъ, то онъ распродалъ бы ихъ по самой высокой

цѣнѣ. Кому удалось пріобрѣсти ихъ и на кого возложилъ ихъ патріархъ Никонъ или нашъ, у тѣхъ лица открылись и сіяли. По этому случаю они наперерывъ другъ передъ другомъ стали заказывать для себя камилавки изъ чернаго сукна по той самой формѣ, которая была у насъ и у греческихъ монаховъ, а клобуки дѣлали изъ чернаго шелка. Они плевали передъ нами на свои старые клобуки, сбрасывая ихъ съ головы, и говорили: «если бы это греческое одѣяніе не было божественнаго происхожденія, не надѣлъ бы его первымъ нашъ патріархъ». Намъ разсказывали, что всѣ монахи Троицкаго монастыря, числомъ около пятисотъ, начали дѣлать себѣ (новые) камилавки и клобуки и приготовились надѣть ихъ съ дозволенія патріарха. Когда нашъ владыка патріархъ былъ въ Новгородѣ, то воевода ходатайствовалъ передъ нимъ за двоихъ изъ старшихъ архимандритовъ, именно, архимандритовъ монастырей св. Варлаама и св. Георгія, чтобы нашъ владыка пожаловалъ имъ и возложилъ на нихъ камилавки и клобуки. Этотъ добрый обычай ввелъ нынѣ у нихъ нашъ владыка патріархъ.

Глава XVI.

Москва.—Новоселье у патріарха Никона.

Возвращаемся (къ разсказу). Царь, взявъ за правую руку нашего учителя, повелъ его къ царицѣ, чтобы онъ ее благословилъ. По уходѣ царя, опять затворили двери церкви, пока царица, какъ въ тотъ день, прикладывалась, по обычаю, послѣ чего она удалилась. Тогда всѣ дьяконы, поя, пошли со свѣчами впереди патріарха, пока онъ поднимался въ свои новыя палаты, которыя и открылъ, поселившись въ нихъ въ этотъ день. Когда онъ вступилъ въ нихъ, къ нему подошелъ сначала нашъ владыка патріархъ и поднесъ ему позолоченную икону трехъ святителей и большой черный хлѣбъ съ солонкой соли на немъ, по ихъ обычаю, поздравилъ его и пожелалъ ему благополучія въ его новомъ жилищѣ. Послѣ него подходили архіереи и сначала поднесли позолоченныя иконы имени своихъ каѳедральныхъ церквей, а потомъ хлѣбъ-соль, большіе золоченые кубки, нѣсколько кусковъ парчи и бархата и пр., при чемъ дѣлали поклонъ. За ними подходили настоятели монастырей и даже ихъ уполномоченные, проживающіе въ ихъ подворьяхъ въ городѣ, именно, уполномоченные отдаленныхъ монастырей. Также подносили ему подарки царевичи [1]. Затѣмъ подходили городскіе священники,

[1] т. е. царевичи грузинскій, касимовскій и сибирскіе, жившіе въ то время въ Москвѣ.

купцы, сановники государства, ремесленники и подносили кубки, сорока соболей и пр. Но Никонъ отъ всѣхъ, за исключеніемъ архіереевъ и игуменовъ, принималъ только иконы и хлѣбъ-соль. Была большая тѣснота. Наконецъ патріархъ послалъ пригласить царя къ своему столу. Царь, войдя, поклонился патріарху и поднесъ сначала отъ себя хлѣбъ-соль и сорокъ [1] соболей высшаго сорта и то же поднесъ отъ имени царицы и своего сына, три хлѣба и три сорока отъ своихъ сестеръ и то же отъ своихъ дочерей; всего 12 хлѣбовъ и 12 сороковъ соболей. Въ это время патріархъ стоялъ въ переднемъ мѣстѣ палаты, царь же самъ ходилъ къ дверямъ и подносилъ упомянутые подарки собственноручно, принимая на себя не малый трудъ, крича на бояръ, которые держали ихъ, чтобы они подавали ему скорѣе: онъ казался слугой, и—о удивленіе!—когда подносилъ подарки отъ себя, то поклонился патріарху, говоря: «твой сынъ, царь [2] Алексѣй, кланяется твоей святости и подноситъ тебѣ...» Также, когда подносилъ подарки отъ царицы, назвалъ ее, и то же при поднесеніи остальныхъ подарковъ. Что это за смиреніе, которое мы, стоя тутъ, видѣли въ этотъ день! Развѣ нельзя было тебѣ, царь, (слава) своего вѣка, стоять на своемъ мѣстѣ и приказывать слугамъ, чтобы они приносили тебѣ подарки? но ты самъ ходишь за ними! Да увѣковѣчитъ Богъ твое царство за великое твое смиреніе и за приверженность къ твоему патріарху! Въ правой рукѣ царь держалъ черный посохъ съ двумя маленькими развѣтвленіями.

Послѣ этого патріархъ поклонился ему и извинялся, выражая свою благодарность; затѣмъ посадилъ его за (особый) царскій столъ, который раньше одинъ изъ бояръ уставилъ золотыми сосудами, на подобіе чашъ, солонками, кувшинчиками съ уксусомъ и пр. Столъ этотъ стоялъ въ углу палаты, подлѣ двухъ оконъ, выходящихъ одно на соборъ, другое на Чудовъ монастырь. Близъ него, слѣва, былъ поставленъ другой столъ для патріарха, а подлѣ большой столъ, который занялъ остальное пространство на этой сторонѣ, обращенной къ собору; за нимъ посадили всѣхъ бояръ и сановниковъ государства. Нашего учителя посадили за особымъ столомъ справа отъ царя и подлѣ него сербскаго архіепископа. Грузинскаго царевича посадили близъ нихъ въ этомъ переднемъ мѣстѣ, также за особымъ столомъ, и близъ же

---

[1] По Петербургской рукописи: „два сорока“, и это вѣрнѣе, такъ какъ ваторъ дальше говоритъ, что всего было 12 сороковъ. Но относительно хлѣбовъ ошибка, очевидно, въ самомъ оригиналѣ, съ котораго сняты наши списки.

[2] Слово „царь“ стоитъ въ подлинникѣ по-русски.

нихъ трехъ (другихъ) царевичей, то же за особымъ столомъ. Къ каждому столу отдѣльно было приставлено по нѣскольку зиночерпіевъ и слугъ. Митрополитовъ, архимандритовъ и прочихъ настоятелей, соборныхъ протопоповъ и священниковъ посадили за большимъ столомъ насупротивъ бояръ. Еще раньше подлѣ чудесной, огромной печи этой палаты установили большой столъ, на подобіе высокихъ подмостковъ, со ступеньками, покрытыми матеріей, на коихъ размѣстили большіе серебряно-вызолоченные кубки и иные великолѣпные сосуды для напитковъ. На потолкѣ этого помѣщенія висѣли пять чудесныхъ поліелеевъ (люстръ); одинъ, серебряный, висѣлъ близъ царскаго стола, и внутри его яблока были скрыты часы съ боемъ.

Когда усѣлись за столъ и начали ѣсть, пробило 6 часовъ дня, такъ что до вечера оставалось меньше часа. Обрати вниманіе на то, какое мученіе мы претерпѣли въ прошлую ночь и сегодня: цѣлыхъ 24 часа стояли на ногахъ безъ пищи! Видя, какая здѣсь тѣснота, мы [1] пошли въ свое жилище, поужинали и вернулись, чтобы поглазѣть. Когда принялись за ѣду, одинъ изъ анагностовъ началъ читать, по ихъ обычаю, на аналоѣ посреди́нѣ (палаты) житіе святого (Петра митрополита) высокимъ, нѣжнымъ и мягкимъ голосомъ. По временамъ выходили пѣвчіе и пѣли. Но наибольшее удовольствіе патріархъ и царь находили въ пѣніи дѣтей казаковъ, коихъ царь привезъ много изъ страны ляховъ и отдалъ патріарху, который одѣлъ ихъ наилучшимъ образомъ, зачислилъ въ свои служители, назначивъ содержаніе, и потомъ посвятилъ въ анагносты. Они всегда имѣли первенство въ пѣніи, которое предпочитаютъ пѣнію пѣвчихъ-московитовъ, басистому и грубому. Тѣ пѣли одинъ часъ, а эти послѣ нихъ. Когда пѣвчіе кончали, чтецъ продолжалъ житіе. Отъ начала трапезы до конца царь безпрестанно посылалъ нашему владыкѣ патріарху со своего стола блюда съ кушаньемъ и много кубковъ съ напитками и велъ съ нимъ бесѣду, выказывая къ нему великое дружелюбіе. Переводчикомъ между ними былъ сербскій архіепископъ. Царь просилъ помолиться за него Богу, какъ Василій Великій молился за Ефрема Сирина и тотъ сталъ понимать по-гречески: чтобы и царю также уразумѣть этотъ языкъ. Вечеромъ зажгли свѣчи въ люстрахъ и палата ярко освѣтилась. Затѣмъ патріархъ, пригласивъ царя и нѣкоторыхъ вельможъ вмѣстѣ съ царевичами, нашего владыку патріарха и сербскаго, повелъ ихъ въ новое деревянное помѣщеніе, и здѣсь устроили большое веселье съ превосходными напитками и пр. Патріархъ поднесъ царю въ подарокъ боль-

[1] т. е. Павелъ съ прочей свитой патріарха Макарія.

шой кусокъ Древа Честнаго Креста, частицу драгоцѣнныхъ мощей одного святого, 12 позолоченныхъ кубковъ, 12 кусковъ парчи и пр. Затѣмъ, они вышли въ наружное помѣщеніе и продолжали пиршество до восьмого часа ночи. Тогда царь поднялся и роздалъ всѣмъ присутствующимъ кубки за здравіе патріарха. Выпивъ, опрокидывали ихъ себѣ на голову, чтобы показать, что выпили здравицу до капли. Подобнымъ образомъ и патріархъ Никонъ всѣмъ далъ выпить за здравіе царя, при чемъ также опрокидывали кубки на голову, преклоняя колѣна передъ и послѣ Затѣмъ пили за царицу, ихъ сына и прочихъ. Нашъ владыка патріархъ и прочіе присутствующіе встали и отправились къ себѣ домой. Царь же оставался у патріарха до десятаго часа, пока не ударили къ заутрени, и они оба пошли въ соборъ къ бдѣнію, по случаю памяти ихъ святого, Филиппа, и вышли изъ церкви на разсвѣтѣ. Обрати вниманіе на эту твердость и выносливость!

Въ это воскресенье, поздникъ утромъ, нашъ владыка патріархъ ѣздилъ къ московскому, чтобы, согласно съ ихъ обычаемъ, поблагодарить его вмѣстѣ со всѣми, бывшими у него наканунѣ за трапезой. Многіе, которые не могли одарить его вчера, поднесли свои подарки сегодня.

Глава XVII.

Москва.—Праздникъ Рождества. Христославы. Обѣдня въ Успенскомъ соборѣ. Описаніе царскаго одѣянія.

Въ понедѣльникъ, рано поутру, въ канунъ Рождества, зазвонили въ колокола и всѣ пошли къ часамъ. Было совершено многолѣтіе царю, царицѣ и всему царскому дому, по обычаю, въ присутствіи царя. По отпустѣ, ушли, а потомъ возвратились къ обѣднѣ, отъ которой вышли лишь при закатѣ солнца.

Въ этотъ вечеръ и далѣе, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, патріаршіе дьяконы, большіе и маленькіе (анагносты), вмѣстѣ съ пѣвчими ходили толпою по домамъ архіереевъ, настоятелей монастырей и городской знати и пѣли рождественскіе тропари и послѣ нихъ многолѣтіе, чтобы получить милостыню. Они приходили и къ нашему владыкѣ патріарху. Точно также ходили по домамъ дьяконы и пѣвчіе архіереевъ.

Въ канунъ праздника Рождества, въ восьмомъ часу ночи [1], т. е. въ полночь, зазвонили въ колокола, и народъ поспѣшилъ въ церкви.

[1] Считая отъ заката солнца, который въ это время бываетъ около 4 ч.

Между двумя колокольнями есть церковь въ честь праздника, устроенная на подобіе настоящей виѳлеемской пещеры: какъ мы сказали раньше, царь Иванъ посылалъ человѣка осмотрѣть ту пещеру и построилъ эту церковь. Царь и его вельможи, обыкновенно, слушаютъ въ ней всенощное бдѣніе въ эту ночь, вмѣстѣ съ патріархомъ. Такъ какъ мѣсто кругомъ нея было теперь занято приспособленіями, въ видѣ столбовъ, для колокола и строительными матеріалами, то царь и патріархъ не пошли въ нее ко всенощной, а послали туда одного изъ архіереевъ, самъ же патріархъ совершилъ службу въ соборѣ, въ присутствіи царя и царицы. Звонили въ новый колоколъ вмѣстѣ съ прочими при началѣ утрени, [при поліелеѣ трижды и столько же при евангеліи]. Царь съ вечера присылалъ къ нашему владыкѣ патріарху одного изъ стольниковъ пригласить его ко всенощной, обѣдни и трапезѣ, по обыкновенію, но патріархъ Никонъ, зная, чего мы натерпѣлись отъ сильной стужи и усталости въ предшествующую ночь, не пригласилъ насъ ко всенощной — это былъ благословенный часъ. Богъ да ниспошлетъ ему свою милость!

Рано поутру зазвонили въ колокола, и нашъ владыка патріархъ отправился къ патріарху Никону, который повелъ его къ царю и царицѣ; они благословили ихъ и поздравили съ праздникомъ. Затѣмъ сошли въ соборъ и облачились вмѣстѣ. Что касается приходскихъ церквей, то въ этотъ день отслужили въ нихъ обѣдню на зарѣ. Облачившись, патріархи сѣли и стали, по обыкновенію, дожидаться царя. Никонъ въ этотъ день надѣлъ новый саккосъ, стоющій, какъ говорятъ, 7000 золотыхъ. Сошла царица, и послѣ нея явился царь въ новой, чудесной коронѣ. Его верхнее одѣяніе изъ тяжелой парчи походило на саккосъ, но имѣло узкіе рукава, какъ у чекменя; кругомъ него былъ родъ каймы изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, жемчуга и золота, какъ обычно бываетъ на царскихъ одѣяніяхъ, таково же было и нижнее платье. На плечахъ у него была порфира, т. е. царская пелерина, подобная той кожѣ, которую носятъ на шеѣ сеймены [1], чтобы держать на ней ружье; царь надѣваетъ ее только по большимъ праздникамъ. По виду она круглая, покрываетъ плечи, грудь и часть спины и состоитъ изъ золота, драгоцѣнныхъ каменьевъ и жемчуга, не поддающихся описанію: по окружности ея—образки Господскихъ праздниковъ, величиною съ ладонь, изъ зеленаго изумруда съ золотомъ; — рѣзьба Господскихъ праздниковъ на изумрудѣ поражаетъ изумленіемъ; между каждыми двумя изумрудами подобный же образокъ изъ чистаго золота,

[1] Нѣхотинцы въ Молдовалахіи.

чеканной работы, съ чернымъ, выжженнымъ фономъ [1] — превосходная работа, поражающая удивленіемъ умъ. У насъ глаза разбѣжались при видѣ этихъ изумрудовъ и драгоцѣнностей. На шеѣ у царя висѣлъ большой драгоцѣнный крестъ изъ бѣлой кости, не знаемъ какого животнаго; на всемъ крестѣ вырѣзаны съ обѣихъ сторонъ господскіе праздники, какъ на крестахъ Святой Горы. Онъ висѣлъ на большой золотой цѣпи. Въ этотъ день царь три—четыре раза перемѣнялъ платье до окончанія обѣдни. Его жезлъ власти (скипетръ) изъ бѣлой кости, именно, изъ рога единорога, большой, прямой, красивый, присланъ ему, какъ говорятъ, кизилбашемъ (шахомъ), въ числѣ другихъ подарковъ. Одинъ изъ вельможъ держалъ этотъ скипетръ близъ царя, а другіе двое стояли вмѣстѣ съ царемъ на царскомъ мѣстѣ и поддерживали его подъ руки. Послѣ обѣдни патріархъ прочелъ на амвонѣ праздничное поученіе и роздалъ антидоръ царю, царицѣ и знатнымъ людямъ, какъ училъ ихъ нашъ владыка патріархъ.

По уходѣ царя и царицы, мы поднялись съ патріархомъ въ его новыя палаты, при чемъ всѣ дьяконы шли передъ нимъ въ облаченіяхъ со свѣчами и пѣли. Пробывъ здѣсь немного времени, мы пошли къ царскому столу, который продолжался до третьяго часа ночи, когда царь всталъ и простился съ нашимъ учителемъ,ославъ нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ со свѣчами проводить его до дому. Зазвонили въ колокола, и они пошли ко всенощной.

Глава XVIII.

Москва. — Извѣстія о дѣйствіяхъ Бутурлина и Хмельницкаго. Гетманъ Павелъ Потоцкій.

На другой день праздника Рождества пришло къ царю извѣстіе о войскѣ, которое онъ послалъ съ боярином Бутурлинымъ къ Хмелю. Они пошли вмѣстѣ на Каменецъ. Когда они сильно стѣснили крѣпость, жители прислали имъ изъ города съ маленькимъ мальчикомъ письмо такого содержанія: мы не будемъ воевать съ вами; идите сначала воевать съ нашимъ кралемъ, и если его убьете и овладѣете его столицей, то мы подчинимся вамъ безъ войны. И дали въ этомъ клятву. Стефанъ, господарь Молдавіи, прислалъ царскому боярину со своими служителями множество даровъ: червонцы, бочки вина, быковъ, овецъ, хлѣба и пр. Тогда они сняли осаду Каменца и пошли къ городу Львову. Здѣсь имъ написали то же и поднесли множество червонцевъ и даровъ, чтобы

[1] т. е. съ чернетью.

они отошли отъ города. На своемъ пути они отняли у ляховъ 28 крѣпостей и городовъ, и въ томъ числѣ городъ, по имени Люблинъ, что на ихъ языкѣ значитъ: «городъ собраній», ибо ляхи, въ эпоху своего могущества, собирались въ немъ на совѣщанія. Говорятъ, что въ этомъ городѣ 80 каменныхъ судебныхъ дивановъ (палатъ) и дворцовъ и замѣчательные, большіе дома. Весь городъ выстроенъ изъ камня и имѣетъ три крѣпости. Когда московиты овладѣли двумя изъ нихъ и сильно тѣснили внутреннюю, то осажденные заплатили имъ большую сумму денегъ. Въ этомъ городѣ съ древнихъ временъ находился кусокъ Честнаго Древа Креста, въ формѣ креста, который несомнѣнно творилъ всегда чудеса. Ляхи гордились имъ и не отдали его даже римскому папѣ, который, какъ говорятъ, предлагалъ за него 400.000 червонцевъ. Бояринъ царя, узнавъ о немъ, потребовалъ его у жителей, но они сказали, что у нихъ его нѣтъ, и лишь съ большимъ трудомъ признались въ обладаніи имъ, дабы спастись отъ смерти, и тогда получили увѣреніе въ безопасности. Всѣ жители со своими священниками въ облаченіяхъ, со свѣчами, вышли къ Бутурлину, провожая это драгоцѣнное сокровище, не имѣющее себѣ цѣны, и оплакивая его со слезами и рыданіями. Московиты отошли отъ нихъ и возвратились въ городъ Кіевъ со множествомъ добычи и плѣнныхъ. Говорятъ, что Люблинъ отстоитъ отъ Кіева почти на два мѣсяца пути.

Они побѣдили великаго гетмана ляховъ, именемъ Павла Потоцкаго, который, при ихъ удаленіи отъ Каменца, вышелъ, чтобы напасть на нихъ съ десятитысячнымъ войскомъ. Узнавъ объ этомъ, московиты вернулись назадъ, и часть войска засѣла въ засаду на пути гетмана въ лѣсахъ и горахъ. Когда онъ проходилъ мимо, они напали на него со всѣхъ сторонъ, и ему ничего не оставалось, кромѣ бѣгства. Его настигли и захватили въ плѣнъ, а войско истребили. Говорятъ, что жена его, узнавъ, что онъ попался въ плѣнъ, скоропостижно умерла отъ горя. Гетмана вмѣстѣ съ сыномъ отправили къ царю.

Раньше ляхи заключили съ татарскимъ ханомъ договоръ, въ силу котораго онъ долженъ былъ придти къ нимъ на помощь, а они его встрѣтятъ, (выступивъ) изъ своей земли, чтобы съ двухъ сторонъ напасть на Хмеля и царскаго боярина съ ихъ войсками. Ляхи приставали къ хану, прельщали большою суммою денегъ и отправили къ нему нѣсколько пословъ. Наконецъ татары, въ злобѣ и негодованіи на Хмеля за то, что онъ подчинился царю, поднялись и пошли на землю казаковъ, производя опустошенія, пожары и убійства. Узнавъ объ этомъ, Хмель и Бутурлинъ поспѣшили напасть на хана, и между ними произошло сильное сраженіе, длившееся три дня. Подъ конецъ, видя себя

побѣжденнымъ, ханъ просилъ у нихъ мира, обѣщая быть съ ними заодно противъ ихъ враговъ. Еще раньше онъ взялъ въ плѣнъ одного родственника Бутурлина: когда тотъ ѣхалъ въ Москву, ханъ, встрѣтивъ его на дорогѣ, захватилъ въ плѣнъ. Поэтому съ ханомъ заключили миръ и освободили плѣнника. Ханъ просилъ у Хмеля 1500 казаковъ проводить его до земли молдаванъ [и отдалъ ему въ заложники нѣсколько мурзъ, пока онъ не пройдетъ молдавскую землю]. И такъ онъ отправился въ страну татаръ, и когда казацкій отрядъ вернулся, мурзы были отпущены.

Когда вѣсть объ этихъ происшествіяхъ дошла до царя, онъ сильно разгнѣвался на Бутурлина и послалъ приказъ отрубить ему голову за его тройную измѣну: во-первыхъ, за то, что онъ бралъ взятки съ тѣхъ городовъ и крѣпостей; во-вторыхъ, за то, что, покоривъ города и опустошивъ ихъ, не удержалъ въ своей власти; въ-третьихъ, что заключилъ миръ съ ханомъ. Узнавъ о гнѣвѣ царя на него, Бутурлинъ выпилъ яду и умеръ. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до царя, онъ послалъ приказъ сжечь его тѣло: такъ онъ былъ разгнѣванъ на него; но потомъ, по неоднократной просьбѣ патріарха, дозволилъ привести его въ Москву, гдѣ его и похоронили.

Царь простилъ гетмана Павла Потоцкаго, и послѣдній, по его приказанію, пробылъ въ Чудовомъ монастырѣ шесть недѣль, т. е. 40 дней, въ степени оглашеннаго. По окончаніи этого срока, патріархъ окрестилъ его, при чемъ воспріемникомъ былъ царскій тесть. Царь наградилъ гетмана чинами, почетными подарками, содержаніемъ и пр. Гетманъ ежедневно являлся во дворецъ вмѣстѣ съ сановниками государства съ большою пышностью, по свойственному ляхамъ высокомѣрію. И не онъ одинъ, но и многіе вельможи ляховъ выразили покорность и подчинились царю, и онъ возстановилъ ихъ въ ихъ степеняхъ. Равнымъ образомъ многихъ конныхъ ратниковъ и иныхъ изъ ляховъ царь размѣстилъ тысячами по своей странѣ между войсками, назначивъ имъ содержаніе. Поэтому они полюбили его, и множество ихъ подчинилось ему. Въ это время торговые ряды столицы были переполнены сокровищами и рѣдкостями изъ страны ляховъ, которыя продавались за безцѣнокъ. Плѣнниковъ же продавали на рынкѣ уничиженія (невольничьемъ).

Когда царь покорилъ городъ Вильну, то прислалъ оттуда патріарху двадцать большихъ буйволовъ, которыхъ досель здѣсь не знали. Мы видали также на дворахъ вельможъ много ословъ, приведенныхъ оттуда же. Осла называютъ на ихъ языкѣ, какъ по-турецки, *ишакъ*. Мы видѣли ихъ и въ царскихъ конюшняхъ.

Глава XIX.

Москва.—Праздникъ Богоявленія. Извѣстіе о побѣдѣ. День св. Татіаны.

Въ субботу, въ канунъ Богоявленія, мы отправились въ соборъ и служили съ патріархомъ Никономъ, а вечеромъ снова пошли туда, къ службѣ освященія воды. Всегдашній ихъ обычай былъ подобенъ нашему, именно, они совершали службу водоосвященія два раза: съ вечера въ церкви и поутру на рѣкѣ. Но патріархъ Никонъ нашелъ въ одной книгѣ Святой Горы свидѣтельство Фотія, патріарха константинопольскаго, что освященіе воды должно совершать только одинъ разъ. Такъ онъ и поступилъ, по приказанію царя. Начали вечерню. Всѣ священники вошли въ (алтарь) и облачились. Присутствовалъ и царь. Оба патріарха облачились и пошли къ рѣкѣ [большимъ крестнымъ ходомъ, съ хоругвями и свѣчами, такъ какъ наступили сумерки. За патріархами шелъ царь, облеченный въ царское одѣяніе, назначенное для большихъ торжествъ, въ порфирѣ, съ крестомъ на шеѣ и съ короной на головѣ. Пройдя чрезъ Водяныя ворота, мы пришли къ большому, прочному помосту, сдѣланному наканунѣ; въ срединѣ его былъ устроенъ водоемъ со ступеньками. Одинъ изъ стрѣльцовъ, имѣя въ рукахъ нѣчто въ родѣ продырявленнаго заступа съ длинной рукоятью, счищалъ ледъ съ воды, какъ скоро онъ появлялся на ней, и постоянно мѣшалъ воду, чтобы, на сколько возможно, воспрепятствовать ей замерзнуть. Царь, придя, взошелъ на помостъ, помолился и подошелъ подъ благословеніе къ патріархамъ. Іереи съ иконами и крестами, обращенными къ востоку, стояли кругомъ воды, а государственные сановники кругомъ помоста. По обѣимъ берегамъ рѣки расположились многочисленные стрѣльцы тѣснымъ строемъ, образуя большой кругъ поодаль, а на стѣнахъ и башняхъ толпились мужчины и женщины изъ всѣхъ частей столицы и изъ деревень. Три человѣка съ тремя втрое скрученными свѣчами въ рукахъ стояли надъ водой. Послѣ «Благослови» и пр. [1], патріарху принесли большіе и малые сосуды, и онъ наполнилъ ихъ водой, а потомъ взошелъ [2] и окропилъ царя, вельможъ и всѣхъ предстоящихъ. Затѣмъ мы вернулись въ соборъ, при чемъ патріархъ несъ крестъ на головѣ. Была уже ночь. Когда мы вошли въ церковь, патріархъ взошелъ на свое архіерейское мѣсто, а царь

---

[1] Англійскій переводчикъ, очевидно, опустилъ описаніе самаго чина водоосвященія.

[2] Передъ этимъ патріархъ, вѣроятно, спустился къ водѣ.

сталъ позади колонны Сослужащіе, поставивъ по срединѣ столъ, размѣстили на немъ сосуды, наполненные святой водой и три большія чаши, изъ коихъ одну взялъ патріархъ, другую нашъ учитель, а третью одинъ изъ митрополитовъ. Царь и вельможи подошли и получили св. воды отъ обоихъ патріарховъ, набожно преклоняясь. Патріархъ закончилъ церемонію, раздавъ воду архіереямъ и боярамъ; нашъ учитель раздавалъ ее остальному духовенству, а митрополитъ мірянамъ]. Затѣмъ совершили отпустъ, и мы вышли. Когда мы вернулись въ свой монастырь, царь прислалъ одного изъ своихъ бояръ сказать, чтобы нашъ учитель приготовился къ обѣднѣ на другой день и къ трапезѣ у него. Въ полночь ударили въ колокола и мы пошли въ церковь, а поздпимъ утромъ отправились въ соборъ, гдѣ служили всѣ вмѣстѣ въ присутствіи царя, который былъ облеченъ въ царское одѣяніе, порфиру и корону. По окончаніи обѣдни, Никонъ вручилъ нашему учителю одну изъ чашъ со святой водой. Тогда царь подошелъ и выпилъ сначала этой воды изъ рукъ нашего учителя, а потомъ подошелъ къ патріарху Никону и принялъ отъ него антидоръ. [То же сдѣлали всѣ вельможи и присутствующіе.

Затѣмъ, патріархъ взошелъ на свое мѣсто, а всѣ сослужащіе размѣстились кругомъ него; царь же сталъ за колонной, и] начали царскій молебенъ съ особымъ молитвословіемъ, ибо получено было извѣстіе, что войско ляховъ явилось было по слѣдамъ царя, чтобы взять обратно Вильну, но царскій воевода, который находился тамъ съ войскомъ, выступивъ противъ нихъ, разбилъ ихъ, истребилъ болѣе 6000 и взялъ 28 знаменъ; болѣе тридцати вельможъ-воеводъ изъявили покорность. Царскій воевода спросилъ ихъ: «почему вы бѣжали безъ битвы?» Они отвѣчали: «когда мы выстроились на битву, чтобы сразиться съ вами, вдругъ увидѣли на небѣ Алексѣя, царя московскаго,—надъ нимъ было написано его имя— и впереди него св. Михаила съ мечомъ, на насъ нападающаго. Поэтому мы и были разбиты». Эти слова прочелъ теперь патріархъ всему народу изъ письма, присланнаго виленскимъ воеводой. При этомъ царь плакалъ отъ радости, по своему смиренію. По прочтеніи письма, Никонъ сошелъ и, ставъ противъ царя, выразилъ ему пространно молитвенныя благожеланія съ примѣрами и изреченіями, равно и его вельможамъ, а пѣвчіе пропѣли царю многолѣтіе. Въ такомъ же родѣ и царь отвѣтилъ патріарху, которому также пропѣли многолѣтіе. Царю пѣли такъ: «великій царь Великой, Малой и Бѣлой Россіи—ибо городъ Вильна есть столица Литвы, которая на языкѣ московитовъ называется Бѣлой Россіей — и автократоръ», что по-гречески значитъ:

«самодержецъ» [1]. Также и царь именовалъ патріарха патріархомъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи. Затѣмъ оба патріарха благословили его и мы, разоблачившись, пошли къ царскому столу, за которымъ происходило то же, что въ день Рождества, (и продолжалось) до ночи. Мы возвратились въ свой монастырь со свѣчами. Въ этотъ вечеръ патріархъ Никонъ поѣхалъ въ свой новый (Иверскій) монастырь для его осмотра, а также въ Новгородъ.

Въ субботу 12 января ударяли въ большой колоколъ съ вечера и поутру, по случаю памяти св. Татіаны и именинъ младшей сестры царя, которой имя Татьяна. Царь устроилъ для нея столъ, съ котораго прислалъ кушанья и нашему владыкѣ патріарху.

---

[1] Титулъ этотъ написанъ въ подлинникѣ по-русски, по обыкновенію, арабскими буквами.

КНИГА XII.

Саввинъ монастырь и Москва. Украйна.

Глава I.

Саввинъ монастырь.—Пять монастырей, гдѣ служатъ пріѣзжіе патріархи. Обновленіе Саввина монастыря царемъ. Поѣздка туда патріарха Макарія. Зимній путь. Торжественная встрѣча и обѣдъ. Разговоръ царя съ патріархомъ и съ его архидіакономъ.

Знай, что существуетъ обычай для патріарховъ, пріѣзжающихъ въ эту страну, просить у царя разрѣшенія посѣтить пять монастырей и служить въ нихъ ради полученія милостыни и подарковъ: первый—монастырь Чудовъ, второй—монастырь монахинь (Вознесенскій), третій—Спасскій за городомъ, четвертый—Симоновъ, пятый—монастырь монахинь и дѣвицъ внѣ города (Новодѣвичій). Шестую обѣдню они служатъ, обыкновенно, въ церкви Благовѣщенія.

Этотъ царь недавно отстроилъ заново монастырь, находящійся къ сѣверозападу отъ города, въ разстояніи сорока верстъ, на берегу рѣки Москвы. Онъ во имя святого Саввы Новаго, одного изъ нихъ святыхъ. Царь всю душу положилъ на его построеніе, дабы сдѣлать его подобнымъ монастырю Троицкому,—и все это по любви своей къ церквамъ, монастырямъ, монахамъ и всему священному чину. На этой недѣлѣ, въ четвергъ 17 января, онъ отправился туда на богомолье со всѣми своими боярами, чтобы отпраздновать тамъ память этого святого и годовщину обновленія монастыря, что приходится 19 числа этого мѣсяца [1]. Еще передъ его отъѣздомъ нашъ владыка патріархъ подалъ ему *челобитную* съ просьбою о дозволеніи ему посѣтить вышеупомянутые монастыри, а также и его монастырь, и царь далъ ему на это разрѣ-

[1] Память обрѣтенія мощей св. Саввы Сторожевскаго.

шеніе. Прибывъ въ Саввинъ монастырь въ пятницу, онъ вспомнилъ о нашемъ владыкѣ патріархѣ и тотчасъ послалъ гонца къ министру съ приказаніемъ немедленно снарядить нашего владыку въ ту же ночь, въ надеждѣ, что онъ поспѣетъ къ праздничной обѣднѣ въ субботу. Министръ назначилъ пять человѣкъ стрѣльцовъ, которые должны были ѣхать передъ нами. Переводчики привели для насъ *подводы*, а для нашего владыки патріарха царскія *сани*, запряженныя воронымилошадьми, и, кромѣ того, еще заводныхъ лошадей. Съ нами было назначено ѣхать одному изъ переводчиковъ и толмачу. Мы выѣхали изъ города послѣ четвертаго часа ночи, надѣясь поспѣть къ обѣднѣ. Впереди насъ ѣхали съ фонарями. До разсвѣта мы проѣхали 25 верстъ и остановились въ одномъ изъ селеній, которыя слѣдуютъ одно за другимъ отъ города до монастыря,— остановились, чтобы немного согрѣться, такъ какъ былъ сильный холодъ и шелъ снѣгъ, и чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Затѣмъ мы поднялись и проѣхали остальныя 15 верстъ, а всего сорокъ. Когда мы доѣхали до монастырскаго посада, отстоящаго отъ монастыря на три версты, царь прислалъ одного изъ своихъ вельможъ съ нѣсколькими людьми съ поклономъ нашему учителю и поздравленіемъ съ пріѣздомъ, а спустя немного времени прислалъ съ поклономъ еще одного изъ своихъ приближенныхъ. Монастырскіе стрѣльцы, стоящіе тамъ стражей, выстроились въ рядъ по обѣ стороны дороги на протяженіи версты. Между тѣмъ царь безпрестанно присылалъ своихъ вельможъ одного за другимъ съ поклономъ и привѣтствіемъ отъ своего имени, пока мы не доѣхали до монастыря. Здѣсь передъ воротами высадили нашего владыку изъ саней и, поддерживая его подъ руки, повели вверхъ. Навстрѣчу къ нему вышелъ архимандритъ [1] въ облаченіи и митрѣ со всѣми своими іереями и дьяконами. Нашъ учитель, помолившись на надворотныя иконы, поклонился кресту, который былъ у нихъ на блюдѣ, приложился къ нему и осѣнилъ имъ архимандрита. Послѣдній взялъ владыку подъ руку. Когда мы поднялись по лѣстницѣ ко вторымъ воротамъ,—ибо монастырь на вершинѣ горы и окруженъ стѣной,—вышелъ самъ царь навстрѣчу нашему владыкѣ и поклонился ему, а нашъ учитель благословилъ его крестомъ. Царь взялъ нашего учителя подъ руку справа, а архимандритъ слѣва, и они ввели его на монастырскую площадку, а затѣмъ въ церковь. Между тѣмъ колокола гремѣли съ самаго нашего приближенія къ монастырю. Мы не застали

[1] Никаноръ (1654—1658). Сдѣлавшись приверженцемъ расколоучителей Лазаря и Аввакума, онъ перешелъ въ Соловецкій монастырь и, по взятіи его царскими войсками, былъ казненъ.

обѣдни, ибо было около полудня. Войдя въ церковь, нашъ владыка приложился, по ихъ обычаю, ко всѣмъ иконамъ церкви и къ мощамъ св. Саввы Новаго, которыя положены въ серебряно-вызолоченной ракѣ, находящейся въ углу церкви направо, въ помѣщеніи, похожемъ на мѣсто, гдѣ хранится риза Господня, съ куполомъ и мѣдной загородкой со сквозной рѣзьбой кругомъ и слюдяной подволокой. Потомъ онъ благословилъ царя вторично, и они привѣтствовали другъ друга чрезъ переводчика. Царь, уходя, велѣлъ отвести нашего учителя въ покои царицы, находящіеся насупротивъ южной стороны церкви; помѣщеніе же царя находится противъ сѣверной стороны ея [1]. Въ царицыныхъ покояхъ мы и остановились.

Царь поднялся въ трапезную, чтобы лично угостить отцовъ монастыря по случаю праздника. Смотри, читатель, какія чудесныя и удивительныя дѣла Богъ сподобилъ насъ видѣть и какъ необычайно смиреніе царя! Именно, онъ самъ до конца трапезы прислуживалъ всѣмъ монахамъ до послѣдняго, а они сидѣли, ѣли и пили. Царь прислалъ одного изъ своихъ министровъ пригласить нашего владыку патріарха, и когда мы поднимались по лѣстницѣ трапезной, самъ лично вышелъ встрѣтить нашего владыку наружу и поклонился ему; владыка благословилъ его, и царь, взявъ его подъ правую руку, ввелъ въ трапезную. Пропѣвъ, по обычаю, *Достойно есть* передъ иконами, владыка помолился на нихъ; царь подошелъ, поклонился и владыка вторично благословилъ его. Они оба сѣли за однимъ столомъ, а вельможи и приближенные царя отдѣльно за другимъ, съ лѣвой стороны; мы же съ отцами монастыря за особымъ столомъ справа. На полу передъ царемъ былъ поставленъ столъ для нищихъ, слѣпыхъ, калѣкъ и иныхъ, и онъ прислуживалъ имъ все время пищей и питьемъ до послѣдняго. Іереи пропѣли застольную молитву. Нашему учителю поднесли Панагію, и онъ поднялъ ее, по ихъ обычаю, въ честь св. Троицы, раздробилъ на части и далъ отъ нея царю, а я, пишущій эти строки, обошелъ съ блюдомъ, раздавая ее всѣмъ вельможамъ и священникамъ. Когда благословили столъ и сѣли, начали подавать блюда съ яствами, часть которыхъ царь передавалъ нашему учителю, дабы онъ роздалъ ихъ, по обычаю, кому пожелаетъ изъ государственныхъ сановниковъ.

Въ этотъ день царь много и дружески бесѣдовалъ съ нашимъ учителемъ о причинахъ его отъѣзда изъ своего престола и стремленіи

---

[1] Сохранившійся донынѣ царскій каменный двухъэтажный дворецъ стоитъ съ западной стороны собора. Его еще не было при посѣщеніи монастыря патріархомъ Макаріемъ.

къ нему, царю, вслѣдствіе большой нужды, при чемъ обнаружилъ подробное знакомство съ его дѣлами, какъ будто онъ былъ свидѣтелемъ его обстоятельствъ съ начала до конца. Всего больше удивили насъ слѣдующія его слова: «я знаю, что главной причиной твоего отъѣзда изъ престола были зло и огорченія, причиненныя твоей святости злополучнымъ митрополитомъ Миры, въ воздаяніе за твои благодѣянія ему». Нашъ владыка патріархъ былъ очень изумленъ этими словами, и мы потомъ подумали про себя: «кто сообщилъ и сообщаетъ царю объ этихъ дѣлахъ?» Но отъ царей не можетъ скрыться никакая тайна. Затѣмъ онъ сказалъ ему: «почему ты не сообщилъ мнѣ о немъ и объ его злыхъ поступкахъ, когда онъ пріѣхалъ къ намъ?»

Упомянутаго господина мы встрѣтили въ Молдавіи, и онъ, со смиреніемъ и покорностью, изъявлялъ намъ большую дружбу; поэтому, когда онъ опередилъ насъ прибытіемъ въ Московію, нашъ учитель не захотѣлъ написать о немъ дурно и воздать ему зломъ. Митрополитъ просилъ рекомендательное письмо къ царю, но Василій воевода, съ которымъ мы посовѣтовались, отговорилъ насъ, зная о гнусныхъ и злыхъ дѣлахъ митрополита и объ обидахъ, причиненныхъ имъ нашему учителю. Въ виду этого, мы представили ему невозможность для насъ удовлетворить его просьбу, и онъ уѣхалъ съ патріархомъ Пателларіемъ раньше насъ. По прибытіи его въ Москву, когда они пробыли здѣсь нѣкоторое время, московиты замѣтили гнусные поступки его архимандритовъ, дьяконовъ и родственниковъ, ихъ злыя дѣла и то, что они курятъ табакъ, и ихъ немедленно отправили въ заточеніе, но митрополитъ, по заступничеству Пателлярія, избавился отъ наказанія и выѣхалъ изъ Москвы. Когда онъ прибылъ въ Путивль, дошелъ до царя и патріарха слухъ объ его скверныхъ дѣлахъ и порокахъ и о томъ, какое зло онъ причинилъ нашему учителю, и за нимъ тотчасъ отправили въ погоню одного изъ переводчиковъ съ нѣсколькими гонцами. Его догнали въ Красномъ, первомъ городѣ страны казаковъ. Видя это, митрополитъ пришелъ въ смятеніе и впалъ въ отчаяніе. Сознавая свою вину, онъ сталъ упрашивать посланнаго, заплативъ ему болѣе 200 динаровъ, смиловаться надъ нимъ и отпустить его, говоря: «скажи обо мнѣ, что ты меня не догналъ». Посланный возвратился въ Москву съ пустыми руками, но его поступокъ и обманъ не остались скрытыми, и узнавъ объ этомъ, его обнажили и провели по городу подъ кнутомъ, оглашая его вину, а потомъ сослали туда, куда хотѣли заточить злополучнаго митрополита Миры.

Поэтому царь сказалъ теперь нашему учителю: «*батюшка*! будь спокоенъ и не огорчайся, ибо, хотя я и здѣсь, но мышца Господня,

далеко досягающая, и моя рука достанутъ его и накажутъ, гдѣ бы онъ ни былъ». Насъ поразили эти слова, ибо это была царская рѣчь и угроза. Богъ да хранитъ его царство за его расположеніе къ намъ! Отъ начала трапезы до конца царь не переставалъ бесѣдовать съ нашимъ владыкой. Подъ конецъ, жалуясь ему на смерть монаховъ этого монастыря во время моровой язвы, онъ сказалъ: «дьяволъ позавидовалъ мнѣ; по моимъ великимъ грѣхамъ, умерли монахи моего монастыря, ибо раньше ихъ было болѣе трехсотъ, а теперь осталось только сто семьдесятъ». Посмотри, братъ, на этого царя и на эти слова: онъ горевалъ о смерти монаховъ и объ ихъ малочисленности! Какая благословенная душа! какая чистая отрасль! Царь, столь высоко стоящій, оплакиваетъ смерть монаховъ! По истинѣ, его умъ и помыслы погружены въ созерцаніе и пребываютъ въ небесныхъ, а не въ земныхъ дѣлахъ. Какое счастіе и какая радость намъ, что мы видѣли и слышали эти чудесныя, удивительныя вещи, о коихъ потомъ будемъ разсказывать!

Затѣмъ столъ убрали, и нашъ учитель опять воздвигъ Панагію. Пѣвчіе пропѣли многолѣтіе, и царь, по обыкновенію, сталъ раздавать всѣмъ присутствующимъ кубки съ напитками за здоровье московскаго патріарха, при чемъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, а стольники подносили ему кубки. Всѣ, получавшіе ихъ, кланялись царю сначала и потомъ. Пѣвчіе пропѣли многолѣтіе своему патріарху. Нашъ учитель возгласилъ пожеланіе всѣхъ благъ царю, ему пропѣли многолѣтіе, и нашъ учитель первый выпилъ здравицу за царя изъ особаго кубка и передалъ его царю. Стольники начали подносить нашему учителю кубки съ медомъ, и онъ раздавалъ ихъ всѣмъ присутствующимъ. Царь подзывалъ отцовъ монастыря поименно, одного за другимъ, чтобы они выпили, говоря имъ: «*сударъ* Іосифъ, *сударъ* Симеонъ, *сударъ* такой-то», т. е. господинъ такой-то, и не только отцовъ монастыря и старцевъ, но позвалъ и простыхъ монаховъ и поваровъ, такъ что мы дивились и изумлялись его необычайному смиренію. Во время раздачи кубковъ архидіаконъ, обыкновенно, поддерживаетъ патріарха подъ правую руку, дабы онъ не утомился, но такъ какъ царь стоялъ теперь справа отъ владыки, то я постѣснился стать между нимъ и нашимъ владыкой и потому взялъ его лѣвую руку. Увидя это, царь тихо позвалъ меня по имени и ласково велѣлъ мнѣ стать между нимъ и владыкой, чтобы я поддерживалъ его правую руку. Къ этому времени онъ уже узналъ, кто я таковъ, чему былъ весьма радъ, и много разъ пенялъ нашему учителю, что онъ съ самаго начала не познакомилъ меня съ нимъ и не сказалъ ему обо мнѣ. При началѣ трапезы онъ позвалъ меня по

имени, замѣтивъ, что я стѣсняюсь,—я стоялъ сзади, поодаль—и посадилъ меня выше отцовъ монастыря. Онъ непрестанно посылалъ мнѣ блюда съ кушаньемъ и кубки съ напитками до окончанія трапезы, при чемъ каждый разъ я, по обычаю, вставалъ и издали кланялся ему дважды, я былъ смущенъ и растерянъ и таялъ въ своемъ соку.

Когда нашъ учитель окончилъ раздачу кубковъ, пропѣли многолѣтіе царю, а потомъ нашему владыкѣ, по приказанію царя. Царь началъ тогда раздавать заздравные кубки за нашего учителя всѣмъ присутствующимъ, къ большому удовольствію. Онъ подозвалъ и меня, чтобы дать мнѣ выпить; по обычаю, я сдѣлалъ ему земной поклонъ и, принявъ чашу изъ его рукъ, при чемъ поцѣловалъ у него правую руку, вернулся на свое мѣсто, идя задомъ, и выпилъ вино, послѣ чего вторично поклонился ему. Онъ опять подозвалъ меня и много говорилъ со мной чрезъ переводчика. За это время я успѣлъ выучить по-русски ектенію, т. е. *Миромъ Господу помолимся* до конца, *Рцемъ вси* и пр. Не знаю, кто сообщилъ ему объ этомъ, но онъ мнѣ сказалъ: «прошу тебя прочесть завтра для меня ектенію и Евангеліе по-русски», ибо я уже началъ читать русскія книги. Я, тая въ своемъ соку отъ смущенія и великаго почтенія предъ царемъ, обливался потомъ, (обильнымъ) какъ море, и могъ отвѣтить ему только: «приказаніе царя будетъ исполнено».

Когда царь кончилъ раздачу кубковъ, пропѣли многолѣтіе ему и патріарху Антіохіи и всего Востока. Также пропѣли многолѣтіе и пили за здравіе царицы, ея сына и всего царскаго дома, при чемъ одинъ разъ раздавалъ кубки царь, а другой разъ нашъ учитель, пока не кончили; при этомъ они, по обыкновенію, стояли на ногахъ. Въ заключеніе нашъ владыка прочелъ «Достойно есть» и благословилъ царя, который, взявъ его подъ руку, вышелъ съ нимъ изъ трапезной и послалъ всѣхъ своихъ вельможъ проводить его до келлій.

Глава II.

Саввинъ монастырь.—Всенощная. Эпизодъ съ чтецомъ. Царь въ роли уставщика. Онъ разсматриваетъ арабскій служебникъ. Обѣдня. Архидіаконъ Павелъ возбуждаетъ общее удивленіе. Царь показываетъ мощи св. Саввы. Сосланный греческій дьяконъ. Обѣдъ у царя.

Вечеромъ зазвонили въ колокола. Мы отстояли съ царемъ малое повечеріе и вышли. Въ десятомъ часу ночи [1] ударили ко всенощному

[1] т. е. въ третьемъ часу утра.

бдѣнію. Мы вошли въ церковь. Пришелъ царь, приложился къ иконамъ и подошелъ къ нашему учителю, который его встрѣтилъ и благословилъ, послѣ чего царь сталъ близъ мѣста, гдѣ рака святого; онъ не имѣлъ для себя сидѣнья, а только подъ ноги ему подложили подушку изъ соболей, по царскому обычаю. Онъ приказалъ разостлать коверъ подлѣ себя, и нашъ учитель сталъ съ нимъ рядомъ, близъ дверей церкви; я же сталъ по лѣвую сторону отъ него сзади, а наши товарищи, по своимъ степенямъ, стали слѣва отъ церковныхъ дверей. Начали пѣніе вечерняго псалма и прочихъ молитвъ неспѣшно и протяжно. Послѣ Входа и прохожденія архимандрита съ прочими іереями и діаконами и послѣ «Спаси Господи люди Твоя», нашъ учитель прочелъ положенную молитву. Кончили службу, и чтецъ началъ первое чтеніе изъ житія святого, сказавъ по обычномъ началѣ: «*благослови, оче*» [1], какъ обыкновенно говорятъ настоятелю. Въ это время царь сидѣлъ на креслѣ, а нашъ учитель на другомъ. Вдругъ царь вскакиваетъ на ноги и съ бранью говоритъ чтецу: «*што кафари, мужикъ бл...нъ с(ынъ)* (въ этой странѣ у патріарха, царя и вельможъ главное ругательство, обыкновенно: «мужикъ, бл...нъ сынъ» т. е. крестьянинъ, безумный, а слова: *што кафари* значатъ: «что ты говоришь»): *благослови, оче? и тутъ есть патріархъ; скажу: благослови, фладико*», т. е. «зачѣмъ ты говоришь: благослови, отче? тутъ патріархъ; скажи: благослови, владыко». Чтецъ затрепеталъ и, павъ въ ноги царю, сказалъ: «*сударь, брости*»! т. е. «государь мой, прости меня!» Царь отвѣчалъ: «*Богъ броститъ*», т. е. «Богъ проститъ тебя». Тогда чтецъ всталъ и повторилъ тѣ же слова, а нашъ учитель произнесъ: «молитвами святыхъ отецъ»....

Когда началось чтеніе, царь велѣлъ всѣмъ присутствующимъ сѣсть. Отъ начала до конца службы онъ училъ монаховъ обрядамъ и говорилъ, обходя ихъ: «читайте то-то, пойте такой-то канонъ, такой-то прмосъ, такой-то тропарь такимъ-то гласомъ». Если они ошибались, онъ поправлялъ ихъ съ бранью, не желая, чтобы они ошибались въ присутствіи нашего владыки патріарха. Словомъ, онъ былъ какъ бы типикарісмъ, т. е. учителемъ типикона (уставщикомъ), обходя и уча монаховъ. Онъ зажигалъ и тушилъ свѣчи и снималъ съ нихъ нагаръ. Во время поліелея онъ попросилъ нашего учителя войти въ алтарь и надѣть полное облаченіе, по ихъ обычаю. Такъ онъ и сдѣлалъ: мы

---

[1] Эти слова и весь послѣдующій разговоръ царя съ чтецомъ въ подлинникѣ записаны по-русски арабскими буквами. Достойно замѣчанія, что произношеніе на *а* (*кафари*) совершенно согласно съ теперешнимъ московскимъ.

облачились и его облачили въ алтарѣ и вышли. Послѣ «Блаженны» нашъ учитель сталъ на возвышеніи, приготовленномъ для него въ нарѳексѣ. Монастырскіе іереи, числомъ до пятнадцати, и десять дьяконовъ вышли попарно; передъ входомъ и послѣ выхода (изъ алтаря) они кланялись царю и нашему владыкѣ патріарху и размѣщались кругомъ него въ обычномъ порядкѣ. Затѣмъ поднесли нашему владыкѣ патріарху свѣчи, изъ коихъ одну онъ вручилъ царю, другую архимандриту монастыря, остальныя роздалъ вельможамъ царя и прочимъ служащимъ. Начали пѣніе полієлея. Нашъ владыка патріархъ, сойдя съ своего мѣста, совершилъ кажденіе. Когда окончили, вошли въ алтарь и сняли облаченія. Но царь попросилъ нашего владыку патріарха не разоблачаться, пока не прочтетъ евангелія утрени. Такъ и было. Затѣмъ мы сняли облаченія, и нашъ учитель, выйдя, сталъ на своемъ мѣстѣ. Съ начала службы до конца царь не переставалъ вести съ нимъ бесѣду и разговаривать. Потомъ царь, войдя въ алтарь, попросилъ меня показать ему служебникъ литургійный, который мы имѣли съ собою. Онъ дивился на его изображенія и письмо, перелистывая его листъ за листомъ, и, выйдя къ нашему учителю, сказалъ ему съ поклономъ: «прости меня, что я разсматривалъ твой служебникъ и перелистывалъ его безъ твоего позволенія». Затѣмъ царь опять позвалъ меня къ себѣ; я поклонился ему сначала и потомъ и поцѣловалъ его правую руку. Онъ сказалъ мнѣ чрезвычайно ласково и посмѣиваясь: *кавари, кавари*», т. е. говори со мной. Я же, растопляясь въ своемъ соку и трепеща предъ его величіемъ, отвѣчалъ: «*ни знай бо руске*», т. е. не знаю по-русски. Онъ былъ очень доволенъ мною и, ласково ободряя меня говорить, попросилъ прочесть Евангеліе и ектенію по-русски. Я отвѣчалъ ему съ поклономъ: «все, что знаю, скажу».—*Добро*, сказалъ онъ. Я поклонился и отошелъ назадъ, представляя изъ себя кладязь пота.

Мы вышли изъ церкви только на зарѣ и позднимъ утромъ возвратились къ обѣднѣ. Мы облачили нашего владыку патріарха на упомянутомъ возвышеніи, и когда пришелъ царь, владыка сошелъ встрѣтить его. Царь, приложившись къ иконамъ, подошелъ и поклонился владыкѣ, а онъ осѣнилъ его крестомъ, и царь пошелъ и сталъ на своемъ мѣстѣ. Начали часы, и по отпустѣ, при началѣ (обѣдни), я произнесъ ектенію по-русски такимъ образомъ, что привелъ въ изумленіе: чтеніе московитовъ басистое, грубое, а я возгласилъ ектенію тонкимъ греческимъ напѣвомъ, такъ что царь немало изумлялся и дивился на меня. Пѣвчіе при каждомъ прошеніи, обыкновенно, поютъ «Господи помилуй», но царь не позволилъ имъ возвышать голосъ, дабы различать, что я говорю, и, какъ мнѣ сказали потомъ присутствующіе,

кивалъ головою съ видомъ удивленія. Когда я кадилъ во время Апостола въ царскихъ вратахъ крестообразно, то, не зная, что они имѣютъ обыкновеніе кадить прежде всего мѣсту, гдѣ мощи святого, я сталъ кадить сначала царю, а онъ показалъ мнѣ пальцемъ со своего мѣста, давая знать, чтобы я кадилъ сначала мѣсту святого. Я смутился, но сдѣлалъ такъ, а ему кадилъ послѣ. Затѣмъ я вышелъ и прочелъ евангеліе на воскресенье Закхея по-гречески, а праведникамъ, именно Евонимію Великому, по-арабски. Я уже выучился передавать его по-русски, но, стѣснясь царя, не могъ (прочесть какъ они), по незнакомству съ ихъ басистымъ и протяжнымъ напѣвомъ. Это случилось къ лучшему, ибо царь очень дивился моему чтенію на трехъ языкахъ и потомъ еще по-грузински [1]. Я окончилъ чтеніе евангелій; послѣ этого архидіаконъ, обыкновенно, подноситъ Евангеліе, чтобы приложиться, сначала патріарху, [а потомъ царю; но я, въ эту минуту смущенія и трепета, направился прежде всего къ царю,] а онъ знакомъ показалъ мнѣ, чтобы я шелъ сначала къ патріарху, что я и сдѣлалъ, и, возвратившись къ царю, поднесъ ему Евангеліе приложиться, при чемъ поцѣловалъ его правую руку. Я съ трудомъ могъ нести Евангеліе вслѣдствіе его тяжести и большого размѣра, при обиліи золота и крупныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ: изумрудовъ, голубыхъ яхонтовъ, рубиновъ, алмазовъ и пр. Отдѣлка его поражаетъ умъ удивленіемъ; говорятъ, оно стоитъ 3.500 динаровъ (рублей) [2]. Когда я подносилъ Евангеліе царю приложиться, то оробѣлъ предъ его величіемъ и руки у меня не могли двигаться. Потомъ я возгласилъ ектенію «Рцемъ вси» также по-русски, и всѣ дивились на меня, что я въ послѣдовательномъ порядкѣ произнесъ имя царя, съ его титуломъ, по ихъ обычаю, имена царицы, ихъ сына, трехъ царевенъ, дочерей царя, и трехъ царевенъ, его сестеръ, свободно, безъ запинки и безъ ошибки. Кончивъ, я вошелъ въ алтарь. Послѣ того какъ одинъ изъ дьяконовъ возгласилъ: «оглашеннїи! Господу помолимся» и вошелъ въ алтарь, я вышелъ и сказалъ: «оглашеннїи! изыдите» и пр. по-грузински, такъ какъ выучилъ это раньше.

Потиръ, три дискоса, звѣздица и лжица, употребленные въ этотъ день, были изъ чистаго золота съ рѣзьбой, съ чернымъ, выжженнымъ фономъ (съ чернетью) и осыпаны множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ [3]. Когда

[1] По-грузински Павелъ сказалъ потомъ ектенію.

[2] Это Евангеліе пожертвовано царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1649 г.; нынѣ въ монастырской ризницѣ. (См о немъ *Истор. описаніе Саввина Сторожевскаго монастыря*, С. Смирнова, М. 1860 г., стр. 55).

[3] Равнымъ образомъ вкладъ царя Алексѣя Михайловича въ 1651 г.

мы выходили на Великомъ выходѣ, каждый изъ служащихъ поминалъ своего патріарха, нашего и царя, а также всѣхъ насъ (православныхъ христіанъ). Послѣ обѣдни нашъ владыка вышелъ и подалъ царю антидоръ и просфору, а также роздалъ его всѣмъ присутствующимъ. Затѣмъ мы вошли въ алтарь, разоблачились и вышли. Царь, взявъ нашего учителя за правую руку, подвелъ его къ ракѣ святого, открылъ ее и показалъ ему тѣло, и онъ приложился къ нему; при этомъ царь съ удивленіемъ говорилъ: «посмотри, какой прекрасный цвѣтъ этого черепа: истинно, онъ желтъ и твердъ» и продолжалъ: «когда я вынулъ мощи святого изъ земли, чтобы положить ихъ въ эту раку, я замѣтилъ, что потерялся одинъ коренной зубъ, и я не переставалъ искать его, пока не нашелъ. Въ то время у меня болѣли зубы, я ихъ потеръ имъ, и они тотчасъ исцѣлились».

Въ этотъ день произошелъ необыкновенный случай, а именно: дьяконъ митрополита Миры, о заточеніи котораго мы раньше говорили, сосланный царемъ въ этотъ монастырь, гдѣ онъ пребывалъ въ полномъ довольствѣ,—не знаемъ, въ чемъ онъ провинился и за что патріархъ Никонъ запретилъ ему служить, — въ этотъ день, поздними вечеромъ, явился къ царю, поклонился ему земно и просилъ дать ему разрѣшеніе служить обѣдню на другой день. Но царь отказалъ и отвѣтилъ ему: «боюсь, что патріархъ Никонъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возьми его и паси монаховъ и священниковъ; я не прекословлю твоей власти надъ вельможами и народомъ, зачѣмъ же ты ставишь мнѣ препятствія, по отношенію къ монахамъ и священникамъ?» Услышавъ эти слова отъ царя, мы изумились и подивились такой вѣрѣ, благочестію и почтенію къ архіереямъ.

Возвращаемся къ разсказу. Когда мы вернулись изъ церкви въ свои келліи, царь прислалъ чрезъ одного изъ своихъ министровъ приглашеніе нашему владыкѣ патріарху къ столу, въ его помѣщеніе. Царь вышелъ встрѣтить его на площадку двора и, взявъ подъ руку, ввелъ внутрь и посадилъ подлѣ себя. Онъ лично вышелъ наружу пригласить меня, назвавъ по имени, я же, архидіаконъ, трепеща, изъ почтительнаго страха предъ царемъ, стоялъ внѣ; онъ взялъ меня за руку,—а я, смущенный и дрожащій, поклонился и поцѣловалъ у него руку— ввелъ меня и посадилъ насупротивъ себя вмѣстѣ съ іереями, нашими товарищами, за особымъ столомъ, [при чемъ непрестанно посылалъ намъ кушанья и напитки до окончанія трапезы.] Нашъ владыка патріархъ, поднявъ Панагію, далъ отъ нея царю и самъ взялъ, я же роздалъ ее всѣмъ присутствующимъ. Мы оставались за столомъ недолго, только два часа; мясныхъ яствъ вовсе не было, ибо, какъ мы сказали раньше,

у царя есть обычай, когда онъ бываетъ въ какомъ-либо монастырѣ и садится за столъ съ архіереями, то не вкушаетъ мясныхъ яствъ передъ ними, но довольствуется рыбой и монашескими кушаньями [1]. Впослѣдствіи грузинская царица (Елена), свидѣтельствуя передъ нами, разсказала намъ, что когда она съ царицею, убѣгая отъ моровой язвы, находилась въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ онѣ пробыли четыре мѣсяца, то царица вовсе не варила себѣ мясного, и прибавила: «я укоряла ее, говоря: не боишься-ли ты Бога? мы взрослые, но чѣмъ виноватъ царевичъ Алексѣй? онъ грудной младенецъ и ослабнетъ отъ поста». Но царица нисколько не убѣдилась этими словами.

Возвращаемся. Царь всталъ, роздалъ изъ своихъ рукъ кубки, по обычаю, [при чемъ вызывалъ меня по имени каждый разъ, какъ подавалъ мнѣ кубокъ,] и вышелъ проводить нашего учителя на монастырскій дворъ, поддерживая его подъ руку, и возвратился,ославъ съ нами двоихъ изъ министровъ, чтобы показать намъ весь монастырь.

Глава III.

Саввинъ монастырь. — Осмотръ монастыря. Стѣны и башни. Соборная и другія церкви. Монастырская трапезная. Больничный монастырь. Царь и патріархъ посѣщаютъ больныхъ. Отъѣздъ царя. Подарки отъ монастыря патріарху Макарію и отъѣздъ его.

Монастырь св. Саввы меньше Троицкаго, но построенъ по образцу его. Какъ тотъ я назвалъ бы женихомъ, такъ этотъ невѣстой, и по истинѣ это такъ, какъ мы видѣли своими глазами. Насъ провели по верху (стѣны) кругомъ всего монастыря. Какъ мы сказали, онъ походитъ строеніемъ на Троицкій монастырь, по своей красотѣ, высотѣ, плану постройки, архитектурѣ и множеству амбразуръ и пушекъ, но стѣна того монастыря шире этой. Стѣна этого монастыря имѣетъ наибольшее протяженіе отъ востока къ западу и съ каждой стороны по три величественныхъ башни, а всѣхъ башенъ восемь [2]. Искусное устройство стѣны со множествомъ хорошо приспособленныхъ амбразуръ не поддается описанію; она точь-въ-точь какъ стѣна крѣпости въ Эмессѣ, въ нашей странѣ. Между стѣною и монастырскими кельями оставленъ

[1] Раньше Павелъ Алепскій, описывая обѣдъ у царя въ воскресенье мясопуста (т. е. въ заговѣнье передъ Масляницей), съ умиленіемъ замѣчаетъ, что въ этотъ день у него не было ничего мясного за столомъ, изъ уваженія къ патріархамъ, которые присутствовали на обѣдѣ.

[2] Въ настоящее время ихъ шесть.

проходъ для военныхъ цѣлей. Въ стѣнѣ нѣтъ ни одного куска дерева, но вся она выстроена изъ камня и кирпича. Кельи отцовъ, расположенныя по окружности монастыря, очень хорошей постройки.

Въ монастырѣ четыре церкви. Великая церковь (соборъ), въ честь Рождества Богородицы, древняя, существуетъ со временъ св. Саввы. Первоначально монастырь былъ малый и деревянный, но царь прекрасно возобновилъ и отдѣлалъ церковь. Она имѣетъ съ западной и сѣверной стороны двери изъ чистаго желѣза. Въ ней царскія [1] иконы, приводящія въ изумленіе зрителя своей искусной работой, позолотой и превосходной разноцвѣтной эмалью, въ особенности икона святого Саввы. Кругомъ этой церкви изящная галлерея, вся изъ каменнаго хрусталя (слюды), въ концѣ которой, съ южной стороны, есть небольшая придѣльная церковь, во имя св. Саввы. Куполъ собора и куполъ этой церкви покрыты удивительно блестящей позолотой. Третья церковь—въ большой башнѣ, что надъ монастырскими воротами, также придѣльная [2], во имя св. Сергія, основателя Троицкаго монастыря. Что касается четвертой церкви, то о ней разскажемъ потомъ въ этомъ описаніи.

Возвращаемся. Послѣ того какъ мы осмотрѣли всѣ стѣны кругомъ, насъ свели внизъ во дворъ монастыря и повели въ монастырскую трапезную, огромную, удивляющую зрителя своей стройкой, архитектурой, величиной, просторомъ и обширностью своего изумительнаго свода; она не имѣетъ подобной себѣ ни въ описанномъ монастырѣ св. Троицы, ни въ знаменитомъ новгородскомъ монастырѣ св. Георгія. Она имѣетъ кругомъ окна со стеклами; всѣ углы ея связаны желѣзомъ и такія же связи идутъ отъ арки до арки. Вся она утверждена на одномъ столбѣ, но толщина ея фундамента и стѣнъ огромна. Удивительно искусство ея постройки и ея архитектура! Она построена среди монастырскаго двора. Когда клали ея основаніе, то устроили въ нижней ея части *бенимчатъ*, т. е. погреба для монастырскихъ напитковъ,—это первый этажъ. Надъ нимъ второй этажъ, гдѣ помѣщается монастырская кухня, кругомъ которой идутъ кельи для служителей. Въ нихъ множество печей, которыя, равно какъ и трубы отъ кухонной печи, всѣ проведены

---

[1] Слово „царскій“ авторъ часто употребляетъ въ смыслѣ „великолѣпный“ или „роскошный“.

[2] Въ подлинникѣ она названа часовней, какъ и предыдущая, св. Саввы. Эта церковь въ 1825 г. переименована въ честь св. Троицы, а имени преп. Сергія посвященъ храмъ во второмъ ярусѣ колокольни, прежде освященный въ честь св. Троицы.

искусно по стѣнамъ и выходятъ въ трапезную палату, которая поэтому зимою всегда бываетъ теплой. Третій этажъ — помѣщеніе трапезной, переднюю часть ея занимаетъ пятая малая церковь, еще не достроенная, во имя св. царя Владиміра [1]. Потомъ повели насъ въ четвертый этажъ, находящійся надъ всѣмъ остальнымъ (помѣщеніемъ), одинаковой величины съ трапезной; онъ называется монастырской казной и имѣетъ кругомъ многочисленныя окна. Утверждаютъ, что въ случаѣ, если даже монастырь будетъ осаждаемъ нѣсколько лѣтъ, то одежды, облаченія, рѣдкостныя украшенія, мебель, матеріи, ему принадлежащія, не пострадаютъ отъ плѣсени, моли и пр., ибо подъ всѣмъ потолкомъ зданія сдѣлана рѣшетка изъ желѣзныхъ и деревянныхъ балокъ, и на нихъ разстилаютъ одежды, ковры и облаченія: воздухъ постоянно проникаетъ въ изобиліи чрезъ окна, и вещи не портятся. Въ углу этого помѣщенія есть тайникъ для сокрытія золота, денегъ, серебра, драгоцѣнностей и пр. Однимъ словомъ, устройство этихъ четырехъ этажей не имѣетъ себѣ подобнаго нигдѣ: снизу до верху это какъ бы огромная четырехъугольная башня или большая крѣпость [2]. Потомъ повели насъ вверхъ по лѣстницѣ, длиною около ста ступеней, на три новыя колокольни, которыя своей красотой, архитектурой и стройкой превосходятъ колокольни столицы. Близъ колоколовъ, но отдѣльно и выше ихъ, находится помѣщеніе для часовъ, а помѣщенія для колоколовъ другъ надъ другомъ, но до сихъ поръ тамъ еще ничего не повѣшено. Всѣ эти строенія скрѣплены желѣзными шестами и полосами отъ стѣны до стѣны и отъ угла до угла. Сойдя отсюда, мы осмотрѣли монастырскія ворота. Какъ мы сказали выше, монастырь расположенъ на вершинѣ горы; поэтому къ нему ведетъ лѣстница, удивительно устроенная.

Затѣмъ царь прислалъ къ намъ другихъ бояръ, чтобы показать намъ монастырское казнохранилище съ его сокровищами. Слушай, братъ мой, и дивись! Царь сдѣлалъ прибавку къ постройкамъ этого монастыря, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ монастырей, устроивъ новое зданіе, а именно: въ одномъ углу монастыря онъ построилъ помѣщеніе въ видѣ отдѣльнаго монастыря, съ особыми воротами и многочис-

---

[1] Нынѣ при трапезѣ церковь въ честь Преображенія Господня, построенная, царевной Софьей въ 1693 г.

[2] Въ 1806 г. своды въ верхнемъ этажѣ трапезной обрушились, а въ среднемъ были близки къ паденію, и потому трапезная была передѣлана и верхній этажъ былъ снятъ. Теперь въ этомъ зданіи помѣщаются классы Звенигородскаго духовнаго училища.

ленными кельями, кои сообщаются другъ съ другомъ и приспособлены для лѣта и зимы. Среди нихъ церковь во имя св. Іоанна, сочинителя «Лѣствицы добродѣтелей» [1]. Это помѣщеніе устроено для увѣчныхъ, слѣпыхъ, недвижимыхъ и пораженныхъ заразной болѣзнью изъ числа монаховъ этого монастыря, ради доставленія имъ бо́льшаго спокойствія и ухода. Царь поставилъ имъ игумена изъ ихъ среды и такого же келаря, назначилъ служителей не изъ нихъ, а іереевъ изъ ихъ числа, чтобы совершать для нихъ службы. Насъ привело это въ изумленіе; мы дивились святости царя, его смиренію и любви къ монастырямъ, священникамъ и монахамъ. Онъ назвалъ это мѣсто «Покоищемъ больныхъ», какъ говорится въ синаксарѣ. При видѣ этого мы много плакали. Царь былъ въ это время въ церкви, гдѣ архимандритъ служилъ для него молебенъ. Когда мы вышли, онъ прислалъ звать насъ къ себѣ и спросилъ у нашего владыки патріарха, понравился-ли ему монастырь и его постройки. Услышавъ отъ него похвалы и видя его большое удивленіе, онъ сказалъ ему: «*батюшка!* всего удивительнѣе то, что вся эта прекрасная постройка была окончена въ два года; это — большое чудо». Царь очень любитъ этотъ монастырь: какъ онъ разсказывалъ, ему раньше было чудо отъ святого, и по этой причинѣ онъ всецѣло предался устроенію монастыря. Въ настоящее время я все разузнавалъ о стоимости его постройки, пока наконецъ не пригласилъ къ нашему владыкѣ патріарху того самаго вельможу, которому была поручена постройка, и его секретаря, и съ трудомъ они признались по секрету, что сумма, истраченная на постройку этого монастыря, составляетъ, по записямъ, 378.000 динаровъ (рублей), а постройка еще не кончена. И это неудивительно, ибо, какъ мы видѣли своими глазами, монастырь представляетъ большую крѣпость, которая поразила насъ изумленіемъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Царь, взявъ нашего учителя подъ руку, повелъ его, чтобы онъ благословилъ братьевъ Христовыхъ и прочелъ молитву надъ ними, т. е. надъ разслабленными и больными монахами этого монастыря. Они еще находились въ прежнемъ своемъ помѣщеніи, насупротивъ дверей (соборной) церкви, въ деревянныхъ домахъ, и царь еще не перевелъ ихъ въ новый ихъ монастырь, такъ какъ онъ не достроенъ. Царь ввелъ къ нимъ нашего учителя. Войдя, мы отъ сильнаго, отвратительнаго и зловоннаго запаха не могли оставаться въ этомъ помѣщеніи, ни смотрѣть на больныхъ, царь же по-

[1] т. е. Іоанна Лѣствичника (писателя „Лѣствицы“). Церковь эта за ветхостью разобрана въ 1782 г. Нынѣ на этомъ мѣстѣ монастырскій садъ.

просилъ нашего учителя прочесть надъ ними молитвы, дабы они исцѣлились, а по прочтеніи молитвы благословить ихъ. Всякій разъ какъ нашъ владыка благословлялъ одного изъ нихъ, царь, вслѣдъ за владыкой, подходилъ къ нему и—о удивленіе!—цѣловалъ его въ голову, уста и руки, и такъ до послѣдняго. Мы были поражены изумленіемъ при видѣ такой святости и смиренія, тогда какъ намъ хотѣлось убѣжать отсюда. Не достаточно было этого царю: онъ ввелъ владыку въ келью, находящуюся внутри этого помѣщенія, гдѣ былъ больной, который, по словамъ его, уже восемь лѣтъ не владѣетъ ногами: его ударило санями и разбило ему ноги. Онъ постоянно молитъ себѣ смерти, и когда царь, войдя къ нему, спросилъ объ его положеніи, тотъ сталъ молить смерти; царь съ упрекомъ прикрикнулъ на него и сообщилъ нашему учителю, что въ этой кельѣ было трое страдальцевъ, (двое) умерли на его глазахъ, и остался этотъ. Царь попросилъ нашего учителя помолиться надъ нимъ, и онъ прочелъ надъ нимъ нѣсколько молитвъ, прослезившись. Удивленіе царя къ нашему владыкѣ еще болѣе возросло и онъ потихоньку поманилъ рукою своихъ вельможъ, обращая ихъ вниманіе на святость нашего учителя, его слезы и смиреніе. Затѣмъ владыка благословилъ страдальца, утѣшалъ его и успокоивалъ, говоря ему, чтобы онъ благословлялъ Господа за эту милость, ибо Онъ испыталъ его и избралъ, какъ испытывается золото въ горнилѣ и пр. Царь, коего восхищеніе еще болѣе увеличилось, подошелъ къ больному и, къ нашему изумленію, поцѣловалъ его въ голову, уста и руки. Намъ не вѣрилось, когда мы вышли отсюда, что мы избавились отъ ужаснаго запаха, который тамъ господствуетъ.

Царь, по прежнему поддерживая подъ руку нашего учителя, вывелъ его наружу, выражая ему свою благодарность. Какъ намъ сообщилъ впослѣдствіи его великій визирь, царь возымѣлъ великую вѣру къ нашему учителю и чувствовалъ большое удовольствіе; по словамъ визиря, царь сказалъ: «я желаю золотыми буквами написать на воротахъ этого монастыря время прибытія въ него владыки патріарха и благословенія имъ монастыря и царя».

Въ этотъ вечеръ царь вознамѣрился отправиться изъ монастыря, и всѣ монахи стали на пути его въ рядъ до монастырскихъ воротъ. Его казначей приготовилъ уже копейки въ бумажкахъ, и царь собственноручно роздалъ іереямъ по шести динаровъ, дьяконамъ по четыре, а (простымъ) монахамъ по три, не забывъ и нищихъ. Простившись со всѣми, онъ попросилъ нашего учителя прочесть надъ его головою молитву и преклонился передъ нимъ, ставъ на колѣна. Владыка много молился надъ нимъ, царь всталъ, и когда владыка благословилъ его въ

первый разъ, сказалъ ему: «*другой*», т. е. вторично, и онъ благословилъ его вторично, царь сказалъ: «*три*», т. е. третій разъ, и онъ благословилъ его въ третій разъ. Царь поцѣловалъ его на прощанье и, уходя, сказалъ: «поѣзжай, когда хочешь». Архимандритъ и монахи проводили его за ворота, гдѣ онъ сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ, а мы вернулись къ вечернѣ. Царь, проѣхавъ 15 верстъ, ночевалъ также въ монастырѣ. Послѣ вечерни явились архимандритъ, келарь и казначей и поднесли отъ имени царя милостыню монастырскую нашему владыкѣ патріарху въ видѣ вознагражденія за его трудъ и обѣдню, имъ отслуженную: [четыре] сорока соболей, золотой образъ святого (Саввы), позолоченную чашу, атласа, большіе хлѣбы, боченки съ напитками и соленой и свѣжей рыбы для дорожнаго запаса.

Въ понедѣльникъ, рано поутру, послѣ заутрени, мы помолились на прощанье въ церкви и приложились къ мощамъ святого. Монахи простились съ нами и проводили за монастырь, а двѣсти монастырскихъ стрѣльцовъ сопутствовали намъ на разстояніи около 30 верстъ. Мы ѣхали по рѣкѣ Москвѣ, такъ какъ она течетъ съ восточной стороны отъ монастыря по направленію къ столицѣ, терпѣли холодъ, при вѣтрѣ и обильномъ снѣгѣ, и видѣли на дорогѣ замерзшаго человѣка, который стоялъ на мѣстѣ—страшно было смотрѣть на него! Вечеромъ мы прибыли въ городъ. Царь же пріѣхалъ только во вторникъ поздникъ вечеромъ, потому что ѣздилъ на поклоненіе въ третій монастырь. Что скажешь объ этомъ человѣкѣ или, вѣрнѣе, ангелѣ? Царь цѣлый годъ находится въ разлукѣ съ женой и не стремится къ ней, но весь свой умъ и помыслы направляетъ на посѣщеніе монастырей, церквей и монаховъ. Я удивлялся, какъ онъ могъ спать вдали (отъ своего дома). Несомнѣнно, поэтому, что Творецъ исполнитъ всѣ желанія его сердца и вознесетъ его на высочайшую степень.

Такъ мы совершили эту вторую поѣздку, послѣ поѣздки въ Новгородъ, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ патріархамъ, пріѣзжавшимъ въ эту страну.

Глава IV.

Москва.—Появленіе польскихъ вельможъ. Потоцкій. Возвращеніе патр. Никона. Приготовленія къ войнѣ со шведами. Сибирскіе инородцы въ Москвѣ. Ревень и мускусъ. Наборъ. Свадьба сибирскаго царевича.

На этой недѣлѣ явилось много вельможъ изъ ляховъ съ выраженіемъ покорности царю отъ себя и своихъ земель и съ просьбой о пощадѣ. Въ числѣ ихъ былъ великій гетманъ изъ дома Потоцкихъ, ко-

торый имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 7000 ратниковъ. Когда его окрестили, при чемъ тесть царя былъ его воспріемникомъ, царь пожаловалъ его правителемъ принадлежавшей ему области, но лишь послѣ того какъ заставили его присягнуть и взяли отъ него въ заложники, изъ опасенія измѣны съ его стороны, нѣсколькихъ членовъ его семейства и родственниковъ, которые и остались во власти царя.

Въ воскресенье фарисея и мытаря нашъ владыка служилъ въ монастырской церкви [и посвятилъ іерея, ставленика отъ монастыря, называемаго Печенгскимъ, въ честь Успенія Владычицы, лежащаго на островѣ въ океанѣ, въ разстояніи тысячи верстъ отъ Соловецкаго монастыря и трехъ тысячъ верстъ отъ Москвы, какъ намъ сообщилъ новопосвященный іерей, который, по его словамъ, выѣхалъ изъ своего монастыря въ праздникъ Успенія Владычицы, 15 августа, а въ Москву прибылъ въ праздникъ Рождества. Бо́льшая часть пути была сдѣлана по рѣкамъ. Въ ихъ монастырѣ сорокъ монаховъ; близъ него крѣпость на островѣ, называемомъ Кольскимъ, епархіи митрополита новгородскаго, близъ *Данска* (Данцига?) на границѣ Германіи, а не польскаго *Данска.*]

1-го февраля московскій патріархъ прибылъ ночью изъ своего монастыря. Его люди сообщили, что онъ ѣхалъ отъ монастыря сюда четыре съ половиною дня. Царь съ вечера выѣхалъ къ нему на встрѣчу за 20 верстъ. Когда Никонъ пріѣхалъ, всѣ настоятели монастырей, по обычаю, поднесли ему иконы и хлѣбъ.

Въ это время царь готовился къ походу противъ шведовъ и началъ отправлять вещи, снаряды, съѣстные припасы и тяжести въ города Новгородъ и Псковъ. Какъ мы достовѣрно узнали, онъ послалъ 500.000 половинокъ свиныхъ тушъ, что составляетъ 250.000 свиней. Мы уже говорили раньше, что московиты, обыкновенно, рѣжутъ свиней осенью, разрубаютъ пополамъ и вѣшаютъ въ высокихъ помѣщеніяхъ, чтобы онѣ сдѣлались какъ *бастырма* (вяленое мясо). Находясь въ походѣ, отрѣзаютъ отъ него куски и варятъ. Всѣ эти приготовленія вызывались многочисленностью войска, которое царь намѣревался двинуть противъ шведовъ.

Въ это время были доставляемы царю со всѣхъ сторонъ запасы, въ особенности изъ городовъ и областей Сибири. Жители ихъ—татары-магометане, и среди нихъ есть шерифы (благородные). Всѣ они носятъ колпаки и, проходя мимо христіанина, снимаютъ ихъ, а если увидятъ священника или монаха, то, снимая колпакъ, говорятъ ему по-русски: «благослови, отче!» ибо знаютъ турецкій и русскій языки. Видя, что они такъ дѣлаютъ, мы дивились этому и немало изумлялись.

Ихъ лица безобразны; нѣкоторые изъ нихъ походятъ на узбековъ по длинѣ бородъ и платья. Они чистые суннниты. [Мы съ ними видались тайкомъ и разговаривали по-турецки]. Они сообщили намъ, что обязаны платить царю ежегодно подать въ 6.000 динаровъ, на каковую сумму привозятъ ему ревеня и чистаго мускуса. Ревень растетъ въ Сибири. Это корень травянистаго растенія съ большими листьями. [Нѣкоторые персидскіе врачи говорили намъ потомъ, что стебли этого растенія составляютъ именно то, что мы называемъ *рибасъ*, а корни—ревень. Онъ растетъ въ изобиліи въ Персіи, но тотъ, который находится въ Татаріи, есть самый крупный и наилучшаго качества]. Разсказываютъ, что мускусное животное водится въ степяхъ между Сибирью и страной *Хота* (Хотенъ) и тамъ на него охотятся.

Страну Сибирь они называютъ *Чимбирь*, страну Китай *Чинъ и Мачинъ*, а страну Хота *Хота-Хоты* и говорятъ, что она отстоитъ отъ ихъ земли на три года пути. Они называютъ царя Китая *кяфиръ* (невѣрный) *султанъ*. Они сказывали намъ, что Золотой султанъ [1] находится неподалеку отъ нихъ, что христіанъ называютъ у нихъ казаками, а церкви монастырями, что у нихъ были каменныя мечети съ минаретами, но патріархъ Никонъ велѣлъ ихъ разрушить. Въ столицѣ за ними строго смотрятъ: не пускаютъ однихъ, но въ сопровожденіи стрѣльцовъ, и отнюдь никто не смѣетъ говорить съ ними, развѣ только тайкомъ, какъ мы дѣлали.

Представивъ царю свою казну, они начали продавать бывшіе у нихъ ревень и мускусъ. Пудъ лучшаго ревеня, составляющій 13 окъ, продавали за 30 динаровъ; худшаго качества—дешевле, до 12 динаровъ. Пузырьки мускуса они продавали тайно, и мы покупали у нихъ фунтъ за 22 динара. Какъ московиты ненавидятъ динары шерифскіе [2] и турецкіе, такъ эти татары ихъ любятъ и цѣлуютъ. Московиты не любятъ мускуса, не берутъ и не покупаютъ его; поэтому онъ былъ очень дешевъ, такъ какъ изъ персіянъ, которые скупаютъ его у татаръ по 40 динаровъ, ни одного теперь не было. По этой цѣнѣ царь продаетъ мускусъ и ревень франкамъ. Московиты пьютъ водку не иначе какъ съ ревенемъ, который кладутъ маленькими кусочками въ посуду съ водкой, и она дѣлается желтой какъ шафранъ; ревень уничтожаетъ ея вредъ и дѣлаетъ ее весьма полезной. Высшій и самый вѣскій сортъ

---

[1] Алтунъ-падишахъ. Такъ назывался владѣтель богатой золотомъ области въ горахъ Алтая и Даурін.

[2] Вѣроятно, монеты съ именемъ Меккскаго шерифа.

ревеня скупаютъ греческіе купцы для Константинополя, гдѣ продаютъ его съ большимъ барышомъ.

Упомянутый народъ покупаетъ красный кораллъ и янтарь, которые у нихъ высоко цѣнятся. Бо́льшая часть хаджей [1], похожихъ на узбековъ, бываетъ изъ этихъ племенъ, и потому большинство ихъ знаетъ нашу страну и Дамаскъ.

Въ это время царь наложилъ на всю страну *душирма*, то-есть (наборъ) людей, въ количествѣ 200.000, для новаго войска, и роздалъ имъ оружіе, пистолеты и ружья, и припасовъ на три мѣсяца. Онъ послалъ привести войска изъ Казани, Астрахани и Сибири; созвалъ соборъ изъ архіереевъ и настоятелей всѣхъ монастырей и потребовалъ у нихъ, чтобы они дали ему изъ монастырской казны, съ угодій и деревень десятую часть, сказавъ имъ: «такъ какъ купцы дали мнѣ десятую часть своихъ капиталовъ, того же и у васъ прошу, ибо я воюю за васъ и изъ ревности къ вѣрѣ. Я не открою казны моихъ предковъ, пока не кончу походъ и войну, а когда совершу его, возвращу вамъ вдвое». Также онъ послалъ сдѣлать сборъ со всѣхъ областей, съ каждаго дома по 25 копеекъ, въ видѣ вспоможенія для закупки припасовъ.

[Въ это время патріархъ Никонъ прислалъ нашему владыкѣ патріарху въ подарокъ, со своимъ архидіакономъ, зеленую мантію изъ франкскаго сукна, которую онъ потомъ и носилъ постоянно, до нашего возвращенія въ Валахію.]

[Въ канунъ праздника Входа во храмъ (Срѣтенія) ударили въ великій колоколъ, и патріархъ пошелъ къ повечерію въ древнюю церковь, находящуюся въ передней части дворцовой площадки и освященную въ честь этого праздника. Царь, еще послѣ полудня, присылалъ нашему владыкѣ патріарху приглашеніе къ обѣднѣ и къ столу. Въ девятомъ часу ночи зазвонили въ колокола и отслужили вечерню, а на разсвѣтѣ утреню. Утромъ мы отправились съ патріархомъ и вошли въ эту церковь. Она стара и ветха; имѣетъ три двери, а ходъ въ нее по лѣстницѣ церкви Благовѣщенія. Боковая сторона алтаря, гдѣ совершается поминовеніе и гдѣ жертвенникъ, и паперть церкви выходятъ на особую внутреннюю дворцовую площадку, недоступную для посторонникъ и которую мы раньше не видали. На ней малая церковь, скрытая и вросшая въ землю, въ честь Божественнаго Преображенія; какъ говорятъ, она была первою, построенною въ Москвѣ [2]. Въ недальнемъ разстояніи отъ нея большая, высокая церковь съ большимъ

[1] Пилигримы въ Мекку.

[2] Спасо-Преображенскій соборъ, или Спасъ на Бору.

золоченымъ куполомъ, въ честь Рождества Богородицы; мы ея доселѣ не видали. Москва-рѣка течетъ подъ стѣнами съ этой стороны, и никто изъ иностранцевъ не можетъ выходить или входить здѣсь въ ворота. Мнѣ потомъ удалось видѣть ихъ и войти въ нихъ, равно какъ и на ту дворцовую площадку, благодаря переводчикамъ и нѣкоторымъ моимъ друзьямъ изъ числа государственныхъ сановниковъ, такъ какъ всѣ они познакомились съ нами въ теченіе нашего долгаго пребыванія здѣсь.

Возвращаемся. Полъ церкви—чернаго цвѣта. Когда вошелъ царь, патріархи благословили его, по обыкновенію. Послѣ обѣдни насъ повели въ столовую. Мы раньше упоминали, что царь въ это время посылалъ вызвать всѣ войска Сибири, кои, какъ говорятъ, составляютъ свыше 200.000 человѣкъ, войска Казани и Астрахани, тюркскихъ племенъ и отряды изъ областей, за ними лежащихъ, на протяженіи двухъ тысячъ верстъ, дабы имѣть въ этомъ году совершенно новое и свѣжее войско и отослать домой то, которое было съ нимъ въ прошломъ году и то, которое занимало завоеванные города. Такъ и было сдѣлано, и теперь бояре и начальники этихъ войскъ съ тысяцкими, явились поцѣловать руку царя, когда онъ сѣлъ за столъ передъ нами. Онъ велѣлъ имъ сѣсть обѣдать. Нищихъ и увѣчныхъ, которыхъ онъ одѣлъ въ новыя платья, усадилъ за особымъ столомъ на полу подлѣ себя Мы оставались за столомъ до наступленія ночи и затѣмъ вернулись въ свой монастырь.

Вечеромъ подъ воскресенье, въ которое приходилась память старца Симеона и пророчицы Анны, царь прислалъ нашему учителю приглашеніе къ обѣднѣ и къ столу, потому что его дочь Анна родилась въ этотъ день въ прошломъ году. Патріархъ Никонъ отслужилъ обѣдню въ церкви царицы, что во имя св. Анны, а нашъ владыка патріархъ съ сербскимъ архіепископомъ служилъ въ соборѣ, такъ какъ царицына церковь слишкомъ мала. Было большое торжество; присутствовали государственные сановники и множество народа. Я сказалъ ектенію по-русски, къ общему удивленію. Послѣ обѣдни насъ повели въ большую царскую столовую въ верхней части новаго дворца—обширное и великолѣпное помѣщеніе, куда не дозволяется входить иностранцамъ и гдѣ никто не можетъ сѣсть за столъ, даже на послѣднихъ мѣстахъ, кромѣ придворныхъ царя.]

Въ это же воскресенье царь женилъ старшаго сына сибирскаго султана на одной изъ боярскихъ дочерей, находящихся у него въ услуженіи. Женихъ со своими пріятелями и нѣсколькими лицами изъ государственныхъ сановниковъ явился въ парчевой одеждѣ, осыпанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и поцѣловалъ руку у царя, ко-

торый, по здѣшнему обычаю, заступалъ мѣсто отца невѣсты. Царь далъ ему серебряную икону, и они вышли и возвратились къ себѣ. Женихъ прислалъ царю, царицѣ и всему царскому семейству на нѣсколькихъ блюдахъ много драгоцѣнныхъ вещей и каменьевъ, по ихъ обычаю. Вечеромъ мы возвратились въ свой монастырь.

Глава V.

Москва.—Встрѣча креста, привезеннаго изъ Люблина. Донскіе казаки въ Москвѣ. Завоеваніе ими Тамани. Ихъ набѣгъ на Турцію.

Въ понедѣльникъ 4 февраля зазвонили въ новый колоколъ вмѣстѣ со всѣми другими и совершили весьма торжественное празднованіе, а именно: какъ мы разсказали раньше, когда Бутурлинъ взялъ Люблинъ и избивалъ его жителей, то находившіеся въ третьей крѣпости просили его не убивать ихъ, за что обѣщали вознаградить его великимъ сокровищемъ для царя, именно, крестомъ изъ древа Честнаго Креста, который и отдали ему лишь съ большимъ трудомъ. Получивъ отъ него помилованіе, они вышли, чтобы вручить ему крестъ, и шли съ нимъ на прощанье на разстояніе трехъ верстъ, со свѣчами и кадильницами, плача и рыдая о потерѣ этого великаго сокровища. Бутурлинъ, прибывъ въ Кіевъ, узналъ о гнѣвѣ царя на него за заключеніе мира съ татарами и за другое, какъ мы уже разсказали, выпилъ яду и умеръ. Пустили слухъ, что онъ умеръ волею Божіей, и его служители, набальзамировавъ (?) его [1], по обычаю московитовъ, положили въ гробъ, чтобы отвезти и похоронить въ Москвѣ. Услышавъ объ этомъ, царь, сильно разгнѣванный на Бутурлина, приказалъ сжечь его тѣло на дорогѣ, но узнавъ о сокровищѣ, которое онъ пріобрѣлъ для него, смиловался надъ нимъ, по ходатайству патріарха, и послалъ приказъ привезти его; его привезли и похоронили въ Чудовомъ монастырѣ.

Сегодня это сокровище было доставлено царю, который ему сильно обрадовался. Звонили въ колокола, не переставая, такъ что тряслась земля. Царь сошелъ въ соборъ въ коронѣ и въ царскомъ одѣяніи со всѣми государственными сановниками; явились и всѣ горожане въ лучшихъ платьяхъ. Патріархъ облачился и было совершено молебствіе въ благодарность Богу, даровавшему это сокровище. Затѣмъ стали подходить ко кресту, покланялись ему и прикладывались со всякимъ

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „having performed over him the last offices“, что можно бы передать словами: „обрядивъ его“.

благоговѣніемъ и почтеніемъ. Его положили на покрытый аналой близъ Влахернской иконы и креста Константина. Тогда же было установлено совершать его память и праздновать ему ежегодно въ этотъ день. Въ эту ночь было совершено великіе бдѣніе отъ полуночи до зари, какъ обыкновенно бываетъ въ большіе праздники. На другой день патріархъ Никонъ служилъ обѣдню въ присутствіи царя, который былъ въ коронѣ и царскомъ одѣяніи, и всѣхъ государственныхъ сановниковъ. Всѣ были преисполнены радости, ликовали и веселились. Мы пошли приложиться къ этому честному кресту, который помѣщенъ въ подобіе книжки изъ серебра, закрытой хрусталемъ. Величина его съ палецъ въ длину и столько же въ ширину; вокругъ него четыре евангелиста.

Въ это время прибыли къ царю нѣсколько донскихъ казаковъ со своимъ гетманомъ и доложили ему, что они покорили крѣпость Тамань, отстоящую отъ Кафы на 120 миль. Разсказывали, что они вышли въ Черное море на сорока *чайкахъ*. Въ каждой чайкѣ бываетъ, обыкновенно, по 90 ратниковъ, изъ коихъ половина гребетъ веслами, а другіе сражаются,—поперемѣнно. Они напали на крѣпость Тамань ночью и, взойдя на ея стѣны по лѣстницамъ, спустились въ нее, гдѣ перебили и взяли въ плѣнъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Сначала они послали къ царю гонцовъ, испрашивая его распоряженій, какъ имъ поступить съ нею. Царь приказалъ разрушить ее до основанія по причинамъ государственнымъ, кои я не въ состояніи изъяснить. Казаки разрушили ее и сбросили въ море ея большія пушки, забрали тамъ огромную добычу и пошли оттуда къ Синопу, къ *Ризѣ* и въ тамошнія области, гдѣ совершили большія опустошенія и захватили много добычи и безсчетное число плѣнниковъ. Когда они возвратились на Донъ, свое мѣстопребываніе, явились родственники плѣнниковъ и многихъ изъ нихъ выкупили, избавивъ отъ неволи; съ остальной же добычей и плѣнниками казаки прибыли въ Москву, гдѣ и продали ихъ вмѣстѣ съ одеждами, вещами, серебромъ, золотомъ и османіе [1], которыя продавали не по цѣнѣ ихъ, а на фунты, и потомъ вернулись въ свою страну.

Разговаривая съ ними, мы дивились на нихъ, на ихъ мужественный видъ и ростъ. Они называютъ вино, какъ турки, *шарабъ*, а водку *араки*.

---

[1] Турецкая монета.

Глава VI.

Москва.—Письмо отъ шаха. Челобитныя и рѣшенія по нимъ. Царскій титулъ въ посланіяхъ отъ шаха и султана. Печати. Служеніе. Трапеза у патріарха. Юродивый.

Въ это время пришло къ царю письмо отъ кизилбаша (персидскаго шаха) съ тѣмъ посломъ, котораго онъ отправилъ болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ по дѣлу грузинскаго царя Теймуразъ-хана. Оно было написано по-персидски почеркомъ «тааликъ» (висячимъ). Царь послалъ за мною, чтобы я прочелъ письмо. Вслѣдствіе нашего продолжительнаго пребыванія у нихъ, всѣ меня знали и постоянно шутили со мной, въ особенности патріархъ, который всегда предлагалъ мнѣ остаться у него; также царскій намѣстникъ и другіе визири и секретари говаривали мнѣ: «оставайся здѣсь переводчикомъ по арабскому языку»—ибо для всѣхъ языковъ есть въ царскомъ диванѣ переводчики, а для арабскаго нѣтъ. Я отвѣчалъ имъ: «если бы вы дарили мнѣ все, что есть въ Москвѣ, и то я бы не согласился».—«Ты правъ, говорили они, что не хочешь разстаться съ женой». Все это говорилось ради шутки и смѣха. Все время ежедневно я занимался дѣлами нашего владыки патріарха: писалъ прошенія и подавалъ ихъ визирю, засѣдающему въ посольскомъ приказѣ, т. е. диванѣ для пословъ со всего свѣта, а также по дѣламъ архіереевъ, монаховъ, монастырей и пр. Визирь собираетъ эти челобитныя, и если царь находится въ Москвѣ, то идетъ и докладываетъ ихъ царю, который ставитъ на нихъ свое рѣшеніе, какъ ему заблагоразсудится. Если же царя нѣтъ, то визирь докладываетъ прошенія полномочному намѣстнику, потому что ничего не можетъ дѣлать иначе, какъ по его приказанію.

Люди, пріѣхавшіе изъ отдаленныхъ мѣстъ, ждутъ выхода царя въ соборъ въ какой-либо изъ большихъ праздниковъ, или когда онъ ѣдетъ за городъ на охоту или на богомолье въ какой-либо монастырь, они становятся на его пути и поднимаютъ свои прошенія, и царь приказываетъ одному изъ бояръ собрать ихъ. Таковъ же порядокъ у патріарха при его входахъ и выходахъ и такой же обычай у царицы, когда она идетъ въ свои палаты. Царю докладываютъ всѣ прошенія, читая ихъ передъ нимъ; на какихъ пожелаетъ, онъ дѣлаетъ надпись, чтобы было исполнено: если это милостыня, то просителю дадутъ изъ казны столько-то; а какія не пожелаетъ удовлетворить, на тѣхъ *челобитныхъ* пишетъ, чтобы по нимъ оставить безъ исполненія. Для челобитныхъ существуетъ особый приказъ, гдѣ ихъ собираетъ назначенное лицо, и всякій, кто подаетъ челобитную царю, на другой день идетъ

въ тотъ приказъ справиться о ней, и ее отдаютъ ему: если сдѣлана на ней надпись объ исполненіи, то онъ идетъ съ нею къ визирю въ *Посольскій приказъ* и подаетъ ее ему, и тотъ, сдѣлавъ на ней надпись, передаетъ одному изъ секретарей, который пишетъ по ней *память*, т. е. записку государственному казначею, чтобы онъ выдалъ тому человѣку то-то, согласно приказанію царя, съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа. Если проситель архіерей или настоятель царскаго монастыря, то пишется его имя и имя его каѳедры или монастыря, и онъ съ этой запиской отправляется, въ сопровожденіи одного изъ драгомановъ, въ царское казначейство получить то, что ему назначено. Что же касается челобитныхъ, на которыхъ царь сдѣлалъ надпись, чтобы ихъ не удовлетворять, то податели берутъ ихъ назадъ, при чемъ на нихъ дѣлается надпись, что царю не угодно удовлетворить ихъ просьбу, и это означаетъ, что они не должны писать другихъ. Обрати вниманіе на этотъ строгій порядокъ, эту точность и умную распорядительность!

Возвращаемся къ окончанію разсказа о письмѣ кизилбаша [1].

Когда меня позвали въ особое помѣщеніе внутри приказа, чтобы я разсмотрѣлъ и прочелъ письмо,—ибо они думаютъ, что читать по арабски, по-персидски и по-турецки одно и то же—я кое-что изъ него понялъ при содѣйствіи переводчика по языку кизилбашей, [и какъ воръ, скопировалъ его въ нѣсколько минутъ, не будучи никѣмъ замѣченъ,—Боже сохрани! если бы меня увидали. Затѣмъ,] такъ какъ переводчикъ по турецкому языку былъ мнѣ пріятелемъ, я пошелъ къ нему и по моей просьбѣ онъ тайкомъ досталъ много дѣлъ съ посланіями отъ султана Мурада къ Михаилу, отцу нынѣшняго царя, ибо между ними существовала великая, искренняя дружба и велись безпрестанныя сношенія чрезъ пословъ. Знакъ султана, т. е. тугра, сдѣланъ на верху золотомъ, а подъ нимъ написано такъ: «опора достопочтенныхъ вельможъ общины Іисусовой и глава великихъ начальниковъ народа Мессіева» и тому подобныя восхваленія, «и онъ глава царствъ, кои суть: Владимірское, Казанское, Хаджитарханъ, т. е. Астраханское, Сибирское, и всей страны Московской *царь*, Михаилъ Ѳеодоровичъ,» и прочія имена городовъ, хвалы и благожеланія. Содержаніемъ всѣхъ посланій была просьба воспретить донскимъ казакамъ выходить на

---

[1] За этими словами въ англійскомъ переводѣ слѣдуетъ: „оно было написано на шелковой бумагѣ почеркомъ „тааликъ“, и на верху его, въ видѣ вступленія, были слѣдующія слова“, и далѣе (стр. 263—264, т. II) приведено въ подлинникѣ самое письмо, но съ весьма большими искаженіями, дѣлающими его неудобопонятнымъ. Въ нашихъ рукописяхъ оно пропущено.

своихъ чайкахъ въ Черное море и вредить странамъ Востока. Я былъ очень удивленъ выраженіемъ: «и всей страны Московской *царь*», и узналъ отъ упомянутаго драгомана, что турки называютъ царя не *маликъ*, но *чаръ*, т. е. царь, по-русски. Онъ прибавилъ: «не удивляйся этому, такъ какъ и московскій царь, обыкновенно, не называетъ турецкаго государя царемъ на своемъ языкѣ, но «нашъ другъ, великій султанъ» на турецкомъ, а не на своемъ языкѣ». Пойми! [1] Знай, что даже франкскіе государи не называютъ султана царемъ, но Gran Turco, т. е. великій турокъ, какъ мы теперь также узнали. [Одинъ изъ царскихъ драгомановъ, который сопровождалъ посланника ко двору султана Ибрагима, сообщилъ намъ, что турки называютъ московскаго царя *акъ падишахъ*, т. е. «бѣлый царь», хотя въ своихъ посланіяхъ не титулуютъ его ни государемъ, ни кралемъ, но называютъ по-русски царемъ. Персіяне называютъ его *акъ ханъ*. Фрачки въ своихъ посланіяхъ именуютъ его императоромъ, но въ своей странѣ называютъ его Gran duca, т. е. великій князь, какъ турецкаго государя называютъ Gran Turco. Сами турки называютъ своего государя *пенаги*, персидскимъ словомъ, которое соотвѣтствуетъ слову *автократоръ* (самодержецъ).]

Печать господарей Молдавіи и Валахіи на ихъ оффиціальныхъ бумагахъ и письмахъ и надъ воротами ихъ дворцовъ и принадлежащихъ имъ церквей и монастырей есть лишь бычачья голова, какъ говорятъ, въ честь евангелиста Марка. Что касается польскаго короля, то печать его, вытисненная на злотахъ и прочихъ предметахъ, есть двуглавый орелъ; такая же печать и у московскаго царя, какъ говорятъ, въ честь евангелиста Іоанна, вѣрнѣе же потому, что какъ орелъ есть царь птицъ, такъ и царь есть величайшій изъ государей. Печать на золотыхъ грамотахъ, клеймахъ, копейкахъ и пр.—съ одной стороны двуглавый орелъ, а съ другой царь верхомъ на конѣ, подъ ногами котораго что-то въ родѣ дракона, коего онъ поражаетъ копьемъ, какъ св. Георгій—я не могу теперь объяснить этого. Печать Хмеля есть его собственное изображеніе въ короткой одеждѣ, съ оружіемъ и въ *колпакѣ*, перевернутомъ для смѣха (?) [2].

[Въ родительскую субботу патріархъ служилъ обѣдню въ соборѣ, а митрополитъ Крутицкій въ церкви Архангела, по усопшимъ царямъ.

---

[1] Какъ извѣстно, султаны (какъ и всякій мусульманинъ по отношенію къ немусульманину) въ своихъ грамотахъ и посланіяхъ никогда не величаютъ христіанскихъ государей такими титулами и въ такихъ выраженіяхъ, какія они присвоиваютъ себѣ.

[2] Не значитъ-ли это: „надѣтомъ на бекрень“?

Коломенскій епископъ служилъ въ монастырѣ монахинь (Вознесенскомъ) по усопшимъ царицамъ.

Утромъ, въ воскресенье Мясопуста, царица отправилась въ монастырь Одигитріи (Новодѣвичій) помолиться съ монахинями. Зазвонили въ новый колоколъ вмѣстѣ со всѣми остальными колоколами, для сбора духовенства и настоятелей монастырей съ ихъ иконами въ соборъ, дабы совершить ту же службу какъ въ прошломъ году. Патріархъ облачился съ нашимъ учителемъ Пришелъ царь въ коронѣ и въ царскомъ одѣяніи съ порфирой. Благословивъ его, патріархи съ крестнымъ ходомъ вышли на открытую площадку за церковью, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, и совершили службу такую же, какъ въ прошломъ году, при чемъ въ этомъ году мнѣ удалось пополнить свои наблюденія тѣми частями ея, которыя тогда я не могъ увидѣть. Затѣмъ вернулись въ соборъ.]

Послѣ обѣдни патріархъ повелъ насъ къ трапезѣ въ Крестовую палату, т. е. свой новый диванъ. [Когда онъ сѣлъ за столъ, царь прислалъ ему много прекрасныхъ кушаньевъ со своего стола, съ однимъ изъ своихъ вельможъ, которому патріархъ подарилъ серебряную икону.] Въ этотъ день патріархъ посадилъ подлѣ себя за столъ новаго Салоса, который постоянно ходитъ голымъ по улицамъ. Къ нему питаютъ великую вѣру и почитаютъ его свыше всякой мѣры, какъ святого и добродѣтельнаго человѣка. Имя его Кипріанъ; его называютъ *человѣкъ Божій*. Патріархъ непрестанно подавалъ ему пищу собственными руками и поилъ изъ серебряныхъ кубковъ, изъ которыхъ самъ пилъ, при чемъ осушалъ послѣднія капли въ свой ротъ, ради освященія, и такъ до конца трапезы. Мы были изумлены.

Въ этотъ день послѣ обѣдни, когда патріархъ прочелъ житіе и поученіе и сказалъ проповѣдь, подошла одна больная монахиня и разсказала царю и патріарху, что она съ давняго времени была больна и въ этотъ вечеръ пришла въ соборъ провести ночь подлѣ раки новаго святого, Филиппа, что онъ онъ ночью явился ей въ своемъ архіерейскомъ облаченіи, при чемъ ему прислуживали и кадили изъ кадильницъ дьяконы; возвысивъ голосъ, онъ велѣлъ ей встать, и она тотчасъ исцѣлилась. Услышавъ это, царь пролилъ обильныя слезы, а патріархъ сказалъ длинное поученіе народу по случаю этого чуда. По этой причинѣ мы вышли въ этотъ день отъ обѣдни не ранѣе вечера.

Глава VII.

Москва.—Служеніе патріарха Макарія въ Новоспасскомъ монастырѣ. Описаніе монастыря Служеніе въ Чудовомъ монастырѣ. Посѣщеніе Симонова монастыря и описаніе его.

Въ понедѣльникъ Мясопуста мы отправились, по приказанію царя и патріарха, въ монастырь Спаса за городомъ, чтобы посѣтить его, какъ раньше просили о томъ царя. Монастырь находится съ юго-западной стороны [1] города въ разстояніи болѣе часа пути. Когда мы подъѣхали къ нему, на встрѣчу нашему учителю вышелъ архимандритъ съ монахами. Насъ ввели въ великую церковь. Мы отслужили въ ней обѣдню, и насъ въ облаченіяхъ повели въ самый низъ церкви, чтобы прочесть молитвы надъ гробницами сановниковъ государства, ибо этотъ монастырь назначенъ для ихъ погребенія. Въ немъ находится могила бабки царя [2]. Всѣ гробницы покрыты бархатными, расшитыми золотомъ покровами, съ письменами изъ жемчуга кругомъ; у изголовья каждой гробницы икона и подсвѣчникъ съ неугасимо горящей свѣчой. Ни на одинъ день не прекращаются обѣдни за упокой погребенныхъ здѣсь, послѣ чего всегда сходятъ внизъ, кадятъ и читаютъ надъ ними молитвы. Намъ разсказывали, что этотъ монастырь древній и былъ маленькій, и что въ Бозѣ почившій царь Михаилъ, отецъ этого царя, обновилъ и расширилъ его и построилъ его окружную стѣну, похожую на стѣну монастыря Троицкаго и монастыря царева (Саввина). На ней восемь огромныхъ башенъ; четыре по четыремъ угламъ, потому что монастырь четырехъугольный, и другія четыре между ними; въ стѣнѣ множество бойницъ съ пушками. Три четверти монастыря находятся на берегу Москвы-рѣки, а потому мѣстоположеніе его открытое, болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ монастырей, находящихся внѣ этого города, по причинѣ высоты мѣста, на которомъ онъ стоитъ, и занимаемаго имъ положенія среди окрестностей. Близъ него есть озера для рыбы. Мы уподобляли этотъ монастырь Шейху Абу Бекръ въ Алеппо. Великая церковь (соборъ) выстроена патріархомъ Никономъ, въ бытность его архимандритомъ этого монастыря. Она благолѣпная, красивая, душу веселящая: мы не находили въ этомъ городѣ подобной ей по возвышенности и радующему сердце виду. Она имѣетъ пять куполовъ, галлерею кругомъ и три большія двери. Церковь эта въ честь Преображенія, а

---

[1] Онъ находится на юговосточной сторонѣ.

[2] Инокини Марѳы.

монастырь называется *Спасъ*, то-есть монастырь Спасителя, по-гречески Σωτῆρος.

Въ этой церкви иконы благолѣпныя, и среди нихъ есть икона, величиною побольше листа бумаги, изъ одного куска бѣлой, чудесной слоновой кости: на ней изображены рѣзьбою всѣ господскіе праздники, на подобіе того, какъ дѣлаютъ кресты на Св. Горѣ, съ величайшимъ совершенствомъ искусства. Эта икона принадлежитъ къ числу царскихъ сокровищъ.

Вся нижняя часть этой церкви представляетъ обширные склепы для погребенія. Когда московиты узнали, что въ церквахъ хоронить недозволительно, они, по остротѣ своего ума, придумали эту хитрость, а именно: стали дѣлать церкви выше и погребать подъ ними усопшихъ, дабы литургія совершалась надъ ними постоянно, во вѣки вѣковъ.

Въ этомъ монастырѣ есть еще пять церквей. Первая—вышеупомянутая (соборная); вторая—близъ этой церкви, красивая, въ честь Владычицы Одигитріи, надъ могилой одного князя. Ее построила жена его, княгиня, и пожертвовала на монастырь большую сумму денегъ. Эта женщина дѣлала добро повсюду: говорятъ, въ Троицкій монастырь она пожертвовала свыше 6.000 динаровъ; всѣмъ, пріѣзжающимъ въ этотъ городъ, патріархамъ, архіереямъ и монахамъ она непремѣнно дѣлаетъ пожертвованія: для нашего владыки патріарха она соорудила митру, шитую золотомъ и жемчугомъ по красному бархату, и большую, расшитую золотомъ, палицу. Третья церковь, внутри трапезной, въ честь Покрова Богородицы. Четвертая—въ колокольнѣ, во имя св. Саввы. Эта колокольня древняя, удивительная по своей архитектурѣ. Пятая церковь—на монастырской площадкѣ, новая, во имя св. Сергія, основателя Троицкаго монастыря. Шестая—въ честь Благовѣщенія въ башнѣ, что надъ воротами монастыря [1].

На площадкѣ монастыря находится огромный новый колоколъ. Мы смѣрили его окружность, и оказалось около 50 пядей. Больше

[1] Изъ церквей, перечисленныхъ Павломъ Алеппскимъ, существуютъ нынѣ, кромѣ соборной, слѣдующія: церковь Знаменія (по Павлу, Одигитріи) перестроена въ 1793 г.; внизу ея склепъ фамиліи Шереметевыхъ; церковь Покрова Богородицы съ трапезой выстроена въ 1673 (скорѣе, перестроена въ этомъ году, потому что Павелъ видѣлъ ее въ 1655 г.); церковь преп. Сергія находится нынѣ въ среднемъ ярусѣ колокольни (съ 1787 г.). Церковь Саввы Освященнаго не существуетъ, а есть придѣлъ его имени въ церкви Покрова Богородицы и Николая Чудотворца. Послѣдняя не названа Павломъ, хотя она построена при больничныхъ кельяхъ въ 1652 г.—Рѣзного на кости образа, описаннаго Павломъ, повидимому, уже не существуетъ.

всего насъ удивляло, какимъ образомъ перевезли его сюда изъ города.

Въ этомъ монастырѣ монаховъ до ста или болѣе. Кельи въ немъ просторныя и всѣ новыя; среди нихъ есть кельи для царя и царицы. Въ немъ есть просторныя, веселыя помѣщенія съ видомъ на городъ и рѣку. Словомъ, это монастырь неприступный, со множествомъ пушекъ, и виднѣется изъ города какъ голубь, ибо весь выбѣленъ известью.

Когда мы отобѣдали, намъ поднесли, по обычаю, подарки, простились съ нами и мы возвратились вечеромъ въ городъ.

[Царь прислалъ намъ извѣщеніе быть готовыми присутствовать съ нимъ за бдѣніемъ и утреней въ Чудовомъ монастырѣ, по случаю памяти св. Алексія Чудотворца, 12 февраля, и въ то же время, по случаю празднованія дня рожденія его сына. Зазвонили въ колокола, и царь съ патріархомъ отстояли повечеріе. Въ седьмомъ часу ударили въ новый колоколъ, и мы прибыли въ монастырь. Сюда же явились царь, патріархъ и всѣ вельможи, въ придѣлъ святого, гдѣ почиваютъ его мощи, внутри трапезной. Начали пѣть вечерню весьма протяжно. При поліелеѣ, оба патріарха облачились и, выйдя съ митрополитами и священниками, стали внѣ алтаря. Здѣсь, по срединѣ, поставили образъ святого, и патріархъ сошелъ и окадилъ образъ, алтарь, царя и всѣхъ предстоящихъ, по обычаю, послѣ того какъ роздалъ имъ свѣчи. То же сдѣлалъ нашъ учитель, и затѣмъ они приложились къ иконѣ и къ мощамъ святого, что сдѣлалъ и царь, а послѣ него крещеные царевичи и всѣ государственные сановники, по степенямъ и въ порядкѣ. Потомъ патріархи разоблачились, и медленное пѣніе продолжалось безъ перерыва отъ седьмого часа ночи до утра слѣдующаго дня. Наконецъ мы вышли, умирая отъ стоянія на погахъ, бдѣнія и усталости, но въ то же утро возвратились къ обѣднѣ, откуда вечеромъ насъ повели въ царскую столовую. Въ то время когда пили за здоровье царя и я приблизился поцѣловать его руку, онъ улыбнулся мнѣ и сказалъ: «ὦ ἅγιος ἀρχιδιάκονος, *велико чоловѣкъ*»; первыя два слова, по-гречески, значатъ: «о, святой архидіаконъ», а послѣднія два, по-русски: «ты великій человѣкъ». Богъ да продлитъ его царствованіе за великую его любовь ко мнѣ!]

Въ среду мы поѣхали въ знаменитый монастырь, называемый Симоновъ, по имени святого, который его соорудилъ въ древности и который былъ братомъ св. Сергія, основателя Троицкаго монастыря [1].

---

[1] Основателемъ Симонова монастыря былъ Ѳеодоръ, племянникъ преп. Сергія (см. о немъ въ „Источникахъ русской агіографіи“ Н. П. Барсукова, Спб. 1882,

Монастырь этотъ—въ честь Успенія Владычицы, находится не въ далекомъ разстояніи отъ монастыря Спаса и также расположенъ на берегу Москвы-рѣки. Нашъ путь шелъ отъ воротъ, что у моста [1], по рѣкѣ, кратчайшей дорогой, совершенно прямо. Посмотри, какая удивительная вещь: во святомъ Евангеліи сказано, что апостолъ Петръ ходилъ по водѣ одинъ разъ, а мы, Богъ свидѣтель, путешествовали по водѣ, не замочивъ ногъ, не одинъ разъ, а нѣсколько, особенно (когда ѣхали) отъ царскаго (Саввина) монастыря до столицы, на разстояніи цѣлаго дня пути.

Возвращаемся (къ разсказу). Когда мы подъѣхали къ монастырю, на встрѣчу намъ вышелъ, по обыкновенію, архимандритъ съ іереями и діаконами. Насъ повели вверхъ въ высокую церковь съ однимъ куполомъ; въ ней мы отстояли часы и вечерню. Облачивъ нашего владыку патріарха, мы вышли въ нарѳексъ и отслужили царскій молебенъ; нашъ учитель прочелъ молитву за царя, послѣ чего совершили отпустъ.

Эта церковь весьма высока, съ тремя желѣзными дверями. Что касается царскихъ вратъ, то мы еще не видывали подобныхъ имъ, по ихъ высокой цѣнности, ибо они сплошь покрыты золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями. Разсказываютъ, что одинъ князь, по кончинѣ своей, былъ погребенъ въ этой церкви и что онъ завѣщалъ, чтобы всѣ его драгоцѣнности были пожертвованы на этотъ монастырь, и часть ихъ была употреблена на эти врата: какъ говорятъ, они стоили болѣе 2.000 динаровъ. Икона Успенія Владычицы, еще болѣе цѣнная, состоитъ изъ одного куска чистаго золота; изображеніе сдѣлано на ней чернетью, на удивленіе уму.

За этой церковью—новая, красивая церковь, построенная женою вышеупомянутаго князя надъ его могилой, въ честь Владычицы *Платитеры* (Знаменія), образъ которой осыпанъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями: алмазами, рубинами, яхонтами и изумрудами, и, какъ говорятъ, стоитъ болѣе 1.000 динаровъ; онъ небольшой. Въ подземельѣ этой великой церкви, какъ и въ томъ монастырѣ (Новоспасскомъ), все своды и склены, (гдѣ погребены) знатныя лица государства. Въ немъ церковь во имя Владычицы Одигитріи, гдѣ ежедневно совершается литургія. Среди гробницъ есть гробница царя Казанскаго [2], который

стр. 591—592). Названіе же Симонова монастырь получилъ по урочищу, на которомъ былъ основанъ.

[1] т. е. отъ воротъ, нынѣ не существующихъ, въ стѣнѣ Китай-города, противъ Москворѣцкаго моста.

[2] Симеона Бекбулатовича.

былъ взятъ въ плѣнъ царемъ Иваномъ и потомъ крестился и умеръ христіаниномъ. Жена его положена подлѣ. Близъ него большая гробница; разсказываютъ, что погребенный въ ней былъ великій богатырь и имѣлъ огромную фигуру; говорятъ, что два человѣка не могли нести его лукъ, а его желѣзную кольчугу четверо не были въ состояніи поднять.

Въ этомъ монастырѣ шесть церквей; изъ нихъ мы описали три, четвертая—внутри трапезной палаты, во имя св. Сергія, пятая—въ честь Преображенія, шестая—въ надворотной башнѣ, въ честь св. Креста (празднованіе коему) 1 августа, и семи Маккавеевъ [1].

Окружная стѣна монастыря больше, чѣмъ въ монастырѣ Спаса и также (какъ и тамъ) она новая; имѣетъ трое воротъ и шесть башенъ, изъ коихъ одна круглая, а другія—четырехугольныя; на стѣнѣ много пушекъ. Такъ какъ погода была очень холодная и вѣтряная, то мы не могли подняться на стѣну, чтобы ее осмотрѣть. Въ этомъ монастырѣ болѣе 60 монаховъ.

Послѣ того какъ встали изъ-за трапезы, намъ поднесли обычные подарки, проводили за монастырь, и мы возвратились вечеромъ въ городъ.

Глава VIII.

Москва.—Служеніе патріарха Макарія въ Чудовомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ. Обычай просить прощенія предъ наступленіемъ поста. Служеніе патріарха Макарія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Служеніе въ недѣлю Православія. Смерть Радзивила.

Въ четвергъ мы отправились въ Чудовъ монастырь, служили въ немъ обѣдню и намъ, по обыкновенію, поднесли подарки.

На этой недѣлѣ царь и патріархъ ходили по всѣмъ монастырямъ просить прощенія у монаховъ и монахинь. Въ эти два дня, среду и пятницу, выходили изъ церквей не раньше какъ послѣ полудня, ибо здѣсь эти дни, по своему значенію, равняются днямъ великаго поста, и въ нихъ не совершается литургія.

[Утромъ въ воскресенье Сыропуста нашъ владыка патріархъ отправился къ московскому патріарху, который взялъ его съ собою къ царю въ его верхнія палаты; мы сопровождали ихъ. Царь вышелъ встрѣтить ихъ и повелъ ихъ въ самый верхній свой покой. Здѣсь,

[1] Изъ переименованныхъ Павломъ Алеппскимъ церквей, кромѣ собора, остаются понынѣ слѣдующія: трапезная, нынѣ во имя Тихвинской Божіей Матери, и Происхожденія Честныхъ Древъ надъ западными воротами.

послѣ того какъ патріархъ помолился на иконы, царь преклонился передъ нимъ, и онъ осѣнилъ его крестомъ и окропилъ святой водой. Нашъ учитель сдѣлалъ то же, и затѣмъ они сѣли на короткое время. Вставши, патріархъ прочелъ молитву за царя и весь царскій домъ и потомъ окропилъ всѣхъ присутствовавшихъ тутъ государственныхъ сановниковъ, которые затѣмъ стали подходить къ рукѣ царя, что и мы сдѣлали съ ними. Когда мы вышли, нашъ учитель, по приказанію царя и патріарха, отправился служить обѣдню въ монастырѣ монахинь, что насупротивъ насъ. По совершеніи ея, ему поднесли серебряную икону Владычицы съ обычной милостыней.]

Вечеромъ царь съ царицей прибыли въ этотъ монастырь просить прощенія у монахинь и затѣмъ посѣтили съ тою же цѣлью Чудовъ монастырь. Равнымъ образомъ всѣ государственные сановники являлись къ царю и просили прощенія у него и у патріарха. Нѣкоторые изъ нихъ приходили поздно вечеромъ и къ нашему владыкѣ патріарху. Прочіе люди просили прощенія друга у друга, цѣлуя въ уста, по своему обычаю.

[Возвращаемся. Въ среду царь, разговѣвшись вечеромъ, прислалъ нашему владыкѣ патріарху со своего стола три кубка вина и нѣсколько блюдъ сладкаго кушанья, похожаго на арбузъ въ смѣси съ различными пряностями и медомъ; оно привозится для него изъ Астрахани и др. Въ теченіе этихъ трехъ дней [1] патріархъ не сходилъ въ соборъ и никому не показывался, запершись въ своихъ покояхъ; и царь постился до субботы, когда за обѣдней причастился св. Таинъ вмѣстѣ съ царицей. У всѣхъ государственныхъ вельможъ и богачей такой обычай, что на этой недѣлѣ они не даютъ работы и сами ничѣмъ не занимаются, а только присутствуютъ неупустительно за службами въ своихъ церквахъ, въ особенности въ пятницу, когда приносятъ покаяніе въ своихъ грѣхахъ, и читаютъ и молятся безпрерывно, дабы приготовиться къ принятію св. Таинъ на слѣдующій день со всякимъ страхомъ и благоговѣніемъ.]

Въ субботу, рано поутру, нашъ владыка патріархъ отправился, по приказанію царя и патріарха Никона, въ *Новодѣвичій* монастырь, т. е. монастырь монахинь-дѣвицъ, внѣ города. О немъ мы раньше говорили, что царь и патріархъ перевели изъ него всѣхъ монахинь московитокъ и поселили въ немъ русскихъ [2] монахинь. По своей вели-

---

[1] Т. е. первыхъ трехъ дней первой недѣли великаго поста.

[2] Такъ Павелъ Алеппскій называетъ жителей Малороссіи и Бѣлоруссіи, въ отличіе отъ великороссовъ, которыхъ всегда именуетъ московитами, *москобъ*.

кой набожности, онѣ постоянно просили нашего учителя посѣтить ихъ, благословить и отслужить у нихъ обѣдню. При нашемъ прибытіи туда, всѣ онѣ вышли насъ встрѣтить и пошли впереди насъ, поя напѣвомъ, чарующимъ сердце, пока мы не поднялись въ церковь. Владыка, по обычаю, приложился къ иконамъ, при чемъ монахини пѣли «Достойно есть». О удивленіе! какъ согласны и сладки ихъ напѣвы! Наконецъ онъ благословилъ ихъ всѣхъ. Затѣмъ мы облачили его въ парѳексѣ [и молодыя дѣвицы начали чтеніе часовъ.] Онѣ же пѣли во время обѣдни на обоихъ клиросахъ. Всѣ онѣ дивились на меня, какъ я читалъ и говорилъ ектенію по-русски. При выносѣ Даровъ, всѣ монахини подошли и пріобщились св. Таинъ съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ, а потомъ получили антидоръ и вино: онѣ постились со среды до сихъ поръ. По окончаніи службы, владыка прочиталъ надъ ними молитвы отпущенія грѣховъ, при чемъ онѣ простерлись на землю. Затѣмъ онѣ предшествовали ему съ пѣніемъ въ трапезную, гдѣ мы сѣли по принятому порядку. Игуменья, келарша, казначея и старшія монахини сѣли по своимъ степенямъ; каждая изъ нихъ имѣла при себѣ служанку, которая подавала ей кушанье и питье. Другія служанки подносили намъ, начиная съ нашего владыки патріарха до послѣдняго изъ насъ, наилучшія постныя кушанья, жареныя, фаршированныя и иныя изысканныя блюда, а также разнообразные напитки, какихъ не знаютъ московиты. Одна изъ дѣвицъ начала положенное чтеніе нѣжнымъ, пріятнымъ голосомъ, чинно и съ порядкомъ удивительнымъ, лучше чѣмъ у мужчинъ. Мы встали изъ-за стола, исполненные удивленія къ нимъ, ихъ опрятности и порядку. Когда нашъ владыка патріархъ посылалъ какой-либо изъ нихъ блюдо кушанья, она подходила и кланялась ему до земли, была-ли то монахиня или изъ мірскихъ женщинъ, ибо въ этомъ монастырѣ есть много русскихъ, т. е. казацкихъ, женщинъ, родственницъ этихъ монахинь. Обрати вниманіе на слѣдующее распоряженіе: для отвращенія несогласій назначили нáбольшихъ, служащихъ и должностныхъ лицъ изъ ихъ же рода и изъ ихъ среды. Затѣмъ встали изъ-за стола; нашъ учитель поднялъ Панагію. Подошла игуменья съ своими товарками; онѣ поклонились ему до земли и поднесли въ благословеніе отъ монастыря красивую, позолоченную икону имени монастырскаго храма и четки, сплетенныя изъ шелка; то же и намъ. Затѣмъ всѣ монахини подошли къ нему подъ благословеніе вторично, вышли впереди насъ съ пѣніемъ за монастырь и простились съ нами, давъ намъ въ запасъ на дорогу, по монастырскому обычаю, большихъ хлѣбовъ, и мы возвратились въ *городъ*.

Въ первое воскресенье поста, рано поутру, зазвонили во всѣ колокола для сбора городскихъ священниковъ и настоятелей монастырей съ ихъ иконами въ соборъ. Патріархъ Никонъ сошелъ въ соборъ и облачился вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ. Явился царь, въ царскомъ одѣяніи и коронѣ, [и занялъ мѣсто позади столба, на своемъ тронѣ, но замѣтивъ, что такимъ образомъ онъ стоитъ спиной къ иконамъ, не хотѣлъ оставаться въ этомъ положеніи, пока не унесли иконы позади него - замѣчательный примѣръ его вѣры и набожности! Послѣ того какъ архидіаконъ возгласилъ анаѳему всѣмъ еретикамъ и нѣвчіе трижды произнесли имъ «анаѳема», онъ сталъ поминать православныхъ царей и затѣмъ поминалъ поименно всѣхъ князей, воеводъ и вельможъ, кои были убиты недавно въ сраженіяхъ за вѣру, а нѣвчіе пѣли трижды: «вѣчная память!» Потомъ онъ прочелъ имена и титулы всего царскаго рода и пр. Передъ нимъ поставили большой ящикъ съ листами бумаги, по которымъ онъ сталъ читать имена всѣхъ простыхъ ратниковъ, сотниковъ и полковниковъ, убитыхъ въ послѣдніе два года за вѣру, — числомъ, какъ я думаю, тысячъ сто или болѣе — весьма медленно и протяжно, а нѣвчіе постоянно пѣли: «вѣчная память!» такъ что, подъ конецъ, мы чуть не падали отъ усталости и сильнаго холода, а ноги у насъ совсѣмъ замерзли. Послѣ того произнесли проклятіе на всякаго, кто измѣняетъ или измѣнилъ царю, и нѣвчіе трижды произнесли имъ «анаѳема». Когда они кончили, я взглянулъ на часы, которые имѣлъ въ карманѣ, и нашелъ, что это чтеніе продолжалось цѣлыхъ три часа.]

Мы вышли отъ обѣдни лишь послѣ девяти часовъ, такъ какъ патріархъ Никонъ послѣ обѣдни прочелъ поученіе на этотъ день и много проповѣдовалъ о разности у нихъ въ крестномъ знаменіи и о многихъ уклоненіяхъ среди нихъ. Затѣмъ онъ вышелъ, провожая иконы съ коленопреклоненіемъ, за врата собора и приложился къ нимъ вмѣстѣ съ царемъ. Мы возвратились въ соборъ, сняли облаченія и, вернувшись въ свой монастырь, сѣли за столъ лишь въ десятомъ часу. Въ этотъ моментъ ударили къ вечернѣ.

Въ это время пришло къ царю извѣстіе и въ народѣ распространилась молва, что проклятый Радзивилъ, который предался шведамъ и жилъ у нихъ, былъ внезапно постигнутъ гнѣвомъ Божіимъ: у него скривилась челюсть, какъ это случилось съ Ѳеофиломъ иконоборцемъ, и онъ погибъ страшною смертью.

Во вторую субботу поста, 1-го марта, царь далъ обѣдъ, — за которымъ мы присутствовали, по приглашенію, присланному имъ нашему учителю, — по случаю дня рожденія своей старшей дочери Евдокіи.

Глава IX.

Москва.—Просьбы патріарха объ отпускѣ. Задержки Прощальный пріемъ у царя Сербскій архіепископъ. Подарки. Посѣщеніе визиря. Хрисовулы. Раздача разрѣшительныхъ грамотъ.

Со времени возвращенія царя, мы не переставали докучать ему частыми челобитными о томъ, чтобы онъ насъ отпустилъ, и при каждомъ свиданіи съ нимъ нашъ владыка патріархъ просилъ и умолялъ его о томъ же, такъ какъ намъ наскучило жить здѣсь столь продолжительное время: одному Богу вѣдомо, какую тоску и какую сильную горесть мы испытывали. Царь давалъ намъ обѣщаніе, (но откладывалъ исполненіе его) со дня на день, съ недѣли на недѣлю — почему, не знаемъ. Съ того времени какъ нашъ владыка подалъ ему первую челобитную въ день св. Петра передъ праздникомъ Рождества, и царь обѣщалъ (отпустить) его послѣ Богоявленія, мы и до сихъ поръ все въ томъ же положеніи, говоря про себя: «удивительно! какая ему нужда въ насъ, что онъ насъ не отпускаетъ? Вѣдь столько ему нужно ежедневно расходовать на насъ!» — ибо нашъ владыка патріархъ, какъ мы сказали, получалъ на свое содержаніе ежедневно по динару (рублю), а мы и служители 1½ піастръ-реала [1], къ этому еще рыбу, икру и пр. и напитки, что стоило, быть можетъ, 2—3 динара, такъ что наше ежедневное содержаніе обходилось въ 4—5 динаровъ или даже болѣе: сочти, сколько расхода въ мѣсяцъ,—около 150 динаровъ: а сколько расхода за цѣлый годъ! Самое удивительное вотъ что: іерусалимскій патріархъ пробылъ всего около семи мѣсяцевъ, а царь послалъ ему сказать, чтобы онъ ѣхалъ въ свою страну; точно также онъ поступилъ и съ Пателяріемъ; нынѣ, въ Богоявленье, онъ прекратилъ выдачу содержанія всѣмъ находившимся здѣсь настоятелямъ монастырей со Св. Горы и другихъ мѣстъ и каждый день визирь посылалъ къ нимъ, понуждая ихъ собираться и ѣхать въ свою страчу, между тѣмъ какъ мы молимъ Бога внушить имъ, чтобы они насъ отпустили. Наконецъ Господь внялъ нашей молитвѣ, и имъ наскучили и надоѣли наши настойчивыя просьбы. Потомъ мы узнали за вѣрное, что царь откладывалъ нашъ отъѣздъ со дня на день съ цѣлью удержать насъ до послѣ Пасхи, когда онъ отправится въ походъ, дабы нашъ владыка патріархъ благословилъ его и войско. Московиты, какъ мы уже говорили, очень

[1] 75 коп. Піастръ-реаломъ Павелъ Алепскій называетъ полтинникъ, а динаромъ рубль.

хитры и коварны и достигаютъ своей цѣли путемъ крайней медлительности: обѣщаютъ исполнить дѣло того, кто обращается къ нимъ, (но откладываютъ) со дня на день—ихъ оттяжки выматываютъ душу. Если бы царь сказалъ намъ: «оставайтесь у меня еще на годъ или до послѣ Пасхи», мы были бы убиты горемъ, но онъ хитро, въ ласковыхъ словахъ, откладывалъ отъ одного срока до другого, и когда уже не находилъ болѣе средствъ противиться нашей рѣшимости и безпокойству на счетъ отъѣзда, то, по милости Бога, пославшаго намъ утѣшеніе, царь рано поутру, въ среду третьей недѣли поста, прислалъ извѣстить нашего владыку, чтобы онъ представился ему для прощанія съ нимъ. Это доставило намъ неописуемую радость, счастіе и удовольствіе.

Къ вечеру пріѣхалъ въ царскихъ саняхъ старшій стольникъ и повезъ нашего владыку и насъ въ палату, гдѣ происходитъ цѣлованіе руки. Когда владыка подъѣхалъ къ церкви Благовѣщенія, сошли встрѣтить его два боярина, съ поклономъ отъ царя, и, сказавъ царскій титулъ, какъ сказалъ его ранѣе стольникъ, прибавили: «царь (слѣдуетъ исчисленіе его владѣній и весь его титулъ) приглашаетъ твою святость, блаженнѣйшій отецъ и владыка киръ Макарій, патріархъ великаго града Божьяго Антіохіи и всего Востока, чтобы проститься съ тобою», при этомъ они поклонились ему, онъ ихъ благословилъ и они пошли впереди него. Точно также внизу у лѣстницы, что насупротивъ дверей церкви Благовѣщенія, встрѣтили его два другихъ боярина и сдѣлали то же, что и тѣ; равнымъ образомъ и на верху лѣстницы вышли еще два боярина и сдѣлали то же. У наружныхъ дверей палаты вышли встрѣчать всѣ визири и государственные сановники, и опять двое изъ нихъ, открывъ уста, громкимъ голосомъ произнесли полный титулъ и имя царя и титулъ нашего учителя, какъ мы сказали выше; окончивъ, всѣ поклонились ему, а онъ благословилъ ихъ, одного за другимъ, и они, одни предшествуя ему, другіе слѣдуя за нимъ, повели его въ палату царя. Царь сошелъ съ трона встрѣтить нашего владыку патріарха, и онъ, прошѣвъ предъ иконами «Достойно есть», помолился на нихъ, поклонился царю, благословилъ его и присѣлъ на малое время. Тогда выступилъ визирь и, произнеся титулъ царя, причемъ нашъ учитель всталъ, продолжалъ: «..... жалуетъ твоей святости и твоему апостольскому престолу сію милость, а именно, пятьдесятъ сороковъ соболей, стоимостью въ 3000 динаровъ», и поднесъ ихъ ему, при чемъ каждую пару держалъ въ рукахъ одинъ изъ стрѣльцовъ, которые одинъ за другимъ подносили ему соболи и возвращались на свое мѣсто. Затѣмъ царь сказалъ ему: «отецъ мой! прошу твою святость, блаженнѣйшій, принять это, какъ Христосъ принялъ двѣ лепты

вдовицы, и не взыскать съ меня». Раньше еще нашъ владыка патріархъ просилъ его сдѣлать ему митру, полное облаченіе и другую церковную утварь; поэтому царь, взявъ его за руку, отвелъ въ уголъ палаты для разговора наединѣ, только съ однимъ переводчикомъ, и извинялся передъ нимъ, что не можетъ удовлетворить его просьбу касательно вещей, при чемъ, въ видѣ оправданія, приводилъ смерть мастеровъ и свои заботы о походѣ и о всемъ потребномъ для войны, и это было совершенно справедливо. Онъ много плакалъ и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ: «отецъ мой! разставаніе съ тобою убиваетъ меня, ибо ты мой отецъ, а я твой сынъ». И много бесѣдовалъ съ нимъ. Нашъ учитель также плакалъ, видя таковое его смиреніе, благочестіе и любовь—Богъ да продлитъ его царствованіе!—и всѣ присутствовавшіе тутъ, глядя на это, тоже плакали. Потомъ царь подозвалъ всѣхъ своихъ вельможъ, и они сдѣлали земной поклонъ (нашему учителю). Царь попросилъ его прочесть большую молитву надъ боярами и надъ нимъ, наклонилъ голову, и нашъ учитель, исполняя его желаніе, [прочелъ молитву «Спаси, Господи, люди Твоя» и пр., въ коей поименовывалъ всѣхъ святыхъ. Когда онъ закончилъ молитву, мы пропѣли царю многолѣтіе, послѣ чего] всѣ мы подошли и цѣловали его правую руку. Затѣмъ, взявъ нашего учителя подъ руку, царь вышелъ съ нимъ за наружную дверь палаты, гдѣ встрѣчали насъ бояре; при этомъ онъ много плакалъ и просилъ благословить его трижды три раза и облобызать въ уста лобзаніемъ Христа. Такъ и сдѣлалъ нашъ владыка патріархъ. Въ это время онъ держалъ наготовѣ четыре челобитныя царю: въ одной просилъ уплатить за большое, изъ желтой мѣди паникадило, купленное нами за 120 динаровъ съ тремя другими за 100 динаровъ; въ другой челобитной просилъ у него иконъ, въ третьей—нѣкоторое количество рыбьяго зуба и хрустальнаго камня (слюды), и въ четвертой—нѣкоторое количество бѣлки. Принявъ челобитныя, царь послалъ всѣхъ вельможъ проводить его внизъ до церкви Благовѣщенія, гдѣ онъ сказалъ имъ поученіе, благословилъ ихъ и простился съ ними. Мы вернулись въ свой монастырь, исполненные радости и благодарности.

Сербскій архіепископъ, о которомъ мы раньше говорили, что его вернули назадъ и что онъ просилъ у патріарха дозволенія остаться богомольцемъ за царя, какъ и случилось, видя, что патріархъ Никонъ распоряжается имъ и кричитъ на него, какъ на одного изъ своихъ архіереевъ, наскучивъ этимъ, просилъ отпустить его и неотступно умолялъ царя дозволить ему съѣздить на поклоненіе въ Іерусалимъ, послѣ чего онъ возвратится. Царь, будучи кротокъ и милосердъ, сжалился

надъ нимъ, говоря про себя: «если мы не отпустимъ его, то онъ, пожалуй, будетъ проклинать насъ, а не молиться за насъ», и противъ желанія патріарха отпустилъ его. Нынѣ, когда нашъ учитель вышелъ отъ царя, послѣдній пригласилъ архіепископа для цѣлованія руки и наказывалъ ему, говоря: «если ты поѣдешь въ Іерусалимъ, помолись за меня тамъ, помяни меня въ святыхъ мѣстахъ и привези мнѣ святого елея (изъ лампады) надъ божественнымъ Гробомъ». Затѣмъ далъ ему четыре сорока соболей и 400 динаровъ и отпустилъ. Архіепископъ, ни мало не медля, выѣхалъ изъ столицы и ѣхалъ до Молдавіи спѣшно, оглядываясь назадъ,—посмотри, до чего его довела гордость, надменность и притязанія на патріаршее достоинство, ибо то же было дано находившемуся здѣсь митрополиту святого престола Никеи: достоинство ихъ было сочтено равнымъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Когда мы вернулись въ монастырь, пришелъ главный стольникъ, т. е. человѣкъ, который подноситъ царскій столъ, и принесъ нашему владыкѣ патріарху великолѣпную царскую трапезу, состоящую болѣе чѣмъ изъ пятидесяти блюдъ кушанья, изъ разнородныхъ сластей, позолоченныхъ кубковъ съ виномъ и множества кувшиновъ съ разнообразнѣйшими напитками. Поставивъ все это на столъ, онъ немного посидѣлъ съ нашимъ владыкой, простился и ушелъ. По окончаніи трапезы, явился начальникъ царскихъ писцовъ съ прочими писцами, состоящими при этомъ диванѣ [1], и принесли упомянутые сороки соболей. Мы роздали всѣмъ имъ подарки вещами и деньгами, а также стрѣльцамъ, которые несли мѣха, поднесли имъ вина, и они удалились. Таковъ обычай, что всякому, кто приносилъ нашему владыкѣ патріарху подарокъ, начиная съ денегъ и кончая иконами, хотя бы даже рѣдиску или огурцы при наступленіи времени созрѣванія плодовъ, онъ давалъ въ награду однимъ деньги, другимъ подарки: алеппскаго мыла, благовоннаго мыла, шафрану и кромѣ того священные предметы, кои они принимали съ большимъ благоговѣніемъ; даже стрѣльцамъ, которые ежедневно приносили кушанья съ царской кухни, мы каждый день давали въ награду за трудъ напитковъ или деньги, такъ какъ они мѣнялись ежедневно.

Возвращаемся (къ разсказу). По уходѣ писцовъ, пришелъ самъ визирь, присланный отъ царя съ выраженіемъ почтенія и съ поклономъ отъ него нашему учителю. Онъ сообщилъ, какую радость и удовольствіе чувствуетъ царь отъ его благословенія и молитвъ и какую печаль и огорченіе по случаю разлуки съ нимъ, (и прибавилъ), что

[1] т. е. при Посольскомъ приказѣ.

царь, когда мы отъ него вышли, сказалъ своимъ вельможамъ: «по истинѣ, этотъ патріархъ—мужъ святой, и печать святости видна на его лицѣ»; о томъ же свидѣтельствовали всѣ. Такъ сообщилъ намъ теперь визирь и сказалъ: «когда ты разстался съ царемъ, онъ вздохнулъ и сказалъ: молю Бога, прежде чѣмъ умру, видѣть его въ числѣ четырехъ патріарховъ служащимъ въ Святой Софіи и нашего патріарха пятымъ вмѣстѣ съ ними; и всѣ присутствующіе отвѣтили: да услышитъ Господь!» Равнымъ образомъ визирь, къ радости нашего учителя, сообщилъ ему объ исполненіи всего, о чемъ онъ просилъ въ своихъ челобитныхъ. Раньше мы, между прочимъ, просили у царя дать намъ пять хрисовуловъ, то-есть золотыхъ грамотъ, и онъ ихъ намъ далъ. Первый хрисовулъ—для Апостольской Антіохійской Церкви, чтобы каждые три года пріѣзжалъ архимандритъ или архіерей съ двумя—тремя монахами и слугами за царской милостыней, сколько Богъ положитъ царю на душу, послѣ чего они удаляются; другой хрисовулъ—для монастыря Белемендъ въ Триполи; третій—для монастыря св. Георгія Хмерэ [1]; четвертый—для Сайданайскаго монастыря [2], и еще хрисовулъ, пятый, для купца, который считался родственникомъ одного изъ купцовъ [3] молдавскихъ, на тотъ предметъ, чтобы быть ему главою общества купцовъ и чтобы его не задерживали на границѣ. Воеводу, нашего земляка, родомъ изъ Дамаска, который былъ воеводой въ Коломнѣ, Каширѣ и Серпуховѣ, мы возстановили (въ его достоинствѣ): по ходатайству нашего владыки патріарха, царь сдѣлалъ его пожизненно воеводой въ Каширѣ. Нѣкоторымъ бѣднымъ грекамъ мы доставили мѣста переводчиковъ въ приказѣ, [для другихъ, служившихъ въ войскѣ, намъ удалось исходатайствовать повышеніе въ степень чаушей (курьеровъ).]

При прощаніи царь попросилъ у нашего владыки патріарха разрѣшительныхъ грамотъ изъ тѣхъ, которыя мы напечатали въ Кіевѣ по-русски, и велѣлъ ему раздавать ихъ государственнымъ сановникамъ, что и было сдѣлано. Что касается царя, то я отправился (къ нему), взявъ для него девять грамотъ, на которыхъ написалъ золотомъ имена его, царицы, ихъ сына, дочерей и сестеръ его; а что касается вельможъ, то, по приказанію царя, я обошелъ ихъ дома, въ сопровожденіи переводчика, и всѣмъ имъ роздалъ грамоты.

---

[1] Монастырь св. Георгія по дорогѣ изъ Триполи къ Ливану.

[2] Древній монастырь близъ Дамаска.

[3] Въ англійскомъ переводѣ: „вельможъ“.

Глава X.

Москва.—Сборы въ дорогу. Отдѣлка и упаковка соболей. Бѣличьи мѣха. Царское хранилище иконъ. Стихарь архидіакона. Подводы.

Мы стали собираться въ дорогу. Одинъ я въ эти дни былъ въ большихъ трудахъ и хлопотяхъ ночью и днемъ: утромъ и вечеромъ обходилъ вельможъ, а днемъ занимался упаковкой соболей, надзирая за мастерами и опечатывая лапки всѣхъ шкурокъ царской печатью краснымъ сургучомъ, а именно: на каждую лапку соболя накладывали печать и дѣлали надпись по краямъ на задней сторонѣ, чтобы нельзя было украсть его и убавить что-либо отъ его ширины, а печать, чтобы шкурки не подмѣнили, то-есть, взявъ хорошую пару соболей, не положили бы на мѣсто ея плохую. Эту хитрость придумали греческіе купцы, ибо большинство здѣшнихъ мастеровъ—люди лукавые. Чтобы сдѣлать надписи и приложить печати на шкуркахъ, мы развязывали каждый сорокъ, который былъ связанъ, и отдали шкурки по счету мастерамъ, чтобы они, при помощи своихъ женъ, дѣтей и многочисленныхъ рабовъ, вырвали щипцами бѣлые волоски. Послѣ этого, мастера брали ихъ смачивать, разглаживать и растягивать, чтобы мѣхъ сталъ больше въ длину и ширину, а потомъ подбирали ихъ, отсчитывая по сороку. За каждый сорокъ мастера получаютъ по динару. Каждые десять сороковъ соединяютъ вмѣстѣ и называютъ *коробьею*. Оцѣниваютъ въ ней каждый сорокъ отдѣльно и ставятъ на нихъ нумера, отъ одного до десяти: первый—*башъ*, то-есть голова, второй ниже и т. д. до конца. Послѣ этого мы складывали каждые два сорока въ мѣшокъ очень плотно, съ большимъ трудомъ и стараніемъ, какъ это принято, во-первыхъ, для предохраненія отъ дорожной пыли, которая сильно вредитъ мѣху, во-вторыхъ, чтобы какъ можно болѣе уменьшить кладь (для предохраненія) отъ жара.

Раньше еще валашскій господарь Константинъ прислалъ нашему владыкѣ патріарху письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ его добыть ему изъ царской казны наилучшій сорокъ соболей, самаго высшаго достоинства, самый темный и цѣнный; такіе сороки никогда не выпускаются изъ царской казны. Нашъ владыка патріархъ написалъ царю челобитную объ этомъ, и царь приказалъ выдать изъ казны сорокъ соболей по его первоначальной сибирской цѣнѣ. Разыскивая, нашли два сорока, изъ коихъ мы выбрали лучшій и заплатили первоначальную его цѣну, написанную на немъ въ Сибири—480 динаровъ, и взяли его. По этой причинѣ я имѣлъ случай видѣть хранилище соболей и любоваться имъ.

Также, по приказанію царя, дали намъ 4.000 казанскихъ бѣлокъ. Къ нашему несчастію, въ этомъ году не привезли бѣлокъ изъ Сибири: какъ говорятъ, вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, стоявшихъ въ это лѣто, звѣрокъ убѣжалъ въ глубь страны. Мѣхъ этихъ бѣлокъ стоитъ динаровъ 20 и болѣе. Онъ не дубленый и свернутъ волосомъ внутрь, а мездрой наружу. Мы отдали его для дубленія мастерамъ по бѣличьему мѣху, ибо никто такъ не умѣетъ дубить какъ они, нигдѣ, кромѣ какъ въ этой странѣ: они выдѣлываютъ его мягкимъ какъ шелкъ. Его мочатъ въ бочкахъ съ отрубями и морскимъ масломъ, называемымъ рыбьимъ жиромъ, которое получаютъ изъ моря-океана. За каждую тысячу шкурокъ мастера берутъ четыре динара.

Всѣ надзиратели и служители въ государственныхъ складахъ тому, кто знаетъ кого-либо изъ нихъ и подаритъ имъ, дадутъ лучшее изъ наличнаго запаса, а кого не знаютъ, тому даютъ плохое, ибо все въ ихъ рукахъ; но это дѣлается тайно. Такъ и мы давали имъ посулы и одаривали ихъ.

Равнымъ образомъ я ходилъ и взялъ рыбьяго зуба и хрустальнаго камня (слюды) изъ склада приказа по дѣламъ иностранцевъ, о которомъ мы уже говорили, гдѣ мы постоянно вели свои дѣла; ходилъ также въ царскую казну, находящуюся близъ высокой царской палаты и назначенную для храненія иконъ, въ сопровожденіи одного изъ переводчиковъ, приставленнаго ко мнѣ. Войдя въ нее, я былъ изумленъ множествомъ иконъ, въ ней находящихся, кои стóятъ большой казны и денегъ: всѣ иконы, которыя архіереи этой страны и настоятели монастырей дарятъ царю и всему царскому семейству, относятся сюда и здѣсь складываются. На задней сторонѣ каждой иконы написано имя того, кто поднесъ ее, изъ какого города или монастыря и дата: день, мѣсяцъ и годъ, и кому поднесена икона: царю, царицѣ или всему царскому дому. Всѣ иконы сданы по счету боярину и все, что есть въ этой казнѣ, занесено въ книги. Боринъ далъ намъ, согласно приказанію царя, тридцать позолоченныхъ иконъ, которыя мы дали отнести стрѣльцамъ и, прибывъ въ свое помѣщеніе, вознаградили ихъ за трудъ.

Мы просили также у царя лошадь *юрга*, то-есть иноходца, и онъ намъ далъ ее. Раньше я написалъ царю челобитную, въ которой просилъ у него стихарь для себя, и онъ немедленно пожаловалъ мнѣ его. Меня послали въ складъ матерій, облаченій и рѣдкостей и хотѣли дать мнѣ сшитый, готовый стихарь, по ихъ покрою, ибо изъ этого склада раздаютъ фелони, епитрахили, стихари и иные предметы облаченія и церковной утвари бѣднымъ священникамъ и небогатымъ монастырямъ, но я не пожелалъ, такъ что они опять доложили царю, и онъ при-

слалъ мнѣ превосходной бѣлой венеціанской парчи, затканной узоромъ въ видѣ деревьевъ и вѣтвей изъ разноцвѣтнаго бархата, пришивки къ рукавамъ и подолу изъ такой же матеріи съ желтымъ фономъ и нѣсколько динаровъ на расходъ по цитью, велѣвъ сказать: «бери и самъ кроп, какъ желаешь и какъ тебѣ нравится». Эта матерія стоитъ около 100 динаровъ.

Намъ дали также обычный прощальный подарокъ при цѣлованіи руки, какъ и въ первый разъ. Снарядившись въ путь и увязавъ вещи, мы написали прошеніе о шестидесяти подводахъ для насъ и нашихъ вещей. Намъ было бы достаточно двадцати, но за нами слѣдовало множество бѣдняковъ, и, кромѣ того, намъ хотѣлось облегчить лошадей. Намъ привели подводы и назначили съ нами переводчика и толмача сопутствовать намъ до границы земли казаковъ и десять вооруженныхъ стрѣльцовъ провожать насъ отъ города до города; намъ дали царскія сани и дорожный запасъ, съѣстного и напитковъ, составлявшихъ наше содержаніе до конца марта, то-есть до пріѣзда нашего въ Путивль.

Глава XI.

Москва.—Прощаніе съ патріархомъ Никономъ. Отъѣздъ изъ Москвы. Трудное путешествіе до Болхова. Праздникъ Пасхи въ Болховѣ. Архидіаконъ въ гостяхъ у воеводы.

Въ пятое воскресенье поста, 23 марта, рано поутру, нашъ владыка патріархъ поѣхалъ проститься съ московскимъ патріархомъ, и послѣдній далъ ему на прощанье въ подарокъ икону Владычицы, одинъ сорокъ соболей, позолоченную чашу, два куска камки и атласа, всѣмъ намъ роздалъ милостыню и простился съ нами. Передъ закатомъ солнца мы выѣхали изъ города, не вѣря себѣ отъ радости. Господь разсѣялъ наши скорби чрезъ долгое время: Ему, Всевышнему, извѣстно, что мы, снѣдаемые сильной тоской, просили отпустить насъ—все равно, дадутъ-ли намъ что-нибудь, или ничего не дадутъ. Всѣ, ѣхавшіе съ нами, драгоманы и другіе люди говорили намъ съ ропотомъ: «подождите, проведите здѣсь Пасху,—и царю это желательно—ибо наступаетъ время таянія льда и (вскрытія) рѣкъ. Куда вы насъ везете? потопить насъ въ рѣкѣ?» Слова ихъ были справедливы, но мы отвѣчали имъ: «[что касается васъ, надѣемся, что съ вами не случится никакой бѣды], а насъ оставьте тонуть на дорогѣ, только бы здѣсь не оставаться». Всего больше боялся я и хлопоталъ объ отъѣздѣ до Пасхи, чтобы избавиться отъ бдѣній, трудовъ и стояній Страстной седьмицы.

[По впослѣдствіи я желалъ, чтобы мы остались до Пасхи и не подвергались непріятной необходимости возвращаться назадъ по той же дорогѣ, какъ это случилось. Вообще, какъ можно чужеземцамъ, которые, подобно намъ, привыкли къ удобствамъ у себя дома,] найти здѣсь покой, не имѣя возможности ходить въ баню и брить голову [1]? вѣдь мы отъ самой Валахіи, то-есть цѣлыхъ два года, не ходили въ баню [2].

Возвращаемся (къ разсказу). Когда нашъ владыка патріархъ доѣхалъ до пушечной площади, что насупротивъ Кремля, то, по наставленію переводчиковъ, сошелъ съ саней и, обратившись къ Кремлю и къ городу, прочелъ молитву съ особымъ моленіемъ за царя и за всѣхъ жителей города, благословилъ на всѣ четыре стороны и сѣлъ въ сани. Всѣ провожали насъ за земляной валъ, и мы, по здѣшнему обычаю, надѣлили каждаго изъ переводчиковъ деньгами, въ вознагражденіе за ихъ труды, отъ нашего владыки патріарха отдѣльно, и отъ всѣхъ насъ вмѣстѣ, простились съ ними и проѣхали на саняхъ [семь верстъ. Мы спѣшили съ своимъ путешествіемъ, чтобы достигнуть Путивля по еще замерзшимъ дорогамъ и рѣкамъ. Однако, этого намъ не удалось сдѣлать, ибо, при нашемъ прибытіи въ Калугу, ледъ на рѣкѣ началъ таять, вслѣдствіе чего мы были задержаны здѣсь на три дня, въ продолженіе которыхъ ледъ и снѣгъ совершенно растаяли, рѣки выступили изъ береговъ и дороги покрылись большими потоками воды. Насъ было всѣхъ, считая нашихъ спутниковъ, стрѣльцовъ и *ямщиковъ*, т. е. владѣльцевъ подводъ, восемьдесятъ человѣкъ, и соединенными усиліями мы устроили, съ большимъ трудомъ, одиннадцать или двѣнадцать мостовъ, при помощи которыхъ совершили трудный переходъ по дорогамъ и рѣкамъ и по страшно глубокой грязи, которой одной довольно было, чтобы остановить менѣе рѣшительныхъ путешественниковъ. Всего болѣе мы огорчались, видя, какъ мучались лошади. Съ крайними затрудненіями мы совершили путь до Бѣлева, и когда прибыли сюда, снѣгъ во многихъ мѣстахъ совсѣмъ стаялъ, а въ другихъ былъ до того перемѣшанъ съ грязью, глиной и водой, что путешествіе на са-

[1] Въ прежнее время на Востокѣ женатое духовенство, къ числу котораго принадлежалъ и Павелъ Алеппскій, брило себѣ голову, въ чемъ, несомнѣнно, отражалось вліяніе мусульманъ, у которыхъ бритье головы составляетъ дѣло благочестія (потому что, какъ извѣстно, самъ Магомегъ брилъ голову), какъ у насъ въ до-петровское время, и теперь у старовѣровъ, считалось дѣломъ, противнымъ благочестію, брить бороду, а тѣмъ болѣе голову.

[2] Вѣроятно, изъ невольнаго подражанія русскимъ монахамъ, которыхъ Павелъ называетъ неопрятными, замѣчая, что они не перемѣняютъ бѣлья до тѣхъ поръ, пока оно не развалится у нихъ на плечахъ.

нях стало невозможнымъ и мы стали покупать колесные экипажи. При какомъ бы то ни было способѣ путешествія, трудности дороги были необычайны. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще лежалъ снѣгъ, мы видѣли, когда онъ медленно таялъ, какъ потоки воды, словно изъ источника, струились изъ-подъ сугробовъ, при чемъ каждое поле изливало свои потоки на дорогу, такъ что, сидя въ саняхъ, мы зачерпали въ кружки прекрасной прѣсной воды и глотками этой, по истинѣ, *ма оззоляль* (чистой воды) оживляли въ себѣ душу.]

Мы прибыли въ Болховъ только въ Великій четвергъ и было рѣшено отпраздновать здѣсь Пасху, что и случилось, ибо *ямщики*, владѣльцы подводъ, упросили нашего владыку патріарха позволить имъ отпраздновать Пасху у себя дома.

Въ день Пасхи, на зарѣ нашъ владыка патріархъ, [по приглашенію воеводы и по просьбѣ греческихъ купцовъ, бывшихъ съ нами,] отправился въ одну изъ церквей и совершилъ въ ней пасхальную утреню. [Послѣ канона, онъ сталъ передъ царскими вратами съ крестомъ въ рукѣ, и при немъ два священника: одинъ держалъ Евангеліе, а другой икону Воскресенія. Всѣ присутствовавшіе стали подходить, по обычаю, и прикладывались ко кресту; прикладываясь затѣмъ къ Евангелію и къ иконѣ въ рукахъ священниковъ, они цѣловали также послѣднихъ въ уста, при чемъ давали имъ, каждый, красное яйцо. Такъ дѣлали мальчики и взрослые мужчины. Послѣ нихъ подходили женщины и дѣвушки всѣхъ сословій, отъ высшихъ до низшихъ. Мы горѣли отъ стыда, когда женщины и дѣвицы цѣловали священниковъ въ уста, а священники цѣловали ихъ, говоря: Χριστὸς ἀνέστη, а на ихъ языкѣ: *Христосъ воскресе*, на что міряне и женщины отвѣчали: «во истину воскресе», и послѣднія въ то же время цѣловали въ уста священниковъ, безъ всякаго стыда. Видя это, мы сильно изумлялись, въ особенности греки, бывшіе этому свидѣтелями; но таковъ обычай у московитовъ. Священники набрали множество красныхъ яицъ, ибо ни одинъ человѣкъ изъ ихъ паствы, ни даже изъ дѣтей, не преминулъ дать яйцо. Здѣсь также соблюдается обычай, что во время обѣдни на Пасхѣ приносятъ изъ дому блюда съ хлѣбомъ, масломъ и сыромъ въ церковь, для того чтобы священникъ прочелъ надъ ними положенную молитву, послѣ чего онъ беретъ себѣ половину, называемую пасхальнымъ приношеніемъ. Другой обычай, о которомъ мы раньше упоминали, состоитъ въ томъ, что, начиная съ этого дня до Вознесенія, всякій, при встрѣчѣ съ своимъ другомъ, цѣлуетъ его въ уста, говоря: Χριστὸς ἀνέστη. По окончаніи всей этой церемоніи, нашъ владыка патріархъ совершилъ литургію.]

На этой недѣлѣ никто не путешествуетъ и никуда не ѣздитъ, но всѣ занимаются въ своихъ домахъ ѣдой и питьемъ и предаются безмятежному покою и посѣщенію церковныхъ службъ. [Начиная съ воскресенья до конца недѣли, священники въ фелонях, съ хоругвями и съ крестомъ въ рукахъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей или учениковъ [1], которые несутъ икону Воскресенія, храмовую икону и Евангеліе, обходятъ своихъ прихожанъ, поя «Христосъ воскресе». Войдя въ домъ, священникъ читаетъ евангеліе на Пасху и произноситъ ектенію, въ коей поминаетъ имена всѣхъ обитателей дома, затѣмъ говоритъ многолѣтіе царю и патріарху и заключаетъ службу, троекратно повторяя «Христосъ воскресе». Ему даютъ денегъ и провожаютъ до дверей, а потомъ всѣ предаются чрезвычайной радости и веселью. Когда процессія проходитъ мимо церкви, мальчики этого прихода звонятъ въ колокола, ибо удовольствіе и занятіе мальчиковъ на этой недѣлѣ—звонить безпрестанно въ колокола. Священники приходили также къ нашему учителю, и онъ отпускалъ ихъ съ обычнымъ вознагражденіемъ.]

Въ этотъ день меня съ царскими переводчиками пригласилъ къ себѣ воевода. Онъ самъ подносилъ намъ чарки съ водкой, стоя на ногахъ, тогда какъ мы сидѣли. Они имѣютъ обыкновеніе, поднеся гостю, передавать ему сосудъ съ водкой или виномъ и чарку, чтобы онъ налилъ и поднесъ имъ; такъ поступалъ и хозяинъ этого дома Послушай, какія удивительныя и диковинныя вещи мы видѣли въ этотъ день! Намъ разсказывали объ этомъ, но мы не вѣрили, пока я не увидѣлъ собственными глазами. А именно: послѣ того какъ былъ накрытъ столъ и мы сѣли, воевода позвалъ свою жену, и она пришла со своими дочерьми и сыновьями въ наилучшихъ одеждахъ. Войдя, она привѣтствовала насъ наклоненіемъ головы. Мужъ поставилъ ее посреди и просилъ насъ подходить и цѣловать ее въ уста святымъ пасхальнымъ поцѣлуемъ, который, по ихъ вѣрованію, безгрѣшенъ, при чемъ говорятъ: «Христосъ воскресе!» Впередъ меня подошли переводчики и поцѣловали ее въ уста, говоря «Христосъ воскресе», поклонились ей и возвратились назадъ; что же касается меня, то я стоялъ какъ истуканъ и таялъ въ своемъ соку отъ стыда. Мужъ ея настойчиво приглашалъ меня, но какъ я отказывался, то переводчики стали уговаривать меня подойти и поцѣловать ее, а то мужъ разсердится. Со стыдомъ и съ большимъ принужденіемъ подошелъ я и поцѣловалъ ее въ уста, говоря «Христосъ воскресе»; я былъ словно лишенный зрѣнія и разума, ибо никогда ничего подобнаго не видѣлъ. Намъ разсказывали, но я не вѣ-

[1] Подъ этимъ именемъ разумѣются остальные члены причта.

рилъ, что не только въ этотъ день Пасхи, но и когда угощаютъ у себя посторонняго человѣка, то приводятъ къ нему свою жену, чтобы онъ и всѣ присутствующіе поцѣловали ее въ уста, при чемъ мужъ ея спокойно смотритъ на это, и никто не можетъ ее не поцѣловать, а то его выгонятъ изъ дому. [Возвращаясь на свое мѣсто, я поклонился хозяйкѣ, и всѣ присутствовавшіе поклонились ей въ то же время.] Затѣмъ хозяйка взяла сосудъ съ водкой и чарку, поднесла намъ два раза и сѣла съ нами за столъ—таковъ ихъ обычай. Подъ конецъ обѣда мы выпили чаши за здоровье хозяина и хозяйки, осушая ихъ до капли, ибо у нихъ обыкновеніе, что кто не осушаетъ чашу, тотъ считается отъявленнымъ врагомъ, потому что не выпилъ за полное здоровье хозяина дома.

Глава XII.

Болховъ.—Письмо отъ царя съ просьбой возвратиться въ Москву. Огорченіе и недоумѣніе путешественниковъ. Обратный путь.

Во вторникъ на Пасхѣ, когда мы готовились къ отъѣзду въ Путивль, прибылъ быстрый гонецъ съ извѣщеніемъ нашему владыкѣ патріарху, что царь спѣшно послалъ къ нему важнаго стольника, но съ какимъ сообщеніемъ, мы не знали. Мы сильно испугались и изумились, думая и дивясь, какая можетъ быть тому причина, и послѣ того какъ радовались своему путешествію, впали теперь въ безпокойство и тревогу, пока упомянутый стольникъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ, не прислалъ просить дозволенія явиться къ нашему учителю. Придя, онъ поклонился сначала и послѣ и, стоя на ногахъ, сказалъ: «великій и святой отецъ, блаженнѣйшій киръ Макарій, патріархъ града Божьяго Антіохіи и всего Востока! Твой духовный сынъ, христолюбивый царь, превозвышенный, наибольшій изъ князей и величайшій изъ царей, князь (?) Алексѣй Михайловичъ, бьетъ челомъ твоей святости до земли и молитъ тебя, если твоей святости будетъ угодно, пожаловать возвратиться къ нему и не пенять на него за труды пути, потому что онъ имѣетъ въ тебѣ нужду для присутствія на новомъ, тайномъ соборѣ и для тайныхъ, важныхъ церковныхъ дѣлъ царства. Онъ проситъ и молитъ тебя не взыскать съ него за тягости пути и возвращенія: награда твоя отъ Бога».

[Мы спросили стольника, въ какое время онъ оставилъ Москву. Онъ сказалъ: «послѣ вечерни, въ великую пятницу, царь позвалъ меня къ себѣ и далъ мнѣ это письмо съ приказаніемъ догнать твою свя-

тость, какъ можно скорѣе, и исполнить его повелѣніе. Я подвергалъ опасности свою жизнь въ водахъ и рѣкахъ, мчась во всю прыть ночью и днемъ, ибо царь настоятельно приказывалъ, чтобы я догналъ васъ, прежде чѣмъ вы достигнете Путивля». Но истинѣ, это замѣчательная вещь, что онъ проѣхалъ такое большое разстояніе въ три съ половиною дня.]

Затѣмъ стольникъ вручилъ ему письмо царя, которое нашъ владыка патріархъ поцѣловалъ и вручилъ переводчику перевести, и онъ такъ перевелъ его на греческій языкъ, а я записалъ по-арабски точь въ-точь. Вотъ его копія:

«Мы, Божіею милостію наибольшій изъ эфендіевъ [1] и князей, царь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, многихъ восточныхъ, западныхъ и всѣхъ сѣверныхъ странъ, по наслѣдію отъ отца и преемству отъ предковъ, обладатель и государь, Макарію, Божіею милостію патріарху великаго града Божьяго Антіохіи и всего Востока. Наше царское величество кланяемся тебѣ, какъ отцу и пастырю. Ты уѣхалъ и покинулъ насъ, выѣхавъ, твоя святость, блаженнѣйшій, изъ царствующаго града, (средоточія) обширнаго управленія, чтобы отправиться въ свой святой престолъ, великій градъ Антіохію. Немного времени прошло, какъ ты покинулъ нашъ городъ Москву, разставшись съ нами, и еще не далеко отъѣхалъ, а у нашего царскаго величества случились въ это время нѣкоторыя царскія, тайныя церковныя дѣла, весьма важныя, а посему обстоятельства требуютъ, чтобы ты возвратился къ намъ, блаженный отецъ, и удостоилъ насъ, къ великой нашей радости, лицезрѣть твое святое пастырское лицо, свидѣться съ тобою и возвеселиться о тебѣ малое время. Я, великій государь, возлагаю большую надежду на мудрость твоего архипастырскаго управленія и (мню) что ты не воспротивишься нашему повелѣнію и указу, а посему прошу и умоляю тебя, припадая къ стопамъ твоего архіерейства, не оставить втунѣ мою просьбу и моленіе, пожаловать къ намъ въ городъ Москву безъ замедленія, съ наименьшими тяжестями и вещами. Наше повелѣніе и распоряженіе то, чтобы ты не привозилъ съ собою ничего кромѣ архіерейскаго облаченія и немногихъ слугъ; всѣ же остальныя тяжести и вещи и людей своихъ благоволи оставить въ крѣпости, въ которой тебя застанетъ это наше письмо и указъ, посланный со стольникомъ нашего царскаго величества Иваномъ Ивановичемъ. Если ты послѣдуешь нашему указу и возвратишься къ намъ, блаженный отецъ, то удостоишь

[1] Это греческое слово, означающее „господинъ“ употреблено въ подлинникѣ.

насъ благословеніемъ твоей духовной благодати. Таково распоряженіе нашего царскаго величества, что, когда ты прибудешь къ намъ, мы вскорѣ тебя отпустимъ, отблагодаривъ твою святость, блаженнѣйшій; а за труды, подъятые тобою отъ тягостей пути, получишь награду отъ Бога. Мы отпустимъ тебя, какъ повелитъ и пожелаетъ твоя святость: отнюдь не мысли ничего дурного, блаженный отецъ, по поводу своего возвращенія къ намъ теперь.

Это письмо нашего величества писано въ столицѣ Москвѣ 7164 года, вечеромъ 4 апрѣля».

Когда мы поняли смыслъ этого письма, наша печаль была больше нашей радости, а радость больше печали: печаль—по причинѣ возвращенія назадъ, въ то время какъ мы постоянно молимъ Бога о томъ, чтобы намъ сдѣлать шагъ впередъ, а радость—отъ этого смиреннаго моленія со стороны царя, коему нельзя не повиноваться. [Среди такихъ чувствъ мы, въ смущеніи и разстройствѣ, не знали въ точности, что подумать объ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ, хвала Богу, Который, по своей безконечной мудрости, допустилъ, чтобы всѣ эти перемѣны встрѣтились намъ на пути и случились при насъ. Обыкновенно, патріархи, пріѣхавъ, оставались никакъ не долѣе восьми мѣсяцевъ; мы же, прежде всего, были совершенно остановлены волненіями въ Молдавіи, а потомъ, по той же причинѣ, были задержаны въ Валахіи. Въ Московіи мы застали походъ, при личномъ веденіи войны царемъ; то, чего не видано было со временъ царя Ивана, къ нашему великому несчастію случилось при насъ. Затѣмъ, послѣ того какъ мы надѣялись, что пробудемъ четыре или пять мѣсяцевъ только, мы были задержаны почти на два года, каковое время, подъ конецъ, въ дѣйствительности и пробыли сполна. Теперь мы сильно бранили себя за то, что не остались въ Москвѣ провести пасхальные праздники, что было наилучшимъ совѣтомъ, какой только намъ былъ данъ.

Замѣчательно, что при насъ случилось столько удивительныхъ вещей, далеко превосходящихъ числомъ и необычностью случившіяся съ другими. Обыкновенно, патріархи только разъ пріѣзжали въ Москву, мы же ѣздили дважды, и въ пяти вещахъ мы превзошли предшествующихъ патріарховъ: первое—наше пребываніе въ Коломнѣ въ теченіе семи мѣсяцевъ и то, что мы испытали способъ путешествія по рѣкамъ: въ то время, какъ другіе путешествовали сухимъ путемъ, насъ везли по рѣкѣ на судахъ; второе—наше путешествіе въ Новгородъ; третье—посѣщеніе нами царскаго монастыря; четвертое—наше возвращеніе въ Москву вторично, и пятое—то, что мы пользовались

содержаніемъ 24 мѣсяца, или полныхъ два года, какъ мы потомъ это поясним.

Было рѣшено возвратиться въ Москву, во исполненіе царскаго указа, ибо невозможно и непристойно оказать ослушаніе, еще находясь во власти и землѣ царя. Греческіе купцы, ѣхавшіе съ нами, были очень раздосадованы, что должны съ нами разстаться. Явился воевода, и мы пошли съ нимъ и со стольникомъ и помѣстили всѣ свои подводы, вещи и тяжести внутри крѣпости, увязавъ ихъ и приложивъ печати, и тамъ же помѣстили прочихъ нашихъ спутниковъ и слугъ. Воевода приставилъ къ вещамъ большое число стрѣльцовъ для охраны ихъ ночью и днемъ. Согласно приказанію царя, мы взяли съ собою только самое необходимое и сундукъ съ облаченіями. Съ нашимъ владыкой патріархомъ поѣхали я, мой товарищъ дьяконъ, архимандритъ и трое слугъ въ семи экипажахъ. Обыкновенно, экипажъ бываетъ въ одну лошадь, мы же запрягли по двѣ. Всѣхъ лошадей было сорокъ, для того чтобы перемѣнять ихъ во всякое время, дабы они не измучились отъ трудностей пути. [Это распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе наказа отъ царя стольнику устроить все, для того чтобы мы поскорѣе къ нему пріѣхали. Переводчика мы взяли съ собою, а толмача оставили].

Мы выѣхали изъ Болхова въ среду на Пасхѣ въ полдень [при чемъ воевода проводилъ насъ за городъ]. Мы ѣхали съ крайней поспѣшностью [перенося величайшія неудобства отъ трудностей пути и глубокой грязи, образовавшейся вслѣдствія разлитія ручьевъ и рѣкъ. Рѣку Калуги мы видѣли при наибольшей ея высотѣ: она разлилась въ ширину почти на милю и, опрокинувъ стѣны новой крѣпости, которую мы раньше видѣли, какъ она строилась, унесла все дерево, на нихъ употребленное].

Глава XIII.

Москва.—Остановка въ Симоновкѣ Слухи о ссорѣ царя съ Никономъ. Указъ объ убоѣ скота. Патріархъ Макарій и архидіаконъ Павелъ у царя. Разсказъ о пріемѣ царемъ греческихъ купцовъ на Пасхѣ и знаменательныя слова царя о восточныхъ дѣлахъ. Польскій посолъ. Послы отъ Молдавскаго господаря Стефана.

[Въ среду на Ѳоминой недѣлѣ мы прибыли въ селеніе, называемое Симоновка, въ семи верстахъ отъ столицы. Въ немъ множество садовъ съ прекрасными яблонями. Оно составляетъ угодье Симонова монастыря, по которому и получило свое названіе. Всѣ чужеземцы,

пріѣзжающіе въ Москву: патріархи, архіереи, монахи, купцы, ждутъ въ этой деревнѣ, пока ихъ приставъ не сообщитъ о нихъ визирю и не приготовитъ имъ помѣщеніе, послѣ чего онъ возвращается и провожаетъ ихъ въ городъ. То же сдѣлалъ съ нами и нашъ стольникъ,ославъ извѣстить визиря и царя о нашемъ пріѣздѣ, а между тѣмъ мы провели эту ночь въ селеніи. Мы встрѣтили на дорогѣ нѣсколько греческихъ купцовъ, возвращавшихся изъ Москвы, и спросили ихъ, по какому случаю насъ вернули назадъ. Они сообщили намъ, что вечеромъ въ Великую пятницу царь поссорился съ патріархомъ въ церкви — по какой причинѣ, никто въ точности не зналъ; было только извѣстно вообще, что ссора вызвана была высокомѣріемъ патріарха и его грубымъ обращеніемъ, ибо онъ сдѣлался чрезвычайно надменъ. Въ праздникъ Крещенія, когда онъ намѣревался совершить службу водоосвященія только одинъ разъ и когда это его намѣреніе дошло до свѣдѣнія нашего владыки патріарха, послѣдній отправился къ нему и убѣждалъ его, что такое дѣйствіе неправильно, ибо Никонъ постоянно просилъ нашего учителя, говоря ему: «если что найдешь достойное порицанія въ чинѣ нашихъ обрядовъ, скажи намъ объ этомъ, дабы мы поступали, какъ должно», и, обыкновенно, принималъ его совѣтъ съ величайшимъ вниманіемъ. Но въ этомъ случаѣ не захотѣлъ послушать его, отвергнувъ его авторитетъ по сему предмету. Царь, между тѣмъ, думалъ, что Никонъ, именно по совѣту нашего владыки патріарха, совершилъ обрядъ такъ, какъ совершилъ его; но теперь, когда до его свѣдѣнія дошло, что дѣло было наоборотъ, онъ поспорилъ съ нимъ и выбранилъ его, назвавъ *мужикъ, бл . . . нъ сынъ*, т. е. глупый крестьянинъ. Патріархъ сказалъ ему: «я твой духовный отецъ, зачѣмъ же ты оскорбляешь меня?» На что царь отвѣчалъ: «не ты мой отецъ, а святой патріархъ антіохійскій вопреки мой отецъ, и я сейчасъ пошлю вернуть его съ пути». Немедленно онъ призвалъ визиря и стольника и отправилъ послѣдняго въ погоню за нами. Вскорѣ разнеслась въ столицѣ молва, что царь послалъ вернуть патріарха антіохійскаго, но никто не зналъ, зачѣмъ. Греки полагали, что онъ возвращаетъ его для того, чтобы продержать у себя еще годъ, и наши друзья боялись, чтобы это не было началомъ какого-либо злополучнаго дѣла, но никто не зналъ настоящей причины; не знали ея и мы до послѣдующаго времени.

Въ четвергъ посланецъ вернулся съ отвѣтомъ, и мы отправились къ городу. Путь отъ этого селенія похожъ на путь отъ хана Туманъ до Алеппо: все подъемы и спуски, холмы и долины. Городъ виденъ за 15 верстъ, восхищая взоръ своею красотою и величіемъ, своею

возвышенностью, множествомъ башенъ и стройныхъ куполовъ церковныхъ, сверкающихъ золотомъ. Въѣхавъ (въ городъ),] мы остановились въ Кирилловомъ монастырѣ, гдѣ жили раньше, и намъ показалось, какъ будто мы выѣзжали изъ дому посѣтить кого нибудь и вернулись домой.

Къ нынѣшнему празднику Пасхи вышелъ царскій указъ касательно способа убиванія скота. Въ этомъ указѣ царь повелѣваетъ, чтобы скотъ рѣзали, согласно правиламъ, ибо, начиная съ Валахіи и Молдавіи, въ странѣ казаковъ и московитовъ скотъ не рѣжутъ, какъ опредѣлено правилами, а закалываютъ, какъ это принято у франковъ. Поэтому, нашъ владыка патріархъ, въ бытность свою въ царскомъ (Саввиномъ) монастырѣ, сообщилъ царю объ этомъ, и тотъ благодарилъ его и сдѣлалъ по его словамъ, и теперь московиты, подобно намъ, скотъ рѣжутъ, но съ большимъ ропотомъ, ибо думаютъ, что (ихъ способъ) противоположенъ способу убиванія, принятому у агарянъ; однако они говорятъ неправду на нихъ, и ихъ рѣчи неосновательны.

На другой день царь пригласилъ нашего владыку патріарха къ торжественному столу. Когда онъ вошелъ, царь встрѣтилъ его съ поклономъ и сказалъ: «отецъ и владыка! прошу тебя, какъ Христосъ простилъ грѣшницу и принялъ ея слезы, простить такъ и мнѣ и принять мои слезы и моленія, что я вызвалъ тебя. Не сѣтуй на меня за тягости пути и безпокойство: я вознагражу тебя за всѣ твои труды, какъ ты надѣешься и попросишь». И такъ царь обнаружилъ большую радость при видѣ нашего владыки, и послѣ того какъ онъ благословилъ его, подошли мы поцѣловать руку царя. Когда я поцѣловалъ у него руку, онъ сказалъ, улыбаясь: «Христосъ воскресе!» Я смутился, но отвѣтилъ: «воистину воскресе». По уходѣ нашемъ съ обѣда, возобновили доставленіе намъ припасовъ и денежнаго содержанія.

Греческіе купцы, здѣсь живущіе, разсказывали намъ, что царь, въ день праздника Пасхи, рано поутру, по своему обыкновенію, послѣ того какъ роздалъ государственнымъ вельможамъ красныя яйца въ церкви, подозвалъ послѣ нихъ греческихъ чужеземцевъ, здѣсь находящихся, и далъ каждому по два яйца. Всякій, кто получаетъ въ этотъ день изъ рукъ царя яйцо, обыкновенно, хранитъ его у себя въ домѣ какъ благословеніе — объ этомъ мы раньше говорили. Одѣливъ ихъ яйцами, царь подозвалъ ихъ поближе и сказалъ имъ: «хотите-ли и желаете-ли, чтобы я освободилъ и избавилъ васъ отъ неволи?» Они поклонились ему и отвѣчали: «какъ намъ не хотѣть этого?» и выразили ему подобающія благожеланія. Онъ продолжалъ: «когда вернетесь въ свою страну, просите своихъ архіереевъ, священниковъ и монаховъ

молиться за меня и просить Бога, ибо по ихъ молитвамъ мой мечъ сможетъ разсѣчь выю моихъ враговъ». Потомъ, проливая обильныя слезы, онъ сказалъ вельможамъ своего царства: «мое сердце сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей, которые находятся во власти враговъ вѣры. Богъ — да будетъ прославлено имя Его! — взыщетъ съ меня за нихъ въ день суда, ибо, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегаю этимъ», и прибавилъ: «не знаю, какъ долго будетъ продолжаться это дурное состояніе дѣлъ, но со временъ моихъ дѣдовъ и отцовъ къ намъ не перестаютъ приходить патріархи, архіереи, монахи и бѣдняки, стеная отъ обидъ, злобы и притѣсненій своихъ поработителей, и всѣ они являются къ намъ не иначе, какъ гонимые великой нуждой и жестокими утѣсненіями. Посему я боюсь, что Всевышній взыщетъ съ меня за нихъ, и я принялъ на себя обязательство, что, если Богу будетъ угодно, я принесу въ жертву свое войско, казну и даже кровь свою для ихъ избавленія». Они отвѣчали ему: «да дастъ тебѣ Господь по желанію сердца твоего!» Обрати вниманіе, читатель, на качества этого святого.

Возвращаемся. Намъ также разсказывали, что въ великую субботу прибылъ къ царю посолъ отъ короля и вельможъ ляшскихъ, умоляя его простить ихъ, (обѣщая) признать его власть и исполнить все, чего онъ потребуетъ отъ нихъ. Царь принялъ ихъ просьбу до поры до времени.

Въ это время прибылъ къ царю молдавскій митрополитъ посломъ отъ Стефана воеводы, въ сопровожденіи логоѳета и многочисленной свиты, кланяясь царю своей землей и обѣщая быть у него въ подчиненіи, ибо такъ рѣшила вся страна, знатные и простолюдины, вслѣдствіе своего стѣсненнаго положенія и безсилія противиться власти своихъ поработителей, въ особенности татаръ. Царь былъ сильно разгнѣванъ на Стефана за то, что онъ нѣсколько разъ посылалъ ляхамъ помощь противъ казаковъ, такъ какъ между казаками и молдаванами большая вражда. Стефанъ непрестанно употреблялъ всевозможныя ухищренія, пока не устранилъ вражду посредствомъ даровъ, посольствъ и просьбъ, такъ что она обратилась въ большую дружбу. Царю онъ представилъ письмо отъ іерусалимскаго патріарха во свидѣтельство, что подчиняется ему отъ искренняго сердца; однако, царь не внялъ этимъ рѣчамъ, говоря, что все это обманъ, и даже не принялъ ходатайства нашего владыки патріарха [1], но тотъ не переставалъ умолять его, пока

[1] Когда патр. Макарій уѣзжалъ изъ Молдавіи, Стефанъ просилъ его ходатайствовать за него предъ царемъ, и патріархъ обѣщалъ ему.

царь не внялъ его просьбамъ и не смиловался надъ Стефаномъ. Послы имѣли съ собою прошеніе отъ имени всей страны, въ коемъ просятъ у царя десять вещей: изъ нихъ одна та, чтобы царь помогалъ имъ своими войсками въ опасности и въ иныхъ случаяхъ; далѣе, чтобы онъ бралъ съ нехъ подать согласно тому, какъ положено въ старинныхъ книгахъ временъ греческихъ царей; чтобы упомянутый господарь не былъ смѣняемъ во всю жизнь, а послѣ его смерти былъ бы поставленъ господарь изъ его племени; чтобы царь снялъ съ нихъ подать на 10 лѣтъ; что господарь не долженъ казнить никого изъ бояръ безъ дозволенія царя. И такъ царь позвалъ ихъ, они цѣловали его руку и представили ему въ даръ превосходнаго турецкаго коня въ полномъ, великолѣпномъ золотомъ уборѣ, осыпанномъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, а также поднесли ему ногу одного изъ сорока мучениковъ, Іоанна по имени. Патріарху они поднесли бархата, парчи и мощи святого. Царь же пожаловалъ имъ много подарковъ, назначилъ содержаніе и пр.

Глава XIV.

Москва.—Посвященіе Іосифа, архіепископа Астраханскаго. Приготовленія къ войнѣ съ Швеціей. Царь готовится къ отъѣзду. Соборъ по вопросу о крещеніи поляковъ. Причины возвращенія въ Москву патріарха Макарія.

Возвращаемся (къ разсказу). [Въ воскресенье Самаряныни мы отправились, по приглашенію патріарха, въ соборъ, чтобы присутствовать при посвященіи киръ Іосифа, архіепископа Астраханскаго. Сердца наши горѣли желаніемъ видѣть это прекрасное зрѣлище, и—хвала Богу!—по круговоротѣ времени, наконецъ выпало намъ на долю это счастіе. Пока патріархи облачались, устлали коврами большой, высокій помостъ и поставили на него три кресла: для царя и для двухъ патріарховъ. Отъ царскаго кресла до алтарныхъ дверей разостлали красное сукно, а поверхъ его розовый бархатъ, чтобы царь ступалъ на него; а подъ креслами патріарховъ разостлали фіолетовое сукно, а поверхъ его синій бархатъ. *Халдеи* въ длинныхъ красныхъ кафтанахъ, съ широкими рукавами, съ длинными палками въ рукахъ и въ высокихъ красныхъ колпакахъ, стояли, въ числѣ шести, кругомъ амвона. Мы уже раньше упоминали, что при посвященіи епископа ихъ бываетъ, обыкновенно, четверо; при посвященіи архіепископа шестеро; при посвященіи митрополита—восемь, а при посвященіи патріарха—двѣнадцать; но не знаемъ, какъ объяснить цѣль этого. Патріархи вышли

изъ алтаря) и сѣли на свои кресла. Приѣхалъ царь и, приложившись, къ иконамъ, направился къ патріархамъ, которые сошли преподать ему благословеніе, послѣ чего онъ поднялся и сѣлъ на кресло рядомъ съ ними. Онъ былъ въ коронѣ, въ царскомъ одѣяніи и порфирѣ и сидѣлъ по правую руку. Тогда архидіаконъ, съ своими товарищами, вышелъ впередъ и, вызывая архіереевъ, архимандритовъ и священниковъ по-двое, дѣлалъ съ ними *метанія*[1] предъ царемъ и патріархами. Архіереи разсаживались на уступахъ помоста съ каждой стороны, до самаго нижняго, по своимъ степенямъ; а архимандриты въ митрахъ сѣли на креслахъ по обѣимъ сторонамъ хороса. Вывели лицо, назначенное къ посвященію, въ облаченіи и митрѣ: онъ былъ архимандритомъ одного монастыря въ Астрахани. Поклонившись дважды царю и патріархамъ, какъ сдѣлали другіе, онъ сталъ передъ ними поодаль, лицомъ къ западу, и началъ читать грамоту, данную ему жителями его области, а также произнесъ громкимъ голосомъ исповѣданіе соборовъ и символъ вѣры, какъ это установлено въ Евхологіи, поминая имена царя и патріарха со многими хвалами. Они слушали его, сидя, но когда онъ началъ читать символъ «Вѣрую во единаго Бога», они поднялись и стояли. Кончивъ, онъ взошелъ къ патріарху, и тотъ прочелъ надъ нимъ положенныя молитвы и благословилъ его. По заключеніи этой церемоніи, патріархъ сошелъ къ своему мѣсту, и начали часы и обѣдню. При Трисвятомъ было совершено обычнымъ образомъ посвященіе архіепископа. Ему вручили Евангеліе, онъ пошелъ и поднесъ его царю приложиться, а потомъ всѣмъ служащимъ.

Послѣ обѣдни мы поднялись въ царскую столовую и видѣли, какъ архіепископъ, сопровождаемый царскими боярами, проѣхалъ верхомъ, съ крестомъ въ рукѣ, окруженный халдеями, и окропилъ стѣны Кремля, послѣ чего вернулся къ столу. На другой день онъ окропилъ вторую стѣну города, а на третій день все остальное, по обычаю московитовъ. Затѣмъ, онъ поднесъ царю и всему царскому семейству въ подарокъ иконы, золоченые кубки, динары, соболей, шелкъ, парчу и пр.; а также сдѣлалъ подарки патріарху, нашему учителю, намъ, и всѣмъ присутствовавшимъ при его посвященіи архіереямъ, настоятелямъ монастырей, священникамъ и большимъ и маленькимъ дьяконамъ.

Между тѣмъ царь послалъ приказъ всѣмъ воеводамъ страны, чтобы они доставили ему людей и пособіе для имѣющаго вскорѣ быть похода и уплатили за каждаго раба и служителя, которыхъ желали

[1] Метаніе—слово греческое. Это малый земной поклонъ, при чемъ касаются земли не челомъ, а рукой.

удержать въ своихъ помѣстьяхъ, отъ 20 до 40 руб. съ человѣка, взамѣнъ военной службы, при чемъ представили бы замѣстителей, пока тѣ отсутствуютъ и отдыхаютъ отъ трудовъ войны. Этотъ приказъ строго приводился въ исполненіе не только относительно воеводъ и ихъ рабовъ, но также и относительно всѣхъ бояръ, живущихъ въ своихъ домахъ по всей странѣ, при чемъ не дѣлалось никакого исключенія, хотя многіе изъ нихъ были стары и дряхлы.]

Царь опять готовился ѣхать въ городъ Смоленскъ, чтобы видѣть, на чемъ установится соглашеніе между нимъ и ляхами, и отправилъ впередъ войско, припасы и тяжести. Противъ Швеціи онъ послалъ трехъ большихъ князей съ 300.000 ратниковъ, и они пошли въ Новгородъ и Псковъ, выступивъ изъ столицы съ большою торжественностью и пышностью. Царь и цесарь согласились напасть на шведовъ, первый—съ суши, второй—съ моря; такъ было рѣшено. Послѣ этого царь сталъ держать шведскаго посла въ тѣсномъ заключеніи, поставивъ кругомъ его жилища два *приказа*—1.200—стрѣльцовъ съ ружьями стеречь его со всѣхъ сторонъ, какъ пылающій огонь. Къ нимъ отнюдь никого не допускали. Окруживъ ихъ, отобрали всѣ найденные у нихъ мечи, ножи, а также перья и чернила, чтобы они не писали писемъ въ свою страну, послѣ чего перемѣстили ихъ въ каменное зданіе, гдѣ ратники стерегли ихъ съ чрезвычайною бдительностью. Все это дѣлалось изъ опасенія, что они будутъ посылать письма въ свою страну и что до нихъ будутъ доходить оттуда извѣстія.

Въ это время царь ѣздилъ на богомолье для прощанія съ монахами въ монастыри, находящіеся внутри и внѣ города Въ нашъ монастырь онъ прибылъ въ понедѣльникъ вечеромъ и прикладывался въ его церквахъ къ иконамъ. Нашъ владыка патріархъ пошелъ къ нему, благословилъ его и привѣтствовалъ; при этомъ царь сказалъ ему: «отецъ мой! молись за меня, такъ какъ я намѣренъ скоро идти въ походъ», поклонился ему, попрощался и отправился посѣщать другіе монастыри. [На слѣдующій день, во вторникъ, зазвонили въ колокола послѣ обѣдни, и царь сошелъ въ церковь. Здѣсь оба патріарха, съ архіереями и архимандритами, облачившись, совершили для царя молебствіе, по окончаніи котораго вышли крестнымъ ходомъ за кремлевскія ворота туда, гдѣ находится каменный помостъ для молебствій. Совершивъ службу, простились съ иконой Божіей Матери Влахернской и съ крестомъ Константина, которые были поручены охранѣ Іосифа, митрополита Крутицкаго, назначеннаго въ этомъ году везти ихъ предъ царемъ: сначала они помолились на нихъ и облобызали, и такъ разстались съ ними на время.

Обрати вниманіе, читатель, на ихъ вѣру и убѣжденіе! они посылаютъ эти священныя сокровища предъ царемъ, чтобы вести его къ побѣдѣ и отраженію враговъ.

Мы сняли тутъ же свои облаченія, и нашъ владыка патріархъ возвратился въ своей каретѣ, въ сопровожденіи патріарха Никона, въ нашъ монастырь.]

Въ воскресенье передъ Вознесеньемъ нашъ владыка патріархъ былъ приглашенъ патріархомъ Никономъ. Отстоявъ обѣдню въ соборѣ, мы поднялись къ нему въ палаты, гдѣ въ этотъ день онъ созвалъ соборъ. Еще раньше было послано приглашеніе всѣмъ архіереямъ страны, вслѣдствіе чего прибылъ митрополитъ Казанскій. Причиной созыва этого собора былъ вопросъ о крещеніи ляховъ. Дѣло въ томъ, что московиты, какъ уже нами сказано, крестили ихъ, тогда какъ въ правилахъ это воспрещается, за исключеніемъ четырехъ исповѣданій, возникшихъ въ наше время: англиканъ, лютеранъ, кальвинистовъ и павликіанъ, кои суть послѣдователи Павла Самосатскаго и составляютъ тридцать деревень въ округѣ Тырнова. Нашъ учитель потребовалъ, чтобы московиты поступали, какъ написано въ ихъ церковныхъ правилахъ. Мы раньше нашли въ одной древней рукописной книгѣ со Святой Горы все это вполнѣ выясненнымъ, и нашъ владыка патріархъ списалъ эту главу въ особую тетрадь и приложилъ свою подпись. Теперь онъ много спорилъ съ архіереями, и они послѣ долгихъ преній, волей-неволей, согласно свидѣтельству ихъ правилъ, должны были признать истину. Нашъ владыка вручилъ посланіе объ этомъ патріарху Никону; тотъ приложилъ къ нему свою подпись и отдалъ царю. Его перевели на русскій языкъ, напечатали и роздали, и согласно съ нимъ, вышелъ царскій указъ, воспрещающій крестить ляховъ и всѣхъ франковъ, послѣдователей папы, такъ какъ они къ намъ ближе всѣхъ исповѣданій. Такъ было рѣшено, и соборъ былъ оконченъ.

Со времени нашего возвращенія въ Москву, мы, сколько ни разспрашивали, не могли узнать, для чего царь насъ вернулъ; [но этой причинѣ мы очень роптали про себя, въ особенности, когда увидѣли, что насъ задерживаютъ дольше, чѣмъ обѣщали. Мы опять впали въ прежнее безпокойство, и насъ мучили обѣщаніями со дня на день, между тѣмъ какъ никто не умѣлъ дать намъ опредѣленнаго отвѣта,] пока, наконецъ, мы не узнали причину (нашего возвращенія), которая была троякою: во-первыхъ, вопросъ о крещеніи ляховъ, во-вторыхъ, дѣло митрополита молдавскаго, и въ-третьихъ, отлученіе еретика, вновь явившагося у нихъ, второго Арія, о коемъ мы потомъ разскажемъ.

Глава XV.

Москва.—Отъѣздъ царя изъ Москвы и проводы его. Письмо царя изъ Можайска къ патріарху Макарію. Отлученіе протопопа. Освященіе храма на подворьѣ Иверскаго Валдайскаго монастыря.

Въ четвергъ Вознесенья подтвердилось извѣстіе о томъ, что царь въ этотъ день отправится въ походъ По его приглашенію, нашъ владыка служилъ вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ въ Вознесенскомъ монастырѣ, что насупротивъ насъ, въ присутствіи царя. Послѣ полудня начали звонить въ колокола по порядку, отдѣльными ударами, для того чтобы собралось войско и государственные мужи, которые и стали стекаться. Мы пошли къ патріарху. Подъ вечеръ государственные мужи начали выводить изъ Кремля чрезъ царскія [1] ворота за городъ своихъ слугъ и коней подъ сѣдлами, знамена и украшенія, по своимъ степенямъ и чинамъ, что составляло великолѣпный поѣздъ. Слуги вельможъ щеголяютъ одни предъ другими отличнымъ платьемъ и оружіемъ и конями своихъ господъ, наилучшей породы и въ прекраснѣйшемъ уборѣ. Народъ узнавалъ ихъ и говорилъ: «эти слуги и лошади такого-то князя, такого-то боярина». Первыми появились слуги низшихъ вельможъ, а за ними слѣдовали слуги князей и визирей. Они собирались со всего города и проходили чрезъ ворота св. Іоанна Крестителя [2], что въ стѣнѣ, позади дворца, съ западной стороны, входили на кремлевскую площадь и выходили въ ворота, что напротивъ церкви Благовѣщенія. Здѣсь стояли священники въ облаченіяхъ и окропляли ихъ святой водой, когда они проходили мимо, отъ перваго до послѣдняго. При этомъ новый колоколъ гудѣлъ до самаго вечера. Вечеромъ царь сошелъ въ (соборную) церковь, одѣтый въ наилучшее царское одѣяніе; вмѣсто короны на немъ былъ высокій *колпакъ*, весь осыпанный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, съ султаномъ, на подобіе пера, со многими вѣтвями, ниспадающими внизъ, на коихъ висѣли алмазы величиною съ горошину, въ родѣ того, какъ висятъ ягоды смородины; они переливались и сверкали въ церкви, такъ что ослѣпляли взоры и поразили насъ изумленіемъ,—подойдя поближе, я хорошо ихъ разсмотрѣлъ. Я неотступно упрашивалъ нашего владыку патріарха уговорить патріарха Никона выйти провожать царя не въ облаченіяхъ, но лишь въ ман-

[1] Подъ словомъ „царскія“ здѣсь разумѣются, вѣроятно, Спасскія ворота.

[2] Боровицкія ворота.

тіяхъ, епитрахиляхъ и омофорахъ, чтобы намъ хорошенько видѣть зрѣлище. Такъ и было. Облачившись въ соборѣ, они отслужили царю молебенъ, послѣ котораго патріархъ Никонъ прочелъ надъ его головою молитвы на брань и побѣду и попросилъ нашего учителя также прочесть надъ нимъ молитвы, но царь не пожелалъ и сказалъ: «наружѣ». Затѣмъ они разоблачились и надѣли свои мантіи, кромѣ насъ, архіереевъ и священниковъ, которые пошли впереди царя вмѣстѣ съ патріархами въ своихъ облаченіяхъ, чтобы проводить его за Кремль. На помостахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, по обѣ стороны царскихъ воротъ, стояли два архіерея и окропляли всѣхъ проходящихъ святой водой. При этомъ гудѣли всѣ колокола, пока мы не дошли до круглаго мѣста для молебствій, коего стѣны кругомъ были убраны краснымъ сукномъ, а на немъ была разостлана парча. Народу было какъ песку морского. Царь пригласилъ и шведскаго посла, чтобы онъ видѣлъ и удивлялся. Затѣмъ царь подошелъ къ нашему владыкѣ патріарху, склонился передъ нимъ, и онъ прочелъ надъ царемъ нѣсколько молитвъ. Начали проводить породистыхъ коней, то-есть заводныхъ: то были царскіе, прекраснѣйшіе кони, приведенные изъ страны кизилбашей(персіянъ), изъ странъ турокъ, нѣмцевъ, татаръ и калмыковъ. Они были въ великолѣпномъ уборѣ и многочисленны. За ними провезли множество царскихъ экипажей, и прошли придворные воины и ратники, стольники и всѣ придворные чины. Мы дивились, глядя на нихъ и ихъ убранство. Патріархи благословили царя и простились съ нимъ; а архіереи и архимандриты поднесли ему позолоченныя иконы и всѣ подходили къ его рукѣ, включая купцовъ города и насъ. Царь простился съ ними и, сѣвъ на коня, отправился. Войска не переставали двигаться за нимъ, какъ песокъ, въ теченіе всей ночи. Царь поѣхалъ ночью въ свою деревню, гдѣ есть дворецъ, въ трехъ верстахъ отъ столицы.

Въ пятницу, рано поутру, патріархъ Никонъ пригласилъ нашего учителя, и они, сѣвъ въ экипажъ, отправились, и мы съ ними, въ селеніе, принадлежащее патріарху, въ семи верстахъ отъ города, чтобы встрѣтить тамъ царя, путь котораго пролегалъ чрезъ это селеніе. Когда мы туда пріѣхали, начали проходить экипажи, лошади и войска, и чрезъ малое время мы услышали три пушечныхъ выстрѣла—знакъ, что царь выѣхалъ. Когда онъ появился въ своемъ экипажѣ, оба патріарха встрѣтили его и Никонъ повелъ его въ свой дворецъ, находящійся въ этомъ селеніи, гдѣ предложилъ ему и вельможамъ роскошную трапезу, продолжавшуюся до поздняго вечера. Мы же стояли и смотрѣли на войска: то былъ день зрѣлища, какія въ жизни на счету.

Было чудомъ Божіимъ, что намъ выпало счастье, возвратившись съ пути, видѣть такое зрѣлище.

Затѣмъ царь всталъ, и патріархъ сошелъ съ нимъ внизъ и простился. Когда нашъ учитель благословилъ его разъ, царь сказалъ: «второй», потомъ: «третій», поклонился ему и простился съ нимъ. Мы опять поцѣловали у него руку. Онъ сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ, а мы возвратились въ городъ.

Царь, доѣхавъ до монастыря св. Николая, извѣстнаго подъ именемъ «Можайскій», въ 40 верстахъ отъ его монастыря (Саввина) и въ 90 отъ столицы, прислалъ нашему владыкѣ патріарху съ однимъ изъ стольниковъ письмо, въ которомъ, послѣ своего полнаго титула, говоритъ ему: «великій нашъ владыка и отецъ, милостію Божіею святѣйшій и блаженнѣйшій патріархъ великаго града Божьяго Антіохіи и всего Востока, киръ Макарій! Твой духовный сынъ, царь Алексѣй, кланяется тебѣ до земли и спрашиваетъ о твоемъ здравіи и благополучіи. Отецъ мой! твоимъ благословеніемъ и твоими святѣйшими за наше царское величество молитвами, великій господинъ, мы прибыли, по милости Божіей, здравыми и невредимыми, 10 мая, въ крѣпость, именуемую Можайскъ». И внизу подписалъ своею рукою такъ: «твой духовный сынъ Алексѣй кланяется твоей святости». Всѣ эти письма я перевелъ на греческій языкъ и сохранилъ у себя вмѣстѣ съ русскимъ оригиналомъ, который имѣетъ красную сургучную печать: двуглавый орелъ и посрединѣ его царь верхомъ. Послѣ этого царь отправился въ Смоленскъ и тамъ остановился.

Въ воскресенье, послѣ Вознесенія, нашъ владыка патріархъ служилъ въ соборѣ вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, и они отлучили протопопа, который прежде состоялъ при царѣ. Это тотъ самый протопопъ, котораго Никонъ заточилъ, какъ только сдѣлался патріархомъ, за то, что онъ уподобился Арію и сталъ еретикомъ, произнося хулу на четырехъ патріарховъ и говоря о нихъ, что они, по причинѣ порабощенія ихъ турками, лишились своей власти, и произносилъ также хулу на Духа святого Этотъ несчастный, убѣжавъ изъ заточенія, возвратился въ столицу, гдѣ и скрывался. Патріархъ тщетно разыскивалъ его, чтобы схватить, но не нашелъ, потому что онъ постоянно мѣнялъ свою одежду и перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Нашъ владыка патріархъ чрезъ драгомана говорилъ передъ всѣмъ народомъ такъ: назвалъ его вторымъ Аріемъ, ибо какъ тотъ былъ протопопомъ въ Александріи, такъ этотъ былъ протопопомъ въ Москвѣ; анаѳематствовалъ его, проклялъ и отлучилъ, а также всякаго, кто послушаетъ его словъ. Пѣвчіе

и священники пропѣли трижды «анаѳема». Послѣ обѣдни мы пошли къ патріарху обѣдать.

[Въ день Пятидесятницы нашъ учитель опять служилъ съ нимъ обѣдню, послѣ которой тотчасъ же совершили обычное колѣнопреклоненіе, при чемъ каждый подложилъ себѣ подъ колѣна, когда становился на нихъ, принесенный съ собою пучекъ листьевъ. Патріархъ прочелъ молитвы тихимъ голосомъ, съ выраженіемъ смиренія и сокрушенія, и при этомъ плакалъ. Окончивъ ихъ, прочелъ поученіе на этотъ день и потомъ сказалъ проповѣдь. Мы вышли отъ обѣдни лишь послѣ седьмого часа, и патріархъ предложилъ намъ роскошное угощеніе. Въ этотъ вечеръ шелъ очень сильный дождь, сопровождавшійся большимъ холодомъ.

Патріархъ Никонъ постоянно просилъ нашего учителя написать для него чинъ Ἐγκαίνια (обновленія) храма и весь порядокъ этого чина, согласно обряду грековъ. Недавно онъ вступилъ во владѣніе палатами одного изъ умершихъ визирей и, передѣлавъ ихъ, обратилъ въ подворье для своего новаго монастыря (Иверскаго)—гдѣ, какъ мы уже сказали, онъ помѣстилъ казацкихъ монаховъ—дабы, когда они будутъ пріѣзжать изъ монастыря въ столицу, оно могло служить для нихъ пристанищемъ. Въ самой верхней части этого помѣщенія онъ устроилъ красивую, высокую церковь, которая была еще не освящена. По этой причинѣ онъ побуждалъ теперь нашего владыку патріарха потщиться и составить чинъ дѣйствій при ея освященіи и «обновленіи» по собственному мнѣнію и въ согласіи съ греческимъ обрядомъ, дабы онъ могъ видѣть, согласуется-ли таковой съ ихъ обрядомъ. По этому поводу мы очутились въ большомъ затрудненіи, потому что чинъ «обновленія храма» не содержится въ печатныхъ греческихъ Евхологіяхъ, ни въ арабскихъ, ни въ иныхъ, но совершенно отсутствуетъ въ нихъ, ибо, послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, нашъ учитель не нашелъ его. Мы потомъ узнали отъ лицъ, достойныхъ довѣрія, что франки воспрещаютъ печатать многое: изъ числа этого одно есть «обновленіе храма», а другое—приготовленіе святого мура, и что это дѣлается изъ ненависти къ намъ, но правда въ томъ, что эти двѣ службы достойны храниться лишь въ сокровищницѣ патріарховъ. Проискавъ долгое время, мы нашли, по нашей свыше, въ одной изъ книгъ Святой Горы, древнее греческое сочиненіе по этому предмету, и нашъ владыка патріархъ съ большимъ трудомъ перевелъ его съ греческаго на арабскій. Какъ только онъ кончилъ это, патріархъ Никонъ, по собственному побужденію, пришелъ къ нему подъ вечеръ въ понедѣльникъ Пятидесятницы и просилъ его освятить церковь и совершить всю службу по-

гречески. Случилось, что въ это самое утро нашъ владыка патріархъ послалъ своего архимандрита впередъ себя въ новую церковь, чтобы сдѣлать всѣ приготовленія, необходимыя для «обновленія», и патріархъ Никонъ приказалъ своему эконому закупить всѣ требуемыя вещи, согласно указаніямъ нашего учителя. И такъ, около времени наступленія ночи, мы отправились на мѣсто и, войдя въ старую церковь, что подлѣ новой, совершили въ ней малое повечеріе, согласно указаніямъ служебника. Затѣмъ нашъ учитель взялъ въ руки мощи двухъ святыхъ, во имя коихъ эти двѣ церкви, и, помѣстивъ ихъ въ ковчежецъ, вошелъ и положилъ ихъ на престолъ. По совершеніи имъ отпуста, мы пошли въ новую церковь и совершили въ ней великое бдѣніе, продолжавшееся съ вечера до разсвѣта, какъ обыкновенно длятся ихъ бдѣнія, при чемъ пѣли и читали все по-гречески. За службой присутствовалъ архидіаконъ московскаго патріарха съ нѣсколькими писцами, чтобы записать весь чинъ. При поліелеѣ мы облачились и облачили нашего владыку, согласно обычаю московитовъ, и онъ окадилъ кругомъ церковь. Мы вышли изъ нея только послѣ разсвѣта, полумертвые отъ ходьбы, стоянія и безсонницы.

Послѣ трехъ часовъ дня зазвонили въ колокола, и мы вошли (въ церковь) и облачили нашего владыку патріарха въ полное облаченіе и затѣмъ пошли большимъ крестнымъ ходомъ въ старую церковь; здѣсь владыка возложилъ ковчежецъ съ мощами себѣ на голову, и мы пошли назадъ. Былъ данъ приказъ, чтобы, какъ только зазвонятъ у насъ въ колокола, тотчасъ звонили въ колокола собора; по этому знаку московскій патріархъ со своими архіереями и духовенствомъ, облачившись, вышелъ большимъ крестнымъ ходомъ встрѣтить насъ у воротъ монастырскаго подворья, куда мы всѣ и вошли. Поднявшись въ церковь, мы обошли кругомъ нея, при чемъ владыка несъ на головѣ ковчежецъ съ мощами, по мосткамъ, нарочно для этого устроеннымъ, на подобіе деревяннаго помоста, три раза, какъ предписано въ упомянутой книгѣ. По третьемъ обходѣ, мы вошли въ церковь, гдѣ нашъ владыка патріархъ поставилъ ковчежецъ съ мощами на аналой въ нарѳексѣ. Прочтя положенныя молитвы и Евангеліе, онъ окадилъ мощи, понесъ ихъ далѣе внутрь церкви и положилъ на аналой предъ царскими вратами. Затѣмъ онъ закончилъ службу и обѣдню, по обычаю, и, по благословенію Божьему, мы были такъ счастливы, что успѣшно совершили весь чинъ [1]. Значительная часть ектеній и пр. была про-

[1] Слѣдующая за этимъ фраза передана англійскимъ переводчикомъ, очевидно, невѣрно и смыслъ ея трудно угадать: „все собраніе было затѣмъ переписано, и

читана мною. Въ этой церкви помѣстили теперь вышеупомянутую великолѣпную икону Владычицы [1]. Когда мы вышли изъ церкви, двери заперли и, запечатавъ ихъ, поставили тутъ для охраны отрядъ стрѣльцовъ.

Затѣмъ мы пошли въ трапезную, гдѣ въ этотъ день патріархъ Никонъ оказалъ великую честь нашему учителю, посадивъ его на свое мѣсто за столомъ. Архіереи, настоятели монастырей и знатные люди столицы, всѣ сдѣлали московскому патріарху значительные подарки иконами, золочеными кубками, соболями, матеріями, парчой и пр., поздравляя съ освященіемъ новой церкви, имъ самимъ построенной, ибо торжество обновленія храма весьма велико въ глазахъ тѣхъ, кто сооружаетъ церкви, и въ такой день, какъ нынѣшній, они щедро раздаютъ милостыню и подарки, предаваясь радости и веселью, такъ какъ ихъ церковь безъ «обновленія» осталась бы простымъ домомъ.

Патріархъ самъ раздавалъ подарки и деньги всѣмъ присутствующимъ: его казначей принесъ ему на блюдахъ золотыя и серебряныя монеты.] Нашему владыкѣ патріарху за его труды онъ подарилъ позолоченную икону Владычицы, золоченую чашу, два куска парчи и два куска камки; роздалъ динары въ бумажкахъ всѣмъ архіереямъ и архимандритамъ, а также намъ и нашимъ служителямъ, всѣмъ служителямъ молдавскаго митрополита и другимъ, [при чемъ обнаруживалъ большую радость и веселость. Сверхъ всѣхъ, онъ осыпалъ дарами государственныхъ сановниковъ.] Затѣмъ мы встали и возвратились въ свой монастырь.

По приказанію патріарха, архіереи приходили получить благословеніе нашего владыки патріарха, подносили ему подарки и прощались съ нимъ. Также и царь приказалъ дать ему вторую милостыню въ награду за его труды и намъ выдали, вмѣстѣ съ деньгами на мелкіе расходы въ дорогѣ, содержаніе по конецъ іюня, когда исполнялось два года безъ двадцати дней (нашего пребыванія здѣсь).

нашъ владыка патріархъ приступилъ къ размѣщенію ихъ по мѣстамъ, внутри и внѣ". Быть можетъ, слѣдовало бы передать такъ: „вся церемонія была записана, и нашъ владыка патріархъ приступилъ къ размѣщенію *иконъ* по мѣстамъ"...

[1] Вѣроятно, икону Иверской Божіей Матери, устроенную патріархомъ Никономъ для Иверскаго Валдайскаго монастыря.

Глава XVI.

Обратный путь. — Лѣтняя картина мѣстности. Озимые посѣвы. Сѣвскій воевода. Прибытіе въ Путивль. Путь чрезъ Малороссію. Ярмарка въ Прилукахъ. Приближеніе къ Кіеву. Радость путешественниковъ.

Въ среду по Пятидесятницѣ мы простились съ патріархомъ. Намъ привели подводы и въ четвергъ 28 (29) мая мы выѣхали изъ города въ каретѣ, подаренной царемъ нашему владыкѣ, потому что наша карета разбилась на возвратномъ пути сюда, и мы ее отдали митрополиту Никейскому. [Въ этотъ день мы переѣхали черезъ три рѣки по мостамъ, а на слѣдующій день черезъ двѣ на лодкахъ: одна называется Нара, на полпути между Москвой и Калугой, другая — Протва; послѣдняя, когда мы теперь къ ней вернулись, какъ оказалось, сильно прибыла и залила всю ту мѣстность, такъ что мы почти цѣлый день употребили, чтобы переѣхать ее на судахъ. Затѣмъ мы переѣхали шестую рѣку незначительной величины и прибыли въ Калугу, гдѣ нашли подводы готовыми для насъ, ибо визирь послалъ впередъ насъ приказъ во всѣ города по дорогѣ до самаго Путивля не задерживать насъ ни на минуту. Мы только скорбѣли о трудахъ и утомленіи десяти стрѣльцовъ, которые провожали насъ отъ города до города, при чемъ несли свои ружья и другое оружіе и помогали вытаскивать экипажъ въ трудныхъ мѣстахъ дороги. Такъ какъ подводы были заготовлены для насъ заранѣе, то мы ѣхали безостановочно. Отъ Москвы до Калуги разстояніе 180 верстъ. Отъ Калуги сопровождавшіе насъ стрѣльцы вернулись домой, и ихъ замѣнилъ другой отрядъ до Лихвина, а этихъ смѣнили другіе до Бѣлева, и потомъ опять новые до Болхова, гдѣ была оставлена наша кладь.

Отъ Калуги до Болхова разстояніе 110 верстъ. Здѣсь мы пробыли одинъ день, укладывая свой багажъ, и купили лошадей, для экипажей и вьюковъ, потому что ранѣе послали приказаніе продать тѣхъ, которыхъ оставили въ Путивлѣ. Изумительно было видѣть то, что мы теперь наблюдали, ибо тѣ самыя земли, которыя, при нашемъ выѣздѣ изъ Москвы, были совершенно покрыты снѣгомъ, а при нашемъ возвращеніи во второй разъ представляли сплошную грязь и слякоть, теперь, какъ оказалось, когда мы проѣзжали по нимъ въ третій разъ, волновались высокою рожью, въ ростъ человѣка, которая уже колосилась и чередовалась съ ячменемъ и другими посѣвами. Мы уже раньше упоминали, что московиты имѣютъ обыкновеніе сѣять хлѣбъ въ августѣ и сентябрѣ, и онъ выростаетъ на одну пядень или выше

до наступленія холодовъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Между тѣмъ выгоняютъ на него скотъ, чтобы онъ кормился имъ и тучнѣлъ. Затѣмъ выпадаетъ снѣгъ и покрываетъ посѣвъ, (что продолжается) безпрерывно отъ ноября до начала апрѣля, когда онъ таетъ, и такъ какъ земля размягчается, то посѣвъ всходитъ и въ сорокъ дней достигаетъ полной высоты. Намъ объ этомъ разсказывали, но мы не хотѣли вѣрить, пока не увидали собственными глазами.

Затѣмъ насъ проводили десять стрѣльцовъ отъ Болхова до Карачева, и потомъ другіе до Сѣвска — отъ Болхова до Сѣвска 190 верстъ. Сѣвскій воевода весьма радушно принялъ нашего владыку патріарха и, будучи спрошенъ имъ о состояніи его области, отвѣчалъ: «я имѣю власть надъ восемью тысячами селеній, бо́льшая часть которыхъ помѣстья, пожалованныя всадникамъ, и послалъ изъ нихъ царю 8000 ратниковъ». Мы удивились значительности доставленной имъ подмоги.

Въ сопровожденіи стрѣльцовъ, данныхъ намъ воеводой, мы оставили это мѣсто и прибыли въ Путивль въ четвергъ 12 іюня, ровно черезъ 15 дней по выѣздѣ изъ Москвы; разстояніе отъ Сѣвска до Путивля составляетъ 120 верстъ. Во всѣхъ городахъ мы промедлили около четырехъ дней, такъ что проѣхали дорогу въ одиннадцать дней, имѣя возможность ѣхать съ такою быстротою, благодаря предварительному заготовленію подводъ и большой продолжительности дня, который былъ въ 17 часовъ. Сверхъ того, бо́льшая часть дороги была легкая, и мы ѣхали даже быстрѣе, чѣмъ, обыкновенно, ѣздятъ гонцы, такъ какъ давали нашимъ животнымъ отдыхать отъ города до города. Лошади здѣсь никогда не ходятъ шагомъ, но всегда бѣгутъ рысью или галопомъ и все-таки не утомляются. Разстояніе отъ Москвы до Путивля, по нашему счету, составляетъ ровно 600 верстъ, но вслѣдствіе трудности пути увеличивается верстъ на сто. Благодаря усиліямъ нашихъ лошадей, которыхъ мы перемѣняли ежедневно, мы совершили этотъ путь въ 11 дней, тогда какъ купцы, которые ѣдутъ на своихъ лошадяхъ, могутъ сдѣлать его не менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ.

Когда мы подъѣзжали къ Путивлю, нашъ пріятель, тамошній воевода, вышелъ намъ на встрѣчу съ радостью и веселіемъ, въ сопровожденіи всего духовенства, и насъ повели съ большимъ крестнымъ ходомъ сначала въ церковь, а потомъ отвели въ обширное помѣщеніе. Здѣсь къ нашему владыкѣ патріарху постоянно приходили посѣтители. Мы очень дивились на одно замѣчательное совпаденіе, а именно: когда мы, два года тому назадъ, сюда прибыли, былъ четвергъ; когда возвратились нынѣ въ Москву и въѣхали въ городъ, былъ тоже

четвергъ; выѣхали изъ нея въ четвергъ и теперь въ четвергъ же прибыли опять въ Путивль.

Въ третье воскресенье по Пятидесятницѣ, по приглашенію воеводы, мы отслужили обѣдню, въ его присутствіи, въ соборной церкви, а рано поутру въ понедѣльникъ 16 іюня воевода пришелъ проститься съ нами, и мы выѣхали изъ Путивля на подводахъ, въ сопровожденіи десяти всадниковъ и драгомановъ, согласно приказанію царя. Когда мы подъѣзжали къ Корыбутову, сотникъ съ своимъ отрядомъ и знаменами выѣхалъ оттуда намъ навстрѣчу на значительное разстояніе: какъ говорили, гетманъ послалъ приказъ во всѣ подвластные ему города, чтобы вездѣ выходили встрѣчать нашего владыку патріарха и провожали его отъ города до города, что постоянно и дѣлалось. Такъ мы прибыли въ Корыбутовъ; здѣсь подводы, всадники и драгоманы оставили насъ, чтобы вернуться назадъ, послѣ того какъ мы сдѣлали имъ подарки, въ вознагражденіе за ихъ труды. Съ ними мы отправили благодарственныя письма къ царю и патріарху.

Теперь начали казаки везти насъ далѣе на своихъ подводахъ отъ города до города, пока мы не прибыли въ Прилуки, откуда вышелъ насъ встрѣтить пѣшкомъ полковникъ, тамъ стоявшій. Мы остановились въ своемъ прежнемъ помѣщеніи и любовались видомъ большой ярмарки, которая бываетъ здѣсь въ праздникъ св. Іоанна Крестителя; на нее съѣзжается множество греческихъ купцовъ изъ Румеліи и Караманіи съ шелками, шалями, персидскими коврами, бѣлыми *аба* (плащами) и пр. Въ странѣ казаковъ ярмарки бываютъ непрерывно отъ начала года до конца: въ каждый праздникъ, во всякое время года, бываетъ ярмарка въ томъ или другомъ изъ ихъ городовъ, какъ это введено еще во времена владычества ляховъ. Мы купили на ярмаркѣ нѣсколько лошадей. Въ четвертое воскресенье по Пятидесятницѣ мы отправились, по просьбѣ настоятеля, въ Густынскій монастырь, о коемъ раньше говорили, и отслужили въ немъ обѣдню. Насъ сопровождала большая толпа грековъ.

Во вторникъ мы выѣхали изъ Прилукъ, провожаемые полковникомъ пѣшкомъ, въ предшествіи музыкантовъ, игравшихъ на польскихъ флейтахъ, между тѣмъ какъ духовенство, окружавшее карету, пѣло священныя пѣснопѣнія, пока городъ не остался далеко позади насъ; тутъ они простились съ нами и вернулись. Въ пятницу вечеромъ мы прибыли къ берегу рѣки Днѣпра, насупротивъ Печерскаго монастыря, и послали дать знать въ Кіевъ о нашемъ прибытіи. У насъ было съ собою письмо отъ царя къ воеводамъ съ повелѣніемъ имъ оказывать всевозможное вниманіе нашему владыкѣ патріарху и вездѣ устроивать

ему встрѣчу. Въ эту ночь мы спали на берегу рѣки въ совершенномъ довольствѣ и спокойствіи, ибо съ той минуты, какъ мы завидѣли Печерскій монастырь, блестѣвшій въ отдаленіи своими куполами, и какъ только коснулось насъ благоуханіе этихъ цвѣтущихъ земель, наши души вострепетали отъ радости и ликованія, сердца наши раскрылись и мы изливались въ благодареніяхъ Господу Богу. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ въ Московіи, замокъ висѣлъ на нашихъ сердцахъ, а умъ былъ до крайности стѣсненъ и подавленъ, ибо въ той странѣ никто не можетъ чувствовать себя сколько-нибудь свободнымъ или довольнымъ, кромѣ развѣ коренныхъ жителей, но всякій, подобно намъ, хотя бы онъ сдѣлался властителемъ всей страны, никогда не перестанетъ смущаться духомъ и тревожиться сердцемъ. Напротивъ, страна казаковъ была для насъ какъ бы наша собственная страна, а ея обитатели были намъ добрыми пріятелями и людьми въ родѣ насъ самихъ.

Глава XVII.

Кіевъ.—Торжественная встрѣча. Посѣщеніе Софійскаго собора. Разрѣшительныя грамоты. Стеченіе народа. Посѣщеніе патріархомъ митрополита. Портреты патріарховъ въ его покояхъ. Златоверхо-Михайловскій монастырь. Мощи св. Варвары. Прибытіе въ Печерскій монастырь. Посѣщеніе Никольскаго монастыря. Выдубецкій монастырь. Отъѣздъ.

Утромъ, въ субботу 28 іюня, мы сѣли на судно и только послѣ полудня приблизились къ Кіеву, ибо Днѣпръ волновался отъ сильнаго вѣтра и намъ приходилось идти противъ теченія. Когда мы подъѣзжали, воеводы выслали одного изъ бояръ въ лодкѣ встрѣтить нашего владыку патріарха и съ поклономъ отъ нихъ высказать ему обычныя привѣтствія. При нашей высадкѣ, насъ встрѣтилъ митрополитъ города въ митрѣ, со всѣми настоятелями монастырей, священниками, діаконами и всѣмъ населеніемъ города, вмѣстѣ съ воеводами и всѣми царскими войсками, здѣсь стоящими, съ ихъ знаменами и ружьями, и насъ повели съ великою пышностью въ церковь, гдѣ была совершена обычная служба и нашъ владыка патріархъ окропилъ присутствовавшихъ святой водой. Насъ проводили и помѣстили въ большомъ, роскошномъ домѣ, простились съ нами и ушли. Въ пятое воскресенье по Пятидесятницѣ, въ которое пришелся праздникъ апостоловъ (Петра и Павла), митрополитъ прислалъ свою карету за нашимъ владыкой патріархомъ, чтобы онъ прибылъ въ церковь св. Софіи. Здѣсь, въ одномъ изъ придѣловъ, во имя свв. Петра и Павла, мы присутствовали за литургіей, послѣ чего пошли къ трапезѣ съ митрополитомъ, а ве-

черомъ съѣхали въ городъ. Въ среду прибылъ настоятель Богоявленскаго монастыря, находящагося въ срединѣ города, пригласить нашего владыку патріарха отслужить въ немъ обѣдню, въ праздникъ чудотворнаго образа Владычицы, принесеннаго изъ страны ляховъ. Мы отправились и отслужили обѣдню, въ присутствіи всѣхъ горожанъ, а потомъ пошли къ трапезѣ. Въ шестое воскресенье по Пятидесятницѣ мы были у обѣдни въ главной церкви города, называемой соборомъ, а въ понедѣльникъ 6 (7) іюля изготовились въ путь. При звонѣ всѣхъ колоколовъ, нашъ владыка патріархъ отправился въ своей каретѣ въ соборъ помолиться въ немъ на прощанье. Сюда стеклись всѣ жители города, и онъ прочелъ надъ ними разрѣшительныя молитвы и благословилъ ихъ, ибо всѣ здѣсь имѣютъ великую вѣру къ патріархамъ и ихъ разрѣшительнымъ грамотамъ, и никто изъ нихъ, ни вельможи, ни священники мірскіе и монашествующіе, ни молодыя и старыя женщины, ни дѣвицы, ни даже маленькіе мальчики, никто не преминулъ придти, съ его общаго разрѣшенія, къ нашему владыкѣ патріарху, чтобы онъ помолился надъ ними и благословилъ ихъ, и чтобы получить отъ него разрѣшительную грамоту, такъ что мы дивились на ихъ набожность, почтеніе и смиреніе. Нѣкоторыя женщины, у коихъ мужья были пьяницы и маловѣры, обнаруживали заботу объ ихъ душѣ, беря разрѣшительныя грамоты не только для себя, но и для своихъ мужей, ибо считали такой даръ величайшимъ и драгоцѣннѣйшимъ. Что можетъ превзойти столь прекрасныя религіозныя чувства, которыя свойственны не только кіевскимъ жителямъ, но, по истинѣ, преобладаютъ во всякомъ городѣ и селеніи, обитаемомъ казаками? Мы не имѣли намѣренія сколько-нибудь пробыть среди нихъ, но не могли иначе, ибо они стекались къ намъ толпами, запрудивъ не только покои и дворъ нашего помѣщенія, но даже улицу внѣ его, стекались съ утра до вечера, безпрерывно и неотступно, и мы не находили даже времени поѣсть хлѣба [1].

Наконецъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, насъ проводили за городъ, и мы отправились посѣтить митрополита Святой Софіи. Мы помѣстились въ его покояхъ, гдѣ имѣются портреты четырехъ прежнихъ патріарховъ на холстѣ, во весь ростъ. Въ этой странѣ всегда былъ обычай, что, когда пріѣзжалъ къ нимъ патріархъ, снимали съ него

[1] Эта послѣдняя фраза—одна изъ тѣхъ немногихъ отрывочныхъ фразъ, которыя имѣются въ нашихъ рукописяхъ и касаются обратнаго пути патріарха отъ Москвы до Днѣстра. Вмѣсто нея въ англійскомъ переводѣ стоитъ: „и мы не находили мѣста для всѣхъ хлѣбовъ, которые они намъ приносили“.

портретъ точь-въ-точь въ такомъ видѣ, какъ онъ среди нихъ появлялся' дабы имѣть его подобіе навсегда. Всѣ эти четыре патріарха въ облаченіяхъ, съ посохами, панагіями и въ митрахъ. Первый изъ нихъ, къ нашему пріятному изумленію, былъ Іоакимъ, патріархъ Антіохійскій, по прозванію Свѣтъ (Дау); цвѣтъ лица у него очень темный, борода съ просѣдью, клиномъ. На портретѣ его имя написано по-гречески, и по датѣ мы сосчитали, что съ того времени прошло 72 года. Подлѣ него Мелетій, патріархъ Александрійскій, съ длинной сѣдой бородой; рядомъ съ нимъ Іеремія, патріархъ Константинопольскій, съ красивымъ лицомъ и бородой, и подлѣ Ѳеофанъ, патріархъ Іерусалимскій, съ длинной черной бородой. Всѣ четверо почти въ одно и то же время пріѣзжали въ эту страну, одинъ вслѣдъ за другимъ.

Во вторникъ утромъ мы простились съ митрополитомъ, и по приглашенію архимандрита, отправились въ монастырь св. Михаила, извѣстный своимъ золоченымъ куполомъ. Здѣсь мы присутствовали за обѣдней въ придѣлѣ св. Варвары Баальбекской (Иліопольской), ибо они празднуютъ ей въ этотъ день, 9 (8) іюля, въ воспоминаніе перенесенія ея мощей изъ Константинополя въ этотъ городъ, когда царь Василій Македонянинъ прислалъ ихъ съ своею сестрою въ подарокъ Владиміру, царю Кіева и русскихъ. Когда въ первый разъ мы прикладывались къ мощамъ этой святой, то думали, что она—одна изъ новыхъ московскихъ святыхъ, но теперь, услышавъ чтеніе ея синаксаря и ознакомившись съ ея житіемъ, мы ясно поняли, что она есть именно св. Варвара мученица Баальбекская. Мы опять прикладывались къ ея тѣлу, которое какъ есть тѣло молодой дѣвицы съ маленькими ножками и ручками. Недавно устроили для нея прекрасную раку изъ чернаго дерева, обложенную серебромъ. По просьбѣ нашего владыки патріарха, архимандритъ далъ ему частицу отъ ребра ея, и мы сохранили ее у себя.

Послѣ трапезы, къ вечеру, мы прибыли въ знаменитый Печерскій монастырь, въ сопровожденіи множества стрѣльцовъ, данныхъ намъ воеводой кіевскимъ. Обитатели его встрѣтили насъ съ великимъ торжествомъ, въ полномъ составѣ, съ колокольнымъ звономъ.

Въ среду мы отправились въ монастырь св. Николая, по особому приглашенію его архимандрита, такъ какъ мы раньше въ немъ не были. Онъ находится съ той стороны стѣнъ Печерскаго монастыря, которая обращена къ Кіеву, и обнесенъ деревянною стѣной. Насупротивъ воротъ его, на дорогѣ изъ Кіева въ Печерскій монастырь, стоитъ столбъ изъ бѣлаго камня, поддерживающій золотое изображеніе св. Нико-

лая,—знакъ монастыря [1]. Къ монастырю надо спускаться по глубокой рытвинѣ, подобной узкому входу въ погребъ, въ глинистой горѣ, покрытой густымъ лѣсомъ. Онъ имѣетъ деревянную церковь обширныхъ размѣровъ; въ ней мы отстояли обѣдню, послѣ чего поднялись въ трапезную. Затѣмъ мы пошли осматривать монастырь. На мѣстѣ его былъ прежде густой лѣсъ, его вырубили и тогда положили основаніе этому прекрасному строенію. Въ срединѣ его фонтанъ воды, которая сбѣгаетъ съ горы и бьетъ вверхъ высокой струей. Это мѣсто совершенно окружено холмами, которые покрыты высокими деревьями. Рѣка Днѣпръ находится съ восточной стороны монастыря, но ея берега въ этомъ мѣстѣ очень узки и обрывисты. Когда мы простились съ монахами, насъ повели въ винные подвалы монастыря, расположенные за воротами его. Они устроены въ видѣ прекрасныхъ сводчатыхъ зданій, и проходъ къ нимъ освѣщается красивыми куполами, вмѣсто косыхъ подвальныхъ оконъ. Затѣмъ мы вернулись въ Печерскій монастырь.

Въ этотъ вечеръ было совершено большое торжество: зазвонили въ колокола и совершили бдѣніе, за коимъ мы присутствовали съ монахами, по случаю памяти упокоенія въ Бозѣ св. Антонія, основателя (монастыря), а малое повечеріе отслужили въ церкви, что на хорахъ, наверху. Въ четвергъ утромъ, 10 іюля, нашъ владыка патріархъ служилъ обѣдню, по особой просьбѣ монаховъ, въ присутствіи всѣхъ жителей города; при этомъ онъ посвятилъ іерея и діакона. Въ пятницу мы служили обѣдню въ монастырѣ монахинь.

Въ субботу утромъ мы получили приглашеніе отъ настоятеля монастыря св. Михаила Архангела, находящагося къ югу отъ Печерскаго монастыря, въ разстояніи трехъ верстъ [2]. Къ нему ведутъ двѣ дороги: одна по берегу рѣки Днѣпра для всадниковъ, но она очень крута; другая идетъ извивами вверху по горамъ чрезъ рощи прекрасныхъ плодовыхъ деревьевъ, какъ-то: сливъ, яблонь, орѣшника и пр. По истинѣ, это благословенныя горы, похожія, какъ намъ говорили, на возвышенности Святой Горы своею пріятностью и уединенностью; онѣ сами-по-себѣ производятъ пищу для отшельниковъ и подвижниковъ, которыхъ здѣсь, по разсказамъ, очень много и которые питаются

---

[1] Кіево-Слупскій Николаевскій монастырь.—Во второй половинѣ XVII в. на полѣ противъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, находившагося на Аскольдовой могилѣ, стоялъ каменный столбъ (слунъ) съ образомъ св. Николая; названіе Слупа перешло и на построенную здѣсь около 1715 г. церковь св. Николая. Въ 1831 г. сюда переведенъ штатъ Пустынно-Николаевскаго монастыря.

[2] Выдубецкій монастырь.

плодами этихъ деревьевъ. Этотъ монастырь также стоитъ на берегу рѣки Днѣпра, и путь къ нему поэтому идетъ большимъ спускомъ и по глубокой рытвинѣ. Онъ окруженъ крутыми холмами, кои покрыты дикими плодовыми деревьями, имѣетъ много источниковъ воды и церковь его походитъ на церковь Архангела, потому что зодчій и той и другой, какъ намъ сказали, былъ одинъ; но отъ продолжительности времени и отъ того, что основанія алтарей заложены на берегу рѣки Днѣпра, столь высокомъ и обрывистомъ, сторона, обращенная къ водѣ, на протяженіи половины церкви, была низвергнута силою теченія въ средину рѣки, и посему монастырь былъ долго въ запустѣніи, пока, семнадцать лѣтъ тому назадъ, не явился теперешній его игуменъ, принявшійся за возобновленіе церкви. Онъ устроилъ алтари ближе къ хору, выровнялъ камень и дополнилъ верхнюю часть церкви изъ дерева, покрывъ его известью, такъ что вышло очень красивое зданіе съ прекраснымъ наименованіемъ, именно, въ честь св. Михаила Архангела, коему празднество совершается 6 сентября. Мы отстояли здѣсь обѣдню, а когда встали изъ-за трапезы, пошли посмотрѣть на берегъ рѣки; но истинѣ, страшно взглянуть внизъ—такъ онъ высокъ: никто не въ состояніи смотрѣть на него безъ содроганія.

Вечеромъ мы возвратились въ Печерскій монастырь и здѣсь въ воскресенье были у обѣдни, за которой присутствовалъ и воевода кіевскій. Въ понедѣльникъ мы простились съ монахами; они проводили насъ и разстались съ нами на берегу рѣки Днѣпра за вышеупомянутымъ монастыремъ. Здѣсь мы переѣхали на суднѣ рѣку во второй разъ, направляя свой путь къ Хмелю въ городъ Чигиринъ.

Глава XVIII.

Малороссія.—Борисполь. Исторія свв. Бориса и Глѣба. Переяславъ. Церковь Успенія. Черкасы. Прибытіе въ Чигиринъ. Описаніе города. Монастырь св. Троицы. Свиданіе съ гетманомъ. Субботовъ. Вдова Тимоѳея Хмельницкаго. Лисянка. Освященіе церкви въ монастырѣ. Посѣщеніе казацкаго табора. Опасный путь по границѣ. Прибытіе въ Рашковъ на Днѣстрѣ.

Во вторникъ, въ полдень, проѣхавъ пять миль, мы прибыли въ торговое мѣстечко, съ цитаделью и укрѣпленіями, по имени Борисполь, то-есть городъ Бориса, сына царя Владиміра. Какъ разсказываютъ, въ немъ была большая, древняя каменная церковь, во имя св. Глѣба мученика, другого сына царя Владиміра; ее разрушили ляхи и увезли ея камни, дерево и желѣзо въ Кіевъ, гдѣ выстроили изъ нихъ большую, новую церковь, о коей мы раньше упоминали, но съ ней

имъ не посчастливилось. Мы уже говорили, что царь Владиміръ имѣлъ двѣнадцать сыновей, и всѣ они исповѣдывали (христіанскую) вѣру, за исключеніемъ одного, который остался невѣрнымъ и питалъ вражду къ своимъ братьямъ. Онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ двоихъ изъ нихъ, Глѣба и Бориса, названныхъ по крещеніи Романомъ и Давидомъ, и хитростью удалось ему убить ихъ собственною рукою. Такъ они стали мучениками, и русскіе и московиты празднуютъ ихъ память и строятъ во имя ихъ церкви. Ихъ изображенія всѣмъ извѣстны: это два брата, стоящіе рядомъ, въ царскомъ одѣяніи и въ колпакахъ на головѣ.

Возвращаемся (къ разсказу). Этотъ городъ очень красивъ, его сады безчисленны, потому что при каждомъ домѣ есть садъ, а также колодецъ прѣсной воды, которую подпимаютъ при помощи колеса. Бо́льшая часть деревьевъ *вишня*, то-есть красныя вишневыя деревья. Въ городѣ двѣ церкви: Рождества Богородицы и св. Михаила, а внѣ его третья церковь, во имя св. Николая. Пробывъ здѣсь короткое время, мы направились немного сѣвернѣе и, проѣхавъ болѣе шести миль, прибыли въ большой городъ, который соперничаетъ съ Кіевомъ своимъ великолѣпіемъ и извѣстенъ во всѣхъ этихъ странахъ, какъ столица и бывшее мѣстопребываніе краля. Имя его Переяславъ. Онъ окруженъ безчисленными земляными насыпями и имѣетъ трое воротъ въ укрѣпленныхъ стѣнахъ: одни выходятъ на сушу, а двое другихъ насупротивъ мостовъ, перекинутыхъ чрезъ большое озеро, которое окружаетъ городъ, имѣя своимъ источникомъ рѣку, въ него впадающую. Озеро заключено въ искусственные берега, которые образуютъ плотины для мельницъ и укрѣпленія для пушекъ. Этотъ городъ—столица и митрополія всѣхъ городовъ и земель, принадлежащихъ казакамъ по сю сторону Днѣпра. Ляхи были въ немъ въ очень маломъ числѣ—только лица правительственныя, и потому городъ, какъ говорятъ, никогда, съ самаго своего основанія, не былъ покоренъ, такъ какъ не бывалъ взятъ силою оружія, но всегда по договору, ибо онъ, по истинѣ, неодолимъ. Какъ только Хмель явился передъ нимъ, казаки, въ немъ бывшіе, предали смерти польскихъ правителей и овладѣли городомъ безъ битвы и спора.

При нашемъ приближеніи къ городу, на встрѣчу намъ вышелъ полковникъ съ царскимъ знаменемъ, съ барабанами и польскими флейтами, а также духовенство и всѣ горожане съ хоругвями, крестнымъ ходомъ, и проводили насъ, съ великою пышностью и торжествомъ, въ большую новую церковь, выстроенную изъ дерева, въ честь Успенія Владычицы. Она еще не окончена, но возбуждаетъ удивленіе зрителя

своей замысловатой формой, возвышенностью, симметріей и своими пятью куполами. Она имѣетъ видъ креста, то-есть состоитъ изъ четырехъ большихъ арокъ на четырехъ своихъ сторонахъ; на каждой аркѣ еще двѣ меньшихъ и очень красивыхъ арки съ боковъ, такъ что всего ихъ двѣнадцать. Великій алтарь образуется главной аркой съ двумя боковыми. Въ ней еще четыре алтаря; внизу, во имя Покрова Богородицы и Воздвиженія Креста, и два надъ ними, на хорахъ: одинъ—въ честь Акаѳиста, то-есть Похвалы Богородицы, другой—во имя свв. Петра и Павла. Эта церковь имѣетъ двое хоръ: первыя, по обыкновенію, надъ западными вратами, для пѣвцовъ, а выше нихъ другой рядъ хоръ, идущій кругомъ большого купола церкви, точь-въ-точь похожій на хоры Святой Софіи по устройству и столбамъ; они восхищаютъ взоры зрителя и, хотя изъ дерева, имѣютъ все подобіе мрамора. Снаружи церковь оштукатурена съ выведенными кругомъ полосами и дугами. Все это зданіе новое и еще не кончено, такъ какъ внутри стоятъ приспособленія, при помощи которыхъ поднимаютъ матеріалы на канатахъ. Снаружи церкви идетъ большая галлерея, охватывающая всѣ восемь угловъ ея, съ точеными перилами. Въ городѣ есть еще четыре церкви: въ честь Воскресенія, Преображенія, Троицы и св. Николая. Прежде была церковь, принадлежавшая ляхамъ; теперь ее обратили въ монастырь, въ честь Покрова Богородицы. Протопопъ этого города, по его словамъ, имѣетъ власть надъ двумя стами священниковъ.

Возвращаемся (къ разсказу). При нашемъ выходѣ изъ церкви, выстрѣлили, въ знакъ великой радости, изъ пушекъ, такъ что земля заколебалась. Въ воскресенье, въ которое пришелся праздникъ св. Иліи пророка и исполнилось равно четыре года съ нашего выѣзда изъ Алеппо, нашъ владыка патріархъ совершилъ для жителей водосвятіе послѣ литургіи и окропилъ ихъ всѣхъ. Жители этого города имѣютъ великую вѣру въ разрѣшительныя грамоты. Полковникъ сообщилъ нашему владыкѣ патріарху, (принимая его) въ своемъ домѣ, что его власть простирается на девять городовъ и болѣе чѣмъ на пятьсотъ селеній и что подъ его начальствомъ сорокъ тысячъ ратниковъ, прибавивъ, что въ случаѣ большой нужды онъ можетъ выставить сто тысячъ.

Во вторникъ 22 іюля мы выѣхали изъ этого города, при чемъ полковникъ и все населеніе съ барабанами и флейтами, а духовенство съ пѣніемъ, провожали насъ на значительное разстояніе. Проѣхавъ четыре мили, мы прибыли въ торговое мѣстечко съ цитаделью, укрѣпленіями и озеромъ, по имени Гельмязовъ; въ немъ церковь въ честь Успенія Владычицы. Затѣмъ мы проѣхали еще четыре мили и

прибыли въ мѣстечко, подобное первому, по имени Золотоноша, съ двумя церквами, изъ коихъ одна въ честь Успенія Владычицы. Сдѣлавъ еще три мили, пріѣхали къ рѣкѣ Днѣпру, переправились чрезъ него, и, проѣхавъ двѣ мили, прибыли въ торговый городъ, мѣсто происхожденія казаковъ, по имени Черкасы. Здѣсь они снаряжаютъ суда, которыя ходятъ въ Черное море, такъ какъ рѣка Днѣпръ течетъ подлѣ самаго города. Здѣсь родился Хмель и здѣсь впервые появились казаки. Жители подобны дикимъ звѣрямъ (?).

Затѣмъ мы проѣхали далѣе еще семь миль и прибыли въ городъ, который составляетъ постоянное мѣстопребываніе Хмеля и называется Чигиринъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы переѣхали рѣку Днѣпръ, мы видѣли по всей дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ, море песку—что составляетъ обычное свойство береговъ этой рѣки на весьма значительномъ протяженіи—въ особенности же съ той минуты, какъ приблизились къ упомянутому городу, гдѣ песокъ оказался въ глубину на ростъ человѣка и наши лошади падали отъ усталости. Всѣ окрестности этого города такого же песчанаго свойства. *Писарь*, то-есть секретарь Хмеля, вышелъ намъ на встрѣчу съ большимъ отрядомъ ратниковъ и повелъ насъ къ городу по главной дорогѣ, похожей на большую песчаную рѣку. Цитадель высотою и строеніемъ своимъ походитъ на крѣпость Алеппо и видна на значительномъ разстояніи. Когда мы приблизились къ городу, младшій сынъ гетмана вышелъ намъ на встрѣчу съ процессіей духовенства, и насъ повели въ длинную деревянную церковь, въ честь Успенія Владычицы, находящуюся подлѣ дворца гетмана. Здѣсь въ воскресенье, по его приглашенію, мы отслужили обѣдню съ однимъ епископомъ, который недавно прибылъ посломъ отъ ляховъ. Послѣ обѣдни мы пошли обѣдать къ гетману.

Въ понедѣльникъ насъ повезли въ монастырь за городомъ, называемый Троицкимъ монастыремъ. Здѣсь мы отстояли обѣдню, послѣ чего пошли обѣдать съ писаремъ, такъ какъ онъ основатель монастыря. Церковь его во имя св. Іоанна Богослова. Затѣмъ мы вернулись въ городъ. Въ немъ есть еще четыре церкви, кромѣ вышеупомянутой. Его цитадель не имѣетъ равной себѣ во всей странѣ казаковъ по своей высотѣ, величинѣ возвышенія, на коемъ она выстроена, по своей обширности и обилію водъ и *болотъ*, ее окружающихъ. По этой причинѣ она очень сильна, но въ настоящее время находится въ разрушеніи. Внутри ея много утесовъ. Она имѣетъ нѣсколько удивительно красивыхъ пушекъ, которыя такъ свѣтлы, что блестятъ точно золото; всѣ онѣ привезены гетманомъ изъ страны ляховъ, на всѣхъ ихъ надписи, гербы и другіе знаки. Въ городъ ведетъ только одинъ

входъ. Такъ какъ онъ расположенъ въ долинѣ, окруженной моремъ песку, то въ немъ чрезвычайно жарко. Мы спросили, почему гетманъ не живетъ въ лучшемъ городѣ чѣмъ этотъ, и намъ отвѣчали, что гетманъ выбралъ его своей резиденціей потому, что онъ лежитъ на границѣ съ татарами, между которыми и страною казаковъ разстояніе въ пять—шесть дней пути по безлюднымъ и пустынным мѣстамъ Это—самое срединное мѣсто, и Днѣпръ отъ него только въ двухъ миляхъ Намъ сообщили здѣсь, что въ настоящее время эта страна выставляетъ 300.000 казаковъ, каждый съ своимъ ружьемъ.

Въ субботу 2 августа Хмель пріѣхалъ посѣтить нашего владыку патріарха, послѣ чего мы выѣхали изъ города Сдѣлавъ около мили, мы прибыли къ огромному мосту, который тянется надъ озерами, болотами, островами и большими рѣками: на переѣздъ по нему мы употребили болѣе полутора часа Мостъ направляется подъ цитадель Чигирина и ведетъ по мѣстамъ, которыя заставляютъ путника содрогаться отъ ужаса. Проѣхавъ его, мы прибыли въ селеніе, по имени Субботовъ, гдѣ, обыкновенно, жилъ покойный Тимоѳей, сынъ гетмана. Жители вышли намъ навстрѣчу крестнымъ ходомъ и повели насъ въ большую новую церковь во имя св. Михаила. Въ ней собраны сокровища армянскихъ церквей, которыя были разграблены и разрушены покойнымъ Тимоѳеемъ въ Сучавѣ, молдавскомъ городѣ, о которомъ мы много разъ упоминали раньше; въ этой церкви гробница Тимоѳея. Жена его, дочь Василія, господаря Молдавіи, нѣсколько разъ посѣтила нашего владыку патріарха; она была одѣта совершенно какъ черкесская невольница, въ суконномъ колпакѣ, опушенномъ мѣхомъ, и ее сопровождали черкесскія и молдавскія дѣвушки, одѣтыя, какъ она, подобно невольницамъ. Въ воскресенье утромъ, послѣ утрени, мы совершили въ ея присутствіи поминовеніе по ея супругѣ, надъ гробницею котораго, по ихъ обычаю, виситъ большая хоругвь, на коей написанъ весьма схожій портретъ героя верхомъ на конѣ, съ мечомъ въ правой рукѣ и съ булавою въ лѣвой, и съ изображеніемъ на переднемъ планѣ Молдавіи, какъ страны, которую онъ пошелъ завоевать. Эта картина исторгала слезы зрителя. Его бѣдная жена, которая владѣетъ четырьмя языками: валашскимъ, греческимъ, турецкимъ и русскимъ, на которую отецъ ея истратилъ цѣлыя сокровища, чтобы вызволить ее изъ Константинополя, теперь, вдали отъ своего отца, матери, братьевъ, народа и родины, живетъ среди чужихъ, во дворцѣ своего супруга, кругомъ котораго онъ выстроилъ укрѣпленіе съ окопами, а теперь гетманъ, его отецъ, чтобы увеличить пышность дворца, строитъ насупротивъ него, на возвышенности, каменную церковь во имя св. Иліи про-

рока. Мы замѣтили въ ея строеніи нѣсколько громадныхъ камней, величина которыхъ возбудила въ насъ изумленіе. На вопросы наши, намъ сообщили, что камни эти привезены изъ города, принадлежавшаго татарамъ, въ пяти миляхъ отсюда, гдѣ татары имѣли большую мечеть. Гетманъ разрушилъ ее и увезъ камни для сооруженія изъ нихъ этой церкви. Отстоявъ обѣдню, мы выѣхали отсюда, путешествовали по неровной и затруднительной дорогѣ и прибыли въ мѣстечко, по имени Медвѣдовка. По приказанію гетмана, сотники постоянно выходили намъ навстрѣчу со своими отрядами и знаменами и провожали насъ отъ города до города.

Проѣхавъ еще три мили, мы прибыли въ торговое мѣстечко, по имени Жаботинъ, а изъ него въ другое, по имени Смѣла, сдѣлавъ десять миль. Отсюда, черезъ милю, прибыли въ мѣстечко, называемое Балаклея, а еще чрезъ милю въ мѣстечко, по имени Орловецъ; отсюда, черезъ двѣ мили, въ Вязовокъ, а затѣмъ, чрезъ полторы, въ Ольшану. Вся эта дорога и всѣ эти мѣстечки составляютъ границу со страною татаръ. Изъ упомянутаго мѣста, сдѣлавъ полторы мили, мы пріѣхали въ Тарасовку, а отсюда, черезъ двѣ мили, въ четвергъ 7 августа, прибыли въ Лисянку.

Въ субботу вечеромъ сотникъ этого города просилъ насъ объ освященіи новаго монастыря, который онъ построилъ въ предмѣстьѣ, и потому мы туда отправились. Монастырь расположенъ на вершинѣ небольшого холма, окруженнаго прудами, озерами и болотами, обнесенъ деревянными стѣнами и укрѣпленъ валомъ съ пушками. Онъ въ честь св. Троицы и имѣетъ красивую церковь во имя св. Игнатія. Въ ней мы слушали утреню отъ полуночи до разсвѣта, и, приготовивъ все необходимое для освященія, облачились, и нашъ владыка вошелъ и окропилъ церковь, по обычаю. По окончаніи обѣдни, сотникъ велѣлъ выстрѣлить изъ всѣхъ ружей, въ изъявленіе своей великой радости, и, проводивъ насъ назадъ въ городъ, устроилъ намъ пиръ въ своемъ домѣ.

Послѣ обѣда мы выѣхали и, сдѣлавъ четыре мили, прибыли въ торговое мѣстечко, по имени Буки, а отсюда, еще черезъ четыре мили, пріѣхали, въ воскресенье вечеромъ, въ Умань, гдѣ были встрѣчены полковникомъ и остановились въ его домѣ. Во вторникъ мы простились съ нимъ, и онъ выѣхалъ съ нами къ мѣсту, гдѣ былъ *таборъ*, или станъ казаковъ, ибо на этихъ дняхъ до нихъ дошли вѣсти, что ханъ сѣлъ на коня и выступаетъ противъ нихъ; поэтому они, съ большою радостью и ликованіемъ, готовились встрѣтить его. При нашемъ прибытіи въ таборъ и тотчасъ послѣ того какъ нашъ владыка преподалъ имъ благословеніе и прочелъ надъ ними молитву, они выстрѣлили изъ

всѣхъ своихъ ружей, а когда провожали насъ на прощанье, то три раза поднимали на дыбы своихъ коней, полагая, что это обезпечивало имъ здоровье и безопасность. Для нашего прикрытія они послали два знамени съ ихъ отрядами, и мы проѣхали чрезъ тѣ города, которые въ прошломъ году сожгли и обезлюдили ляхи, въ союзѣ съ татарами. Поэтому дороги весьма страшны и опасны, въ особенности на протяженіи одного дня пути передъ тѣмъ, какъ достигнешь рѣки Днѣстра, ибо, какъ въ мѣстѣ пограничномъ, здѣсь можно встрѣтить многочисленныя шайки молдавскихъ и иныхъ разбойниковъ. Въ пятницу 15 августа мы пріѣхали въ Рашковъ, возпося благодарность Богу за благополучное прибытіе. Здѣсь мы порадовались хорошимъ вещамъ, въ виду предстоявшаго намъ удовольствія поѣсть винограда въ молдавскихъ виноградникахъ и полакомиться молдавскими арбузами и другими плодами, которыхъ мы не видали отъ самой Молдавіи и по которымъ постоянно вздыхали. Въ этотъ праздникъ Успенія Владычицы здѣсь бываетъ *ярмарка*, т. е. рынокъ для купли-продажи. Въ понедѣльникъ мы выѣхали отсюда, простившись съ казаками, которые проводили насъ и на прощанье выстрѣлили изъ ружей.]

ПУТЕШЕСТВІЕ
АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ
ВЪ РОССІЮ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА,

ОПИСАННОЕ ЕГО СЫНОМЪ, АРХИДІАКОНОМЪ

Павломъ Алеппскимъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО

Г. Муркоса.

(По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

(Обратный путь. Молдавія и Валахія. Малая Азія и Сирія. Результаты путешествія).

Съ двумя приложеніями, указателемъ собственныхъ именъ, портретомъ патр. Макарія, снимкомъ послѣдней страницы рукописи и маршрутной картой.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1900.

ПУТЕШЕСТВІЕ
АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ
ВЪ РОССІЮ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА,

описанное его сыномъ, архидіакономъ

Павломъ Алеппскимъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО

Г. Муркоса.

(По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

(Обратный путь. Молдавія и Валахія. Малая Азія и Сирія. Результаты путешествія).

Съ двумя приложеніями, указателемъ собственныхъ именъ, портретомъ патр. Макарія, снимкомъ послѣдней страницы рукописи и маршрутной картой.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

Дозволено цензурой. Москва марта 24 дня 1900 года.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Арабская рукопись Путешествія патріарха Макарія, по которой я сдѣлалъ свой переводъ, оканчивается нижеприведеннымъ отрывкомъ, мною опущеннымъ въ текстѣ, съ замѣной его переводомъ съ англійскаго, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ обратный путь патріарха отъ Молдавіи на родину переданъ несравненно полнѣе, чѣмъ въ нашей рукописи.

Вотъ окончаніе нашей рукописи, составляющее, какъ я думаю, набросокъ въ первоначальномъ черновикѣ, замѣненный впослѣдствіи обстоятельнымъ описаніемъ, которое мнѣ пришлось заимствовать изъ англійскаго перевода:

«Возвращаемся. Мы снарядились въ Галацъ и выѣхали изъ Букарешта 9 сентября 7167 г. отъ сотв. міра. Вечеромъ прибыли въ селеніе, по имени Сулеймани, а 17 сентября, въ пятницу вечеромъ, пріѣхали въ Галацъ, и здѣсь пробыли 22 дня, ища судна, на которомъ мы могли бы отправиться по Черному морю въ Синопъ, но не находили. Наконецъ, съ помощію Божіею, мы наняли судно и были внѣ себя отъ радости, когда нашъ багажъ и всѣ наши вещи были на него доставлены. Рано утромъ, въ среду 13 октября, мы выѣхали изъ Галаца и по Дунаю вошли въ проливъ Чернаго моря [1]. Мы проѣхали 300 миль, миновавъ Константинопольскій проливъ, т. е. переѣхали изъ Румелійской области въ Караманскую. Въ воскресенье заговѣнья Рождественскаго поста мы прибыли въ Инеболи въ радостной надеждѣ достигнуть въ ту же ночь Синопа, чтобы тамъ заговѣться, но этому не суждено было исполниться, такъ какъ лишь позднимъ утромъ въ первый день Рождественскаго поста мы прибыли въ Синопъ. На суднѣ мы пробыли 35 дней, изъ коихъ 20 на Дунаѣ и 15 на морѣ. Отъ Галаца до Синопа мы прошли 1400 миль: отъ Галаца до пролива Чернаго моря 500 миль, а отъ пролива до Синопа 900, какъ исчислили это знающіе люди.

---

[1] Подъ этимъ именемъ архидіаконъ разумѣетъ Дунайскія гирла.

Въ субботу рано поутру, въ послѣдній день января, мы простились съ жителями Синопа, которые плакали, разставаясь съ нами. Со всѣмъ своимъ багажемъ и вещами мы вошли въ каикъ и въ воскресенье мясопуста прибыли въ городъ Эносъ, т. е. городъ вина. Всѣ жители вышли намъ навстрѣчу. Путешествіе наше отъ Синопа до названнаго города продолжалось 9 дней. Здѣсь я началъ приготовлять вьюки, приспособляя ихъ для перевозки на мулахъ. Съ нами былъ вьюкъ изъ восьми большихъ [1] собольихъ мѣховъ, восьми ногатъ и двухъ съ половиною горлатныхъ. Изъ предосторожности, я, увязавши ихъ, вложилъ въ прочный холстинный мѣшокъ, а этотъ въ другой, клеенчатый, и обернулъ все кожей. Изъ большого же тюка бѣличьихъ мѣховъ я сдѣлалъ другой вьюкъ. Равнымъ образомъ я приспособилъ для вьюка ящикъ съ кусками матеріи, парчей, венеціанской камки, атласа и т. д.

Въ четвергъ второй недѣли поста, навьючивъ своихъ муловъ, мы отправились въ дорогу, при пожеланіяхъ благополучнаго пути со стороны провожавшихъ насъ,—Богъ да помилуетъ ихъ и да увеличитъ ихъ благоденствіе! Затѣмъ мы прибыли въ Токатъ, называвшійся въ старину по-гречески *Кокосо* [2]. Отсюда мы отправились на поклоненіе гробницѣ Іоанна Златоуста въ Команѣ, гдѣ есть саркофагъ изъ синяго мрамора, въ которомъ покоилось его тѣло. Изъ Токата мы прибыли въ Сивасъ. На зарѣ, въ понедѣльникъ Пасхи, въѣхали въ Марашъ. Отсюда прибыли въ Келизъ. Здѣсь я написалъ письма въ Алеппо, Дамаскъ и въ другіе города, извѣщая о нашемъ прибытіи, и отправилъ ихъ съ гонцомъ. Отсюда мы прибыли въ Алеппо, вознеся благодареніе всевышнему и всехвальному Богу за благополучный пріѣздъ. Итакъ, мы вступили въ митрополичьи келіи, гдѣ предались отдыху, сбросивъ съ себя заботы путешествія.

Благодареніе Богу за наше благополучное возвращеніе и прибытіе на родину, гдѣ мы свидѣлись съ нашими пріятелями, друзьями и братьями. Нашъ въѣздъ въ богохранимый городъ Алеппо произошелъ въ четвергъ вечеромъ, 21 апрѣля. Молимъ Творца—да будетъ благословленно и прославлено имя Его!—дабы Онъ, подобно тому какъ благоволилъ даровать намъ увидѣться съ нашими христіанами, родными и друзьями, удостоилъ насъ встрѣтиться съ ними и въ царствѣ небесномъ! Аминь».

Изъ этого отрывка, а также изъ слѣдующихъ мѣстъ: «я утруждалъ свои глаза, мысль и чувства, прилагалъ большія старанія и много

---

[1] Слѣдуетъ понимать, изъ полнаго сорока.

[2] Въ византійскую эпоху этотъ городъ назывался Евдоксіа.

потрудился, пока не извлекъ его (свое повѣствованіе) изъ черновыхъ тетрадей по истеченіи года отъ написанія ихъ», и «знай, братъ, что свѣдѣнія, которыя я сообщилъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію, ибо, когда я пріѣзжалъ въ Москву во второй разъ изъ страны грузинской, сопровождая патріарха египетскаго (александрійскаго) и моего родителя, я основательно провѣрилъ и подтвердилъ всѣ эти свѣдѣнія» [1], мы имѣемъ полное основаніе заключить, что у Павла Алеппскаго существовали двѣ редакціи Путешествія: одна, которую онъ составлялъ во время пути и которую онъ называетъ черновыми тетрадями, и другая болѣе полная, обработанная имъ по первой, уже по возвращеніи на родину. Арабская рукопись, по которой сдѣланъ англійскій переводъ, несомнѣнно составляетъ списокъ съ послѣдней редакціи, такъ какъ она во всѣхъ отношеніяхъ полнѣе нашей и, какъ оказывается по каталогу Британскаго музея [2], заключаетъ вслѣдъ за введеніемъ автора и списокъ антіохійскихъ патріарховъ, со времени переселенія ихъ изъ Антіохіи въ Дамаскъ, списокъ, опущенный англійскимъ переводчикомъ, безъ упоминанія объ этомъ пропускѣ, что въ началѣ заставило меня предположить, что этого списка нѣтъ въ лондонской арабской рукописи.

Въ одной изъ имѣющихся въ здѣшней синодальной библіотекѣ грамотъ патріарха Макарія къ московскому патріарху Іоасафу отъ 22 іюня 1669 г., подписанной рукою самого Макарія по-арабски (какъ всѣ его грамоты), сказано: «и прибыли мы въ Иверію, оставались одинъ мѣсяцъ, и умеръ архидіаконъ Павелъ» (Καὶ ἤλθομεν ἡμεῖς εἰς τὴν Ὑβερίαν καὶ ἐκαθήσαμεν ἕναν μήναν καὶ ἀναπαύθηκεν ὁ ἀρχιδιάκονος Παῦλος). Изъ этого мѣста устанавливается несомнѣнный фактъ, что Павелъ сопровождалъ своего отца и во второе путешествіе, совершенное по приглашенію царя для суда надъ патріархомъ Никономъ, и что онъ умеръ на обратномъ пути въ Тифлисѣ, гдѣ, вѣроятно, и похороненъ. Это путешествіе, какъ извѣстно, было совершено инымъ путемъ чѣмъ первое, чрезъ Кавказъ. Если вышеприведенное мѣсто, взятое изъ англійскаго перевода: «знай, братъ, что свѣдѣнія, которыя я сообщилъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію, ибо, когда я пріѣзжалъ въ Москву во второй разъ изъ страны грузинской, сопровождая патрі-

---

[1] См. вып. III, стр. 30 и 66. Послѣднее мѣсто взято изъ англійскаго перевода, за пропускомъ его въ нашей рукописи.

[2] См. Catalogus codicum manuscriptorum orientalium qui in Museo Britannico asservantur. Pars secunda, codices arabicos amplectens. Londini 1871. Supplementum IV pag. 366.

арха египетскаго (александрійскаго) и моего родителя, я основательно провѣрилъ и подтвердилъ всѣ эти свѣдѣнія», если это мѣсто справедливо и принадлежитъ самому Павлу, то нужно думать, что оно внесено въ оригиналъ англійскаго списка во время второго путешествія до пріѣзда въ Тифлисъ.

Къ концу этого выпуска присоединяются три приложенія: 1) напечатанный мною въ Сообщеніяхъ Импер. Православнаго Палестинскаго Общества (дек. 1896) списокъ антіохійскихъ патріарховъ съ біографіей патріарха Макарія до вступленія его на антіохійскій престолъ, и моимъ предисловіемъ къ этому списку; 2) помѣщенную мною въ Сборникѣ Архива Министерства Иностр. дѣлъ 1899 г. статью о рукописи означеннаго Архива (по коей сдѣланъ переводъ), въ связи съ другими, имѣющимися въ Россіи, списками, а также извѣстными намъ, существовавшими или существующими, прочими списками Путешествія, съ приложеніемъ фототипическаго снимка съ послѣдней страницы нашей рукописи, и 3) указатель личныхъ и географическихъ именъ. Предметный же указатель я счелъ не столь необходимымъ, въ виду того, что довольно подробное оглавленіе съ указаніемъ содержанія каждой главы (чего въ оригиналѣ нѣтъ) дастъ возможность всякому желающему легко ориентироваться и отыскать нужное для него мѣсто.

Кромѣ того, прилагаю карту всего маршрута патріарха Макарія съ планомъ Москвы и окрестностей Новгорода, обязательно составленную извѣстнымъ знатокомъ и спеціалистомъ по исторической географіи, уважаемымъ А. И. Буниным, за что приношу ему искреннюю благодарность.

Въ началѣ этого выпуска помѣщается портретъ патріарха Макарія со снимкомъ его собственноручной подписи по-арабски и печати. Портретъ находится въ Титулярникѣ 1672 года, принадлежащемъ Главному Архиву Мин. Ин. Дѣлъ (Госуд. Древлехр., III, 7), и относится къ 1668 году, ко времени второго пріѣзда патр. Макарія въ Москву, и потому патріархъ представленъ на немъ уже довольно престарѣлымъ и какъ бы чѣмъ-то удрученнымъ; не такимъ онъ, безъ сомнѣнія, былъ во время своего перваго путешествія, еще бодрый и полный силъ.

Вслѣдъ за оглавленіемъ этого выпуска прилагаю списокъ недосмотровъ, пропусковъ и неточностей, замѣченныхъ мною при пересмотрѣ перевода, предпринятомъ для подготовленія второго изданія его вмѣстѣ съ арабскимъ текстомъ. Изданіе текста, помимо научнаго значенія, какое оно можетъ имѣть для ученыхъ-арабистовъ, въ виду

особенностей языка верхней Сиріи—родины Павла и его отца, является необходимымъ еще въ виду темноты и очевиднаго искаженія нѣкоторыхъ мѣстъ въ нашихъ рукописяхъ, каковыя мѣста, особенно если не будутъ выяснены путемъ сравненія съ лондонскимъ или инымъ болѣе вѣрнымъ оригиналомъ, должны быть подвергнуты критической обработкѣ, что возможно лишь при изданіи текста самаго оригинала. Изданіе текста, несомнѣнно, представитъ огромный интересъ и для соотечественниковъ патріарха Макарія, которые и по настоящее время смотрятъ на Россію его же глазами и съ тѣми же чувствами и, конечно, съ чрезвычайнымъ интересомъ будутъ читать его записки; и не одни православные, но и отдѣлившіеся отъ нихъ въ сравнительно недавнее время уніаты и другія христіанскія восточныя вѣроисповѣданія, которыя также привыкли соединять съ Россіей лучшія свои чаянія и упованія.

Считаю долгомъ выразить свою признательность С. С. Слуцкому, который всегда такъ отзывчиво и сердечно относился къ моей работѣ и не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи, въ особенности при составленіи мною описанія архивной рукописи въ связи съ другими ея списками, а также моимъ бывшимъ слушателямъ: А. М. Герману, составившему первоначальный, черновой указатель собственныхъ именъ и С. И. Соколову, который любезно помогалъ мнѣ въ переводѣ, при сличеніи его съ англійскимъ, и держалъ корректуру, чѣмъ содѣйствовалъ его улучшенію [1]).

---

[1]) Не принимая на себя критику или защиту Павла, позволю себѣ отмѣтить показавшійся мнѣ страннымъ фактъ, что тогда какъ почти всѣ органы нашей свѣтской печати (Византійскій Сборникъ т. III 1896 г., т. IV 1897 г., т. V 1898 г., т. VI 1899 г.; Историч. Вѣстникъ май 1897 г. [Σ.], апр и сент. 1898 г. [С.], февр. 1899 г.; Русская Мысль лек. 1896 г., мартъ и сент. 1898 г.; Русскій Вѣстникъ янв. 1897 г. и мартъ 1899 г. [подъ заглавіемъ: „Въ старой Москвѣ“]; Русское Обозрѣніе апр. 1897 г.; Археологич. Извѣстія и Замѣтки №№ 1, 9—10 и 11—12 1898 г. [А. К]; Наблюдатель № 2 1898 г.; Кіевская Старина авг. 1899 г. [Г. Савва]: Москов. Вѣд. 1895 г. № 126 и 1896 г. № 313; Русскія Вѣд. 1896 г. № 326 и 1898 г. №№ 88, 137 и 296; Новости 1896 г. № 359; Кремль 1897 г. № 4; Новое Время 1895 г. № 6893 и Прибавленіе къ № 8146 1898 г. подъ заглавіемъ: „Въ Москвѣ XVII вѣка“), несмотря на различіе направленій, отнеслись серьезно и сочувственно къ труду Павла, нельзя этого сказать о духовныхъ журналахъ. Такъ, органъ Москов. Духовной Академіи, Богословскій Вѣстникъ въ библіографической статьѣ о вышедшихъ уже четырехъ выпускахъ приходитъ къ слѣдующему заключеніе: „записки Павла Алеппскаго, несомнѣнно, преувеличиваютъ добродѣтели

Заканчивая свой настоящій трудъ, на который я смотрю какъ на дань благодарности по отношенію къ воспитавшей меня Россіи, позволю себѣ коснуться автобіографіи и прежнихъ своихъ печатныхъ работъ, такъ какъ и то, и другое находится въ тѣсной связи съ моими занятіями настоящимъ памятникомъ, которымъ я заинтересовался, еще будучи на студенческой скамьѣ [1]), видя въ немъ выраженіе идеаловъ, вынесенныхъ мною изъ моего дѣтства. Меня влекъ къ нему двоякій интересъ: близость его моему сердцу, какъ уроженцу той самой страны, изъ которой происходили Павелъ и его отецъ, и особыя, исключительныя семейныя условія, въ коихъ я находился въ дѣтствѣ. Для уясненія этихъ послѣднихъ привожу часть изъ некролога моего отца, напечатаннаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1882 г. № 65. Я считаю это, кромѣ того, долгомъ сына передъ памятью покойнаго моего дорогого отца, который не пожелалъ отдать меня, еще въ раннемъ дѣтствѣ, въ одну

и благочестіе казаковъ, особенно же московитовъ... Павелъ—свидѣтель подкупленный въ пользу русскаго народа богатой милостыней, вывезенной его отцомъ изъ нашей земли". (См. Богослов. Вѣстн., сент. 1899 г.). Не говоря о томъ, что это прямо противорѣчитъ слѣдующему мѣсту у Павла (вып. IV, стр. 21): „Богъ свидѣтель, что я лжи не говорю и не взялъ съ нихъ взятку за то, что я такъ хвалю ихъ", оно невѣрно уже по одному тому, что Павелъ писалъ дневникъ для своихъ соотечественниковъ, и ему, конечно, никогда въ голову не приходило, что его записки будутъ читаться въ Россіи. Неоднократно въ нихъ онъ жалуется, что принужденъ писать украдкой, изъ опасенія, чтобы московиты не узнали, что онъ ведетъ записки и описываетъ, что ему приходится видѣть и наблюдать. Въ его запискахъ немало юмора и не совсѣмъ лестныхъ для насъ отзывовъ. Непростительно также Душеполезному Чтенію (авг. 1898 г.) въ своей довольно обширной статьѣ, озаглавленной: „Святая Русь" и состоящей почти исключительно изъ выписокъ, сказать, что Павлу и его отцу „приходилось поневолѣ участвовать во всѣхъ постахъ и богослуженіяхъ, чтобъ не лишиться щедрой царской милости". Подобнаго сужденія нельзя вывести изъ постоянныхъ жалобъ Павла на продолжительность и утомительность русскихъ службъ и строгость постовъ, и оно находится въ противорѣчіи съ самымъ положеніемъ Павла и его отца, какъ патріарха. Изъ настоящаго выпуска журналъ узнаетъ, какую милостыню получилъ патріархъ отъ Алексѣя Михайловича и на что онъ ее употребилъ.

[1]) Это можно видѣть изъ возникшей, при окончаніи мною курса въ университетѣ, переписки по этому поводу между Петербургскимъ университетомъ и Учебнымъ Отдѣленіемъ Азіатскаго Департамента, которое, однако, не находило тогда возможнымъ предоставить Университетской библіотекѣ на нѣкоторое время для моего пользованія принадлежавшій ему списокъ Путешествія патр. Макарія. Порфирьевскій же списокъ въ то время еще не поступалъ въ Публичную библіотеку.

изъ прекрасно устроенныхъ школъ латинскихъ и протестантскихъ миссіонеровъ на моей родинѣ, ни отправить меня для дальнѣйшаго образованія въ западную Европу, на что онъ имѣлъ возможность, но послалъ въ Россію изъ предосторожности, чтобы я не заразился, какъ онъ говорилъ, иновѣріемъ, что случалось со многими сирійцами, обучавшимися въ иновѣрческихъ школахъ или уѣзжавшими для образованія на Западъ и въ Америку. Вслѣдъ за некрологомъ, помѣщаю хронологическій списокъ своихъ печатныхъ работъ, изъ которыхъ главная и наиболѣе близкая моему сердцу часть посвящена церковно-политическимъ вопросамъ на Востокѣ и отношенію его къ Россіи.

ИЗЪ ДАМАСКА.

2 Февраля 1882.

20 минувшаго Января скончался старѣйшій членъ здѣшней православной общины, Авраамъ Георгіевичъ Муркосъ, на 76 году отъ рожденія. Покойный былъ однимъ изъ первыхъ двухъ христіанъ назначенныхъ Ибрагимомъ-Пашой Египетскимъ, во время управленія его Сиріей, представителями христіанской общины въ мѣстныхъ меджлисахъ (правительственныхъ совѣтахъ) и съ того времени въ теченіе почти полстолѣтія не переставалъ состоять членомъ разныхъ меджлисовъ вилайета коммерческаго, уголовнаго и областного. Кромѣ того, онъ былъ постояннымъ членомъ народной комиссіи при патріархатѣ, другомъ и ближайшимъ совѣтникомъ нынѣшняго патріарха Антіохійскаго, блаженнаго Іерооея и его предшественника Меѳодія, по завѣщанію котораго онъ управлялъ всѣмъ патріархатомъ въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ, отъ смерти Меѳодія до вступленія нынѣшняго патріарха Іерооея. Не смотря на всѣ разнообразныя столкновенія, которыя покойному приходилось преодолѣть защищая православныхъ въ ихъ тяжбахъ съ мусульманами и христіанами другихъ исповѣданій, особенно латинянами, столь могущественными на Востокѣ при покровительствѣ императорской клерикальной Франціи, онъ былъ одинаково любимъ какъ тѣми, такъ и другими, что̀ отчасти объясняется его неподкупною справедливостью и замѣчательною находчивостью. Разсказываютъ, что его товарищи по меджлису, узнавъ однажды, что онъ жаловался одному важному русскому путешественнику на ихъ несправедливость къ христіанамъ въ тяжбахъ, просили его разсказать имъ отвѣтъ Русскаго. Хотя вопросъ былъ сдѣланъ въ собраніи меджлиса и совершенно неожиданно для него, онъ однако жъ не растерялся; пошутивъ по своему обыкновенію и взявъ съ нихъ слово, что они не станутъ обижаться, онъ вложилъ въ уста Русскаго слѣдующій мнимый отвѣтъ: «Для вашего же блага васъ обижаютъ: еслибы съ вами поступали справедливо, то всѣ вы давно сдѣлались бы мусульманами». Многіе путешественники, бывавшіе въ Дамаскѣ и даже встрѣчавшіеся случайно съ нимъ въ Аонахъ, гдѣ онъ послѣ бывшей въ 1860 году въ Дамаскѣ рѣзни пробылъ съ семействомъ болѣе семи лѣтъ, сохранили объ этой замѣчательной личности неизгладимое воспоминаніе. Но если Авраамъ Георгіевичъ во всемъ, что касалось внѣшнихъ такъ сказать, интересовъ православной общины, въ

ея столкновеніяхъ съ мусульманами и иновѣрческими исповѣданіями, имѣлъ на своей сторонѣ сочувствіе всей православной общины, то во внутреннихъ—сочувствіе общины не всегда было на его сторонѣ. Главными его противниками были молодая, либеральная—если можно такъ назвать ее—партія, которая стремится вытѣснить пришлый греческій элементъ изъ среды іерархіи, во главѣ которой стоитъ, конечно, самъ патріархъ, какъ Грекъ родомъ. Въ послѣдняго рода столкновеніяхъ покойный былъ для патріархата незамѣнимою поддержкой; даже тогда, когда патріарху приходилось скрываться, отъ раздраженной толпы въ домѣ греческаго консула, одинъ Авраамъ Георгіевичъ остался вѣрнымъ ему и предотвращалъ его низложеніе своимъ вліяніемъ. Неудивительны, поэтому, тѣ необыкновенныя почести конми, по распоряженію патріарха, сопровождались его похороны и которыя отчасти характеризуютъ положеніе православной общины въ этихъ странахъ. Для примѣра укажемъ на несеніе предъ его гробомъ отъ самаго дома Знамени Креста. Знамя Креста состоитъ изъ длиннаго шеста, къ концу котораго прикрѣпленъ большой серебряный крестъ; на шестѣ же надѣта красная шелковая матерія, въ видѣ широкаго мѣшка охватывающаго шестъ, на которой также выткано золотомъ изображеніе креста съ надписями. Это Знамя въ Антіохійской церкви, по древнему обычаю, выставляютъ только въ праздникъ Пасхи и въ особенно важныхъ случаяхъ. Процессія похоронъ двигалась въ слѣдующемъ порядкѣ: къ 9 часамъ вечера по турецкому времени (около 3 пополудни) было назначено отпѣваніе (замѣтимъ, что на Востокѣ не принято служить обѣдню если въ церкви есть покойникъ). Къ этому времени въ домъ прибыли три наличные митрополита, со всѣми городскими священниками, пѣвчими и прочимъ духовенствомъ, неся Знамя Креста. Пять кавасовъ съ серебряными булавами, отъ разныхъ консульствъ и патріархіи открыли шествіе. За ними слѣдовали въ стройномъ порядкѣ, попарно, ученики всѣхъ православныхъ школъ, распѣвая речитативомъ, написанные для сего случая старшимъ учителемъ, арабскіе стихи (покойный болѣе 30 лѣтъ былъ попечителемъ православныхъ школъ Дамаска). За ними—духовенство, Знамя Креста и наконецъ черный гробъ, несомый руками многихъ изъ почетныхъ лицъ города. Въ церковныхъ вратахъ процессію встрѣтилъ 90-лѣтній маститый патріархъ въ полномъ облаченіи, что также составляло нововведеніе, такъ какъ отпѣваніе мірянъ безъ заупокойной литургіи, какъ сказано выше, совершается при мантіи, эпитрахили и маломъ омофорѣ. При выходѣ изъ собора, толпы провожавшихъ и любопытныхъ настолько запрудили и безъ того узкія улицы, что процессія съ трудомъ могла двигаться.

Маститый патріархъ проводилъ гробъ до патріаршаго дома, гдѣ прерывающимся голосомъ, весь обливаясь слезами, читалъ очень длинныя молитвы на своемъ (т. е. греческомъ) языкѣ и простился съ покойнымъ троекратнымъ поцѣлуемъ. Въ концѣ отпѣванія въ каѳедральномъ соборѣ митрополитъ Эдесскій Агапій, кандидатъ С.-Петербургской Духовной Академіи, сказалъ на арабскомъ языкѣ прочувствованное слово, вызвавшее у многихъ слезы на глазахъ. Такъ на дальнемъ Востокѣ, въ колыбели христіанства, была воздана послѣдняя почесть этому человѣку, болѣе полустолѣтія потрудившемуся на пользу православія и своей родины, человѣку ведущему свой родъ отъ древнѣйшихъ православныхъ арабскихъ колѣнъ, на что отчасти ука-

зываютъ благочестивыя приношенія его предковъ, сохранившіеся въ древнихъ монастыряхъ, время основанія которыхъ относится ко временамъ Юстиніана.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что покойный всегда гордился пожалованною ему Императрицей Маріей Александровной золотою булавкой съ шифромъ Ея Величества изъ брилліантовъ, которая и находилась на его груди во время похоронъ.

Вотъ переводъ съ арабскаго стиховъ, пропѣтыхъ учениками предъ гробомъ Авраамія Георгіевича:

Куда ты сокрылся, о старецъ любезный,
Оставивъ стенанье и плачъ за собой?
Душа Авраама дорогою звѣздной
Летитъ къ Аврааму на вѣчный покой [1]).

* * *

Любовью и миромъ душевнымъ богатый
Онъ миръ насаждалъ и въ народѣ своемъ;
Мы всѣ пострадали отъ этой утраты,
И плакало небо, печалясь о немъ.

* * *

Онъ всѣмъ помогалъ. никого не обидѣлъ;
Мы свято должны его память блюсти.
Гдѣ сынъ его нынѣ? О, если бъ онъ видѣлъ.
Отца на послѣднемъ великомъ пути.

* * *

О ты, кто сіялъ добротою въ народѣ,
И славную память стяжалъ о себѣ!
Оказывалъ милость ты ближнимъ въ невзгодѣ,—
Да милость окажетъ Господь и тебѣ!

СПИСОКЪ ДРУГИХЪ МОИХЪ ПЕЧАТНЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1) Нѣкоторые отрывки объ отношеніяхъ между мусульманами и не-мусульманами, извлеченные изъ Корана и другихъ авторитетныхъ у мусульманъ книгъ. Брош. въ пользу раненыхъ русскихъ воиновъ. М. 1877 г.

2) Мнѣніе православныхъ арабовъ о греко-болгарской распрѣ. (Православ. Обозрѣніе, сентябрь 1880 г. и отдѣльной брошюрой).

3) Почтовые голуби на Востокѣ (Русскій Вѣстникъ, дек. 1881 г.).

4) Интересы Россіи въ Палестинѣ (посвящ. Православ. Палест. Обществу). (Моск. Вѣд. №№ 348, 349 и 350 1882 г. и отдѣльной брошюрой. Правосл. Обозр., февраль 1883 г., подъ заглавіемъ: „Современное состояніе и нужды Православія въ Іерусалимской Церкви“).

---

[1]) Это четверостишіе повторяется въ видѣ припѣва, послѣ каждой строфы

5) По поводу библіографической замѣтки о книгѣ „Современные церковные вопросы“ Т. Филиппова (Православ. Обозрѣніе, май 1882 г.).

6) Фанаріотскіе пріемы и тенденціи въ русской газетѣ (Православ. Обозрѣніе, декабрь 1882).

7) Муаллака Имру-уль-Кайса. Арабскій текстъ и переводъ. Спб. 1885.

8) Новѣйшая арабская литература. (Исторія всеобщей литературы, издан. Риккера т. II, вып. 13 и 14 Спб. 1885 г.).

9) Объ арабскихъ рукописяхъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ и малой Казы-Кумукской мечети въ Дагестанѣ. Съ арабскимъ текстомъ. (Древности восточныя. Труды Вост. Комиссіи Импер. Моск. Археолог. Общ. 1889 г.).

10) О рукописномъ сборникѣ XVII вѣка на разныхъ восточныхъ языкахъ. Съ арабскимъ текстомъ (I-ый т., 2-ой вып. Древн. Восточныхъ Имп. Моск. Арх. Общ. М. 1891).

11) Одно изъ самыхъ капитальныхъ изданій Имп. Прав. Палестин. Общ. въ области научной каталогизаціи: Ιεροσολυμιτη Βιβλιοθηκη ὑπο Α. Παπαδοπουλου-Κεραμεως. (Библіографическія записки № 6, 1892 г.).

12) Какъ совершился захватъ Іерусалимской патріархіи святогробцами и кто были истинными хранителями палестинскихъ святынь. Моск. Вѣд. № 21, 1892 г. и отдѣльной брошюрой.

13) Бессарабскія и кавказскія имѣнія св. Гроба. (Эта статья печаталась въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за подписью „Русскій Паломникъ“ (Моск. Вѣд. 1892 г. №№ 59, 66, 81, 107 и 113, и отдѣльной брошюрой), но не окончена по независящимъ отъ автора и редакціи причинамъ).

14) О служебникѣ Антіохійскаго патріарха Макарія, находящемся на Аѳонѣ. Съ арабскимъ текстомъ. (II т. Древн. Вост. Имп. Моск. Археол. Общ. М. 1895).

15) О ткани съ арабской надписью въ Московскомъ Публичномъ музеѣ. (Ibidem.)

16) Нѣкоторые курьезы англійскаго перевода Путешествія Антіохійскаго патр. Макарія въ Россію, въ половинѣ XVII вѣка (Χαριστηρια, Сборникъ статей по филологіи и лингвистикѣ въ честь Ѳ. Е. Корша, заслуж. проф. Моск. Ун. М. 1896).

17) О приписываемыхъ халифу Али рѣчахъ. (Сборникъ въ честь заслуж. проф. Моск. Ун. Вс. Ѳед. Миллера. М. 1899 г.)

18) Приложенные къ настоящему выпуску:

а) Къ исторіи Антіохійскихъ патріарховъ и

б) Арабская рукопись Путешествія патр. Макарія, принадлежащая библіотекѣ Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ.

ماكاريوس برحمة الله تعالى البطريرك الانطاكي وسائر المشرق

ПУТЕШЕСТВІЕ

Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію.

КНИГА XIII.

Молдавія и Валахія.

Глава I.

Молдавія.—Прибытіе въ Яссы. Служенія. Содержаніе, назначенное патріарху. Отъѣздъ господаря. Поѣздка патріарха въ новостроящійся монастырь. Романъ. Бакеу. Трудности дороги. Прибытіе въ монастырь. Описаніе его. Прощаніе съ господаремъ и отъѣздъ въ Валахію. Прибытіе въ Тырговишть.

Когда мы переѣхали рѣку (Днѣстръ), насъ встрѣтилъ пырколабъ [1] и капитаны, отъ лица молдавскаго правительства, согласно данному господаремъ приказу. Они назначили намъ два знамени каларашей, которые и провожали насъ постоянно отъ города до города, когда мы ѣхали на подводахъ съ почтовыми лошадьми, пока не прибыли въ городъ Яшъ, или Яссы, въ четвергъ 21 августа, при чемъ господарь выслалъ своихъ бояръ встрѣтить насъ на дорогѣ со всѣмъ почетомъ и уваженіемъ. Мы остановились въ монастырѣ св. Саввы [2].

Въ понедѣльникъ, слѣдовавшій за нашимъ прибытіемъ, было первое число сентября мѣсяца и начало 7165 года отъ сотворенія міра.

11 сентября нашъ владыка патріархъ, по просьбѣ господаря, служилъ для него обѣдню въ придворной церкви. Въ праздникъ Воздви-

---

[1] Комендантъ.

[2] Монастырь св. Саввы основанъ около 1625 г. и вскорѣ преклоненъ Св. Гробу. Нынѣ приходская церковь.

женія Креста домна [1], въ свою очередь, прислала приглашеніе нашему владыкѣ, и онъ отслужилъ для нея обѣдню въ ея собственной церкви внутри ея жилища. Затѣмъ въ воскресенье, слѣдовавшее за праздникомъ Воздвиженія, домна, отправившись въ монастырь, называемый монастыремъ Домны [2], прислала приглашеніе нашему владыкѣ патріарху, и онъ опять отслужилъ для нея обѣдню. Велика была щедрость, глубоки и существенны знаки вниманія, выказанные господаремъ нашему учителю, ибо онъ назначилъ ему на содержаніе деньгами болѣе динара ежедневно и припасами ежедневно же 20 окъ [3] вина и 50 хлѣбовъ, возъ сѣна и ячменя для тридцати пяти лошадей, возъ дровъ и (бочку) воды [4]; кромѣ того, разнаго рода свѣчъ и другіе предметы домашняго обихода. Въ Молдавіи мы начали чувствовать воздухъ своей родины и пошли въ баню, которой были лишены двадцать семь мѣсяцевъ,—въ теченіе всего этого времени мы не были въ банѣ и не мылись; теперь мы перемѣнили свою одежду, которая уже истрепалась и запачкалась. Впрочемъ, мы находились еще въ большомъ безпокойствѣ, вслѣдствіе своего долгаго отсутствія изъ дома.

Въ концѣ сентября господарь отправился въ увеселительную поѣздку въ городъ Хушъ, а оттуда въ Галацъ, чтобы посѣтить новый монастырь, выстроенный имъ близъ этого города. Онъ взялъ обѣщаніе съ нашего владыки патріарха, что тотъ пріѣдетъ къ нему въ монастырь, и потому, прибывъ въ Галацъ, онъ тотчасъ прислалъ извѣстіе нашему учителю. Его намѣстникъ и бояре снабдили насъ подводами и прикрытіемъ, и мы выѣхали изъ Яссъ въ среду 8 октября, при чемъ насъ провожали съ обычной пышностью до наружныхъ воротъ. Мы прибыли къ холму Формозъ, на коемъ находится каменный дворецъ; прежде чѣмъ достигнешь его, надо проѣхать по каменному мосту, гдѣ произошло послѣднее сраженіе между Василіемъ [5] и теперешнимъ господаремъ, въ коемъ первый былъ разбитъ и принужденъ искать убѣжища въ землѣ казаковъ. На землѣ, гдѣ происходила битва, виднѣлись еще черепа убитыхъ. На слѣдующій день мы прибыли въ городъ, называемый Романъ; здѣсь нѣсколько каменныхъ церквей и великолѣпный монастырь во имя св. Параскевы, очень красивое зданіе, воздвигнутое

[1] Господарыня.

[2] Нѣкоторыя свѣдѣнія о монастырѣ Домны находятся въ книгѣ „Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. влмч. Пантелеимона“, Кіевъ, 1873.

[3] Око—$3^1/_8$ ф.

[4] „Для потребленія армянъ“, прибавлено въ англійскомъ переводѣ; полагая здѣсь ошибку переводчика, мы опустили эти слова, какъ не имѣющія смысла.

[5] Господарь Василій Лупулъ, 1634—1654 г.

покойнымъ Александромъ воеводой [1]; онъ служитъ мѣстопребываніемъ епископа. Въ этомъ городѣ есть нѣсколько прекрасныхъ гостинницъ, принадлежащихъ армянамъ, которые доставляютъ путешественникамъ подводы и все необходимое. Отсюда, по чрезвычайно неровнымъ дорогамъ и переѣхавъ большую рѣку, чрезъ которую переправляются на судахъ, мы прибыли въ другой городъ, по имени Бакеу, съ нѣсколькими каменными церквами. Отъ этого мѣста, чрезъ лѣса и горы, по труднымъ дорогамъ, похожимъ на дороги въ Московіи, но только еще дичѣе, мы пріѣхали въ первую изъ деревень, принадлежащихъ теперешнему господарю, которыя онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и дѣдовъ; это—самыя лучшія и многолюдныя селенія: въ каждомъ есть дворецъ и церковь.

Каждый уголокъ этой страны, отъ Романа до Фокшанъ, занятъ селеніями и деревнями, и тутъ есть такія восхитительныя мѣста, орошаемыя источниками и ручейками, что нѣтъ возможности описать ихъ. Изъ всей Молдавіи это самый прекрасный и самый населенный округъ. Отъ Романа до Фокшанъ пять дней пути; это пограничная линія съ той частью Венгріи, которою владѣютъ многочисленные саксы, кои суть франки, послѣдователи папы, и имѣютъ свои церкви, ибо въ Венгріи, какъ намъ сообщали, существуетъ безчисленное множество сектъ и вѣроисповѣданій, такъ что въ одномъ и томъ же семействѣ можно найти нѣсколько религій: отецъ одной вѣры, жена—другой, а дѣти принимаютъ, каждый самъ-по-себѣ, вѣру, которая ему нравится. Краль и правители—кальвинисты; владѣтели крѣпостей—саксы.

Отправившись далѣе, мы нашли дороги крайне трудно проходимыми и вступили въ лѣса, глуше и дичѣе чѣмъ когда-либо, и когда наступила ночь, мы провели ее среди нихъ, не будучи въ состояніи достигнуть жилья. Животныхъ мы пустили пастись, гдѣ имъ угодно, и зажгли огни, которые поддерживали до утра. Затѣмъ, собравъ своихъ лошадей, снова двинулись въ путь и въ понедѣльникъ прибыли въ одинъ изъ городковъ, принадлежащихъ господарю, называемый *Богдана* (Богдана) [2], каковое имя дано и монастырю, который онъ здѣсь строитъ. Это мѣсто расположено между горами въ долинѣ, образующей прекрасный лугъ, и со всѣхъ четырехъ сторонъ защищено горами. Чрезъ него протекаетъ большая рѣка, по имени Тратушъ. Слѣдуя приказаніямъ господаря, мы оставили здѣсь свою кладь и послѣдовали

---

[1] Церковь св. Параскевы основана въ 1550 г. Господарь Александръ (Лопушняну) правилъ дважды: 1552—1561 и 1564—1566.

[2] Нынѣ село въ округѣ Бакеу.

безъ помѣхи къ господареву монастырю, находящемуся съ одной стороны городка. Чтобы добраться до него, вступаешь въ узкое ущелье, которое составляетъ единственный проходъ къ монастырю, ибо ни сзади, ни спереди, ни гдѣ-либо кругомъ или близъ него (нѣтъ другого), такъ какъ монастырь находится въ одномъ углу той мѣстности, гдѣ лежитъ городокъ, и окруженъ венгерскими горами и лѣсами, имѣя спереди большую рѣку, (текущую) въ глубинѣ ужасной долины. Едва мы проѣхали ущелье и стали приближаться къ монастырю, какъ вступили на ровную зеленую поляну, обнесенную кругомъ окопами, въ глубинѣ которой стоитъ монастырь, окруженный многочисленными источниками прѣсной воды. Господарь прибылъ сюда раньше насъ со своей домной и вельможами съ ихъ женами. По этому поводу здѣсь устроилось большое *панагири*, или ярмарка, въ особенности же по случаю памяти св. Параскевы, болгарской дѣвицы, коей мощи находятся въ монастырѣ Василія воеводы.

На слѣдующій послѣ нашего пріѣзда день мы отслужили обѣдню, въ присутствіи господаря, въ деревянной церкви, которую выстроили близъ монастыря, и при ней кельи, на время, пока не будетъ окончено самое зданіе. Послѣ обѣдни насъ угощали за столомъ до вечера. Вотъ описаніе монастыря. Онъ обнесенъ весьма высокой стѣной съ четырьмя башнями, по одной на каждомъ углу, кромѣ колокольни, находящейся надъ воротами. Все это зданіе сооружено въ теченіе нынѣшняго лѣта и, какъ говорятъ, для этого было употреблено болѣе восьмисотъ рабочихъ изъ *чингана* (цыганъ), здѣшнихъ рабовъ; но строеніе церкви еще не кончено. Она—во имя двухъ архистратиговъ ангельскаго чина, Михаила и Гавріила, и прочихъ небесныхъ силъ. Господарь получилъ для этого монастыря отъ патріарха Константинопольскаго *статиконъ* (грамоту), коимъ онъ объявляется ставропигіей, зависящимъ непосредственно отъ патріарха, и никто иной не можетъ имѣть власти надъ нимъ во вѣки. Такой же милости господарь просилъ и у нашего владыки патріарха, и нашъ учитель написалъ для него *статиконъ* на тотъ же предметъ, съ отлученіемъ и анаѳемой и пр. Для содержанія монастыря господарь пожаловалъ ему нѣсколько деревень и другія угодья въ большомъ числѣ.

Въ среду господарь поѣхалъ назадъ и мы немедленно послѣдовали за нимъ до малаго города Богданы. Въ четвергъ, рано поутру, господарь прислалъ за нашимъ владыкой патріархомъ и имѣлъ съ нимъ прощальное свиданіе: владыка прочелъ молитвы надъ нимъ и домной. Послѣ этого господарь отправился въ Яссы, назначивъ къ намъ капитана съ отрядомъ, чтобы проводить насъ до Фокшанъ. Вечеромъ мы

прибыли въ селеніе, принадлежащее великому ворнику [1], по имени Дабижа. Здѣсь, согласно наказу господаря, намъ былъ оказанъ большой почетъ, что произошло и на слѣдующій день въ другомъ маломъ городѣ, принадлежащемъ тому же лицу. Въ немъ есть большой дворецъ, находящійся на берегу значительной рѣки, на высокомъ пригоркѣ, господствующемъ надъ окрестностями; сюда убѣжалъ господарь Стефанъ послѣ своего перваго пораженія подъ Яссами Тимовеемъ и его казаками и здѣсь имѣлъ свое мѣстопребываніе, какъ въ мѣстѣ столь близкомъ къ Венгріи и Валахіи. Для насъ было предметомъ удивленія, что мы теперь ѣдемъ по такой дорогѣ, по которой никто еще не путешествовалъ, ни даже монахи. У упомянутаго ворника находится жена сердаря [2], котораго казнилъ господарь Василій. Она нашего рода и племени, происходя отъ Петра воеводы, который жилъ въ ссылкѣ въ Алеппо [3].

Въ воскресенье мы прибыли въ Фокшаны и здѣсь отпустили капитана, отправивъ съ нимъ благодарственныя письма къ господарю. Тутъ встрѣтилъ насъ такой же отрядъ войска отъ господаря валашскаго и сопровождалъ въ понедѣльникъ до Рымника, во вторникъ до Бузео, а въ среду былъ длинный переѣздъ, съ ранняго утра до поздняго вечера, пока мы не достигли Плоешти. Въ четвергъ мы прибыли въ монастырь постельника [4]. Въ пятницу митрополитъ Валахіи, вмѣстѣ съ другими митрополитами, пріѣхавшими въ столицу, и со множествомъ бояръ, вышелъ намъ на встрѣчу, согласно приказанію господаря, въ сопровожденіи городского купечества, и въ торжественной процессіи насъ ввели въ Тырговишть. Мы сошли у монастыря Сталія, нашего прежняго мѣстопребыванія, по обычаю, при колокольномъ звонѣ.

---

[1] Министръ юстиціи, по Палаузову (см. Румынскія господарства, стр. 213). Но у А. Накко (Исторія Бессарабіи, ч. 2, стр. 107) сказано, что великій ворникъ (или дворникъ) есть министръ внутреннихъ дѣлъ.

[2] Начальникъ конницы.

[3] Вѣроятно, Петръ II Хромой, о которомъ у Палаузова (стр. 32, прим. 14) сказано, что онъ въ 1567 г. былъ изгнанъ въ Малую Азію. Изъ Павла же Алеппскаго узнаемъ теперь, что онъ былъ сосланъ въ Алеппо, въ верхней Сиріи.

[4] Министръ иностранныхъ дѣлъ.

Глава II.

Тырговишть.—Свиданіе съ господаремъ. Торжество въ праздникъ Крещенія. Пиръ у господаря. Обиліе здравицъ. Поѣздка патріарха въ монастырь Арджишъ. Описаніе монастыря. Пребываніе въ Кымполунгѣ. Возвращеніе въ Тырговишть.

Въ воскресенье, въ праздникъ св. Димитрія, господарь Константинъ прислалъ за нами свою карету, приглашая насъ къ себѣ, и принялъ насъ съ величайшимъ радушіемъ, почтеніемъ и гостепріимствомъ. Точно также въ праздникъ св. Михаила, 8 ноября, господарь прислалъ за нами, и мы отслужили для него обѣдню въ придворной церкви, послѣ чего онъ угощалъ насъ за своимъ столомъ до вечера, наполняя свободные часы осушеніемъ кубковъ вина и раздачей почетныхъ платьевъ. Мы вернулись въ свой монастырь. То же самое происходило въ праздникъ св. Николая и въ праздникъ Рождества, включая и канунъ его, во время коихъ соблюдались тѣ же веселые обряды. Равнымъ образомъ и въ праздникъ Крещенія мы отправились въ *куртэ* (дворецъ) и здѣсь облачились. Когда сошелъ господарь, нашъ учитель благословилъ его, по обычаю, и всѣ архіереи и священники въ облаченіяхъ и съ крестами вышли на дворцовую площадку и тутъ размѣстились большимъ кругомъ. Затѣмъ вышли вмѣстѣ нашъ учитель и господарь; послѣднему предшествовалъ постельникъ съ серебрянымъ жезломъ, а я шелъ впереди нашего владыки съ трикиріемъ, пока господарь не прослѣдовалъ къ своему трону. Когда онъ сталъ на немъ, нашъ учитель благословилъ его и сталъ на своемъ тронѣ, по лѣвую руку господаря. Подлѣ нашего владыки сталъ митрополитъ города, а затѣмъ тянулся влѣво рядъ архіереевъ, архимандритовъ, священниковъ и монаховъ; напротивъ нихъ стояли государственные сановники, а дворъ былъ переполненъ солдатами съ холоднымъ оружіемъ и мушкетами. Домна и всѣ жены вельможъ находились на высокой галлереѣ, откуда можно было насъ видѣть. Послѣ того какъ всѣмъ были розданы свѣчи, нашъ учитель сошелъ и кадилъ кругомъ аналоя, на которомъ лежала икона Крещенія, и надъ столомъ, на коемъ были помѣщены серебряные сосуды съ водой, крестъ и кропило. Я шелъ передъ нимъ съ трикиріемъ, а мой товарищъ съ посохомъ. По прочтеніи евангелія и ектеніи, за коей слѣдовали обычныя молитвы и погруженіе креста, пошли впереди насъ съ хоругвями и знаменами къ рѣкѣ, находящейся въ нѣкоторомъ разстояніи, и здѣсь нашъ учитель, по ихъ обычаю, погрузилъ крестъ и образъ въ текущую воду. Свернувъ знамена, ихъ также опустили въ воду и наполнили ею безчисленное множество сосудовъ. Въ то же

время было окрещено много младенцевъ. По возвращеніи, мы нашли господаря и вельможъ сидящими въ церкви. Нашъ владыка первый вошелъ въ нее и окропилъ. Въ ту минуту, когда господарь подошелъ приложиться ко кресту, былъ поданъ знакъ, и музыканты ударили въ бубны, заиграли на флейтахъ, рожкахъ, трубахъ и всякихъ другихъ инструментахъ, а всѣ солдаты дали три залпа изъ мушкетовъ, такъ что уши у насъ оглохли и сердце затрепетало отъ страха, ибо мы находились какъ разъ въ срединѣ всего этого. Слѣдуетъ замѣтить, что по возвращеніи нашего учителя въ церковь онъ поднялся, по желанію господаря, къ домнѣ на галлерею и окропилъ ее, женщинъ (ея свиты) и всѣхъ женъ сановниковъ. Послѣ молитвы надъ кутьей и раздачи кренделей, по обычаю, мы пошли къ столу, который былъ великолѣпенъ. Здѣсь есть постоянный обычай, что, когда слуги носятъ кушанья изъ кухни, ихъ сопровождаютъ музыканты, наигрывая на флейтахъ и бубнахъ. Пиршество въ такой праздникъ, какъ этотъ, никогда не обходится безъ многочисленныхъ круговыхъ чашъ. Прежде всего зажгли свѣчу передъ образомъ, который находится надъ головою господаря, и принесли кадильницу; вставъ изъ-за стола, я взялъ ее и окадилъ образъ, господаря и всѣхъ присутствующихъ, которые оставались за столомъ, но стоя на ногахъ; а нашъ владыка прочиталъ молитву за господаря. Первую чашу господарь выпиваетъ во славу Божію и повторяетъ ее во второй и въ третій разъ. Вторую выпиваетъ въ честь праздника; третью за здоровье турецкаго государя трижды. Въ ту минуту какъ господарь начинаетъ пить, тотчасъ три раза стрѣляютъ изъ пушекъ и трижды играютъ на бубнахъ, флейтахъ, рожкахъ и трубахъ. То же было, когда онъ пилъ четвертую круговую чашу за короля венгерскаго; потомъ пятую за здоровье его сына три раза; шестую за здоровье Стефана, господаря Молдавіи, три раза; седьмую за здоровье Хмеля три раза; а восьмая и послѣдняя круговая чаша была выпита за здоровье самого господаря и повторена три или четыре раза. При возглашеніи именъ всѣхъ этихъ особъ, стрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны и извлекали согласные звуки изъ арфъ, рожковъ и всякихъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ, какъ бы изъ однихъ устъ. Такимъ же образомъ пили за здоровье нашего владыки патріарха три раза; за здоровье митрополита три раза, и трижды за здоровье высшихъ сановниковъ государства, которые сидѣли за столомъ. Словомъ сказать, я не имѣлъ никакой возможности пересчитать всѣ чаши, кои были поданы и выпиты до дна, ибо кравчіе ни отъ кого не принимали извиненій и никто не могъ ни отлить изъ своего кубка, ни возвратить его съ остаткомъ: на то былъ особливый приказъ господаря. Таковъ

у нихъ обычай и таково гостепріимство. Поэтому, находясь среди нихъ, мы были въ великой бѣдѣ. Подъ конецъ, разостлали коверъ подлѣ господаря, и высшіе государственные сановники, вставъ со своихъ мѣстъ, по-двое подходили и становились на колѣни и затѣмъ выпивали каждый за здоровье господаря большую чашу, содержащую, вѣроятно, око, а можетъ быть и два ока, вина, осушая ее до дна, такъ что мы содрогались при видѣ этого; потомъ они встаютъ и цѣлуютъ у него руку, а онъ цѣлуетъ ихъ въ лобъ, и они занимаютъ свои мѣста. Сказать по правдѣ, даже въ Московіи особенности этихъ празднествъ не соблюдаются съ такою точностью, какъ въ Валахіи. Изъ-за стола встали не ранѣе двухъ часовъ по наступленіи ночи; по обычаю, были розданы почетныя платья.

Господарь очень полюбилъ насъ и, бывало, все шутилъ со мною, дѣлая видъ, что жалѣетъ меня по причинѣ моей долгой разлуки съ семействомъ. Да хранитъ его Богъ! На слѣдующій день рано поутру пришли всѣ музыканты со своими инструментами чествовать насъ и получить хорошій подарокъ; ихъ сопровождали пѣвчіе, писцы, церковные служители и пр.

Мы слыхали еще прежде отъ многихъ, что въ этой странѣ, Валахіи, есть большой, великолѣпный монастырь, которому, какъ думаютъ, нѣтъ равнаго по роскоши постройки, и намъ говорили нѣкоторые греческіе купцы, торгующіе съ франкскими странами и съ Венеціей, что и тамъ нѣтъ ничего подобнаго. Онъ называется Арджишъ. Поэтому я пошелъ къ господарю и просилъ у него позволенія отправиться одному на поклоненіе въ этотъ монастырь. Онъ сказалъ: «нѣтъ, ты отправишься не одинъ, а вмѣстѣ съ владыкой патріархомъ». Но владыка не имѣлъ желанія къ тому, не допуская никакого замедленія для возвращенія въ нашу страну. Однако, господарь послалъ за настоятелемъ монастыря, который случайно былъ въ городѣ вмѣстѣ съ настоятелями монастырей со всего княжества, и велѣлъ ему идти и пригласить нашего владыку патріарха въ свой монастырь, и затѣмъ приказалъ ему отправиться впередъ и приготовить для владыки помѣщеніе. Господарь былъ такъ настойчивъ потому, что упомянутый монастырь принадлежитъ къ тому разряду, который называется *эфендико*, и его власти состоятъ въ зависимости отъ господарей. Итакъ, настоятель поѣхалъ впередъ насъ, а мы, изготовившись въ путь и заполучивъ *эфендико*, т. е. казенныя сани съ лошадьми, и *капиджи*, т. е. привратника, который долженъ ѣхать впереди насъ, выѣхали изъ Тырговишта въ понедѣльникъ 12 января и вечеромъ прибыли въ одну изъ

деревень, принадлежащихъ великому логоѳету [1], называемую Голешти. Въ ней есть церковь съ двойною кровлей, большая и красивая, воздвигнутая логоѳетомъ въ честь св. Троицы; надъ нею возвышается колокольня, крѣпкое, неприступное зданіе. Дворецъ логоѳета—прекрасное, роскошное строеніе, защищаемое нѣсколькими пушками. Въ немъ мы переночевали, будучи приняты съ великимъ почетомъ и угощены царской трапезой. На слѣдующее утро мы прибыли въ торговый городъ, по имени Питешти; въ немъ десять церквей, каменныхъ и кирпичныхъ. Жители со всѣмъ своимъ духовенствомъ вышли намъ на встрѣчу. Здѣсь выдѣлывается прекрасное, сладкое вино, которое очень славится и лучшее изо всѣхъ винъ, производимыхъ въ Валахіи. Мы пробыли тутъ около часа и затѣмъ поспѣшно отправились дальше. Мы нашли здѣшнія дороги очень трудными и опасными, такъ какъ онѣ были затоплены водой изъ источниковъ и рѣкъ и покрыты льдомъ, на подобіе стекла, отчего лошади портили себѣ ноги, скользили и спотыкались; да кромѣ того, были частые подъемы и спуски. Продолжая свой путь до вечера, мы приблизились къ городу, называемому Арджишъ; въ недалекомъ разстояніи отъ него насъ встрѣтили жители со свѣчами въ рукахъ. Здѣсь девять церквей: четыре—во имя св. Николая, пятая—въ честь Введенія Владычицы во храмъ, шестая—во имя св. ап. Петра, седьмая—во имя свв. Петра и Павла, восьмая—въ честь Успенія Богородицы и девятая—во имя св. Георгія. Дома въ этомъ городѣ красивы и походятъ на дома въ странѣ казаковъ. Здѣсь проживаютъ нѣсколько грековъ, и съ ними настоятель монастыря вышелъ намъ на встрѣчу. Мы проѣхали къ монастырю, отстоящему отъ города на полчаса пути; но вдоль всей дороги идетъ непрерывный рядъ домовъ, принадлежащихъ монастырю: это жилища *качифалосъ* (куцовлаховъ?), т. е. цыганъ, монастырскихъ рабовъ [2]. Мы прибыли въ него ночью и, будучи введены, помолились въ церкви, откуда насъ повели въ трапезную. На слѣдующее утро мы встали рано и пошли къ службѣ.

Вотъ описаніе монастыря. Надъ воротами колокольня, выстроенная въ недавнее время покойнымъ Матвѣемъ воеводой. Кельи, образующія кругъ, представляютъ прекрасное каменное зданіе съ галлереей вверху и внизу. Въ срединѣ стоитъ церковь, которая въ дѣйствительности, какъ и разсказывали о ней, предметъ удивленія для ума и не имѣетъ себѣ равной въ монастыряхъ этого княжества. Она выстроена

[1] Министръ внутреннихъ дѣлъ (см. у Палаузова, тамъ же). Но у А. Накко (см. тамъ же) великій логоѳетъ есть министръ юстиціи.

[2] Цыгане въ Молдавіи и Валахіи были крѣпостными и раздѣлялись на государственныхъ, монастырскихъ и боярскихъ.

покойнымъ Нягоемъ воеводой [1], 137 лѣтъ тому назадъ, какъ мы это нашли, разыскивая ея дату. Такъ какъ въ этой странѣ нельзя добыть никакого мрамора, то воевода, какъ разсказываютъ, употребилъ слѣдующую хитрость, чтобы достать этотъ матеріалъ. Онъ выхлопоталъ отъ турецкаго султана (Селима) хатти-шерифъ на сооруженіе мечети въ городѣ *Бодунѣ* (Бодунѣ) [2] и такимъ способомъ вывезъ сюда изъ Турціи мраморъ и камень по рѣкѣ Дунаю на судахъ. Въ то же время онъ пригласилъ, будто бы для построенія мечети, зодчихъ и другихъ мастеровъ по мраморнымъ и камнетеснымъ работамъ и приставилъ ихъ къ сооруженію этой церкви. Возведеніе ея онъ предпринялъ по внушенію свыше. Мѣсто, на коемъ она стоитъ, было прежде прудомъ, образовавшимся отъ родниковъ, въ срединѣ котораго была обрѣтена древняя икона Владычицы. Одинъ изъ священниковъ пришелъ и отнесъ ее въ церковь города; церковь—во имя св. Николая и, какъ говорятъ, первая, въ немъ выстроенная; въ ней мощи святой мученицы, молодой дѣвицы, по имени *Филота* (Филоѳея). Разсказываютъ, что ея отецъ былъ большимъ скрягой; въ то время случилось бѣдствіе—дороговизна припасовъ, и эта дѣвица стала раздавать ихъ, безъ вѣдома отца, изъ его складовъ бѣднякамъ. Однажды онъ неожиданно пришелъ и засталъ ее за этимъ дѣломъ, за что тотчасъ же отрубилъ ей голову. Ея тѣло пребываетъ доселѣ нетлѣннымъ; она имѣетъ *синаксарь*, или особенную службу, и постоянно творитъ многочисленныя чудеса. Мы прикладывались къ ея останкамъ. Потомъ вышеупомянутая икона вернулась на свое прежнее мѣсто, и по внушенію Божію Нягое воевода пришелъ сюда и началъ строить здѣсь этотъ монастырь, тѣмъ болѣе, что, какъ говорятъ, мѣстопребываніе правительства Валахіи находилось въ древнія времена въ этомъ городѣ Арджишѣ [3]. Такъ какъ мѣсто, намѣченное для церкви, было, какъ мы выше упомянули, прудомъ, то онъ засыпалъ прудъ камнями и углемъ. Когда церковь была окончена, она вышла безподобной, по крайней мѣрѣ по наружной красотѣ, какъ мы видѣли, ибо внѣшность ея много красивѣе внутренности. Она—во имя Успенія Владычицы. Кругомъ нея галлерея, огороженная каменными перилами, число балясинъ въ которыхъ, 318, какъ думаютъ, соотвѣтствуетъ числу главъ семействъ, кои были назначены, по приказанію

---

[1] Нягое Бассараба, господарь Валахіи (1513—1521 г.).

[2] Бодунъ—венгерское названіе Виддина. Впрочемъ, именемъ Бодомъ (или Будумъ) Павелъ Алеппскій называетъ также городъ Буду.

[3] Этотъ городъ былъ столицей въ правленіе Раду Негру, основателя независимой Валахіи.

воеводы, для сбора и храненія денежныхъ суммъ на построеніе церкви. Основаніе лежитъ на громадныхъ каменныхъ глыбахъ и обведено кругомъ канавой, по которой, обыкновенно, течетъ и разливается вода. Что касается архитектуры, то никто не въ силахъ дать соотвѣтствующее описаніе ея: столь разнообразна рѣзьба и изукрашенныя окна, изъ коихъ одни удлиненно-продолговатыя, другія—круглыя, съ каймой, подобно щитамъ. Надъ ними малыя арки, въ пазахъ которыхъ круги, похожіе на рѣзныя блюда, сдѣланныя изъ камня; число ихъ 84. Какъ разсказываютъ, на верхушкѣ каждаго изъ нихъ воевода утвердилъ мѣдную птицу съ распростертыми крыльями, какъ будто она на самомъ дѣлѣ летитъ. При сильномъ вѣтрѣ эти птицы издавали свистъ по вѣтру, а колокольчики, подвѣшенные у нихъ подъ крыльями, приходили въ колебаніе. Двѣ—три изъ нихъ еще цѣлы. Церковь имѣетъ четыре купола: два изъ нихъ, надъ дверьми, высокіе и круглые, съ спиральными ребрами; зрителю кажется, что они сейчасъ упадутъ, такъ какъ ему незамѣтно, на какой сторонѣ они подперты. Большой куполъ надъ хоромъ имѣетъ кругомъ 70 колонокъ, соотвѣтственно, какъ говорятъ, числу семидесяти учениковъ (Христовыхъ). На верхушкѣ каждаго купола крестъ, и на крыльяхъ зданія, на каждомъ изъ четырехъ угловъ, по кресту, такъ что всего двадцать крестовъ. Въ двухъ главныхъ стѣнахъ церкви, южной и сѣверной, между окнами, по шести столбовъ въ каждой, изъ бѣлаго мрамора; половина ихъ видна снаружи. Столбы эти, какъ думаютъ, соотвѣтствуютъ числу двѣнадцати апостоловъ и составляютъ, во имя ихъ, укрѣпу зданія. Передъ вратами церкви есть красивый куполъ на четырехъ мраморныхъ столбахъ съ базисами изъ золоченой мѣди. Кругомъ свода каждаго изъ четырехъ куполовъ—большая, висячая балюстрада. Вся рѣзьба и орнаменты на стѣнахъ и въ куполахъ этой церкви покрыты золотомъ, лазурью и всякими иными красками. Стѣны кругомъ совершенно опоясаны двойной каймой. Въ церковь всходятъ по шестидесяти четыремъ мраморнымъ ступенямъ; входъ также весь мраморный. Самая дверь—двустворчатая, большихъ размѣровъ и искусной работы, произведеніе художниковъ константинопольскихъ; на ней по гречески [1] написано время построенія зданія. Войдя въ эту дверь, надо подняться еще на три ступеньки до пола церковнаго, который весь вымощенъ прекраснымъ бѣлымъ мраморомъ.

Церковь состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Первое отдѣленіе, притворъ, заключаетъ двѣнадцать громадныхъ, витыхъ каменныхъ колоннъ, каждая пара одной формы: двѣ - передъ наружною дверью, и между

[1] На самомъ дѣлѣ по-славянски.

ними проходятъ входящіе въ церковь; двѣ, имъ соотвѣтствующія, передъ второю дверью, т. е. передъ дверью хороса; четыре другія—съ правой стороны и четыре—съ лѣвой, что составляетъ двѣнадцать, по числу двѣнадцати апостоловъ, какъ выше. Между каждыми двумя столбами—большая икона, работы критскихъ художниковъ, удивительной красоты, писанная на обѣихъ сторонахъ: съ лицевой стороны изображенъ мученикъ на конѣ, а съ задней—какой-либо знаменитый подвижникъ. За колоннами направо находятся гробницы господарей Валахіи и основателей монастыря съ ихъ женами; а на стѣнѣ нарисованы ихъ портреты. Дверь хороса—большая и красивая, изъ бѣлаго мрамора; она закрыта златотканной матеріей, на коей вышитъ сверху до низу образъ Успенія Владычицы. Этотъ покровъ, или занавѣсь, прекрасной работы и по истинѣ великолѣпенъ; какъ говорятъ, онъ вышитъ рукою домны вышеупомянутаго воеводы. Портреты ея супруга и сыновей изображены, на той же матеріи, съ правой стороны, а портреты ея и дочерей слѣва, внизу занавѣса. Въ хоросѣ двѣ арки. На верху купола изображенъ Господь Христосъ; вѣнецъ его изъ чистаго золота. Икона Христа на алтарной двери—очень древняя и сдѣлана изъ мозаики, наложенной на доску; это та самая икона, о коей повѣствуется въ греческихъ лѣтописяхъ, что нѣкогда она была поставлена при кладязѣ самарянынни въ Св. Софіи; пришелъ одинъ еврей и ударилъ по ней мечомъ: тотчасъ брызнула изъ нея кровь и обагрила его одежду; тогда еврей бросилъ икону въ колодезь, и вода мгновенно поднялась и обратилась въ кровь. Узнавъ объ этомъ, схватили еврея, коего уличала кровь на его одеждѣ. Вся эта исторія написана кругомъ по краямъ иконы: какъ она была поставлена, какъ еврей ударилъ по ней и бросилъ ее въ колодезь, какъ его схватили и какъ свидѣтельство о семъ было записано во всѣхъ греческихъ лѣтописяхъ того времени. Мѣсто удара находится пониже лѣвой руки и тутъ еще остаются весьма ясные слѣды крови. Бо́льшая часть мозаики отпала и осталась голая доска; на другой сторонѣ ея написано распятіе. Это—сокровище по истинѣ достойное удивленія, равно какъ образъ Владычицы, обрѣтенный въ пруду, еще болѣе древній. Онъ постоянно творитъ чудеса; разсказываютъ, что при внезапномъ нападеніи венгровъ на эту страну, когда они овладѣли этимъ монастыремъ и выкололи глаза у всѣхъ иконъ въ этой церкви, бросили сей святой образъ въ огонь, но онъ остался невредимымъ. Въ хранилищѣ мощей святыхъ, имѣющихся въ этой церкви, мы прикладывались къ тремъ главамъ: къ двумъ главамъ—Сергія и Вакха и къ главѣ Нифонта, патріарха Константинопольскаго, который скончался на Святой Горѣ, и ко многимъ другимъ мощамъ.

Въ одномъ углу зданія есть красивый придѣлъ съ двумя куполами, во имя свв. Петра и Павла.

Словомъ сказать, эта церковь—драгоцѣнность въ семъ мірѣ. Ея щедрый основатель источилъ кровь сердца своего на ея возведеніе и не щадилъ никакихъ издержекъ на ея возвеличеніе и украшенія. Онъ именно привезъ изъ Константинополя вышеописанную честную икону, и другія славныя святыни, добывъ ихъ великою цѣною. Для освященія этой церкви онъ пригласилъ упомянутаго патріарха Нифонта и всѣхъ настоятелей со Святой Горы.

Трапезная монастыря очень обширна, и ея башня не имѣетъ себѣ равной, кромѣ развѣ въ крѣпости, называемой Калатъ эль-Хуснъ [1], въ нашей странѣ: она сверху до низу восьмиугольная и имѣетъ повсюду отверстія, на подобіе печати Соломоновой.

Зданія келлій этого монастыря очень красивы; онѣ сообщаются галлереями, идущими отъ однѣхъ къ другимъ. Кругомъ ограды есть озера, служащія рыбными садками, и подлѣ течетъ рѣка Арджишъ, весьма большая, отъ которой городъ и монастырь получили свое названіе. Монастырскій праздникъ бываетъ въ день Успенія Владычицы, и къ нему стекается почти все населеніе страны. На второй день праздника, послѣ обѣдни, бываетъ поминовеніе и трапеза по основателямъ—Богъ да помилуетъ ихъ души! Третій день назначенъ для служителей, которые прислуживали въ два предшествующіе дня.

Мы отслужили обѣдню въ прекрасной церкви этого монастыря въ четвергъ 15 января, при чемъ владыка посвятилъ для нихъ діакона-анагноста, діакона-евангелиста и священника и возложилъ, во время Трисвятаго, палицу на игумена,—ибо у нихъ есть обычай получать этотъ даръ власти не иначе какъ отъ патріарха. Въ то же время владыка прочелъ надъ нимъ молитву и наименовалъ его архимандритомъ. По окончаніи обѣдни, насъ повели къ гробницамъ господарей, основателей монастыря, и другихъ и, послѣ того какъ совершили поминовеніе по усопшимъ, владыка прочелъ надъ ними молитвы разрѣшенія и прощенія грѣховъ. Когда мы встали изъ-за трапезы, настоятель поднесъ нашему владыкѣ патріарху, изъ сокровищницы монастырской, коверъ и нѣкоторую сумму денегъ, и такой же подарокъ сдѣлалъ каждому изъ насъ. Въ пятницу мы простились съ нимъ и отправились въ путь, послѣ того какъ во второй разъ поклонились святынямъ церкви.

---

[1] т. е. „красивая крѣпость“—величественныя развалины въ верхней Сиріи, на пути изъ Триполи въ Хаму.

Нашего учителя посадили въ сани, и мы прибыли вечеромъ въ монастырскую деревню, гдѣ и перепочевали.

Встав въ субботу утромъ, мы нашли, что холодъ былъ очень силенъ и почти невыносимъ. Такъ какъ большія рѣки этой страны весьма быстры, то средина рѣки не замерзаетъ, отъ чего, когда переѣзжали чрезъ нее на санихъ, въ нихъ, обыкновенно, вливалась вода, и—Богъ свидѣтель—цыновки и ковры склеивались другъ съ другомъ и съ санями слоями льда, образуя одну твердую массу. Даже лошади страдали отъ жестокаго мороза, хотя были въ постоянномъ движеніи. Проѣзжая по неровнымъ дорогамъ, чрезъ лѣса, по горамъ и долам съ частыми подъемами и спусками, мы прибыли вечеромъ въ большой городъ, называемый Кымполунгъ, въ намѣреніи посѣтить великій монастырь, здѣсь находящійся, въ честь Успенія Владычицы. Названіе «Кымполунгъ» по-валашски значитъ: «длинный лугъ», и такова именно природа этого мѣста, ибо это очень длинный городъ и по срединѣ его течетъ рѣка. Престолъ господарей Валахіи въ древнія времена, какъ говорятъ, былъ утвержденъ здѣсь. Именно, валахи, обыкновенно, жили въ городахъ мадьяръ подъ властью краля, который имѣлъ комиса (графа) изъ ихъ племени. Этотъ комисъ приходилъ пасти своихъ коней на эти земли, которыя въ то время были въ обладаніи татаръ, но совершенно лишены обитателей. Итакъ, испросивъ дозволенія у краля, онъ пришелъ и съ помощію Божіей изгналъ татаръ изъ ихъ владѣній и потомъ, укрѣпившись въ силахъ, сдѣлался верховнымъ властителемъ всей этой земли. Его, обыкновенно, называли Негру воевода, или черный господарь [1]; онъ-то и выстроилъ этотъ монастырь. Въ промежутокъ отъ того времени до покойнаго Матвѣя воеводы, зданіе пришло въ разрушеніе, но этотъ воевода обратилъ на него вниманіе и возстановилъ, и потому теперь это—прекрасное, большое зданіе, совершенно новое. Церковь его красиво утверждена на четырехъ превосходныхъ колоннахъ. Колокольня—большая и очень высокая. Этотъ монастырь съ очень давней поры занятъ киновитами. Жители города вмѣстѣ со священниками и монахами встрѣтили насъ за городскими воротами, и какъ только мы вошли въ церковь, началась вечерня по случаю кануна воскресенья фарисея и мытаря. На слѣдующее утро, въ воскресенье, мы отслужили обѣдню, при чемъ владыка посвятилъ анагноста, иподіакона, діакона-евангелиста и священника. Послѣ обѣдни онъ вышелъ въ облаченіи помолиться надъ гробницами основателей мона-

[1] Раду Негру (Черный), первый независимый правитель Валахіи (около 1241 г. † 1264 г.)

стыря и прочелъ надъ всей паствой разрѣшительную молитву. Мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ наблюдали въ жителяхъ этого города великую набожность, подобную набожности казаковъ, ибо ни одинъ изъ нихъ, ни изъ мущинъ, ни изъ женщинъ, ни изъ дѣтей, не остался позади, но всѣ стремились впередъ, чтобы удостоиться благословенія нашего владыки патріарха.

Намѣреваясь разстаться съ ними въ понедѣльникъ, мы увидали, что это невозможно: такъ неотступно они насъ осаждали толпами; но рано поутру во вторникъ мы снова пустились въ путь и прибыли на слѣдующій вечеръ въ новый монастырь въ честь Рождества Богородицы, принадлежащій великому логоѳету и расположенный среди горъ и обширнаго лѣса. Къ нему есть только одинъ путь, верхомъ или въ экипажѣ, и когда въ окрестной странѣ случится какая-либо тревога, жители бѣгутъ сюда со своими семьями и здѣсь скрываются. Это очень красивый монастырь; въ немъ два фонтана, которые снабжаются водой изъ источника, находящагося на вершинѣ горы. Здѣсь производится вино изъ полыни, которое они называютъ *пелелино* (pelinò), оно очень опьяняющее и бываетъ разнаго рода и качества. На слѣдующій день мы поспѣшили пуститься въ путь, такъ какъ дорога стала легче отъ обильно выпавшаго снѣга, и вечеромъ прибыли въ Тырговишть.

Глава III.

Тырговишть.—Суровая зима. Монастырь Дилуль. Церемонія прощенія передъ великимъ постомъ. Служеніе въ воскресенье Православія. Кончина господарыни и погребеніе ея. Вербное воскресенье. Церемонія умовенія ногъ въ великій четвергъ. Служенія патріарха.

Въ этомъ году зима была очень суровая и тяжело досталась поселянамъ и ихъ скотинѣ. Снѣгъ не переставалъ валить до перваго дня великаго поста, который былъ 9 февраля; множество скота погибло отъ недостатка корма, и рѣка Дунай замерзала три раза: въ первый разъ до толщины въ три пяди, послѣ чего наступила оттепель и часть льда растаяла; потомъ она замерзла во второй разъ и послѣ этого, отъ снѣга, въ третій разъ, пока ледъ не достигъ толщины въ девять пядей. Для добыванія воды изъ рѣки приходилось прорубать колодцы сквозь замерзшую поверхность. Говорятъ, что подобнаго случая не было уже тридцать лѣтъ.

Во вторникъ мясопуста, 3 февраля, мы отправились на поклоненіе въ монастырь вблизи Тырговишта, во имя св. Николая, извѣст-

ный подъ названіемъ Дялуль [1]. Онъ отстоитъ лишь на часъ пути отъ города, но находится на вершинѣ горы, трудной для восхожденія какъ лѣтомъ, такъ и зимой, ибо лѣтомъ дорога покрыта глубокой грязью и глиной вслѣдствіе множества ручьевъ, стекающихъ съ вершины горы, а зимою она скользка отъ льда и снѣга. Монастырь расположенъ въ очень открытой мѣстности, господствующей надъ всей страной. Церковь его похожа на церковь монастыря Арджишъ. Разсказываютъ, что зять Пягое воеводы [2], который ему наслѣдовалъ, свезъ для построенія этой церкви всѣ, оставшіеся отъ постройки той церкви, камни и прочій матеріалъ. Но здѣсь куполы всѣ покрыты снаружи мозаикой, стѣны обложены и обшиты прекраснымъ твердымъ камнемъ, а окна обрамлены бѣлымъ мраморомъ. Всѣ земли кругомъ этого монастыря засажены виноградниками и плодовыми садами, ему принадлежащими. Мы тутъ отстояли обѣдню и были вечеромъ за трапезой, а потомъ вернулись въ городъ.

Начиная съ пятницы до воскресенья Сырной недѣли, преимущественно отъ часа или двухъ по полудни почти до полуночи, вельможи, ихъ жены, купцы и простолюдины толпами стекались къ нашему владыкѣ патріарху, ради того чтобы испросить у него отпущенія грѣховъ и чтобы онъ прочелъ надъ ними разрѣшительныя молитвы, при чемъ они падали ницъ передъ нимъ съ великимъ благоговѣніемъ, страхомъ и почтеніемъ. Что касается самого господаря, то онъ пригласилъ нашего учителя послѣ полудня въ церковь, что внутри его дворца, и послѣ вечерни повергся предъ нимъ на землю вмѣстѣ со своими высшими сановниками и всѣми присутствующими, и владыка прочелъ надъ господаремъ и надъ прочими вышеупомянутыя разрѣшительныя молитвы. Затѣмъ мы поднялись въ большую палату дворца, въ сопровожденіи митрополита города и прочихъ архіереевъ, всѣхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и всѣхъ придворныхъ, и одинъ изъ логоѳетовъ, выступивъ впередъ, прочелъ по бумагѣ громкимъ голосомъ нѣчто въ родѣ похвальнаго слова господарю съ многолѣтіемъ. По окончаніи его, онъ попросилъ прощенія, согласно слову Господа нашего Христа въ евангеліи на этотъ день: «если прощаете своимъ братьямъ согрѣшенія ихъ противъ васъ, проститъ вамъ и Творецъ согрѣшенія ваши». Въ заключеніе, нашъ владыка патріархъ всталъ и благословилъ его, пожелавъ ему здоровья на великій постъ, и всѣ присутствующіе подходили и дѣлали то же, сперва кланяясь господарю, а потомъ цѣлуя ему руку,

[1] Основанъ около 1500 года Раду Великимъ, который тамъ и похороненъ.

[2] Зять Пягое—господарь Раду Великій, женатый на его дочери Руксандѣ.

и точно также поступали относительно нашего учителя и всѣхъ архіереевъ. Послѣ этого господарь всталъ и, взявъ нашего учителя во внутренніе покои, долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Затѣмъ владыка посѣтилъ домну, и мы вернулись въ монастырь, гдѣ всѣ важные купцы и другіе люди собрались во множествѣ въ церковь, дабы владыка прочелъ надъ ними разрѣшительныя молитвы, при чемъ они простерлись ницъ на землю. Вставши, всѣ цѣловали у него руку съ поклонами и пожеланіями и такъ продолжали слѣдовать одни за другими почти до полуночи, какъ мы упомянули объ этомъ выше.

Въ первое воскресенье поста, по желанію господаря, нашъ учитель отправился въ митрополичью церковь и совершилъ въ ней литургію вмѣстѣ съ архіереемъ. Во время Трисвятаго, выставили аналой, по обычаю, и роздали свѣчи всѣмъ бывшимъ въ алтарѣ; нашъ учитель сѣлъ на горнемъ мѣстѣ и одинъ изъ священниковъ вышелъ на средину и началъ читать весь синаксарь этого дня. При поминовеніи православныхъ отцовъ и святыхъ, когда трижды отвѣтствовали: «вѣчная память!» нашъ учитель вставалъ и всѣ бывшіе въ алтарѣ пѣли три раза: «вѣчная память!» Когда же называли еретиковъ и раскольниковъ, они гасили свои свѣчи и пѣли трижды: «анаѳема!» потомъ, снова зажегши свѣчи, продолжали такъ до конца службы. Было совершено рукоположеніе іерея. Затѣмъ была большая трапеза въ палатѣ наверху, при чемъ пили много вина: во первыхъ, во славу Божію, св. Дѣвы и всѣхъ святыхъ три раза, потомъ за господаря трижды, за нашего владыку патріарха и его спутниковъ трижды, за вельможъ трижды и за митрополита и его приближенныхъ трижды. Такимъ образомъ мы встали изъ-за стола не раньше, какъ пресытившись и совсѣмъ отяжелѣвъ, и вернулись въ свой монастырь въ жалкомъ положеніи.

Въ четвергъ покаянія [1] умерла домна Елена, супруга господаря Константина, и мы выставили ее съ большою пышностью подъ наметомъ на дворцовой площадкѣ. Потомъ ее обнесли кругомъ церкви. На похоронахъ ея присутствовало множество священниковъ и монаховъ, кромѣ архіереевъ, и всѣмъ имъ была роздана щедрая милостыня. Усопшую погребли въ притворѣ внѣшней придворной церкви, послѣ чего была предложена большая трапеза присутствовавшимъ, какъ знатнымъ, такъ и простымъ; бѣднякамъ и рабочимъ, тутъ бывшимъ, было роздано, какъ намъ сказали, по крайней мѣрѣ по десяти хлѣбовъ и кубковъ меда и вина. На девятый день, на поминкахъ, соблюдалось то же самое.

---

[1] Четвергъ 5-й недѣли поста, когда читается покаянный канонъ св. Андрея Критскаго

Въ Вербное воскресенье, рано поутру, господарь попросилъ нашего владыку патріарха присутствовать за утреней. При поліелеѣ принесли ему древесныя вѣтви и онъ прочелъ надъ ними молитву. Тогда сошелъ господарь, и владыка далъ ему вѣтвь; равнымъ образомъ подходили всѣ вельможи и получали вѣтви, между тѣмъ какъ писцы раздавали имъ всѣмъ восковыя свѣчи. То же было роздано всѣмъ бывшимъ въ церкви. Окончивъ обѣдню, мы пошли къ столу господаря, за которымъ было предложено роскошное угощеніе.

Въ среду на Страстной недѣлѣ господарь пригласилъ насъ, по обычаю, и мы совершили для него елеосвященіе во дворцѣ. Въ Великій четвергъ мы отправились въ каретѣ и облачились въ дворцовой церкви вмѣстѣ съ митрополитомъ города. Какъ скоро сошелъ государь, они оба преподали ему благословеніе, и затѣмъ прослѣдовали,—при чемъ нашъ учитель шелъ рядомъ съ господаремъ,—на дворцовую площадку, гдѣ были уже поставлены кругомъ длинныя скамьи, покрытыя коврами, и три кресла въ срединѣ, лицомъ къ востоку, назначенные для господаря, нашего учителя и митрополита. Слѣва стали митрополитъ и настоятели монастырей, справа—вельможи. На аналояхъ были положены книги, содержащія чинъ умовенія, серебряный тазъ и кувшинъ. Затѣмъ были розданы всѣмъ присутствующимъ восковыя свѣчи, и нашъ владыка патріархъ выступилъ впередъ, между тѣмъ какъ я шелъ передъ нимъ съ его посохомъ и кадилъ, и пр. [1] Одинъ изъ священниковъ прочелъ Евангеліе, обратившись лицомъ къ западу, и когда дошелъ до мѣста: «и положи ризы», мы сняли съ нашего учителя саккосъ и прочее облаченіе, согласно обычаю, и опоясали его льняным полотенцемъ. Онъ пошелъ и, наливъ воды изъ кувшина въ тазъ, подошелъ сначала къ лицу, которое представляло Іуду,—а былъ онъ то же самое лицо, что и въ томъ году [2] и въ такомъ же одѣяніи—и первому умылъ ему ноги. Подъ ними былъ разостланъ коверъ. Послѣ него, онъ подходилъ къ другимъ, пока не покончилъ со всѣми. Митрополитъ города занималъ при этомъ мѣсто Петра. Когда владыка окончилъ церемонію и мы снова облачили его въ саккосъ, онъ подошелъ къ чашѣ съ водой, поставленной на столикѣ и, погрузивъ въ нее кончики паль-

---

[1] Слово „и пр.“ указываетъ на сдѣланный англійскимъ переводчикомъ пропускъ.

[2] т. е. въ 1654 г., когда, въ первый пріѣздъ свой въ Валахію, патріархъ Макарій также совершилъ въ Тырговиштѣ церемонію умовенія ногъ. (См. вып. I, стр. 133).—Эта фраза, не понятая Бельфуромъ, приведена имъ по-арабски и оставлена безъ перевода.

цевъ, начерталъ ими на себѣ знакъ креста между глазами и преподалъ благословеніе господарю издали. Также подошелъ митрополитъ и сдѣлалъ то же, равно господарь и др. Послѣдній, при выходѣ съ Дарами, вошелъ въ алтарь и причастился св Таинъ.

Утромъ въ Великую субботу, послѣ того какъ мы совершили чинъ плащаницы въ монастырской церкви, за нами прислали, около полудня, карету и мы поѣхали въ дворцовую церковь. Когда мы облачились, сошелъ господарь; священники вынесли плащаницу и положили ее на столикъ, роздали всѣмъ присутствующимъ свѣчи и пр. Потомъ обнесли ее, съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, одинъ разъ кругомъ церкви снаружи и, по возвращеніи, мы окончили литургію, при чемъ былъ рукоположенъ священникъ.

Въ пасхальное воскресенье, поутру, послѣ того какъ мы совершили службу *Анастасисъ* (Воскресенія) въ монастырской церкви, за нами прислали карету, чтобы ѣхать въ *куртэ* (дворецъ). Здѣсь повторились точь-въ-точь тѣ же обряды и служенія, какія мы совершили и въ тотъ (1654) годъ. Послѣ обѣдни, которая была отслужена въ первомъ часу дня, насъ угощали на верху за столомъ господаря. Въ первый четвергъ по Пасхѣ мы отправились съ господаремъ, какъ и въ томъ году, за городъ крестнымъ ходомъ, по обычаю. Во вторую субботу по Пасхѣ мы отслужили въ церкви митрополіи для знатной вдовы одного изъ вельможъ заупокойную обѣдню по ея усопшемъ супругѣ. Въ четвергъ Вознесенія мы опять служили въ церкви митрополіи въ присутствіи господаря и, по ежегодному обычаю, былъ пиръ, который продолжался до вечера. Въ день Пятидесятницы, послѣ обѣдни, нашъ учитель совершилъ въ монастырской церкви моленіе съ колѣнопреклоненіемъ, по обычаю.

Глава IV. [1]

Тырговишть.—Извѣстія о войнѣ царя со шведами. Союзъ ихъ съ Ракочи. Заносчивость Ракочи и пораженіе его войска татарами. Разсказъ архидіакона о насиліяхъ, совершенныхъ венграми въ Валахіи.

Возвращаемся къ извѣстіямъ о царѣ. Послѣ того какъ мы разстались съ нимъ, онъ отправился въ Смоленскъ и, остановившись тамъ, утвердилъ миръ съ ляхами и ихъ королемъ, потому что они признали его власть; только король испросилъ позволеніе оставаться на тронѣ

[1] Съ этой главы начинается переводъ съ арабскаго.

до своей смерти, послѣ чего страна переходитъ къ царю. Но Хмель съ казаками на этотъ миръ не согласился.

Что касается шведовъ, то князь Трубецкой пошелъ на нихъ съ тремя стами тысячъ со стороны Новгорода и Пскова. Шведы выступили противъ него и сразились. Богъ даровалъ ему побѣду надъ ними: онъ разбилъ ихъ и отослалъ плѣнниковъ въ желѣзныхъ оковахъ въ Москву, какъ намъ сообщили наши тамошніе друзья; отнялъ у нихъ мечомъ большое число крѣпостей и перебилъ множество народа, чтобы навести на нихъ страхъ и ужасъ, дабы они прекратили войну. Также и царь двинулся изъ Смоленска на ихъ страну, ибо рѣка Днѣпръ ведетъ къ нимъ. Говорятъ, что, услыхавъ объ этомъ, шведы изъ четырехъ крѣпостей, которыя находились на пути царя, очистили три и укрѣпились въ четвертой, вслѣдствіе ея неприступности. Подойдя къ ней, царь трижды посылалъ требованіе сдаться миромъ, но они наотрѣзъ отказались и даже поносили царя; поэтому онъ сказалъ: «пусть же грѣхъ будетъ на ихъ выяхъ», и по его приказанію войско сдѣлало *юрешъ* (приступъ), крѣпость была взята мечомъ, при чемъ всѣ въ ней находившіеся были перебиты,—никого изъ нихъ не осталось въ живыхъ, какъ намъ сообщили.

Оттуда царь пошелъ къ столицѣ шведской страны, къ городу, называемому Рига, извѣстному въ мірѣ своей неприступностью и сильными укрѣпленіями: какъ намъ сообщали люди, туда ѣздившіе, городъ защищаютъ три прочныхъ земляныхъ вала, а въ четвертыхъ—крѣпость изъ камня. Онъ имѣетъ пристань на берегу моря и, быть можетъ, до тысячи пушекъ. Подступивъ къ нему, царь обложилъ его своими полками и не переставалъ осаждать, пока не взялъ мечомъ три земляныхъ вала; при этомъ много людей изъ его войска было убито. Но не находя способовъ взять каменную крѣпость, въ коей осажденные упорно сопротивлялись безъ всякой боязни, потому что съѣстные припасы доставлялись имъ моремъ, царь велѣлъ привести 300 *чаекъ* донскихъ казаковъ, воюющихъ на рѣкѣ Днѣпрѣ (?), и пустилъ ихъ въ море, чѣмъ препятствовалъ подвозу провизіи, и осада такимъ образомъ велась съ суши и съ моря. Вдругъ наступила зима и начались морозы, и обстоятельства принудили царя возвратиться въ столицу, что и случилось. Одинъ изъ нашихъ пріятелей извѣстилъ насъ письмомъ оттуда, что царь взялъ у шведовъ въ этомъ году двадцать восемь крѣпостей.

Когда шведскій король удостовѣрился, что его положеніе стало безнадежнымъ и что у него нѣтъ силъ удержать оба города, Варшаву и Краковъ, и иные въ странѣ ляховъ, то послалъ заключить договоръ

съ королемъ венгровъ, такъ какъ у нихъ одинаковое нечистое исповѣданіе и поврежденная вѣра, именно, лютеранская, и, обѣщая передать ему упомянутые города, звалъ къ себѣ на помощь, чтобы имъ обоимъ быть заодно; и это осуществилось къ празднику прошедшаго Рождества. Такъ какъ упомянутый король раньше оказывалъ одолженіе и помощь, когда они въ томъ нуждались, господарямъ Валахіи и Молдавіи, то послалъ требовать у нихъ на помощь нѣсколько тысячъ войска. Противъ своей воли, они дали ему помощь и онъ выступилъ въ походъ среди зимы, въ сильные холода, отъ чего множество людей изъ его войска утонуло въ рѣкахъ или погибло отъ холода. Пошелъ онъ къ упомянутымъ городамъ и занялъ ихъ. Здѣсь онъ соединился съ шведскимъ королемъ и чрезъ это усилился. Такъ было сдѣлано по совѣту Хмеля, который далъ ему въ помощь 30.000 человѣкъ, вслѣдствіе чего никто изъ ляховъ не осмѣлился на него выйти. Когда же онъ выступалъ изъ своей страны, съ нимъ было, какъ намъ сообщили правдивые люди, не больше 60.000 войска, ибо вся военная сила венгровъ составляетъ отъ 40 до 50 тысячъ. Но онъ показалъ себя чрезвычайно высокомѣрнымъ и преступилъ предѣлы справедливости: совершилъ въ странѣ ляховъ неописуемыя злодѣянія, разрушилъ множество церквей и монастырей и началъ клеветать на Хмеля и поносить его, говоря: «теперь я завладѣлъ обоими государствами, Валахіей и Молдавіей, и они уже въ моей власти; страна венгерская—страна моего отца и предковъ, и вотъ нынѣ я покорилъ своею силой страну ляховъ и занялъ ихъ столицу; остается мнѣ подчинить только этого *мужика*, т. е. земледѣльца, Хмеля». И началъ втайнѣ избивать ратниковъ его, казаковъ, чтобы ихъ ослабить. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до ушей Хмеля, онъ сильно разгнѣвался на короля и послалъ къ хану, склоняя его итти на короля войной и отдать его въ руки ему, Хмелю. Такъ и было. Именно, когда турки и татары услыхали о походѣ короля въ страну ляховъ, предпринятомъ безъ ихъ спроса, и о томъ, что господари подали ему помощь, то сильно разсердились на нихъ, такъ что между татарами и турками распространились слухи о томъ, что семь королей согласились вмѣстѣ и намѣрены итти войной на эту страну въ великое заговѣнье, и потому всѣ были въ большомъ безпокойствѣ, что́ продолжалось до нынѣшней Пятидесятницы, когда пришло извѣстіе, что ханъ выступилъ въ походъ и долженъ пройти по этой странѣ. Произошло сильное смятеніе и всѣ приготовились бѣжать. На границѣ Турціи, отъ устья Дуная до *Будума* (Буды), распространилась молва, что турки вмѣстѣ съ татарами идутъ войной на страну венгровъ и на своемъ пути опустошатъ и займутъ страну валаховъ и

молдаванъ за то, что эти послѣдніе оказали помощь венграмъ. Тогда господарь созвалъ войска своей страны, и они стали снаряжаться и готовиться въ походъ, устраивая полки. Посланцы Хмеля къ хану побуждали его выступить въ походъ, и когда онъ прибылъ, Хмель далъ ему дорогу. Какъ скоро это дошло до Ракочи, т. е. Георгія, короля венгровъ, онъ сильно испугался и выступилъ навстрѣчу хану. Казаки покинули его. Три дня онъ бился съ татарами, послѣ чего они, въ насмѣшку заключили съ нимъ миръ, признавъ неприкосновенность его владѣній, но обманули его, и онъ бѣжалъ одинъ въ свою страну. По разсказамъ, татары взяли въ плѣнъ болѣе 25.000 изъ его войска, не считая убитыхъ, вмѣстѣ съ ихъ начальникомъ *Кимьяносомъ* (Янъ Кемени), величайшимъ изъ вельможъ короля. Съ этими плѣнниками татары вернулись въ свою страну съ большимъ торжествомъ и великою радостью. Это случилось въ концѣ іюля.

Нѣтъ сомнѣнія, что гнѣвъ Божій постигъ венгровъ за ихъ насилія надъ святыми домами Божіими, церквами и монастырями, и за избіеніе ими монаховъ, священниковъ и (православныхъ) христіанъ въ Молдавіи, безъ всякаго милосердія и пощады. Я разскажу тебѣ, братъ мой [1], о нѣкоторыхъ мерзкихъ поступкахъ ихъ, коихъ мы были свидѣтелями, въ то время когда они были при насъ въ Валахіи. А именно: въ Валахію прибылъ одинъ епископъ изъ Румелійской области, человѣкъ очень бѣдный и несчастный. Онъ имѣлъ при себѣ только одну лошадь и повелъ ее на конный рынокъ продавать. Явилось нѣсколько человѣкъ венгровъ и остановились противъ нея; одинъ изъ нихъ подошелъ и, взявъ ее за поводъ, сказалъ: «эта лошадь моя», при чемъ подошли семеро его товарищей и засвидѣтельствовали, что лошадь его, и взяли ее, ибо въ числѣ ихъ мерзкихъ и гнусныхъ обычаевъ есть такой, что, если кому-нибудь изъ нихъ понравится какая-либо вещь и онъ пожелаетъ взять ее себѣ, то говоритъ: «эта вещь моя», и ежели семеро изъ его соотечественниковъ засвидѣтельствуютъ, что вещь его, она становится его собственностью. Таковъ ихъ обычай—Богъ да проклянетъ ихъ, ненавистниковъ христіанской вѣры, святыхъ иконъ и славнаго креста! Мы видали, какъ они, входя въ церкви, разбивали святыя иконы и выкалывали имъ копьями глаза; видали и другія ихъ гнусныя дѣла, совершаемыя ими по ненависти къ священникамъ и монахамъ, коихъ они избивали, какъ мы раньше говорили, разсказывая

[1] Это—обыкновенное обращеніе къ читателю; но въ данномъ случаѣ Павелъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду дьякона Гавріила, который упросилъ его вести дневникъ и котораго онъ такъ восторженно восхваляетъ въ своемъ введеніи.

объ ихъ дѣяніяхъ во времена Василія воеводы. Но возвратимся къ разсказу. Бѣдный епископъ началъ плакать и рыдать по своей лошади, но ни у кого не находилъ защиты, пока нѣкоторые изъ христіанъ не посовѣтовали ему пожаловаться на венгра его капитану. Онъ пошелъ и пожаловался, но капитанъ обругалъ его и выгналъ. Тогда онъ пошелъ съ жалобой къ господарю; но какъ господарь былъ въ ихъ власти и ничего не могъ противъ нихъ сдѣлать, то лишь обнадежилъ епископа, и когда къ нему, по обыкновенію, пришелъ капитанъ, онъ заговорилъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, но тотъ сказалъ ему: «семь человѣкъ засвидѣтельствовали, что лошадь принадлежитъ венгру; какъ же онъ можетъ теперь отдать ее, когда у насъ такой законъ?» Господарь возразилъ: «но этотъ бѣдный епископъ имѣетъ 30—40 свидѣтелей, что лошадь его и приведена имъ изъ своей земли». Капитанъ отвѣчалъ: «наши свидѣтели раньше сдѣлали заявленіе, и это дѣло конченное». Потерявъ надежду, господарь далъ епископу одну изъ своихъ лошадей и съ этимъ утѣшеніемъ отпустилъ.

За ними много такихъ гнусныхъ дѣлъ, только я не имѣю времени ихъ перечислить; между прочимъ, дозволены у нихъ: убійства, прелюбодѣянія, беззаконія, кражи и пр.

Глава V.

Валахія.—Причина промедленія патріарха въ Валахіи. Поѣздка его по монастырямъ. Рымникъ. Путь въ монастырь Козія. Описаніе монастыря. Отшельникъ.

Возвращаемся къ разсказу о своемъ положеніи.

Причиной нашего промедленія все это время былъ случай съ приснопамятнымъ патріархомъ Константинопольскимъ Парѳеніемъ, который былъ умерщвленъ визиремъ безъ всякой вины, беззаконно и неправосудно. Поэтому господарь, изъ опасенія за насъ, не пускалъ насъ и не давалъ разрѣшенія ѣхать на родину,—ни онъ, ни вельможи его Такъ какъ намъ наскучило сидѣть на одномъ мѣстѣ, то намъ учитель попросилъ у господаря дозволенія объѣхать монастыри его страны. Господарь далъ разрѣшеніе и назначилъ къ нему *портарія*, т. е. капиджи (привратника).

Мы выѣхали изъ Тырговишта въ четвергъ 18 іюня со всѣми своими вещами, опасаясь, что произойдетъ возмущеніе: главной причиной нашего отъѣзда было желаніе скрыться съ глазъ и удалиться въ страну безопасную, именно, въ тотъ уголокъ, куда мы направились, такъ какъ, находясь вблизи венгерскихъ горъ, онъ неприступенъ, и

туда убѣгаетъ большинство жителей этой страны, о чемъ будетъ сказано. Мы прибыли въ Питешти, оттуда въ монастырь Арджишъ, а затѣмъ въ Рымникъ, мѣстопребываніе епископа, и приблизились къ великой, знаменитой рѣкѣ Ольту, текущей изъ страны венгровъ; на ней большой мостъ, одно изъ сооруженій, воздвигнутыхъ щедротами покойнаго господаря Матвѣя. Здѣсь насъ встрѣтилъ низложенный митрополитъ Игнатій. Митрополичій домъ весьма похожъ на таковой же въ Тырговиштѣ, по своей постройкѣ, цвѣтникамъ и садамъ, прудамъ и водамъ; но меньше того. Церковь его—въ честь Божественнаго Преображенія. Митрополитъ поѣхалъ съ нами въ знаменитый, большой монастырь, называемый Козія [1], къ востоку отъ города, въ разстояніи 3—4 часовъ пути, близъ вышеупомянутой рѣки. Но путь туда—необычайный по своей непроходимости и трудности: это—ущелье, по которому можетъ проѣхать только одинъ всадникъ вдоль берега рѣки, и то съ большимъ трудомъ, опасностью и страхомъ, ибо рѣка протекаетъ по глубокой, ужасной долинѣ, загроможденной скалами, течетъ очень быстро, отъ чего ея волны подобны морскимъ, и ревутъ, пугая и ужасая своимъ шумомъ. Это—большая, широкая рѣка, больше Аси (Оронта) въ Хамѣ; на той сторонѣ ея—горы, покрытыя огромными, непроницаемыми лѣсами и совершенно безъ дорогъ. Налѣво отъ дороги, т. е. влѣво отъ насъ, находилась весьма большая, отвѣсная гора, вся изъ скалъ и покрытая обширными лѣсами. Въ такомъ родѣ продолжалась дорога, пока мы не достигли деревяннаго моста, искусно устроеннаго на ужасно высокомъ берегу рѣки, надъ бездной, при видѣ которой сердце у насъ содрогнулось. Въ случаѣ какой-либо напасти или осады, грозящей монастырю, снимаютъ этотъ деревянный мостъ, коего одинъ конецъ прибитъ гвоздями къ двумъ большимъ, высокимъ деревьямъ, растущимъ изъ русла рѣки, а другой конецъ утвержденъ на краю горы. Когда снимутъ мостъ, на мѣстѣ его образуется громадная, необъятная пропасть, чрезъ которую нѣтъ возможности перебраться; и къ рѣкѣ невозможно спуститься, чтобы перейти чрезъ нее, по причинѣ вышины и отвѣсности ея береговъ, такъ какъ она течетъ, какъ мы сказали, изъ внутренности страны венгерской и теченіе ея быстро. Намъ разсказывали, что по этой рѣкѣ привозятъ изъ страны венгерской потребные монахамъ предметы: вина и пр., когда имъ это нужно, но это сопряжено съ большой опасностью. Какъ мы выше упомянули, гора совершенно непроходима и, по разсказамъ, нѣтъ пути ни сзади,

[1] Монастырь Козія одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей Валахіи; основанъ господаремъ Мирчей Старымъ въ 1386-мъ году.

ни кругомъ ся, а только чрезъ это удивительное ущелье, созданіе Творца—да будетъ возвеличено имя Его! При видѣ его, мы немало дивились, ибо, какъ скоро отнимутъ описанный мостъ, то, если даже небольшое число людей станетъ здѣсь съ ружьями, они могутъ оказать сопротивленіе тысячамъ непріятелей. Этотъ благословенный, знаменитый монастырь обязанъ неприступностью своему мѣстоположенію.

Но возвратимся къ разсказу. Такъ какъ дорога узка и идетъ по самому краю пропасти, то на насъ напалъ страхъ, мы сошли съ лошадей и продолжали путь пѣшкомъ, пока, перейдя чрезъ описанный мостъ, не вышли на обширное открытое мѣсто, гдѣ были посѣвы, сады, виноградники, и наконецъ приблизились къ монастырю. Это—огромное зданіе, воздвигнутое на берегу упомянутой рѣки. Его окружаютъ высокія, страшныя горы, разсѣлины которыхъ загромождены необъятными лѣсами, такъ что кругомъ монастыря нѣтъ никакихъ путей, ибо это благословенное мѣсто находится въ ущельѣ, на окраинѣ страны, имѣя насупротивъ себя, съ сѣвера, страну венгерскую. Дорога (къ нему) идетъ позади горы, съ юга лежащей, весьма трудна и непроходима для вьючныхъ животныхъ.

Названіе этого монастыря «Козія» на языкѣ валаховъ значитъ: «дикія козы», ибо онѣ во множествѣ водятся на вершинахъ этихъ горъ. Въ монастырь не пускаютъ женщинъ, ни даже самокъ животныхъ: такое установленіе сдѣлано покойнымъ воеводой Мирчей, который построилъ этотъ монастырь и церковь въ немъ въ честь св. Троицы. Говорятъ, что онъ наименовалъ его въ честь Троицы потому, что его окружаютъ три горы: съ востока, запада и юга. Насупротивъ святой церкви находится бассейнъ съ водоемомъ, въ который вода стекаетъ съ горъ: она превосходна и услаждаетъ сердце. По окружности бассейна четыре лица, изъ рта которыхъ извергается вода: одно лицо—мадьяра, т. е. венгра, другое—турка въ тюрбанѣ, третье лицо—бея (господаря), четвертое—раба. Въ водоемѣ всегда бываетъ рыба. Кельи монастырскія—большія, хорошо выстроенныя однѣ надъ другими, съ высокими галлереями кругомъ. На восточной сторонѣ есть превосходныя кельи съ галлереями, выходящія на упомянутую рѣку; здѣсь помѣщается трапезная. Рѣка тутъ течетъ на глубинѣ въ 40—50 разъ больше роста человѣческаго, считая отъ верхняго этажа описываемаго зданія. Это такіе покои, которые способны разсѣять тоску и прогнать меланхолію, просвѣтлить мозгъ и исцѣлить отъ болѣзни. По истинѣ, журчаніе этихъ ниспадающихъ водъ и рѣки и горныхъ ключей оживляетъ душу, а особливо видъ горъ и зелени и кушанья изъ чудесной

рыбы, называемой *пастрофосъ* [1], которая водится только въ такихъ мѣстахъ, въ водахъ, стекающихъ съ горъ, потому что эта рыба размножается лишь въ каменистомъ руслѣ и не любитъ глубины и тины. Она походитъ на рыбу султана Ибрагима въ Тріполійскомъ округѣ, но въ разрѣзѣ розовая; чиста, превосходна, пріятна на вкусъ, вкуснѣе жареной курицы,—Богъ свидѣтель, ее можно съѣсть со всѣмъ, что въ ней есть: такъ она чиста и вкусна. Она славится въ этой странѣ: ее солятъ и возятъ въ подарокъ господарю и вельможамъ.

Садъ этого монастыря превосходенъ; въ немъ есть столовая, гдѣ мы обѣдали днемъ, ужинали же въ описанной галлереѣ, гдѣ имѣли помѣщеніе. Вино въ монастырѣ отличное, чудесное, разныхъ цвѣтовъ. За монастыремъ, близъ воротъ, у подошвы горы есть труба, по коей течетъ вода, и надъ ней красивая церковь во имя Петра и Павла; это мѣсто называется «лѣчебницей болящихъ». Здѣсь мы отстояли всенощную въ канунъ праздника апостоловъ (Петра и Павла). Передъ этимъ мѣстомъ проходитъ дорога; мы шли по ней около получаса до подошвы горы, гдѣ стоитъ красивая церковка въ честь Рождества Іоанна Крестителя. Тутъ живетъ отшельникомъ одинъ странникъ, келья котораго подлѣ церкви и который совершаетъ въ ней обѣдню и прочія службы. Испросивъ у нашего владыки патріарха разрѣшенія грѣховъ, онъ попросилъ его посадить молодой отпрыскъ орѣховаго дерева, т. е. маленькое орѣховое дерево, на память для него, чтобы впослѣдствіи всякій зналъ, что это дерево посажено, въ благословеніе, патріархомъ киръ Макаріемъ Антіохійскимъ; такъ владыка и сдѣлалъ: взявъ ножъ, обрѣзалъ всѣ кривыя вѣтки, оставивъ одну прямую вѣтвь, и благословилъ ее. Послѣ этого мы ушли. То же онъ дѣлалъ въ садахъ всѣхъ монастырей, нами посѣщенныхъ: таковъ у нихъ обычай и прекрасный это обычай ради воспоминанія, чтобы это служило указаніемъ числа лѣтъ дерева и времени посѣщенія монастыря патріархомъ. Мы нашли у нихъ множество деревьевъ, носящихъ имена прежнихъ патріарховъ, кои пріѣзжали въ эту страну.

Возвращаемся къ разсказу. Въ понедѣльникъ, въ праздникъ апостоловъ, рано поутру мы отслужили обѣдню въ великой церкви, при чемъ было совершено рукоположеніе діакона-апагноста, діакона-евангелиста и священника. Владыка возложилъ на настоятеля одного изъ монастырей палицу и нарекъ его архимандритомъ. Послѣ обѣдни мы совершили поминовеніе по строителямъ монастыря. Затѣмъ мы, согласно приказанію господаря, сложили въ этомъ монастырѣ всѣ свои вещи на храненіе въ безопасное мѣсто.

---

[1] Румынское названіе, точнѣе: *пэстрэв*, форель.

Глава VI.

Валахія.—Рѣдкая книга толкованій на псалтирь. Хлопоты архидіакона о снятіи съ нея списка. Пана Яни, искусный писецъ. Благополучное довершеніе дѣла. Паисій Газскій и его книга. Списокъ съ нея.

Мы слышали раньше, что у киръ *тистъ* [1] Константина Кантакузена, постельника покойнаго господаря Валахіи Матвѣя, есть большая, превосходная книга изъ царскаго книгохранилища Св. Софіи, а именно, толкованіе на псалтирь пророка Давида, выбранное св. Никитой, митрополитомъ Сереса, съ большимъ трудомъ изъ всѣхъ книгъ святыхъ учителей церкви и иныхъ. Онъ собралъ толкованія каждаго изъ нихъ и составилъ изъ всего этого огромную книгу на греческомъ языкѣ, листовъ въ триста большого формата. Сказывалъ намъ киръ Паисій Хіосецъ, митрополитъ Газскій [2], мужъ ученый и добродѣтельный, который въ наше отсутствіе пріѣзжалъ изъ Іерусалима въ Алеппо, когда мы находились въ этихъ монастыряхъ, и проповѣдовалъ въ церкви Алеппо, какъ онъ намъ сообщилъ потомъ,—сказывалъ, что онъ ѣздилъ во всѣ франкскія страны и долгое время пробылъ въ великомъ градѣ Римѣ, гдѣ видѣлъ книгохранилище папы, въ коемъ общее число книгъ церковныхъ и свѣтскихъ 72.000, и каждая изъ нихъ только въ одномъ экземплярѣ. Это вещь извѣстная. Онъ разсказывалъ, что не нашелъ тамъ экземпляра этой книги, толкованія псалмовъ, но что это единственный во всемъ свѣтѣ. То же сказывали намъ многіе. Есть, правда, небольшія, отдѣльныя книги толкованій на псалтирь: Ѳеодорита, епископа Кирскаго и другихъ учителей; но св. Никита собралъ всѣ толкованія и соединилъ ихъ въ одну книгу. Число учителей, написавшихъ толкованія на псалтирь, сорокъ, не считая другихъ. Вотъ, напр., толкованіе перваго псалма изъ псалтиря: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищѣ губителей не сѣде»,—это текстъ оригинала, къ которому составитель присовокупляетъ: такой-то святой или ученый толкуетъ это мѣсто, слово въ слово, такъ-то, а другой сказалъ то-то и то-то, и приводитъ ихъ имена на поляхъ книги, и такъ до конца ея. Эту книгу, принадлежащую къ числу сокровищъ, царскую и драгоцѣнную, многіе желали

---

[1] Румынское слово *тист*, заимствованное съ венгерскаго, означаетъ чинъ *военачальника*, нѣм. Vorgesetzte der Trabanten.

[2] Извѣстный Паисій Лигаридъ, впослѣдствіи участвовавшій въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ.

списать, но не могли, по двумъ причинамъ: во первыхъ, владѣлецъ и хозяинъ ея этого не позволялъ, дабы не было второго экземпляра; во вторыхъ, по причинѣ огромныхъ размѣровъ и обширности содержанія, тѣ, которые начинали ее списывать, списавъ часть, теряли терпѣніе, чему мы были свидѣтелями.

Услыхавъ похвалы этой книгѣ, я, убогій, пишущій эти строки, приложилъ великія старанія и, силою Господа Христа, при помощи моего родителя и по благодати его молитвъ, мы добыли себѣ эту книгу. По божественному устроенію, нашли мы одного священника, по имени папа Яни (отецъ Иванъ) изъ Хіоса, отличнаго писца по-гречески, понимающаго внутренній смыслъ рѣчи и обладающаго большими знаніями. Его-то мы и засадили списывать книгу. Такъ какъ любовь къ вину въ природѣ грековъ, то я (пользуясь этимъ) не переставалъ уговаривать его, пока мы не привезли его въ этотъ монастырь, гдѣ и заставили остаться и переписывать книгу, назначивъ ему ежедневно по два ока[1] вина па обѣдъ и ужинъ. Такимъ образомъ умъ его прояснился и просвѣтлѣлъ, и съ помощью Божіей онъ окончилъ книгу. Вышеупомянутый митрополитъ Газскій составилъ для насъ въ началѣ и въ концѣ книги предисловіе и послѣсловіе, гдѣ изложилъ свѣдѣнія о ней, именно: въ то время какъ это сокровище было скрыто и т. д. и т. д., Творецъ послалъ отца патріарха Антіохійскаго и сына его и они открыли и сдѣлали его доступнымъ ради списканія себѣ небесной награды и воздаянія и на пользу народа христіанскаго и пр. Мы израсходовали на эту книгу, пока она не была окончена, около ста реаловъ. Впослѣдствіи, по прибытіи въ свою страну, въ Алеппо, куда мы привезли и папа Яни, я заставилъ его сдѣлать второй списокъ книги, лучше перваго, такъ какъ у насъ явилось намѣреніе, если Богу угодно и если будемъ живы, послать напечатать ее въ страну франковъ, для пользы нашей и всѣхъ христіанскихъ народовъ. Если это состоится по соизволенію Божію, то мы приступимъ къ переводу ея на арабскій языкъ. Будемъ просить у Бога душевнаго спокойствія. Причиной написанія второго экземпляра этой книги было то, что она можетъ погибнуть на морѣ или случится съ ней какое другое несчастіе, прежде чѣмъ она будетъ напечатана, и въ такомъ случаѣ мы лишились бы столь драгоцѣннаго сокровища. Нѣтъ, лучше пусть останется у насъ второй списокъ.

Мы добыли еще отъ митрополита Газскаго другую греческую книгу, которую онъ составилъ въ разныхъ странахъ и изъ многихъ книгъ и

[1] Око=3¼ ф.

назвалъ Χρησμός, т. е. Книга предсказаній. Она единственная и не имѣется другого списка ея. Содержитъ въ себѣ предсказанія, (выбранныя) изъ пророковъ, мудрецовъ и святыхъ, касательно событій на Востокѣ: объ Агарянахъ, Константинополѣ и покореніи ими этого города—извѣстія весьма изумительныя; также о будущихъ и имѣющихъ еще совершиться событіяхъ. Я заставилъ того же писца снять съ нея также два списка. Съ большимъ трудомъ митрополитъ далъ намъ ее для переписки, ибо онъ, т. е. митрополитъ Газскій, не желалъ этого, пока я не добился его согласія при помощи подарковъ и потому, что ему стало совѣстно передъ нами, и онъ разрѣшилъ намъ списать ее. Кто прочтетъ эту превосходную книгу, будетъ пораженъ изумленіемъ предъ ея пророчествами, изреченіями и прочимъ содержаніемъ. Впослѣдствіи упомянутый митрополитъ прислалъ намъ изъ своей страны извѣстіе, что, когда онъ находился въ странѣ мадьяръ, они ограбили его и взяли все, что съ нимъ было, и въ числѣ отнятаго была вышеупомянутая книга. Онъ славилъ и благодарилъ Бога, что мы позаботились снять съ нея копію, иначе бы она исчезла совершенно и весь его трудъ пропалъ бы даромъ. Онъ умолялъ насъ снять для него списокъ, а онъ, какъ мы сказали, былъ у насъ уже написанъ Хвала Богу всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ! Аминь.

Глава VII.

Валахія.—Отъѣздъ изъ монастыря Козія. Монастырь Островъ. Золотыя розсыпи. Цыгане-золотопромышленники. Соляныя копи. Монастырь Монокисло. Монастырь Быстрица. Посѣщеніе пещеры.

Возвращаемся къ разсказу. Мы простились съ архимандритомъ монастыря Козія и съ прочими монахами, убѣдительно прося ихъ позаботиться объ упомянутомъ папа Яни. Выйдя изъ тѣснины, по которой идетъ путь къ монастырю, мы увидѣли, что вышеназванная рѣка (Ольтъ) развѣтвляется надвое, и посрединѣ ея островъ, куда мы переплыли на судахъ. На островѣ небольшой каменный монастырь для монахинь, въ честь Рождества Богородицы. Его называетъ Островъ [1]. Помолившись тамъ, мы вышли и вернулись въ Рымникъ.

Вся мѣстность между Рымникомъ и монастыремъ Козія покрыта запрудами воды, собранной между корнями деревьевъ, похожихъ на тополь. Корни выкапываютъ, счищаютъ съ нихъ грязь и послѣ про-

[1] Монастырь Островъ (рум. Ostrovul) расположенъ на островѣ у праваго берега рѣки. Основанъ господаремъ Нягоемъ въ 1522-мъ году.

мывки ея въ водѣ получается золотая руда. Это извѣстный въ странѣ валаховъ золотой рудникъ, который составляетъ собственность домны, т. е. жены всякаго, кто становится господаремъ, и назначенъ на ея расходы. Онъ берется отъ нея на откупъ *цыганами*, т. е. здѣшними золотопромышленниками и желѣзниками, какъ говорятъ за тысячу динаровъ въ годъ [1].

Въ четвергъ поутру мы выѣхали изъ Рымника, ѣхали около двадцати часовъ и прибыли въ городъ съ соляными копями. Въ странѣ валаховъ есть четыре мѣста, гдѣ имѣются соляныя копи; арендный доходъ съ нихъ составляетъ ежегодно 150.000 реаловъ. Эта копь самая большая. Сюда пріѣзжаютъ изъ Турціи и приходятъ корабли изъ Константинополя, закупаютъ соль и отвозятъ къ себѣ, ибо вся соль, потребляемая въ Румеліи и Константинополѣ, идетъ изъ этой страны. Способъ выламыванія ея очень труденъ. Копаютъ колодецъ на глубину во сто разъ больше человѣческаго роста, пока не дойдутъ до соли; бываетъ и меньше Всякій разбойникъ или человѣкъ, попавшій въ немилость, ссылается сюда господаремъ въ желѣзныхъ оковахъ. Ломкой соли занимаются по ночамъ, а днемъ ее вытаскиваютъ. Каждый кусокъ, въ видѣ большого камня, вѣситъ 200—300 окъ; его поднимаютъ на длинныхъ канатахъ при помощи воротовъ, которые вертятъ лошади. Мы видѣли нѣчто разрывающее сердце: когда кого-либо изъ работниковъ вытаскивали наружу, онъ казался намъ выходцемъ изъ могилы, изъ среды мертвецовъ. Несчастные! да поможетъ имъ Богъ! Нѣкоторые изъ нихъ работаютъ за плату. Вся почва этой мѣстности—соль; напр., какъ въ колодцахъ Аленпо вода соленая, такъ здѣсь вода затвердѣвшая и составляетъ соль.

Этотъ городъ—базаръ (торговый) и заключаетъ нѣсколько церквей. Жители вышли намъ навстрѣчу. У насъ не было иной цѣли для пріѣзда сюда, кромѣ осмотра, и потому мы провели здѣсь лишь одну ночь и, вставши рано поутру, поѣхали назадъ, потому что въ экипажахъ невозможно было проѣхать (дальше), и направились по дорогѣ,

---

[1] Цыгане, принадлежавшіе правительству, подраздѣлялись на нѣсколько классовъ, изъ которыхъ первый и едва-ли не многочисленнѣйшій составляли такъ называемые *ауарри*, или золотопромышленники. Имъ принадлежало исключительное право промыванія золотоноснаго песка, которымъ обилуютъ нѣкоторыя рѣки Валахіи: Арджишъ, Ольтъ и Дымбовица. Эти цыгане-золотопромышленники обязаны были удѣлять правительству часть добываемаго ими золота, которая называлась *булавочнымъ налогомъ*, идущимъ на туалетъ господарыни. (См. *Палаузовъ*, Румынскія господарства, Молдавія и Валахія, стр. 223).

большею частью затруднительной и лѣсистой, и послѣ полудня достигли монастыря на той сторонѣ рѣки, называемой Быстрица, имѣющей быстрое теченіе; а монастырь называется «Кусокъ дерева»[1]. Въ древнія времена жилъ здѣсь отшельникъ; разъ, пробудившись отъ сна, онъ увидѣлъ висѣвшую на деревѣ большую икону Владычицы, которая сказала ему: «я желаю, чтобы ты построилъ для Меня здѣсь церковь изъ этого дерева». Онъ всталъ, срубилъ дерево и началъ строить маленькую церковь, которая вся, вмѣстѣ съ кровлей, изъ одного куска дерева. По этой причинѣ ее называютъ «Церковью изъ одного куска дерева», по-гречески *моноксило*. Здѣсь совершилось много чудесъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ одному изъ государственныхъ сановниковъ полюбилась эта обитель. Оставивъ ту церковь на верху горы, какъ она есть, онъ ниже ея соорудилъ большой каменный монастырь съ удивительно красивой церковью, въ честь Успенія Владычицы. Въ немъ обитаютъ монахини[2]. Отслуживъ здѣсь обѣдню, мы приложились къ упомянутой иконѣ Владычицы: она большого размѣра и творитъ чудеса. Поднялись къ описанной деревянной церкви и въ ней помолились. Близъ нея два величественныхъ дерева; подлѣ нихъ, говорятъ, росло и то третье дерево. Послѣ обѣда мы выѣхали изъ монастыря и ѣхали по очень трудной дорогѣ, при чемъ переѣзжали рѣку Быстрицу болѣе сорока разъ.

Мы спустились по склону огромной горы и вечеромъ прибыли въ большой монастырь, тоже извѣстный въ этой странѣ своею неприступностью. Онъ называется монастырь Быстрица[3]; расположенъ одиноко въ тѣснинѣ, не имѣя позади себя владѣній[4],—точь-въ-точь какъ та тѣснина, гдѣ стоитъ монастырь Козія. Онъ построенъ очень крѣпко. Церковь его также въ честь Успенія Владычицы; въ ней великое сокровище, а именно, подлинныя мощи св. Григорія Баніасскаго[5], котораго здѣсь называютъ Григоріемъ Декаполитомъ. Строитель монастыря привезъ ихъ изъ Сербіи, пріобрѣтя за большія деньги. Мощи находятся въ серебряно-вызолоченной ракѣ, на горбообразной крышкѣ которой точное изображеніе святого, чеканной работы, а кругомъ такія

---

[1] По румынски Dintr' un lemn т. е. изъ одного куска дерева. Монастырь находится въ округѣ Вылча (Vâlcea) и основанъ до 1579-го года. Теперь—женскій.

[2] По англійскому переводу; въ нашей рукописи: „монахи“.

[3] Монастырь Быстрица въ округѣ Вылча; основанъ въ 1498-мъ году княземъ Барбу Крайовеску Басарабомъ.

[4] Въ англійскомъ переводѣ: „дороги“, и это вѣрнѣе.

[5] Баніасъ—городъ въ Сиріи; въ древности Кесарія Филиппова.

же изображенія святыхъ и ангеловъ. Рака сооружена щедротами приснопамятной Белаши [1], домны Константина воеводы. Она заказывала ее въ странѣ мадьярской, гдѣ есть искусные мастера; говорятъ, что за одну только работу она заплатила золотыхъ дѣлъ мастеру 1500 реаловъ. При видѣ ея, умъ поражается удивленіемъ. Когда святого открыли со свѣчами и кадильницами, при пѣніи тропаря ему, обнаживъ головы, мы были поражены его видомъ и благоуханіемъ и приложились къ его святой десницѣ. [Мы отслужили въ церкви литургію въ понедѣльникъ 6-го іюля, при чемъ было посвященіе монаха и діакона; послѣ того мы пошли въ трапезную]. Начало построенія этого знаменитаго своею неприступностью монастыря таково. Одинъ древній добродѣтельный отшельникъ замѣтилъ на верху горы, возвышающейся надъ монастыремъ съ сѣверной стороны, разсѣлину и, непрестанно ухищряясь, сдѣлалъ подмостки, добрался до нея и поселился тамъ, построивъ церковь во имя св. Михаила. Поднимаясь для того, чтобы посѣтить и осмотрѣть эту пещеру, мы всходили, одинъ за другимъ, по единственной тропинкѣ съ весьма труднымъ подъемомъ, при чемъ справа отъ насъ былъ страшный, отвѣсный край до самой рѣки; поэтому на большей части дороги сдѣланы перила отъ одного дерева до другого. Мы добрались туда лишь съ огромными усиліями и большимъ трудомъ. Отъ края горы до пещеры, на разстояніе брошеннаго камня, положены длинныя, узкія доски съ перилами, на подобіе моста; когда грозитъ опасность, монахи снимаютъ ихъ и остаются тамъ, и тогда сами дьяволы не въ состояніи добраться до нихъ. Поэтому господари, въ случаѣ если ихъ постигнетъ бѣда, отсылаютъ въ эту пещеру свои сокровища и свое семейство. Пещера находится на срединѣ горы, и отъ нея до дна ущелья 44 сажени, а сколько выше нея, до вершины горы, того никто не знаетъ. Во входѣ двѣ желѣзныя двери, чрезъ которыя мы вошли, подобно животнымъ, на четверенькахъ, и продолжали путь по подземелью со свѣчами, идя одинъ за другимъ, пока, совсѣмъ измученные, не выбрались на ровную площадку, созданіе Милосерднаго. Мы помолились въ церкви, близъ которой находится небольшая келья, гдѣ всегда живетъ монахъ. На востокъ отъ церкви большая разсѣлина ведетъ къ открытому мѣсту у ущелья, гдѣ, какъ говорятъ, солнце бываетъ видно лишь при восходѣ его, въ началѣ дня. Тутъ есть огромное дерево, на которомъ виситъ длинный канатъ съ воротомъ, конмъ поднимаютъ воду изъ рѣки, а также вещи, тюки, тяжести—все, что складываютъ здѣсь на храненіе, какъ мы сказали. Ихъ проносятъ не

[1] По-румынски Белаша то же, что Елена.

по подземелью, по которому мы вошли, а потаенной дорогой отъ монастыря до мѣста, ниже того (гдѣ дерево) и ниже разсѣлины, у подошвы горы, и, принеся туда, поднимаютъ ихъ на упомянутомъ канатѣ на верхъ. Въ пещерѣ есть каменный бассейнъ чистой, прекрасной воды, которая льется чрезъ края. Кругомъ пещеры нѣтъ простора, ибо передъ ней огромная, крутая гора. Впрочемъ, пребываніе въ этой пещерѣ болѣзненно дѣйствуетъ на организмъ и вещи портятся, вслѣдствіе сильной сырости и обилія воды. Мы едва вѣрили себѣ, когда вышли изъ нея и спустились въ монастырь. Монастырь такъ построенъ, что его келліи съ восточной стороны выходятъ на упомянутую рѣку, низвергающуюся съ горныхъ вершинъ по скаламъ. Въ ней водится въ изобиліи вышеупомянутая чудесная рыба *пастрофосъ* (форель). Рѣка неумолчно шумитъ, ибо, какъ мы сказали, она стремительно низвергается съ горныхъ высотъ, а внизу ущелья и кругомъ нея большія скалы, отъ чего и происходитъ ея шумъ. Среди келлій есть небольшая церковь во имя св. Николая, а внѣ монастыря третья церковь, въ честь Преображенія, для больныхъ. Простившись съ монахами, мы уѣхали.

Глава VIII.

Валахія.—Монастырь Арнота. О главѣ св. Михаила, епископа Синадскаго. Мощи. Дальнѣйшій путь. Рименти. Посѣщеніе отставного постельника. Тыргошиль.

Во вторникъ мы поднялись въ монастырь, высоко лежащій на самомъ верху горы, которая находится насупротивъ вышеописаннаго монастыря. Онъ во имя св. Михаила и называется Арнода или Арнота [1]. Путь туда весьма труденъ и доступенъ только для пѣшеходовъ, такъ какъ монастырь стоитъ на верху горы; однако мы въѣхали верхомъ. Отъ монастыря Быстрица онъ отстоитъ къ востоку на одинъ часъ пути. Монастырь невеликъ. Разсказываютъ, что покойный отецъ Матвѣя воеводы, во дни свои, построилъ тутъ деревянную церковь. Когда онъ умеръ въ Венгріи, сынъ его, господарь Матвѣй, заступивъ его мѣсто, послалъ привезти его кости, перенесъ ихъ сюда и началъ строить монастырь весь каменный, со стѣною кругомъ, красивыми кельями и церковью, на которую пожертвовалъ передъ своей кончиной множество утвари, украшеній и ковчегъ съ мощами святыхъ. Мы прикладывались

[1] Монастырь Арнота (рум. Arnota) находится на горѣ, надъ монастыремъ Быстрица; основанъ въ срединѣ XVII в. Въ немъ погребенъ Матвѣй Басарабъ, его жена и др. лица.

теперь ко всѣмъ имъ по порядку; въ числѣ нихъ правая рука св. Михаила, епископа Синадскаго, глава коего находится въ одномъ изъ монастырей св. Горы. Какъ намъ разсказывали, ее берутъ въ тѣ мѣста, гдѣ появляется саранча: священники совершаютъ водосвятіе, освящая воду главою, окропляютъ этой святой водой поля и огороды и раздаютъ ее жителямъ селеній и городовъ; силою Божіей и предстательствомъ святого, саранча удаляется въ море, и въ тотъ годъ цѣны бываютъ низкія вслѣдствіе большого урожая. Это вещь извѣстная въ тѣхъ городахъ и округахъ.

Намъ разсказывали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ на островѣ Кипрѣ, въ теченіе семи лѣтъ подъ рядъ, былъ большой недостатокъ припасовъ, по причинѣ появленія саранчи. Жители представили свое положеніе султану, испрашивая у него хатти-шерифъ (указъ) къ обитателямъ упомянутаго монастыря, чтобы они дали главу названнаго святого. Назначенъ былъ отъ султана ага съ указомъ, который, прибывъ въ монастырь, потребовалъ отъ монаховъ главу. Монастырь имѣетъ обыкновеніе и правило, дѣйствующее издревле, отпускать святую главу не иначе, какъ подъ обезпеченіе залогомъ, и кипріоты оставили у нихъ въ заложники сорокъ важнѣйшихъ архонтовъ изъ жителей Кипра на все время, пока возили главу на островъ. Они совершили водосвятіе, окропили весь островъ, и — о чудо!—саранча тотчасъ улетѣла съ острова и потонула въ морѣ. Жители привезли монастырю вмѣстѣ съ главой, въ видѣ пожертвованія, 5000 піастровъ и, возблагодаривъ Бога, удалились. Говорятъ, что такъ поступаютъ и всѣ жители Румелійской области, мусульмане и христіане, ибо святой, при своей кончинѣ, испросилъ у Бога эту милость, какъ другіе испрашиваютъ чего-либо иного. Извѣстіе это достопримѣчательно.

Возвращаемся къ прерванному разсказу. Мы прикладывались еще къ десницѣ св. ап. Филиппа, которая, какъ и десница св. Михаила, обложена золотомъ, а также къ длани св. Марины мученицы, которою она ударила дьявола въ темницѣ,—она помогаетъ отъ ознобленія кожи— къ частицамъ мощей св. Іоанна Златоуста, св. Аѳанасія, патріарха Александрійскаго, мученика Пантелеимона, Кирика и матери его Іулитты, къ мощамъ св. Николая и другимъ мощамъ мучениковъ и святыхъ. Онѣ запечатаны монастырскою печатью, записаны въ книгѣ и поручены настоятелю монастыря. Мы служили въ этой церкви и святили воду въ бассейнѣ, что насупротивъ церкви. Говорятъ, что вода проведена съ вершины горы, на разстояніи 144 саженъ. На вершинѣ горы, господствующей надъ всей окрестной страной, господарь водрузилъ огромный каменный крестъ, какъ онъ поставилъ много другихъ

подобныхъ крестовъ въ иныхъ мѣстахъ и по дорогамъ,—да помилуетъ его Богъ! Вслѣдствіе трудности пути, мы не могли подняться на вершину, къ источнику воды, которая стекаетъ въ этотъ бассейнъ. Внѣ монастыря открывается видъ на отдаленныя мѣста, такъ какъ мѣстоположеніе его весьма открытое. Оттуда мы спустились пѣшкомъ къ монастырю, что внизу.

Въ четвергъ мы простились съ монахами и отправились; проѣзжали по весьма труднымъ дорогамъ и прослѣдовали чрезъ селеніе по имени Ринешти; это родина Стефана, теперешняго митрополита Валахіи, который строитъ здѣсь каменную церковь. Разсказываютъ, что, придя въ совершенный возрастъ, онъ сдѣлался писцомъ въ монастырѣ Быстрица, затѣмъ монахомъ, а потомъ игуменомъ знаменитаго монастыря Тисмана и наконецъ митрополитомъ Валахіи, еще при жизни Матвѣя воеводы, который впослѣдствіи низложилъ его и поставилъ на его мѣсто Игнатія, епископа Рымникскаго, о коемъ мы выше упомянули. Теперь его возвратилъ Константинъ воевода.

Возвращаемся. Послѣ полудня мы прибыли въ селеніе близъ горы и подлѣ рѣки Ольтецъ, принадлежащее одному изъ бояръ, который былъ постельникомъ, а теперь въ отставкѣ. Оно называется *Бумбаражъ* (Поливрасъ). Онъ строитъ здѣсь большой монастырь съ крѣпостью, въ честь Успенія Владычицы, назначая его мѣстомъ погребенія для себя и своего потомства. Созвавъ въ него монаховъ и священниковъ, онъ размѣстилъ ихъ, до окончанія постройки, въ домахъ (селенія); пожертвовалъ монастырю это и иныя селенія, мельницы, сады и пр., какъ это въ обычаѣ у здѣшнихъ вельможъ, о чемъ мы уже говорили не одинъ разъ. Мы отслужили для него обѣдню въ маленькой деревянной церкви близъ монастыря. Въ полдень отправились и вечеромъ, переѣхавъ нѣсколько рѣкъ, прибыли въ другой монастырь, по имени Красна, во имя св. Николая, также каменный [1]. На другой день совершили въ немъ водосвятіе, а послѣ обѣда уѣхали и слѣдовали по труднымъ дорогамъ, чрезъ лѣса и воды, до вечера, когда прибыли въ маленькій базаръ, по имени Тыргошилъ [2], потому что онъ лежитъ близъ большой рѣки, называемой Шилъ: *Тыргo* означаетъ «базаръ», а *Шилъ*—названіе рѣки. Въ этой мѣстности есть желѣзный рудникъ, изъ котораго много добывали во времена Матвѣя воеводы. Весь нашъ путь отъ Тырговишта до сихъ поръ шелъ у подножія горъ, отдѣляющихъ эту страну отъ

---

[1] Монастырь Красна въ округѣ Прахова возобновленъ въ 1824-мъ году священникомъ Раду Порложя, посвященнымъ въ монахи подъ именемъ Кесарія.

[2] Нынѣ Тыргушоръ, городокъ въ округѣ Прахова.

венгерской, пустынной и безлюдной на пространствѣ одного дня пути, и закругляющихся на подобіе половинки чаши; всѣ упомянутые нами монастыри расположены на передней ихъ сторонѣ.

Въ воскресенье утромъ, отстоявъ обѣдню въ вышеупомянутомъ базарѣ, мы выѣхали и переѣзжали чрезъ безчисленныя рѣки, числомъ, быть можетъ, болѣе тридцати, кои всѣ стекаютъ съ венгерскихъ горъ и текутъ къ рѣкѣ Дунаю. Намъ разсказывали, что двадцать семь рѣкъ, подобныхъ великой рѣкѣ Ольту, которую переѣзжаютъ на судахъ, и извѣстныхъ по именамъ, текутъ по странѣ валаховъ, беря начало въ землѣ мадьяръ, и впадаютъ въ рѣку Дунай, не считая другихъ рѣкъ, коимъ нѣтъ числа,—да будетъ благословенъ Богъ! Вода во всѣхъ нихъ прѣсная, вкусная, чудесная; дно ихъ обилуетъ камешками и манитъ испить воды. Въ этотъ день весь нашъ путь былъ очень затруднителенъ, по причинѣ горъ и лѣсовъ.

Глава IX.

Валахія.—Монастырь Тисманскій. Описаніе его. Тиссовое дерево.

Подъ вечеръ встрѣтилъ насъ настоятель знаменитаго монастыря Тисмана [1], и мы сошли у рѣки Тисманы, по обоимъ берегамъ которой лежитъ большой базаръ, угодье этого монастыря, свободный отъ податей. Приблизившись къ нему, мы увидѣли монастырь, который расположенъ среди долины на двухъ выступахъ горы и окруженъ большими горами и лѣсами. Доступъ къ нему подобно какъ къ монастырямъ Козія и Быстрица: нѣтъ иной дороги, кромѣ этой, идущей по срединѣ рѣки, которую мы нѣсколько разъ переѣхали, вступивъ въ большую тѣснину и поднимаясь къ мѣсту, гдѣ лежитъ монастырь. Съ этихъ горъ быстро несутся многочисленные ключи, въ видѣ рѣчекъ, образуя большую рѣку на днѣ долины, гдѣ идетъ дорога къ монастырю. Прежде чѣмъ достигнешь первыхъ воротъ монастыря, видишь надъ нимъ въ горѣ келью отшельника и подлѣ нея маленькую церковь, во имя св. Антонія Великаго; тутъ есть *хелештеу*, озеро для рыбы, въ которое также течетъ съ горъ источникъ. Мы поднялись въ монастырь лишь съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе быстраго теченія упомянутой рѣки и множества деревьевъ и камней, кои она уноситъ съ вершины горы во время дождей и постоянно выбрасываетъ ихъ (на бе-

[1] Монастырь Тисмана въ округѣ Горжъ основанъ Мирчей Старымъ въ 1392-мъ году. Возобновленъ въ 1855-мъ году.

рега). Обогнувъ все монастырское строеніе, мы поднялись къ первымъ желѣзнымъ воротамъ по узкой, искусственной тропинкѣ. Здѣсь протекаетъ по жолобу источникъ воды. Надъ воротами множество бойницъ, такъ какъ это огромная башня. Пройдя вторыя ворота, также желѣзныя, съ колокольней надъ ними, мы вошли въ великую церковь, во имя Успенія Владычицы. Это—превосходное, крѣпкое зданіе съ двумя высокими куполами: одинъ надъ нарѳексомъ, а другой надъ хоросомъ, оба восьмиугольные. Церковная ризница помѣщается снаружи, справа отъ алтаря. Передъ церковью течетъ по жолобу чудесная вода, выходящая изъ пещеры подъ горой, гдѣ кладовыя монастырскія, то-есть запасы соленій. На пути къ нимъ врытъ въ землю водоемъ, гдѣ держатъ наловленную рыбу, пока она не понадобится. Затѣмъ вода проходитъ мимо дверей кухни, а часть въ *бинимча* (пивницы) монастырскія, служащія для охлажденія сосудовъ съ виномъ и сохраненія всего потребнаго изъ овощей. Часть воды отведена въ отхожія мѣста, а остальная направляется къ удивительной маленькой мельницѣ, которая постоянно въ движеніи и мелетъ все потребное монахамъ (зерно), безъ всякаго труда (съ ихъ стороны).

Такимъ образомъ монастырь этотъ неприступенъ и не имѣетъ себѣ подобныхъ ни въ здѣшней странѣ, ни въ иныхъ, по прекрасному мѣстоположенію, по изобилію водъ и по своей неприступности, благодаря крѣпости окружающихъ его стѣнъ. Онъ принадлежитъ также къ числу обновленныхъ и отстроенныхъ приснопамятнымъ Матвѣемъ воеводой. Монастырь былъ раньше кельей отшельника, по имени Никодимъ. Родина его отца, грека, городъ Касторія, а мать его сербка. Онъ убѣжалъ отъ нихъ и по внушенію ангела, который указалъ ему это мѣсто, пришелъ сюда на гору, обилующую текучими водами, и построилъ себѣ келью, выдолбивъ ее подъ вершиной горы надъ землей; до сихъ поръ въ нее поднимаются по веревкѣ. Онъ творилъ великія чудеса и отправился въ городъ Буду, къ королю венгровъ, гдѣ сталъ проповѣдывать христіанскую вѣру. Король сказалъ ему: «я разведу сильный огонь, и если ты пройдешь чрезъ него въ своей фелони и съ Евангеліемъ и останешься невредимъ, мы повѣримъ тебѣ». Святой сдѣлалъ такъ, прошелъ чрезъ огонь со своимъ дьякономъ, который кадилъ, и потому къ нему возымѣли великую вѣру. Король осыпалъ его великими дарами, давъ между прочимъ тридцать деревень и большія средства для сооруженія монастыря, который и былъ воздвигнутъ стараніями святого. Князь Лазарь, тогдашній государь Сербіи, подарилъ ему большой городъ съ шестьюдесятью селеніями кругомъ, а воевода Валахіи даровалъ ему всѣ пошлины, собираемыя по окружности монастыря, и многое другое,

Упомянутый король соорудилъ для него также массивную серебряную кадильницу, которую мы видѣли: это — подобіе крѣпости Буды съ ея башнями.

Строеніе этого монастыря прежде было невзрачное. Приспопамятный Матвѣй воевода, убѣгая отъ Леона воеводы [1], пришелъ сюда и укрѣпился въ монастырѣ. Леонъ пошелъ на него и осадилъ, но не могъ овладѣть монастыремъ. Потомъ Матвѣй, спасшись отъ враговъ, отправился въ Константинополь, гдѣ, при содѣйствіи визиря Абаза-паши, былъ назначенъ господаремъ и возвратился (въ Валахію). Тогда первой его заботой было отстроить и укрѣпить какъ нельзя лучше этотъ монастырь, въ благодарность за свое спасеніе, а также во исполненіе даннаго обѣта. Поэтому монастырь обнесенъ стѣной, которая, будучи возведена по выступамъ горы, приводитъ въ трепетъ смотрящаго на нее снизу, въ особенности, вслѣдствіе паденія водъ, кои низвергаются сверху на дно долины. Мы до сихъ поръ не видывали мѣста съ такимъ обиліемъ водъ, какъ здѣсь. Въ монастырѣ господарь поставилъ пять маленькихъ пушекъ у бойницъ, господствующихъ надъ дорогой на далекое разстояніе. Въ этомъ мѣстѣ, въ видѣ галлереи, выходящей на долину и рѣку, насъ и помѣстили.

Въ подвалѣ монастырскомъ есть огромная бочка, длиною въ двадцать шесть пядей, а шириною въ девять. Она вмѣщаетъ 3.000 ведеръ вина, а ведро равно 12 окамъ [2], такъ что всего будетъ 36.000 окъ. Ее наполняютъ виномъ черезъ жолобъ, къ ней придѣланный и проведенный снаружи подвала. Вино остается въ ней цѣлый годъ, ради благословенія, ибо святой, при жизни своей, сдѣлалъ ее собственноручно изъ дерева, которое попадается только въ окрестностяхъ этого монастыря и называется *тиса* (тиссъ). Оно походитъ на эбеновое дерево, но ударяетъ въ красноту, и никогда не гніетъ. По имени этого дерева рѣка и монастырь называются Тисмана. Оно чрезвычайно крѣпко и красиво; до сихъ поръ дѣлаютъ изъ него никогда не портящіеся боченки, обитые желѣзными обручами. Я привезъ съ собою два такихъ въ Алеппо, и они до сихъ поръ у меня цѣлы.

Возвращаемся (къ разсказу). Мы приложились къ фелони святого, той самой, въ которой онъ вошелъ въ огонь, какъ мы разсказывали; она изъ камки красной съ желтымъ; прикладывались къ его омофору и къ древнему Евангелію, которое святой написалъ своею рукою въ Венгріи необыкновенно красивымъ почеркомъ по-русски на превосход-

---

[1] Левъ Томша, господарь Валахіи (1630—1633 г.).

[2] Около 40 ф.

номъ пергаментѣ. Оно обложено серебромъ и въ концѣ его дата: 6912 годъ; стало быть, ему теперь 253 года [1]. Тѣло святого сокрыто въ землѣ, въ церкви, изъ боязни мадьяръ, чтобы они не украли его, такъ какъ живутъ по сосѣдству и имѣютъ къ нему великую вѣру. Впрочемъ, для него сдѣлана внѣ церкви, въ галлереѣ, гробница, покрытая пеленами, съ рѣшеткой и пр. У нихъ находится только персть святого для лобызанія. Мы прикладывались къ нему и къ мощамъ святыхъ, у нихъ находящихся, изъ числа патріарховъ антіохійскихъ: одинъ изъ нихъ св. Игнатій, опоясанный Богомъ [2]; также къ мощамъ св. Златоуста и другихъ. Святой, при жизни своей, насадилъ виноградникъ и каштановыя деревья на горѣ, что насупротивъ селенія; виноградникъ существуетъ и по-нынѣ. Вокругъ монастыря, на горѣ, живетъ много пустынниковъ и отшельниковъ, которые въ надлежащее время приходятъ (въ монастырь) для принятія св. Таинъ. Теперь нѣкоторые изъ нихъ, извѣщенные о прибытіи нашего владыки патріарха, явились сюда и просили у него разрѣшенія грѣховъ, и мы сподобились ихъ молитвъ.

Глава X.

Валахія.—Посѣщеніе мѣднаго рудника. Описаніе плавильнъ. Окрестные города. Придунайскіе пашалыки. Дальнѣйшій путь.

Возвращаемся къ разсказу. Мы служили у нихъ во вторникъ 14 іюля, при чемъ нашъ владыка рукоположилъ для нихъ іерея и діакона и возложилъ на игумена палицу, давъ ему власть быть архимандритомъ, духовникомъ и постригать въ монахи. На другой день, простившись съ ними, мы проѣхали разстояніе въ 3—4 часа до знаменитаго мѣднаго рудника, находящагося на границѣ страны.

Какъ намъ говорили и какъ мы видѣли, страна валаховъ походитъ на лукъ. Отъ Фокшанъ, которыя лежатъ близъ Дуная, идутъ горы по направленію къ монастырю Козія на протяженіи четырехъ дней пути отъ Дуная; отъ монастыря Козія до мѣста, гдѣ находится этотъ мѣдный рудникъ, разстояніе полдня пути; а отъ Тырговишта сюда четыре дня хорошей ѣзды. Отсюда еще день пути до города, по имени *Базаръ* (Бая?), пограничнаго между страной валаховъ и мадьяръ. Турки живутъ по ту сторону Дуная относительно земли мадьяръ, гдѣ есть крѣпость Темешваръ, которую взялъ у нихъ султанъ Сулейманъ; въ ней

[1] Нынѣ хранится въ Національномъ Музеѣ Древностей въ Букарештѣ.

[2] Сколько намъ извѣстно, такъ именуется у православныхъ арабовъ Игнатій Богоносецъ.

живетъ пограничный паша. Такимъ образомъ, протяженіе страны валаховъ отъ Фокшанъ до *Базара*, въ длину, около десяти дней пути, а въ ширину она, какъ мы сказали, не простирается далеко отъ Дуная.

Этотъ рудникъ былъ открытъ во дни приснопамятнаго Матвѣя воеводы, а именно: одинъ сербъ, охотясь, блуждалъ по лѣсамъ здѣшнихъ мѣстъ, никому неизвѣстнымъ, и нашелъ кучу черныхъ камней, которые отъ долгаго времени слились другъ съ другомъ въ одинъ кусокъ: они лежали тутъ со временъ грековъ. Сербъ догадался, что здѣсь есть рудникъ, пошелъ къ господарю, сообщилъ ему объ этомъ и взялъ ту землю у него на откупъ. По приказанію господаря, стали разработывать рудникъ и добывать (мѣдь). Рудникъ находится на вершинѣ горы. Вся почва въ этомъ мѣстѣ, какъ и горы, представляютъ бѣлый камень и красную землю, точь-въ-точь какъ земля въ Алеппо. Воды здѣсь весьма изобильны. Мѣсто подобно тому, гдѣ соляная копь: это— глубокія ямы (шахты), куда опускаются и поднимаются при помощи воротовъ съ веревками, вращаемыхъ лошадьми. Днемъ и ночью копаютъ внизу съ огнемъ и съ большимъ трудомъ выламываютъ черный камень; а тотъ, который не подъ силу выломать по причинѣ его твердости, подвергаютъ дѣйствію огня, а сами уходятъ. Когда остынетъ, спускаются и находятъ, что камень растрескался; его вытаскиваютъ и поднимаютъ наверхъ. Особенность руды та, что она имѣетъ сѣрозеленыя жилки; а нѣкоторые камни бываютъ легки и желтаго цвѣта— это чистая мѣдь. Но то и другое смѣшиваютъ вмѣстѣ и отвозятъ въ плавильни.

Вотъ описаніе плавиленъ. Онѣ очень обширны и высоки, съ двускатными крышами; посреди каждой пять—шесть вогнутыхъ печей (горновъ) съ подземными стоками. Позади каждаго горна два большіе мѣха, подобные кузнечнымъ, приводимые въ дѣйствіе водою, и именно такъ: за плавильней есть ручей, вода котораго падаетъ на два большія колеса, находящіяся съ обѣихъ сторонъ плавильни снаружи; они вращаютъ длинныя толстыя бревна, кои особымъ приспособленіемъ поднимаютъ и опускаютъ доски мѣховъ, при чемъ огонь разгорается съ большою силою, а рабочіе, тутъ стоящіе, постоянно подкладываютъ уголь вмѣстѣ съ мѣдной рудой. Огонь поддерживаютъ ночью и днемъ съ большимъ стараніемъ и трудомъ, пока не накалится и не расплавится мѣдь, которая, по своей тяжести, стекаетъ въ яму, вырытую въ землѣ, и когда охладится, ее вынимаютъ большими кругами, разбиваютъ на мелкіе куски и выносятъ изъ плавильни. Тогда приносятъ большое количество дровъ ивовыхъ и тополевыхъ и располагаютъ дрова и куски металла рядами, рядъ дровъ и рядъ кусковъ, на вышину роста,

зажигаютъ дрова съ четырехъ сторонъ, и огонь не перестаетъ горѣть ночью и днемъ. Когда онъ потухнетъ, собираютъ металлъ и обжигаютъ вторично, на другомъ мѣстѣ, и такъ продолжаютъ дѣлать до шести разъ. Затѣмъ снова кладутъ металлъ въ плавильный горнъ и расплавляютъ вторично, при чемъ онъ вторично вытекаетъ въ яму. Однако, онъ еще не чистъ, такъ что, по охлажденіи, снова кладутъ его въ печь, чѣмъ и заканчивается все дѣло. Тогда металлъ течетъ, какъ вода; его отливаютъ въ формы и онъ получаетъ видъ круговъ воска.

Эта мѣдь превосходная, — говорятъ, лучше кастамунской [1], ибо она мягка какъ чистое серебро. Купцы вывозятъ ее въ Турцію, въ Требизондъ, Кастамуни и въ Персію. Око ея стоитъ полреала. Разсказываютъ, что прежде въ одинъ годъ добывали по 600.000 окъ, ибо ея было много на поверхности земли, а теперь добываютъ изъ глубины. Въ послѣдніе годы добываютъ ежегодно около 200.000 окъ; но при этомъ требуются большіе расходы и издержки: стоимость углей, плата рабочимъ, мастерамъ и прочіе. Уголь идетъ только ивовый и тополевый, также и дрова, коими обжигаютъ руду, но отнюдь не другой породы (деревьевъ), по каковой причинѣ эти деревья исчезли изъ всей этой страны, тогда какъ прежде составляли огромные лѣса; теперь ихъ привозятъ издалека. Давно мы имѣли сильное желаніе видѣть это зрѣлище, что и удалось намъ теперь. Мы спрашивали рабочихъ, почему камни въ этой мѣстности бѣлые, какъ снѣгъ; намъ отвѣчали, что это происходитъ отъ сильнаго огня и дыма при обжиганіи руды, какъ мы описали.

Говорятъ, что текущая здѣсь рѣка, которая приводитъ заводъ въ дѣйствіе, выходитъ изъ подошвы горы, въ которой находится рудникъ; поэтому въ ней не водятся ни рыбы, ни лягушки, ни какіе-либо черви и піявки, тогда какъ прежде она кишѣла ими. Когда стали копать гору и открыли рудникъ, вода была отравлена, и рыба и другія (живыя существа) исчезли, ибо въ мѣдной рудѣ есть сѣра, изъ коей, какъ говорятъ, состоитъ все основаніе этой горы. Въ одинъ годъ возгорѣлся огонь у подошвы горы, переходя съ мѣста на мѣсто,—какъ мы сказали, руду подвергаютъ дѣйствію огня въ мѣсторожденіи ея— огонь продолжалъ горѣть десять лѣтъ и никто не былъ въ состояніи потушить его. Удивительно, что при всемъ этомъ климатъ здѣсь пріятный и благорастворенный.

Возвращаемся. Нашъ владыка патріархъ совершилъ для рабочихъ водосвятіе надъ отверстіемъ шахтъ, и окропилъ все мѣсто, а также

[1] Кастамуни—городъ въ Малой Азіи.

прочелъ надъ заводскими горнами молитву благословенія печей. Рабочіе и мастера всѣ сербы.

Намъ разсказывали они, что по ту сторону Дуная, насупротивъ нихъ, есть большой городъ, который въ древности назывался Клавдіополисъ, т. е. городъ царя Клавдія, а теперь называется Кладова; турки же, овладѣвъ имъ, назвали его Фатхи Исламъ (завоеваніе Ислама).

Городъ Бѣлградъ отстоитъ отъ этого рудника на пять дней пути. Бѣлградъ—слово русское, именно: *Бѣлогородъ*, т. е. бѣлый городъ.

Городъ Буда отстоитъ на восемь дней пути или болѣе. Его жители—мадьяры, т. е. венгры. Они были прежде подвластны кесарю, т. е. царю алемановъ, онъ же государь нѣмцевъ; столица его—городъ по имени *Бечъ* (Вѣна), въ разстояніи пяти дней пути отъ Буды. Говорятъ, что Дунай береть начало въ его странѣ и течетъ по ней на разстояніи мѣсячнаго пути, а у Бѣлграда сливается съ другой, подобной ему, большой рѣкой, по имени Сава. Отъ впаденія въ него множества большихъ рѣкъ онъ сильно увеличивается. Затѣмъ изъ владѣній нѣмцевъ течетъ до Чернаго моря также на протяженіи мѣсячнаго пути. По берегу рѣки Дуная, составляющаго границу турецкую, расположены пять пашалыковъ: наибольшій изъ пашей—беглербегъ Буды, ибо онъ равенъ по достоинству беглербегу Египта; второй—беглербегъ Босніи, пограничной съ владѣніями Венеціанскими, насупротивъ Задры (Зары); онъ правитъ санджакомъ Ипека, каѳедры архіепископа Сербскаго; третій—паша Бѣлграда; четвертый—паша Софіи, пятый—паша Силистрійскій.

Въ пятницу мы простились съ рудокопами и возвратились отъ рудника въ низменности Валахіи, покончивъ съ горами. Мы въѣхали въ округъ Виддина, а потомъ Крайовы, гдѣ самостоятельно правитъ банъ пятью округами [1]. Мы слѣдовали берегомъ вышеупомянутой рѣки рудника около трехъ часовъ и прибыли въ селеніе одного изъ бояръ, гдѣ насъ приняли съ большимъ почетомъ. Тутъ мы пробыли до воскресенья, потому что насъ не пустили, пока мы не отслужили обѣдни и не совершили для нихъ водосвятія. Послѣ обѣда мы выѣхали и вечеромъ прибыли въ одно селеніе, гдѣ и ночевали.

---

[1] Банъ Крайовскій занималъ второе мѣсто послѣ господаря по достоинству и предсѣдательствовалъ въ его совѣтѣ.

Глава XI.

Валахія.—Монастыри Стрехайе, Гурамотро, Цицарень. Необыкновенное обиліе комаровъ. Страданія путешественниковъ.

Вставъ въ понедѣльникъ на зарѣ, въ праздникъ св. Иліи, когда исполнилось ровно пять лѣтъ съ отъѣзда нашего изъ Алеппо, мы проѣхали около трехъ часовъ и были встрѣчены настоятелемъ достославнаго монастыря, называемаго Стрехайе, въ честь св. Троицы [1]. Мы вошли въ него. Это великолѣпный монастырь, расположенный на низменности и принадлежащій къ числу сооруженій приснопамятнаго Матвѣя воеводы. Онъ похожъ на огромную крѣпость: имѣетъ обширную стѣну со множествомъ бойницъ. Въ немъ есть прекрасный источникъ текучей воды, надъ коимъ возведена большая, прочная башня. Надъ воротами монастыря колокольня, удивительная по своей высотѣ и красотѣ. Монастырскія ворота желѣзныя. Кельи превосходны; кухня и конюшни—всѣ съ каменными сводами. Говорятъ, что Матвѣй воевода прежде всего началъ строить церковь подлѣ селенія, примыкающаго къ монастырю; потомъ, такъ какъ мѣсто понравилось ему, онъ приступилъ къ постройкѣ *куртэ*, т. е. дворца, для себя. Когда онъ былъ оконченъ, сказали ему: «слѣдовало бы тебѣ обратить его въ монастырь».—«Такъ и будетъ», отвѣчалъ онъ и докончилъ стройку. По этой причинѣ строеніе монастырское чрезвычайно красиво, прочно и неприступно. По срединѣ его—*пивница*, т. е. подвалы для храненія соленій и вина; надъ ними великолѣпныя помѣщенія и огромный залъ съ навѣсами кругомъ, служащій теперь трапезной. Всѣ эти постройки выбѣлены известью снаружи и снутри. Въ восточной части монастыря пѣть келлій: она представляетъ лишь крѣпкую стѣну, надъ коей есть высокое, чудесное помѣщеніе съ гостинной, откуда открывается видъ на окрестности; здѣсь же столовая, сидя въ которой, чувствуешь себя свободнымъ отъ всѣхъ сердечныхъ заботъ. Кругомъ раскинуты сады и течетъ ручей, берущій начало изъ источника и впадающій въ близлежащее озеро. Церковь очень изящна, превосходно украшена и вся росписана внутри и снаружи. Словомъ, это монастырь великолѣпный, знаменитый въ странѣ своею красотою и неприступностью, и поистинѣ мы не видывали подобнаго ему. Площадка его двора радуетъ душу.

---

[1] Монастырь Стрехайе (рум. Strehaĭe), въ округѣ Мехединць на р. Мотрѣ, построенъ въ 1646-мъ году господаремъ Матвѣемъ Басарабомъ, что̀ видно изъ надписи надъ входомъ въ церковь. Колокольня, о которой говоритъ Павелъ,—башня отъ древней крѣпости. Теперь упразднена.

Мы отслужили въ немъ обѣдню и послѣ трапезы простились съ монахами. Проѣхавъ разстояніе въ 3—4 часа, мы прибыли въ древній монастырь св. Параскевы, называемый *Гурамотро* [1], т. е. [устье] рѣки, ибо рѣка рудника, называемая Мотро, протекаетъ близъ монастыря и снабжаетъ его водой. Говорятъ, что онъ древнѣе монастыря Тисманскаго, потому что св. Никодимъ сначала, когда прибылъ сюда, здѣсь велъ отшельническую жизнь и построилъ церковь; и лишь много времени спустя пошелъ и выстроилъ монастырь Тисманскій. Такъ какъ церковь была стара, мала и невзрачна, то одинъ изъ государственныхъ сановниковъ этой страны, сломавъ ее, (онъ былъ ворникомъ, т. е. великимъ судьей, и имя его Преда; онъ родственникъ Матвѣя воеводы; по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ, владѣетъ многими помѣстьями, монастырями, церквами и деревнями, и въ томъ числѣ монастыремъ, о которомъ будетъ сказано подробно вслѣдъ за симъ), выстроилъ ее вновь, и она вышла чудесной, сердцеуслаждающей. Церковь имѣетъ три купола и вся крыта свинцомъ, котораго, какъ говорятъ, пошло около 16.000 окъ. Но мѣстоположеніе этого монастыря весьма непривлекательное, по изобилію мошекъ и комаровъ.

Совершивъ водосвятіе и поминовеніе по строителямъ монастыря, мы выѣхали послѣ полудня, ѣхали около часа по направленію къ югу и прибыли въ монастырь св. Михаила, извѣстный подъ именемъ монастыря *Цинцарень* [2], т. е. монастырь «царя комаровъ»,—и это справедливо. Онъ приписанъ къ св. Воскресенію въ Іерусалимѣ, и потому игуменъ въ немъ грекъ и монахи изъ учениковъ Іерусалимскаго патріарха [3]. Монастырь находится на берегу рѣки Шиль у подошвы горы, и вслѣдствіе обилія растительности, зелени и лѣсовъ, вокругъ него и въ немъ, онъ кишитъ мошками и комарами въ такой степени, что объ этомъ толкуютъ по всей странѣ. Мы провели въ немъ двѣ ночи. Въ первую ночь мы не вкусили сна; во вторую—мы поднялись и ночевали на вершинѣ горы близъ монастыря, гдѣ посаженъ новый виноградникъ и гдѣ есть высокая сторожка. Ни днемъ, ни ночью мы не находили спасенія отъ комаровъ и переносили отъ нихъ неописуе-

[1] Монастырь Гура-Мотро (рум. Gura-Motrului), въ томъ же округѣ при впаденіи р. Мотра въ р. Жіу (или Шиль), основанъ Матвѣемъ Басарабомъ и возобновленъ великимъ ворникомъ Предой въ 1653-мъ году. Теперь упраздненъ.

[2] Монастырь Цинцарень (рум. Tintareni) въ томъ же округѣ на р. Мотрѣ-Нижнемъ (Motrului-de Giosu). Получилъ названіе отъ слова tintarŭ, комаръ. Теперь упраздненъ.

[3] На Востокѣ монахи и ставленики, обыкновенно, именуются учениками того лица или духовнаго начальника, которымъ они пострижены или посвящены.

мыя мученія,—Богъ да спасетъ посѣщающихъ этотъ монастырь!—несмотря на то, что разводили огонь кругомъ себя коровьимъ пометомъ и дымъ: все это не приносило намъ никакой пользы,—напротивъ, комары вели съ нами жестокую войну. Богъ свидѣтель, что по этой причинѣ мы лѣтомъ, во время жаровъ въ этой странѣ, спали, по большей части, всю ночь въ сапогахъ, надѣвали на руки кожаныя перчатки и закрывали лицо, и всетаки не могли избавиться отъ комаровъ.

Возвращаемся. Церковь въ монастырѣ деревянная. Мы совершили въ ней водосвятіе и поминовеніе по строителямъ и затѣмъ простились съ монахами.

Глава XII.

Валахія.—Посѣщеніе патріархомъ одного вельможи. Похороны. Поминальный обѣдъ. Описаніе свадьбы.

Мы ѣхали около $1\frac{1}{2}$ часа въ западномъ направленіи и прибыли въ селеніе, принадлежащее одному изъ государственныхъ сановниковъ, по имени Бояна. Въ немъ есть дворецъ, ему принадлежащій, большое зданіе, поражающее удивленіемъ. Этотъ вельможа, прослышавъ о нашемъ владыкѣ патріархѣ,—а въ то время случилась у него свадьба сына его сына—обрадованный этимъ, послалъ пригласить нашего учителя. Пріѣхавъ къ нему, мы застали ихъ всѣхъ въ хлопотахъ по случаю приготовленій къ свадьбѣ. Посмотри же, что совершилъ Творецъ! Случилось, что старшій братъ жениха внезапно скончался, и ихъ радость обратилась въ неописуемую печаль и горе, а свадьба въ похороны. Въ этой странѣ есть обычай, что младшаго сына или дочь не обручаютъ и не вѣнчаютъ прежде старшаго. Но прибытіе къ нимъ нашего владыки патріарха значительно успокоило и утѣшило ихъ, ибо онъ поучалъ ихъ и уговаривалъ и послѣ долгихъ рѣчей убѣдилъ довершить свадьбу. Они послушались его безпрекословно. Мужчины и женщины уже снарядились ѣхать за невѣстой, чтобы привезти ее издалека, но при постигшемъ ихъ горѣ отмѣнили поѣздку. Однако, когда владыка склонилъ ихъ докончить начатое дѣло, они отправились въ экипажахъ за невѣстой, по своему обычаю, съ яствами: женихъ, его родственники, много вельможъ и женщинъ. Въ то же время приступили къ погребенію покойника, при чемъ нашъ владыка съ большимъ трудомъ уговорилъ ихъ обрядить и похоронить его на другой день передъ закатомъ солнца, чего имъ не хотѣлось. На слѣдующій день, который былъ воскресенье, совершили поминовеніе и устроили боль-

шую трапезу; а именно, закололи четырехъ быковъ и пятьдесятъ барановъ и наготовили безсчетное число хлѣбовъ. Отъ средины дома за площадку двора разостлали, вмѣсто скатертей куски полотна, подобные кускамъ небѣленой бумажной ткани; на нихъ разложили рядами большіе хлѣбы, а на каждый хлѣбъ положили по куску мяса. Мы пошли посмотрѣть и опредѣлили число людей, которые усѣлись рядами другъ подлѣ друга, болѣе чѣмъ въ 1500 человѣкъ, ибо во всей этой странѣ есть обычай, что жители близлежащихъ селеній, прослышавъ о свадьбѣ или похоронахъ, приходятъ обѣдать. Надъ каждой группой стоялъ человѣкъ съ палкой для надзора, пока они ѣли и насыщались Каждому изъ нихъ поднесли по три чарки вина и дали по три *бани* [1] и они сидѣли, пока не кончили ѣсть, а потомъ взяли, что осталось передъ ними, въ свои платки и съ молитвой за усопшаго ушли. Передъ началомъ этой трапезы, нашъ учитель помолился надъ ней и благословилъ ее, прочтя «Помилуй насъ Боже», и окадилъ, поминая имя усопшаго. Когда мы сѣли за столъ, намъ подали множество блюдъ; мы встали, и намъ владыка вторично прочелъ застольную молитву, по обычаю. Не только богатые творятъ подобную милостыню, но и бѣдные, если у нихъ умретъ кто-нибудь, несутъ за нимъ до могилы кушанья и хлѣбъ и послѣ погребенія раздаютъ присутствующимъ, дабы они помолились за усопшаго. Какой это прекрасный обычай!

Возвращаемся. Вотъ описаніе свадебъ въ этой странѣ, хотя мы уже раньше разсказывали объ этомъ. Рабы и крестьяне, посланные съ телѣгами, привезли съ горъ множество сосновыхъ вѣтвей. Заостривъ ихъ снизу, воткнули ихъ на стѣнахъ кругомъ, передъ дверьми и на улицахъ съ обѣихъ сторонъ, а также отъ церкви до дома. Это служитъ у нихъ знакомъ свадьбы. Мы спросили, какая тому причина, и намъ сказали, что какъ листья этого дерева никогда не опадаютъ и всегда оно зелено и несетъ плоды, такъ же да пошлетъ Богъ жениху и невѣстѣ.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ понедѣльникъ явились гонцы съ извѣстіемъ о приближеніи жениха, раньше котораго пріѣхали всадники обрадовать родителей вѣстью о его прибытіи; имъ роздали платки. Показался женихъ со свитой, предшествуемый всадниками: онъ ѣхалъ верхомъ на конѣ, котораго подарилъ ему, по ихъ обычаю, тесть, съ сѣдломъ и украшеніемъ къ нему и на холку; на головѣ у него былъ султанъ изъ бѣлыхъ перьевъ, какъ это обычно для всадниковъ. Невѣста ѣхала въ каретѣ, за которой слѣдовали кареты съ женами вель-

[1] Мелкая монета.

можъ этой страны. Съ невѣстой прибылъ брать ея. За нею ѣхали двѣ телѣги, наполненныя вещами и приданымъ, потому что невѣста приноситъ приданое жениху, а отъ ей ничего не даетъ. Отецъ записываетъ за ней приданое: деревни съ крестьянами, рабовъ, виноградники и пр., смотря по своему состоянію. Если у нея будутъ дѣти, то все это имущество переходитъ къ ея мужу; если же она умретъ бездѣтной, то приданое возвращается цѣликомъ къ ея отцу.

Когда женихъ въѣхалъ во дворъ дома, его, а равно и невѣсту, которая была съ нимъ, встрѣтили отецъ и мать, поднесли имъ обоимъ большіе серебряные кубки съ виномъ и пошли въ церковь, а мы предшествовали имъ. Подъ ноги жениху и невѣстѣ постлали, по ихъ обычаю, коверъ; подлѣ жениха сталъ дружка, а подлѣ невѣсты подруга. Лицо ея было прикрыто розовой шелковой тканью. Я, смиренный, облачился, надѣлъ на учителя епитрахиль и омофоръ поверхъ мантіи и окадилъ кругомъ аналоя, который былъ поставленъ передъ хоросомъ и на которомъ лежали крестъ и Евангеліе. Во время обхожденія кругомъ аналоя, жениха и невѣсту осыпали десертомъ: орѣхами, изюмомъ, жаренымъ горопикомъ и пр., а также монетами *бани*, которыя, по обычаю, подхватывали присутствующіе. По окончаніи службы, новобрачные помолились предъ Евангеліемъ, приложились къ нему и къ рукѣ нашего учителя и вышли. Не было (сегодня) радостныхъ криковъ, (какъ) не было степапій и вчера—исполать имъ за ихъ обычаи въ печаляхъ и радостяхъ! Вечеромъ мы были приглашены къ столу, который былъ очень роскошенъ и состоялъ болѣе чѣмъ изъ 500—600 блюдъ; при этомъ всякое вновь подаваемое кушанье ставили на прежнее.

Женихъ, обыкновенно, не снимаетъ колпака съ головы; какъ мы видали въ Тырговиштѣ, господарь, бывая посаженымъ отцомъ у дѣтей вельможъ, стоитъ въ церкви и предъ архіереемъ съ открытою головой, а женихъ въ колпакѣ.

Женихъ въ этотъ вечеръ, обыкновенно, прислуживаетъ гостямъ, подаетъ кушанья и напитки; то же дѣлаетъ невѣста относительно женщинъ. Послѣ стола принесли, по ихъ обычаю, поднось съ платками, шитыми золотомъ, при чемъ писецъ, пришедшій раньше, записалъ имена сидѣвшихъ за столомъ до послѣдняго. Къ каждому платку былъ прикрѣпленъ клочокъ бумаги, на которомъ писецъ написалъ имя лица, коему предназначался платокъ, смотря по его важности, дабы платки не смѣшались. Теперь роздали ихъ всѣмъ присутствовавшимъ, имена которыхъ писецъ заносилъ въ книгу. Затѣмъ стали подносить большое блюдо, и первымъ положилъ на него нашъ владыка патріархъ, изъ уваженія къ нимъ, нѣсколько піастровъ, а послѣ него клали другіе

гости. Кто имѣлъ съ собою деньги, тотъ бросалъ на блюдо́ піастры или динары, смотря по своему состоянію, а нѣкоторые говорили писцу: «пиши за мной такую-то лошадь или быка, либо нѣсколько овецъ или свиней, раба или нѣсколько рабовъ-*цыганъ* и пр.» Когда кончился списокъ, блюдо было уже наполнено деньгами. Точно также подносятъ его и женщинамъ. Потомъ дѣдъ жениха подарилъ ему серебряную саблю въ ножнахъ изъ парчи и атласа, а отецъ соболью шубу. Всѣ собранныя деньги сложили вмѣстѣ въ платокъ и запечатали. Когда невѣста, въ сопровожденіи женщинъ, подошла къ нашему владыкѣ патріарху и поклонилась ему, а онъ ее благословилъ, ей отдали платокъ съ деньгами и всѣ ключи отъ сундуковъ ея мужа, отъ комнатъ и *бинимса* (пивницъ), т. е. погребовъ, гдѣ хранятся припасы, соленья, и напитки,—всѣ ключи висѣли на серебряной цѣпочкѣ—ибо въ этой странѣ жена—хранительница имущества своего мужа и ключи постоянно висятъ у нея на поясѣ. Она всегда сидитъ во главѣ стола, а мужъ ниже ея справа, какъ мы это видали много разъ.

Было выпито множество круговыхъ чашъ: сначала во славу Божію, потомъ за господаря, далѣе за нашего владыку патріарха, за бана, т. е. правителя этой области, о которомъ мы выше упоминали, за отца невѣсты, за дѣда жениха и за отца его, за него самого и его мать и за гостей. Такъ продолжали пить за полночь. Мы встали и пошли въ свои палатки, ибо для насъ они устроили на лугу, между церковью и домомъ, большой шатеръ и палатки. Насъ приводили въ удивленіе пріятность ихъ обращенія и степенность ихъ. На зарѣ всѣ гости разъѣхались по домамъ и никого изъ нихъ не осталось.

Въ ночь на 27 іюля и въ слѣдующую была сильная буря съ громомъ и молніей, такъ что весь міръ поколебался, и мы говорили: «наступаетъ свѣтопреставленіе!»

Насъ едва отпустили только въ среду и провожали далеко, выражая намъ свою благодарность и послѣ обѣда одаривъ насъ всѣхъ.

Глава XIII.

Валахія.—Крайова. Монастырь Буковецъ. Селеніе Бранковани. Великій ворникъ Преда. Его богатство. Характеристика его. Гостепріимство и здравицы.

Мы ѣхали около двухъ часовъ и прибыли въ селеніе, по имени *Филишанъ*, гдѣ и ночевали подъ заговѣнье поста Владычицы, а поутру, послѣ завтрака, насъ проводили. Часа черезъ два мы прибыли въ другое селеніе, принадлежащее одному боярину и тутъ ночевали.

Въ пятницу поутру, сдѣлавъ двухчасовой переѣздъ, мы прибыли въ городъ, называемый Крайова [1]; это вторая столица владѣній валашскихъ. Прежде, при Матвѣѣ воеводѣ и предшествовавшихъ ему воеводахъ, въ немъ былъ правитель, называемый баномъ, второй господарь, который творилъ судъ, наказывалъ кнутомъ и смертью и вершилъ дѣла, не испрашивая разрѣшенія у господаря, что продолжалось до настоящаго времени, когда Константинъ воевода уничтожилъ эти порядки и этотъ санъ, дабы не возникало отъ того неурядицъ. Насъ встрѣтилъ за городомъ упомянутый банъ, который остается таковымъ лишь по имени, со знатью и народомъ. Насъ ввели въ великолѣпную каменную церковь, которую воздвигъ покойный Матвѣй воевода, во имя св. Димитрія. Она точь-въ-точь походитъ на дворцовую церковь, утверждена на четырехъ столбахъ, высока и весьма просторна.

Въ субботу 1-го августа, рано утромъ, мы совершили для жителей водосвятіе въ этой церкви, простились съ ними и къ вечеру пріѣхали въ монастырь, лежащій на западъ отъ города, въ тѣснинѣ среди лѣса, во имя св. Николая, именуемый на ихъ языкѣ монастыремъ Буковецъ [2]. Онъ управляется греческими монахами, потому что составляетъ метохъ знаменитаго монастыря св. Варлаама въ Румеліи, о которомъ намъ сообщили теперь, что онъ построенъ на вершинѣ горы и что къ нему нѣтъ никакой дороги, ибо гора возносится въ пространство, какъ отдѣльная твердыня, имѣя четырехъугольную форму. Когда кто приходитъ къ подножію (горы), то берется за спущенную веревку, къ которой вверху привязанъ колокольчикъ и дергаетъ ее; монахи, услыхавъ звонокъ, если пожелаютъ поднять этого человѣка къ себѣ, спускаютъ къ нему ящикъ на веревкахъ при помощи ворота: онъ садится въ ящикъ и они втаскиваютъ его къ себѣ. Это огромный и величественный монастырь. Вода у нихъ дождевая; наверху они имѣютъ посѣвы и виноградники, но этого имъ не хватаетъ, и потому у нихъ есть еще посѣвы внизу на равнинѣ, вслѣдствіе чего нужда заставляетъ ихъ подчиняться правителямъ. А кого они не пожелаютъ принять, на того не обращаютъ вниманія и не поднимаютъ, будь онъ самый важный сановникъ, и онъ ничего не можетъ съ ними подѣлать.

---

[1] Городокъ Крайова (рум. Craiova) въ округѣ Должъ (Doljŭ) на р. Околѣ, прежняя столица бановъ Олтеніи или Малой Валахіи. Въ немъ есть нѣсколько древнихъ монастырей и церквей.

[2] Монастырь Буковецъ (рум. Bucovățŭ) въ томъ же округѣ на р. Думбравѣ. Основанъ въ 1425-мъ году сербскими монахами съ Аѳона. Нынѣ упраздненъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Монахи, живущіе въ упомянутомъ метохѣ, мѣняются чрезъ каждые три года и изъ монастыря присылается другой игуменъ съ монахами—таковъ ихъ обычай. Церковь, маленькая, каменная, очень красива и вся росписана. Передъ дверьми ея—источникъ воды, на подобіе проточнаго колодца; надъ нимъ навѣсъ съ высокимъ куполомъ. Мы совершили въ немъ водосвятіе для монаховъ въ воскресенье поутру, 2-го августа.

Отъ этого монастыря до города *Будума* (Бодуна) второго [1] одинъ день пути; по-гречески онъ называется Виддинъ. Въ немъ живетъ митрополитъ, подъ властью котораго находится 500 селеній—всѣ болгарскія. Къ вечеру мы простились съ монахами, ѣхали два часа лѣсомъ и прибыли въ монастырь во имя св. Димитрія, называемый *Житьянь*, потому что близъ него протекаетъ рѣка Шиль. Онъ окруженъ большимъ озеромъ-болотомъ, которое непроходимо: его можно только объѣхать кругомъ въ два часа. Монастырь стоитъ среди лѣса. Покойная супруга воеводы [2] завѣщала нѣкоторую сумму на построеніе новой церкви, и теперь ее строятъ о пяти куполахъ. [Нашъ владыка патріархъ освятилъ ее, прочтя надъ нею положенную молитву.]

Замѣтка. Мы нашли въ этомъ монастырѣ одного виноторговца, родомъ изъ *Сатралатиса* въ Сиріи; имя его теперь Димитрій; по его словамъ, онъ изъ квартала султана Селима.

Мы выѣхали изъ монастыря послѣ полудня и вечеромъ прибыли въ одну деревню, гдѣ и ночевали. Вставъ рано поутру, ѣхали около четырехъ часовъ, при чемъ переправились чрезъ рѣку Ольтъ, и прибыли въ селеніе, по имени *Братошани*, принадлежащее великому ворнику Преда, родственнику покойнаго Матвѣя воеводы; о немъ мы упоминали раньше. Онъ весьма важный вельможа этой страны отъ отцовъ и дѣдовъ; его владѣнія обширны—объ этомъ скажемъ сейчасъ подробно. Около вечерень мы прибыли въ селеніе, по имени Бранкованъ, гдѣ находится дворецъ названнаго вельможи и дома, принадлежавшіе покойному Матвѣю воеводѣ, ибо онъ родомъ отсюда. Мы съѣздили также въ монастырь близъ этого селенія, среди лѣса, въ честь Успенія Владычицы; онъ называется, по имени селенія, монастырь Бранкованъ и принадлежитъ къ числу сооруженій покойнаго Матвѣя воеводы. Здѣсь мы отпраздновали праздникъ Преображенія и окрестили, съ великою радостью, мальчика-еврея.

---

[1] Бодунъ есть венгерское названіе Виддина. Павелъ называетъ его „Бодунъ второй“ потому, что этимъ же именемъ обозначаетъ городъ Буду.

[2] т. е. господаря Константина.

Этотъ вельможа чрезвычайно богатъ: нѣтъ ему равнаго ни въ этой странѣ, ни въ иныхъ. Говорятъ, что у него 12.000 кобылицъ-жеребятъ; онъ имѣетъ 200 деревень и въ каждой деревнѣ по табуну лошадей, у него 30.000 овецъ, изъ коихъ, какъ говорятъ, въ этомъ году пало 5000, да разбойники украли 11.000, вмѣстѣ съ семьюдесятью *эрдебами* [1] пшеницы, во время возмущенія, происшедшаго среди войска при воцареніи Константина воеводы. У него 4000 головъ рогатаго скота, 1000 буйволовъ, 4000 свиней и 300 пасѣкъ, изъ коихъ каждая заключаетъ нѣсколько ульевъ, дающихъ болѣе бочки воску и около ста ведеръ меда; а каждое ведро стоитъ піастръ. Купцы пріѣзжаютъ и скупаютъ для вывоза въ Турцію. Ежегодно этотъ вельможа посылаетъ со своими слугами 1000 головъ рогатаго скота въ Константинополь, гдѣ продаетъ его за 10.000 піастровъ. Онъ имѣетъ 1500 семей рабовъ-*цыганъ*. Говорятъ, ни у кого нѣтъ такихъ, какъ у него, владѣній, кромѣ монастыря Козія, который имѣетъ 1000 *цыганъ*. Съ каждаго дома онъ беретъ, въ видѣ подати, шесть динаровъ въ праздникъ св. Георгія и столько же въ праздникъ св. Димитрія. Упомянутые *цыгане* большею частью ремесленники: золотопромышленники и желѣзники. Говорятъ, что ежегодный доходъ, поступающій въ его казну, за вычетомъ расходовъ, составляетъ 20.000 динаровъ.

При всемъ томъ, душа у него простая, что̀ обнаруживается въ особенности за столомъ, за которымъ онъ не пилъ раньше монаховъ. Онъ любитъ строить церкви и монастыри, любитъ священниковъ, монаховъ и убогихъ, будучи необычайно милосердъ. Ему принадлежитъ нѣсколько монастырей, изъ коихъ одни построены имъ самимъ, при чемъ онъ сдѣлалъ имъ безчисленныя пожертвованія рогатымъ скотомъ овцами, лошадьми, пчелами, помѣстьями, мельницами, рабами; другіе же монастыри основаны его отцами и дѣдами. Изъ нихъ первый— Быстрица, основанный его предками, далѣе: женскій монастырь Моноксило (изъ одного дерева), монастырь Арнота, Стрехайе, Садовскій, Гурамотро, имъ построенный, и этотъ монастырь Бранкованъ. Теперь онъ строитъ монастырь въ странѣ венгровъ, потому что краль очень его любитъ и называетъ своимъ отцомъ; какъ говорятъ, у него тамъ много имѣній. Всѣ монастыри, построенные покойнымъ Матвѣемъ воеводой, онъ взялъ въ свое владѣніе, потому онъ ему родственникъ и его національности. Теперь онъ завѣдуетъ ими, никому непозволяя тревожить тамошнихъ монаховъ и посягать на ихъ владѣнія; смѣщаетъ настоятелей, если они неправо поступаютъ, и ставитъ на ихъ

[1] Эрдебъ равенъ $8^1/_2$ пудамъ.

мѣсто другихъ, а господарь ни въ чемъ ему не прекословитъ. Словомъ, у него много добра и много сооруженій; онъ христіанинъ въ полномъ смыслѣ слова, набожный и боящійся Всевышняго Бога. Мы видали, что онъ вставалъ къ службамъ въ полночь, съ начала службы до конца постоянно занимался чтеніемъ псалтиря прор. Давида и прочихъ положенныхъ молитвъ, стоя въ углу церкви, не оборачиваясь ни направо, ни налѣво, зажигалъ и оправлялъ свѣчи и исполнялъ прочія обязанности по церкви, какъ кандиловозжигатель (пономарь), отъ всего сердца и даже съ бо́льшимъ усердіемъ (чѣмъ дѣлалъ бы тотъ). Мы дивились на него. Безъ сомнѣнія, Творецъ—да будетъ прославлено имя Его!—потому и надѣлилъ его всѣмъ этимъ богатствомъ, что онъ того достоинъ.

Когда мы, утромъ и вечеромъ, садились за его столъ, онъ постоянно оставался на ногахъ, прислуживалъ, наливалъ и подавалъ намъ чарки. Послѣ того какъ выпьютъ чаши во славу Божію, во славу Господа нашего Христа, св. Троицы, св. Дѣвы, празднуемаго (въ тотъ день) святого, за церковь, за здоровье султана, господаря, нашего владыки и всѣхъ гостей, мы успокоивались, говоря про себя: «слава Богу! избавились». Но этотъ вельможа, сверхъ обычныхъ здравицъ, придумывалъ для насъ новыя, никому неизвѣстныя, именно: онъ пилъ за здоровье каждаго изъ насъ отдѣльно и за смиреннаго, пишущаго эти строки; потомъ, спросивъ объ именахъ моихъ дѣтей, Апаніи и Константина, пилъ и другихъ заставлялъ пить за здоровье каждаго изъ нихъ, а равно и за здоровье нашихъ семейныхъ. Тогда мы говорили: «слава Богу! кончилъ, избавились». Но онъ вставалъ, бралъ чашу и спрашивалъ: «знаете, за кого эта здравица?»—Нѣтъ, отвѣчали мы. «Это здравица за уполномоченныхъ владыки патріарха при его престолѣ», и пилъ и другихъ заставлялъ пить. «Избавились», говорили мы, но не успѣвали мигнуть глазомъ, какъ онъ опять поднималъ чашу и говорилъ: «за здоровье архіереевъ Антіохійскаго престола, за здоровье его священниковъ, за здоровье его дьякоповъ, за здоровье его старѣйшинъ, за здоровье всей его паствы». И никто не осмѣливался не пить, а намъ было бы совѣстно передъ нимъ отказываться, потому что онъ наливалъ собственноручно. Мы были готовы лопнуть отъ чрезмѣрнаго питья. Таковъ у нихъ обычай при угощеніи и таково ихъ необычайное гостепріимство. Мы сочли, что за его столомъ выпивали по 70—80 чарокъ вина.

Глава XIV.

Валахія.—Монастырь Хотерень. Замѣтка о монастыряхъ Св. Горы. Проводникъ изъ евреевъ. Его разсказы.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ пятницу онъ проводилъ насъ на далекое разстояніе. Мы поѣхали назадъ и прибыли въ монастырь, называемый *Хотерень* [1], въ честь Собора ангеловъ. Монахи въ немъ греки и приписанъ онъ къ монастырю Діонисія на Св. Горѣ. Бо́льшая часть дороги, по которой мы ѣхали, вымощена камнемъ: говорятъ, что она существуетъ съ языческихъ временъ. Монастырь невзраченъ

Замѣтка автора о числѣ монастырей Св. Горы и о нихъ самихъ.

Число ихъ—24 значительныхъ монастыря; изъ нихъ четыре разрушены, и остается двадцать, какъ сообщили намъ люди, достойные вѣры, изъ числа монаховъ и настоятелей Св. Горы. Первый—Лавра, т. е. Киновія....—она во имя Аѳанасія Аѳонскаго. Второй—Ватопедскій, т. е. терновый кустъ (отрока), въ честь Благовѣщенія. Третій—Хиліандарій, т. е. значитъ, что на его мѣстѣ было сто ульевъ пчелъ; онъ въ честь Вожественнаго Вознесенія и находится въ рукахъ болгарскихъ монаховъ. Четвертый монастырь—Иверскій, т. е. монастырь грузинъ, ибо они построили его во времена греческихъ царей; онъ въ честь Успенія Владычицы; въ немъ икона Ея, извѣстная подъ именемъ Вратарницы. Пятый—монастырь Діонисія, въ честь Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя; въ немъ частица ея. Шестой—мон. Симонетра, (названный такъ) потому, что онъ построенъ на вершинѣ острой скалы: говорятъ, что вѣтеръ сильно колеблетъ келліи; онъ въ честь Божественнаго Вознесенія. Седьмой—Дохіарій, (названный такъ) по имени строителя его; онъ въ честь св. ангела Михаила, который совершилъ здѣсь великое чудо: одинъ изъ монастырскихъ отроковъ нашелъ кладъ и указалъ на него двумъ монахамъ; они же, привязавъ на шею отроку камни, лежавшіе у отверстія клада, утопили его, а кладъ взяли; когда отрокъ воззвалъ къ св. Михаилу, тотъ избавилъ его и привелъ въ церковь, при чемъ съ его платья стекала вода; этимъ онъ обличилъ тѣхъ двухъ монаховъ, которые, желая прежде

[1] Скитъ Хотерень (рум. Hotărăni) въ округѣ Романацъ (рум. Romanaţi) возлѣ села того же имени. Онъ во имя св. архангела Михаила. Время основанія неизвѣстно; первое по времени возобновленіе относится къ 1594-му году.

присвоить деньги себѣ, отдали ихъ теперь на монастырь. Восьмой монастырь—Курталмышъ; при сооруженіи его царемъ Никифоромъ, старшій мастеръ, турокъ, окончивъ постройку, сказалъ: «слава Богу! *курталмышъ*», т. е. окончено, и потому монастырь названъ этимъ именемъ; онъ въ честь Божественнаго Преображенія. Девятый—монастырь Сфигмену, т. е. узкое мѣсто, въ честь Божественнаго Вознесенія. Десятый—Кипропотаму, (названный такъ) потому, что находится вблизи высохшей рѣки; онъ во имя сорока мучениковъ. Одиннадцатый—Пантократоръ, т. е. Вседержитель. Двѣнадцатый—Ставроникита, т. е. значитъ, что онъ приписанъ къ Константинопольской патріархіи и есть ставропигій. Тринадцатый—мон. Филоѳея. Четырнадцатый—мон. Зографу, т. е. живописца; онъ во имя св. Георгія, потому что къ нимъ прибыла изъ Палестины икона св. Георгія, о чемъ существуетъ длинное повѣствованіе; онъ въ рукахъ болгарскихъ монаховъ. Пятнадцатый—монастырь мученика Пантелеимона. Шестнадцатый—Кастамонитъ. Семнадцатый—мон. Протато, т. е. значитъ, что онъ древній, (ибо существуетъ) со временъ царя Константина, какъ мон. Ватопедскій. Восемнадцатый—мон. Григорія. Девятнадцатый—св. Павла, въ рукахъ болгарскихъ монаховъ. Двадцатый—мон. Русскій, также въ рукахъ болгарскихъ монаховъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Портарій (придверникъ), котораго назначилъ господарь сопровождать насъ, былъ прежде хахамъ (раввинъ) еврей, а во дни покойнаго Матвѣя воеводы, крестившись, сдѣлался христіаниномъ. Онъ чрезвычайно набоженъ. Мы видѣли съ его стороны дѣянія и поступки, слышали отъ него исторіи, остроумные разсказы и анекдоты, не поддающіеся описанію. Къ числу ихъ принадлежитъ то, что онъ разсказалъ намъ о своемъ происхожденіи. Родина его отца—Ленно; онъ еврей изъ семейства Абудъ. Отецъ его переселился на жительство въ Константинополь, и онъ пріѣхалъ въ эту страну торговать, пока Богъ не наставилъ его на правый путь. Онъ говорилъ, что много состязался съ евреями и многихъ изъ нихъ обратилъ въ (христіанскую) вѣру, чему мы и сами были свидѣтелями. Однажды прибылъ въ Тырговишт еврей-купецъ. Увидѣвъ его, мы сказали въ шутку портарію: «можешь-ли ты его обратить?»—Да, отвѣчалъ онъ. И не успѣли мы опомниться, какъ на другой же день онъ является съ нимъ къ нашему владыкѣ патріарху. По его наставленію, тотъ поклонился владыкѣ и, исповѣдуя своими устами (вѣру) съ выраженіемъ раскаянія, сказалъ: «прошу твою святость окрестить меня; благодарю Бога, наставившаго меня на правый путь чрезъ этого христіанина», разумѣя Аѳанасія. Мы были очень удивлены; нашъ владыка

патріархъ послалъ его со мною къ господарю, и дѣло было кончено: мы окрестили его, при чемъ господарь оказалъ ему много милостей, зачислилъ въ войско съ содержаніемъ и женилъ его.

Портарій говорилъ евреямъ: когда еврей входитъ въ синагогу, одѣтый въ муталлій, то, обращаясь лицомъ къ востоку, кланяется и говоритъ изъ псалтиря прор. Давида такъ: «я вхожу въ Твой домъ», обращается къ западу и говоритъ: «и поклоняюсь во святомъ храмѣ Твоемъ», обращается къ югу и говоритъ: «страхомъ Твоимъ, Господи», и къ сѣверу и говоритъ: «руководи меня къ правдѣ Твоей», а это есть точь-въ-точь образъ креста.

Еврейскаго мальчика, котораго мы окрестили въ Крайовѣ, также обратилъ и наставлялъ онъ. Далѣе онъ разсказывалъ: «я спросилъ однажды нѣкоторыхъ евреевъ: вы говорите, что Христосъ придетъ изъ племени Давида; но ваши колѣна прекратились, скажите же, откуда онъ можетъ придти?» Онъ разсказывалъ также: «однажды евреи спросили меня относительно антидора: вы, христіане, говорите, что принимаемые каждымъ христіаниномъ Дары суть подлинно тѣло Христово; въ церквахъ тысячи народу и (стало быть) всѣ они вкушаютъ тѣло Христово въ отдѣльности? Я отвѣтилъ имъ: тѣло Христово уподобляется зеркалу; если оно цѣло, человѣкъ видитъ въ немъ свой образъ, и точно также, если оно будетъ разбито на тысячу кусковъ, онъ все-таки можетъ видѣть свое изображеніе въ каждомъ кускѣ. Этимъ они были пристыжены». Вотъ отвѣтъ, заграждающій уста и весьма остроумный.

Онъ также сообщилъ намъ, что у евреевъ написано: когда придетъ Христосъ, имъ будетъ дозволено ѣсть свинину, и что онъ постоянно поддразнивалъ ихъ, говоря имъ: «мы, христіане, ѣдимъ свинину, ибовѣруемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Мессія, пришедшій въ міръ, и что исполнились предсказанія пророковъ; вы же не увѣровали въ его пришествіе, а потому и мучайтесь по свининѣ».

Онъ говорилъ также: законъ *кашидьяри* и его послѣдователей по еврейски именуется *габель*, т. е. *лянъ*, суета. Буква *га*, какъ число означаетъ 5, буква *ба*—2, а *лямъ*—30. Первое есть пять положенныхъ молитвъ, второе—два годовые праздника, третье—мѣсяцъ поста. Все это *псевмата* (ложь) и *псевстисъ* (лжецъ).

Онъ разсказывалъ объ *Ефраисѣ*, которая у него находилась, что онъ взялъ ее насильно, и потому она дала ему отраву. Когда конецъ его былъ близокъ, она пошла и позвала *антробито*, говоря имъ: «идите, спѣшите застать его въ живыхъ, потому что онъ намѣренъ оставить вамъ въ наслѣдство законъ». Они поспѣшно пришли къ нему, и онъ

началъ дѣлать имъ знаки, извѣстные евреямъ, коихъ я не въ состояніи описать. Достаточно.

Онъ сказывалъ также, что числа въ еврейскомъ языкѣ такія же какъ въ арабскомъ, что, когда при встрѣчѣ съ другомъ привѣтствуютъ его словами: *ас-саляму алейкумъ*, то по-еврейски это будетъ: *алейхумъ салямъ*. И много подобнаго онъ разсказывалъ. Его бесѣда доставляла намъ большое развлеченіе, ибо мы находили немалое удовольствіе въ разговорахъ съ нимъ и въ его пріятномъ обществѣ.

[Во всѣхъ этихъ монастыряхъ и церквахъ сатана и его черти изображаются въ текущей огненной рѣкѣ, съ обозначеніемъ надъ ними ихъ именъ. Въ монастырѣ Житьянь мы видѣли сатану нарисованнымъ въ образѣ чернаго пляшущаго медвѣдя.]

Глава XV.

Валахія.—Форташъ. Каракаль. Монастырь Садова. Монастырь Калуйу. Описаніе его. Сокровища монастырскія. Монастырь Станещь. Усердіе жителей къ монастырямъ. Портреты строителей. Дальнѣйшій путь и прибытіе въ Букарештъ.

Возвращаемся къ разсказу о нашей поѣздкѣ. Выѣхавъ изъ монастыря *Хотерень*, мы ѣхали около часа и прибыли въ селеніе, принадлежащее великому стольнику, называемое Форташъ. Здѣсь у него великолѣпныя палаты. Въ субботу утромъ насъ пригласилъ отставной комисъ [1] въ новую деревянную церковь, имъ построенную, имени монастыря въ честь свв. Петра и Павла, находящагося по близости. Нашъ учитель окропилъ ее святой водой, и мы возвратились. Подъ вечеръ мы поднялись и прибыли въ большой базаръ, по имени Каракаль, съ большимъ дворцомъ, построеннымъ покойнымъ Матвѣемъ воеводой не задолго до смерти, съ деревянной стѣной кругомъ, обширнымъ виноградникомъ и каменной церковью при дворцѣ, къ которой отъ него есть проходъ. Мы отстояли въ ней вечерню и утреню, а обѣдню въ каменной же церкви, построенной великимъ стольникомъ. Послѣ полудня мы выѣхали и вечеромъ прибыли въ одно селеніе, гдѣ и почевали. Весь этотъ путь идетъ параллельно Дунаю, въ разстояніи отъ него на 3—4 часа; посему онъ пограничный и на немъ мало селеній. Бо́льшая часть жителей этой мѣстности—воины *варашъ*, т. е. всадники, носятъ красную одежду и охраняютъ границу.

Въ понедѣльникъ въ полдень мы пріѣхали въ большой, знаменитый монастырь въ лѣсу, похожій на монастырь Стрехайе и назы-

[1] Оберъ-шталмейстеръ.

ваемый Садова, во имя св. Николая [1]. Отстроилъ его заново, съ основанія, покойный Матвѣй воевода. Онъ окруженъ стѣной съ бойницами и укрѣпленіями. Церковь его величественна и похожа на церковь монастыря Буковецъ. Онъ потому (такъ укрѣпленъ), что близъ него, въ разстояніи 1½ часа, находится Дунай, какъ мы выше упомянули, а отъ базара Крайова онъ отстоитъ на одинъ день пути. Монастырь принадлежитъ ворнику Преда, о которомъ мы раньше говорили. [Мы отслужили здѣсь обѣдню 11 августа]

Въ среду, рано поутру, мы переѣхали на судахъ рѣку Шиль и вечеромъ прибыли въ селеніе, пожертвованное патріарху Александрійскому со временъ Радула воеводы, называемое *Шафаржа* (Жигарче?). Оно занимаетъ красивое мѣстоположеніе, заключаетъ много земель и угодій и даетъ ежегодно 500—600 піастровъ дохода. Въ немъ постоянно проживаетъ монахъ, уполномоченный отъ патріарха и смѣняемый чрезъ каждые три года, т. е. *аколумъ*. Рано поутру мы прибыли въ монастырь Житьянь, проѣхали чрезъ Крайову, слѣдовали по очень труднымъ извилистымъ дорогамъ, чрезъ горы, долины и лѣса, и съ большимъ трудомъ къ вечеру прибыли въ монастырь во имя св. Николая, называемый у нихъ Калуйу [2], обширный и крѣпкій. Зданія его построены нѣмецкими мастерами. Кельи идутъ кругомъ и имѣютъ галлереи. Церковь очень красива. Надъ воротами—колокольня, чудесное, изящное сооруженіе, франкской постройки: подобной ей по красотѣ архитектуры мы еще не видывали. Монастырь лежитъ въ долинѣ, окруженный горами, и потому незамѣтенъ, какъ и дорога къ нему; мы уже доѣхали до него, но увидали его лишь тогда, когда входили въ его ворота. Монастырь этотъ знаменитъ въ здѣшней странѣ.

Въ праздникъ Успенія Владычицы, рано поутру, мы совершили для монаховъ водосвятіе и приложились къ кисти правой руки св Николая; она подлинно благословляетъ своими перстами: одни персты вытянуты прямо, а другіе сложены,—о чудо!—какъ на рукѣ у живого архіерея. Эта драгоцѣнность обдѣлана въ золото. Приложились къ частицѣ главы Іоанна Крестителя, драгоцѣнному сокровищу, обдѣланному въ золото, въ формѣ солнца; приложились ко кресту, который весь осыпанъ драгоцѣнными каменьями, зелеными изумрудами, числомъ одиннадцать, изъ коихъ наименьшій стоитъ 150 динаровъ. Крестъ весь

---

[1] Мон. Садова въ округѣ Должъ основанъ господаремъ Матвѣемъ Басарабомъ въ 1633 г, въ память побѣды надъ турками. Теперь упраздненъ.

[2] Монастырь Калуйу (рум. Călui) въ округѣ Романацъ возлѣ села съ тѣмъ же названіемъ; нынѣ упраздненъ.

золотой, нѣмецкой работы, а съ обѣихъ сторонъ упомянутые драгоцѣнные камни; стоимость его 3000 динаровъ. Онъ достоинъ храниться въ царской сокровищницѣ: подобнаго ему доселѣ мы не видали. У нихъ есть вышитый епитрахиль, весь унизанный жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, стоющій болѣе 1000 динаровъ. Строители этого монастыря, сдѣлавшіе въ него эти вклады и щедрыя пожертвованія, были значительные вельможи, кои имѣли подъ своею властью половину страны валаховъ; они именно возвели на престолъ въ Бозѣ почившаго знаменитаго Михаила воеводу [1], а потомъ измѣнили ему и убили. Этотъ монастырь мы желали взять и приписать къ Антіохійской патріархіи, подобно тому какъ другіе патріархи имѣютъ монастыри и угодья, но не нашли никого, кого бы могли поставить игуменомъ надъ нимъ съ нѣсколькими монахами.

Въ воскресенье послѣ обѣдни мы простились съ монахами и подъ вечеръ, путешествуя опять по трудной дорогѣ и снова переѣхавъ рѣку Ольтъ, прибыли въ селеніе, принадлежащее строителямъ этого монастыря. Въ немъ каменная церковь во имя св. Прокопія. Въ ней на слѣдующій день мы отслужили обѣдню и затѣмъ отправились въ другой, также имъ принадлежащій, монастырь въ честь Успенія Владычицы, который они называютъ Станещь [2]. Онъ отстоитъ отъ того монастыря на два часа пути и расположенъ въ долинѣ среди густыхъ лѣсовъ. Своимъ строеніемъ походитъ на монастырь Калуйу, въ особенности колокольней, которая какъ будто та же самая, ибо этотъ монастырь строили тѣ же мастера, что и тотъ.

Въ этой сторонѣ ревность къ построенію монастырей весьма велика; на нихъ жертвуютъ значительныя угодья: села, помѣстья, виноградники, сады, мельницы, рабовъ-*цыганъ* и пр. Каждый монастырь служитъ мѣстомъ погребенія его строителей, коихъ изображенія пишутся надъ дверьми церкви снутри, именно: справа отъ входа изображены, одинъ за другимъ, самъ строитель, его сыновья, отецъ и братья, а слѣва—жена его съ дочерьми и жены прочихъ изображенныхъ съ ея мужемъ мужчинъ съ ихъ дочерьми. У головы написано имя каждаго. Въ этомъ между ними существуетъ чрезвычайное соревнованіе, ибо спустя много времени можетъ случиться, что дѣти дѣтей ихъ придутъ, будутъ смотрѣть на ихъ изображенія и скажутъ: «вотъ портретъ нашего отца, нашего дѣда, нашей матери и пр.» Надъ

---

[1] Михаилъ Храбрый, господарь Валахіи (1592—1601).

[2] Скитъ Станещь (Stănesci) въ округѣ Выльча возлѣ села съ такимъ же названіемъ.

дверьми изображенъ Христосъ Спаситель, а они всѣ съ обѣихъ сторонъ простираютъ къ нему свои руки съ открытыми дланями, говоря: «прими отъ насъ, Господи Христе, эту святую церковь, которую мы воздвигли въ прославленіе имени Твоего, и вознагради насъ за трудъ нашъ Твоимъ небеснымъ царствіемъ».

Возвращаемся (къ разсказу). Въ этомъ монастырѣ есть водопроводъ, но онъ разрушенъ, такъ какъ владѣтели этого монастыря, построивъ его, преклонили его [1] Никифору, патріарху Александрійскому; послѣ же его смерти никто въ немъ подолгу не живалъ. Мы совершили поминовеніе по строителямъ монастыря и возвратились въ селеніе.

Во вторникъ мы отправились въ путь, переѣхали рѣку Ольтъ на суднѣ и, выѣхавъ изъ епархіи епископа Рымникскаго, вступили въ епархію митрополита столицы. Мы ѣхали по дорогѣ, идущей чрезъ горы и долины, весьма затруднительной вслѣдствіе малопроходимости ея для экипажей, и въ полдень прибыли въ монастырь въ честь Троицы, называемый *Драгошинъ* (Дрегошаны?), по имени того, кто построилъ его въ недавнее время близъ рѣки Ольта. Онъ недалеко отъ монастыря Станещь, но такъ какъ къ нему нѣтъ колеснаго пути, то насъ везли весьма длиннымъ кружнымъ путемъ въ теченіе половины дня. Церковь красива; подлѣ нея жолобъ, проводящій воду, и большая колокольня.

Возвратившись отсюда, мы прибыли вечеромъ въ селеніе *Банокиржиш*, а рано утромъ проѣхали чрезъ базаръ Слатину, подлѣ котораго течетъ рѣка Ольтъ, переѣзжаемая на судахъ, и прибыли въ монастырь во имя св. Михаила, называемый *Клокочовъ* [2]. Онъ похожъ на монастырь, посѣщенный нами вчера; въ немъ также есть жолобъ, проводящій воду. Настоятель и монахи—греки изъ монастыря Курталмышъ на Св. Горѣ, къ коему онъ приписанъ строителемъ его.

Въ четвергъ поутру, выѣхавъ отсюда, мы направились въ Бухарештъ, къ которому приближались. Путь нашъ шелъ прямо на востокъ, но былъ затруднителенъ вслѣдствіе обилія лѣсовъ. Въ субботу мы прибыли въ монастырь въ честь Благовѣщенія, называемый *Главочокъ* Онъ принадлежитъ къ числу сооруженій одного изъ прежнихъ господарей, по имени Янко воевода, современника Петра воеводы. Построенъ онъ 117 лѣтъ тому назадъ. Церковь въ немъ огромная, красивой архитектуры, древняя, съ двумя куполами: одинъ надъ нарѳексомъ, другой надъ хоросомъ. Надъ четырьмя арками четыре столба

---

[1] О значеніи этого слова см. наше примѣчаніе въ I выпускѣ, стр. 96.

[2] Монастырь Клокочовъ (рум. Clocociovŭ) въ округѣ Ольта основанъ въ 1645 году. Нынѣ упраздненъ.

а на нихъ утвержденъ куполъ. Мы не видывали въ этой странѣ подобной ей церкви; она похожа на церковь Адэ въ Тріполійской области. Кельи всѣ каменныя. Съ южной стороны монастыря большое болотистое озеро. Монастырь лежитъ среди обширнаго лѣса, и путь къ нему незамѣтенъ. Мы отслужили въ немъ обѣдню въ воскресенье, при чемъ возложили на игумена палицу, а въ заключеніе рукоположили іерея и діакона. Послѣ трапезы мы простились съ монахами и прибыли въ домъ одного вельможи, а оттуда въ селеніе, принадлежащее нѣкоей госпожѣ и называемое *Петрашти*; изъ него въ монастырь, по имени *Камшура*, т. е. „убогій домъ“, въ честь Введенія Владычицы во храмъ. Онъ находится на берегу рѣки Арджишъ, которую мы переѣхали. Миновавъ другой монастырь, во имя св. Николая, подъ вечеръ прибыли въ славный городъ Букарештъ, столицу господарей издревле, и остановились въ монастырѣ св. Георгія, извѣстномъ подъ именемъ подворья Воскресенія [1]; въ немъ игуменъ и монахи отъ патріарха Іерусалимскаго.

Глава XVI.

Букарештъ.—Дворецъ. Посѣщеніе монастырей. Отъѣздъ. Описаніе мельницы. Монастырь Комана. Селеніе Койень и дворецъ великаго постельника.

Городъ Букарештъ весьма большой и, какъ говорятъ, за нѣсколько времени передъ симъ имѣлъ около 6.000 домовъ. Въ немъ сорокъ церквей и монастырей. Чрезъ него протекаетъ извѣстная рѣка Дымбовица. Мы отправились въ *куртэ* (дворецъ). Это—великолѣпное зданіе, окруженное деревянною стѣной. Дворецъ прежде былъ старый, но покойный Матвѣй воевода сломалъ его и возвелъ вновь превосходныя зданія, удивляющія умъ и веселящія душу: они лучше и болѣе открыты чѣмъ дворецъ въ Тырговиштѣ. Церковь его въ честь Успенія Владычицы. Мы совершили въ ней водосвятіе.

Затѣмъ мы поѣхали на окраину городу, къ высокому мѣсту, господствующему надъ окрестностями, гдѣ нынѣшній господарь началъ строить большой монастырь съ обширной, чудесной, великолѣпной церковью, похожей снутри на церковь Арджиша; но она изъ кирпича. По окружности нарѳекса двѣнадцать колоннъ, по числу апостоловъ; каждая колонна изъ одного куска. Церковь имѣетъ четыре величественныхъ купола и снаружи обширную галлерею. Кровля крыта свинцомъ, который, какъ говорятъ, вѣситъ 40.000 окъ. Мы совершили въ

[1] т. е. принадлежащаго храму Воскресенія въ Іерусалимѣ.

ней водосвятіе, и нашъ владыка освятилъ ее, по обыкновенію, потому что она была еще не докончена. Монастырь—во имя свв. Константина, ангела господаря, и Елены.

Потомъ мы поѣхали въ монастырь во имя св. Екатерины, гдѣ настоятель и монахи съ Синая. Здѣсь мы совершили водосвятіе и поѣхали въ монастырь во имя св. Іоанна Крестителя, а затѣмъ въ монастырь во имя сорока мучениковъ, называемый «монастырь сорока». Онъ приписалъ къ монастырю Успенія Владычицы въ области Янины. Потомъ отправились въ монастырь во имя апостоловъ Петра и Павла, принадлежащій къ числу сооруженій Матвѣя воеводы; онъ приписанъ къ одному изъ монастырей Святой Горы. Затѣмъ поѣхали въ малый монастырь во имя св. Саввы, который его строители съ самаго начала приписали къ монастырю св. Саввы въ Іерусалимѣ, и теперь игуменъ его назначается отъ Іерусалимскаго патріарха.

Въ субботу мы отправились въ монастырь во имя св. Николая, принадлежащій къ числу сооруженій приснопамятнаго Михаила воеводы. Онъ расположенъ на окраинѣ города и также на высокомъ мѣстѣ, большой и великолѣпный, съ тремя куполами. Здѣсь мы отслужили обѣдню и нашъ владыка рукоположилъ іерея. Въ воскресенье, поутру, мы совершили водосвятіе въ церкви монастыря св. Георгія. Въ понедѣльникъ, послѣдній день августа, мы поѣхали въ монастырь въ честь св. Троицы, одно изъ сооруженій приснопамятнаго Радула воеводы [1], который нѣкогда властвовалъ надъ Молдавіей и Валахіей. Этотъ монастырь находится также на окраинѣ города, на возвышенномъ мѣстѣ, окруженъ рѣкой и стоячими водами, и нѣтъ къ нему иного доступа, какъ только по деревянному мосту, такъ что если этотъ мостъ разрушить, то къ монастырю совсѣмъ не будетъ доступа. Онъ привлекателенъ и господствуетъ надъ окрестностями. Церковь его—обширная, душу веселящая, весьма свѣтлая; очень изящно украшена и вся расписана. На южной ея сторонѣ гробницы господарей изъ бѣлаго мрамора, покрытыя парчевыми покровами; онѣ имѣютъ форму купола, поддерживаемаго четырьмя желѣзными колоннами. На стѣнѣ портреты господарей. Этотъ монастырь приписанъ къ Иверскому, то-есть грузинскому, монастырю Св. Горы. Настоятель и монахи въ немъ греки и мѣняются чрезъ каждые три года. За городомъ есть еще монастырь, одно изъ сооруженій Матвѣя воеводы.

---

[1] Раду X былъ господаремъ дважды: 1611—1616 и 1617—1623. Онъ же былъ назначенъ господаремъ Молдавіи, съ 1623 по 1626 г., и извѣстенъ подъ именемъ Раду I Великаго.

Въ первый день греческаго года, 1-го сентября, на память св. Симеона Столпника Алепскаго, когда начался 7166 годъ отъ сотворенія міра, мы выѣхали рано поутру изъ Букарешта и въ полдень прибыли въ селеніе теперешняго господаря, гдѣ онъ прежде проживалъ архонтомъ [1] въ отставкѣ. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ сердаремъ войска. Селеніе называется Добрень [2], то-есть «хорошее». Въ немъ есть обширный и удивительно красивый дворецъ съ комнатами и куполами, расписанными изображеніями святыхъ, сраженій и пр. Изъ него открывается видъ на огромный садъ, подобный франкскимъ садамъ, симметрично раздѣленный на цвѣтники рядами черешенъ. За нимъ большой прудъ, чрезъ который перекинутъ мостъ отъ одного края до другого, а посрединѣ пруда изящная бесѣдка. Близъ дворца каменная весьма красивая церковь въ честь Успенія Владычицы.

На слѣдующій день, по совершеніи водосвятія, мы поѣхали по трудной дорогѣ чрезъ густой лѣсъ и болотистое озеро, которое тянулось недалеко отъ дороги почти до самой рѣки Арджишъ. Здѣсь есть большая, превосходная, красивая мельница, принадлежащая господарю: подобной мы еще не видывали. Она имѣетъ шесть колесъ снаружи и шесть жернововъ. Каждый жерновъ окруженъ ящикомъ, на подобіе винограднаго пресса; падающая мука попадаетъ въ мѣшки, подвѣшанные къ желобкамъ ящика, такъ что нѣтъ надобности сметать ее, ибо жерновъ находится высоко, надъ поломъ мельницы. Мельница даетъ арендной платы ежегодно 1.000 піастровъ *абу-кельбъ* [3], кромѣ годового запаса муки для потребностей господаря. Всего удивительнѣе остроумное приспособленіе, имѣющееся въ этой мельницѣ, а именно: мука падаетъ отдѣльно, а отруби отдѣльно.

Мы имѣли намѣреніе попросить господаря подарить ее, въ видѣ милости, Антіохійскому престолу, потому что доходъ ея получается наличными деньгами, и мы посылали бы ежегодно человѣка за полученіемъ тысячи піастровъ, не дѣлая (особыхъ) расходовъ: это лучше нѣсколькихъ монастырей, для которыхъ требуется столько хлопотъ, нужны монахи и слуги. Но мельница эта впослѣдствіи сгорѣла вмѣстѣ съ упомянутымъ селеніемъ и дворцомъ, какъ объ этомъ будетъ разсказано.

---

[1] Это слово мы, обыкновенно, переводимъ „вельможа“ или „бояринъ“; но въ данномъ мѣстѣ оно, вѣроятно, выражаетъ извѣстную должность.

[2] Селеніе Добрень (рум. Dobreni) въ округѣ Ильфовъ, недалеко отъ Букарешта.

[3] То-есть съ изображеніемъ собаки.

Возвращаемся (къ разсказу). Мы переѣхали упомянутую рѣку по мосту и прибыли въ селеніе одного изъ великихъ вестіаріевъ въ отставкѣ, называемое *Градиште* [1]. Онъ построилъ здѣсь недавно высокую, большую каменную церковь въ честь Успенія Владычицы.

На слѣдующій день, рано поутру, простившись съ нимъ, мы поѣхали по труднымъ дорогамъ и большому горному проходу въ монастырь во имя св. Николая, называемый *Комана* [2], одно изъ сооруженій покойнаго Щербаня воеводы, отца нынѣшняго господаря. Это большой, крѣпко построенный монастырь, окруженный каменной стѣной. На четырехъ его углахъ четыре башни съ галлереями на аркахъ кругомъ, чтобы можно было полюбоваться видами и подышать воздухомъ. Одна изъ нихъ похожа на одну изъ башенъ Троицкаго монастыря въ Московіи. Надъ воротами колокольня. Больше всего мнѣ понравилась зеленая, поросшая травой лужайка, которая занимаетъ всю монастырскую площадку; на ней колодецъ съ удивительно пріятной водой, а кругомъ кельи. Монастырь расположенъ на островѣ, окруженный болотистыми озерами, стоячими водами и неописуемыми топями, и къ нему совершенно нѣтъ пути: мы переѣхали къ нему на суднѣ. Близъ него рѣка Дунай. Утверждаютъ, что если бы самъ государь [3] пришелъ на него со своимъ войскомъ, то не одолѣлъ бы его, и это справедливо, ибо онъ совершенно неприступенъ, находясь среди упомянутыхъ озеръ, не замерзающихъ даже зимою, среди болотъ и топей.

Передъ закатомъ солнца, выѣхавъ отсюда, мы поѣхали назадъ и прибыли при закатѣ въ селеніе великаго постельника Константина, лежащее на высокомъ мѣстѣ, съ котораго открывается видъ на рѣку Арджишъ; оно называется Койень [4]. Въ немъ есть обширныя палаты, ему принадлежащія, похожія на константинопольскіе дворцы. Удивительно, что архитектура двухъ домовъ, стоящихъ другъ противъ друга, ничѣмъ между собою не разнится; дома съ куполами и окраска ихъ подражаетъ волнообразнымъ полосамъ разноцвѣтнаго мрамора. На верхушкѣ каждаго купола кругъ, точь-въ-точь похожій на щитъ изъ порфира, а прочее иныхъ цвѣтовъ, похожихъ на цвѣта мрамора. Комнаты и окна дивятъ умъ тонкостями искусства. Въ этомъ жилищѣ есть благолѣпная церковь во имя св. Николая.

---

[1] Селеніе Градиште (Gradiște) въ окр. Ильфовъ, теперь собственность правительства.

[2] Монастырь Комана въ округѣ Влашка (рум. Vlașca) основанъ въ 1590 году господаремъ Щербаномъ Кантакузиномъ.

[3] То-есть султанъ.

[4] Селеніе Койень (рум. Coĭenĭ) въ округѣ Ильфовъ.

Глава XVII.

Валахія.—Продолженіе поѣздки по монастырямъ. Селеніе Верещь и дворецъ въ немъ. Фрундзенещь. Монастырь Тинганъ и другіе. Возвращеніе въ Тырговиштъ.

Мы отправились отсюда рано поутру, переѣхали упомянутую рѣку на суднѣ и прибыли передъ полуднемъ въ селеніе, по имени *Верещь* [1]. Здѣсь есть дома и палаты, принадлежащія брату домны Матвѣя воеводы, которая построила ихъ для него; это дворецъ, не имѣющій подобнаго въ мірѣ, развѣ въ земляхъ франковъ, ибо она выписала ученыхъ мастеровъ изъ страны мадьяръ, а камень изъ Турціи, и они построили все зданіе изъ тесанаго камня снаружи и снутри; даже всѣ подвалы, *пивницы* внизу и коридоры—все изъ тесанаго камня (и сработано) съ тонкимъ искусствомъ, повергающимъ зрителя въ изумленіе. Палаты—въ три этажа, одинъ надъ другимъ. Онѣ способны изгнать тоску изъ страдающаго сердца: покои въ этихъ зданіяхъ и ихъ устройство я не въ силахъ описать. Внутри пола въ этихъ домахъ есть удивительные тайники для сокрытія сокровищъ; входъ въ нихъ находится среди плитъ пола. Всѣ кровли крыты черепицей. Намъ говорили, что таковы всѣ постройки въ странѣ мадьяръ. Счастливы ихъ обитатели и владѣльцы! Впрочемъ, мѣстоположеніе этого селенія очень нездорово; мѣстность изобилуетъ терновникомъ и весьма опасна, особливо по причинѣ близости своей къ землѣ турокъ. Я желалъ бы, чтобы это зданіе находилось въ мѣстности монастыря Козія, въ тѣхъ надежныхъ горахъ, которыя совершенно обезпечены отъ опасностей.

Возвращаемся (къ разсказу). Мы выѣхали отсюда послѣ полудня и подъ вечеръ прибыли въ монастырь въ мѣстѣ, называемомъ Негоешть [2]. Онъ во имя св. Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ и построенъ покойной Еленой, домной Матвѣя воеводы. Весь онъ новой постройки и находится близъ рѣкъ Арджиша и Дымбовицы, которыя здѣсь сливаются. Въ субботу на зарѣ мы выѣхали отсюда и въ полдень прибыли въ великолѣпный монастырь, во имя св. Меркурія мученика, въ мѣстѣ, называемомъ *Платарещь* [3]. Его построилъ вновь покойный Матвѣй воевода, какъ намъ разсказывали, по слѣдующему

---

[1] Селеніе Верещь (рум. Vărăscĭ) въ томъ же округѣ Ильфовъ.

[2] Монастырь Негоешть (рум. Negoeștĭ) въ томъ же округѣ, основанъ въ 1650 году господаремъ Матвѣемъ и женой его Еленой. Нынѣ упраздненъ.

[3] Монастырь Платарещь (Plătărescĭ) въ округѣ Ильфовъ, возлѣ села съ тѣмъ же названіемъ. Нынѣ упраздненъ и обращенъ въ тюрьму для женщинъ.

случаю: во время одной войны съ Василіемъ воеводой онъ здѣсь воззвалъ о помощи къ этому святому, и тотъ, явившись ему во снѣ, ободрялъ и укрѣплялъ его. Вставъ поутру, Матвѣй воевода обратилъ непріятеля въ позорное бѣгство и по сей причинѣ соорудилъ этотъ монастырь. Всѣ его монастыри построены одинаково.

Братъ господаря пригласилъ насъ въ принадлежащее ему селеніе, которое находится на островѣ среди большого, бездоннаго болотистаго озера, куда не было доступа и пути. Мѣсто это называется Фрундзенещь. Съ большими трудами владѣлецъ сдѣлалъ къ нему новую дорогу, по которой мы проѣхали. Онъ строитъ себѣ здѣсь большой дворецъ. Совершивъ водосвятіе, мы послѣ трапезы поднялись, ѣхали около двухъ часовъ и прибыли въ монастырь, также на островѣ находящійся, среди большого болотистаго озера. Мы переправились къ нему на лодкѣ. Монастырь этотъ древній и называется *Тинганъ* [1]; онъ во имя св. старца Симеона. Послѣ водосвятія, поминовенія по основателямъ и послѣдовавшей затѣмъ трапезы, мы выѣхали отсюда, ѣхали быстро и безъ остановокъ до вечера и прибыли въ монастырь св. Николая, называемой «Волны». Онъ лежитъ на берегу рѣки. Какъ должны быть довольны и счастливы его обитатели и сосѣди! ибо эта рѣка точь-въ-точь рѣка въ Алеппо: вода ея такая же сѣроватая и такая же вкусная, и точно также густой ивнякъ растетъ по ея берегамъ. Здѣсь мы ночевали и рано поутру совершили водосвятіе и поминовеніе по строителямъ монастыря съ прочтеніемъ разрѣшительной молитвы. Отсюда мы проѣхали въ большой монастырь, путь къ которому идетъ тѣсниной. Его окружаетъ огромное болотистое озеро, бездонное и безбрежное. Монастырь во имя св. Димитрія и называется *Кадручанъ* (Котрочени?); извѣстенъ въ этой странѣ какъ одинъ изъ большихъ монастырей и принадлежитъ также къ числу сооруженныхъ покойнымъ Матвѣемъ воеводой. Строеніе это величественное и новое съ основанія; церковь обширна и необыкновенно красива, кельи великолѣпны. Кругомъ монастыря огромное озеро, и за исключеніемъ единственной плохой дороги, другой къ нему нѣтъ: нѣтъ никакого средства добраться до него (кромѣ какъ по ней). Въ этомъ монастырѣ покоятся мощи св. Митрофана, патріарха Александрійскаго; мы приложились къ его свѣтлому черепу.

Выѣхавъ рано поутру, прибыли въ другой монастырь, послѣдній изъ посѣщенныхъ нами. Это древній монастырь въ честь Введенія Владычицы во храмъ и называется *Синаго* (Синайя?); онъ принадлежитъ

[1] Монастырь Тинганъ (рум. Tingani) въ округѣ Ильфовъ, основанъ въ 1476 г. господаремъ Раду Красивымъ.

къ числу сооруженій покойныхъ воеводъ Мирчи, Радула, Бассарабы и Петра. Въ немъ есть еще двѣ церкви, по краямъ келлій: въ честь Благовѣщенія и Успенія Владычицы. Монастырь также лежитъ на островѣ среди большого болотистаго озера, чрезъ которое ведетъ къ нему длинный мостъ. Совершивъ въ немъ водосвятіе и поминовеніе по строителямъ, мы выѣхали въ четвергъ поутру, 10 сентября, ѣхали быстро и вечеромъ прибыли въ Тырговиштъ, изъ коего наше отсутствіе продолжалось 82 дня.

Вотъ монастыри страны валашской, находящіеся въ епархіяхъ ея митрополита и епископа Рымникскаго. Что касается монастырей въ епархіи епископа Бузео и его округа, то мы туда не поѣхали. Богъ да дастъ имъ процвѣтаніе во вѣки вѣковъ! Аминь.

КНИГА XIV.

Валахія.

Глава I.

Тырговиштъ.—Замѣтка о погодѣ. Свадьба господаря.

Въ концѣ октября наступили большіе холода, выпало много снѣгу и стояли сильные морозы въ продолженіе десяти дней. Затѣмъ это прошло и наступила вторая весна: солнце, тепло, цвѣты и свѣжая зелень, послѣ того какъ (въ концѣ лѣта) все было выжжено. Пастухи лошадей, вьючныхъ животныхъ и домашняго скота вернулись съ ними на пастбища вторично, тогда какъ передъ этимъ пригнали ихъ домой. При первыхъ холодахъ погибло множество овецъ, рогатаго и прочаго скота вслѣдствіе неожиданнаго наступленія морозовъ. Мы стали было топить печи ночью и днемъ, а теперь наступили сильные жары.

Полезная замѣтка. Мы нашли у валаховъ хорошую примѣту, по которой они узнаютъ, будетъ-ли зима суровая, или мягкая, а именно: 18 ноября у нихъ бываетъ память св. Платона, которому они празднуютъ весьма торжественно, со множествомъ приношеній и обѣденъ, и ждутъ этого дня отъ года до года; что будетъ въ этотъ день, то и служитъ предзнаменованіемъ и признакомъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ: если въ этотъ день будетъ снѣгъ и холодъ, говорятъ, что въ этомъ году холода будутъ чрезвычайные, а если дождь и солнце, говорятъ, что въ этомъ году не будетъ сильныхъ холодовъ, но мягкая погода.

Вплоть до 9-го декабря шли дожди и свѣтило солнце, а затѣмъ начались холода и пошелъ снѣгъ.

Возвращаемся (къ разсказу). 8-го ноября нашъ владыка патріархъ обвѣнчалъ Константина воеводу съ невольницей-черкешенкой, которую при крещеніи назвали Недѣлей, т. е. Киріаки (воскресенье). Вѣнчаніе происходило внутри дворца на женской половинѣ, на верху. Нашъ владыка былъ посаженымъ отцомъ, а митрополитъ совершилъ вѣнчаніе, по благословлялъ ихъ въ положенное время нашъ владыка

патріархъ. Для нихъ были сдѣланы два золотыхъ вѣнца, и когда они ходили въ нихъ кругомъ аналоя, на которомъ лежали икона, Евангеліе и крестъ, на головы имъ бросали, по здѣшнему обычаю, орѣхи, конфеты, монеты *бика* и динары [1]. По совершеніи вѣнчанія, посадили ихъ на двухъ тронахъ въ царскихъ одеждахъ; на домнѣ были великолѣпныя украшенія: золотыя цѣпочки, жемчугъ, солнца изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и пр. Вошли съ поздравленіемъ бояре: сначала поздравили нашъ владыка патріархъ и митрополитъ столицы, затѣмъ прочіе присутствующіе и мы съ ними. Подходили (и поздравляли) также жены вельможъ. Потомъ новобрачныхъ повели во внутренніе покои, а мы вышли и сѣли за великолѣпную трапезу, данную въ этотъ день. Было выпито много кубковъ при пушечныхъ выстрѣлахъ, по ихъ обычаю, что продолжалось до вечера. Давала представленіе плясунья по канату, индіянка, отличавшаяся дьявольской ловкостью,—такой мы еще не видывали: она ходила по канату на головѣ, вверхъ ногами; потомъ воткнула обнаженные мечи въ круглую доску, взошла на нее и, ставъ на головѣ, начала кружиться,—ибо доска была устроена такъ, что могла вертѣться на желѣзномъ стержнѣ; несмотря на такое круженіе, плясунья встала безъ вреда, такъ что мы были изумлены этой отчаянной ловкостью и прочими необычайными, дьявольскими штуками ея представленія.

Въ день праздника св. Николая господарь отправился провести его въ принадлежащій ему и выстроенный его предками монастырь, во имя этого святого, называемый Кобіе, близъ Тырговишта [2]. Въ праздникъ Рождества былъ совершенъ весь обрядъ, по обычаю, какъ бываетъ ежегодно; равнымъ образомъ въ день Богоявленія.

Глава II.

Тырговиштъ.—Низложеніе господаря Константина и причина этого. Прибытіе аги казначейства и отправленіе дани въ Константинополь. Непомѣрныя требованія великаго визиря.

Въ этотъ вечеръ пришло изъ Константинополя извѣстіе, что господарь низложенъ—случай, небывалый со временъ Матвѣя воеводы. Это сдѣлалось причиной разоренія и разграбленія страны валаховъ,

---

[1] Серебряныя и золотыя монеты.

[2] Монастырь Кобіе (рум. Cobie) въ округѣ Дымбовица (рум. Dâmbovița) на рѣчкѣ съ тѣмъ же названіемъ, основанъ господаремъ Щербаномъ Кантакузиномъ въ 1605 году. Нынѣ упраздненъ.

ся обнищанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ причиною и нашихъ злоключеній. Дѣло было такъ. Въ прошломъ году, когда его величество султанъ Мохаммедъ—да хранитъ его Богъ!—и великій визирь Мехмедъ-паша, извѣстный подъ именемъ Кёпрюли, родомъ арнаутъ, вели войну съ франкскими кораблями въ проливѣ Бѣлаго моря (Архипелага), то упомянутый визирь послалъ требовать отъ господарей Молдавіи и Валахіи по тысячѣ кошельковъ съ каждаго, что составляетъ 500.000 піастровъ, говоря имъ, чтобы они, всякій разъ когда государь идетъ на войну, присылали ему подношеніе, подарокъ. Сверхъ того онъ потребовалъ отъ каждаго по 5000 овецъ и по 300 лошадей для воинской службы. Услышавъ это, они встревожились и, по взаимному соглашенію и съ совѣта всѣхъ (знатныхъ) жителей страны, собранныхъ во дворцѣ, послали по этому дѣлу прошеніе его величеству султану, и онъ—да хранитъ его Богъ!—принялъ ихъ извиненіе и выбранилъ визиря, крича на него и говоря: «мы еще не избавились отъ войны съ франками, а ты хочешь навлечь на насъ новую войну». Визирь испугался и больше ничего не требовать отъ господарей. Каждому изъ нихъ пришлось истратить втайнѣ [1] до 5.000 піастровъ, чтобы дѣло такъ устроилось и ихъ прошеніе попало въ руки государя. Они думали, что этотъ визирь такъ же быстро сойдетъ со сцены, какъ и другіе,—бѣдные! они не знали, что онъ пробудетъ визиремъ цѣлыя пять лѣтъ, какъ мы объ этомъ скажемъ. Визирь до времени затаилъ въ душѣ злобу и отмстилъ господарямъ и странѣ ихъ, какъ мы это подробно разскажемъ теперь, если Богу будетъ угодно.

Затѣмъ къ нимъ прибылъ ага казначейства, который ежегодно является за полученіемъ казны; при немъ бываетъ 70—80 человѣкъ. Ему назначаютъ содержаніе, какъ опредѣлено у нихъ въ книгахъ по закону,—ибо здѣсь не дѣлаютъ ничего иначе какъ по закону,—и, обыкновенно, онъ остается у нихъ дней двадцать или больше. Эта казна, составляющая харачъ [2], собирается со всѣхъ вельможъ страны, значительныхъ людей и капитановъ, соразмѣрно съ ихъ владѣніями и десятинным сборомъ, а простой народъ ничего не платитъ, за исключеніемъ (арендующихъ) государственныя земли, кои вносятъ и харачъ и (арендныя) деньги. Когда подать собрана, посылаютъ за агой карету, обитую дорогимъ краснымъ сукномъ и запряженную четырьмя лошадьми одной масти, и при этомъ лошадь *юрга* (иноходца); а въ карету кладутъ девять кошельковъ, т. е. 4.500 піастровъ, кусокъ тонкаго сукна

[1] т. е. на подкупы.

[2] Такъ называется въ Турціи подать съ подданныхъ-немусульманъ.

и атласа; это—подношеніе агѣ. Чиновникамъ же его и людямъ подносятъ одинъ кошелекъ въ 500 реаловъ и каждому по куску сукна, смотря по степени, отъ тонкаго до грубаго. Все это имъ раздаетъ господарь, при чемъ существуетъ такой обычай, что ничего не прибавляютъ и ничего не убавляютъ. Господарь, обыкновенно, нѣсколько разъ посѣщаетъ агу.

Рано утромъ его пригласили во дворецъ. Онъ собрался и, сѣвъ въ экипажъ, прибылъ со всѣми своими людьми во дворецъ. Здѣсь онъ помѣстился съ господаремъ на возвышенномъ мѣстѣ, выходящемъ на дворцовую площадку, чтобы видѣть собственными глазами, какъ будутъ укладывать казну. Возчики привели девять крытыхъ арбъ; каждая арба въ 8,10 или 12 лошадей. Музыканты начали играть на барабанахъ, флейтахъ и трубахъ. Толпа народа глазѣла. Подвели первую арбу, на которой стоялъ желѣзный сундукъ, и солдаты начали таскать на плечахъ мѣшки изъ комнаты камараша, т. е. казначея, каждый по два мѣшка, и великій вестіарій [1] шелъ впереди нихъ, поднимался на арбу и укладывалъ мѣшки рядами въ упомянутый сундукъ. Въ одинъ сундукъ онъ положилъ 33 мѣшка, а въ остальные по 32. Поверхъ мѣшковъ онъ клалъ рядами наилучшіе сукна и атласъ, пока не наполнялся сундукъ, и тогда запиралъ и запечатывалъ его своей печатью. Эту арбу отвозили и подводили другую, и такъ до послѣдней. Сукно и атласъ предназначались для подарковъ на мѣстѣ [2]. Все это дѣлалось по установленнымъ правиламъ и по росписанію. Великій вестіарій, обыкновенно, отправляется съ казной и самъ сдаетъ ее султану. Эта подать исключительно назначена на содержаніе янычаръ въ Константинополѣ и получается ими за два дня до праздника Рамазана. На арбахъ не было ничего кромѣ упомянутыхъ нами сундуковъ, но есть обыкновеніе отдавать (остающееся свободное мѣсто) внаймы купцамъ, которые нагружаютъ его товаромъ, сколько можно свезти, ибо въ этомъ случаѣ никто не можетъ воспрепятствовать имъ при переправѣ чрезъ Дунай, ни гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Изъ этого извлекаютъ пользу возчики. Мы отправили въ Константинополь много вещей со священникомъ Саввой, игуменомъ монастыря Белемендъ. О если бы Богъ—да будетъ прославлено имя Его!—не довелъ его благополучно до мѣста! такъ какъ послѣ столькихъ оказанныхъ ему милостей за эти пять лѣтъ до дня разлуки, когда мы подарили ему сто піастровъ на дорогу, онъ,

---

[1] Министръ финансовъ.

[2] Т. е. въ Константинополѣ.

однако, оказался сыномъ прелюбодѣянія [1]. Да отплатитъ ему Богъ и да будетъ Онъ судьей между нами и имъ!

Обыкновенно, когда казна приходитъ въ Рущукъ, вестіарій отправляется съ агой въ судебную палату и тамъ передаетъ ему казну съ законнымъ документомъ, дабы, если окажется убыль изъ нея въ Турціи, былъ бы отвѣтственъ за это ага. Таковъ обычай.

Возвращаемся (къ разсказу). Они отправились, и господарь съ отрядомъ войска поѣхалъ провожать агу на далекое разстояніе съ барабаннымъ боемъ и флейтами, послѣ чего вернулся. Въ это время визирь находился при защитѣ пролива Бѣлаго моря, и они поѣхали къ нему туда. Визирь разгнѣвался на упомянутаго вестіарія и прочихъ людей господаря, грозилъ имъ, но злобѣ, которую таилъ въ сердцѣ своемъ, и сталъ требовать отъ нихъ овецъ, которыхъ требовалъ раньше. Они послали донесеніе объ этомъ господарю, и послѣдній собралъ вельможъ своей страны и спрашивалъ ихъ совѣта. Послѣ долгихъ споровъ, рѣшили послать визирю стоимость овецъ, двадцать кошельковъ. Получивъ ихъ, визирь потребовалъ еще лошадей,—и все это только для того, чтобы имѣть случай къ нимъ придраться. Поневолѣ они и на это согласились и собрали съ отставныхъ архонтовъ [2] 300 головъ лошадей, которыхъ и отправили визирю.

Тогда визирь послалъ въ Константинополь сказать его величеству султану: «встань и отправляйся въ Адріанополь и оставайся тамъ, пока я не приду къ тебѣ; тогда я наполню твой мѣшокъ и всѣ твои сосуды золотомъ и піастрами». Султанъ отправился и прибылъ въ Адріанополь, гдѣ и остался.

Какъ скоро это дошло до нашихъ неудачниковъ, т. е. господарей и краля мадьярскаго, они сильно перепугались. Визирь же пріѣхалъ въ Адріанополь и присоединился къ государю, и они, согласившись, послали требовать отъ господарей по 1500 кошельковъ съ каждаго и столько же отъ краля мадьярскаго,—это было лишь предлогомъ, ибо визирь хорошо зналъ, что они не дадутъ и пяти кошельковъ, не желая вводить новаго обычая,—если же не захотятъ дать, то пусть явятся къ султану облобызать его руку, по обычаю прежнихъ господарей. Какъ мы сказали раньше, эти два господаря достигли престола силою своего меча и чрезъ свои богатства и не являлись въ Константинополь: какъ же возможно было имъ теперь чувствовать себя на столько въ безопасности, чтобы отправиться, по желанію визиря, въ

---

[1] Ругательное выраженіе.

[2] т. е. бывшихъ сановниковъ, такъ называемыхъ *мазилей*.

Адріанополь, и какъ имъ было не бояться вѣроломства турокъ? Всѣ эти требованія отъ нихъ имѣли цѣлью найти предлогъ къ ихъ низложенію, чего именно и желалъ визирь достигнуть какимъ бы то ни было способомъ, лишь бы имъ отомстить.

Между тѣмъ визирь отправилъ въ страну мадьяръ капиджи съ хатти-шерифомъ къ вельможамъ той страны и къ саксамъ, кои суть главари страны и держатъ въ своихъ рукахъ семь большихъ крѣпостей, твердыни страны мадьярской, какъ мы сказали раньше [1]. Содержаніе хатти-шерифа было слѣдующее: если они желаютъ покоя и мира и не хотятъ, чтобы турки пошли на нихъ войной, то прежде всего должны низложить своего краля Ракочи и поставить другого, кого хотятъ; во-вторыхъ, они должны отдать туркамъ двѣ крѣпости, находящіяся въ тѣснинѣ близъ города Буды, дабы турки держали въ своей власти путь для похода сухимъ путемъ на Зару и Венецію; въ противномъ же случаѣ они навлекутъ на себя тяжкую войну. Тогда всѣ вельможи составили *сфатъ* [2], т. е. совѣтъ и диванъ и, согласившись, низложили упомянутаго краля и поставили на его мѣсто другого, по совѣту турокъ. Но онъ не смогъ долго удержаться, ибо прежній краль пошелъ на него войной и, прогнавъ его, сѣлъ, вопреки всѣмъ, на его мѣсто.

Когда дошло это до визиря, онъ сильно разгнѣвался и сначала послалъ низложить Константина, господаря Валахіи,—какъ мы уже сказали, извѣстіе о его низложеніи пришло въ канунъ Богоявленья — и отдалъ господарство одному человѣку изъ царскаго дома, по имени Михня, т. е. Михаилъ, сыну Радула воеводы [3]. Удостовѣрившись въ этомъ, жители сильно встревожились, а господарь пришелъ въ ярость. Стало извѣстно за вѣрное, что визирь послалъ хатти-шерифъ къ хану и татарамъ, повелѣвая имъ идти войной на Молдавію и Валахію. Тогда господарь немедленно разослалъ каларашей дать знать по всей

---

[1] Авторъ разумѣетъ Седмиградію, часть которой населена нѣмецкими выходцами, такъ называемыми саксами.

[2] *Сфатъ* (sfatŭ) первоначально въ значеніи *совѣтъ, совѣщаніе*, затѣмъ—обмѣнъ мыслей на совѣтѣ, возраженія, *ссора*. Въ послѣднемъ значеніи въ болгарскомъ языкѣ *свада* —ссора.

[3] Михня III (1658—1659), родомъ грекъ. Онъ былъ сыномъ слесаря и настоящее имя его было Франца. Убѣжавъ отъ своихъ родителей, онъ прибылъ въ Константинополь и обратился къ Синанъ-пашѣ, выдавая себя за сына Раду X и за внука Михни II. Говорятъ, что онъ сорокъ лѣтъ служилъ туркамъ, узналъ всѣ извороты турецкой политики и, покровительствуемый Портою, достигъ наконецъ господарскаго достоинства (*Папаузовъ*, Румынскія господарства, стр. 48).

странѣ, чтобы люди поднимались, очищали (свои жилища) и уходили въ горы отъ татаръ. Такъ и было: вся страна пришла въ волненіе по этой причинѣ, и селенія опустѣли. Бѣдные жители! (они должны были бѣжать) въ такой сильный голодъ и снѣгъ. Ихъ положеніе было достойно слезъ и рыданій.

Глава III.

Тырговиштъ.—Приближеніе турокъ и новаго господаря. Тревога и бѣгство жителей. Приготовленія къ войнѣ.

Всѣ вельможи страны, съ общаго совѣта, рѣшили послать прошеніе визирю, умоляя его простить ихъ, не вводить у нихъ новаго обычая и не требовать у нихъ того, что свыше силъ ихъ, (обѣщая) не выходить изъ повиновенія узаконеніямъ прежнихъ султановъ, полученнымъ отъ нихъ въ видѣ столькихъ указовъ и хатти-шерифовъ. Но и эти рѣчи не принесли имъ пользы: визирь упорно стоялъ на своемъ и посылалъ къ нимъ одного капиджи за другимъ, чтобы знать, какъ обстоитъ у нихъ дѣло. Бывало, когда капиджи являлся въ диванъ, вельможи, въ отсутствіе господаря, обступивъ его, упрашивали ходатайствовать за нихъ, дабы не смѣщали ихъ воеводу, потому что вся страна имъ довольна; и даже на улицахъ простолюдины кричали и вопили ему въ лицо, что не желаютъ никого кромѣ него,—такъ подъущалъ людей господарь. Но и эти рѣчи пользы имъ не принесли. Наконецъ, понявъ, что все это ни къ чему не ведетъ, порѣшили не уступать и вести войну съ турками, и тогда господарь началъ набирать людей за жалованье: невыносимы сдѣлались валахамъ притѣсненія турокъ и нарушенія ими древнихъ установленій, ибо, всякій разъ какъ назначается новый визирь, онъ требуетъ отъ нихъ сверхъ положеннаго по закону, и такимъ образомъ вводится у нихъ новый порядокъ. Господарь освободилъ всѣхъ жителей страны отъ поголовной подати, которую они, обыкновенно, платятъ ежемѣсячно, при чемъ съ бѣдныхъ взимается не болѣе трехъ динаровъ въ годъ, а съ состоятельныхъ не болѣе шести,—освободилъ съ условіемъ, чтобы они готовились идти съ нимъ въ походъ, когда онъ того потребуетъ. Народъ стремился къ нему толпами; онъ раздавалъ имъ знамена и значки [для ихъ капитановъ и полковниковъ, и всѣ государственные сановники занимались записываніемъ ихъ именъ и числа. Митрополитъ города съ утра до ночи оставался въ церкви, приводя ихъ къ присягѣ на святомъ Евангеліи и Крестѣ, что они не измѣнятъ своему воеводѣ, но будутъ всѣ единодушно стоять за его дѣло. Послѣ того какъ они дали

эту клятву, имъ были розданы ружья, (прочее) оружіе и припасы. Было набрано болѣе 10.000 солдатъ на жалованьи. Также былъ произведенъ новый наборъ драбантовъ и сейменовъ, которые прежде подняли гнѣву господаря [1], и продолжалось это до тѣхъ поръ, пока не было принято полное число]. Когда ихъ сосчитали, то оказалось, какъ сообщили намъ достовѣрные люди, что число ихъ достигаетъ 110.000. Краль мадьярскій прислалъ господарю на помощь много войска и свои пушки, потому что все, постигшее господаря, случилось изъ-за него. Господарь послалъ также просить помощи у Хмеля и казаковъ и въ настоящее время ожидалъ ее. Затѣмъ послалъ капитановъ на дунайскую границу для ея охраны.

Получилось несомнѣнное извѣстіе, что Кадыри-ага, который впослѣдствіи былъ пашой въ Дамаскѣ, уже прибылъ въ Рущукъ въ качествѣ *сеймень чауша*, т. е. аги для возведенія на тронъ новаго господаря, и прислалъ къ господарю своихъ людей сказать ему, чтобы онъ уходилъ немедля, такъ какъ (иначе) новый господарь опасается вступить (въ столицу). Господарь растерялся и вся страна встревожилась; однако, не обнаруживая вражды и ненависти къ противной сторонѣ, они стали затягивать дѣло, посылая просьбы, съ обѣщаніемъ кошельковъ, къ султану, визирю, пашѣ Силистрійскому Фазли-пашѣ, женатому на дочери султана Ибрагима, а равно и къ вышеупомянутому агѣ, ибо здѣсь очень боятся войны съ турками, зная, что она безконечна, какъ это имъ извѣстно по примѣрамъ бывшаго ранѣе похода турокъ на Багдадъ, который продолжался 18 лѣтъ, при чемъ турки не прекращали войны, пока не взяли этотъ городъ, и равнымъ образомъ теперешняго морского похода на Критъ, продолжающагося 13 лѣтъ. Распространилась большая тревога, и сильный страхъ напалъ на всѣхъ жителей страны; положеніе многихъ стало труднымъ, въ особенности, по причинѣ сильныхъ холодовъ, снѣговъ и стужи, — бѣдные! куда имъ было бѣжать? Между тѣмъ турки переправлялись днемъ на этотъ берегъ Дуная, а ночью, подъ вліяніемъ сильнаго страха, возвращались назадъ, и обѣ стороны готовились начать войну. Жители бѣжали на вершины горъ; особливо же купцы и вельможи страны убѣгали въ горные округа Кымполунга и монастырей Арджишъ и Козія, находящіеся близъ мадьярскихъ горъ. Большинство горныхъ жителей этой мѣстности занимается перевозкой на арбахъ, и когда случится тревога въ странѣ, они тотчасъ являются въ столицу и нанимаются

[1] Въ началѣ правленія Константина произошло возстаніе этихъ ратниковъ, и они были почти всѣ истреблены.

перевозить вещи, кои потомъ складываютъ на храненіе въ извѣстныя имъ и купцамъ безопасныя мѣста. Берутъ они очень высокую плату, но пословицѣ: «несчастіе одного народа приноситъ пользу другому». Что касается насъ, то мы оставались въ Тырговиштѣ до конца января.

Глава IV.

Валахія.—Отъѣздъ патріарха въ Кымполунгъ. Вступленіе татаръ и турокъ въ Валахію. Нерѣшительность господаря Константина. Онъ покидаетъ Тырговишть. Занятіе и сожженіе Тырговишта татарами. Монастырь Сталія. Отступленіе господаря въ Венгрію.

Въ началѣ февраля мы простились съ господаремъ и переѣхали въ Кымполунгъ, заранѣе отославъ туда весь свой багажъ и вещи, а также и съѣстные припасы, ибо всѣ бѣглецы, куда бы они ни направлялись и ни бѣжали, брали съ собою какъ съѣстные припасы, такъ и ячменя для своихъ лошадей. Мы остановились въ знаменитомъ монастырѣ Кымполунга [1].

Въ это время распространилась вѣсть о появленіи въ Браиловѣ татаръ подъ начальствомъ двухъ султановъ. Прежде всего обѣ стороны захватываютъ другъ у друга языка, т. е. одни у другихъ захватываютъ человѣка съ цѣлью узнать о числѣ непріятелей. Первоначально говорили, что татаръ 60.000, но, по словамъ большинства, ихъ было 16.000. Они двинулись на страну и заняли ее, убѣждая тѣхъ, которые бѣжали передъ ними, безбоязненно оставаться въ своихъ жилищахъ, ибо они подданные, покорные велѣніямъ своего государя. Однако, это была хитрость и обманъ: татары, при вступленіи въ непріятельскую страну, обыкновенно, не грабятъ и не берутъ въ плѣнъ, а только захватываютъ лошадей и берутъ для себя припасы. Турки двинулись подъ начальствомъ Фазли-паши, переправились чрезъ Дунай и пришли въ Журжево, городъ страны валаховъ. Господарь же началъ дѣлать окопы на дорогѣ въ Кымполунгъ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ если постигнетъ его несчастіе и онъ будетъ разбитъ, бѣжать туда и укрѣпиться тамъ, а оттуда бѣжать въ Венгрію. Домну вмѣстѣ съ женами вельможъ и всѣ свои богатства и сокровища, лошадей и всѣ тяжести онъ отправилъ въ селеніе, лежащее выше Кымполунга, на дорогѣ въ Венгрію,

---

[1] Монастырь въ Кымполунгѣ (рум. Câmpul-Lung), въ древности *Долгополье*, основанъ Раду-Негру въ XIII вѣкѣ, возобновленъ въ 1633 году Матвѣемъ Басарабомъ и въ 1832 году на средства правительства. Нынѣ упраздненъ.

называемое Рукаръ [1]. Тамъ она остановилась. Намѣревался онъ и насъ отправить вмѣстѣ съ нею, но мы не пожелали по той причинѣ, что мѣсто, гдѣ будетъ находиться домна, станетъ цѣлью, мѣстомъ опаснымъ, куда будутъ направлены всѣ взоры, привлекаемые тѣмъ, что при ней было. Господарь рѣшилъ не покидать Тырговишта, но сразиться здѣсь съ непріятелемъ,—то было рѣшеніе злополучное. Получивъ извѣстіе о приближеніи турокъ къ Букаресту, онъ приказалъ войскамъ, тамъ находившимся, сжечь весь городъ и дворецъ; при семъ сгорѣли монастыри и церковь. И это было рѣшеніе злополучное. Онъ думалъ, что когда придетъ новый господарь, то не найдетъ столицы, гдѣ бы могъ поселиться и куда бы явились толпы народа изъ областей и войско для признанія его и изъявленія ему покорности. Причиной такого рѣшенія было сильное опасеніе, какъ бы народъ не измѣнилъ ему, что́ потомъ и случилось.

Затѣмъ онъ перемѣнилъ рѣшеніе и пошелъ назадъ въ Букарешть, чтобы сразиться здѣсь съ турками. Подойдя къ *желештеу* (пруду), имъ устроенному, онъ сѣлъ обѣдать. Тутъ пришла вѣсть, что спатарь [2], котораго онъ послалъ сражаться съ турками въ Букарешть, бѣжалъ и вернулся безъ битвы, потому что капитаны отказались сражаться. Потомъ получилось еще извѣстіе, что сеймены и драбанты, бѣжавшіе отъ господаря въ Турцію [3], идутъ впереди татаръ со стороны Бузео по горамъ, что близъ Тырговишта, по дорогѣ къ монастырю Маржинень [4], второму монастырю постельника, и къ его селенію и что они спѣшатъ къ Тырговишту съ цѣлью, спустившись (съ горъ), напасть на господаря съ тыла, въ то время какъ турки нападутъ спереди. Это было Божьимъ попущеніемъ. Тогда господарь вернулся въ Тырговиштъ и устроилъ снаружи его окопы, чтобы укрѣпиться здѣсь, но потомъ, по причинамъ, одному Богу извѣстнымъ, и попущеніемъ Божіимъ на него и его страну, онъ, не давши сраженія, ушелъ въ окопы, называемые на ихъ языкѣ шанцами, которые онъ устроилъ на пути въ Кымполунгъ, и здѣсь остановился, оставивъ въ Тырговиштѣ спатаря съ болѣе чѣмъ

---

[1] Рукаръ (рум. Rucăr)—селеніе въ округѣ Мущелъ (рум. Muscel) возлѣ горнаго прохода въ Трансильваніи съ такимъ же названіемъ. Въ древности—римская крѣпость Rucconium.

[2] Главнокомандующій.

[3] т. е. тѣ бунтовавшіе ратники, которые уцѣлѣли при усмиреніи ихъ возстанія.

[4] Монастырь Маржинень (рум. Mărgineni) въ округѣ Прахова основанъ фамиліей Кантакузиновъ.

12.000 солдатъ. Это было въ воскресенье Сыропуста. Смотри же, какое опять случилось злополучіе! Господарь далъ солдатамъ дозволеніе разграбить все, что оставалось въ Тырговиштѣ съѣстныхъ припасовъ, вина и другихъ напитковъ, чтобы ничего не осталось непріятелямъ, но въ то время какъ они были заняты грабежомъ и пьянствовали, вдругъ явилось около 300 татаръ, которые опередили главное войско, чтобы развѣдать о положеніи Константина. Они напали на валаховъ, которые при этомъ совершенно растерялись, и спатарь бѣжалъ со своимъ войскомъ отъ татаръ, кои не переставали его преслѣдовать до того мѣста, гдѣ были *шанцы* господаря; еще немного,—и они бы захватили спатаря живымъ и взяли бы упомянутое укрѣпленіе, если бы сеймены не отстояли его, открывъ ружейный огонь. Дивно опредѣленіе Божіе! Тѣ, кого они боялись, то-есть татары, сами боялись валаховъ, считая хитростью съ ихъ стороны, что они бѣжали отъ нихъ и очистили страну, дабы, когда татары проникнутъ внутрь ея, возвратившись, напасть на нихъ спереди и сзади. Однако, валахи въ самомъ дѣлѣ бѣжали отъ татаръ, несмотря на свою многочисленность. Татары возвратились въ Тырговиштъ, перебивъ всѣхъ пѣхотинцевъ, которыхъ встрѣтили на дорогѣ и въ городѣ; большинство ихъ были пьяны и несли на спинѣ награбленныя вещи. Татары всѣхъ ихъ перебили, въ числѣ около 1.300, разграбили городъ и зажгли. Въ немъ еще оставалась бо́льшая часть жителей, запершись въ домахъ, ибо никто не думалъ, что Константинъ бѣжитъ,—напротивъ, полагали, что онъ будетъ побѣдителемъ. Татары захватили здѣсь множество плѣнныхъ. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до паши, начальствовавшаго турками, онъ поспѣшилъ прибыть туда вмѣстѣ съ новымъ господаремъ.

Пожаръ начался въ городѣ наканунѣ великаго поста. Монастырь Сталія упорно оборонялся, потому что въ немъ находилось нѣсколько казаковъ съ женами; они вступили въ бой и до наступленія ночи убили немало турокъ и татаръ, но видя, что непріятели подожгли монастырь, всѣ, кто могъ, бѣжали отъ пожара, подъ покровомъ ночи, въ горы, гдѣ и разсѣялись. Непріятели вошли въ монастырь и избили болѣе ста человѣкъ монаховъ, стариковъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ, которые были не въ силахъ убѣжать; кромѣ того, множество народа захватили въ плѣнъ. Церковь была загромождена сундуками и вещами жителей; ее подожгли, и она обгорѣла вся спутри и снаружи, стѣны и крыша; при этомъ—о горе!—сгорѣлъ и великолѣпный иконостасъ. У насъ, въ верхнихъ монастырскихъ тайникахъ, что подъ нашими кельями, сгорѣли два сундука съ оловянными *кранди.іями*, наполненными муромъ, которое мы сварили въ Молдавіи, нѣкоторое количество ртути и боль-

ніе часы съ боемъ, кое-какое платье и утварь,—чего мы не были въ состояніи увезти,—все погорѣло вмѣстѣ съ вещами, которыя были оставлены другими. Татары разрыли могилы и обнажили покойниковъ, сожгли митрополію и ея церковь вмѣстѣ съ дворцовою, открыли гробницу Матвѣя воеводы, который завѣщалъ похоронить его въ описанномъ нами монастырѣ Арнота, но Константинъ воевода этого не пожелалъ; разрыли могилы его жены и сына и домны Константина, обнажили ихъ, взявъ одежды, а ихъ бросили и разбили ихъ надгробные камни. Такіе же неописуемыя злодѣйства они совершили въ городѣ. Пожаръ продолжался, пока не сгорѣла бо́льшая часть города.

Тогда татары поспѣшили въ горы, чтобы захватить тѣхъ жителей, которые бѣжали, и много народа забрали въ плѣнъ, особливо въ цвѣтущихъ округахъ на извѣстной рѣкѣ Яломицѣ, которая течетъ выше Тырговишта до города Флочъ, что близъ Дуная. Эти города и селенія подобны раю и, по изобилію садовъ и всякихъ земныхъ благъ, походятъ на плодородную долину Дамаска. Татары въ конецъ разорили ихъ, ибо жители считали себя въ безопасности и тѣмъ болѣе были въ этомъ увѣрены, что татары вначалѣ говорили имъ: «не бойтесь! вы подданные султана, вамъ нечего опасаться».

Паша вмѣстѣ съ господаремъ вступилъ въ Тырговишть во вторникъ (первой недѣли) поста. Говорятъ, что за неимѣніемъ припасовъ они, то-есть новый господарь и его войско, питались однимъ мясомъ, потому что не было хлѣба, ни людей, (которые бы приготовляли его). Потомъ они вернулись въ Букарешть; а Тырговишть и стѣны его—все вмѣстѣ—паша приказалъ зажечь въ отместку Константину за то, что онъ сжегъ древнюю столицу Букарешть.

Что же касается господаря Константина, то онъ испугался и ушелъ изъ шанца, гдѣ былъ его лагерь, потому что его враги, служившіе проводниками татарамъ, повели ихъ къ горнымъ вершинамъ, чтобы, спустившись оттуда, занять дорогу у него въ тылу, ибо дорога отъ Тырговишта до Рукара представляетъ узкій горный проходъ, идущій до самой страны мадьярской. И такъ, Константинъ ушелъ и прибылъ къ мосту, называемому Соколи, на знаменитой рѣкѣ Дымбовицѣ, текущей изъ Венгріи къ Рукару, гдѣ находилась домна. Когда онъ вступилъ на дорогу, ведущую къ Рукару,—дорогу, которая представляетъ собою очень трудный путь между двухъ горъ, гдѣ можетъ проходить только одинъ всадникъ, то лишь съ большими усиліями и затрудненіями могли протащить пушки на колесахъ. Господарь пробылъ въ Рукарѣ нѣсколько дней, устроивъ внѣ его другой *шанецъ* изъ деревьевъ, пока отправлялъ домну со всѣми женами вельможъ въ страну венгровъ,

а вслѣдъ за ними и самъ отправился внутрь Венгріи, согласно приказанію краля. Они прибыли въ принадлежащую кралю крѣпость Фогарашъ, что за городомъ Брашовымъ (Кронштатомъ), и здѣсь поселились со всѣми своими людьми. Положеніе господаря было весьма позорное и постыдное—да не дастъ Богъ насладиться ему миромъ за содѣянное имъ! Краль сильно гнѣвался на него за то, что онъ убѣжалъ, не сразившись. [Потомъ онъ купилъ для него замокъ, по сосѣдству съ страною *нѣмцевъ*, за 20.000 динаровъ, и туда господарь отправился на житье. Однако краль, до тѣхъ поръ пока не обобралъ у него и его спутниковъ всѣхъ лошадей, оружіе, деньги и все имущество, которое было получено имъ въ наслѣдство отъ Стефана воеводы, не давалъ покоя ни ему, ни имъ, говоря: «все, что случилось съ нами или случится,—все должно быть приписано вашему пребыванію среди насъ».

Между тѣмъ татары приблизились къ Кымполунгу, но потомъ удалились, производя грабежи, пожары и захватывая плѣнниковъ. Большая часть войска ушла отъ Константина, пока онъ былъ въ Рукарѣ, и разсѣялась, а многихъ онъ взялъ съ собою противъ ихъ желанія, но всѣ они теперь раскаявались, ибо ихъ отправленіе оттуда было для нихъ горестнымъ и бѣдственнымъ, какъ мы поясним потомъ].

Глава V.

Валахія.—Патріархъ скрываетъ свое имущество въ горныхъ тайникахъ и уѣзжаетъ далѣе въ горы. Положеніе бѣглецовъ. Горцы. Мнѣніе великаго ворника.

Что касается насъ, (то вотъ что съ нами было). У епископа, живущаго въ монастырѣ, были люди, назначенные для наблюденія издали за дорогами, и они, узнавъ объ этихъ происшествіяхъ, дали вѣсть. Мы уже раньше отправили въ горы всѣ свои вещи чрезъ этого епископа, который каждой партіи изъ богобоязненныхъ крестьянъ, живущихъ въ тѣхъ горахъ, вручалъ одинъ, два или три тюка за плату, чтобы ихъ сберечь, скрывъ въ пещерахъ и тайникахъ, имъ извѣстныхъ, на вершинахъ горъ. Какъ намъ разсказывали, у нихъ есть пропасти, на подобіе бездонныхъ колодцевъ, а въ срединѣ ихъ родъ пещеръ; туда спускаютъ на веревкахъ тюкъ и съ нимъ человѣка, чтобы спрятать тюкъ въ пещеру. Каждое семейство и родъ имѣютъ подобный тайникъ, неизвѣстный другимъ. За каждый тюкъ они получаютъ по валашскому динару, то-есть $1\frac{1}{2}$ піастръ-реала; тюкъ не долженъ быть великъ, иначе не пройдетъ въ отверстіе тайника. Принимая вещи съ ручательствомъ и подъ свой надзоръ, они возвращаютъ ихъ въ томъ видѣ,

какъ приняли. Теперь мы были спокойны, потому что при себѣ оставили лишь немного: денегъ на расходы, одежду и постели, а все, даже ящикъ съ облаченіями и съ митрой, отправили. То же сдѣлалъ епископъ съ монастырскими вещами и купцы, которые бѣжали вмѣстѣ съ нами.

Убѣдившись въ вѣрности извѣстія о бѣгствѣ Константина изъ *шанца*, что на дорогѣ въ Кымполунгъ, мы поспѣшили выѣхать въ воскресенье Сыропуста, рано поутру, и вечеромъ прибыли въ селеніе, по имени *Корби Піетра*, то-есть «каменный воронъ», потому что тутъ есть огромная каменная гора, поднимающаяся стѣной съ восточной стороны. Внутри ея выдолблена древняя, маленькая, прекрасная церковь. Говорятъ, что она была задѣлана, но что ее отыскалъ одинъ святой отшельникъ, по явленному ему откровенію, пришелъ туда и открылъ ее. Въ церкви доселѣ цѣлы древнія изображенія. Въ ней совершаютъ обѣдни. Въ селеніи большая рѣка. Въ то время, когда мы здѣсь находились, прибылъ къ намъ митрополитъ столицы, который также бѣжалъ.

Во вторникъ, рано поутру, мы выѣхали отсюда и поднялись на высокую гору не безъ большого труда. На ней лежитъ древній, малый монастырь, называемый *Гарадасъ*. Въ немъ мы остановились. При этомъ всѣ остававшіяся у насъ вещи, кладь и постели мы поручили крестьянамъ этого монастыря, также чрезъ его настоятеля: такъ намъ посовѣтовали, чтобы быть совсѣмъ налегкѣ, готовыми къ дальнѣйшему бѣгству,—Богъ да избавитъ насъ отъ нечаяннаго нападенія! Мы отдали имъ также карету, и ее спрятали въ лѣсу, дабы, если случится то, что можетъ случиться, не напали на ея слѣдъ и не узнали, что мы здѣсь были. Наши лошади оставались подъ сѣдломъ ночью и днемъ, и мы были готовы бѣжать на горныя вершины, ибо опасались нечаяннаго нападенія татаръ, особливо въ виду нашего громкаго имени. Намъ приготовили скрытое, недоступное мѣсто въ лѣсу, неизвѣстное никому, кромѣ крестьянъ, чтобы, въ случаѣ тревоги, намъ убѣжать туда однимъ. Мы и всѣ бѣглецы испытывали большія бѣдствія и находились въ сильномъ страхѣ: несмотря на обиліе снѣга и сильную стужу и холодъ, никто не осмѣливался зажечь огня, даже тѣ, которые бѣжали въ глубь лѣсовъ,—какъ они говорили, по той причинѣ, что татары, замѣтивъ издали огонь, могутъ къ нему направиться. Каково было положеніе этихъ несчастныхъ и бѣдныхъ людей, которые не имѣли съ собой даже собакъ, изъ опасенія, что онѣ будутъ лаять! Отъ страха мы не спали по ночамъ. Вся страна, до горныхъ вершинъ, была потрясена. Когда татары дошли до Кымполунга, Творецъ—да будетъ прославленъ

имя Его!—по истинѣ, помрачилъ ихъ очи, такъ что они вернулись назадъ.

Упомянутый монастырь находится на самомъ краю горъ, сосѣднихъ съ Венгріей, и за нимъ нѣтъ обитаемыхъ мѣстъ, ни дорогъ. Близъ монастыря есть еще селеніе, по имени *Никшура* [1], т. е. «деревня орѣховъ», ибо здѣсь много орѣховыхъ деревьевъ. Селеніе лежитъ на вершинѣ горы, и потому отъ него открывается видъ на всю низменную часть Валахіи, быть можетъ, до самаго Дуная. Здѣсь находилась бо́льшая часть женъ вельможъ этой страны. Да помилуетъ Богъ того, кто построилъ его, на самомъ высокомъ мѣстѣ! ибо для насъ оно было благодѣяніемъ, потому что мы имѣли кровъ, хотя помѣщались тѣсно, въ маленькой кельѣ, тогда какъ всѣ прочіе, не исключая и вельможъ, оставались подъ открытымъ небомъ. Хвала Богу за всѣ эти событія и ужасы, коихъ мы были свидѣтелями до сихъ поръ! ибо намъ выпало на долю посѣтить и этотъ монастырь и узрѣть эти благословенныя горы и земли. Какъ счастливы ихъ обитатели, что живутъ въ спокойствіи и безопасности! Но такъ какъ у нихъ нѣтъ равнинъ, гдѣ бы имъ можно было сѣять хлѣбъ, то они отправляются на своихъ арбахъ, нагруженныхъ фруктами, которые растутъ у нихъ въ этихъ горахъ, ежегодно, въ извѣстное время, въ низменные округа, близкіе къ Дунаю, и обмѣниваютъ фрукты на зерновой хлѣбъ для своего годового запаса.

[*Замѣтка* составителя этихъ записокъ.—Однажды я былъ въ домѣ великаго ворника этой страны, и онъ попросилъ меня сообщить ему кое-что о моей родной странѣ. Я исполнилъ его просьбу и сказалъ ему, что строенія тамъ каменныя и есть укрѣпленные замки и что поэтому намъ неизвѣстны ни страхъ (нападенія), ни пожары, ни что-либо иное подобное. На это онъ отвѣчалъ: «ты сказалъ правду; но тѣмъ не менѣе мы благодаримъ всемогущаго Бога, что не имѣемъ въ своей странѣ замковъ. Вмѣсто замковъ и крѣпостей мы имѣемъ эти горы и лѣса, противъ которыхъ безсильны всѣ враги. Если бы было иначе, если бы мы имѣли въ своей странѣ замки, турки давно бы вытѣснили насъ отсюда». Безъ сомнѣнія, именно по этой причинѣ турки никогда не были въ состояніи овладѣть Валахіей или утвердиться въ ней, и говоря это, ворникъ, конечно, былъ правъ.

[1] По всей вѣроятности, Пукушора (рум. Nucușoara), селеніе въ округѣ Мущелъ (рум. Muscelĭ) на границѣ Трансильваніи, возлѣ горнаго прохода и пограничнаго пикета съ тѣмъ же названіемъ.

Глава VI.

Валахія.—Новый господарь въ Букарештѣ. Его первыя дѣйствія. Архидіаконъ на развѣдкахъ. Постепенное возвращеніе жителей. Обмѣнъ письмами между патріархомъ и господаремъ. Набожность господаря. Возвращеніе патріарха въ Букарештъ.

Возвращаемся къ разсказу о дѣлахъ Константина.—Удаляясь въ Венгрію, онъ, какъ мы уже упомянули, взялъ съ собою внутрь этой страны бо̀льшую часть *бояръ* и сановниковъ государства и значительную часть своего войска, несмотря на ихъ неохоту и нерасположеніе; впослѣдствіи они тайно, глухими дорогами, бѣжали отъ него, и при этомъ мадьяры многихъ изъ нихъ перебили].

Михня воевода, новый господарь, поселился въ Букарештѣ въ монастырѣ своего отца, т. е. въ Троицкомъ, и сталъ укрѣплять его, строя кругомъ него деревянную двойную стѣну, промежутокъ которой засыпали землей,—сталъ укрѣплять, чтобы въ немъ утвердиться. Жители и войска начали сходиться къ нему и признавали его власть, представляя въ свое оправданіе, что все случившееся произошло противъ ихъ желанія, изъ боязни ихъ предъ Константиномъ. Господарь простилъ ихъ. Потомъ онъ отпустилъ Фазли-пашу, а по его отъѣздѣ, далъ сейменъ-чаушу за услугу болѣе сорока кошельковъ, а каниджибаши болѣе двадцати и отпустилъ ихъ. Затѣмъ по всѣмъ областямъ разослалъ посланія, возвѣщая жителямъ безопасность и спокойствіе и приглашая бѣглецовъ вернуться въ свои жилища.

До насъ постоянно доходили извѣстія объ этихъ происшествіяхъ. Я, нижайшій, ѣздилъ верхомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ съ нами купцовъ, собирать вѣсти въ Нукшорѣ и Корби Пістра; мы дошли даже до Кымполунга, послѣ чего вернулись. Когда получились здѣсь посланія новаго господаря (съ обѣщаніемъ) безопасности и спокойствія, всѣ ободрились, а когда убѣдились въ справедливости этихъ извѣстій и въ томъ, что татары ушли съ плѣнниками, которыхъ, какъ говорятъ, было до 70—80 тысячъ, а по другимъ, около 150.000,—многихъ изъ нихъ выкупилъ новый господарь, а туркамъ онъ не дозволилъ взять ни одного плѣнника, кромѣ развѣ захваченныхъ ими тайкомъ,—тогда мы, вмѣстѣ съ другими бѣглецами, въ понедѣльникъ третьей недѣли поста, возвратились въ Кымполунгъ и остановились въ монастырѣ. Большую же часть своихъ вещей мы оставили у крестьянъ и только около Пасхи взяли ихъ обратно. Намъ пришлось сдѣлать не мало расходовъ и трать, со включеніемъ платы за провозъ, потому

что во все это время мы ѣли и пили изъ собственнаго кошелька. Мы возносили къ Богу хвалы и благодарснія за то, что не увлеклись легкомысленно (предложеніемъ) ѣхать съ домной Константина въ Венгрію, ибо оттуда были бы не въ состояніи выбраться: многіе купцы и иные бѣжали съ Константиномъ въ Брашовъ (Кронштатъ), и саксы не пустили ихъ назадъ въ Валахію,—вѣроломство и гнусность съ ихъ стороны! [Жестоко раскаивалися тѣ, которые не оставили своего имущества въ Валахіи.] Подъ конецъ, съ великимъ трудомъ и большими потерями, имъ удались уйти оттуда. Было также милостью Божіей, что мы не отослали на храненіе въ Брашовъ часть своихъ вещей, какъ сдѣлали это другіе, ибо они испытали большія непріятности, когда добывали ихъ оттуда обратно. Бѣдные (православные) жители Брашова и всей страны венгерской, какъ мы узнали, горѣли желаніемъ, чтобы нашъ владыка патріархъ къ нимъ пріѣхалъ, но это былъ вопросъ трудноразрѣшимый. Всѣ эти жители—земледѣльцы, православные; у нихъ два епископа, подчиненные митрополиту Валахіи, и, какъ мы сказали выше, болѣе 1500 священниковъ.

Затѣмъ новый господарь послалъ къ венграмъ и ихъ кралю (требованіе, подкрѣпленное) сильными угрозами, чтобы они отпустили бояръ, которыхъ взялъ съ собою насильно Константинъ вмѣстѣ съ ихъ женами, а равно и всѣмъ бѣжавшимъ съ нимъ валахамъ дозволили возвратиться домой,—ибо мадьяры заперли для нихъ пути въ тѣснинахъ и не пускали ихъ: какъ мы уже говорили, всѣ дороги, ведущія въ землю мадьяръ суть узкія тѣснины, надъ коими высятся крѣпости и башни, заграждающія входъ и выходъ. Услышавъ угрозы господаря, мадьяры стали отпускать валаховъ маленькими партіями. [Сколько разъ я, отправляясь въ Рукарь, видалъ цѣлыя толпы ратниковъ и другихъ бѣглецовъ, спасшихся изъ Венгріи глухими тропинками, при чемъ между ними и мадьярскими солдатами завязывался жестокій бой!] Всѣ возвращавшіеся выражали покорность новому господарю, который принималъ ихъ наилучшимъ образомъ и возстановлялъ въ прежнихъ степеняхъ. [Господарь удержалъ при себѣ три или четыре конныхъ татарскихъ отряда и теперь послалъ ихъ держать стражу въ Рукарѣ, по двумъ причинамъ: во первыхъ, чтобы мадьяръ держать въ страхѣ, и во вторыхъ, чтобы не было измѣны со стороны валашской стражи, которая, пожалуй, позволитъ Константину спуститься изъ Венгріи въ Валахію и попытаться печаянно захватить его, господаря,—ибо о такихъ намѣреніяхъ ходила молва.] Тогда я сѣлъ на коня и отправился съ нѣсколькими людьми въ Тырговишть, видѣлъ убитыхъ, разсѣянныхъ по дорогамъ,—несчастные! Потомъ, по приказанію господаря, выкопали

для нихъ огромную яму и зарыли въ ней, насыпавъ большой холмъ, дабы онъ служилъ для вѣчнаго воспоминанія. Мы плакали при видѣ того, что случилось съ Тырговиштомъ, въ какомъ онъ былъ положеніи: въ немъ не нашлось намъ мѣста для ночлега, кромѣ монастырскаго и другихъ подваловъ, а что касается строеній, возвышавшихся надъ землею, то и слѣды ихъ стерлись. То было, несомнѣнно, гнѣвомъ Божіимъ.

Нашъ владыка патріархъ послалъ новому господарю поздравительное письмо, которое тотъ принялъ наилучшимъ образомъ, и прислалъ отвѣтъ, коего содержаніе было то, что онъ, господарь, жаждетъ видѣть его святость, имѣвъ къ тому постоянное желаніе, но проситъ его оставаться на мѣстѣ, въ монастырѣ Кымполунга, пока онъ не отдѣлается отъ турокъ и не настанетъ спокойное время, чтобы съ нимъ свидѣться.

Обрати вниманіе на событія, случившіяся въ то время, когда мы находились въ этой странѣ: происшествіе съ Василіемъ, господаремъ молдавскимъ, и его низложеніе, а впослѣдствіи и низложеніе Стефана; затѣмъ, кончина Матвѣя воеводы, низложеніе въ настоящее время Константина и воцареніе новаго господаря, каковое событіе было послѣднимъ.

Возвращаемся (къ разсказу). [У жителей Кымполунга существуетъ обычай въ праздникъ Вербнаго воскресенья совершать крестный ходъ вокругъ города; то же дѣлаютъ они въ праздникъ Благовѣщенія, въ Великій четвергъ, въ воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ Свѣтлой недѣли; всѣ они собираются толпою въ монастырь, гдѣ совершается молебенъ съ водосвятіемъ, послѣ чего расходятся по домамъ. Въ первый изъ упомянутыхъ дней нашъ владыка патріархъ не служилъ обѣдни; но въ Свѣтлое воскресенье онъ, по обычаю, совершилъ предъ обѣдней крестный ходъ [1]. При этомъ случаѣ намъ сообщили о новомъ господарѣ, что въ Вербное воскресенье онъ, съ великимъ тщаніемъ и благоговѣніемъ, въ точности исполнилъ всѣ обряды, наблюдаемые при этомъ торжествѣ въ Москвѣ, и что къ этому подвигли его великая вѣра, любовь къ порядку и религіозное рвеніе. Болѣе 25 лѣтъ прожилъ онъ въ султанскомъ дворцѣ, среди турокъ, и однако никто не могъ склонить его къ отступленію отъ вѣры. Обыкновенно, въ началѣ каждаго мѣсяца,—такъ разсказывали намъ—приглашалъ онъ къ себѣ священника, чтобы тотъ совершилъ для него водосвятіе, выслушалъ его исповѣдь и причастилъ его святыхъ таинъ Кромѣ того, онъ по

[1] Разумѣется крестный ходъ въ началѣ пасхальной утрени.

стоянно ходилъ по церквамъ и никогда не нарушалъ заведеннаго порядка молитвы, ни утромъ, ни вечеромъ. И такимъ образомъ, путемъ долгой привычки, онъ сдѣлался строгимъ ревнителемъ вѣры, и поэтому онъ не былъ дружелюбно настроенъ къ наводнившимъ страну врагамъ вѣры. И хотя Вербное воскресенье совпало съ такимъ труднымъ временемъ, господарь сознавая, сколь пристойно, что царь московскій принимаетъ участіе въ торжествѣ этого дня, самъ исполнилъ то же самое, хотя до него ни одинъ господарь этого не дѣлалъ. Итакъ онъ собралъ все христіанское войско и, надѣвъ богатѣйшее платье, вышелъ съ большою свитой. Митрополитъ этого города ѣхалъ на мулѣ, въ полномъ облаченіи, съ евангеліемъ и крестомъ въ правой рукѣ, а господарь велъ мула подъ устцы; съ правой и съ лѣвой стороны, впереди господаря, выступали его служители, ведшіе его верховыхъ лошадей, а позади него слѣдовали государственные саповники, ведшіе каждый свою лошадь. И въ такомъ порядкѣ шествовали они, не обращая вниманіе на проливной дождь и глубокую грязь, пока не обошли вокругъ всего города Букарешта; и тогда возвратились въ монастырь, и здѣсь митрополитъ докончилъ обѣдню.

Въ праздникъ св. Георгія, по ежегодному обыкновенію, въ Кымполунгѣ былъ крестный ходъ; нашъ владыка патріархъ отправился вмѣстѣ съ жителями на окраину города въ старинную церковь во имя св. Георгія, гдѣ совершилъ для нихъ водосвятіе, послѣ чего возвратились къ обѣднѣ.

Теперь мы стали собираться въ дорогу, чтобы присоединиться къ господарю, и чрезъ два дня выѣхали изъ Кымполунга и прибыли въ Питешти, а 28 апрѣля пріѣхали въ Букарештъ и помѣстились въ монастырѣ св. Саввы.]

Глава VII.

Букарештъ.—Свиданіе патріарха съ господаремъ. Крестные ходы. Коронація. Освященіе церкви.

Послѣ Пасхи, по приглашенію, присланному нашему владыкѣ патріарху господаремъ, мы отправились къ нему и имѣли съ нимъ свиданіе, при чемъ поднесли ему подарки: [московскую икону, большую лампаду, зеркало и нѣкоторыя рѣдкости, еще уцѣлѣвшія у насъ.] Господарь назначилъ намъ содержаніе. Его бесѣда и вопросы были всѣ глубокомысленны, отъ божественнаго писанія, о предметахъ вѣры. Имѣя величайшее желаніе видаться съ нашимъ владыкой патріархомъ и бе-

сѣдовать съ нимъ во всякое время, онъ перевелъ его изъ монастыря св. Саввы и помѣстилъ въ своемъ монастырѣ. Это была милость Божія, ибо мы помѣщались въ церкви монастырской, такъ какъ послѣ пожара, здѣсь бывшаго, ничего не уцѣлѣло кромѣ церквей, кои устроены со сводами и изъ камня; въ нихъ и помѣщались жители. Намъ разсказывали о дѣлахъ возмутительныхъ, совершавшихся въ нихъ, ибо татары и турки, грабя и захватывая въ плѣнъ, вторгались въ самые алтари и совершали гнусности, попущеніемъ Господа, глаголющаго, что когда Онъ гнѣвается на народъ, то не щадитъ и самыхъ домовъ поклоненія [1].

Въ четвертый четвертокъ послѣ Пасхи, по повелѣнію господаря, мы облачились и вмѣстѣ съ нимъ вышли за городъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, съ зажженными свѣчами, по обычаю, ибо онъ совершалъ крестные ходы неупустительно каждый четвергъ. То же мы сдѣлали въ пятый и шестой четвертокъ послѣ Пасхи. Каждый четвергъ направлялись въ какую-нибудь иную часть города, гдѣ было открытое пространство. На пути туда пѣвчіе пѣли молебенъ. Прибывъ на мѣсто, составляли широкій кругъ, внутри коего ставилось два кресла: одно для господаря, другое для нашего учителя. Затѣмъ разстилали посреди̇нѣ коверъ для нашего владыки, и онъ становился на коверъ и читалъ особыя молитвы о ниспосланіи дождя и обильной жатвы, послѣ чего возвращались назадъ. Впереди господаря выступали служители или тѣлохранители, числомъ 12: шестеро справа и шестеро слѣва; шестеро изъ нихъ были турки, въ шитыхъ золотомъ тюрбанахъ, шестеро—валахи, въ красныхъ бархатныхъ шапкахъ со шнурами. Путь свой туда и обратно господарь совершалъ пѣшкомъ, имѣя по правую руку нашего учителя; шествуя рядомъ, они вели между собою бесѣду. Когда ходъ шелъ назадъ, пѣвцы пѣли пасхальныя стихиры, пока мы не доходили до монастырской церкви, и въ ней служили обѣдню.

Въ четвергъ Вознесенія мы служили обѣдню по приглашенію господаря, при чемъ праздникъ справлялся съ большою торжественностью. Въ слѣдующее воскресенье мы снова служили обѣдню, и на этотъ разъ въ присутствіи великаго посла отъ краля польскаго, ѣхавшаго къ султану въ Адріанополь. Онъ внималъ службѣ съ самымъ живымъ благоговѣніемъ, и у насъ съ нимъ установились вполнѣ дружескія отношенія.

---

[1] Здѣсь кончается переводъ съ арабскаго. Все остальное переведено съ англійскаго.

Въ Троицынъ день совершилось величайшее торжество, и была такая радость, какая рѣдко бывала раньше; ибо господарь просилъ нашего владыку патріарха короновать его въ этотъ день царскимъ вѣнцомъ, согласно чину, изложенному въ великомъ царскомъ Евхологіи, и съ обычнымъ, положеннымъ для государей благословеніемъ. Итакъ мы приступили къ приготовленіямъ. Явился чухадаръ [1] и разостлалъ по церкви ковры, отъ трона господарева до царскихъ врать; послѣ того какъ нашъ владыка патріархъ съ мѣстнымъ митрополитомъ облачились, явился постельникъ съ камарашемъ [2], и испросивъ разрѣшеніе, они вошли (въ алтарь) и положили на престолѣ корону особенной формы, которая была сдѣлана для господаря въ Константинополѣ, длинную и высокую, напоминавшую головной уборъ селевкійцевъ (?). Тулья ея была расшита золотымъ позументомъ и украшена султаномъ изъ большихъ великолѣпныхъ перьевъ, наподобіе цвѣтущей вѣтви, изъ хрусталя и разнаго рода драгоцѣнныхъ каменьевъ. Господарь купилъ ее недавно за 2 000 динаровъ. Еще они помѣстили на престолѣ расшитый поясъ и перевязь, а также позолоченную булаву.

Когда господарь вошелъ (въ церковь) къ Трисвятому, я вышелъ изъ алтаря, сопровождаемый митрополичьимъ архидіакономъ, оба мы съ трикиріями, и ставъ передъ сѣдалищемъ, или тропомъ господаря, мы поклонились ему. Тогда подошли къ господарю великій банъ и великій логооетъ, взяли его подъ руки и, сведя внизъ, шествовали съ нимъ шагъ за шагомъ, а мы шли впереди нихъ: и я, сначала обратившись въ сторону нашего владыки патріарха, возгласилъ: «повели!» затѣмъ мой товарищъ произнесъ: «повелите!» а я повторилъ: «повели, владыко святый!» уже въ близкомъ разстояніи отъ царскихъ врать, изъ которыхъ вышли два архіерея и, взявъ господаря подъ руки, ввели его въ алтарь. Здѣсь они велѣли ему сдѣлать три земныхъ поклона передъ св. престоломъ, и когда онъ, съ непокрытой головой, преклонилъ колѣна, я же возгласилъ: «вонмемъ», нашъ учитель возложилъ конецъ своего омофора на голову господаря, говоря: «божественная благодать, во всякое время исцѣляющая недужныхъ и несовершенныхъ довершающая, возводитъ христолюбиваго князя Михаила, сына Радула воеводы (господарь просилъ нашего владыку перемѣнить его имя «Михня» на «Михаилъ»), на степень государя; помолимся нынѣ о немъ, да снизойдетъ на него благодать Всесвятаго Духа»; и мы трое-

---

[1] Придворная должность. Обязанность чухадара, собственно, была надѣвать господарю обувь.

[2] Казначей.

кратно воскликнули: «Господи, помилуй!» Затѣмъ владыка поднялъ его и, съ помощью архіереевъ, сначала надѣлъ на него поясъ, затѣмъ возложилъ перевязь и наконецъ препоясалъ его мечемъ. Послѣ этого онъ облачилъ господаря въ царскую одежду, а именно въ мантію, или парчевую одежду, отдѣланную собольимъ мѣхомъ; а вмѣсто собольей шапки, какую носили прежніе господари, владыка возложилъ на него сейчасъ описанную стамбульскую корону и укрѣпилъ на ней султанъ. Возлагая на господаря отдѣльныя части одѣянія, онъ каждый разъ произносилъ: «облачаемъ раба Божьяго... въ то-то» и т. д.; и мы отвѣчали трекратнымъ «аксіосъ!» Затѣмъ нашъ владыка благословилъ его и поцѣловалъ; и оба архіерея взяли и передали его двумъ сановникамъ, стоявшимъ у дверей алтаря, и они возвели его на тронъ. Тогда нашъ учитель, выйдя изъ алтаря, принесъ господарю поздравленіе, благословилъ его и высказалъ ему молитвенныя благожеланія; за нимъ послѣдовали архіереи, затѣмъ двѣнадцать первыхъ сановниковъ [1], священники, монахи и діаконы, а за ними остальные государственные сановники, пока все это не кончилось. Обѣдня завершилась рукоположеніемъ іерея. Стеченіе народа по случаю торжества было громадное.

Господарь выписалъ себѣ изъ Константинополя огромный шатеръ, стоившій 20 кошельковъ, очень красивый, съ тремя золотыми цѣпями: помимо этого онъ уже имѣлъ у себя два шатра. Всѣ эти шатры онъ поставилъ рядомъ и обнесъ ихъ стѣною, наподобіе городской. Мѣстность эта представляла открытое поле у вороть монастыря, окаймленное рѣкою,—которую господарь сдѣлалъ широкою и многоводною, запрудивъ ручей, текущій во рвахъ, опоясывающихъ монастырскія стѣны съ третьей стороны, и прорывъ для него болѣе короткое русло, такъ что съ каждой стороны поля были каналы съ проточной водою. Самое поле представляло пріятное разнообразіе песковъ и зелени; вокругъ большого шатра господарь, по турецкому обычаю, поставилъ около семидесяти новыхъ палатокъ для своей свиты, въ томъ числѣ для вель-

---

[1] Бояре въ Молдавіи и Валахіи раздѣлялись на три класса. Бояре 1-го класса носили бороду и въ торжественныхъ случаяхъ серебряный посохъ; ихъ было шесть: 1) великій банъ Крайовы, 2) великій ворникъ, 3) великій логоѳетъ, 4) великій спатарь, 5) великій вестіарій и 6) великій постельникъ. Бояре 2-го класса также имѣли серебряный посохъ, но бородъ не носили; ихъ было тоже шесть: 1) великій ага (начальникъ охоты), 2) великій ключарь (начальникъ по продовольственной части), 3) великій каминаръ (начальникъ дворцовой стражи), 4) великій пахарникъ (кравчій), 5) великій стольникъ и 6) великій комисъ (оберъ-шталмейстеръ). Бояръ 3-го класса было семь.

можъ и для служителей; ибо онъ получилъ указъ отъ визиря и султана, повелѣвавшій ему готовиться къ походу вмѣстѣ съ ними на венгровъ. Какъ скоро церковь, по окончаніи обѣдни, опустѣла, мы всѣ вмѣстѣ отправились къ этому мѣсту. Всѣ войска, разныхъ чиновъ и степеней, были выстроены въ боевомъ порядкѣ, подъ ружьемъ; одни изъ нихъ шли впереди господаря отъ церкви до выхода изъ монастыря, другіе стояли строемъ вдоль его пути и охраняли шатеръ.

Въ этотъ день пріѣхалъ еще посолъ венгерскій, привезшій пушки, которыя Константинъ воевода захватилъ съ собою, спасаясь бѣгствомъ въ землю мадьяръ; ибо господарь послалъ потребовать ихъ назадъ, какъ собственность и боевое снаряженіе княжества; и венгры, побуждаемые страхомъ, возвратили ихъ немедленно. Когда мы пришли къ шатру и господарь занялъ свое мѣсто впереди, начала входить вся свита, чтобы вторично принести поздравленія; и тутъ войска открыли пальбу изъ пушекъ, сдѣлавъ три залпа. Пушекъ было числомъ пятьдесятъ три; ибо паша оставилъ господарю, для его защиты и охраны, всѣ свои пушки; въ числѣ ихъ было три желѣзныхъ, каждая съ семью жерлами. Всѣ войска троекратно дали залпъ изъ ружей; и отъ грохота содрогнулась земля, воздухъ потемнѣлъ отъ дыма, такъ что ни видѣть другъ друга, ни слышать мы не могли. Въ этотъ день стола не накрывали до полудня. Много дивились мы, замѣчая способности этого господаря, ибо онъ бесѣдовалъ безъ помощи толмача съ польскимъ и венгерскимъ послами, съ каждымъ на его языкѣ; валашскимъ языкомъ онъ владѣлъ какъ своимъ роднымъ языкомъ, а кромѣ того онъ говорилъ по-гречески, по-турецки и по-персидски.

Теперь господарь приступилъ къ завершенію постройки находящагося въ этомъ городѣ монастыря Константина воеводы, которая еще не была окончена,—и поручилъ великому постельнику заготовить все потребное для освященія. О томъ же просилъ господарь и нашего учителя. Приготовившись къ торжеству, мы прибыли въ монастырь въ воскресенье Всѣхъ Святыхъ и облачились. Явился господарь въ парадномъ одѣяніи. По прибытіи его, начали литію и перенесеніе святыхъ мощей изъ нижней церкви, въ ковчежцѣ, который несъ на головѣ нашъ владыка патріархъ, а за нимъ шествовалъ господарь; и въ такомъ порядкѣ мы возвратились къ новой церкви и, обойдя сначала вокругъ, вошли въ нее и довершили обычный ходъ службы освященія. Когда наступило время освящать престолъ, принесли изображенія четырехъ евангелистовъ, нарисованныя на четырехъ листахъ бумаги; подъ каждымъ изъ этихъ изображеній, на каждомъ изъ угловъ престола, положили нѣкоторое количество смѣси мастики съ воскомъ и

мрамором, растопленной въ тазу; господарь собственноручно приклеивалъ бумагу и накладывалъ на нее динаръ (червонецъ); онъ сдѣлалъ это на всѣхъ четырехъ углахъ. Динары передавалъ ему протопопъ. Первая монета случайно оказалась египетской; господарь съ презрѣніемъ отбросилъ ее въ сторону и, выбранивъ казначея, приказалъ вмѣсто нея подать другую, которая оказалась венгерской, слѣдовательно христіанской.

Когда нашъ владыка патріархъ вышелъ наружу, чтобы помазать муромъ стѣны церковныя и столбы, господарь слѣдовалъ за нимъ, держа въ рукѣ кисть съ длинной ручкой, и шествуя слѣдомъ за нашимъ учителемъ, рисовалъ растопленной смѣсью красивой формы кресты. Мы были поражены его ловкостью и сноровкою; казалось, что въ свою жизнь онъ присутствовалъ при освященіи тысячи церквей: такъ хорошо онъ зналъ и понималъ предписанія богослужебныхъ правилъ и столь основательно былъ знакомъ съ церковными книгами и законами.

Когда мы вышли отъ обѣдни, господарь расположился въ палаткѣ, за церковью, между тѣмъ какъ приближенные пили опьяняющіе и сладкіе напитки; затѣмъ мы возвратились на пиршество въ палату.

Господарь не разлучался съ нашимъ владыкою патріархомъ ни утромъ, ни вечеромъ, и по большей части и обѣдалъ съ нимъ и ужиналъ, предлагая ему вопросы и вступая съ нимъ въ пренія, помимо множества другихъ предметовъ, по вопросамъ, касающимся вѣры.

Глава VIII.

Букарештъ.—Приготовленія къ войнѣ съ венграми. Затруднительное положеніе патріарха. Архидіаконъ Павелъ отвозитъ кладь въ Галацъ.

На праздникъ апостоловъ (Петра и Павла) мы служили обѣдню съ тою же торжественностью, какъ и раньше; господарь причащался святыхъ таинъ, такъ какъ получилъ повелѣніе принять участіе въ походѣ противъ венгровъ, предпринимаемомъ ханомъ татарскимъ, визиремъ, силистрійскимъ пашою Кадыри-пашою (онъ же и сейменъ-чаушъ) и господаремъ молдавскимъ Гикою воеводою; ибо послѣ бѣгства Константина визирь низложилъ и Стефана, господаря молдавскаго, а на его мѣсто возвелъ этого Гику, который состоялъ капу-кіайей [1] Стефана въ Константинополѣ. Господарь этотъ привелъ съ собою полчище ка-

[1] Повѣренный въ дѣлахъ, представитель господаря при Высокой Портѣ и патріархіи.

заковъ, принявшихъ участіе въ походѣ изъ ненависти къ венграмъ, вызванной ихъ дѣйствіями во время вторженія въ землю ляховъ, о чемъ мы уже говорили. Всѣ эти движенія были слѣдствіемъ дошедшихъ до господаря (валашскаго) вѣстей, что Константинъ, не удовлетворенный тѣмъ, что удалось ему бѣгствомъ спасти жизнь свою, въ настоящее время собираетъ войска—и уже собралъ болѣе 10.000 человѣкъ—и помышляетъ двинуться съ ними въ землю валашскую и опустошить ее всю, начиная съ округа Кымполунга и далѣе, и причинить ей непоправимое зло. Тогда господарь сообщилъ это извѣстіе, какъ вполнѣ подтвердившееся, визирю, вслѣдствіе чего тотъ сѣлъ на коня и двинулъ свои войска въ походъ противъ низложеннаго господаря и венгровъ; сначала изъ города Адріанополя визирь передвинулъ свои войска къ Софіи, а оттуда къ Бѣлграду, гдѣ и расположился лагеремъ. По разсказамъ, войско его состояло изъ 80.000 человѣкъ. Силистрійскій паша съ войсками, стоявшими въ Добруджѣ и состоявшими преимущественно изъ татаръ, переправился черезъ Дунай и вступилъ въ землю валашскую, лежавшую на пути ихъ похода. Прибывъ въ городъ, называемый Гергица, паша оставался здѣсь болѣе сорока дней, пока для него со всей страны собирали запасы мяса, масла, сухарей, ячменя и т. п. Никому изъ своихъ ратниковъ не позволялъ онъ обижать или притѣснять кого-либо; тѣмъ не менѣе и господарь и мѣстные вельможи послѣ стали сожалѣть, (что вызвали) походъ турокъ на Венгрію. Валахи, правда, не любятъ венгровъ, которые ихъ заклятые враги; но они вовсе не желали, чтобы турки имѣли стоянки въ ихъ странѣ, опасаясь, что турки превратятъ Валахію и Молдавію въ пашалыки и осуществлятъ такимъ образомъ свое давнишнее намѣреніе. Итакъ валахи начали посылать прошенія султану, умоляя его положить конецъ этой войнѣ, дабы прохожденіемъ войскъ страна ихъ не была разорена и доведена до крайняго оскудѣнія запасовъ и гибели всей жатвы. Венгры также неоднократно посылали посольства, прося мира; но турки отвергли ихъ просьбы, ибо саксы, властители семи крѣпостей (Седмиградіи), возстали противъ ненавистнаго имъ краля и, не будучи въ состояніи однѣми своими силами одолѣть его, сильно желали прибытія турокъ, чтобы, соединившись съ ними, избрать новаго краля и изгнать прежняго. Вотъ что случилось потомъ. Визирь двинулся тогда изъ Бѣлграда; передовые отряды его сдѣлали нападеніе на венгровъ, чтобы вытѣснить ихъ изъ окрестностей *Будома* (Буды), но не могли одолѣть ихъ. Вслѣдствіе этихъ движеній вся страна валашская пришла въ сильное смятеніе; къ довершенію смуты распространился слухъ о скоромъ прибытіи татаръ подъ предводительствомъ хана, путь коихъ лежалъ

черезъ Валахію. Венгры укрѣпили всю пограничную линію и напрягли всѣ силы, готовясь встрѣтить войну.

Все это случилось къ нашему злополучію. Константинъ воевода не заплатилъ намъ сполна за соболей, которыхъ мы привезли съ собою изъ Москвы и отдали ему, и оставался долженъ намъ девять кошельковъ реаловъ, кои онъ все время обѣщалъ намъ уплатить. Къ тому времени, когда онъ принужденъ былъ бѣгствомъ спасаться изъ страны, долгъ еще не былъ уплаченъ, ибо онъ водилъ насъ отъ одного дня до другого, отъ одного раза до другого, пока не постигло его то, что случилось: онъ былъ крайне скупъ и не совсѣмъ честенъ. Послѣ окончательнаго удаленія и бѣгства его изъ княжества, мы очутились бы въ самомъ безпомощномъ положеніи, если бы уплату всѣхъ долговъ, сдѣланныхъ Константиномъ, не взялъ на себя новый господарь, согласно установившемуся среди господарей обычаю, у которыхъ сдѣлалось правиломъ, чтобы всякій, преемлющій это званіе, платилъ долги, оставшіеся неуплаченными послѣ его предшественника. Согласно съ этимъ обычаемъ, господарь далъ отъ себя обѣщаніе нашему владыкѣ патріарху и просилъ его молиться Всемогущему, дабы Господу угодно было направлять его разумъ и не было ни войны, ни смуты, могущихъ задержать уплату. Итакъ мы пребывали въ тревожномъ ожиданіи; озабочивало насъ также другое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что Константинъ и всѣ вельможи государства валашскаго не разрѣшали намъ оставить ихъ землю въ то время, желая, чтобы мы подождали, пока ходъ дѣлъ и обстоятельства измѣнятся, главнымъ образомъ изъ-за силистрійскаго паши, которымъ былъ тогда Меликъ-Ахмедъ-паша. Всемогущему Богу угодно было, чтобы паша этотъ былъ смѣщенъ; мѣсто его занялъ Фазли-паша, но вскорѣ былъ казненъ визиремъ за то, что отказался выступить въ походъ противъ Константина, обѣщавшаго ему огромную сумму денегъ, и за то, что по своему произволу поощрялъ одного и отстранялъ другихъ. Затѣмъ визирь предоставилъ пашалыкъ Кадыри-пашѣ, какъ мы уже упоминали.—Неизмѣннымъ намѣреніемъ этого злополучнаго господаря было заплатить намъ долгъ и, удовлетворивъ всѣ наши нужды въ предѣлахъ желаемаго нами, ускорить наше дальнѣйшее путешествіе; но обстоятельства не благопріятствовали его намѣреніямъ, и онъ былъ приведенъ въ весьма стѣсненное положеніе, съ одной стороны, неотступными и настоятельными требованіями дани со стороны турокъ, съ другой—скудостью доходовъ вслѣдствіе разоренія и опустошенія страны. Мы сокрушались о немъ и страдали въ душѣ за него, особенно когда на нашихъ глазахъ днемъ и ночью являлись къ нему отъ визиря капиджи, понуждая его соби-

раться въ предстоящій походъ. Ѣхали ли они въ назначенное мѣсто, или возвращались обратно, они всегда заѣзжали на пути къ господарю, иной разъ направляясь отъ визиря къ силистрійскому пашѣ, иной разъ отъ послѣдняго къ господарю молдавскому и хану татарскому съ порученіемъ торопить ихъ къ войнѣ и поскорѣе поднять ихъ въ походъ.

Бо́льшая часть населенія Валахіи опять оставила свои жилища и удалилась на вершины горъ или въ средину болотъ или большихъ озеръ по берегамъ Дуная, который пополняетъ убыль въ нихъ воды. Они переплывали на лодкахъ и жили на островахъ, лежащихъ на срединѣ ихъ, боясь татаръ, истинной язвы этой страны. Затрудненіе наше вслѣдствіе этихъ событій было велико, и мы видѣли себя окончательно разоренными.

Мы опасались за нашу личную безопасность здѣсь, но не могли найти никакого убѣжища, никакого средства избавленія, кромѣ какъ оставить Валахію, чтобы спасти по крайней мѣрѣ жизнь, если уже принуждены бросить свое имущество; ибо положеніе этой страны, опутанной безпрерывными войнами, погружалось все глубже въ бездну смуты. Наши опасенія главнымъ образомъ основывались на разсказахъ свѣдущихъ людей, что города венгровъ—неприступныя крѣпости и что страна ихъ представляетъ непрерывный рядъ недоступныхъ мѣстностей. Итакъ, если бы турки и татары оказались не въ силахъ быстро покорить ихъ страну, то на зиму расположились бы тамъ и въ Валахіи, и такимъ образомъ пресѣкалась послѣдняя наша слабая надежда; и мы разсудили такъ: «довѣрить жизнь нашу и имущество случайностямъ судьбы лучше, чѣмъ подвергать наши сердца мучительнымъ испытаніямъ зимняго бѣгства и бѣдствіямъ, сопряженнымъ съ перетаскиваньемъ клади съ горы на гору и съ одного мѣста на другое». Итакъ мы порѣшили отослать сначала всю свою тяжелую кладь и пожитки вообще въ Галацъ, а отсюда переправить ихъ потомъ на судахъ, съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ спутниковъ, по Черному морю въ Синопъ, чтобы избавить себя отъ связанныхъ съ ними хлопотъ и затрудненій, и чтобы самимъ намъ было возможно укрыться до тѣхъ поръ, пока наступитъ время, благопріятное для устроенія нашихъ дѣлъ. Къ этой цѣли и была направлена наша дѣятельность. Однако на первыхъ порахъ мы не могли раздобыть подводъ для перевозки нашихъ вещей, ни за деньги, ни понужденіемъ; ибо когда господарь въ пятницу 18 (9-го?) іюля неожиданно уѣхалъ въ *таборъ*, то-есть лагерь, всѣ купцы пришли въ смятеніе, и невозможно было ни за какія деньги получить подводы для кого бы то ни было, такъ какъ подводчики, избѣгая принудительной службы—перевозки господарева

обоза, скрывались и прятались; тѣми же подводами, кои были собственностью господаря, онъ намѣревался самъ воспользоваться для того, чтобы увезти жену свою и дѣтей. Итакъ, мы были повержены въ смущеніе и замѣшательство, не могли найти никакого исхода, и положеніе наше вслѣдствіе этого было крайне бѣдственное. Букарештъ былъ покинуть жителями, и мы оставались одни. Всѣ заботы наши были поглощены нашею кладью; не было никого, кто подрядился бы довезти насъ до Галаца или далъ бы намъ какой совѣтъ въ этомъ дѣлѣ: столь напуганы были здѣсь приближеніемъ татаръ, путь которыхъ лежалъ въ этомъ направленіи и съ которыми мы—избави насъ Богъ!—могли на дорогѣ встрѣтиться. И это было дѣйствительно вполнѣ основательное опасеніе. Вслѣдствіе тревогъ своихъ и безпокойства и постояннаго лая собакъ, мы не могли спать по ночамъ. Наконецъ Господу было угодно облегчить насъ, вложивъ въ мысли господаря поручить насъ покровительству своего уполномоченнаго, великаго ворника, который отыскалъ намъ двѣ подводы, и мы, несмотря на противодѣйствіе хозяевъ ихъ, нагрузили ихъ. Мы нашли нѣсколькихъ спутниковъ, спасавшихся бѣгствомъ по тому же направленію; и я, смиренный, пишущій эти строки, былъ отправленъ вмѣстѣ съ ними изъ Букарешта во вторникъ 13 іюля, послѣ полудня. Мы ѣхали по безлюднымъ, далекимъ отъ проѣзжихъ дорогъ пустынямъ, но наводящимъ тоску заброшеннымъ полямъ, такъ что посѣдѣли отъ страха. Кромѣ Всемогущаго Бога и Его провидѣнія не у кого было намъ найти поддержки въ продолженіе нашего путешествія. Что касается татаръ, то мы рѣшили если они встрѣтятся съ нами, заявить имъ, что господарь посылаетъ двѣ подводы съ подарками къ хану; ибо, случайно господарь назначилъ сопровождать насъ одного служителя, нарочно опредѣленнаго для передачи извѣстій татарамъ и отъ нихъ. Другой планъ, который мы составили себѣ, состоялъ въ томъ, чтобы въ случаѣ, если мы будемъ стѣснены или обезпокоены, держать нашъ путь къ берегамъ Дуная, отклонившись или къ пристани Флочь или къ *Корнистало* (Корнизель?) насупротивъ Силистріи, или къ Браилову. По милости Божіей, недѣлю спустя мы переправились черезъ рѣку Сереть, служащую границею, и достигли Галаца, находясь все время нашего путешествія въ сильнѣйшемъ страхѣ, но—хвала и благодареніе Господу!—мы не имѣли ни одной непріятной для насъ встрѣчи, и чрезвычайно обрадовались своему прибытію туда. Мы нашли здѣсь одно судно изъ Трапезунта, нагруженное зерномъ и нанятое для перевозки его въ то мѣсто; мы вошли въ соглашеніе съ капитаномъ и, нанявъ судно, упо-

жили свои пожитки въ каюту. Мы оставили нашихъ спутниковъ на суднѣ съ запасомъ провизіи; и съ благословенія Всевышняго, они подняли паруса.

Глава IX.

Валахія.—Возвращеніе архидіакона изъ Галаца и новая его поѣздка для собиранія долговъ. Свиданіе его съ господаремъ у Плоешти. Препирательство съ вестіаріемъ. Заговоръ вестіарія. Умерщвленіе его и нѣкоторыхъ другихъ бояръ. Возвращеніе архидіакона въ Букарештъ. Отъѣздъ патріарха въ Галацъ. Слободзея.

Затѣмъ я нанялъ нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, и закупивъ съѣстныхъ припасовъ на дорогу, тронулся въ обратный путь. Всѣ наши друзья весьма безпокоились за нашу безопасность; и намъ самимъ опасенія внушали главнымъ образомъ турки, которые подвигались на соединеніе съ пашою, ибо они грабили и убивали всѣхъ, кого только могли захватить на своемъ пути. Но больше всего нагоняло на насъ страхъ поголовное выселеніе всего населенія страны на пути нашего похода: отъ Галаца до Букарешта мы не встрѣтили не только ни одного человѣка, но даже собаки или другого животнаго. На дорогѣ мы наткнулись на нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Кромѣ всемогущаго Господа въ нашемъ странствованіи мы не имѣли другихъ сопутниковъ, и пока продолжалось оно, глаза наши постоянно озирали небосклонъ; и ночью мы могли спать только на открытыхъ поляхъ, вдали отъ дорогъ, изъ опасенія, что враги прослѣдятъ наши шаги и мы будемъ захвачены и умерщвлены. Букарешта мы достигли въ субботу наканунѣ поста Владычицы (Успенскаго), въ послѣдній день мѣсяца іюля, приблизительно черезъ сорокъ дней (?), съ сердцемъ, истерзаннымъ постоянными тревогами, потерявъ лошадей нашихъ, коихъ мы загнали до изнеможенія почти безостановочной ѣздой, продолжавшейся и днемъ и ночью. И хвала Господу, что намъ хватило съѣстныхъ припасовъ! Иначе намъ пришлось бы погибнуть отъ голода, такъ какъ пополнить ихъ мы не имѣли возможности. Нашего владыку патріарха въ Букарештѣ мы не застали, ибо онъ, въ виду постоянныхъ тревогъ и опасеній, царившихъ въ городѣ, и полнаго оставленія его жителями, покинулъ городъ и удалился въ Питешти, которое онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ, и здѣсь я присоединился къ нему. Онъ былъ очень обрадованъ, что мы возвратились невредимыми, въ чемъ всѣ уже отчаялись; и дѣйствительно, мы избѣжали гибели только по милости Божіей, благодаря святымъ молитвамъ и предстательству нашего владыки.

Потомъ я, въ сопровожденіи отряда вооруженныхъ служителей на коняхъ, снарядился въ путь, чтобы покончить съ нашими дѣлами и посѣтить всѣ мѣста, гдѣ мы имѣли деньги на храненіи или долги за кѣмъ-либо, гдѣ мы брали, давали или мѣняли деньги у жителей. Но причинѣ теперешнихъ смутъ, жители разсѣялись по горамъ, и я началъ разъѣзжать повсюду, разыскивая ихъ. По сначала я заѣхалъ въ Тырговишть и имѣлъ свиданіе съ господаремъ въ лагерѣ у Плоешти. Въ этотъ день, въ то время, когда я находился на пути къ господарю, я видѣлъ прохожденіе хана съ татарами въ сопровожденіи Гики, господаря молдавскаго, и казаковъ. Господарь поднесъ хану много подарковъ. Во время моего представленія господарю въ этотъ день, я передалъ ему письмо отъ нашего владыки патріарха. Прочитавъ его, онъ позвалъ ворника и сказалъ: «Разсмотри, гдѣ надо получать деньги, принадлежащія патріарху; сведи съ архидіакономъ различные счета, по которымъ числятся долги ему, чтобы вы могли произвести уплату». Здѣсь было одно лицо, которое было должно намъ сумму въ 500 реаловъ. Это былъ гюмрюкчи, или сборщикъ пошлинъ; онъ разорился, и Константинъ воевода хотѣлъ его повѣсить, какъ недобросовѣстнаго. Явился къ намъ этотъ человѣкъ со своими друзьями и долго умолялъ насъ; и когда они представили залогъ, мы одолжили имъ два кошелька. Одинъ кошелекъ мы получили обратно; но послѣ того гюмрюкчи умеръ, оставивъ дочь и зятя. Они оспаривали нашъ искъ, перенесенный на разсмотрѣніе великаго вестіарія, который скорѣе держалъ ихъ руку; и я вступилъ съ нимъ изъ-за этого дѣла въ сильныя препирательства. Онъ постоянно твердилъ мнѣ слѣдующее: «Давайте, я напишу вамъ счетъ, дабы вы могли пойти и получить вашъ долгъ съ друзей и компаньоновъ покойнаго, такъ какъ они обязались и поручились за уплату этихъ денегъ». Я же возражалъ: «Нѣтъ, я хочу получить деньги только съ наслѣдника покойнаго; а пусть онъ взыскиваетъ и улаживаетъ дѣло съ компаньонами». Между тѣмъ какъ мы такимъ образомъ спорили и препирались другъ съ другомъ, всѣ вельможи приняли мою сторону и оказывали мнѣ, сколько могли, поддержку противъ вестіарія, который былъ большимъ тираномъ; именно, онъ коварно велъ происки противъ Константина воеводы, когда послѣдній послалъ его отвезти дань къ визирю въ Дарданеллы (какъ мы уже объ этомъ раньше упоминали), несмотря на то, что самъ Константинъ и возвелъ его на это мѣсто и въ это званіе. Въ своей безпредѣльной гордынѣ онъ теперь возсталъ и противъ этого господаря и сговорился съ нѣсколькими сановниками итти — и они дѣйствительно пошли — и принести Кадыри-пашѣ такого рода жалобу на господаря: «Господарь замышляетъ измѣну противъ

султана и вошелъ въ соглашеніе съ венграми, съ коими онъ и поддерживалъ до послѣдняго времени письменныя сношенія». Теперь это была правда; ибо господарь, разсердившись на визиря, который постоянно осаждалъ его непрестанными посланіями съ требованіемъ присылки ему кошельковъ денегъ, овецъ, лошадей и т. п., пока наконецъ не взвалилъ на него Богъ вѣсть какія издержки и жалованье турецкимъ солдатамъ, и который не давалъ ему ни минуты отдыха съ тѣхъ поръ, какъ послалъ его принять это достоинство,—господарь, негодуя на такое грубое обращеніе, заключилъ незадолго до того договоръ съ кралемъ и венграми и условился съ ними напасть на турокъ и татаръ съ тылу и всѣхъ ихъ перебить: такъ что втайнѣ онъ былъ въ союзѣ съ венграми, хотя наружно являлъ себя ихъ врагомъ. Прослышавъ объ этомъ, паша вознегодовалъ на господаря и рѣшилъ послать объ этомъ увѣдомленіе къ визирю. Господарь, чрезвычайно встревоженный, поспѣшилъ къ пашѣ и взяткою въ 60 кошельковъ—такъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ его придворныхъ—склонилъ пашу простить его и устроить примиреніе его съ доносчиками. Но свою ненависть ко всѣмъ имъ господарь затаилъ въ душѣ и скрывалъ вплоть до того времени, когда вышли препирательства у меня съ вестіаріемъ, и всѣ очевидцы удивлялись, что я осмѣливаюсь спорить съ нимъ, ибо никто не былъ въ силахъ бороться съ нимъ, и даже господарь, къ еще большей досадѣ своей, боялся его; ибо визирь былъ задушевнымъ другомъ вестіарія и условился съ нимъ, чтобы тотъ наблюдалъ за господаремъ и постоянно писалъ ему отчеты о всѣхъ его дѣйствіяхъ. Услышавъ о нашемъ спорѣ, господарь прислалъ за вестіаріемъ, чтобы тотъ пришелъ къ нему въ комнату, въ его шатеръ, и между ними начался разговоръ. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, явился отрядъ вооруженныхъ татаръ, вышедшихъ изъ маленькой двери позади шатра, и помѣстившись рядомъ съ комнатою, гдѣ разговаривалъ господарь съ вестіаріемъ, они стали на сторожѣ. Въ эту минуту одинъ изъ монхъ друзей, которому извѣстны были тайны господаря, приблизился ко мнѣ и знаками далъ мнѣ понять: «выйди вонъ, ибо эти ратники призваны господаремъ, чтобы немедленно предать казни вестіарія; не тревожься!» Еще не успѣлъ я выйти за наружную дверь, какъ поднялся крикъ, а за нимъ послѣдовала страшная суматоха; татары, вытащивъ вестіарія изъ комнаты господаря, изрубили его въ куски. Присутствовавшіе были охвачены паникой и, бросившись бѣжать, падали другъ на друга.—Да вознаградитъ Господь любезнаго друга, который своимъ предупрежденіемъ подготовилъ меня къ этому происшествію!

насъ вправѣ Отъ этого моста до Галаца остается два часа пути. Достигнувъ этого города, вечеромъ въ пятницу 17 сентября, мы остановились въ монастырѣ св. Димитрія [1]. Затѣмъ я отправился въ Яссы по нѣкоторымъ неотложнымъ дѣламъ, кои оставалось еще выполнить, и опять возвратился.

Глава X.

Галацъ.—Продолжительная остановка за неимѣніемъ судовъ. Свѣдѣнія о ходѣ войны съ венграми.

Въ Галацѣ мы пробыли двадцать два дня, разыскивая судно, которое доставило бы насъ по Черному морю въ Синопъ; но не находили ни одного. Причина этого была та, что визирь, снаряжая и поднимая свое войско въ походъ противъ венгровъ, весь свой обозъ и запасы пшеницы, ячменя, сухарей и другихъ предметовъ пропитанія, большія и малыя пушки и прочія принадлежности снаряженія и вооруженія переправилъ на судахъ изъ Константинополя, по Черному морю, къ Дунаю, чтобы все это доставить вверхъ по рѣкѣ къ нему въ главную квартиру его въ Бѣлградѣ. Не успѣлъ визирь начать свои дѣйствія противъ краля венгерскаго съ этой стороны, какъ съ другой собственныя войска краля покинули его, измѣнивъ ему подъ вліяніемъ чувства негодованія на него, главнымъ образомъ за то, что краль многихъ изъ своихъ солдатъ предалъ въ плѣнъ татарамъ, какъ мы упоминали раньше [2]; а они были по большей части ихъ родственники или члены ихъ семействъ. Затѣмъ, когда распространился слухъ объ измѣнѣ Михни воеводы и его тайномъ договорѣ съ венграми противъ турокъ и татаръ, послѣдній былъ вынужденъ совершить передъ ханомъ, противъ своего желанія, подвигъ ревностной храбрости, открывъ ему одинъ изъ извѣстныхъ проходовъ венгерской земли, называемый Теляжинъ [3], обманнымъ образомъ, ибо венгры имѣли къ нему довѣріе. Татары, проникнувъ такимъ образомъ въ страну огромнымъ полчищемъ, разлились подобно наводненію и захватили много замковъ и укрѣпленій. Говорятъ, что они ради забавы поджигали тамошніе города и деревни, которые всѣ построены изъ дерева, и въ теченіе долгаго

---

[1] Основанъ господаремъ Лупуломъ въ 1648 г. Разрушенъ во время Гетеріи и возобновленъ въ 1829 г. Нынѣ упраздненъ.

[2] См. выше, кн. XIII, гл. IV.

[3] Рум. Telejinŭ, с. въ округѣ Прахова. Съ такимъ же названіемъ извѣстны, находящіяся у села, возвышенность, рѣка и пограничная гора.

времени пожаръ не переставалъ свирѣпствовать по всей области и былъ видѣнъ за нѣсколько дней пути, и воздухъ на цѣлый мѣсяцъ потемнѣлъ отъ дыма. Такимъ образомъ силы венгровъ были сломлены, и изъ ихъ крѣпостей и замковъ уцѣлѣли только самые большіе. Изъ Брашова [1] прислали богатые дары, состоявшіе изъ значительной суммы серебра и золота, хану, казакамъ, Михнѣ и Гикѣ, каждому отдѣльно, чтобы склонить ихъ прекратить войну и не опустошать окрестностей города; и подобнымъ же образомъ присылали къ нимъ посольства изъ прочихъ семи городовъ саксонскихъ. Между тѣмъ татары подступили къ крѣпости Фогарашу, куда, какъ мы упоминали, бѣжалъ Константинъ воевода; намъ разсказывалъ одинъ человѣкъ, который былъ въ этомъ замкѣ, что главныя силы войска не могли приблизиться къ нему, такъ какъ пушки его хватали на далекое разстояніе; и говорятъ, что въ непріятелей было сдѣлано болѣе ста восьмидесяти выстрѣловъ, коими было убито большое число ихъ. Но татары плѣнили несмѣтное число поселянъ, пока наконецъ венгры, обратившись противъ нихъ, не разбили ихъ на голову; населеніе страны заняло горы и проходы въ тылу ихъ и истребляло ихъ сотнями. Между татарами, съ одной стороны, и казаками и валахами, съ другой, возникла сильная вражда, вызванная тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ то время какъ послѣдніе шли въ бой впереди и пролагали путь въ замки и башни, татары, подходившіе потомъ, вырывали у нихъ добычу изъ рукъ. Вслѣдствіе этого они перебили множество татаръ, о чемъ вѣсть дошла до визиря и весьма обрадовала его; ибо турки также питали вражду къ татарамъ. Однако, страна венгерская была наполнена непріятельскими войсками, повсюду пылали пожары, не перестававшіе, по крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, дымомъ отравлять воздухъ. Зарево мы видѣли изъ Галаца, и отлично знали, что́ это такое, такъ какъ страна венгерская вся состоитъ изъ высокихъ горъ, которыя видны издалека.

Что касается краля, то онъ, какъ скоро увидѣлъ измѣну страны, бѣжалъ предъ визиремъ вмѣстѣ съ воеводами Константиномъ и Стефаномъ въ одну очень сильную и знаменитую своею неприступностью крѣпость, по имени *Бода* (Боза?), и здѣсь укрѣпился. Вслѣдъ за тѣмъ часть укрѣпленныхъ мѣстъ, бывшихъ уже въ рукахъ турокъ во времена султана Сулеймана, а потомъ отвоеванныхъ у нихъ венграми, сдалась визирю. Вскорѣ владѣтель этой части страны, великій банъ, покорился съ 5000 человѣкъ; визирь обошелся съ нимъ милостиво и сдѣлалъ его, съ согласія мадьяръ, кралемъ надъ ними, но съ условіемъ,

[1] Брашовъ—румынское названіе гор. Кронштадта.

пріятное время года, мы прождали эти два года, выискивая случая, въ надеждѣ, что Господь облегчитъ намъ средства путешествія черезъ Румелію. Мы имѣли великое желаніе посѣтить Святую Гору, обитатели которой прислали приглашеніе нашему владыкѣ патріарху и весьма желали, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ. Владыка нашъ могъ бы получить отъ нихъ значительныя выгоды, исповѣдуя ихъ и давая имъ разрѣшительныя грамоты; а оттуда мы могли бы отплыть прямо въ нашу страну на какомъ-нибудь кораблѣ, принадлежащемъ христіанамъ, кои обитаютъ у Бѣлаго моря (Архипелага). Но вплоть до настоящаго времени не было никакой возможности облегчить намъ путешествіе этою дорогой.

Жители Галаца, видя наше безпокойство и бѣдственное положеніе, собрались всѣ вмѣстѣ и въ одинъ голосъ убѣждали насъ не уѣзжать теперь, въ зимнее время, когда опасности морского путешествія такъ велики. Мы, однако, не прекращали поисковъ, пока не нашли судно, принадлежавшее одному христіанину изъ Синопа и нагруженное ячменемъ, и согласились уплатить ему двѣсти піастровъ за доставку насъ въ эту гавань, каковое соглашеніе и осуществилось.

Въ это время жители Галаца также начали убѣгать, и переправившись черезъ Дунай, строили себѣ тростниковыя хижины въ странѣ турокъ, гдѣ поселились. Нѣкоторые помѣстились на судахъ, стоявшихъ на якорѣ въ ихъ пристани. Причиною этого было то, что когда визирь удалился, мадьяры сильно потѣснили хана съ его татарами и двухъ господарей, и они были принуждены также отступить. Какъ скоро вѣсть объ этомъ дошла до мѣстныхъ жителей, они поспѣшно удалились съ пути ихъ движенія; а что касается насъ, то мы были встревожены до того, что едва могли повѣрить себѣ, когда наконецъ уложили свои пожитки на корабль и сѣли сами, избавившись отъ грозившей опасности. Но Богу угодно было оказать намъ помощь и руководить нами.

Изъ Галаца мы выѣхали утромъ въ среду 13 октября и миновали Тимарово, извѣстный городъ, который греки называютъ Эрине (Рени). Между нимъ и Галацемъ есть расширеніе рѣки, называемое *Вилкови* (Вилковъ) [1]; тутъ мы были встрѣчены сильной бурей и полной перемѣной погоды. Мѣсто это очень опасное во всякое время. Ходитъ разсказъ, что въ недавнее время одинъ изъ рыбаковъ вырылъ въ берегѣ углубленіе, чтобы тамъ держать и прятать лодку, и что волны,

[1] Посадъ Вилковъ въ Бессарабской губ. Измаильскаго уѣзда, населенный старообрядцами-рыболовами.

безпрерывно вторгаясь туда, въ концѣ концовъ прорвали берегъ, такъ что образовался большой островъ.

Затѣмъ мы достигли крѣпости Исакчи, лежавшей вправо отъ насъ, ибо съ правой стороны у насъ была область Румелійская; крѣпость эта построена султаномъ Османомъ, когда онъ шелъ воевать съ ляхами. Здѣсь онъ переправился черезъ рѣку, построивъ мостъ черезъ Дунай, ширина котораго въ этомъ мѣстѣ незначительна. Намъ указывали мѣсто, подобное заливу или каналу, между двумя холмами, гдѣ еще видны остатки какого-то сооруженія; какъ говорятъ, сооруженіе это было каменный мостъ. Дунай иногда принималъ большую ширину,—быть можетъ, въ четыре или пять миль.

Затѣмъ мы прибыли къ извѣстному городу *Смилъ*, который турки называютъ Исмаиломъ, давъ ему наименованіе, любезное ихъ сердцу. Говорятъ, что въ этомъ городѣ проживаетъ болѣе двѣнадцати тысячъ семействъ валаховъ и болгаръ, которые бѣжали отъ притѣсненій турокъ и поселились тутъ, ибо жизнь здѣсь пріятна, и они пользуются справедливостью и безопасностью, а налоги, помимо харача, ничтожны. Единственное правительственное лицо—градоначальникъ. Этотъ городъ и гор. Рени составляютъ собственность монастыря Хассеки [1], а прежде составляли часть земли молдавской, но одинъ изъ господарей отдалъ ихъ туркамъ. Отъ нихъ до Галаца разстояніе два дня пути. Прежде чѣмъ достигнуть этихъ городовъ, мы прибыли къ мѣсту, называемому Четалъ, или «Раздѣленія» [2], откуда къ Черному морю можно спуститься по тремъ отдѣльнымъ рукавамъ, при чемъ каждое изъ этихъ развѣтвленій Дуная совершенно независимо отъ остальныхъ. Одно называется Сулинскимъ проливомъ, или рукавомъ, другое—рукавомъ св. Георгія, а третье то, по которому мы проѣхали до Исмаила. Изъ только что названнаго города мы прослѣдовали къ укрѣпленію *Калки* (Килія), гдѣ услышали азанъ, или мусульманскій призывъ къ молитвѣ, послѣ того какъ около шести лѣтъ не слыхали его, а слышали только колокола.

---

[1] Разумѣется, монастыря древнѣйшей.

[2] Четалъ, татарское слово, собственно значитъ: вилы. Четалъ—одинъ изъ трехъ большихъ острововъ, которые вмѣстѣ съ 16 меньшими составляютъ дельту Дуная.

Глава XII.

От Исмаила до Килін.— Способъ рыбной ловли. Торговля осетромъ и икрою. Выходъ въ Черное море.

Вскорѣ послѣ отплытія изъ Исмаила мы достигли обширныхъ равнинъ, представлявшихъ сплошные безлюдные солончаки; лѣтомъ они, какъ намъ сказали, непроходимы вслѣдствіе безчисленнаго множества комаровъ и мошекъ и наводняющихъ ихъ разбойниковъ на лодкахъ. Это — мѣсто, явно отмѣченное гнѣвомъ Божіимъ. Мы миновали насыпь или плотину, сдѣланную для ловли рыбы (преимущественно моруны [1], или осетра) и называемую *телянъ* [2]; здѣсь ловятъ рыбу для правительства, всегда по откупу или договору. Черезъ два дня прибыли мы къ знаменитому укрѣпленію Килія; это большой, великолѣпный замокъ, существующій съ давняго времени и очень сильно укрѣпленный, ибо онъ построенъ весьма прочно и достаточно снабженъ пушками. Разсказываютъ, что онъ былъ построенъ франками-генуэзцами, которыхъ призвали къ себѣ на помощь греки и отдали имъ этотъ замокъ вмѣстѣ съ замкомъ Кафою; оба эти укрѣпленія долго оставались въ ихъ рукахъ. Здѣсь дѣлается опросъ относительно кораблей, ихъ экипажа и груза. Тутъ конецъ румелійской Добруджи и истокъ рукава въ Черное море. Жители его находятся въ постоянномъ страхѣ предъ донскими казаками и ихъ разбойничьими судами, ибо они, по ихъ собственнымъ словамъ, многократно были ими ограблены. Всѣ сосѣднія деревни населены татарами; говорятъ, что здѣсь въ окрестностяхъ находится четырнадцать *теляновъ* для ловли рыбы и преимущественно осетра. Каждый годъ мѣстные жители выстраиваютъ ихъ заново, такъ какъ, при таяніи льда на Дунаѣ, рѣка силою разлива уноситъ колья. Поэтому работники отправляются на гору укрѣпленія *Сакпиджи* и рубятъ тамъ лѣсъ, тысячъ до двѣнадцати бревенъ, для ежегодной перестройки *теляновъ*; каждое бревно обходится въ тысячу османи [3]. Доставивъ ихъ къ Дунаю, они обтесываютъ концы ихъ на подобіе копейнаго острія и вбиваютъ ихъ въ дно рядомъ, отъ одного берега до другого, оставляя съ одной стороны лишь отверстіе, достаточное для прохода лодки, а на дальнемъ концѣ устраивается узкій каналъ, который заключаетъ въ себѣ родъ небольшого домика, состоя-

[1] Румынское названіе осетра (Accipenser huso)

[2] Телянъ, татарское слово, значитъ собственно: добыча.

[3] Очень мелкая монета.

щаго изъ деревянныхъ кольевъ, вколоченныхъ въ дно. Когда моруна или другая рыба приблизится къ этой загородкѣ, то благодаря отличному приспособленію, она непремѣнно попадаетъ въ нее, и толпа людей, приставленныхъ къ этому дѣлу, бьетъ ихъ длинными копьями, пока онѣ не будутъ перебиты; ибо рыба не имѣетъ возможности выйти назадъ. Тогда вытаскиваютъ ее руками и, нагрузивъ ею лодки, привозятъ къ таможенному начальнику, которому въ этомъ округѣ ввѣрено завѣдываніе доходами, получающимися отъ моруны и икры. Сюда постоянно приходитъ много кораблей изъ Константинополя и съ острововъ для закупки осетра, котораго солятъ и укладываютъ въ боченки; такимъ же образомъ они ведутъ торговлю икрою отдѣльно.

Намъ разсказывали, что прежде, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, обыкновенно уловъ рыбы бывалъ большой, когда съ начала сентября мѣсяца и до начала Рождественскаго поста, т. е. до наступленія морозовъ, каждое утро въ этой пристани обыкновенно получалось отъ трехъ-четырехъ до семи сотъ осетровъ. У амина, или уполномоченнаго, было въ обычаѣ посылать капитану каждаго корабля, стоявшаго въ пристани, одну рыбу и кромѣ того куски для каждаго изъ экипажа; но въ недавнее время прибылъ одинъ проклятый уполномоченный, который отмѣнилъ этотъ обычай. Такимъ образомъ, такъ какъ уловъ уменьшился, мы прождали три дня, пока не пріобрѣли одну рыбу, вѣсомъ около восьмидесяти окъ [1], которую мы купили за четыре съ половиною венеціанскихъ талера. Икру беретъ уполномоченный, и въ Галацѣ она дешевле.

Человѣкъ, продавшій намъ рыбу, сообщилъ намъ, что раньше такая рыба стоила не болѣе одного талера, по самой высокой цѣнѣ. Крупный осетръ вѣситъ окъ двѣсти и болѣе. Чтобы приготовить въ прокъ нашу рыбу мы пригласили мясника, который всю ее разрѣзалъ на куски, и—слава Создателю!—ни одна часть рыбы не пропала, ибо потроха ея и всѣ внутренности суть икра, которую берутъ и помѣщаютъ отдѣльно на доскѣ и, прибавивъ къ ней нѣкоторое количество соли, сверху нея кладутъ другую доску или плаху съ большими камнями, чтобы выдавить кровь и синюю жидкость. Когда она сдѣлается суше, ее укладываютъ въ боченки. Что касается туловища, то мы посолили его и положили подъ гнетень изъ камней, пока не удалена была изъ него вся влага, и затѣмъ мы наполнили имъ два большихъ боченка, при чемъ не бросили, какъ безполезное, ни малѣйшаго кусочка. Кожа и хрящъ даже лучше мяса; и вкусъ этой рыбы не под-

[1] Болѣе 6 пудовъ.

дается описанію. Когда мы желали сварить кусокъ ея, то наливали въ котелокъ воды, прибавляя луковицъ и шафрану; какъ только вода закипала, мы опускали туда рыбу; и удивительное дѣло!—какъ скоро рыба была сварена, на поверхности оказывалось плавающимъ большое количество жира, ибо мясо морупы пропитано чистѣйшимъ жиромъ.

Одинъ христіанинъ изъ Хіоса, поселившійся въ этой мѣстности и занимающійся приготовленіемъ и продажей икры, разсказывалъ намъ, что лѣтъ семь-восемь тому назадъ случился большой уловъ и среди рыбы оказался царь осетровъ, короткое, толстое животное, вѣсомъ въ сто двадцать окъ. На брюхѣ у него были три отростка, на подобіе роговъ, выступавшіе близко одинъ отъ другого, а на спинѣ его—прибавилъ онъ—нашли надпись на чистомъ, изящномъ арабскомъ языкѣ: «Богъ есть царь вѣковъ и тропченъ въ лицахъ». Потомъ сняли съ него кожу, и одинъ изъ вельможъ помѣстилъ ее въ своемъ дворцѣ и отказывается теперь показывать ее кому-либо; но случай не могъ остаться скрытымъ. Это было знаменіе отъ Создателя, долженствовавшее заставить арабовъ молчать ихъ собственнымъ языкомъ; ибо будь надпись на другомъ языкѣ, ни одинъ изъ нихъ не повѣрилъ бы ей; и по истинѣ это было великое чудо!

Затѣмъ мы выѣхали изъ этого мѣста и, пройдя на веслахъ около восемнадцати миль, прибыли къ хорошо извѣстному каналу или истоку въ Черное море, гдѣ отъ шестидесяти до семидесяти кораблей, идущихъ къ Нилу, въ Даміэтту и другія пристани Средиземнаго моря, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ ждали попутнаго вѣтра, чтобы поднять паруса. Малыя суда, какъ скоро погода становится благопріятной, уходятъ, не встрѣчая никакого препятствія или задержки; но большія суда нанимаютъ, каждое для себя, *тамбазъ*; такъ называется на Дунаѣ лихтеръ [1], лодка, имѣющая сверху выпуклую крышу и вмѣщающая большое количество зерна. Лодку эту они ведутъ съ собою изъ Киліи и перегружаютъ въ нее часть корабельнаго груза, чтобы облегчить корабль при переходѣ черезъ мелководье. Какъ скоро корабль благополучно вышелъ въ море, снова перегружаютъ зерно съ лихтера. Проливъ этотъ, или каналъ, называется на всѣхъ языкахъ *богазъ* [2], и онъ значительной ширины. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды его вливаются въ море, онъ дѣлается подобенъ морю, и его прѣсную воду черпаютъ на большомъ разстояніи отъ этого мѣста, въ особенности когда вѣтеръ

[1] Лихтеръ или плашкоть— малое судно, посредствомъ котораго разгружаютъ большія, въ случаѣ если послѣднія не могутъ подойти близко къ гавани.

[2] По-турецки значитъ „горло“, ср. рус. *гирло*.

дуетъ внизъ по теченію, тогда вода рѣки беретъ верхъ надъ соленымъ теченіемъ; но если вѣтеръ дуетъ съ моря, въ такомъ случаѣ верхъ беретъ морское теченіе.

Множество кораблей ждали благопріятнаго вѣтра и погоды, чтобы поднять паруса, и многіе уже истратили свои путевые запасы и посылали за свѣжей провизіей. Между тѣмъ какъ мы развлекались, наблюдая за судами, постоянно сновавшими туда и сюда, Богу угодно было явить намъ свою милость: вдругъ, въ воскресенье, раннимъ утромъ поднялся попутный вѣтерокъ, хорошо знакомый морякамъ; и малыя суда тотчасъ же распустили паруса и прошли мимо насъ. Это придало бодрости капитану нашего корабля, и онъ послѣдовалъ за ними, пока мы не пришли къ двумъ деревяннымъ колодамъ, употребляемымъ въ видѣ знаковъ и помѣщаемымъ ежегодно въ этихъ мѣстахъ, съ правой стороны прохода, для предупрежденія кораблей, чтобы они не сѣли на мель: ибо въ этомъ мѣстѣ подъ водою много камней, и если бы вѣтеръ отнесъ судно за эту границу, то оно бы навѣрное разбилось въ куски или по крайней мѣрѣ опрокинулось, вслѣдствіе малой глубины. Когда мы достигли этихъ бакеновъ, нашъ корабль оказался слишкомъ нагруженнымъ; а нанять *тамбазъ*, чтобы облегчить его грузъ, капитанъ не позаботился. Слѣдствіемъ этого было то, что когда силою вѣтра судно приподняло изъ воды, оно, погрузившись опять, коснулось дна, получило ударъ и зашаталось. Всѣ бывшіе на кораблѣ въ одинъ голосъ воззвали къ Богу о помощи; но вѣтеръ продолжалъ еще кидать корабль, и онъ ударился три или четыре раза. Если бы судно не было недавно построено, оно разбилось бы вдребезги, и при всемъ томъ оно спаслось только чудомъ и по милости Божіей, ибо льяло [1] наполнилось водою и бѣдные корабельщики работали день и ночь, вычерпывая ее ведрами, поочередно. Что касается насъ, то разсудокъ у насъ помутился и душа разставалась съ тѣломъ, и нашъ владыка патріархъ служилъ въ каютѣ капитана молебенъ съ водосвятіемъ. Но какъ скоро вышли мы на глубину, въ открытое море, вѣтеръ перемѣнился и заперъ выходъ, ибо приливъ съ моря взялъ перевѣсъ надъ теченіемъ Дуная; и тутъ поднялась сильная буря. Всѣ корабли, которые успѣли выйти, продолжали свой путь; а тѣ, которые не успѣли сдѣлать этого, возвратились, ждать другого благопріятнаго случая.

---

[1] Самая нижняя часть судна, интрюмъ.

КНИГА XV.

Черное море, Малая Азія, Сирія.

Глава I.

Отъ устья Дуная до Синопа.—Каварна, Варна, Сизеболи. Гераклея, Амастрисъ, Инеболи.

Вѣтеръ, къ счастію, былъ намъ попутный, и черезъ два дня и одну ночь, пройдя разстояніе въ двѣсти пятьдесятъ миль, мы достигли скáлы [1] и пристани на побережьѣ Мангаліи, Кюстенджe и Калпакры, имя которой—Каварна. Здѣсь, по нашимъ усиленнымъ просьбамъ и мольбамъ, обращеннымъ къ капитану корабля, онъ сталъ съ нами на якорь. Въ морѣ мы провели самую печальную ночь: дулъ сильный вѣтеръ, и вслѣдствіе качки корабля мы во всю ночь не могли вкусить сладости сна. Но истинѣ мы погибали и умирали отъ дѣйствія морского воздуха, и въ желудкѣ у насъ рѣшительно ничего не держалось. Лишь только мы увидѣли утреннюю зарю, какъ обратились съ просьбой къ капитану, и онъ, уступая нашимъ мольбамъ, высадилъ насъ на берегъ, и мы пошли въ вышеназванный городъ, расположенный на вершинѣ холма. Остановившись въ домѣ одного священника, мы пробыли у него до полудня пятницы, ибо вѣтеръ перемѣнился; и здѣсь мы пришли въ себя и наслаждались, вдыхая свѣжій воздухъ. Какъ скоро вѣтеръ снова сталъ попутнымъ, съ корабля прибыли за нами люди, и мы пошли съ ними, какъ будто шли на закланіе.

На корабль мы возвратились съ нѣкоторымъ отвращеніемъ, и въ субботу утромъ, проплывъ разстояніе въ двадцать семь миль, мы при-

---

[1] Итальянское слово (искаженное турками въ *искелé*), собственно: лѣстница. Такъ назывались въ прежнее время торговыя пристани въ Левантѣ.

были къ хорошо извѣстному городу Варнѣ съ ея замкомъ, расположенному также въ области Румеліи. На морѣ между тѣмъ разыгралась сильнѣйшая буря. Изъ этого мѣста мы отплыли въ понедѣльникъ утромъ къ городу Сизеболи, знаменитому своимъ монастыремъ Іоанна Крестителя, расположеннымъ вблизи него на островѣ,—но впослѣдствіи перемѣщеннымъ турками, такъ какъ въ какомъ-то году нѣсколько человѣкъ донскихъ казаковъ, измученные бурей на морѣ, нашли убѣжище на этомъ островѣ. Турки немедленно выступили, чтобы напасть на нихъ; но казаки, собравъ свои силы въ названный монастырь, перебили большое число турокъ, которые не могли одолѣть ихъ. Потомъ казаки сѣли на свои суда и удалились. Такимъ образомъ монастырь, по повелѣнію султана, былъ перемѣщенъ, чтобы казаки не могли въ другой разъ найти въ немъ убѣжище. Вѣтеръ носилъ насъ теперь надъ пучинами моря, пока не приблизились мы къ скалѣ и пристани, лежащей отъ послѣдняго города въ разстояніи ста миль и носящей имя *Карби*; вблизи находится большой и хорошо извѣстный островъ, на коемъ расположена обитель Неусыпающихъ, о которой повѣствуется въ житіи св. Іоанна Кущника [1].

Проплывъ еще около трехсотъ миль, мы пересѣкли проливъ Константинопольскій со стороны Румеліи и, поровнявшись съ берегомъ Караманіи, приблизились къ городу, называемому Понто Гераклея (Эрекли). Это тотъ городъ, въ которомъ св. Ѳеодоръ Стратилатъ претерпѣлъ мученія, и это довольно извѣстное мѣсто. Въ употребленіи слова *Понто* смыслъ есть, такъ какъ всѣ прибрежья Чернаго моря (и мы сами замѣтили это обстоятельство) представляютъ закругленныя впадины; на это и указываетъ значеніе этого греческаго слова. Капитанъ корабля намѣревался держать свой путь отъ устья Дуная, чрезъ средину моря, мимо хорошо извѣстнаго Змѣинаго острова, прямо къ Синопу; но вѣтры не благопріятствовали этому намѣренію, и онъ, тѣмъ болѣе что время было зимнее, отступилъ предъ опасностью пускаться на средину и дѣйствовалъ по болѣе безопасному плану, держа свой путь отъ одной пристани къ другой. Мы уже жестоко страдали въ продолженіе нашего плаванія по срединѣ рѣки и во время нашего долгаго пребыванія на кораблѣ до прибытія въ Каварну; но теперь насъ захватила *бонанца* [2], т. е. полное отсутствіе вѣтра, или мертвый штиль, въ продолженіе котораго море было совершенно спокойно: и

---

[1] Обитель Неусыпающихъ, какъ видно изъ житія св. Іоанна Кущника, находилась въ Виѳиніи, въ Малой Азіи.

[2] Вѣроятно, искаженное итальянское слово bonassia, штиль.

въ этомъ положеніи мы пробыли болѣе восьми дней. Слѣдствіемъ этого было то, что у насъ не хватило прѣсной воды и мы мучились отъ жажды, ибо капитанъ началъ выдавать воду всѣмъ бывшимъ на кораблѣ мѣркою и по порядку. Никакихъ свѣжихъ припасовъ, кромѣ капусты, у насъ не оставалось; а между тѣмъ, въ такомъ положеніи и при такихъ обстоятельствахъ, душа наша не чувствовала охоты ни къ чему, кромѣ плодовъ, арбузовъ, гранатовыхъ яблокъ и тому подобныхъ вещей, которыхъ достать нельзя было. Сердце теперь внутри насъ горѣло отъ морской болѣзни, и мы начали терять надежду достигнуть когда-либо землю, ибо дуновеніе вѣтра гнало насъ отъ нея. Намъ очень хотѣлось посмотрѣть этотъ городъ, Понто Гераклею, и всѣ чудеса, разсказываемыя о немъ, по поводу его мраморовъ, его зданій и древнихъ памятниковъ: ибо это греческій городъ глубокой древности. Въ теченіе трехъ дней продолжали мы носиться около него, постоянно отгоняемые вѣтромъ, пока всемогущій Господь не соблаговолилъ облегчить насъ: поднялся сильный западный вѣтеръ, и съ радостью оставивъ позади себя это мѣсто, мы прошли разстояніе во сто миль, имѣя по правую руку горы и лѣса Караманіи, и достигли славнаго города Амастриса, епископомъ котораго былъ св. Георгій, коего память празднуется 12 февраля [1]. Въ окрестностяхъ его когда-то былъ небольшой замокъ, теперь разрушенный и разоренный; остается только колокольня, въ самой верхней части его; на ней, говорятъ, до сихъ поръ есть одинъ колоколъ, въ который звонятъ, держа караулъ въ лѣтнія ночи, изъ страха предъ русскими [2]. Городъ этотъ расположенъ въ весьма пріятной мѣстности.

Отъ Понто Гераклеи, какъ уже сказано, мы шли берегомъ вдоль извѣстныхъ горъ Караманіи, покрытыхъ дубравами и корабельнымъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ въ большомъ количествѣ вывозится въ Константинополь, Египетъ и почти всѣ другія страны, ибо онъ крайне дешевъ; и въ самомъ этомъ городѣ, Амастрисѣ, строится множество кораблей, такъ какъ большинство жителей въ этихъ горахъ искусные мастера во всѣхъ плотничныхъ и судостроительныхъ работахъ. Амастрисъ находится подъ управленіемъ паши города Боли; вблизи него большая рѣка, гдѣ находятъ себѣ пріютъ зимою суда, по-гречески называемая Парѳено, или Дѣва, по имени города, отъ котораго она течетъ на протяженіи восемнадцати миль до моря. Всѣ эти области на-

---

[1] Память св. Георгія, епископа Амастридскаго, совершается не 12-го, а 21-го февраля. Амастрисъ—нынѣ Амасра.

[2] Этимъ именемъ Павелъ Алепскій, какъ извѣстно, называетъ казаковъ.

ходятся въ болѣе или менѣе разоренномъ состояніи, и главное несчастіе—притѣсненія со стороны ихъ правителей. Но изъ всего самое худшее для нихъ—нападенія русскихъ на судахъ съ Дона, которые производятъ крайнія опустошенія. Въ разстояніи пятидесяти миль отъ этого Амастриса лежитъ городъ, называемый Китросомъ, куда приходитъ много кораблей изъ Константинополя, Египта и всѣхъ другихъ странъ, для закупки мачтъ, строевого лѣса, корабельныхъ снастей и т. п., и это—мѣсто извѣстное. Отсюда до другого города, называемаго Инеболи, пятьдесятъ миль, а отъ этого мѣста до города Синопа—сто. Въ продолженіе зимняго времени, ежегодно, купцы и путешественники совершаютъ въ каикахъ плаваніе изъ Константинополя къ Трапезунту и границамъ Грузіи и считаютъ это время самымъ благопріятнымъ для путешествія. Когда море тихо и спокойно и свободно отъ бурь и волненія, они совершаютъ передвиженія; но лишь только настаетъ дурная погода, они вытаскиваютъ свои суда на сушу и остаются здѣсь въ бездѣйствіи.

Въ Инеболи мы прибыли въ воскресенье наканунѣ Рождественскаго поста, льстя себя надеждой, что въ этотъ же самый вечеръ мы прибудемъ въ Синопъ, справимъ здѣсь заговѣнье и поздравимъ другъ друга со счастливымъ окончаніемъ нашего плаванія. Но такое счастіе не выпало намъ на долю: ибо на морѣ весь день была полная тишина, и корабль безъ всякой цѣли кружился на одномъ мѣстѣ. По этой причинѣ нами овладѣла жестокая печаль и тяжкая скорбь, свыше всякаго описанія: такъ подавлены были мы страхомъ предъ зимними бурями, жестокими опасностями на морѣ и его вѣроломствомъ, ибо море это, какъ мы упомянули прежде по одному поводу, отмѣчено прозвищемъ «Чернаго» за то, что черны всѣ его дѣянія. Слѣдствіемъ нашего промедленія было то, что заговѣнье мы справили не мяснымъ кушаньемъ, а осетромъ. Однако, въ началѣ вечера Господу угодно было явить намъ свою милость; и вотъ на небѣ появилась широкая и яркая красная полоса, что было признакомъ наступленія вѣтреной погоды, благопріятной для продолженія нашего путешествія. Дѣйствительно, послѣ полуночи подулъ свѣжій вѣтеръ, который понесъ насъ по волнамъ съ большою быстротою, такъ что къ разсвѣту на слѣдующее утро мы прошли разстояніе во сто миль и достигли Акъ-Лимана, находящагося всего въ девяти миляхъ отъ Синопа, въ виду замка. Между тѣмъ крѣпкій вѣтеръ, все усиливаясь, превратился въ совершенную бурю, и волны съ такою силою ударялись о корабль, что каждое мгновенье онъ подвергался опасности пойти ко дну. Море разверзалось глубокой долиной, въ которую судно, опускаясь, погружалось, каза-

лось, навсегда, пока снова не поднималось наверхъ, вытягиваемое напоромъ вѣтра на паруса. Мы были въ сильномъ страхѣ и бросили въ море частицу Панагіи [1], той самой, которую архіерей воздвизаетъ надъ св. чашею при пѣніи: «Достойно есть», согласно обычаю христіанскихъ странъ, о чемъ мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ по другому поводу. Мы поручили себя покровительству всѣхъ святыхъ и особливо св. мучениковъ Гурія, Самона и Авива, коихъ память праздновалась въ тотъ день [2] и къ которымъ мы уже наканунѣ вечеромъ взывали о помощи и служили имъ молебенъ съ особыми молитвами, чтобы получить попутный вѣтеръ. Какъ въ тотъ разъ они даровали намъ желаемое, такъ теперь своимъ предстательствомъ они исторгли насъ изъ пучины и спасли отъ ударовъ морскихъ волнъ, одного вида которыхъ всѣ мы, а особенно я, были совершенно не въ состояніи вынести. Благодаря ихъ святому предстательству, мы прибыли къ задней сторонѣ синопскаго полуострова, образующей бухту въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. Это было утромъ въ первый день Рождественскаго поста. Вознеся благодаренія всемогущему Богу, мы немедленно сошли на берегъ, едва вѣря своимъ чувствамъ, что достигли земли, послѣ того какъ тридцать пять дней пробыли въ заточеніи на кораблѣ; изъ нихъ двадцать мы провели на рѣкѣ Дунаѣ, а остальные пятнадцать въ открытомъ морѣ. Отъ Галаца до Синопа мы сдѣлали переходъ въ тысячу четыреста миль: пятьсотъ миль отъ Галаца до истока Дуная въ Черное море, и отсюда до Синопа девятьсотъ—таковы вычисленія географовъ. Послѣ этого мы прошли по сушѣ разстояніе въ девять миль и вступили въ кварталъ, населенный христіанами, расположенный внѣ городскихъ стѣнъ. Здѣсь мы помѣстились въ домѣ одного важнаго архонта [3], гдѣ также помѣщена была наша кладь и устроились и наши спутники. Мы чрезвычайно радовались, что остались невредимы, и были очень довольны, что снова можемъ вкушать свѣжую рыбу изъ моря и свѣжіе плоды земные, каковы: зеленыя смоквы, гранатовыя яблоки, баклажаны и т. п., видѣть дикія смоковницы, растущія на горахъ и подлѣ домовъ, масличныя деревья, гранатовыя, кустарники и травы нашей родной страны, какъ-то: дерево кундуль [4], богородичную траву..., которыхъ мы не видѣли уже болѣе шести лѣтъ. Мы провели блаженную ночь и были въ такомъ состояніи, какъ если бы ожили

[1] Богородичная просфора.

[2] 15 ноября.

[3] Почетное лицо христіанской общины.

[4] Колючій кустарникъ, изъ цвѣтовъ котораго получается превосходное масло.

снова послѣ смерти. Самое большое благо, которое угодно было Господу даровать намъ, состояло въ томъ, что мы совершили переѣздъ черезъ Черное море до наступленія зимы.

Что касается судьбы прочихъ кораблей, которые вышли вмѣстѣ съ нами изъ устья рѣки въ открытое море, то мы должны сказать, что вѣтеръ разбросалъ ихъ и ни одинъ изъ нихъ не могъ достигнуть Константинополя. Многіе изъ нихъ потерпѣли крушеніе, а прочіе остались на зиму въ окрестностяхъ Сизеболи.

Что же касается до тѣхъ судовъ, которые не вышли вмѣстѣ съ нами изъ рукава, то они, вслѣдствіе отсутствія благопріятнаго вѣтра, остались тамъ зимовать и могли тронуться въ путь только послѣ Крещенья.

Глава II.

Синопъ.—Описаніе города и церквей. Мѣстные обычаи.

Положеніе города Синопа очень красивое. Это—полуостровъ или коса, протянувшаяся въ море, подобно полуострову Константинопольскому, въ видѣ языка. Замокъ, или укрѣпленіе, находится на самой оконечности, имѣетъ очень большіе размѣры, простираясь за городскія стѣны, и окруженъ двойной стѣной съ башнями и рвами. Онъ очень высокъ и крѣпокъ и снабженъ въ достаточной мѣрѣ пушками; сверхъ того внутри онъ заключаетъ второй замокъ. У начала косы, или на перешейкѣ, находится третье укрѣпленіе, также очень сильное. Постройки его весьма прочныя, старинныя; это—сооруженіе франковъ-генуэзцевъ, которые завладѣли этимъ городомъ въ то время, когда отняли Константинополь у грековъ [1]. Море ударяется о бока городскихъ стѣнъ на сѣверѣ и на югѣ, и именно съ южной стороны глубже всего вдается оно въ косу, такъ что волны совершенно окружаютъ вышеупомянутый замокъ. Бухта отъ набережной до открытаго моря простирается на разстояніе перелета стрѣлы. Поверхность равнины сплошь песчаная, такъ что, если бы жители захотѣли, то могли бы прокопать черезъ нее ровъ, и море совершенно окружало бы городъ. Стѣны поднимаются такъ высоко, что кажутся какъ бы висящими на вершинахъ горъ, подобно стѣнамъ Антіохіи. Когда входишь со стороны суши,

---

[1] Генуэзцы утвердились, собственно, въ Галатѣ, предмѣстьѣ Константинополя; это было въ 1216 г., вскорѣ послѣ взятія его крестоносцами. Но Синопъ не принадлежалъ генуэзцамъ, а входилъ въ составъ Требизондской имперіи.

то-есть чрезъ вышеупомянутую песчаную равнину, то встрѣчаешь тѣсный проходъ между двухъ стѣнъ, который ведетъ отъ однихъ воротъ къ другимъ, находящимся съ внутренней стороны первыхъ, и чрезъ который одновременно можетъ пройти только одна лошадь,— по истинѣ неприступное сооруженіе. Городомъ этимъ управляетъ паша кастамунскій; только жители никогда не позволяютъ ему входить въ него: таковъ у нихъ порядокъ; и они не даютъ такого разрѣшенія и прочимъ пашамъ. Они не позволяютъ даже капиджи, являющимся изъ Константинополя по дѣламъ султана, выполнять какія бы то ни было повелѣнія его; даже не позволяютъ имъ вступать въ ихъ стѣны въ числѣ большемъ трехъ или четырехъ человѣкъ одновременно. Таковъ господствующій у нихъ обычай; и хотя многіе паши употребляли разныя хитрости, чтобы проникнуть въ городъ тайкомъ и съ помощью переодѣванья, но терпѣли всегда неудачу въ этомъ, такъ какъ это вещь невозможная. Поэтому онъ наслаждается несказанно полнымъ миромъ и правосудіемъ. Дома христіанъ находятся внѣ городскихъ стѣнъ, къ западу, но весь полуостровъ составляетъ ихъ собственность и владѣніе, и многіе изъ нихъ имѣютъ дома также и внутри городскихъ стѣнъ, ибо въ лѣтнее время они пребываютъ въ сильномъ страхѣ передъ русскими [1] и вслѣдствіе этого не рѣшаются оставлять какое-нибудь имущество въ своихъ домахъ, лежащихъ внѣ стѣнъ.

Намъ разсказывали, что сорокъ лѣтъ тому назадъ вышеупомянутые казаки обложили городъ и взяли его приступомъ, вмѣстѣ со всѣми укрѣпленіями, захвативъ богатую добычу и большое число плѣнныхъ. Здѣсь есть тэрсъ-ханэ, или верфь, на которой строятъ много кораблей и гальоновъ. Въ настоящее время занимались постройкою гальона весьма большихъ размѣровъ: длина его равняется пятидесяти локтямъ, а ширина—двадцати пяти. Жизнь христіанъ въ этомъ мѣстѣ протекаетъ въ полномъ довольствѣ, счастіи и безопасности. Подать и сборы, налагаемые на нихъ, идутъ сполна на уплату жалованья войскамъ, стоящимъ гарнизономъ въ городѣ; и священники здѣсь какъ бы замѣняютъ должностныхъ лицъ и правителей. Жители вообще любятъ держать рабынь-дѣвицъ и *мамелюковъ*, или рабовъ: въ этомъ мѣстѣ живетъ свыше тысячи христіанскихъ семействъ, и въ каждомъ семействѣ есть пять-шесть плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ, а то и больше. Здѣсь внѣ городскихъ стѣнъ семь церквей. Первая—во имя Константина и Елены, вторая—въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и Благовѣщенія, третья—во имя св. Николая, четвертая—во имя св.

[1] То-есть казаками.

Іоанна Богослова, старинная, съ высокимъ куполомъ; древнѣе этой не существуетъ здѣсь церкви. Близъ нея большая церковь во имя св. Киріаки. Шестая—во имя Іоанна Крестителя. Седьмая, на набережной у моря,—во имя мученика Ѳеодора Тирона. Въ алтарѣ, на каѳедрѣ (горнемъ мѣстѣ), есть мраморный камень, въ видѣ сѣдалища, на коемъ, по сказанію, сидѣлъ св. апостолъ Андрей, когда приходилъ въ этотъ городъ и окрестную страну, жители которой приняли чрезъ него (христіанскую) вѣру; и особенно гордится имъ населеніе города Синопа. Однако именно они собрались мятежной толпой вкругъ него и отъѣли ему большой палецъ: поэтому окрестные города осыпаютъ ихъ упреками и говорятъ имъ: «Это вы отъѣли пальцы у св. апостола Андрея въ ожесточеніи своихъ сердецъ». Въ этой церкви скрыта гробница св. мученика Фоки Синопца. Утромъ и вечеромъ они бьютъ въ деревянныя била въ своихъ церквахъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ среди нихъ турецкихъ домовъ. Въ кварталѣ, гдѣ расположены дома христіанъ, на сѣверной сторонѣ полуострова, находится древній каменный царскій дворецъ, который называютъ Палати, существующій со временъ христіанскихъ императоровъ, великолѣпное зданіе, окруженное многими обветшалыми пристройками, принадлежащими христіанамъ. Внутри его старинная церковь во имя Вознесенія Господня. Всѣ эти церкви построены по образцу церквей Константинополя и его области. Армянъ здѣсь очень небольшое число, и они слабы и бѣдны, не имѣя ровно никакихъ средствъ и никакого состоянія. У нихъ есть церковь, за которую они платятъ аренду грекамъ; именно, ежегодно они уплачиваютъ двадцать пять піастровъ въ видѣ арендныхъ денегъ за землю, ибо она есть угодье, принадлежащее церквамъ нашей общины, которая весьма презираетъ армянъ и отъ времени до времени требуетъ отъ нихъ землю, на которой стоитъ ихъ церковь. Этотъ городъ подвѣдомственъ митрополиту Амасійскому, который пребываетъ здѣсь постоянно, такъ какъ его епархія, Амасія, разрушена и совершенно лишилась христіанскаго населенія. Разстояніе отъ города Синопа до Токата составляетъ пятнадцать переходовъ. Поэтому тѣ, которые желаютъ проѣхать въ Токатъ съ тяжелой кладью, направляются моремъ къ городу, называемому Эносъ, по-турецки Уніе, отстоящему отъ него на двѣсти миль и служащему скáлой или пристанью для города Кафы; сюда приходятъ купцы изъ Молдавіи, Валахіи, страны казаковъ, Польши, Діарбекира и др., съ краснымъ камышомъ и сафьяномъ, изъ Алеппо съ тафтою и индійскою синею тканью и съ другими товарами, по причинѣ близости его къ Токату; ибо между этими двумя мѣстами всего четыре дня пути. Случилось, что мы потомъ направились къ этой пристани, которая

находится въ бухтѣ, образуемой моремъ, вдающимся широкимъ заливомъ въ сушу.

Въ четвертокъ второй недѣли Рождественскаго поста насъ пригласили въ церковь св. Николая, и здѣсь мы освятили немного елея, въ присутствіи духовенства и мірянъ, для одного лица, вознамѣрившагося совершить паломничество въ Іерусалимъ; ибо у нихъ существуетъ обычай, что когда кто-либо изъ нихъ намѣревается предпринять путешествіе, то исповѣдуется и приглашаетъ епископа и духовенство въ церковь, чтобы для него освятили немного елея. Онъ раздаетъ всѣмъ присутствующимъ восковыя свѣчи, ставитъ свѣчи въ подсвѣчники и передъ образами, возжигаетъ всѣ лампады въ церкви и предъ началомъ молитвъ дѣлаетъ рядъ метаній архіепископу и присутствующимъ, прося у нихъ прощенія, если съ его стороны причинена имъ какая-либо обида, если онъ говорилъ непочтительно съ кѣмъ-нибудь изъ духовенства, или если онъ пренебрегъ своими обязанностями по отношенію къ кому-либо изъ собравшихся. Тогда всѣ они даруютъ ему прощеніе, говоря: «Богъ да проститъ тебя!» и послѣ этого онъ зажигаетъ свои восковыя свѣчи и причащается св. Таинъ. По окончаніи молитвъ онъ завѣщаетъ, съ клятвами и договорами, все, чѣмъ владѣетъ и что ему должны, предъ лицомъ и съ засвидѣтельствованія всего собранія. Такимъ же образомъ поступалъ и этотъ человѣкъ въ настоящемъ случаѣ. Послѣ того какъ мы вышли изъ церкви, поставили на церковномъ дворѣ для нашего владыки патріарха кресло; и когда всѣ собравшіеся усѣлись, паломникъ обнесъ ихъ кушаньемъ и роздалъ всѣмъ кубки съ водкою. Всѣмъ священникамъ и монахамъ онъ поднесъ денежные подарки. Сколь достоинъ замѣчанія этотъ превосходный обычай! И такимъ образомъ онъ отправился въ путь съ благословенія Божія, и съ нимъ мы послали письма въ нашу страну, чтобы увѣдомить своихъ о нашемъ скоромъ возвращеніи.

Въ воскресенье, второе отъ начала Рождественскаго поста, мы служили обѣдню въ церкви св. Киріаки, что близъ церкви Іоанна Богослова. Мы также служили всенощную въ третью субботу въ церкви св. Іоанна Богослова; а на Рождество, когда митрополитъ этого города прибылъ изъ Константинополя, мы присутствовали за обѣдней въ церкви св. Николая.

У нихъ существуетъ обычай на праздникъ Обрѣзанія посылать епископу или священнику, совершавшему богослуженіе, длинные пшеничные куличи не сдобные, вмѣстѣ со сластями, состоящими изъ варенаго миндаля, растертаго съ медомъ и пр.—подарокъ довольно значительный и по величинѣ и по цѣнности. Точно такъ же въ канунъ Рож-

дества и Крещенія они приносятъ ему куличи, воскъ, ладанъ и немного денегъ, чтобы онъ въ молитвахъ своихъ помянулъ объ ихъ имуществѣ.

На праздникъ Крещенія мы облачились вмѣстѣ съ митрополитомъ этого города въ церкви Іоанна Крестителя, которая также освящена въ честь Крещенія; и митрополитъ города приводилъ много извиненій, прежде чѣмъ рѣшился облачиться въ саккосъ, говоря: «незаконно облачаться мнѣ въ него въ присутствіи твоей святости», и онъ говорилъ правду, такъ какъ у него не было фелони. Затѣмъ, когда кончилась утреня, мы направились изъ церкви къ морскому берегу съ крестнымъ ходомъ и здѣсь совершили обычное служеніе, при чемъ нашъ владыка патріархъ прочиталъ молитвы. Послѣ погруженія креста въ водоемъ онъ пошелъ и бросилъ изо всѣхъ силъ деревянный крестъ въ море, согласно ихъ обычаю. Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ, уже раздѣтые, выступили и, нырнувъ въ море, вынесли крестъ,—коему они воздавали, въ присутствіи турокъ и другихъ, великія почести, превосходящія даже тѣ, какія оказываются ему въ христіанскихъ странахъ. Послѣ того какъ владыка всѣхъ окропилъ, мы возвратились и довершили обѣдню.

Глава III.

Синопъ.—Извѣстія о событіяхъ въ Сиріи. Битва Муртезы-паши съ Хасаномъ-пашою. Осада Алеппо Сеидъ-Ахмедомъ-пашою и неудачная попытка Хасана-паши овладѣть этимъ городомъ. Отъѣздъ изъ Синопа. Самсунъ. Прибытіе въ Эносъ.

Мы располагали уже немедленно выѣхать, чтобы продолжать наше путешествіе, и только вслѣдствіе далеко разнесшихся слуховъ о Джелали Хасанѣ-пашѣ и его единомышленникахъ и объ открывшихся между его сторонниками и Муртезою, пашою діарбекирскимъ, военныхъ дѣйствіяхъ, мы были принуждены нѣсколько замедлить. Дѣло было въ томъ, что визирь послалъ приказъ этому послѣднему открыть военныя дѣйствія противъ перваго и разослалъ по всей странѣ предписанія взяться за оружіе, такъ что, по разсказамъ людей, достойныхъ довѣрія, подъ знамена Муртезы-паши собралось на войну полчище болѣе чѣмъ въ сто двадцать тысячъ человѣкъ, изъ туркменовъ, курдовъ и земледѣльцевъ. У Хасанъ-паши, какъ намъ также сообщили, было только двѣнадцать тысячъ человѣкъ, но всѣ они были сильные и отборные воины изъ сарыджа и сейменовъ, ибо къ нему примкнуло все войско Абшира-паши, съ его начальниками и агами, вмѣстѣ съ Мирзою-Али, съ помощью котораго Абширъ создалъ изъ нихъ такихъ

богатырей. Какъ скоро извѣстіе объ этомъ обстоятельствѣ дошло до Хасана-паши, онъ выступилъ изъ Брусы и прибылъ къ Эскишегру; совершая походъ къ этому мѣсту, онъ уничтожалъ всѣ источники воды, находившіеся на пути между нимъ и Муртезою-пашою, и засыпалъ землею колодцы на пространствѣ трехъ или четырехъ дней пути: въ то же время всѣ текущія воды онъ направлялъ на дороги и поля, оставшіяся позади его войска, такъ что вся поверхность покрыта была грязью и вязкою глиною. Слѣдствіемъ этого было то, что когда непріятели сошлись съ нимъ, они умирали отъ жажды и усталости и были тревожимы прикрывавшими его тылъ наѣздниками; между тѣмъ какъ онъ (я разумѣю Хасана-пашу) и его войско были бодры и здоровы. Въ эту рѣшительную минуту онъ ударилъ на нихъ и въ завязавшемся сраженіи разбилъ ихъ на голову, но въ жару побѣды не могъ удержать своихъ людей отъ рѣзни, при всемъ своемъ желаніи, такъ какъ въ отношеніи къ султану онъ еще колебался между страхомъ и надеждою. Войско его, по разсказамъ, избило болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ изъ войска Муртезы-паши, большая часть котораго состояла, какъ мы уже упоминали, изъ земледѣльцевъ и изъ людей неопытныхъ, совершенно незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ. Что касается до Мирзы-Али, то онъ избилъ столько непріятелей, что нельзя ни описать ни исчислить, пока не настигъ Муртезу-пашу, и едва не захватилъ его живьемъ. Но Хасанъ всталъ между ними и упрашивалъ Мирзу и остальное войско, пока наконецъ удалось ему положить конецъ кровопролитію. Однако они отняли у Муртезы-паши и его войска все, что при нихъ было, захвативъ всю ихъ добычу и снявъ съ нихъ одежду; а у паши они взяли всю его казну, полученную имъ отъ султана, и даже его шатеръ, его утварь и слугъ, едва давъ ему возможность спасти свою жизнь бѣгствомъ въ Ангору, гдѣ онъ укрылся подъ защитою городскихъ стѣнъ. Тѣ изъ его войска, которые избѣжали рѣзни, въ бѣгствѣ своемъ разсѣялись по горамъ и долинамъ. Послѣ этого Хасанъ-паша съ большимъ торжествомъ и ликованіемъ возвратился въ страну арабовъ, къ Марашу и Айнтабу, гдѣ и расположился лагеремъ.

Хасанъ имѣлъ желаніе овладѣть Алеппо и предаваться здѣсь произволу. У него былъ кіайя, или управляющій, котораго онъ, на время своего отсутствія, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Алеппо. Звали этого человѣка Хаммамджи-оглу; и Хасанъ неоднократно посылалъ къ нему, побуждая его употребить всю свою хитрость, чтобы овладѣть городомъ. Но милость Всемогущаго спасла Алеппо отъ этого вторичнаго разоренія, ибо онъ уже достаточно пострадалъ отъ того, что причинилъ ему Сендъ Ахмедъ-паша, прибывшій изъ Константино-

поля, чтобы въ качествѣ паши принять въ свое управленіе городъ. Однако знатные люди ни за что не хотѣли передать въ его руки власть и не признали его своимъ мутеселлимомъ, или правителемъ, такъ какъ его сопровождало множество агъ и большая часть вышеупомянутыхъ войскъ Абшира-паши, которыхъ они сильно опасались, зная, какъ они вели себя въ Алеппо прежде и какихъ насильственныхъ и злодѣйскихъ поступковъ были они виновниками. Поэтому паша выступилъ въ походъ и осаждалъ Алеппо въ продолженіе сорока дней; за эти дни онъ вырубилъ деревья во всѣхъ фруктовыхъ и иныхъ садахъ, чтобы достать себѣ топлива, такъ какъ время было зимнее и погода стояла чрезвычайно холодная, и дѣлалъ въ землѣ подкопы. Былъ въ это время въ Алеппо справедливый судья, или кади, по имени Мусалла Эфенди. Этотъ почтенный человѣкъ созвалъ всѣхъ жителей и увѣщевалъ ихъ защищать городъ, и самъ началъ таскать землю съ горы, что́ въ Мазаръ Сегри, покрытую розовыми кустами: и мало-по-малу перенеся всю эту груду, онъ устроилъ въ углу городской стѣны, насупротивъ того мѣста, которое она занимала раньше, большую насыпь, извѣстную съ тѣхъ поръ подъ его именемъ, и съ нея они стрѣляли изъ разставленныхъ имъ пушекъ. Тогда Сеидъ Ахмедъ-паша захватилъ дома, лежащіе внѣ стѣнъ, въ христіанскихъ кварталахъ, и войска его разграбили ихъ, учинивъ кромѣ того жесточайшія насилія, ибо жители навлекли на себя въ сильнѣйшей степени его злобу и вражду, такъ какъ обитатели внутренней части города принудили населеніе предмѣстьевъ вести съ нимъ бой съ кровель домовъ; и если бы Богъ не внушилъ ему снисходительности, произошло бы много ужасовъ. Наконецъ Алеппцы послали своего представителя въ Константинополь заявить объ ихъ нежеланіи принять этого пашу; и въ отвѣтъ на это пришло увѣдомленіе, чтобы онъ снялъ осаду и удалился отъ Алеппо; вмѣсто управленія этимъ городомъ ему порученъ былъ Бѣлградскій пашалыкъ. И онъ немедленно удалился. Тогда Хаммамджи-оглу поспѣшно послалъ приказъ удалить всю стражу отъ городскихъ воротъ и замѣстилъ ее своими собственными войсками; но это тотчасъ же дошло до ушей аги, или начальника крѣпости, который встревожился и держался на сторожѣ, охраняя крѣпость. Поэтому первый потерпѣлъ неудачу въ своихъ замыслахъ; и говорятъ, одинъ изъ его агъ порицалъ его, говоря ему такъ: «Если ты хотѣлъ захватить замокъ, то долженъ былъ бы посовѣтоваться съ нами и мы составили бы и пустили въ ходъ вѣрный способъ, какой употребилъ въ прежнія времена Джанбуладъ-

оглу [1], вполнѣ осуществивъ этимъ захватъ крѣпости. Планъ состоялъ бы въ томъ, что ты сковалъ бы двадцать изъ насъ, агъ, по рукамъ и ногамъ и послалъ бы отвести насъ въ темницу въ крѣпости, и каждаго изъ насъ вели бы двое, такъ что всего насъ было бы шестьдесятъ человѣкъ, тогда какъ у воротъ крѣпости людей немного, и съ помощью этой хитрости мы захватили бы ее безъ труда». Прибавляли, что Хаммамджи-оглу сильно жалѣлъ о томъ, что сдѣлалъ. Однако это была милость и особое благоволеніе всемогущаго Бога къ жителямъ Алеппо, какъ мы сказали раньше. Впослѣдствіи они возстали противъ этого Хаммамджи-оглу, когда онъ прибылъ въ качествѣ мутеселлима, или намѣстника, отъ Махмуда-паши, паши Аданы, и выгнали его изъ Алеппо; и въ то время какъ онъ былъ въ дорогѣ, его умертвили, прежде чѣмъ онъ успѣлъ присоединиться къ Хасану-пашѣ.

Какъ скоро извѣстія объ этомъ достигли Синопа и окрестныхъ городовъ, жители успокоились и дороги сдѣлались безопасными, тогда какъ до этого они терзались страхомъ и опасеніями; толпы путешественниковъ и караваны опять двинулись въ путь, и мы, съ своей стороны, усиленно занялись приготовленіями къ путешествію. Такъ какъ намъ наскучило пребываніе здѣсь, въ Синопѣ, то мы уже три раза нанимали судно, чтобы оставить его и отправиться въ Эносъ; но жители не пускали насъ, пока не подтвердились настоящія благопріятныя извѣстія; тогда они попрощались съ нами, и мы отплыли въ субботу утромъ, въ послѣдній день января. Жители Синопа плакали, разставаясь съ нами. Мы помѣстили всѣ свои вещи и сами всѣ помѣстились въ каикѣ, нанятомъ нами за шестнадцать піастровъ. Мы предпочли такое судно оттого, что чувствовали страхъ при мысли сѣсть на корабль, и считали для себя каикъ болѣе безопаснымъ и болѣе пріятнымъ судномъ, такъ какъ мы будемъ идти вдоль морского берега, близко къ землѣ, и въ случаѣ, если корабельщики увидятъ, что на морѣ поднимается сильный вѣтеръ или буря, они направятъ судно въ бухту и вытащатъ его со всѣмъ, что въ немъ есть, при помощи ворота и канатовъ, наверхъ на берегъ, гдѣ мы будемъ въ безопасности. Такимъ путемъ мы прошли разстояніе въ восемнадцать миль и прибыли къ небольшому городу, называемому Герзе, въ которомъ находится нѣсколько прекрасныхъ, большихъ домовъ, старинная церковь во имя

[1] Могущественная курдская фамилія Джанбуладъ владѣла на ленныхъ правахъ санджакомъ Келизъ, близъ Алеппо, и одинъ изъ членовъ ея, Хусейнъ-Джанбуладъ, былъ въ началѣ XVII вѣка губернаторомъ Алеппо (см. объ этомъ наше примѣчаніе во II-мъ выпускѣ, стр. 139).

архангела Михаила и другая, недавно выстроенная, на берегу моря, во имя св. Параскевы. Выѣхавъ отсюда, мы прибыли въ одно мѣсто, гдѣ освятили и дали имя новому кораблю, переѣхали рѣку у впаденія ея въ море, называемую Кара-Богазъ, затѣмъ другую рѣку, называемую Кызылъ-Богазъ [1]. Переѣзжая ихъ, мы испытывали великій страхъ вслѣдствіе быстроты ихъ теченія. Вскорѣ послѣ этого мы проплыли мимо города Амизуса [2] и миновали рѣку Волчью, знаменитую тѣмъ, что имя ея связано съ именемъ св. Григорія чудотворца, и называемую по-турецки Чаршенбе [3]. Затѣмъ мы проплыли мимо города Джаника, славящагося своимъ небѣленымъ полотномъ, и прибыли къ древней церкви, во имя св. Николая, выстроенной на высокомъ утесѣ. Мы помолились въ этой церкви, находящейся очень близко отъ Эноса (Уніе), а въ этотъ городъ, или «Городъ вина», вступили мы въ воскресенье на Масленой недѣлѣ, встрѣченные всѣми обитателями.

Глава IV.

Описаніе Эноса.—Занятіе его жителей.—Городъ Аргести.

Наше плаваніе отъ Синопа до Эноса продолжалось девять дней; ибо мы встрѣчали большую задержку вслѣдствіе дурной погоды и бурности моря. Сначала насъ провели въ церковь св. Николая, великолѣпное каменное сооруженіе, а затѣмъ въ церковь Владычицы, окруженную каменными стѣнами. Насъ пригласили въ ограду этой послѣдней церкви, къ которой принадлежитъ прекрасный садъ, заключающій въ себѣ низкія плодовыя деревца съ широкими листьями, напоминающими листья каперсоваго куста, и едва отличимыя отъ него. Зданія въ этомъ городѣ каменныя, большія и прочныя: они красивѣе построекъ въ Синопѣ; и жители болѣе почтительны и набожны, ибо мы замѣтили въ нихъ благоговѣніе и набожность, горячую ревность къ молитвамъ и церковной службѣ, покорность и смиреніе предъ нашимъ владыкою патріархомъ, какихъ мы никогда не видѣли въ свою жизнь; и что замѣчательнѣе всего, пока мы жили у нихъ, намъ ни разу не

---

[1] То-есть устье рѣки Кызылъ-Ирмакъ.

[2] Нынѣ Самсунъ; этотъ городъ „смѣнилъ древній Амизусъ грековъ, который лежалъ въ 2 километрахъ сѣвернѣе, и отъ котораго уцѣлѣли еще молы и остатки набережныхъ, окаймляющіе аллювіальныя земли, на которыхъ разведены сады“. (*Реклю*, Земля и люди, т. IX, стр. 480).

[3] Въ дѣйствительности, рѣку Ешиль-Ирмакъ (въ древности Иристъ); рѣка же Волчья (Ликосъ, нынѣ Гермайхъ-Чай) составляетъ лишь притокъ ея,

пришлось покупать что-нибудь на рынкѣ, ибо женщины на перебой съ мужчинами приносили намъ обѣденные приборы, хлѣбъ, разнаго рода кушанья, одно за другимъ, водку, вино и другіе напитки, въ такомъ количествѣ и столь разнообразныхъ качествъ, что это превосходитъ всякое описаніе. Всѣ они, днемъ ли, ночью ли, были готовы къ нашимъ услугамъ. Вино въ этой странѣ превосходное: оно—темно-краснаго цвѣта и приготовляется изъ чернаго винограда, который вьется по деревьямъ, и очень дешево.

Занятіе женщинъ въ Синопѣ и въ этомъ округѣ и вообще всего населенія этихъ предѣловъ состоитъ въ производствѣ полотна. Ни одинъ изъ жителей не преминулъ прійти и представить свою жену и семью нашему владыкѣ патріарху, и они получали отъ него разрѣшительныя грамоты. Мы провели у нихъ много больше дней, чѣмъ это было бы необходимо при другихъ обстоятельствахъ, дожидаясь каравана, который долженъ былъ прійти изъ Токата,—ибо въ это время года караваны отправляются, обыкновенно, безпрерывно, составляясь изъ купцовъ кафскихъ, молдавскихъ и польскихъ, какъ мы объ этомъ упоминали раньше,—такъ какъ мы желали возвратиться домой вмѣстѣ со своимъ вьючнымъ скотомъ, и такимъ образомъ его можно было вести безъ труда, съ удобствомъ для него и не прибѣгая къ найму. Но никто не приходилъ.

Дѣло, однако, не терпѣло отлагательства, и жители, видя наше нетерпѣливое желаніе уѣхать, посовѣтовали намъ написать письмо и послать его въ населенный христіанами городъ, лежащій по сосѣдству съ городомъ Неокесаріей и называемый *Аргости*, жители котораго всѣ нанимаются въ погонщики, и попросить у нихъ двадцать муловъ. Пока посланный ѣздилъ къ нимъ, я принялся готовить вьюки, придавая узламъ форму, удобную для перевозки на мулахъ: ибо уже болѣе шести лѣтъ мы ничего не возили на вьючныхъ животныхъ, а наполнивъ мѣшокъ до краевъ и зашивъ его, обыкновенно бросали его въ повозку. Въ настоящемъ же случаѣ мы принуждены были неустанно работать, составляя вьюки и затѣмъ обертывая ихъ сверху выкроеннымъ просмоленнымъ холстомъ, ибо время было зимнее и снѣгъ покрывалъ землю, а мулы не могутъ нести болѣе семидесяти окъ клади. У насъ былъ тюкъ соболей, состоявшій изъ восьми большихъ мѣховъ, восьми лапчатыхъ и двухъ съ половиною горловыхъ. Опасаясь за ихъ цѣлость, я уложилъ ихъ въ мѣшокъ изъ грубаго холста, поверхъ его надѣлъ мѣшокъ изъ навощеннаго полотна, и все это вложилъ въ кожаную сумку. Подобнымъ же образомъ я поступилъ съ тюкомъ цѣльныхъ бѣличьихъ шкурокъ, задѣлавъ ихъ въ

одинъ вьюкъ, и съ ящикомъ съ кусками парчи, венеціанскаго бархата, атласа и тому подобнаго. На всѣхъ этихъ тюкахъ были надѣты кожаные мѣшки, при чемъ внутренніе мѣшки были старые или изъ грубой дерюги; мы надѣвали на нихъ первые и зашивали ихъ, такъ чтобы никто не могъ разсмотрѣть, что это такое, или позариться на нихъ въ мысляхъ. Дабы они производили противоположное дѣйствіе, я придалъ имъ дрянной и жалкій видъ, и если бы кто-либо взглянулъ на нихъ, они, навѣрное, не остановили бы на себѣ его взоровъ. Точно такъ же, чтобы уложить разную утварь, я сдѣлалъ для нея, соотвѣтственно формѣ и размѣрамъ, сумки изъ навощеннаго полотна; все это дѣлалось изъ опасенія, чтобы дождь не коснулся ихъ. Но такъ какъ безъ особой уловки мнѣ невозможно было бы отличить одинъ вьюкъ отъ другого, или знать, что въ какомъ находится, я вышилъ на каждомъ красною или желтою шерстью одно-два слова, чтобы показать, что̀ въ немъ содержится; но такимъ образомъ, что самъ не могъ на близкомъ разстояніи разобрать, что это такое, а тѣмъ болѣе, разумѣется, кто-либо другой. Остальную одежду, утварь и всякую всячину я уложилъ такимъ же образомъ. Ящикъ, въ коемъ находилось облаченіе нашего владыки патріарха, который я заказалъ по образцу сундука для облаченій патріарха московскаго и который былъ обитъ кожею и жестью и запирался замкомъ на ключъ, гдѣ кромѣ того помѣщались его митра и кадило, облаченія для священника и діакона и другія принадлежности богослуженія,—ящикъ этотъ я уложилъ въ одинъ вьюкъ, такъ что если бы онъ понадобился, его легко было бы достать.

И вотъ къ намъ явились упомянутые возчики, въ сопровожденіи своихъ священниковъ, готовые услужить намъ со всею радостью и охотою. Эти люди не знали другого языка, кромѣ турецкаго. Насъ просили отслужить обѣдню въ Эносѣ въ первое воскресенье Великаго поста; но имъ не удалось получить согласіе митрополита синопскаго, который, найдя насъ среди нихъ, почувствовалъ нѣкоторую зависть при видѣ ихъ любви и расположенія къ нашему владыкѣ патріарху. Городъ этотъ не состоитъ въ вѣдѣніи митрополита, но онъ взялъ его на откупъ у секретарей и духовныхъ сановниковъ константинопольскаго патріарха, къ епархіи котораго онъ принадлежитъ, такъ какъ доходы собираются его чиновниками. Итакъ, между нашимъ учителемъ и митрополитомъ вышли несогласія вслѣдствіе запрещенія, наложеннаго этимъ архіереемъ на патріаршее служеніе. Но митрополитъ скоро раскаялся въ своемъ поведеніи и впослѣдствіи домогался прощенія. Эти бѣдные люди, однако, сколько ни добивались патріаршаго служенія, не достигли исполненія своего благочестиваго желанія.

Затѣмъ, въ четвергъ второй недѣли Великаго поста, мы навьючили муловъ и выступили изъ этого города, провожаемые мужчинами, женщинами и дѣтьми,—всѣмъ населеніемъ города, которые плакали и горевали по поводу нашего отъѣзда, на значительное разстояніе, послѣ чего распрощались съ нами, пожелавъ намъ благополучнаго прибытія. Богъ да осчастливитъ и да возлюбитъ ихъ!

Затѣмъ мы по неровной и очень узкой дорогѣ, по грязи и слякоти, перевалили чрезъ горные хребты, такъ какъ, по мнѣнію жителей этотъ путь былъ безопаснѣе, чѣмъ дороги на Токатъ, ибо имъ мало кто пользуется; но на этихъ хребтахъ мы встрѣтили столько снѣга, что и описать трудно. Во всѣхъ деревняхъ въ этихъ округахъ дома разбросаны по одиночкѣ, подобно тому какъ это существуетъ въ странѣ друзовъ. Обитателей ихъ называютъ рабами; и большая часть изъ нихъ составляетъ собственность Хасана-паши Джелали, мѣстопребываніемъ которому, а равно и визирю, служитъ въ настоящее время, согласно полученному нами сообщенію, деревушка по имени *Кубули*, на дорогѣ изъ Токата въ Синопъ. Потомъ мы переправились черезъ большую рѣку, называемую по-турецки *Илги Вараси* [1]. Да избавитъ насъ Господь отъ другихъ такихъ переправъ! такъ бурно было ея теченіе и такъ далеко разбросаны ея скалы и камни. Ночью мы не имѣли другого мѣста, гдѣ бы соснуть, кромѣ какъ подъ сводомъ неба, съ горящими кострами кругомъ, подъ охраной бѣдныхъ погонщиковъ—да помилуетъ ихъ Богъ! Черезъ три дня съ трудомъ добрались мы до упомянутаго города *Аргости*, лежащаго на вершинѣ безплоднаго холма, подверженнаго жестокимъ холодамъ и сильнымъ морозамъ. По этой причинѣ ни въ самомъ городѣ, ни вблизи него виноградъ не растетъ. Дома большіе, есть церковь во имя св. Николая, въ которой мы присутствовали за обѣдней, во второе воскресенье поста. Священники служатъ и читаютъ молитвы на греческомъ языкѣ, не понимая, что говорятъ: ибо языкъ у всѣхъ ихъ турецкій, какъ мы уже замѣтили. Что касается до ихъ положенія въ государствѣ, то намъ говорили, что они сверхъ харача платятъ правительству ежегодно не больше, чѣмъ мусульмане; что мусульмане всякій разъ, когда къ нимъ является новый ага изъ Константинополя, платятъ ему, каждый отъ себя, . . . въ двадцать піастровъ или немного менѣе, и что они подвергаются не-

[1] По дорогѣ изъ Уніе въ Пиксаръ путники должны были переправляться чрезъ рѣку Термэ-чай (въ древности Термодонтъ), отличающуюся, дѣйствительно, быстрымъ теченіемъ, какъ говоритъ и архидіаконъ.

описуемымъ притѣсненіямъ, такъ что предпочли бы платить подать скорѣе какъ евреи и христіане, чѣмъ какъ магометане, и это было бы для нихъ легче.

Глава V.

Описаніе Неокесаріи.—Деревня Омала.—Комана.—Токатъ.

Мы разстались съ жителями *Аргости* во вторникъ рано утромъ, такъ какъ въ понедѣльникъ были задержаны большимъ количествомъ выпавшаго снѣга. Они повели насъ внизъ въ обширную долину съ большою покатостью, по плохой узкой дорогѣ (и да помилуетъ Господь душу того, кто случайно поскользнулся бы, ибо гибель его была бы неизбѣжна), пока наконецъ не спустились мы къ городу Неокесаріи, по-гречески называемому Хрисаносія, а теперь по-турецки Никсаръ. Крѣпость раскинута по вершинѣ холма, и вода въ нее течетъ изъ окрестностей города *Аргости*, проведенная, какъ намъ говорили, по искусственному каналу. Въ этомъ городѣ есть озера и сады, и положеніе его пріятное. Всѣ его сады и плантаціи орошаются искусственно, и хлѣба бываютъ высокіе, такъ какъ это замкнутая долина, окруженная со всѣхъ сторонъ горами. Мы не осмѣлились явиться сюда въ качествѣ христіанъ, ибо большая часть населенія военные люди и книжные магометане; и мы вздыхали, что не можемъ посѣтить разрушенныя церкви, кои мы видѣли издали, самой величественной архитектуры, съ еще уцѣлѣвшими куполами, какъ разсказывается объ этомъ городѣ, его красотахъ и церквахъ въ Новыхъ Лѣтописяхъ Эль-Дженаби, который говоритъ: «Мудрый государь Ахмедъ Гази, совершивъ много завоеваній въ Караманіи, выступилъ для осады Хрисаносіи, онъ же городъ Никсаръ, Жилище Счастія»; и по его словамъ, это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ въ мірѣ. Среди населенія распространено убѣжденіе, что горячій ключъ, называемый *Эбоасъ* и нынѣ находящійся на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ города, прежде былъ въ самой срединѣ города. Въ этомъ мѣстѣ находится удивительно большая церковь, самой величественной архитектуры, называемая Θαυματουργὸς, со многими сохранившимися еще памятниками. Мусульмане долго сражались и бились, пока не овладѣли городомъ, и разграбили всѣ его сокровища. Бесѣдки изъ виноградныхъ лозъ здѣсь низкія и небольшія.

Затѣмъ мы прошли черезъ весь городъ и переправились черезъ большую рѣку Эддибъ (Волчью) [1], протекающую по долинѣ на краю

[1] Въ древности Ликосъ, нынѣ Германхъ-чай.

города, и къ вечеру достигли деревни, неселенной греками и армянами и называемой *Омала*. Здѣсь виноградъ ростетъ такъ же, какъ и въ нашей странѣ, и жители всѣ винодѣлы. Вокругъ деревень ростетъ много деревьевъ *маглябъ*, которыя по виду очень напоминаютъ дерево грецкаго орѣха; только ихъ листья и плоды принимаются отъ ствола, на подобіе волосъ.

Отсюда мы послали гонца въ Токатъ къ одному именитому христіанину, по имени Хаджи Симеонъ, спросить его совѣта относительно въѣзда нашего въ этотъ городъ; ибо мы сильно опасались, такъ какъ большая часть жителей—армяне или евреи; и мы, хотя насъ было небольшое общество, вызывали большіе толки въ странѣ. Итакъ мы пришли къ единодушному рѣшенію и послали свою тяжелую кладь и вьюки со слугами, въ качествѣ купцовъ, собственниковъ клади. Они явились въ Токатъ и остановились въ ханѣ, а мы остались позади безъ клади, оставивъ при себѣ только узелъ съ ризами и необходимой одеждой. Мы условились войти ночью и согласно съ этимъ выступили изъ Омалы только послѣ полудня. На пути мы прошли мимо Команы, о которой упоминается въ житіи Златоуста: это небольшой городъ, вправо отъ дороги. Только начиная съ Никсара, опять увидѣли мы кирпичные дома, плоскія земляныя кровли и софы.

Вечеромъ мы вступили въ Токатъ, въ старину называвшійся по-гречески Κοκάσσ,—нынѣ имя одной мѣстности, лежащей внѣ его, и остановились по близости церкви, древней, съ очень маленькимъ куполомъ; въ ней мы служили обѣдню въ третье воскресенье поста. Но всѣ дома вокругъ церкви принадлежатъ евреямъ. Дома христіанъ разбросаны, въ числѣ сорока или пятидесяти. Впрочемъ, вокругъ города есть много христіанскихъ деревень. Въ понедѣльникъ вечеромъ мы отправились осмотрѣть большую старинную церковь во имя Успенія Божьей Матери въ лежащей близъ города деревнѣ, называемой *Какси*, жители которой всѣ христіане и армяне. Осматривая церковь, мы были поражены ея величавой архитектурой: она имѣетъ величественные размѣры, и ея высокій куполъ покоится на четырехъ колоннахъ изъ синяго мрамора, изъ сосѣднихъ каменоломень; она исполнена величія. Существуетъ мнѣніе, что это—сооруженіе императора Ѳеодосія Великаго. Мы совершили въ ней водосвятіе, и владыка окропилъ всѣхъ присутствовавшихъ. Утромъ мы отправились посѣтить гробницу св. Іоанна Златоуста, съ величайшимъ благоговѣніемъ и усердіемъ. Гробница находится на дорогѣ, по которой мы прибыли изъ Омалы въ Токатъ, и другого пути къ ней нѣтъ. Прежде чѣмъ мы, подвигаясь впередъ, достигли деревни Команы, намъ указали груду камней въ полѣ,

подлѣ дороги, въ которой, какъ говорятъ, былъ найденъ саркофагъ, заключавшій тѣло святого. Въ ней постоянно горитъ свѣтильникъ, а кругомъ нея разрушенныя основанія монастыря, который, должно быть, былъ большой. Вблизи Команы также находится, подлѣ дороги, огромная скала большой высоты, та самая, которую перенесъ сюда св. Григорій. Въ ней вырыто нѣсколько келлій, а на вершинѣ изображеніе этого святого чудотворца, какъ о томъ упоминается въ его житіи и извѣстно всѣмъ доселѣ. Другіе говорятъ, что ее перенесъ сюда Златоустъ. На вершинѣ ея нѣчто въ родѣ гробницы, куда мы взобрались, такъ же, какъ поднимались и къ кельямъ, въ которыя входили и молились въ нихъ. На гробницѣ лежитъ старинная греческая книга, которой мы не могли читать, такъ какъ она отъ долгаго времени сильно обветшала. Мы были поражены великимъ удивленіемъ предъ такимъ необыкновеннымъ чудомъ, какъ обломокъ горы, стоящій на поверхности земли. «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, и вся хотѣнія Его въ нихъ».

Въ Команѣ показали намъ среди виноградника древнее зданіе съ куполомъ, гдѣ, какъ намъ сообщили, была гробница мученика Василиска, поверхъ которой было положено тѣло Златоуста; гробница эта посѣщается и въ настоящее время. Изъ Команы мы прошли въ деревню, называемую *Бизари*, лежащую насупротивъ Омалы, на вершинѣ холма. Между обѣими деревнями пролегаетъ дорога. Всѣ жители Бизари—армяне. Въ деревнѣ этой находится старинная византійская церковь, на большинствѣ камней которой имѣются кресты. Она въ честь Воздвиженія Креста; поддерживается четырьмя колоннами, и имѣетъ высокій куполъ, въ которомъ еще сохранилось изображеніе Спасителя, съ золотомъ. У нея есть еще другой куполъ съ изображеніями двухъ святыхъ, имена коихъ написаны по-гречески. Престолъ остается до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ; онъ имѣетъ видъ основанія колонны, разрисованъ и отдѣланъ подъ мраморъ. Саркофагъ, въ которомъ заключено было тѣло св. Іоанна Златоуста, изъ синяго мрамора, и помѣщается съ правой стороны передъ вратами третьяго алтаря, подлѣ самой стѣны. Говорятъ, что когда императоръ Аркадій взялъ тѣло святого, саркофагъ былъ безъ крышки; но недавно, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, святой явился ночью одному некнижному пожилому человѣку и сказалъ ему: «на такомъ-то полѣ зарыта крышка моего гроба. Скажи жителямъ города Бизари, у которыхъ находится моя гробница, чтобы они пошли и взяли ее и положили на мою гробницу». Человѣкъ этотъ въ изумленіи проснулся и рано поутру отправился и сталъ рыть на томъ мѣстѣ, которое указалъ ему святой. Это то самое мѣсто, о которомъ мы только что упоминали, какъ о грудѣ

камней на полѣ. Здѣсь и была найдена крышка. Къ этому разсказу прибавляютъ, что одно изъ важныхъ лицъ въ Токатѣ пыталось перевезти ее въ этотъ городъ, но буйволы не хотѣли двинуться съ мѣста или сдѣлать хоть одинъ шагъ по направленію къ этому городу, а только въ направленіи къ вышеупомянутому Бизари. Люди устали бить ихъ, и наконецъ предоставили имъ идти своимъ путемъ, и буйволы шли, ни разу не останавливаясь, пока не прибыли въ это послѣднее мѣсто; и этимъ самымъ, говорятъ, святой явилъ чудо, ибо всѣхъ буйволовъ было пять или шесть. Мы совершили у гробницы святого молебенъ, со многими метаніями и съ возженіемъ въ большомъ числѣ восковыхъ свѣчъ, и приложились къ ней. Янкосамъ (?) мы дали немного денегъ.

Направо отъ этой церкви есть другая, во имя св. Георгія, и какъ разъ за ней находится малая церковь во имя св. Григорія чудотворца, принадлежащая нашей общинѣ. Посему намъ пришло на мысль, что монастырь, разрушенныя основанія котораго видны близъ Команы, рядомъ съ грудой земли и камней, въ которой была найдена крышка отъ гробницы святого, долженъ быть дѣйствительно и несомнѣнно тѣмъ монастыремъ, гдѣ прежде находился священный саркофагъ, и когда монастырь былъ разрушенъ, гробницу, должно быть, перенесли сюда. По этой странѣ разбросано много остатковъ зданій церквей и монастырей, относящихся, говорятъ, ко временамъ Златоуста, который, обративъ жителей въ христіанскую вѣру и окрестивъ ихъ, построилъ для нихъ эти церкви, которыя они знаютъ и называютъ по именамъ до сего времени. Весьма вѣроятно, что тѣло Златоуста было перевезено по той дорогѣ, по которой мы прибыли изъ Эноса въ Токатъ; такъ обыкновенно разсказываетъ мѣстное населеніе; а для перенесенія изъ Эноса помѣстили святыя мощи на царскій корабль и такимъ образомъ доставили ихъ въ Константинополь.

Послѣ этого мы возвратились въ Токатъ, а въ пятницу нашъ владыка патріархъ отправился въ другую деревню близъ *Какси*, называемую *Бискави*, и служилъ здѣсь обѣдню въ четвертое воскресенье, въ церкви во имя св. Михаила. Въ этомъ городѣ есть еще церковь во имя Пресвятыя Дѣвы. Жители чрезвычайно набожны: ни одинъ изъ нихъ не преминулъ исповѣдаться. У нихъ мы наняли вьючныхъ животныхъ и погонщиковъ, приготовившись уже заранѣе къ продолженію нашего путешествія, и затѣмъ возвратились въ Токатъ.

Глава VI.

Описаніе Токата.—Паолосъ.—Сивасъ.—Казнь Хасана-паши въ Алеппо и истребленіе его сторонниковъ.

Городъ Токатъ построенъ въ долинѣ между двухъ холмовъ. Вода здѣсь въ изобиліи, источники ея близко, подъ рукой, среди домовъ, но по свойствамъ своимъ она въ то же время довольно тяжела. Крѣпость выстроена мусульманами, на гребнѣ холма. Это—важное торговое мѣсто, куда стекаются со всего свѣта. Базары его красивы, и всѣ улицы, большія и малыя, вымощены. Въ немъ много армянъ и у нихъ въ городѣ семь церквей. Была и восьмая церковь, на возвышеніи, господствующемъ надъ городомъ, но ее разрушили мусульмане. Здѣсь кругомъ города есть также византійскіе монастыри, изъ которыхъ я посѣтилъ, не помню, сколько.

Затѣмъ мы наняли погонщиковъ изъ Келиза и выѣхали изъ Токата вмѣстѣ съ караваномъ во вторникъ пятой недѣли поста, послѣ того какъ распрощались со всѣми христіанами, которые, во главѣ съ своимъ митрополитомъ, проводили насъ за городъ. Вечеромъ мы прибыли къ разрушенному хану, въ недалекомъ разстояніи отъ Токата. Въ среду утромъ прибыли къ другому хану, вблизи христіанскаго города, называемаго Паолосъ; а въ четвергъ мы прибыли по неровной дорогѣ къ большому новому хану, похожему на ханы, что на пути въ Константинополь, съ бойней и горячими банями, по сосѣдству съ городомъ, который называютъ Енишехръ, такъ какъ онъ напоминаетъ одноименный городъ около Бруссы, о которомъ мы говорили въ началѣ нашего путешествія.

Въ пятницу, приближаясь къ Сивасу, мы страдали отъ холода, пронзительнаго вѣтра и мороза, превосходящаго всякое описаніе; ибо это мѣсто извѣстно своимъ холоднымъ климатомъ и лѣтомъ и зимою. Какъ холоденъ воздухъ здѣсь, такъ же холодны земля и вода, и во всей странѣ не видно ни зеленой травы, ни какой-либо другой зелени, за исключеніемъ вѣчно-зеленыхъ высокоствольныхъ деревьевъ. Здѣсь не растетъ виноградъ, нѣтъ плодовыхъ деревьевъ; а дынь, огурцовъ, и другихъ овощей не бываетъ до самаго Троицына дня.

Прибывъ въ городъ, мы сложили нашу кладь въ ханѣ, а сами помѣстились въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ христіанамъ, которыхъ было сорокъ-пятьдесятъ. У этихъ христіанъ есть каменная церковь съ высокимъ куполомъ, во имя св. Георгія, которую они выстроили совсѣмъ заново, въ царствованіе покойнаго султана Мурада.

Площадка ея и просторный дворъ окружены обширной кирпичной стѣной, и вокругъ нея находятся ихъ могилы вмѣстѣ съ могилами армянъ. Насъ принудили отслужить для нихъ обѣдню въ этой церкви, въ пятое воскресенье поста; и нашъ владыка патріархъ рукоположилъ имъ діакона. Они истинно набожные христіане. Этотъ городъ—тотъ самый, который по-гречески называется Севастія; а отъ этого имени назвали его по-арабски Сивасъ. Въ этомъ именно городѣ пострадали сорокъ мучениковъ. Мѣсто, гдѣ было озеро, нынѣ представляетъ высохшее дно. Причина та, что мѣсто это, какъ мы замѣтили на пути къ нему, расположено въ низкой впадинѣ, значительно ниже города, который расположенъ на высокомъ возвышеніи, и воды послѣдняго и его отбросы обыкновенно стекали въ нее и, не имѣя оттуда выхода, образовали обширное озеро; ибо эта мѣстность обилуетъ водами. По-видимому, впослѣдствіи, когда Тамерланъ разрушилъ этотъ городъ и его стѣны, оставивъ ему теперь только слѣды былого величія, вода изъ озера вытекла, и оно превратилось въ высохшее дно, каковымъ является нынѣ. Что касается мѣста, гдѣ были помѣщены мученики, то это полукруглый сводъ, замѣтный издали, наполненный внутри водою, такъ какъ вблизи него находятся нѣсколько источниковъ воды, вытекающихъ изъ двухъ различныхъ мѣстъ. Эту воду до сихъ поръ называютъ агіасмой, и мы пили ее, дивясь своему счастію, что удостоились такой благодати. Намъ разсказывали, что ежегодно, утромъ въ день праздника мучениковъ, изъ нея появляются двѣ рыбы, какъ чудесное знаменіе. Потомъ провели насъ къ мѣсту, гдѣ были сожжены ихъ святыя кости: оно находится за стѣнами, и на этомъ мѣстѣ была большая церковь, отъ которой еще видны обломки колоннъ и краеугольныхъ камней. Здѣсь-то члены нашей церкви и армяне роютъ могилы. Нѣкоторыя изъ этихъ гробницъ древнія, съ покатыми крышками; и тамъ, гдѣ видны слѣды алтаря, горятъ восковыя свѣчи. Въ день праздника мучениковъ христіане приходятъ со своими священниками, совершаютъ молебенъ и поютъ имъ службу. Въ этотъ день мы отправились осмотрѣть большое училище, довольно замѣчательное, отличающееся красотою своихъ колоннъ и мраморныхъ украшеній. Все оно выстроено изъ матеріаловъ вышеупомянутой церкви мучениковъ; основано оно великимъ эмиромъ Шахиншахомъ, какъ написано въ исторіи, въ соотвѣтствующей главѣ, въ 670 году. Оно было сожжено до основанія: говорятъ, его поджегъ знаменитый Кара Языджи. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ находятся развалины другой церкви и небольшой часовни во владѣніи турокъ. Мы дали служителю подарокъ, и когда онъ пропустилъ насъ, помолились въ ней, такъ какъ, по разсказамъ, здѣсь нахо-

дится могила св. епископа Власія, въ которой донынѣ сохраняется его тѣло; но могила эта скрыта. Городъ имѣетъ крѣпость, на холмѣ, находящуюся въ развалинахъ; въ ней былъ дворецъ Абшира-паши и жены его, грузинки Маріи. Пониже расположенъ садъ, принадлежащій къ дворцу, съ вишневыми и персиковыми деревьями. Воздухъ этого города, по истинѣ, холодный и сухой, а стужа, которой онъ подверженъ, хорошо извѣстна. Былъ конецъ марта мѣсяца, и однако вслѣдствіе жестокихъ холодовъ, мы не могли выходить изъ своего помѣщенія. Кругомъ этого города нѣсколько монастырей, которые раньше были во владѣніи нашей византійской или греческой церкви, а теперь въ рукахъ армянъ. Я посѣтилъ изъ нихъ, не помню, сколько.

Въ этомъ городѣ мы удостовѣрились въ истинѣ слуха объ умерщвленіи Хасана-паши Джелали въ Алеппо и всѣхъ бывшихъ съ нимъ пашей, а также о прибытіи туда Эль-Кебелли, зятя визиря, назначеннаго пашою этого города.

Дѣло было такъ, что Хасанъ-паша, расположившись въ Айнтабѣ, получилъ увѣдомленіе, что Муртеза-паша идетъ со своими войсками къ Алеппо, и немедленно послалъ противъ него татарина Ахмеда Элба, столь прославившагося своимъ мужествомъ, съ тысячью храбрыхъ воиновъ, пресѣчь ему путь у замка Богазъ [1], близъ Бейлана, и задержать его движеніе. Итакъ, онъ отправился въ Келизъ, ѣлъ, пилъ и отдыхалъ тамъ нѣсколько дней, какъ вдругъ до него дошло извѣстіе о прибытіи Муртезы-паши въ Антіохію, а потомъ въ Алеппо, при чемъ жители предмѣстій перевезли всѣ свои съѣстные припасы и весь домашній скарбъ во внутренность города, и все его населеніе было повержено въ крайній страхъ и смятеніе. Муртеза-паша остановился въ домѣ *Эрменези*, а прочіе паши и ратники размѣстились въ другихъ домахъ. Теперь Муртеза послалъ къ Хасану-пашѣ, стараясь заманить его письмами, обѣщаніями и клятвами, чтобы онъ пришелъ и явился къ нему безъ страха и опасенія; клялся ему святою книгою и мечомъ султана, что въ отношеніи къ нему никакого вѣроломства не совершитъ, и увѣрялъ его, что возьметъ его съ собою и примиритъ съ султаномъ, со стороны котораго ему нечего бояться. Между тѣмъ Хасана-пашу обуяла ярость и досада на поведеніе его войскъ, надъ которыми онъ утратилъ всякую власть. Они сдѣлались наглы и мятежны и разбрелись по странѣ, грабя, совершая насилія и унося все, что имъ было угодно, ни отъ кого не встрѣчая себѣ препятствія, пока нако-

[1] Вѣроятно, проходъ извѣстный въ древности подъ именемъ Pylae Syriae (Сирійскія ворота).

нецъ не пришли въ одну изъ принадлежавшихъ Хасану-пашѣ деревень, вблизи Келиза, гдѣ онъ, обыкновенно, жилъ, и сдѣлали на нее нападеніе. Проникнувъ въ стойла, они разсѣкли саблями ярмы быковъ и увели ихъ, а также разграбили запасы зерна. Хасанъ, воочію увидѣвъ эти неистовства съ ихъ стороны, осыпалъ ихъ проклятіями и, въ гнѣвѣ вскочивъ на коня, внезапно отправился въ Алеппо, не боясь послѣдствій. Напрасно его офицеры употребляли всякія мольбы и убѣжденія, чтобы побудить его вернуться назадъ: онъ упорно продолжалъ свой путь, пока не прибылъ въ Алеппо, гдѣ извѣстіе о его приближеніи сначала исполнило Муртезу ужасомъ. Но вскорѣ страхъ паши перешелъ въ радость; и послѣ свиданія съ Хасаномъ онъ отвелъ ему комнату въ своемъ собственномъ домѣ, помѣстивъ въ то же время каждаго изъ сопровождавшихъ его пашей вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ офицеровъ равнаго чина и въ обращеніи со всѣми ними выказывая свое удовольствіе и радушіе, пока однажды, пославъ внезапно распоряженіе, не приказалъ своей стражѣ немедленно предать Хасана-пашу смерти, и они отрубили ему голову. Подначальнымъ же офицерамъ своимъ онъ послалъ свитки бумаги, и каждый изъ нихъ убилъ одного изъ приверженцевъ Джелали и принесъ его голову вмѣстѣ съ тѣломъ пашѣ. Затѣмъ ихъ взяли и отнесли и бросили кучей за воротами *Банкоса*. По поводу этого событія была великая радость, и благодаренія возносились Господу по всей странѣ и во всѣхъ мечетяхъ. Паша распорядился не погребать тѣлъ, а оставить ихъ на пожраніе псамъ; головы же онъ немедленно отправилъ въ Константинополь, наткнутыми на концы копій; и по такому особенному случаю тамъ также было большое торжество и радость. Къ каждой головѣ былъ прикрѣпленъ клочокъ бумаги, на коемъ значилось имя того, кому она прежде принадлежала. Вслѣдъ за тѣмъ вышелъ указъ объ отобраніи въ казну имущества мятежниковъ и о преслѣдованіи и поимкѣ всѣхъ, кто былъ соучастникомъ Хасана-паши, съ повелѣніемъ сравнять съ землею ихъ дома, умертвить ихъ дѣтей, а женъ продать въ рабство. Предписано было казнить сарыджа и сейменовъ, гдѣ бы ихъ ни нашли, безъ всякихъ формальностей или допроса, названія же ихъ и знамена уничтожить[1]. Все это было приведено въ исполненіе, пока и самые остатки этихъ мятежниковъ не были стерты съ лица земли и міръ очищенъ отъ ихъ гнусности.

---

[1] Сарыджа и сеймены (или сегбаны) были милиціей, которая составлялась изъ добровольцевъ, пользовавшихся за свою службу свободой отъ податей. Эта милиція была окончательно уничтожена только въ 1737 году.

Глава VII.

Отъѣздъ изъ Сиваса.—Улашъ. Кангалъ. Эльмагайръ. Описаніе города Дерендэ.

Мы выѣхали изъ Сиваса раннимъ утромъ въ понедѣльникъ шестой недѣли поста, и вслѣдствіе неровной мѣстности, рѣзкости воздуха и глубокаго снѣга на хребтахъ ея хорошо извѣстныхъ горъ мы вытерпѣли столько лишеній, что и описать невозможно. Послѣ полудня мы прибыли въ одну армянскую деревню, имѣющую два деревянныхъ хана и называемую Улашъ. Здѣсь мы пробыли два дня вслѣдствіе падавшаго въ изобиліи снѣга, такъ какъ дорога отъ этого мѣста до ближайшей стоянки, называемой Кангалъ, очень трудная, представляетъ изъ себя узкое ущелье, которымъ не могутъ пройти два каравана, идущіе въ противоположныхъ направленіяхъ: настолько оно тѣсно, какъ мы объ этомъ еще скажемъ. Черезъ два дня мы выѣхали и снова страдали отъ холода, льда и рѣзкихъ порывовъ вѣтра, превосходящихъ всякое описаніе. Лица у насъ стали черны какъ у негровъ; и когда мы поднялись на вершину горы, носящей названіе Деликли Кайя, мы стали втупикъ и сбились съ дороги, и глаза у насъ смерзались отъ снѣга, сыпавшагося вокругъ насъ безъ конца, а дорога исчезла изъ глазъ. Но Богъ умилосердился надъ нами, пославъ намъ избавителя въ лицѣ гонца, ѣхавшаго впереди насъ и отыскавшаго намъ новую дорогу. Вьючный скотъ нашъ изнемогалъ отъ утомленія и паденій; и нѣкоторые изъ погонщиковъ поистинѣ надрывались отъ тяжелой работы, поднимая животныхъ и снова навьючивая, когда они погружались со своими ношами въ снѣгъ. Точно такъ же лошади съ ихъ всадниками проваливались и скрывались въ снѣгу; и всаднику невозможно было ѣхать, опустивъ ноги, ибо когда ступала его лошадь, онъ погружался такъ низко, что снѣгъ доходилъ ему выше поясницы. Скоро мы прибыли къ большому ущелью, представляющему дорогу, гдѣ есть мѣсто только для прохода одного вьючнаго животнаго, гдѣ нельзя ступить въ сторону, ни вправо, ни влѣво; ибо если бы нога животнаго соскользнула съ тропинки, оно исчезло бы съ своею ношею, какъ если бы упало въ пучину моря; и вытащить его было бы невозможно никакими средствами, ибо оно закопалось бы и задохлось въ снѣгу. Поэтому жители Кангала, обыкновенно, обсаживаютъ эту дорогу высокими деревьями, наподобіе палаточныхъ шестовъ, по обѣ стороны, справа и слѣва, отъ одного конца до другого, чтобы они указывали всю дорогу отъ Деликли Кайя до Кангала; иначе, безъ этихъ примѣтъ, въ снѣжную погоду вовсе невозможно

было бы отыскать эту дорогу. Этотъ замѣчательный проходъ хорошо извѣстенъ по всей Персіи, въ Константинополѣ и, какъ насъ увѣряли, по всему свѣту. Правда, что онъ весьма необычайный: ибо мы, видавшіе и путешествовавшіе такъ много, никогда не видѣли дороги ужаснѣе этой. У Кангала мы встрѣтили всадниковъ, которые, смѣняясь поочередно, наблюдаютъ и даютъ знать, безпрерывно разъѣзжая взадъ и впередъ, чтобы предупреждать встрѣчу отдѣльныхъ отрядовъ въ этомъ проходѣ и останавливать одинъ отрядъ на мѣстѣ, пока пройдетъ другой, какъ они должны были бы сдѣлать и сегодня, когда, по ихъ небрежности, вслѣдствіе столкновенія двухъ каравановъ, шедшихъ навстрѣчу другъ другу по этой узкой тропинкѣ, вьюкъ ударился о вьюкъ, и одно изъ животныхъ неизбѣжно упало въ глубокій снѣгъ, и произошло неописуемое смятеніе и безпорядокъ, и даже обнажены были мечи. Итакъ, мы переносили великія лишенія; никто изъ насъ не осмѣливался ѣхать верхомъ, опасаясь подобныхъ паденій, и въ этотъ день всѣ шли пѣшкомъ бо́льшую часть пути. Намъ разсказывали, что въ прошломъ году одинъ караванъ погибъ цѣликомъ. Погонщики, не будучи въ состояніи дольше выносить тяжелую работу поддерживанія вьюковъ, вслѣдствіе большой глубины снѣга и жестокаго холода, сбросили тюки купцовъ и бѣжали вмѣстѣ съ своими вьючными животными. Но такъ какъ они окоченѣли отъ холода, то несмотря на всѣ усилія уйти они были настигнуты купцами, которые, чтобы спасти жизнь свою, сами теперь оставили свое имущество, на сумму, какъ говорятъ, въ двѣнадцать тысячъ піастровъ: ибо на пути отъ Улаша до Кангала нѣтъ ни деревни, ни пещеры, ни лѣсной заросли; многіе изъ нихъ лишились рукъ и ногъ, вслѣдствіе омертвѣнія. Жители отдаленныхъ хуторовъ, услышавъ объ этомъ происшествіи, пришли и разграбили покинутое и унесли эти богатства въ своихъ мѣшкахъ. Недавно еще, когда Эль-Кебелли, паша Сиваса, возвращался туда изъ Алеппо, его войско, какъ передаютъ, потеряло болѣе двухъ тысячъ лошадей на пути изъ Малатіи въ Улашъ. Съ большимъ трудомъ достигли мы къ вечеру Кангала, и пришли въ себя, только выпивъ вина, которое имѣли съ собою. Утромъ мы снова отправились и прошли половину разстоянія до слѣдующей стоянки по снѣгу, какъ и раньше, страдая отъ суровости холоднаго вѣтра, достаточно сильнаго, чтобы заморозить насъ и засушить. Въ округѣ Кангала при хуторахъ и хижинахъ имѣются подъ землею погреба, служащіе убѣжищемъ отъ мороза. Наши погонщики свернули въ сторону отъ дороги въ Малатію, ссылаясь на то, что она очень неровна, и повели насъ по дорогѣ въ Дерендэ: и Богъ смилостивился надъ нами, и мы прибыли въ страну благополучія. Теперь

мы миновали снѣга и начали видѣть землю; раскинули свои палатки и эту ночь спали здѣсь. Вставши на слѣдующее утро, чтобы продолжать путешествіе, мы болѣе уже не видали холода. Къ вечеру прибыли въ мѣстность, называемую Эль-магайръ. Весь нашъ путь въ продолженіе обоихъ этихъ дней лежалъ вдоль долины и рѣки текучей воды, которою орошаются сосѣдніе луга и засѣянныя поля. Говорятъ, эта рѣка идетъ изъ окрестностей Ангоры и Тусіи и соединяется съ рѣкою Альбостана, которая называется Джиханъ: на ея берегахъ растутъ безплодныя деревья ююбы [1].

Утромъ въ Вербное воскресенье мы поднялись на какія-то высокія горы, и при приближеніи нашемъ къ городу Деренде эти возвышенности напомнили мѣстность Малулы въ области Дамасской и дороги въ тѣхъ мѣстахъ; но только эти крайне неровны. Почва своею красною глиною и утесами напоминаетъ почву алеппскую. Въ полдень мы спустились къ городу и его безчисленнымъ садамъ. Водою онъ снабжается изъ большого потока, вытекающаго изъ скалы внизу крѣпости. Стѣны домовъ и садовъ всѣ кирпичныя, подобно постройкамъ въ *Кара*. Крѣпость его—прекраснѣйшее обширное сооруженіе, на вершинѣ большого высокаго холма, съ равными сторонами. Намъ сообщили, что османы исторгли ее изъ рукъ курдовъ. Въ немъ много благотворительныхъ учрежденій; всякаго рода плодовъ въ изобиліи; ибо жителей въ немъ мало, а садовъ много. Мы покупали око сушеныхъ тутовыхъ ягодъ за два османи.

Утромъ въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ мы оставили этотъ городъ и прошли черезъ обширную низкую равнину, гдѣ всѣ засѣянныя поля подвергаются орошенію. Вечеромъ мы остановились на ночлегъ въ одной изъ деревень на Альбостанѣ [2]. Мѣстность этой страны очень красива и воды тутъ въ изобиліи. Лежитъ она очень низко, усѣяна хижинами и окоймлена горами.

Глава VIII.

Городъ Альбистанъ.—Опасная переправа черезъ рѣку Джиханъ.—Мѣсто поклоненія Сурбъ-Карапетъ.—Зейтунъ.

Утромъ во вторникъ на Страстной недѣлѣ мы переправились черезъ рѣку Альбостанъ и вступили въ городъ съ тѣмъ же названіемъ.

---

[1] Zizyphus vulgaris.

[2] т. е. на рѣкѣ Джиханѣ.

Это небольшой городокъ, но въ старину онъ былъ знаменитый городъ, и въ исторіи извѣстенъ подъ именемъ Альбистана [1]. Названіе его рѣки—Эль-эзрекъ, или Голубая рѣка, и это та же самая рѣка, что и Чиганъ или Джиганъ, источники которой находятся неподалеку, вблизи армянской деревни Этотъ городъ прежде имѣлъ стѣны, какъ объ этомъ передается въ историческомъ сочиненіи, озаглавленномъ: «Жемчужина изъ ожерелья Турецкаго царства»; а именно, что въ 754 году гиджры, во дни султана Эль-Ашрафа Салахъ (Эддина), сына султана Эн-Насыръ Мохаммеда Ибнъ-Калауна, выступилъ эмиръ Сейфъ-уд-динъ Аргунъ Элькамили, блюститель султанской власти въ Алеппо, и съ нимъ алеппскія войска походомъ на городъ Альбистанъ, противъ эмира Караджа, сына Дильгадира, князя или главы туркменовъ, чтобы схватить его и забрать всѣхъ, кого они найдутъ съ нимъ, разсѣять скопище его полчищъ и ускорить отсѣченіе его корней и вѣтвей [2]. Прибывъ къ городу, они нашли его покинутымъ сейменами: ибо князь, какъ только дошла до него вѣсть, бѣжалъ со всѣми своими приближенными и спасся. Завоеватели немедленно размѣстились въ его дворцахъ и ежедневно выходили отсюда, чтобы разрушать стѣны города и срывать его памятники. Скоро его улицы стали какъ сонъ прошедшей ночи, и оживленіе его—какъ слѣдующій день послѣ отправленія каравана. Однако замѣтны еще слѣды его древнихъ зданій, и мѣстоположеніе его церквей и монастырей отмѣчено грудами камней.

Здѣсь бы пробыли два дня и выступили утромъ въ Великій четвергъ, и, пройдя два часа пути, пришли къ берегу рѣки Джигана, чтобы перейти ее бродомъ, который извѣстенъ только мѣстнымъ жителямъ. Она была въ пору своего наибольшаго разлива, вслѣдствіе таянія снѣговъ, и такъ какъ оказалось невозможнымъ переправить насъ бродомъ, то сняли тюки съ вьючныхъ животныхъ, и окрестные крестьяне, которые всѣ туркмены, раздѣвшись донага и распредѣливъ между собою вьюки поменьше, перенесли ихъ на своихъ головахъ черезъ рѣку. Что касается до болѣе тяжелыхъ, то они принесли два большихъ бревна и связали ихъ вмѣстѣ, сдѣлавъ изъ нихъ подобіе лодки или

---

[1] Главный городъ въ верхнемъ бассейнѣ Джихуна, часто обозначаемый игрой словъ подъ именемъ Аль-Бостанъ, или „Садъ“; онъ и въ самомъ дѣлѣ утопаетъ въ зелени (*Э. Реклю*, Земля и люди, т. IX, стр. 556).

[2] Павелъ Алеппскій не совсѣмъ вѣрно передаетъ извѣстіе о походѣ египетскаго войска противъ татаръ, овладѣвшихъ Сиріей. Походъ случился при султанѣ Эн-Насыръ Мохаммедѣ Ибн-Калаунѣ, который былъ не отцомъ, а дядей султана Салахъ-Эддина. Татары были разбиты и прогнаны за Евфратъ (въ 1302—3 году).

плота, и на этотъ плотъ и другіе подобные ему помѣстили тюки, и съ помощью буйволовъ дотянули ихъ нагруженными такимъ образомъ отъ берега рѣки до самаго глубокаго мѣста; а затѣмъ, отвязавъ буйволовъ, доталкивали плоты до противоположнаго берега и, выгрузивъ тюки, возвращались за другими, пользуясь такимъ же способомъ передвиженія, пока не перевезли всю нашу кладь. Многіе занимались до самаго наступленія ночи перевозкою своихъ пожитковъ на лошадяхъ. Оставались я, нашъ владыка патріархъ и митрополитъ Герасимъ, внушившій намъ мысль переправиться въ лодкѣ, которую должны были тянуть бечевою для насъ, что было безопаснѣе и удобнѣе. Едва буйволы дотянули ее на глубину, какъ она накренилась съ нами сначала направо, потомъ налѣво, при чемъ обдало насъ водою съ обѣихъ сторонъ выше пояса. Тюки попадали со своихъ мѣстъ, и не будь помощи отъ нѣсколькихъ армянъ, бывшихъ въ водѣ, и милости Всемогущаго, мы потонули бы непремѣнно. Зрители восклицали: «о горе»! и, считая насъ погибшими, вопили и кричали, ибо рѣка течетъ быстрымъ и глубокимъ потокомъ. Всѣ, кто могъ, бросились къ намъ на помощь и, благодаря предстательству всѣхъ святыхъ, спасли и вынесли на берегъ насъ, лишившихся чувствъ, какъ бы мертвыхъ. Прійдя въ себя, мы проклинали свое положеніе, испытавъ страхъ, ужасъ и потопленіе. Мы сняли съ себя всю нашу одежду и прикрылись только мантіями, почти погибая отъ холода; и для насъ это была особенно горестная ночь, тѣмъ болѣе что мы не могли достать топлива, и всѣ другія наши рубашки и одежды были упакованы. Однако мы не щадили издержекъ на пріобрѣтеніе того, что только можно было купить, дабы возвратить намъ жизненную теплоту; но намъ невозможно было подняться съ мѣста, на которомъ мы сидѣли, и мы оставались тутъ, какъ сѣли, до слѣдующаго утра.

Раннимъ утромъ въ Великую пятницу караванъ двинулся впередъ, а мы остались позади вмѣстѣ съ тѣми конными путешественниками, поклажа которыхъ попадала въ воду. Исходивъ всѣ окрестности, они подрядили крестьянъ вытащить ихъ кладь. Это замедленіе было для насъ очень кстати, ибо мы почти вплоть до полудня занимались просушиваніемъ на солнцѣ своихъ пожитковъ и платья. Затѣмъ мы сѣли на лошадей и въ этотъ день слова испытывали великія тягости вслѣдствіе неровности дороги. Поистинѣ, до сихъ поръ мы не видѣли ничего подобнаго ей: ибо эта дорога на Зейтунъ (хорошо извѣстный армянскій городъ) завѣдомо плохая, во весь путь отъ Альбистана до Мараша. Она извивается по гребнямъ холмовъ и по долинамъ, дно которыхъ покрыто быстро текущими потоками, ниспадающими съ гор-

ныхъ вершинъ; тамъ и сямъ попадаются ключи, извергающіе воду, подобно рѣкамъ. При всемъ этомъ тропинка узка и дозволяетъ проходить только одной лошади за разъ, и если вьючное животное случайно, не дай Богъ, пошатнется и нога его соскользнетъ, оно полетитъ по всему скату, вмѣстѣ съ ношею, на дно долины. И сколько вьюковъ унесено рѣкою Джиганомъ! ибо по всему берегу этой рѣки нѣтъ ни малѣйшей отлогости, чтобы образовать отмель. Мы прибыли къ стоянкѣ только послѣ наступленія ночи; и безъ сомнѣнія, насъ довели ангелы. Эта дорога почти непроходима днемъ; такъ какимъ же образомъ мы могли уцѣлѣть на ней ночью? Мучительныя трудности пути были особенно тяжки для нашего владыки патріарха, человѣка дороднаго. И идя пѣшкомъ, невозможно было избѣжать тряски, ибо, сойдя съ лошадей, чтобы идти пѣшкомъ, мы натыкались на ручьи, свергающіеся съ высотъ съ стремительностью большихъ рѣкъ, и мы не могли ихъ перейти, не садясь опять на своихъ лошадей. Такимъ путемъ достигли мы наконецъ стоянки, расположенной у мельницы, между двухъ горъ, посрединѣ долины; но и мы и наши лошади почти умирали отъ усталости. Какъ скоро наши спутники, которые большею частью ѣхали впереди насъ, узнали о нашемъ приближеніи, они вышли встрѣтить насъ на нѣкоторое разстояніе съ фонарями и факелами. Эти двѣ ночи по своей мучительности и тягости были равносильны всему тому, что испытали мы за все время нашего отсутствія изъ дому: *о дѣлахъ судятъ по ихъ послѣдствіямъ.*

Утромъ въ Великую субботу мы встали рано, чтобы продолжать нашъ путь, пролегавшій по горнымъ хребтамъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ; поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солнце производило свое дѣйствіе, была такая же глубокая грязь. И этой горной дорогой мы слѣдовали до полудня, когда спустились въ долину Зейтуна съ его виноградниками. Мы миновали мѣсто поклоненія Сурбъ-Карапетъ [1], т. е. Маръ-Іоанна, или св. Іоанна Крестителя, которое посѣщается армянами изъ Алеппо. Это—старинное сооруженіе среди горячихъ ключей; толпа армянъ, которые были съ нами, отправилась туда купаться. Воды эти цѣлительны отъ всѣхъ застарѣлыхъ недуговъ. Послѣ полудня мы поравнялись съ Зейтуномъ и здѣсь остановились. Зейтунъ расположенъ на плоскости холма, и дома его построены изъ кирпича. Мы послали въ городъ за виномъ, но не могли достать здѣсь ни яицъ, ни сыра, ни мяса, которые были нужны намъ для слѣдующаго дня,

[1] Св. Креститель, по-армянски.

Свѣтлаго воскресенья: ибо люди Хасана-паши разграбили всю эту страну. Мы удивлялись названію этого города «Зейтунъ», предполагая сначала, что назвали его такъ отъ множества оливковыхъ деревьевъ [1], окружающихъ его. Но на дѣлѣ оказалось совершенно обратное; ибо дѣйствительно его окружаютъ обширные лѣса, но ни одного оливковаго дерева не видно въ его окрестностяхъ.

Глава IX.

Марашъ.—Османъ-Дада.—Бурджъ.—Митрофанъ, митрополитъ алеппскій.—Прибытіе въ Келизъ.

Въ праздникъ Пасхи утромъ мы двинулись дальше. Завтракъ нашъ состоялъ изъ сыра, одинъ кругъ котораго мы сберегали съ тѣхъ поръ, какъ оставили Валахію, и изъ сала, которое намъ дали въ Сивасѣ. Дорога наша въ этотъ день опять была очень затруднительна, чрезъ огромныя горы, стоящія подобно стѣнамъ, на которыхъ, какъ сообщили намъ, рубятъ лѣсъ для Алеппо. Большею частью мы слѣдовали вдоль берега рѣки Джигана, и сколько разъ случалось, вслѣдствіе узкости тропинки и сильнаго переполненія рѣки, что дорога наша была совершенно покрыта водою, и вьючныя животныя, вмѣстѣ съ ихъ ношею, случалось, были сносимы потокомъ и только нѣкоторыя съ большими усиліями бывали спасены! Послѣ полудня мы прибыли къ мосту черезъ Джиганъ, вблизи Мараша, и здѣсь сошли съ лошадей. Начиная съ этого мѣста, мы видѣли красную алеппскую почву и дубы, миндальныя, оливковыя и гранатовыя деревья въ плодовыхъ садахъ; теперь мы вдыхали алеппскій воздухъ. Марашъ—большой городъ, обильный водою, съ прекрасной крѣпостью, расположенной на плоскости холма. Здѣсь мы ѣли салатъ, зелень и трюфели. Мы оставили его во вторникъ утромъ и, не переходя въ бродъ рѣки Акъ-Су, или «Бѣлая Вода», боясь ея глубины отъ разлива, обошли кругомъ по мосту, и намъ пришлось дѣлать большія усилія, чтобы пробраться черезъ рисовыя поля, ибо всѣ эти земли лежатъ подъ водою, ради посѣвовъ риса. Послѣ полудня мы пришли къ старинному каменному минарету, гдѣ, по разсказамъ, прежде былъ большой городъ, называвшійся Османджикъ или Османъ-Дада, и подлѣ колонны находится старинный ханъ.

Въ среду утромъ мы продолжали свой путь, и снова терпѣли большія затрудненія вслѣдствіе обилія грязи, слякоти и водъ на ри-

[1] *Зейтунъ* по-арабски значитъ: оливковое дерево.

совыхъ поляхъ. Несчастныя вьючныя животныя, обыкновенно, вязли по шею, и вьюки падали у нихъ со спины, и тогда погонщики должны были въ одеждѣ пробираться по грязи и водѣ, чтобы вытащить ихъ и перевьючить; и только съ величайшимъ трудомъ перебрались мы и вступили въ знаменитый проходъ или тѣснину Дерендэ, представляющій тѣсное ущелье между двухъ горъ. Миновавъ его, мы прибыли на вершину горы, къ мѣсту развѣтвленія двухъ дорогъ, къ Айнтабу и къ Келизу, гдѣ часть каравана отдѣлилась отъ насъ, взявъ направленіе на Айнтабъ, между тѣмъ какъ мы присоединились къ тѣмъ, которые направлялись въ Келизъ. Скоро мы прибыли къ виноградникамъ, принадлежащимъ къ обоимъ округамъ, и послѣ полудня достигли города, называемаго Бурджъ. знаменитаго своею башнею.

Утромъ въ четвергъ послѣ Свѣтлаго воскресенья мы миновали городъ виноградниковъ и прибыли къ предѣламъ келизскихъ виноградныхъ насажденій и земель. Туркмены собирались теперь со всѣхъ сторонъ нашей страны, направляясь въ область Сиваса на лѣто въ свои лѣтнія стоянки. Мы смотрѣли на нихъ съ большимъ любопытствомъ, и зрѣлище было величественное; поистинѣ, они то и суть воздѣлыватели земли и ея плодовъ и источникъ нашей радости и благоденствія. Къ вечеру я одинъ прибылъ въ Келизъ гонцомъ..... какъ благовѣстникъ, но тутъ не хотѣли вѣрить мнѣ, и когда глядѣли на меня, то походили на людей, приведенныхъ въ недоумѣніе и не довѣряющихъ своимъ чувствамъ: ибо всякія извѣстія отъ насъ прекратились и о насъ увѣряли, что мы были убиты въ Валахіи во время войны Константина, исторію которой мы передали и во время которой были безпощадно умерщвлены всѣ, находившіеся въ монастырѣ, въ коемъ когда-то жили и мы. Они обрадовались нашему прибытію къ нимъ и мы слились съ ними въ вознесеніи благодареній Господу и въ восхваленіи Его святого имени за наше спасеніе.

Немедленно я написалъ письма въ Алеппо, Дамаскъ и другіе города Сиріи, и мы послали ихъ съ гонцомъ, чтобы увѣдомить о нашемъ приближеніи, и наше возвращеніе этой дорогой было самымъ счастливымъ шествіемъ; ибо первоначальнымъ нашимъ намѣреніемъ было идти изъ Токата къ Кесаріи, а оттуда къ Аданѣ, Антіохіи на Мадикѣ и Антіохіи Сирійской; только мы не нашли попутчиковъ для этой дороги, но вовсе не имѣли намѣренія идти въ Алеппо. Это случилось вслѣдствіе множества беззаконныхъ и позорныхъ дѣяній, совершенныхъ среди христіанъ врагомъ Божіимъ, Митрофаномъ, сыномъ священника Бишары (Евангéлія), митрополитомъ Алеппскимъ, поставленіе коего на эту епархію было судомъ Божіимъ надъ ея народомъ.

Для какой иной цѣли воспользовался онъ удобнымъ временемъ отсутствія нашего владыки патріарха, какъ только для злыхъ дѣлъ, для притѣсненія своею властью, для многочисленныхъ обмановъ и вымогательствъ? Особливо, во время правленія Абшира-паши онъ предъявилъ искъ, что они [1] должны ему шесть или семь тысячъ піастровъ,— такъ разсказывали намъ; и онъ побудилъ нашу собрать съ нихъ эти деньги. Паша сдѣлалъ это при помощи палочныхъ ударовъ и казней, превративъ митрополичій домъ во временное жилище своихъ агъ, въ палату вымогательства, въ темницу; межъ тѣмъ какъ самъ митрополитъ не чувствовалъ состраданія ни къ кому изъ своей паствы и съ жестокостью продолжалъ свои притѣсненія и гнусности, пятная своими поступками архіерейское достоинство и постоянно нанося вредъ интересамъ христіанъ. Однако Абширъ всѣ эти деньги взялъ себѣ и употребилъ ихъ на уплату жалованья сарыджа и сейменамъ, не давши митрополиту ни одного піастра. Взгляни на поступки этого нечестивца, оставленнаго Богомъ! Взгляни на его безбожіе и лицемѣріе, въ которомъ онъ дошелъ до такихъ предѣловъ, что простеръ свой обманъ и лихоимство до злоупотребленія спискомъ шелка-сырца, собираемаго ежегодно на праздникъ Рождества Христова съ христіанъ въ пользу бѣдныхъ— превосходный обычай, существовавшій со времени предыдущаго патріарха Евѳимія, извѣстнаго подъ прозвищемъ Карама, и распространившійся при нашемъ владыкѣ патріархѣ, когда онъ былъ митрополитомъ; но теперь этотъ безбожникъ сталъ причиною того, что обычай былъ оставленъ по указанному нами поводу, ибо, пользуясь росписью, начали придираться къ христіанамъ, говоря имъ: «ты далъ въ прошломъ году шелку-сырца въ размѣрѣ (положимъ) стоимости пяти одеждъ (или: ты далъ больше или меньше), и это показываетъ цѣнность твоего имущества, такъ какъ считается, что ты давалъ десятину того, чѣмъ владѣешь». Въ такихъ-то и иныхъ столь же гнусныхъ дѣйствіяхъ былъ онъ повиненъ въ такой степени, что продолжать описаніе ихъ было бы утомительно. Онъ сдѣлался дерзкимъ и безстыднымъ въ своихъ порокахъ и безчинствахъ, въ пьянствѣ и другихъ излишествахъ, обращая самое слово и имя «православный» въ позоръ и посмѣшище у другихъ народовъ. Во времена патріарха Карамы онъ завѣдовалъ церковными доходами и самовластно управлялъ имуществами Церкви; но при вступленіи на митрополичій престолъ нашего владыки ему посовѣтовали назначить сорокъ векилей или уполномоченныхъ, изъ коихъ двое ежегодно должны были стоять предъ Богомъ и служить церкви,

[1] т. е. его паства.

отъ дня праздника сорока мучениковъ до его годовщины. И когда это дѣло было поставлено такимъ образомъ, доходы Церкви стали преуспѣвать съ благословенія Божія: подвалы ея изъ года въ годъ были наполнены масломъ, въ ея складахъ были запасены восковыя свѣчи и сокровищница ея была снабжена всѣмъ потребнымъ вплоть до дней того лица, о которомъ мы говоримъ, и вступленія его на митрополичій престолъ, которое явилось для нея какъ бы испытаніемъ отъ Господа. Тогда дѣло измѣнилось такимъ образомъ, что векили стали назначаться при посредствѣ лицъ, власть имущихъ, по распоряженію паши, въ силу перевѣса въ борьбѣ и распряхъ, и благодаря вѣсу кошельковъ съ деньгами и протекціи, къ отягощенію Церкви тысячами долговъ—да отплатитъ имъ Господь, какъ они того заслужили! Всѣ эти дѣла и обстоятельства дошли до нашего слуха въ Келизъ; и мы были крайне раздражены, въ особенности нашъ владыка патріархъ, который не переставалъ проклинать митрополита и клясть его, отъ всей души призывая на него (Божіе) мщеніе.

Въ началѣ его управленія митрополіей, когда онъ только началъ обнаруживать свои пороки и гнусности, владыка послалъ лишить его священства; но онъ явился къ владыкѣ въ Хаму и обратился ко многимъ лицамъ, прося ихъ ходатайствовать за него, обѣщая передъ Богомъ и давая самыя непарушимыя клятвы, что онъ откажется отъ вина, водки и всякихъ хмельныхъ питій; и послѣ того какъ мы на сей конецъ составили и взяли съ него узаконенное поручительство, скрѣпленное подписью именитыхъ жителей Хамы и наставниковъ, владыка простилъ его. Поэтому онъ предъявилъ искъ къ властямъ о взысканіи пени съ алеппскихъ христіанъ за то, что они прочитали статиконъ (грамоту) о его отрѣшеніи и отлученіи, при чемъ въ этомъ искѣ его поддерживали сынъ его и родственники. Впослѣдствіи, возвратившись вмѣстѣ съ нашимъ владыкою патріархомъ въ Алеппо, онъ снова впалъ въ свое прежнее состояніе и втайнѣ нарушилъ свои клятвы. Такимъ образомъ онъ постоянно безчинствовалъ, и вслѣдствіе его постояннаго злоупотребленія опьяняющими напитками, его поразили болѣзни и недуги; но тѣмъ не менѣе онъ не унимался, пока наконецъ Господь не поразилъ его дизентеріей, какъ это вскорѣ будетъ видно при дальнѣйшемъ ходѣ этого разсказа.

Между тѣмъ я написалъ письмо и послалъ его съ гонцомъ своимъ домашнимъ, предупреждая свое семейство не распространять извѣстій о нашемъ прибытіи, но выразилъ желаніе видѣть своихъ сыновей, Апанію и Константина, дабы удовлетворить моей страстной тоскѣ по нимъ послѣ столь долгаго промежутка времени, такъ какъ прошло

уже семь лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ, какъ я разстался съ ними: ибо мы твердо рѣшили не идти въ Алеппо, а держать путь нашъ изъ Келиза на Дамаскъ. Однако, едва дядя мой, ходжа Илія, выѣхалъ съ моими сыновьями и присоединился къ намъ, какъ вѣсть эта распространилась по Алеппо, и немедленно множество друзей, христіане, священники, діаконы и другія сословія поспѣшили въ Келизъ, чтобы насъ посѣтить, и привѣтствуя насъ самымъ сердечнымъ образомъ, просили насъ ѣхать въ ихъ городъ, (говоря), что рѣдкость посѣщеній ихъ нашимъ владыкою патріархомъ служитъ въ укоръ ихъ доброму имени и что они будутъ опозорены передъ всѣми прочими городами, такъ какъ всѣ уже прослышали о его близости къ ихъ городу, и вдругъ онъ удаляется въ сторону отъ него, хотя это—его родной городъ и область. Что касается до покойнаго митрополита, отступника отъ Господа, хищнаго волка, разсѣявшаго стадо Христово и предавшаго его въ пасть волчью, то, едва прослышалъ онъ о нашемъ прибытіи, какъ заболѣлъ лихорадкой и по всѣмъ видимостямъ умеръ, но оказалось, что это былъ обморокъ, оправившись отъ котораго онъ прислалъ извиненіе, что не можетъ по нездоровью насъ встрѣтить.

Глава X.

Торжественный въѣздъ въ Алеппо.—Поведеніе митрополита Эмесскаго.—Прибытіе митрополитовъ.

Мы служили обѣдню въ Келизѣ въ Новое (Ѳомино) воскресенье, при всеобщей радости и ликованіи. Тутъ мы пробыли двѣ недѣли. Вслѣдствіе настойчивыхъ убѣжденій посѣтителей изъ Алеппо, священниковъ и почетныхъ лицъ, являвшихся за благословеніемъ, владыка патріархъ наконецъ уступилъ ихъ желанію и согласился отправиться въ Алеппо, но съ условіемъ, что онъ возьметъ съ нихъ слѣдуемый ему сборъ и что все, что онъ издержалъ для выраженія почтенія нашѣ, и всѣ подарки будутъ отнесены на ихъ счетъ, и въ этомъ они поручились другъ передъ другомъ. Итакъ мы выѣхали изъ Келиза съ немногими вещами, оставивъ въ немъ остальныя, и, приблизившись къ Алеппо, остановились въ деревнѣ *Билгирмунъ*, чтобы пробыть тутъ до вечера и войти въ городъ негласно; но христіане, быстро прослышавъ о нашемъ приближеніи, вышли цѣлыми общинами всѣхъ вѣроисповѣданій встрѣтить насъ, и стекались къ намъ во множествѣ, толпа за толпою. Если бы мы вступили въ Алеппо, какъ только подошли къ нему, это было удобнѣе и спокойнѣе; ибо, пока мы имѣли остановку

въ деревнѣ, стеченіе и наплывъ народа увеличились, и обстоятельства неминуемо вынуждали насъ подняться и двинуться къ городу. Женщины вышли до Ханакіи, и мы не могли пройти черезъ мостъ Баинъ Куббе вслѣдствіе давки толпы и стѣсненія встрѣчавшихъ насъ, и не будь янычаровъ и ясакчи, которые шли впереди насъ съ палками, мы вовсе не могли бы проѣхать. Прибывъ къ христіанскому кладбищу, мы увидѣли издали, что площадь совершенно переполнена народомъ, и только съ большимъ трудомъ мы подвигались впередъ. Пройти въ церковь, согласно установившемуся обычаю, мы нашли невозможнымъ и по причинѣ скопленія народа и потому, что наступилъ вечеръ, хотя священники разныхъ общинъ приготовились изъ любви и уваженія къ владыкѣ патріарху встрѣтить насъ въ облаченіи—да ущедритъ ихъ Господь! Митрополитъ, о которомъ было уже столько говорено, также явился встрѣтить насъ, трясясь и дрожа вслѣдствіе своего состоянія, на которое онъ громко жаловался и плакался, и—Богъ свидѣтель—мы, вслѣдствіе перемѣны въ его лицѣ и наружности, не узнали бы его. Онъ шелъ пѣшкомъ, и его поддерживали четверо посильщиковъ, когда онъ опустился на колѣни и просилъ (прощенія); и будучи окруженъ толпой, едва не былъ растоптанъ подъ ногами народа. Такимъ образомъ мы вступили въ митрополичій дворецъ, гдѣ предались отдохновенію, выбросивъ изъ головы всѣ заботы, связанныя съ путешествіемъ, славя Богу за свое спасеніе и благополучное прибытіе въ родную страну и за то, что мы снова соединились съ дорогими намъ лицами, съ товарищами и друзьями. Нашъ въѣздъ въ царственный и богохранимый градъ Алеппо произошелъ въ четвергъ вечеромъ, 21-го апрѣля.

Въ канунъ слѣдующей субботы мы совершали шествіе со всѣмъ духовенствомъ, съ діаконами, во время Входа, согласно обычаю этой страны, по случаю торжественнаго чествованія памяти св. мученика Георгія, праздникъ котораго приходился на слѣдующій день; и такимъ образомъ нашъ владыка патріархъ въ этотъ канунъ былъ встрѣченъ всѣми священниками различныхъ общинъ въ ризахъ, и они вводили его въ свои церкви съ величайшимъ почетомъ и уваженіемъ. На слѣдующій день мы совершали обѣдню съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, при чемъ были розданы свѣчи всѣмъ молящимся; и христіане—да благословитъ ихъ Господь и даруетъ имъ благоденствіе!—собрались вмѣстѣ, съ большой торжественностью, чтобы оказать честь нашему владыкѣ патріарху, котораго они наперерывъ одинъ передъ другимъ угощали обѣдомъ и ужиномъ, условившись между собой, что когда онъ пообѣдаетъ въ одномъ мѣстѣ, ужинать будетъ въ другомъ, и такъ го-

рячо добивались чести принять его, что иногда случалось, что двое или трое въ одно и то же время готовили угощеніе. Не менѣе многочисленны и обильны были ихъ благодѣянія и милостыни. На своего митрополита они явились съ жалобами за его поступки съ ними, и владыка патріархъ горевалъ объ ихъ дѣлѣ, межъ тѣмъ какъ самъ митрополитъ пребывалъ распростертый на одрѣ болѣзни.

Гонецъ, котораго мы посылали въ Дамаскъ, теперь вернулся и принесъ намъ извѣстіе о великой радости тамошнихъ христіанъ по случаю нашего приближенія и нашего спасенія, которую они высказывали намъ въ письмахъ, выражая просьбу, чтобы нашъ владыка скорѣе явился къ нимъ принять въ свои руки бразды правленія и завѣдываніе ихъ дѣлами: ибо они стали подобны виноградным лозамъ послѣ сбора винограда. Въ то же время они жаловались на митрополита Эмесскаго, сына *Аміуда*, второго Іуду, на гнусности, которыя онъ совершилъ среди нихъ, и на обиду, которую онъ имъ причинилъ, ибо они послали къ нему и пригласили его жить у нихъ въ качествѣ уполномоченнаго, и онъ пришелъ и совершалъ служеніе въ патріархіи, занимая патріаршій престолъ, нося саккосъ, рукополагая во священныя степени и становясь на каѳедрѣ (горнемъ мѣстѣ)—все это безъ дозволенія хозяина епархіи. Они обвиняли его въ вѣнчаніи незаконныхъ браковъ за деньги и въ совершеніи великихъ гнусностей, бо́льшихъ даже чѣмъ гнусности хамасца, митрополита Алеппскаго. Услышавъ о приближеніи нашего владыки патріарха, онъ было растерялся и смутился, ибо постоянно распространялъ о насъ слухи, что мы убиты и никоимъ образомъ вернуться не можемъ; и говорилъ народу, что теперь онъ то лицо, которое должно пользоваться надъ ними властію патріарха: столь неблагодарнымъ измѣнникомъ выказалъ онъ себя по отношенію къ своему владыкѣ и учителю, который рукоположилъ его во священника и посвятилъ во епископа. И какъ митрополитъ Алеппскій былъ подверженъ страсти къ пьянству, такъ этотъ человѣкъ сталъ добычею искушенія къ накопленію денегъ, черствости сердца и скупости, какъ объ этомъ мы разскажемъ въ исторіи о немъ, которую, если будетъ угодно Господу, мы дадимъ въ полномъ объемѣ.

Впослѣдствіи онъ бѣжалъ изъ Дамаска и удалился въ Сейданайскій монастырь, гдѣ и остался; и опасаясь ярости жителей Дамаска, которую они питали противъ него, такъ какъ онъ принуждалъ ихъ платить большія суммы денегъ правителямъ, и зная объ ихъ жалобахъ на него своему духовному владыкѣ, онъ принялся писать, во вредъ имъ, прошеніе за прошеніемъ къ правителямъ изъ своего сейданайскаго убѣжища, пока мы не послали ему письмо съ приказані-

емъ собраться и явиться въ Аленпо. Сюда также пріѣхали принести намъ поздравленія кирь Мелетій, митрополитъ Триполійскій, кирь Николай, митрополитъ Аккарскій, и кирь Неофитъ, митрополитъ Лаодикійскій. Между тѣмъ изъ Дамаска приходили письма за письмами съ просьбою, чтобы владыка патріархъ собирался и ѣхалъ къ нимъ съ своими спутниками. Наконецъ намѣреніе было принято нами, и пославъ привезти остальную нашу кладь изъ Келиза, мы начали укладываться и готовиться въ путь къ Дамаску. Тутъ явились нѣкоторые изъ алепскихъ христіанъ, прося насъ взять отъ нихъ ихъ митрополита, чтобы они могли вздохнуть и успокоиться въ его отсутствіе, хотя бы на малое время. Нашъ владыка патріархъ созвалъ собраніе по поводу этого и по дѣлу уполномоченныхъ, которыхъ онъ всѣхъ устранилъ отъ ихъ обязанностей, замѣстивъ другими; и при счетѣ долговъ, остающихся за алепскою церковью, оказалось, что ихъ было на семь тысячъ піастровъ. Все церковное имущество, ризы и богослужебныя принадлежности были отданы въ залогъ заимодавцамъ. Всѣ эти хищенія были учинены митрополитомъ ради того, чтобы добыть себѣ денегъ, сверхъ и помимо тѣхъ суммъ, которыя были уплачены ему и за него по счету. Что же могъ сдѣлать съ нимъ владыка патріархъ? Онъ отдалъ его въ руки правосудному правителю, чтобы тотъ воздалъ ему должное и наказалъ его. Теперь митрополитъ сталъ просить владыку позволить ему отправиться съ нимъ въ Дамаскъ, но владыка отказалъ, по дѣйствію промысла Всемогущаго Бога, какъ это обнаружится впослѣдствіи; и мы предоставили его сынамъ сатаны.

Глава XI.

Отъѣздъ въ Хаму.—Прибытіе въ Дамаскъ.—Перестройка патріаршаго дома.

Мы выступили изъ Аленпо вмѣстѣ съ мекканскими паломниками въ четвергъ, 21 іюня, и по прибытіи въ Хаму были встрѣчены счастливыми извѣстіями. Дѣло въ томъ, что въ Дамаскѣ были два сильныхъ человѣка изъ именитыхъ людей города: одинъ—по имени Абд-ус-Саламъ, кіайя янычаровъ, другой—Абд-уль-Баки, языджи (секретарь) янычаровъ. Эти люди были очень непокорны и строптивы по отношенію къ султанскому правительству и поддерживали тайныя сношенія съ Хасаномъ-пашою Джелали, въ противодѣйствіе визирю. Когда упомянутый Хасанъ-паша погибъ, визирь послалъ грамоту Кадыри-пашѣ, пашѣ дамасскому, о которомъ мы упоминали уже раньше, какъ о пашѣ силистрійскомъ, приказывая ему, прибѣгнувъ къ хитрости, отрубить имъ

головы. Вслѣдствіе этого онъ пригласилъ ихъ во дворецъ и, обезглавивъ ихъ, послалъ ихъ головы въ Константинополь; и теперь въ Хамѣ мы увидѣли людей, которые ихъ везли. Мы очень обрадовались этому: то было для насъ необычайнымъ благодѣяніемъ, судя по тому, что намъ разсказали потомъ объ этихъ людяхъ: именно, что они сторожили часъ прибытія нашего владыки патріарха, а мы далеко не имѣли столько, чтобы могли удовлетворить ихъ жадность. Но Господу угодно было положить конецъ ихъ существованію. Итакъ, когда тѣ лица, которыя были зачинщиками мятежа, погибли, визирь прислалъ настоятельныя предписанія названному Кадыри-пашѣ отрубить голову всѣмъ тѣмъ бѣднягамъ-янычарамъ, которые давно были замѣчены въ закоренѣлой враждебности къ султану и его визирю: и многіе изъ нихъ были обезглавлены, а остальные бѣжали въ Іеменъ, Египетъ и другія области Аравіи. Еще ранѣе этого, визирь послалъ двухъ чорбаджи-капыкулей съ ихъ людьми—одинъ чорбаджи двадцать шестой ода, другой—тридцать второй ода [1]—съ шестью или семью стами человѣкъ; и отстранивъ дамасскихъ янычаровъ отъ карауловъ крѣпости, онъ поставилъ въ немъ стражу изъ однихъ этихъ. Поведеніе первыхъ было теперь подвергнуто строгому разслѣдованію, и гнѣвъ Божій поразилъ ихъ за безчисленныя дѣянія тиранской жестокости, кои они совершали надъ жителями, не обуздываемые правительственной властью и не имѣя никакого начальника: и такимъ образомъ Богъ даровалъ визирю поступить съ ними по своему желанію; и все это случилось къ нашему великому благополучію—хвала и благодареніе Всемогущему!

Когда мы прибыли въ Эмессу, злочестивый митрополитъ этого города, второй Арій, вышелъ къ намъ навстрѣчу, ибо онъ выѣхалъ изъ Сейданаи, прибѣгнувъ къ обману и лицемѣрію; но мы не дѣлали ему никакихъ упрековъ ни за что,—напротивъ, мы встрѣтили его съ веселой улыбкой, взяли его съ собой и успокоили его сердце для того, чтобы достигнуть своей цѣли въ отношеніи къ нему и совершить свой судъ надъ нимъ въ присутствіи его противниковъ, созвавъ синодъ по поводу его поведенія и его личности. Когда мы отъѣхали на два дня отъ Эмессы, я наединѣ началъ увѣщевать и выговаривать ему, напоминая ему объ его преступныхъ дѣяніяхъ, по порядку; но онъ встрѣтилъ мои упреки увертками и отнѣкиваніемъ.

---

[1] Янычарское войско дѣлилось на *орта*, батальоны, которые подраздѣлялись на *ода*, роты (собственно: комнаты). Ихъ начальники носили названія, заимствованныя отъ домашнихъ работъ: *ашджи*, поваръ, *сакка*, водоносъ и т. п.

Наконецъ мы вступили въ укрѣпленный городъ Дамаскъ, въ пятницу утромъ, 1-го іюля, встрѣченные христіанской общиной со всякимъ почтеніемъ и уваженіемъ, съ радостію, весельемъ и ликованіемъ. Прежде всего мы начали съ засвидѣтельствованія почтенія нашѣ, посѣтивъ его; посѣтили также всѣхъ почетныхъ лицъ города и поднесли имъ въ подарокъ восковыхъ свѣчей, сахару и тканей. Затѣмъ мы приступили къ уплатѣ нашихъ долговъ. Первымъ въ спискѣ нашихъ должниковъ былъ долгъ дому Хаджи Насыръ-уд-Дина, общій итогъ котораго, по опредѣленію суда, равнялся девяти тысячамъ піастровъ съ лишкомъ, и его мы уплатили, написавъ расчетъ между нами и ими; другому кредитору мы были должны двѣ тысячи піастровъ, и мы уплатили ихъ ему; третьему—двѣ тысячи пятьсотъ, четвертому—тысячу и пятому—пятьсотъ: и такимъ образомъ мы заплатили пятнадцать тысячъ піастровъ. Патріаршій домъ также требовалъ нѣкоторой суммы денегъ, матерій, мускуса, мѣховъ и тому подобнаго. Мы истратили на нашу и на остальныхъ именитыхъ лицъ болѣе трехъ тысячъ піастровъ. Домъ патріаршій съ своимъ заломъ обратился въ развалины, ибо былъ построенъ главнымъ образомъ изъ кирпича, а дерево сгнило за давностью. Мы срыли его до основанія и построили новый дворецъ, приличествующій намъ, съ кельями для духовенства, съ галлереями, отхожими мѣстами съ проточною водою, кладовыми и мощеными дворами. Залъ мы вымостили матеріалами разнаго рода и разныхъ цвѣтовъ; и я посылалъ въ Алеппо за желтой и зеленой черепицей, истративъ на это замощеніе и на водоемъ посрединѣ около шестисотъ піастровъ. Съ передней стороны дворца я облицевалъ его чернымъ и бѣлымъ камнемъ, съ основанія до верхушки, и устроилъ при немъ фонтанъ и водометъ, изъ пестрой мозаики и цвѣтного мрамора, выбрасывавшій воду, которая, разсыпаясь въ своемъ паденіи, чаруетъ своимъ журчаньемъ сердце и умъ и прогоняетъ грусть съ души. При постройкѣ его я воздвигъ двѣ мраморныхъ колонны, перевитыя и закругленныя по образцу древнихъ греческихъ колоннъ; ибо я взялъ мастера и показалъ ему нѣкоторыя колонны у дверей мечети, называемой *Джезари*, что за воротами Тума (Ѳомы), основанія коихъ древообразны, какъ основанія греческихъ колоннъ. Двѣ колонны съ ихъ подножіями обошлись въ тридцать піастровъ и служатъ въ настоящее время предметомъ величайшаго удивленія для зрителя. Все это имѣло отношеніе къ словамъ того, кто сказалъ, что «мастера сего времени и вѣка неспособны производить работы, подобныя древнему искусству». Въ срединѣ этого мѣста я помѣстилъ порфировую доску длиною въ полтора локтя и шириною въ три, съ рамкою вокругъ нея, изъ бѣлаго мрамора и чернаго камня

и на этой черной и бѣлой облицовкѣ я помѣстилъ обозначеніе времени, въ три строчки стиховъ, составленныхъ изъ прекрасныхъ черепицъ съ свѣжей глазурью, такимъ образомъ, что никто не могъ бы передѣлать ихъ или придать имъ иной смыслъ въ какомъ нибудь мѣстѣ, отъ начала до конца. Надъ дверью галлереи я помѣстилъ желтую плиту съ обозначеніемъ на ней времени построенія на греческомъ языкѣ и греческими буквами, чтобы его могли читать и сыны Греціи. Въ залѣ было темно, и поэтому я продѣлалъ въ ней два высокихъ окна. Въ углу лѣтняго помѣщенія, называемаго *Мишрака*, я построилъ отхожее мѣсто съ высокимъ куполомъ и арками и водоемами кругомъ, въ подражаніе отхожимъ мѣстамъ дамасскихъ вельможъ, которыя они строятъ изъ дикаго камня. Въ залѣ я продѣлалъ большое окно и устроилъ въ немъ прочную желѣзную раму со щеколдою, вѣсомъ въ тридцать шесть фунтовъ, тогда какъ прежде на ея мѣстѣ была деревянная. Вблизи нея я продѣлалъ потайную дверь, ведущую въ портикъ изъ дикаго камня, и сдѣлалъ эту дверь подобной окружающему матеріалу, такъ что, когда она затворена, никто не догадывался, что это дверь. Я расширилъ и сдѣлалъ выше ворота двора, построивъ ихъ изъ дикаго камня. Всѣ ворота и двери были обрамлены деревомъ сирійской и бѣлой шелковицы, дабы они не обветшали съ теченіемъ времени; это была прочная работа. Портикъ позади зала былъ весь сводчатый, и я расширилъ дворъ и вымостилъ его чернымъ мраморомъ. Здѣсь было водохранилище, прочно выстроенное изъ чернаго мрамора и сосредоточенное мною въ одномъ мѣстѣ, на мѣсто нѣсколькихъ, существовавшихъ, обыкновенно, въ домахъ сосѣдей, и вблизи него была продѣлана особая дверь для прислуги. Изъ зала была вынута цѣлая гора земли, ибо мы удалили землю и наложили на ея мѣсто камня. Постройки въ Дамаскѣ производятся съ цементомъ и красной землей, такъ какъ земля здѣсь обожженная, и не походятъ на постройки алеппскія, съ ихъ особенною землею и известью. Ста піастровъ было недостаточно намъ для того, чтобы измельчить землю. Водоемъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень большой, окруженный со всѣхъ сторонъ садикомъ, но я уменьшилъ его размѣры и расширилъ открытое пространство для прогулокъ. Для лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ я сдѣлалъ каменныя окаймленія, наподобіе устьевъ колодцевъ, съ бордюромъ,—прекрасное произведеніе искусства; и кругомъ нихъ настлалъ полъ такой же, какъ и на всей площадкѣ зала. Вдоль всѣхъ стѣнъ я устроилъ приступокъ изъ черныхъ и бѣлыхъ плитъ, гдѣ можно было бы сидѣть народу: и все это мѣсто изъ тѣснаго и узкаго сдѣлалось просторнымъ и обширнымъ. Красота зала съ его водоемомъ и водо-

метомъ была предметомъ разговоровъ въ городѣ Дамаскѣ, и многіе изъ именитыхъ людей нерѣдко приходили посмотрѣть на него [1]. Мы истратили на всю эту постройку около трехъ тысячъ піастровъ. Изъ всѣхъ ея украшеній ничто не было бы такъ достойно возбудить въ тебѣ, мой братъ, желаніе и зависть, какъ красивые ряды нарциссовъ, гіацинтовъ и другихъ цвѣтовъ, размѣщенныхъ на порожкахъ водомета, отъ верха до низу, съ разсыпающеюся посреди нихъ водою, и по краямъ водоема, кругомъ, бутылки вина, вперемежку съ кувшинами воды, — и потомъ видѣть насъ сидящими въ новой галлереѣ съ лицевой стороны и пьющими во славу Божію, съ кубками въ рукахъ. И я молю Всемогущаго, да подвигнетъ Онъ всякаго читателя моего убогаго разсказа и всякаго слушателя посѣтить святый Іерусалимъ и поглядѣть на это восхитительное мѣсто, которое я сумѣлъ такъ хорошо устроить: и конечно, если бы въ нашемъ обладаніи была цѣлая сокровищница золота, она въ нашихъ рукахъ подверглась бы полному израсходованію, и это сооруженіе стояло бы памятникомъ для будущихъ поколѣній, дабы люди просили блаженства и награды для насъ у щедраго Владыки міра, ибо хотя деньги, имѣвшіяся у насъ, составились изъ даяній христіанъ, но употребленіе ихъ на эти хорошія дѣла, несомнѣнно, есть весьма похвальное дѣяніе.

Глава XII.

Перестройка патріаршаго хана въ Дамаскѣ. — Смерть митрополита Алеппскаго. Постройка диванъ-ханэ въ Алеппо.

Патріархіи принадлежалъ ханъ, отказанный ей по завѣщанію, находившійся насупротивъ дверей портика патріаршаго дворца; и надъ нимъ этажами были помѣщенія для бѣдныхъ, но въ послѣднее время онъ сдѣлался жилищемъ безнравственныхъ женщинъ; и многія попытки выгнать ихъ, за ихъ лицемѣріе, пороки и гнусности, которыя онѣ постоянно творили, не имѣли успѣха. Но я ихъ выгналъ сразу; и сравнявъ все зданіе съ землею, воздвигнулъ его заново съ самаго основанія и сдѣлалъ его въ два этажа: нижній этажъ состоялъ изъ девяти большихъ, просторныхъ мастерскихъ, а верхній изъ восьми, нѣсколько

[1] Залъ, объ украшеніи котораго такъ много заботился архидіаконъ, видимо обладавшій изящнымъ вкусомъ, составляетъ необходимую принадлежность всякаго богатаго дома въ Дамаскѣ и вообще въ Сиріи и имѣетъ много общаго съ древнеримскимъ атріумомъ.

красивѣе и болѣе обширныхъ. Ежегодный доходъ отъ хана, прежде равнявшійся только двадцати пяти піастрамъ, теперь возросъ до ста двадцати слишкомъ. Много потрудился я надъ его перестройкой, въ особенности вслѣдствіе большого количества земли, бывшей внутри его,—и да избавитъ насъ Господь отъ дамасскихъ зданій!—едва вы сдѣлали щель въ сводѣ, какъ вся стѣна, отъ верха до низа, превращается въ развалины. На этотъ ханъ мы истратили около двухъ тысячъ піастровъ. Сотни піастровъ оказалось намъ недостаточно для одного только раздробленія и просѣванія земли. Въ этомъ зданіи я сдѣлалъ небольшую дверь, наподобіе двери митрополичьяго дворца въ Алеппо, и надъ входомъ въ одну изъ лавокъ написалъ дату его постройки.

Въ наше отсутствіе въ старомъ патріаршемъ домѣ помѣстился ага и сдѣлалъ его своимъ жилищемъ, будучи допущенъ черезъ ворота хлѣбопекарни [1]; и только съ большимъ трудомъ мы выгнали его оттуда. Затѣмъ я заложилъ обои ворота камнемъ и сдѣлалъ одни только новыя ворота для входа; снаружи они были красивѣе и глубже, чѣмъ ворота митрополичьяго дома въ Алеппо, были сложены изъ большихъ обтесанныхъ камней, и въ воротахъ была калитка; и другія подобныя имъ были изнутри, такъ что обои вмѣстѣ они походили на ворота крѣпости. И теперь—благодареніе Господу!—обитатели уже больше не страшились, что кто-нибудь вломится черезъ нихъ; ибо ничья рука не была въ силахъ сокрушить ворота: столь глубоки ихъ высѣки, глубоки на столько, что могутъ скрыть всего человѣка. Что касается до остальнаго, то мастера и искусные работники трудились около двухъ лѣтъ надъ постройкой дворца; но мы употребили всѣ усилія, чтобы закончить ханъ до наступленія зимы, увеличивъ число мастеровъ и работниковъ, которыхъ всего было человѣкъ шестьдесятъ или семьдесятъ; и онъ былъ оконченъ въ теченіе восьмидесяти дней, чему сильно дивились знатные мусульмане; ибо если бы эта работа дѣлалась для нихъ, то рабочіе не выполнили бы ея и въ два года; но такъ какъ всѣ они были христіане, то имъ стыдно было насъ и они работали со всѣмъ усердіемъ надъ этимъ благотворительнымъ предпріятіемъ, тѣмъ болѣе, что это дѣлалось для ихъ соотечественника, для ихъ церкви и для ихъ патріарха.

Обыкновенно, еще со временъ прежнихъ патріарховъ, для патріаршаго дома получалось каждую недѣлю двѣ партіи вина изъ Сейда-

[1] На Востокѣ хлѣбопекарная печь помѣщается въ отдѣльномъ зданіи.

нан. Обычай этотъ за время нашего отсутствія прекратился; но я много трудился и старался, пока снова не ввелъ его.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Дамаскъ, сюда явились къ намъ митрополитъ Сидонскій, митрополитъ Бейрутскій, митрополитъ Баальбекскій и митрополитъ Триполійскій, чтобы принести поздравленіе нашему владыкѣ патріарху; и владыка нашъ разослалъ ихъ потомъ по разнымъ направленіямъ, чтобы собрать ему нурію, или десятину, согласно обычаю. Самъ онъ отправился посѣтить Сейданаю, перваго сентября, когда наступилъ 7168 годъ отъ сотворенія міра (1660 г. отъ Р. Хр.); а я остался вмѣсто него въ Дамаскѣ.

Черезъ шесть дней послѣ праздника Воздвиженія Креста къ намъ прибылъ изъ Алеппо гонецъ съ важными извѣстіями, полными радости и веселія, и увѣдомилъ насъ о смерти митрополита Алеппскаго, 13-го сентября, послѣ краткой болѣзни, опорожнившей дочиста его желудокъ, отъ которой онъ испустилъ духъ въ слезахъ и рыданіяхъ. Всѣ радовались его смерти; и Господь посѣтилъ свой народъ, освободивъ и избавивъ его отъ испытаній и искушеній. Прибытіе гонца къ намъ случилось послѣ полудня; я немедленно отправилъ конныхъ гонцовъ въ Сейданаю, отвезти извѣстіе нашему владыкѣ патріарху, и онъ получилъ его послѣ ужина, раньше чѣмъ отошелъ ко сну. Онъ преисполнился радости, находя удовольствіе не въ смерти митрополита, но въ избавленіи жителей Алеппо отъ его злочестія; и вставъ, немедленно отслужилъ параклисисъ (молебенъ) Божіей Матери, вознеся благодаренія и хвалы Ей, принесшей ему эти счастливыя извѣстія въ Своемъ монастырѣ [1]. Затѣмъ я послалъ сообщить радостное извѣстіе остальнымъ епархіальнымъ архіереямъ, которые всѣ были крайне раздражены противъ митрополита.

Въ это время нашему владыкѣ патріархѣ пришла мысль заняться въ этомъ году мурованіемъ, и не только по обыкновеннымъ причинамъ, но и потому, что мура, приготовленнаго покойнымъ патріархомъ Іоакимомъ Ибнъ-Зіядэ, оставалось немного болѣе одного галлона [2], поэтому мы теперь записали названія спадобій и благовонныхъ корней въ книгу и начали покупать и собирать ихъ, пославъ въ Египетъ достать бальзамнаго масла.

Въ началѣ Рождественскаго поста я переѣхалъ въ Алеппо, гдѣ оставался до 10-го марта. Здѣсь я началъ также строить диванъ-ханэ

---

[1] Сейданайскій женскій монастырь близъ Дамаска—во имя Божіей Матери; въ немъ находится Ея чудотворный образъ.

[2] 3 штофа.

(судебная палата), который былъ безусловно необходимъ, и два подвала для темницы и для съѣстныхъ припасовъ, какъ по причинѣ тѣхъ страховъ, ужасовъ, тревогъ, грабежа и расхищенія, которые произошли въ мое отсутствіе черезъ эфенди Ахмеда-пашу, о чемъ мы упоминали раньше, такъ и вслѣдствіе недавняго страха передъ Хасаномъ-пашою и Муртезою; а также потому, что мнѣ удалось купить прекрасный мраморный столбъ, который можно было расколоть на плиты, вмѣстѣ съ тремя каменными арками изъ дикаго, желтаго и чернаго камня, по сходной цѣнѣ, за тридцать два піастра. Такимъ образомъ предпріятіе удалось, и зданіе было выполнено согласно съ планомъ. Я производилъ въ Дамаскѣ упомянутую постройку въ то же самое время, какъ въ Аленпо продолжали въ мое отсутствіе вести эту постройку. Потомъ я вернулся въ Дамаскъ, въ обществѣ іерусалимскихъ паломниковъ, и присоединился къ моему родителю и, преклонивъ колѣна передъ владыкою, получилъ его благословеніе.

Глава XIII.

Приготовленіе св. мура.—Шесть отдѣльныхъ варокъ.

Теперь мы принялись за выполненіе дѣла мироваренія, и собравъ всѣ припасы и сосуды къ Вербному воскресенію или къ Страстной недѣлѣ, мы растерли снадобья въ ступкѣ, для пяти варокъ. Мы растирали составныя части каждой варки и помѣщали ихъ отдѣльно на большомъ листѣ бумаги, надписавъ на нихъ названія.

Составныя части первой варки были слѣдующія: цвѣтовъ дерева кундуля сто двадцать драхмъ; краснаго дерева кассіи шестьдесятъ драхмъ, якутійскаго амома [1] шестьдесятъ драхмъ, солодковаго корня тридцать драхмъ; ирнаго корня тридцать драхмъ. Мы растолкли и размельчили тѣ изъ нихъ, которые требовали того, какъ было обозначено въ книгѣ; затѣмъ они вымачивались въ святой водѣ и старомъ винѣ, будучи покрыты ими на глубину двухъ или трехъ пальцевъ, въ чистомъ сосудѣ, съ канупа Вербнаго воскресенья, чтобы на слѣдующій день подвергнуться варкѣ. Въ подлинномъ спискѣ предписанія опредѣлена только одна часть,—напримѣръ, цвѣтовъ кундуля сорокъ драхмъ,—тогда какъ мы взяли ихъ втрое больше, именно сто двадцать драхмъ, и такъ же поступали и съ прочимъ. Какъ я указалъ составныя части первой варки, такъ укажу ихъ и для другихъ варокъ.

---

[1] Родъ инбиря.

Въ пятницу, накапунѣ Лазаревой субботы, нашъ владыка патріархъ послѣ утренняго богослуженія прослѣдовалъ, вмѣстѣ съ архіереями и священника въ церковь св. Николая и, совершивъ молитву надъ очагомъ, съ водосвятіемъ, окропилъ св. водою мѣсто и два новыхъ очага, помѣщенные къ востоку, посреди названной церкви, на помостѣ, который по этому случаю покрыли глиною, чтобы онъ не попортился; и сюда были принесены два большіе мѣдные сосуда, предварительно вылуженные.

Утромъ въ Великій понедѣльникъ, по совершеніи молитвъ, владыка патріархъ пришелъ, какъ и раньше, съ архіереями, священниками, діаконами и мірянами въ упомянутую церковь и началъ службу. Затѣмъ мы принесли снадобья для первой варки, которыя мочили всю ночь въ святой водѣ и старомъ мѣстномъ винѣ, въ чистомъ сосудѣ, и они были перелиты въ большой котелъ. На нихъ было налито двадцать восемь фунтовъ чистаго масла и столько же стараго дамасскаго вина, со святою водою; и каждый разъ, когда владыка прибавлялъ какую-либо составную часть, онъ произносилъ параспѣвъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Бога». Затѣмъ онъ положилъ одинъ листъ лавроваго дерева, одинъ листъ мирта, одинъ листъ розмарина и небольшое количество мужского(?) розмарина. Стараго вина и святой воды онъ влилъ для того, чтобы предупредить возгораніе масла въ котелкѣ, а листъ лавроваго дерева и розмарина положилъ для запаха. На помощь себѣ мы пригласили двухъ врачей этого города и дали имъ указанія, такъ какъ выполненіе подобныхъ дѣйствій составляетъ ихъ искусство и занятіе, ибо иначе, безъ такой помощи, кто могъ бы достигнуть цѣли? такъ какъ священныя наставленія божественнаго преданія были забыты по прошествіи многихъ лѣтъ.

Мы приготовили и раскололи на топливо сухихъ дубовыхъ дровъ. Первая вещь, которую взялъ въ руки нашъ владыка патріархъ, были три полѣна дровъ, съ тремя пучками пакли и тремя возженными свѣчами, которыя онъ положилъ въ очагъ. Затѣмъ онъ полилъ часть оставшихся дровъ горячею святою водою, которая для этого была поставлена на другой очагъ, а потомъ положилъ ихъ на зажженныя свѣчи съ частью пакли, окропивъ очагъ святою водою, и зажегъ огонь въ обоихъ очагахъ. Одинъ изъ священниковъ сѣлъ на стулъ противъ очага, чтобы поддерживать огонь, при чемъ поливалъ дрова, каждое полѣно, вышеупомянутой горячей водою и зажигалъ ихъ мало-по-малу, чтобы только поддерживать легкое пламя, какъ это установлено въ книгѣ, которая гласитъ: «Необходимо, чтобы находящійся при огнѣ былъ бдителенъ и поддерживалъ его горѣніе въ умѣренной степени.

Когда очагъ раскалится, онъ долженъ покропить его теплою водою, но остерегаться брызгать на него холодною водою, и долженъ не переставая все время помѣшивать». Согласно этому наставленію дѣйствовалъ и священникъ, постоянно помѣшивая деревянной лопаткой съ длинной рукояткой, дабы жидкость не вскипала и не перелилась черезъ, воспламенивъ все кругомъ. По времепамъ онъ прибавлялъ въ нее нѣкоторое количество вышеупомянутой теплой святой воды, какъ это указано въ книгѣ: «Всякій разъ, когда воды убудетъ, должно прибавлять къ ней тепловатой воды, понемногу каждый разъ; но остерегаться употреблять холодную».

Съ той минуты, когда огонь началъ горѣть, нашъ владыка патріархъ въ епитрахили и омофорѣ, архіереи въ епитрахиляхъ и омофорахъ и священники въ епитрахиляхъ читали святое Евангеліе; а діаконы, въ ораряхъ, читали нараспѣвъ посланія, книги пророковъ и псалмы Давидовы и всѣ другія пѣснопѣнія и молитвословія, при чемъ всѣ были съ обнаженными головами, съ самаго возженія огня вплоть до вечера. Точно также діаконы своими рипидами вѣяли на котелъ, смѣняя другъ друга; передъ очагомъ въ подсвѣчникѣ горѣла большая свѣча.

Если желаешь знать, исчезла ли вся вода, которая была смѣшана въ котлѣ съ масломъ, кипящемъ на огнѣ, указаніе на это даетъ наблюденіе, что пока масло съ бульканьемъ выдѣляетъ пузырики, до тѣхъ поръ вода еще остается въ немъ; но какъ скоро пузырики прекращаются и исчезаютъ въ немъ и масло находится въ покоѣ, тогда время прибавить къ нему горячей воды, сколько тебѣ требуется. Когда ты помѣшалъ смѣсь и находишь, что благовонныя вещества и духи хорошо смѣшались съ масломъ, и когда замѣчаешь, что крѣпость этихъ благовонныхъ веществъ и духовъ перешла въ масло и его запахъ пріятенъ, то снимаешь его съ огня и оставляешь его на всю ночь до слѣдующаго дня, чтобы оно остыло. Такъ мы и сдѣлали; и закрывъ отверстіе котла большимъ полотенцемъ, крѣпко обвязали его, чтобы въ него не попало чего-нибудь. На утро мы процѣдили масло черезъ чистую салфетку и перелили его въ другой сосудъ, какъ предписано въ подлинномъ наставленіи. Благовонныя вещества были просѣяны, какъ просѣваютъ зерно, и положены отдѣльно въ другой сосудъ.

Въ этотъ день мы собрали составныя части второй варки; это были: лучшаго горькаго коста [1] шестьдесятъ драхмъ; красной иракской или бенгальской розы, очищенной отъ стеблей, шестьдесятъ драхмъ;

---

[1] Костъ—растеніе Аравіи и Индіи, изъ котораго добывается благовонное масло.

бѣлаго макасарскаго сандала шестьдесятъ драхмъ; ладанной камеди, бензойнаго (?) ладана, инбиря, гвоздики и алоэ, каждаго по одной драхмѣ, и сухого коста тридцать драхмъ; все это мелко истолкли, при чемъ особое стараніе было приложено на измельченіе дерева; и поверхъ всего этого было налито достаточное количество святой воды, чтобы покрыть эту массу, которую мы вымачивали такимъ образомъ отъ полудня Великаго понедѣльника до утра вторника, когда мы взяли и налили ее на масло, которое было сварено за день до этого. Владыка патріархъ зажегъ огонь такъ же, какъ описано для перваго раза; помѣшиваніе продолжалось, и когда надо было, прибавляли понемногу теплой святой воды, и кипяченіе продолжали ровно четыре часа. Затѣмъ мы сняли эту смѣсь и оставили ее остывать до послѣобѣденнаго времени, когда мы процѣдили ее, какъ и прежде, и отложили снадобья къ снадобьямъ первой варки. Между тѣмъ архіереи и священники читали молитвы, а діаконы съ рипидами мѣнялись до самаго конца.

Мы вымачивали составныя части третьей варки въ этотъ день съ ранняго утра, и принесши ихъ, положили въ масло, такъ какъ оно было уже сварено и очищено; и владыка патріархъ снова зажегъ огонь. Количество составныхъ частей третьей варки таково: зарнаба шестьдесятъ драхмъ; очищенной коры красной кассіи двадцать драхмъ; мускатнаго орѣха пятнадцать драхмъ; лучшей лавенды тридцать драхмъ; лучшей гвоздики тридцать драхмъ; мускатнаго цвѣта тридцать драхмъ; и мы варили ихъ отъ послѣобѣденнаго времени до вечера вторника. Затѣмъ мы сняли смѣсь съ огня, чтобы остудить и процѣдить ее, по обыкновенію, въ среду утромъ, отдѣливъ и отложивъ кучкою благовонныя вещества.

Мы растолкли все потребное для четвертой варки во вторникъ; это были: киннамома (корицы) и гвоздики тридцать драхмъ; лучшей красной аравійской смирны шестьдесятъ драхмъ; отборнаго алойнаго дерева, т. е. алойнаго ладана, тридцать драхмъ; лучшаго иракскаго шафрана тридцать драхмъ. Изъ нихъ мы растолкли тѣ, которыя требовали этого, и наливъ на нихъ воды, такъ чтобы она покрыла ихъ, и еще нѣсколько, мы вымачивали ихъ въ святой водѣ въ теченіи всей ночи вторника до утра среды, когда мы положили ихъ въ трижды прокипяченное масло, и снова кипятили его, на обычномъ медленномъ огнѣ, съ утра до полудня. Соблюдались тѣ же обряды, что и въ первомъ случаѣ, а именно: пѣніе стиховъ, вѣяніе рипидами и т. д.; и затѣмъ мы сняли смѣсь съ огня, чтобы остудить, процѣдили ее и отложили кучкою благовонныя вещества отдѣльно.

Затѣмъ мы собрали составныя части для пятой варки, которыя были слѣдующія: лучшей красной стираксы *фалякъ* сто двадцать драхмъ, которыя мы положили въ прокипяченное масло вмѣстѣ съ тремя фунтами очищеннаго меду и со святою водою, какъ и прежде. Затѣмъ мы поставили все это на огонь, въ среду послѣ обѣда, до вечера, пока исчезла изъ него вся водяная влага и пузырики совершенно прекратились, и запахъ его былъ хорошій. Доказательство и проба этого заключались въ томъ, что врачъ, надзиравшій за этимъ дѣломъ, взявъ новую свѣтильню, обмакнулъ ее въ сваренное масло, поднесъ къ пламени свѣчи, и когда зажегъ, то она не трещала и не бросала искръ. Итакъ теперь мы знали, что вся водяная влага испарилась изъ смѣси, и потому сняли смѣсь съ огня. Въ теченіе этого времени мы растолкли составныя части шестой варки, которыя были слѣдующія: циннамома или корицы сто восемьдесятъ драхмъ; самой лучшей благовонной лаванды шестьдесятъ драхмъ; лучшей красной очищенной коры кассіи тридцать драхмъ; мускатнаго цвѣта двадцать четыре драхмы; лучшаго какулійскаго алойнаго дерева шестьдесятъ драхмъ. Ихъ мы превратили въ порошокъ, который просѣяли черезъ шелковое сито, и потомъ владыка патріархъ высыпалъ это въ кипяченое масло и смѣшалъ ихъ вмѣстѣ. Затѣмъ врачъ прибавилъ бальзамнаго масла, коего было полтораста драхмъ въ бронзовомъ сосудѣ, который онъ держалъ на огнѣ, пока оно не распустилось. Вмѣстѣ съ нимъ онъ прибавилъ четырнадцать мискалей (золотниковъ) чистѣйшаго мускуса въ порошкѣ и равное количество лучшей амбры, размѣшавъ и то и другое вмѣстѣ въ такомъ же количествѣ стараго мура; а владыка патріархъ вылилъ его въ сваренное масло и все это размѣшалъ; и мы покрыли смѣсь до утра.

Въ эту ночь великое и очевидное чудо явилось отъ нѣкоторыхъ образовъ у алтарныхъ дверей этой церкви, а именно: вскорѣ послѣ наступленія темноты они источили изъ себя благодать, которая капала съ нихъ подобно струѣ воды, чѣмъ мы были поражены.

Глава XIV.

Освященіе мура.—Сооруженіе новаго амвона. Касыда Ибн-уд-Диба.

Передъ полуднемъ въ Великій четвергъ владыка патріархъ присутствовалъ въ церкви и началъ наливать муро въ новые стеклянные сосуды, которые еще не были въ употребленіи, между тѣмъ какъ всѣ, съ обнаженными головами, пѣли тропари, «Господь пасетъ мя» и пр.

а мы ставили сосуды въ сторонѣ рядами. Затѣмъ архіереи, священники и діаконы пошли и облачились съ нашимъ владыкою патріархомъ и, пришедши, понесли сосуды по одиночкѣ и попарно, въ торжественномъ шествіи, со свѣчами впереди и семью парами рипидъ позади, которыми вѣяли діаконы, и всѣ пѣли: «Помилуй мя, Боже» и т. д., пока не вошли съ ними во внутреннюю церковь (Дѣвы) Маріи, и помѣстивъ ихъ на св. престолѣ, начали обѣдню. Во время выхода со св. Дарами священники несли впереди сосуды съ муромъ, какъ это положено дѣлать; а діаконы слѣдовали съ рипидами, и затѣмъ, возвратившись въ алтарь, снова помѣстили сосуды на святомъ престолѣ; и тогда владыка патріархъ, преклонивъ главу, прочелъ надъ ними до конца обычныя положенныя молитвы. Послѣ обѣдни мы поставили сосуды подъ св. престолъ до утра Свѣтлаго воскресенья, когда взяли ихъ и поставили въ хранилище для мура.

Къ этому празднику Пасхи я заказалъ новый амвонъ, съ четырьмя красивыми позолоченными столбами и куполомъ, для внутренней церкви Маріи; и первое, что я прочелъ на немъ, было евангеліе на Пасху. Раньше этого я посылалъ привезти изъ бейрутской церкви мраморную плиту,—большой четырехугольный обтесанный камень, и положилъ его на престолъ. Прежній маленькій престолъ я снялъ, а вмѣсто него устроилъ новый съ арками и столбами; поставилъ посрединѣ мраморную колонну, на коей написалъ дату, и помѣстилъ на нее упомянутую плиту, и престолъ вышелъ чрезвычайно красивымъ. Точно такъ же, въ слѣдующемъ году я устроилъ надъ нимъ каменный куполъ, на четырехъ мраморныхъ столбахъ, красивой восьмиугольной формы, съ бронзовыми кольцами, казавшимися золотыми, съ пилястрами внизу и вверху, изъ того же металла, напоминавшими работу древнихъ римлянъ и оканчивавшимися головками у всѣхъ одинаковой формы, съ четырьмя карнизами съ лицевой стороны со всѣхъ боковъ; на передней сторонѣ одного изъ нихъ я написалъ обозначеніе времени. Мы скрѣпили куполъ двумя желѣзными стержнями, отъ одной арки до другой, чтобы онъ не качался; и на все вмѣстѣ мы истратили болѣе четырехсотъ піастровъ.

Я также воздвигъ другой большой столбъ изъ прекраснаго мрамора, восьмиугольной формы, съ водоемомъ на немъ, для священниковъ, чтобы они могли умывать руки. Три алтарныхъ двери я сдѣлалъ изъ тутоваго дерева такъ, что онѣ затворялись и запирались, не такъ, какъ прежнія, простыя двери. Хранилище мура находится въ притворѣ придѣла свв. Кипріана и Іустины, который выходитъ къ ризницѣ, въ основаніи стѣны, построенной римлянами, и оно было большой

глубины. Теперь я сдѣлалъ въ немъ, раздѣлившій его на двое, помостъ, съ опускною дверью изъ орѣховаго дерева и поставилъ большую стклянку съ муромъ внизу, а меньшіе сосуды вверху; и сдѣлалъ въ немъ дверь изъ чистаго желѣза, съ замкомъ, чтобы запирать ее, а снаружи каменную дверь, которую покрыли известью, чтобы нельзя было узнать его мѣсто.

Одинъ дамасскій священникъ, хури Іоаннъ Ибн-уд-Дибъ сочинилъ стихотвореніе по поводу всѣхъ этихъ обстоятельствъ и событій, и въ частности по поводу изготовленія мура, представляющее касыду, въ которомъ онъ превозноситъ похвалами нашего отца и владыку, патріарха кира Макарія Антіохійскаго, въ слѣдующихъ словахъ:

«Если желаешь, о братъ! познакомиться съ пріятною повѣстью, которая можетъ доставить тебѣ пріумноженіе благодати,
Послушай! Предметъ мой—начало и продолженіе патріаршества владѣющаго золотымъ словомъ
Отца и владыки патріарха, кира Макарія Антіохійскаго, алеппца.
Когда приблизился смертный часъ покойнаго патріарха, предшественника его,
Евѳиміи грека, родомъ хіосца,
Онъ послалъ и призвалъ его въ Дамаскъ, и назначилъ его своимъ преемникомъ
На апостольскомъ престолѣ Петра, высшемъ по положенію, съ согласія архіереевъ области, почтеннаго клира,
Собранія церковнослужителей и всей христіанской общины.
Это было въ одиннадцатый день мѣсяца октября,
Въ семь тысячъ сто пятьдесятъ шестомъ году отъ сотворенія перваго человѣка.
Онъ оставался въ Дамаскѣ въ теченіе почти девяти мѣсяцевъ и выѣхалъ, чтобы посѣтить свою область.
Онъ возвратился въ Дамаскъ изъ Алеппо, послѣ того какъ прошло два года его патріаршества,
И снова пребывалъ здѣсь въ теченіе трехъ лѣтъ,
Послѣ чего онъ выѣхалъ въ городъ Алеппо, предпринявъ путешествіе въ страну христіанъ,
Въ обществѣ своего сына, благословеннаго архидіакона Павла,
И тѣхъ священниковъ, діаконовъ и учениковъ, которые присоединились къ нимъ.
Причиною этого было накопленіе и умноженіе долговъ и залоговъ,
Опутавшихъ его престолъ вслѣдствіе дѣйствій обманщиковъ.
Продолжительность его отсутствія равнялась ровно семи годамъ,

Въ теченіе которыхъ онъ встрѣчалъ всякаго рода злоключенія и гнетущія бѣдствія;
Но подъ конецъ Богъ привелъ его назадъ невредимымъ, когда надежда была уже потеряна;
И въ пятницу утромъ, въ первый день мѣсяца іюля, въ семь тысячъ сто шестьдесятъ седьмомъ году, скорбь прекратилась.
Поистинѣ, это былъ день, полный великой радости,
Когда печали и заботы уступили мѣсто постоянному ликованію.
Лишь только нашъ слухъ былъ привѣтствованъ гласомъ его восхитительнаго наставленія,
Какъ души наши ожили послѣ долгаго оцѣпенѣнія.
Онъ много хлопоталъ по поводу уплаты долговъ
И выкупилъ всѣ священные сосуды, бывшіе въ залогѣ.
Наканунѣ начала мѣсяца ноября,
Архидіаконъ, его сынъ, послалъ письма въ городъ Бейрутъ
И привезъ къ намъ, по повелѣнію своего отца, красивый камень, совершенно бѣлый и обтесанный,
Которымъ онъ обновилъ святый престолъ въ блестящемъ алтарѣ Матери Божіей;
И снова мы начали радоваться о Господѣ, ликовать и веселиться,
И ходить съ пиршества на пиршество съ полнымъ наслажденіемъ.
Затѣмъ онъ началъ собирать сосуды, спадобья и благовонные коренья
Для варенія святого мура, досточтимаго и почитаемаго;
И совершилъ благое дѣло, за которое его будутъ поминать до скончанія вѣка, подающее благодать всякому, кто помазуется съ вѣрою.
Онъ освѣдомился, сколько осталось мура, изготовленнаго патріархомъ Ибнъ-Зіядэ,
И нашелъ не больше одной полной склянки.
Онъ началъ занятіе въ Великій понедѣльникъ, первый день Страстной недѣли,
Продолжая его до вечера Великой среды, когда оно была окончено.
Она совершилась въ присутствіи собора епископовъ, почтенныхъ іереевъ, діаконовъ, служителей и монаховъ.
Патріархъ былъ облаченъ въ омофоръ и епитрахиль,
И читалъ евангелія вмѣстѣ съ славословіями, «Господи помилуй!» и «Аллилуія».
Точно также архіереи, одѣтые подобнымъ же образомъ,
Читали, вмѣстѣ со священниками, евангелія, посланія и псалмы нараспѣвъ.

Нѣкоторые изъ священниковъ и діаконовъ сидѣли, наблюдая за огнемъ;
Другіе занимались помѣшиваніемъ смѣси, не забывая въ то же самое время славословить Бога;
Діаконы главнымъ образомъ вѣяли рипидами и пѣли Аллилуія;
И всѣ, и внутри и внѣ церкви, были въ восхищеніи.
И теперь церковь св. Николая стала подобна царскому саду,
Разукрашенному и доведенному до совершенства во время этого великаго и блестящаго таинства.
И о! какія чудеса произошли въ ней наканунѣ Великаго четверга,
Когда божественная благодать обильно истекла изъ образовъ;
И все собраніе, отъ мала до велика, взирало на это
И прославляло Всемогущаго Бога во святой Его Троицѣ.
Послѣ этого вся христіанская Церковь, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, тѣснилась впередъ,
Чтобы прославить Бога и испросить благословеніе патріарха.
Нѣкоторые изъ нихъ брали золу на счастіе себѣ и для охраны своихъ дѣтей;
А нѣкоторые брали отбросы снадобьевъ для исцѣленія недуговъ;
Другіе брали то, что было снято съ мура, и накинь,
Для освященія лежащихъ на одрѣ болѣзни и для исцѣленія отъ паршей.
Въ Великій четвергъ, который былъ 16-го апрѣля,
Въ семь тысячъ сто шестьдесятъ восьмомъ году отъ сотворенія міра,
Нашъ владыка патріархъ совершилъ большой крестный ходъ;
И архіереи и священники несли сосуды съ полнымъ благоговѣніемъ,
Между тѣмъ какъ діаконы несли рипиды и четки и вѣяли среди пѣснопѣній и гимновъ.
Они отнесли муро изъ церкви св. Николая во внутреннюю церковь
И помѣстили его на главномъ престолѣ, называемомъ Аль-фадыла.
При Великомъ входѣ они несли его вокругъ и вторично обнесли его съ крестнымъ ходомъ
По всей великой церкви и возвратились къ возвышенному алтарю;
И послѣ того, какъ владыка патріархъ прочелъ надъ нимъ положенныя молитвы,
Мы поставили его подъ блестящимъ высокимъ престоломъ.
Въ Великую субботу архидіаконъ воздвигъ новый позолоченный амвонъ
Въ красивой и чтимой великой внутренней церкви,
И на немъ онъ прочиталъ въ первый разъ пасхальное евангеліе,
Когда въ тотъ день въ этомъ зданіи совершалась обѣдня.

Потомъ сосуды съ мѵромъ были перенесены въ назначенное для него хранилище,
И оно было поставлено, по обыкновенію, на старомъ приготовленномъ для храненія его мѣстѣ,
Которое находится позади двери придѣла свв. Кипріана и Іустины.
Здѣсь архидіаконъ сдѣлалъ новый второй помостъ,
И помѣстилъ все мѵро, въ томъ числѣ и старую склянку, подъ нимъ и на немъ.
На сосудахъ я надписалъ крупными буквами время приготовленія.
Архидіаконъ сдѣлалъ для упомянутаго хранилища желѣзную дверь,
На которую повѣсилъ для безопасности замокъ.
Это было окончено и совершено въ настоящую счастливую пору,
Въ тысяча шестьсотъ шестидесятомъ году отъ воплощенія нашего Господа Мессіи.
О, какъ прекрасны три вещи, сдѣланныя недавно для насъ: св. престолъ, божественное мѵро и амвонъ нашего проповѣдника!
И мы благодаримъ нашего Господа и Спасителя Іисуса Христа
И молимъ Его предстательствомъ Его всехвальной Матери,
Да продлитъ Онъ для насъ жизнь нашего владыки патріарха
Въ здоровьѣ и крѣпости, свободною отъ всякаго сомнѣнія и подозрѣнія,
И да сохранитъ онъ архидіакона, его высокоцѣнимаго сына,
Даруя ему исполненіе всѣхъ его благихъ надеждъ и совершенствуя его благочестіе и благость;
И да сохранитъ Онъ ему его отпрыскъ, его возлюбленнаго Ананію діакона,
И да дастъ ему упиваться сильной радостью на своего, достойнаго удивленія, сына Константина.
Пусть всякій читающій или слушающій это сочиненіе молитъ награды для его творца,
Имя котораго хури Ханна, сынъ Ризк-Уллага, Ибн-уд-Дибъ».

Глава XV.

Синодъ для суда надъ митрополитомъ Эмесскимъ.—Отлученіе и смерть его.

Что касается до митрополита Эмесскаго, Ибнъ-Амиша, то не подобаетъ пройти молчаніемъ посрамленіе, которое пало на него; ибо мы созвали по его дѣлу синодъ, на которомъ присутствовали: Мелетій, митрополитъ Триполійскій, Филиппъ, митрополитъ Бейрутскій, Іеремія, митрополитъ Сидонскій, Николай, митрополитъ Аккарскій, Неофитъ,

митрополитъ Лаодикійскій; Герасимъ, митрополитъ Зебданскій, и Григорій, митрополитъ Хауранскій; всѣ дамасскіе священники, всѣ священнослужители и почетныя лица, въ церкви св. Николая. Всѣ судили его и постановили противъ него, въ его присутствіи: что онъ, во-первыхъ, становился на каѳедру (горнее мѣсто); во-вторыхъ, что онъ облачался въ нарѳексѣ по обычаю владыкъ (патріарховъ); въ-третьихъ, что онъ рукополагалъ священниковъ и діаконовъ; въ-четвертыхъ, что онъ постригъ въ монахини одну мірянку, нарекши ей имя Симеона (ибо не найдя монахини, которая была бы за нее поручительницей или воспреемницей, онъ заставилъ нѣкоего монаха, по имени Симеона, быть ея воспреемникомъ), и это было сдѣлано послѣ того, какъ она уже умерла и духъ ея отлетѣлъ, изъ-за ея наслѣдства; въ-пятыхъ, что онъ постоянно разглашалъ и говорилъ: «Патріархъ Макарій ни въ какомъ случаѣ не доживетъ до возвращенія; я—вашъ патріархъ»; и въ шестыхъ, что онъ вѣнчалъ незаконные браки, въ четырехъ степеняхъ родства, и въ городѣ и въ области, чтобы получить деньги. Такихъ беззаконій и злыхъ дѣлъ, какъ эти, приводили противъ него безъ числа; и всѣ единодушно приговорили его къ лишенію священнаго сана и къ отлученію, пока онъ не раскается. Изложено это было въ видѣ статикона (грамоты), который былъ разосланъ по всей епархіи, и всѣ обрадовались этому, ибо онъ со своимъ языкомъ былъ для всѣхъ ихъ бритвою. Изложеніе было таково:

«Хвала Богу во вѣки!

«Макарій, милостію Всемогущаго Бога, патріархъ Антіохіи и всего Востока.—Въ воскресенье 28-го числа благословеннаго мѣсяца Аба, семь тысячъ сто шестьдесятъ седьмаго года отъ сотворенія міра, соотвѣтствующаго мѣсяцу августу и мѣсяцу Зиль-Хиджа тысяча шестьдесятъ девятаго года Гиджры, въ городѣ Дамаскѣ, въ церкви св. Николая, происходилъ священный синодъ въ присутствіи меня, приложившаго свою подпись и печать вверху и внизу, и въ присутствіи архіереевъ области Антіохійской, подписи и печати которыхъ присоединены въ концѣ, и собраніе ихъ и постановленіе было направлено противъ Аѳанасія, митрополита Эмесскаго: что онъ прибылъ въ Дамаскъ и занималъ патріаршій тронъ безъ дозволенія патріарха и безъ ихъ совѣта или согласія; что онъ служилъ обѣдню въ патріаршей церкви и надѣвалъ его облаченія внѣ (алтаря) въ нарѳексѣ; что онъ рукополагалъ священниковъ и діаконовъ безъ разрѣшенія господина епархіи; что онъ становился на каѳедру, на которую не всходитъ никто кромѣ патріарха; что онъ дерзалъ распространять ложь относительно

своихъ собратьевъ-архіереевъ; что онъ совершалъ незаконные браки въ городѣ и въ области и объявлялъ ихъ законными, получая за это деньги; при чемъ эти обвиненія противъ него были доказаны при немъ, въ присутствіи упомянутаго священнаго синода, іереевъ города, разныхъ чиновъ священнослужителей и почетныхъ лицъ общины; далѣе, что онъ, удалившись въ Сейданайскій монастырь всходилъ на каѳедру и служилъ обѣдню безъ разрѣшенія, уже послѣ того, какъ іереи, священнослужители и почетныя лица общины послали запрещеніе ему дѣлать это, а онъ не захотѣлъ сдержаться. Еще до этого были засвидѣтельствованы многія его гнусности и занесены въ вѣдомости, бывъ установлены съ его присутствіи. Посему я, Макарій, патріархъ Антіохійскій, въ согласіе съ постановленіями христіанскаго закона, по повелѣнію Всемогущаго и султана, присудилъ: этого человѣка, т.-е. вышеречennаго Аѳанасія, лишить всѣхъ и въ частности степеней священства, дабы онъ не имѣлъ власти или силы совершать литургію или какую-либо иную священническую обязанность, или возлагать на себя епитрахиль; буде же преступитъ онъ наши запрещенія, то да будетъ онъ преданъ анаѳемѣ и отлученъ отъ славы Отца, и Сына, и Святаго Духа, и отъ священныхъ соборовъ, пока не возвратится и не раскается и не возстановитъ своей чести, возвративъ награбленное имъ себѣ съ патріархата, съ церкви, съ денежныхъ вкладовъ, съ помѣстій, съ живыхъ и съ мертвыхъ.—И послѣ сего священный синодъ разошелся. Аминь».

Послѣ этого митрополитъ ночью бѣжалъ изъ Дамаска и удалился въ Алеппо, гдѣ оставался годъ и два мѣсяца, упорствуя въ своемъ лицемѣріи, пока Всемогущій не наслалъ ему погибель 11-го ноября, отрѣшенному и отлученному: и арабская страна потеряла *бачмана*(?),—я хочу сказать, Ибнъ-ахмаха (ахмакъ?),—и да воздастъ ему Создатель по дѣламъ его! Его собственные гонцы принесли намъ вѣсть о его кончинѣ.

Глава XVI.

Патріархъ объѣзжаетъ свою епархію.—Чрезвычайная дороговизна жизненныхъ припасовъ.—Новая перепись въ Дамаскѣ для харача.

Что касается до нашего владыки патріарха, то онъ, пробывъ въ Дамаскѣ годъ и четыре дня, отправился въ ночь на пятое іюля въ Сейданаю, откуда проѣхалъ въ Расъ, Бейрутъ, Триполи и Хаму, всецѣло занятый дѣлами своей паствы. Въ Алеппо онъ прибылъ 17-го мая, проведши праздникъ Пасхи въ Хамѣ и поставивъ тамъ митропо-

лита въ лицѣ хури Неофита, хіосца, бывшаго однимъ изъ діаконовъ патріарха Евѳимія и его соотечественникомъ. Торжество это совершилось въ свѣтлый понедѣльникъ, на второй день честной Пасхи, въ 7169 г. (1661 г. отъ Р. Хр.), въ присутствіи Антонія, митрополита Баальбекскаго, и Герасима, митрополита Зебданскаго. Прибытіе патріарха въ Алеппо было источникомъ счастія, ликованій и радости; ибо въ этомъ городѣ былъ паша, по имени Эль-Хассеки, притѣснитель и лихоимецъ, который дошелъ до неслыханныхъ крайностей въ угнетеніи жителей Алеппо. А въ этомъ году случился великій неурожай, распространившійся на большую часть областей, даже, какъ намъ разсказывали, на Румелію, Валахію и Молдавію, и въ особенности постигъ онъ Аравію, такъ что цѣна *макуки*, или одиннадцати съ четвертью фунтовъ, пшеницы въ Алеппо доходила до ста піастровъ, да и то негдѣ было ея достать, и точно также и другое зерно. Таково было положеніе въ Сиріи; но Господь—да будетъ благословенно Его имя!—былъ милосердъ къ Дамаску, въ лицѣ паши его, который въ то время имъ правилъ. Это именно Ахмедъ-паша, сынъ визиря Кёпрюли, послалъ привезти изъ Египта большое количество пшеницы, риса и другого зерна,—обстоятельство, которое раньше никогда не случалось, ибо никогда не бывало примѣра, чтобы пшеница вывозилась изъ Египта: но онъ, визирь, сынъ визиря, подалъ его, и въ то время, какъ мѣшокъ туземной пшеницы продавался мѣстнымъ жителямъ за восемьдесятъ піастровъ, онъ покупалъ его по сорока піастровъ и дешевле. Если бы онъ не продавался по этой цѣнѣ, то люди поѣли бы другъ друга. Дѣйствительно, были дни, когда цѣна фунта хлѣба, приготовленнаго изъ всякаго рода зерна, изъ опилокъ костей, изъ навоза и тому подобнаго, поднималась (Господь да будетъ милосердъ къ намъ и да избавитъ насъ!) до трехъ піастровъ, и даже до трехъ съ половиною, да и по этой цѣнѣ нельзя было достать его, такъ какъ пекарни осаждались толпами народа. Между тѣмъ какъ паша дамаскій совершалъ тѣ дѣла милосердія, о которыхъ мы упомянули, Эль-Хассеки дѣлалъ совершенно обратное; и нашъ владыка патріархъ, опасаясь его притѣсненій, проводилъ время въ Хамѣ и въ окрестной странѣ. Но вскорѣ, когда нечестіе этого притѣснителя дошло до высшихъ предѣловъ, Господь навлекъ на него возмездіе; ибо султанъ (да поможетъ ему Господь!) и визирь, увѣдомленные о его насиліяхъ, разгнѣвались на него и послали взять его и предали его смерти, и на Алеппо и его жителей излилось утѣшеніе отъ Всемогущаго, и теперь нашъ владыка патріархъ вступилъ въ ихъ среду съ спокойнымъ сердцемъ. Жители Алеппо были въ восторгѣ отъ его прибытія; и слу-

чилось, что въ этотъ же самый вечеръ повѣсили человѣка, по имени Абу-Юсуфъ Бави, въ домѣ котораго проживалъ атаманъ разбойниковъ. Этотъ человѣкъ погибъ вмѣстѣ съ Іудою, и его казнь была радостью для всего населенія города.

Что касается до меня, то я оставался намѣсто моего родителя въ Дамаскѣ, въ качествѣ его уполномоченнаго, посѣщая, по обычаю, сына визиря и поддерживая сношенія со всѣми его агами и кіайями. Когда проѣзжалъ чиновникъ, собиравшій харачъ, евреи пожаловались на пребывавшаго въ Дамаскѣ дефтердара, который собиралъ харачъ на паломниковъ, что онъ взялъ съ нихъ въ прошломъ году на тысячу піастровъ больше, чѣмъ сколько было приказано султаномъ. Сынъ визиря разсердился на него за это и, потребовавъ у него отчетъ, рѣшилъ произвести новую перепись христіанамъ и евреямъ.

Нашъ владыка патріархъ еще раньше вычеркнулъ изъ списка плательщиковъ харача въ Газѣ сто сорокъ одно имя, во времена Абшира-паши, ибо этотъ паша очень его любилъ; и каждый паша дамасскій уполномоченъ уменьшать харачъ съ Газы на сто одно имя и даже больше. Газскіе христіане большею частью обратились въ мусульманство, и однако были обложены харачемъ покоренныхъ [1]. Итакъ они собрались вмѣстѣ и, пришедши, пали къ ногамъ нашего владыки патріарха, который былъ тронутъ состраданіемъ къ нимъ и вычеркнулъ харачъ съ нихъ, о чемъ мы уже упоминали, такъ что въ ихъ спискѣ осталось именъ сорокъ не больше. Но на это онъ истратилъ около двухъ тысячъ піастровъ, однако сбавки достигъ. Когда объ этомъ услышали дамасскіе христіане, они всѣ пришли въ волненіе и сказали патріарху: «ты освобождаешь отъ поголовной подати людей, не принадлежащихъ къ твоей области; какъ же тогда поступать тебѣ съ нами?» Поэтому онъ употребилъ всѣ свои старанія и усилія и вычеркнулъ изъ нихъ сто двадцать именъ; изъ жителей Кары пятнадцать именъ; изъ населенія Мазуніи пятнадцать именъ; и на этотъ предметъ истратили отъ четырехъ до пяти тысячъ піастровъ. Затѣмъ, вслѣдствіе отсутствія нашего владыки патріарха въ теченіе этихъ лѣтъ, такъ какъ не было добраго человѣка, который бы помѣшалъ нарушенію этого установленія, вышеупомянутый дефтердаръ, прибывъ въ Дамаскъ и разузнавъ объ этомъ, пользовался этимъ противъ жителей, какъ предлогомъ ежегодно брать съ нихъ, послѣ уплаты харача, тысячу піастровъ и боль-

---

[1] Какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, харачемъ въ Турціи называется поголовная подать съ подданныхъ не-мусульманъ.—Слѣдуетъ замѣтить, что все это мѣсто темно и возбуждаетъ сомнѣніе въ вѣрности англійскаго перевода.

ше, вплоть до настоящаго времени. Итакъ теперь выѣхалъ мутрибджи(?) визирскаго сына, назначенный производить перепись, въ сопровожденіи письмоводителя, который былъ съ нами заодно, сердце котораго мы ублаготворили, такъ что онъ писалъ согласно нашему желанію; и это была милость Божія; ибо иначе, если бы онъ считалъ священниковъ, діаконовъ, дѣтей и недоносковъ, какъ указано въ *буюрулду*, или султанскомъ указѣ, которымъ онъ былъ снабженъ, то было бы дѣло плохое. Поголовный харачъ христіанъ дамасскихъ въ это время былъ во сто восемьдесятъ именъ, харачъ жителей Баальбека—въ двадцать, и населенія Кефрбейгима—такое же число. Чиновникъ продолжалъ перепись съ такимъ рвеніемъ, что потокъ людей являлся предъ нимъ, когда онъ ходилъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ старшинъ, изъ улицы въ улицу и изъ дома въ домъ. Тайкомъ мы предупредили ихъ, чтобы они удалили съ глазъ слабоумныхъ и недоносковъ. Между тѣмъ ага располагался у входа въ кварталъ или въ началѣ улицы и дѣлалъ напоминанія, предупрежденія и угрозы главнымъ лицамъ, наиболѣе извѣстнымъ и вліятельнымъ въ томъ кварталѣ, чтобы они никого не скрывали. Поэтому, кто былъ смѣлъ душою и не былъ занесенъ въ списки, будучи извѣстенъ только намъ, проходилъ незамѣченнымъ; а робкіе попадались, выдавая сами себя. Языджи имѣлъ при себѣ книгу изъ бѣлыхъ листовъ, вверху каждой страницы которой были написаны имена различныхъ родовъ дамаскинцевъ отдѣльно и родовъ населенія области и кочевниковъ отдѣльно; и подъ соотвѣтствующимъ заголовкомъ онъ записывалъ имя каждаго лица. Если онъ былъ холостъ, не имѣлъ братьевъ, былъ неженатъ и не имѣлъ никакого имущества, ага пропускалъ его; но онъ записывалъ каждаго, кто былъ холостъ... и имѣлъ собственность. Такимъ образомъ мы, укрѣпивъ наши сердца силою всемогущаго Господа, составили списокъ дамаскинцевъ не болѣе какъ въ четыреста семьдесятъ человѣкъ; и они освободились отъ ежегодныхъ вымогательствъ дефтердара. Жителей Баальбека было много; но большую часть ихъ мы вычеркнули и записали изъ нихъ, съ согласія аги, не болѣе сорока трехъ именъ; хотя ихъ было больше полутораста, но они бѣдны до крайности. Населеніе Кефрбейгима, которое состояло приблизительно изъ двухсотъ человѣкъ, въ городѣ и въ округѣ, мы поставили только въ шестьдесятъ человѣкъ; и такимъ же образомъ мы поступали съ остальными отдѣлами. Что касается до положенія юношей, близкихъ уже къ годамъ возмужалости, то всякій разъ, когда агѣ попадался такой юноша, мы ходатайствовали за него и ублаготворяли агу однимъ піастромъ или двумя, при чемъ брали у него записку съ его подписью въ знакъ того, что онъ не можетъ притянуть

его вторично: ибо по окончаніи своей переписи ага со своими служителями пускался на розыски и, захвативъ перваго попавшагося ему, налагалъ штрафъ на его семейство и жителей квартала за необъявленіе его имени. Мы, насколько было въ нашей власти, ублаготворяли его сердце до окончанія дѣла и до полнаго сбора харача: только я потратилъ много труда; и все это было ради снисканія небесной награды и воздаянія. Если бы Господу не угодно было, чтобы я присутствовалъ въ семъ году при этомъ дѣлѣ, то бремя сильно увеличилось бы; но вслѣдствіе великой любви къ намъ аги и его тѣсной дружбы съ нами, снисканныхъ подарками, подношеніями и угощеніями, онъ не хотѣлъ слушать, во вредъ намъ, рѣчей нашихъ враговъ и еретиковъ, которые изъ ненависти и зависти нашептывали самые злые наговоры противъ насъ. Такимъ образомъ закончилась перепись, при чемъ остались довольны нами какъ дефтердарь, такъ и всѣ кіайи и аги, которые всѣ поручили насъ благосклонности мутрибджи.

Глава XVII.

Назначеніе визирскаго сына великимъ визиремъ.—Упорядоченіе различныхъ церковныхъ дѣлъ архидіакономъ. Прибытіе его въ Алеппо къ патріарху.

Вскорѣ послѣ того произошло перемѣщеніе паши съ его должности, такъ какъ отецъ прислалъ за нимъ, чтобы поставить его визиремъ на свое мѣсто; и онъ выступилъ съ гонцами и со ста пятьюдесятью лошадьми. Еще раньше онъ завязалъ войну съ родами Маанъ и Шахабъ [1], при чемъ поставилъ условіемъ, для полученія прощенія, что они должны заплатить пятьсотъ кошельковъ его величеству султану; и для припятія этой суммы оставилъ на мѣстѣ Каплана-пашу, пашу триполійскаго, съ его собственными войсками и съ войсками дамасскими. Въ два дня онъ достигъ Хамы и путешествовалъ день и ночь, пока не прибылъ въ Адріанополь, гдѣ увидѣлъ своего отца, по смерти котораго долженъ былъ, какъ было положено, наслѣдовать его званіе визиря.

Въ теченіе этого года, когда я былъ, совмѣстно съ киръ Николаемъ, митрополитомъ Аккарскимъ, патріаршимъ намѣстникомъ, умерли пятеро изъ дамасскихъ священниковъ. Въ началѣ патріаршества нашего владыки Макарія здѣсь было тридцать священниковъ, изъ которыхъ до настоящаго времени умерло пятнадцать—Господь да помилуетъ ихъ души! На похоронахъ пяти священниковъ и послѣ ихъ погребенія я совершалъ всѣ обряды, принятые въ этой странѣ, раздавая при-

[1] Могущественные друзскіе роды на Ливанѣ.

сутствующимъ вино и сухари и заставивъ ихъ выпить три круговыя чаши за упокой души усопшихъ. На могилѣ или склепѣ священниковъ я полагалъ большой обтесанный камень, на которомъ написалъ по-гречески обозначеніе времени. Также и на могилѣ монаховъ я помѣщалъ большой черный камень, чтобы отмѣтить мѣсто.

Я установилъ обычай вести списокъ именъ умершихъ, положивъ въ алтарѣ книгу, въ которую записывались имена умершихъ изо дня въ день, въ теченіе всего года, такъ что они, благодаря этому, поминались на каждой обѣднѣ; и друзья покойнаго предупреждались о сороковомъ днѣ, о полугодѣ и о годовщинѣ, для того, чтобы отслужить по немъ панихиду или обѣдню. По прошествіи года, его имя вычеркивалось. Это установленіе должны были поддерживать кандиловозжигатели (понамари).

Служащіе священники имѣли обыкновеніе вторгаться въ недѣльное служеніе одинъ другого, погребая умершихъ, крестя дѣтей и освящая свѣчи безъ разрѣшенія чередного священника недѣли и безъ дозволенія патріаршаго намѣстника; но я запретилъ имъ это, предписавъ, чтобы всякое церковное дѣло, возникшее въ теченіе недѣли, отправлялось служащимъ священникомъ той недѣли, съ одобренія намѣстника; и слѣдствіемъ этого явилась прямая выгода для всѣхъ, сохраненіе надлежащей правильности и уничтоженіе прежнихъ несогласій и вражды. Я также запретилъ сельскимъ священникамъ исполнять обязанности городского духовенства и вторгаться въ ихъ область и принудилъ ихъ ограничиться исполненіемъ дѣлъ своихъ общинъ въ деревняхъ и сельскихъ округахъ.

Я подкрѣпилъ обычай, что архіереи кадятъ надъ покойникомъ и кругомъ его тѣла, затѣмъ присутствующимъ, согласно обычаю этой страны, и потомъ духовенству.

Христіане имѣли обыкновеніе по праздникамъ стремиться къ причащенію святыхъ тайнъ, безъ исповѣди; поэтому я послалъ къ нашему владыкѣ патріарху и получилъ отъ него статиконъ, послѣ чего заставилъ духовниковъ составить списокъ съ подписями своихъ именъ и подписывать записки, которыя они должны были выдавать своимъ ученикамъ, исповѣдующимся у нихъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ; и священники и діаконы никого не причащали святыхъ тайнъ безъ записки съ печатью: и такимъ образомъ въ Церкви былъ водворенъ порядокъ.

Въ Дамаскѣ были надсмотрщики харача, служившіе съ давнихъ поръ, злые нечестивцы, Бога не боявшіеся, которыхъ оказывалось невозможнымъ смѣстить съ ихъ должностей, такъ какъ ежегодно они

ухитрялись подкупить хараджи, или сборщика, и благодаря его покровительству обезпечить за собою свои мѣста; поэтому они надменно пользовались своею властью надъ бѣдными и несчастными, изъ года въ годъ ведя роскошную жизнь на счетъ кошелька христіанъ. Однако я употребилъ теперь всѣ свои старанія и, добившись ихъ удаленія, замѣстилъ ихъ четырьмя другими, почтенными по своему старшинству, людьми набожными и богобоязненными; и благодаря имъ, въ этомъ году было великое спокойствіе и много выгодъ бѣднымъ.

Обыкновенно, шейхъ, или старшина, христіанскихъ округовъ былъ христіанинъ и назначался съ согласія патріарха и своихъ собратьевъ-христіанъ; но въ наше отсутствіе власть эта надъ ними была захвачена однимъ окаяннымъ, отступникомъ отъ Бога, оскорблявшимъ и рукою и языкомъ, который внесъ въ дѣла христіанъ много путаницы и совершенно ниспровергъ всякій порядокъ и правильность, вслѣдствіе своей страсти къ вину и укрывательства въ то время, когда его отыскивали; и никто не имѣлъ силы удалить его. Однако мы удалили его, совершенно отрѣшивъ его отъ должности, и я назначилъ другого на его мѣсто, человѣка, который, пока оставался на этомъ мѣстѣ, возстановилъ повсюду миръ и спокойствіе.

Каждый разъ, когда являлся новый паша, обыкновенно отъ христіанскаго округа требовалось доставить извѣстное число помѣщеній. По прибытіи сына визиря, я приложилъ усерднѣйшія старанія и, истративъ наличныя деньги и заложивъ нѣсколько тюковъ съ товарами, купилъ нѣсколько домовъ, которые я обставилъ и устроилъ по образцу самыхъ почтенныхъ домовъ, такъ что такимъ путемъ и лица свиты были удовлетворены и удовольствованы и христіанскіе дома были избавлены отъ разоренія субаши и его служителей и отъ вторженія старшины квартала. Въ то же время я отверзъ руку щедрости, угощая ихъ яствами и напитками, какъ подобало дѣйствовать патріаршему намѣстнику и какъ приличествовало патріаршему дому: и слѣдствіемъ этого было то, что слово мое имѣло вѣсъ у каждаго, и вообще все, что сказалъ діаконъ, считалось общепризнаннымъ. Все это дѣлалось по желанію моего родителя.

Во время похода сына визиря противъ родовъ Шахабъ и Маанъ, всѣ ихъ сородичи, были ли то христіане, мусульмане, или евреи, подверглись сильнымъ грабежамъ и потерпѣли большіе убытки; но я, насколько было въ моей власти, помогалъ нашей общинѣ и ограждалъ ихъ отъ этихъ обидъ.

У христіанскихъ женщинъ существовалъ отвратительный обычай, который онѣ ввели въ наше отсутствіе; заключался онъ въ томъ, что,

когда кто-либо умиралъ или приходило извѣстіе о смерти кого-нибудь, онѣ въ началѣ ночи выбѣгали вмѣстѣ съ своими семьями и подругами, неся свѣчи, и при безпрерывныхъ возгласахъ: «вайлахъ!» обходили всѣ дома своихъ родственниковъ. Итакъ я послалъ и получилъ отъ нашего владыки патріарха статикопъ объ отлученіи всякаго, кто будетъ дѣлать это; и если кто-либо оказывался упорствующимъ и продолжалъ дѣлать это, я не позволялъ священнику совершать похоронный обрядъ надъ мертвымъ тѣломъ, пока оно не начинало издавать зловоніе, и пока они не уплатятъ пени въ пользу Церкви Божіей, и въ концѣ-концовъ я вывелъ этотъ дурной обычай.

Въ этотъ благословенный годъ я понесъ большой убытокъ и чрезмѣрныя издержки по причинѣ необычайной скудости припасовъ и проистекшей изъ этого осады патріаршаго дворца бѣдняками, которые ломились въ него, при чемъ я не имѣлъ силы преградить имъ путь или не пустить ихъ; точно также и по поводу харача, о чемъ уже было упомянуто. Еще до истеченія двѣнадцати мѣсяцевъ, я не выдержалъ и, подавленный усталостью и тоскою, сдѣлалъ усиліе, чтобы выбраться изъ этого мучительнаго положенія: я выѣхалъ изъ Дамаска въ четвергъ вечеромъ, 4-го іюля, черезъ четыре дня послѣ сына визиря, въ обществѣ его кіайи Салиха-аги, которому было приказано слѣдовать за нимъ съ его тяжелой кладью, пожитками и казною. Между этимъ чиновникомъ и мною бывали частыя сношенія; и я усиленно ходатайствовалъ передъ нимъ за христіанскую общину. Между прочимъ былъ одинъ священникъ, заключенный въ оковы вмѣстѣ съ десятью лицами изъ Маалулы, въ каковомъ мѣстѣ былъ убитъ одинъ изъ *дамаскіевъ*(?) сына визиря. Какъ подозрѣваемые виновники убійства, эти люди были привезены и заключены въ темницу крѣпости, гдѣ бѣдняки оставались цѣлый годъ, ни разу не постригши себѣ головы, въ величайшей нуждѣ, и гдѣ двое изъ нихъ умерли: ибо на нихъ былъ наложенъ штрафъ, только часть котораго они выплатили, но полной уплаты не произвели. Также и въ темницѣ паши было большое число изъ страны друзовъ; и многіе другіе, по одному подозрѣнію, были заключены, подобно вышеупомянутымъ, въ теченіе почти цѣлаго года, тѣснясь другъ на другѣ. За всѣхъ ихъ, какъ христіанъ, такъ и мусульманъ, я не переставалъ ходатайствовать, пока онъ не сжалился надъ ними и простилъ ихъ, представивъ ихъ списокъ для помилованія сыну визиря; и по внушенію Божьему, тюремщики выпустили всѣхъ ихъ на свободу.

Итакъ, я отправился съ нимъ изъ Дамаска, въ сопровожденіи нашихъ друзей; и мы вступили въ Алеппо вслѣдъ за нимъ въ попе-

дѣльникъ, 15-го іюля. Здѣсь мы присоединились къ нашему владыкѣ патріарху и получили благословеніе отъ его святости.

Да сохранитъ Господь всякой славы и Богъ всякаго величества, по нашимъ мольбамъ, его драгоцѣнную жизнь! Да продлитъ Онъ его жизнь до преклонныхъ лѣтъ, обильною добрыми дѣлами и исполненною душевнаго спокойствія, освободивъ его отъ долговъ и избавивъ отъ тягостныхъ опасеній! Да удостоитъ Онъ насъ благодатію его святыхъ молитвъ, и да направляетъ Онъ его чистыя мольбы ко благу нашему и ко благу всей остальной паствы Христовой; и да не укажетъ Онъ ему на насъ и не укажетъ намъ на него въ день судный, предстательствомъ Владычицы нашея Пресвятой Дѣвы, непорочной Матери Божіей, святаго Петра, первоверховнаго апостола, и всѣхъ святыхъ! Аминь.

Хвала Богу во вѣки!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ исторіи Антіохійскихъ патріарховъ.

Вновь найденный отрывокъ изъ введенія Павла Алеппскаго къ путешествію Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія.

Въ рукописи путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, имѣющейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ [1], я натолкнулся на цѣлый отдѣлъ, котораго нѣтъ въ англійскомъ переводѣ Бельфура и вѣроятно также въ лондонской арабской рукописи, изъ коей онъ сдѣлалъ свой переводъ, лѣтъ 70 тому назадъ. Въ нашей рукописи вслѣдъ за введеніемъ идетъ перечень Антіохійскихъ патріарховъ отъ переселенія ихъ изъ Антіохіи въ Дамаскъ до Макарія, отца архидіакона Павла, автора упомянутаго путешествія.

Преосвященный Порфирій Успенскій [2], этотъ поистинѣ «соглядатай Востока», какъ онъ себя называетъ, вывезъ оттуда немало матеріаловъ по исторіи восточныхъ церквей, которые частью имъ самимъ были обнародованы, а частью и теперь, послѣ его кончины, выходятъ въ печати. Изъ числа обнародованныхъ имъ матеріаловъ по исторіи Антіохійской церкви заслуживаютъ особеннаго вниманія два списка Антіохійскихъ патріарховъ, составленные двумя священниками Антіохійскаго престола, Іоанномъ Жéми въ 1756 г. и Михаиломъ Брекомъ около 1767 г. Оба эти труда, написанные на арабскомъ языкѣ и изданные Преосвященнымъ Порфиріемъ въ русскомъ переводѣ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1874 и 1875 годовъ, до сихъ

---

[1] См. слѣдующее приложеніе.

[2] Епископъ Чигиринскій.

поръ, сколько намъ извѣстно, представляютъ капитальные православные источники для исторіи патріарховъ Антіохійской церкви съ самаго основанія ея до второй половины XVIII вѣка.

На основаніи упомянутыхъ двухъ списковъ и иныхъ греческихъ и латинскихъ источниковъ, Преосвященный Порфирій составилъ болѣе подробный и провѣренный въ хронологическомъ отношеніи списокъ патріарховъ этой церкви отъ Св. Евода, рукоположеннаго апостоломъ Петромъ, до Іероѳея, занявшаго Антіохійскій престолъ во время пребыванія Преосвященнаго Порфирія на Востокѣ въ 1850 г. Этотъ списокъ также обнародованъ въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1875 и 1876 годовъ и представляетъ краеугольный камень, на которомъ долженъ основывать свое изслѣдованіе всякій, кто пожелаетъ заняться исторіей этой древнѣйшей изъ христіанскихъ церквей.

Въ предисловіи къ обнародованному въ русскомъ переводѣ Брекову списку Преосвященный Порфирій подробно разсказываетъ, какъ онъ узналъ объ этомъ спискѣ (вмѣстѣ съ другимъ арабскимъ памятникомъ: Сказаніе объ уніятахъ сирійскихъ, также изданнымъ имъ на русскомъ языкѣ въ Трудахъ той же академіи за 1875 г.) и какъ снялъ съ нихъ копіи и перевелъ на русскій языкъ чрезъ посредство заказанныхъ имъ въ Дамаскѣ и Константинополѣ двухъ переводовъ—на греческій и итальянскій языки, подражая въ этомъ случаѣ царю Птоломею, который разсадилъ толковниковъ въ разныхъ мѣстахъ и переводы ихъ провѣрялъ одинъ другимъ. Далѣе онъ говоритъ, на основаніи показаній Брека, что этотъ послѣдній, при составленіи своего списка, имѣлъ подъ руками готовое пособіе, именно: Сказаніе объ Антіохійскихъ патріархахъ, составленное Антіохійскимъ же патріархомъ Макаріемъ, тѣмъ самымъ, который въ 1666—67 годахъ судилъ и осудилъ нашего патріарха Никона; что блаженнѣйшій Макарій, во время продолжительныхъ путешествій своихъ по Россіи, Польшѣ и другимъ землямъ, написалъ 15 книгъ на греческомъ языкѣ и самъ же перевелъ ихъ на свой родной языкъ арабскій [1]; что свое сказаніе о патріархахъ онъ довелъ до 110-го патріарха Іоанна, или до конца XI-то вѣка, а сынъ его Павелъ продолжилъ до 125-го патріарха, о 131-омъ же, Іоакимѣ Джума, и преемникахъ его до Евѳимія повѣствовалъ тотъ же Макарій, и что дѣянія остальныхъ владыкъ Антіохій-

[1] Вотъ подлинныя слова Брека: въ первое путешествіе свое онъ (Макарій) написалъ пять книгъ, а во второе—десять, но не на арабскомъ, а на греческомъ языкѣ; однако самъ онъ перевелъ ихъ по-арабски. (См. *Востокъ Христіанскій*, Преосв. Порфирія, стр. 97).

скихъ до Даніила (въ 1767 г.) описаны уже самимъ Брекомъ. Затѣмъ Преосвященный Порфирій приводитъ параллельныя мѣста изъ разныхъ источниковъ для показанія нѣкоторыхъ неточностей въ обнародованномъ имъ спискѣ.

На основаніи вышеозначенныхъ данныхъ оказывается, что Брековъ списокъ антіохійскихъ патріарховъ состоитъ изъ четырехъ частей: во 1-хъ, изъ списка патріарха Макарія, доведеннаго до 110-го патріарха Іоанна; во 2-хъ, изъ списка, взятаго Брекомъ изъ Книги архидіакона Павла [1]; въ 3-хъ, изъ списка того же патріарха Макарія отъ Іоакима Джума до Евѳимія Хіосскаго, и, въ 4-хъ, изъ списка самого Брека, доведеннаго до 146-го патріарха Даніила.

Что касается перваго списка, приписываемаго Брекомъ и съ его же словъ Преосвященнымъ Порфиріемъ Макарію и будто бы написаннаго имъ на греческомъ языкѣ и имъ же переведеннаго на арабскій, то, судя по словамъ архидіакона Павла, этотъ списокъ былъ составленъ имъ, Павломъ, въ видѣ отдѣльной книги, на основаніи матеріала, который ему удалось собрать изъ историческихъ книгъ патріаршей церкви, изъ православныхъ и латинскихъ источниковъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Павелъ: «я старался собрать эти разрозненныя свѣдѣнія и, провѣривъ ихъ, составить изъ нихъ послѣдовательную хронику, подобно тому какъ *я раньше, съ такимъ же стараніемъ, сочинилъ повѣствованіе о первыхъ патріархахъ Антіохійскихъ* со времени Св. Петра, главы апостоловъ, до временъ Иліи и Христіана, латинскихъ патріарховъ, кои сдѣлались патріархами въ Антіохіи, когда она была завоевана франками».

Далѣе, что патріархъ Макарій не настолько хорошо зналъ греческій языкъ, чтобы составить и *написать* на немъ пятнадцать книгъ, какъ утверждаетъ Брекъ и за нимъ Преосвященный Порфирій, можно видѣть между прочимъ изъ одного мѣста его путешествія, гдѣ разсказывается о первомъ представленіи Макарія Алексѣю Михайловичу, изъ котораго видно, что онъ съ трудомъ объяснялся по гречески, такъ какъ лишь недавно сталъ обучаться этому языку [2]. Что однако Макарій

---

[1] Объ этомъ Брекъ говоритъ: я, смиренный іерей Михаилъ Брекъ... остальную исторію блаженнѣйшихъ патріарховъ нашелъ въ одной книгѣ, извѣстной подъ названіемъ: Книга архидіакона Павла. (См. *Вост. Христ.* стр. 74).

[2] Вотъ это мѣсто въ переводѣ съ арабскаго: Говоря съ драгоманомъ по гречески, патріархъ нѣсколько занимался, ибо греки говорятъ быстро, а мы, хотя и научились ихъ языку, не въ состояніи говорить на немъ такъ же бѣгло какъ они; имъ это легко. Царь спросилъ драгомана: почему патріархъ не говоритъ быстро? тотъ отвѣтилъ: потому что онъ сталъ обучаться этому языку недавно; но

зналъ достаточно греческій языкъ, для того чтобы переводить съ него знакомыя ему богослужебныя книги, можно видѣть изъ сдѣланнаго имъ новаго перевода служебника, который впослѣдствіи послужилъ для исправленія славянскаго при патріархѣ Никонѣ. Второй списокъ, о коемъ Брекъ говоритъ, что онъ взятъ имъ изъ книги архидіакона Павла, почти одинаковъ съ соотвѣтственною частью обнародываемаго нами теперь списка, за исключеніемъ незначительныхъ разностей, которыя можно приписать отчасти неточности греческаго и итальянскаго переводовъ, коими пользовался Преосвященный Порфирій. Впрочемъ есть одна разница, которую нельзя объяснить такимъ образомъ: а именно, въ спискѣ Павла говорится: «Послѣ него (патріарха Марка) сдѣлался патріархомъ Пахомій и умеръ 19 декабря (1386 г.) 6895 г. отъ сотворенія міра. Послѣ него сдѣлался патріархомъ Никонъ и скончался 11 января (1395 г.) 6903 г.». Соотвѣтствующее мѣсто у Брека читается такъ: «Послѣ него (Марка) опять возвратился Пахомій, пастырствовалъ нѣсколько времени и умеръ 9 декабря (1394 г.) 6903 г. Послѣ него былъ Нилъ 8 лѣтъ и умеръ 21 января (1403 г.) 6911 г.» Во всякомъ случаѣ книга архидіакона Павла, о которой говоритъ Брекъ, есть не что иное, какъ путешествіе его отца, патріарха Макарія, и, стало быть, списокъ патріарховъ находился въ ней уже съ самаго начала и по неизвѣстной намъ причинѣ пропущенъ въ лондонской рукописи или выпущенъ ея переводчикомъ Бельфуромъ, впрочемъ безъ какого-либо указанія на сдѣланное имъ опущеніе.

Третья составная часть Брекова списка, отъ Іоакима Джума до Евѳимія Хіосскаго включительно, нужно думать, несомнѣнно принадлежитъ патріарху Макарію, такъ какъ онъ самъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ заявляетъ объ этомъ категорически. Вотъ эти мѣста: «передъ смертью (патріархъ Евѳимій) назначилъ преемникомъ себѣ Мелетія Хіосца, завѣщавъ ему, что когда онъ будетъ патріархомъ, тогда пусть изъ Алеппо вызоветъ меня, *смиреннаго сочинителя настоящаго сказанія*, и рукоположитъ во архіерея Алеппскаго, что и было»; и далѣе: «они (священники и весь клиръ) избрали преемникомъ его (Евѳимія Хіос-

---

онъ знаетъ по-турецки, и если царю угодно, то будетъ говорить на немъ. Царь сказалъ: нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани, чтобы такой святой мужъ осквернилъ свои уста и языкъ этой нечистой рѣчью! Ненависть ихъ къ туркамъ велика. Нѣсколько раньше Павелъ замѣчаетъ, что греческому языку они научились, „когда вращались въ обществѣ грековъ“. Имѣющіяся въ Москов. Синодальной библіотекѣ и въ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ грамоты патр. Макарія, хотя писанныя по-гречески, подписаны имъ однако собственноручно по-арабски.

скаго) меня, *смиреннаго составителя настоящаго сочиненія*, меня, Мелетія.»

Теперь спрашивается: что представляетъ новаго обнародываемый нами Павловъ списокъ? Въ отвѣтъ на это приведемъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ издаваемаго нами теперь списка Павла и соотвѣтствующаго ему списка Макарія у Брека.

По списку Павла:	По списку Макарія:
1) По возвращеніи (изъ путешествія въ христіанскія страны) онъ (Іоакимъ Дау) пробылъ на патріаршествѣ *12 часовъ*.	Потомъ Іоакимъ... возвратился... въ Дамаскъ, гдѣ и пробылъ *довольно долго*, пася народъ.
2) Затѣмъ патріархъ Іоакимъ отправился въ область Хоранскую, гдѣ *былъ мученически умерщвленъ*, и тамъ похороненъ.	Затѣмъ патріархъ сей отправился въ Хоранъ... и тамъ *скончался* и погребенъ.
3) Послѣ него (Іоакима Дау) цѣлый годъ престолъ оставался безъ патріарха, пока не былъ поставленъ... киръ Іоакимъ, митрополитъ Эмесскій.	На мѣсто его (Іоакима Дова) избранъ былъ Эмесскій епископъ Іоакимъ. *(О междупатріаршествѣ не упомянуто).*
4) Онъ (Іоакимъ Ибн-Зіядэ) уѣхалъ въ Египетъ и *скончался въ Синайскомъ монастырѣ*, гдѣ и похороненъ.	Патріархъ Іоакимъ *ушелъ... въ Александрію, гдѣ и умеръ*. Александрійскіе монахи перенесли его тѣло въ Синайскій монастырь, гдѣ онъ лежитъ понынѣ.
5) Что касается упомянутаго Кирилла (анти-патріарха), то эмиръ Ибн-Маанъ на него разгнѣвался и *послалъ его въ заточеніе* въ извѣстную Пещеру монаха близъ села ал-Хармиль въ области ар-Расъ. Тамъ его могила.	Эмиръ же Маанъ, взявъ Кирилла изъ Дамаска въ цѣпяхъ по приказанію тамошнихъ властей, *обезглавилъ его*, а тѣло бросилъ въ такъ называемый Колодезь Калуеровъ близъ деревни Хермель.

На основаніи приведенныхъ сопоставленій и вообще изъ сличенія обоихъ текстовъ, кажется, можно безошибочно заключить, что Павелъ составилъ новый списокъ, но что, при составленіи его, имѣлъ подъ рукою списокъ своего отца, который онъ частью сокращалъ, частью дополнялъ и измѣнялъ, на основаніи имѣвшихся у него подъ руками, повидимому, новыхъ данныхъ, имъ же собранныхъ и неиз-

вѣстныхъ его отцу, какъ онъ подробно объ этомъ разсказываетъ. О предшественникѣ своего отца, Евѳиміи Хіосскомъ, о которомъ въ спискѣ Макарія сказано всего нѣсколько словъ, онъ распространяется потому, что это было ему необходимо, чтобы рельефнѣе выставить заслуги своего отца и права его на занятіе Антіохійскаго престола.

Вслѣдъ за спискомъ патріарховъ Павелъ подробно разсказываетъ біографію своего отца: что онъ былъ сначала священникомъ Іоанномъ аз-Заимъ, а потомъ сдѣланъ митрополитомъ Алеппскимъ подъ именемъ Мелетія и затѣмъ сообщаетъ о замѣчательныхъ событіяхъ, случившихся во время его 12-лѣтняго управленія Алеппской епархіей: о двоекратномъ пріѣздѣ въ Алеппо патріарха Евѳиміи, о поѣздкѣ Мелетія съ шестьюдесятью духовными и свѣтскими алеппцами на богомолье въ Іерусалимъ, о проѣздѣ чрезъ Алеппо султана Мурада IV при походѣ на Багдадъ, о курьезной встрѣчѣ привезенной изъ Персіи воды самармара для истребленія саранчи. Подробно описываетъ онъ выборъ и возведеніе на Антіохійскій престолъ своего отца подъ именемъ Макарія и объѣздъ имъ епархіи, съ исчисленіемъ всѣхъ посѣщенныхъ имъ городовъ и селеній, изъ коихъ нѣкоторыхъ, повидимому, теперь не существующихъ, мы не могли отыскать на имѣющейся у насъ подробной картѣ Сиріи на арабскомъ языкѣ. Всего этого нѣтъ въ Бельфуровомъ переводѣ путешествія Макарія и, нужно думать, въ лондонской арабской рукописи и нами теперь обнародывается въ первый разъ.

Переводъ. Я пожелалъ сдѣлать въ началѣ этого сочиненія [1], ради его почета, перечень позднѣйшихъ патріарховъ Антіохійскихъ, которые пребывали въ городѣ Дамаскѣ, со времени ихъ переселенія въ него до настоящей поры. Просимъ у Всевышняго Творца (да будетъ Онъ возвеличенъ!) помощи и содѣйствія.

Съ помощью Всевышняго Бога, обладателя полнаго совершенства, начинаемъ прежде всего съ разысканія причинъ пребыванія Антіохійскаго патріаршаго престола въ городѣ Дамаскѣ Сирійскомъ.

Когда моя опора и владыка, всесвятѣйшій родитель мой, былъ избранъ патріархомъ надъ упомянутымъ городомъ, какъ объ этомъ будетъ подробно разсказано по достовѣрнымъ даннымъ, я началъ пересматривать всѣ книги патріархата отъ великаго града Божьяго Антіохіи до богохранимаго Дамаска. Но не достигнувъ цѣли и не удовлетворивъ своему желанію, я снова обратился къ разыскиваніямъ въ ста-

[1] Путешествія патріарха Макарія.

ринныхъ историческихъ книгахъ, стремясь къ той же цѣли и предмету касательно вышеупомянутыхъ причинъ и поводовъ. Наконецъ, передо мною выяснилось то, что было совершено царемъ Аззахиромъ Бейбарсомъ Бундукдари, знаменитымъ султаномъ Египта, когда онъ, совершенно неожиданно для жителей Антіохіи, устремился на нее въ 666 году хиджры, какъ объ этомъ разсказывается въ хроникахъ. Онъ пришелъ туда съ быстротою гонца въ началѣ мѣсяца Рамазана и расположился станомъ подлѣ города. Нѣкоторые изъ жителей вышли къ нему и просили пощады, предложивъ условія, коихъ онъ не принялъ, но подступилъ къ городу и завладѣлъ имъ въ субботу 7-го Рамазана (21 Мая 1268 г.) [1]. Историкъ разсказываетъ, что, идя на Антіохію, и самъ султанъ, и эмиры, и войско полагали, что ее можно взять только спустя цѣлый годъ и что осада ея затянется безъ всякой для нихъ пользы. Войско простояло подъ городомъ три дня и намѣревалось поставить для осады метательныя орудія, но приставивъ деревянную лѣстницу къ городскимъ стѣнамъ, они поднялись по ней и, не находя никого, кто бы съ ними сражался, завладѣли городомъ безъ вѣдома его жителей. Они разграбили имущество, матеріи, коней, верблюдовъ, скотъ, рабынь и рабовъ, чего не описать, ни исчислить невозможно. Нигдѣ они не получали такой добычи какъ здѣсь. Они избили болѣе сорока тысячъ жителей, сожгли и разрушили въ концѣ ихъ церкви, извѣстныя во всемъ мірѣ, а остальныхъ жителей забрали въ плѣнъ и переселили въ Египетъ. Такимъ образомъ имъ досталось тамъ на долю владычество и благоденствіе.

Другая хроника гласитъ, что бѣдствій и несчастій, постигшихъ Антіохію и ея жителей, невозможно ни описать языкомъ, ни исчислить на страницахъ повѣствованій, ибо султанъ превзошелъ всякую мѣру въ ея разрушеніи и разореніи: изгналъ жителей, разрушилъ церкви, изгладивъ самые слѣды ихъ и разсѣявъ ея сыновъ-христіанъ по Египту и другимъ странамъ.

Вышесказаннаго достаточно для совершеннаго убѣжденія въ томъ, что намъ желательно и потребно. Я увѣрился, что по причинѣ разоренія у христіанъ не осталось силъ возстановить патріаршій престолъ въ Антіохіи по обычному порядку. Для меня стало яснымъ, что причиной перенесенія престола послужило это смятеніе, и когда я въ томъ убѣдился послѣ трудовъ и стараній, у меня возникло другое намѣреніе: я удвоилъ свои старанія, желая знать, кто былъ первымъ пат-

[1] Хотя 21 Мая 1268 г. приходилось въ Понедѣльникъ.

ріархомъ въ Дамаскѣ. Я надѣялся найти подробную и послѣдовательную ихъ хронику, въ которой бы сообщалась ихъ непрерывная преемственность и время патріаршества каждаго изъ нихъ; но и этого также я не нашелъ, а отыскалъ разрозненныя замѣтки въ старинныхъ достовѣрныхъ книгахъ, заключающія въ себѣ упоминаніе обо всѣхъ патріархахъ и о времени ихъ правленія до нашихъ дней, именно отъ (6)874 г. отъ Адама до 7156 г. отъ сотворенія міра,—годъ, въ который мой родитель былъ поставленъ патріархомъ. Я старался собрать эти разрозненныя свѣдѣнія и, провѣривъ ихъ, составить изъ нихъ послѣдовательную хронику, подобно тому какъ я раньше, съ такимъ же стараніемъ, сочинилъ повѣствованіе о первыхъ патріархахъ Антіохійскихъ со времени Св. Петра, главы апостоловъ, до временъ Иліи и Христіана, латинскихъ патріарховъ, кои сдѣлались патріархами въ Антіохіи, когда она была завоевана франками-французами въ 1247 г. отъ Р. Хр. Послѣ этихъ патріарховъ, когда ее покорили мусульмане, какъ разсказываютъ церковные хронографы, которые мы перевели съ латинскаго языка, неизвѣстны имена другихъ патріарховъ, тамъ бывшихъ, кромѣ только четырехъ, кои суть:

Ѳеодоръ Вальсамонъ, о которомъ въ греческомъ помоканонѣ передается, что онъ былъ дьякономъ и книгохранителемъ Св. Софіи, великой церкви въ Константинополѣ, а затѣмъ былъ избранъ и рукоположенъ патріархомъ града Божьяго Антіохіи и всего Востока.

Іоакимъ, Іероѳей, Аѳанасій.

Послѣ этихъ мы не могли болѣе отыскать никакихъ извѣстій объ антіохійскихъ патріархахъ ни во франкскихъ, ни въ греческихъ, ни въ арабскихъ книгахъ и хроникахъ. Послѣдній изъ нихъ (Аѳанасій) былъ патріархомъ предъ покореніемъ Антіохіи царемъ Аззахиромъ, о чемъ нами уже упомянуто. Съ того времени извѣстія о патріархахъ совершенно прекратились за неимѣніемъ новаго историка, который бы продолжалъ хронику, веденную учеными мужами православнаго народа. Всему этому причиной было умноженіе заботъ и печалей, подавленность и стѣсненія, кои постигли сыновъ крещенія. Но я нашелъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ концѣ одной старинной книги, именуемой: Всеобъемлющая, изъ книгъ города Кары, писанной рукою монаха Нимена въ Дамаскѣ, который окончилъ ее 18 апрѣля (1216) 6724 г. отъ Адама, соотвѣтствующаго по арабскому лѣтосчисленію концу мѣсяца Зильхиджа 604 г., во дни патріарха, великаго аввы Симеона Антіохійскаго. Все, что мнѣ удалось собрать изъ историческихъ книгъ церкви (патріаршей) и что я нашелъ въ нашихъ книгахъ и въ исторіяхъ латинянъ,—все это я собралъ и привелъ въ порядокъ, составивъ отдѣльную книгу, дабы

всякій желающій ею пользовался, ибо здѣсь не имѣю возможности привести ее, чтобы не выйти изъ предѣловъ поставленной нами цѣли.

Что касается того, кто первый сдѣлался патріархомъ въ городѣ Дамаскѣ сирійскомъ, то я нашелъ между нѣкоторыми книгами патріаршаго дома очень старую книгу по исторіи, писанную рукою приснопамятнаго патріарха Михаила. Въ ней онъ говоритъ такъ: начало утвержденія патріарховъ въ богохранимомъ Дамаскѣ произошло слѣдующимъ образомъ: когда скончался патріархъ Игнатій въ Кипрѣ, занималъ престолъ послѣ него, въ теченіе двухъ лѣтъ, Пахомій, митрополитъ Дамасскій, и затѣмъ былъ низложенъ.

Какъ мнѣ кажется, когда царю Аззахиру удалось покорить Антіохію, приснопамятный Игнатій бѣжалъ послѣ покоренія ея въ Кипръ и тамъ скончался, какъ сказано.

Возвращаемся къ нашему предмету.

Послѣ Пахомія сдѣлался патріархомъ Михаилъ въ (1368/9 г.) 6877 г. отъ сотворенія міра. Онъ пробылъ на патріаршествѣ 7 (?) лѣтъ и умеръ 17 Августа (1373) 6881 г. отъ сотворенія міра.

Послѣ него утвердился на престолѣ Пахомій, пробылъ два года и былъ опять низложенъ.

Затѣмъ прибылъ въ Дамаскъ изъ Константинополя патріархъ Маркъ, пробылъ два года и умеръ 10 Апрѣля (1378) 6886 г. отъ сотворенія міра.

Послѣ него сдѣлался патріархомъ Пахомій и умеръ 19 Декабря (1386) 6895 г. отъ сотворенія міра.

Послѣ него патріаршилъ Никопъ [1] и скончался 11 Января (1395) 6903 году.

Потомъ утвердился на патріаршествѣ Михаилъ, сынъ Михаила, митрополита Босры, 6 Февраля въ Воскресенье (недѣли) блуднаго сына въ (1395) 6903 г. отъ сотворенія міра, спустя 16 дней по кончинѣ Никопа и 6 лѣтъ безъ одного мѣсяца по кончинѣ отца его Михаила, митрополита Босры, и чрезъ 21 съ половиною годъ по кончинѣ дяди его Михаила, патріарха Антіохійскаго. Онъ собственноручно написалъ эти извѣстія, былъ свидѣтелемъ того, что произошло въ годину Тамерлана: разграбленія своихъ облаченій, церковной утвари и всего имущества, и бѣжалъ въ Кипръ въ 803 г. хиджры, а записалъ это 9-го благословеннаго Августа (1404) 6912 г. Мы списали эти извѣстія съ собственноручной его записи, какъ объ этомъ уже упомянуто. Послѣ него другою рукою записано о немъ, что онъ скончался 8 Апрѣля

[1] Въ спискѣ Брека: Пиль.

(6) 969 г. (?). Я нашелъ въ концѣ стараго Апостола, въ богохранимомъ градѣ пишущаго сіе, дарственную запись, сдѣланную рукою того же приснопамятнаго патріарха Михаила и помѣченную мѣсяцемъ Декабремъ (1396) 6905 г. отъ сотворенія міра.

Послѣ него сдѣлался патріархомъ Пахомій Хоранскій, который былъ митрополитомъ Эмессы, возведенъ на патріаршество въ воскресенье 1 Іюня и скончался въ Воскресенье 9 Октября (1412) 6921 г. отъ сотворенія міра.

Я нашелъ также въ концѣ одной старинной книги слѣдующее:

Въ (1424/5) 6933 г. отъ сотворенія міра скончался владыка патріархъ киръ Іоакимъ Антіохійскій.

Въ другой книгѣ нашелъ, что въ (1426/7) 6935 г. управлялъ Антіохійскимъ престоломъ патріархъ киръ Маркъ, коего современниками были: киръ Іосифъ, патріархъ Константинопольскій, киръ Филоѳей, патріархъ Александрійскій, и киръ Ѳеофилъ, патріархъ Іерусалимскій.

Въ (1434/5) 6943 г. правилъ Антіохійскимъ престоломъ киръ Дорооѳей, который былъ родомъ изъ благоденствующаго Седная и епископомъ въ немъ. Во дни его состоялся восьмой соборъ у франковъ въ городѣ Флоренціи, на которомъ присутствовалъ Іоаннъ, царь Константинополя, такъ какъ онъ еще не былъ покоренъ мусульманами, Іосифъ, патріархъ Константинопольскій и многіе архіереи: Антоній, митрополитъ Ираклійскій, уполномоченный патріарха Александрійскаго киръ Филоѳея, Исидоръ, митрополитъ Кіевскій и всѣхъ странъ Россійскихъ, уполномоченный Антіохійскаго патріарха вышеупомянутаго киръ Дорооея, Дорооѳей, митрополитъ Монемвасійскій, уполномоченный киръ Іоакима, патріарха Іерусалимскаго. Этотъ соборъ состоялся въ 6948 г. отъ сотворенія міра, соотвѣтствующемъ 1440 году отъ Р. Хр. и 843 году хиджры. Скончался этотъ вышеупомянутый патріархъ въ день Рождества Богородицы 8 Сентября (1451) 6960 года отъ сотворенія міра, соотвѣтствующаго мѣсяцу Шаабану 855 г. хиджры.

Тогда послѣ него община города Дамаска избрала патріархомъ киръ Марка, епископа Седнайскаго (Селевкійскаго), во Вторникъ, въ день Воздвиженія Креста, въ началѣ 6960 г. отъ сотворенія міра, въ присутствіи владыкъ архіереевъ: Іоакима, митрополита Босры, Кирилла Берутскаго, Марка, митрополита ал-Хосна, Іоанна, митрополита Евхаитскаго, Ефрема, митрополита Хамы (Епифаніи), Михаила, епископа Забданскаго (Авидскаго), Іоакима, епископа Ябрудскаго, Макарія, епископа Кары, Арсенія Аккарскаго (Аркадійскаго) и иныхъ, и нарекли ему имя въ патріаршествѣ Михаилъ.

Въ (1497/8) 7006 г. отъ сотворенія міра правилъ Антіохійскимъ престоломъ кирь Дорооей, извѣстный подъ именемъ Ибн-ес-Сабуни (сынъ мыловара).

Въ (1523/4) 7032 г. правилъ Антіохійскимъ престоломъ киръ Михаилъ Ибн-ел-Маварди (сынъ торговца розовой водой).

Въ (1530/1) 7039 г. правилъ Антіохійскимъ престоломъ киръ Дорооей, который былъ низложенъ бывшимъ въ Іерусалимѣ соборомъ по причинѣ нѣкоторыхъ совершенныхъ имъ дѣлъ и проступковъ. На мѣсто его былъ поставленъ патріархомъ киръ Іоакимъ [1]. Это случилось во дни патріарховъ кирь Иліи Константинопольскаго, кирь Іоакима Александрійскаго и кирь Германа Іерусалимскаго, кои и составили соборъ противъ Дорооея, находясь на богомольѣ въ Іерусалимѣ.

Въ (1553/4) 7062 г. отъ сотворенія міра правилъ Антіохійскимъ престоломъ патріархъ киръ Іоакимъ. О немъ говорятъ, какъ послѣ намъ передавали въ странахъ христіанскихъ, что онъ пробылъ на патріаршествѣ 70 лѣтъ [2].

Здѣсь оканчиваются извѣстія о приснопамятныхъ патріархахъ, кои были въ Дамаскѣ. Съ большими трудами мы собрали, при помощи Божіей, извѣстія о нихъ, какія только возможно было отыскать. Кто послѣ насъ найдетъ какое-либо извѣстіе о комъ-нибудь изъ нихъ и присоединитъ его къ нашему сборнику, да будутъ они ходатаями за того въ сей и въ будущей жизни. За симъ послѣдуютъ извѣстія объ остальныхъ патріархахъ, составленныя въ порядкѣ ихъ слѣдованія другъ за другомъ, какъ мы и будемъ писать и какъ мы нашли. Да поможетъ намъ Богъ!

Въ (1542/3) 7051 г. отъ сотворенія міра скончался патріархъ Антіохійскій киръ Михаилъ, который отправлялся на поклоненіе въ Іерусалимъ въ годину разногласій между христіанскими общинами въ (1538/9) 7047 г., и на мѣсто него сдѣлался патріархомъ Іоакимъ, митрополитъ Берутскій, извѣстный подъ именемъ Ибнъ Джума, который былъ митрополитомъ Берута 11 лѣтъ. Въ свое время онъ созвалъ помѣстный священный соборъ, на который собралъ всѣхъ своихъ архіереевъ, по вопросу о выдачѣ замужъ дочерей христіанъ, сколько давать приданаго наличными деньгами и имуществомъ и прочее. Соборъ рѣшилъ этотъ вопросъ и произнесъ отлученіе на всякаго, кто воспротивится его постановленію, которое онъ велѣлъ начертать на порогѣ

[1] Въ спискѣ Брека: Іеремія.

[2] Это явное смѣшеніе съ Іоакимомъ патріархомъ Александрійскимъ.

врать великой древней церкви Свв. Кипріана и Іустины. Патріархъ досталъ отъ остальныхъ трехъ патріарховъ грамоты отлученія въ подтвержденіе своего постановленія. Онъ былъ мужъ добродѣтельный и пробылъ на патріаршествѣ 33 года. Между нимъ и Ибн-Хилялемъ, епископомъ Кары, были споры изъ-за патріаршества. Упомянутый Ибн-Хилялъ скончался нѣсколько ранѣе Ибн-Джума, который умеръ въ (1575/6 г.) 7084 г. и былъ похороненъ въ Дамаскѣ.

Послѣ него былъ сдѣланъ патріархомъ Макарій, родомъ изъ Хамы, епископъ Евхаитскій, получившій имя Михаилъ. Онъ пробылъ на патріаршествѣ 4 года и былъ низложенъ вслѣдствіе возникшихъ изъза него замѣшательствъ; а между христіанами вражда и соблазнъ продолжались цѣлый годъ.

Вмѣсто него былъ поставленъ патріархомъ Дорооей, митрополитъ Трипольскій, по прозванію Дау, и былъ нареченъ Іоакимъ. Онъ ѣздилъ въ страны христіанскія, куда ѣздили и мы и гдѣ видѣли его портретъ. По возвращеніи онъ пробылъ на патріаршествѣ 12 часовъ. Вышеупомянутый приснопамятный патріархъ Михаилъ, родомъ изъ Хамы, скончался за нѣсколько лѣтъ раньше него на островѣ Родосѣ, гдѣ и похороненъ. Затѣмъ вышеупомянутый патріархъ Іоакимъ отправился въ область Хоранскую, гдѣ былъ мученически умерщвленъ, и тамъ же погребенъ.

Послѣ него цѣлый годъ престолъ оставался безъ патріарха, пока не былъ поставленъ на мѣсто него киръ Іоакимъ, митрополитъ Эмесскій, онъ же Ибн-Зіяда. Онъ пробылъ на патріаршествѣ 11 лѣтъ и лишился зрѣнія. Этотъ добродѣтельный мужъ варилъ Святое муро и освятилъ его по обыкновенію въ великую Среду (1594/5) 7103 г. отъ сотворенія міра, соотвѣтствующаго 1003 году хиджры.

Когда онъ лишился зрѣнія во дни шейха Георгія, сына Самора, усилилось недовольство противъ него, и на мѣсто него былъ поставленъ патріархомъ киръ Дорооей, извѣстный подъ именемъ Ибнъ-Ахмара, дамаскинецъ и рукоположенный при жизни Іоакима митрополитомъ патріаршаго дома. Что касается Ибн-Зіяда, то онъ уѣхалъ въ Египетъ и скончался въ Синайскомъ монастырѣ, гдѣ и похороненъ. Патріархъ Дорооей пробылъ на патріаршествѣ 8 лѣтъ и скончался въ селеніи Хасбея въ Вади ат-Тимъ и тамъ погребенъ.

Послѣ него былъ сдѣланъ патріархомъ Аѳанасій, по прозванію великій Ибн-Даббасъ, бывшій митрополитомъ въ Хоранѣ. Онъ пробылъ на патріаршествѣ 8 лѣтъ. При немъ случались частыя смятенія и распри до самой кончины его великимъ постомъ въ богохранимомъ Триполи, внѣ котораго онъ погребенъ въ монастырѣ Кефтинъ.

Послѣ него сдѣлался патріархомъ братъ его киръ Кириллъ, также митрополитъ Хорайскій, который былъ возведенъ на патріаршій престолъ въ Триполи въ Воскресенье недѣли Самарянины. Въ этотъ же самый день въ Константинополѣ тамошній патріархъ Тимоѳей, не зная о поставленіи Ибн-Даббаса въ Триполи, поставилъ также патріархомъ Антіохійскимъ Игнатія, митрополита Сидонскаго, извѣстнаго подъ именемъ Атыетъ.

Игнатій прибылъ въ качествѣ патріарха въ Дамаскъ, и тогда между нимъ и вышеупомянутымъ Кирилломъ возникли частыя и непрестанныя усобицы и распри, отъ которыхъ христіане терпѣли большія и многочисленныя потери въ продолженіи 7 лѣтъ. Вслѣдствіе этого, обстоятельства вынудили всѣхъ архіереевъ Антіохійской церкви собраться у эмира Фахруддина Ибн-Маана, знаменитаго правителя сирійскихъ областей, такъ какъ онъ былъ большимъ защитникомъ христіанъ и очень имъ сочувствовалъ. Они составили синодъ съ его разрѣшенія въ селеніи ар-Расъ для разсмотрѣнія основаній обоихъ патріарховъ и утвержденія того изъ нихъ, который окажется правымъ. Кириллъ этого желалъ. Когда же списались съ нимъ, приглашая его прибыть на соборъ, онъ не захотѣлъ быть среди нихъ. Такъ какъ онъ причинилъ много убытковъ христіанамъ Дамаска и иныхъ городовъ, то упомянутый эмиръ силою привелъ его изъ Дамаска на соборъ, противъ него составленный. На этомъ соборѣ было постановлено его сверженіе и низложеніе въ силу нарушенныхъ имъ статей священныхъ законовъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣлался патріархомъ безъ согласія своей паствы и много вреда и убытковъ нанесъ всѣмъ христіанамъ. Протоколы этого помѣстнаго собора и составленныя на немъ правила и постановленія были записаны по примѣру предшествующихъ соборовъ и до сихъ поръ находятся въ книгохранилищѣ патріархіи, а также у смиреннаго раба, пишущаго эти строки. Что касается упомянутаго Кирилла, то эмиръ Ибн-Маанъ на него разгнѣвался и послалъ его въ заточеніе въ извѣстную Пещеру монаха близъ села ал-Хармиль въ области ар-Расъ, и тамъ могила его. Это случилось въ (1626/7) 7135 г. отъ сотворенія міра. Соборъ утвердилъ патріаршество за Игнатіемъ, который правилъ престоломъ 7 лѣтъ. Въ началѣ войны османскаго правительства съ упомянутымъ эмиромъ Фахруддиномъ и возникшихъ вслѣдствіе того смятеній въ странѣ, въ то время какъ вышеназванный патріархъ, переодѣвшись ратникомъ, тайкомъ бѣжалъ изъ Сидона въ Берутъ, друзы убили его среди дороги у рѣки ад-Дамуръ, не зная, кто онъ. Это случилось въ (1634/5) 7143 г. Такъ онъ погибъ, умеръ и былъ погребенъ въ деревнѣ повыше Берута, именуемой аш-Шувефатъ.

Тотчасъ извѣстіе объ этомъ было доставлено въ Дамаскъ, а оттуда въ Алеппо, со скороходами, тамошнему митрополиту Мелетію, по прозванію Карама, родомъ изъ Хамы, который раньше былъ въ монастырѣ Св. Саввы въ Іерусалимѣ монахомъ и оттуда пріѣхалъ въ Алеппо. Жители этого города, изъ любви къ нему и его животворнымъ поученіямъ, отправились съ нимъ въ Дамаскъ въ бытность патріархомъ Аоанасія Ибн-Даббаса, который съ ихъ согласія рукоположилъ его митрополитомъ въ Четвергъ 12 Февраля (1612 г.) 7120 г. По возвращеніи въ Алеппо онъ пробылъ тамъ митрополитомъ 22 года и, какъ должно, велъ свою паству по пути спасенія. Послѣ того какъ городъ Алеппо въ теченіе многихъ лѣтъ, коихъ число неизвѣстно, былъ покинутъ христіанами, стали прибывать въ него вѣрующіе со всѣхъ странъ и окрестныхъ мѣстъ, ибо слышали о красотѣ божественныхъ поученій и рѣчей и животворныхъ проповѣдяхъ Мелетія. Насажденіе зрѣло, приносило плоды, разрасталось, увеличивалось и размножалось. Онъ обогатилъ бѣдность ихъ душъ духовнымъ богатствомъ, а также осчастливилъ ихъ хорошимъ мірскимъ управленіемъ, соорудилъ превосходный митрополичій домъ съ большими удобствами, прочной постройки, съ высокими стѣнами, рѣдкостный по своему устройству и крѣпкій въ основаніяхъ, и единственно его стараніемъ было доведено до конца это сооруженіе, которое онъ оставилъ по завѣщанію въ наслѣдіе послѣдующимъ іерархамъ. Затѣмъ между нимъ и патріархомъ киръ Кирилломъ Ибн-Даббасомъ возникли большія распри, причинившія христіанамъ значительные убытки. Изъ-за этого онъ подвергся разнымъ непріятностямъ и 12 дней просидѣлъ въ тюрьмѣ въ крѣпости Алеппо. Эти обстоятельства принудили его отправиться въ Константинополь, гдѣ онъ выхлопоталъ высочайшій султанскій указъ. Онъ не переставалъ испытывать перемѣны счастія до той поры, пока не былъ умерщвленъ упомянутый Кириллъ, какъ нами выше пояснено. По кончинѣ вышеназваннаго патріарха Игнатія, о чемъ мы уже разсказали, какъ только скороходы доставили Мелетію въ Алеппо извѣстіе объ избраніи его жителями Дамаска въ патріархи, онъ отправился къ нимъ и они поставили его патріархомъ надъ собою, при чемъ онъ получилъ имя Евѳимій. Когда лучи его свѣта показались и засіяли въ Антіохійской церкви и его свѣтило поднялось до зенита и солнце его добродѣтелей взошло на небосклонъ христіанской вѣры, онъ сталъ прилагать великія старанія, дабы осчастливить всю свою паству хорошимъ управленіемъ и твердой разсудительностью, ввести среди нея согласіе и всѣхъ наставлять на путь общеполезной правды. Чрезъ короткое время внезапно приключилась съ нимъ водяная болѣзнь и постигла

поддающимися опредѣленію и исчисленію. Придя къ нему съ могуществомъ своимъ и развернувъ знамена побѣды надъ нимъ, султанъ сорокъ дней осаждалъ его неослабно и неотступно и завоевалъ, отнявъ изъ рукъ Кизилбашей [1], которыхъ онъ отразилъ и уничтожилъ поголовно остріемъ своего меча. Радостныя извѣстія о побѣдѣ разнеслись по всѣмъ городамъ, которые при великомъ ликованіи народа были разукрашены по праздничному въ теченіе 7 дней. Затѣмъ онъ возвратился со славою въ свою столицу побѣдителемъ, пробылъ въ Константинополѣ полгода, умеръ и сдѣлался обитателемъ вѣчнаго міра.

По воцареніи его брата, султана Ибрагима, на пятомъ году архіерейства моего родителя, въ 19 день августа прибылъ въ Алеппо отецъ владыка патріархъ киръ Евѳимій Хіосскій въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ нашихъ пріятелей. Здѣсь онъ рукоположилъ священника Іосифа Алеппскаго митрополитомъ Аккарскимъ (Аркадійскимъ), снабдилъ его необходимымъ для пути и затѣмъ послалъ въ христіанскія страны, благоустроенныя и гостепріимныя. Онъ доѣхалъ до города, называемаго Путивль, на границѣ Московіи и подлѣ него скончался, переселившись въ близость Господа своего. А владыка патріархъ, пробывъ въ Алеппо ровно сто дней и собравъ положенный денежный взносъ, уѣхалъ во вторникъ, 12 декабря, того же года Съ нимъ отправился его преосвященство, мой родитель, и я; мы проводили его до Хамы, гдѣ простились съ нимъ, обогащенные святыми его молитвами и богоугодными пожеланіями.

Въ седьмой годъ архіерейства моего родителя, въ (1641/2) 7150 г. отъ сотворенія міра, онъ отправился на богомолье въ Св. Іерусалимъ въ сопровожденіи 60-ти алеппцевъ, между которыми были священники и діаконы. Какое это было прекрасное паломничество! оно принадлежитъ къ числу тѣхъ славныхъ событій въ жизни, которыя вспоминаются и впослѣдствіи какъ самыя свѣтлыя и вожделѣнныя. Мы проводили это время въ радости о Господѣ и въ веселіи душевномъ, славословя, прославляя и восхваляя Бога въ непрерывномъ пѣніи и чтеніи нараспѣвъ молитвъ. Мы съ поклонниками составляли большой и многолюдный караванъ. Они слѣдовали за нами и шли, когда мы шли, и останавливались тамъ, гдѣ останавливались мы. У Кары мы съ ними разстались, направились въ Ябрудъ и посѣтили его славныя во вселенной церкви и келліи св. маръ Конона огородника, изсѣченныя въ горѣ, того самаго, который заключилъ дьяволовъ въ стѣнѣ. Сады Ябруда многочисленны и знамениты, плоды ихъ вкусны и обильны; и

[1] Персіянъ.

какъ намъ не хвалить ихъ, когда похвала имъ встрѣчается въ священномъ писаніи, гдѣ сказано: «и подобно садамъ Памфиліи», ибо такъ Ябрудъ именовался въ древности. Оттуда мы прибыли въ Селевкію сирійскую, называемую теперь Малула, гдѣ посѣтили церковь первомученицы Ѳеклы, коей святыя мощи почиваютъ тамъ подъ спудомъ, а также монастырь св. Сергія, извѣстнаго своими необычайными чудотвореніями. Городъ обилуетъ ключевою водой. Оттуда мы прибыли къ предмету нашихъ стремленій, твердынѣ Господа нашего [1], для поклоненія Владычицѣ міра, Госпожѣ рода человѣческаго, Матери Іисуса Христа ожидаемаго. Души наши оживились и всѣ горести тотчасъ отошли отъ насъ. Затѣмъ мы прибыли въ богохранимый Дамаскъ по дорогѣ черезъ Менинъ и здѣсь свидѣлись съ отцомъ владыкой патріархомъ. Жители встрѣтили насъ съ радостію: всѣ ликовали и веселились, ибо ждали нашего прибытія. Насъ радушно приняли и помѣстили въ благополучномъ патріаршемъ домѣ. Пробывъ тутъ десять дней, мы выѣхали изъ Дамаска, направляясь къ Сіону, куда стремились съ великимъ усердіемъ. Наше прибытіе туда совпало съ пріѣздомъ всемилостиваго владыки его, всечестнаго отца патріарха киръ Ѳеофана, который находился въ отсутствіи 7 лѣтъ, ревнуя о благоустроеніи и возвеличеніи своей Церкви. Онъ принялъ насъ со всякимъ вниманіемъ и радушіемъ. О, если бы наше совмѣстное пребываніе продлилось долѣе!

Свѣтлый праздникъ Пасхи былъ 10 апрѣля и мы довершили посѣщеніе всѣхъ святынь и священныхъ мѣстъ по всей странѣ; два дня пробыли въ монастырѣ св. Саввы и обошли келліи той долины, которая, по разсказамъ, заключаетъ ихъ 14.000; всѣ онѣ высѣчены въ скалахъ, какъ мы достаточно убѣдились собственными глазами. Въ четвергъ послѣ Ѳомина Воскресенья мы выѣхали изъ Іерусалима и въ воскресенье недѣли Разслабленнаго возвратились въ Дамаскъ, куда прибыли на утренней зарѣ. Мы присутствовали за литургіей въ его благолѣпной церкви, а въ слѣдующее воскресенье Самаряныни нашъ учитель служилъ обѣдню съ дозволенія владыки патріарха, который велѣлъ ему сказать поученіе паствѣ. Онъ исполнилъ его повелѣніе съ должнымъ послушаніемъ и повиновеніемъ и сказалъ проповѣдь по силѣ-возможности. Души слушателей исполнились радости, оживились его словами и были восхищены его животворнымъ и сладкимъ поуче-

---

[1] Подъ этимъ именемъ разумѣется Седнайскій женскій монастырь Пресвятой Богородицы, который, находясь на вершинѣ горы, имѣетъ видъ неприступной крѣпости и неоднократно служилъ надежнымъ убѣжищемъ для христіанъ и для сокрытія церковныхъ сокровищъ патріархіи.

ніемъ. Онъ кончилъ проповѣдь благодареніемъ владыки патріарха съ усердною молитвой и благими пожеланіями. Въ этотъ день онъ рукоположилъ смиреннаго, пишущаго сіи строки, въ иподіакона. Мы простились съ патріархомъ и отправились въ путь къ своему городу. Киръ Максимъ, каѳоликосъ Грузинскій, отъ самаго Іерусалима ѣхалъ вмѣстѣ съ нами. Въ четвергъ въ Вознесенье мы въѣхали въ Алеппо. Нашему владыкѣ учителю была сдѣлана прекрасная встрѣча со стороны его паствы, иновѣрныхъ исповѣданій и всѣхъ общинъ съ большимъ торжествомъ и оказаніемъ всякаго почета и уваженія. Мы нашли городъ аш-Шахба [1] (да сохранитъ его Богъ отъ всякихъ золъ и бѣдъ!) обилующимъ земными плодами, при дешевизнѣ ихъ, и въ полномъ благоденствіи. Онъ наслаждался правосудіемъ и благораствореніемъ воздуховъ. Правителемъ его тогда былъ Хусейнъ паша, сынъ Насухъ паши. Никакихъ притѣсненій и насилій мы до сего дня не видѣли, и Боже насъ сохрани, чтобы мы утверждали противное.

Въ томъ же году вышло предписаніе и повелѣніе привезти изъ персидской земли воду *самармара*, по принятому издревле обыкновенію привозить эту воду для уничтоженія саранчи, ибо въ томъ году она появилась во множествѣ, а упомянутой воды не было наготовѣ. Когда возвратились посланные и привезли воду, то ее подняли съ посудой надъ воротами часовни шеха Абу-Бекра, ибо вода сохраняетъ свою силу лишь въ томъ случаѣ, если не прошла подъ потолкомъ или перекладиной. Приказано было тогда, чтобы вышли ей навстрѣчу всѣ находящіеся въ городѣ мусульмане, христіане и евреи. Впереди шли мусульмане, взывая: «нѣтъ Божества кромѣ Единаго Бога!» за ними христіане, поя на греческомъ языкѣ. Всѣ они въ полномъ порядкѣ обошли кругомъ городской стѣны, пока не дошли съ водою до воротъ упомянутой часовни, гдѣ ее приняли сверху воротъ въ ея мѣдномъ сосудѣ съ величайшей осторожностью. Въ такомъ же порядкѣ мы шли передъ нею, пока не донесли ее до городской крѣпости, и тогда подняли ее поверхъ крѣпостныхъ воротъ и повѣсили подъ навѣсомъ минарета, не проходя съ нею подъ перекладинами его дверей, дабы не пропала ея чудодѣйственная сила и не уничтожилась ея польза. Въ то время когда саранча вылуплялась изъ яицъ и летала въ пространствѣ, сосудъ съ наговоренной водой приводили въ сотрясеніе и тотчасъ слетѣлись въ громадномъ количествѣ птицы, называемыя *самармаръ*, а саранча пропадала, такъ что ни одной не осталось въ живыхъ. Эта птица по виду черная, маленькая, величиною съ воробья. Саранчу,

---

[1] Сѣроватая—прозваніе Алеппо.

которая уже успѣла вылупиться на прилежащихъ къ Алеппо земляхъ, въ особенности съ южной его стороны, паша велѣлъ собрать въ мѣшки, возложивъ это дѣло на земледѣльцевъ и жителей города и окрестностей. Ея собрали 14,000 мѣшковъ и мужчины побросали ее въ глубокій колодецъ противъ крѣпостныхъ воротъ.

На 9-омъ году архіерейства (моего родителя) прибылъ въ Алеппо во второй разъ владыка патріархъ Евѳимій. Мы вышли къ нему навстрѣчу до Хамы, гдѣ приняли его съ радостью и удовольствіемъ и съ великой любовью. Въ первый день февраля совершилось его вступленіе въ Алеппо. Радость христіанъ удвоилась съ его прибытіемъ. Владыка родитель мой повелѣлъ мнѣ вступить въ бракъ и вѣнчалъ меня въ воскресенье недѣли Блуднаго сына; это было 7 февраля и я имѣлъ тогда отъ роду 17 лѣтъ. Патріархъ собралъ съ паствы обычный каноническій взносъ съ миромъ, и уѣхалъ 17 марта по истеченіи полныхъ ста дней, спѣша въ Хаму и Триполи. Потомъ онъ возвратился въ Дамаскъ.

Въ началѣ 13-го года архіерейства (моего родителя) постигла владыку патріарха киръ Евѳимія тяжкая болѣзнь, и всѣ потеряли надежду на его выздоровленіе. Тогда собрались священники и клирики и, совершивъ надъ нимъ таинство елеосвященія, спросили его совѣта: въ случаѣ его кончины, кому быть послѣ него? Онъ же (да помилуетъ его Богъ!) отвѣтилъ имъ согласно съ своими надеждами и намѣреніемъ «если вы желаете упорядоченія вашихъ дѣлъ и устроенія вашихъ обстоятельствъ, не дѣлайте никого, кромѣ митрополита Алеппскаго, своимъ патріархомъ». Это похвальное мнѣніе исполнило слово Св. Евангелія, что ученику приличествуетъ быть подобнымъ своему учителю. Онъ поступилъ такъ же, какъ его предшественникъ: какъ тотъ избралъ и рукоположилъ его, такъ и онъ избралъ и призвалъ къ служенію митрополита Алеппскаго. Услышавъ отъ него эти слова, они обрадовались, тотчасъ написали посланіе о случившемся и представили его патріарху, который собственноручно его помѣтилъ, находясь въ описанномъ положеніи. Посланіе было отправлено со скороходомъ къ упомянутому митрополиту, коего убѣждали ѣхать скорѣе и спѣшить прибытіемъ. Дойдя до Алеппо, скороходъ не нашелъ тамъ митрополита, такъ какъ онъ оттуда удалился по причинѣ многихъ насилій и обидъ, кои начались со стороны правителя Алеппо, Кара Хусейнъ паши, который сталъ угнетать налогами и вымогательствомъ. Скороходъ направился въ области Маары и Ханака и возвратился въ Келизъ, постоянно распрашивая и разузнавая о митрополитѣ, пока не достигъ цѣли. Когда же встрѣтился съ нимъ и передалъ письмо, тотъ прочелъ

и узналъ, чего желаютъ. Его опечалило такое обстоятельство, въ особенности когда онъ удостовѣрился въ тяжкой болѣзни патріарха. Онъ не захотѣлъ тогда отправиться и послалъ въ отвѣтъ извиненіе въ неприбытіи. Когда дошло до патріарха, что онъ отказался и не послушался, тотъ сильно разгнѣвался, а былъ онъ въ то время при послѣднемъ издыханіи. Онъ приказалъ послать ему второе письмо съ извѣщеніемъ, что, если онъ не явится и не пріѣдетъ поспѣшно, то будетъ отъ него подъ запрещеніемъ и отлученіемъ. Когда это второе посланіе дошло до него, обстоятельства вынудили его дать отвѣтъ, что онъ идетъ безъ замедленія. Итакъ, онъ отправился въ Дамаскъ противъ воли. Я, смиренный, былъ при немъ постоянно и неотлучно. Дойдя до Хамы, мы встрѣтили третьяго скорохода съ письмами, согласными съ прежними посланіями, отъ священниковъ и старшинъ Дамаска, призывавшими насъ и извѣщавшими о кончинѣ патріарха въ ночь на 11 октября. Заклинали владыку митрополита прибыть безъ всякаго замедленія, дабы онъ не оставался подъ запрещеніемъ (Боже, избави отъ такой великой опасности!) и дабы отъ медлительности его не произошло раздоровъ, соблазна и обмана, въ особенности потому, что тотчасъ по смерти патріарха были написаны съ общаго согласія денежные документы и акты отъ имени Макарія, сообразно съ завѣщаніемъ покойнаго Евѳимія (въ то время пашою въ Дамаскѣ былъ Махмедъ паша Кёпрюли, который впослѣдствіи сдѣлался великимъ визиремъ), дабы не возникло разногласія во мнѣніи общины и отъ нѣкоторыхъ событій не воспослѣдовали другія. Они просили, чтобы мы привели съ собою митрополита Хамы, приснопамятнаго Мелетія, и приснопамятнаго Филоѳея, митрополита Эмесскаго. Оба они отправились вмѣстѣ съ нами. Въ Седнайскомъ монастырѣ мы застали киръ Іоасафа, митрополита Кары. Рано утромъ мы вступили въ Дамаскъ, гдѣ нашли Григорія, митрополита Хоранскаго. Съ общаго согласія они рукоположили моего родителя патріархомъ и онъ, поднявшись на высшую степень, сталъ главою Антіохійскаго патріархата по несомнѣнному божественному внушенію, 12 декабря мѣсяца въ (1647) 7156 году бытія тлѣннаго міра. Вслѣдъ за этимъ собрался синодъ для обсужденія и совѣщанія и былъ подведенъ итогъ всѣхъ долговъ, записанныхъ въ книгахъ, именно тѣхъ, кои остались послѣ покойнаго патріарха. Всего оказалось около 6000 піастровъ со включеніемъ процентовъ. Сочли и то, что было издержано на его похороны, на приготовленія къ нимъ, отпѣваніе, и то, что было имъ израсходовано на полученіе обычнаго *буюрулды* (указа) отъ паши на имя новаго патріарха, а также то, что истратили на закрѣпленіе всего этого законными актами съ согласія всѣхъ па-

сомыхъ. Это было сдѣлано съ цѣлью устраненія споровъ и раздоровъ, изъ опасенія возобновленія минувшихъ событій. Весь этотъ расходъ составилъ около 4000 піастровъ и такимъ образомъ сумма сочтенныхъ долговъ составляла ровно 10,000, кои всѣ и были занесены въ книгу. Ихъ переписали вновь съ процентами на имя заимодавцевъ. Въ короткое время ихъ стало слишкомъ 13,000 піастровъ. Въ обезпеченіе этого долга отдали въ залогъ четыре митры: древнюю, большую, Алеппскую и Константинопольскую и прочія облаченіяи свяще нные сосуды.

Патріархъ разослалъ отъ себя посланія съ благословеніемъ и молитвами, по обычаю, по всѣмъ городамъ и во всѣ концы.

21 ноября онъ нарекъ и рукоположилъ священника Михаила, сына священника Бшара Алеппца, который при немъ находился, митрополитомъ Алеппо, назвавъ его Митрофаномъ, и туда его отправилъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ рукоположилъ смиреннаго, пишущаго эти строки, архидіакономъ надъ обоими городами, Дамаскомъ и Алеппо, и всѣми странами арабскими; онъ присвоилъ и великодушно даровалъ ему это достоинство. Затѣмъ онъ отправился на богомолье въ монастырь Владычицы Седнайской, дабы получить благословеніе и испросить благихъ даровъ отъ Пречистой Дѣвы. Оттуда проѣхалъ онъ въ Селевкію сирійскую, которая есть Малула, и въ Памфилію, которая есть Ябрудъ, и въ Кару. Потомъ вернулись въ селенія Айнъ ет-Тинэ и Нажъ и въ остальную часть округа Жабатъ Асаль. 15 февраля онъ избралъ, нарекъ и рукоположилъ священника Авраама Дер-Атани, мужа добродѣтельнаго и аскета, епископомъ Ябруда и Малулы, наименовавъ его Аѳанасіемъ. Затѣмъ, кончивъ богомолье, возвратился въ Дамаскъ, гдѣ рукоположилъ своего ученика, іеродіакона Гавріила Алеппца, іереемъ и возвелъ его въ санъ архимандрита,ославъ его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими экзархомъ, т. е. уполномоченнымъ съ своей стороны, въ Грузинскія страны.

16 іюля владыка патріархъ выѣхалъ изъ Дамаска съ цѣлью объѣхать свою епархію, собрать положенные денежные взносы и обозрѣть положеніе своей паствы. Онъ отправился въ ближайшіе къ Дамаску города, Тиръ и Берутъ, а также въ область Шуфъ. Въ этотъ день онъ переночевалъ въ деревнѣ Димасъ, откуда поѣхалъ въ Айси, потомъ въ Карунъ, изъ Каруна въ Машгару, оттуда въ Кафр-Мульку и затѣмъ въ Сидонъ, куда прибылъ въ четвергъ. Потомъ онъ поднялся въ Аал-Хару и Ибру, а оттуда вернулся въ Сидонъ, гдѣ пробылъ всего 12 дней. Затѣмъ, выѣхавъ изъ Сидона, направился въ вади ел-Лямунъ, отсюда въ Бирку, изъ нея въ Кафр-Бетъ и Кафр-Хатту, а затѣмъ снова въ вади ел-Лямунъ, откуда поѣхалъ въ Бсиру и

Анбаль, затѣмъ въ Бааклинъ, селеніе Эмира Мелхема, съ которымъ онъ тамъ встрѣтился. Потомъ, вернулся въ Анбаль, оттуда поѣхалъ въ Арифе, ал-Мазро, Айн-Каніе, Аматуръ, Батиръ и Ниху, извѣстную своею крѣпостью, въ коей укрылся эмиръ Фахруддинъ, когда его осаждалъ тамъ Кучукъ Ахмедъ, паша Дамаска, который его захватилъ и отправилъ въ Константинополь, гдѣ онъ былъ казненъ. Оттуда мы выѣхали въ Баадранъ, ал-Хузебе, въ ал-Маасыръ, Таблунъ, ал-Фаридисъ и въ ал-Барукъ, гдѣ мы любовались источникомъ. Оттуда мы поѣхали въ Айн-Зхалте, въ Басынъ, Бурношъ, Айн-Вазбе, ес-Самаканію, затѣмъ въ ад-Динъ и еш-Шувефатъ. Здѣсь патріархъ служилъ въ тринадцатое воскресенье по Пятидесятницѣ. 21 августа онъ выѣхалъ въ богохранимый Берутъ. Между тѣмъ я, смиренный, послѣ Пасхи съѣздилъ въ Алеппо и, пробывъ тамъ нѣкоторое время, возвратился въ Дамаскъ, и догналъ владыку въ Берутѣ, гдѣ и присоединился къ нему. Изъ Бейрута мы выѣхали 21 сентября и поднялись на гору Кесраванъ. Мы прибыли въ деревню Бекфея, потомъ въ Мхедсе, въ церкви которой совершили службу. Это было въ первое воскресенье (чтенія) отъ Луки. Мы прибыли въ монастырь пророка Иліи, гдѣ служили, и отправились въ деревню аш-Шуэръ, а оттуда въ Бисканту подъ горой Ливаномъ и служили въ ея церкви. Затѣмъ пріѣхали въ Кафр-Акабъ и служили въ его новой церкви послѣ того какъ мы ее освятили и привели въ порядокъ ея алтарь. Это было въ воскресенье въ началѣ октября. Мы возвратились въ Мхедсе и тутъ также служили два раза; пріѣхали въ Бекфею, а затѣмъ, въ пятницу 16 октября, въ Берутъ, откуда, въ сопровожденіи его митрополита Іоасафа, выѣхали въ море 16 октября и на утро были въ Триполи, вышли на пристань и поѣхали въ Алеппо, куда прибыли въ первый день іюня 7158 г. или 1650 г. отъ Р. Хр. Оттуда владыка выѣхалъ въ Дамаскъ.

АРАБСКАЯ РУКОПИСЬ

ПУТЕШЕСТВІЯ АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ ВЪ РОССІЮ.

(Описаніе рукописи, принадлежащей библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.)[1]

Съ приложеніемъ фототипіи послѣдней страницы рукописи.

У книгъ есть своя судьба. Памятникъ столь исключительный, обширный и важный для исторіи русскаго быта XVII в. и для исторіи сношеній нашихъ съ востокомъ—до сихъ поръ не былъ во всей полнотѣ доступенъ русскому читателю. На родинѣ Павла имъ, какъ и слѣдовало ожидать, интересовались, переписывали его, благодаря чему были и имѣются извѣстными списки арабскаго подлинника, сдѣланные въ началѣ и въ концѣ XVIII вѣка. Одинъ изъ такихъ списковъ былъ вывезенъ съ Востока въ Англію графомъ Гильфордомъ и изданъ, въ англійскомъ переводѣ Бельфура «Фондомъ для восточныхъ переводовъ» въ 1829—36 гг. Русскіе изслѣдователи знали Павла по переводу Бельфура и по немногимъ частичнымъ переводамъ и изложеніямъ, сдѣланнымъ по Бельфуру. (Начало перевода о. Благово въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1875 г.; переводъ архим. Леонида (Краснопѣвкова) о поѣздкѣ въ Саввинъ монастырь; обзоръ почти всего путешествія патр. Макарія, составленный Аболенскимъ въ Трудахъ Кіевской духовной академіи за 1876 г. и вышедшій отдѣльно; свѣдѣнія о Кіевѣ въ Сборникѣ матеріаловъ по исторіи топографіи Кіева и т. д.). Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ былъ сдѣланъ полный русскій переводъ съ англійскаго перевода Бельфура, хранящійся въ рукописи.

Въ концѣ 1840-хъ и 1850-хъ годовъ, наконецъ, появились въ Россіи три арабскіе списка «Путешествія Макарія», всѣ три списанные, повидимому, съ одной и той же старой дамасской рукописи. Списокъ Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ сдѣланъ въ 1859 г., вѣроятно,

---

[1] Предисловіе къ этому описанію мы опускаемъ, такъ какъ въ общемъ оно аналогично съ нашимъ предисловіемъ къ 1-ому выпуску.

по почину директора Архива, князя М. А. Оболенскаго, извѣстнаго любителя и знатока русской старины, составившаго превосходную, отборную библіотеку по русской исторіи, которая нынѣ, въ силу завѣщанія его, украшаетъ Архивъ. Тогда же, очевидно, была сознана недостаточность англійскаго перевода, и князь Оболенскій предпринималъ шаги для изданія «Путешествія» въ арабскомъ оригиналѣ съ переводомъ прямо съ арабскаго на русскій языкъ: въ 1863 г. князь ходатайствовалъ о причисленіи къ Архиву проживавшаго въ Москвѣ сирійца, Спиридона Михайловича Аббуда, воспитанника Московской духовной академіи, съ цѣлью поручить ему этотъ трудъ. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ не встрѣтило къ тому препятствій, но самъ Аббудъ раздумалъ браться за это дѣло.

Между тѣмъ, дѣйствительно, переводъ Бельфура и доступенъ лишь немногимъ, и далеко недостаточенъ. Онъ представляетъ собою библіографическую рѣдкость, которая въ Россіи мало у кого была въ рукахъ. Но и этихъ немногихъ русскихъ читателей, повидимому, затрудняло малое знакомство съ англійскимъ языкомъ, вслѣдствіе чего, при большомъ объемѣ книги (1000 убористыхъ страницъ in 4°), въ массѣ литургическихъ и архитектурныхъ описаній трудно отыскивались ими, тонули, разсыпанныя тамъ и здѣсь, драгоцѣнныя историческія и бытовыя указанія. Такъ, о. Благово въ предисловіи къ начатому имъ переводу съ Бельфура писалъ—мнѣніе, которое представляется столь страннымъ теперь,—что записки Павла могутъ быть интересны только для монашествующихъ и любителей церковнаго благолѣпія; такъ, С. М. Соловьевъ не знаетъ разсказа Павла о самоубійствѣ воеводы Бутурлина на пути изъ литовскаго похода въ 1656 г.; такъ, никто изъ изслѣдователей не замѣтилъ перерыва въ текстѣ у Бельфура въ т. II, 29, гдѣ неожиданно стоитъ: «число ступеней этой колокольни...» хотя раньше ни однимъ словомъ о колокольнѣ не упоминается (нынѣ оказывается, что здѣсь пропущено большое описаніе кремлевскихъ соборовъ и начало описанія Ивановской колокольни [1]).

Но помимо малой доступности книги Бельфура, переводъ этотъ и не вполнѣ удовлетворителенъ, и далеко недостаточенъ. Не говоря уже о трудности для иноплеменника переводить съ живой, народной арабской рѣчи, какою писалъ Павелъ (вслѣдствіе чего у Бельфура явилось множество отдѣльныхъ промаховъ и ошибокъ, нерѣдко совершенно искажающихъ смыслъ мѣста [2]), Бельфуръ намѣренно, какъ самъ

[1] См. предисловіе къ III выпуску нашего перевода.

[2] См. статью нашу въ сборникѣ Χαριστήρια, Москва 1896 г.: «Нѣкоторые

предупреждаетъ, выпустилъ рядъ литургическихъ описаній и описаній церквей, какъ подробностей мало интересныхъ и утомительныхъ для англійскаго читателя—и между тѣмъ драгоцѣнныхъ теперь для русской археологіи и исторіи быта [1]. Далѣе, арабскій подлинникъ Бельфура мѣстами отличался редакціей: въ немъ есть важныя дополненія сравнительно съ нашими рукописями, но есть и недочеты; въ немъ нѣкоторыя разногласія въ отдѣльныхъ фразахъ у Бельфура и въ нашихъ спискахъ заставляютъ предполагать уже не простую ошибку переводчика, а разночтеніе подлинника.

Всѣ эти соображенія дѣлали желательнымъ появленіе русскаго перевода «Путешествія Макарія» непосредственно съ арабскаго подлинника, что и сдѣлано въ 1896—1898 г. (въ полномъ видѣ въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, а также и отдѣльными оттисками). Для меня лично, какъ уроженца той же страны и той же Церкви, къ которой принадлежали Павелъ и отецъ его, было особенно дорого и особенно близко сердцу, чтобы памятникъ, оставленный Павломъ, сдѣлался дѣйствительно извѣстенъ русскимъ ученымъ и вообще русскимъ читателямъ, и притомъ въ своемъ полномъ объемѣ и въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Насколько мнѣ это удалось,—судить не мнѣ.

Нынѣ, въ виду близкаго окончанія печатанія этого труда, считаю благовременнымъ дать на страницахъ Архивнаго «Сборника» описаніе той, принадлежащей Архиву, рукописи, по которой совершенъ мой переводъ.

Рукопись Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, переведенная мною, писана на бумагѣ обычнымъ арабскимъ почеркомъ *нэсхи*. Страницы имѣютъ въ длину 20,5 сантим., а въ ширину 17 сант.; письмо же занимаетъ 16 сант. въ длину и 11 сант. въ ширину. Во

курьезы англійскаго перевода Путешествія антіохійскаго патріарха Макарія» и предисловіе къ I-му выпуску нашего перевода.

[1] Сюда относится, напр., описаніе великой церкви Кіевской лавры, единственное предшествующее пожару 1718 года и представляющее храмъ такимъ, какимъ онъ былъ при Петрѣ Могилѣ (см. у насъ вып. II, 46—54 и примѣч. на стр. 46—47); описаніе московскихъ кремлевскихъ соборовъ, колокольни, отлитія большого колокола (III, 97—114) и т. д.

всей рукописи 869 страницъ [1]. Количество строкъ на страницахъ не одинаково; но въ среднемъ можно считать 24. Письмо также не вездѣ одинаково: на однѣхъ страницахъ крупнѣе, на другихъ мельче, и въ общемъ настолько мелко, что два другіе списка той же рукописи, одного съ нашей формата, имѣютъ свыше 1000 страницъ. Рукопись Учебнаго Отдѣленія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которой я пользовался во все время моихъ занятій переводомъ, заключаетъ въ себѣ 1022 стран. и имѣетъ по 21 строкѣ на страницѣ [2]; а такъ какъ она переписана тѣмъ же почеркомъ и тѣмъ же лицомъ, Іоанномъ Георгіевичемъ Сарруфомъ, которое переписывало Порфирьевскую рукопись, эта же послѣдняя, какъ видно изъ отчета за 1883 годъ Императорской Публичной библіотеки о пріобрѣтенныхъ ею рукописяхъ преосв. Порфирія, имѣетъ также по 21 строкѣ на страницѣ, то слѣдуетъ считать одинаковое количество страницъ въ обѣихъ этихъ рукописяхъ.

Какъ нашъ, такъ и два упомянутые сейчасъ списка сняты въ небольшой промежутокъ времени, очевидно, съ одного оригинала — 1700 года, какъ это обозначено на нашемъ спискѣ,—сгорѣвшаго вѣ-

---

[1] Страницы пронумерованы уже въ Россіи (нашими цифрами), и на послѣднюю страницу пришлась цифра 883. Но это произошло вслѣдствіе того, что нумера поставлены также на четырехъ бѣлыхъ страницахъ (7 и 8, 27 и 28, гдѣ переписчикъ, по ошибкѣ, перевернулъ сразу по два листа), и вслѣдствіе того, что послѣ 489 сразу, ошибкой, поставлено 500. Между стр. 466 и 467 оставлены двѣ рядомъ страницы бѣлыми. Конецъ фразы (полстроки), перенесенный съ 466 стр. на оборотъ, указываетъ намѣренность пробѣла. Въ текстѣ здѣсь пропускъ, восполняемый по Бельфуру (см. нашъ переводъ, вып. III, 61). Въ рукописи Учебнаго Отдѣленія тотъ же пропускъ и также пробѣлъ въ двѣ страницы, но начинающійся (и кончающійся) съ середины страницы. Отсюда видно: а) что наша и петербургская рукописи восходятъ къ одному оригиналу, въ коемъ, въ этомъ мѣстѣ, утраченъ былъ листъ; б) что размѣщеніе текста по страницамъ, по крайней мѣрѣ около даннаго мѣста, совпадало въ нашей рукописи и въ ея оригиналѣ. Далѣе, въ самомъ началѣ книги, первая (ненумерованная у насъ) страница заполнена началомъ же текста. но съ пропускомъ, послѣ заглавнаго слова: «Предисловіе», вступительныхъ словъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа»; очевидно по причинѣ этого пропуска, страница эта оставлена втунѣ, надъ ней сдѣлана переписчикомъ надпись: «не считать», затѣмъ пропущены три страницы бѣлыми, и затѣмъ уже снова начатъ текстъ, опять со слова «Предисловіе» (чернымъ) и на этотъ разъ со славословіемъ (киноварью).

[2] См. Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales, par le baron Victor Rosen, № 70: Voyages de Macarius dans la Turquie et la Russie, décrits par l'archidiacre Paul d'Alep.

роятно во время рѣзни въ Дамаскѣ въ 1860 году. Именно, нашъ списокъ снятъ въ 1859 г., списокъ Учебнаго Отдѣленія въ 1847 г.; Порфирьевскій же въ 1849 г., какъ обозначено въ вышеупомянутомъ отчетѣ Императорской Публичной библіотеки.

Кромѣ оригинала нашихъ рукописей, имѣются или имѣлись еще два: одинъ, съ котораго сдѣлалъ свой переводъ Бельфуръ [1], былъ пріобрѣтенъ графомъ Фридерикомъ Гильфордомъ въ Алеппо въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а писанъ былъ въ 1765 году; видѣнный Сенковскимъ въ 30 хъ годахъ въ Айнтурѣ на Ливанѣ у извѣстнаго ученаго Ариды, былъ написанъ грамотой *кершуни*, т.-е. по-арабски сирійскими буквами. Въ предисловіи къ своему переводу Бельфуръ говоритъ, что онъ самъ дѣлалъ безуспѣшныя попытки отыскать другую рукопись въ Смирнѣ, Канрѣ и Константинополѣ: нельзя не пожалѣть, что онъ направилъ свои поиски не въ Алеппо, мѣсто родины Макарія, или въ Дамаскъ, его каѳедру и мѣстопребываніе, или на Ливанъ, гдѣ Сенковскій видѣлъ списокъ Ариды, и вообще въ предѣлы антіохійской и іерусалимской патріархій и ихъ монастыри, гдѣ несомнѣнно имѣлись списки и знали о путешествіи Макарія. Вернувшійся недавно изъ Сиріи, А. Е. Крымскій сообщилъ намъ, что онъ пріобрѣлъ неполный списокъ этого путешествія, принадлежавшій Сейданайскому монастырю [2].

Рукопись, съ которой сдѣланъ англійскій переводъ, хранится нынѣ въ Британскомъ Музеѣ. Она писана прекраснымъ почеркомъ на бумагѣ, въ листъ, на 375 листахъ и раздѣляется на четыре части [3].

---

[1] The travels of Macarius, patriarch of Antioch, written by his attendant archdeacon, Paul of Aleppo, in arabic. Translated by F. C. Belfour. London 1829—1836.

[2] Къ сожалѣнію, намъ не пришлось видѣть этотъ списокъ, несмотря на наши просьбы и данное намъ обѣщаніе.

[3] Catalogus codicum manuscriptorum orientalium qui in Museo Britannico asservantur. Pars secunda, codices arabicos amplectens. Londini 1871. Supplementum IV, pag. 366:

DCCCII. Codex chartaceus in fol., ff. 105: luculenter exaratus A. D. 1765.—Paulus Archidiaconus Aleppensis.... (опускаемъ арабскій текстъ).

Relatio itinerum Macarii, Patriarchae Antiocheni, per Turcarum et Moscovitarum terras, ab anno mundi 7160 ad annum 7167 (A. D. 1652—1659), in quibus auctor, Macarii filius, patrem comitatus est. [Обозначеніе это невполнѣ точно: въ рукописи изложены и событія по возвращеніи, по 15 іюля 1661 г.] (Anglicam hujus relationis versionem, ad fidem codicis nostri, public juris fecit F. C. Belfour: „The travels of Macarius, Patriarch of

Эта рукопись полнѣе нашихъ списковъ: она заключаетъ въ началѣ описаніе путешествія патріарха Макарія изъ Алеппо по Малой Азіи до Константинополя, пребываніе его въ этомъ городѣ и дальнѣйшій путь моремъ до Молдавіи, а въ концѣ подробное описаніе обратнаго пути патріарха по Черному морю и Малой Азіи и дѣйствія его и архидіакона Павла въ первое время по возвращеніи на родину. Всего этого въ нашихъ спискахъ нѣтъ. Но съ другой стороны, такой фактъ, какъ начало описанія Ивановской колокольни съ середины, указываетъ, можетъ быть, на дефектность списка въ этомъ мѣстѣ (незамѣченную, впрочемъ, переводчикомъ), — хотя при обильныхъ намѣренныхъ пропускахъ Бельфура трудно знать, выпущено ли извѣстное мѣсто имъ, или отсутствовало въ арабскомъ подлинникѣ его. Самъ Бельфуръ не всегда предупреждаетъ о дѣлаемомъ имъ пропускѣ: такъ мы только изъ Каталога Британскаго Музея узнаемъ, что и въ Бельфуровомъ оригиналѣ, какъ у насъ, вслѣдъ за введеніемъ имѣется, опущенный въ англійскомъ переводѣ, историческій обзоръ Антіохійскихъ патріарховъ со времени перенесенія резиденціи ихъ въ Дамаскъ, въ 1267 г., по 1650 г. [1].

Antioch, written by his attendant. Archdeacon Paul. of Aleppo". London 1829—1834). [Надо: 1836].

Init.... Hoc tomo pars operis prima continetur, scil. ab initio usque ad haec verba.... (Vide vers. Angl., tom. I, p. 227).

Inter praefationem et Relationis initium inseruit auctor historiam compendiosam Patriarcharum, qui Antiochiae primatum, ex quo sedes ejus Antiochia Damascum delata fuit, ad sua usque tempora. scil. ab anno Hijrae 666 ad annum 1062 (A. D. 1267—1652), obtinuerunt. (Haec operis pars a paraphraste Anglico omissa est.) Add. 18, 427.

DCCCIII. Codex chartaceus in. fol., ff. 82: eadem manu exaratus, ac praecedens. Ejusdem operis tomus secundus. primum continuo excipiens. et his verbis desinens.... Add. 18, 428.

DCCCIV. Codex chartaceus in. fol., ff. 87: Scripturae ejusdem. Tomus tertius, quo superior continuatur usque ad haec.... Add. 18. 429.

DCCCV. Codex chartaceus in. fol., ff. 101: eadem manu exaratus. Tomus quartus. quo opus absolvitur.

In fine.... „Obtigit finis exscribendi hujus libri hoc die. decimo nono mensis Ayár, e mensibus anni millesimi septingentesimi sexagesimi quinti ab Incarnatione Dei". Add. 18, 430.

[1] См. приложеніе: «Къ исторіи Антіохійскихъ патріарховъ».

Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графиня П. С. Уварова, по поводу прочитанныхъ мною въ Обществѣ рефератовъ о

Наша рукопись—въ цѣльномъ черномъ сафьянномъ переплетѣ, имѣющемъ съ обѣихъ сторонъ тисненую кайму шириною въ палецъ и продолговатый орнаментъ въ восточномъ вкусѣ по срединѣ; на корешкѣ вытиснены серебряныя поперечныя линіи съ розетками между ними. Это—изящный и цѣнный дамасскій переплетъ.

Рукопись писана черными чернилами, но точки, которыя далеко не всегда стоятъ на мѣстѣ, и оглавленія на поляхъ и въ текстѣ писаны киноварью. Далѣе на поляхъ же находятся, написанныя черными, примѣчанія и дополненія Павла, нерѣдко довольно обширныя и часто вводимыя словами: «знай», «замѣть» и т. п. или и прямо: «примѣчаніе». При обрѣзѣ полей рукописи, для переплета, ни одно изъ примѣчаній не пострадало, хотя нѣкоторыя изъ нихъ значительно выходятъ изъ размѣровъ переплета: такія, выступающія примѣчанія бережно умѣло и красиво вырѣзаны и загнуты. Затѣмъ изрѣдка видимъ на поляхъ пополненія случайныхъ пропусковъ переписчика и исправленіе его ошибокъ. Наконецъ на полѣ же, въ верху, приблизительно на каждой 20-й страницѣ, стоитъ киноварью, а иногда чернилами, отмѣтка: «сличена тетрадь 1, 2» и т. д. Эти помѣтки сдѣланы разными руками, при чемъ очевидно сходство одного изъ почерковъ съ почеркомъ нѣкоторыхъ поправокъ.

Къ особенностямъ нашей рукописи принадлежитъ и то, что въ ней сохраненъ нетронутымъ языкъ текста: народный, грамматически неправильный, съ мѣстными, областными словами, употребляемыми въ Алеппо и въ верхней Сиріи.

На послѣдней страницѣ, вслѣдъ за окончаніемъ текста, переписчикомъ написанъ слѣдующій стихъ (его нѣтъ въ спискѣ Учебнаго Отдѣленія):

«Если ты найдешь ошибку, исправь ее.
«Да будетъ возвеличенъ Тотъ, въ Комъ нѣтъ недостатковъ и Кто выше всего!»

Затѣмъ переписчикъ говоритъ: «выполненіе и докончаніе переписки этой рѣдкостной книги и удивительной исторіи было совершено

нѣкоторыхъ пропущенныхъ въ англійскомъ переводѣ отдѣлахъ (списокъ Антіохійскихъ патріарховъ, описаніе великой церкви Кіево-Печерской лавры и описаніе Успенскаго и другихъ кремлевскихъ соборовъ), любезно приняла на себя трудъ снестись съ Королевскимъ Азіатскимъ Обществомъ въ Лондонѣ для полученія свѣдѣній о рукописи гр. Гильфорда; но въ полученномъ отвѣтѣ, къ нашему удивленію, сообщено, что за прекращеніемъ рода графовъ Гильфордъ Обществу неизвѣстно, въ чьемъ владѣніи находится теперь принадлежавшая гр. Фредерику рукопись.

15-го благословеннаго февраля, одного изъ мѣсяцевъ 1859 года христіанской эры, рукою нижайшаго и смиреннѣйшаго изъ рабовъ, недостойнаго того, чтобы имя его было упомянуто, по причинѣ множества его грѣховъ, Иліи, сына Іосифа, Жибара. Онъ проситъ всякаго, читающаго эту книгу, снисходительно смотрѣть на описки его пера и вкравшіяся въ его листы ошибки и молить милости его родителямъ, дабы и самому получить подобное отъ Всещедраго и Милосерднаго. Слава Богу во вѣки!».

Съ правой стороны этой надписи тою же рукой приписано: «дата *(т.-е. окончанія переписки)* отъ Адама 7367 г.»; а съ лѣвой стороны поставлено: «списано съ книги Німатулла, сына священника Георгія, сына Салима, дата ея—отъ Адама 7208 г.».

Кромѣ приписокъ переписчика есть еще шесть другихъ: четыре—на арабскомъ языкѣ, одна на греческомъ, и одна на турецкомъ. Въ концѣ настоящей статьи прилагаемъ фототипію съ послѣдней страницы, на коей находятся всѣ вышеуказанныя приписки. Наиболѣе важны двѣ: Михаила Аббуда по своей обстоятельности и протоіерея Іосифа по важному значенію этой личности.

Послѣдняя приписка, находящаяся подъ припиской переписчика слѣва, гласитъ слѣдующее: «эта книга, которая описываетъ путешествіе приснопамятнаго Макарія, патріарха Антіохійскаго, въ страны русскія, списана со стариннаго списка и сличена съ нимъ въ точности. Убогій священникъ Іосифъ Муханна Аль-Хаддадъ».

Протоіерей (изъ скромности онъ всегда называлъ себя простымъ священникомъ) Муханна Аль-Хаддадъ (т.-е. желѣзникъ)—личность замѣчательная, высоко-христіанская и просвѣщенная, память о которой доселѣ жива въ Дамаскѣ и на всемъ арабскомъ православномъ Востокѣ. Это былъ выдающійся проповѣдникъ и наставникъ, создавшій цѣлую школу убѣжденныхъ ревнителей православія. Лучшими его трудами считаются новые переводы Отцовъ Церкви и исправленія прежнихъ; имъ же переведенъ катихизисъ митрополита Филарета съ греческаго на арабскій. Умеръ мученическою смертью во время рѣзни въ Дамаскѣ въ 1860 г.

Въ правомъ нижнемъ углу приписано по-арабски: «вѣрно; эту книгу, которая заключаетъ въ себѣ исторію путешествія патріарха Макарія Антіохійскаго въ страны христіанскія, я, убогій, нижеподписавшійся съ приложеніемъ печати, позаботился списать со старинной, изветшавшей книги, помѣченной 7208 годомъ отъ сотв. міра. Эта книга есть вкладъ; она старинная, пришла въ ветхость и не можетъ быть перенесена изъ города въ городъ, ибо близка къ уничтоженію.

Въ виду того, что къ намъ обратился съ просьбой возлюбленный братъ нашъ синьоръ Испиръ (Спиридонъ) Аббудъ достопочтенный и поручилъ намъ, чтобы мы позаботились снять съ нея списокъ для него, мы тотчасъ же приступили къ дѣлу, согласно его приказанію, и заказали снять съ нея копію, истративъ на это, что потребовалось; и сличили ее со старымъ спискомъ слово въ слово, строка въ строку и листъ въ листъ, со всевозможной точностью и тщательностью, согласно желанію вышеупомянутаго брата нашего. Прошу всякаго, кто заглянетъ въ эту книгу, испрашивать у Бога для меня и моихъ родителей прощенія грѣховъ и отпущенія прегрѣшеній. Аминь —Писавшій это— убогій Георгій (сынъ) Михаила Аббудъ, православнаго исповѣданія и дамаскинецъ родомъ».

Ниже этого приписано по-турецки: «имѣющій обратить вниманіе на эту книгу (да знаетъ), что искренній рабъ Михаилъ, сынъ Георгія, Аббудъ старательно сличилъ ее со старымъ и древнимъ спискомъ».

Съ праваго бока вверху приписано вкось по-гречески: «разсмотрѣна эта книга, исторія приснопамятнаго Макарія Антіохійскаго, переписанная съ арабскаго оригинала точь въ точь, и подтверждается нижеподписавшимся. — Протонотарій патріарха Антіохійскаго Іоаннъ Попандопуло».

Съ лѣваго бока приписано вкось по-арабски: «вѣрно; прочелъ содержаніе ея и понялъ смыслъ.—Яковъ, сынъ Михаила, Аббудъ».

Послѣдняя приписка, въ самомъ низу, гласитъ: «эту книгу прочелъ я, подписавшій свое имя и приложившій внизу свою печать, Константинъ, сынъ Михаила, Маллукъ».

При всѣхъ подписяхъ, кромѣ Якова Аббуда, приложены именныя печати лицъ писавшихъ: у Попандопуло греческая, у остальныхъ— арабскія. Особенно интересна печать Попандопуло, на которой изображенъ византійскій двуглавый орелъ въ коронѣ, а съ четырехъ угловъ его надпись въ сокращеніяхъ и вязью: «Іоаннъ Попандопуло протонотарій, 1842».

Заказавшій эту рукопись, Спиридонъ Аббудъ, былъ, какъ намъ извѣстно, воспитанникомъ Московской Духовной Академіи, кончилъ курсъ въ Академіи въ 1856 году (двадцатый выпускъ), въ 60-хъ годахъ еще жилъ въ Москвѣ, и есть основаніе думать, что копію эту онъ заказалъ по порученію князя М. А. Оболенскаго. Георгій Михаиловичъ и Яковъ Михаиловичъ Аббудъ, подписавшіеся подъ рукописью, были его родные братья; а подписавшійся въ турецкой помѣткѣ Михаилъ, сынъ Георгія, нужно думать, былъ ихъ отецъ. Протонотарій Іоаннъ Попандопуло былъ женатъ на родной сестрѣ братьевъ Аббудъ;

онъ былъ родомъ грекъ съ острова Кипра. Объ этомъ Попандопуло упоминаетъ преосв. Порфирій Успенскій, что ему и вышеупомянутому протоіерею Муханна Аль-Хаддаду Антіохійскій патріархъ Меѳодій, по его, Порфирія, просьбѣ поручилъ переводъ рукописи Михаила Брека съ арабскаго на греческій (См. «Востокъ Христіанскій» преосв. Порфирія, епископа Чигиринскаго, Кіевъ, 1874).

Когда эти свидѣтели столь офиціально ручаются, что списокъ, лежащій передъ нами, вѣренъ «слово въ слово, строка въ строку и листъ въ листъ» съ дамасской рукописью, то этому слѣдуетъ вполнѣ вѣрить.

Точность, съ которой сдѣланъ нашъ списокъ, не оставляетъ сомнѣнія, если сравнить его съ другими рукописями. Такъ, въ рукописи Учебнаго Отдѣленія, писанной въ 1847 г., переписчикъ мудрствуетъ: поправляетъ языкъ, замѣняетъ народныя формы книжными, и почти всѣ примѣчанія внесъ съ полей въ текстъ, порой отмѣчая ихъ въ текстѣ киноварью словами: «знай», «примѣчаніе» и т. п., порой совсѣмъ не отмѣчая. Въ архивской рукописи народныя формы языка сохранены неприкосновенно, примѣчанія оставлены на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, и такимъ образомъ соблюдена точность, дѣйствительно, не только въ отдѣльныхъ словахъ, но и въ размѣщеніи строкъ на страницѣ. Вѣроятно, и самая неравномѣрность числа строкъ на страницахъ нашей рукописи объясняется стараніемъ помѣстить на одной и той же страницѣ все то, что было помѣщено на одной и той же страницѣ въ подлинникѣ.

Вообще нашъ списокъ носитъ слѣды той добросовѣстности, съ какою старались въ немъ соблюсти точную передачу дамасскаго оригинала, и потому позволительно думать, что онъ болѣе другихъ близокъ къ оригинальному тексту Павла Алеппскаго.

Съ этой именно рукописи мы и сдѣлали свой русскій переводъ записокъ Павла Алеппскаго, въ полномъ видѣ изданный Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ въ его Чтеніяхъ за 1896 г. кн. 4-ая (выпускъ 1-й), за 1897 г. кн. 4-ая (выпускъ 2-й), за 1898 г. кн. 3-ья (выпускъ 3-й) и кн. 4-ая (выпускъ 4-й) и за 1900 г. кн. 2-ая.

---

[1] *Прим.* По недосмотру, въ заголовкѣ предшествующихъ страницъ этого приложенія напечатано заглавіе предыдущаго приложенія.

حلب وحمدنا الله تبارك وتعالى على السلامة وهكذا دخلنا لقلاية
المطرنية واسترحنا ورمينا هم السفر عن بالنا والحمد لله على سلامتنا
ووصلنا الى الاوطان واجتمعنا بالمحبين والاصحاب والاخوان وكان دخولنا الى
مدينة حلب المحروسة عشية الخميس حادى وعشرون شهر نيسان فنسال الباري
تبارك وتعالى منّ علينا بالاجتماع بالمسيحيين والاهل والمحبين
يمن علينا بالاجتماع بهم فى ملكوت
السماوين

وان تجد عيبا فسد الخللا جل من لا عيب فيه وعلا

وكان الفراغ والنجاز من نساخة هذا الكتاب المفيد والتاريخ
فى ١٥ عشر خلا من شهر اشباط المبارك الذى هو من شهور سنة
الف وثمانمايه وتسعة وخمسون مسيحيه بيد احقر العباد والزرايم
الذى هو ليس مستحق ان يذكر اسمه من كثرة خطاياه الياس بن يوحنا
جبارة وهو راجى من كل ناظر فيه ان يغض الطرف عما
زل به القلم وخلله به الطروس وان يترحم علي
والديه لهما نظير ذلك من
الكريم الرحيم والمسيح
دايما

ان هذا الكتاب الذى هو تاريخ
اطلعت عليه انا الواضع
اسمى وختمى انا ه قسطنطين
نخايل
ملوك

ПОСЛѢДНІЙ ЛИСТЪ РУКОПИСИ

Моск. Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ.

Указатель личныхъ и географическихъ именъ.[1]

А.

Аарона воеводы монастырь близъ Яссъ I 86.
Абаза-паша, визирь V 38.
Абаза-Хасанъ-ханъ V 102, 103.
Аббасъ, шахъ III 49, 84.
Абдалла (Θеодулъ) хаджи, сынъ свящ. Мансура, житель Константинополя I 33.
Абдъ-улъ-Баки, житель Дамаска V 148.
Абдулмасихъ (Христодулъ Альпроксъ Бейтъ Азза имъ), свящ., дѣдъ патріарха Макарія I 1.
Абд-ус-Саламъ, житель Дамаска V 148
Абиссинія III 150.
Абу-Бекра часовня въ Алеппо, V 195.
Абу-Юсуфъ Бави, житель Алеппо V 168.
Абширъ-паша V 119, 121, 133, 143, 168.
Авраамъ, библейскій патріархъ I 19.
Авретъ-Базаръ (женскій рынокъ) въ Константинополѣ I 25, 30.
Австрія (ср. Немса) I, 111, II, 7, 103, III. 79, 111, 148, IV 16.
Агія Капу (св. Ефѳимія врата) въ Константинополѣ I 29.
Адана, г. въ М. Азіи I 6. III 10. V 122, 142.
Ад-Дамуръ, рѣка V 189.
Ад-Динъ V 199.
Аджитарханъ см. Аждарханъ см. Астрахань.
Адріанополь I 33. V 71, 72, 86, 91, 103, 170.
Адріанопольскія ворота I 31, 32
Адэ м. въ Триполійск. области V 60.
Аждарханъ см. Астрахань.
Аззахиръ Бейбарсъ Бундукдари, султ. Египта V 183, 184, 185.
Азія I. 24.
Айнъ-Вазбе V 199.
Айнъ-Захалте V 199.
Айнъ-ет-Тинэ, селеніе V 198.
Айнъ-Каніе V 199.
Айнтабъ V 120, 133, 142.
Акаръ (Аркадія) сирійск. городъ. II, 113, V 186, 193; ср. Аккаръ (Аркадія) II стр. 112.
Акъ-Лиманъ V 113.
Акъ-Бейикъ, ханъ (постоял. дворъ) I 10.
Акъ-Кёпри, Бѣлый мостъ I 6.
Акъ-Су (Бѣлая вода) рѣка V 141.
Акъ-Шехръ, сел. I 9.
Александрія, гор. въ Египтѣ. III 137. IV 178.
Александръ (Вел.), царь Македон. I 33, 34, 41. II 6, (двурогій), 115, III 54, 82, 203.
Александръ Лопушнянъ, господарь молдавскій V 3.
Алексивка см. Алексинъ.

---

[1]) Считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность Н. В. Рождественскому за любезно принятый имъ на себя пересмотръ этого указателя, который онъ во многомъ исправилъ.

Алексинъ (Алексивка) II 138.
Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ, сынъ царя Алекс. Мих. II 111, 157, 158, 163, 168, III 12, 20, 28, 134, IV 19, 21, 130.
Алексій, св. Московскій митрополитъ III 49, IV 14.
Алексій (Ахмедъ), потомокъ султ. сибир. III 138.
Алексѣй Михайловичъ, царь Москов. I 15, II 4, 10, 25, 45, 74, 87, 98, 111, 113, 131, 157, 158, 168, 194, III passim. IV 19, 21, 110, 118, 168, 178.
Алексія св. митр. монастырь въ Москвѣ III 115, 164.
Алексія св. церк. въ с. Воздвиженскомъ IV 24.
Алеппо, городъ въ Сиріи, родина патр. Макарія и архид. Павла. I 1, 4, 9, 12, 14, 49, 57, 124, II 18, 95, 140, 183, III 79, 83, 86, 163, IV 4, 7, 8, 30, 36, 48, 146, 169, 191, 192, V 5, 27, 28, 30, 38, 40, 43, 54, 65, 117, 120, 121, 122, 133, 134, 136, 138, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 148, 150, 153, 154, 155, 161, 166, 167, 173, 180, 182, 190—193, 195, 196, 198, 199.
Алжиръ I 24.
Алнакашъ см. Анаша.
Алтунъ-Падишахъ (ханъ золотой орды) III 66, 74, 149, IV 137.
Аль-Аси см. Асп рѣка.
Аль-Барукъ V 199.
Аль Бостанъ, гор. V 137, 138, 139.
Аль-Джалиль см. Аль-Халилійе.
Аль-Жадиде (новая), улица въ Дамаскѣ II 139.
Аль-Жинанъ (Садовыя) ворота въ Антіохіи II 145.
Аль-Маасыръ V 199.
Аль-Мазро V 199.
Аль-Мейданъ площ. въ Алеппо V 192.
Альгамъ (Балкамъ) лер. I 9.
Аль-Фаридисъ V 199.
Аль-Халилійе (Аль-Джалиль-Галилея или Аль-Халиль-Хевронъ) I 117.
Аль-Хармиль село V 189.
Аль-Хузебе V 199.
Аль-Хуснъ, крѣп. въ Алеппо II 145.
Амасія V 117.
Амастрисъ, гор. V 112, 113.
Аматуръ V 199.
Амизусъ, гор. V 123.
Ананія, сынъ Павла Алепскаго V 52, 144, 164.
Анастасіи св. мощи въ Махалле-Ассаматѣ въ Константинополѣ I 32.
Анастасій князь (въ Москвѣ) IV 11.
Аната, укрѣпленіе въ Мал. Азіи (Алнакашъ?) I 6.
Анбаль V 199.
Англія III 78, 80, 149, IV 22.
Андрея Стратилата монаст. въ Москвѣ III 4.
Андроньевъ монаст. въ Москвѣ III 129.
Анна, дочь царя Алексѣя Михайловича III 13, 20, 134, V 139.
Анна Михайловна, дочь п. Михаила Ѳедоровича III 20, 134.
Анны св. церк. въ Кремлѣ III 115, IV 139.
Анъ-Насръ ворота въ Алеппо IV 8.
Ангара V 120, 137.
Антоніевъ монаст. въ Новгородѣ IV 74, 82.
Антоній Великій или Римскій, новгородскій святой IV 74.
Антоній, митр. Баальбекскій V 167.
Антоній, митр. Ираклійскій V 186.
Антонія Вел. церк. въ Антоньевѣ монаст. IV 76.
Антонія Вел. церк. въ Тисманскомъ монаст. въ Валахіи V 36.
Антонія св. церк. въ монастырѣ Богоматери въ Путивлѣ II 114.
Антонія и Ѳеодосія свв. церк. въ Печерск. монаст. II 41, 46, 57.
Антіохія I 4, 11, 16, 68, II 67, 83, 135, 145, 175, III 11, 20, 116, 137, IV 7, 36, V 115, 133, 142, 165, 177, 179, 183, 184, 185, 192.
Апостоловъ свв. храмъ въ Констант. I 25.
Арабія V 149, 167.
Арджишъ, гор. V 8, 9, 10, 16, 24, 60, 74.
Арджишъ, рѣка V 13, 60, 62, 63, 64.
Аргоста, городъ V 124, 126, 127.
Арифе V 199.

Арій I 19, IV 175.
Аркадій Импер. V 129.
Аркалія см. Акаръ.
Арменія IV 80.
Арнота монаст. V 33, 51, 78.
Арсеній (Сухановъ) архидіаконъ, келарь Троицкаго монаст. III 163, IV 35.
Арсеній Аккарскій V 186.
Арсенія св. Тверскаго монаст. близъ Твери IV 87.
Аръ-Расъ, селеніе V 189.
Архангелосъ см. Архангельскъ.
Архангельскій соборъ въ Кремлѣ III 106, 109, 129.
Архангельскъ (Архангелосъ) II 103, 197, III 54, 69, 70, 79, 80, 81, 149, 152, 164, IV 12, 13, 22, 101.
Асланъ - Хане (Львиный домъ) въ Константинополѣ I 24.
Аси рѣка (Оронтъ) I 4, 5, II 145, V 24.
Астрахань, городъ и область (Ажларханъ, Тургатмиштъ) II 151, 152, III 8, 60, 61, 62, 69, 75, 79, 82, 85, 148, 152, IV 12, 138, 139, 151, 173.
Ассамата см. Махаллэ-Ассамата.
Атла (Атаулла. Θеодоръ или Дороθей) хури (священникъ) въ Алеппо II 140.
Атъ Мейданъ, ипподромъ въ Константинополѣ I 22.
Ахмеда султана мечеть въ Констант. I 22, 23.
Ахмедъ-Гази V 127.
Ахмедъ-паша, сынъ визиря Кёпрюли V 155, 167.
Ахметъ Эльба V 133.
Ахмиль см. Хмель и Хмельницкій.
Ашъ-Шуверъ V 199.
Ашъ Шувефатъ, селеніе V 189, 199.
Аѳанасія Аѳонскаго лавра на Св. Горѣ V 53.
Аѳанасій Абудъ, христіанинъ-еврей, портарій V 54.
Аѳанасій епископъ Ябрула (свящ. Авраамъ Деръ-Атани) V 188.
Аѳанасій Ибнъ-Јаббасъ, патріарх. Антіох. V 188, 189, 190.
Аѳанасій см Ибнъ-Амиша.
Аѳанасій Пателярій (Паталаронъ) патріархъ Константин. I 38, 44, II 86, 178, III 14, 22, 56, 168, IV 123, 154.
Аѳанасій Абудъ см. Абудъ.
Аѳанасій, патріархъ Антіохійскій V 184.
Аѳанасія и Кирилла монастырь въ Кремлѣ III 2, IV 14.
Аѳанасія и Кирилла церк. въ Путивлѣ II 107.
Аѳонъ, также Св. гора I 80, 91, III 13, 137, 163, IV 39, 31, 54, 55, 56, 95, 96, 108, 114, 117, 147, 154, 175, 179, 188, V 12, 13, 33, 53, 59, 61, 104.

Б.

Баальбекъ (Иліополь) г. II 73; IV 187; V 167, 169.
Бабокъ см. Поповка
Багдадъ III 58, 82, 150, IV 10, 105; V 74, 192.
Багзана см. Богдана.
Баезидъ султанъ III 68.
Базавенгъ, гор. I 10.
Базоджикъ (Базарджикъ), гор. I 10.
Базарджикъ см. Базоджикъ.
Базаръ (Бая?) гор. V 39, 40.
Байланъ (Бейланъ), гор. I 5, V 133.
Байрамъ-Паша-ханъ (пост. дв.) I 6.
Бакеу, округъ V 3.
Балаклея IV 194.
Балкамъ см Альгамъ
Балановка (Баланоука) II 17.
Балкови см. Вилковъ.
Балодоросъ см. Фердинандъ.
Балыкъ-Базаръ, часть гор. Бруссы I 12.
Банкосъ V 134.
Бано архонтъ (Триполье) II 39.
Банокиркишъ сел. V 59.
Бареншъ II 35.
Баодранъ II 35.
Бари гор. (Итал.) IV 16.
Барозофо (Березина) рѣка IV 46.
Барса (вѣр. Парсы) III 80.
Басань (Басани) II 82.
Бассараба, Нягое, валашск. воевода V 10, 66.
Басынъ V 199.

Батиръ V 199.
Батфуди (Поддубовка) II 83.
Бахчисарай III 75.
Башня вѣсовъ въ г. Тырговшитѣ I 126.
Башъ Куббе мостъ въ Алеппо V 146.
Баязета султана мечеть I 26.
Бейланъ см. Байланъ.
Бейрутъ или Берутъ V 162, 166, 187, 189, 199.
Бекташъ I 146.
Бекфея д. II 35.
Белайденъ (Булвуденъ) I 10.
Белаша, супруга господаря молд. Константина V 17, 32.
Белемендъ монаст. въ Триполи IV 158, V 70.
Берутъ см. Бейрутъ.
Бехрамъ-Паша, бани въ Дамаскѣ I 12.
Бечъ см. Вѣна.
Біавофа (Папфалва), крѣп. V 103.
Бизари, дер. V 129, 130.
Билирмунъ, дер. V 145.
Бискови, дер V 130.
Бискинта II 35.
Бириджи см. Проти.
Бирладъ I 46, 47, 110, 152.
Благовѣщенія церк. въ Казани III 125.
Благовѣщенія церк. въ Карачевѣ II 130.
Благовѣщенія церк. въ Кремлѣ III 16, 19, 59, 92, 98, 106, 107, 115, 128, 130, 165, 186, 194, IV 22, 29, 39, 41, 45, 50, 120, 138, 155. 156, 176.
Благовѣщенія церк. въ Юрьевѣ мон. бл. Новгорода IV 85.
Благовѣщенія церк. въ Н.-Спасскомъ мон. IV 147.
Благовѣщенія церк. въ Никольск. м. въ Новгородѣ IV 78.
Благовѣщенія церк. въ Печерскомъ монаст. II 46, 57.
Благовѣщенія церк. въ мон. Синаго (Цнагогъ) въ Валахіи V 66.
Благовѣщенія церк. въ Хутынскомъ монаст. IV 80.
Благовѣщенія Ватопедскій мон. см Ватопедскій.
Богазъ, замокъ близъ Бейнана V 133.
Богазъ (или Босфоръ) I 30, 34.
Богдана (Багзана), гор. V 3, 4.
Богоматери (см. также ниже Владычицы) Милосерд. церк. въ Галатѣ I 28.
Богоматеря монаст. въ Путивлѣ II 113, 114.
Богоматери Ржевской церк. въ Москвѣ IV 43.
Богоматери церк. въ Неохори I 33.
Богоматери Хрисопиги (Золот. источн.), церк. въ Галатѣ I 27
Богоматери церк. въ Кумъ-Капу. I 22.
Богоматери церк. въ Саматѣ I 32.
Богоматери церк. въ Богуславѣ II 32.
Богоявленія монаст. въ Кіевѣ IV 186.
Богоявленія монаст. въ Москвѣ III 143.
Богоявленія церк. въ Голутвинск. монаст. II 143.
Богоявленія церк. въ Моданирѣ I 13.
Богуславъ (Богуслафи) II, 32 ,36, 37.
Бода (Боза?) крѣп. V 101.
Бодомъ, Бодумъ, Бодунъ см. Будумъ.
Божарска см. Печерскій монаст.
Бокофи см. Быковъ.
Болдаревъ (Бумбури) монаст. на Окѣ II 138.
Болгарія I 42, 62, 68.
Болли, гор. V 112.
Болховъ, базаръ (торг. пункт.) II 130, 131, IV 163, 168, 182, 183.
Борисополь IV 189.
Борисъ (Давидъ), сынъ Владпміра св. кн. русск. IV 189. 190.
Боровицкія ворота см. Іоанна Крестовор.
Боръ, селеніе I 7, 26.
Боснія V 42.
Босра V 185.
Боянъ, государ. сановникъ въ Валахіи V 45.
Браиджа сел. (Бравичи) I 153.
Браиловъ, гор. I, 38, 44, 45, V 75, 94, 99.
Бранковanъ сел. V 50.
Бранкованъ Успенія монаст. V 50, 51.
Братошана сел. V 50.
Брашовъ (Кронштатъ) V 79, 83, 101.
Бриллука см. Прилуки.
Бровары (Бробари) сел. II 81.

Брутанія остр. (вѣр. Брацца, Brattia) I 131.
Брутники (Прудки?) II 121.
Брусса I 10, 12, 14, 52, V 102, 103, 120, 131.
Бугъ, рѣка (Бухо) II 17.
Буда, гор. Будумъ, Бодумъ, Бодомъ, Бодунъ, V 10, 21, 37, 38, 42, 72, 91.
Будумъ см. Буда и Виддинъ.
Бузбурунъ, ханъ I 13, 41.
Бузео см. Бутза.
Бузъ оюкъ I 10.
Букарештъ V 59, 60, 62, 76, 78, 82, 85, 94, 95, 98, 99.
Буки гор. II 28, IV 194.
Буковецъ св. Николая монаст. V 49, 57.
Булфаражъ см. Поливрасъ.
Бурджъ, гор. V 142.
Бурну-Серай I 30.
Бутза (Бузео) г. I 113, 119, 133, 138, 152, V 5, 66, 76.
Бутиблія см. Путивль.
Бутурлинъ Василій III, 147; IV 86, 114, 115, 116, 140.
Бухарештъ I 149.
Бухо см. Бугъ.
Бшара (Евангелій)—бенъ-Габріилъ, житель г. Хирдейна II 139.
Быковъ (Бокофи) II 82.
Бырновскій, воевода I 68; монастырь, имъ построенный (Бырновскаго) I 48, 67, 68, 80, 153.
Быстрица монаст. V 31, 33, 35, 36, 51.
Быстрица рѣка V 31.
Бѣлевъ гор. II 132, IV 162, 182.
Бѣлая Россія см. Литва.
Бѣлая стѣна въ Кремлѣ IV 7, 8.
Бѣлградъ III 150, V 42, 90, 100, 103.
Бѣлое море (Архипелагъ) I 30, III 150, V 69, 71, 104.

В.

Вавилонъ IV 18.
Вади-атъ-Тимъ V 188.
Важна (Фажна) II 18.
Валахія I 11, 17, 42, 46, 53, 54, 61, 62, 65, 84, 86, 87, 89, 97, 98, 100, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 121, 124, 126, 137, 138, 140, 142, 146, 148, 152, II 14, 16, 30, 33, 34, 95, 105, 112, 115, 117, 118, 124, 127, 128, 135, 159, 171, 187, 191, III 5, 24, 54, 132, 137, 155, 163, 169, IV, 17, 138, 144, 162, 167, 170, V 5, 8, 9, 10, 12, 14, 21, 22, 27, 35, 37, 38, 42, 61, 69, 72, 81, 83, 91, 92, 93, 99, 103, 117, 141, 142, 167.
Валиде бани въ Констант. I 25, 30.
Ванъ III 150.
Варвара св. Бальбекская (Иліопольская) II 73; IV 187.
Варлаамъ, митр. въ Яссахъ I 69.
Варлаама Хутынскаго монаст. V 31, 60, 78, 80, 82, 109.
Варлаама св. монаст. въ Румеліи V 49.
Варна гор. V 111.
Варшава IV 66, 100, V 20.
Ватопедскій монаст. въ честь Благовѣщенія, на Св. горѣ V 53, 54.
Василико см. Васильковъ.
Василій (Іоано-Василій Лупулъ), господарь (онъ же воевода) молдавскій I 15, 26, 38, 44, 50, 56, 58, 67, 68, 69, 75, 77, 86, 87, 88, 89, 92, 93, 94, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 114, 115, 124, 137, 138, 148, 151, 152, 153, 154, II 10, 13, 25, 26, 34, 81, 85, 87, 95, 176, 177, III 15, 27, 95, 132, 139, 155, IV 51, 123, 193, V 2, 5, 23, 65, 84.
Василій Македонянинъ греч. импер. II 6, 34, 56, 118, 190; III 48, 75, 85, IV 47, 187.
Василій (Мустафа) I 54.
Василій Іоан., царь (вел. кн.) Русскій IV 7, 42, 50.
Василія воеводы (господаря) монаст. въ Богданѣ (Багданѣ) V 4; въ Тырговиштѣ I 124.
Василія блаж. церк. въ Москвѣ II, 174 см. Вербнаго Воскресенія и св. Троицы.
Васлуй / Василури } гор. I 47, 63, 79, 110, 152.

Вастанаходжа гор. I 45.
Васильковъ (Василико) гор. II 40, 82.
Введенія мон. въ Коломнѣ II 146.
Введенія церк. въ Сѣвскѣ II 123.
Введенія церк. въ Москвѣ III 115.
Введенія монаст. въ Торжкѣ IV 59.
Введенія церк. въ Синопѣ V 116.
Введенія монаст. на Окѣ II 138.
Введенія церк. въ монаст. Арджишъ V 9.
Великая церк. въ Печерск. монаст. II 46—53.
Великая Россія II 177, 190, III 142, IV 12.
Венгрія I 93, 100, 108, III 148, 149, V 3, 5, 33, 38, 75, 78, 79, 81, 82, 83, 91.
Венеція I 109, 149, IV 101, V 8, 72.
Вербнаго Воскр. и св. Троицы церк. (соборъ Василія Блаж.) въ Москвѣ IV 3.
Верещь, селеніе V 64.
Веспасіанъ, римск. имп. II 40.
Видднинъ (Будумъ) городъ III 150, V 10, 42, 50.
Вилковъ (Балкови), посадъ V 104.
Вильно, гор. III 171, IV 46, 65, 66, 69, 116, 118.
Висячая мечеть въ Дамаскѣ III 60, 109.
Вишино см. Выхино.
Вишневецкій (Фишнафаске) II 25, 83, 84.
Виѳанія III 178.
Виѳлеема церк. II 52.
Виѳлеемъ III 31.
Владиміръ, гор. IV 40 47.
Владиміръ, царь русскихъ (равноап., вел. кн. Кіевск.) I 64; II 6; III 48, 75; IV 47, 71.
Владиміра царя церк. въ монаст. Саввы Новгор. IV 132.
Владычицы церк. въ Константинополѣ I 29, 30.
Владычицы церк. на о. Проти I 14.
Владычицы церк. въ Палати (въ Константинополѣ) I 32.
Владычицы церк. въ Галацѣ I 45.
Владычицы церк. въ Бырладѣ I 46.
Владычицы монаст. (Барноска или Бырновскій) I 48.
Владычицы церк. въ Мясковкѣ II 15.
Владычицы церк. въ Степановѣ II 18.
Владычицы церк. въ Маньковкѣ II 24.
Владычицы церк. въ Лисянкѣ II 29.
Владычицы церк. въ Медвинѣ II 30.
Владычицы Платитера (Знаменія) церк. въ Сѣвскѣ II 123.
Владычицы Одигитріи церк. въ Н.-Спасскомъ монаст. IV 147.
Владычицы церк. въ Эносѣ V 123.
Власій, митр. въ Яссахъ I 81.
Влахерны источникъ I 32.
Водяныя ворота (Фодали фрата) въ Кремлѣ IV 6, 117.
Воздвиженія креста церк. въ Умани II 22.
Воздвиженія церк. въ Печерск. монаст. II 46, 54.
Воздвиженія церк. въ Бизари V 129.
Воздвиженское село (Здфижни) IV 24.
Вознесенія церковь въ Умани II 22.
Вознесенія женскій монаст. въ Печерск. лаврѣ II 58.
Вознесенія церк. въ Путивлѣ II 107.
Вознесенія монаст. въ Сѣвскѣ II 123.
Вознесенія монаст. на берегу Оки II 133.
Вознесенія женскій монаст. въ Москвѣ III 5, IV 17, 120, 145, 176.
Вознесенія церк. въ Синопѣ V 117.
Волга, рѣка II 142, 152, III 60, 76, 88, IV 2, 58, 59, 87.
„Волны" св. Николая монаст. (нѣтъ на тепер. картахъ) V 65.
Вологда III 62.
Волхово озеро см. Ильмень.
Волховъ рѣка IV 89.
Волчья рѣка V 123, 127.
Воскресенія монаст. въ Констант. I 14, 20.
Воскресенія церк. въ Умани II 22.
Воскресенія церк. въ Обуховѣ II 40.
Воскресенія церк. въ Печерск. мон. II 46.
Воскресенія церк. въ Путивлѣ II 106.
Воскресенія церк. въ Сѣвскѣ II 123.
Воскресенія церк. въ Калугѣ II 135.
Воскресенія церк. въ Коломнѣ II 146.
Воскресенское подворье въ Констант. III 111.

Воскресенія храмъ въ Іерусалимѣ III 192, IV 23, 24, 44.
Воскресенія монаст. близъ Новгорода IV 80.
Воскресенія монаст. близъ Твери V 87.
Воскресенія церк. въ Переяславѣ IV 191.
Входа Господ. въ храмъ (Срѣтенія) церк. въ Васпльковѣ II 42.
Входа Христа церк. въ Сѣвскѣ II 123.
Входа въ Іерус. церк. въ Коломнѣ II 151.
Выдубецкій (Мих. Арх.) монаст. въ Кіевѣ IV 188.
Высокая Порта I 24.
Высоцкій монаст. во имя Рождества Богородицы на рѣкѣ Окѣ II 138.
Выхино (Вишино) II 202.
Вышній Волочекъ IV 60, 87.
Вѣна (Бечъ) V 42.
Вязовокъ IV 194.
Вязьма II 179, III 3, 137.

Г.

Гавріилъ, архимандр. уполн. въ Грузіи V 198.
Гавріилъ, архіеп. сербск. I 114, 122, II 118.
Гавріилъ, діаконъ I 2.
Газа V 118.
Галанза см. Галацъ.
Галата, предмѣстье Константинополя I 20, 25, 26, 27, 33, 38, 39, 49.
Галата мон. въ Яссахъ I 65, 68, 73, 74, 78, 79, 95, 97.
Галацъ I 34, 44, 45, 49, 57, 98, 109, 110, 111, V 2, 93, 94, 95, 99, 100, 101, 104, 105, 107, 114.
Галутфуни см. Голутвинъ.
Гарадпсъ, монаст. V 80.
Гельмязовъ, мѣстечко IV 191.
Георгій (Ракочи), кор. венгровъ I 87, V 22, 72.
Георгій, сынъ Самора, шейхъ V 188.
Георгія св., рукавъ Дуная.
Георгія ц. въ Мон. Арджишѣ V 9.
Георгія ц. въ дер. Бизари V 130.
Георгія мон. въ Букарештѣ V 60, 61.
Георгія св., мон. въ Галатѣ I 49.
Георгія св., ц. въ Гоголевѣ II 82.
Георгія, ц. въ Иваницѣ II 93.
Георгія, ц. въ Каширѣ II 138.
Георгія св. ц. въ Константинополѣ I 15, 18.
Георгія, церковь въ Кымполунгѣ V 85.
Георгія, ц. въ Медвинѣ II 30.
Георгія св., церковь въ Моданирѣ I 13.
Георгія св. и Саввы ц. въ Неохори I 33.
Георгія св., ц. около Новгорода IV 68, 85, 109, 131.
Георгія, ц. въ Печерск. монаст. II 46.
Георгія св., ц. на остр. Проти I 14.
Георгія св. ц. въ Путивлѣ II 98, 107.
Георгія св., ц. въ Саматѣ I 32.
Георгія, ц. въ Сивасѣ V 131.
Георгія св., ц. въ с. Тераніи близъ Константинополя I 34.
Георгія, ц. въ Тырговиштѣ I 147.
Георгія, св., ц. въ Фолари I 41.
Георгія Хмерэ, монаст. IV 158.
Георгія св., ц въ Яссахъ I 100.
Гераклій, импер. греч. IV 20.
Герасимъ, митрополитъ. V 139.
Герасимъ, митроп. Зебданскій V 165, 167.
Гергица (городъ) V 91.
Герзе, городъ V 122.
Германія. I 109, III 78, IV 136.
Германъ патр. Іерусалим. V 187.
Гика. господ. молд. V 90, 96, 101,
Главочокъ — Благовѣщенскій мон. въ Валахіи V 59.
Глѣба ц. въ Борисополѣ.
Глѣбъ (Романъ) сынъ Владиміра св. IV 190.
Гоголевъ (Хохола) сел. II 81.
Голешти дер. V 9.
Голія мон. въ Яссахъ I 59.
Голландія III 78, 148.
Голутвинъ (Галутфуни), мон. II 141.
Городище (Хородишъ), село II 127.
Городока см. Орадовка.
Горячковка (Хораджкоука) II 14.
Готрарипъ гор. I 4.
Градиште сел. V 63.
Греція I 88, IV 17, V 151.
Григорій св., еписк. Арменіи I 19.

Григорій, митр. Кесаріи I 59.
Григорій, митроп. Хауранскій V 165, 197.
Григорія св. ц. въ дер. Бизари V 130.
Григорія св. ц. въ Хутынскомъ мон. IV 80.
Григорія мон. на св. Горѣ. V 54.
Грузія I 42, II 52, III 49, 82, 83, 84, 85, 103, 149, 150, 163, IV II, V 113.
Гура-Мотро св. Параскевы мон. V 44, 51.
Густынскій Троицкій монаст. (Кустини Троица) II 85. 86, IV 184.
Гюзель-Эфенди (Папа Теодосп), игуменъ мон. Голіи въ Яссахъ I 56, 74.

Д.

Дабижа, великій ворникъ молдавскій (министръ юстиціи) V 5.
Давидъ. сын. Теймуразъ-хана III 83, 84, 170, 173.
Давидъ, митр. кадишскій I 37.
Дадьянъ Раисъ (Калокари и Теодори) I 33.
Дамаскъ, гор. I 1, 6, 12, 124, II 54, 139, III 15, 60, 109, IV 26, 138, 158, V 74, 78, 99. 137. 142, 145, 147, 148, 150, 151, 152, 154, 155, 161, 165, 166, 167, 168, 171, 173, 177, 178, 182, 184 — 191, 194, 197—199.
Дадьянъ, страна I 81.
Даміэтта гор. V 108.
Даніилъ, пророкъ I 19.
Данскъ (русск. Гданскъ) II 176, Данцигъ IV 136.
Дарданеллы V 96,
Деликли Кайя, гора V 135.
Делиръ-Джибн, часть гор. Бруссы I 12.
Дервишъ-Мохаммедъ, паша I 146.
Дерендэ V 136, 137, 142.
Джакутъ рѣка I 6.
Джанбулатъ, курдская фамилія: Джанбуладъ-оглу V 121; Али Джанб. II 139; Хусейнъ Джанб. II 139; V 122.
Джаникъ, городъ V 123.
Джаферъ-Паша, гор. I 6.
Джеба-Хане (оружейн. палата въ Конст.) I 24.
Джебиле I 4.
Джебель Семанъ см. Симеона св. гора.
Джелали Хасанъ-паша V 119, 120, 122, 126, 133, 134, 141, 148, 155.
Дженезари мечеть V 150.
Джиганъ рѣка V 137, 138, 140, 141.
Джисръ Альбарнасъ I 5.
Джисръ Аль-Джедидъ (новый мостъ) мостъ на р. Аси I 4.
Джихунъ (Эль-Джиханъ) рѣка I 6.
Диванъ въ Константинополѣ I 24.
Дильгадиръ, князь туркменовъ V 138.
Димитрашкобо см. Дмитрашевка.
Димитрій сын. Алексія ц. Московскаго III 15, IV 88.
Димитрій виноторгов. (изъ Спріи.) V 50.
Димитрія св. ц. въ Бырлакѣ I 46.
Димитрія св. ц. въ Галатѣ I 28.
Димитрія св. мон. въ Галацѣ V 100.
Димитрія св. ц. въ Галацѣ I 44, 45.
Димитрія св. ц. въ Дмитрашовкѣ II 4.
Димитрія св. ц. въ гор. Крайовѣ V 49.
Димитрія св. ц. въ Палати (Балата) I 32.
Димитрія св. ц. на остр. Проти I 14.
Діарбекиръ V 117.
Dintr' un lemn, монастырь см. „Кусокъ дерева".
Діонисія мон. на Аѳонѣ V 53,
Димитрашовка (Димитрашкобо) II 4, 14.
Днѣпръ (Нибросъ) II 8, 25, 40, 50, 53, 56, 72, 74, 75, 76. 77, 81. 83, 176, 177, 179, 190, III 48, IV 184. 185, 188, 189, 190, 192, 193, V 20.
Днѣстръ (Нистросъ) II, IV 195; V 1.
Добрень сел. (недалеко отъ Букареста) V 62.
Добруджа V 91, 106.
Домны монаст. V 2.
Донъ рѣка IV 141, V 113.
Доргаштъ (Тырговиштъ) I 97, 114, 124, 139 146, 148, 149, V 5, 8,

15, 23, 24, 35, 39, 47, 54, 60, 66, 67, 75, 76, 77, 78, 83, 84, 96, 98.
Дороѳей, патріарх. Антіох. (изъ Седная) V 186.
Дороѳей, патр. Антіох., Ибнъ-ес-Сабунп V 187.
Дороѳей, патр. Антіох., Ибнъ-Ахмара II 139; V 188.
Дороѳей, митроп. Монемвасійскій V 186.
Дороѳей Дау, митроп. Трипольскій см. патр. Іоакимъ.
Дохіарій, монаст. на св. Горѣ. V 53.
Драгошинъ (Дрегошаны?) въ честь Троицы монаст. V 59.
Дунай I 41, 42, 43, 44, II 81, III 54, V 10. 15, 21, 36, 39, 40, 42, 56, 57, 63, 70, 74, 75, 78, 81, 91, 93, 94, 100, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 111, 114.
Духа св., ц. въ мон. св. Георгія IV 85.
Духа св., монаст. въ Новгородѣ. IV 80, 82.
Духа св., ц. въ Путивлѣ. II 106.
Духа св., ц. въ Троицк. (Сергіевомъ) монаст. IV 32.
Дымбовица, рѣка V 60, 64, 78.
Дѣва см. Пареѳено.
Дѣвичій монаст. въ Москвѣ III 165, IV 49, 51, 57, 120, 145, 151.
Дѣвичья башня см. Кызъ-Кулеси.
Дялуль, св. Николая, монаст. близъ Тырговшита V 16.
Дщери, монастырь св. Іоанна Новаго (въ Яссахъ) I 99.

Е.

Ева III 80.
Евгенія и дружины его церковь въ сел. Боръ I 7.
Евдокія Алексѣевна, царевна, дочь ц. Алекс. Мих. III 13, 20, 44, 84, 134, IV 153.
Евдоксія. царица III, 132.
Европа III 37, 188.
Евстратій, постельникъ V 98.
Евѳимій (Мелетій Карама, митроп. Алеппскій), патр. Антіохійск. V 190—192.
Евѳимій (Мелетій Хіосскій), патр. Антіохійск. I 2, II 112, V 143, 161, 191, 192, 193, 196.
Евѳимія В. ц. въ Никол. мон. близъ Новгор. IV 78.
Египетъ I 127, 146, III 68, 163, V 42, 112, 113, 149, 154, 167, 183, 188.
Еди-Куле, см. Семь Башенъ.
Екатерина, супруга господ. молдав. Василія I, 15, 50 75, 77.
Екатерины св. ц. въ Москвѣ III 115.
Екатерины св. мон. въ Букарештѣ V 61.
Елена, супр. господ. валашск. Матѳея I 15, V 64.
Елена, мать импер. Константина III 188.
Елена, жена Давида, сына Теймуразъ-хана III 85, 87, 170, IV 130.
Еменъ III 150.
Ени-Каплыджа. бани въ Бруссѣ I 12.
Ени-Кёй (Неохори) I 33, 34, 37, 40, III 11, 91.
Ени-ханъ см. Мухаммедъ-паша.
Ени-Шехръ I 10, V 131.
Ес-Самаканія V 199.
Ефремъ, митр. Хамы (Епифаніи) V 186.
Еш-Шувефатъ см. Ашъ-Шувефатъ.

Ж.

Жабатъ Асаль, округъ V 197.
Жабокрпзъ (Жабокричь) II 15, 16.
Жаботинъ IV 194.
Жанка (Чайки) село II 127.
Жванецъ IV 5.
Женскій рынокъ см. Авретъ-Базаръ
Живоносный источникъ (Зоотопиги) въ Константинопп. I 32.
Жижа (Зиза), рѣка I 153.
Жиржисъ Ибнъ-Саморъ, шейхъ въ Дамаск. см. Георгій.
Житьянь монаст. V 50, 56, 57.
Жудабп см. Чудовъ мон. II 140.
Журжево, гор. V 75.

З.

Задра } V 42, 72.
Зара }
Захальте V 199.

Захарово, дер. II 123,
Здфижни см. Воздвиженское село.
Зейтунъ, гор. I 5, V 139, 140, 141.
Зеновіосъ (Зиновій) см. Хмельницкій.
Зиза см. Жижа.
Зиновій, гетманъ см. Хмельницкій.
Златоустъ см. Іоаннъ Злат.
Змѣиный островъ V 111.
Знаменія ц. въ Симонов. м. IV 149.
Зографу монаст. на Аѳонѣ. V 54.
Золотаренко (Золоторинскосъ), полков. у Хмельницкаго III 144, 147.
Золотой источникъ (Хрисопиги) I 38.
Золотоноша IV 192.
Золоторинскосъ см. Золотаренко.
Золотыя ворота въ Кіевѣ II 64.
Зоотопиги см. Живоносн. источн.

И.

Ибнъ-Амиша см. Аѳанасій.
Ибнъ-Ахмара см. Дороѳей патр.
Ибнъ-Даббасъ см. Аѳанасій и Кириллъ патріархи.
Ибнъ-Джумъ см. Іоакимъ патр.
Ибнъ-Жамблатъ см. Джанбуладъ.
Ибнъ-Зіяда см. Іоакимъ патр.
Ибнъ-ес-Сабуни см. Дороѳей патр.
Ибнъ-Маанъ Фахруддинъ эмиръ см. Фахруддинъ.
Ибнъ-уд-Дибъ V 164.
Ибнъ Хпляль, еписк. Кары V 188.
Ибрагимъ, султанъ IV 57, 144, V 26, 74, V 193.
Иванп (сальджаръ, великій служарь) I 49, 54.
Иваница (Яваница), сел. II 93.
Ивановская колокольня въ Москвѣ III 109.
Иванополисъ I 111.
Иванъ Ивановичъ, стольникъ при ц. Ал. Мих. IV 166.
Иванъ (Яни) свящ. IV 28, 29.
Иванъ, царь Моск., см. Іоаннъ Грозный.
Иверскій Валдайскій мон. IV 57, 58, 61, 65. 86, 119, 179.
Иверскій мон. на Аѳонѣ IV 54, 55, 56, V 53, 61.
Иглица, см. Инпклица.
Игнатій, митрополитъ г. Тырговпшта I 114, 138, V 24.
Игнатій, митр. Валахіи V 35.
Игнатій, патр. Антіох., Атыетъ (б. митр. Сидонск.) V 189.
Игнатій, патр. Антіох. V 185.
Игнатія, ц. въ Лисянск. Троицк. мон. IV 194.
Изаръ (Инсаръ) III 88.
Изминиковъ (на картахъ нѣтъ) II 121.
Или Варасп, рѣка V 126.
Иліп св. ц. въ Букахъ II 28.
Иліи ц. въ Москвѣ IV 40.
Иліп ц. въ Путивлѣ II 107.
Иліи ц. въ Субботовѣ IV 193.
Иліп ц. въ Хутынск. монаст. IV 80.
Илія, Константин. патр. V 187.
Илія, Антіох. патр. латинск. V 184.
Илія, свящ. въ Кіевѣ II 66.
Илія ходжа, дядя діак. Павла V 145.
Ильмень (Волхово) озеро IV 67.
Имадикина (Емадыкина) II 119.
Индія II 178.
Инеболп, гор. V 113.
Иниклица (Иглица), болг. селеніе I 42.
Инклитара, остр. (Англія) III 80.
Ипекъ, гор. II 118.
Ирина Михайловна, дочь ц. Михаила Ѳед., сестра ц. Алекс. Михайл. III 20, 89, 134.
Иса (Іисусъ) митроп. III 102, 106, 107, 115, 155.
Исай
Исайки } II 32.
Исакла см. Сакла.
Исакчи, крѣп. V 105.
Исидоръ, митр. Кіевскій II 17.
Искандерунъ (Александретта) I 5.
Исмаилъ, гор. I 38, V 105, 106.
Исмаилъ, сынъ Хайдера, шахъ III 68.
Исмаилъ см. Смилъ.
Исмилъ I 8.
Исламъ-Гирей, Крымск. ханъ IV 5.
Испанія III 74, 79.

І.

Іеменъ V 149.
Іеремія, митр. Аккарскій II 112, 114.

Іеремія, патр. Констант. II 65, III 18, IV 104, 187.
Іеремія, митр. Силонскій V 169.
Іероѳей, патр. Антіохійскій V 184.
Іерусалимъ I. 49, II 67, III 31, 137, 163, 178, 202, IV 23, 24, 30, 31, 62, 71, 156, 157, V 27, 61, 118, 152, II 18, 19, 22, 24, 27, 28.
Іисуса Хр. пер. въ Галатѣ I 28.
Іисуса Хр. цер. въ Кады-Кей I 29.
Іоакима и Анны, цекр. въ Новгор. IV 81.
Іоакимъ, патр. Александр. V 187.
Іоакимъ, патр. Антіох. V 186.
Іоакимъ, патр. Антіох. V 187.
Іоакимъ, Ибнъ Джумя, патріархъ Антіох. V 187, 188.
Іоакимъ (Дау, Дороѳей, митр. Трипольск.), патр. Антіох. III, 13; IV, 187; V 181, 188.
Іоакимъ, Ибнъ-Зіяда (б. митр. Эмесск.) II 139, V 181, 188.
Іоакимъ, патр. Іерусалимск. V 186.
Іоакимъ, списк. Ябрудск. V 186.
Іоакимъ, митр. Босры V 186.
Іоано-Георгица Стефанось см. Стефанъ воевода.
Іоанна Богосл., церк. въ Галатѣ I 28.
Іоанна Богосл., церк. въ Синопѣ V 117, 118.
Іоанна Богосл., церк. въ Троицк. монаст. IV. 192.
Іоанна Евангел., церк. въ Бруссѣ I 12.
Іоанна Евангел., церк. въ Путивлѣ II 107.
Іоанна Евангел., церк. въ Москвѣ III 172
Іоанна, церк. въ монаст. Саввы Новаго IV 132, 133.
Іоанна Златоуст., церк. въ Галатѣ I. 28.
Іоанна Крест., (Боровицкія) ворота IV 178.
Іоанна Крест., монаст. въ Бухарештѣ V 61.
Іоанна Крест., монаст. въ Сизеболѣ V 111.
Іоанна Крест., монаст. въ Тулѣ II 196.
Іоанна Крест., ц. въ Антоніев. мон. IV 76.
Іоанна Крест., церк. въ Галатѣ I 28,
Іоанна Крест., ц. въ Константинопол. I 24.
Іоанна Крест., церк. (въ Кумъ-Капу) I 26.
Іоанна Крест., церк. въ Синопѣ. V 17, 18.
Іоанна Крест. перваго Обрѣтенія главы церк. см. Обрѣтенія главы.
Іоанникій, патр. Константинопол. I 38, 39, 58.
Іоаннъ Грозный, царь III 13, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 69, 75, 79, 88, 89, 102, 107, 108, 114, 138, 149, 155, IV 7, 30, 32, 38, 50, 88, 113, 150, 167.
Іоаннъ Златоустъ I 14, 21, 24, 29, 38, 111, 131, III 132, IV 128.
Іоаннъ Кантакузенъ I 91.
Іоаннъ, митр. Евхаитскій V 186.
Іоаннъ (Мухаммедъ), сынъ султ. Сибир. III 138.
Іоаннъ свящ., отецъ Павла Алеппскаго (патр. Макарій) V 191.
Іоаннъ, царь Визант. V 186.
Іоасафъ, митр. Кары V 197, 199.
Іовъ, воевода въ Бѣлевѣ II 132.
Іона, митр. Московскій III 49, IV 14.
Іорданъ, рѣка III 31.
Іосифъ, архіеп. Астраханскій IV 172.
Іосифъ, архим. въ Кіевѣ II 45.
Іосифъ, митр. Аккерскій V 193.
Іосифъ, митр. Крутицкій IV 174.
Іосифъ, патр. Констант. V 186.
Іосифъ, патр. Московскій III 47, IV 42.

К.

Кабрскія ворота въ Констант. I 14.
Каварна, пристань V 110, 111.
Кадручанъ (Калдурушанъ) монастырь V 65.
Кады-Гюнъ см. Халкедонія.
Кады Кёй см. Халкедонія.
Кадыри-ага, онъ же Кадырп-паша (сейменъ-чаушъ), министръ V 74, 90, 92, 96.

Казаковъ страна I 11, 46, 50, 62, 65, 95 II 13, 7, 8 IV 17.
Казанскій соборъ въ Москвѣ IV 42.
Казанск. область II 151, 180 III 8, 59, 60, 62, 64, 75, 81, 87, 88, 89, 125, 148, 152. IV 12, 42, 138, 139.
Какси, дер. V 128, 130.
Калатъ-эль-Хуснъ, крѣп. V 13.
Каліакра V 110.
Калиноскe / Калиновскій } II 25, 26, 39.
Калуга II 133, 134, 135, 136, 137, 139, 171, 180 III 24, IV 27, 95, 162, 168, 182.
Калуйу монаст. во имя св. Николая V 57, 58.
Каманица / Каменецъ } крѣпость I 87, 94, 98, 108, II 9, 11, 148 IV 88, 114, 115.
Камшура, Введ. Владычицы, монаст. V 60.
Камышханъ I 54.
Кангалъ V 135, 136.
Кантакузены I 150.
Капланъ-паша V 170.
Кара, гор. V 137, 184, 186, 193, 197.
Кара-Бунаръ см. Кара-Енаръ.
Кара-Богазъ, рѣка V 123.
Кара-Енаръ (Кара-Бунаръ) селеніе I 8.
Каражава см. Карачевъ.
Каракаль, сел. V 56.
Карама см. Евѳимій патр. (Мелетій Карама).
Караманъ Махаллэ I 31, 42 IV 184, V 111, 112, 127.
Кара-Ташъ (Сахръ-Аль-Асвадъ) скала въ устьѣ Босфора I 34.
Кара-Хусейнъ, правит. Алеппо V 197.
Карачевъ (Каражава) городъ II 130, IV 183.
Кара Языджи. V 132.
Караджа Эмиръ V 138.
Карби, пристань V 111.
Карнъ Капы I 5.
Каруба см. Крупецъ.
Касимовъ, гор. III 88.
Касимъ-Паша I 27.
Каспія (К. море) II 142, 152, III 61, 82.
Кастамонитъ, монаст. на Аѳонѣ V 54.
Кастамуни V 41.
Кастамунъ I 42.
Касторія гор. V 37.
Катерли селеніе I 13.
Катиръ Гильманъ Мейданъ въ Конст. I 29.
Кафа, гор. I 42; III 75, 149; IV 70, 141; V 106, 117.
Кафръ-Акабъ II. 35.
Кашира, гор. II 138, 153, 186, 197; IV 12, 158.
Кая-башъ, часть города Бруссы I 10.
Келизъ, гор. V 131, 133, 134, 142, 144, 145, 148, 196.
Кемени Янъ (Кимьяносъ), венг. воевода V 22.
Кёпрюли см. Мехмедъ-Паша.
Кесарія, гор. V 142.
Кесента, садъ въ Бруссѣ I 10.
Кесраванъ V 199.
Кефрбегимъ селеніе V 169.
Кимьяносъ см. Янъ Кемени.
Киннасринъ, ворота въ Алеппо V 8.
Кипріана и Іустины придѣлъ въ церкви въ Дамаскѣ V 160, 164.
Кипріана и Іустины ц. въ Бейрутѣ. V 188.
Кипріанъ, чел. Божій, юродивый въ Москвѣ IV 145.
Кипръ I 112 III 150, V 34, 185.
Кирванъ, селен. туркменъ I 8.
Кирилла св. Бѣлозерскаго монаст. въ Москвѣ (см. Аѳанасія и Кирилла Александр. мон.) III, 2; на Бѣл. оз. III 55, 89, 126, 147 IV 31, 170.
Кириллъ Александрійскій I 35, 38, 39, III 2 (монастырь см. Аѳанасій и Кирилла).
Кириллъ. еписк. Бейрутскій V 186.
Кириллъ Ибнъ-Даббасъ, патр. Антіох. V 181, 189, 190.
Кириллъ Испанецъ или Коса (греч. спаніосъ, тур. кёсэ, собств. рѣдкобородый), патр. Константинопол. I 38, 39, 40.
Киріака св. церк. въ Бырладѣ I 46.
Киріака св. церк. въ с. Катерли I 13.

Кириакасв. церк. въ Кумъ-Капу I 22.
Кириака (Недѣля), жена Константина воеводы Валахіи V 67.
Кириака церк. въ Синопѣ V 117, 118,
Китай (Мачинъ, Чинъ) II 68, 72, IV 137.
Китросъ гор. V 113.
Кіевъ, Кіюфъ II 6, 8, 13, 42, 52, 59, 64, 65, 67, 72, 74, 75, 76, 78, 81. 83, 137, 140, 143, 176, 177, 190; III 46, 48, 109, 148; IV 12, 68, 70, 115, 140, 158, 184, 185, 187, 189, 190.
Клавдіополисъ (Кладова, Фатхи Исламъ) V 42.
Кладова см. Клавдіополисъ.
Клементьевскій, Климинскп посадъ IV 25.
Климентъ, митроп. въ Моданирѣ I 12.
Клинъ IV 58.
Клокочевъ, мон. св. Михаила V 59.
Коби, мон. близ. Тырговишта. V 68.
Когарлыкъ (Кокарп), дер. II 38.
Козія, монаст. V 24, 25, 29, 31, 36, 39, 51, 64, 74.
Козлукъ-ханъ I 6.
Койень, сел. V 63.
Кокарп см. Когарлыкъ.
Коликъ, укрѣпленіе I 6.
Коломенка (Коломна), рѣка II 146.
Коломна II 135, 136, 139, 142, 143, 145, 151, 153, 180, 182, 183, 186, 197, 198. III 47, 62, 65, 91, IV 2, 12, 18, 60, 73, 158, 167.
Кольскій островъ IV 136.
Комана, въ честь св. Николая мон. V 63.
Комана V 128, 129, 130.
Комиссари. одинъ изъ правителей страны ляховъ II 25.
Кондоскали (Кумъ-Капу) I 21.
Константина В. св. импер. церк. въ Махаллэ-Ассамата I 31.
Константина и Елены мон. въ Бухарештѣ V 61.
Константина и Елены церк. въ Синопѣ V 116.
Константинопольское море II 182.
Константинопольскій полуостровъ V 115.
Константинопольскій проливъ V 111.
Константинополь I. 4, 11, 13, 14, 18, 19, 23, 25, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 35, 37, 38, 39, 41, 42, 44, 46, 51, 57, 59, 64, 87, 88, 89, 94, 104, 107, 126, 146, 149, II 65, 66, 72, 86, 95, 128, 137, 140, 151, 167, 173, 190, III) 11, 31, 38, 63, 70, 72, 83, 106, 116, 137, 148, 163, 169, IV 3, 7, 10, 70, 81, 138, 187, 193, V 13, 29, 30, 38, 51, 54, 68, 70, 71, 87, 88, 90, 100, 102 103, 107, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 126, 130, 131, 134, 136, 149, 184, 185, 189, 190, 192, 199.
Константинъ В., императ. I 23, 25, 31, III 142 145, 149, IV 96, V 54.
Константинъ Ефендикопуло I 136, 139, 140, 146, 148, 150.
Константинъ, господарь Валахіи II 33, IV 159, V 6, 17, 32, 35, 49, 51, 67, 72, 76, 78, 79, 80, 82, 83, 84, 89, 90, 91, 92, 96, 101, 142.
Константинъ Михайловичъ, Сѣвскій воевода II 121.
Константинъ киръ, постельникъ валашскаго господаря, потом. Кантакузеновъ I 150, V 27, 63.
Константинъ, отецъ діакона Гавріила I 2.
Константинъ, сынъ архидіак. Павла алепп. V 52, 144, 164.
Конія, гор. I 8, 84.
Корби Петра селеніе V 80, 82.
Корнистало (Корнизель) V 94.
Корыбутовъ (Корабута) II 93, 94, 95, IV 184.
Коса-Казонъ (Кёсэмъ-Кадынъ). мать султ. Мурада I 23.
Косяковъ (Кусаковъ) II 202.
Косьмы и Даміана церк. въ Городищѣ II 127.
Косьмы и Даміана церк. въ Карачевѣ II 130.
Косьмы и Даміана церк. въ Путивлѣ II 107.
Крайова, городъ V 42, 49, 55, 57.
Краковъ II 5, IV 100, V 20,
Крапивна, сел. II 93.

Красна св. Николая монаст. V 35.
Краснобула / Краснополка } II 24.
Красное море II 34, III 150.
Красный, городъ II 93, IV 123.
Креста св. монаст. близ. Іерусал. III 166.
Креста св. церк. въ Симонов. мон. IV 150.
Критъ V 74.
Кронштадтъ см. Брашовъ.
Крупецъ (Коруба) II 121.
Кришн Турти, старшина въ Модавирѣ I 12.
Крымъ III 75, 76, 152, 154,
Ксиропотаму, мон. св. горѣ V 54.
Кубули дер. V 126.
Кумъ-Капу I 21, 29.
Кустынн Тропца см. Густынскій монастырь.
Курдъ Кулакъ (Волчьи уши), постоялый дворъ I 5.
Курталмышъ, мон. въ честь Преобр. на Св. Горѣ V 54, 59.
Кусаковъ см. Косяковъ.
„Кусокъ дерева“ (Dintr'un lemn—по румын., Моноксило по греч.), монаст. на рѣкѣ Быстрицѣ V 31, 51.
Кучукъ-Ахмедъ паша въ Дамаскѣ V 199.
Кызъ-Кулеси (Дѣвичья башня) I 29.
Кызылъ-Богазь V 123.
Кымполунгъ, гор. V 14, 74, 75, 76, 79, 80, 82, 83, 84, 91.
Кыркъ-Гечидъ, рѣка I 6.
Кюстендже, Кюстенжи I 41, 42, V 110.
Кялдъ-Ханэ, мѣсто близъ Константинополя I. 26.

Л.

Ладакія / Ладакъ / Ладикъ / Лаодикія } I 4, 9 (также Литавернія).
Лазаря св. ц. въ Москвѣ III 173.
Лазарь, кн. Сербіи V 37.
Левъ Армянинъ греч. импер. III 131.
Левъ Великій, греч. импер. II 151, IV 54.
Леонтія св. ц. Ростовѣ III 125.
Леонъ (Левъ Томша), госп. Валахіи V 38.
Ливанъ, гора II 35.
Лигаридъ Паисій, митр. Газскій см. Паисій Хіосецъ.
Лиманія Костанза (Кюстендже) I 41, 42.
Лисинка / Лисянка } II 29, IV 194.
Литавернія см. Лаодикія.
Литва (Бѣл. Россія) IV 118, 119,
Лихвинъ, гор. II 132, IV 182.
Льва мудр., башня въ Конст. I 21.
Львовъ III 148, IV 114.
Люблинъ IV 115, 140.
Лясковска см. Мясковка.

М.

Маалула См. Малула.
Маанъ, друзскій родъ на Ливанѣ V 170, 172.
Маарет-ванъ (Мертаванъ), гор. I 4.
Маарра, округъ II 26, 83, II 32.
Мадфадканъ см. Медвинъ.
Мазаръ Сегри V 121.
Мазунія V 168.
Макарпстн ц. I 30. (т. е. Богоматери Преблаженной).
Макарій, еписк. Евхантскій см. Михаилъ, патр. антіох.
Макарій, еписк. Кары V 186.
Макарій, патріархъ Антіох. passim.
Максенцій, р. имп. III 145.
Максиминъ, р. имп. III 145.
Максиміанъ, р. имп. IV 96.
Максимъ, каѳоликосъ Грузинскій V 195.
Макука см. Маньковка.
Малая Россія II 6, 59, 63, 177, 190, III 142, IV 12, 47, 119.
Малатія селеніе V 136.
Малула см. Селевкія; ср. Маалула.
Мангалія V 110.
Мансоръ, свящ. въ Неохори I 33.
Мануилъ Комненъ, греческ. царь III 103, IV 52.
Маньковка (Макука) II 24.
Марашъ V 120, 139, 141.
Маржинень, монаст. V 76.
Маріи ц. въ Дамаскѣ.

Марія грузинка, жена Абшира-паши V 133.
Марія, дочь ц. Алексія Мих. III 13.
Марія, жена Радзивила IV 51.
Марія (Ильинична), царица, супруга царя Ал. Мих. I 15, II 4, III 157, 158, III 20, 134, 173, IV 130.
Маркъ, епископ. Седнайскій см. Михаилъ (Маркъ) патр. Антіох.
Маркъ, митр., ал-Хосна V 186.
Маркъ, патр. Антіох. V 185.
Маркъ, патр. Антіох. V 186.
Марѳа Алексѣевна, царевна, дочь ц. Алекс. Мих. III 20 134.
Матѳій. господ. валашскій I 15, 86, 87, 97, 98, 110, 114, 115, 118, 124, 131, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 146, 148, 149, II 10, 33, III 27, V 9, 14, 24, 27, 33, 35, 37, 38, 40, 43, 44, 42.
Махаллэ Ассамата (по греч. Пасоматія; кварталъ въ Константинопол. I 25, 31, 32.
Махаллэ Караманъ (по греч. Пасоматія; кварталъ въ Константинопол. I 25, 31, 32.
Махмудъ, паша Аланьи V 122.
Махмедъ-паша Кёпрюли, паша въ Дамаскѣ, потомъ вел. визирь V 69, 197.
Мачинъ см. Китай.
Мачинъ, г. на Дунаѣ I 43, 44.
Медвинъ (Мадфадканъ) II 30.
Медвѣдовка IV 194.
Мекка II 140.
Мелетій митр. Алеппскій (патр. антіох. Макарій, отецъ Павла Ал.) V 182, 192 и сл.
Мелетій, митр. Триполійск, V 148, 164.
Мелетій, митр. Хамы V 197.
Мелетій, патр. Александр. IV 187.
Мелетій, митр. Алеппскій, Карама см. Евѳимій патр. антіох.
Мелетій Хіосскій, иконописецъ см. Евѳимій патр. антіох.
Мелетій Спригъ см. Спригъ.
Меликъ-Ахмедъ, паша силистрійскій V 92.
Мельхиседекъ I 19.
Мепинъ V 194.
Миджаштъ Минзатешти, сел. I 153.
Микрара бухта (въ Мингреліи) I 42.
Мира, гор. III 56, IV 16, 123, 129.
Мира, жена хаджи Абдалла I 33.
Мирза Али V 119, 120.
Мирча воевода V 66.
Мисаилъ, архіеп. Рязани II 198.
Миссейисъ (Миссисъ) I 6.
Митрофанъ, митр. Алеппск. V 198.
Митрофанъ, сынъ свящ. Бишары V 142.
Михаила Арханг. мон. близъ Кіева см. Выдубецкій.
Михаила Арх. ц. въ Герзе. V 123.
Михаила и Гавріила архистр. ц. въ Богданскомъ мон. Василія воев.
Михаила св. крѣпость въ Архангельскѣ III 79.
Михаила св. мон. въ Іерус. I 49.
Михаила св. мон. въ Яссахъ I 79.
Михаила св. мон. Цинцарень см. Цинцарень.
Михаила ц. въ с. Бискави V 130.
Михаила ц. въ Борисополѣ IV 190.
Михаила св. ц. въ г. Буки II 28.
Михаила св. ц. въ мон. Быстрица V 32.
Михаила св. церковь въ Галацѣ I 45.
Михаила св. ц. въ Горячковкѣ II 14.
Михаила ц. въ Жабокричѣ II 15.
Михаила ц. въ Карачевѣ (Каражава) II 130.
Михаила ц. въ Краснополкѣ II 24.
Михаила ц. въ Лисянкѣ II 29.
Михаила св. церковь въ Лаодикіи (Литаверніи) I 9.
Михаила ц. въ Маньковкѣ II 24.
Михаила св. ц. въ Ободовкѣ II 16.
Михаила ц. въ Обуховѣ II 40.
Михаила ц. въ Орадовкѣ (Городока) II 19.
Михаила ц. въ Соболевкѣ II 17.
Михаила ц. въ Степановѣ II 18.
Михаила ц. въ Субботовѣ IV 193.
Михаила св. ц. въ Сѣвскѣ II 123.
Михаила ц. въ Умани II 22.
Михаила ц. въ Яссахъ I 49.
Михайловскій мон. въ Кіевѣ II 64, 72, 81. IV 187.
Михаилъ воевода V 58, 61.
Михаилъ, епископ. Забданскій V 186.
Михаилъ Ибн-ель-Маварди, патр. Антіох. V 187.

Михаилъ изъ Хамы (еп. Макарій Евхаитскій), патр. Антіох. V 188.
Михаилъ, митр. Босры V 185.
Михаилъ, патріархъ Антіох. († 6881 г.) V 185.
Михаилъ, патр. Антіох. сынъ Михаила, митр. Босры V 185.
Михаилъ патр. Антіох. (Маркъ еп. Седнайскій или Селевкійск). V 186.
Михаилъ, патр. Антіох. († 7051 г.) V 187.
Михаилъ полковникъ II 15.
Михаилъ, сынъ Импер. Ѳеофила I 21.
Михаилъ Ѳеод. царь Московск. II 7, 113, 140, III 18, 49, 84, 133, IV 11, 42, 44. 47, 143, 146.
Михня (Михаилъ), господ. Валахіи V 72, 87, 100, 101.
Могилевъ, гор. II 179, III 117, 139, 144, IV 51, 57.
Моданиръ (Муданія) I 12, 13.
Можайскій св. Николая мон. IV 91, 178.
Можайскъ IV 178.
Можука см. Мочулка.
Моисей, господ. Молдавіи II 68.
Молдавія I 11, 17, 33, 38, 41, 42, 44, 46, 49, 50, 51, 53, 54, 58, 61, 62, 65, 84, 87, 88, 89, 97, 98, 106, 108, 109, 110, 114, 115, 126, 128, 131, 138, 140, 146, 147, 148, 152, 154, II 1, 8, 9, 13, 15, 16, 33, 34, 40, 42, 68, 86, 95, 98, 108, 112, 117, 124, 126, 127, 128, 134, 135, 159, 171, 173, 187, 191, III 5, 10, 15, 110, 132, 137, 140, 148, 155, 169, IV 11, 17, 114, 123, 144, 157, 167, 170, 193, 195, V 2, 3, 7, 21, 22, 61, 69, 72, 77, 91, 99, 103, 117, 167.
„Монастырь сорока“ въ Бухарештѣ V 61.
Моноксило см. „Кусокъ дерева“.
Москва (упоминаніе названія) I 56, 97, II 79, 14, 41, 83, 87, 93, 113, 115, 116, 117, 119, 120, 126, 128, 132, 134, 135, 137, 139, 140, 142, 151, 152, 158, 164, 167, 169, 178, 182, 189, 190, 192, 195, 197, 198, 202, III I, 7, 8, 12, 14, 21, 39, 46, 48, 54, 59, 60, 62, 65, 66, 68, 69, 70, 72, 75, 77. 80, 82, 83, 85, 88, 92, 136, 137, 142, 154, 162, 163, 165, 177, 179, 204, IV 2, 3, 8, 12, 15, 18, 23, 36, 40, 42, 43, 47, 51, 58, 60, 63, 65, 66, 84, 86, 87, 90, 91. 101, 116, 123, 135, 136, 138, 140, 141, 142, 165—169, 175, 178, 182, 188, V 20, 84, 92.
Московія I 11, 12, 44, 46, 50, 52, 62, 81, II, 9, 22, 30, 42, 57, 65, 83, 86, 113, 115, 118, 127, 134, 135, 173, III 46, 74, 76, 79, 146, IV 41, 65, 86, 88, 167, 185, V 3, 8, 193.
Москва рѣка II 142, 145, 183, 186, 194, 202, III 59, 87, 96, 97, IV 1, 2, 6, 7, 8, 52, 120, 139, 146, 149.
Мотра рѣка V 44,
Мохаммеда султ. мечеть I 26, 30.
Мохаммедъ, султанъ I 22, 27, 42, II 140, V 69.
Мраморное море I 20.
Мста рѣка IV 67.
Мстино озеро IV 67.
Муданія см. Моданиръ.
Мултфа (Литва?) обл. II 176.
Мурадъ султ. I 27, 38, 39, 68, IV 143, V 131, 192.
Муртеза-паша діарбекирскій V 103, 119, 120, 133, 134, 155.
Мусалла Эфенди, кади въ Алеппо V 121.
Мустафа-паша, бани въ Алеппо I 12.
Мустафы султ. гробница въ Конст. I 24.
Мухаммедъ-паша, ханъ (Ени-ханъ или Оленъ-Кушлукъ) I 78.
Мхедсе (Сир.) V 199.
Мѣдное, сел. IV 59.
Мясковка (Лясковска) II 15.
Мустафа см. Василій.

Н.

Навля (Нафля), рѣка II 129.
Навпактъ, г. въ Морећ I 81.
Навуходоносоръ царь IV 18.
Надрусъ см. Неруса.
Нажъ, селеніе V 198.
Наполи II 140.

Нара рѣка IV 182.
Насрулла (Елеазаръ) хури (священникъ) въ Алеппо II 140.
Насыръ-уд-Динъ хаджи V 150.
Нафля см. Навля.
Невъ-Текелли-Дашъ, обелискъ въ Констант. I 23.
Негоешть монаст. V 64.
Негру (Раду) воев. Валахіи V 14.
Немса (страна Нѣмцевъ). Ср. Австрія I 111, II 7, 103.
Неокесарія, гор. VI 24, 127, 128.
Неофитъ, митр. Лаодикійскій V 148.
Неофитъ, митр. въ Хамѣ V 167.
Неохори см. Ени-Кёй.
Неруса (Надрусъ), рѣка II 126.
Нибросъ см. Днѣпръ.
Нижегородская обл. } III 89; IV 2.
Нижна }
Никея IV 54, 55, 167.
Никита, митр. Сереса V 27, 28, 29.
Никита, Путивльскій воевода II 94, 99, 110, 111, 112, 113.
Никиты ц. въ Путивлѣ II 107.
Никифоръ, патріархъ Александр. V 59.
Никифоръ, царь греч. V 54.
Никодимъ отшельн., основ. Тисманск. монаст. V 37, 44.
Николай, внук. Теймураза III 84, 85, 170.
Николай, митр. Аккарскій V 164.
Николая св. ворота въ Кремлѣ IV 6, 40, 42.
Николая св. мон. въ Валахіи V 60.
Николая монаст. въ Бухарештѣ V 61.
Николая монастырь Буковецъ см. Буковецъ.
Николая мон. Волны см. Волны.
Николая мон. въ Кіевѣ II 81, IV 187.
Николая мон. Можайскій см. Можайскій.
Николы мон. въ Москвѣ (Больш. Глава) IV 56.
Николая монаст. близъ Новгор. IV 77, 82.
Николая монаст. близъ Тырговшита см. Дилуль.
Николая мон. въ Тырговшитѣ I 149, 150.
Николая ц. въ Антоніевск. монаст. IV 76.
Николая ц. въ Аргостѣ V 126.
Николая ц. въ Галатѣ I 28.
Николая ц. у Агія-Каиу въ Конст. I 29.
Николая ц. въ Болховѣ II 131.
Николая ц. близъ Борисполя IV 190.
Николая ц. въ Важно II 18.
Николая ц. въ Васильковѣ II 42.
Николая ц. близъ Эноса V 123.
Николая ц. въ Эносѣ V 123.
Николая ц. въ Галацѣ I 45.
Николая ц. въ Дамаскѣ V 156, 163, 165.
Николая ц. въ Имадикинѣ II 119.
Николая мон. называемый Комана V 63.
Николая ц. въ Коломнѣ II 146.
Николая ц. въ Корыбутовѣ II 94.
Николая ц. въ Красномъ II 93.
Николая ц. въ Кремлѣ IV 90.
Николая ц. въ Кумъ-Каиу I 22.
Николая ц. въ Лисянкѣ (Лисинкѣ) II 29.
Николая ц. въ Медвинѣ II 30.
Николая ц. въ Мочулкѣ (Можукѣ) II 18.
Николая ц. въ мон. Арджишѣ V 9, 10.
Николая ц. въ м. Быстрица V 33.
Николая ц въ Мясковкѣ II 15.
Николая ц. въ Неохори I 33.
Николая цер. въ Николаев. м. близъ Новгорода.
Николая ц. въ Переяславѣ IV 191
Николая ц. въ Печер. м. II 46.
Николая ц. въ Поповкѣ II 121.
Николая ц. въ Саматѣ I 31.
Николая ц. въ Путивлѣ II 107.
Николая ц. въ Синопѣ V 116.
Николая ц. въ Соболевкѣ (Соболонкѣ) II 17.
Николая ц. въ Степановѣ II 18.
Николая ц. въ Сѣвскѣ II 123.
Николая ц. въ Троиц. мон. на Окѣ II 141.
Николая ц. въ Тульчинѣ II 40.
Николая ц. въ г. Умани II 22.
Николая ц. въ Яновѣ (Яніо) II 18,
Николая ц. Яссахъ I 79, 82, 90.

Николая ц. въ В. Троиц. монаст. IV 27, 32.
Никонъ, патр. Антіох. V 185.
Никонъ, патр. Московскій II 153, 158; III и IV passim.
Нистросъ см. Днѣстръ.
Ниша р. IV 67.
Новгородъ IV 58—86, 89, 92.
Нягое воевода см. Бассараба.

О.

Ободовка / Ободоука II 16.
Обозовка (Явбазъ) II 19.
Обрѣтенія главы Іоанна Крест. церковь въ Коломнѣ II 151.
Обуховъ / Обухоя базаръ II 40.
Одигитріи см. Дѣвичій мон.
Одунъ-Чарши (Дровяной рынокъ въ въ Конст.) I 29, 30.
Ока, рѣка II 132, 133, 135, 142, 186.
Ок-Мейданъ (мѣсто для стрѣльбы въ Конст.) I 27.
Окра, гора. I 5.
Окузъ Мохаммедъ-паша, визирь II 140.
Оленъ-Кушлукъ см. Мухаммедъ-паша (ханъ).
Олиха / Ольга равноап., вел. княгиня (по Павлу, жена кн. Владиміра, сестра греч. царя Василія) II 64.
Ольтецъ, рѣка V 35.
Ольтъ, рѣка V 24, 29, 36, 50, 58, 59.
Ольшана, сел. II 93, IV 194.
Омала, дер. V 128, 129.
Орадовка (Городока) II 19.
Оргѣевъ см. Орхай.
Орловецъ IV 194.
Оронтъ рѣка см. Аси.
Орхай (Оргѣевъ) баз. I 153.
Орханъ I 111.
Османджикъ, гор. V 141.
Османъ, султанъ I 23.
Османъ, султанъ II-ой II 9, 140, V 105.
Островъ мон. V 29.
Охрида, гор. II 117.

П.

Павелъ, епископъ Колом. II 153.
Павелъ, свящ., отецъ Макарія, патріарха антіох. I 1.
Павла мон, на Аѳонѣ V 54.
Павлаки (капу-кяхій — придв. должность—госп. молд. Василія) I 26.
Паисій, патріархъ Конст. I 14, 16, 35, 38, 58, II 62, 65, 96, III 14, 19, 20,
Паисій Хіосецъ Лигаридъ, митр. Газскій III 199; V 27, 28.
Паисія ц. въ Путивлѣ II 107.
Палати, двор. въ Синонѣ V 117.
Палатп, кварт. въ Константинопол. (Балата) I 32.
Памфилія (Ябрудъ) V 193, 194, 198.
Пантелеймона м. на Аѳонѣ V 54.
Пантократора (Вседержителя) мон. на Аѳонѣ III 142, V 54.
Паолосъ, гор. V 131.
Параскевы св. ц. въ сел. Хасъ-Кёй I 26.
Параскевы монаст въ Яссахъ I 79, 101 111.
Параскевы ц. въ Богуславѣ II 32.
Параскевы ц. въ Галацѣ I 45.
Параскевы п. въ Герзе V 123.
Параскевы ц. въ Печер. монаст. II 46.
Параскевы ц. въ Путивлѣ II 107.
Параскевы ц. въ г. Романѣ V 2.
Параскевы п. въ Скентаѣ I 48.
Параскевы ц. въ Сумовкѣ II 17.
Параскевы ц. въ Сѣвскѣ II 123.
Парижъ II 65, IV 94.
Парный ханъ см. Чифта-ханъ.
Парѳеній, патріархъ Константинопол. I 38 II 153.
Парѳено (Дѣва), гор. V 112.
Пасоматія (Псаматія) см. Махалле-Ассамата.
Пасхи св. ц. въ Умани II 22.
Паталаронъ / Пателярій патріархъ Констант. см. Аѳанасій Пателярій.
Пахомій (митр. Дамасск.), патр. Антіох. V 185.
Пахомій, патр. Антіох. V 185.
Пахомій, Хоранскій (б. митр. Эмессы), патр. Антіох. V 186.
Паясъ, городъ I 5, 6.

Переяславъ IV 190.
Персидск. море см. Каспія.
Персія II 140, III 137, IV 41, 136.
Петра, Алексія, Іоны и Филиппа п. въ патріарш. домѣ въ Москвѣ IV 104.
Петра апост. ц. въ мон. Арджишѣ V 9.
Петра и Павла мон. въ Бухарештѣ V 61.
Петра и Павла, ц. въ мон. Козія V 26.
Петра и Павла ц. въ Броварахъ II 81.
Петра и Павла ц. въ мон. Арджишѣ V 9,
Петра и Павла ц. въ Печер. мон. II 46, 60.
Петра и Павла п. въ Форташѣ V 56.
Петрашти, сел. V 60.
Петръ, архіеп. Кіевскій перв. митр. Моск. II 190, III 48, 49, 75, 76, IV 14, 47, 104, 108.
Петръ воевода I 65, 96, V 5, 54, 66,
Петръ Могила II 68.
Печенгскій Успен. мон. IV 136.
Печерскій (Бажарска) мон. II 41, 43, 63, 64, 65, 73, 75, 77, 80, 81, 86, 177, III 80, IV 184, 185, 187, 188, 189.
Пименъ, монахъ въ Дамаскѣ V 184.
Пири-паша ханъ въ Константинопол. I 29.
Питешти, гор. V 9, 24.
Платарещь, мон. во имя св. Меркурія V 64.
Плоешти, мѣстечко I 152, V 5, 96.
Покровскій мон. въ Москвѣ IV 88.
Покрова Богор. монаст. въ Переяславѣ IV 191.
Покрова Богор. п. въ Коломнѣ II 151.
Поливрасъ (Бульфаражъ) сел. V 35.
Положенія пояса Владыч. п. въ Москвѣ III 98.
Польша I 56, 62, 109, II 140, V 117.
Понто Гераклея см. Эрекли.
Поповка (Бабокъ) II 121.
Посольскій ханъ въ Конст. I 25.
Потоске } Павелъ II 25, IV 88, 115,
Потоцкій } 116, 135.
Предо, госуд. сановникъ въ Валахіи V 44, 50, 57, 98.
Преображенія мон. въ Москвѣ III 46.
Преображенія п. въ мон. Быстрица V 33,
Преображенія Госп. ц. въ Гоголевѣ II 81.
Преображенія ц. въ Коломнѣ (Себаси-Спаса) II 151, 189.
Преображенія Госп. ц. въ Лисянкѣ II 29.
Преображенія Госп. п. въ Мальковкѣ II 24.
Преображенія ц. въ Н. Спасс. мон. IV 147.
Преображенія ц. въ Переяславѣ IV 191.
Преображенія Госп. ц. въ Прилукахъ II 85
Преображенія Госп. п. въ Путивлѣ II 106, 110.
Преображенія ц. въ Рымникѣ V 24.
Преображенія п. въ Симоновѣ мон. (Москва) IV 150.
Преображенія ц. въ Твери IV 59.
Преображенія Госп. ц. въ Трипольѣ II 38.
Преображенія ц. въ Торжвѣ IV 59,
Преображеніи ц. въ Хутынском. мон. IV 79.
Пресвят. Дѣвы ц. въ дер. Бискави V 130.
Прилука (Брилу а) II 83, 92, IV 184.
Прокопія св. ц вблизи р. Ольть V 58.
Протва р. IV 182.
Проти (Бриджи), островъ I 14.
Протато мон. на Аѳонѣ. V 54.
Прудки см. Брутики II 121.
Прутъ р. I 109, 153.
Псаматія см. Пасоматія.
Псковъ III 62, 148, 150, 152, IV 12, 68, 73, 136, 174, V 20.
Путивль (Бутиблія) II 3, 35, 83, 94, 95, 96, 99, 102, 104, 105, 106, 112, 113, 115, 117, 118, 119, 120, 133, 134, 197, III 24. 37, 39, 43, 75, 76. 132, 160, IV 2, 7, 60,

123, 161, 162, 165, 166, 182, 183, 184, 193.
Пушечныя ворота, въ Констант. I 32.
Пятидесятницы, ц. въ Новгородѣ IV 81.

Р.

Разливилъ, зять Василія, господ. молдавскаго II 13, 175, 176, 179, 180, III 117, 118, 139, 140, 144, IV 46, 51, 65, 66, 69, 90, 100, 153.
Радулъ, воевода V 57, 61, 66, 72, 87,
Ракоть / Ракочи } см. Георгій, кор. Венгріи.
Расъ V 166.
Рашко (Рашково) / Рашковъ } I 103, II 1, 3, 25, IV 195.
Рени (Эрине) см. Тимарово.
Рига V 20.
Риза IV 141.
Рымнико (Рымникъ) I 113, 118, 152, V 5, 24, 29, 30, 98.
Римъ II 66, 67, 157, III 58, 199, 200, IV 74, 75, 80, V 27.
Ринешти, сел. V 35.
Родосъ, островъ III 150, II. 20.
Рождества Богород. цер. въ Антоніевомъ мон. IV 75.
Рождества Богород. цер. въ Батфуди II 83.
Рождества Богород. цер. въ Борисполѣ IV 190.
Рождества Богород. церк. въ Быковѣ II 82.
Рождества Богород. цер. въ Гоголевѣ II 81.
Рождества Богород. цер. въ Жабокричѣ II 15.
Рождества Богород. цер. дворцовая въ Москвѣ III 44, 115, IV 139.
Рождества Богород. цер. въ Печерскомъ монаст. II 46, 57.
Рождества Богород. цер. въ Прилукѣ II 85.
Рождества Богород. цер. въ Путивлѣ II 107.
Рождества Богород. цер. въ мон. Саввы Новаго IV 131.
Рождества Богородицы ц. въ Седнаѣ II 107.
Рождества Богород. цер. между Тырговиштомъ и Кымполунгомъ V 15,
Рождества Богород. цер. въ Ядловкѣ II 82.
Рождества Богородицы ц. въ Умани II 22.
Рожд. Іоанна Крест. цер. близъ мон. Козія V 26.
Рождества св. цер. въ Букахъ II 29.
Рождества св. цер. въ Ивановской колокольнѣ III 109, 114.
Рождества св цер. около Клина IV 58.
Рождества св. цер. въ Коломнѣ II 151.
Рождества св. цер. въ Красномъ II 93.
Рождества св. цер. въ Печерскомъ монаст. II 46.
Рождества св. монаст. въ Торжкѣ IV 59.
Роксанда, жена Тимоѳея Хмельницкаго I 94, 95.
Романовскія ворота въ Константинопол. I 21.
Романовъ городъ III 88.
Романъ, городъ I 111, 112, V 2, 3.
Росано см. Русановъ.
Ростовъ III 62, IV 6.
Рось / Рошъ } рѣка II 32.
Рукаръ, селеніе V 76, 78, 79, 83.
Румелія I 42, 72, 147, 152, II 56, IV 10, 184, V 22, 30, 33, 49, 104, 105, 111, 167.
Русановъ (Росано) II 82.
Руссикъ, монаст. на Аѳонѣ V 54.
Рущукъ, гор. V 71, 74.
Рымникъ см. Рымнико.
Рязань II 198. III 62.

С.

Сава, рѣка V 42.
Савва, игуменъ въ монаст. Белемендъ V 70.
Саввы св. монаст. въ Бухарештѣ V 61, 85, 86.
Саввы св монаст. въ Москвѣ IV 51.
Саввы Новаго монаст. подъ Москвой IV 91, 120, 121, 130, 146, 149, 178.

Саввы церковь въ Ново-Спасскомъ монаст. IV 147.
Саввы монаст. въ Іерусалимѣ V 61, II. 22, 24, 28.
Саввы монаст. въ Яссахъ I 49, 51, 68, 71, 74, 79, 83, 93, 99, 110, 153 VI, 99.
Сагайдачнаго монаст. (Сайташни) II 78.
Саджао (Сучава) I 49, 99, 102, 103, 104, 108, 113, II 26, IV 193.
Садовскій монастырь V 51, 57.
Саими см. Сеймъ.
Сайданайскій монаст. (близъ Дамаска) IV 158.
Сайташни см. Сагайдачный.
Сакла (Исакла) I 9, 10.
Сакпиджи, укрѣпленіе V 106.
Салоники III 105, IV 5.
Самока см. Сумовка.
Самохъ см. Сомово.
Сарбсахо см. Серпуховъ.
Сарко (Сыркова), сел. I 154.
Сатралатисъ, гор. (въ Спріи) V 50.
Сахръ-Альасвадъ см. Кара-Ташъ.
Свинскъ (Синскъ) III 81.
Свіяжскъ см. Сіямска.
Святая гора см. Аѳонъ.
Святое озеро, близъ Иверск. монаст. IV 61.
Себаси (Спаса) см. Преображ. м. въ Коломнѣ.
Севастія см. Сивасъ.
Седнай } въ Сиріи II 107, V 149,
Сейданай } 153, 154, 166, 186.
Седнайскій (Сейданайскій) женск. мон. Владычицы II 107, V 147, 166, 197, 198.
Сеидъ Ахмедъ-паша V 120, 121.
Сейидъ-Гази мѣстечко I 10.
Сейидъ Мохаммедъ (Василій) III 190.
Сеймъ (Саими), рѣка II 96.
Сейф-уд-Динъ Аргупъ Элькамили, эмиръ (Алеппо) V 138.
Селевкія (Малула) V 137, 173, 194, 198.
Селимъ I, сынъ Баезида, султанъ III 68.
Селимъ, турец. султанъ V 10, 50.
Семи Маккавеевъ церковь въ Лихвинѣ II 132.
Семь башенъ (Еди-Куле) въ Константинопол. I 32.
Сераль султанскій въ Констант. I 21, 22, 24, 29, 30
Сербія I 62, 88, V 31, 37.
Сергій св. IV 27, 30, 31, 32, 37, 39.
Сергія монаст. въ Селевкіи V 194.
Сергія церк. въ монаст. Саввы Новаго IV 131.
Сергія церк. въ Ново-спасскомъ монаст. IV 147.
Сергія церковь въ Симоновѣ IV 150.
Сересъ V 27.
Серетъ, рѣка I 110, 152. V 94, 99.
Серкасъ III 80.
Серпуховъ (Сарбсахо) II 139, 140, 153. IV 158.
Сибирь II 101, 143, 154, III 8, 37, 47, 58, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 74, 81, 89, 125, 132. IV 12, 136, 137, 138, 139, 159, 160.
Сивасъ, (Севастія) гор. V 131, 132, 135, 136, 141, 142.
Сивска см. Сѣвскъ.
Сидонъ V 189.
Сизеболи, гор. V 111, 115.
Сплахдара, монаст. I 27.
Силяхъ-хане (оружейная), бывшая церк. въ Сералѣ I 24.
Сильвестръ, митроп. Кіевск. 4. 25, 59, 63.
Силистрія 1 42. V 42, 94, 99.
Симеона св., гора въ Сиріи (Джебель-Семанъ) II 26.
Симеона св. монаст. I 4.
Симеонъ, Антіохійск. патр. V 184.
Симеонъ, полковникъ II 22, 23
Симеонъ хаджи, христіанинъ въ Токатѣ V 128.
Симоновка, село IV 168.
Симоновъ монаст. въ Москвѣ III 129, IV 120, 148, 168.
Симонетра монаст. на Аѳонѣ V 53.
Синагого (Цнагогъ), монаст. V 65.
Синай III 31, 38, 137, 163. IV 30 V 61.
Синайскій монаст. I 101, V 188.
Синопъ I 42. III 91, IV 68 — 141. V 93, 100, 104, 111, 113, 114, 115, 117, 122, 123, 124, 126.

Синскъ см. Свпнскъ.
Сиригъ (Мелетій) свящ. въ Галатѣ I 38.
Сирія V 50, 142, 167.
Сифска, Сійскій } монаст. III 162.
Сіонъ V 194.
Сіявушъ, силистрійскій паша I 146.
Сіямска (Свіяжскъ?) III 88.
Скентай (Скинтей) базарн. мѣсто I 48, 110, 153.
Скинтей см. Скентай.
Скоція, островъ (Шотландія) III 80.
Скутари см. Эскударъ
Слатина, селеніе V 59.
„Слободзея Янаки" монаст. V 99.
Смилъ см. Исмаилъ.
Смоленскъ II 7, 13, 14, 120, 144, 169, 175, 177, 179, 201, III 6, 133, 137, 140, 147, 153, 154, 156, 196, IV 2, 32, 41, 45, 46, 49, 51, 57, 91, 101, 174, 178, V 19, 20.
Смѣла, мѣстечко IV 194.
Соболевка, Соболонка } II 17.
Соколи, мостъ на р. Дымбовицѣ V 78.
Солиманъ, городъ V 99.
Соловецкій, Солофоска } мон. III 46, 126, 147, IV 31, 73, 136.
Сомово (Самохъ) II 129.
Софіи св., храмъ въ Кіевѣ II 42, 63, 64, 67, 68, 72, 73, 74, 75, 77, 86, 190, III 109, IV 70, 185, 186, 191.
Софіи св., храмъ въ Констант. I 22, 24, 25, 28, 124. II 67, 69, 70, 72, IV, 75, 158, V 12, 27, 184.
Софіи св., церковь въ Новгородѣ III 124, IV 68, 69, 70, 85.
Софія, городъ V 42, 91.
Спаса на Бору церк. въ Москвѣ IV 138.
Спаса (Спасителя) монаст. въ Москвѣ IV 54, 56, 120, 146, 149, 150, ср. мон. Преображенья въ М.
Спиридона св., церковь I 5.
Средиземное море I 30, 41. V 108.
Срѣтенія, церк. въ Антоніевомъ монаст. IV 76.
Ставроникита монаст. на Аѳонѣ V 54.
Сталія, монаст. I 114, V, 5, 77.
Стамбулъ I 25, V 103.
Станещь, монаст. V 58, 59.
Стебаноука, Степановка } II 18.
Стефанъ, воевода, сынъ молдавск. господаря Василія I 50, 55, 58, 75.
Стефанъ воевода, господарь молдавск. (Іоано-Геогица Стефаносъ) I 87, 89, 92, 103, 107, 108, 138, 148, II 26, 33, III 139, IV 114, 171, 172, V 5, 7, 79, 84, 90, 101.
Стефанъ воевода Старшій I 47, 79, 111.
Стефанъ, митр. Валахіи V 35.
Страстей Хр. церк. въ Путивлѣ II 107.
Стрехайе, св. Троицы монаст. V 43, 51, 56.
Субботовъ, гор. IV 193.
Суейдійская дорога I 5.
Суейдійскій заливъ I 5.
Суздаль III 62.
Сулейманіе I 25, 26.
Сулейманъ (Соломонъ), прадѣдъ воеводы моск. араба II 139.
Сулейманъ, султанъ V 39, 101.
Сулейманъ, сынъ Азъ-Захра, священникъ изъ Дамаска I 147.
Сулинскій проливъ V 105.
Сумовка (Самока) II 17.
Султанъ-ханъ I 6.
Сурбъ-Карапетъ, мѣсто поклоненія V 140.
Сухановъ Арсеній см. Арсеній (Сухановъ).
Сфигмену монаст. на Аѳонѣ V 54.
Сырковъ, монаст. IV 76.
Сѣвскъ (Сивска), крѣпость II 121, 134. IV 183.

Т.

Таблунъ V 199.
Такиръ (Эйлетъ Ибнъ-Рамазана) I 6.
Талалаевка, Талалайока } II 19.
Тамань, крѣпость IV 141.

Тамерланъ VI 6, 47, 76, 91, V 132, 185.
Тарасовка (мѣстечко) IV 194.
Тарки, городъ III 61.
Тарсъ I 6.
Таруса, селеніе II 138.
Татарія III 66. 72.
Татьяна Михайловна, сестра ц. Алексѣя М. III 20, 134, IV 119.
Таукъ-базаръ въ Констант. I 25.
Тверца, рѣка IV 59.
Тверь III 62. IV 58, 87.
Теймуразъ-ханъ III 82, 83, 84, 85, 170, IV 11, 142.
Текелли-Дашъ въ Констант. I 23, 25.
Текучъ, торговый городъ I 110, 152.
Теляжинъ, проходъ въ Венгріи V 100.
Темешваръ, крѣпость V 39.
Теодосп см. Гюзель-Эфенди.
Терсъ-Ханэ I 27.
Терапія, селеніе I 34, 37, 40.
Тимарово (Рени, Эрине), гор. V 104, 105.
Тимоѳей патр. Константин. V 189.
Тимоѳей Хмельницкій см. Хмельницкій.
Тинганъ, монастырь V 65.
Тисмана, рѣка V 36, 38.
Тисманъ, монастырь V 35, 36, 38, 44.
Титзура (Цецора), деревня I 153.
Токатъ, городъ V 117, 124, 126, 128, 130, 131, 142.
Топъ-Капу см. Пушечныя ворота.
Топъ-Ханэ I 24, 27, 29.
Торжокъ, гор. IV 59, 87.
Трапезундъ, гор. I 42. 99, III 91, V 41, 94, 113.
Тратушъ, рѣка V 3.
Требизондъ см. Трапезундъ.
Трехъ Святителей, мон. въ Яссахъ I 62.
Триморъ, гор. I 6.
Триполи IV 158. V 60, 166. II. 20, 21, 31, 35.
Триполійскій округъ V 26.
Триполисъ / Триполье — гор. II 38.
Трифешти, село I 154.
Троицкій монастырь близъ Чигирина IV 194.
Троицкій монастырь Великій близъ Москвы (Сергіевъ) II 178, III 45, 93, 122, 125, 126, 136, 147, 161—163, IV 3, 6, 23, 32, 34, 72, 79, 109, 120, 130, 131, 146—148. V 63.
Троицкій монастырь въ Бухарештѣ V 61, 82.
Троицкій монастырь на р. Окѣ II 141.
Троицкій мон. въ Лисянкѣ II 29, IV 194.
Троицы св. церковь въ В. Троиц. монаст. IV 27, 29.
Троицы св. церковь въ Голешти V 9.
Троицы св. церковь въ Кіевѣ II 43, 46, 54.
Троицы св. церковь въ Красномъ II 93.
Троицы св. церковь въ „Козія“ V 29.
Троицы св. церковь въ Переяславѣ IV 191.
Троицы св. церковь въ Псковѣ III 125.
Троицы св. церковь въ Богуславѣ II 32.
Троицы св. церковь въ Путивлѣ II 107.
Троицы св. церковь въ Умани II 22.
Троицы св. и Вербнаго Воскр. ц. см. Вербнаго Воскр. ц.
Трубецкой князь V 20.
Тула II 153, 196, 197. III 105.
Тульжини / Тульчинъ — крѣпость II 39.
Тума (Ѳомы) ворота въ Дамаскѣ V 150.
Туманъ, караванъ-сарай бл. Алеппо II. 26.
Туманъ, ханъ II 18. IV 169.
Тургатмиштъ см. Астрахань.
Турція III 164, V 10, 21, 30, 41, 51, 64, 71, 76.
Тусія (мѣстность) V 137.
Тырговшитъ см. Даргоштъ.
Тыргошилъ, село V 35.
Тырновъ, гор. IV 175.

У.

Узбековъ страна III 61.
Улашъ, деревня V 135, 136.
Умань (Хумано), гор. II 22, 25. IV 194.
Уніе, гор. см. Эносъ.

Ускудара см. Эскударъ.
Успенія Богор. соборъ въ Моданирѣ I 12.
Успенія Богор. монаст. на Кара-Ташѣ I 34.
Успенія Богор. монаст. близъ Клина IV 58.
Успенія Богор. монаст. въ Кымполунгѣ V 14.
Успенія Богор. монаст. близъ Москвы IV 149.
Успенія Богор. монаст. близъ Новгорода IV 76.
Успенія Богор. монаст. въ с. Поливрасѣ V 35.
Успенія Богор. монаст. въ области Янины V 61.
Успенія Богор. монаст. Бранкованъ см. Бранкованъ.
Успенія Богор. церковь въ мон. Арджишѣ V 9, 10.
Успенія Богор. церковь на рѣкѣ Быстрицѣ V 31.
Успенія Богор. церковь въ г. Бузео I 113.
Успенія Богор. церковь въ Букарештѣ V 60.
Успенія Богор. церковь въ Букахъ II 28.
Успенія Богор. церковь въ Вологдѣ III 125.
Успенія Богор. церковь въ Голутвинск. монаст. II 144.
Успенія Богор. церковь въ Коломнѣ II 147. III 125.
Успенія Богор. церковь въ Гельмязовѣ IV 191.
Успенія Богор. церковь въ с. Градиштѣ V 63.
Успенія Богородицы церковь въ с. Добрень V 62.
Успенія Богор. церковь въ Какси V 128.
Успенія Богор. церковь въ Золотоношѣ IV 192.
Успенія Богор. церковь въ Кіевѣ II 75, 79.
Успенія Богор. церковь въ Крапивнѣ II 93.
Успенія Богор. церковь въ Карачевѣ II 130.
Успенія Богор. церковь въ Кашир. II 138, 186.
Успенія Богор. церковь патріарш. въ Москвѣ (Усп. соборъ) III 4, 93, 97, 108, 115, 128, 129, 145, 165, 174, 185. 187, 194, 197, 200, IV 32, 102, 144.
Успенія Богор. церковь въ Мочулкѣ II 18.
Успенія Богор. церковь въ Ободовкѣ II 16.
Успенія Богор. церковь въ Путивлѣ II 106, 107.
Успенія Богор. церковь въ Переяславѣ IV 190.
Успенія Богор. церковь въ Рязани II 198.
Успенія Богор. церковь въ монаст. Цнагогъ V 66.
Успенія Богор. церковь въ Тисманск. мон. V 37.
Успенія Богор. церковь въ Умани II 22.
Успенія Богородицы церковь въ Филиппешти I 152.
Успенія Богор. церковь въ Чигиринѣ IV 192.

Ф.

Фажна см. Важна.
Фазли-паша, силистрійскій V 74, 75, 82, 92.
Фанаръ въ Константинополѣ I, 26, 29, 30, 31, 32, 40, 41.
Фарсійское море, см. Каспія.
Фарсъ III 68.
Фатхи-Исламъ, см. Клавдіополисъ.
Фахруддинъ Ибн-Маанъ, сирійскій правит. V 189, 199.
Фердинандъ (Балодоросъ), цесарь Австрійск. IV 89, 100.
Филаретъ Никит., патріархъ Моск. IV 8, 11. Ср. Ѳеодоръ Никит.
Филиппъ, митр. Московскій III, 46, 48.
Филиппъ, митр. Бейрутскій V 164.
Филипешти / Филіешти } сел. I 152.
Филишанъ, селеніе V 48.
Филондра, остр. (Ирландія) III 80.
Филоѳей, патр. Александрійск. V 17.

Филоѳей, митроп. Эмесскій V 197.
Филоѳея монаст. на Аѳонѣ V 54.
Фишнаваске см. Вишневецкій.
Флора и Лавра ц. въ Путивлѣ II 107.
Флоренція V 186.
Флочъ гор. V 78, 94.
Фогарашъ, крѣпость V 79, 101.
Фодали фрата см. Водяные ворота.
Фокшанъ гор. I 110, 111, 112, 152. V 3, 4, 5, 39, 40.
Формозъ (названіе холма) V 2.
Форташъ сел. V 56.
Фотій патріарх. Конст. IV 117.
Франція II 65. III 79.
Фрундзенешъ (селеніе) V 65.
Фынтына-Рече сел. V 99.

Х.

Хадимъ гор. I 4.
Хайдеръ, отецъ Исмаилъ-шаха III 68
Халкедонія (Кады-Гюнъ, Кады-Кёй) I 14, 29.
Халкопратея, храмъ въ Констант. I 26.
Хама, гор. II 140, V 24, 144, 148, 149, 166, 167, 170, 188, 190, 193, 196, 197.
Хаммамджи-оглу, намѣстн. Алеппо V 120—122.
Ханакія, Ханакъ гор въ Сиріи I 56, II 48, V 146, 196.
Хананъ II 83.
Ханбиковъ см. Хомока.
Хандкаръ, мулла (въ г. Коніи) I 9.
Ханъ-Беязъ I 10.
Харитона св. монастырь I 8.
Хасанъ-паша см. Джеляли-Хасанъ.
Хасбея, селеніе V 188.
Хассеки, монаст. V 105.
Хасъ-Кёй I 26, 32.
Хейятъ, крѣпость I 6.
Херванъ, гор. I 131.
Херсонесъ III 149. IV 70, 72, 75, 85.
Хижирини см. Чигиринъ.
Хиліандарій. монаст. на Аѳонѣ V 53.
Хирдейнъ II 139.
Хіосъ V 28, 108.
Хмельницкій, Хмель (Ахмиль) Зиновій Богданъ, гетманъ I 49, 58, 62, 87, 94, 96, 97, 100, 103, 108, 109, 137, II 2, 3, 5, 6, 9 — 14, 16, 19—21, 25, 26, 30, 32, 34 — 37, 39, 40, 45, 65, 66, 76, 77, 83, 84, 86, 94, 157, 177, 178, 201, III 78, 118, 139, 144, 147, 148, 151, 152, 155, IV 46, 88, 102, 114—116, 144, 189, 190, 192, 193, V 7, 20—22, 74.
Хмельницкій Тимоѳей, сынъ гетмана I 91—95, 98, 104, 106—109, 137, II 10, 26, 33, 176, IV 193, V 5.
Хомока (Ханбиковъ?), селеніе II 40.
Хомсъ II 140.
Хораджкоука см. Горячковка.
Хоранъ V 188.
Хородишь см. Городище.
Хоснъ (Аль-Хоснъ) V 186.
Хосровъ-паша I 10. IV 10.
Хота, Хотенъ III 70, 72, 73, 74, 149, IV 137.
Хотерень, монаст. V 53, 56.
Хотинъ, крѣпость I 87, 108, II 9.
Хохола см. Гоголевъ.
Хрисаносія см. Неокесарія.
Хрисопиги см. Золотой Источн.
Христофора св. ц. въ Москвѣ IV 16.
Христіанъ, Антіох. латин. патріархъ V 184.
Хумано см. Умань.
Хуссейнъ-паша, правит. г. Алеппо (ашъ-Шахбы) V 195.
Хутынскій монаст. см. Варлаама.
Хушъ, въ окрестн. Молдавіи I 111, V 2.

Ц.

Цецора см. Титзура.
Цицарень св. Михаила монаст. V 44.
Цна, рѣка IV 60.

Ч.

Чаршенбе см. Волчья рѣка.
Черкасы IV 192.
Черное море I 33, 34, 41, 42, II 8, 40, 72, 75, 202, III 91, 150, 151, 153. IV 21, 102, 141, 144, 192, V 42, 93, 100, 103, 105, 106, 108, 111, 113—115.
Четалъ (островъ на Дунаѣ) V 105.
Чигиринъ, гор. (Хижирини) II 86, IV 189, 192, 193.
Чинъ см. Китай.

Чифта-ханъ (Парный-ханъ) I, 6, 8.
Чудовъ (Жудаби), монаст. II 140, III 49, 110, 115, 129, IV 105, 110, 116, 120, 140, 148, 150, 151.

Ш.

Шафаржа (Жигарче?), сел. V 57.
Шахабъ, родъ V 170, 172.
Шахиншахъ, эмпръ V 132.
Швеція III 78, 79, 150, 151, IV 70, 174.
Шейха Абу Бекра монаст. въ Алеппо IV 146.
Шемаха III 82.
Шереметевъ (Шеремендъ) Василій II 120; III 152.
Шерифъ-бей, татарскій султанъ I 109.
Шиль, рѣка V 44, 50 57.
Шоша, селеніе. IV 87.

Щ.

Щербань, воевода I 138, V 63.

Э.

Эбоасъ, горячій ключъ V 127.
Эдаибъ см. Волчья рѣка.
Эль-Ашрафъ Салахъ (Эддинъ) султанъ V 138.
Эль-Дженабъ V 127.
Эль-Магайръ (мѣстность) V 137.
Эль-Кебелли, паша въ Сивасѣ V 133, 136.
Эль-Хассеки паша въ Алеппо V 167.
Эль-Эзрекъ (Голубая) рѣка V 138.
Эльюсра ханъ въ Констант. I 29.
Эмесса, гор. II 72, 140, 145, 148, IV 26, 35, 130, V 149, 186.
Эмесское озеро II 121.
Эн-Насыръ Мохаммедъ, султанъ V 138.
Эносъ (Уніе), гор. V 117, 122, 123, 125, 130.
Эрегли / Эрекли (Понто Гераклея), городъ I 8. V 111, 112.
Эривань III 150.
Эрине (Рени) см. Тимарово.
Эрменези V 133.
Эски-Каплыджа, бани въ Бруссѣ I 11.
Эски-Серай (Старый Сераль) въ Конст. I 25.
Эски-Шехръ I 10. V 120.
Эскударъ (Скутари) I 14, 20, 25, 29. V 103.

Ю.

Юзъ-Хокъ (Бузъ-оюкъ) I 10.
Юстиніанъ, Императоръ I 24, II 70. 117.

Я.

Ябрудъ см. Памфилія.
Яваница см. Иваница.
Явбазъ см. Обозовка.
Ядловка / Ядлока II 82.
Язгаки, сынъ Дадьяна Раиса I 33.
Яки (Янаки), еврей II 40.
Яломица, рѣка V 78. 99.
Янаки, постельникъ господаря молдавск. (строитель церкви св. Саввы) I 51, 52. V 99.
Яни см. Иванъ, свящ.
Янина, область V 61.
Янко, воевода V 59.
Яновъ (Яніо) II 18.
Яссы / Яшъ I 38, 49, 67, 79, 87—89, 92—94, 98—99, 101, 103, 104, 107, 109, 111, 153, II 135, IV 66, V 1, 2, 4, 5, 99, 100.

Ѳ.

Ѳеклы цер. въ Селевкіи V 194.
Ѳеодоритъ, еписк. Кирскій 27.
Ѳеодоръ Никит. (дѣдъ царя Алексѣя), въ иноч. Филаретъ II 7. Ср. Филаретъ Никит.
Ѳеодора св. цер. въ Моданирѣ I 13.
Ѳеодора Тирона, цер. въ Синопѣ V 117.
Ѳеодоръ, царь Московскій III 1, 44,
Ѳеодоръ, князь IV 11.
Ѳеодоръ Вальсамонъ, патр. Антіох. V 184.
Ѳеодосія цер. въ Путивлѣ. II 107.
Ѳеодосій В. V 128.
Ѳеодосій, архимандр. Михайловск. монаст. въ Кіевѣ II 72.
Ѳеофанъ, Іерусал. патріархъ. II 7-9, 41, 65, III 18, IV 11, 187, V 194.
Ѳеофилъ, императоръ I 21, IV 153.
Ѳеофилъ, патр. Іерусалимскій V 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ переводчика ..... I—V

КНИГА XIII.

Молдавія и Валахія.

ГЛАВА I. Молдавія.—Прибытіе въ Яссы.—Служенія.—Содержаніе, назначенное патріарху.—Отъѣздъ господаря.—Поѣздка патріарха въ новостроящійся монастырь.—Романъ.—Бакеу.—Трудности дороги.—Прибытіе въ монастырь.—Описаніе его.—Прощаніе съ господаремъ и отъѣздъ въ Валахію.—Прибытіе въ Тырговиштъ 1

ГЛАВА II. Тырговиштъ.—Свиданіе съ господаремъ.—Торжество въ праздникъ Крещенія.—Пиръ у господаря.—Обиліе здравицъ.—Поѣздка патріарха въ монастырь Арджишъ.—Описаніе монастыря.—Пребываніе въ Кымполунгѣ.—Возвращеніе въ Тырговиштъ 6

ГЛАВА III. Тырговиштъ.—Суровая зима.—Монастырь Дялуль.—Церемонія прощенія передъ великимъ постомъ.—Служеніе въ воскресенье Православія.—Кончина господарыни и погребеніе ея.—Вербное воскресенье.—Церемонія умовенія ногъ въ великій четвергъ.—Служеніе патріарха 15

ГЛАВА IV. Тырговиштъ.—Извѣстія о войнѣ царя со шведами.—Союзъ ихъ съ Ракочи.—Заносчивость Ракочи и пораженіе его войска татарами.—Разсказъ архидіакона о насиліяхъ, совершенныхъ венграми въ Валахіи 19

ГЛАВА V. Валахія.—Причина промедленія патріарха въ Валахіи. Поѣздка въ монастырь Козія.—Описаніе монастыря.—Отшельникъ 23

ГЛАВА VI. Валахія.—Рѣдкая книга толкованій на Псалтирь.—Хлопоты архидіакона о снятіи съ нея списка.—Папа Яни, искусный писецъ.—Благополучное довершеніе дѣла.—Паисій Газскій и его книга.—Списокъ съ нея 27

ГЛАВА VII. Валахія.—Отъѣздъ изъ монастыря Козія.—Монастырь Островъ.—Золотыя розсыпи.—Цыгане золотопромышленники. — Соляныя копи.—Монастырь Моноксило.—Монастырь Быстрица.—Посѣщеніе пещеры 29

ГЛАВА VIII. Валахія.—Монастырь Арнота.—О главѣ св. Михаила, епископа Синадскаго.—Мощи.—Дальнѣйшій путь.—Римешти.—Посѣщеніе отставного постельника.—Тыргошиль 33

ГЛАВА IX. Валахія.—Монастырь Тисманскій.—Описаніе его.—Тисовое дерево 36

Стр.

ГЛАВА X. Валахія.—Посѣщеніе мѣднаго рудника. — Описаніе плавиленъ.—Дальнѣйшій путь..... 39

ГЛАВА XI. Валахія.—Монастыри Стрехайе, Гурамотро, Цинцаренъ.—Необыкновенное обиліе комаровъ.—Страданія путешественниковъ..... 43

ГЛАВА XII. Валахія.—Посѣщеніе патріархомъ одного вельможи.—Похороны.—Поминальный обѣдъ.—Описаніе свадьбы..... 45

ГЛАВА XIII. Валахія.—Крайова.—Монастырь Буковецъ, селеніе Бранковани.—Великій ворникъ Преда.—Его богатство.—Характеристика его.—Гостепріимство и здравицы..... 48

ГЛАВА XIV. Валахія.—Монастырь Хотерень.—Замѣтка о монастыряхъ Св. Горы.—Проводникъ изъ евреевъ.—Его разсказы..... 53

ГЛАВА XV. Валахія.—Форташъ.—Каракалъ.—Монастырь Калуйу.—Монастырь Садова.—Описаніе его.—Сокровища монастырскія.—Монастырь Станещь.—Усердіе жителей къ монастырямъ.—Портреты строителей.—Дальнѣйшій путь и прибытіе въ Букарештъ..... 56

ГЛАВА XVI. Букарештъ. — Дворецъ. — Посѣщеніе монастырей.—Отъѣздъ.—Описаніе мельницы.—Монастырь Комана.—Селеніе Койенъ и дворецъ великаго постельника..... 60

ГЛАВА XVII. Валахія.—Продолженіе поѣздки по монастырямъ.—Селеніе Верещь и дворецъ въ немъ. Фрундзенещь.—Монастырь Тинганъ и другіе.—Возвращеніе въ Тырговиштъ..... 64

КНИГА XIV.

Валахія.

ГЛАВА I. Тырговиштъ.—Замѣтка о погодѣ.—Свадьба господаря..... 67

ГЛАВА II. Тырговиштъ.—Низложеніе господаря Константина и причина этого.—Прибытіе аги казначейства и отправленіе дани въ Константинополь.—Непомѣрныя требованія великаго визиря..... 68

ГЛАВА III. Тырговиштъ.—Приближеніе турокъ и новаго господаря.—Тревога и бѣгство жителей.—Приготовленія къ войнѣ..... 73

ГЛАВА IV. Валахія.—Отъѣздъ патріарха въ Кымполунгъ.—Вступленіе татаръ и турокъ въ Валахію.—Нерѣшительность господаря Константина.—Онъ покидаетъ Тырговиштъ.—Занятіе и сожженіе Тырговишта татарами.—Монастырь Сталія.—Отступленіе господаря въ Венгрію..... 75

ГЛАВА V. Валахія.—Патріархъ скрываетъ свое имущество въ горныхъ тайникахъ и уѣзжаетъ далѣе въ горы.—Положеніе бѣглецовъ.—Горцы.—Мнѣніе великаго ворника..... 79

ГЛАВА VI. Валахія.—Новый господарь въ Букарештѣ.—Его первыя дѣйствія.—Архидіаконъ на развѣдкахъ.—Постепенное возвращеніе жителей.—Обмѣнъ письмами между патріархомъ и господаремъ.—Набожность господаря.—Возвращеніе патріарха въ Букарештъ..... 82

Стр.

ГЛАВА VII. Букарештъ.—Свиданіе патріарха съ господаремъ.—Крестные ходы.—Коронація.—Освященіе церкви..... 85

ГЛАВА VIII. Букарештъ.—Приготовленія къ войнѣ съ венграми.—Затруднительное положеніе патріарха.—Архидіаконъ Павелъ отвозитъ кладь въ Галацъ..... 90

ГЛАВА IX. Валахія.—Возвращеніе архидіакона изъ Галаца и новая его поѣздка для собиранія долговъ.—Свиданіе его съ господаремъ у Плоешти.—Препирательство съ вестіаріемъ.—Заговоръ вестіарія.—Умерщвленіе его и нѣкоторыхъ другихъ бояръ.—Возвращеніе архидіакона въ Букарештъ.—Отъѣздъ патріарха въ Галацъ.—Слободзея..... 95

ГЛАВА X. Галацъ.—Продолжительная остановка за неимѣніемъ судовъ.—Свѣдѣнія о ходѣ войны съ венграми..... 100

ГЛАВА XI. Галацъ.—Наемъ судна патріархомъ и отплытіе его изъ Галаца.—Рени.—Исмаилъ..... 103

ГЛАВА XII. Отъ Исмаила до Киліи.—Способъ рыбной ловли.—Торговля осетромъ и икрою.—Выходъ въ Черное море..... 106

КНИГА XV.

Черное море, Малая Азія, Сирія.

ГЛАВА I. Отъ устья Дуная до Синопа.—Каварна, Варна, Сизеболи, Гераклея, Амастрисъ, Инеболи..... 110

ГЛАВА II. Синопъ.—Описаніе города и церквей.—Мѣстные обычаи.... 115

ГЛАВА III. Синопъ.—Извѣстія о событіяхъ въ Сиріи.—Битва Муртезы-паши съ Хасаномъ-пашою.—Осада Алеппо Сеидъ-Ахметомъ-пашою и неудачная попытка Хасана-паши овладѣть этимъ городомъ.—Отъѣздъ изъ Синопа.—Самунъ.—Прибытіе въ Эносъ..... 119

ГЛАВА IV. Описаніе Эноса.—Занятіе его жителей.—Городъ Аргости... 123

ГЛАВА V. Описаніе Неокесаріи.—Деревня Омала.—Комана.—Токатъ.. 127

ГЛАВА VI. Описаніе Токата.—Паолосъ.—Сивасъ.—Казнь Хасана-паши въ Алеппо и истребленіе его сторонниковъ..... 131

ГЛАВА VII. Отъѣздъ изъ Сиваса.—Улашъ.—Кангалъ.—Эльмагаиръ.—Описаніе города Дерендэ..... 135

ГЛАВА VIII. Городъ Альбистанъ.—Опасная переправа черезъ рѣку Джиханъ.—Мѣсто поклоненія Сурбъ-Карапетъ.—Зейтунъ..... 137

ГЛАВА IX. Марашъ.—Османъ-Дада.—Бурджъ.—Митрофанъ, митрополитъ Алеппскій.—Прибытіе въ Келизъ..... 141

ГЛАВА X. Торжественный въѣздъ въ Алеппо.—Поведеніе митрополита Эмесскаго.—Прибытіе митрополитовъ..... 145

ГЛАВА XI. Отъѣздъ въ Хаму.—Прибытіе въ Дамаскъ.—Перестройка патріаршаго дома..... 148

Стр.

ГЛАВА XII. Перестройка патріаршаго хана въ Дамаскѣ.—Смерть митрополита Алеппскаго.—Постройка диванъ-хане въ Алеппо..... 152
ГЛАВА XIII. Приготовленіе св. мура.—Шесть отдѣльныхъ варокъ.. .. 155
ГЛАВА XIV. Освященіе мура. — Сооруженіе новаго амвона. — Касыда Ибн-уд-Диба..... 159
ГЛАВА XV. Синодъ для суда надъ митрополитомъ Эмесскимъ. — Отлученіе и смерть его..... 164
ГЛАВА XVI. Патріархъ объѣзжаетъ свою епархію.—Чрезвычайная дороговизна жизненныхъ припасовъ.—Новая перепись въ Дамаскѣ для харача... 166
ГЛАВА XVII. Назначеніе сына визиря великимъ визиремъ.—Упорядоченіе различныхъ церковныхъ дѣлъ архидіакономъ.—Прибытіе его въ Алеппо къ патріарху..... 170

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ исторіи Антіохійскихъ патріарховъ..... 177
Арабская рукопись путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію..... 198
Указатель личныхъ и географическихъ именъ..... 208

ADDENDA ET CORRIGENDA.

КЪ I-му ВЫПУСКУ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
VII	16 сн.	*и патріархъ Никонъ*	*и патріархъ Никонъ*,
1	15 св.	Альпроксъ	*Примѣчаніе.* Въ англійскомъ переводѣ: Аль-Протосъ.
2	12 »	славной	опасной
»	11 сн.	Константина, золотыхъ дѣлъ мастера,	Константина Ас-Саигъ (золотыхъ дѣлъ мастеръ),
7	5 »	1,38 ф.	$6^1/_4$ ф.
10	13 св.	(Беледжикъ?).	(Базарджикъ).
»	18 »	*Акъ-Бейикъ*,	Акъ-Бюикъ,
»	17 сн.	(Базарджикъ)	*выбросить*
15	13 »	Капу-Кяхіями	капу-кіайями
16	20 »	священосцами,	свѣщеносцами,
18	9 св.	простосингела	протосингела
26	20 сн.	Капу-Кяхіемъ	капу-кіайей
28	2 »	(суконные ряды)	(полотняные ряды)
38	3 »	прозвищс	прозвище
42	17 »	кои всѣ съ горбами,	кои всѣ съ двумя горбами,
44	13 »	Аѳанасію	патріарху Константинопольскому Аѳанасію
47	16 »	и лазурью, гдѣ представленъ Моисей,	и лазурью; изображенъ Моисей,
»	4 »	Снаружи надъ дверьми	Снаружи
49	8 св.	для исчисленія	для исчисленія и полученія
»	6 сн.	вышли священники	вышелъ священникъ
51	17 св.	одно обширное пространство	одинъ нефъ
56	4 сн.		
»	2 св.	Папа Теодоси,	отецъ Ѳеодосій,
»	1 сн.	въ Малой Азіи.	въ верхней Сиріи.
57	12, 13 сн.	дверные столбы,	косяки,
65	1 св.	поліелей,	поліелей (паникадило),
»	14 сн.	монастыря	монастыря, его келліи, разныя помѣщенія
72	20 »	*бениса*,	*бениса* (пивница?),
74	5, 6 сн.	изъ пахучаго растенія,	изъ базилика,
77	15 сн.	валашокой	валашской
89	15 св.	«Іоано»	*Прим.* См. объясненіе этого титула у Палаузова: «Румынскія господарства», стр. 93.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
104	17 »	въ дрянной одеждѣ изъ фланели.	въ дрянной, рваной одеждѣ.
106	5 сн.	свѣтложелтомъ	свѣтлорыжемъ
107	5 св.	съ капиджи-пашей	съ капиджи-баши
»	16 сн.	и казакамъ.	и казакамъ, врагамъ своимъ.
108	12 св.	но	но и для того,
111	17 »	золотистожелтаго цвѣта,	*полиставрія* (крестчатую),
»	13 сн.	(Нѣмцевъ)	(Австріи)
112	3 »	его	его
120	5 »	шатыровъ	шатыровъ (скороходовъ)
138	16 св.	мѣстѣ.	мѣстѣ въ церкви.
144	9 сн.	Потому	Потомъ
146	11 св.	надъ г -	надъ гос-
»	16 сн.	за новую казну	*Примѣчаніе.* Т. е. ежегодную дань, которую платило княжество туркамъ.
148	20 »	возобновилъ ему жалованье.	возвратилъ ему должность,
149	17 св.	Въ это время	Къ этому времени
150	2 сн.	(наведенное) чистымъ золотомъ.	на фонѣ изъ чистаго золота.
151	2 »	среди горъ и лѣсовъ.	на горѣ въ лѣсу,
152	2 св.	(Филипешти),	(Филитешти),
»	13, 14 св.	изумленіемъ	изумленіемъ,
153	16 сн.	*Миджаштъ.*	*Миджаштъ* (Минзатешти?).
»	14 »	*Браиджа,*	*Браиджа* (Бравичи),
154	4, 5 сн.	(Сороки),	(Сырково),

КО 2-му ВЫПУСКУ.

8	11 сн.	имъ (казакамъ?)	себѣ
»	12, 13 сн.	хотя противъ братьевъ собралось множество войска.	и собралось вокругъ братьевъ множество войска изъ казаковъ.
9	7 св.	и овладѣли тѣмъ, что захватили у нихъ братья,	и захватили у нихъ все, что могли,
»	16 св.	въ сторонѣ Молдавіи,	около Молдавіи,
»	23, 24, 25 св.	и послѣдніе отдали имъ крѣпость Хотинъ... но наложили на нихъ	и первые отдали туркамъ крѣпость Хотинъ... а эти наложили на нихъ
10	8, 9 св.	и поревновать ему	и вступиться за него
11	10, 11 сн.	и надѣлали знаменъ по числу своихъ коней,	и надѣлали себѣ знаменъ по числу своему,
12	17 св.	великую гордыню и упрямство.	вслѣдствіе ихъ великой гордыни и несогласій между собою.
»	19 сн.	были покинуты безъ помощи;	потерпѣли пораженіе;
»	3, 4 сн.	увлеклись жадностью и отдѣлились отъ Хмеля,	охладѣли къ Хмелю и покинули его,
16	17, 18 св.	въ каждой преградѣ сдѣланъ шлюзъ для собиранія рыбы	чрезъ небольшіе промежутки устроены запруды для скопленія рыбъ
17	15 сн.	створѣ,	косякѣ,

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
20	5 св.	семидесяти, восьмидесяти	80 или 90
»	20 сн.	засыхаетъ и служитъ топливомъ,	вянетъ и засыхаетъ,
24	20 сн.	ради его изобилія;	ради благословенія;
»	4 »	монастырь,	монастырь во имя св. Георгія,
25	15 »	двадцать тысячъ	двѣнадцать тысячъ
27	2, 3, 4 св.	видно.... всѣхъ, кто направляется сюда изъ разныхъ мѣстъ и по разнымъ дорогамъ.	видно... мѣста и дороги, куда онъ думаетъ направиться.
30	9 сн.	орловъ,	хищныхъ звѣрей,
31	4, 5 сн.	не болѣе;	т. е. нечетъ;
32	7 св.	домовъ.	домовъ въ долинѣ.
34	9, 10 св.	но въ изобиліи надѣленъ дарами счастія:	но еще бодръ;
35	9 св.	и съ инымъ	и иное
37	5, 6 св.	(нѣтъ настоящей вражды кромѣ вражды религіозной),	(нѣтъ вражды сильнѣе религіозной),
46	10 св.	*ижристъ* (крыжовникъ?),	*ижристъ* (агрестъ, крыжовникъ),
48	16 »	выше его	выше свода
51	2 »	кdасиво;	красиво;
53	11 »	Насъ водили въ сады архимандрита,	Архимандритъ водилъ насъ въ свои сады,
»	21 »	питомниковъ	грядъ
»	2 сн.	[1] Вѣроятно, крыжовникъ.	[1] Агрестъ, крыжовникъ.
57	1 св.	въ коихъ дотолѣ обитало	въ коихъ доселѣ обитаетъ
58	8, 9 сн.	окруженный кандиловозжигателями.	а около него стояла кандиловозжигательница.
59	16 сн.	ученыя изслѣдованія	отвлеченные сюжеты
61	20—23 св.	мальчиками, голосомъ, хватающимъ за душу.... этого дня.	мальчиками. Это трогательное пѣніе продолжалось въ теченіе всей всенощной и обѣдни слѣдующаго дня и совершалось по нотамъ.
72	22 св.	корабли	красивые корабли
»	6 сн.	пріѣхалъ въ экипажѣ пригласить къ себѣ нашего владыку патріарха.	пригласилъ нашего владыку патріарха, прислалъ за нимъ экипажъ.
73	1 св.		
75	6 сн.	привозныхъ	алеппскихъ
78	4, 5 св.	олень, въ рогахъ котораго Христосъ,	а въ рогахъ оленя Христосъ,
79	8 св.	свѣжими	полевыми
»	1, 2 сн.	года, и потому	года. Поэтому
83	5 св.	*Батфуди,*	*Батфуди* (Поддубовка?),
90	6, 7 сн.	кадилъ съ обѣихъ сторонъ,	*Прим.* Вѣроятно ошибка. Нужно думать, судя по современному порядку, что каждый дьяконъ кадилъ съ одной стороны.
91	4 св.	соленья парами,	солонки попарно,
»	16, 17 сн.	священникъ и іеромонахъ	священники и іеромонахи
92	7 сн.	часть	чаша

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
97	11, 12, 13 сн.	Если кто-нибудь... то его	Только тотъ, кого постигъ гнѣвъ Милосерднаго, попадался ѣдущимъ по тѣмъ улицамъ (по которымъ мы проходили): его
101	20 св.	вмѣстѣ съ преступниками,	съ конвоемъ, сопровождающимъ преступниковъ,
104	11 сн.	иконостасъ;	*Прим.* Мы оставляемъ безъ перевода это слово, употребленное въ подлинникѣ (гдѣ оно написано арабскими буквами); но въ этомъ и подобныхъ мѣстахъ оно, очевидно, значитъ: кіотъ, божница.
106	9 св.	рѣдко вызрѣваетъ.	дорогъ.
110	8 »	поражало,	умиляло,
119	16 сн.	(Ходѣйкова?).	(Емадыкино).
119	7 »	совершенно ровныхъ,	одинаковой высоты,
121	19 св.	(Прудки).	(Прудки?).
126	2 »	гумнъ для молотьбы,	молотилокъ,
127	16 »	стремена	дуги
»	20 »	а также	а также рѣшета,
»	5 сн.	вечера	жизнь
128	1 св.		
»	2 »	мрачны	мрачна
»	7 »	спасаться.	на помощь.
129	10, 11, 12 св.	на полахъ. Волосы... въ годъ. Ихъ волосы... длинѣ.	на полахъ. Они симпатичны и весьма стройны. Волосы... въ годъ.
130	14 сн.	приподнятый куполъ	*Прим.* Т. е. глава на трибунѣ.
131	11 св.	но остается совершенно спокойною.	такъ что кузнецъ не подвергается никакой опасности.
135	19 сн.	оплакать себя по причинѣ усталости.	придти въ себя отъ усталости,
150	8, 9 сн.	и надзора.	и для надзора.
152	18 сн.	судья	уполномоченный
154	1, 2 св.	принятыхъ у нихъ (въ книгахъ) выраженій.	вкравшихся у нихъ (въ книги) ошибокъ.
155	19 св.	воеводы	воевода
»	16 сн.	и мы пойдемъ	и пойдетъ
159	9 св.	волненіе,	умиленіе,
160	4 »	тайно	про себя
»	17 »	съ малыми.	съ малыми, что служитъ знакомъ, что пора войти въ церковь.
162	2, 3, 4, 5 св.	При ектеніи дьякона или священника отворяютъ.... остаются замкнутыми.	*Прим.* Если сдѣлать въ текстѣ небольшое исправленіе, выпустивъ союзъ «или», то мѣсто это слѣдуетъ передать такъ: При (возглашеніи) ектеніи дьякономъ, священники отворяютъ и пр.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
162	6 св.	священникъ	священники
163	24, 25 св.	престоломъ... поклоны.	престоломъ, цѣловалъ его и дѣлалъ поклонъ въ сторону священника. *Прим.* Предполагая ошибку въ арабскомъ текстѣ, дѣлаемъ небольшое исправленіе.
172	20 сн.	*бейликъ*,	*бѣлюкъ* (роту),
»	2, 3 сн.	чтобы прогнать отъ себя грусть и великій страхъ.	и усились нашъ страхъ и наша боязнь.
174	17, 18 сн.	какъ дѣлаемъ это мы... священниковъ.	какъ дѣлается у насъ, гдѣ сердятся на церковь и на священниковъ.
»	6 сн.	разбитыхъ	разбитыхъ сердцемъ.

КЪ 3-му ВЫПУСКУ.

2	20 сн.	обогащенными	съ успѣхомъ
»	10, 11, 12 сн.	для насъ же и служителей... съ опьяняющимъ хмелемъ.	для насъ же доставлялся еженедѣльно большой боченокъ меда, а для служителей квасъ, т. е. напитокъ изъ вареной ржи и варенаго ячменя съ опьяняющимъ хмелемъ.
4	2 сн.	для украшенія,	для украшенія, львы,
10	2 »	особый сортъ ихъ.	«корзина».
13	4 св.	Маріи	Марѳы
»	11 »	такихъ большихъ приготовленій	такой сортировки
23	20 »	къ иконостасу,	къ *иконостасу* (кіоту),
25	6 сн.	кубка	кубка вина
26	12 св.	матарджи (?),	мутараджи,
27	21 сн.	За правосудіе и справедливость	Достойно и справедливо
29	15 св.	по благости всевышняго Бога, царь	всевышній Богъ смиловался надъ нами—царь
40	12 сн.	(дьяконы)	*выбросить*
43	6 св.	Второго Пришествія.	Страшнаго Суда.
47	17 »	Никонъ издалъ царскій указъ	Никону былъ данъ царскій указъ
54	8 »	*шахшійе*	*уахшійе.*
55	12, 13 св.	далеки отъ гуманности	не имѣютъ облика человѣческаго
60	17 сн.	спаги[3],	спаги[3], *мутафаррика* (лейбъ-гвардія),
67	20 »	золотой канители.	парчи.
72	5 св.	возжи,	длинныя возжи,
74	9, 10 св.	и обратно,	и шесть лѣтъ обратно,

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
90 91	2 св. 13 »	господинъ	злополучный
96	7, 8, 9 св.	сокрушилъ ихъ. То, что мы... главы.	сокрушилъ ихъ. Но достаточно того, что мы сообщили. Окончимъ теперь начатую нами главу.
97	7, 8 сн.	одна квадратная пядень.	болѣе одной квадратной пядени.
99	21 сн.	воиновъ	войны
100	12, 13 св.	четырнадцать пудовъ,	двадцать четыре пуда,
»	20 сн.	золотомъ.	золотымъ фономъ.
105	16, 17 св.	они все ниже достоинствомъ.	они все меньше и меньше.
119	6 св.	царь въ церкви же написалъ собственноручно	*Прим.* Любопытное указаніе, въ виду того, что нѣкоторые отрицаютъ умѣнье царя Алексѣя Михайловича писать.
127	13 сн.	большой	украшенный рѣзьбой
133	4, 5 св.	мало между ними... духовенства,	мало между ними доносчиковъ,
»	6 св.	намъ.	намъ. Да помилуетъ Богъ ихъ и насъ и да избавитъ отъ мученій адскаго огня!
142	15 сн.	царь,	царь
145	7 св.	Максиминомъ	Максиміаномъ
151	13, 14 сн.	хану‘ венгерскому королю и... валашскому,	хану, венгерскому королю, господарямъ молдавскому и валашскому и силистрійскому пашѣ,
152	17 св.	демонамъ,	гигантамъ,
»	12, 13 сн.	изъ ляховъ; подъ греческимъ знаменемъ... на его жалованьи.	изъ ляховъ и греческій отрядъ, который иногда доходитъ до 400 человѣкъ.
154	19 св.	варятъ съ водой,	болтаютъ съ водой,
155	7, 8 сн.	на исходѣ времени.	при кончинѣ міра.
157	15, 16 »	безъ пощады и помилованія,	не принимая ничьего ходатайства и не милуя,
161	11 сн.	области,	страны,
162	15 св.	злополучными	преступными
170	1 »	Нашъ	Позднимъ утромъ нашъ
184	7 »	разъ.	разъ, полегче.
»	15 сн.	патріарху,	патріарху, и окадилъ его,

КЪ 4-му ВЫПУСКУ.

67	6 св.	(Шлина?)	*выбросить.*
»	19 сн.	святителя Николая,	*Прим.* Липинскій мон., въ низовьѣ р. Мсты.

КЪ 5-му ВЫПУСКУ [1]).

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
20	17, 18 сн.	а въ четвертыхъ—крѣпость изъ камня.	а четвертая — каменная крѣпость.
25	10 сн.	раба.	негра.
»	4 »	такіе покои,	такія живописныя мѣста,
»	3 »	отъ болѣзни,	больного.
26	18, 19 св.	странникъ,... и который	странникъ. Рядомъ съ церковью кельи. Онъ
27	17, 18 сн.	не нашелъ тамъ	не нашелъ другого
28	11 св.	внутренній смыслъ рѣчи	самыя замысловатыя выраженія
51	12 сн.	отцами	отцомъ
59	7 »	современника Петра воеводы.	сообща съ Петромъ воеводой.
65	9, 10 св.	Съ большими трудами.... мы проѣхали.	Съ большими трудами владѣлецъ нарочно устроилъ для насъ дорогу, чтобы намъ проѣхать.
»	16, 17 сн.	Отсюда мы проѣхали въ большой монастырь,	Выѣхавъ изъ него, поѣхали назадъ и прибыли въ жилище и палаты его строителей, а отсюда проѣхали въ большой монастырь,
»	14 сн.	(Котрочени?)	(Калдурушанъ)
»	3 »	(Синайя?)	(Цнагогъ)
123	1 »	Германхъ-чай	Келкидъ или Гермилю-чай
127	» »		

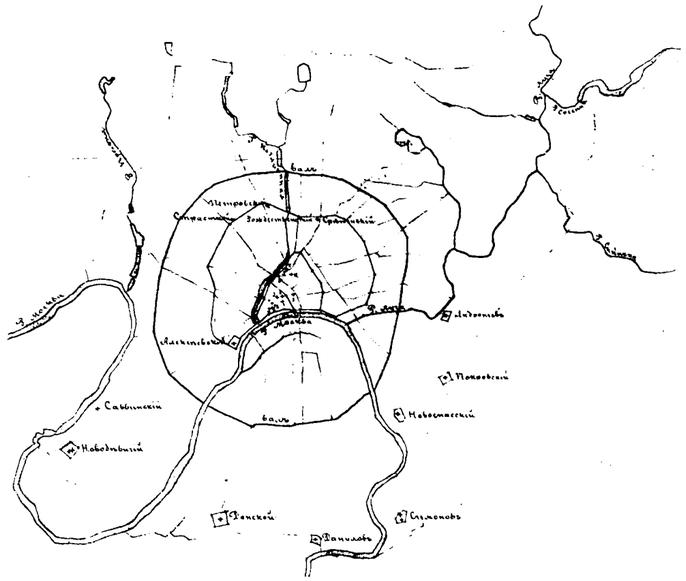
КЪ ИСТОРІИ АНТІОХІЙСКИХЪ ПАТРІАРХОВЪ.

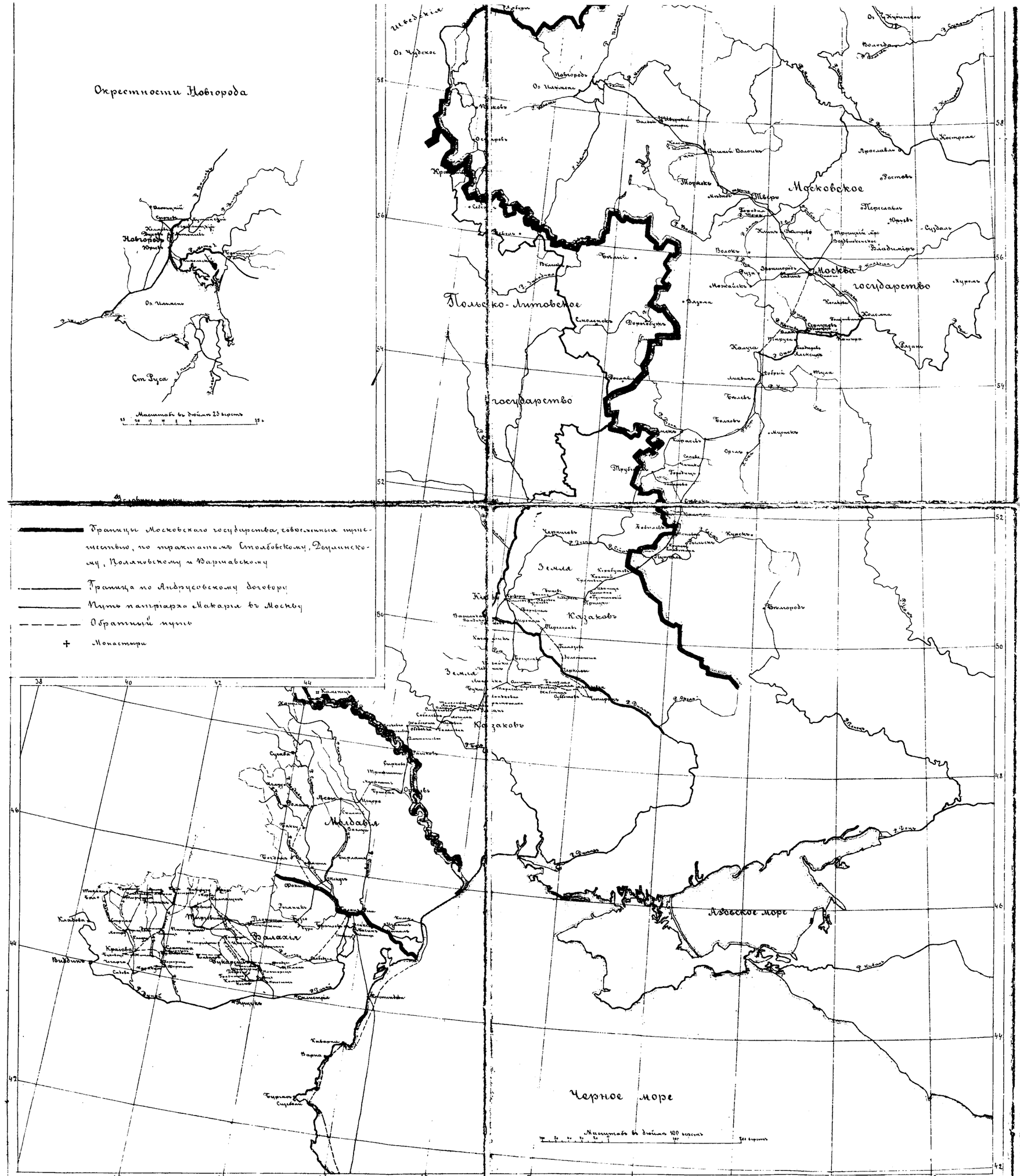
177	7, 8, 9 св.	Бельфура и вѣроятно... тому назадъ.	Оставлено по недосмотру, такъ какъ объ этомъ говорится подробнѣе въ слѣдующемъ приложеніи «Арабская рукопись».
180	17, 18, 19 сн.	начала и по неизвѣстной... опущеніе.	
182	17 сн.	Макарія и. нужно думать... рукописи	
»	14 »	ради его почета,	чтобы придать ему большее значеніе,
»	7 »	и владыка,	и мой владыка,
183	2 св.	касательно вышеупомянутыхъ причинъ и поводовъ.	относительно причины, вызвавшей это перепесеніе.
184	10 сн.	подавленность	плѣненіе
»	8 »	Всеобъемлющая,	Большой сборникъ,
»	3 »	книгъ церкви (патріаршей)	церковныхъ книгъ
190	13 »	испытывать перемѣны счастія	хлопотать и трудиться
»	2 »	на путь общеполезной	на общеполезный путь
192	12 »	повозкахъ.	повозкахъ, со своей свитой.

[1]) Исправленіемъ именъ монастырей и селеній румынскихъ въ этомъ выпускѣ мы обязаны А. И. Яцимирскому, которому приносимъ нашу благодарность.

Окрестности Новгорода

Москва

Малая Азія

